

РОССИЯ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

*Материалы
X Всероссийского конгресса
политологов РАПН
с международным участием*

Москва, 5–7 декабря 2024 г.

Российская ассоциация политической науки (РАПН)

Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России

Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

РОССИЯ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

**Материалы
X Всероссийского конгресса политологов РАПН
с международным участием**

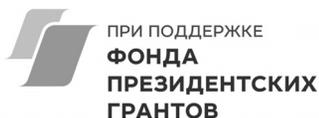
Под общей редакцией
*О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой,
Л.Н. Тимофеевой*

Москва, 5–7 декабря 2024 г.

РАПН, МГИМО МИД России, Финуниверситет при Правительстве РФ

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2024

УДК 327
ББК 66.4
Р76

X Всероссийской конгресс политологов с международным участием проводится с использованием средств Фонда президентских грантов, а также гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.)

При поддержке: Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Финансового университета при Правительстве РФ, научных журналов: «Политические исследования (Полис)», «Сравнительная политика», «Власть», «Политическая наука», «Политическая экспертиза. Политэксп», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология».

Оргкомитет конгресса:

Сопредседатели: Торкунов А.В., Прокофьев С.Е., Гаман-Голутвина О.В.

Заместитель председателя: Тимофеева Л.Н.

Члены Организационного комитета: Антюхова Е.А., Арапова Е.Я., Ильичева Л.Е.,

Казаринова Д.Б., Клемешев А.П., Копылова П.С., Лукушин В.А., Музашвили Д.З.,

Никитин А.И., Парма Р.В., Патрушев С.В., Помигуев И.А., Сардарян Г.Т.,

Симонов К.В., Соколов А.В., Соловьева Д.Д., Уткина М.Ф., Черняк М.А.,

Шестакова М.Н. (ответственный секретарь).

Программный комитет:

Председатель: Мчедлова М.М.

Заместитель председателя: Попова О.В.

Члены Программного комитета: Бродовская Е.В., Глухова А.В., Домбровская А.Ю.,

Козлова Н.Н., Кондратенко К.С., Лебедева М.М., Ледаев В.Г., Мирошниченко И.В.,

Морозова Е.В., Никовская Л.И., Овчарова О.Г., Пеньков В.Ф., Пляйс Я.А., Расторгуев С.В.,

Римский В.Л., Рябова Т.Б., Семененко И.С., Сморгунев Л.В., Соловьев А.И., Сучилина А.А.,

Фадеева Л.А., Чугров С.В., Шабров О.Ф., Шаповалов В.Л., Шатилов А.Б., Шестопад Е.Б.

Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития:

Р76 Материалы X Всероссийского конгресса РАПН с международным участием. Москва, МГИМО МИД России, Финуниверситет, 5–7 декабря 2024 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой, Л.Н. Тимофеевой. — М.: Аспект Пресс. — 752 с.

ISBN 978-5-7567-1356-5

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития». Для политологов, социологов, специалистов в области международных отношений и регионоведения, всех интересующихся современными политическими проблемами развития России и мира.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-7567-1356-5

© РАПН, 2024
© МГИМО МИД России, 2024
© Финуниверситет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	22
<i>Абазов Д.</i> Внешнеполитические приоритеты Грузии в современном полицентричном мире: существующие нарративы и акторы влияния	24
<i>Абрамс А.Л., Муращенко С.В.</i> Роль России в противостоянии финансовой политике США	25
<i>Авджу Х.</i> Институциональное обновление системы публичной дипломатии Турции	26
<i>Авдонин В.С.</i> Единая теория роста: политико-институциональный аспект	27
<i>Авзалова Э.И.</i> Онлайн-петиции как инструмент влияния граждан на принятие политических и управленческих решений	28
<i>Авцинова Г.И.</i> Баланс интересов власти, бизнеса, общества в России в контексте государственной политики цифровизации: вектор и направления реализации	29
<i>Агабекян Р.К., Сизоненко А.Ю.</i> Семейная политика в регионах РФ: анализ цифровых профилей органов власти Краснодарского края, Тверской области и города федерального значения Москвы	30
<i>Агазаде М.М.</i> «Турецкий полумесяц» на перекрестке трех континентов: основная характеристика	31
<i>Акопова Т.С.</i> Цифровизация избирательного процесса: новые вызовы	32
<i>Аласания К.Ю., Моцелков Е.Н.</i> Аксиологические аспекты цивилизационной войны	33
<i>Албаков А.Ш.</i> Исламский экстремизм: реальность или вымысел?	34
<i>Алейников А.В., Мальцева Д.А.</i> Риск-менеджеральный подход в структуре стратегического политического управления.	35
<i>Алексеев Д.В.</i> Политическое в массовом кино: способ развлечения vs инструмент воспитания	36
<i>Алексеева Л.В.</i> Интерактивные образовательные технологии как фактор формирования политической грамотности старшеклассников	37
<i>Алексеева Т.А.</i> Промежуточность конструктивизма как мета-теории	38
<i>Андерс В.</i> Применение одностороннего санкционного влияния в рамках современной мировой политики.	39
<i>Андреевкова А.В., Андреевков В.Г.</i> Отношение к России, США и Китаю в разных странах мира — стабильность и изменчивость общественных внешнеполитических установок	40
<i>Андреевкова А.В., Иванова С.В., Семенова М.С.</i> Политический жизненный путь — концепция, методы, проблемы	41
<i>Аникин Д.А.</i> Историческая справедливость как элемент политической риторики: вызовы для России	42
<i>Апанович М.Ю.</i> Признаки системности миграционных процессов на пространстве ЕАЭС: анализ исторической ретроспективы и потенциала развития	43
<i>Артамонова У.З.</i> Концепция «репутационной безопасности» в публичной дипломатии США после 2022 г.	44
<i>Артеев С.П.</i> Российская диаспора-2024: электоральное измерение	45
<i>Арутюнов А.Г.</i> Информационно-цифровые угрозы для регионов России и Беларуси: межрегиональный ответ	46
<i>Асеев С.Ю.</i> Приоритетные формы включенности учащейся молодежи в реализацию государственной молодежной политики (кейсы Алтайского края и Республики Алтай)	47
<i>Асонов Н.В.</i> Цивилизационный аспект ценностного осмысления политических идеологий и режимов России	48
<i>Аствацатурова М.А.</i> Субъективирование этнической идентичности в новых полицентричных политических конфигурациях	49
<i>Атаманенко А.А.</i> Визуальные образы будущего в произведениях комикс-культуры: возможности для проекции в молодежной среде	51
<i>Ачкасов В.А.</i> «Секьюритизация исторической памяти»: взгляд исследователей «Копенгагенской школы теории международных отношений»	52
<i>Ачкасова В.А.</i> Контрпропагандистский дискурс как предмет исследования: новый коммуникативный статус.	53
<i>Ашмарина А.А.</i> Формирование комфортной городской среды для иммигрантов в России: тенденции и перспективы	54
<i>Аюпова Ю.А.</i> Политическая реклама как комплексный институт политической коммуникации	55
<i>Бабаджанян П.А., Соколов А.В.</i> Ценностные ориентации молодежи в политической коммуникации	57
<i>Бабаджанян П.А., Фролов А.А.</i> Предпосылки цифровой миграции российских блогеров на отечественные платформы	58
<i>Бабеева А.Э.</i> Особенности формирования и проявления гражданской позиции молодежи в современной России.	59

<i>Балакина Ю.В., Радина Н.К.</i> Психологические и лингвистические технологии успеха в политическом контенте пользователей социального медиа «ТикТок»	60
<i>Балко М.В.</i> Творчество донбасских публицистов в литературном пространстве Крыма (на материале литературно-художественного журнала «Белая скала»)	61
<i>Балобанов А.Е.</i> Право и политика: подходы к пониманию взаимоотношений	62
<i>Барандова Т.Л.</i> Цифровая трансформация в странах БРИКС+: государства-платформы и использование искусственного интеллекта в сфере социальной политики.	63
<i>Баранов А.В.</i> Политическая ресоциализация интеллигенции Донбасса (по материалам экспертного опроса преподавателей вузов)	64
<i>Баранов Н.А.</i> Новации в государственной электоральной политике: опыт России	65
<i>Баскакова Т.В.</i> Политическая социализация школьников в цифровой среде	66
<i>Батанина И.А., Лаврикова А.А., Шумилова О.Е.</i> Образ будущего России: проблемы формирования в условиях неопределенности	67
<i>Бахмаков И.С.</i> Проявления и модели политического неотрадиционализма в современном мире	68
<i>Беденкова А.С.</i> Политические аспекты реструктуризации современного государства в условиях становления социотехнической реальности	69
<i>Безбородов М.И.</i> Государственно-конфессиональные отношения в Арктической зоне России (на примере Республики Карелия)	70
<i>Белов С.И.</i> Роль видеоигр в формировании представлений о будущем в молодежной среде	71
<i>Белов С.И., Горобец В.В.</i> Как политологи изучают видеоигры	72
<i>Беловолова Е.Е.</i> Влияние цифровизации на политическую социализацию школьников.	73
<i>Белоус Ю.А.</i> Фактор общественного мнения в формировании санкционной политики ЕС в отношении РФ (на примере Испании)	74
<i>Берендеев М.В.</i> «Геополитика геобренда Калининградской области 2.0»: новые треки и коммуникативные форматы	75
<i>Берлов А.А.</i> Разделение властей в дискуссиях о реформе регламента Верховного Совета России в 1992–1993 гг.	76
<i>Беспалов С.В.</i> Государственная власть и военно-промышленный комплекс: модели взаимодействия	77
<i>Бирагова Б.М.</i> «Символическая политика» России на Северном Кавказе: политологический анализ	78
<i>Бирючева Е.И.</i> Имидж губернаторов современной России в цифровом пространстве (на примере регионов с режимом среднего уровня реагирования)	79
<i>Биссон Л.С.</i> Свобода передвижения работников в ЕАЭС: взаимосвязь миграции и человеческого капитала.	81
<i>Близнецкая Е.А.</i> Между физикой и финансами: сложные вопросы осуществления глобальной цели по адаптации к изменению климата	82
<i>Блинов В.В.</i> Верховенство обязанностей над правами как основа цивилизационного своеобразия России.	83
<i>Богданов А.В.</i> Особенности влияния медиапрактик на формирование ценностных основ политического сознания современной российской молодежи	84
<i>Богин С.В.</i> Неотроцкизм в прогрессивной демократической среде Соединенных Штатов Америки	85
<i>Бокерия С.</i> Миротворчество в Африке: особенности и специфика	86
<i>Болгов Р.В.</i> Концепция сводной базы библиографической информации по электронному участию	87
<i>Болдин В.А.</i> Традиционные аксиологические константы российской государственности и их современные интерпретации.	88
<i>Большаков С.Н.</i> Политическая коммуникация как фактор демократии и управления проблемами	89
<i>Большаков А.Г.</i> Альтернативное миротворчество как фактор политического объединения стран БРИКС: кейс украинского кризиса	90
<i>Бориско О.А.</i> Потенциал молодежи как ресурс политики развития сельских территорий.	91
<i>Борисов Н.А., Лабутина П.В.</i> Политические режимы личной власти: опыт постсоветских государств.	92
<i>Борисова Н.В.</i> Движения за самоопределение в странах Латинской Америки: к вопросу о факторах вариативности требований	93
<i>Боришполец К.П.</i> Диалектика текущего момента в изучении мирополитических процессов	94
<i>Бородич В.Ф.</i> Режим персоналистской автократии Си Цзиньпина — гарант развития страны?	95
<i>Бочанов М.А.</i> Социальный скоринг: будущее государства или утопия?	96
<i>Боюн А.Б.</i> Социально-сетевой анализ внешнеполитических <i>Telegram</i> -каналов России и США на постсоветском пространстве.	97
<i>Брайнес А.А.</i> Молодежь в фокусе государственной политики: трансформация приоритетов	98
<i>Брега А.В.</i> Исследования политических сетей: потребность в концептуальном анализе.	99
<i>Бродовская Е.В.</i> Реинтеграция жителей ДНР и ЛНР в социокультурное пространство Российской Федерации: ценности, идентичности, образы большой Родины	100

<i>Бубнов А.Ю.</i> Военные «мифы основания» в контексте исторической политики.	101
<i>Бугайчук Т.В.</i> Гражданское самоопределение личности в современной России: условия развития	102
<i>Будко Д.А.</i> Фэнтези и политика: массовая культура и политические нарративы	103
<i>Букин О.А.</i> Роль традиционных религий в укреплении ценностного пространства России	104
<i>Бумагина Ю.Ю.</i> Русофобия как угроза национальной безопасности России в контексте «цветных революций»	105
<i>Бурлинова Н.В.</i> Трансформация «острой силы» США и российские возможности ей противодействовать	106
<i>Бурляй Я.А.</i> Актуальные направления реализации гуманитарной политики России в Латинской Америке: публичная дипломатия и социальные сети.	107
<i>Бутина А.В.</i> Медиапотребление российской молодежи как фактор политической социализации	108
<i>Бушуева А.К., Шашкова Я.Ю.</i> Особенности государственной молодежной политики как инструмента формирования молодежного политического лидерства.	109
<i>Быков И.А.</i> Политика цифрового суверенитета в Европейском союзе: миф или реальность?	110
<i>Вантеевский М.М.</i> Дистопический образ будущего в современной российской литературе: глобальная тенденция или краткосрочный тренд	112
<i>Ватиль В.Н.</i> Институт президентства как гарант устойчивого государственного развития Республики Беларусь в условиях глобальных геополитических и технологических вызовов и угроз.	113
<i>Вафин А.М.</i> Цифровизация как новая идеология	114
<i>Вербицкая Т.В.</i> Воспитание экономического патриотизма в Российской Федерации как политический инструмент.	115
<i>Веремеев Н.Ю.</i> Суверенитет и народовластие в современных условиях	116
<i>Веремеенко В.С.</i> Проблема эффективности современных подходов к обеспечению международной безопасности в мировой политике	117
<i>Веретевская А.В.</i> Создание «интегрирующей среды» как императив интеграционной политики государства в России и в мире	118
<i>Верниченко М.А.</i> О цикличности в российском модернизационном процессе	119
<i>Видясов Е.Ю., Слав Ю.Э., Чугунов А.В.</i> Развитие цифровых экосистем и проблемы взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных проектов и программ	120
<i>Вилисов М.В.</i> Восприятие российских электоральных процессов аналитическими центрами и экспертным сообществом европейских стран (кейсы Германии и Италии)	122
<i>Виноградова И.М.</i> Искусственный интеллект в деятельности российских политических партий	123
<i>Виноградова Н.С.</i> Влияние СВО на восприятие России студенческой молодежью: политико-психологический аспект	124
<i>Внукова Л.Б.</i> Сравнительный анализ отношения жителей Донбасса к историческим событиям (на материалах онлайн-анкетирования)	125
<i>Возмитель И.А.</i> Двусоставная украинская цивилизация	126
<i>Волгин О.С.</i> О возможных социальных последствиях цифровой революции.	127
<i>Волков В.В.</i> Основные принципы формирования политического просвещения и политического образования в странах Азии и Европы.	128
<i>Волкова А.Е.</i> Особенности процессов трансэтнических переходов в ходе нациестроительства новых государств постсоветского пространства.	129
<i>Воржецов А.Г.</i> Концептуальные оценки постсоветской трансформации России	130
<i>Воробьев А.П.</i> Консерватизм в идеологическом дискурсе современной России	131
<i>Воронина Е.Ю.</i> Концепция «мягкой силы» в контексте нового мирового порядка: ограничения и проблемы	132
<i>Воронкова О.А.</i> Сетевой политический дискурс: субъектности, идентичности и особенности взаимодействия	133
<i>Выдрин О.В.</i> Реформирование двухуровневой системы местного самоуправления в России 2010-х — начала 2020-х гг.: опыт регионов	134
<i>Габайдулин Р.В.</i> Геймификация как метод формирования политической лояльности в цифровой среде	136
<i>Габриелян О.А., Гаспарян М.В.</i> Создание системы автоматизированного мониторинга присутствия образа героя в российском медиапространстве.	137
<i>Гаврилова М.В.</i> Особенности концептуализации власти в политических текстах.	138
<i>Гайдаев О.С.</i> О потенциале и ограничениях концепции неделимой безопасности.	139
<i>Гайнутдинова Л.А.</i> Гражданское общество как основа цивилизационного суверенитета страны	140
<i>Гацковская В.А.</i> Президентские выборы-2024 как фактор отношений России со странами Центральной и Восточной Европы	141

<i>Гашков В.О.</i> Влияние цифровой среды на формирование государственно-гражданской идентичности российской молодежи: ценности и перспективы политического участия.	142
<i>Герашенко С.А.</i> Дорожное картирование как инструмент управления современной образовательной системой	143
<i>Гладков А.К.</i> Идеиное многообразие и развитие политического знания в Западной Европе до начала Нового времени	144
<i>Глинчикова А.Г.</i> Отечественная интеллектуальная среда как фактор современной политики в условиях глобальной конкуренции	145
<i>Глухова А.В.</i> Правый популизм и угроза нормализации правоэкстремистского контента	146
<i>Гневашева В.А.</i> Рынок труда ЕАЭС: аспекты стратегического партнерства	147
<i>Гнедаш А.А.</i> Репрезентации патриотизма в социальных сетях: методология исследования	148
<i>Гоголева Е.Н.</i> Деятельность России в АТЭС как возможность конструирования нового мирового порядка	149
<i>Головин Ю.А.</i> Гражданская активность: факторы роста	150
<i>Головин М.С.</i> Демаргинализация праворадикальных политических партий в современной Европе: случай французского «Национального объединения»	152
<i>Гонцов К.В.</i> Государственная политика в условиях роста влияния фактора глобализации на стабильность социальной и политической системы.	153
<i>Горлов К.Н.</i> Образ будущего российских городов и вызовы идентичности: Мичуринск-наукоград в условиях полицентричного мира	154
<i>Горобец В.В.</i> Возможности использования современных видеоигр в качестве инструмента политического просвещения.	155
<i>Грабевник М.В.</i> Международная миграция и субнациональный регионализм: теоретический обзор.	156
<i>Грачев М.Н., Филатова О.Г.</i> Социальная результативность городских цифровых сервисов: два года исследований.	157
<i>Грачиков Е.Н.</i> Новый мировой порядок коллективного НеЗапада: глобальные инициативы Си Цзиньпина	158
<i>Гребенко Е.Д., Исаева Е.А.</i> Этические проблемы использования искусственного интеллекта в сфере государственного управления	159
<i>Грибанова Г.И.</i> Антарктическая политика России в контексте российско-китайского стратегического партнерства	160
<i>Григорьев Н.А.</i> Развитие институционального управления Дальневосточным регионом России.	161
<i>Григорьева М.В.</i> Образ будущего для российской молодежи: ценностные основания	162
<i>Грищенко Г.Д.</i> Патриотизм как ценность политической консолидации российского общества	163
<i>Гришин Н.В.</i> Конструирование идентичности российской молодежи в онлайн-пространстве: исследование современных российских ученых	165
<i>Громов В.И., Громова Т.Н.</i> Государственные коммуникационные кампании в энергетической отрасли: исторический опыт и современность	166
<i>Груничев М.М.</i> Искусственный интеллект и его перспективное использование в системе государственного управления	167
<i>Гудилина Е.Н.</i> Монументальная коммеморация в рамках символической политики: вопросы теории и практики	168
<i>Гузельбаева Г.Я.</i> Религия и ресоциализация: специфика гражданского общества в России	169
<i>Гуринович Д.Ф.</i> Геополитический ресурс расширения БРИКС+	170
<i>Гутенев М.Ю.</i> Научная дипломатия: исторические тенденции и современное значение	171
<i>Гуторов В.А.</i> Либеральный антиутопизм в контексте «политики страха»: политико-философские аспекты анализа	172
<i>Гюзалтан О.С.</i> Влияние нормализации политических отношений между Турцией и Египтом на многополярный процесс	173
<i>Давыдов П.М.</i> О методологических основах исследования GR-деятельности бизнес-организаций	174
<i>Давыдова М.А.</i> Сообщества в социальных медиа как источник ценностных установок современной российской молодежи.	175
<i>Данилова Н.М.</i> Проблемы формирования и реализации миграционной политики в регионах России	176
<i>Данилова Е.А.</i> Позиционирование ОПК РФ в условиях современных вызовов	177
<i>Девочкина А.С.</i> Ресурсный потенциал молодежной политики как «кузницы кадров» политических лидеров.	178
<i>Дегтярева Е.Б.</i> Социальные сети как инструмент когнитивных войн: деформация когнитивных способностей и стратегии манипуляции массовым сознанием.	179
<i>Денисов А.Е.</i> Справедливость и мораль в этнополитических процессах как основание публичной политики	180

<i>Дергунова Н.В.</i> Поиск модели здравоохранения. Что думают граждане?	181
<i>Дерендяева А.Д.</i> Идентичность отдельных локальных сообществ: особенности формирования в сельской среде (на примере казахов Алтая)	182
<i>Джантеева Д.С.</i> Открытые и латентные репрезентации этнической идентичности в электоральных коммуникативных стратегиях	183
<i>Джсгамдзе К.Б.</i> Влияние искусственного интеллекта (ИИ) на субъектность человека в политическом процессе	184
<i>Дибас О.А., Милокост Л.С.</i> Интеграционные процессы в сфере высшего образования ЛНР: вызовы и угрозы	185
<i>Дмитриева В.А.</i> Гуманитарное измерение сотрудничества БРИКС в качестве решения основных проблем объединения	186
<i>Дмитриева В.Д.</i> Идея университета и образовательная политика в дискурсах христианских конфессий	188
<i>Долженкова Е.</i> Этнический национализм на постсоветском пространстве — дискриминация русскоязычного этноса	189
<i>Домбровская А.Ю.</i> Солидарность и десолидаризация в потоках российских социальных медиа в 2023–2024 годах	190
<i>Донцев С.П.</i> Взаимодействие религиозных и государственных институтов на постсоветском пространстве: нормативный и институциональный аспекты	191
<i>Дрожжин Р.А.</i> Формирование исторической памяти посредством школьного музея и экскурсионной работы: реалии и перспективы	192
<i>Дубровин В.Ю.</i> Развитие идеи социального согласия в отечественной политической мысли эпохи Просвещения	193
<i>Дука А.В.</i> Элитная «алхимия»	194
<i>Дунамалян Н.А.</i> Политика идентичности Армении в современный период: де- или ремифологизация?	195
<i>Евгеньева Т. В.</i> Современные вызовы национально-государственной идентичности российской молодежи	197
<i>Евдокимов Н.А.</i> Выборы глав субъектов как проявление рутенизации политического процесса в регионах	198
<i>Егунов А.В.</i> Практики реализации курса «Основы российской государственности» на базе Кубанского государственного университета	199
<i>Емельянова Н.Н.</i> «Мягкая сила» Индии в оценках индийских экспертов	200
<i>Епархина О.В.</i> Тропофобные политические установки российского социума в условиях цифровизации	201
<i>Еремеев С.Г.</i> К вопросу о поиске государством стратегической стабильности	202
<i>Ерицян И.Н.</i> Угрозы и риски для южнокавказских де-факто государств постсоветского пространства в формирующемся новом мировом порядке	203
<i>Есеева Г.Н.</i> Миграционные процессы между Россией и Казахстаном в рамках ЕАЭС	204
<i>Есин В.В.</i> Культурный код современных русских эмигрантов в Европе	205
<i>Жаде З.А.</i> Северный Кавказ как объект макрорегиональной идентификации	206
<i>Железняков А.С.</i> Цивилизационная политология как научное направление	207
<i>Жельцев А.В.</i> Особенности международных отношений в Антарктиде и роль Российской Федерации в регионе	208
<i>Жильцов С.С.</i> Геополитическая ситуация в Черноморском регионе и интересы России	209
<i>Журавлев Д.А.</i> Четыре полюса современного мира	210
<i>Завершинский К.Ф.</i> «Политика времени» в теории и практике политических изменений	212
<i>Зазнаев О.И.</i> Новые цифровые формы коммуникации парламента и граждан: возможности и риски (зарубежный опыт)	213
<i>Зазян А.М.</i> Влияние технологий цифровизации и информационной мобильности российского общества на необходимость трансформации государственно-конфессиональной политики	214
<i>Заикин А.А.</i> Роль парламента в формировании внешнеполитической повестки современной России	215
<i>Зайцев С.Ю.</i> Взаимодействие государства и цифровых корпораций в сфере противодействия угрозам искусственного интеллекта	216
<i>Заяев Рустем И., Заяев Рамиль И.</i> Общественно-политические объединения России в системе публичного представительства интересов	217
<i>Заринова А.Р., Закиров А.Р.</i> Делиберативные институты как инструмент политической коммуникации в регионах Европы	218
<i>Занетти Д.</i> Традиционные социальные теории не способны объяснить функционирование нынешнего мира	219
<i>Заславская Н.Г.</i> Выборы в Европейский парламент как фактор его усиления в контексте институционального баланса Европейского союза	220
<i>Захарова Е.А.</i> Стратегические коммуникации и продвижение семейных ценностей в цифровой среде	221

<i>Зверев А.Л.</i> Специфика имиджевого позиционирования лидеров парламентских фракций в российском медийном интернет-пространстве.	222
<i>Зиневич О.В.</i> Обращение к традиции и социальный потенциал женщин России: возвращение в прошлое или новые возможности?	223
<i>Зинков Н.А.</i> Молодежные общественно-политические организации как институт профессиональной социализации	224
<i>Золотарев Ф.Е.</i> Сравнение подходов Венгрии и России к парадипломатии субнациональных акторов на основе программных документов	225
<i>Зорин В.А.</i> Политическое образование и политическое просвещение: теоретические рамки и перспективы исследования.	226
<i>Зрянин Д.С.</i> Формирование контуров сотрудничества стран—участниц БРИКС в сфере гражданской авиации	227
<i>Зубов В.В.</i> К вопросу об идейно-философских основах ценностного политического курса в Российской Федерации	228
<i>Зудин А.Ю.</i> Политические акторы 21 века: трансформация лидеров в странах Запада	229
<i>Зуляр Ю.А.</i> Насколько безальтернативен поворот России на Восток?	230
<i>Зуляр Р.Ю.</i> Миграция молодежи из Сибири на современном этапе	231
<i>Зюзина Е.Б.</i> Политическое просвещение российских школьников в контексте изменения концепции преподавания «Обществознания».	232
<i>Ибрагимов И.Д.</i> Ресурс религиозных организаций России в оптимизации суверенного российского общественно-политического тренда	234
<i>Иванов Д.Ю., Волков В.А.</i> Аналитический потенциал концепта «политическая картина мира».	235
<i>Иванов К.Е., Шашкова Я.Ю.</i> Динамика государственной молодежной политики в сфере патриотического воспитания молодежи в Алтайском крае в условиях СВО	236
<i>Игнатьева О.А.</i> Трансдуктивная логика связанного действия	237
<i>Игонин Д.И.</i> Эволюция государственной миграционной политики в условиях Республики Татарстан	238
<i>Ильин А.Ю.</i> Политологическое образование и политическое просвещение в регионах России (на примере Республики Карелия)	239
<i>Ильин М.В.</i> Парадигмальная дивергенция и конвенция политических наук: перспективы преодоления кризиса политического познания.	240
<i>Ильинова Н.А.</i> Медиадискурс в конструировании северокавказской макрорегиональной идентичности	241
<i>Ильичева Л.Е., Лапин А.В., Ильичев М.В.</i> Формирование базовой прогностической модели регионального и муниципального управления на основе агент-ориентированного подхода.	242
<i>Ильичева М.В., Шунина Т.Е.</i> Ценностные установки молодежи в образе будущего России: факторы формирования	244
<i>Илюшина А.А.</i> Значимость развития международного молодежного сотрудничества стран БРИКС в условиях мировой трансформации. Тенденции и перспективы.	245
<i>Июхим А.Н.</i> Проблема устойчивости макрополитической идентичности в цифровом пространстве	246
<i>Исаев Б.А.</i> Геополитическое давление: определение, структура, вычисление (на примере России).	247
<i>Исаева Е.А.</i> Социальное рейтингование как инструмент стимулирования правопослушного (позитивного) поведения на примере «Яндекс.такси»	248
<i>Исхакова З.З.</i> Суггестивно-экспрессивный потенциал политического дискурса в контексте лингвистической эпистемологической универсалии.	249
<i>Исхаков В.Б.</i> Многовекторность как доминанта внешней политики Казахстана в условиях мирового кризиса.	250
<i>Кавешников Н.Ю.</i> Зеленый переход как фактор трансформации социально-экономической модели (на примере Европейского союза)	252
<i>Казак О.Г.</i> Позиционирование культурных особенностей Западнополесского региона Беларуси в контексте возможной угрозы сепаратизма.	253
<i>Казачков А.А.</i> Влияние медиапрактик на политическую социализацию российской молодежи	254
<i>Казанцев Д.А.</i> Роль <i>Steam</i> и <i>YouTube</i> в политической социализации российской молодежи	255
<i>Казаринова Д.Б.</i> Коллективная травма и дискурс травмы: преодоление разломов и социальное сплочение	256
<i>Казбан Е.П.</i> Зарождение и развитие либерального дискурса в общественно-политической мысли России	257
<i>Казун А.Д.</i> Фейк — это то, что бывает с другими: представления россиян о наиболее уязвимых для фейковых новостей группах	258
<i>Калабаева В.П.</i> Вызов многослойности европейской стратегической культуры.	259
<i>Кандыба Р.А.</i> Правая повестка в российском партогенезе	260
<i>Каневский П.С.</i> Регулирование лоббизма на наднациональном уровне — кейс ООН	261

<i>Канушкин А.В.</i> Профсоюзы ФРГ перед лицом острых социально-политических проблем современности	262
<i>Каратуева Е.Н.</i> Зеленый национализм: от распада СССР к угрозе политической стабильности современной России	263
<i>Каргина И.Г.</i> Ключевые тренды динамики религиозной картографии современного мира: социальные и политические последствия	264
<i>Качусов Д.А.</i> Историческая справедливость в представлении молодых российских геймеров сообщества <i>Steam</i> : опыт интерпретативного подхода	265
<i>Кашин Е.А.</i> Цифровые технологии и концепция «Русского мира» как инструмент геополитической стратегии России	266
<i>Керимов А.А.</i> Потенциал БРИКС в формировании нового мирового порядка	267
<i>Кирдяшкин И.В.</i> Кочевая «сборка-конструирование» политического в современной политической социализации	268
<i>Киреева И.В.</i> Научная элита как актор формирования и развития макрорегиональной северокавказской идентичности	269
<i>Киричук Д.А.</i> Использование социальных медиа и информационных технологий в современной политике	270
<i>Кишаковская О.Г.</i> Влияние избирательной системы на политическое представительство в региональных legislatures ДФО	271
<i>Клещенко Л.Л.</i> Символика возраста в электоральном дискурсе в странах Латинской Америки (на примере Аргентины и Бразилии)	272
<i>Климов В.А.</i> «Интегрированный» подход к развитию про/пво в Европе: опыт применения	273
<i>Ковалёв В.А.</i> Контексты и концептуальные различия политической регионалистики в РФ	274
<i>Кожухова К.Е.</i> Политико-психологические основания внешнеполитической мотивации государств	275
<i>Козлова Н.Н., Рассадин С.В.</i> Политика фамилизма в официальных пабликах (на материалах Тверской области)	276
<i>Козьякова Н.С.</i> Политическая теология в современном мире	277
<i>Койчуман кызы Орозгул.</i> Взаимосвязь религии и политики в современном мире	278
<i>Колозов Д.П.</i> Практики консолидации молодежи в условиях геополитических вызовов: ценностные и политико-управленческие аспекты (по материалам Краснодарского края)	279
<i>Колотаев Ю.Ю.</i> Межэлитная дивергенция в многоуровневых политических системах на примере Европейского союза	280
<i>Колчин П.А.</i> Совершенствование миграционной политики в условиях формирования общероссийской гражданской идентичности	281
<i>Кольба Н.В.</i> Политико-коммуникативные инструменты снижения конфликтного потенциала при реализации инфраструктурных проектов	282
<i>Кольба А.И.</i> Конфликтность и солидарность городских и сельских сообществ как факторы реализации политики развития региона	283
<i>Колянов А.Ю.</i> Техносемиотика как политологический ресурс	284
<i>Комаров И.Д., Горбунова М.Л.</i> Ресурсность БРИКС в условиях трансформации мирового порядка	285
<i>Комбаев А.В.</i> Дивный новый мир: уголовная политика в условиях цифровизации общественных отношений	286
<i>Комлева Н.А.</i> Российский проект Большой Евразии: динамичное сообщество цивилизаций	287
<i>Кондорский Б.М.</i> Исторические предпосылки современной социально-политической ситуации на Украине	288
<i>Кондратенко К.С.</i> Использование причинно-следственных графов для анализа выбора стратегии поведения пользователями социальных сетей на основе оценки легитимности сетевой власти	289
<i>Коновалова Е.А.</i> Трансформация мировой политэкономии: современные концептуальные подходы к торгово-промышленной политике на Западе	290
<i>Константинов М.С.</i> Мировоззренческие основания когнитивно-идеологических матриц (по результатам исследований 2014–2023 гг.)	291
<i>Контрерас Р., Самарин Я.В.</i> Россия и Вьетнам в многополярном мире: перспективы партнерства	292
<i>Коньков А.Е.</i> Латентные механизмы в актуальных практиках внешнеполитического влияния	293
<i>Копылова П.С.</i> Отечественный кинематограф как инструмент формирования ценностных установок	294
<i>Коргунюк Ю.Г.</i> Консервативно-традиционалистская повестка в межпартийной дискуссии	295
<i>Коряковцева О.А.</i> Роль органов власти в выполнении Указа Президента Российской Федерации № 809	296
<i>Косевич Е.Ю.</i> Отношения России со странами Латинской Америки в контексте эскалации конфликта вокруг Украины	297
<i>Косов Г.В., Казаков Ю.Ю.</i> Образ будущего глазами молодежи Севастополя, Крыма, новых территорий	298

<i>Котик А.В.</i> Столичный город во внешней политике постсоветского среднего государства: кейс Астаны	299
<i>Кочетков Е.Е.</i> К вопросу о политике адаптации асимметричного федерализма.	300
<i>Кочетков А.П.</i> Современные политические режимы: динамика и новые конфигурации	301
<i>Кочеткова О.А.</i> Влияние экономических санкций на укрепление позиций России как государства-цивилизации	302
<i>Кошкин А.В.</i> Аксиологическая политика государства как феномен.	303
<i>Крайнов С.К.</i> Цифровизация: залог национальной безопасности в XXI веке.	304
<i>Крайнова Л.Н., Наумов М.А., Бутковская С.И.</i> Патриотическое воспитание в ПОО. Виды и формы интеграции общеобразовательных и профессиональных дисциплин и воспитательного процесса. Из опыта работы Иркутского техникума экономики и права (ИТЭП)	305
<i>Крайнова Н.В., Прусов Д.А.</i> Деструктивная низовая гражданская активность: отличительные черты и формы проявления	307
<i>Крамаренко А.С.</i> Индийская диаспора в странах Латино-Карибского региона	308
<i>Краснопёров А.Ю.</i> Персональные Телеграм-каналы политических деятелей Томской области в межвыборный период	309
<i>Кривошеева Н.И.</i> Политическая атрибутивность социальных медиа как фактор детерминации современной медиасферы	310
<i>Кротков В.О.</i> Российско-китайские политико-экономические отношения в контексте современной мировой политики.	311
<i>Крутов А.В.</i> Моделирование политического развития в деятельностном подходе.	312
<i>Кудярова Н.Ю.</i> Миграционный кризис в Западном полушарии: экстернализация миграционной политики и внутривластная борьба в США	313
<i>Кудряшова И.В.</i> Тюркские меньшинства в арабском национальном государстве: проблемы идентичности.	314
<i>Кузина С.И.</i> Общенациональная идея в диалоге власти и общества	315
<i>Кузнецов Д.В.</i> Политика по сохранению исторической памяти, защиты исторической правды и противодействию фальсификации истории: из совместного опыта РФ и КНР	316
<i>Кузнецов Я.П.</i> Швейцарская политика идентичности как инструмент нациестроительства.	318
<i>Кузнецов Д.А.</i> Сетевое взаимодействие БРИКС как модель полицентричности.	319
<i>Кузнецов И.И.</i> Массовая культура современной России как пространство политической социализации молодежи.	320
<i>Кузнецова В.А.</i> Политика идентичности и практики коммеморации в современной Бразилии.	321
<i>Кузнецова Е.В.</i> Общественная дипломатия и международное молодежное сотрудничество.	322
<i>Кузьменко Н.П.</i> Формирование гражданской идентичности в контексте ресоциализации новых граждан РФ: институты и практики	323
<i>Кузьмин И.С.</i> Политическое образование, просвещение в СССР и США: основные принципы и особенности реализации	324
<i>Кузьмина А.М.</i> Трансмедийные коммуникации в процессах трансформации системы публичного управления	325
<i>Куква Е.С.</i> Укрепление позитивной макрорегиональной идентичности: пример Северного Кавказа	326
<i>Кулакова Н.Н.</i> Влияние санкций на деятельность госкорпораций	327
<i>Кумпан В.А.</i> Обществознание стало не нужно в школе и необходимо в жизни: о будущем.	328
<i>Курбанова Л.У.</i> Межпоколенческая коммуникация в контексте культурной памяти (на примере социологических исследований среди молодежи Чеченской Республики)	329
<i>Курбатов Д.М.</i> Реакция на президентские выборы в России 2024 г. в странах Латинской Америки и Карибского бассейна	330
<i>Курманова А.В.</i> Роль стейтмента, как формы коммуникаций, при инцидентах информационной безопасности в организациях.	331
<i>Курюкин А.Н.</i> Большие данные (<i>BigData</i>) и трансформация таргетирования в политических коммуникациях	332
<i>Кутырев Г.И.</i> Развитие сотрудничества ЕС и Латинской Америки в области безопасности: современные тенденции и перспективы	333
<i>Кухаренко С.В.</i> Сотрудничество РФ и КНДР в сфере продвижения русского языка: потенциал для развития	334
<i>Кучеров М.Ю., Ермак К.А., Илюшин И.И., Боюн А.Б.</i> Математическое моделирование как инструмент квантификации внешней политики (на примере ФРГ в 1998–2024 годах)	335
<i>Кучинов А.М.</i> Институциональный и цивилизационный подходы: взаимосвязи и точки соприкосновения	337

<i>Лавринов Б.Б.</i> Содержательный анализ политических образов России и СССР (на материалах итальянской историографии 1900–1941 гг.)	338
<i>Лаврушина Н.В.</i> Об опыте межрегионального сотрудничества НКО Карелии: история и современность	339
<i>Лагутина М.Л.</i> Роль России в трансформации системы глобального управления: между Глобальным Севером и Глобальным Югом	340
<i>Ланко Д.А.</i> Маркиз Де Кондорсе на международных переговорах: влияние увеличения числа участников на формат многосторонних переговоров.	341
<i>Ланчава А.И.</i> Теоретико-философские основания постлиберальной политической экономики и университетское образование: к постановке проблемы	342
<i>Лапенко М.В.</i> Предпосылки и препятствия на пути к развитию евразийского лоббирования: внешний и внутренний уровни ЕАЭС	343
<i>Лапкин В.В.</i> Концептуализация развития: политический ракурс.	344
<i>Лебедев С.Д.</i> Актуализация ценностей традиционных российских религий как фактор геополитического прорыва	345
<i>Лебедева М.М.</i> Цифровые технологии: воздействие на мировую политику	346
<i>Лебедева М.М., Кузнецов Д.А.</i> Место БРИКС в складывающейся системе политической организации мира	347
<i>Левченко Д.О.</i> Молодежь в фокусе политики ответственного развития	348
<i>Левченко Н.В.</i> Теоретические подходы к анализу сетевых коммуникаций и пространства.	349
<i>Легостаев И.А.</i> Анализ традиционных ценностей в политическом дискурсе России и Китая	350
<i>Леденева В.Ю.</i> Правовое регулирование миграционных процессов в странах ЕАЭС: сравнительный анализ	351
<i>Ли Цзымань.</i> Эпохальное значение Астанинской конференции и новые разработки ШОС.	352
<i>Линде А.Н.</i> Политическая наука: контроль человека или его эмансипация	353
<i>Лисенкова А.Д.</i> Итоги избирательной кампании в Европейский парламент 2024 г. для евроскептиков (на примере Германии).	354
<i>Литвинова Т.Н.</i> Концепт «Русский мир» в контексте цивилизационного подхода	355
<i>Лошкарев И.Д.</i> Идентичность цифровых диаспор: гомогенизация и фрагментация	356
<i>Лукушин В.А.</i> «Электоральная надежность» в странах мира: возможности комплексного анализа и сравнения.	357
<i>Лукьянец А.С.</i> Сотрудничество России и Кыргызстана по вопросам изменения климата: миграционный аспект.	358
<i>Лункин Р.Н.</i> Идеологическое структурирование мировой политики: особенности неизбежного многообразия	359
<i>Луцина Т.Ю.</i> Особенности коллективной памяти малых социальных групп: о феномене эмигрантских сообществ.	360
<i>Лю Мэйлин.</i> Что означает новый договор о российско-северокорейских отношениях	361
<i>Любин В.П.</i> Осмысление опыта ГДР (1949–1990) в общественно-политическом дискурсе	362
<i>Любина Д.Е.</i> Методологический концепт «не-Запад» для построения системы международных отношений на евразийском пространстве	363
<i>Люблинский В.В.</i> Сетевой фактор в политических коммуникациях и реальная политика	365
<i>Ляшова С.А.</i> Макрорегиональная северокавказская идентичность: дискурс о символических границах	366
<i>Мажников В.И.</i> Конфликтогенность реформ современной политической системы	367
<i>Майоров И.Е.</i> Влияние университетских медиа на формирование политического имиджа России среди студенческой молодежи в Германии: анализ вузов, где преподается русский язык	368
<i>Макаренко В.П.</i> От самобытности к идейному старью.	368
<i>Макаренко К.М.</i> Размышления о гражданской активности в современной России: тренды в период кризисов	369
<i>Маковский А.А.</i> Религиозная и национальная идентичность как элемент социальной силы	370
<i>Максименко А.С.</i> «Не единый народ: остановка этнополитического движения саамов в Арктическом регионе»	371
<i>Макушина Л.В.</i> Коммуникации в сфере социально-трудовых отношений как важнейшая составляющая социального диалога.	372
<i>Малашенкова А.А.</i> Экономический фактор в современной евразийской миграционной системе как условие обеспечения социальной стабильности стран—членов системы ЕАЭС	374
<i>Малинова О.Ю.</i> Возможности мультимодального анализа для исследований символической политики: на примере репрезентации темы будущего на выставке «Россия»	375
<i>Малов А.В.</i> Стратегия «продовольственного суверенитета» и проект «многополярного мира»: тест на совместимость.	376

<i>Мальшева Г.А.</i> О роли онлайн-коммуникаций в социокультурной динамике российского общества в период СВО	377
<i>Мальшева Е.М.</i> Тема Великой Отечественной войны в информационном противостоянии России и Запада	378
<i>Мальшева О.П., Рябченко Н.А.</i> Моделирование цифровой социально-политической повестки дня: графовые нейросети и конструирование предикационных сетей	379
<i>Мальцева Д.А., Федотов Д.А.</i> От геймификации до искусственного интеллекта: комплексный подход к развитию молодежи в цифровую эру.	380
<i>Мамычев А.Ю.</i> Социально-технологическая парадигма развития национальных отраслевых политик	381
<i>Мансуров Т.З.</i> Специфика политического урегулирования армяно-азербайджанского конфликта	382
<i>Марача В.Г.</i> Права человека и традиционные ценности: где разумные границы (де)конструктивизма?	383
<i>Маркедонов С.М., Комов С.В.</i> Выборы президента России в 2024 году: реакция постсоветских государств	384
<i>Марков Е.А.</i> Были союзниками — стали врагами (как начиналась русофобия в США после Второй мировой войны)	386
<i>Мартыненко Ев.В.</i> Стратегия США на Черном море и конвенция Монтрё	387
<i>Марчуков А.Н.</i> Стратегические модели современной публичной дипломатии	388
<i>Маслова К.В.</i> Формирование транснациональных сообществ: роль культурной дипломатии	389
<i>Матафонова Ю.А.</i> Тренды развития российского федерализма: отражение в политическом дискурсе	390
<i>Матвеева Е.В.</i> Теоретические подходы к осмыслению проблемы традиционных ценностей студенческой молодежи	391
<i>Матюнков Е.С.</i> Измерение национально-государственной идентичности крымчан: влияние реинтеграции?	392
<i>Матюхова Е.И.</i> Новые — старые горизонты политики развития Германии	393
<i>Мафуанг Сунатат.</i> Применение онтологической безопасности в многосторонности и минилатерализме	394
<i>Медведева М.В.</i> <i>Ai literacy</i> как часть цифровой политики России.	395
<i>Медина Гонзалес В.К.</i> Формирование многополярного миропорядка: раскрытие потенциала торгово-экономического сотрудничества России и стран Латинской Америки в эпоху глобальных перемен	396
<i>Мизулин М.Ю.</i> Предметное поле политического знания: методология различения и объективации	398
<i>Милованова М.Ю.</i> Социальная диагностика социогендерного потенциала новой евразийской интеграции.	399
<i>Мирзаджанов Т.Э.</i> Правоконсервативный популизм в Польше: последствия правления «Права и справедливости» (ПиС)	400
<i>Мирошниченко И.В.</i> Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий: результаты эмпирического исследования	401
<i>Мирясова О.А.</i> Гендерная повестка региональных медиа. Институциональные ограничения и конфликт поколений	402
<i>Митрахович С.П.</i> «Монгольский фактор» в энергетической стратегии России	403
<i>Митрофанова А.В.</i> Российское общество как субъект политического диалога через призму сетевого подхода	404
<i>Михайленко В.И.</i> Минилатеральные соглашения в Индо-Тихоокеанском регионе: концепции и вызовы.	405
<i>Михайленко Е.Б.</i> Регионализм в международных институтах и возможности для РФ	406
<i>Михайленок О.М.</i> Акторно-сетевая теория в исследовании онтологии политических отношений и политических коммуникаций.	407
<i>Михайлов А.В.</i> Технологии развития внутрироссийского туризма и продвижения туристических дестинаций как формат внутренней политики	408
<i>Михайлов И.В.</i> Новая архитектура европейской безопасности: глобальная НАТО или система евразийской безопасности.	409
<i>Михайловская О.Г.</i> Конструирование макрополитической идентичности: борьба за значения и будущее в современной политике государств	410
<i>Мордовцева Т.В.</i> Образ технологического будущего России в контексте цивилизационной субъектности и национально-культурной суверенности.	411
<i>Морозов С.И.</i> Новые вызовы обеспечению «цифровой безопасности» избирательного процесса РФ в условиях современных внешнеполитических трансформаций	412
<i>Морозова С.С.</i> Цифровой суверенитет России в условиях современных геополитических вызовов	413
<i>Морозова Е.В.</i> Политика развития сельских территорий: человеческий потенциал в пирамиде нематериальных ресурсов	414

<i>Морозова О.С.</i> Возможности и ограничения использования методов Милля в исследовании избирательных реформ.	415
<i>Морозова П.Е.</i> Социальная дистанция в отношениях между склонными доверять и не доверять власти	416
<i>Мохова А.Ю.</i> Региональное сотрудничество государств в противодействии терроризму: опыт Содружества Независимых Государств	417
<i>Мусина Р.И.</i> Проблема политического просвещения в России в условиях современных вызовов.	418
<i>Муссенге Ф.М.</i> Экономическое взаимодействие с БРИКС: возможности для Анголы	419
<i>Мухамбеткалиева Г.М.</i> К вопросу об адаптации иностранных студентов в контексте формирования межкультурной толерантности в образовательном пространстве.	420
<i>Мухаметов Р.С.</i> Особенности парадипломатии этнических республик РФ.	421
<i>Мухарямов Н.М.</i> Чем может быть полезна политическая социология языка.	423
<i>Мухортов Д.С.</i> Студенческая цифровая среда как инструмент повышения эффективности государственной политики по продвижению ценности семьи (к постановке проблемы)	424
<i>Мчедлова М.М.</i> Цивилизационная идентичность: объяснительный потенциал понятия и основание политического ранжирования мира	425
<i>Мясников Д.А.</i> К вопросу об актуальности политологического образования в современной России	426
<i>Назаренко А.В.</i> Коммуникация и сеть как технологии организации социальности	428
<i>Назмеева Я.А., Новик Н.Н.</i> Реакция КНР на президентские выборы в России в 2024 году	429
<i>Науменко А.С.</i> Компаративный анализ официального и социокультурного подходов к определению региона АТР (на примере Китая и США)	430
<i>Ндур М.Д.</i> Государственная управляемость и представительные институты власти в западноафриканских странах	431
<i>Неверов К.А.</i> К вопросу о легитимности сетевой власти и коллективной индивидуации	432
<i>Недяк И.Л.</i> Цивилизационные ориентации граждан РФ в период становления многополярных порядков: формирование исследовательской повестки цивилизационной политологии.	433
<i>Некlessа А.И.</i> «Цветущая сложность» постколониальности как резервуар политического развития	434
<i>Некрасов К.А.</i> Институциональные аспекты взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в системе единой публичной власти	435
<i>Нестерова С.В.</i> Политико-психологическое восприятие образов России. Общее и различия в представлениях о будущем России	436
<i>Нефёдов А.В.</i> Инструменты «мягкой силы» России в Центральноафриканской Республике: гуманитарный и информационный аспекты	437
<i>Нечаев Д.Н.</i> Парадигма этнополитического ароморфоза в нациестроительстве новых политий постсоветского пространства: идеоадаптация, катаморфоз, гибридная модель.	438
<i>Нечай А.А.</i> Глобальные инициативы Китая в строительстве многополярного мира	439
<i>Никипорец-Такигава Г.Ю.</i> «Незапад» в новом мировом порядке: выбирая конфигурации международного сотрудничества	440
<i>Никитин А.И.</i> Операционализация концепта «мировое большинство» в контексте международного восприятия России	441
<i>Никитина М.В.</i> Школа как агент политической социализации: возможности и перспективы для молодежи	442
<i>Никитина К.А.</i> Когнитивные исследования как источник переосмысления проблем международных отношений на примере теории симбиотического реализма.	443
<i>Никифоров А.А.</i> Риск-ориентированное управление в цифровой среде (на примере регулирования деятельности иноагентов в РФ).	444
<i>Никифоров С.В.</i> Межцивилизационные форпосты как вызовы и катализаторы политического и цивилизационного развития.	445
<i>Никлаус А.А.</i> Внутрорегиональное пространство как составная часть государства	446
<i>Никовская Л.И.</i> К вопросу соотношения иерархических и сетевых начал коммуникации в процессе вовлечения в общественную активность	448
<i>Николаев И.В.</i> Семантическое поле концепта «суверенитет» в официальном дискурсе государственной власти	449
<i>Николаев Ю.Б.</i> Образ врага и исторические мифы о происхождении украинской «государственности»	450
<i>Николаева А.А.</i> Оценка политического доверия к власти в современной России	451
<i>Николаева М.В., Шестакова А.А.</i> Цифровой патриотизм в мультимедийном пространстве современной России	452
<i>Николаенко А.В.</i> Роль Российской Федерации в ЕАЭС как формы взаимодействия на евразийском пространстве	453

<i>Никоненко С.А., Назаров И.И.</i> Коммуникативные аспекты использования интернет-технологий на выборах Президента Российской Федерации 2024 года.	454
<i>Никулин М.А.</i> Милитаризация внешней политики США: последствия для Африки	455
<i>Никулина Е.В.</i> Гражданственность и патриотизм российских школьников в дискурсе социально-политических наук дополнительного образования	456
<i>Новик Н.Н.</i> Работа международных наблюдателей на президентских выборах в России в 2024 году: особенности и результаты	457
<i>Нуриев Б.Д.</i> Курдский вопрос в системе турецкого неолиберализма	458
<i>Обидина Ю.С.</i> Религия vs политика в контексте глобализации: от самоидентичности к групповой самоидентификации	460
<i>Овчарова О.Г.</i> Семейные и патриотические ценности как основы демографического развития России	461
<i>Ознобищев С.К.</i> «Дестабилизация Европы»: причины и пути выхода	462
<i>Окара А.Н.</i> Равновесие индивидуализма и коллективизма как ключевой признак политической философии солидаризма	463
<i>Олейников И.В.</i> Байкальская Сибирь в процессах международного взаимодействия: региональные инициативы в контексте федеральной стратегии.	464
<i>Олимзода С.Ш.</i> Ислам как фактор общественной консолидации в России	465
<i>Онопко О.В.</i> Современная стратегическая ситуация в Черноморском регионе в оценках украинской внешнеполитической экспертизы	466
<i>Орлова И.В., Сгибнева А.А.</i> Параметры стратегической культуры: качественный анализ на примере России и США	467
<i>Осадчая Г.И., Юдина Т.Н.</i> Миграционные процессы в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) в контексте демографической безопасности.	468
<i>Островская Ю.Е.</i> Гражданская активность и институты представительства в сфере труда.	469
<i>Павлов А.Е.</i> «Смена эпох» во внешней и оборонной политике ФРГ: содержание, проблемы, перспективы	471
<i>Павлова Т.В.</i> Российский политический порядок: ценностные основания и потенциал изменений	472
<i>Павлова А.В.</i> Конфликты на Южном Кавказе: внешнее вмешательство и баланс сил.	473
<i>Павроз А.В.</i> Международный лоббизм и сложности его политико-правового регулирования в условиях фрагментированной глобализации	474
<i>Палитай И.С.</i> Мировоззренческие установки и ценностные ориентации современной российской молодежи.	475
<i>Пан Лу.</i> Треугольник Китай—Индия—Пакистан: очаги напряженности и перспективы взаимодействий	476
<i>Панеш А.А.</i> Использование формата видеоклипов для продвижения консервативных ценностей у молодежи США в цифровых медиа.	477
<i>Панин В.Н.</i> Многоуровневая модель мирового порядка XXI века	478
<i>Паничкина Е.В.</i> Национальная политика Российской Федерации в контексте формирования идентичности коренных малочисленных народов	479
<i>Панкевич Н.В.</i> Историческая память: новые контуры политического сообщества и механизмы его защиты	480
<i>Панкратов С.А.</i> Гражданская активность молодежи Волгоградской области: межпоколенческая солидарность участия в выборах	481
<i>Панько Н.К.</i> Тайваньская проблема в условиях трансформации мирового порядка	482
<i>Панюжева М.М.</i> Российско-американские отношения в зеркале президентских выборов-2024 в России: новые факторы и тренды	483
<i>Паренков А.В., Лепилина А.С.</i> Переосмысление стратегий продвижения семейных ценностей в молодежной среде в цифровую эпоху	484
<i>Парма Р.В.</i> Модель «воронки вовлечения» процесса политической мобилизации в социальных медиа	485
<i>Патрушев С.В.</i> Какое государство необходимо России	486
<i>Пашковский Е.А.</i> Взаимозависимость результатов выборов в национальный парламент и выборов в Европейский парламент на примере Польши	488
<i>Пеньков В.Ф.</i> К вопросу селекции политических ценностей в современной России	489
<i>Петрова Ю.В.</i> Образ будущего регионов России в сознании российской молодежи: основные характеристики.	490
<i>Петросян Ф.А.</i> Ядерная Евроарктика: новые вызовы безопасности	491
<i>Петросяни Д.В.</i> Фактчекнинг неструктурированных информационных потоков в условиях глобального политического противостояния	492
<i>Пищева Т.Н.</i> Бессознательные аспекты образа России: к методологии исследования	493
<i>Пляйс Я.А.</i> Современный полицентричный мир: особенности и перспективы трансформации	494

<i>Погорельский Д.М.</i> Секьюритизация как инструмент регулирования межнациональных отношений в РФ	495
<i>Подшибякина Т.А.</i> Постколониальный этнополитический сепаратизм как фактор риска в полицентричном мире	496
<i>Поливаева Н.П.</i> Как преподавать политологию «цифровому поколению» (посильные размышления о политологическом образовании)	497
<i>Половнева Л.С., Тучкова О.В., Трапизон И.В., Остроухова Н.В.</i> Роль школы в формировании политического сознания учащихся.	498
<i>Половнева Л.С., Мальцев С.А., Остроухова Н.В.</i> Роль музейной педагогики в подготовке будущего учителя к патриотическому воспитанию учащихся	500
<i>Полякова Н.В.</i> Церковь и государство в современной Польше: политическое обновление традиции	501
<i>Помигуев И.А.</i> Роль исполнительной власти в законодательном процессе: к вопросу определения модели исследования	502
<i>Пономарев Н.А.</i> Интерактивность как преимущество видеоигр в качестве инструмента политического просвещения молодежи и формирования ее идентичности.	503
<i>Попадьева Т.И.</i> Макрополитическая идентичность на пути политики развития: анализ славянской идеи на Балканах	504
<i>Попеску Р.-М.</i> Перспективы функционирования региональных организаций в Черноморском регионе	505
<i>Попова С.Ю.</i> Профессиональное самоопределение молодежи в политике: практики женского наставничества	506
<i>Попова О.В.</i> Идентичность молодежи в интернет-пространстве	507
<i>Попова Е.В., Устюжанцева О.В.</i> Конструирование цифрового суверенитета медиа России и Китая: анализ Больших Данных	508
<i>Попова О.В., Шестакова М.Н.</i> Государство в условиях постглобализации: основные концептуальные подходы.	509
<i>Постол В.И.</i> Этическая повестка молодежного парламентаризма в России	510
<i>Потапкин А.С.</i> Отраслевая государственная политика в сфере цифровых технологий: почему ИТ-бизнес получил беспрецедентные меры поддержки.	511
<i>Потемкина О.Ю.</i> Новые миграционные вызовы для ЕАЭС	512
<i>Поцелуев С.П.</i> Концепция нормативных грамматик А. Грамши в контексте консервативного поворота в постсоветской России	513
<i>Прокопенко Л.Я.</i> Гендерное измерение политической элиты в странах Африки и проблема смены поколений	514
<i>Прокопчук Т.Л.</i> Кинонарратив как инструмент артикуляции политических ценностей	515
<i>Пронякина Е.Д.</i> Проблема привлечения высококвалифицированных мигрантов в Россию после 2022 года	517
<i>Прохоренко И.Л.</i> Прогнозирование развития в деятельности ООН.	518
<i>Пупыкин Р.А.</i> Консервативный консенсус вокруг «прогресса и порядка»: к характеристике ключевых ценностей актуального российского мировоззрения	519
<i>Пустовойт Ю.А.</i> Динамика власти в городах Сибири: триггеры, этапы и компоненты становления современных политико-административных ассамблежей	520
<i>Пустошинская О.С.</i> Российские города в условиях распада либерального мирового порядка: к вопросу о пересмотре подходов к интернационализации	521
<i>Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В.</i> Роль женской исторической памяти в формировании социального оптимизма современного российского общества	522
<i>Пэн Мэняо.</i> Риски уязвимости в глобальном управлении безопасностью	523
<i>Радилов И.В.</i> Фактор фашизации западных стран в их стремлении к сохранению своей гегемонии в современном мире: от маргинальности к диктату.	525
<i>Ракитянский Н.М.</i> Методологический потенциал концепта импринтинг в ментально-политических исследованиях	526
<i>Ранджбар М.Д.</i> Санкции как катализатор смены альянсов: роль Ирана и России в переосмыслении дипломатии в условиях санкционного давления	527
<i>Растимешина Т.В.</i> Цифровизация: инструмент или новый вызов демократии?	528
<i>Растольцев С.В.</i> Развитие транспортных коммуникаций Южного Кавказа в контексте нормализации армяно-азербайджанских отношений: региональные и международные перспективы	529
<i>Расторгуев С.В.</i> Трансляция дискурса традиционных ценностей в курсе «основы российской государственности»: акценты и противоречия	530
<i>Рафиков А.И.</i> Политические ценности российской молодежи: опыт критического дискурс-анализа	531
<i>Рашковский Е.Б.</i> Политология и религиоведение: две области социогуманитарных знаний (теоретические вопросы)	532

<i>Римский В.Л.</i> Справедливость в социальном государстве	533
<i>Рогач Н.Н.</i> Представления о будущем своей страны как элемент общероссийской гражданской идентичности	534
<i>Родионова М.Е., Ежов Д.А.</i> Актуальные тенденции протекания электоральных процессов в государствах ЕС в условиях содержательной трансформации электоральных ожиданий	535
<i>Рожнева С.С.</i> Партии нового типа на электоральной карте российской Арктики: выборы Президента РФ 2024 г.	536
<i>Романова А.П.</i> Специфика самоидентификации молодежи на постсоветском пространстве Прикаспия (по результатам социологических исследований)	538
<i>Романович Н.А.</i> Интернет и нейронные сети: опасность или панацея	539
<i>Романовский А.А.</i> Основные тенденции ротации губернаторского корпуса в Российской Федерации	540
<i>Ромашкина А.Б.</i> Влияние цифровых алгоритмов на процессы политической коммуникации в условиях информационного противостояния	541
<i>Руденко М.В.</i> Формирование системы военно-гражданских администраций в ходе СВО	542
<i>Рудницкая А.П., Багдасарова Д.Г.</i> Направления развития научно-технической политики и модернизации экономики в Арктическом регионе России	543
<i>В.М. Русаков</i> Смысложизненное ориентирование в политической коммуникации	544
<i>Русакова О.Ф.</i> Политический шоу-дискурс: коммуникативно-семиотический анализ (на примере церемонии открытия Олимпиады-2024)	545
<i>Русия Н.Т.</i> Практики гражданской солидарности в политике развития территорий Юга России	546
<i>Русских М.С.</i> Этнополитические конфликты в Хорватии и Боснии и Герцеговине: структурирование отношений акторов на начальном этапе	547
<i>Рыжков А.Е.</i> Цивилизационная идентичность России на современном этапе развития	548
<i>Рыхтик М.И.</i> Биополитические вызовы. Ответ общества и государства	549
<i>Рябинин Е.В.</i> Политика памяти в контексте интеграционных процессов новых регионов: проблемы и перспективы (кейс Донбасса)	550
<i>Рябов О.В.</i> Образ врага и дискурс возраста в современной российской политике	551
<i>Рябова Т.Б.</i> Возрастные стереотипы в пространстве российской политики: основные направления использования	552
<i>Рябченко Н.А.</i> Архитектура цифрового пространства как теория и методология исследования цифровой политической коммуникации	553
<i>Савва Е.В.</i> Особенности сбора и анализа данных о предпосылках политических конфликтов в условиях цифровизации	555
<i>Савельчев Л.А.</i> Международное сотрудничество парламента Санкт-Петербурга с регионами стран—членов БРИКС+: текущее положение и потенциал развития	556
<i>Савенков Р.В.</i> Динамика паттерна «угроза национальной безопасности» в риторике Президента РФ В.В. Путина	557
<i>Савойский А.Г.</i> Экономическая дипломатия как международно-политическая повестка дня	557
<i>Савченко И.А.</i> Отражение актуальной политической повестки в культурных явлениях и ее восприятие молодежью	558
<i>Садыков Р.Р.</i> Школьное образование ведущих стран Глобального Юга как фактор становления полицентричного мирового порядка	560
<i>Саймонс Грег.</i> Преодоление вызовов и возможности стран Глобального Юга в условиях трансформирующегося мирового порядка: роль новой публичной дипломатии	560
<i>Салимов Д.М.</i> Сетевое сообщество и сетевая власть в странах Центральной Азии: от взаимодействия до противостояния	561
<i>Сальников В.И.</i> От Донецкой и Луганской областей Украины до республик в составе РФ: трансформация политических систем и особенности политических процессов	563
<i>Самаркина И.В.</i> Представления о будущем как содержание и технология формирования гражданской идентичности	564
<i>Саргсян Д.О.</i> Основы и скрепы современной азербайджанской идентичности	565
<i>Саркисян О.Л.</i> Трансформация армянской идентичности: кризис или модернизация?	566
<i>Сат А.В.</i> Социально-политическое самочувствие населения республики Тыва как индикатор оценки власти (по материалам регионального исследования)	567
<i>Сафин Т.Р.</i> Международная деятельность регионов Великобритании в условиях Брексита (на материалах Шотландии)	568
<i>Сафонова О.Д., Тузова П.Р.</i> Информационные риски в сфере политического управления в условиях глобальной турбулентности	569
<i>Сащенко Н.П.</i> Идентификационные процессы в массовом сознании как маркер устойчивости современного государства	570

<i>Светлакова М.А.</i> Влияние социологических исследований на оптимизацию внутренней региональной политики	571
<i>Себекин С.А.</i> Метавселенные как перспективные пространства высвобождения протестного социально-политического потенциала	572
<i>Сейлис Г.В., Алиева М.И.</i> Цифровая консолидация государственного управления: ИИ и единая платформа для управления данными и процессами в РОИВ.	573
<i>Селезнев П.С.</i> Представление о качестве жизни в рамках политического просвещения	574
<i>Селезнева А.В.</i> Формирование ценностно-мировоззренческих ориентаций российской молодежи: потенциал политического образования и просвещения	576
<i>Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д.</i> Традиции в представлениях современной российской молодежи	577
<i>Семененко И.С.</i> Политика развития: горизонты идентичности	578
<i>Семенец Е.В.</i> Особенности молодежного виртуального политического дискурса в каналах и пабликах социальных сетей.	579
<i>Сергеев А.С., Сергеев С.А.</i> Идеология и политическая практика популизма.	580
<i>Сергунин А.А.</i> Роль стран БРИКС в развитии Северного морского пути на принципах «синей экономики»	581
<i>Сердюков И.А.</i> Преимущества сравнительного подхода в исследовании интеграционных процессов	582
<i>Серебряков К.Д.</i> Роль партийных систем в обеспечении политической устойчивости государства (на примере Центральной Азии).	583
<i>Сересова У.И.</i> Политизация феномена инвалидности в социальном государстве.	584
<i>Сигачёв М.И.</i> Неоинтегрализм как модель развития	585
<i>Сидоров В.В.</i> Этнические партии в контексте мажоритарной избирательной системы: случай шотландской национальной партии	586
<i>Сикорская Д.М.</i> Рекрутация политической элиты России из участников зоны СВО	587
<i>Силаева З.В.</i> Геополитическая ловушка для Балкан в условиях политической борьбы за формирование полицентрического миропорядка: неусвоенные уроки	588
<i>Скипин Н.С.</i> Потенциал и ограничения настольных игр как инструмента политического просвещения.	589
<i>Скляр А.А.</i> Модели молодежной политики в регионах РФ: структурные и процессуальные компоненты	590
<i>Скороходова О.С.</i> Партийное измерение региональных политических режимов в современной России.	591
<i>Слатинов В.Б.</i> Трансформация механизмов наделения полномочиями руководителей административных центров регионов России в условиях муниципальных реформ	592
<i>Слобожникова В.С.</i> Концептуальная эволюция религиозности	593
<i>Смаль С.В.</i> Социальная политика и ее цифровые возможности (на примере Санкт-Петербурга).	594
<i>Смирнов П.А.</i> Проблемы евроинтеграции Западных Балкан: македонский случай	595
<i>Сморгунов Л.В.</i> Концепция индивидуации и стратегии поведения пользователей социальных сетей	597
<i>Смутькина Н.В.</i> Траектории развития страны в политических представлениях современных россиян	598
<i>Снисаренко К.Л.</i> Региональный и муниципальный уровни белорусской дипломатии.	599
<i>Соколов Н.Н.</i> IT-технологии как фактор влияния на баланс интересов в общественно-политическом поле и государственной управленческой пирамиде	600
<i>Соколов А.В.</i> Искусственный интеллект: угрозы и возможности для устойчивого развития	601
<i>Соловьев А.И.</i> Символическое пространство внутри элитарной коммуникации: смыслы и тенденции эволюции	602
<i>Соловьев Д.А.</i> О парламентской активности самых влиятельных депутатов Тамбовской областной Думы седьмого созыва.	603
<i>Соловьев К.С.</i> Государственная политика по развитию искусственного интеллекта в РФ	604
<i>Соловьева Д.Д.</i> Технологии геймификации в преподавании политической науки	605
<i>Солоненко А.В.</i> Образы федеральных министров в массовом сознании в условиях новой политической реальности.	606
<i>Сонина Е.О.</i> Применение дискурс-анализа к исследованию реформ как политического процесса	607
<i>Сорокин Д.А.</i> Дидактические игры как коммуникативная среда: моральный компонент игрового взаимодействия	608
<i>Сосунов Д.В.</i> Ценностные основания цивилизационного развития России в представлениях студенческой молодежи (на примере Воронежской области)	610
<i>Стародубцева М.Ю.</i> Основные направления деятельности региональных депутатов в современных реалиях.	611
<i>Стецко Е.В.</i> Цифровые потребности инвалидов: стратегии исследования и возможности развития городских сервисов.	611

<i>Стрежнева М.В.</i> Изменения в многоуровневом управлении экономикой в Европейском союзе	612
<i>Стрелец И.Э.</i> Оптимизация продвижения ценности семьи в студенческой цифровой среде	614
<i>Суворова Е.А.</i> Стратегии обеспечения энергетической безопасности во внешней политике современной Венгрии	615
<i>Сударев В.П.</i> Трансформация системы международных отношений в Западном полушарии в XXI веке	616
<i>Сунами А.Н.</i> Полицентризм и вызовы искусственного интеллекта: новая архитектура цифровой безопасности	617
<i>Супрун В.И.</i> Мировые города знаний как субъекты полицентричного мирового порядка	618
<i>Супрун В.И.</i> Человек и искусственный интеллект как объекты политики в условиях глобальных изменений	619
<i>Сурыгина К.В.</i> Коммуникационные стратегии французских правых политических лидеров во время президентской избирательной кампании 2022 года	620
<i>Суслов Е.В.</i> Выборы в Европарламент как индикатор устойчивости центробежных тенденций в странах Европейского союза.	621
<i>Сухонина Н.А.</i> Фрейминг как дискурсивная стратегия российских онлайн-СМИ при освещении этнополитических конфликтов (на примере грузинско-абхазского конфликта).	622
<i>Сучилина А.А.</i> Неоязычество как форма русофобской религиозной идеологии на современной Украине	623
<i>Сучкова А.А., Сычева А.В., Балябкин Д.М.</i> Гражданско-патриотическое добровольчество (волонтерство) как механизм сохранения исторической памяти	624
<i>Сянь Ч.</i> Стратегия национальной безопасности США в оценках китайских экспертов	625
<i>Тарасов И.Н.</i> Президентизм в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: проблема институциональной определенности	627
<i>Тарасова Е.Ю.</i> Обеспечение стабильного политического развития полиэтнических регионов России в период внешних вызовов.	628
<i>Тарусин П.В.</i> Человекообразные системы как объект политического развития	629
<i>Тимакова О.А.</i> Связка «безопасность—развитие» в политике Евросоюза в Африке (на примере стратегии для Сахеля).	630
<i>Тимофеев С.С.</i> Методологическая оценка партийно-политических систем.	631
<i>Тимофеева Л.Н.</i> Современные медиасистемы и медиарежимы	632
<i>Титов В.В.</i> Государственная политика идентичности в России: потенциал модернизации.	633
<i>Титова Л.Г.</i> Человеческий фактор политического процесса	634
<i>Токарев А.А., Ермак К.А., Кучеров М.Ю., Илюшин И.И.</i> Специфика отмены русского языка и культуры в украинских учебниках русского языка	635
<i>Томин Л.В.</i> Сетевая власть. Механизмы функционирования и специфика легитимации	636
<i>Трофимова И.Н.</i> Международное научное сотрудничество стран СНГ: ориентиры и результаты	637
<i>Тумов А.А.</i> Традиционные ценности в сознании и повседневной жизни молодежи российского Восточного Кавказа (по результатам фокус-групп)	639
<i>Тумуров Ж.Т.</i> Состояние и перспективы реализации государственной политики в сфере национальной безопасности на территории Забайкальского края.	640
<i>Тупаев А.В.</i> Образ эпохи 90-х в российском общественном мнении: по материалам социологического исследования	641
<i>Туркин И.А.</i> Преодолевая нарративы: пути смягчения расколов по линии исторической памяти.	642
<i>Удовенко И.П.</i> Искусственный интеллект: вызовы для идентичности в цифровом обществе	644
<i>Ульянов П.В.</i> Звание «Почетный гражданин Алтайского края» как фактор продвижения имиджа региона (на примере имени М.Т. Калашникова)	645
<i>Ургазиева Д.М.</i> БРИКС, ШОС, СНГ: новые центры мирового порядка	646
<i>Усков С.В.</i> Цифровой профиль победителей выборов глав регионов Российской Федерации 2023: сетевой анализ и перспективы медиарегуляции в эпоху цифровой трансформации.	648
<i>Усманов Р.Х.</i> Вызовы нового мирового порядка цивилизационному потенциалу России.	649
<i>Усманова З.Р.</i> Трансформация образа будущего страны в российском массовом сознании	650
<i>Усов А.В.</i> Образовательный модуль «без срока давности» в деятельности Национального центра исторической памяти при Президенте Российской Федерации	651
<i>Учаев Е.И.</i> Трансдисциплинарность или холистическая реконструкция? К вопросу о путях интеграции социально-гуманитарного знания.	652
<i>Фадеева Л.А.</i> Политика идентичности в ЕС — краеугольный камень или камень преتكновения политике развития?	654
<i>Федоров А.В.</i> Программа действий. Что в ней мешает становлению системы МИБ?	654
<i>Федоров В.И.</i> О влиянии ДЭГ на явку избирателей в России в 2021—2023 гг.	656

<i>Федосейкин Д.И.</i> Политические исследования бюджетного процесса: за пределами инкрементализма.	657
<i>Филиппов Д.Е.</i> Политико-управленческие факторы и барьеры развития экономики замкнутого цикла (на примере Краснодарского края).	658
<i>Филиппов А.Р.</i> К вопросу о традиционных и современных технологиях политического манипулирования.	659
<i>Филиппова Л.Е.</i> Политизация как фактор конституирования политического государства	660
<i>Филоненко Е.В.</i> Политическая социализация и электоральная активность студенческой молодежи Дона.	661
<i>Фоминых А.Е.</i> Две выставки в Москве: переосмысление пропаганды или Zeitgeist-2024?	662
<i>Фролов А.А.</i> Значимость социальных рейтингов для государств.	663
<i>Фролова Ю.Н.</i> Моделирование сепаратизма в Европе	664
<i>Хабаров И.А.</i> Политические машины как механизмы генерирования власти сообществ	665
<i>Хайнацкая Т.И.</i> Экологическая составляющая в политике городского развития: стратегии и акторы	666
<i>Хамидуллин А.Р.</i> Водородная повестка в энергетической политике стран постсоветского пространства	667
<i>Харин А.Н.</i> Россия: государство-цивилизация и цивилизация-государство.	668
<i>Харитоновна О.Г.</i> Методологические проблемы количественных исследований популизма	669
<i>Харкевич М.В.</i> Теория международных отношений как антикризисная лаборатория для политической науки	670
<i>Хаткевич А.А.</i> Инструментальные характеристики научной дипломатии стран БРИКС	671
<i>Хахалкина Е.В.</i> Популярность партии «Reform UK» на парламентских выборах 2024 г. — закономерность или случайность?	672
<i>Холодковский К.Г.</i> Тенденции миропорядка	673
<i>Хомутинкин С.В.</i> Миропорядок и место России в системе баланса сил в контексте украинского кризиса: оценки Генри Киссинджера	673
<i>Храмова Е.В.</i> Параллельная дипломатия субъектов РФ (кейс РТ)	674
<i>Храмова М.Н.</i> Современные особенности миграции в Российской Федерации: как межрегиональная и международная миграция влияет на социально-демографическое развитие российских регионов?	675
<i>Хуан Юэ.</i> Анализ возможности многостороннего развития Азиатско-Тихоокеанского альянса США	676
<i>Хугаев З.Т.</i> Ценностные ориентации молодежи российского Кавказа	677
<i>Цалко Е.О.</i> Патриотизм поколений в повестке российских политических СМИ.	679
<i>Царицына П.М.</i> Особенности французских правящих элит в контексте политологических исследований во Франции	680
<i>Церович М., Мухортов Д.С.</i> Продвижение семейных ценностей в цифровой среде университета.	681
<i>Цыбряева М.В.</i> Роль профильного политологического образования в вопросах достижения национальных целей развития России	682
<i>Чайко И.В.</i> Непатримониализм как тенденция политического развития.	683
<i>Чайковская И.С.</i> Актуальные тенденции взаимодействия государства и иностранных ТНК в современной России (на примере парфюмерно-косметической отрасли).	684
<i>Чанышев А.А.</i> Слова Макиавелли «благочестивая жестокость» в комментариях Лео Штрауса и Якоба Буркхардта	685
<i>Челнокова М.Г.</i> Юнгианский подход в политологии.	685
<i>Чепель С.Л.</i> Электоральная подвижность в посткоммунистических странах: институциональный аспект	686
<i>Черемная Т.С.</i> Глубинная духовная основа цивилизационного потенциала России как ключевой фактор укрепления ее суверенитета	687
<i>Черникова В.В.</i> Региональное гражданское общество в условиях геополитической напряженности	688
<i>Черникова Г.В., Стецкая А.С.</i> Факторы электоральных предпочтений воронежцев (на примере губернаторских кампаний 2014–2023 гг.)	689
<i>Чернопятова С.А.</i> Лидер и травма: особенности восприятия образа в российском массовом сознании.	690
<i>Чернышов А.Г.</i> Технологии искусственного интеллекта для формирования системы управления знаниями	692
<i>Чернышов Ю.Г.</i> Политика развития в условиях «прерывистой» региональной идентичности	693
<i>Чжао В.</i> Вызовы и возможности российской дипломатии в современном многоуровневом мире	694
<i>Чжоу Чжэньхуа.</i> Как взаимодействие национальных цивилизаций влияет на международные отношения и политику: на примере китайско-российской дипломатии	694
<i>Чжоу Янань.</i> Роль и место Центральной Азии на международной арене в первой четверти XXI века (на примере работ ведущих китайских исследователей).	695

<i>Чипизубова П.А.</i> Трансферный потенциал «международного» через призму политической онтологии Жюль Делёза	696
<i>Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.</i> Эвристический потенциал теории городских режимов: российский контекст.	697
<i>Чирков С.С.</i> GR-менеджмент российских и зарубежных компаний в сфере информационной безопасности в условиях санкций (2022–2024)	698
<i>Чумиков А.Н.</i> Современные политические коммуникации: парадигмальные изменения и доминирующий вектор воздействия	699
<i>Чэн Син.</i> Новая модель международного сотрудничества в сфере безопасности — концепция глобальной безопасности КНР	700
<i>Шабров О.Ф.</i> Формирование человека новой реальности: грани проекта	702
<i>Шадже А.Ю.</i> Поиск ресурсного потенциала макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе.	703
<i>Шалаев Н.Е.</i> Зачем политологам высшая математика: опыт практико-ориентированного преподавания дисциплины	704
<i>Шапиро Н.И.</i> Трансформация санкционного инструментария международно-политической конкуренции (на примере односторонних ограничительных мер США против России).	705
<i>Шашева С.В.</i> Динамика региональной безопасности на Южном Кавказе и в Черноморском регионе: угрозы, конфликты, геополитические факторы.	706
<i>Шашкова Я.Ю.</i> Оценка эффективности государственной молодежной политики молодежью российских регионов.	707
<i>Шаяхметов А.М.</i> Аспекты публичного позиционирования глав российских регионов в условиях перманентных кризисов	708
<i>Швая А.Ю.</i> Институционализация православных практик представителей региональной политической элиты (на примере Санкт-Петербурга)	709
<i>Шведова Н.А.</i> К. Харрис и Д. Трамп: эстетика противостояния технологий избирательной кампании-2024	710
<i>Швецова А.В.</i> Социальный потенциал документального кино для преодоления гендерных барьеров в науке	711
<i>Шевченко А.В.</i> Реконверсия эргатических медиа-систем: «машина—“человек-машина”»	712
<i>Шестопал Е.Б.</i> Представления российских граждан о будущем своей страны	713
<i>Шлапко Е.А.</i> Роль общественной дипломатии в Северном приграничном регионе	715
<i>Шлыкова Д.Н.</i> Ключевые социально-политические размежевания в России: преодоление или углубление противоречий?	716
<i>Шмелева О.Ю.</i> Экосистема современного мегаполиса как фактор формирования образа российского государства в сознании молодежи (кейс Н. Новгорода)	717
<i>Шпагин С.А.</i> Российские партии на региональных выборах-2024	718
<i>Шпак М.А.</i> Роль цифровизации политической коммуникации в современных электоральных процессах (на материале президентской кампании 2023 г. в Аргентине)	719
<i>Шпиро Л.А.</i> Проекты развития сельских сообществ Краснодарского края: практики гражданских инициатив	720
<i>Штерле А.В.</i> К вопросу об участии граждан России в дистанционном электронном голосовании.	721
<i>Шульга Д.П., Шульга А.А.</i> Гибкое партнерство против жесткой иерархии	722
<i>Шумилов А.В.</i> Молодежь и цифровизация молодежной политики: инновации в условиях глобальной информатизации.	723
<i>Шушлебин А.И.</i> Внутриполитические факторы риска государственных переворотов	724
<i>Щенина О.Г.</i> Политические коммуникации в сетевом обществе: конфигурации и специфика	726
<i>Щербак А.Н., Снарский Я.А., Зубарев Н.С., Семушкина Е.С.</i> «Зеленые пряники»? Распределение президентских грантов на экологические инициативы в 2017–2023 годах как элемент региональной экологической политики	727
<i>Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г.</i> Нация как политический мир воображаемого	728
<i>Юнь Чен.</i> Роль порта Владивосток в укреплении сотрудничества между Китаем и Россией: положительные моменты и проблемы	730
<i>Юрченко В.М.</i> О нравственных основах современной политики	731
<i>Юрченко И.В.</i> Российская цивилизационная идентичность: интеграционный потенциал в условиях расширения политического пространства.	732
<i>Юрченко Н.Н.</i> Регионы РФ в поисках устойчивого развития в условиях формирования полицентричного миропорядка	733
<i>Юшина Е.А.</i> Социально—политическая мысль об идеальном государстве, местном самоуправлении	734
<i>Юшков И.В.</i> Новый мировой порядок в энергетике	734

<i>Явчуновская Р.А.</i> Значение Русской православной церкви в специальной военной операции	736
<i>Ягодка Н.Н.</i> Современные особенности развития гражданского общества в России.	736
<i>Якимец В.Н., Никовская Л.И.</i> Муниципальная публичная политика в контексте реформы местного самоуправления	737
<i>Якуничев Д.А.</i> Эволюция российской философской мысли о глобализации: многополярность и культурный суверенитет	738
<i>Яникеева И.О.</i> Разработка методологии анализа санкционного давления США на Россию и его влияния на российские позиции на мировой арене.	739
<i>Януш О.Б.</i> О языковых составляющих культурного суверенитета	740
<i>Ярмак О.В.</i> Критерии объединительного проекта: возможны ли социальные коммуникации между Россией и постУкраиной?	741
<i>Ярошева Д.В.</i> Художественные образы будущего России: взгляд российской молодежи (на материалах всероссийского исследования)	743
<i>Яхшиян О.Ю., Суворова В.А.</i> Общинность как «начало» русской цивилизации в учении славянофилов	744
<i>Ячменник К.В.</i> Лидерство в политике развития сельских территорий	745
<i>Grahovac N.G.</i> Digital Environment and Politic Socialization of School Children: Specificities and Risks	747
<i>Hachimi T.R.</i> Urban Political Culture, Rural Political Culture: An Existential Divide for World Order?	747
<i>Leenders Anna Maria R.</i> Peace In Space and on Earth in Light of New Global Transformations	748
<i>Rajib Naimul Islam Rajib.</i> Rohingya Refugee Crisis : Gender-Based Violence as a Tool of Political Opression	749
<i>Vadov A.A.</i> The Eaeu and Russia’s Opportunities for Developing Cooperation With Asean in the Field of Science, Technology and Innovation	750

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская ассоциация политической науки проводит в 2024 г. Десятый Всероссийский конгресс политологов с международным участием «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития». Символично, что Юбилейный конгресс проходит в год 35-летнего юбилея политологического образования в России. Поэтому совершенно естественным было решение выбрать такую тематику конгресса, которая демонстрировала бы все преимущества отечественной политической науки при объяснении происходящих трансформаций современного мироустройства и формирования новых полюсов исторического развития и политического целеполагания.

Конгресс посвящен отечественным политологическим ответам на современные вызовы: поиску и формулированию теоретических параметров новых мировых конфигураций. Эта цель напрямую связана с ролью России в выстраивании нового справедливого мирового порядка, а также с новым статусом России на мировой арене, основанным на всей полноте суверенитета.

Полицентричный мир, находящийся в фокусе тематики конгресса, актуализирует новые концептуальные подходы, основанные не на линейных нормативных схемах, а на признании определяющей роли многообразия и уникальности исторических путей развития, что определяет равнозначность путей политического развития, несводимую к единому образцу. Ценностный и цивилизационный подход ставится в центр теоретических конструкций и новых алгоритмов практической политики, ставя вопрос о новых парадигмах развития. Специфика социальных, ценностных и политических нюансов различных типов обществ ставит методологический вопрос о новых критериях политического развития и прогресса, фиксирует практическую потребность новых алгоритмов и механизмов мировой политики.

Показательной является тематическая палитра основных направлений работы конгресса, объединенных ключевыми идеями концептуализации новых теоретических моделей политического развития и многоаспектной проблемой вызовов полицентричного мирового порядка и вызовов полицентричному мировому порядку. Однопорядковой проблемой, составляющей семантическое поле всего теоретического проблемного пространства конгресса, выступает тематика цивилизационного потенциала России, ее субъектность и полнота суверенитета.

Цель конгресса — определение ключевых теоретических и практических вызовов, связанных с реконфигурацией мирового порядка в сторону более справедливой, устойчивой и привлекательной полицентричной организации. В теории это связано с исчерпанием доминирования западных линейных подходов, политических и идеологических проектов, выдвиганием в центр теоретических дискуссий и научного поиска новых подходов, признающих множественность путей политического развития. Обеспечение полноты суверенитета России как центра мирового порядка требует вовлеченности политологического сообщества, консолидации усилий как в академическом пространстве, так и в сферах политологического образования и политического просвещения.

Структура конгресса политологов предполагает работу в ряде форматов — заседания по основным тематическим направлениям конференции, заседания исследовательских комитетов, круглые столы и специальные заседания. Основные тематические направления и заседания исследовательских комитетов представлены ниже. Тематика круглых столов и специальных заседаний представлена в Программе конференции.

1. Основные тематические направления конференции:

- ОТ-1. Новый мировой порядок: политические конфигурации и основания
- ОТ-2. Субъекты и центры полицентричного мирового порядка
- ОТ-3. Новые теоретические модели политического развития
- ОТ-4. Вызовы полицентричного мирового порядка и вызовы полицентричному мировому порядку
- ОТ-5. Многообразие как резервуар политического развития: культура, ценности, религия
- ОТ-6. Цивилизационный потенциал России: субъектность и полнота суверенитета
- ОТ-7. Мировой порядок и мировые порядки
- ОТ-8. Россия: историческая память и образ будущего.
- ОТ-9. БРИКС, ШОС, СНГ: новые центры мирового порядка
- ОТ-10. Глобальное управление: возможности и вызовы
- ОТ-11. Россия в мировых порядках: вызовы и альтернативы развития
- ОТ-12. Стратегическое управление новыми рисками в полицентричном мире
- ОТ-13. Цифровая политика: власть, политики, институциональные сообщества.
- ОТ-14. Политологическое образование и политическое просвещение: роль в обеспечении цивилизационных приоритетов России

2. Заседания исследовательских комитетов РАПН

ИК-1. Исследовательский комитет по гендерной политологии: *«Социальный и политический потенциал женщин и мужчин в трансформирующемся мире»*

- ИК-2. Исследовательский комитет по институциональным исследованиям: *«Институциональный порядок и перспективы становления политического государства в России»*
- ИК-3. Исследовательский комитет по изучению мировой политики
- ИК-4. Исследовательский комитет по политической психологии
- ИК-5. Исследовательский комитет по политической социологии
- ИК-6. Исследовательский комитет по политической элитологии
- ИК-7. Исследовательский комитет по политологии права и правам человека
- ИК-8. Исследовательский комитет по сравнительной политологии
- ИК-9. Исследовательский комитет по гражданскому обществу, конфликтам и публичной политике: *«Публичная политика как институт и технологии выстраивания эффективного взаимодействия власти и гражданского общества в контексте турбулентности геополитических отношений»*
- ИК-11. Исследовательский комитет по изучению идей и идеологий в публичной сфере
- ИК-12. Исследовательский комитет по политической регионалистике
- ИК-13. Исследовательский комитет «Информационные технологии в политике»
- ИК-14. Исследовательский комитет по политическому управлению: *«Политическое управление в условиях глобальных изменений: проблема устойчивости современных государств»*
- ИК-15. Исследовательский комитет по геополитике и безопасности
- ИК-16. Исследовательский комитет по политической коммуникативистике
1. *Современные трансформации политических коммуникаций: содержание, механизмы, технологии, перспективы развития;*
2. *Политические коммуникации-2030: векторы социотехнологической гибридации*
- ИК-17. Исследовательский комитет по сравнительному изучению партий и избирательных систем
- ИК-18. Исследовательский комитет по политической идентичности. *В формате круглого стола «Политика развития и политика идентичности»*
- ИК-19. Исследовательский комитет по политической концептологии: *«Концептологический анализ постсоветской трансформации России»*
- ИК-20. Исследовательский комитет по государству, бизнесу и гражданскому обществу: *«Власть, бизнес, общество: баланс интересов в системе взаимоотношений»*
- ИК-21. Исследовательский комитет по политическому анализу
- ИК-22. Исследовательский комитет по публичной дипломатии: *«Новые грани острой силы в публичной дипломатии: в поиске актуальной терминологии»*
- ИК-23. Исследовательский комитет по межрегиональному международному сотрудничеству
- ИК-24. Исследовательский комитет по политической урбанистике
- ИК-25 по политической журналистике (организационное заседание)
- ИК-26 по политической интеграции (организационное заседание)

На конгресс поступило более 800 заявок. Экспертным советом была проведена экспертиза заявок и отобраны для участия представленные в настоящем издании материалы. Надеемся на плодотворное участие в заседаниях конгресса, обмен интересными идеями и обсуждение перспективных инноваций и планов.

*О.В. Гаман-Голутвина
М.М. Мчедлова
Л.Н. Тимофеева*

Абазов Д.
(Москва, Национальный исследовательский институт
развития коммуникаций, НИИРК)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ГРУЗИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ: СУЩЕСТВУЮЩИЕ НАРРАТИВЫ И АКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

На протяжении истории Южный Кавказ традиционно занимал важное место в мировой геополитике и был тесно связан с национальными интересами и безопасностью не только региональных, но и многих внерегиональных акторов.

Грузия традиционно занимала важное геостратегическое положение на Южном Кавказе. На сегодняшний день Грузия является наиболее важным элементом южно-кавказского геополитического пространства. Основные мировые акторы, такие как Европейский Союз и США, видят в Грузии определенные возможности как по более активному участию в региональных процессах и более глобальному воздействию на транспортно-логистические артерии Южного Кавказа, так и возможности по уменьшению торгово-экономического оборота, разрыву прочных культурных связей, и полному вытеснению российского влияния из региона.

В геостратегическом плане Грузия является связующим звеном для маршрутов «Север–Юг» и «Восток–Запад», через которые проходят огромные потоки энергоресурсов и других товаров. В свою очередь, такой во многом стратегический интерес к Грузии на протяжении долгого периода использовался коллективным Западом для внешнего управления политическими процессами как в самой стране, так и на Южном Кавказе.

Учитывая текущую мировую конъюнктуру и открытую фазу противостояния Запада и России, Южный Кавказ становится ареной для столкновения региональных и международных акторов, что, в свою очередь, сказывается на усилении напряженности.

С чем связан данный процесс? Во-первых, все процессы в мире, в том числе в регионе Южного Кавказа, нужно рассматривать, исходя из понимания того, что мы живем в так называемой системе, в которой доминирует теория управляемого хаоса или контролируемой нестабильности. Основная цель теории управляемого хаоса — перестроить массовое сознание и мировоззрение общества посредством жесткого воздействия современных средств манипуляций. Главным объектом модели управляемого хаоса являются властные элиты, в нашем случае лидеры стран Южного Кавказа.

Во-вторых, нужно отметить, что в регионе происходит жесткая поляризация политических сил. Формируется некая атмосфера нетерпимости. Нетерпимость выражается в том, что общество считает нынешнюю политическую элиту в Грузии предателями, которые отдаляют евроатлантическую повестку в угоду налаживания отношения с Россией.

В-третьих, политические силы и общества становятся все более радикальными. Любой политик, который выступает за какой-либо диалог, считается неким предателем. И в случае Грузии данная радикализация наиболее сильно проявляет себя в отношениях с Россией.

В Грузии во время Гамсахурдиа и особенно в период Саакашвили доминировала идея об отказе от всего, что связано с северным соседом, и принятии всего, что связано с Западом. Россию рассматривали лишь как агрессивного соседа, империю, которая то и дело пытается подавить другие общества. Однако после парламентских выборов 2012 года и прихода к власти «Грузинской мечты» появляется национально-ориентированное правительство, которое берет курс на более прагматичную и во многом прогрузинскую политику, в том числе в отношении с Россией и стратегическими союзниками.

После прихода к власти «Грузинской мечты» отношения во многих сферах активизируются, начинают активно развиваться торгово-гуманитарные отношения и научно-экспертные контакты.

Для современной России Грузия продолжает входить в сферу геостратегических интересов. Через территорию Грузии Россия может осуществлять воздушно-транспортные и другие виды коммуникаций с выходом в страны Восточной Европы, Центральной Азии и Ближнего Востока.

После начала кризиса на Украине и открытой фазы противостояния Запада и России Грузия взяла курс на политику невмешательства и во многом пошла против политики Запада и США по открытию «второго фронта» и введения санкций против России.

Такая политика позволила во многом выстроить доверительные и прагматичные отношения между двумя странами. Не стоит упускать и тот факт, что Южный Кавказ с геополитической точки зрения расценивается как наиболее уязвимое, «мягкое подбрюшье» России, поэтому любые «вспышки» на данном направлении могут серьезно отразиться не только на национальной безопасности, но и повлиять на возможность имплементации российских интересов и продвижение взаимовыгодного и взаимоуважительного сотрудничества со странами региона.

Абрамс А.Л., Муращенко С.В.
(Тула, ТулГУ)

РОЛЬ РОССИИ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКЕ США

В настоящее время американский доллар является резервной валютой и средством международных расчетов. С момента окончания Второй мировой войны доллар стал символом и инструментом экономического влияния Соединенных Штатов во всем мире, что привело к их глобальному доминированию. В то же время борьба России с долларовой гегемонией становится все более актуальной темой в международных отношениях, что обусловлено как экономическими, так и политическими факторами.

С момента введения санкций против России в 2014 году¹ экономическая политика Москвы начала смещаться в сторону уменьшения зависимости от доллара. Стратегия данной трансформации заключается в нескольких ключевых направлениях. Первое направление — диверсификация резервов. Россия начала активно накапливать золотовалютные резервы в других валютах, таких как юань, и золоте². Это позволяет уменьшить риск, связанный с возможными американскими санкциями. Второе — развитие расчетов в национальных валютах. Россия активно продвигает расчеты в рублях и валютах стран-союзников, таких как Китай и Индия³. Третье — создание альтернативных финансовых систем. Россия развивает собственные финансовые инструменты и системы, такие как система «Мир»⁴, которая служит альтернативой международной системе *SWIFT*, контролируемой Западом.

Геополитика также играет важную роль в противостоянии России долларовой системе. В последние годы наблюдается рост антимонопольных настроений среди стран БРИКС, ШОС и других развивающихся экономик, что создает потенциал для формирования новых альянсов, которые могут оказывать влияние на долларовую систему. Потенциально таким новым объединением является Конфедерация государств Сахеля, образованная в 2023 году⁵.

Такие события, как конфликт на Украине и напряженность между США и Китаем, переросшая в полноценную торговую войну⁶, также способствуют переосмыслению ролей валют в международной политике. Россия, выступая на стороне стран, которые стремятся к большему суверенитету в денежно-кредитных отношениях, может способствовать созданию многоуровневой финансовой системы, в которой доллар потеряет свою абсолютную власть.

Таким образом, доллар, как основа американского глобального доминирования, продолжает оказывать значительное влияние на экономическую и политическую повестку мира. В то же время Россия, осознавая риски, связанные с долларовой зависимостью, предпринимает активные шаги для противостояния этому влиянию. Диверсификация резервов, развитие расчетов в национальных валютах и создание альтернативных финансовых систем становятся важными факторами, способствующими устойчивости российской экономики в условиях глобальной неопределенности. Перспективы дальнейшего развития данной ситуации будут зависеть как от внешней политики России, так и от глобальных экономических изменений в системе международных отношений.

¹ РИА Новости. Хронология введения санкций и ответные меры России в 2014–2015 годах. URL: <https://ria.ru/20151125/1328470681.html>.

² РБК. WCG сообщил о рекордной за 55 лет покупке золота, лидеры — Россия и Китай. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/12/2022/63ae497c9a7947534011a1b8>.

³ Лента. Ру. В России нашли способ использовать зависшие рупии. URL: <https://lenta.ru/news/2024/05/07/v-rossii-nashli-sposob-ispolzovat-zavisshie-rupii/>.

⁴ Яблокова И.В. Национальная платежная система «Мир»: правовые аспекты информационных технологий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-platezhnaya-sistema-mir-pravovye-aspekty-informatsionnyh-tehnologiy>

⁵ Африканская инициатива. Альянс стран Сахеля и Того объединили таможенные информационные системы. URL: <https://affinz.ru/2024/07/alyans-stran-sahelya-i-togo-obedinili-tamozhennye-informacionnye-sistemy/>

⁶ Юношкينا А.С. Торговая война США с Китаем как попытка вернуть глобальное лидерство. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovaya-voyna-ssha-s-kitaem-kak-popytka-vernut-globalnoe-liderstvo>.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ТУРЦИИ

Реформирование системы внешнеполитических институтов Турции началось в 2002 г. с принятия «Национальной стратегии публичной дипломатии» и «Плана действий» и создания в 2010 г. Министерства публичной дипломатии, деятельность которого направлена на координацию взаимодействия государственных и общественных институтов, развитие диалога между бизнес-сообществами, расширение сферы культурной дипломатии и обменов в сфере образования. Это позволило сконцентрировать деятельность государственных институтов и структур гражданского общества на развитии новой модели практики публичной дипломатии, основными направлениями которой стали коммуникации «государство—общественность» и «общественность—общественность»¹.

Институциональной базой публичной дипломатии стала дипломатическая сеть во главе с МИД Турции, имеющая в общей сложности 246 представительств: 142 посольства, 11 постоянных представительств, 91 консульство и генеральное консульство, 2 других представительства², а также ряд международных организаций, среди которых Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА). К основным задачам ассамблеи относятся развитие политического диалога между странами-членами посредством парламентской дипломатии и парламентского сотрудничества, развитие условий для взаимовыгодного сотрудничества между тюркоязычными народами и странами других регионов, развитие политических, социально-экономических, культурных, гуманитарных, правовых аспектов среди политических партий стран—членов ТюркПА³. Также активно работают Организация тюркских государств (ОТГ), Организация исламского сотрудничества (ОИС) и др.

Агентами публичной дипломатии являются Институт им. Юнуса Эмре (*YEE*), Управления по делам соотечественников и проживающих за рубежом турок, Агентство по сотрудничеству и координации (*TİKA*), Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Управление по делам религий и Турецкий фонд «Диянет» (*TDV*), Турецкий центр стратегических исследований Азии (*TASAM*), Турецкий фонд Маариф (*TMV*) и др. В настоящее время в Турции работает более 50 аналитических центров⁴, которые получают серьезное финансирование и поддержку государственных органов, участвуя в экспертном сопровождении внешнеполитического курса страны.

Большую роль в развитии публичной дипломатии играют международное информационное Агентство «Анадолу» (AA), вещающее на 13 языках в 100 странах мира⁵, и Турецкая национальная телерадиокомпания (*TRT*), работающая в 27 странах на аудиторию более 250 млн человек и организующая ежегодный форум публичной дипломатии *TRT World Forum* в Стамбуле⁶.

Благодаря активной деятельности правительств, сегодня Турция занимает третье место по числу подписчиков своих дипломатических представителей в социальных сетях. По «индексу цифровой дипломатии — 2023», дающему представление об онлайн-влиянии мировых держав на основе учета таких категорий, как дипломатическая сеть, передача сообщений и видимость в социальных сетях, Турция в списке стран G-20 занимает 8-е место, а по индексу вовлеченности (эффективности сообщения) вообще стоит на 1-е месте с самым высоким показателем 10 баллов⁷.

Таким образом, институциональное обновление системы публичной дипломатии позволило Турции выйти на новый уровень развития международных связей и стать важным игроком на мировой арене, включая роль «дипломатического хаба».

¹ Çevik S. Turkey's State-Based Foreign Aid: "Turkey's Story" // *Rising Powers Quarterly*. 2016. NO. 1 (2). P. 55–67.

² Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Tarihçesi. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-cumhuriyeti-disisleri-bakanligi-tarihcesi.tr.mfa> (accessed: 13.09.2024).

³ Грозин А.В. Политика Турции в постсоветской Азии: подходы, институты, перспективы // *Постсоветский материк*. 2021. № 2 (30). С. 25–48.

⁴ Аватков В.А. Аналитические центры и научная политика Турции // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15. № 2. С. 178.

⁵ Anadolu Ajansı, bir asrı aşan haber yolculuğunda, yenilenen vizyonuyla öne çıkıyor. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/kurumsal-haberler/anadolu-ajansi-bir-asri-asan-haber-yolculugunda-yenilenen-vizyonuyla-one-cikiyor/2556292> (accessed: 15.09.2024).

⁶ URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkiye/trt-world-forum-hosts-panel-on-empowering-humanity/3078470> (accessed: 15.09.2024).

⁷ Digital Diplomacy Index // URL: <https://digital-diplomacy-index.com/index/> (accessed: 15.05.2024).

ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ РОСТА: ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

В дискуссиях социальных наук по современным проблемам социально-политического развития заметным трендом является обращение к междисциплинарным теориям и моделям. В их числе важным событием последних лет стала разработка Единой теории роста (*Unified growth theory*) (ЕТР), представленная в работах целого ряда известных авторов во главе с израильским экономистом Одедом Галором¹. Этот проект был назван «амбициозным и грандиозным», дающим «мощное сочетание фактов, теории и интерпретаций» (Роберт Солоу²). Оттолкнувшись от достаточно узкой и специализированной области математической экономики — теорий экономического роста, авторы ЕТР расширили свой подход на многие другие предметные области не только собственно экономики, но и политической науки, эволюционной биологии, истории, культурологии, географии и др.

Разработка ЕТР была предпринята в целях решения проблем и недостатков эндогенной модели экономического роста, дебатировавшейся в экономической науке. В результате была предложена динамическая модель экономического роста, открывшая фазовый переход в экономической истории человечества от фазы экономической стагнации к современной фазе устойчивого роста. Был описан и механизм этого перехода. Он состоит в постоянном и непрерывном процессе технологических усовершенствований в производстве, которые периодически «поглощаются» ростом населения, что не дает росту стать устойчивым и порождает стагнацию. Эта фаза «мальтузианской ловушки» (или «дарвиновского закона размножения») характерна для большей части истории человечества. Но с началом промышленной революции в конце XVIII в. начинается фазовый переход: технологический прогресс требует образования или инвестиций в «человеческий капитал», численный рост населения замедляется (семьи инвестируют в образование, а не в число потомков), что вызывает демографический переход. Производство благ возрастает и уже не «поглощается» ростом населения, что характеризует фазу устойчивого роста.

Сильной стороной ЕТР является возможность эмпирической проверки теоретических гипотез. Серия проведенных исследований на разнообразном материале экономической и социальной истории в основном подтверждает различия в корреляциях между технологическим прогрессом и колебаниями в численности населения в период стагнации и в период роста, а также количественные корреляции между технологическим прогрессом, ростом расходов на образование и демографическим переходом и др. В этом плане интерпретации ЕТР выглядят достаточно убедительно.

Важным аспектом ЕТР является включение в нее и других факторов роста: политико-институциональных, культурных, географических, природно-климатических, биогенетических и возможностей их эмпирического исследования. Включение и исследование этих факторов позволяют объяснить истоки неравенства между странами и регионами в экономическом развитии и особенности, темпы и характер экономического роста и сам переход к этой фазе.

И здесь ЕТР напрямую соприкасается с политической наукой. В исследовании роли институтов при переходе к устойчивому росту ее авторы обращаются к теории институциональной динамики Д. Асемоглу и Дж. Робинсона³, в которой рассмотрено, как формирование политических и экономических институтов в определенный исторический период влияет на дальнейшее развитие и экономическое неравенство. Выделенные в ней типы экстрактивных/неинклюзивных и инклюзивных институтов используются в аналитическом инструментарии ЕТР. В целом именно инклюзивные институты наиболее благоприятны для перехода к фазе устойчивого экономического роста, в то же время, как замечает Галор, приводя ряд исторических примеров, «неинклюзивные политические институты могут сосуществовать с жизнеспособными инклюзивными экономическими институтами, но это было скорее исключением, чем правилом...»⁴. Резюмируя, он показывает, как одни институты подкрепляли благоприятный цикл технического прогресса и численного состава населения, ускоряя переход к росту, а другие замедляли рост и сдерживали развитие.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-18-00383 «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН).

¹ См.: Русский перевод адаптированного издания книги: Галор О. Путь человечества: истоки богатства и неравенства. М.: АСТ, 2022.

² Слоу Роберт — лауреат Нобелевской премии по экономике за 1987 г.

³ Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. М., 2015.

⁴ Галор О. Путь человечества: истоки богатства и неравенства. М.: АСТ, 2022. С. 170.

В таком же ключе — с точки зрения содействия либо противодействия базовому циклу устойчивого роста — в ЕТР рассматриваются и другие факторы — культурный, географический, биогенетический. Все они в той или иной мере ориентируются на эмпирическое подтверждение. В частности, в отношении биогенетического фактора делаются попытки показать, что слишком большое генетическое разнообразие и слишком малое для экономического роста может быть менее благоприятно, чем усредненное. Корректность этого положения вызывает критику ряда биологов.

Авзалова Э.И.

(Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

ОНЛАЙН-ПЕТИЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ ГРАЖДАН НА ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

С развитием информационных технологий Интернет становится реальным инструментом политики. Использование ресурсов сети Интернет в политической практике последних лет дает основание говорить о возможности превращения сетевых коммуникаций в доминирующие каналы политических форумов.

Под влиянием разных факторов (тип доминирующей политической культуры, особенности функционирования политических институтов) в каждом государстве складывается различная степень вовлеченности граждан в политику. Совокупность различных способов вовлечения граждан в политику охватывается понятием «политическое участие». В настоящее время перспективным направлением институционализации форм участия граждан в принятии важных политико-управленческих решений является выдвижение и развитие концепций «онлайн-политики».

Практики интернет-участия граждан в политике охватывают множество различных форм. Одним из наиболее интересных его проявлений являются онлайн-петиции. Особую актуальность данная форма гражданского активизма получила в условиях карантинных мер во время пандемии COVID-19.

Среди исследователей нет единого мнения о сущности онлайн-петиций. В общих чертах онлайн-петиции можно определить как коллективное обращение граждан в государственные и негосударственные органы в сети Интернет с целью влияния на принятие политико-управленческих решений.

Сегодня сервисы онлайн-петиций существуют на многих платформах.

Как отмечает О.Н. Демушина, «Все порталы можно разделить на три группы: созданные органами власти, представителями партий и возникшие по инициативе общественности». К первой группе исследователь относит сайты «Российская общественная инициатива» и «Петиции Президенту»; ко второй — интернет-сервисы «Народная инициатива КППРФ» и «Просто россияне». Третья группа объединяет ресурсы «Online Petition.ru», «Демократор.ру», «Change.org», «Наше мнение», «Демократия 2»¹.

Один из самых первых реализованных в России проектов — «Российская общественная инициатива». Интернет-ресурс запущен с целью размещения инициатив граждан и голосования по ним. Данный сайт создан в соответствии с Указом Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «для развития и укрепления гражданского общества, защиты прав человека и гражданина, участия граждан в управлении делами государства». «На нем граждане России, авторизованные через поддерживаемую государством систему идентификации граждан ЕСИА, могут выдвигать различные гражданские инициативы либо голосовать за таковые. Инициативы, набравшие сто тысяч голосов, рассматриваются экспертными группами, наделенными правом рекомендовать их для рассмотрения Госдумой»².

В регионах России также создаются ресурсы для электронных обращений граждан. Так, «в Перми работает проект *StreetJournal.org* — аналог английской системы *FixMyStreet*, куда граждане присылают жалобы обо всех жилищных проблемах. В идеале, как говорят пермские чиновники, этот сайт должен стать виртуальной моделью краевого правительства, где будут четко отображены все стадии бюджетного планирования и распределения. Аналогичные проекты созданы в Казани (*DaiSignal.ru*), Красноярске (*KrasRoad.ru*)»³.

Эффективность онлайн-петиций достигается благодаря доступности, оперативности и широким мобилизационным возможностям. «Онлайн-петиция как форма электронной демократии получила широкое распространение благодаря доступности создания и возможности привлечь большее коли-

¹ Демушина О.Н. Порталы электронных петиций как форма взаимодействия институтов власти и граждан в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. СКАГС. 2016. № 4. С. 177–178

² Кулик А.Н. Интернет-ресурсы: политическое участие в сети, deliberативная демократия, «правление в сотрудничестве». URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.1/13.pdf>.

³ Тихомиров В. Здесь будет город-сайт // Коммерсантъ. 2012. 12 марта. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1887312>.

чество единомышленников. Объединяющим фактором для участников полилога в интернет-сообществах являются общие интересы, задачи и цели»¹.

Таким образом, онлайн-петиции становятся значимым инструментом влияния граждан на принятие политических и управленческих решений. Они отличаются мобильным и организованным характером, широкими возможностями по привлечению к решению важных общественных проблем правительственных и неправительственных структур, политических партий и лидеров, традиционных СМИ, международных организаций. Потенциал онлайн-петиций обуславливает актуальность дальнейших исследований и разработок в этой сфере.

Авцинова Г.И.
(Москва, РГСУ)

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА, ОБЩЕСТВА В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЕКТОР И НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

Процессы цифровизации, формируя новые социально-политические реалии, ускоряют мобилизацию общества на поиск цифровых моделей коммуницирования власти, бизнеса и общества, разработку актуального понятийно-категориального аппарата. Государственная политика цифровизации — это составная часть внутренней и внешней политики, целенаправленная, научно обоснованная деятельность государства и других акторов по разработке и внедрению цифровой продукции и технологий с целью повышения эффективности государственного управления, уровня и качества жизни, обеспечения безопасности и гражданского согласия. В предложенной трактовке политики цифровизации подчеркивается ее внутривластный и внешнеполитический аспекты. Констатируется, что не только государство, но и другие субъекты являются акторами процесса цифровизации (бизнес, цифровые компании, учебные заведения, научно-исследовательские структуры, фонды, пользователи Интернета), обозначена ее конечная цель. Данный термин отражает и объективный процесс глобальной конкуренции стран за цифровое лидерство, и национальную специфику при переходе на цифровой формат. Цифровая отсталость равносильна потере статуса мировой державы. Термин «цифровизация политики» в большей степени отражает организационную деятельность государственных органов и других акторов, направленную на выбор приоритетного вектора цифровизации, разработку и внедрение национальных моделей, стратегий и программ цифровизации, в которых определены конкретные цели, этапы, технологии, ресурсы, риски формирования цифровой инфраструктуры и мышления. Термин «цифровая политика» отражает цифровизацию политической сферы общества. В рамках институтов цифрового пространства выстраивается диалог власти и общества, конкурируют политические силы, формируется и продвигается имидж политиков, власти, страны. Цифровыми институтами, требующими онлайн-участия граждан, являются: цифровые площадки по выдвигению общественных инициатив, сбора подписей, созданию петиций; официальные онлайн-форумы граждан; интерактивные сообщества; блоги и страницы институтов власти и должностных лиц в социальных сетях; интерактивные приложения для мобильных устройств, позволяющие артикулировать, аккумулировать и агрегировать социальные запросы граждан с их последующей трансляцией представителям власти; площадки для общественного обсуждения проектов нормативно-правовых актов. «Цифровая политика» — это деятельность политических акторов, направленная на разработку и внедрение цифровых продуктов, структур, институтов, технологий элементов политической системы общества, через которые оказывается влияние и воздействие на социально-политическое пространство страны в целом. Цифровая политика включает всю совокупность институциональных, коммуникационных, интеракционных, информационных, экономических, правовых, социокультурных и других отношений.

После начала СВО обозначились следующие тенденции. Общество все больше проявляет себя как гражданское общество, а бизнес как социально ориентированный и ответственный. Гражданские организации «нарабатывают» политический капитал. В долгосрочной перспективе гражданское общество должно позиционировать себя через принятие приоритета государственных интересов над интересами других акторов при непосредственной поддержке государства. Именно государство играет роль интегрирующего института, объединяющего артикулированные и агрегированные группы интересов, что не отрицает, а предполагает их конкуренцию и соперничество, но в русле осмысления исторического момента, переживающего страной, первоочередных и стратегических задач, а также в контексте определения своего места в государственных процессах. Сегодня баланс интересов может быть

¹ Широков И.С. Онлайн-петиции и электронные обращения как форма электронной демократии в России: проблемы и перспективы // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 39. С. 47.

достигнут на основе приоритета общегосударственного интереса, укрепления доверия, расширения сотрудничества и социального взаимодействия.

Отметим некоторые направления достижения баланса интересов власти, бизнеса и общества. Расширение онлайн-площадок деятельности комплексных экспертных групп, состоящих из представителей власти, бизнеса и общественности, компетентных в области обсуждаемых проблем, основной задачей которых должно стать как обсуждение предложений, так и принятие решений, а также контроль над их выполнением с помощью офлайн- и онлайн-площадок. Оперативное реагирование власти, бизнеса и общества на интересы и запросы друг друга. Не только власть должна «идти навстречу» бизнесу и обществу, но и они должны поддерживать инициативы власти, оказывать помощь в совместном решении проблем (обеспечение общественной безопасности, социализация граждан, защита интересов государства, формирование позитивного имиджа России и др.). Совершенствование законодательства, особенно в области кибербезопасности, повышение цифровой грамотности и гигиены, адекватно модификациям цифрового контента, важнейшее направление.

Агабекян Р.К., Сизоненко А.Ю.
(Краснодар, КубГУ)

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ РФ: АНАЛИЗ ЦИФРОВЫХ ПРОФИЛЕЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ, ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ И ГОРОДА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ МОСКВЫ*

Семейная политика — относительно обособленная часть социальной политики, воздействующая на функционирование семьи как на один из общественных институтов. Государственная семейная политика, в свою очередь, представляет целостную систему принципов, задач и приоритетных мер. Сегодня в условиях демографических вызовов, с которыми сталкивается современная Россия, изучение государственной семейной политики приобретает особую значимость. Совершенствование механизмов реализации семейной политики является приоритетной задачей государственного управления. Однако существует проблема, которая связана с недостаточной информированностью населения о мерах поддержки семей, что снижает эффективность проводимой государством политики.

С 1 декабря 2022 года на органы власти возлагается обязанность по созданию и ведению своих официальных аккаунтов в таких социальных сетях, как «Одноклассники» и «ВКонтакте». Однако в рамках данного исследования анализ деятельности профильных департаментов и министерств, реализующих семейную политику в выбранных субъектах, был проведен в «ВКонтакте» и *Telegram*-пространствах, так как после 2022 года возросла их популярность в России. Сравнительное исследование онлайн-активности данных органов власти позволит выявить особенности освещения вопросов семейной политики в регионах, а также выработать рекомендации по повышению эффективности этой коммуникации.

Для анализа исследовательского проекта «Патриотические и семейные ценности как константы цивилизационного развития России» были выбраны следующие субъекты: Краснодарский край, Тверская область и город федерального значения — Москва.

В составе Правительства Москвы отвечает за реализацию семейной политики Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы. В «ВКонтакте» и *Telegram*-пространствах он представлен как «Департамент добрых дел». Официальное сообщество департамента во «ВКонтакте» было создано 15 января 2016 года. В 2023 году оно получило свое нынешнее название. На момент изучения количество подписчиков сообщества составляло 36 тыс. пользователей. Навигационная система сообщества организована удобно: переходы на страницы реализуемых департаментом проектов, ссылки на другие информационные ресурсы департамента. Активность ведения сообщества характеризуется высокой публикационной частотой — в среднем 3–6 постов ежедневно. Однако уровень вовлеченности аудитории относительно низкий.

Telegram-канал «Департамент добрых дел» был создан 3 апреля 2020 года. Количество подписчиков канала на момент исследования составило 11,6 тыс. человек. В описании канала размещены основные ссылки на ресурсы департамента, а также установлен канал обратной связи. Контент в канале дублирует контент сообщества во «ВКонтакте». Охваты публикаций в *Telegram* можно охарактеризовать как средние. Реакции подписчиков также находятся на относительно невысоком уровне.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта № И124092000059-0 «Патриотические и семейные ценности как константы цивилизационного развития России» (2024).

В Тверской области вопросы реализации семейной политики находятся в ведении Министерства семейной и демографической политики, входящего в структуру Правительства Тверской области. Официальное сообщество Министерства во «ВКонтакте» было создано 29 июня 2020 года. В шапке сообщества размещена основная информация о деятельности министерства, а также важные ссылки и контактные данные. Количество подписчиков сообщества на момент исследования составляло 37 тыс. человек. Публикационная активность характеризуется высокой частотой — от 1 до 3 постов в день. Уровень вовлеченности аудитории относительно низкий, за исключением публикаций с резонансными темами.

Официальный *Telegram*-канал министерства был создан позднее — 29 марта 2022 года. На момент исследования количество подписчиков канала составляло 176 человек, что свидетельствует о его невысокой активности развития. Контент *Telegram*-канала не дублирует публикации в сообществе «ВКонтакте», а представлен в основном репостами из других официальных сообществ Тверской области. Охват публикаций канала можно оценить как средний, при этом пользовательское взаимодействие отсутствует.

В Краснодарском крае реализация семейной политики осуществляется Министерством труда и социального развития. Оно представлено официальным сообществом во «ВКонтакте», созданным 25 сентября 2015 года. На момент исследования количество подписчиков сообщества составляло 9 тыс. пользователей. Навигационная система сообщества организована удобно, предоставляя переходы на сторонние информационные ресурсы министерства. Публикационная активность характеризуется высокой частотой. Вовлеченность аудитории сообщества относительно невысокая.

Telegram-канал министерства насчитывает свыше 10 тыс. подписчиков. Создан 2 марта 2022 года. В описании канала размещены основные ссылки на социальные сети и информационные ресурсы министерства. Контент *Telegram*-канала дублирует публикации сообщества «ВКонтакте», сохраняя аналогичную частоту.

В дальнейшем в рамках грантового исследования будет проведен более углубленный анализ дискурсивных полей в рассматриваемых информационных источниках с применением методик и технологий *Big Data*. Это позволит всесторонне изучить особенности освещения вопросов семейной политики профильными органами в социальных медиа.

Агазаде М.М.
(Москва, РУДН)

«ТУРЕЦКИЙ ПОЛУМЕСЯЦ» НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ: ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

С приходом к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. Турция, имеющая общее историческое прошлое с Ближним Востоком, Северной Африкой и Южным Кавказом, не только активнее сотрудничает со странами этих регионов, но и занимает особое место в региональных военно-политических процессах. В результате политики турецких властей во главе с Р.Т. Эрдоганом за последние 20 лет Турция превратилась в одного из ключевых региональных игроков в вышеперечисленных регионах, способного защищать собственные национальные интересы.

Учитывая активную политику Турции в этих регионах, автор вводит термин «турецкий полумесяц»¹, под которым понимается влияние и/или присутствие Турции в Ливии, на Кипре, в Сирии, Ираке, Азербайджане, Катаре и Сомали. Турция имеет военные базы или военно-тренировочные базы во всех вышеуказанных странах.

Политику Турции в ливийском направлении необходимо рассматривать в контексте ее стратегии в Восточном Средиземноморье. Особенно стоит уделить внимание меморандуму о взаимопонимании по вопросам делимитации морской юрисдикции в Средиземноморье, подписанному между Турцией и Правительством национального согласия 27 ноября 2019 г.

Кипр, занимающий стратегически важное расположение в Восточном Средиземноморье, находился под турецким контролем с 1571 по 1878 г. После кипрского кризиса 1974 г. сначала было создано Турецкое федеративное государство Кипра, а затем в 1983 г. была провозглашена независимость Северного Кипра. Турецкие вооруженные силы имеют на Северном Кипре контингент численностью 40 тыс. военнослужащих под названием Командование турецких миротворческих сил.

Сирийский конфликт, начавшийся в 2011 г., является одним из основных вопросов, стоящих на повестке дня в региональной и глобальной политике. Начиная с 2016 г. турецкая армия проводила 5 успешных военных операций на территории Сирии — операция «Щит Евфрата» с августа 2016 г.

¹ Автор данной статьи неоднократно говорил о «турецком полумесяце» в своих выступлениях на научных мероприятиях различного уровня. Этот термин был воспринят учеными с большим интересом.

по март 2017 г., операция «Оливковая ветвь» в январе—марте 2018 г., операция «Источник мира» в октябре 2019 г., операция «Зимний орел» в феврале 2022 г. и операция «Коготь-меч» в ноябре 2022 г.¹

Ирак является важной соседней страной для Турции с точки зрения безопасности, энергетики, торговли и социального взаимодействия. Такие вопросы, как курдская проблема, терроризм, распределение водных ресурсов, энергетические ресурсы, и положение туркмен в Ираке, занимают особое место в отношениях между двумя странами. На данный момент еще одним важным направлением в турецко-иракских отношениях является транспортный проект «Путь развития».

Географическое расположение Азербайджана позволяет ему играть роль «моста» между Турцией и странами Центральной Азии. В частности, после победы Азербайджана во Второй карабахской войне в 2020 г. и создания Организации тюркских государств в 2021 г. возросло значение Азербайджана для продвижения турецких интересов в Центральной Азии. Подписав Шушинскую декларацию 15 июня 2021 г., Турция и Азербайджан официально стали военными союзниками.

До прихода к власти в 2003 г. Р.Т. Эрдогана особого прогресса в турецко-катарских отношениях не наблюдалось. До 2010 г. двусторонние отношения в основном развивались в торгово-экономической сфере, однако с началом «арабской весны» на первый план вышли вопросы безопасности. Новая страница в турецко-катарских отношениях открылась 19 декабря 2014 г., когда был подписан меморандум о взаимопонимании, направленный на укрепление двустороннего военно-оборонного сотрудничества и позволяющий Турции создать военную базу в Катаре. В результате Турция открыла свою первую зарубежную военную базу в Катаре в 2015 г. Турецкий фактор в Катаре усилился в 2017—2020 гг. — в период «катарской блокады». Именно при поддержке Турции была предотвращена попытка переворота в Катаре, что сделало блокаду фактически бессмысленной.

Турецко-сомалийские отношения приобрели новый характер после официального визита Р.Т. Эрдогана в Сомали 19 августа 2011 г. После этого визита началась крупнейшая зарубежная операция Турции по оказанию помощи, и с тех пор Сомали было предоставлено более 1 млрд долл. США в области гуманитарной помощи и развития. В 2017 г. была открыта турецкая военно-тренировочная база вблизи Могадишо для обучения и укрепления сомалийской армии. Важным событием в двусторонних отношениях стало подписание рамочного соглашения об оборонном и экономическом сотрудничестве между странами, подписанного 8 февраля 2024 г.

Таким образом, за последние 20 лет эрдоганская Турция создала серьезную турецкую геополитику на перекрестке трех континентов.

Акопова Т.С.
(Ярославль, Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Цифровизация в настоящее время является глобальным трендом, проникающим во все сферы жизнедеятельности человека. Современный мир уже немислим без цифровой среды. Цифровые технологии стремительно входят в сферу власти и политики, оптимизируя многие процессы. Вместе с тем следует заметить, что цифровизация политической сферы включает в себя не только появление удобных цифровых инструментов, позволяющих повысить эффективность политического процесса, цифровая среда порождает и новые вызовы.

Цифровизация избирательного процесса в текущем электоральном цикле 2024 года набрала серьезные обороты, в том числе благодаря президентским выборам в марте 2024 и Единому дню голосования в сентябре 2024 (ЕДГ-2024). Это выразилось в увеличении количества регионов, желающих применить данный инструмент, в том числе использовать впервые. В настоящее время почти половина субъектов РФ хотя бы один раз, хотя бы на выборах муниципального уровня использовала дистанционное электронное голосование и/или электронное голосование (г. Москва).

В ЕДГ-2024 дистанционное электронное голосование применялось в 10 субъектах Российской Федерации — на территории всего региона, а в 15 субъектах Российской Федерации — на отдельных выборах, в том числе муниципальных. Итоги выборов подводились последовательно по пяти часовым поясам, что, безусловно, явилось, с одной стороны, новым преимуществом для работы системы избирательных комиссий в регионах и привело к ускорению процесса подведения итогов на этих территориях. С другой стороны, стало серьезным испытанием для самой системы электронного голосования и новым вызовом для ее разработчиков.

¹ Türkiye — Suriye Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyet Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-suriye-siyasi-iliskileri-.tr.mfa> (accessed: 23.03.2024).

Анализ данных программно-технического комплекса дистанционного электронного голосования (ПТК ДЭГ) показывает, что суммарно в ЕДГ-2024 явка составила 89%, а результативность голосования составила 99,5%. Наиболее высокая явка (92–94%) отмечалась в регионах, где выборы проводились на всей территории субъекта (выборы глав субъектов и законодательных представительных органов), наименьшие показатели явки около 40% продемонстрировали лишь отдельные территории, где проводились только местные выборы.

В любом случае явка на дистанционное электронное голосование, от числа заявившихся на этот вид голосования выше, чем явка на традиционное голосование на избирательные участки. В этом большое преимущество использования цифрового инструмента в избирательном процессе.

Серьезным вызовом дистанционному электронному голосованию были и остаются многочисленные попытки взлома системы и DOS-атаки. Следует заметить, что 2024 электоральный год отличался многократным увеличением попыток вмешательства в систему. Система дистанционного электронного голосования благодаря усилиям разработчиков программно-технического комплекса компании «Ростелеком» и Министерству цифрового развития успешно справилась с защитой от внешних воздействий. Данный факт в очередной раз доказывает прочность и надежность дистанционного электронного голосования.

Вызовы цифровым технологиям в избирательном процессе связаны также с доверием избирателей. Этот вызов, в отличие от технологических решений преодолевается сложнее и медленнее. Лишь треть избирателей, использующих новые цифровые инструменты в процедурах голосования, доверяют им полностью. Половина голосующих через систему ДЭГ и систему электронного голосования высказывают сомнения в прозрачности и открытости системы. Решение данной проблемы видится в расширении просветительской деятельности, повышении цифровой грамотности, развитии института общественного наблюдения за цифровыми инструментами электорального процесса.

Таким образом, цифровизация избирательного процесса в современном ее состоянии продолжает успешно решать вопросы внешних и внутренних вызовов и угроз.

*Аласания К.Ю., Мощелков Е.Н.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Сегодня, в эпоху радикальных геополитических столкновений, вопрос о ценностных основаниях укрепления и развития российского государства и общества встает с особой остротой.

Специфика текущих социально-политических трансформаций может быть описана в терминах цивилизационного противостояния или «цивилизационной войны». При определении цивилизации классики цивилизационного подхода всегда в той или иной форме обращаются к ценностным основаниям формирования цивилизации, поскольку цивилизация — одно из тех понятий, научные споры вокруг определения и сущностных характеристик которого ведутся до сих пор. Важнейшее дискуссионное поле традиционно выстраивается вокруг соотношения понятий «цивилизация» и «культура». Концептуальная связка «цивилизация—культура» имеет особое значение, поскольку благодаря рассмотрению этого соотношения довольно четко проявляются аксиологические аспекты цивилизационной проблематики.

В знаменитой работе «Столкновение цивилизаций» Самуэль Хантингтон, рассуждая о соотношении цивилизации и культуры, говорит о том, что противопоставление этих понятий — случай, скорее, исключительный или, точнее, характерный для одной из национальных теоретических школ — немецкой. В Германии (и только там, по утверждению Хантингтона) принято ассоциировать цивилизацию с технологическими и материальными факторами, в то время как культура подразумевает нечто, связанное с идеалами, ценностями и моралью. Такая позиция является, действительно, не самой распространенной, но важнее, что она становится совсем не продуктивной в случае, если речь идет о цивилизационной идентификации. Трудно не согласиться с Хантингтоном в том, что самоопределение современного человека невозможно вне таких категорий, как история, общество, религия, ценности, традиции. Но этот тезис (по понятным причинам) неотделим от другого тезиса о том, что «мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы»¹. Разумеется, «столкновение цивилизаций» как метафора современного политического порядка в своей основе имеет не просто идею о том, кто мы, но и о том, в чем наше отличие от других. Для Хантингтона к этому добавляется «против кого мы». Так вот эти отличительные особенности, по сути, и составляют цивилизационную идентичность или цивилизацию, которая включает в себя и то, что условно можно назвать «проявленным», и то, что можно обозначить как «непроявленное».

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 48.

Представляется, что в ситуации цивилизационной войны залогом победы или, по крайней мере, получения превосходства является возможность влиять на ценности, фундирующие существование цивилизации, с которой происходит противоборство. Таким образом, особое внимание в следует уделять аксиологическому аспекту цивилизационной войны, а именно аргументации того, почему духовные ценности, наряду с территориями, промышленным потенциалом, природными ресурсами, можно и нужно рассматривать как важнейшую цель цивилизационной войны, которую в настоящее время коллективный Запад ведет против России.

Очевидно, что существует несколько основных направлений, по которым ведется «ценностное наступление» Запада. Среди этих направлений — замена традиционных ценностей антихристианской, постмодернистской моралью, а точнее, аморализмом; снижение уровня и качества системы образования на основе болонской системы; отрыв сознания населения от национальных исторических корней; разжигание противостояния отдельных групп населения на национальной и конфессиональной почве.

В сложившейся ситуации важно показать, во-первых, что государственная политика по сохранению традиционной российской цивилизационной идентичности является одновременно стратегией сопротивления Западу в цивилизационной войне; во-вторых, что эта политика должна быть основана на понимании о том, что Россия — это уникальное и самобытное духовно-идеологическое образование, ядро которого сформировалось тысячелетней историей российской государственности, условиях уникального полиэтничного состава населения, особой климатической и природно-географической среды.

Албаков А.Ш.
(Екатеринбург, УрФУ)

ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

В современном мире понятие исламского экстремизма вызывает множество споров и дискуссий. «Его политизация создает социальную и политическую напряженность»¹. С одной стороны, проявления насилия, названные «экстремистскими», действительно имеют место и угрожают безопасности многих стран. Группы, действующие под флагом радикального ислама, порой совершают акты террора, обращаясь к религиозным текстам, искаженным в угоду своим корыстным интересам. Результатом этого становится не только страдание невинных людей, но и ухудшение имиджа ислама в целом. С другой стороны, ставить знак равенства между исламом и экстремизмом было бы грубой ошибкой. Большинство мусульман ведут мирную жизнь и отвергают насилие. Они выступают против использования религии как оправдания жестокости. Учитывая сложность вопроса, важно различать реальное положение дел и мифы, порожденные страхом и предвзятостью.

Одним из ключевых факторов, способствующих радикализации, является социальное неравенство и отсутствие возможностей для молодежи. Во многих регионах мира, где активно действуют экстремистские группы, молодежь сталкивается с безработицей и отсутствием перспектив. Это создает идеальную почву для манипуляций, в ходе которых им предлагают идеологию, обещающую смысл и цель жизни. Поэтому важно обращаться к коренным причинам, чтобы предотвратить возникновение новых угроз.

Кроме того, роль внешних вмешательств в политические дела стран также нельзя недооценивать. Военные конфликты, дестабилизация государств и вмешательство в их внутренние дела способствуют возникновению экстремистских группировок. Они используют хаос и нестабильность для оправдания своих действий, делая акцент на неверных интерпретациях ислама и привлекая сторонников.

Важным элементом противодействия исламскому экстремизму является образование. Образование играет ключевую роль в формировании мировоззрения и толерантности. Понимание различных аспектов ислама и развитие критического мышления могут помочь в разрушении мифов и предвзятостей, активно используемых радикальными группами для своих целей. Диалог между культурами и религиями также способствует улучшению взаимопонимания и снижению напряженности.

Кроме того, следует обратить внимание на важность социальной интеграции молодежи. Создание платформ для активного участия молодежи в общественной жизни может существенно снизить уровень отчуждения и безысходности. Программы волонтерства, стажировки и молодежные инициативы помогут создать у молодежи чувство принадлежности и ответственности за свою общину, тем самым предотвращая их вовлечение в радикальные группы.

Не менее значимым является и поддержка семейных структур, которые играют ключевую роль в воспитании детей и молодежи. Программы по повышению родительских компетенций, создание без-

¹ Керимов А.А., Шуталева А.В. Ислам в политическом процессе // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: Сб. материалов конференции. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Изд-во «Деловая книга», 2019. С. 213–215.

опасной среды для обсуждения проблем и потребностей молодежи помогут укрепить семьи и снизить их уязвимость к экстремистской идеологии. Кроме того, важно продвигать позитивные альтернативы. Успешные истории людей, сумевших реализовать себя без участия в радикальных группах, могут вдохновить молодежь искать законные пути достижения своих целей.

Необходимо также учитывать, что радикализация может происходить в самых разных контекстах, и часто ее корни лежат не в религии, а в социальных неравенствах, отсутствии возможностей и политической репрессии. Многие исследователи подчеркивают, что молодежь, которая попадает в сети экстремистских группировок, часто ищет смысла и принадлежности, чего ей не хватает в обществе. Эти группы изошренно манипулируют их надеждами и страхами, предлагая им идентичность и цель.

Важно также упомянуть, что меры, направленные на борьбу с терроризмом, должны учитывать эти социальные аспекты. Простые репрессии и жесткие меры без понимания корней проблемы часто приводят к обратному эффекту, укрепляя позиции экстремистов и подрывая доверие к государственным институтам. Эффективная политика должна сосредоточиться на интеграции и образовании, а также на диалоге с мусульманскими общинами.

В завершение можно сказать, что исламский экстремизм является многогранным явлением, которое требует комплексного подхода к его изучению и преодолению. Нельзя игнорировать важные социальные факторы и при этом упрощать вопрос, сводя его к религиозным догмам. Истинное понимание требует тщательного анализа и открытого обсуждения.

*Алейников А.В., Мальцева Д.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)*

РИСК-МЕНЕДЖЕРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В СТРУКТУРЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ*

Политические пространства современности, испытывающие на себе всепроникающее влияние амбивалентных процессов глобализации, высокой индустриализации, цифровизации, а также затянувшихся мировых кризисов и конфликтов, нуждаются в разработке инновационного методологического маршрута для актуальной рефлексии относительно организации политического порядка.

Тенденции эскалации глобальных конфликтов побуждают к теоретическому и практическому рассмотрению роли рисков в структуре стратегического политического управления, которые представляются магистральными факторами, влияющими на определение приоритетов стратегической политической повестки, политического курса государства (далее — большой стратегии).

Большая стратегия как модель диагностики магистральных рисков, воздействующих на государственную систему, с одной стороны, и как эффективный сценарий интенсификации его стратегических возможностей (поиска точек роста) в условиях возрастающей потребности прогнозирования будущего — с другой.

Таким образом, феномен рисков выступает магистральным понятием в общей структуре современного стратегического политического управления.

Исследование актуальных конфигураций глобального «общества риска», его особенностей и трансформаций, а также описание современных определений и теоретико-методологических характеристик понятия «риск» указывают на то, что основным его маркером на сегодняшний день является неопределенность последствий (в противовес популярному ранее индикатору «однозначный ущерб»). Амбивалентность и неоднозначность каждого решения, сопряженность каждого блага с практически неизбежными потерями выступают семантической трактовкой нестабильного общества, общества риска. В связи с этим необходимо использование междисциплинарной призмы анализа рисков, позволяющей зафиксировать их актуальные конфигурации, оценить тональность, спрогнозировать интенсивность потенциальных эффектов.

Оценка национального ландшафта сферы управления рисками демонстрирует, что понимание риск-эффектов в структуре стратегического политического управления России носит преимущественно негативный, деструктивный в системном смысле характер, что навеяно затянувшимися интенциями и пережитками «сверхстабильного» советского прошлого. Это означает, что социально комфортнее воспринимать риск как некое (неизвестное) последствие управленческой деятельности, которое неизбежно приводит к утрате стабильности, ущербу, что критично и для групп населения, и для представителей государственной власти в противовес более конструктивному пониманию риска как возможности (парадокс «Эллсберга»).

* Исследование выполнено в рамках проекта «Модели риск-менеджмента в структуре формирования политического курса РФ в условиях глобальной турбулентности: стратегии, механизмы и практики», который реализуется в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Подобная рефлексивность в отношении рисков является трагичной, потому как нежелание принимать нетривиальные политические решения в условиях нестабильности ведет к нарастанию темпов отставания от государств, которые уже инкорпорированы в общество глобального риска и научились органически принимать эффективные решения соразмерно обстоятельствам неопределенности в его границах. Таким образом, «уклонение властей от риска принятия решения в ситуации неопределенности ликвидирует возможность дальнейшего эволюционного развития (эффективной реализации большой стратегии), что требует грамотной теоретико-методологической и практической коррекции.

Грамотная таксономия рисков и возможностей позволяет выявить основные угрозы и потенциальные перспективы, что, в свою очередь, обеспечивает эффективное принятие решений и определение приоритетов стратегического развития (большой стратегии).

Методология риск-менеджмента сегодня должна в большей степени основываться на поиске современных интерпретаций допустимых (субъективно ожидаемых) альтернатив в процессе формирования большой стратегии в контексте стабилизации политического порядка.

Чрезвычайно значимыми в этой связи являются теоретические интерпретации феноменов «перекрывающегося консенсуса» Дж. Роулза и «базового консенсуса» Л. Козера, которая заключается в выделении и акцентировании в различающихся позициях относительно социальной приемлемости риска сходства, «связности» позиций риск-стейкхолдеров, что предполагает «рефлексивное равновесие» (взаимное признание различающимися позициями прав друг друга на существование в рамках некоторых общих принципов превенции и купирования рисков, признаваемых всеми, и отказ каждой из позиций от претензий на всеобщность своей точки зрения на угрозы и опасности).

Алексеев Д.В.

(Москва, РАНХиГС при Президенте РФ, ИНИОН РАН)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ В МАССОВОМ КИНО: СПОСОБ РАЗВЛЕЧЕНИЯ VS ИНСТРУМЕНТ ВОСПИТАНИЯ

Исследования «искусства для масс» становятся все более популярны и востребованы в социально-гуманитарных науках. Интерес к ним не случаен, потому что именно оно (и кино как его часть) является отражением реальности, так как при создании произведения важно не только попасть в уже сложившийся запрос аудитории, но и сформировать его.

Другими словами, «творец» в любом случае стремится донести до аудитории некий посыл, идею, нарратив. Здесь мы сталкиваемся с проблематикой ценностей и тем, насколько массовое кино можно считать инструментом донесения ценностей до граждан. Таким образом, именно категория ценностей является важной точкой, соединяющей политическую сферу и массовую культуру.

Как отмечает ряд исследователей, особенностью массовой культуры является то, что ее сложно отделить от социального дискурса. Следовательно, фильмы без ценностной нагрузки менее интересны зрителю¹. С другой стороны, важной функцией массовой культуры и кино является развлечение. Однако даже здесь можно выявить политическую составляющую, ведь в таком случае важным следствием реализации такой функции выступает отвлечение зрителя от повседневных проблем, стресса, в том числе связанного, например, с социально-экономической повесткой.

Несмотря на подобную дихотомию, в силу своей социальной значимости, доступности, мультимодальности, неотделимости от социального дискурса массовое кино является удобным потенциальным транслятором тех ценностных установок, которые характерны для мейнстримного и государственнического дискурсов.

Так, в современном отечественном массовом кино представлен нарратив противостояния России и Запада через противоборство героев-антагонистов. В фильме «Летучий корабль» матрос Иван выводит на чистую воду Поля, который долгие годы учился за границей, и сына Полкана, который завладел богатством обманом. В ленте «По шучьему велению» также проявляется этот нарратив через конкуренцию Емели с британским послом лордом Ротманом за дочь царя Анфису. При этом последняя предпочитала именно лорда, хотя исход противостояния по задумке авторов оказался за Емелей: все английские якобы автоматические изобретения приводились в действие карликом, а подвиги Емели определенно были эффективнее заморских подарков посла.

Еще одним примером эффективности такой репрезентации является нарратив патриотизма по отношению к родному региону в фильме «Лед 3». Отец, будучи легендой местного хоккея, привил такое же отношение в родной земле и природе своей дочери — Наде, фигуристке, пошедшей по стопам покойной матери. В финале все герои остаются в родном Иркутске, даже несмотря на заманчивые предложения, в том числе из НХЛ для молодого человека Нади.

¹ *Рапопорт Е.* Логика сериала // Логос. 2013. Т. 23. № 3. С. 21–36.

Необходимо отметить, что хотя государство и может доносить собственный нарратив до граждан через массовое кино, оно не имеет подавляющего влияния на кинопроизводство, даже учитывая существующий контекст. Такая ситуация становится возможной благодаря интенсивному развитию стриминговых сервисов, социальных медиа, видеохостингов. Через них нередко получают распространение киноленты (нередко документальные), которые если не нарочито отстраиваются от официального курса, то нередко просто находятся вне его.

В качестве примеров можно привести документальный проект о 1990-х гг. «Непрошедшее время», где была возможность высказаться у большого числа участников событий, которые нередко были по разные стороны баррикад. Особняком мейнстриму стоит якутская новая волна кинематографа, которая весьма популярна в родном регионе и на Дальнем Востоке (например, фильмы «Айта», «Надо мною солнце не садится»), фильмы «Во сне ты горько плакал» Н. Солодниковой и «Пациент №1» Р. Ги-генешвили. Хотя государство может бороться с такими фильмами административными методами, тем не менее с помощью современных платформ они находят своего зрителя.

Если говорить о массовом кино, то такая функция по трансляции нарративов нередко совмещена (или даже находится на периферии) развлекательной функции. В качестве примера можно привести картину «Чебурашка», где даже мотивы ностальгии по прошлому используются скорее как средство коммерциализации, чем как способ трансляции ценностей. Картина стала самой кассовой за всю историю отечественного кинопроката.

Таким образом, массовое кино может быть как инструментом донесения нарративов, политических ценностей, так и способом развлечь аудиторию. Однако необходимо помнить, что массовое кино и артефакты массовой культуры в целом являются обоюдоострым политическим оружием, которое может быть применимо различными политическими акторами.

Алексеева Л.В.
(Казань, МАОУ «Лицей-интернат № 7»)

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Проблема формирования политической грамотности молодого поколения в России в настоящее время как никогда приобретает свою актуальность. В условиях изменившейся международной геополитической обстановки, обострившейся в последнее десятилетие ситуации аномии, когда старые нормативно-ценностные установки ушли в прошлое, а пришедшие им на смену новые не заняли должного места в общественном сознании, возникает проблема социализации молодого российского поколения в целом и политической социализации, в частности. Об этом свидетельствуют и данные ряда социологических исследований которые могут свидетельствовать о проблеме сформированности политической грамотности российской молодежи.

В ряде исследований авторы приходят к выводу о проблемах формирования политической грамотности российских старшеклассников. Однако анализ результатов освоения образовательной программы по обществознанию (раздел «Политика») показывает, что большей частью учащихся выпускных классов хорошо освоен теоретический материал (средний процент выполнения заданий ЕГЭ первой части, посвященных вопросам тематического блока «Политика», составил выше 50%). Таким образом, обнаруживается проблема несоответствия знаниевого компонента такого элемента политической социализации, как политическая грамотность, ценностному и деятельностному.

Возникает вопрос: с помощью каких инструментов можно решить данную проблему? Одним из решений данного несоответствия, на наш взгляд, может стать применение интерактивных образовательных технологий в преподавании обществознания.

Среди преимуществ применения интерактивных образовательных технологий в образовательном процессе, в частности в преподавании обществознания, можно отметить то, что они помогают успешно реализовать деятельностный подход в обучении. Также их несомненным достоинством является то, что их использование на уроках повышает мотивацию к познавательной деятельности. Интерактивные образовательные технологии способствуют развитию коммуникативных навыков, навыков критического мышления, умения учащихся четко формулировать свою позицию, высказывать, аргументировать и обосновывать ее, что крайне необходимо для того, чтобы стать человеком с активной гражданской позицией.

В то же время, учитывая, что многие технологии предполагают работу в группе, это способствует формулированию консенсусной точки зрения на ту или иную проблему, развитию навыков работы в команде, что немаловажно в современных условиях.

Однако применение интерактивных образовательных технологий сопряжено с рядом рисков. К таковым можно отнести неготовность учителя (чаще всего методическая) к их реализации, недостаток

опыта и компетенции, нежелание применять данные технологии. Этот риск обусловлен разрозненностью методических и дидактических ресурсов по тем или иным тематическим блокам, в частности предмета «Обществознание». Трудность также может возникнуть с отбором учебного материала и с соблюдением баланса в применении той или иной интерактивной образовательной технологии. И наконец, консерватизм, присущий ряду учителей. Кроме того, можно отметить риски организационного характера: при проведении уроков с включением в него интерактивных методов сложнее поддерживать учебную дисциплину и могут возникнуть проблемы с организацией интерактивных форм работы. Еще одним риском может стать недостаток учебного времени в рамках одного урока, если речь идет о проектной деятельности. Также могут возникнуть проблемы с оцениванием работы отдельного учащегося.

Несмотря на все риски, применение интерактивных образовательных технологий обнаруживает больше преимуществ, и они весомее и способствуют формированию личностных компетенций, необходимых в процессе формирования политической грамотности.

Некоторые риски применения интерактивных технологий, на наш взгляд, можно нивелировать или уменьшить включением в работу учителя методического конструктора уроков с применением интерактивных форм по разделу «Политика».

Алексеева Т.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

ПРОМЕЖУТОЧНОСТЬ КОНСТРУКТИВИЗМА КАК МЕТА-ТЕОРИИ

Дебаты о конструктивизме продолжаются уже тридцать с лишним лет и по сей день так и не принесли единого понимания конструктивистского мышления в применении к международным отношениям. Не случайно многие исследователи конструктивизма указывают, что существует столько же конструктивизмов, сколько авторов, которые о нем пишут.

Специфическое метафизическое (онтологическое) представление о реальности, присущее конструктивизму, было следствием утверждения постнеклассической («пригожинской») картины мира, открывшей возможности исследования случайности, относительности пространства и времени, эволюционности и нелинейности, коэволюционности изменений, условности закономерностей относительно природы и общества.

Конструктивизм смог поставить ряд новых вопросов, которые, как правило, не затрагивали традиционные теории, разве что в описательном ключе. Основными концептами в конструктивистской аргументации стали «дискурсы», «нормы», «идентичность» и «социализация», радикально изменившие по сравнению с более традиционным, даже сам характер обсуждения таких проблем, как политика безопасности, глобализация, права человека. Кроме того, конструктивизм предложил во многом альтернативное понимание ряда других наиболее важных концептов, признанных в теории международных отношений, включая смысл и значение анархии международной системы, баланса сил, отношений между государственной идентичностью и интересами, власти и силы. Он, кроме того, обратился к реконцептуализации теории угроз, дилеммы безопасности, неолиберальной теории сотрудничества и демократического мира и ряда других.

А поскольку конструктивизм видит свою задачу в том, чтобы понять и определить роль интерсубъективности, социального контекста, взаимодействия и со-конструирования агентов и структуры, а также управляемую по определенным правилам природу общества, конструктивизм становится даже не просто теорией, а метатеорией.

Конструктивизм на самом деле скорее находится где-то посередине между рационалистическими теориями, такими как реализм, неореализм и неолиберализм и интерпретативной эпистемологией — постмодернизмом в духе Жака Дерриды и Мишеля Фуко, а также критической теорией, ориентирующимся на мыслителей «Франкфуртской школы», таких как Адорно, Хоркхаймер и из более поздних — Юрген Хабермас.

В целом конструктивизм противостоит не только значительной части реалистских, но и рефлексивистских теорий. Он не признает безбрежного эпистемологического плюрализма, то есть равноценности всех форм познания. С онтологической точки зрения речь идет о его месте в противостоянии идее единства мира, в котором всякое развитие происходит под влиянием единых законов, и одновременно рефлексивизма, предполагающего, что многоголосие мира неизбежно. Конструктивисты пытаются оказаться «посередине», признавая множественность мира, но допуская некоторые обобщения, впрочем, до определенных пределов. «Промежуточность» конструктивизма предполагает преодоление чисто субъективистского, равно как и чисто объективистского подходов. Такой подход обычно раскрывается как «феноменология промежуточности».

Конструктивизм занял вполне определенную, но всегда «промежуточную» позицию в продолжающихся дебатах внутри теории международных отношений: между сторонниками «объяснения» и адептами «понимания» (нем. *Verstehen*), а также между позитивистами и интерпретативистами, по-

лагающими, что люди действуют в соответствии с мыслями, нуждающимися в интерпретации. В сущности, это продолжение извечного спора между материалистами, полагающими, что социальная жизнь может получить объяснение именно материальными условиями, с одной стороны и идеалистами, считающими, что именно идеи играют автономную, даже решающую роль. В этом смысле конструктивизм — вариант идеалистского мировоззрения.

«Промежуточная» позиция между рационалистическим и релятивистским интерпретативным подходом сегодня занята не интерпретативной версией рационализма, не разнообразными «рефлексивизмами», не критическими теориями, а именно конструктивизмом. Поэтому с этой точки зрения конструктивизм следует рассматривать как способ, каким образом материальный мир формирует и формируется благодаря действиям человека и взаимодействиям между людьми, зависит от нормативной и эпистемологической интерпретации материального мира.

«Промежуточность» конструктивизма позволила сформировать такой относительно новый подход, как «конструктивный реализм», позволивший многое взять из реализма, но дополнить его конструктивистским подходом, открывающим новые возможности в познании мирополитических проблем.

Андерс В.
(Калининград, БФУ)

ПРИМЕНЕНИЕ ОДНОСТОРОННЕГО САНКЦИОННОГО ВЛИЯНИЯ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Внешняя политика становится в современном мире все более значимым аспектом деятельности государств. Наблюдается развитие инструментов и усложнение механизмов, используемых для достижения внешнеполитических целей. В том числе и инструментов санкционного давления: от стандартных широкомасштабных ограничений, которые были востребованы в прошлом веке, до таргетированных санкций сегодняшних дней; от финансовых и секторальных ограничений до политических мер, не связанных с экономикой — например, запрет на въезд или заморозка счетов.

Собственные ограничительные меры в отношении экономических возможностей другого государства и ограничения на импорт могут включать в себя как полный запрет на все товары, так и более избирательный набор ограничений — например, на определенные виды технологически сложных изделий, которые необходимы для поддержания военного и производственного потенциала адресата санкций (Blackwill, Harris 2016). Таким образом, внешнее санкционное воздействие в значительной мере затрагивает суверенитет страны-адресата и может подрывать его. Господствующее положение отправителя санкций играет в рассматриваемых сценариях решающую роль и приобретает в наше время все большую значимость.

Но о санкционном давлении, как об обыденном инструменте в современной мировой политике, можно говорить лишь с тех пор, когда настало время, в которое соответствующие институты участников международных отношений достаточно оформились, а уровень развития некоторых из них стал значительно преобладающим в сравнении с большинством других стран мира (Ahmad 2023), что дало, таким образом возможность наиболее развитым странам занять особое положение в мировой политике.

Наиболее часто использующими свою мощь и свое господствующее положение в мировой политике для оказания санкционного давления участниками международных отношений являются США, Великобритания и ЕС. Особенно для ЕС, играющего уже в течение десятилетий одну из ведущих ролей на мировой политической арене и располагающего огромным экономическим потенциалом, но при этом не имеющим собственных вооруженных сил, использование экономических мер принуждения становится в последние годы все более актуальным и приоритетным направлением внешней политики (Giumelli 2020).

Введение санкционных ограничений со стороны того или иного актора связано с надеждой на то, что адресаты этих санкций, изменят своё поведение в выгодном для инициатора санкций ключе. Однако следует задаться вопросом, достигает ли санкционное давление вообще своих целей и является ли его применение разумным вариантом внешней политики. Несмотря уже на почти столетнюю историю применения в международных отношениях ограничительных мер, многие исследователи ставят и сегодня под сомнение как действенность, так и легитимность использования такого инструмента (Peksen, Cooper Druy 2010; Varat 2013; Тимофеев 2022).

И в западной и в российской литературе этот вопрос остается по-прежнему недостаточно изученным. В западной литературе в основном находит применение практико-ориентированный новаторский подход, фокусирующийся на методах оценки, влияющих факторах и стратегиях увеличения эффективности и успешности санкционного инструментария. При этом в качестве примеров рассматриваются

обычно односторонние и многофакторные примеры применения санкций, а также проводятся исследования геоэкономической логики в международных отношениях (Hatipoglu, Peksen 2018; Jones, Portela 2020). В российских научных исследованиях основное внимание уделяется рассмотрению условий и факторов, определяющих легитимность и легальность данного инструмента (Абдуллин, Кешнер 2021; Панов 2022).

Благодаря тому что введение новых санкций приводит к проведению новых исследований, которые раскрывают все новые аспекты и условия успешности процесса применения санкций, на сегодняшний день накоплено обширное количество научной литературы по затронутой тематике. Для обеспечения исследований созданы различные концепции и разработаны разнообразные методы изучения факторов, влияющих на действенность санкционного влияния. Но, несмотря на это, мировому научному сообществу пока не удается как разработать универсальный метод оценки эффективности санкций, так и достичь общего согласия в вопросе легитимности применения санкционных ограничений в международной политике.

Андреевкова А.В., Андреевков В.Г.
(Москва, ЦЕССИ)

ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ, США И КИТАЮ В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА — СТАБИЛЬНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

В результате цифровой и коммуникационной революции последних двух десятилетий роль общественного мнения в вопросах внешней политики и отношений между странами существенно расширилась. Важнейшей частью внешнеполитических установок является отношение к разным странам и образ стран. Общую модель общественных установок можно представить в виде многоуровневой системы, куда включены кумулятивная оценка отношения к стране, место страны в ментальной карте общества, знания о стране, интерес к ней; характеристики имиджа страны; оценка двухсторонних отношений, атрибуция отношения к своей нации. На формирование установок влияют факторы макроуровня и микроуровня: внешнеполитические действия страны, экономические связи и интересы, политическая близость, исторический опыт взаимодействия и национальные стереотипы, а также индивидуально-поведенческие и ценностные факторы.

Отношение к странам складывается как на двусторонней основе, так и в глобальном общественном мнении. Чтобы понять структуру глобального общественного мнения о конкретных странах, необходимо ответить на вопросы о том, насколько консолидировано мнение жителей разных стран в отношении страны, насколько устойчивы такие мнения во времени и каково влияние кризисных событий. Для ответов на эти вопросы использованы данные *Pew Research Center* — национальные опросы населения 18 лет и старше с 2007 по 2023 г. в 25 странах методом телефонных или личных интервью, размер выборки от 1000 респондентов в стране.

Дифференцированность мнений о разных странах внутри отдельных обществ. В отношении жителей США к двум крупнейшим странам России и Китаю преобладают негативные оценки (7% позитивных по отношению к России и 14% к Китаю в 2023 г.). На оценки влияют кризисные события: падение позитивных оценок России между 2013 и 2014 гг. с 37 до 19% и Китаю между 2015 и 2020 гг. с 38 до 22%. Россияне также оценивают США и Китай по-разному — 79% позитивных оценок Китая и лишь 15% США. При этом оценки Китая довольно устойчивы во времени и имеют тенденцию к росту, позитивные оценки США резко упали между 2013 и 2014 гг. с 51 до 23%. Очень заметно проявляется симметричность мнений. Доля позитивных оценок США и России со стороны жителей этих стран составляла 41 и 44% соответственно в 2007 г., а к 2015 г. упала до 15 и 22%.

Консолидированность мнений об одной стране в разных обществах. В отношении США общественное мнение жителей разных стран варьируется в очень широком интервале до 30 до 70% позитивных оценок, динамика оценок в большинстве стран очень сходна — движение к более позитивным оценкам, синхронное «событийное» падение в 2019–2020 гг. и быстрое восстановление. Исключение составляют Россия и Китай, в которых отношение к США ниже и показывает тенденцию к падению. В отношении Китая консолидированность оценок довольно низкая, а динамика сходна — падение позитивных оценок и консолидация мнений на низком уровне. Исключение составляет Россия, где позитивные оценки Китая очень высоки и общая тенденция к их росту. В отношении России консолидированность мнений чуть выше, чем в отношении США и Китая — позитивные оценки в разных странах варьируются от 20 до 55%, динамика в большинстве стран сходна — падение позитивных оценок и консолидация на низком уровне (исключение — Нигерия, Индия, Китай). Событийное влияние на отношение к России проявляется отчетливо, но в некоторых странах восстановление отношения идет

быстро (например, в Нигерии, в Индии), в других странах тенденция к восстановлению также проявляется, но медленно (в большинстве европейских стран).

Анализ показал, что консолидированность мнений жителей разных стран об одной и той же стране низкая, хотя тренд на повышение или понижение оценок является общим. Общественное отношение к стране подвержено влиянию конкретных событий и может значительно меняться, но в долгосрочной перспективе восстанавливается на прежнем уровне. Можно предположить, что общественное мнение о другой стране складывается из «ядра», основанного на историческом опыте, длительных отношениях, культурном и личном опыте, и изменчивой части — реакций, оценок конкретной политики, действий, ситуаций. В случае событий с большой дистанцией, внешних для страны, восстановление отношения до прежнего уровня происходит быстро, в случае событий, непосредственно затрагивающих страну, тенденция к восстановлению прежнего уровня сохраняется, но идет медленнее.

*Андреевкова А.В. (Москва, ЦЕССИ),
Иванова С.В. (Санкт-Петербург, ЦЕССИ),
Семенова М.С. (Москва, ЦЕССИ)*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ — КОНЦЕПЦИЯ, МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ*

Концепция жизненного пути, предложенная в 1970-х для изучения последовательности и взаимосвязи жизненных событий разных людей и поколений, может быть применена для изучения политической сферы жизни людей. Политический жизненный путь предлагается определять как последовательность политических действий или событий, процесса интернализации и трансформации политических взглядов, установок и ценностей, политического обучения в результате личностного развития, изменения жизненных обстоятельств и социально-политического контекста. Традиционными методами изучения жизненного пути являются лонгитюдные исследования. Но большинство лонгитюдных исследований по политическим вопросам проводятся либо на коротких (преэлекторальные и постэлекторальные опросы) или на средних интервалах времени (когортные исследования), редко охватывают длительные периоды. Кроме больших финансовых и организационных затрат, в таких исследованиях неизбежным является осыпание выборки, которое на длительных промежутках времени может быть столь велико, что ставит под вопрос репрезентативность данных. Другой возможностью является проведение ретроспективных исследований, реконструирующих данные о прошлом в настоящий момент. В таких исследованиях возникают проблемы измерения — влияние памяти и влияние контекста, которые ведут к снижению надежности данных. В новом проекте «Жизненный путь поколения, взрослеющего в 1990-е», была поставлена задача проанализировать сильные и слабые стороны разных методов изучения жизненного пути и разработать мультимодальный подход к изучению политического жизненного пути поколения. В проект включены проведение лонгитюдной части на основе опроса РУССЕТ — панельного исследования 1993–1999 гг., получение ретроспективных данных об изменениях в политических взглядах в течение жизни методом глубинных интервью (100 респондентов поколения 1965–1975 гг.) и данных о месте политической сферы жизни и социально-исторического контекста в индивидуальных судьбах людей поколения методом автобиографий (100 респондентов).

На основе анализа автобиографий и пилотного этапа лонгитюдного опроса были выделены несколько групп людей по типу политической включенности: активисты на протяжении всего жизненного пути, активисты на отдельном этапе жизненного пути, пассивные, но участвующие в электоральном процессе и полностью не участвующие в политической жизни. Респонденты первой группы проявляли интерес к политической и общественной жизни и соучаствовали в разных действиях на всех этапах жизненного пути — начинали это делать в молодости и продолжали в более старших возрастах. На разных этапах жизни активизм проявлялся в разных формах — в ранней молодости в виде участия в формальных советских организациях (пионерия, комсомол, активизм в учебном заведении), в 1990-х в форме политического активизма, в 2000-х общественного участия — волонтерства, благотворительности. Автобиографии показали, что уровень общей социальной включенности людей этого поколения очень низкий. Несмотря на глобальный и кризисный характер многих исторических событий, которые пришлось пережить людям этого поколения, лишь треть всех автобиографий включали хотя бы одно упоминание об историческом контексте. В подавляющем большинстве автобиографий такой контекст вообще не упоминался, в некоторых даже трудно было бы понять, о каком времени идет речь, настолько мало «социальных меток времени» они содержали. Среди исторических событий, оказавших

* Тезисы подготовлены при поддержке гранта РФФ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослеющего в 1990-е, — лонгитюдное исследование через 30 лет».

влияние на жизненный путь поколения, чаще всего упоминались распад СССР, финансовые кризисы, закрытие промышленных предприятий.

Стабильность общих идеологических взглядов на протяжении взрослой жизни была проверена на основе глубинных интервью, где респонденты отвечали на вопрос о их политических взглядах в молодости и теперь. Более трети респондентов ответили, что их политические взгляды со времен молодости не изменились, большая часть из них сказали, что придерживались и придерживаются «патриотических» взглядов (голосовали либо за ЛДРП, либо за КПРФ). Чуть более четверти респондентов рассказали о том, что их взгляды изменились, а остальные не смогли сравнить. Среди тех, кто осознает, что их идеологические взгляды изменились, большая часть связывает изменения с разочарованием в демократии, экономических реформах и западных ценностях. Лонгитюдные данные показывают значительно более низкую стабильность идеологических взглядов — изменения произошли у подавляющего большинства опрошенных. Недооценка изменений в ретроспективных данных может быть связана с эффектом памяти, но в большей степени с эффектом контекста — склонностью описывать прошлое более логично и оправданно с точки зрения нынешних событий. В исследовании мы нашли подтверждение того, что с возрастом политические взгляды в среднем становятся более консервативными, что было показано на примере других стран. Но для этого поколения также велико влияние общеполитического контекста, связанного с консервативным поворотом 2000-х.

Каждый из методов, использованных в проекте, позволил ответить на часть исследовательских вопросов и собрать уникальную по сравнению с другими методами информацию. Вместе с тем, ни один из методов, взятых отдельно, не дает возможности получить развернутую картину. Политический жизненный путь представляет собой сложную многоуровневую и многокомпонентскую систему, которую возможно изучать только с применением разнообразных исследовательских инструментов и подходов.

Аникин Д.А.

(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, РУДН)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

В последние годы происходит активное обращение к понятию «историческая справедливость» в политическом дискурсе, причем оно зачастую используется для обоснования претензий тех или иных сообществ на изменение сложившегося политического порядка. Это позволяет поставить вопрос о возможности рассмотрения данного понятия в контексте изучения политики памяти как одного из важных элементов политической риторики, имеющего большее отношение не к самому прошлому, а к современным международным отношениям. Применение этого понятия (в контексте требования восстановления исторической справедливости) по отношению к событиям, имеющим непосредственное отношение к отечественной истории, позволяет говорить о том, что формирование подобного дискурса становится существенным вызовом, влияющим на трансформацию политики памяти в современной России.

Суть исторической справедливости как риторического приема заключается в требовании восстановления справедливых отношений между определенными акторами, даже если причина нарушения этих отношений может лежать в далеком прошлом. Показательным является сам факт отказа от принципа срока давности, то есть речь не идет о законодательно установленном сроке, а примером подобного требования может являться апелляция к устранению последствий рабства в США, что неоднократно проявлялось в последние годы (движение BLM). В сфере международных отношений также можно видеть отказ от любых временных рамок, поскольку в качестве обоснования современных политических претензий могут звучать отсылки к событиям Второй мировой войны. В данном случае вопрос не касается последствий военных преступлений или преступлений против человечества, точнее говоря, но можно видеть активизацию попыток вписать в этот ряд и охарактеризовать как несправедливые действия, устанавливающие определенные отношения между различными политическими сообществами. Примером может служить концепция «двух оккупаций», получившая распространение в Восточной Европе в 90-е годы XX века, но по своему содержанию, отсылающая к необходимости не только восстановления довоенного статуса стран Восточной Европы, но и возмещения того ущерба, который был нанесен этим странам действиями как Германии, так и Советского Союза.

Л.Г. Фишман отмечает, что подобную тягу к виктимизации (в том числе и по отношению к событиям отдаленного прошлого) можно рассматривать в качестве своеобразного обоснования политической ренты. Наглядным примером реализации данного принципа в конкретной политической практике может служить индустрия «музеев оккупации», оперативно возникшая в Восточной Европе

в 90-х годах XX века и ставшая важным символическим обоснованием для смягчения требований к включению стран бывшего «социалистического блока» в процессы европейской интеграции.

На этом же примере можно рассмотреть и еще одно важное свойство исторической справедливости, а именно — коллективный характер. Авторами публичного обращения к исторической справедливости оказываются отдельные люди, но которые не просто акцентируют внимание на своей способности выступать от имени определенного сообщества, исторически ущемленного (афроамериканцы, поляки и т.д.), но и подразумевают установление соответствия между современным сообществом и его историческим аналогом, который и подвергался несправедливым преследованиям. В современном политологическом знании это можно рассматривать как пример так называемой «проблемы нетождественности» (Non-Identity Problem (NIP)), поставленной Д. Парфитом. Суть этой проблемы заключается в отсутствии четких критериев отождествления современной группы как субъекта правоотношений с теми сообществами прошлого, от имени которых она высказывается.

Наиболее дискуссионным вопросом становится сама процедура определения (или предписывания) идентичности, в ходе которой устанавливаются два ключевых соотношения:

Между жертвой (жертвами) преступления и субъектом (коллективным или индивидуальным), обещающим за восстановлением нарушенной справедливости;

Между преступником (преступниками) и субъектом, которому предписывается виновность и, соответственно, обязательство по компенсации нанесенного правонарушением ущерба.

Можно сделать вывод, что использование в политической риторике апелляции к исторической справедливости становится инструментом делегитимации существующей системы международных отношений, поскольку позволяет с помощью этических аргументов поставить под сомнение статус того или иного политического субъекта. Эта ситуация становится важным вызовом для политики памяти в современной России, поскольку требует не только адекватного ответа на подобные претензии, но и выстраивание системы мониторинга, позволяющей нейтрализовать апелляции к исторической справедливости путем своевременного выстраивания системы контраргументов.

Апанович М.Ю.
(Москва, МГИМО МИД России)

ПРИЗНАКИ СИСТЕМНОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС: АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ И ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ

Исследование базируется на анализе системности миграционных процессов. В качестве теоретического базиса и изучения истории вопроса были рассмотрены работы следующих авторов: *Садковский В.Н.* Основания общей теории систем. М., 1974; *von Bertalanffy L.* An Outline of General System Theory // The British Journal for the Philosophy of Science. 1950. Vol. 1. Issue 2; *Хрусталева М.А.* Системное моделирование международных отношений. М., 1991; *Богданов А.А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1–3. Ленинград, 1925. С. 97; *Стрежнева М.В.* Системный подход в международных исследованиях: об актуальности теоретического наследия Александра Богданова // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 118; *Дегтерев Д.А.* Системное моделирование международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 17; *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998; *Boulding K.E.* General Systems Theory: The Skeleton of Science // Management Science. 1956. Vol. 2. Issue 3. Литературный экскурс позволил определить индикаторы системности, а также оценить возможности их применения к тематике миграционных процессов.

На следующем этапе автором были определены особенности современной миграции с фокусом на регион ЕАЭС, и более детализировано миграционный коридор между Российской Федерацией и странами региона. В качестве основных выводов раздела можно подчеркнуть следующее: значительные масштабы международной миграции в таком миграционном коридоре имеют важные последствия как для России как страны-реципиента, для стран-доноров, непосредственно вовлеченных в этот миграционный коридор, но также и для третьих стран. Для России комплекс последствий определяется воздействием на демографическую ситуацию (благодаря миграции удавалось долгое время хотя бы частично восполнять демографические потери вследствие превышения уровня смертности над уровнем рождаемости), рынок труда (за счет восполнения численности трудовых ресурсов, ежегодно выбывающих вследствие старения населения), политическую ситуацию (во многом трансформация миграционной политики Российской Федерации происходит в настоящее время вследствие роста доли мигрантов из ряда стран постсоветского пространства). Для государств Центральной Азии характерен расширенный тип воспроизводства населения. Как следствие, трудовая миграция позволяет частично снимать напряженность на национальных рынках труда, вызванную быстрым ростом населения и не-

хваткой рабочих мест. Россия занимает активную позицию на международном рынке труда. Среди топ-20 коридоров международной миграции из страны в страну в 2020 году с участием России Международной организацией по миграции (МОМ) отмечались следующие: Россия — Украина (4-е место); Украина — Россия (5-е место); Казахстан — Россия (8-е место); Россия — Казахстан (11-е место). Россия является главным импортером рабочей силы в ЕАЭС. Большинство мигрантов работают в строительстве и розничной торговле. Денежные переводы мигрантов из стран ЕАЭС на родину составляют значительную долю ВВП их страны. Как было отмечено выше, наибольшую зависимость от денежных переводов среди стран ЕАЭС имеет Кыргызстан. Общая тревожность, вызванная геополитическими процессами в мире, экономическим спадом и социальными проблемами, оказывает отрицательное влияние на приток иностранных граждан в Россию.

В контексте значимости региона, что подкреплено соответствующими статистическими показателями, рассмотрено понятие «евразийской миграционной системы», которое было впервые выдвинуто И.В. Ивахнюк в ее работе 2003 года. Настоящее исследование задается вопросом анализа данной системы с учетом ее сохранения и развития все эти годы, а также в период изменения геополитических реалий в мире перспектив видоизменения или сохранения элементов, образующих систему. В качестве количественных показателей рассмотрены следующие: демографические показатели на национальном уровне, уровень жизни (средняя з\п, пенсии), миграционные показатели на национальном уровне, индекс человеческого капитала и индекс человеческого развития.

В рамках проведенного анализа система показала свою жизнеспособность, во многом сохраняется влияние первоначальных факторов влияния на систему, определенных И. Ивахнюк, однако также отмечены и определенные спады в абсолютных данных по миграционным потокам между странами в отдельные годы рассматриваемого периода.

Артамонова У.З.
(Москва, ИМЭМО РАН)

КОНЦЕПЦИЯ «РЕПУТАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» В ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США ПОСЛЕ 2022 г.

В 2024 г. была опубликована монография выдающегося эксперта по публичной дипломатии Н. Калла «Репутационная безопасность. Смена фокуса публичной дипломатии в условиях опасного окружающего мира». Представленная в ней концепция «репутационной безопасности» призвана сменить устаревшую концепцию «мягкой силы». Особенностью концепции является тот факт, что она целенаправленно выдвигается Н. Каллом в качестве ответа на вызовы для американской внешней политики и публичной дипломатии в контексте обострившегося с 2022 г. политического противостояния России и США. Это позволяет предполагать, что концепция «репутационной безопасности» представляет собой теоретическую основу для трансформации публичной дипломатии США, в рамках которой основной целью соответствующей деятельности становится противостояние России в информационно-идейном пространстве в новых условиях.

Концепция «репутационной безопасности» основывается на вере в то, что государство, обладающее заметной и положительной репутацией в международном сообществе, легче переживает различные кризисы, нежели государство малоизвестное или имеющее негативную репутацию на мировой арене, поскольку судьба первого не безразлична остальному миру. Значимость концепции в том, что она подразумевает восприятие публичной дипломатии и в целом процессов, касающихся международного информационно-идейного пространства, в качестве неотъемлемого элемента национальной безопасности. Соответственно, любые пробелы в этой сфере должны восприниматься общественностью и правительством как бреши в национальной безопасности.

Для того чтобы гарантировать свою «репутационную безопасность» государству необходимо не только выстраивать и отстаивать свою репутацию, но и подрывать репутацию противника. Речь прежде всего идет о целенаправленном и систематическом проецировании образов и распространении нарративов для влияния на международное общественное мнение и сознание: формирование и закрепление определенных социально-психологических установок и стереотипов, которые обеспечат положительное отношение мировой общественности к США (и их союзникам) и отрицательное отношение к противникам США. Обе задачи предусматривают использование инструментов публичной дипломатии для своего достижения.

Наиболее заметно практическое применение концепции «репутационной безопасности» в публичной дипломатии США после 2022 г. в сфере подрыва репутации противника — России, а не в сфере отстаивания собственной репутации. Это можно проследить через кинематограф, играющий роль инструмента воздействия на иностранное общественное мнение. Американскую киноиндустрию отличает долгая история прямого и косвенного содействия интересам публичной дипломатии и внешней по-

лирики США. Источником для анализа в рамках *case-study* стали американский мини-сериал «Режим» телесети НВО (2024); кинофильм британо-американского производства «Слова войны» (2024); фильм «Лимонов, баллада об Эдичке» совместного производства Италии, Франции и Испании (2024), и находящаяся в производстве французская экранизация романа Джулиано да Эмпольи «Кремлевский волшебник», чья премьера запланирована на 2025 г. Все источники объединяют прямая связь сюжета с Россией и тот факт, что их производство началось после начала СВО РФ на Украине. Продукция европейского кинематографа была сознательно добавлена в исследование с учетом логики коллективной «репутационной безопасности», предложенной Н. Каллом и подразумевающей совместные усилия США и их союзников в этой сфере.

Названные кинокартины впрямую и иносказательно атакуют репутацию президента РФ, правительства, политической системы и страны в целом. Помимо этого, в них используется прием переноса негативного впечатления от ряда исторических событий недавнего прошлого России на отношение к современному государству. В основном это касается событий периода перестройки, 1990-х гг. и начала 2000-х гг., поэтому на Россию переносится отношение к ней как к слабой в экономическом и политическом плане державе, неспособной не то что вести независимую внешнюю политику, а даже поддерживать полноценно порядок внутри своих границ. Однако проанализированные кинокартины не были положительно приняты международной аудиторией: их оценивали как слабые, пустые по содержанию, поверхностные и бессмысленные, а в некоторых случаях — как вызывающие обратный эффект, делая образы В.В. Путина и России чересчур располагающими.

Таким образом, с одной стороны, можно констатировать, что публичная дипломатия США перестраивается в соответствии с концепцией «репутационной безопасности», обретая более антагонистический фокус в своем целеполагании. С другой стороны, предпринимаемые усилия по подрыву репутации противника в рамках этого процесса пока обладают невысокой эффективностью, что может указывать как на проявление системных недостатков самой публичной дипломатии США, так и на трудности с выбором наиболее оптимальных форм ее реализации и подбором исполнителей.

Артеев С.П.
(Москва, МГИМО МИД России)

РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА-2024: ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ*

Выводы, вставшие перед страной после начала СВО, многообразны и сложны. Одной из наиболее чувствительных тем является ситуация в российской диаспоре. Между тем новая российская диаспора обладает множеством уникальных параметров, что делает ее политически значимым феноменом как на международном, так и на внутрироссийском уровне. Почему фактор российской диаспоры нельзя игнорировать?

Предварительно следует отметить, что одна из основных сложностей исследования связана с отсутствием достоверных полных данных о численности российской диаспоры за рубежом и ее составе. Проблема носит в том числе и методологический характер, потому что формулы подсчета в разных странах и у разных исследователей отличаются. Более-менее относительно достоверно можно говорить о примерно одном миллионе покинувших Россию в 2022–2024 гг.

Новая волна уехавших, в отличие от прежних, обладает несколькими особенностями.

Социально-экономические параметры. Среди уехавших много образованных и состоятельных людей, входивших в ядро российского среднего класса, а потому имеющих особую значимость для российской экономики и общества в целом. И власти признают этот факт. О возникших проблемах российской экономики и необходимости возвращения высококвалифицированных специалистов, особенно в сфере IT, многократно говорилось на официальном уровне.

Медийность. Благодаря развитию IT-технологий, активному внедрению в повседневную жизнь новых/социальных медиа, отъезд из страны больше не означает исчезновение из ее публичного информационного пространства. А попытки блокировок соответствующих ресурсов имеют больше издержек, чем преимуществ. Особенно с учетом того, что сразу же появляются новые способы коммуникации и информационный обмен между уехавшими и оставшимися не прекращается. Сформировалась устойчивая разветвленная сеть зарубежных медиа, основная аудитория которых находится в России.

Миноритарные этнические группы. Представители миноритарных этнических групп, малых народов теперь выступают в качестве самостоятельной политической силы. Они формируют альтернативный российскому антиколониальный дискурс. И активно продвигают соответствующую повестку.

* Исследование выполнено по гранту ИЭСИ в ИНИОН РАН № 124101700551-1 «Президентские выборы 2024 г. в России: реакция в ближнем и дальнем зарубежье и стратегии дальнейшей легитимации электоральных результатов».

Политическая оппозиция. Практически вся так называемая несистемная оппозиция оказалась за рубежом. Следует отметить их активное взаимодействие с властями зарубежных стран, в том числе по вопросам санкций. Это свидетельствует о возросших политических возможностях российской диаспоры. И создает дополнительную санкционную нагрузку для РФ. Общий профиль российской диаспоры также, очевидно, стал более оппозиционным в связи с обстоятельствами отъезда релокантов в 2022–2024 гг. (протест против начавшейся СВО, стремление избежать частичной мобилизации, общее недовольство ситуацией в стране). Это проявляется и в результатах голосования на выборах президента РФ в марте 2024 г.

Релокант vs мигрант. Термин «релокант» не зря стал широкоупотребительным. Его часто понимают как синоним термину «эмигрант», но это не одно и то же. Эмигрант — это тот, кто сменил страну своего постоянного пребывания на постоянной основе. Релокант же — это тот, кто сменил страну пребывания, но необязательно принял окончательное решение не возвращаться на родину. Еще до 2022 г. был широко распространен феномен цифровых кочевников. А таких среди уехавших в 2022–2024 гг. немало. И это то, что необходимо учитывать

С медийной точки зрения выборы президента РФ в марте 2024 г. воспринимались в российской диаспоре преимущественно в негативном ключе. Выборы в общем не воспринимались как демократическая процедура. Использовалась целая цепочка негативных маркеров.

Диаспоральный общественно-политический и неразрывно с ним связанный аналитический дискурс в контексте выборов президента РФ можно поделить на четыре кластера:

1. Политтехнологический: выборы как форма протеста.
2. Политико-прогностический: выборы и эволюция режима Путина: (динамика в элитах и в обществе).
3. Имитационно-демократический: фальсификации: признаки и механизмы.
4. Социологический: выборы как характеристика диаспоры.

Несмотря на общий негативный настрой, электоральные процессы представляют интерес для российской диаспоры, в том числе и для оппозиционно настроенной ее части. В интересах России необходим более широкий диалог с российской диаспорой. Для этого нужен комплекс мер, и выборы могли бы стать частью этого плана. Очевидно, что только предпринимаемых сегодня мер недостаточно. Официальная линия нуждается в корректировке для того, чтобы релоканты активнее возвращались на родину.

Арутюнов А.Г.
(Владивосток, ВВГУ; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫЕ УГРОЗЫ ДЛЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ОТВЕТ*

На современном этапе регионы Российской Федерации и Республики Беларусь подвергаются многочисленным цифровым, информационным и комбинированным информационно-цифровым угрозам. Несмотря на разность технической природы угроз, их опасность главным образом сосредоточена в сфере дестабилизации общественно-политической ситуации. При этом технические сценарии, в частности запуск вредоносных нарративов в социальных сетях, психологическое воздействие с помощью средств телефонной связи и интернет-мессенджеров, остаются схожими как для России, так и для Беларуси. Отличительной особенностью здесь будет являться ведение аккаунтов от лица «представителей общественности» того или иного региона, которые могут либо открыто публиковать негативный и деструктивный контент, либо какое-то время выкладывать общий контент, а потом в критический момент начать выкладывать все тот же деструктивный контент. Говоря об отличиях в этой сфере в России и Беларуси, можно отметить лишь собственно использование конкретных социальных сетей и мессенджеров. Если в России первое место делят «VK» и *Telegram* (ресурс, нарушающий требования РКН), то в Беларуси лидируют *Instagram* (принадлежит экстремисткой корпорации «Meta», запрещенной на территории Российской Федерации) и *Viber*, здесь однако заметим, что *Telegram* в Беларуси используется именно для продуцирования политического контента гораздо в большей степени, чем тот же *Viber*. В Российской Федерации противодействие подобного рода негативному контенту осуществляется не только федеральными ведомствами правоохранительной си-

* Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта No FZUG-2024-0006 «Прошлое, настоящее и будущее России в цифровую эпоху: формы и механизмы противодействия негативным контентом и фальсификациям» при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

стемы (хотя заметим, что на территории каждого региона их подразделения соподчинены главе региона), но и региональными структурами, например Центрами управления регионами (ЦУР). Особо эффективно осуществляются мониторинг и работа с комментариями, постами, блогами и записями в мессенджерах в группах, которые позиционируют себя как региональные, в том числе и разного рода неформальные проекты, а не только официальные социальные сети муниципальных и региональных органов власти.

Отметим, что уже сейчас существуют форматы, в рамках которых регионы Российской Федерации и Республики Беларусь решают различные проблемы, в том числе вопросы информационно-цифровой безопасности. Прежде всего, это ежегодный форум регионов России и Беларуси, который включает активное взаимодействие не только в сфере экономики, но и в сфере решения вышеописанных нами вопросов безопасности. Решения здесь могут приниматься в формате соглашений и меморандумов между отдельными регионами, но также в формате соглашений, рассчитанных на все регионы двух стран. Другим важным форматом для разрешения информационно-цифровых угроз является «Форум приграничных регионов России и Беларуси». Отметим, что этот формат, в отличие от первого, не имеет столь богатой истории, а также не столь регулярен, что, однако, не понижает его потенциальную значимость. В ряде вопросов этот форум может оказаться даже более универсален, чем первый, поскольку аспекты информационных атак заострены во многом именно в приграничных регионах. Наконец, уже существует практика создания двусторонних соглашений регионов Российской Федерации и Беларуси, к примеру довольно существенный комплекс двусторонних соглашений заключен между Смоленской и Витебской областями, на основании текущей практики этот механизм двусторонних соглашений может быть распространен на информационно-цифровую среду. Последним, но не по эффективности, механизмом можно назвать налаживание связей по линии побратимства, хотя принято, что побратимство регламентирует взаимодействие городов, а не регионов, в российско-белорусской практике есть исключение, где побратимство установлено между городами-регионами, а именно городом республиканского подчинения Минском и городом федерального значения Санкт-Петербургом, учитывая внушительную цифровую базу обоих городов-регионов, можно сказать, что сотрудничество в сфере предотвращения информационных угроз может протекать весьма продуктивно.

Таким образом, если институционально и динамично развивать все четыре направления межрегионального сотрудничества, то межрегиональная международная кооперация может оказаться эффективным методом противостояния электронно-цифровым угрозам.

Асеев С.Ю.
(Барнаул, АлтГУ)

ПРИОРИТЕТНЫЕ ФОРМЫ ВКЛЮЧЕННОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В РЕАЛИЗАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ (КЕЙСЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)*

Новые вызовы и рост внешнеполитической конфронтации усилили внимание власти к вопросу консолидации российского общества. Реализация этой цели в молодежной среде институционализируется ФЗ 2020 г. «О молодежной политике в РФ». С учетом новых реалий этот закон в августе 2024 г. дополнила «Стратегия молодежной политики в РФ на период до 2030 г.», также направленная на активизацию патриотического и духовно-нравственного воспитания молодых граждан, создание условий для самореализации молодежи и ее привлечение к участию в государственном строительстве и развитии современного российского общества.

Поскольку субъекты РФ сохраняют возможность проведения на своих территориях региональных проектов в сфере молодежной политики (пусть и согласованных на федеральном уровне), в каждом из них присутствует своя специфика приоритетных форм и направлений реализации ГМП. Не исключение — практика Алтайского края и Республики Алтай.

Исследования коллектива политологов АлтГУ в регионах Сибирского федерального округа позволяют утверждать, что у учащейся молодежи уже сформировались приоритетные формы включенности в реализацию ГМП, и они имеют региональные особенности.

Среди основных форм участия молодежи в реализации молодежной политики выделим участие в деятельности органов молодежного самоуправления, консультативных, совещательных и иных ор-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР АлтГУ по проекту № FZMW-2024-0007 «Оценка эффективности реализации государственной молодежной политики учащейся молодежью российских регионов».

ганов, созданных при органах государственной власти, органах государственной власти и местного самоуправления. Однако деятельность молодежных парламентов и правительств охватывает прежде всего молодых активистов, имеющих опыт инициативного участия в различных проектах на местах. Для основной массы учащейся молодежи в регионах это направление не актуально и не известно в информационном пространстве, в то время как именно оно, наряду с участием в выборах, дает опыт принятия решений. В свою очередь, работа различных молодежных форумов носит эпизодический и временный характер, направлена на обмен опытом и передовыми практиками преимущественно молодежных лидеров и активистов.

Еще одной формой активности молодежи выступает подготовка и реализация молодежных инициатив. По своей сути это отбор молодежных лидеров и оценка их организаторских и личных качеств. Данное направление больше всего адаптируется к новым условиям онлайн-коммуникаций в Интернете и социальных сетях, приоритет которым отдает основная часть учащейся молодежи, готовая обсуждать политику в социальных медиа, работать с петициями в сети, репостить политическую информацию, участвовать в дистанционном голосовании и т.д. Однако параллельно с этим происходит снижение инициативного участия молодежи в публичных акциях и офлайн-мероприятиях, что особенно характерно для ссузовцев и вузовцев Республики Алтай.

Значимое распространение среди учащейся молодежи двух Алтаев по-прежнему имеют молодежные общественные объединения различной направленности, со своими региональными особенностями приоритетных тематик и масштабов деятельности. При этом многие старшеклассники и студенты указывают в опросе проблемы загруженности учебным процессом и отсутствие свободного времени как основные препятствия к системному участию в их работе.

На современном этапе наибольшую популярность в молодежной среде получила добровольческая (волонтерская) деятельность, особенно актуальная в период ковидных ограничений и после начала СВО. Как отмечают студенты и школьники, социальная активность волонтеров им более понятна, чем политическая, видны ее результаты и позитивная реакция граждан. Волонтерство дает молодым людям осознание своей значимости в обществе, но при этом для них важен фактор самостоятельного принятия решения об участии в нем и возможность выбора направления своей работы.

Приоритет федерального финансирования молодежных проектов и инициатив усиливает в регионах их унификацию. В перспективе этому будет способствовать и разработка национального проекта «Молодежь и дети». Однако это создает и угрозу формализма в работе с молодежной средой, при условии закрепления статистики ее численного охвата мероприятиями в качестве основного показателя работы органов публичной власти в данной сфере.

В целом можно отметить, что для повышения эффективности достижения целей ГМП необходимо выстраивать обратную связь с молодежной средой, учитывать их приоритеты в формах включенности, системно отслеживать ответную реакцию данной группы на вводимые изменения в направленности и содержании различных молодежных программ и проектов.

Асонов Н.В.
(Москва, МПГУ)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ЦЕННОСТНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ И РЕЖИМОВ РОССИИ

Ценностное осмысление политических идеологий и режимов в данном контексте опирается на два базовых положения. Первое исходит из методологического понимания цивилизации как определенного периода времени, отражающего специфику конкретного этапа развития России, его качественной характеристики и присущего ей своеобразия. Поэтому здесь цивилизационный метод анализа противостоит формационному подходу. Второе положение отдает предпочтение идеологии как мировоззренческой основе, формирующей структурные звенья политической системы общества на любом историческом отрезке его существования. Это значит, что всякая идеология, взятая на вооружение господствующей политической силой, перестает быть просто теорией как некой рекомендацией для носителей власти. Она превращается в официальную доктрину и принимает форму закона, ориентирующего на сохранение или слом действующего режима. Таким образом, с одной стороны, политический режим выступает как следствие цивилизационного аспекта ценностного осмысления меняющейся официальной идеологии. С другой стороны, сами результаты деятельности каждого политического режима ведут к изменению идеологий или появлению внутри них новых теорий, способных стать ведущими доктринами, внедряющими свойственный им набор ценностей.

В данной связи цивилизационный аспект предусматривает четыре типа ценностного осмысления политических идеологий и режимов нашей страны, соответствующих четырем видам цивилизационной организации государства и власти. Они вписываются в концепцию «политического» К. Шмитта.

Исходя из принципа единства и борьбы противоположностей, мы можем вслед за ним анализировать все происходящее с позиций «вечного дуализма», характеризуя социально-политическую реальность в ее временном и качественном измерении с помощью противопоставления «прекрасного» и «безобразного», «добра» и «зла», «полезного» и «вредного». Таким образом, политическое различие, к которому следует отнести идеологии и режимы, сводится к различению «своих» и «чужих». Все они находятся в постоянном антагонизме, представляющем собой естественное состояние движения всякого социального организма. И если главные ценностные приоритеты выстроены господствующей политической силой более-менее верно, они могут обеспечить достаточно прочный баланс между доктринальными требованиями официальной идеологии и тем режимом, что возведен на ее фундаменте.

Здесь цивилизационный аспект исходит из противопоставления эндогенных (своих) и экзогенных (чужих) ценностных основ государства, власти и общества. Но есть еще их промежуточные формы существования. В зависимости от того, какая из этих двух основ преобладает в ценностях той или иной политической идеологии, мы можем говорить об эндогенно-экзогенной или экзогенно-эндогенной цивилизационной модели, присущей ей идеологии и режиму. Для России «своими» могут считаться только две цивилизационные модели, политические идеологии и режимы которых не имели аналогов в мировой истории и явно отличали нас от соседей. Первая относится к дохристианскому, а вторая к советскому периоду отечественной государственности, когда вся структура социально-политической системы строилась с учетом своеобразия Руси-России. Пожалуй, главным ценностным отличием их идеологий друг от друга было теократическое и атеистическое (материалистическое) осмысление мира и того режима, который должен соответствовать понятию «добро».

Религиозная реформа Владимира Святого, преобразование Петра Великого, революционные новации Временного правительства и начатая по инициативе М.С. Горбачева перестройка, вылившаяся в разрушение Советского Союза, не носили эндогенный характер. Их политические идеологии и режимы были ориентированы на иные цивилизационные поля и их ценностные установки. Введение православия по греческому образцу, соблюдая соборные традиции в управлении и, быту, привело к эндогенно-экзогенному устройству страны. Установление абсолютизма, разрушив соборные принципы управления в угоду западной консервативной моде, способствовало победе экзогенно-эндогенного типа, который еще больше проявил себя после Февральской революции 1917 г., сохранившей, однако, принцип соборности в виде советов. Их уничтожение в 1993 г. позволило сформировать полностью экзогенную прозападную и сугубо либеральную ценностную основу государства, власти и общества, закрепив ее ключевые аспекты в Конституции 1993 г. Тем самым Россия потеряла возможность вернуться к своим цивилизационным ценностям на уровне власти и стать по-настоящему суверенной страной. Ведь ее традиционные ценности носили теократический характер и потому не нашли себе места в системе светского (атеистического) управления и не привели современную Россию к перестройке ее социальной системы.

*Аствацатурова М.А.
(Пятигорск, ПГУ)*

СУБЪЕКТИВИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НОВЫХ ПОЛИЦЕНТРИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФИГУРАЦИЯХ

Современный мировой порядок, которому присущ высокий индекс нестабильности, в большинстве экспертных оценок характеризуется как порядок вызовов и рисков. Политологические интерпретации современной международной архитектуры содержат такие рельефные номинации, как «управляемый хаос» и даже «неуправляемый хаос». События, происходящие в странах и регионах, отражают слом прежних геополитических конструкций и дезавуацию многих прежних межгосударственных ассоциаций и договоренностей. Нет сомнений, что происходит существенная трансформация мировой политики и мира политического, детерминанты которого, впрочем, складывались со второй половины XX в. и были катализированы беспрецедентным событием мировой новейшей истории — распадом СССР. Последующая ускоренная суверенизация и интенсивный демократический транзит новых независимых государств сопровождались множеством конфликтов, террористических атак, гибридных и гражданских войн, а также войн исторической, этнической памяти.

В то же время постсоветские и мировые деструкции содержат определенный модернизационный ресурс, применение которого осуществляется во всех социетальных, политических системах, сетях, конфигурациях. Формируются новые носители новых парадигм политического действия, которые встраиваются в новые конструкции полицентричного мира. Диффузии и альтернативы развития при всей их рискогенности побуждают социальные и политические субъекты, во-первых, к критическому самоаудиту, во-вторых, к поиску актуальных идентификационных стратегий и тактик.

Это в полной мере относится к этноидентификационной программатике и к этноидентификационной практике современных сообществ. Как показывают разномасштабные эксцессы повестки дня, политизированный этнический фактор или этнизированный политический фактор неизменно сопровождают все текущие конфликты. Изменения парадигм мирового, странового и регионального развития ничуть не нивелировали этноидентификационные запросы и претензии участников межэтнической конкуренции. Напротив, мировой турбулентный контекст привел к явной геополитизации внутривосточных межэтнических отношений и придал им новую значимость и новые, в том числе антагонистические, перспективы. Все межгосударственные столкновения имеют в своем проблемно-блоковом поле этнический и религиозный компоненты, которые облекаются в динамичные организационные формы с применением современных политических технологий.

Этнополитические каузы палестино-израильских, ирано-израильских, армяно-азербайджанских, российско-украинских, абхазо-грузинских, армяно-российских и иных противоречий и конфликтов позволяют выявить следующие тренды:

- государствообразующие народы стран, вовлеченных в геополитическое противостояние, усиливают свою гражданско-политическую субъектность, стремясь максимально поддерживать соответствующие государства, политические системы и национальных лидеров, хотя часто выражают недовольство в связи с недостаточной приверженностью лидеров этнической идее;
- этнические сообщества, не являющиеся титульными и коренными, в условиях международного противостояния и геополитических конфликтов, находясь в составе гражданских наций стран проживания, формируют и демонстрируют акцентированный патриотизм и высокую лояльность государству и его политическому курсу;
- этнические коллективы разной типологической идентичности, вовлеченные в межгосударственные конфликты и противостояние на военно-политическом, социокультурном, информационном, коммуникативном уровнях, стремятся найти оптимальные гибридные формы соотнесения и сочетания гражданского патриотизма и этнического патриотизма, которые далеко не всегда тождественны;
- этнические лидеры, этнические советы, этнические ассоциации, форумы народов, национально-культурные организации разных организационно-правовых форм в условиях нарастания геополитической напряженности и выстраивания полицентричных конфигураций осуществляют попытки достижения собственных «этнических бенефитов»;
- этническая идентичность в ситуации военно-политических конфликтов субъективируется в новых техниках и технологиях (часто виртуальных, информационных, фейковых), смысло-содержание которых хотя и вуалируется, однако остается неизменным и пролонгируется в современность и будущность.

Проецируя эти соображения на современную этнополитическую ситуацию в РФ, отметим, что этнические сообщества России сегодня демонстрируют активную консолидацию на российской и даже русской патриотической платформе.

Субъекты — носители этноидентификационных программ (формальные и неформальные лидеры российских этнических коллективов) стремятся встроить их в идейно-мировоззренческий концепт политико-управленческой доктрины «разумного консерватизма», применяя традиционные ценности этнической культуры как заслон оппонировавшей западной культуре.

Интересанты этнической идентичности в РФ, ориентируясь на внутривосточный и геополитический спрос, отставляют на задний план собственные этнические интересы, нерешенные национальные вопросы, канализированные межэтнические противоречия.

Однако отложенный запрос на этноидентификационную субъектность в новых полицентричных конфигурациях не может рассматриваться как снижение ее актуальности и выведение ее из российской политики идентичности.

Субъективирование многих этнических идентичностей в гражданском российском конгломерате предполагает определение не только новых целей межэтнического взаимодействия, но и новационных методов политики идентичности и, вероятно, нового общественного договора между государством и субъектами российской этносферы.

Атаманенко А.А.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН)

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОМИКС-КУЛЬТУРЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ПРОЕКЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ*

Произведения комикс-культуры, будучи мультимодальными текстами, рассказывают свои истории при помощи комбинации текста и изображения. Если текст помогает структурировать мотивации персонажей, их понимание реальности и совершаемые действия, то визуальная составляющая передает аффективный фон истории. Художественные приемы и стили дополняют историю, задают ей соответствующую задумке авторов атмосферу и оформление. Все это применимо и к формированию политических образов, в том числе образов будущего¹. В данном случае нас будут интересовать произведения комикс-культуры, предлагающие собственные сценарии актуального будущего как отдельных стран, так и человечества в целом.

Мы можем выделить несколько основных сценариев будущего в комикс-культуре: технологическое процветание, политическая диктатура, апокалипсис, «статус-кво». Эти сценарии могут отчасти пересекаться (например, политическая диктатура и апокалипсис), однако в общем формируют отдельные линии выстраивания сюжета и представления будущего.

Примером сюжета «технологическое процветание» может стать серия комиксов «Валериан»². Сеттинг комикса рассказывает о будущем человечества, вступившего в контакт с инопланетными цивилизациями и ставшего частью межгалактического союза. Визуальные образы комикса выходят яркими, преобладают теплые цвета и округлые формы. Несмотря на перипетии, в которые попадают герои, в общем можно сказать, что человечество в представленном варианте будущего переживает один из лучших этапов своего развития. Это поддерживает и картинка, которая настраивает читателя на позитивную картину окружающего мира.

Совершенно иное визуальное оформление присуще графическому роману «V — значит Вендетта»³, демонстрирующему дистопичную диктатуру в Великобритании будущего. Значительная часть событий комикса происходит ночью или в закрытых подземных помещениях. Света почти нет, преобладают темные цвета, передающие основные политические эмоции персонажей — отчаяние, страх, гнев. При этом нельзя сказать о противостоянии «темного» зла и «светлого» добра. Все персонажи поддерживают мрачную цветовую схему, поддерживая общую тональность истории о борьбе с жестокостью диктатуры при помощи ответной жестокости.

Картины экологического, социального и политического апокалипсиса очень фактурно представлены в серии комиксов «Судья Дредд»⁴. Мир комикса представляет собой выжженную в ходе ядерных войн пустыню. Все контуры и фигуры персонажей получаются угловатыми и грузными, что отражает характер представленного сеттинга. Либо персонаж оказывается достаточно сильным и грубым, чтобы выжить, либо ему нет места в этом мире. Если сценарий политической диктатуры предполагает отчасти сознательное конструирование реальности, то в случае апокалипсиса речь идет в большей степени об адаптации под реалии существующего мира.

Наиболее сложным в концептуализации оказывается сценарий «статус-кво». Если иные сюжеты предполагают определенный уровень фантастики в своем политическом воображении, то данный сюжет пробует представить наиболее реальные, по мнению авторов, варианты развития человеческого будущего. Такой сценарий не использует чудесные открытия или уникальные контакты для движения мира вперед. Скорее мы говорим о продолжении логики развития актуального для авторов мира. Таким стал, к примеру, графический роман «Трансметрополитен»⁵, представляющий мрачную жизнь технологичного мегалополиса. Все особенности нашей реальности оказываются гипертрофированными, а общий фон можно охарактеризовать как «будущее упущенных возможностей».

Рассмотренные варианты сценариев визуального оформления образов будущего в комикс-культуре показывают, что комикс как форма может быть использован для передачи совершенно

* Проект «Роль массовой культуры в формировании представлений о будущем России молодежной аудитории: образы, идеи, установки» FFFM-2024-0051 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

¹ Wandtke T. The Meaning of Superhero Comic Books. Jefferson, North Carolina and L.: McFarland & Company, Inc., Publishers. P. 35–64.

² Кристьян П., Мезьер Ж.-К. Валериан. Полное собрание. Кн. 1. М.: Азбука. 2017. — 160 с.

³ Мур А., Ллойд Д. V — значит Вендетта. М.: Азбука, 2024. — 416 с.

⁴ Вагнер Д., Уокер К., Эскерра К. Судья Дредд. Истоки. М.: Комильфо, 2022. — 196 с.

⁵ Трансметрополитен. Кн. 1: Снова в городе. М.: Азбука, 2022. — 368 с.

разных тональностей. При этом визуальный стиль играет заметную роль в авторской оценке предлагаемого образа будущего, создавая и поддерживая эмоциональное восприятие читателя. В этом плане молодежь как наиболее заинтересованная в будущем социальная группа и одновременно наиболее восприимчивая к практикам политической социализации и политического просвещения может выступать в роли наиболее заинтересованной аудитории таких образов. Визуальная составляющая может как влиять на личные представления о возможном будущем, так и транслировать оценки разнообразных его сценариев. Универсальный характер изображения делает его точкой сборки и обсуждения этих образов, а визуальный стиль выступает источником привлечения внимания. Таким образом, представленные в комикс-культуре визуальные образы будущего оказываются потенциальным медиатором для представлений молодежи о собственном видении сценариев политического будущего и его оценок.

Ачкасов В.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

«СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»: ВЗГЛЯД ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «КОПЕНГАГЕНСКОЙ ШКОЛЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

По мере распространения «глобальной культуры памяти» политическая инструментализация прошлого и вырванные из исторического контекста аналогии с ним превратились в повседневное явление, особенно в средствах массовой информации. При этом нами историческая память рассматривается, прежде всего, как дискурсивная конструкция, посредством которой в политическую жизнь вносятся ценностное измерение, поскольку отсылки к событиям национальной истории и национальной традиции придают «высший, прагматический смысл нашей жизни, конкретным политическим действиям» (К.А. Пахалюк). Одновременно посредством обращения к прошлому осуществляется легитимация властных решений, делигитимация позиций оппонентов, мобилизация политической поддержки. Могут быть достигнуты и иные цели: передача исторического опыта; поиск и обнаружение в прошлом тех или иных исторических «уроков» и прецедентов.

Свой взгляд на роль исторической памяти при выработке, прежде всего, внешнеполитических решений предложила исследователи «Копенгагенской школы теории международных отношений» (В. Вузан, О. Вэвер и др.). Ключевое понятие, которое они концептуализируют, — это понятие «секьюритизация». Оно обозначает сознательный и целенаправленный процесс превращения рядовых политических, экономических или социальных проблем в проблемы «безопасности», что позволяет политическим элитам впоследствии использовать для их решения экстраординарные средства. Многие авторы признают, что историческая память может как служить референтным объектом секьюритизации (то есть объектом, который необходимо защищать от «угрозы извне и изнутри»), так и облегчать секьюритизацию иных сфер путем использования исторических аналогий. Использованию исторического прошлого для секьюритизации настоящего предшествует дискурсивное конструирование «события прошлого» — отбор совокупности фактов, организованных в нарратив. Поэтому исследование секьюритизации, тем самым, означает исследование конструируемого дискурса и, прежде всего, выявление отличительных черт так называемой «грамматики безопасности». Основными компонентами этой «грамматики» являются: экзистенциальная угроза (определяется в терминах референтного объекта, которому якобы угрожают); точка невозврата (определяет условия, при которых экзистенциальная угроза наносит непоправимый ущерб референтному объекту) и выход (определяет порядок действий, необходимых для того, чтобы защитить референтный объект от этой угрозы)¹.

Ссылаясь на важные исторические прецеденты, субъект секьюритизации может использовать их, чтобы легитимировать использование экстраординарных средств здесь и сейчас, подобно тому, как это уже «было» сделано в прошлом. В данном случае речь, прежде всего, идет о «воспоминаниях о предыдущих войнах», аналогия с которыми способна обеспечить возможность придания важным современным проблемам статуса «сакрального» и «экзистенциального». При этом дискурс секьюритизации, чтобы достичь цели, должен резонировать с существующими мыслительными конструкциями, присутствующими в коллективной памяти. Отсюда, в частности, постоянное обращение российских руководителей к событиям Великой Отечественной войны, которая не случайно признана «мифом основания» для современной России. Отсюда и крайне болезненная реакция на постоянные попытки оппонентов по ее десакрализации и принижению роли СССР в победе над нацистской Германией.

¹ См.: *Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. L.: Lynne Rienner Publishers. 1998. P. 32.*

В целом в современном мире произошла тотальная секьюритизация политики памяти, иначе говоря, ее концептуализация как сферы, связанной с вопросами национальной безопасности. Государства считают, что их идентичность требует защиты, и потому лидеры государств стремятся к согласованию политики национальной безопасности с ответом на вопрос «кто мы?». В результате защита собственной национальной идентичности представляется критически важной уже для выживания государства.

Ачкасова В.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОНТРПРОПАГАНДИСТСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: НОВЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ СТАТУС

В настоящее время в политической коммуникативистике обозначился острый интерес к институту контрпропаганды, задача которого — борьба с идеологической пропагандой противника — актуализируется и включается в политический процесс. Вместе с тем сегодняшний всплеск этого интереса по сравнению с предыдущим, относящимся еще к временам «холодной войны», продиктован особенностями протекающих ныне социально-политических процессов — эти особенности серьезно трансформируют формат контрпропагандистской деятельности.

Во-первых, ныне контрпропагандистское воздействие все больше приобретает не спонтанный, а рациональный и, как правило, систематический характер, когда со всей полнотой и очевидностью приводится в действие механизм политического суггестирования. При этом, с одной стороны, контрпропаганда как комплекс мер идеологического влияния не может применяться упреждающе против разрушительных пропагандистских акций враждебных политических акторов, поскольку требуется не только их безошибочно определить, но и разработать соответствующий механизм воздействия на них; с другой стороны, опоздание с применением арсенала средств контрпропаганды может иметь катастрофические последствия.

Во-вторых, процессы цифровизации и медиатизации наложили серьезный отпечаток на содержательные элементы контрпропаганды: эта деятельность в последнее десятилетие пополнилась целым арсеналом новых средств и методов, начиная с цифровых технологий и заканчивая инструментарием нейросетей.

Наконец, в-третьих, изменился сам формат контрпропагандистского воздействия: в своем «классическом» варианте контрпропаганда понималась как система действий, направленных на сопротивление пропаганде противника и имеющих реактивный характер. В нынешних условиях острого идейно-политического противоборства можно говорить об изменении этого статуса: в информационном пространстве фактически сложился контрпропагандистский дискурс — поликодовый коммуникативный комплекс, созданный как на письменной, так и на аудиально-визуальной основе, активно воздействующий на реципиентную среду, уже подвергнутую негативному идеологическому воздействию. Его задача — ниспровергнуть и разрушить навязанные враждебной стороной идеологические стереотипы, благодаря использованию системы аргументации убедительно доказать их несостоятельность и неприемлемость (Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / Под ред. В.А. Ачкасовой, Г.С. Мельник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. С. 316–317).

Отсюда сверхзадачей выступает нейтрализация «пропагандистского дискурса» противостоящих политических акторов, что становится стратегическим алгоритмом деятельности. При этом исключительно отрицанием и неприятием тезисов, доводов и концепций противостоящей стороны не добиться нужного воздействия; недостаточно расшатать опасные, уже смоделированные информационно-когнитивные мировоззренческие системы индивидов. Вряд ли удастся добиться удовлетворительного результата, если всего лишь распропагандировать акторов социально-политического процесса и разубедить их в правильности позиции, причем сами они далеко не всегда могут понимать, что эта позиция им навязана опытными технологами. Высока вероятность того, что подобный паллиатив будет иметь обратимый результат, поскольку вполне возможно, что индивиды после некоторых колебаний и сомнений все же вернуться к прежним взглядам и убеждениям. Поэтому крайне важно вместо подвергнутых уничижительной критике и отторгнутых идеологом предложить аудитории другие, более привлекательные идеологемы, соответствующие сегодняшним реалиям.

Исследование контрпропагандистского дискурса приводит к выводу о его коммуникативной асимметричности. Признаком этой асимметричности является неравноценное освещение в медиа событий и действий различных политических акторов. Обеспечивается же асимметричность такими средствами, как оперирование единой системой фреймов, оппозиций, понятий, концептов, стереотипизацией, созданием положительного или отрицательного имиджа и рядом других процедур.

Дальнейшее глубокое изучение содержания и структуры контрпропагандистского дискурса не только преследует вполне прагматическую цель — создание максимально эффективного механизма противоборства, но и способно создать основу для автономного исследовательского направления.

Ашмарина А.А.
(Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ИММИГРАНТОВ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Городская среда находится в процессе постоянного развития и преобразования. Эти изменения связаны не только с деятельностью городских властей, развитием новых технологий, но и с социально-экономическими трансформациями, в том числе миграцией населения.

Какие же аспекты формирования комфортной городской среды для мигрантов будут способствовать их благополучному проживанию и интеграции?

Во-первых, меры социальной поддержки: доступ к образованию, здравоохранению, механизмам социальной защиты. На данный момент в российском информационном поле отмечена негативная динамика новостей, посвященных иммигрантам, в частности приехавшим из СНГ и стран Средней Азии. На фоне активной общественной дискуссии в Государственную Думу был внесен законопроект о платном образовании для детей мигрантов¹. Создатели законопроекта считают, что данные меры помогут решить проблемы с укомплектованием классов, где находятся преимущественно дети мигрантов, зачастую не знающие русский язык, которые тем самым затрудняют процесс обучения детей коренного населения. Стоит отметить, что одобрение подобного законопроекта приведет к еще большей отстраненности мигрантов от общественной жизни. На данный момент в стране существуют специализированные культурные центры, которые занимаются подготовкой программ и мероприятий для иммигрантов для изучения русского языка и культуры. На наш взгляд, расширение сети подобных центров и увеличение их финансирования могли бы способствовать более успешной адаптации не говорящих на русском языке иммигрантов, нежели ограничение доступа к бесплатному образованию.

Во-вторых, необходимо уделить внимание инфраструктуре: доступное жилье для иммигрантов, развитая транспортная сеть, наличие достаточного количества объектов культурного и социального назначения. При этом районы проживания мигрантов должны находиться под особым контролем во избежание процессов их отделения от остальных районов и геттоизации.

В-третьих, иммигранты нуждаются в доступе к информационной поддержке и услугам. В эпоху цифровизации и развития технологий многие вопросы решаются с помощью специальных порталов и приложений, обеспечивающих государственную и муниципальную поддержку граждан. Мигранты, как часть общества, должны иметь возможность пользоваться данными ресурсами. Ярким примером является приложение «Госуслуги», которое предоставляет широкий спектр услуг, а также содержит всю необходимую для жителей информацию. Стоит отметить, что «Госуслуги» доступны для регистрации без наличия российского гражданства.

В целом формирование комфортной и здоровой городской среды для иммигрантов должно стать частью долгосрочной политики устойчивого развития городов России с учетом их региональных особенностей. Можно использовать как положительный, так и отрицательный опыт других стран, испытывающих постоянную миграционную нагрузку, к примеру Франции. Французские власти продвигают передовые урбанистические решения, которые могут быть полезны для российских городов и создадут благополучные условия жизни для всех жителей:

- Россия может использовать французский опыт в сфере благоустройства и модернизации жилых районов и общественных пространств, уделяя особое внимание реконструкции социального жилья, инфраструктуры для мигрантов и малоимущих граждан.
- В городской среде важна экологическая составляющая. Именно поэтому расширение «зеленых коридоров», «зеленых улиц», популярных в Париже, приведет к развитию общественных пространств. Создание многофункциональных общественных пространств для всех категорий населения, включая мигрантов, обеспечит инклюзивность и будет способствовать развитию социальной активности и снижению уровня социальной изоляции.

* Исследование выполнено в рамках гос. задания Н-024-0_2023-2025 (FSWR-2023-0033).

¹ Законопроект № 717678-8 О внесении изменения в статью 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/717678-8>.

- Для улучшения городского пространства можно использовать французскую концепцию «15-минутного города», когда все самое необходимое для жизни доступно в пределах 15 минут пешком. Сюда же можно отнести создание пешеходных зон, велодорожек, а также политику развития общественного транспорта для сокращения использования личных автомобилей, что является одной из актуальных проблем для российских городов.

В условиях нарастающей глобализации и урбанизации потоки миграции в Россию не уменьшаются. Существующая миграционная политика регулирует различные сферы жизнедеятельности мигрантов в стране, однако в процессе ее реализации возникает ряд вопросов, требующих решения на законодательном уровне. В основном эти проблемы касаются интеграции иностранных граждан в принимающее общество. Комфортная городская среда является одним из ключевых факторов для успешной интеграции иммигрантов, что способствует снижению социальной напряженности в обществе, улучшению качества жизни не только самих мигрантов, но и коренного населения.

Аюпова Ю.А.
(Казань, КФУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Политическая реклама играет важную роль в эффективной коммуникации между политическими акторами и гражданами. Она также является неотъемлемой частью избирательного процесса и важнейшим компонентом формирования имиджа политических акторов. С изменением методов коммуникации распространяются все новые технологии и методы политической рекламы, особенно с использованием информационных технологий и искусственного интеллекта.

Рассматривают политическую рекламу в разных аспектах: как коммерческую, социальную рекламу или институт избирательного права. Однако объективнее относятся к данному понятию исследователи, считающие политическую рекламу комплексным институтом, включающим в себя все вышеперечисленные аспекты. Политическая реклама строится по тем же шаблонам, что и коммерческая реклама, однако в качестве «товара» представлен политический актор или политический процесс. В социальном аспекте политическая реклама в некотором роде выполняет интересы государства и общественно значимые цели — например, информирует население о кандидатах на выборные должности. Тем не менее нельзя забывать о том, что политическая реклама ставит перед собой задачу вызвать заинтересованность определенным политическим актором. В законодательстве политическая реклама практически отождествляется с понятием «предвыборная агитация». Главное отличие двух явлений — временн*ые* рамки. Политическая реклама как технология может использоваться независимо от электорального цикла. Например, в рамках антикризисного менеджмента. В то время как предвыборная агитация проводится, как ясно из названия, только перед выборами в установленные законом сроки.

Политическую рекламу следует понимать в следующих аспектах: как коммуникационный процесс, распространяемый по каналам массовой коммуникации с целью влияния на политические установки, убеждения и поведение; продвижение идей партий или кандидатов в избирательной кампании; как свободную форму общения с электоратом¹.

Наибольшую популярность обрела политическая реклама в Интернете. Наиболее популярные способы продвижения политической рекламы в Интернете: медийная и контекстная реклама, а также продвижение по ключевым запросам. Медийная реклама — та, что пользователь видит не по своему желанию на сайтах-партнерах. Контекстная же более избирательна и основывается на предыдущих запросах². При продвижении по ключевым запросам сайт, социальные сети или новостные статьи политического актора будут стоять первыми в строке поиска, хотя то же можно сделать и с контррекламой, подняв компрометирующую статью в самый верх поиска. Контрреклама используется в политической рекламе достаточно часто и уже выработала много методов и технологий.

- метод «клапана» — перевод сильных качеств противника в его слабость;
- метод «живой мишени» — в данном случае весь негатив переносится на выбранный объект;
- метод «капли» — постоянное акцентирование внимания на негативной черте или событии, связанных с кандидатом;

¹ Kaid L.L. (2004). Political Advertising. Handbook of Political Communication Research / Ed. by Linda Lee Kaid, Lawrence Erlbaum Associates. Mahwah, New Jersey, 2004. P. 155.

² Андреева А.О. Применение ИТ-технологий для повышения эффективности политической рекламы // Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине: Сб. научных трудов III Международной научной конференции, Томск, 23–26 мая 2016 года. Ч. 2. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический ун-т, 2016. С. 516–518. EDN WNMYOJ.

- метод «резонанса» — использование внезапного интереса к какому-либо событию;
- технология побочного информационного влияния — запуск от «конфиденциального» источника нелицеприятной информации из прошлого оппонента;
- технология задания критериев оценки кандидатов — избирателю предлагают набор качеств и характеристик кандидатов и позволяют самому сделать выбор в пользу того или иного.

Одной из функций политической рекламы является манипуляция общественным сознанием. А с распространением и развитием искусственного интеллекта манипуляции в политической рекламе становятся еще и дешевыми. Тот же искусственный интеллект может писать тексты, делать видео, изменять голос и лица, что заменяет работу целой команды. Еще одним перспективным направлением в манипулировании общественным сознанием в политической рекламе является таргетинг, то есть демонстрация политической рекламы на основе интересов конкретного индивида. Такая реклама индивидуально подстраивается под каждого избирателя, тем самым повышая шансы кандидата на получение голоса.

Таким образом, с изменением форм коммуникаций происходит и изменение политической рекламы. Развиваются новые и подкрепляются классические методы и технологии манипулирования общественным сознанием, которое становится сложнее отследить в большом потоке информации.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ценности в политической коммуникации представляют собой сложный и многогранный базис, который формируется под воздействием исторических, социальных и культурных факторов. В последние годы молодежь сталкивается с рядом как внешних, так и внутренних угроз, включая социокультурные, что делает ее наиболее уязвимой частью общества¹. Справиться с этими вызовами возможно лишь в условиях сплоченного общества, где молодежь обладает устойчивой системой ценностей, на основании которых и вступает в коммуникацию с различными акторами, в том числе в политической сфере. Политические ценности можно охарактеризовать как «долговременные, имплицитно присущие конкретному индивиду, сообществу или обществу в целом смысловые ориентиры, которые формируют идеологические предпочтения и политические нормы социальных взаимодействий»².

Молодежь интересуется общественными процессами и выбирает различные стратегии коммуникации (участия/неучастия) в политической жизни общества, что проявляется через использование различных платформ (в том числе цифровых) для обсуждения актуальных тем и обмена идеями, в том числе в политической сфере. Ценностные основания (при участии/неучастии) политической коммуникации молодежи являются важной составляющей современных исследований³.

Авторское пилотное исследование позволило выявить основные ценностные ориентации молодежи в политической коммуникации. Пилотное исследование проводилось методом анкетного онлайн-опроса среди представителей молодежи от 14 до 35 лет в Ярославской области.

По промежуточным итогам пилотного исследования было выявлено, что более 65% респондентов считает, что участие молодежи в политике является важным, при этом каждый четвертый опрошенный отметил, что молодежи неважно участвовать в политических процессах. Термин «коммуникация» ассоциируется у большей части опрошенной молодежи со следующими словами: общение (70,7%), взаимодействие (62,9%), информация (45,7%), связь (34,3%).

Наиболее часто представители молодежи участвуют в политических дискуссиях с коллегами / одноклассниками (54,3%), друзьями (50,7%), пользователями в Интернете (28,6%), семьей (23,6%), государственными служащими (20,0%). При этом более 15% респондентов отметили, что не принимают участие в политических дискуссиях. По мнению опрошенных, больше всего на их политические убеждения влияют: личный опыт (49,3%), знакомые/друзья (48,6%), средства массовой информации/социальные сети (40,7%), образование (30,0%), семья (28,6%). Наиболее значимой ценностью в политической коммуникации, по мнению респондентов, являются: справедливость (42,9%), законность (40,7%), порядок (32,9%), безопасность (32,1%), равенство (29,3%), свобода (27,9%), мир (23,6%), стабильность (17,1%), патриотизм (15,0%), солидарность (15,0%), личная инициатива (12,1%), служение (3,6%), честность/уважение (2,1%).

Таким образом, ценностные основания политической коммуникации современной молодежи в России формируются под влиянием множества факторов, включая личный опыт, знакомых и друзей, цифровую трансформацию общества. В отличие от предыдущих поколений, молодежь сегодня активно использует Интернет и социальные медиа для обсуждения и получения информации о политических событиях. Ключевыми ценностями в политической коммуникации у молодого поколения являются справедливость, законность, порядок, безопасность, которые позволяют каждому гражданину в спокойных условиях высказывать свою позицию. То есть легитимность и чувство безопасности в вопросах политической коммуникации становятся центральным элементом их деятельности.

¹ Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90–99.

² Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192.

³ Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 3. С. 20–32.

ПРЕДПОСЫЛКИ ЦИФРОВОЙ МИГРАЦИИ РОССИЙСКИХ БЛОГЕРОВ НА ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПЛАТФОРМЫ*

В последние годы российские блогеры все чаще переориентируются с зарубежных цифровых платформ на отечественные. Этот тренд вызван множеством факторов, включая текущую геополитическую обстановку и растущие ограничения на зарубежных цифровых платформах. Цифровая миграция блогеров становится актуальной темой в условиях глобальных изменений и вызовов, стоящих перед отечественным медиапространством.

Переход блогеров на отечественные платформы стал знаковым явлением, подчеркивающим не только тенденции российской блогосферы, но и глубокие политические смыслы. На фоне усиливающейся блокировки и замедлений зарубежных цифровых платформ, а также ограничений способов монетизации контента российские блогеры все чаще выбирают отечественные ресурсы. Этот процесс не просто отражает индивидуальные предпочтения, но и служит проявлением коллективного мнения, стремления к свободе самовыражения и сохранению национальной идентичности. Ключевым элементом цифровой миграции блогеров является создание и развитие сообществ, которые оказывают поддержку создателям контента. На отечественных цифровых платформах активно развиваются взаимодействия между пользователями и контентмейкерами, что ведет к более крепким связям и увеличивает уровень привязанности аудитории, готовой переходить за своим автором на другие цифровые платформы.

Необходимо отметить, что диалог о переходе блогеров на отечественные платформы идет уже давно, как на локальном уровне среди самих блогеров, так и на государственном. В рамках данной работы мы попытаемся определить предпосылки цифровой миграции российских блогеров на отечественные площадки.

Так, одной из ключевых причин миграции блогеров является значительное падение их доходов. Это связано с изменениями в медиаиндустрии и сокращением рекламных вложений, что заставляет авторов искать альтернативные источники дохода и адаптировать свой контент под другие площадки. Параллельное развитие отечественных платформ, таких как VK, Яндекс.Дзен и Rutube, открыло перед блогерами новые возможности для популяризации и заработка на своем контенте. В некоторых случаях данные платформы предлагают более выгодные условия, так как снижают зависимость от внешних обстоятельств.

Также предпосылкой для миграции блогеров на отечественные платформы стали меры, инициированные Роскомнадзором, требующие от блогеров с аудиторией свыше 10 тыс. подписчиков раскрывать свои личные данные¹. Трансформация законодательства в области информационной безопасности и контентного регулирования отчасти также стимулировала блогеров обратить внимание на отечественные платформы. Эти сервисы предлагают более высокий уровень локализации и соответствие требованиям законодательства. В результате условия для работы становятся более благоприятными, так как на отечественных платформах проще соответствовать новым законодательным стандартам, вводимым государством.

Помимо этого, важной предпосылкой перехода на отечественные площадки является государственная поддержка для тех блогеров, которые размещают свой контент на российских цифровых платформах. Данная поддержка выражается в виде грантов, премий и создания сообществ блогеров, направленных для решения социальных проблем, а также для эффективного становления и развития блогосферы в России (гранты от VK, проект ТопБЛОГ и др.). Также стоит учитывать, что некоторые блогеры рассматривают переход на российские платформы как возможность показать свою поддержку стране и ее гражданам в нынешних социально-политических обстоятельствах.

Таким образом, цифровая миграция блогеров на отечественные платформы не только меняет медийное окружение, но и создает новую среду для взаимодействия между создателями контента, их аудиторией и государством. Данный процесс открывает возможности для дальнейшего роста и развития блогосферы в России в условиях изменяющегося мира. Данный переход акцентирует внимание на необходимости адаптации к новым обстоятельствам и понимание того, что отечественные платформы могут выступать не только как конкурентные варианты, но и как катализаторы прогресса цифрового контента в стране.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00083 «Российская блогосфера в условиях новых политических вызовов: смысловые и платформенные приоритеты». URL: <https://rscf.ru/project/24-78-00083/>.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ (ред. 08.08.2024 № 303-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 15. — Ст. 4999.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Одним из важнейших факторов развития государства является наличие гражданской позиции у населения этого государства, ведь гражданская позиция личности, прежде всего, отражает сопричастность человека к общим проблемам, его равнодушие к происходящему, его готовность стать активным субъектом социального развития¹. Молодежь является самой мобильной категорией граждан, потому считается, что именно она сможет повлиять на реформирование государства, благодаря, конечно же, своей гражданской позиции, ее проявлению.

В современной России большое внимание уделяется воспитанию патриотизма и в целом формированию гражданской позиции именно в сфере образования (школах, ВУЗах и других учебных заведениях). В рамках данной сферы выделяют три основные модели формирования гражданской позиции²:

1. Политологическая модель. Она характеризуется обширными знаниями о государственно-политической сфере и участии в политическом процессе (моделирование политических партий, избирательной кампании и т.д.).
2. Правовая модель. В ее основе лежит идея о главенстве права и правовой культуры, а формирование гражданской позиции происходит через знание законов и прав своего государства, умение их анализировать и отстаивать свои права.
3. Общественно-педагогическая модель. В данной модели приоритетом становится получение знаний об обществе и общественном устройстве. Также она сочетает в себе философские, экономические, политологические и другие знания, потому нередко называется интегративной моделью.

Для выявления особенностей формирования и проявления гражданской позиции современной российской молодежи был проведен социологический опрос 250 респондентов в возрасте 16–30 лет. Результаты опроса показали следующее.

Большинство участников опроса (42,9%) ассоциируют гражданскую позицию с проявлением равнодушия к происходящим в политике страны процессам. При этом 38,1% связывают ее с умением защищать свои права и свободы. Основная часть респондентов (87,5%) считает патриотизм важнейшим компонентом гражданской позиции и определяют себя как патриотов.

На вопрос об источниках информации, необходимых для формирования гражданской позиции, четверть респондентов ответили, что доверяют государственным СМИ (23,8%), примерно половина пользуется различными новостными сайтами, и столько же получают информацию от общения с компетентными людьми. Наиболее популярным ответом оказалось использование социальных сетей, чуть больше трети (38,1%) опрошенных прислушиваются к мнению родителей.

Одной из задач данного исследования было определить, активна ли молодежь в отстаивании своей гражданской позиции. Так, большинство респондентов (61,9%) не проявляют свою позицию, наименьшее количество людей (9,5%) утверждают, что хотя бы начинают принимать участие в политической жизни, и лишь 14,3% опрошенных утверждают, что уже вносят свой вклад в процессы, происходящие в политике. Интересно, что большинство респондентов (73%) считают, что не могут в достаточной степени повлиять на происходящие в политической сфере процессы. При этом большинство опрошенных (64,6%) проявляют свою позицию, участвуя в выборах и референдумах, стоит напомнить, что ранее никто не связывал данные процедуры с понятием гражданской позиции. Одинаковое количество респондентов (11,8%) посещают митинги и высказываются в социальных сетях, а пятая часть также подписывает петиции и коллективные письма.

В настоящее время в школах детей часто привлекают к участию в различных общественных организациях. Так, примерно треть опрошенных (28,6%) уверены, что участие в таких организациях, как юнармия, способствует формированию гражданской позиции, столько же участников опроса скорее согласны с этим утверждением. Около 20% респондентов не согласны с высказыванием, а еще 15% опрошенных затруднились ответить.

Таким образом, результаты исследования показали, что у значительного числа молодых людей присутствует достаточно пассивная гражданская позиция, оправданная, по их мнению, тем, что в России

¹ Савченко И.А., Николаева А.А. Модели политической социализации в контексте патриотического воспитания в современной российской школе // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 5 (219). С. 337–341.

² Олейников В.Ф. Гражданская позиция личности: основные подходы к формированию // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2016. № 4 (72). С. 187–190.

невозможно повлиять на политические процессы с помощью участия в них обычных граждан. Главным образом молодые люди проявляют свою гражданскую позицию, используя легальные способы. Также было определено, что главным источником информации для молодежи являются социальные сети, но на формирование гражданской позиции также оказывают влияние семья, друзья и школа, а государственным СМИ они, как правило, не доверяют. Из этого следует, что государству все-таки стоит обратить внимание на тот контент, что они создают и какую повестку несут в массы, какие люди представляют мнение властей на телевидении и в других официальных СМИ.

*Балакина Ю.В., Радина Н.К.
(Нижний Новгород, ННГУ, НИУ ВШЭ)*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ УСПЕХА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕНТЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО МЕДИА «ТИКТОК»*

Интерес к ТикТок со стороны современных политических акторов обусловлен высокой популярностью данного социального медиа у молодежи: освоение ТикТок дает выход на новые цифровые коммуникативные площадки для электоральной работы. Не случайно многие политические предвыборные кампании начинаются с новостей о том, что кандидат на пост создал аккаунт в ТикТок. В то же время политическое содержание постов в ТикТок детерминировано не только участием политиков в обмене видео. Обычные пользователи также размещают видео, содержание которых более или менее очевидно связано с политическими проблемами (от поддержки любимых спортсменов до поддержки СВО).

Социальное медиа «ТикТок» изначально продвигает себя как ресурс, который не только дает возможность коммуникации и обмена между своими пользователями, но и обучает делать это лучшим образом, используя для оптимизации «алгоритмы ТикТок». В стремлении к успеху пользователи снабжаются инструкциями, руководствуясь которыми возможно стать популярным и монетизировать лидерство. Эти инструкции сконцентрированы вокруг психологических и лингвистических технологий, которые представляют интерес для исследовательского анализа.

В качестве психологических технологий для достижения успеха используются (López, 2021; Dankowska-Kosman, 2021 и др.):

- работа с подражанием и креативностью,
- тренировка умения учиться,
- обучение монетизации успеха,
- обучение цифровому социальному управлению.

(1) ТикТок, ориентируя создателей видеоконтента на подражание, активно транслирует необходимость использования креативности. Креативность обуславливает популярность видео, которое становится «вирусным», однако «креативные» вирусные видео могут создаваться на основе подражания. Ставка на интеграцию креативности и подражания в ТикТок позволяет раскрывать креативность пользователей.

(2) ТикТок открыто формулирует задачи обучения, предлагает правила для достижения успеха на внеучебных коммуникативных площадках, закрепляя умение учиться, опираясь на мотивационные ресурсы тиктокеров, не связанные с формальными образовательными структурами.

(3) ТикТок оказывается ресурсом, связывающим социальный и финансовый успех, демонстрирующий, что социальное признание может быть монетизировано. Поскольку связь социального и финансового успеха накладывается на практики самообразования в ТикТок, согласно данным СМИ, доходы популярных молодых тиктокеров исчисляются миллионами.

(4) В рекомендациях медиа содержится подробная инструкция, как тиктокер может управлять тем, кому разрешить просматривать видео, оставлять комментарии, писать сообщения и даже удалять подписчика, то есть происходит специфический тренинг общения в действии. Учитывая стремление получать максимум «одобрения» (лайки, репосты) от других пользователей для монетизации успеха, тиктокер тренирует сложные формы цифрового взаимодействия.

Что касается лингвистических технологий успеха, «лингвистический акцент» сопровождает тренировку пользователей работать с видеоконтентом.

Продвигаемый на платформе контент является мультимодальным, то есть объективируемым посредством доступных семиотических модусов (письменный текст, изображение, звук и их комбинации). Каждый задействованный модус обладает определенным потенциалом в плане воздействия на ауди-

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 24-28-00204.

торию, поэтому успех зависит от понимания потенциала каждого модуса в отдельности и знания того, как эффективно комбинировать доступные на платформе ресурсы для создания мультимодального вирусного продукта.

Визуальный модус является наиболее эффективным инструментом привлечения внимания и влияния на аудиторию, так как визуальная информация обрабатывается непосредственно и с меньшими усилиями по сравнению с вербальной (Stenberg, 2006).

Аудиосопровождение способно спровоцировать соответствующую эмоциональную реакцию у аудитории. Эмоциональность реализуется за счет встраивания видеопотока в сеть популярных звуков.

Мемификация контента — еще одна эффективная технология продвижения. Отмечается, что именно мемы являются тем самым инструментом, который способен сочетать в себе «смешное» и «трагичное», позволяя успешно продвигать контент любого содержания и тональности.

Нестандартность ТикТок не отталкивает, а привлекает пользователей, следовательно, исследователям необходимо усовершенствовать технологии изучения данного нового цифрового поля политической коммуникации.

Балко М.В.
(Донецк, ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»)

ТВОРЧЕСТВО ДОНБАССКИХ ПУБЛИЦИСТОВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРЫМА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА «БЕЛАЯ СКАЛА»)

Публицистика — одна из ключевых сфер деятельности современного информационно насыщенного общества, отражающая многообразие форм взаимодействия людей, социальных групп и государств. В конце XX века о публицистике говорили как о многоликом, до конца не разгаданном явлении культуры, которое по сути является уникальным миром творчества.

Термин «публицистика» сам по себе весьма «говорящий», поскольку родственен словам «публика» и «публичный», восходящим к латинскому *publicum*, что буквально переводится как общество или государство. Соответственно, публицистика — особая форма освоения мира, в которой субъект познания — человек как социальное существо. Одним из главных признаков последнего является наличие не только сознания, но и активная гражданская позиция. Публицист не может и не должен быть отстраненным наблюдателем, бесстрастно фиксирующим факты, его предназначение — выступать аналитиком и заинтересованным очевидцем, с чувством рассказывающим современникам о животрепещущих событиях. Публицистика представляет собой инструмент, который помогает людям понять и оценить мир вокруг себя. Ее основная задача — формировать общественное мнение, создавать гармонию в жизни человека и общества, а также соотносить его поведение и систему ценностей с общепринятыми нормами и традициями. В публицистике выражается социально-нормативный взгляд на происходящее, основанный на принятых в обществе правилах и ценностях. Этот взгляд обычно выражается через социальную оценку событий и явлений.

События, происходящие в Донбассе с 2014 года, — трагическая страница истории края и России в целом. Безусловно, донецкие публицисты не могут оставаться равнодушными к ним. И чрезвычайно ценно для донбассовцев, что общественно-политические и художественно-публицистические издания других регионов также освещают эти события. Среди таких изданий, конечно же, есть и крымские. Литературно-художественный журнал «Белая скала» — одно из них.

Практически в каждом номере «Белой скалы» размещаются материалы донецких авторов, в частности Людмилы Павловны Маравы, музыканта, преподавателя, писателя, публициста. В «Белой скале» печатается цикл ее очерков («Уроки донецкого», «Верю в вахтанговскую правду!» и др.) о трагических страницах истории Донецка последних десяти лет и его героических жителей. «Наша донбасская трагедия, — замечает автор, — безжалостно искорежила человеческие жизни» (Белая скала, 2023, № 2 (23), с. 254).

Очерки Л.П. Маравы пронизаны болью за земляков и одновременно — восхищением их стойкостью: «Разруха... жизнь... Нет пышности в этих словах. Но слышится в последнем устало-принужденное благородство. Каким когда-то было в обиходе честное слово. Слово, которому веришь. Даже когда говоришь здесь о разрухе. Которую с такой душевной стойкостью переживают на Донбассе люди. Все это непонятно и необъяснимо. Хотя можно уже догадаться, с какой меркой приличествует говорить о здешних людях. Об их расколотых на острые осколки жизнях. Увечья их, физические... некоторым костыли гуманитарно-бесплатные, приходится ждать месяцами, шкандыбая топорно сделанными про-

тезами, пристегнутыми к намозоленной болью плоти, продираться сквозь пригородные дымящиеся развалины. Раны человеческие, душевные, к ним страшно дотронуться рукой, кровоточат они праведностью, лихорадочной агонией, прищипленной к людской многообразной прокаженности...» (Белая скала, 2023, № 2 (23), с. 260). Но несмотря на весь ужас происходящего в городе, Л.П. Маравя верит в скорое наступление мира и счастья для дончан: «Разум тускнеет, когда уже невозможно не заметить, как над землёй разверзается тьма первобытного варварства. Только туго натянутыми нервами прорывается в нем брешь облегчения, сквозь которую можно увидеть сияющее над Миром солнечное светило» (Белая скала, 2023, № 4 (25), с. 289).

Таким образом, интеграция Крыма и Донбасса осуществляется не только в экономической или научной сфере, но и в культурной. События в Донбассе, которые острой болью отзываются в произведениях публицистов края, естественно, печатают периодические издания Крыма, ведь Донбасс и Крым — регионы, которые связывает мощная духовная дружба.

Балобанов А.Е.
(Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ПРАВО И ПОЛИТИКА: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Движение к политологии права требует проработки соответствующего предметного поля, ядром которого являются представления о праве и политике.

Право — фундаментальный институт человеческого общежития, сопровождающий человечество на протяжении всей истории его существования. Право — это то, что устанавливает справедливость, исходя из некой высшей правды, и обеспечивает его в системе правления/управления. Это — ценностная категория: право — не то, что уже существует в мире, но то, что правильно утверждать в нем. Право всегда ориентировано так или иначе понимаемым идеальным, действие — существующими реалиями.

Размышление о праве уводит в пространства метафизики, где оно выступает, опираясь на те или иные базовые представления об основах мироустройства: мыслится как заповеданное традицией, дар богов, соответствие (человеческой) природе, произвольное установление, плод разума и проч. XX век принес в эти размышления фундаментальный вопрос — где находится источник такого рода полаганий? Мир Просвещения, ориентированный на разум, знание и науку, сменился миром действия, воли, желания. Право, в этих логиках, отчетливо выступило не абсолютном, так или иначе «данным от века», а конструктом, творимым и утверждаемым людьми и социальными организациями (группами, институтами, «классами» и т.п.), стало рассматриваться как составляющая социальных систем. Основанием, определяющим понимание права, стало понимание систем социальных отношений, а практика правотворчества выступила одним из изводов социального конструирования.

Здесь и происходит встреча права и политики, поскольку реальность политики всегда была действием, вбирающим в себя все возможные обстоятельства, порождаемые социальными отношениями (и, в свою очередь, порождающими эти отношения). Право и политика оказываются двумя ипостасями социального действия. Одна из них (право) исходит из представлений о должном и строится как ответ на вопрос о том, как соотносить действие в реальном мире социальных взаимодействий с этими представлениями. Другая (политика) исходит из представлений о возможном и отвечает на вопрос, как построить действие, отвечающее конкретным особенностям существующих социальных взаимодействий.

Право и политика — составляющие, взаимно дополняющие и обуславливающие друг друга. При этом идея права сущностно ориентирована на социальное целое (представление о справедливости, равенстве перед законом и т.п.), в то время как политика может быть, а может и не быть направлена на общие интересы всего социума. Правовые представления формируются и развиваются в связке с развитием представлений об устройстве мира, в то время как политические отношения вырастают из интересов конкретных социальных групп. Ключевым институтом, собирающим на себе как правовые, так и политические отношения, сегодня выступает государство. При этом политики используют для достижения своих целей все доступные им ресурсы, в том числе возможность влиять на те или иные правоустановления (законы), поэтому, если они начинают играть доминирующую роль в деятельности государства, право отступает под напором «политической целесообразности». Граждане, со своей стороны, принимают или не принимают предлагаемые им «правила игры». Первый путь определяет движение в направлении «правового государства», второй — в направлении взаимного недоверия государства и его граждан.

Барандова Т.Л.
(Санкт-Петербург, СПбГУ, Северо-Западный институт
управления РАНХиГС при Президенте РФ)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СТРАНАХ БРИКС+: ГОСУДАРСТВА-ПЛАТФОРМЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Процессы в мировой политике, обозначаемые как «цифровая трансформация», оказывают существенное влияние на все направления общественно-политических отношений, как в публичной политике внутри государств, так и на внешнеполитические (геополитические) направления развития. Изменениям подвергаются не только управленческие аппараты отдельных государств (*Public Administration Systems*), но и вся мировая политическая система и, соответственно, весь спектр акторов международных отношений. В качестве новых акторов международных отношений и государственного управления выступают специалисты ИКТ, как (индивидуальные и коллективные) разработчики программных продуктов, так и из сегмента технических «инженеров», обслуживающих «платформенные» продукты (в том числе с привлечением разработок продуктов ИИ и нейроинтерфейсов), предоставляющих сервисы для реализации социальной политики. Изучение возникающих международных альянсов государственных и негосударственных акторов, общественно-политических сетей, связанных с переходом к новым форматам предоставления государственных услуг населению, активизации процессов перехода к многовекторной модели мирового порядка, изменений роли «традиционных» акторов, формирующих национальные органы власти, таких как политические партии и группы интересов, изменяя и их институциональную среду, и электоральные модели их легитимации, и тактические инструменты борьбы за власть, и стратегические технологии реализации курсов публичной политики (*Public Policies*), в том числе связанные с управлением программами для социальной защиты населения посредством интерфейсов электронного правительства (*e-government*), а в развитых странах и/или глобальных суб/регионах — к цифровому управлению (*d-governance*).

Цифровые платформы в современном мире исследователями рассматриваются в качестве центральных агентов в сети создателей ценности, являясь «частными регуляторами экосистем»¹. Но платформы не являлись объектом управления со стороны государства на протяжении многих лет введения их в практику политического управления, и лишь в последнее десятилетие происходит юридическое оформление их использования, разрабатывается законодательная база по защите пользователей «цифровой» оболочки как услуг государственного управления, так и бизнес-услуг, имеющих отношение к реализации социальной политики, политики в сфере здравоохранения, трудоустройства и т.п. Данная работа ведется и в рамках сотрудничества и взаимодействия на международном уровне, в частности в рамках БРИКС+. М.В. Ларионова, рассматривая вопросы регулирования цифровых платформ на международном уровне, отмечает трудности, связанные с особенностями их функционирования, транснациональным характером деятельности, потребностью в ресурсах для правоприменения и мониторинга². Не менее серьезные вопросы касаются и включения продуктов искусственного интеллекта (ИИ) и применения нейросетевых разработок в сферу государственного социального обслуживания особых групп населения, в частности, в направлениях разработки «нейроинтерфейсов».

В августе 2024 г. на саммите БРИКС в Йоханнесбурге (ЮАР) была создана объединяющая усилия стран-участниц структура управления искусственным интеллектом, в перспективе предполагая создать единый подход к использованию и контролю данных технологий, и был учрежден исследовательский комитет. Ввиду того что в состав БРИКС+ в настоящий момент входят страны с различными социальными проблемами и приоритетами в социальной политике, а также уровнем технологического развития и инфраструктуры, представляется важным изучение имеющегося опыта реализации государственных стратегий цифровизации не только в экономической, но и в социальной политике, содержание целей развития технологий, с особым вниманием к внедрению ИИ-агентов и ИИ-сервисов, направленных на повышение эффективности сотрудников государственного управления и социальной политики, оптимизацию бизнес-процессов в проектах государственно-частного партнерства и социально ориентированных программ бизнес-акторов.

В 2024 г. в состав БРИКС вошли новые государства, большинство из них в своей технологической повестке не полагались на внутренний потенциал, но они, как и прежние участники образования,

¹ Gawer. Digital Platforms and Ecosystems: Remarks on the Dominant Organizational Forms of the Digital Age // *Innovation*. 2022. Vol. 24. Issue 1. P. 110–124. URL: <http://doi.org/10.1080/14479338.2021.1965888>.

² Ларионова М.В. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // *Вестник международных организаций*. 2024. Т. 19. № 2. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-04.

уже имеют надгосударственный и национальный опыт работы и внедрения технических инноваций в управленческие процессы, разработанные программы цифровизации во всех странах. Форталезская декларация БРИКС 2014 г. предполагает изучение новых областей сотрудничества, в том числе в сфере трудовых ресурсов и социального обеспечения. Банк развития БРИКС предполагает реализацию проектов в сфере устойчивого развития — экономического развития при социальной и экологической устойчивости. В вопросах здравоохранения представлено широкое поле для кооперации по ключевым проблемам и обмена передовым опытом в странах БРИКС. В докладе будет отражено современное состояние цифрового управления стран БРИКС+ с фокусом на их социальные сервисы, нейросетевые продукты для помощи особым социальным группам населения и инициативы в области индустрии искусственного интеллекта.

Баранов А.В.
(Краснодар, КубГУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДОНБАССА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ)*

Актуальность темы: интеграция ДНР и ЛНР в состав Российской Федерации является длительным сложным процессом, эффективность которого обеспечивается в том числе укреплением российской гражданской идентичности в региональном сообществе, ресоциализацией новых граждан России.

Среди исследований темы выделим работы Е.В. Бродовской и А.Ю. Домбровской (*Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.* Ценностные ориентации и политические установки жителей ЛНР и ДНР: результаты социологического исследования в 2023 году // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 6. С. 88–102), К.В. Черкашина, В.И. Теркулова и Т.Ю. Тамерьян (*Черкашин К.В., Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю.* Этническая самоидентификация жителей Донбасса // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 113–128). Они основаны на результатах анкетных опросов. Но массовые опросы дают недостаточные сведения о мотивах и способах выражения идентичности интеллигенции.

Цель тезисов — определить проявления политической ресоциализации интеллигенции Донбасса по итогам экспертного опроса преподавателей вузов.

Коллектив политологов Кубанского государственного университета с участием автора провел экспертный опрос преподавателей вузов ДНР и ЛНР посредством онлайн-интервью в Телеграм-канале по стандартной анкете (август–сентябрь 2024 г.). Длительность интервью составила от 60 до 80 мин. Состоялось 25 интервью с преподавателями Донецкого, Луганского и Мариупольского государственных университетов, Луганского государственного педагогического университета. Все респонденты являются постоянными жителями ДНР и ЛНР, приняли российское гражданство с 2014 по февраль 2022 г. либо позже. Возраст опрошенных — от 31 до 68 лет; 60% составили женщины, 40% — мужчины. Все респонденты проживают в крупных (с населением более 200 тыс. чел.) городах, преподают гуманитарные и социальные дисциплины, имеют опыт воспитательной работы с молодежью. Многие (24%) являлись депутатами представительных органов власти и местного самоуправления или государственными служащими.

Вопросник состоял из трех тематических разделов: об оценке состояния гражданской идентичности жителей Донбасса, системы политической ресоциализации новых граждан России, противоречий, проблем и рисков политики идентичности в регионе.

Респонденты в достаточной степени знают современные научные трактовки гражданской идентичности, ее компонентов и политики идентичности. Их знания, ценностные ориентации и установки сформировались в 1990–2010-х гг. на основе противостояния навязанной украинизации. Чаще всего участники интервью считают факторами успешной ресоциализации то, что Донбасс всегда был промышленным и научным регионом России, куда приезжали представители многих народов, и они ассоциируют себя с «большой, огромной, масштабной Россией», используют русский язык. Респондент 46 лет, мужчина, политолог высказался так: «Очень осязаемый уровень идентичности у нас», так как приверженность России проверена в военных жестоких условиях. Подчеркивается, что в регионе никогда не было до распада СССР этнических и конфессиональных конфликтов. Термин «новые регионы» обижает некоторых респондентов, они считают ДНР и ЛНР «историческими регионами» России.

* Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013.

Опрошенные отмечают преимущество своих российских ценностных ориентаций, признавая разную прочность ресоциализации жителей «ядра» территории республик, сложившегося в 2014 г. и освобожденных за 2022–2024 гг. районов («там много ждунов»). Внимание обращается на сложности ресоциализации школьников и студентов, поскольку они получают информацию в основном из социальных сетей и мессенджеров, в большей мере, чем старшие поколения, ориентированы на выезд в глубинные, более благополучные регионы России.

Среди субъектов политики идентичности в ДНР и ЛНР преподаватели вузов ставят на первое место образовательные учреждения, затем — профильные региональные органы власти, учреждения культуры. Реже упоминаются общественные организации (волонтерские, казачьи, «Юнармия», «Движение первых»). В качестве нормативно-правовых актов, важных для ресоциализации, опрошенные упоминают Конституцию России, указы Президента РФ о защите традиционных ценностей и историческом просвещении, доктрину «Русский Донбасс». Но глубокого знания документов, четких представлений о методах и технологиях политики идентичности нет. Препятствиями ресоциализации названы информационные атаки украинских и западных массмедиа, нехватка профессиональных педагогов в республиках, бюрократизм органов управления.

Баранов Н.А.

(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, СПбГУ)

НОВАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ОПЫТ РОССИИ*

Российская Федерация является одной из наиболее передовых стран по внедрению новых технологий в избирательный процесс. Причем, как свидетельствует статистика, новации не снижают активность граждан, а способствуют вовлечению в избирательный процесс. Большинство электоральных новаций в России связано с цифровыми технологиями, которые стали широко применяться в избирательном процессе в XXI веке. Спектр применения IT-разработок достаточно широкий и включает в себя блокчейн, биометрию, а в последние годы — искусственный интеллект. С 2005 г. в некоторых странах, а в России в качестве эксперимента в 2008 г. появилась технология дистанционного электронного голосования (ДЭГ), которая неуклонно расширяет сферу своего влияния во многих странах мира. Развивается цифровая инфраструктура, включающая информационные системы, программно-аппаратные средства, сети связи, обеспечивающие избирательный процесс и взаимодействие избирательных комиссий на разных уровнях, а также граждан и юридических лиц. Для лимитации границ избирательных округов используются геоинформационные системы, видеокамеры применяются для круглосуточного мониторинга работы избирательных участков и подсчета голосов.

Можно выделить следующие направления электоральных новаций.

Нормативная база ДЭГ в России. С 2019 г. в Москве вводятся цифровые избирательные участки (Федеральный закон № 102-ФЗ от 29.05.2019), а в 2021 и в 2024 гг. постановлением ЦИК была сформирована территориальная избирательная комиссия дистанционного электронного голосования.

Формат проведения ДЭГ. Система ДЭГ является российской разработкой и реализована на базе блокчейн-платформы. Используются две системы: в Москве функционирует технологическая система, разработанная Департаментом информационных технологий города Москвы и позволяющая избирателю корректировать свой выбор; в остальных регионах России применяется технологическая система, созданная ПАО «Ростелеком». Применяется генерация двух ключей — открытого и закрытого, который делится на количество частей, соответствующих числу политических партий, имеющих фракции в Государственной Думе РФ. Расшифровка бюллетеней возможна только при наличии одновременно открытого и всех частей закрытого ключа. По заявлению председателя ЦИК Э.А. Памфиловой, ЦИК совместно с высокотехнологичными отечественными компаниями разрабатывает новый вид дистанционного голосования на участке, там, где нет постоянно действующего Интернета. Следует также отметить, что в 2024 г. впервые были проведены президентские выборы с применением ДЭГ. В ряде стран, где ДЭГ используется в выборном процессе, его применение ограничивается выборами депутатского корпуса и органов местного самоуправления.

Общественное наблюдение за ДЭГ. Общественное наблюдение за ДЭГ осуществлялось как непосредственно в ПАО «Ростелеком», так и опосредованно через соответствующие сайты с информацией о количестве выданных и принятых бюллетеней. Общественной палатой РФ разработан стандарт общественного контроля за ДЭГ, для чего создана специальная группа, состоящая из членов Общественной палаты. Система мониторинга за выборами совершенствуется, поэтому в будущем возможны новые варианты контроля.

* Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-01061 «Управление инновациями в государственной электоральной политике».

Таким образом, среди новаций, связанных с дистанционным электронным голосованием в России, можно отметить достаточно обширную нормативно-правовую базу, регламентирующую проведение ДЭГ в каждом конкретном избирательном цикле, новые электоральные институты, такие как территориальные избирательные комиссии ДЭГ, цифровые избирательные участки, российские информационные системы дистанционного электронного голосования, формирующиеся практики мониторинга за ДЭГ с созданием стандарта общественного контроля.

Можно констатировать, что Российская Федерация находится среди стран, которые активно внедряют цифровые технологии в избирательный процесс, на собственном опыте вырабатывают оптимальные институциональные, нормативные и процессуальные практики, а электоральный процесс, как важнейший фактор легитимизации власти, находится на пути постоянного совершенствования в соответствии с новыми технологическими возможностями.

Баскакова Т.В.
(Белгород, ОГБОУ Лицей № 9)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Для того чтобы стать подлинным гражданином своего Отечества, человеку необходимо усвоить и систематически поддерживать политические нормы, образцы и стандарты поведения, традиции, принятые в обществе. Все это происходит в результате длительного взаимодействия индивида с окружающим миром, благодаря чему он входит в социальную среду, формируется система политических и гражданских ценностей, возникает ориентация в политической среде, что позволяет успешно реализовываться в той политической системе, которая существует.

В настоящее время социальные сети и Интернет являются важной составляющей жизни российских школьников. Подростки настолько прониклись цифровыми технологиями, что без мобильного телефона, «умных часов», которые имеют доступ в Интернет, не могут выйти на улицу, отправиться в школу. В телефоне вся жизнь: и друзья, и учеба, и знакомства, и покупки. Социальные сети, наряду с традиционными факторами политической социализации, такими как СМИ, школа, семья, становятся одним из преобладающих факторов политической социализации подрастающего поколения, в результате чего происходит слияние личности с миром политики — формирование у нее навыков политического участия, политических воззрений, установок. Надо отметить, что в современных условиях сетевые формы коммуникации формируют принципиально новые модели социализации, в том числе и политической. По мнению Малькевича А.А., «основным фактором, влияющим на участие подростков в политической активности в интернете и офлайн, исследователи называют именно творческое производство, под которым можно понимать креативную деятельность, осуществляемую в социальных сетях» (Малькевич А.А. Социальные сети как фактор политической социализации молодежи: от иерархии к сетевой модели // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 2019. № 6. С. 91). Социальные сети способствуют не только потреблению информации, но и более тесному взаимодействию в сетевом сообществе, что выражается в активном участии подростков в обсуждениях и онлайн-дискуссиях. И здесь велика опасность того, что, потребляя большой объем информации, в том числе и не всегда правдивой, молодежь, а это будущий электорат, разочаровывается и в дальнейшем проявляет абсентеизм, что, впрочем, является одним из факторов политической социализации. Опасность кроется в том, что псевдопатриотические и антисоциальные организации делают ставку на молодежь в процессе политической мобилизации не случайно, они используют ее для разрушения ценностей российского общества (в том числе политических).

Таким образом, информационное пространство, Интернет становятся не просто одним из преобладающих факторов политической социализации подростков, в результате этого взаимодействия появляются новые формы политического участия.

Батанина И.А., Лаврикова А.А., Шумилова О.Е.
(Тула, ТулГУ)

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ*

В условиях нарастающей неопределенности геополитической ситуации образ будущего России становится ключевым фактором интеграции общества и ограничивает влияние внешней информационной агрессии. Для выполнения этой роли необходимо, чтобы внутренние и внешние параметры восприятия образа будущего страны были взаимосвязаны. Тем не менее в настоящее время существуют риски разрывов как между различными компонентами образа (идеальным, моделируемым, реальным), так и их сформированностью на различных уровнях среды и представленностью в различных дискурсах (политическом, медийном, гражданском).

Для выявления проблем в формировании образа будущего России авторский коллектив провел комплексное исследование, основанное на использовании количественно-качественной стратегии. В процессе сбора эмпирических данных применялись методы контент- и интент-анализа медиаматериалов, глубинные и фокусированные групповые интервью, психографический метод, когнитивное картирование, а также вторичный анализ данных всероссийских и региональных опросов.

Исследовательский дизайн включал изучение особенностей личного восприятия образа будущего и характеристик различных дискурсивных пространств, влияющих на массовое сознание и отражающих культурные коды в видении перспектив развития страны. Методика была апробирована в Центральном и Южном федеральных округах.

Сравнительный анализ материалов из региональных кейсов позволил сделать несколько выводов. Вектор восприятия будущего страны в целом носит позитивный характер, однако присутствуют фрагментарность и стереотипность, связанные с доминированием ретроориентаций в формировании представлений о будущем. Это приводит к сужению горизонта планирования до краткосрочной перспективы. Ретроориентированные символические сюжеты воспроизводятся как в оценочных суждениях, так и при описании «друзей» и «врагов», а также при попытках конкретизации образов настоящего и будущего. Эти конструкции важны не только для старших возрастных групп, но и для молодежи. Определение перспектив развития страны через призму восстановления прошлого является реакцией на отсутствие в обществе социально значимой идеи и понятных ориентиров при прохождении точки бифуркации.

Ключевыми факторами, ограничивающими функциональность видения перспектив развития страны и дифференцирующими общество, являются дефицит социального опыта, статусные характеристики и место проживания (социокультурные особенности региона). В условиях высокой рискованности возникает потребность в однозначных интерпретациях оценочных категорий актуальной повестки дня, что должно быть учтено в информационной политике.

В официальной политической повестке основным ценностным утверждением является «Россия — великая держава», вокруг которого строятся другие темы, включая противостояние с коллективным Западом. Однако способы воздействия современной информационной политики по-разному проявляются в различных компонентах образа будущего: наиболее заметно это касается эмоциональной составляющей, в меньшей степени — когнитивной и поведенческой. В результате наблюдается разбалансированность и размытость видения перспектив развития страны, что усугубляется фрагментарностью представлений о прошлом и настоящем России.

В сложившихся условиях актуализируется задача конструирования мобилизационных фреймов через интерпретацию значимых исторических событий, которые могут задать вектор восприятия будущего. В качестве системообразующей ценности должна выступать «Безопасность», дополненная несколькими ключевыми позициями ядра ценностной структуры.

Для «резонирования» созданного фрейма с представлениями рядовых граждан наряду с общим взглядом на мир требуется сформировать более локальные фреймы, которые позволят конкретизировать образ, наполнив его определенным содержанием. Вместе с тем в моделируемом образе необходимо заложить систему координат оценки перспектив развития страны, что будет способствовать принятию гражданами собственных решений относительно социально значимых действий, а значит, обеспечит формирование поведенческой составляющей образа.

Представляется целесообразным детализировать интерпретативные схемы за счет объяснения истории в контексте современной внешней и внутренней политики России. Кроме того, в обсуждение должны быть включены экологические вопросы, личное благополучие и другие актуальные темы, что позволит привлечь внимание молодежи.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания № FEWG-2023-0004.

Учет региональных особенностей и социокультурного контекста позволит создать более релевантные варианты образа будущего России. Это важно, поскольку разные регионы могут иметь различные приоритеты и потребности, соответственно, возможна модификация содержательного наполнения видения грядущего и восприятие его достижимости. В то же время социально-демографические характеристики общностей в большей степени влияют на уточнение детерминант и горизонт планирования.

Башмаков И.С.
(Краснодар, КубГУ)

ПРОЯВЛЕНИЯ И МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Неотрадиционализм в политике — это совокупность социально-политических институтов, практик, инструментов, использующих традиционный опыт социально-политического взаимодействия и управления государством. Одним из примеров проявления политического неотрадиционализма являются страны исламского мира (арабские страны, Иран, Турция), в которых экономические, политические и социальные преобразования, происходившие на протяжении XIX и XX веков, благодаря проникновению западных идей, культуры, общественно-экономической модели развития привели к быстрым изменениям, прежде всего к ломке традиционных связей между людьми. Недовольство этим выразилось в так называемом исламском возрождении (таджид), которое началось во второй половине XX века и воплотилось в стремлении преобразовать общество на началах ислама и мусульманских традиций.

Отличительной чертой данной модели политического неотрадиционализма является религиозный характер, проявляющийся в сближении или совмещении светских и религиозных властей, стремлении воплотить религиозные ценности в жизни. Схожие процессы происходили во всех мусульманских странах, однако характер протекания, практики и институты политического неотрадиционализма имеют существенные отличия. В целом в условиях развития исламского политического неотрадиционализма возникают новые и используются старые «традиционные» политические и правовые институты, например имамы, аятоллы, шейхи в качестве политических институтов, а шариат и Коран или их отдельные нормы в качестве законов.

Индийская модель политического неотрадиционализма возникает как результат борьбы с британским колониализмом и инокультурным (христианским и мусульманским) влиянием. Стремление обрести уникальную национальную идентичность выражается в популярности как общественных фундаменталистских движений, например хиндутвы (санскр. «индусскость»), так и в официальном индуистском национализме, распространившим свое влияние с конца 80-х годов XX века. Тенденции возврата к традиционализму стали очевидными после разрушения мечети Бабри в 1992 году индуистами, а также в связи с длительным нахождением у власти ведущей партии «Бхаратия джаната парти» с 1998 по 2004 год, затем с 2014 года, поддерживающей ценности индуистского национализма.

Модель сочетает в себе в равной степени религиозный и национальный характер. Несмотря на обращенность в прошлое индуистского национализма (в «золотой ведический век») и риторику, направленную на противостояние с мусульманским вторжением и европейским колониализмом, а также интеграцию традиционной индуистской культуры в политическую и правовую практику, на уровне государства присутствует стремление сочетать традиции и инновации. На официальном уровне подчеркивается необходимость экономического развития, активной роли Индии в мировой повестке, достижении целей развития ООН и т.д.

Китайская модель неотрадиционализма основывается на «идеологии социализма с китайской спецификой», сформулированной в 1981 году Дэн Сяопином. Данная концепция — это отход от стремления воплотить в жизнь идею «чистого коммунизма» и желание сочетать коммунизм и философию «особого пути» и китайских традиций. На практике политика неотрадиционализма воплощается в череде экономических реформ, большей открытости капиталистическому миру, вместе с тем планомерном отстаивании национальных интересов и ценностей. Председатель КНР Си Цзиньпинь продолжает данную традицию, так, в 2018 году идея социализма с китайской спецификой была включена в конституцию государства.

Обращение к истории и традициям играет в китайском неотрадиционализме второстепенную роль, идеологически Китай больше устремлен в будущее. Тем не менее идеи китайской специфики занимают все более важное место в социально-экономической и политической повестке, а также в общественно-политической практике и частной жизни. Неоконфуцианство — синтез традиционной китайской мысли и достижений европейской культуры, проявляется в китайском менеджменте, образовании

и госслужбе, риторике и слоганах политиков, черпающих вдохновение в традиционном китайском конфуцианстве.

Европейская модель политического неотрадиционализма включает в себя неотрадиционалистские политические практики, распространившиеся прежде всего в Центральной и Восточной Европе (Польша, Венгрия, Словакия) в результате недовольства европейской неолиберальной политикой. В политическом плане современный европейский неотрадиционализм выражается в евроскептицизме и электоральной поддержке консервативных партий, отстаивающих национальные интересы и традиционные европейские ценности. Проявлениями европейского неотрадиционализма можно считать клерикализацию, тесные связи политиков с католичеством, законодательную защиту традиционных ценностей (например, законодательный запрет абортов в Венгрии), критику политики европейских властей. Тем не менее курс на общеевропейское развитие и модернизацию сохраняется и в рамках данной модели.

*Беденкова А.С.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОТЕХНИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Современный масштаб, характер и динамика развития социума обуславливают необходимость перманентного обновления социально-политических институтов системы управления, в центре которой находится государство. Ощутимое влияние на модификационные процессы трансформации содержательных и функциональных составляющих политических институтов оказывают экспоненциально развивающиеся цифровые технологии.

Цифровизация качественно трансформирует как управляющих субъектов и управляемых объектов системы, так и социально-политическое пространство интеракций, соединяя реальный и цифровой миры в единую симбиотическую среду. Продвижение технологий поколения Web 4.0, среди которых особое внимание уделяется возможностям искусственного интеллекта, нейросетей и метавселенных, создает новую социотехническую реальность, в которой положение государства как традиционного института распределения власти не определено окончательно. Стремительное наращивание темпов создания технологий и последующих цифровых трансформаций политических институтов, определенное в первую очередь интересами элитарных групп, детерминирует начало процесса модификации классической диспозиции государства как стержневого, системообразующего актора.

Интенсификация коммуникационных потоков вкупе с перманентным усовершенствованием и последующей имплементацией новых технологий способствует усилению взаимосвязи и взаимозависимости политического и цифрового пространств, определяя последнее как ключевое место политико-властных интеракций. Цифровая среда постепенно становится агрегатором инструментальной власти, значительно расширяя возможности влияния формирующего содержание коммуникаций и характер дискурса корпораций и платформ. Экспансия цифровой среды способствовала росту концентрации цифровой власти (Немитц, 2017), позволившей определить направление изменений в архитектуре политической сферы на уровне акторов — транснациональные цифровые корпорации, алгоритмизированные цифровые площадки становятся полноценными участниками политического процесса, приобретая политическую субъектность вместе со стремлением к перераспределению властных диспозиций.

Цифровое доминирование новых политических субъектов, проявляющих способность частично конкурировать с государством, определяет характер и вид архитектуры зарождающихся преобразований по направлению изменения баланса сил в сторону трансформации привычной системы властных отношений. Различия в темпах цифровизации, подвижности репозиционирования корпоративных игроков и государства формируют благоприятные условия для последующей элиминации типовых функций государства в рамках базовых параметров политической системы. Иными словами, модификация институционального дизайна будет направлена на властную переигровку в пользу политических субъектов нового типа.

При отсутствии единства в однозначности оценки характера влияния цифровых технологий прослеживается четкий вектор признания роста воздействия инноваций на реструктуризацию политической системы. Новые политические субъекты, прежде всего в виде транснациональных цифровых корпораций, создателей технологий и модераторов онлайн-пространства, не скрывают стремления к усилению своего властного доминирования. Вместе с тем государство как многоаспектный и системообразующий институт, концентрирующийся в первую очередь на сохранении традиционных

диспозиций, предлагая различные политические новации, сохраняет ориентацию на старые институциональные принципы, не оставляя попыток нивелировать кардинальность вносимых изменений при сохранении традиционной «закрытости» в процессе тестирования институциональных преобразований.

Цифровое лидерство корпораций, определенное корреляцией между ростом возможностей влияния цифровой коммуникации и концентрацией цифровой власти в сочетании с довольно пассивной позицией государства как института по отношению к требуемым переменам и обновлению базовых параметров политической системы, позволяет говорить о потенциале практической реализации гибридных государственно-технологических режимов с новой архитектурой властных диспозиций, где на лидирующие роли будут претендовать уже новые политические субъекты (Володенков, Федорченко, 2022).

Безбородов М.И.
(Петрозаводск, ПетрГУ)

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Арктика — уникальный геополитический регион, сочетающий в себе огромные запасы природных ресурсов, с одной стороны, а с другой — один из крупнейших логистических морских транспортных маршрутов. В период 2008–2013 гг. приняты основные программные документы арктической политики России: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»; «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», в 2014 г. утверждается государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года».

В 2020 г. в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г.¹ заложены стратегические приоритеты российской арктической политики и закрепляются в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.²

В Арктическую зону России интегрируется часть муниципальных образований Республики Карелия — Лоухский, Кемский, Беломорский и Сегежский районы, Калевальский национальный район и территория Костомукшского городского округа.

Республика Карелия — многонациональный и поликонфессиональный субъект Российской Федерации, где проживают представители 113 народов (согласно Всероссийской переписи населения 2020 г.), 26 этнических общностей, действует 84 национальных общественных объединения, 20 казачьих обществ. В Карелии зарегистрировано 227 религиозных организаций, относящихся к 17 конфессиям, из 227 религиозных организаций 135 (126 — 2022 г.) относятся к Русской православной церкви (РПЦ). Количество религиозных организаций Русской православной церкви за последние 9 лет увеличилось на 65 (92,86%), а количество протестантских течений снизилось на 21 (23,33%).

За реализацию и развитие государственно-конфессиональной политики в Карелии отвечает Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия. Приоритетные цели национальной политики и государственно-конфессиональных отношений определяются Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года и государственной политикой Республики Карелия в области гармонизации межнациональных и конфессиональных отношений:

- духовно-нравственное воспитание населения, содействие защите конституционных прав и гарантий граждан на свободу совести и вероисповедания, гармонизацию межконфессиональных отношений;
- содействие устойчивому этнокультурному развитию народов и этнических общностей, проживающих в Республике Карелия;
- развитие межнационального и межконфессионального сотрудничества;
- сохранение гражданского мира, укрепление межнационального и межконфессионального согласия в Республике Карелия.

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164: утвержден Президентом РФ 5 марта 2020 г.

² Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023).

Одним из целевых показателей оценки развития государственно-конфессиональных отношений в Арктической зоне и в целом по республике является положительная оценка межконфессиональных отношений населением. Так, к 2030 г. планируется рост доли граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Карелия, до 82% (в 1,03 раза).

Программные документы в области государственно-конфессиональных отношений Республики Карелия:

- государственная программа Республики Карелия «Реализация государственной национальной политики на территории Республики Карелия»;
- Стратегия национальной политики в Республике Карелия на период до 2025 года;
- государственная программа Республики Карелия «Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина»;
- государственная программа Республики Карелия «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов».

При реализации государственно-конфессиональных отношений на местном уровне учитываются следующие факторы: исторические национально-религиозные традиции Карелии, связанные с положением православия в Карелии; обеспечение права граждан на свободу совести и вероисповедания; благотворительная помощь религиозных конфессий социально незащищенным слоям населения, содействие профилактике алкоголизма, наркомании, преступности и духовно-нравственному воспитанию человека, укреплению государственности в регионе, профилактика экстремизма и терроризма.

Одно из приоритетных направлений — развитие духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания, укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей в Карелии в условиях СВО и трансформации системы международных отношений.

Совместные усилия Республики Карелия и традиционных конфессий направлены на консолидацию всех слоев общества вокруг традиционных духовно-нравственных ценностей и духовных традиций России; укрепление института семьи, семейной морали и нравственности; гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, сохранение и распространение отечественного историко-культурного наследия и образования; профилактика экстремизма, гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в сложной геополитической обстановке.

Белов С.И.

(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова; ИНИОН РАН)

РОЛЬ ВИДЕОИГР В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ*

Как было отмечено Ю.М. Лотманом, нарратив произведений культуры по своей природе выступает в качестве одного из ресурсов реализации символической власти. Любое произведение массовой культуры содержит в себе определенную символику, которая актуализируется в сознании представителей целевой аудитории посредством приведения соответствующей знаковой системы в соответствие с присущей данной социальной группе моделью восприятия и формирующими ее смыслами и ценностями. Динамика культурных и социальных процессов неизбежным образом влечет за собой трансформацию системы доминирующих смыслов и ценностей, что приводит к изменению представлений об одобряемых и осуждаемых нормах и формах поведения. Следствием этого является появление у ведущих акторов символической политики задачи реструктуризации содержания основных инструментальных символов с целью придания им характера, соответствующего особенностям доминирующей ценностно-смысловой модели. При этом актуализация символов производится за счет расширения контекста восприятия символа посредством создания комментариев к первоначальному нарративу¹. Чаще всего эту концепцию ассоциируют с произведениями культуры, сформированными в порядке реконструкции образов прошлого. Однако эта точка зрения не учитывает дуалистичности символа-образа как ресурса реализации символической власти.

* Проект «Роль массовой культуры в формировании представлений о Будущем России молодежной аудитории: образы, идеи, установки» FFFM-2024-0051 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

¹ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин, 1992. С. 201.

С одной стороны, символика произведений массовой культуры действительно выступает в качестве продукта процесса трансформации ценностной модели и связанных с нею форм поведения. С другой стороны, как отмечал Ю.М. Лотман, символы, интегрированные в нарратив массовой культуры, выстраиваются во многом из расчета на наличие в сознании целевой аудитории кодовой системы. Она предполагает высокую вероятность конкретной реакции в ответ на определенные символы-раздражители при определенном стечении обстоятельств. Это порождает возможность воздействовать на восприятие и поведение аудитории, в том числе подменяя или корректируя ценностно-смысловое наполнение узнаваемых символов¹. За счет этого произведения массовой культуры могут успешно использоваться с целью конструирования образов не только прошлого, но настоящего и будущего. Последнюю задачу облегчает то, что зачастую выстраивание образов настоящего и будущего осуществляется за счет символического параллелизма, т.е. актуализации образов прошлого в соответствии с текущей социально-экономической и политической конъюнктурой. Примером этого может служить отождествление разумных андроидов с рабами в игре *Detroit: Become Human* и создание гетто для аугментированных людей (сочетающееся с прочими формами дискриминации) в *Deus Ex: Mankind Divided*. Также отождествление образов прошлого и будущего осуществляется в рамках такого жанра, как постапокалипсис, в рамках которого сюжет чаще всего основывается на идее выбора человечеством неверного вектора развития, приведшего к откату цивилизации к уже пройденным этапам развития (примером чего могут служить франшизы *Horizon* и *Fallout*).

Наибольшим потенциалом в плане конструирования образов прошлого, настоящего или будущего обладают произведения культуры, символика которых создана посредством гибридных семиотических языков, воздействующих одновременно на несколько каналов восприятия и интегрирующих в рамках одного формата независимые и равноправные культурные знаки².

Видеоигры относятся к числу форматов массовой культуры, выстроенных за счет использования гибридных семиотических языков, что в априорном порядке могут быть признаны эффективным инструментом конструирования образов будущего. Их функциональность в данном плане увеличивает то, что видеоигры являются основной или одной из главных форм досуга россиян, использующих их в качестве средства развлечения (в особенности — для представителей молодежи). Так, исследование онлайн-школы в сфере разработки игр *XYZ School*, датируемое 2023 г., показало, что в среднем российские геймеры посвящают своему увлечению 20 часов в неделю (играя при этом преимущественно в течение 5 дней). В 2022 г. по результатам исследования НАФИ было установлено, что регулярно или эпизодически в видеоигры играют 60% россиян, в среднем — по 3–5 часов в неделю. Исследование *Mediascope*, проведенное весной 2022 г., показало, что 69% россиян в возрасте от 12 до 64 лет играют в игры на различных устройствах, при этом регулярно это делают 55% пользователей. Повышенную эффективность видеоигр как ресурса создания и продвижения образа будущего обеспечивает и то, что визуализация будущего в формате видеоигр позволяет вовлечь на более длительный период времени и создать иллюзию влияния геймера на развитие сюжетной линии, что отсутствует в традиционных формах массовой культуры.

Белов С.И., Горобец В.В.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

КАК ПОЛИТОЛОГИ ИЗУЧАЮТ ВИДЕОИГРЫ

По данным ВЦИОМ, четверо из десяти взрослых в России пробовали играть в видеоигры, чаще — на компьютере и мобильном телефоне, реже — на игровых консолях. В США видеоигры с 2012 года входят в рубрику искусства наравне с театром, балетом и кинематографом. Для современных историков и политологов возникает вопрос о возможности изучения видеоигр как современного источника. Отвечая на этот вопрос, можно обобщить разные подходы и представить ключевые параметры экспертизы видеоигр: игровой нарратив, техническая доступность, окупаемость, популярность среди геймеров, восприятие символов геймерами.

При изучении игрового нарратива необходимо анализировать время, в котором происходят события, путь героя, игровое пространство, геймплей, историю игрового мира вне контекста сюжета.

При изучении доступности игры следует учитывать: соотношение между размером медианной зарплаты на территории страны либо региона и стоимостью лицензионной копии игры; технологическую доступность игры; уровень развития пиратства на национальном рынке; соотношение между размером медианной зарплаты на территории страны и стоимостью доступной технологической платформы игры с минимальными техническими требованиями.

¹ Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973. С. 8.

² Эко У. О членениях кинематографического кода. Структура фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана. М., 1985. С. 82.

Окупаемость игры может быть рассчитана несколькими формулами, но базовой можно считать следующую:

$$((A \times B + C) - (D1 + D2 + D3 + D4 + D5 + D6)) / D_{\text{сумм}},$$

где A — это количество официально купленных экземпляров игры; B — стоимость одного лицензионного экземпляра игры; C — доходы от использования товарного знака; $D1$ — маржа продавца; $D2$ — расходы на создание игры; $D3$ — расходы на продвижение игры; $D4$ — расходы на изготовление физических носителей и доставку игры в магазины; $D5$ — отчисления производителям технологических платформ; $D6$ — расходы на возврат непроданных копий; $D_{\text{сумм}}$ — общий размер расходов производителя, объединяющий показатели от $D1$ до $D6$.

Уровень популярности игры можно рассчитать по следующей формуле:

$$Pop = F \times G \times H,$$

где F — количество обзоров на игру и ее прохождение на платформах *YouTube* и *Twitch* (на государственном языке), разделенное на общее число обзоров на самую популярную офлайн-игру(ы); G — коэффициент социальной вовлеченности, определяемый как соотношение суммы лайков, дизлайков и комментариев к наиболее популярным обзорам и общего количества их просмотров; H — соотношение сумм лайков и дизлайков в интернет-магазинах (*Steam, Epic Games*).

Существует также ряд контекстуальных факторов, которые сложно поддаются оценке: дизайн и оружие доспехов/одежды, наличие исторического консультанта при разработке игры, содержание образов, не включенных в основную часть игры, политические взгляды, образование, страна происхождения сценариста(ов) игры, участие в разработке игры представителей официальных властей, наличие политически окрашенных достижений (ачивок) в игре, политическое и символическое позиционирование игры разработчиками.

Восприятие геймерами, как правило, можно оценить, проводя глубинные интервью или анкетирование.

Беловолова Е.Е.
(Воронеж, МБОУ Лицей № 15)

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ ШКОЛЬНИКОВ

Политическая социализация — часть длительного и сложного процесса получения индивидом социального опыта, накопленного предшествующими поколениями. Критериями эффективности этого процесса являются уровень политической культуры и степень политической активности человека, вовлеченность его в политическую жизнь общества.

Передача политического опыта, представленного знаниями, политическими ценностями, нормами, паттернами политического поведения, происходит с помощью различных социальных институтов и социальных групп — агентов социализации. Длительное время главную роль в процессе политической социализации молодежи играло школьное образование. Однако в стремительно меняющемся современном обществе происходит перераспределение ролей агентов социализации, наблюдается усиление влияния интернет-технологий на все стороны жизнедеятельности людей.

Вовлеченность молодежи в интернет-среду происходит в достаточно раннем возрасте. Школьники включаются в виртуальные сообщества, взаимодействуют в социальных сетях, ведут блоги и т.д.

Широкий спектр политической информации можно найти на новостных порталах, новостных агрегаторах. Посетитель Интернета может зайти в личный профиль политических деятелей в социальных сетях или в появившиеся не так давно анонимные *Telegram*-каналы.

Следует также признать, что большинство школьников получает опосредованную политическую информацию, знакомясь с оценкой политических событий или процессов, которую выражают другие люди, в той или иной степени авторитетные для них. Достоверные сведения о происходящем в мире политики сочетаются со слухами и домыслами.

Получаемая школьниками политическая информация чаще всего не анализируется, а закрепляется как факты. Подобные явления нередко приводят к отрицательным последствиям — негативному отношению к политической системе, к деятельности политических институтов в стране при невозможности аргументировать свою точку зрения, к аполитичности и т.п.

Имея небольшой социальный опыт, плохо разбираясь в механизмах принятия политических решений, подростки часто становятся жертвами применения манипулятивных технологий для формирования политического сознания.

В современном информационном мире манипуляция общественным сознанием происходит по различным каналам, в том числе и с использованием набирающих популярность нейросетей.

Искусственный интеллект в настоящее время имеет множество разновидностей. Это и чат-боты, которые могут «общаться» с людьми и помогать удовлетворить их потребности, и генеративные модели, создающие тексты, изображения, музыку, видео, и более сложные модели, взаимодействующие с внешней средой, собирающие данные и принимающие решения.

Системы ИИ позволяют получить репрезентативные данные о поведении людей, не прибегая к социологическим исследованиям в виде опросов, а лишь анализируя поведение в социальных сетях и активность в интернет-пространстве. Исследуя посещаемые человеком сайты, время активной работы в сети, типичные используемые слова, популярные запросы и т.п., искусственный интеллект отбирает для него контекстные объявления или рекламу. То есть конкретная информация может быть передана определенной группе людей на основе оставленных цифровых следов. Таким образом, искусственный интеллект может создавать и распространять информацию так, чтобы она была привлекательна для пользователя, чтобы он был уверен, что она достоверна.

Слабо владеющие навыками критического мышления, молодые люди подвергаются воздействию фейковых новостей и дипфейков. Техническими средствами их идентифицировать очень сложно. Для того чтобы отделить достоверную политическую информацию от фейка, необходимо обладать навыками анализа информации. Поэтому все чаще стали говорить о еще одном виде грамотности современного человека — дата-грамотности.

Большую роль в формировании критического мышления может сыграть учитель. Разрабатывая различные типы заданий на основе анализа текста, визуальных источников, сопоставления различных статистических данных, графической информации, он может придать процессу политической социализации школьников нужное направление.

Белоус Ю.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕС В ОТНОШЕНИИ РФ (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНИИ) *

В последние годы Испания стала последовательным сторонником санкционного режима ЕС против России, однако занимает более умеренную позицию по сравнению с другими государствами-членами ЕС. Избегание лидерства в санкционных предложениях обусловлено стремлением испанского правительства балансировать между поддержкой внешнеполитического курса ЕС и защитой своих экономических интересов, особенно в сферах туризма и инфраструктуры.

Важно отметить и особую приверженность испанского общества общеевропейскому проекту, что во многом иллюстрируется таким крупным аналитическим центром Испании Королевским институтом Элькано (*Real Instituto Elcano*) как поддержка респондентами санкционной политики ЕС против РФ. В случае Испании проевропейские настроения в обществе сильны, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения. Особую роль в дискуссиях об отношении испанского общества к санкциям против РФ играет европейский вектор, так как он тесно связан с темой преодоления кризисных и проблемных явлений, ставших следствием неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры.

В отличие от других стран Западной Европы, в Испании функционирование общеевропейских институтов и наднациональных органов в последние годы не подвергалось сомнению ни в одном регионе государства, в том числе в Каталонии и Стране Басков. Близкие ценностные ориентиры, принятая правительством позиция «евроэнтузиастов» и «еврооптимистов» стимулируют испанцев позитивно оценивать деятельность ЕС и решения, принимаемые институтами ЕС.

В этих условиях прямой связи между общественным мнением в испанском обществе и формированием позиции Испании по вопросу продолжения санкционного курса ЕС в отношении РФ не является. При этом «обратные» экономические эффекты санкционного курса в отношении Испании могут влиять на общественную поддержку правительства и его внешней политики. В ином виде данный «санкционный парадокс» выглядит следующим образом, почему при общей социально-экономической невыгодности поддержки санкций против РФ, общественная поддержка санкционного курса в Испании сохраняется на высоком уровне и даже растет.

Общественное мнение в Испании по вопросу санкционного режима ЕС в отношении РФ неустойчиво и меняется: если в 2014–2015 гг., согласно опросам общественного мнения, испанские респонденты выражали умеренную и более низкий уровень поддержки санкций в отношении РФ, то после 2022 г. наблюдается последовательный и устойчивый рост уровня поддержки санкций в от-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10204. URL: <https://rscf.ru/project/24-78-10204/>.

ношении РФ. При этом среди ключевых проблем развития государства в целом испанцы выделяют общее ухудшение социально-экономической ситуации, рост безработицы (особенно среди молодежи), снижение уровня доходов населения.

Испанский пример позволяет понять усложнение внутри- и внешнеполитической среды принятия санкционных решений в ЕС, диверсификации санкционного инструментария, перехода от «умных» санкций к «всеобъемлющим санкциям».

Научная новизна определяется спецификой изучаемого объекта — санкционных режимов «коллективного Запада» (государств—членов ЕС, а именно Испании) в отношении России, сложившихся после февраля 2022 г. Анализ такого фактора устойчивости санкционных режимов, как фактор общественного мнения позволяет сгладить непропорционально большой акцент в академических исследованиях санкций на эмпирически-ориентированных стратегиях и стимулировать академическую дискуссию относительно выявленного механизма взаимодействия между внутренними и внешними факторами сохранения/продолжения/развития санкционной политики при отсутствии достижения санкциями своих целей, что является одним из основных «санкционных парадоксов».

Научная значимость проекта заключается в теоретико-методологическом осмыслении одной из «слепых зон» санкционных исследований в науке о международных отношениях — факторов устойчивости и развития санкционных режимов.

Для достижения цели и задач исследования использованы данные социологических опросов Центра социологических исследований Испании (*Centro de Investigaciones Sociológicas, CIS*) и аналитического центра Испании Королевского института Элькано, позволяющие определить степень влияния общественного мнения на внешнюю политику Испании, а также установить факторы, играющие ключевую роль в этом процессе. Исследуются социологические профили испанских респондентов на основании следующих вопросов о том, в какой степени решения, принимаемые в рамках ЕС, влияют на жизнь испанцев (сильно, достаточно, мало или не влияют совсем), а также, в какой степени испанские респонденты довольны текущей социально-экономической ситуацией в стране.

Берендеев М.В.
(Калининград, БФУ им. И. Канта)

«ГЕОПОЛИТИКА ГЕОБРЕНДА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ 2.0»: НОВЫЕ ТРЕКИ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ФОРМАТЫ

Кардинальный перелом в современных международных повестках, нарастание разломов в сфере геополитики сегодня требуют и новых региональных изменений в построении «дорожных карт» развития в новых условиях. Особенно это касается тех российских регионов, которые имели многолетний опыт трансграничного и приграничного сотрудничества со странами ЕС и сегодня требуют особого внимания к развитию как перспективные точки роста экономического, культурного и человеческого капитала России.

Новая геополитическая ситуация фактически полностью изменила форматы жизни регионов России, граничащих с ЕС, особенно это коснулось калининградского эксклава, который оказался в окружении недружественных стран, а санкционная политика ЕС существенно ограничила перемещение товаров, грузов, пассажиров наземным транспортом, что сразу привело к новым поискам политических решений о создании новых транспортных и логистических цепочек и развития приоритетных зон региональной экономики в его повышенных связях с федеральным центром.

Калининградская область всегда в Европе и в целом на Западе была объектом повышенного внимания, ее называли «регионом мостов», «Балтийским бастионом», «регионом сотрудничества», но сегодня в ЕС ее воспринимают как «военный кинжал» России, что требует обеспечения комплексной безопасности самой территории и ее населения и продолжение перспективного развития региона как российской исторической Европы с одним из самых семиотических культурно-исторических ландшафтов.

Калининградская область и ее культурно-историческое наследие, а также туристический кластер альтернативной европейским курортам морской зоны стали центром внимания федеральной власти. Регион быстро превратился в один из центров туристского импортозамещения для жителей материковой России, что отразилось и на поиске новых моделей сотрудничества региона с остальными субъектами Федерации и его продвижения через собственные брендовые территориальные продукты и проекты. Калининградская область фактически превратилась в лабораторию геобрендинга и экспериментальный PR развития территории в новых условиях геополитики.

Дигитализация форматов коммуникации, с одной стороны, и развитие цифровых пространств — с другой, способствовали быстрому развитию узнаваемости и повышению репутационного капитала

Калининградской области. Региональные власти вышли на уровень реального продвижения региона как «европейского балкона России», как флага развития туризма, требующего большой реновации самого региона и его пространств, создания новых объектов и больших федеральных проектов, связанных с обеспечением долгосрочного устойчивого развития региона в условиях санкционной политики коллективного Запада.

Эволюция от открытых европейских пространств к региону, который стал быстро развиваться как туристическая «Мекка», в условиях почти закрытых границ приобрела некоторую генеральную линию в развитии сценариев жизни Калининградской области, при максимальном сохранении как восточнопрусского так и советского наследия. Импортзамещение привело к росту туристического потока в Калининградскую область и сам регион активно привлек тех, кто раньше выбирал Финляндию, страны Балтии, Польшу, Германию. В 2023 году объем туристов в регион превысил 2 млн человек, по итогам незавершенного 2024 года — уже почти 2,5 млн, при этом есть поставленная задача реализации проектов по возможности принятия до 5 млн в год.

Сочетание различных культурных пластов и нахождение региона на стыке культурных цивилизаций и даже религиозных разломах (приграничные Литва и Польша — католические страны) требуют и повышения внимания к развитию российской культурной идентичности, устойчивой символической политики в регионе, укоренения российской истории и культуры в распределенных исторических ландшафтах бывшего наследия.

Это требует новых и углубленных форматов коммуникации Калининграда с федеральным центром, экономических вложений, инвестиций в развитие человеческого капитала региона как необходимых для укрепления развития присутствия России в современной Европе, на Балтике. Калининград — важная точка РФ на Балтийском море. Это делает регион одним из ключевых субъектов геополитики особенно в ситуации международной турбулентности в Восточной Европе и регионе Балтийского моря. Развитие не просто военного бренда, а Калининградской области как региона инновационных возможностей и культурных и креативных кластеров и индустрий, теперь также приоритетная задача. Строительство кампуса мирового уровня «Кантиана» для БФУ им. И. Канта, а также одного из четырех российских культурно-образовательных комплексов с филиалами Третьяковской галереи и Большого театра и множества других инфраструктурных объектов показывает быстрый рост укоренения мощного культурного потенциала в том числе в политику идентичности региона, который становится все более связанным с масштабами историко-культурного пространства России.

Развитие инновационного, сильного и узнаваемого геобренда региона в новых геополитических условиях является сегодня одной из задач, которые стоят перед Калининградской областью на ближайшие годы, в контексте как самого усиления присутствия России на Балтике, так и качественного развития коммуникаций эксклава с материком, как нового «хаба» для российских регионов.

Берлов А.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ В ДИСКУССИЯХ О РЕФОРМЕ РЕГЛАМЕНТА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИИ В 1992–1993 гг.

Конфликт исполнительной и законодательной ветвей власти России периода 1992–1993 гг. является хорошо описанной темой: участники событий оставили обширный корпус мемуаров, а сам конфликт многократно обсуждался в исследовательской литературе. (см., например: Шейнис, 2014) В центре исследовательского внимания преимущественно оказывались проблемы конституционного процесса: проект нового основного закона и принятие поправок к старому. Тем не менее корпус конституционного права не исчерпывается непосредственно текстом конституции, в него входит круг ключевых конституционных законов, а также регламенты палат парламента (Страшун, 2011). Дискуссиям о парламентских институтах страны и попыткам реформирования регламента Верховного Совета в 1992–1993 гг. было уделено существенно меньшее внимание. При этом поправки к регламенту Верховного Совета имели конституционное значение и нередко затрагивали проблему взаимодействия ветвей власти самым прямым образом. В рамках данного доклада характеризуется динамика дискуссии о необходимости реформы регламента Верховного Совета в 1992–1993 гг. в связи с появившимся в государстве разделением властей и делаются выводы о ее последствиях.

Первоначально предполагалось, что регламент парламента РСФСР будет единым документом для Съезда народных депутатов и Верховного Совета (Бюллетень ... от 13 сентября, 1992). Однако по ходу его написания комитет по законодательству принял решение разделить этот документ на два отдельных, поскольку регламент Верховного Совета было проще сделать и можно было быстрее принять. Регламент Верховного Совета был принят депутатами осенью 1990 г., а работа над регламентом Съезда народных депутатов, по итогу, шла до 1993 г. и так и не была завершена.

Из-за чрезвычайно высокой скорости политических и экономических изменений уже в 1992 г. большинство депутатов признавало, что регламент Верховного Совета успел устареть и нуждается в серьезной доработке. В первую очередь об этом говорили члены комитета по законодательству и эксперты-юристы при Верховном Совете. Итогом обсуждений стал большой пакет поправок, принятый 18 июня 1992 г. Важным их направлением стали попытки разделить компетенции ветвей власти и ввести механизмы их совместной работы (Бюллетень ... от 18 июня 1992 г.). Поправки зафиксировали роль президента и правительства страны в законотворческом процессе: за их представителями было закреплено право участвовать в работе и заседаниях парламентских комитетов с правом совещательного голоса, право на обязательное получение подготовленных законопроектов, а также закреплена процедура дачи ими заключений на законопроекты. В то же время депутаты попытались укрепить контроль Верховного Совета над правительством и публикуемыми им нормативными актами: была прописана обязанность правительства представлять в Верховном Совете все публикуемые им «нормативные и иные подзаконные акты», а его членов обязали отчитываться перед депутатами не реже одного раза в две недели (Закон, 1992).

В то же время дискуссия о том, что именно должно быть изменено в регламенте и по каким основным линиям должно идти это самое разделение властей, стала фактором, вызвавшим размежевание в руководстве Верховного Совета. Принятый пакет поправок включал далеко не все предложения его разработчиков. (ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 137). Уже осенью того же года глава комитета по законодательству М.А. Митюков выступил с докладом, в котором указал на то, что необходимо реформировать работу парламента дальше, особенно в части регламентации его отношений с органами исполнительной власти (Бюллетень ... от 5 ноября 1992 г.). Он предложил закрепить участие фракций и представителей исполнительной власти в работе президиума Верховного Совета, создать специальные процедуры для работы с законами, внесенными президентом РФ, запретить представителям исполнительной власти входить в комитеты Верховного Совета в статусе «почетных членов» и еще целый ряд изменений, касавшихся «детализации» механизмов взаимодействия отношений ветвей власти (там же). Однако для проведения этих реформ потребовалось бы серьезное изменение основных принципов работы Верховного Совета, с чем была не согласна значительная часть его президиума. Полемика внутри руководства Верховного Совета и дальнейшее обострение конфликта президента с депутатским корпусом привели к исключению сторонников реформы регламента из президиума Верховного Совета. В дальнейшем многие из них поддержат роспуск Съезда народных депутатов и в сентябре—декабре 1993 г. будут работать над регламентами палат Федерального Собрания.

Таким образом, в 1992 г. предпринимались неоднократные попытки закрепить на уровне парламентских институтов систему разделения властей и ввести механизмы их коммуникации. Частично это было сделано, однако в условиях конфликта депутатского корпуса с органами исполнительной власти руководство Верховного Совета опасалось как-либо сильно корректировать его структуру и систему работы.

Беспалов С.В.
(Москва, ИНИОН РАН)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Понятие «военно-промышленный комплекс» было впервые использовано президентом США Д. Эйзенхауэром в 1961 г. В то же время очевидно, что в европейских странах, а затем в США подобные комплексы стали формироваться в эпоху индустриализации (или даже протоиндустриализации), и это стало закономерным следствием появления национальных государств и регулярных армий. Необходимость гарантировать снабжение вооруженных сил всеми необходимыми ресурсами обуславливала как стремление к опоре на собственные силы в сфере военной промышленности, так и особые отношения этого сектора экономики с государственной властью.

Существуют различные подходы к типологизации ВПК. Если говорить о базовых моделях развития и функционирования военно-промышленного комплекса, то мы склонны согласиться с подходом (сформулированным, в частности, В.В. Шлыковым), в соответствии с которым применительно к XX — началу XXI в. можно выделить две такие модели — французскую и американскую. В основе французской модели (берущей истоки в XIX в. и окончательно сложившейся к 1920-м гг., когда Франция была главным мировым производителем оружия) лежит наличие в рамках национальной экономики четко специализированной военной промышленности. В рамках этой системы на военные заводы накладывается прямое обязательство производить все виды (с высокой степенью детализации) вооружений, которые определены соответствующими государственными органами, причем власть накладывает крайне жесткие санкции в случае срыва планов. Производители готовой продукции должны

были обеспечивать выполнение планов также и всеми субподрядчиками, располагать необходимыми запасами оборудования и материалов, с тем чтобы в любой момент по указанию властей иметь возможность перейти к выполнению мобилизационных планов.

Что касается США, то здесь обеспечение армии всем необходимым изначально строилось на базе «гражданской» экономики, то есть ставка делалась на возможность выпуска вооружений на тех же производственных мощностях, на которых создавалась и продукция мирного назначения. Государство при этом в большинстве случаев ограничивалось разработкой образцов вооружений, а также подготовкой технической документации (рабочих чертежей) и установлением некоторых специальных контрольно-надзорных инструментов, необходимых для массового производства продукции военного назначения на таких предприятиях.

Если попытаться охарактеризовать путь развития российского ВПК, то он представляется весьма своеобразным (в логике двух базовых моделей) и может быть охарактеризован как своего рода маятниковое движение. Применительно к эпохе Российской империи можно говорить о преобладании «французской» модели ВПК (с известной долей условности, поскольку в самой Франции эта модель выкристаллизовалась в XX в.), причем истоки ее просматриваются с XVIII столетия (уральские военные заводы). В конце XIX — начале XX в., в условиях резкого увеличения количества производителей продукции военного назначения и расширения их географии, картина стала приобретать более сложный характер — появлялось все больше заводов, специализировавшихся прежде всего на «гражданской» продукции, однако обладавших мобилизационными мощностями. Эта тенденция перехода от «французской» к «американской» модели ВПК продолжилась и завершилась в первые десятилетия советской власти. Созданные в годы индустриализации 1930-х гг. (отмеченной масштабным заимствованием американского опыта и технологий) крупные промышленные предприятия специализировались, как правило, на производстве продукции гражданского назначения, но при этом имели мобилизационные мощности. Эта модель позволила сначала обеспечить комплексную индустриализацию, а затем, накануне и в период Великой Отечественной войны, заводы смогли в кратчайшие сроки перейти на выпуск вооружений.

Однако в послевоенный период система вновь начинает меняться. Связано это было с необходимостью производства принципиально новых типов вооружений, прежде всего ракетно-ядерных, что было возможно исключительно на базе французской модели — соответствующих производств двойного назначения в стране, очевидно, не было. При этом предприятия, производившие «традиционные» виды вооружений, во многих случаях продолжали функционировать в логике модели американской, одновременно выпуская продукцию гражданского назначения.

Конечно, в рамках советской плановой экономики такая достаточно своеобразная (сравнительно со старыми индустриальными державами) модель развития ВПК, сформировавшаяся в последние десятилетия существования СССР, была по-своему закономерна и не создавала непреодолимых препятствий для эффективного управления обороной со стороны государства. В то же время для постсоветской России, унаследовавшей данную модель ВПК, это, как представляется, стало одним из факторов, затруднявших взаимодействие власти и оборонной промышленности. Однако в любом случае, на наш взгляд, сохранение в России в обозримой перспективе сложившейся в последние три четверти века «смешанной» модели, сочетающей элементы французской и американской, является безальтернативным.

Бирагова Б.М.
(Владикавказ, СОИГСИ ВЦ РАН)

«СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА» РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Образование в 2010 году Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия—Алания, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Чеченская Республика), последующее утверждение и реализация Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года способствовали многовекторной трансформации региона:

- в политической сфере — централизации вопросов управления, безопасности и элитогенеза (отмена прямых выборов глав республик) под эгидой института полномочного представительства Президента РФ в федеральном округе;
- в экономической сфере — повышению инвестиционной привлекательности и экономическому росту в ряде отраслей, в частности в сфере туризма и индустрии гостеприимства;
- в культурно-идеологической сфере — позитивизации имиджа региона на общегосударственном уровне, укреплению общегражданской российской идентичности и духовно-нравственных ценностей.

Конструирование социальной и политической реальности и «образа будущего» с опорой на «символическую политику», «политику памяти», традиционные ценности, национально-культурное наследие особенно актуализировано в политической коммуникации в национальных республиках Северного Кавказа как культурно-сложном обществе, «обществе фронта», где, несмотря на динамичные темпы модернизации, традиционалистский базис сохраняет свое влияние на различные сферы жизнедеятельности социума.

Медийное сопровождение имиджа Северного Кавказа в российском и глобальном информационном пространстве, начиная с постперестроечного периода, характеризовалось деструктивной стилистикой, а именно: негативизацией северокавказских этносов посредством «языка вражды», навязывания этнических стереотипов и мифов, конструирования образа врага и т.д. Негативная медийная интерпретация целых этносов и соответствующее их восприятие в массовом сознании фундировались объективными факторами: социально-экономическая нестабильность в регионе и массовая миграция в крупные российские города («Хватит кормить Кавказ!»), латентные межэтнические конфликты и военные кампании в Чечне, разгул терроризма и религиозного экстремизма и т.д.

В последние годы имплементация в российском массовом сознании образа «лица кавказской национальности» как «цивилизационного» врага, а северокавказских этносов как неких «криминализованных общностей» практически сведена на нет в медиаполитическом пространстве, чему способствовало несколько факторов: 1) смещение акцентов на внешнеполитические угрозы (украинский национализм, противодействие коллективного Запада, «миграционный кризис»; 2) массовое участие и боевые заслуги выходцев с Северного Кавказа в СВО и эмоциональный посыл российского президента в ходе заседания Совета безопасности РФ 3 марта 2022 года: «Я русский человек. Как говорится, у меня в роду кругом Иваны да Марьи. Но когда я вижу примеры такого героизма, как подвиг молодого парня Нурмагомеда Гаджимагомедова, уроженца Дегестана, лакца по национальности, мне хочется сказать: «Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин»; 3) проведение в СКФО масштабных спортивных соревнований, фестивалей и других мероприятий межрегионального и всероссийского уровня (к примеру, Международная выставка-форум «Россия», празднование 2000-летия Дербента в 2015 году; празднование 1100-летия крещения Алании в 2022 году, Года осетинской Нартиады-2023, Медиафорум Pro Кавказ и Вахтанговский фестиваль в Северной Осетии, Международный фестиваль национальных театров республик Северного Кавказа и стран Черноморско-Каспийского региона, *Red Fox Elbrus Race* в Кабардино-Балкарии и мн. др.); 4) взрывной рост туристической привлекательности северокавказских республик; 5) продвижение символики Северного Кавказа в общефедеральном информационном пространстве и «национальных» продуктов, к примеру: адыгейская соль, осетинские пироги и т.д.; 6) информационная активность СМИ, «новых медиа», региональных Телеграм-каналов, выполняющих целый ряд важнейших функций по продвижению этнокультурных брендов, формированию позитивного имиджа северокавказского региона.

В то же время, несмотря на позитивные тенденции, в условиях нарастающей геополитической нестабильности Северный Кавказ продолжает оставаться уязвимым по линии межнационального и межконфессионального взаимодействия. В условиях нарастающего информационного противостояния Запада, включая в том числе вызвавший большой резонанс в российском политическом дискурсе нарратив о «деколонизации» Кавказа, экспертному сообществу необходимо консолидировать усилия в области противодействия деструктивным информационным атакам, имеющим целью распад многонационального российского государства.

Бирючева Е.И.
(Краснодар, КубГУ)

ИМИДЖ ГУБЕРНАТОРОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ С РЕЖИМОМ СРЕДНЕГО УРОВНЯ РЕАГИРОВАНИЯ)

Имидж политической единицы является сложным и подвижным корпусом представлений. От того, как будут выстроены имиджевые процессы, зависит, каковы будут последствия восприятия имиджа и как будут развиваться действия вокруг политического актора.

Важен и внешнеполитический контекст — ряд современных кризисов и их последствия. Кризис — это индикатор, который демонстрирует навыки и умения политика как управленца—антикризисного менеджера.

Нами была изучена система и особенности позиционирования цифрового имиджа, создаваемого главами регионов с режимом среднего уровня реагирования в социальных медиа.

Эмпирическая база исследования включает контент восьми *Telegram*-каналов: «Настоящий Гладков», «AV БогомаZ», «Гусев», «Вениамин Кондратьев», «Роман Старовойт», «Аксёнов Z 82», «Василий Голубев», «PaZVoжаев», представленных в социальной сети *Telegram*, содержащий корпус текстов, видео- и фотоматериалов, а также все комментарии и «реакции» за июнь 2023 г.

Хронологические рамки были выбраны по нескольким причинам. Прежде всего, прошел определенный период после начала СВО, который позволил этой теме встроиться в постоянную политическую повестку. Вторая причина — в июне 2023 г. произошло несколько событий, связанных с СВО (разрушение Каховской ГЭС, мятеж ЧВК «Вагнер»), и представилась возможность изучить, как информационный фон от таких происшествий повлияет на поведение губернаторов в цифровом пространстве.

Были использованы методы контент-анализа, лингводискурсивного анализа и визуального анализа, которые позволили провести исследование аккаунтов глав регионов и выделить ключевые особенности системы цифрового имиджа каждого губернатора. Это же сочетание методов обеспечило изучение системы цифрового имиджа и направлений социально-политической деятельности губернаторов в условиях СВО и в цифровом пространстве в целом.

Основные результаты исследования конкретизированы в следующих выводах. Каждый исследуемый губернатор имеет свою систему имиджа и направления социально-политической деятельности в условиях СВО.

Гладков демонстрирует себя как человеческого, но строгого лидера. Вместе с тем «феномен губернатора Гладкова» появился благодаря его оперативной реакции на атаки, он стал ньюсмейкером. В ответ на те вызовы, с которыми он сталкивается, Гладков хочет быть понятен жителям региона, искренним и вовлеченным, реализуя таким образом проект «отзывчивой власти» в регионе.

Губернатор Богомаз больше освещает социально-экономические аспекты, его цифровой имидж не сосредоточен на теме СВО, что также можно объяснить менее интенсивными обстрелами данного региона в течение исследуемого периода.

Губернатор Гусев выполняет необходимый минимум «приграничного губернатора» — информирует об атаках, пишет о поддержке. Однако по большей части это политик, сосредоточенный на развитии вверенной ему территории — он выстраивает свой имидж, делая ставку на «местное происхождение» и выполнение функций арбитра среди региональных игроков.

Цифрового имиджа Кондратьева в контексте СВО как такового нет, термин упоминается единожды для описания совсем других событий. Глава Краснодарского края упоминает, что его регион имеет подшефные территории среди новых субъектов, однако о какой-либо более точечной поддержке речи нет, как и нет развития тематики СВО в целом.

Губернатор Курской области пытается реализовать проект «отзывчивой власти», но на своих условиях, делая акцент, с одной стороны, на образе защитника, который контролирует ситуацию с атаками, а с другой стороны, он выбирает путь единения с жителями региона, действительно радуясь, когда обстрелы проходят без жертв.

Глава Крыма создает образ наиболее милитаризованного губернатора. На фоне других исследуемых глав он чаще остальных обращается к информационному полю СВО. Публикации этого плана, а также фокус на патриотизме составляют основу его цифрового имиджа.

Губернатору Ростовской области в течение выбранного периода пришлось пройти через еще один кризис. Ростовская область стала своеобразной «отправной точкой» мятежа. И поведение губернатора в цифровом пространстве позволило сделать несколько выводов: глава слишком осторожен, в случае острого кризиса выбирает бездействие, так как боится совершить фатальные ошибки, но при этом «базовые» обязанности губернатора по защите и предупреждению населения выполняет.

Губернатор Развожаев, один из немногих, имеющих открытые комментарии в *Telegram*-канале, демонстрирует желание слышать жителей региона и помогать им в решении различных проблем. Несмотря на то что глава Севастополя больше сосредоточен на социально-экономических вопросах, он также и освещает различные аспекты СВО, больше «делая ставку» на предупреждение и защиту населения.

Таким образом, описанная исследовательская методика позволила проанализировать, как политики на руководящих должностях в особо нестабильных регионах конструируют свой цифровой имидж, какие социально-политические темы поднимают, как взаимодействуют с гражданами и как граждане в свою очередь оценивают цифровую деятельность губернатора.

Биссон Л.С.
(Москва, Институт Европы)

СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ РАБОТНИКОВ В ЕАЭС: ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

В современной евразийской миграционной системе экономические факторы миграции являются доминирующими, однако крайне важно их не только рассматривать в преломлении потребностей интеграционного строительства и интересов экономического развития стран-участниц, но и проанализировать потенциал миграционной системы для развития человеческого капитала граждан государств-членов ЕАЭС. Сама по себе свобода передвижения работников, определенная ст. 96–98 Договора о ЕАЭС, предполагает не только максимизацию выгод для рынков труда и экономической интеграции, но и реализацию основных социально-экономических прав граждан объединения. Согласно теории человеческого капитала, миграция дает возможность переезжающим повысить или стабилизировать их заработок и социально-экономическое положение, а также не оказаться в числе безработных, выступая средством не только максимизации дохода, но и актуализации и реализации человеческого капитала.

Исследование взаимосвязи миграции и человеческого капитала представляет собой относительно новое направление для миграционных исследований в России. Как отмечают Моисеенко и Чудиновских, существенная либерализация в отношении мобильности населения (в частности, в рамках ЕАЭС), новые принципы формирования рынка труда и т.д. создают все условия для использования концепции человеческого капитала при исследовании миграционных процессов в России и, шире, на евразийском пространстве¹. Использование теории человеческого капитала позволяет связать личностные, индивидуальные аспекты миграции и региональный контекст политических и экономических изменений и социальных институтов, учитывая которые люди принимают решения.

В рамках ЕАЭС существует целый ряд предпосылок, определяющих миграцию граждан, главным образом работников, внутри объединения. Это не только географические, исторические и культурно-языковые факторы, но и социально-экономические (потребности рынков труда, уровень занятости и безработицы, уровень дохода, возможности получения образования и профессиональных навыков), демографические (состав и численность населения, дисбаланс и взаимодополняемость) и политико-правовые (режим свободы передвижения, включая режим мобильности пенсий). В рамках доклада будет представлен комплексный анализ соотношения и сопоставления этих трех групп факторов, влияющих на возможности развития человеческого капитала в странах ЕАЭС. Так, например, будет отмечено, что экономическая мотивация миграции может быть не реализована из-за ограничительного характера миграционной политики принимающей страны. И напротив, сам по себе режим свободы передвижения (возможность осуществлять трудовую деятельность без специальных разрешительных документов) может нивелироваться монетарными (транспортные расходы, стоимость жилья в принимающей стране) и немонетарными (ослабление семейных связей, изменение привычного образа жизни) затратами на переезд. Фактор, также часто определяющий миграционное поведение, — молодой трудоспособный возраст и уровень образования, которые дают мигранту больше возможностей для получения выгод от миграции.

Поскольку провести анализ связи миграции с благосостоянием, изменением заработной платы после переезда, а также затратами при смене места жительства крайне затруднительно из-за отсутствия или сложности сбора данных, автор предлагает обобщенную прогностическую и методологическую модель, основанную на гипотезе о том, что решение в пользу миграции будет делаться в случае соотношения нескольких факторов: существенной разницы не только в заработной плате в стране исхода по сравнению с принимающей, но и в целом при наличии возможностей для трудоустройства как такового, получения образования, повышения квалификации, наряду с упрощенным законодательством и миграционным режимом.

Развитие человеческого капитала оказывает влияние не только на отдельных индивидов или домохозяйства, но и отражается на экономическом развитии стран исхода и приема мигрантов. Международная трудовая миграция всегда выступала важным фактором сохранения социальной стабильности в евразийском регионе. Человеческий капитал продолжает играть роль и в современной модернизации государств-участниц ЕАЭС. Денежные переводы могут выступать средством перераспределения доходов и составлять значительную долю ВВП стран происхождения трудовых мигрантов.

При этом расширяются и долгосрочные выгоды принимающих стран. По данным департамента статистики Евразийской экономической комиссии, в странах ЕАЭС наблюдается дисбаланс в состоянии рынков труда. Так, на конец сентября 2023 г. число свободных рабочих мест, заявленных в службы занятости России, существенно превышало аналогичный показатель других стран объединения (табл.)

¹ Моисеенко В.М., Чудиновских О.С. Теория человеческого капитала и исследования миграционных процессов в России // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 135.

Режим свободы передвижения, в частности, предполагает создание общего рынка труда, который бы позволял государствам-членам одним — восполнять нехватку кадров, в том числе квалифицированных, другим — смягчать социально-экономический эффект безработицы.

Таблица

Число свободных рабочих мест, заявленных в службы занятости населения (на конец сентября 2023 г.)

	Число свободных рабочих мест			Численность незанятого населения на 100 заявленных вакансий, человек
	тыс. мест	в % к		
		августу 2023 г.	сентябрю 2022 г.	
Армения	4,1	114,1	120,5	1 500
Беларусь	132,9	102,8	136,4	8
Казахстан	...	...	...	...
Кыргызстан	6,0	101,3	126,4	1 577
Россия	1929,1	96,9	105,7	28

Источник: Евразийская экономическая комиссия, Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза // Аналитический обзор. 2023. 17 ноября. С. 36.

Автор доклада предлагает проанализировать миграционные процессы внутри ЕАЭС с точки зрения теории человеческого капитала, которая предлагает методологию для дальнейшего изучения свободы передвижения, и дать оценку текущему этапу интеграционного строительства в ЕАЭС, а также наметить перспективы устранения препятствий для долгосрочного формирования единого рынка труда.

Близнецкая Е.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

МЕЖДУ ФИЗИКОЙ И ФИНАНСАМИ: СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦЕЛИ ПО АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЕНИЮ КЛИМАТА*

Человечество уже живет в новом климате. Динамика народонаселения и рост глобального ВВП предопределяют растущий спрос на энергию, и в зависимости от скорости внедрения инноваций в производстве, хранения и передачи энергии глобальный климат в ближайшие десятилетия будет теплеть, приводя к дальнейшему росту стихийных бедствий и проявлению медленно протекающих событий, таких как повышение уровня Мирового океана, увеличение средних температур поверхностного воздуха во всех странах. Все это привело к международному признанию, что адаптация к изменению климата является предметом все больше глобального, а не локального значения. До недавних пор можно было наблюдать парадоксальную ситуацию: понимание негативных последствий изменения климата привело к развитию разнообразных форм сотрудничества по вопросам смягчения изменения климата (сокращения выбросов парниковых газов), но не по вопросам адаптации к стремительно меняющемуся климату. И это несмотря на то, что адаптация связана с краткосрочными и среднесрочными стратегиями, которые в случае реализации дадут ощутимые сопутствующие общественные выгоды, такие как сокращение смертности населения во время стихийных бедствий, снижение и предотвращение ущерба от реализации климатических рисков.

По прошествии шести лет после принятия Парижского соглашения переговоры по конкретизации Глобальной цели по адаптации, которая заявлена в статье 7, получили новый импульс. В период с 2022 по 2023 год страны вели активный диалог по возможностям конкретизации Глобальной цели в области адаптации и ее задач в рамках Глазго-Шарм-эль-Шейхской рабочей программы (*GlaSS*). В Решении 27-й Конференции сторон государства согласовали элементы структуры ГЦА, которые включали итеративный цикл адаптации и его измерения; темы, связанные с ключевыми уязвимыми секторами, регионами и системами; сквозные соображения, которые являются ключевыми характеристиками действий по адаптации и устойчивости; и различные источники соответствующей информации. На 28-й Конференции сторон в Дубае в 2023 году был принят документ, конкретизирующий положения Глобальной цели по адаптации (ГЦА) и содержащий количественные и качественные задачи для ее достижения, — Рамочная программа по обеспечению глобальной устойчивости к изменению климата (*UAE Framework for Global Climate Resilience*). Государства сошлись на том, что Глобальная цель по адаптации будет сигнализировать о том, что необходимо ускорить с точки зрения действий по адаптации, а не устанав-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10320 (URL: <https://rscf.ru/project/23-28-10320/>) и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-28-10320.

ливать какой-то единый ориентир. Как следствие, государствам не удалось договориться о средствах достижения ГЦА, мерах поддержки и значении «благоприятных условий», на которых настаивают развитые страны. Таким образом, вопросы адаптации к изменению климата на переговорных площадках остаются в процедурно-методологическом измерении.

Отсутствие заметной динамики в переговорном процессе по вопросам адаптации к изменению климата приводит к существенной и очевидной разнице в предоставлении финансирования на цели в области митигации и адаптации. Пять из шести государств, присоединившихся к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН), разработали, по крайней мере, один национальный план, стратегию или политику в области адаптации, и чуть менее половины из них имеют два или более инструментов национального уровня, которые служат для замены или обновления первоначальных планов¹. Однако во всем мире, планирование адаптации редко приводит к реализации конкретных мер как в развитых, так и в развивающихся странах.

Объяснений этой парадоксальной ситуации в научной литературе существует несколько. Так, Перссон² (2019) предполагает, что этот статус вызван а) спорным обоснованием глобального управления адаптацией и б) неоднозначностью определений адаптации и связанных с этим проблем оценки прогресса адаптации. В результате положения об адаптации являются скорее процедурными, чем существенными, в основном добровольными и оставляют значительную неопределенность для политических действий.

В работе будет сделано предположение, что трудности с формированием глобального управления в части адаптации к изменению климата складываются вследствие слабости политики в области адаптации на национальном уровне. Как политика, так и исследования политики в области управления адаптацией к изменению климата в «основном сосредоточены на местном, городском и субнациональном уровнях, с меньшим количеством исследований по национальному управлению адаптацией»³. Проведенный сравнительный анализ существующих межгосударственных, субнациональных и неформальных площадок для диалога по вопросам адаптации показывает, что «перелив» знаний, опыта и влияния в вопросах адаптации к изменению климата с одного уровня управления на другой если не невозможен, то сильно затруднен. В итоге множество стран, регионов, городов и предприятий сталкиваются с большими трудностями политического, методологического и институционального характера при планировании мер по адаптации.

Блинов В.В.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ВЕРХОВЕНСТВО ОБЯЗАННОСТЕЙ НАД ПРАВАМИ КАК ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СВОЕОБРАЗИЯ РОССИИ

Один из главных вопросов, занимающих умы философов и историков со времени Петровских преобразований, следует ли России двигаться в направлении универсального общечеловеческого развития или основываться на исконных уникальных русских (российских) основаниях. Сторонники цивилизационного понимания истории отрицают наличие общечеловеческой модели развития и утверждают, что под этим понимается копирование западных образцов, которые лишены возможности быть перенесены на почву иных цивилизаций. Главным в этой связи оказывается вопрос, какие уникальные качества характерны для России, является она отдельной цивилизацией или относится к семейству других народов. Родоначальник цивилизационного подхода Н.Я. Данилевский относил Россию к славянскому культурно-историческому типу, но при этом говорил, что этот тип находится в стадии накопления этнографического своеобразия и еще не явил миру свои уникальные цивилизационные черты. Подобный взгляд на Россию будет характерен для многих разработчиков цивилизационного подхода вплоть до наступления советского периода истории. Показательно, что Освальд Шпенглер в «Закате Европы» говорит о России как о еще не явившем миру свои качества «чахлом последыше» Запада, но уже в «Человеке и технике» он указывает на ее враждебность Западу ввиду близости азиатским деспотическим основаниям. В XX веке выходит на первый план восприятие России как продолжательницы азиатских империй, и в этом отношении концепция евразийства, где Россия видится как продолжательница монгольского государства, становится логичным этому следствием. Одна из популярнейших работ, «Постижение истории» Арнольда Тойнби, обращает внимание на не-

¹ United Nations Environment Programme (2023). *Adaptation Gap Report 2023: Underfinanced. Underprepared. Inadequate investment and planning on climate adaptation leaves world exposed.* Nairobi. URL: <https://doi.org/10.59117/20.500.11822/43796>.

² Persson Å. *Global adaptation governance: An emerging but contested domain* // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2019. Т. 10. No. 6. P. e618.

³ *Leiter T.* Too little, too slow? Climate adaptation at the United Nations climate change negotiations since the adoption of the Paris Agreement // *CCLR*. 2022. Т. 16. P. 243.

обходимость России на протяжении всей своей истории противостоять военным угрозам, что оказывается главным вызовом, на который цивилизация формирует ответ в виде сверхцентрализованного государства. Один из специалистов по советской России, Ричард Пайпс («Вотчинная Россия»), указывает, что уникальной особенностью развития России было отсутствие института частных собственников, где земля на протяжении тысячелетней истории с небольшим перерывом на преобразования Петра III и Екатерины II находилась в руках государства, и ее обладатели были обязаны нести службу перед властью, что привело к складыванию сверхмощного государства.

Разумеется, большое число западных толкователей цивилизационных черт России делают это предвзято, но в первую очередь важно выделить особую роль государства в истории России: государство было главным преобразователем и главным «европейцем», а также охранителем. С этим тезисом даже в устах критиков роли России на международной арене спорить крайне сложно. В этой связи взаимоотношение государства и личности на протяжении тысячелетней истории России характеризовалось подчинением индивида. С одной стороны, это является характерной чертой России, но с другой — отвечает принципам любых иных традиционных обществ, где человек изначально подчинен общему как довлеющему началу. Если исходить из концепции Б.Ф. Поршнева, то человек отличается от иных существ наличием сознания, которое формируется в результате развития речевых навыков. Каждая личность, приходя в этот мир, принимает багаж знаний от прошлых поколений и представителей рода, что ставит ее в подчиненное положение по отношению к обществу и налагает ряд ограничений. В этой связи поддержание любых традиционных основ предполагает верховенство обязанностей над обществом в противовес главенству личных прав и свобод. Настоящее понимание является крайне злободневным ввиду усилившихся попыток разработать концепцию традиционных ценностей российского общества. Особый акцент на значимости верховенства общенародных и государственных принципов в традиционных устоях России позволит упорядочить и выстроить четкую последовательность между предлагаемыми ценностями, а также высказать ряд существенных ограничений в отношении концепции абсолютного примата личных прав и свобод.

Богданов А.В.
(Саратов, СГУ)

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ МЕДИАПРАКТИК НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Актуальность темы исследования подтверждается существующей в настоящий момент целенаправленной деятельностью ряда субъектов международного политического процесса, которая направлена на пересмотр ценностных основ политической культуры и политического поведения граждан современных государств. Именно система ценностей, от которой действительно отталкиваются акторы социально-политического процесса, по нашему мнению, является одной из основных причин, влияющих на эффективность реализации государственной политики и управления. Так, например, существование разных систем ценностей, которыми руководствуются представители политической элиты и общества, может, в свою очередь, способствовать появлению таких проблем во взаимодействии между ними, как:

- слабая обратная связь, а значит, отсутствие реальной корректировки государственной политики с целью повышения качества ее разработки и реализации;
- наличие двух параллельных и не пересекающихся между собой картин мира, что ведет к постановке разных по своему содержанию целей и задач социально-политического развития;
- направленность на получение совершенно разного по своей сути результата проводимых изменений в виде реформирования различных государственных систем, что приводит только к увеличению социокультурного разрыва между представителями общества и органами власти;
- формирование конформистской модели политического поведения среди представителей разных социальных групп, а также рост апатии по отношению к участию в процессах качественного повышения уровня развития существующей системы государственной политики.

Указанные выше проблемы коммуницирования между органами государственной власти и обществом отчасти обнаруживаются и в российской социально-политической действительности. А в условиях существующей конфронтации ряда государств не только на уровне санкционной политики

* Статья подготовлена в рамках научного исследования № 224020500225-6 «Влияние медиапрактик на политическое сознание российской молодежи: особенности, тенденции, возможности коррекции», осуществляемого за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

в отношении Российской Федерации, но и на уровне попыток изменить ценностные основы поведения субъектов российской политической системы указанные выше проблемы проявляют себя в наибольшей степени.

По нашему мнению, происходит это в том числе и за счет обнаруживающей себя специфики использования форм медиапрактик, направленных на формирование ценностных основ политического сознания подрастающего поколения в современной России. Так, коллективом кафедры политических наук СГУ имени Н.Г. Чернышевского начиная с 2021 года проводятся социологические замеры особенностей конструирования ценностных основ политического поведения российской молодежи. В рамках анализа ответов более 3000 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет была выявлена повторяющаяся от опроса к опросу тенденция:

выбор приоритетных ценностей, которые, по мнению опрошенных, наиболее значимы для будущего политического устройства современной России, непосредственно зависит и от того, какой из источников информации является для них наиболее доступным и актуальным.

Так в качестве ценностей, которые может выбрать молодой человек, были представлены такие, как: социальная справедливость (12,1%), свобода личности (12,8%), патриотизм (9,1%), право на доступ к информации (8,3%), коллективизм (3,3%), толерантность, терпимость к другим взглядам (7,8%), равенство возможностей в доступе к образованию (8,5%), свобода слова, печати, собраний (9,6%), равенство возможностей в доступе к медицинскому обслуживанию (7,9%), равенство возможностей в доступе к участию в политике (4,1%), справедливый суд (11,5%), неограниченная реализация возможностей личности и их соответствующее материальное вознаграждение (5%).

При этом независимо от того, какие ценности для себя приоритетными считает респондент, корреляция с актуальными для него медиапрактиками выглядит следующим образом:

- большая часть молодых людей наиболее достоверными источниками информации считают сайты, блоги, социальные сети, мессенджеры (от 40 до 64% в зависимости от выбранной ценности);
- далее практически на одном уровне доверия выступают телевизионные передачи и ближайшее окружение (от 20 до 25%);
- следующий по значимости источник информации — учителя, преподаватели, начальство (от 8 до 10%);
- и пользующиеся наименьшим доверием — печатная пресса и радио (от 1 до 2%).

Таким образом, мы можем обнаружить следующую специфику влияния медиапрактик на формирование политического сознания российской молодежи — современные информационные технологии, использующие инструменты Интернета значительно опережают и технологически и инструментально такие формы медиапрактик, как телевидение, ближайшее окружение. А также следует отметить и тот факт, что в настоящий момент преподаватели, учителя находятся в жесткой конкурентной среде за умы молодых людей. Им, как центральным субъектам социокультурной и политической социализации, необходимо изыскивать креативные, современные способы передачи знаний, умений и навыков, чтобы не потерять в том числе собственный научный и профессиональный авторитет. А в перспективе требуется основательный пересмотр подходов к формированию традиционных ценностных основ политического сознания современной российской молодежи с учетом выявленной выше специфики использования всего потенциала соответствующих форм медиапрактик со стороны всех участников социально-политической системы.

Богин С.В.
(Москва, РУДН)

НЕОТРОЦКИЗМ В ПРОГРЕССИВНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СРЕДЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Актуальность данной темы связана с ростом в США неотроцкистских настроений.

Цель исследования заключается в изучении влияния, которое идеи Третьей интернационации оказали на формирование современной идеологии прогрессизма в США.

Прогрессизм в Соединенных Штатах — это политическая философия и реформаторское движение, которые относятся к социал-демократии американских левых. Прогрессизм в среде рабочего класса возник как ответ на изменения, вызванные технической модернизацией, ростом крупных корпораций, загрязнением окружающей среды и коррупцией в американской политике.

В исследовании были выдвинуты следующие научные гипотезы.

Во-первых, прогрессисты в демократической партии США достаточно популярны и занимают крайнюю левую позицию. Фактически, прогрессисты и крайние левые либералы в США — это синонимы.

Во-вторых, прогрессисты способствуют радикализации Демократической партии США. Они педалируют в СМИ повестку, связанную с борьбой с расизмом, сексизмом и дискриминацией сексуальных и этнических меньшинств, а также зеленую экологическую повестку.

В-третьих, современное движение прогрессизма считает, что свободные рынки ведут к экономическому неравенству и, следовательно, свободный рынок необходимо жестко контролировать и регулировать для защиты экономических и социальных прав рабочего класса, фактически, руководствуясь неотрецкистскими постулатами.

В-четвертых, усугубляющееся социально-экономическое положение США ведет прогрессистов к еще большей радикализации в надежде привлечь больше сторонников для получения власти и организации коренных перемен в американской внутренней политике.

Факторы, влияющие на трансформацию демократического движения в США: окончание противостояния между либерализмом и коммунизмом, воспринятое как окончательная победа США и наступление «конца истории», в котором все страны придерживаются одной идеологии; попытки решить все социальные проблемы в США с помощью продвижения государством социальной политики Демократической партией США; серия экономических кризисов, приведших к социально-экономическим проблемам (увеличение разрыва между бедными и богатыми), коррупция подорвали поддержку социально-экономического курса.

Данные факторы привели к увеличению популярности прогрессивной фракции в Демократической партии США, утверждающей, что свободные рынки ведут к экономическому неравенству и, следовательно, что свободный рынок необходимо жестко контролировать. Прогрессисты отвергают современную форму государственной социальной политики, называя ее «недемократичной» и «легко коррумпируемой», и предлагают в качестве модели рабочие кооперативы, контролируемые компании, так как современный капитализм, при текущем ограниченном уровне государственного регулирования, будет отдавать приоритет крупному бизнесу и корпорациям.

Конкретная экономическая политика, предлагаемая прогрессистами, включает прогрессивные налоги, перераспределение доходов, направленное на сокращение неравенства в благосостоянии, комплексный пакет государственных услуг, всеобщее медицинское обслуживание, противодействие вынужденной безработице, государственное образование, социальное обеспечение, законы о минимальной заработной плате, антимонопольные законы, законодательство о защите трудовых прав и прав профсоюзов.

Бокерия С.
(Москва, РУДН)

МИРОТВОРЧЕСТВО В АФРИКЕ: ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА

Современное миротворчество претерпело значительные изменения в последние десятилетия и продолжает процесс трансформации по сей день. Оно представляет собой одновременно и быстроменяющуюся систему, целью которой является становление мира и безопасности, и может рассматриваться как внешнеполитический инструмент того или иного государства на мировой политической арене. Цели миротворческой миссии в этой связи значительно расширяются. Кроме основной задачи по восстановлению мира и безопасности, появляются задачи более частного характера, отвечающие национальным интересам суверенных государств. Посредством участия и/или инициирования миротворческой деятельности в том или ином регионе государства способны не только решать затрагивающие их вопросы безопасности, но и в определенной степени расширить свое влияние на формирование системы международных отношений. Рядом ученых также подчеркивается стремление государств повысить свой престиж в мире благодаря вышеобозначенным действиям, что приводит к возникновению дополнительных сложностей на пути к достижению цели мандата миссии.

Контекст миротворчества в XXI веке менялся не единожды, в академической среде вызывает широкую дискуссию даже сам вопрос о сути миротворчества. Среди наиболее заметных векторов этой трансформации в первую очередь речь идет о сохранившейся тенденции регионализации миротворчества, ранее находящегося исключительно в компетенции ООН. Если в конце XX века наиболее распространенной формой сотрудничества ООН и региональных организаций в сфере миротворчества являлись субконтракты, предоставляющие последней особые полномочия для более быстрого и экономного реагирования, то в настоящее время можно наблюдать явление параллельного развертывания несколькими акторами миссий на одной и той же территории. Интересно, что однозначного мнения относительно эффективности данного тренда нет. Некоторые исследователи полагают, что подобный механизм сотрудничества с региональными и субрегиональными организациями представляет собой определенный паритет и позволяет им выступать равноправными участниками миротворческого процесса, тогда как другие (как правило, незападные теоретики) склонны более скептически относиться

к указанному процессу и рассматривать его как «гибридный патернализм», сохраняющий асимметрию между акторами.

Другим важным направлением становится расширение и углубление концепции А4Р посредством внедрения механизма ускорения (А4Р+) имплементации дорожной карты, представленной в «Декларации о совместных обязательствах в отношении операций ООН по поддержанию мира» 2018 г., одобренной в том числе Российской Федерацией, с четырьмя оговорками, раскрывающими принципиальное несогласие российской стороны с вектором организации на прямое вовлечение большого числа гражданских институтов, а не правительств и смещением фокуса на проблемы и нарушения прав человека, решением которых должны заниматься иные институты ООН.

Кроме того, возникший не так давно тренд цифровизации миссий, обусловленный использованием новых технологий в миротворческих операциях. Угрозы правам человека и безопасности, вызванные растущим влиянием искусственного интеллекта и других технологий, приводят к появлению целого ряда комплексных проблем, связанных с преодолением разрыва между ранним предупреждением и реагированием, а также необходимостью повышения уровня безопасности персонала ООН и гражданского населения.

Болгов Р.В.

(Санкт-Петербург, СПбГУ, Университет ИТМО)

КОНЦЕПЦИЯ СВОДНОЙ БАЗЫ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ЭЛЕКТРОННОМУ УЧАСТИЮ*

Данная работа является продолжением библиометрического исследования электронного участия. Внести вклад в развитие данного направления призвано формирование сводной базы библиографической информации по электронному участию, в которую будут регулярно вноситься, обновляться и публиковаться библиографические ссылки на большинство рецензируемых исследований электронного участия на русском и английском языках. Первоначальная цель — поиск и простота библиографической организации исследований, ориентированных на электронное участие, но со временем база может также использоваться для повышения качества библиометрических исследований определенного рода и диапазона. Это начинание было вдохновлено огромным влиянием, которое оказывали на протяжении десятилетий аналогичные инициативы в других дисциплинах. Например, *Chemistry Abstract Services*, впервые опубликованные в 1907 году, и более поздняя онлайн-версия *SciFinder* в значительной степени сформировали, интегрировали и ускорили химические и фармацевтические исследования во всем мире. В то же время электронное участие было, есть и останется гораздо меньшей областью изучения, чем приведенный пример. Задача состоит в том, чтобы предоставить авторам и рецензентам в междисциплинарной области исследований электронного участия доступ к совокупности текущих академических знаний и обеспечить точность и надежность цитат.

По ранее опубликованной автором методике отбора научных статей, состоящей из пяти этапов, был проведен библиометрический анализ русскоязычных и англоязычных публикаций. В подборку вошли 155 работ на русском языке (Российский индекс научного цитирования — РИНЦ) и 1220 публикаций на английском языке (*Scopus*). Поиск велся по заголовку, аннотации и ключевым словам. Для поиска в *Scopus* использовался следующий запрос:

KEY (“electronic participation” OR “e-participation” OR “digital participation” OR “virtual participation” OR “e-democracy” OR “electronic democracy”) OR TITLE-ABS-KEY (“digital democracy” OR “virtual democracy” OR “participatory democracy”).

Для поиска в РИНЦ использовался запрос «электронное участие». Далее полученные записи были отсортированы по числу цитирований. Были отобраны 1000 наиболее цитируемых работ. Минимальное количество цитирований одной публикации составило 4.

Мы выбрали набор критериев для включения статей в обзор:

1. Рецензируемые статьи.
2. Оригинальные эмпирические и теоретические исследования.
3. Релевантность для данного исследования. Были исключены статьи, которые:
  - а) не касаются конкретно электронного участия;
  - б) обращаются к неполитическим темам (искусство, культура и т. д.);
  - в) рассматривают другой контекст (например, здравоохранение, образование, сельское хозяйство).

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00364 «Институциональная трансформация электронного управления в России: исследование региональных особенностей». URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00364/>.

Мы исключили из анализа рецензии, препринты, редакционные статьи и предисловия, поскольку они давали ограниченное представление о рассматриваемой теме.

На основе ранее созданной базы публикаций из *Scopus*, с дополнением ряда полей по российским публикациям, была предложена концепция сводной базы библиографической информации по электронному участию. Таблица состояла из следующих полей — Авторы (*ENG*), Авторы (*PUC*), Язык статьи, Название (*ENG*), Название (*PUC*), Год, Название источника, Том, Выпуск, Статья №, Страница начала, Страница окончания, Количество страниц, Цитирования, *DOI*, Ссылка, *Author Keywords*, Ключевые слова (*PUC*), Тип документа, *Open Access* (открытый доступ), Источник, *EDN* (РИНЦ), Аннотация — *abstract*, *Countries*, Библиографическое описание (*ENG*), Библиографическое описание (ГОСТ).

В будущем планируется проведение экспертного опроса по исследованиям в данной области знаний. Кроме того, в дальнейшем возможно создание базы публикаций по электронному участию по типу базы с публикациями по электронному правительству *Digital Government Reference Library* (*DGRL*).

Болдин В.А.

(Москва, ГАУГН, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ТРАДИЦИОННЫЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ИХ СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Процесс цивилизационного самоопределения, происходящий сейчас в нашей стране, сопровождается поисками оснований развития российской государственности: социокультурных, идейно-теоретических, ценностных. В рамках научного знания эти поиски носят, с одной стороны, историко-ретроспективный характер — исследователи выявляют исторические особенности развития нашей страны, ее политико-культурные традиции, ценности и смыслы, определявшие ее существование и развитие в прошлом (см., например, исследования С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца, О.Е. Сорокопудовой, А.Б. Страхова и др.). С другой стороны, предпринимаются попытки очертить образ будущего России, определить контуры политического развития страны с опорой на представления массового сознания и экспертные оценки (см., например, исследования А.В. Селезневой, Е.Б. Шестопал, Т.В. Евгеньевой и др.). При всей безусловной важности и ценности этой работы, она носит фрагментарный характер: знания о прошлом и видение будущего слабо связаны между собой единой концептуальной линией.

Как представляется, преодоление данной проблемы возможно путем сопряжения имеющихся научных знаний в рамках единой темпоральной логики «прошлое—настоящее—будущее»: выявленные историками социально-политической мысли аксиологические константы российской государственности в их традиционном значении (прошлое) и их современные интерпретации молодежью и экспертным сообществом (настоящее) ложатся в основу конструирования модели российской государственности, ориентированной на перспективы развития страны (будущее). Здесь важно отметить, что модель должна носить нормативный характер, поскольку речь идет об определении идеальной конструкции с точки зрения ее соответствия историческим традициям политической культуры, актуальным запросам российского общества и стратегическим ориентирам развития России. При этом важной задачей является определение возможностей и ограничений реализации разработанной нормативной аксиологической модели российской государственности в актуальном контексте цивилизационного самоопределения и стратегического развития нашей страны.

Предлагаемый кросс-темпоральный подход к решению обозначенных проблем, выполненный в конструктивистском ключе, с применением междисциплинарных подходов, как представляется, позволит решить несколько конкретных задач. Во-первых, применение подобного подхода расширит возможности концептуального осмысления традиционных аксиологических оснований российской государственности и современных политических процессов. Во-вторых, позволит выявить соотношение традиционных смыслов и современных значений самобытных российских аксиологических концептов, прежде всего таких, как согласие, служение, суверенитет, самодержавие, тишина. В-третьих, даст возможность осмыслить структуру нормативной модели российской государственности и характер взаимосвязей между ее элементами. И наконец, в-четвертых, результаты проекта

* Тезисы подготовлены в рамках исследования, выполняемого при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № 1024030100141-9-5.6.1 «Аксиологические константы российской государственности в контексте развития страны: нормативная модель и возможности ее реализации» (FZNF-2024-0009).

позволят сформулировать конкретные выводы и рекомендации, способные стать смысловым фундаментом для принятия политических решений, направленных на совершенствование различных аспектов функционирования политической системы, развития политических процессов и институтов в нашей стране.

Большаков С.Н.
(Москва, РГСУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИИ И УПРАВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМАМИ

Природу политической коммуникации можно рассматривать как центральный компонент демократии. Это еще более верно в сегодняшнюю эпоху средств массовой информации, когда политические деятели широко сообщают о своих проблемах, идеях, установках, программах или убеждениях аудитории посредством социальных сетей. Самым ярким примером здесь, безусловно, являются избирательные кампании, в которых партии стараются привлечь на свою сторону как можно больше избирателей посредством предвыборной рекламы на радио, телевидении, в Интернете и т.д. В этом случае политическая коммуникация означает, что политические акторы пытаются представлять свои собственные интересы посредством политического влияния на процесс общения или даже на действия социальных акторов. Таким образом, коммуникация используется для достижения легитимности, самого важного ресурса власти в условиях демократии.

В той мере, в какой политика должна быть выстроена на основе системы коммуникаций, по мнению автора концепции политического посредничества У. Сарчинелли, в дополнение к функциям информирования и ориентации граждан на первый план выходят зависимость власти от одобрения и потребность в оправдании политики. В демократических обществах СМИ незаменимы для коммуникативного дизайна публичных арен, особенно для процессов взаимопонимания и переговоров между политическими элитами, социальными субъектами и гражданами.

Традиционно средства массовой информации приписываются различные политические функции, так, К. Роненнбергер, и А. Шульц выделили следующие: во-первых, это информирование и просвещение граждан. Под образованием здесь следует понимать умение гражданами впитывать информацию, понимать ее связно и на этой основе формировать мнение. Во-вторых, существенной основой для этого является распространение значимой информации о политических событиях. В-третьих, сами СМИ выступают в качестве акторов в процессе принятия политических решений, и в этой роли они вносят важный вклад в контроль над политическими акторами («четвертая власть»). В-четвертых, на основе классической массовой коммуникации существует центральная функция — создание публичности. Эта функция имеет большое значение, поскольку публичная сфера приравнена к пространству, в котором политические акторы выносят свои идеи, программы и цели на обсуждение и, следовательно, формируется «общественное мнение», которое, в свою очередь, способно эффективно повлиять на принятие решений и действия правительства.

Средства массовой информации создают общественное пространство для политических дебатов и принятия политических решений. С этой функцией связано структурирование политической коммуникации, а в смысле Н. Лумана это средство отбора и механизм снижения сложности устройства общества. В этом контексте, в-пятых, средства массовой информации предоставляют услугу обществу по социальной интеграции, важность которой возрастает по мере того, как современное общество становится более дифференцированным и, таким образом, находится в опасности распада.

Политическая коммуникация также может пониматься как политическое влияние социальных акторов. Зачастую это происходит в форме политического *public relations (public affairs)* через средства массовой информации. В данном случае это служит косвенному использованию СМИ для убеждения политических деятелей в их собственных интересах или проблемах. В то же время необходимо влиять на формирование мнения общества, чтобы оказывать давление на политику. Прямой диалог между социальными и политическими субъектами можно рассматривать как политическую коммуникацию, даже если он обычно происходит за пределами публичных медиаарен.

Социальные субъекты зачастую используют помощь консультантов по политическому менеджменту, которые помогают им встроить интересы в политический дискурс с помощью так называемого политического менеджмента.

Политическая коммуникация может быть с научной точки зрения сведена к двум фундаментальным вопросам:

- (а) В какой степени политика влияет или обуславливает коммуникацию или даже действия общества?
- (б) В какой степени социальная коммуникация влияет на политические структуры и процессы?

Связи с общественностью никогда не были столь важны для политической коммуникации, как сегодня. Советам директоров, управляющим директорам и менеджерам по связям с общественностью во всех отраслях все чаще приходится более интенсивно взаимодействовать со все большим количеством целевых групп. Недостаточно учитывать правила контроля информации, снижения сложности и эффективности. Такие принципы, как доверие, честность и репутация, становятся все более важными в политическом процессе.

Для общественных связей (*public affairs*) следование принципам не является самоцелью: стратегические связи с общественностью, понимаемые как функция политического управления, помогают прояснить ситуацию с внешним окружением актора, разработать возможные варианты действий с целью оказания политического влияния (лоббирования) или инициирования внутренних изменений.

Стратегические общественные связи (*public affairs*) хотят сохранить пространство для маневра. При управлении проблемами необходимо располагать рабочей системой раннего предупреждения и реагирования, которая распознает критические настроения и может принимать меры, среди прочего, посредством политического пиара. Успешное управление проблемами предоставляет информацию внутри и снаружи, организует поддержку, предотвращает критику и знает, как воспользоваться возможностями.

Речь идет не о прямом влиянии на законодательные процессы (лоббирование), а скорее о прояснении установок и понимания позиций, социально-политической динамики других политических групп и лидеров, при необходимости, доведении собственной позиции до лидеров мнений из политики, СМИ и общественности, чтобы в конечном итоге иметь влияющий голос на общественный дискурс.

Управление проблемами как активный подход к управлению общественными связями стремится взять проблему в свои руки, т.е. выявить цели и раскрыть противоречия среди оппонентов, чтобы инициировать изменение общественного мнения. В идеале можно избежать ненужных дебатов или провести их с максимальной эффективностью. Цель управления проблемами — минимизировать надвигающийся ущерб и максимизировать потенциальные возможности.

Большаков А.Г.
(Казань, КФУ)

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ МИРОТВОРЧЕСТВО КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ СТРАН БРИКС: КЕЙС УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Существующий миропорядок приходит к стадии разрушения. Мир постепенно становится многополярным. В качестве ее элемента и формируется объединение БРИКС. Оно не имеет жестких институциональных рамок и может быть определено вместе с потенциальными участниками, как «БРИКС+», что лучше отражает его современное состояние и направленность развития.

НАТО, ВТО, МВФ и даже ООН сегодня находятся в состоянии кризиса, эффективность их деятельности крайне мала. БРИКС — это альтернатива западному миру, его институтам, образу мыслей, идеологии неоллиберализма, пониманию принципа справедливости. Перспективы БРИКС в ближайшее время значительны. По паритету покупательной способности страны БРИКС уже обошли аналогичный показатель «семерки». На объединение приходится 35,6% глобального ВВП, тогда как на G7 — 30,3%, а к 2028 году ситуация еще больше поменяется в пользу БРИКС (36,6% против 27,8%). В очереди для вступления в БРИКС находится до 30 стран.

По ряду мировых и региональных кризисов международно-политического толка страны БРИКС занимают собственную позицию, которая противоречит западной внешнеполитической стратегии. Так, Китай пытается решить преимущественно мирными способами свой конфликт с Тайванем, который должен завершиться только воссоединением территорий «двух Китаев». Из силовых методов Китай применяет только разовые демонстрации силы.

Свою собственную позицию российская и иранская дипломатии, арабские государства—участники БРИКС демонстрируют в рамках обострившегося в 2023 году палестино-израильского конфликта. Успехи израильской армии в данной фазе конфликта носят ограниченный характер, несмотря на активную помощь США. Арабские страны, организации, движения не могут примириться с политикой Израиля и США, которая направлена на уничтожение мирного палестинского населения.

Но наиболее показательным взаимодействием стран БРИКС в рамках урегулирования украинского кризиса. Речь идет не только о выдвигании и отстаивании планов мирного урегулирования (наиболее известен здесь китайский план или китайско-бразильский), но и о консолидированном подходе стран БРИКС к противодействию нереалистичным планам коллективного Запада по завершению данного

кризиса. Китайско-бразильский план, о необходимости переговоров и диалога, заключения мирного соглашения поддержала ЮАР.

Так, недавняя конференция в Швейцарии, которую западные страны позиционировали как миротворческую, закончилась провалом для организаторов. Поскольку на ней не присутствовала Россия (не была даже приглашена), отказался участвовать Китай. После этого от участия в конференции был вынужден отказаться даже американский президент Дж. Байден, которому внешнеполитические задачи перед выборами президента в США просто не нужны.

Итоговый документ по Украине на конференции подписали 80 стран из 92. Отказались подписывать страны БРИКС: Бразилия, ОАЭ, Индия, Саудовская Аравия, ЮАР. Другие государства БРИКС: Иран, Египет, Эфиопия в конференции не участвовали. Таким образом, все страны-участницы БРИКС продемонстрировали консолидированную политическую позицию. Форматы коллективного Запада им не подходят, за основу должны быть взяты те миротворческие планы и усилия, которые отвечают реалиям сегодняшнего мирового порядка, положению на поле боя в российско-украинском конфликте, предполагают участие Российской Федерации в переговорном формате.

Пока у данного объединения даже нет статуса международной организации. Оно позиционируется как площадка для коммуникаций. Взгляды участников — разные, нахождение консенсуса требует времени, иногда значительного. Невмешательство, равенство, всеобщая выгода — принципы, с которыми солидарны все участники БРИКС. Между странами БРИКС существуют многочисленные противоречия. В рамках БРИКС нет ведущего государства, которое бы доминировало.

Участники БРИКС привержены разрешению разногласий и споров путем диалога и консультаций, поддерживают все усилия, способствующие мирному урегулированию кризисов. У БРИКС нет военной или военно-технической составляющей сотрудничества. У объединения отсутствуют планы устраивать такого рода взаимодействие, включая проведение военных учений.

Члены БРИКС предпочитают сегодня ограничиваться заявлениями о необходимости крушения системы западного колониализма в мире, формировании более справедливого мирового порядка. При этом БРИКС ни с кем не соревнуется, никому себя не противопоставляет и не является антизападным объединением, согласно их собственной риторике. Однако развитие данного объединения привело к тому, что страны Глобального Юга противопоставили себя коллективному Западу.

Альтернативное миротворчество не единственный фактор политического объединения стран БРИКС, но в последнее время он стал существенным дополнением стратегическому противостоянию неоколониализму, который поддерживается всеми государствами-членами БРИКС и потенциальными его членами в рамках БРИКС+.

Бориско О.А.
(Краснодар, КубГУ)

ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ КАК РЕСУРС ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ*

Политика развития как категория политологического анализа позволяет исследователю, рассматривая развитие как социальную реальность в динамике, учесть влияние факторов разного уровня — от местных до глобальных, обозначить реальные и потенциальные точки роста, связанные с усилиями разнообразных субъектов, проследить интенсивность и характер изменений на том или ином этапе.

В западном научном дискурсе политика развития чаще всего понимается как комплекс разнообразных мер, способствующих модернизации развивающихся стран. В первую очередь, в этом случае в качестве критерия развития положен экономический фактор. Концепция устойчивого развития имеет следующие основания: удовлетворение запросов жизнедеятельности человечества без нанесения ущерба будущим поколениям, минимизация рисков и последствий катастроф. Выделяется три направления работы по устойчивому развитию, в соответствии с которыми сформулированы Цели в области устойчивого развития: экономическое, социальное и экологическое.

Критика концепции устойчивого развития связана, в первую очередь, с ее акцентом на экономической и экологической сферах, социокультурная проблематика зачастую уходит из внимания авторов управленческих решений в рамках политики развития. Нивелировать недостатки предыдущих научных решений и вывести в качестве важнейшего компонента развития морально-нравственные и социокультурные аспекты призвана концепция ответственного развития. Согласно ей, деятельность институтов управления невозможна без учета потребностей и интересов местных сообществ, в том числе

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности». URL: <https://rscf.ru/project/24-18-20079/>.

молодежных. Важными основаниями политики развития являются в данном случае культура диалога и обратной связи и культура участия граждан в различных формах социальной активности. Сегодня большое значение придается нематериальным ресурсам развития, соотношению инновационных решений и традиций, возможности гражданского участия в проектах развития и формированию комфортной среды для развития потенциала человека (Семененко И.С., 2019).

Молодежь как носитель нематериальных ресурсов развития обладает креативным мышлением, быстротой выработки инновационных подходов к решению задач и остается основным интеллектуальным ресурсом обеспечения достижения поставленных целей. Молодежь, готовая учиться новому, способна обеспечить систему управления, бизнес, сферу предоставления социальных услуг компетентными и мотивированными кадрами, предложить инновационные решения и эффективные проекты развития.

Особую актуальность проекты развития сегодня приобретают в сельской местности, не являющейся в современной России объектом первоочередного внимания для команд развития, но обладающей большим потенциалом развития.

Концепции политики ответственного развития присущи стратегическое планирование, включенность членов локального сообщества в процесс принятия и реализации управленческих решений, интеграция идей устойчивого развития сообществ с необходимостью гражданской самоорганизации, нравственной мотивации управленческих практик, этического измерения реализуемых программ социальных трансформаций.

Эффективная политика развития строится на основе доверия, ответственности, социальной солидарности, обеспечивающих сплоченность, консолидацию территориальных сообществ вокруг приоритетов развития на основе неконфликтного согласования интересов.

Проекты развития могут инициироваться государством, бизнесом, общественными организациями, другими институтами гражданского общества — самостоятельно или приобретать форму сетевого взаимодействия. Молодежь, обладающая креативным мышлением, может выступать инициатором реализации проектов развития. В этом случае актуализируется необходимость поддержки локальных проектов со стороны государства.

Для того чтобы молодежь оставалась в сельской местности, была носителем нематериальных ресурсов развития села, идеальный, с точки зрения молодых людей, образ села должен проектироваться с учетом существующих традиций и инновационных практик, связанных с развитием потребностей молодежи. Для того чтобы молодежь оставалась в станицах и селах и возвращалась, получив образование, необходимо, чтобы молодежи были доступны разнообразные возможности включения в деятельность команд развития и реализации собственных проектов развития.

*Борисов Н.А., Лабутина П.В.
(Москва, РГГУ)*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Вопреки конституционному закреплению определенных правил распределения власти между политическими акторами, практика в некоторых государствах постсоветского пространства может не соответствовать установленным нормам. В частности, политические системы Туркменистана, Узбекистана и Беларуси отличаются гипертрофированной ролью главы государства в системе распределения властей, что определяет доминирующее положение политических лидеров. В руках президента сконцентрированы обширные властные полномочия. Традиционно в политической науке режимы личной власти считались наименее стабильным типом режимов. В связи с этим возникают вопросы о том, что обеспечивает устойчивость данных режимов и каким образом может обеспечиваться их воспроизводство при новых лидерах в сравнительной перспективе.

Методика исследования основана на выделении формальных и неформальных полномочий президента (индекс формы правления, ИФП, определяемый на базе методики Кроувела—Зазнаева и индекс неформальных полномочий, ИНП, определяемый на основе критериев Н. Борисова, связанный с измерением институционализации института президентства).

Изначально низкая степень институционализации президентской власти обусловила корреляцию между институтом президента и личностью лидеров выбранных государств. Ввиду этого в Беларуси, Туркменистане и Узбекистане сложились режимы личной власти, при которых наличие личности президента обуславливает стабильность и устойчивость политического строя. Поэтому в данных режимах политические элиты создавали такие институты, которые служили фундаментом для персонификации и легитимизации действующей власти.

Индекс формы правления, отражающий формат взаимодействия главы государства с другими органами государственной власти, в Беларуси и Туркменистане последовательно увеличивался, что сви-

детельствует об укреплении президентской власти и о масштабном объеме формальных президентских полномочий. В Узбекистане между формальными и неформальными полномочиями президента наблюдается существенный разрыв. Данная конфигурация может служить потенциальной угрозой режиму в связи с уходом лидера из жизни либо кризисом, возникшим внутри государства. Опорой режима президента Ш. Мирзиёева после ухода из жизни И. Каримова в 2016 г. и передачи власти послужили внутриэлитные договоренности.

Индекс неформальных полномочий, который отражает степень опоры главы государства на надпарламентский орган, на институт доминирующей в парламенте президентской партии или на использование таких методов, как изменения конституции, проведение референдумов с целью продления полномочий и корректирования допустимого количества сроков пребывания у власти, в указанных государствах довольно велик, что свидетельствует о том, что все вышеуказанные механизмы обеспечивали основу режима и сохранение власти в руках лидеров.

Сравнивая полномочия действующих президентов Беларуси, Туркменистана и Узбекистана, можно заключить, что наибольшая степень институционализации формальных и неформальных полномочий достигнута в Беларуси (ИФП = +7, ИНП = 14) и в Туркменистане (ИФП = +8, ИНП = 12). В Узбекистане наблюдается противоположная ситуация: далеко не все конституционные полномочия президента закреплены в конституции (ИФП = 0), однако неформальные практики также активно используются лидером (ИНП = 7).

Для политических режимов Республики Беларусь и Республики Туркменистан можно прогнозировать стабильность в среднесрочной перспективе, поскольку создана институциональная база режима, закрепляющая полномочия президента конституционно. Этой базой является наличие доминирующей партии, а также надпарламентских органов власти, которые позволяют действующим лидерам сохранять важнейшие полномочия даже после их ухода в отставку. В Беларуси Всебелорусское народное собрание будет играть ключевую роль как при передаче президентской власти, так и при новом президенте. Пример Туркменистана показал, как прежний глава государства может сохранить за собой значительные формальные полномочия в качестве председателя Халк Маслахаты. В этих случаях режимы личной власти уступают место институционализированным режимам.

В случае Узбекистана можно предположить два варианта политической трансформации. Первый подразумевает закрепление фактических полномочий президента в тексте конституции, что увеличило бы степень институционализации президентской власти и повысило устойчивость режима. Второй вариант подразумевает сохранение функционирования институтов в прежнем формате, однако при этом итог следующего транзита власти может быть непредсказуемым.

Уровень институционализации режима личной власти обуславливает его устойчивость в долгосрочной перспективе. Логика доминирующего актора заставляет создавать более прочные институты, которые обеспечивают условия для воспроизводства власти и предотвращают потенциальные угрозы режиму.

Борисова Н.В.
(Пермь, ПФИЦ УрО РАН, ИПФ ПГНИУ)

ДВИЖЕНИЯ ЗА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ВАРИАТИВНОСТИ ТРЕБОВАНИЙ*

Проект Н. Самбаниса и соавторов¹ относит 17 случаев к движениям за самоопределение в странах Латинской Америки. Среди них: индигены низменности, индигены высокогорья, Санта-Круз и коренные народы в Боливии; движение на о. Пасхи и мапуче в Чили; движение райзалов в Колумбии; гайя в Эквадоре; движение майя², сапотекы в Мексике; мискитос в Никарагуа; эмбера-воунаан, куна и нгобе-бугле в Панаме, движение индигенов и зулианы в Венесуэле. Борьба индигенов в странах Латинской Америки на излете XX в. приобретала разнообразные формы: от стихийных протестов до длительное время существующих движений и партий. Это были примеры как мирной борьбы, так и вооруженного сопротивления. Их требования также вариативны: от защиты прав индейцев на общинную

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530 URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

¹ *Sambanis N., Germann M., Schädel A. SDM: A New Data Set on Self-Determination Movements with an Application to the Reputational Theory of Conflict // Journal of Conflict Resolution. 2017. No. 62 (3). P. 656–686.*

² В этом случае речь идет о Сапатисте в шт. Чьяпас.

землю до территориальной автономии и даже независимости. Как можно объяснить вариативность политико-территориальных требований? Обзор исследовательской и экспертной литературы, посвященной этим движениям в странах Латинской Америки, позволяет сформулировать следующие объяснения вариативности требований.

1) Уровень экономического развития территории, на которой локализовано движение за самоопределение, с учетом его идеологических характеристик. В требованиях движений в богатых Санта-Круз в Боливии, Мапуче в Чили, Гуайяс в Эквадоре отсутствует апелляция к этническим/племенным традициям. Это либеральные или правоцентристские идеи региональной идентичности. Лидеры продвигают концепцию «интеграции этничности» на основе регионалистской идеи, например о крусенидат (в случае Санта-Круз) или о гуаякильо (в случае Гуайяс). Движение институционализировано. В Мапуче — это партия «*Wallmapuwen*», требующая территориальной автономии Араукании. В Санта-Круз — «Комитет за Санта-Круз» (общественное движение, основанное в 1950 г. и ставшее партией в условиях протестов 2003–2004 гг.). В Гуаякильо — правоцентристская «Социально-Христианская партия».

Яркий пример бедных территорий — штат Чьяпас в Мексике и сделавшее его известным движение Сапатисты. Институционализированная бедность в Чьяпасе была отягощена экологическим кризисом, но само движение стало возможным в результате внешнего ресурса — интеллектуалов—последователей/сторонников левых идей одного из лидеров Мексиканской революции, Э. Сапаты. Сапатиста включала не только индейцев с их социально-экономическими и культурными требованиями, но была «подпитана» левыми идеями.

2) Исторический контекст как основание для конструирования региональной этнически обусловленной идентичности. Примеры Санта-Круз, Мапуче, а также о. Пасхи: эти регионы имели опыт политической самостоятельности вне Боливии или Чили соответственно. Память об отличном от остальной страны историческом пути является ресурсом регионализма и легитимации требований территориальной автономии.

3) Характер этнической политики государства. Примеры движений за самоопределение указывают на возможную связь между содержанием их требований и характером политики, проводимой центральным правительством. Можно выделить этническую интеграцию и мультикультурализм. В основе политики этнической интеграции лежит идеология индихенизма, которая за XX в. претерпела значительные изменения — от идей культурной ассимиляции индигенов в целях их социально-экономической поддержки до защиты их прав и культурной самобытности. По мнению мексиканского антрополога Г.А. Бельтрана¹, можно говорить о концептуальном обосновании государственной этнической (расовой) политики как политики, направленной не просто на культурную (в широком смысле) интеграцию и даже консолидацию общества, но на сохранение его поликультурности в том числе и через предоставление автономии — культурной, экологической, территориальной. Можно предположить, что постепенно политика этнической интеграции дрейфует вслед за концептуальным переосмыслением индихенизма в сторону мультикультурализма. Таким образом, вероятно, можно обсуждать дифференцирующий эффект национального государства и государства-нации для требований движений за самоопределение.

Боришполец К.П.
(Москва, МГИМО МИД России)

ДИАЛЕКТИКА ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА В ИЗУЧЕНИИ МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

События текущего десятилетия войдут в историю как период активного переформатирования постбиполярной мировой политики. Иллюзии, мифологемы и пропагандистские вбросы начала 1990-х сменились убедительной критикой деструктивных последствий глобализации по либеральным канонам, растущих угроз международной безопасности, неприятием попыток ряда западных стран разрушить цивилизационную основу человеческого бытия. Все эти моменты достаточно подробно рассматриваются в тематических публикациях российских ученых. Но целостная научная картина современной международной действительности во многом еще формируется.

В этой связи продолжение осмысления реалий третьего десятилетия XXI в. предполагает не только изучение предметной конкретики, которой сейчас де-факто посвящено большинство профильных работ, но и обобщающих характеристик международного взаимодействия на этапе 2024+.

Среди важных направлений такого обобщающего изучения целесообразно обратить дополнительное внимание на следующие моменты.

¹ Beltrán G.A. Política Indigenista en América Latina. México, 1970. P. 125. (цит. по: Шинкаренко А.А. Становление индихенизма в Латинской Америке // Латинская Америка. 2011. №10. С. 76–88).

Анализ значимости СВО для укрепления европейской и международной безопасности. Полная капитуляция террористического украинского режима, к которой стремится Россия, открывает путь не только к прекращению крупного вооруженного конфликта, но и позволит заключить ряд адресных соглашений в интересах последовательного соблюдения принципов Устава ООН. В частности, в том, что касается запрета на разжигание «прокси-войн», оптимизации международной стратегии борьбы с терроризмом, а также однозначного осуждения всех форм нацистской идеологии, пресечения попыток искажения истории, навязывания нетрадиционных ценностей. Демилитаризация, денацификация, наказание военных преступлений украинского режима позволят членам мирового сообщества преодолеть ядерные риски ближайшего будущего. Системное научное осмысление этих тематических вопросов необходимо для начала массированной информационной подготовки проведения международной конференции по безопасности, аналогичной конференции 1975 г. в Хельсинки.

Анализ обстановки на пространстве СНГ как целостного сегмента ближайшего регионального окружения России. На фоне попыток ряда западных держав спровоцировать открытие «второго анти-российского фронта» целесообразно на основе 9–11 критериев оценить состояние международной среды на сопредельных с российскими границами территориях с учетом фактора СВО. Желательно системно проанализировать конкретные результаты включения стран СНГ в мировую экономику, опыта проведения достижения многовекторной внешней политики, развитие интеграционного сотрудничества по линии проектов с российским участием, а также сравнить приоритеты великих и региональных держав на европейском, кавказском и центральноазиатском флангах Содружества. Научно обоснованная картина современной обстановки усилит диалектическое видение (позитив/вызовы) текущего момента на пространстве СНГ. Тревожная тональность многих экспертных комментариев нуждается в четкой верификации. При этом конструктивную роль способны сыграть: во-первых, обращение к содержанию профильных исследований молодых ученых, во-вторых, запуск коллективных проектов с участием российских ученых и представителей академического сообщества других стран СНГ, в-третьих, разработка совместных тематических образовательных программ.

Анализ ожидаемых изменений миропорядка в среднесрочной перспективе. В частности, содержания гарантий неприменения одностороннего диктата, в том числе посредством санкционных форматов, уважения национального суверенитета, соблюдения законных интересов членов мирового сообщества в зонах их особого влияния, предотвращения действий внешних акторов по подрыву регионального сотрудничества стран и интеграционных объединений, снижение управленческой активности многосторонних институтов при развитии их экспертного функционала. В целях практического оздоровления международного климата целесообразно интенсифицировать научное изучение потенциала сотрудничества по вопросам ядерной, биологической, информационной безопасности, оптимизации международной стратегии в области миротворчества, содействия развитию, молодежной политики, гуманитарного права. Тем самым российское видение реалий многополярного мира получит усиленное научное обоснование.

В целом диалектика текущего момента предполагает научное изучение не только содержательных, но и временных характеристик ожидаемых новаций для аргументированного противодействия провокационным утверждениям, что нынешняя кризисная фаза мировой политики затянется на десятилетия.

Бородич В. Ф.
(Москва, ИКСа РАН)

РЕЖИМ ПЕРСОНАЛИСТСКОЙ АВТОКРАТИИ СИ ЦЗИНЬПИНА — ГАРАНТ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ?

1 • Институт монополии КПК на власть, главный институт режима авторитарного правления — необязательно гарантия развития страны (период 1957 — 1976 г. — пример его несостоятельности воспрепятствовать разрушению страны, сходу ее с траектории развития). Монополия компартии на власть исключает политическую конкуренцию, отсутствие которой создает опасность повторения схода Китая с траектории развития, начальный период которой — конец 1970-х — конец 1980-х гг. — был обеспечен научным и практическим поиском формулы политического развития, синхронизирующего реформы экономики, политики и культуры. Поиск, как известно, был прерван событиями на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. — подавления силой массовых выступлений политической активной части общества с требованием проведения политической реформы. События завершились отставкой Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна, курировавшего работу по политическому реформированию под покровительством неформального политического лидера Дэн Сяопина.

Руководство КПК во главе с новым Генеральным секретарем Цзян Цзэмином, опиравшимся также на Дэн Сяопина, во главу угла в политической сфере поставившее не политическое развитие, а ста-

бильность, смогло продолжить развитие страны, ограничив политическое реформирование новацией «трех представительств» в Уставе КПК. Однако спустя десятилетие с небольшим, при Генеральном секретаре ЦК КПК Ху Цзиньтао, сторонники синхронизации экономической реформы с реформой политической и культурной попытались оживить тему политической реформы концепцией научного развития и идеей построения гармоничного общества. То и другое основывалось на расширении свобод и могло рассматриваться как движение в сторону демократизации.

С избранием на XVIII съезде КПК в 2012 г. Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпина система монопольного правления КПК трансформируется в систему политического господства КПК, подчиняющего институту компартии все институты государственной власти

2. Институт сверхцентрализации власти официально заявляется, но необязательно является гарантией развития страны. Развитие все годы реформ до начала 2010-х обеспечивалось «раскрепощением сознания» — свободами мысли, дела и, в меньшей степени, слова в экономике, а также открытостью страны для связей с внешним миром. При этом в политической сфере существовало известное ограничение свобод, сохранялась закрытость внутренняя. После наступления «эпохи Си Цзиньпина» свободы ограничиваются усилением контроля над деятельностью партийно-государственного аппарата, общества в целом, граждан в отдельности, внутренняя закрытость усиливается мерами, объясняемыми интересами государственной безопасности. В экономической сфере государство усиливает давление на частный бизнес, который практически все годы реформ является драйвером экономического роста. Давление было решено ослабить лишь на 3-м пленуме ЦК КПК в июле с.г.

Внешняя открытость трансформируется в наступательном ключе и проявляется в виде продвижения политэкономической модели КНР в качестве образца для мира, прежде всего, для государств условного Юга, нескрываемой претензии не только на мировую гегемонию, замещающую гегемонию США, но и на образ правления — авторитарный, а не демократический.

Перемены, производимые по инициативе политического лидера, объясняются обществу и миру необходимостью очищения традиции честного правления от соблазнов, внутренних и внешних по своей природе, а также от вредного для китайской цивилизационной культуры западного влияния.

Как и в случае с режимом самовластия Мао Цзэдуна, намерения политического лидера носят позитивный характер — развитие Китая в виде возрождения его величия.

Бочанов М.А.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

СОЦИАЛЬНЫЙ СКОРИНГ: БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВА ИЛИ УТОПИЯ?

Развитие технологий сбора больших данных и машинного обучения открывает широкие перспективы для управления социальной политикой в России. Одним из ключевых направлений, где эти технологии могут быть эффективно внедрены, является система социального скоринга. Эта концепция, уже используемая в ряде стран, предполагает оценку граждан на основе различных социальных, финансовых и поведенческих показателей.

Оценка различных параметров, таких как уровень дохода, наличие постоянной работы, квартира, образование и даже участие в волонтерских инициативах, позволит государству целенаправленно распределять ресурсы и предлагать наиболее актуальные меры поддержки. Социальный скоринг может способствовать улучшению механизмов взаимодействия между государственными учреждениями и гражданами. Например, на основе собранных данных можно предлагать индивидуализированные программы, субсидии или льготы тем, кто в них нуждается. Это поможет минимизировать бюрократию и упростить доступ к социальным услугам, что в конечном итоге приведет к улучшению благосостояния населения. Исследования ученых представляют разносторонний анализ системы социального рейтинга, включая его влияние на общество, этические и социальные аспекты использования, а также преимущества и риски, связанные с применением подобных технологий.

Как государственный управленческий инструмент по «поощрению социально конструктивного и предупреждению социально деструктивного поведения» (Косоруков 2020: 57) система социального скоринга рассматривается А.А. Косоруковым, называются используемые в этом направлении технологии — «умное наблюдение», искусственный интеллект, контроль за транспортом, мониторинг операций по банковским картам и другие. Тем самым органы государственной и муниципальной власти наблюдают и контролируют поведенческие установки граждан, формируя одобряемое социумом поведение посредством начисления или списания бонусов.

Вопрос о конфиденциальности данных и защите личной информации становится особенно актуальным. Необходимо разработать жесткие правила и рамки для сбора, хранения и обработки данных, чтобы предотвратить возможность их злоупотребления.

Изучая этические аспекты использования технологии социального рейтинга, Д.Г. Добродородный отмечает: являясь инструментом «мягкого управления», система социального рейтинга, используя для мотивации цифровой контроль и систему добавочных дивидендов за социально приемлемые действия, регулирует поведение человека, корректируя его социальную активность. С этической точки зрения это вызывает определенные опасения и риски, потому как личность лишается самостоятельности и осознанности в своих поисках, принятии решений, критическом восприятии действительности (Добродородный 2022: 488).

Размышляя о перспективах и рисках практического использования социального рейтинга, В.Я. Любашиц и А.С. Осинский приходят к выводу, что для избежания воссоздания сценария «цифровой диктатуры» в России необходимы гибкие формы исследуемого института в сочетании с уникальными особенностями нашей страны. В этой связи ученые предлагают разделить социальный рейтинг, используя аналогии уровней власти — «федеральный, областной и муниципальный» (Любашиц, Осинский 2020: 120).

Изучая опыт внедрения системы социального рейтинга в Китае, исследователи подчеркивают его высокую эффективность и делают акцент на уникальности этого подхода, особенно в контексте пандемии. Тем не менее, анализируя нормативно-правовую базу и технические условия для внедрения подобной системы в России, ученые приходят к выводу, что в России, скорее всего, не удастся воспроизвести китайскую модель. Они указывают на то, что локальные реалии требуют формирования самобытной системы, учитывающей значительные различия в уровне цифровизации между регионами страны. Это говорит о том, что в России путь к созданию системы социального рейтинга будет отличаться от китайского опыта и, возможно, станет отражением уникальных потребностей и условий, характерных для каждого региона.

Также стоит учитывать культурные и социальные особенности России. Система социального скринга должна адаптироваться к реалиям российского общества, учитывая многообразие регионов, различных этнических и социальных групп. Важно, чтобы она носила инклюзивный характер и способствовала укреплению социальной справедливости, а не углубляла разрывы между различными слоями населения.

Боюн А.Б.
(Москва, МГИМО МИД России)

СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ TELEGRAM-КАНАЛОВ РОССИИ И США НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В условиях повсеместной «отмены» России на Западе *Telegram*-каналы становятся одним из ключевых форматов политической коммуникации нашей страны с иностранным обществом. Успешно пережив процедуру ограничения доступа, реализованную Роскомнадзором (16.04.2018 — 18.06.2020), мессенджер смог не только сохранить пользователей на территории России, но и приобрести аудиторию за ее пределами.

По данным *Telegram*, в 2022 году он вошел в мировую пятерку самых скачиваемых приложений, а ежемесячное число активных пользователей достигло 700 млн человек. Данные показатели свидетельствуют, что приложение способно реально конкурировать в глобальном медиапространстве с популярными иностранными компаниями (*WhatsApp*, *Viber*, *Signal* и *Discord*). При этом основная жанровая направленность *Telegram* как социальной сети определяется как информационно-политическая¹.

В контексте растущего влияния этот мессенджер стал значимым инструментом публичной дипломатии как для России, так и для США, прежде всего для работы с русскоязычной аудиторией. Оба государства активно используют *Telegram*-каналы для продвижения внешнеполитических инициатив, взаимодействия с общественностью и формирования общественного мнения, в том числе на постсоветском пространстве. Благодаря широкому охвату и отсутствию строгой цензуры *Telegram* предоставляет широкие возможности для распространения контента, влияния на политические процессы и укрепления культурных связей с иностранными аудиториями.

Одновременно с этим в политической науке отсутствуют комплексные исследования названной площадки как инструмента коммуникации с зарубежьем. В данной связи нами сформулирован исследовательский вопрос «В чем заключается специфика использования Россией и США внешнеполитических *Telegram*-каналов на постсоветском пространстве?».

Исходя из этого, выбран структурный подход к изучению *Telegram*-каналов посредством социально-сетевых анализов с компаративистских позиций. Все участники коммуникации (графа) позицио-

¹ Аудитория Telegram. Отчет по данным Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/9fb/3nfdyflow36u7oqs3fip8loz14yad4g/Telegram_Otchet_Mediascope.pdf (дата обращения: 22.09.2024).

нируются как вершины графа, которые воздействуют на конфигурацию ребер и иных участников сети. Основное внимание уделяется параметрам графа, характеризующим способы и направления влияния участников друг на друга, а также интенсивность взаимной коммуникации.

Методом сплошного поиска в сети Интернет получены адреса 66 *Telegram*-каналов, используемых Россией и США в публичной дипломатии в странах постсоветского пространства. В зависимости от институциональной принадлежности они разделены на два типа: внешнеполитическое ведомство и иновещание.

Для получения информации о социальной активности указанных каналов использовался сервис *Tgstat* (<https://tgstat.ru/>), предоставляющий статистические и аналитические сведения по *Telegram*-каналам. С целью оптимизации процесса сбора информации разработано приложение на языке программирования *Python*. В результате создана база данных из 66 файлов (43 — Россия, 23 — США), в совокупности содержащая в себе более 51 тыс. строк. Связь между вершинами графа отражается через ориентированные ребра между ними, направление которых обозначает траекторию распространения информации между начальным и конечным узлами.

Построено два направленных графа: российский содержит 748 узлов и 2589 ребер, американский — 434 узла и 712 ребер. Структура свидетельствует, что американская сеть внешнеполитических *Telegram*-каналов уступает российской как по количеству задействованных ресурсов (меньше в 1,7 раза), так и по степени их взаимосвязи через ребра (меньше в 3,6 раза).

Средняя степень российского графа (среднее число ребер, соединенных с узлом) составляет 3,461, а американского — 1,641. Граф с более высокой средней степенью свидетельствует о более эффективных связях между входящими в него узлами.

Оба графа являются разреженными (метрики плотности: Россия — 0,005; США — 0,004), что указывает на слабо выраженные связи между большинством узлов. Сети имеют централизованную структуру, в которой небольшое количество ключевых узлов выполняют функцию хабов для распространения информации. Низкая плотность связана с тем, что лишь ограниченное число каналов участвует в обмене контентом, в то время как большинство задействованных ресурсов служит конечными точками для получения информации.

Результаты оценки модульности (0,405 — Россия; 0,619 — США) и кластеризации графов на сообщества (8 и 11 соответственно) отражают различия в подходах к организации информационных сетей: российская более интегрирована и менее сегментирована, что может свидетельствовать о централизованном управлении и единой координации каналов, тогда как американская сеть фрагментирована и специализируется на конкретных темах и аудиториях в странах постсоветского пространства.

Брайнес А.А.
(Москва, Минобрнауки России)

МОЛОДЕЖЬ В ФОКУСЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИОРИТЕТОВ

Государственная молодежная политика является одним из важнейших компонентов для устойчивого развития страны, формирования ее кадрового потенциала и достижения национальных целей.

В настоящее время молодежь находится в фокусе внимания государства, идет качественное переобразование молодежной политики как в правовом, так и в ценностном поле. Молодые люди сегодня — это более широкая возрастная группа от 14 до 35 лет, активно участвующая в политической, экономической, социокультурной, духовной жизни страны.

Проведя контент-анализ нормативных документов последних 20 лет, можно сделать вывод, что приоритеты молодежной политики и роль молодежи на современном этапе приобрели системное фундаментальное значение.

До 2020 года нормативно-правовое регулирование молодежной политики осуществлялось в основном на подзаконном уровне. К числу указанных актов можно отнести: Указ Президента РФ от 18.09.2008 № 1383 «О проведении в Российской Федерации года молодежи»; Указ Президента РФ от 16.05.1996 № 727 «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи», регулирующий вопросы, связанные с оказанием государственной поддержки общественным объединениям, ведущим работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи, и другие похожие документы, охватывающие лишь часть молодежной политики.

Кроме того, до появления федерального закона о молодежи и молодежной политике особую роль играли федеральные программы о молодежи. Так, например, Федеральная целевая программа «Культура России (2006–2010 годы)», утвержденная постановлением Правительства РФ от 08.12.2005 № 740, в числе прочих в качестве цели провозглашает сохранение и развитие системы художественного

образования, поддержку молодых дарований; Федеральная программа развития образования, утвержденная Федеральным законом от 10.04.2000 № 51-ФЗ, определяет стратегию приоритетного развития системы образования и меры ее реализации.

Стоит отметить, что особым вектором молодежной политики является патриотическое воспитание, которое осуществлялось в рамках следующих государственных программ: патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010, патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015, патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020, а в 2020 году переформатировался в федеральный проект патриотическое воспитание граждан Российской Федерации в рамках национального проекта «Образование» до 2024 года, на данный момент встраивается в национальный проект «Молодежь и дети», который начнет действовать с 2025 года.

Масштабные качественные изменения начались с 2020 года, когда был принят Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», а в 2024 году сформирован профильный национальный проект «Молодежь и дети».

С учетом современного исторического периода и политического контекста поменялись ценностные подходы и приоритетные задачи государства, связанные прежде всего с молодежью как одной из самых активных социальных групп общества. Об этом свидетельствуют нормативные документы последнего времени, такие как: указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036», а также внесена на утверждение в Правительство Российской Федерации «Стратегия молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года».

С учетом современных вызовов, воспитание молодежи в духе патриотизма, гражданственности, служения Отечеству и ответственности за его судьбу, высоких нравственных идеалов, справедливости, коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения, исторической памяти является одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики.

Брега А.В.
(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Финансовый университет при Правительстве РФ)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ: ПОТРЕБНОСТЬ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ

Многие политические исследователи сегодня апеллируют к идеям сетевизации общественных отношений, утверждая при этом, что рост политических сетей должен привести к сетевому государственному управлению. Вместе с тем существует множество представлений о сетевом обществе, каждое из которых следует определенной схеме эпистемологии, социального воображения и политических соображений. Эти конкурирующие самоинтерпретации должны быть исследованы с системных позиций, чтобы оценить различные тренды в сетевизации политических отношений. Думается, для этого критический концептуальный анализ должен опираться не только на сетевой подход, но и на политическую теорию, историю и науковедение.

Сетевизация пронизана множеством представлений о политическом регулировании. Существуют множественные предположения о структуре социального мира, формах субъективности и предполагаемой роли политических институтов. Причем эти предположения могут быть весьма однозначного характера. Так, исследователь Дэвид Д. Кларк, например, предложил отказаться от политического суверенитета, заявив, что «мы отвергаем королей, президентов и голосование», поскольку Интернет представляет собой децентрализованную и детерриториализованную сеть одноранговых узлов «точка-точка». Соответственно, общество, опираясь на саморегулирование, должно быть свободно от централизованного управления.

Несмотря на востребованность исследований политической сетевизации, можно констатировать, что осмысление данных процессов находится еще в стадии институционализации формирования научных школ. После первоначального доминирования утопические и антиутопические нарративы, исследования цифровизации в социальных науках сместились в сторону сложного эмпирического анализа.

В настоящее время потребность в системном и историческом анализе концепций, нарративов и систем убеждений имеет решающее значение для понимания взаимосвязи политической сетевизации и государственного управления.

Такой анализ обычно связан с политической теорией, историей или социологией знания. Включение его в исследования по политической сетевизации сулит значительные успехи в двух областях.

С одной стороны, анализ концепций, нарративов и систем убеждений даст представление о конкурирующих взглядах на сетевое общество, с которыми мы сталкиваемся как в научном поиске, так и политических дебатах. С исторической точки зрения, рассматривая процессы сетевизации, можно денатурализовать рациональность предлагаемых механизмов государственного управления и раскрыть разнообразный опыт причин их устойчивого утверждения на практике. Кроме того, критический анализ метафор и нарративов о сетевизации также повысит методологическую строгость самих исследований в этой области. Поскольку, несмотря на то что методы эмпирического анализа являются передовыми, ученые часто бессознательно обращаются к устоявшимся метафорам и нарративам для интерпретации своих данных. Критический концептуальный анализ поможет отразить эти интерпретации, тем самым гарантируя, что предлагаемые гипотезы не являются отголосками видений правдоподобности, с которыми они сталкиваются в своей области.

Для более полного анализа процессов политической сетевизации по крайней мере, необходимо вести исследования в трех измерениях: метафоры и нарративы, описывающие реальность; связанные понятия субъективности, общества, технологии и политики; предложения и практики, вытекающие из такого рода рассуждений. Особенно такой подход будет полезен при исследовании децентрализованной теории политического взаимодействия и управления, которая твердо привержена интерпретативному и постфундаментальному анализу. Вместо того, чтобы рассматривать стили управления как фиксированные модели, децентрированная теория утверждает, что практики и институты управления возникают из конкурирующих убеждений вовлеченных в них акторов.

С помощью набора аналитических концепций децентрированная теория позволяет использовать различные направления исследований. С одной стороны, можно распаковать правительственные институты или конкретные политические реформы с точки зрения разрозненных и случайных убеждений и действий индивидуумов. Даже провал реформ государственного управления можно объяснить ссылкой на расходящиеся убеждения, которые вызывают либо открытое сопротивление, либо невежество. Например, когда лидеры уличных протестов не видят необходимости менять свои действия, поскольку они убеждены, что всегда необходимо следовать изначально выбранной стратегии. С другой стороны, аналитический инструментарий позволяет исследователям отслеживать различные «паттерны» убеждений, знаний и практик, а также то, как они менялись с течением времени при столкновении с новыми вызовами.

Бродовская Е.В.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

РЕИНТЕГРАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДНР И ЛНР В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЦЕННОСТИ, ИДЕНТИЧНОСТИ, ОБРАЗЫ БОЛЬШОЙ РОДИНЫ

Понимание ценностей, которые разделяют новые граждане России, весьма значимо для обеспечения наиболее благоприятных и оптимальных условий социокультурной реинтеграции населения ДНР и ЛНР в российское общество. Выявленные лимиты и зоны риска в ходе принятия новой идентичности жителями ДНР и ЛНР представляют собой важную отправную точку в работе с ними для оптимизации процесса социокультурной реинтеграции. Преобладающая идентичность жителей новых регионов — безусловно позитивная, вместе с тем важно работать над преодолением обстоятельств, которые имеют потенциал предрасполагающих новых россиян к дистанцированию некоторой части новых россиян от положительной национально-государственной идентичности. Еще одним показателем этой тенденции является недооценка частью жителей новых регионов геополитической роли России, важности РФ как одного из глобальных центров борьбы за многополярный мир.

По сути, следует говорить о конкуренции разных типов ценностей в новых российских регионах. Важным научным и практическим вопросом становится их балансировка с гражданскими обязанностями в период проведения специальной военной операции РФ на Украине. Этот период характеризуется тем, что новые российские граждане живут в условиях повышенных требований к их гражданским обязанностям, а освоение российских традиционных духовно-нравственных ценностей оставляет место для их более глубокого понимания и интериоризации с течением времени и в процессе постепенного возвращения к мирной жизни.

Обобщая выводы осуществленного исследования, отметим, что кросс-возрастной срез проблем социокультурной интеграции жителей новых регионов РФ продемонстрировал наличие некоторых аспектов несовпадения ценностных приоритетов среди новых российских граждан.

Молодежь ДНР и ЛНР ориентирована на увязывание с Россией собственного жизненного успеха, чем может объясняться доминирование в кластере ориентированных на индивидуальные ценности молодых граждан.

Исследовательский опыт позволяет утверждать, что существенное деструктивное влияние на идентичность жителей новых российских регионов и лимиты ее социокультурной интеграции в российское общество оказывают внешние информационные потоки. Соответственно, помимо непосредственной работы с новыми регионами в рамках задач по их социокультурной реинтеграции, приоритетом также должна стать интенсификация консолидирующих информационных потоков, противостоящих иностранному дезинтеграционному информационно-психологическому воздействию.

Бубнов А.Ю.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ВОЕННЫЕ «МИФЫ ОСНОВАНИЯ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ*

Изучение «мифов основания» отражает аспекты обширной проблематики сохранения и осмысления в исторической памяти событий, выступающих символическими маркерами коллективной идентичности. Источником внимания к этой проблематике в том числе является влияние теорий этносимволизма (Э. Смит, Д. Армстронг), в которых подчеркивается роль событий и символов этнической истории в формировании современных наций. Роль военных «мифов основания» в этом контексте может быть определена как способность отдельных событий вызывать сильный аффект, укрепляющий коллективную солидарность в борьбе с внешней враждебной силой (Вуячич, 2019; 102–104). В частности, через создание образов героев как символических фигур репрезентирующих национальную память, и формирование чувства «долга» ныне живущих перед отшедшими жизни за свое сообщество.

Историческими примерами военных «мифов основания», восходящих к периоду «наций до национализма», в европейском контексте могут выступать как отдельные сражения (битва при Пуатье, поражение Непобедимой армады), так и войны в целом (Столетняя война и Реконкиста). Наиболее характерным примером военного «мифа основания», восходящего к эпохе Средневековья и выполняющего интегрирующую роль в современном сербском национальном сознании, является Косовская битва, встроенная в единый символический комплекс с памятью о Первой мировой войне и распаде Югославии. В России к числу традиционных военных «мифов основания» могут быть отнесены Ледовое побоище, Куликовская битва, Стояние на Угре.

Любой военный «миф основания» как частный случай национального мифа, с точки зрения исторической науки основан на упрощении и сглаживании углов «реальности». В основу коллективной памяти о войнах кладется эпос, а также литературные и историографические традиции прошлого, сформировавшиеся значительно позже описываемых событий. В процессе рождения национальных нарративов исторические сражения начинают дорисовываться в логике войн XIX века, как организованные, относительно многочисленные, с известными из военного искусства тактическими приемами. Вместе с укреплением современного национального государства военная история начинает преподаваться в массовой школе как важнейшая часть национальной истории, а военные «мифы основания» становятся основой патриотического воспитания и государственной исторической политики. Если рассматривать военный «миф основания» как нарратив, то очевидно выделяются доминирующие политические и военные контексты его объяснения. К первым можно отнести масштаб события, влияние на последующую судьбу сообщества, политическое и сакральное лидерство, во втором случае акцентируются тактические аспекты, потери сторон и эффективность собственной армии.

«Мифы основания» могут быть разделены на две большие группы, в терминологии Э. Смита (Smith, 1999), генетические и идеологические. Существенным различием здесь выступает критерий построения коллективной идентичности, через биологическое родство, восходящее к общему предку, или через культурные образцы, наследником которых выступает сообщество памяти. В первом случае речь идет о многочисленных примерах этнонациональных мифов (Шнирельман, 2024), во втором в большей степени об идеологических и религиозных контекстах военных событий, в том числе о военных элементах «гражданских религий» современных государств (как Война за независимость США). Отдельно следует выделить особый тип военных «мифов основания», характерный для позднего нацибилдинга постсоветских государств. Отличие от традиционных военных «мифов основания» в данном случае будет напоминать разделение классических революций и «цветных революций» современности. «Мифы основания» «поздних наций» являются продуктом информационных технологий и производным от массовых коммуникаций в гораздо большей степени, чем их исторических прототипы. В качестве характерного примера можно привести бой у Крут и его значение в конструировании современной украинской нации (Касьянов, 2019; 182–183).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01495. URL: rscf.ru/project/24-28-01495/.

Интерпретация основополагающих событий военной истории в современных обществах является как основанием патриотического консенсуса, так и полем конфликта между общественными группами, носителями противоположных идеологических установок. В свою очередь, выстраивание разных линий преемственности позволяет изменять векторы развития национальной идентичности.

Бугайчук Т.В.
(Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского)

ГРАЖДАНСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ

Сложившееся понимание гражданского самоопределения как существенной стороны общего процесса развития личности не может охватить все аспекты этого процесса, поэтому возникает необходимость рассмотрения данного вопроса в контексте социального развития общества. Особенно важно говорить о процессе развития гражданского самоопределения у молодого поколения россиян, именно на этом этапе идет формирование гражданина страны. Одной из важных потребностей, входящих в психологический базис юношеского самоопределения, является потребности молодого человека занять позицию взрослого, осознать и реализовать себя в качестве гражданина, определиться в социуме, то есть определить свои потенциалы и возможности в процессе реализации себя в новых, меняющихся условиях.

Гражданское самоопределение активно развивается в юношеском возрасте. Идет становление юноши как субъекта собственного развития и как члена гражданского общества. Процесс гражданского самоопределения тесно связан с процессами гражданской идентификации, которые, в свою очередь, определяются развитием гражданского самосознания личности. Результатом всех этих процессов будет обретение личностью гражданской идентичности.

В юности главной задачей развития становится разрешение конфликта, названного Э. Эриконом «идентичность против ролевой диффузии» (Erikson, 1996). Юношеское самоопределение противоречиво по своей сути, посему создает основу внутреннего переживания данного состояния как ценностно-смыслового кризиса. В процессе его разрешения может возникнуть кризис идентичности, соответственно, кризис самоопределения, в том числе гражданского.

В попытке преодоления или избегания кризиса идентичности некоторые представители молодого поколения либо слишком торопятся самоопределиваться, либо смиряются с ситуацией предопределенности будущего и поэтому не торопятся раскрыть свои потенциалы. Другая часть молодежи, напротив, пытается растянуть период рассматриваемого кризиса, попадая в ситуацию диффузной идентичности на длительное время, пытаясь сэкономить силы и ресурсы в прохождении затянувшегося периода самоопределения. Иногда расплывчатая идентичность выражается так называемой «негативной идентичностью», при которой человек берет на себя асоциальную или социально нежелательную роль.

Представляется, что отсутствие четко сформулированных социально-политических ориентиров, национальной идеи и объединяющей идеологии, общая социокультурная противоречивость и не всегда эффективная государственная молодежная политика закономерно приводят к крайне негативным последствиям. В частности, беспокойство вызывают отчуждение от процессов модернизации и феномен «негативной идентичности», который находит свое выражение в распространении различных ксенофобных установок и националистических настроений в молодежной среде, активизации экстремистских молодежных групп.

Гражданское самоопределение личности будет более успешным, если развивать интернальность личности, конструкт локуса контроля личности может служить показателем активности личности, степени принятия ею ответственности за свой выбор. Локус контроля оказывает регулирующее влияние на процесс гражданского самоопределения и выступает способом разрешения личностных кризисных ситуаций. Через локус контроля проявляется саморегуляция личности, которую также называют интегральным показателем, оптимизирующим процесс гражданского самоопределения (Buyakas, 2002). Также важно ориентировать молодое поколение на осмысленность жизни. В качестве ее основных показателей можно выделить осознание необходимости личностного самоизменения, потребность в самореализации, поиск возможностей саморазвития в гражданской активности. От степени осознанности гражданского самоопределения в итоге и зависит его влияние как на дальнейшую гражданскую активность в целом, так и на отдельные ее аспекты. Еще одним важным компонентом самоопределения является рефлексия. Если самоопределение — это рефлексия смысла жизни, актуализирующаяся осознанием кардинальной жизненной ситуации, в которой невозможна дальнейшая гражданская самореализация личности, то критерием наличия процесса самоопределения может стать изменение

самоотношения личности (в частности, снижение уровня принятия себя как гражданина, наличие конфликтности самосознания, столкновение «Я» с мотивами), а предпосылкой успешного самоопределения — развитая рефлексия, ведущая к успешному гражданскому самоопределению и обретению гражданской идентичности.

Таким образом, гражданское самоопределение молодого поколения россиян — это процесс осознания становящейся личностью своей гражданской принадлежности, конструирования своей субъектности и выбора способов социального участия в преобразованиях страны.

Будко Д.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ФЭНТЕЗИ И ПОЛИТИКА: МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ

Фэнтези на сегодняшний день является одним из наиболее популярных жанровых направлений массовой культуры. С учетом разнообразия его проявлений в различных видах искусства можно предположить потенциальное влияние на формирование политических ценностей и гражданского мировоззрения.

Как подмечает С.И. Белов: «...потенциал использования произведений массовой культуры в качестве инструмента манипулирования поведением, ценностными ориентациями и мировоззрением масс не следует переоценивать... В первую очередь необходимо отметить высокую зависимость восприятия аудитории от динамики социокультурного контекста...» (Белов С.И. Манипулятивный потенциал массовой культуры как инструмента политического воздействия // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 258). Как бы ни изменялись общественно-политические нарративы и восприятия, политическая составляющая во многом находится в общем контексте властных отношений господства-подчинения, описываемых в веберовской концепции.

Сам по себе жанр фэнтези, в какой бы форме мы его ни рассматривали, оказывается, с одной стороны, современным (его появление относят к середине XX века и связывают с произведениями Дж.Р. Толкина, К.С. Льюиса, Р. Говарда), а с другой — имеет свои истоки в романтизме, мифе и волшебной сказке. Это делает жанр непосредственно связанным с народной культурой (идеи связи «карнавализации» и политики описывал М. Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1965)). Хотелось бы отметить, что властные отношения так или иначе возникают на протяжении большинства народных сюжетов и являются их неотъемлемой составляющей. Показательно в этом контексте раскрытие сказочного сюжета В.Я. Проппом в «Морфологии волшебной сказки» (1928), в котором 31, последней функцией обозначено, что герой «вступает в брак или воцаряется». Кроме того, фигура правителя (царя, князя, вождя и т.д.) является одной из центральных в ряде сюжетов. Таким образом, можно предположить, что сам по себе жанр фэнтези является весьма политизированным, при этом поджанр или их переплетение (эпическое, славянское, темное и т.д.) не имеет, за редким исключением, явного значения.

Цель данного доклада — определение основных политических ценностных нарративов в жанре фэнтези. В качестве объекта исследования в данном докладе выступают русскоязычные книги в жанре фэнтези. Предметом — поджанр романтическое фэнтези (ромфант).

Переходя непосредственно к исследованию политических нарративов в жанре ромфанта, следует отметить, что книги данного направления являются одними из наиболее популярных на российском книжном рынке среди массовой литературы, при этом русскоязычному сегменту отводится немалая часть. К данному поджанру относятся истории, в центре сюжета которых история любви между двумя главными персонажами, при этом часто происходят пересечения с другими направлениями фэнтези.

Эмпирическим материалом исследования послужили 50 текстов различных авторов, изданных в бумажном формате издательствами ЭКСМО, АСТ и Альфа-книга в период с 2011 по 2024 год.

В качестве основных политических нарративов были выделены пять.

- 1) Представления о главе государства, укладывается в теорию двух государей И. Солсберийского, раскрытую в «Поликратике» (около 1159 г.). При этом восприятие своей власти положительным государем переплетается с представлением о ней как обязанностью перед народом/богами, что отсылает нас к идеям Митрополита Илариона, изложенным в «Слове о законе и благодати» (около 1037–1050 гг.).
- 2) Чаще всего можно отметить активную гражданскую позицию главных героинь, их сфера интересов чаще всего затрагивает области, связанные с экологической, социальной и образовательной политикой. Отдельный мотив — главная героиня, наделенная статусом принцессы, княгини, правительницы. При этом сохраняются схожие акценты.

- 3) Важной чертой большинства главных героев является их связь с властными функциями. Протагонист не обязательно является главой государства, но воплощает в себе, например, исполнительную власть или военные / силовые структуры.
- 4) Часто используется «эзопов язык» для описания социально-политических проблем, существующих в реальном мире.
- 5) С точки зрения социальных ценностей в ромфанте преобладают традиционные ценности. При этом зачастую в эпилогах отражаются сцены, связанные с семейными ценностями (подчеркивается, что главная героиня становится супругой своего возлюбленного / супруги примираются друг с другом; в браке рождаются и усыновляются дети).

Можно сделать вывод, что политические нарративы, характерные для ромфанта, связаны с представлениями о традиционных ценностях и аллегорично отражают политическую повестку, присутствующую в момент написания романа.

Букин О.А.
(Москва, РУДН)

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ В УКРЕПЛЕНИИ ЦЕННОСТНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ*

В истории России было множество периодов, когда российское общество раскалывалось по тем или иным причинам, среди которых можно выделить: тонкую прослойку просвещенного дворянства; Октябрьскую революцию 1917 г., разделившую историю России на до и после, когда в драматических событиях Гражданской войны сошлись граждане России; за Гражданской войной последовала массовая эмиграция множества людей, которые не приняли новые порядки. К событиям такого же порядка можно отнести, по выражению Президента РФ, крупнейшую геополитическую катастрофу XX века — распад Советского Союза и последующие события, связанные с противостоянием президента и парламента, а также приватизацию предприятий, поделившую народ на сверхбогатых и нищих граждан. Таким образом, Россия пришла к современному своему состоянию страной со множеством расколов, общество которой остро нуждается в единении на фоне стремительно разворачивающегося противостояния ее и коллективного Запада. Что же может обеспечить единство народа в столь непростое для России время? Это могут сделать общие ценности, впитываемые поколениями России вместе с воспитанием.

Большое значение для процесса объединения россиян вокруг общих ценностей сыграл Указ Президента России от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Перечисленные в нем ценности (патриотизм, нравственные идеалы, крепкая семья, гуманизм, милосердие и т.д.) являются базовыми ориентирами большинства российского народа.

В Указе говорится и о том, что традиционные религиозные конфессии (христианство, ислам, буддизм, иудаизм и иные) сыграли значимую роль в формировании этих ценностей, что делает обладающим большим потенциалом для укрепления ценностного пространства России и единства российского общества.

Так как все традиционные духовно-нравственные ценности, разделяемые подавляющим большинством россиян, имеют глубокие корни в российских религиозных традициях, религиозные деятели и организации обладают большими ресурсами для формирования соответствующего поведения и настроений как у своих последователей, так и более широкой части российского общества. И тому есть ряд примеров.

Так, например, митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Евгений призвал российских законодателей ориентироваться на Указ Президента № 809 при принятии новых законов и, более того, проверить действующие законы на предмет соответствия ценностям, разделяемым большинством россиян.

Не оставляют без внимания российские религиозные организации и проявления высоких нравственных чувств патриотизма и милосердия, исходящих от простых россиян.

В конце марта 2024 г. Россию и весь мир потряс кровавый теракт в здании «Crocus City Hall», унесший жизни более 140 человек. Российское общество в едином порыве осудило преступное злодеяние, а представители всех ведущих конфессий России еще больше консолидировали здесь народ России. При этом председатель Совета муфтиев России Шейх Равиль Гайнутдин призвал общество молиться за всех погибших и пострадавших в этом ужасном теракте.

* Исследование выполнено в рамках проекта ЭИСИ-Минобрнауки FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса»

Не остались без внимания российских религиозных организаций и печальные события в Курской области. Так, например, Федерация еврейских общин России постоянно участвует в сборе гуманитарной помощи для жителей Курской области, пострадавших от боевых действий.

Россия, совместно со своими религиозными организациями, объединяет на основе общих ценностей не только россиян, но и другие народы из стран мира, заинтересованные в сохранении своих традиций, в отличие от стран Запада. Одним из проявлений этого является проходивший уже второй раз в Улан-Удэ Международный буддийский форум, который является не только одной из площадок продвижения российской «мягкой силы» в странах буддийского мира, но и средством укрепления традиционных ценностей, как в России, так и во всем мире. По итогам форума представители 16 стран подписали резолюцию, в которой заявили о своей поддержке и приверженности традиционным духовно-нравственным ценностям, что может послужить одной из основ для формирования международного ценностного пространства, единого в своем устремлении к сохранению своих традиций и культуры.

«Церкви должны скорее дополнять основные стратегии по выстраиванию общегражданской идентичности, одновременно используя большую ценностно-патриотическую ориентированность верующих людей» (*Мчедлова М.М.* Российская идентичность: цивилизация, ценности, государство. 2024. С. 114). основополагающим документом подобной стратегии является указ № 809, поддержанный всеми основными конфессиями России. Если у государства сохранится подобная ориентация, а религиозные конфессии продолжат поддержку этого направления, то можно будет сказать, что Россия встала на путь построения единого цивилизационного пространства на основе общих ценностей и ре-генерации расколотого российского общества.

Бумагина Ю.Ю.
(Москва, РУДН)

РУСОФОБИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

«Цветные революции» часто используются как инструмент для дестабилизации общества с целью свержения действующей власти. Как правило, они оказываются контрпродуктивными для самой страны, поскольку за такими революциями стоят внешние силы, которые не заинтересованы в реальном улучшении ситуации (Гайдунко, 2021).

С развитием цифровых технологий методы проведения «цветных революций» также эволюционировали. Начиная с «арабской весны» 2011 года, протестами можно было управлять через социальные сети из комфорта собственного дома; зачастую настоящие организаторы находились в закулисе, а не в эпицентре событий. Широкий охват аудитории разных возрастов и возможность мгновенного обмена информацией стали ключевыми факторами в цифровизации протестных движений (Артамонова, 2021).

Однако движущая сила, которая побуждала людей выходить на улицы с требованиями свержения власти, существенно не изменилась. В основном костяк протестного движения составляли молодые и «неокрепшие» умы; чуть позже подключились и несовершеннолетние, которыми легко манипулировать (Артамонова, 2021). Выходящие на протесты группы шествовали за «демократию», «защиту прав меньшинств» и «восстановление справедливости». На постсоветском пространстве, где большинство стран исторически являлись консервативными, ядро протестующих составлял небольшой процент преимущественно молодых людей (Войсковой, 2024). Поскольку для старшего поколения некоторые современные проблемы (например, ЛГБТ-сообщества¹) не являлись важными, а численность участников повысить требовалось, западные политтехнологи должны были найти новый объединяющий фактор, который сгладил бы острые углы и уменьшил разрыв между разными возрастными категориями. Таким фактором на постсоветском пространстве стала Россия.

На Украине в 2004, 2013 и 2014 годах изначально мирные «цветные революции» обретали широкий размах и становились опасными, когда оппозиция начинала ссылаться на Россию. Так, в 2004 году Совет безопасности Украины начал заводить уголовные дела о посягательстве на территориальную целостность страны, заявив, что внешние силы хотели установить автономию для некоторых областей Украины для их последующего присоединения к России. В 2013–2014 годах Евромайдан развивался еще более стремительно, где экстремистские лозунги против россиян были слышны повсеместно. Под влиянием и с попустительства западных стран практически вся Украина объединилась против идеи «быть как Россия», что позже привело к трагическим последствиям в ряде городов страны.

Похожие мотивы прослеживаются и в «цветной революции» в Белоруссии в 2020 году, и в недавних протестах в Грузии. Грузинские протестующие объединялись под эгидой европейских НКО

¹ Деятельность «Международного общественного движения ЛГБТ» запрещена в Российской Федерации

и властей Евросоюза, воспринимая рассматриваемые их властями законы как пророссийские. Теперь даже те, кто раньше не вышел бы на протест, были просто обязаны это сделать, ведь они не хотят быть «как Россия».

Подводя итог, можно отметить, что технология управления «цветными революциями» в странах бывшего СССР претерпела изменения. Сейчас для привлечения большего числа протестующих нередко требуется некий объединяющий фактор, которым в постсоветском пространстве зачастую становится Россия. Оппозиционные силы или внешние акторы намеренно связывают протесты с «российским вмешательством», чтобы консолидировать общество против власти и сформировать единую цель «быть, как Европа, а не как Россия». Это позволяет придать «цветным революциям» более масштабный и радикальный характер.

Несмотря на то что в данный момент большое внимание уделяется проблемам русофобии в западных странах (в том числе и в СМИ), принимаются законы для защиты русскоязычного населения, сохранения исторической памяти и традиционных ценностей, можно констатировать, что данных мер недостаточно. Предполагается, что внешнее давление на страны постсоветского пространства будет только усиливаться, что может привести к усугублению нестабильности на границах России и новым военным конфликтам. Стратегическое поражение, о котором часто говорят на Западе, может выражаться и потерей союзников или дружественных стран, что в сегодняшних реалиях сильно ударит по безопасности нашей страны.

Считаем, что пока русофобия (как внешняя, так и внутренняя) воспринимается просто как враждебная идеология, а не как угроза национальной безопасности, не представляется возможным полностью оценить ее предполагаемый ущерб, а также разработать эффективные и не противоречащие друг другу способы противодействия этой тенденции.

Бурлинова Н.В.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ «ОСТРОЙ СИЛЫ» США И РОССИЙСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЕЙ ПРОТИВОДЕЙСТВОВАТЬ

За последние семь лет «острая сила» стала инструментом реализации внешней политики США. Зародившись в американских русофобских экспертных кругах как научная концепция, описывающая действия России, «острая сила» перешагнула академический порог и трансформировалась в концептуальную основу стратегии борьбы США против «мягкой силы» России, Китая и ряда других стран.

Изначально «острая сила», термин, предложенный группой американских ученых в 2017 году, подразумевал описание того, что делают Москва и Пекин в сфере публичной дипломатии. Сутью данной концепции является тезис о том, что ни Россия, ни Китай, ни ряд других стран, которых американцы причисляют к «авторитарным», не могут проводить «мягкую силу». Все, что эти страны делают в отношении западных обществ — это «острая сила», которая предполагает манипуляцию целевой аудиторией. Таким образом, американцы отказали России в праве осуществлять свою публичную дипломатию в отношении американского общества.

С началом СВО этот отказ обрел практическую форму. Многочисленные санкции и запреты были введены в отношении ряда российских СМИ (прежде всего, *RT* и *Sputnik*), российских неправительственных организаций и физических лиц, которые занимались общественной дипломатией на двустороннем уровне. Со временем этот отказ распространился и за пределы западного мира, включая в зону противодействия «мягкой силе» России и другие регионы мира.

Постепенно, по мере нарастания агрессивности поведения США в отношении России, для российской стороны концепция «острой силы» превратилась в описательный термин поведения самих США и их союзников в сфере публичной дипломатии. Борясь против «мягкой силы» России, американцы, сами того не подозревая, всю свою публичную дипломатию свели до уровня противодействия российской угрозе и, по сути, сами стали заниматься «острой силой», выискивая возможности причинить неудобства или прямой вред российской публичной дипломатии не только в зоне своей ответственности, но и за ее пределами.

Можно констатировать, что сегодня термин «острая сила» стоит использовать для описания политики самого Вашингтона, который, пытаясь навредить российской публичной дипломатии, шаг за шагом, словно хирургическим скальпелем, ликвидирует любое российское присутствие из американского публичного пространства, формируя при этом крайне негативный фон в адрес России. Эта хирургическая работа связана с точечными акциями ФБР в отношении ряда российских и американских граждан, связанных с российскими медиа и неправительственными структурами. Законодательным инструментом такой борьбы против российских гуманитарных и медиаструктур стало законодательство США об иностранных агентах.

За последние два года интенсивность деятельности американского Минюста и ФБР резко возросла. По данным американских юристов, с 2017 года волна дел по законодательству об иностранных агентах в США пошла по нарастающей. За последние два года стало известно с десятков случаев применения этого законодательства в отношении российских граждан, причем даже тех, кто не проживает в США.

Там, где Вашингтон напрямую запретить российскую «мягкую силу не может» (например, в странах Латинской Америки), он противодействует путем информационного запугивания и формирования враждебного образа России через своих агентов влияния в медиа, экспертных кругах и в среде политической элиты.

Какие возможности есть у России, чтобы защитить своих граждан от «острой силы» США и отстоять свою репутацию? К сожалению, на настоящем этапе эти возможности очень ограничены. В текущей обстановке мы не можем повлиять на процесс уничтожения российской инфраструктуры публичной дипломатии в самих США и в странах ЕС. Российские законодатели уже выносили вопрос проработки ответных мер на «острую силу» США на общественную дискуссию. Но конкретного решения пока не найдено. Российские граждане, работающие в сфере общественной дипломатии, российские гуманитарные и медиаструктуры остаются все также уязвимы на международной трекке для атак со стороны Минюста и ФБР США.

Вместе с тем, несмотря на очернение и подрыв репутации российской публичной дипломатии, пределы «острой силы» США в известной степени ограничены пространством западного мира. Дотянуться до российской «мягкой силы» в других странах американцам тяжело. Поэтому необходимо все силы российской публичной дипломатии направить на развитие российского гуманитарного присутствия в тех странах, где это присутствие воспринимают как возможность укрепления двустороннего диалога.

Бурляй Я.А.

(Москва, Центр ибероамериканских программ МГЛУ)

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Политика России в Латинской Америке пока не приобрела нужной активности, и это несмотря на то, что у нас нет кардинальных противоречий в подходе к решениям важнейших международных проблем. Мало того, мы сообща выступаем за многополярность и повышение роли ООН. В этих условиях речь должна идти об активизации в сфере публичной гуманитарной политики. Важнейшим инструментом ее является российская система образования. Многие иностранцы, получившие образование в нашей стране, содействуют распространению российских духовных ценностей.

Применение *Zoom*-технологий позволяет подключать латиноамериканцев к участию в образовательных и научных мероприятиях.

Взаимодействие с латиноамериканскими странами осуществляется через официальные ведомства; неправительственные организации, университеты и научные учреждения.

Популяризация русского языка и культуры входит в сферу деятельности Россотрудничества в Латинской Америке. На площадках российских центров науки и культуры проводятся показы фильмов, выставки, праздничные концерты и т.п.

Международное информационное агентство «Россия сегодня» работает в области публичной дипломатии, успешно конкурируя с другими информационными агентствами.

«Российская ассоциация международного сотрудничества» также участвует в этой работе.

Фонд «Русский мир» взаимодействует с общественными организациями и профессиональными объединениями. В его рамках действуют 5 Русских центров, «Кабинеты Русского мира», телерадиокомпания и интернет-радиоканал.

Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова и Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» помогают отечественным НПО в осуществлении международных проектов, проводят конференции и встречи, где участвуют эксперты в области международных отношений.

«Российский совет по международным делам» нацелен на укрепление мира и согласия между народами, он исследует процессы, происходящие в Латинской Америке, издает статьи и доклады.

Неофициальные институты слабо представлены в социальных сетях, у них обычно нет своих сайтов.

Свою роль в публичной дипломатии играют Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Московский государственный институт международных отношений МИД России (МГИМО МИД России), Институт Латинской Америки (ИЛА) РАН, Центр ибероамериканских исследований СПбГУ, Центр ибероамериканских программ МГЛУ и др.

Одно из важных направлений работы в области формирования объективного восприятия России за рубежом представляют собой средства массовой информации и ИКТ. Социальные сети, мессенджеры и блоги играют всевозрастающую роль в деле популяризации отечественной культуры и продвижения русского языка.

Внедрение цифровых технологий облегчает проведение гуманитарной политики.

Большое значение имеет улучшение работы с русскоязычными пользователями и испаноязычной аудиторией сети Интернет. Продвижение российских цифровых социальных сетей также позитивно повлияет на эффективность отечественной публичной дипломатии.

Стоит призадуматься над созданием в каждом российском университете, где преподается испанский язык, стрим-канала для контактов с латиноамериканцами.

Бутина А.В.
(Барнаул, АлтГУ)

МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ*

Фундаментальные изменения в политике, экономике и социальной сфере, произошедшие в России на рубеже XX–XXI вв., привели к существенной трансформации традиционных агентов и механизмов социальной адаптации молодых поколений.

Цифровая трансформация всех процессов, протекающих в социуме, и ее активизация в период пандемии COVID-19 позволяют рассматривать интеграцию индивидов в социальную систему, а также усвоение ими норм и ценностей политической культуры в оптике гибридной и киберсоциализации. К числу новых феноменов как стихийной, так и направленной социализации сегодня следует отнести Интернет и новые медиа, активно применяющие цифровые технологии и сетевые коммуникации для производства контента и взаимодействия с потребителями.

Молодежь сегодня является той самой социальной группой, чьи коммуникативные, образовательные, развлекательные и иные социальные практики преимущественно происходят в виртуальном пространстве, в том числе посредством использования неформальных информационных каналов (мессенджеров, социальных сетей, интерактивных игровых и медиаплатформ и т.п.). При этом модель поведения подрастающего поколения характеризуется цифровым консьюмеризмом — стремлением к непрерывному потреблению информации, а также устройств и технологий, обеспечивающих ее доступность.

Цифровые медиа становятся не просто источником информации, но средой развития человека и его реализации в качестве субъекта социальных отношений. Однако, несмотря на широкое распространение в социогуманитарных и педагогических науках концепций «цифровой социализации» (Солдатова, 2018) и «цифровой молодежи», под которой исследователи понимают поколение, рождение и взросление которого происходит в условиях цифрового общества (Howe & Strauss, 2000; Howe & Strauss, 2007), сохраняется и ориентация на то, что виртуальная реальность выступает формой аддикции, социального эскапизма и дезадаптации молодых людей. Эту антиномию подкрепляют и данные опросов общественного мнения, согласно которым к числу наиболее распространенных целей использования ресурсов сети Интернет среди молодежи относятся общение и развлечение. В последние годы исследователи все чаще фиксируют и тенденцию невовлеченности российских подростков и молодежи в политику.

Таким образом, в современном научном дискурсе существует принципиальное противоречие между, с одной стороны, распространенностью исследовательских оценок о значимой роли Интернета и цифровой среды в социализации российской молодежи, в том числе формировании ее политических настроений и установок, а с другой — эмпирически подкрепленным научным представлением о деполитизации мировоззренческих установок подростков и молодых людей, а также их стремлении к своего рода «уходу от реальности» с помощью практик развлекательного медиапотребления. Преодолению указанного противоречия и посвящен настоящий доклад.

Сегодня мы все чаще встречаем свидетельства влияния, казалось бы, политически нейтрального контента на политическое участие молодежи. На наш взгляд, ключевым в этой области является ресурс инфлюенсеров в поле политики, который особенно громко заявил о себе в период кампании за поправки в Конституцию РФ 2020 г. Аудитория интернет-инфлюенсеров включает преимущественно молодежь, что подтверждается данным ВЦИОМ, согласно которым доля молодежи (18–24 года) среди читающих блоги и просматривающих видеозаписи блогеров составляет 63% (ВЦИОМ: «От блогеров — к инфлюенсерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды», 2020).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-01584 «Политическая социализация российской молодежи в контексте трансформации ее коммуникативных стратегий».

При этом в качестве инфлюенсеров часто выступают не столько знаменитости, гала-эффект которых вполне ожидаем, сколько домохозяйки, рукодельницы, любители книг и кулинарии, моды, красоты и т.п., чье персональное влияние проявляется в том, что производимый контент выглядит более естественно и привлекательно, чем профессиональная реклама.

Аудитория каналов инфлюенсеров становится пространством формирования таких базовых паттернов восприятия, как ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация. При этом политизация такого рода контента способствует формированию новых установок и идентичности за счет противопоставления себя «значимому другому», в качестве которого может выступать как конкретный политический оппонент, так и абстрактный образ врага.

Таким образом, медиапредпочтения выступают необходимым фактором коррекции жизненных стратегий молодых людей и, как следствие, значимым условием политической социализации.

*Бушуева А.К., Шашкова Я.Ю.
(Барнаул, АлтГУ)*

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА*

Институт молодежного политического лидерства в современном мире является одной из актуальных тем, изучаемых экспертами из различных областей наук, как на уровне государства и государственного управления, так и на уровне общества. Это обусловлено тем, что молодежные политические лидеры нередко становятся реальными полноправными субъектами публичной политики и особыми акторами реализации государственной молодежной политики.

Процесс становления лидерского потенциала молодежи должен носить системный характер и начинаться как можно раньше, поэтому одним из эффективных способов формирования института молодежного политического лидерства является реализация в стране государственной молодежной политики, представляющей собой многомерную систему взаимодействия с молодежью от реализации социально значимых проектов до организации деятельности молодежных политических организаций. В контексте нашего исследования интересны те механизмы реализации российской государственной молодежной политики, которые выступают инструментами формирования молодых лидеров в политической сфере, а также важно понять, насколько молодые люди осведомлены и заинтересованы в предлагаемых им государством возможностях.

Стоит отметить, что вопросы становления института молодежных политических элит, который позволил бы обновить политическую систему государства и рассмотреть молодежь как реальный кадровый потенциал, рассматривался многими исследователями, например Г.А. Абрамовым, А.В. Селезневой, И.С. Палитаем. Все они отмечают, что государственную молодежную политику в данном контексте необходимо рассматривать как связующий механизм между действующим политическим блоком и молодежью, высказывающей запрос на политическую самореализацию через участие в политических программах и проектах. Именно такие проекты и выступают особым инструментом воспитания пула молодых политических лидеров.

Одним из ключевых инструментов в работе с молодежью на современном этапе можно выделить автономную некоммерческую организацию «Россия — страна возможностей», созданную по инициативе Президента РФ В.В. Путина. Через реализацию ключевых проектов, направленных на формирование молодежного политического лидерства, таких как «Лидеры России», «Лидеры России. Политика», «Женщина-лидер», «Конкурс политологов», задачи организации направлены на развитие проектно-программного принципа воспитания молодежи и увеличение вовлеченности молодого поколения в решение ключевых вопросов общества и государства. Эффективность в формировании управленческого резерва для органов, занимающихся государственной политикой, показывают и региональные проекты, такие как «Молодежный лидер Алтая», «Школа жизни», реализуемая в Алтайском крае. Выпускники этих проектов в настоящее время успешно продолжают свой путь в государственных органах власти.

Еще одним эффективным инструментом в сфере реализации молодежной политики является поддержка и развитие молодежных общественных организаций, в том числе молодежных крыльев политических партий, молодежных правительств и парламентов. Именно эти институты выделяют эксперты в ходе проведения различных опросов как основные каналы рекрутирования политических лидеров

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР АлтГУ по проекту № FZMW-2024-0007 «Оценка эффективности реализации государственной молодежной политики учащейся молодежью российских регионов».

из сферы молодежной политики. Члены таких общественных организаций отличаются большим уровнем информированности о государственной молодежной политике, обладают необходимыми первичными навыками и компетенциями для работы в данной сфере, а также формируют вокруг себя подходящую среду общения, тем самым предпринимая шаги по вхождению в политическую элиту общества уже на раннем этапе становления карьеры.

Таким образом, можно сделать вывод, что на современном этапе становления российского общества государственная молодежная политика является необходимой составляющей стратегии государственного управления в контексте формирования новых лидеров в сфере молодежной политики и трансформации социальных лифтов в политической сфере. Приоритетной задачей государства является не только непосредственное создание инструментов, способных с раннего возраста вовлечь молодежь в политику, но и обеспечение информированности и вовлечения самой молодежи в эту работу. Только эффективное использование молодыми людьми предлагаемых государством инструментов позволит выявить и развить лидерский потенциал среди молодежи, что в дальнейшем поспособствует гармоничному встраиванию представителей молодого поколения в политическую жизнь страны.

Быков И.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИКА ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В докладе исследуется политика Европейского союза в области цифрового суверенитета, получившая новое развитие после принятия Закона о регулировании искусственного интеллекта (*Artificial Intelligence Act*) в 2024 году (Быков И.А. Публичная политика развития технологий искусственного интеллекта в Европейском союзе // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 2024. № 2). Цифровой суверенитет как концепция становится все более актуальной в условиях глобализации информационных технологий и растущего влияния цифровых платформ. В книге Шмидта и Коэна указывается, что цифровой суверенитет представляет собой способность государств и народов контролировать, защищать и использовать свои цифровые ресурсы и инфраструктуру (Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.). Здесь можно выделить несколько ключевых аспектов. Во-первых, это способность управлять данными и информацией, что включает в себя контроль над хранением, обработкой и передачей данных. Во-вторых, цифровой суверенитет охватывает вопросы безопасности и защиты национальных интересов, которая приводит к тому, что страны стремятся укрепить свои цифровые границы, чтобы предотвратить вмешательство и кибератаки. В-третьих, концепция цифрового суверенитета затрагивает вопросы экономического контроля, когда управление цифровыми ресурсами и платформами позволяет государствам влиять на экономическое развитие и инновации, противопоставляя свое влияние влиянию глобальных цифровых платформ (Срничек Н. Капитализм платформ. М.: ВШЭ, 2019).

Европейский союз как наднациональная структура в последние годы характеризуется разнонаправленной динамикой развития, включающей как позитивные, так и негативные тенденции. В частности, выход Великобритании из ЕС стал большим ударом для всего проекта. С другой стороны, объединенный европейский рынок выступает настолько важным экономическим фактором, что позволяет ЕС занимать довольно уверенную переговорную позицию по отношению к глобальным цифровым платформам. Об этом говорит в том числе опыт реализации Общего регламента по защите данных (*GDPR*, 2016). ЕС фактически реализует политику создания общего рынка цифровых технологий не только для повышения эффективности инвестиций в IT-сектор, но и для получения дополнительного преимущества в торговле с зарубежными, прежде всего американскими, цифровыми платформами. За нарушение европейского законодательства в области персональных данных полагается штраф до 4% от годового оборота.

Очевидно, что цифровой суверенитет неотделим от технологического суверенитета. В статье Романовой установлено, что термин «цифровой суверенитет» в ЕС используется не менее часто, чем термин «технологический суверенитет» (Романова Т.А. Эволюция концепции «цифровой суверенитет» в Евросоюзе: константы и дихотомии // Современная Европа. 2023. № 4). Технологический суверенитет ЕС находится, возможно, еще в более сложной ситуации в связи с опережающим развитием зеленых технологий, прежде всего, в Китае. Китайское оборудование значительно дешевле европейского, что приводит к подрыву программ зеленого перехода на основе европейских технологий. Наиболее ярким примером в этом плане стала ситуация с электромобилями.

ЕС предпринимает усилия по укреплению как цифрового, так и технологического суверенитета. Однако реалистическая оценка европейских возможностей показывает, что в этой области ведется гло-

бальная конкуренция между такими центрами, как США, Китай, ЕС, Россия и др. Вместо жестких запретительных мер ЕС предпочитает более мягкие способы регулирования цифровых коммуникаций, открывая общеевропейский рынок на своих условиях, взвешивая потенциальную прибыль и угрозы. Меркантильный подход, практикуемый ЕС, в долгосрочной перспективе не гарантирует успеха в плане суверенитета, но создает возможности для устойчивого развития. ЕС фактически жертвует цифровым суверенитетом в пользу будущего экономического развития. При этом наиболее серьезной угрозой в этом плане становится чрезмерная регуляторная нагрузка на IT-компании, которая не создает условий для развития стартапов и инноваций. Также большой проблемой является значительная разница между странами—членами ЕС в уровне цифровизации. Потенциальная разбалансировка в региональном развитии может привести к ослаблению переговорных позиций ЕС в области цифровых технологий на глобальном уровне и еще меньшему уровню «цифрового суверенитета».

ДИСТОПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ГЛОБАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ИЛИ КРАТКОСРОЧНЫЙ ТРЕНД*

Исследование образа Будущего в любые времена было неотъемлемым элементом общественно-политического процесса. Начиная с проектов объяснения мира социал-дарвинистами, исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса или концепций современных писателей-футурологов в жанре *non-fiction* — Джона Урри или Юваль Ной Харари — образ Будущего является ключевым аспектом формирования мировоззрения как отдельного индивида, так и социума и целом.

Благодаря развитию цифровых технологий и переходу к новому экономическому укладу, который некоторые исследователи называли «четвертой промышленной революцией» (К. Шваб), появились неограниченные возможности массовой культуры влиять на общественное мнение и позиции отдельных социальных групп. Век толпы и масс, с одной стороны, объединил все социальные классы и страты, а с другой, создал эффект эхо-камер и информационных капсул, которые продвигают идейно-ценностные конструкции, близкие небольшому количеству человек. Для таких политических квазидвижений массовая культура является основным источником идей и смыслов, однако, как и в индустриальном обществе XX века, у данных социальных групп есть свои лидеры общественного мнения: писатели, режиссеры, музыканты, разработчики, сценаристы и т.д. Именно эти представители культурной индустрии формируют привлекательные образы, моделируют альтернативные или желательные сценарии развития.

Современные писатели и разработчики видеоигр в основном отказываются от создания утопии и работают в антиутопическом жанре. Более того, в начале XXI века в России антиутопия оказывается центром современного социального процесса в литературе, так как, в отличие от других жанров, она дает возможность высказываться на любую тему, используя любой контекст и обстоятельства.

Сегодня можно говорить о том, что некоторые произведения современных писателей являются скорее не политическим прогнозом, а острой социальной сатирой и могут идентифицироваться как дистопия (произведения писателя Д.А. Глуховского¹ «Метро» и «Пост») или гетеротопия (М.Ю. Елизарова «Библиотекарь», С.А. Шаргунова «1993»), которые влияют на носителей идеологии: политиков, журналистов, писателей, лидеров общественного мнения.

Таким образом, можно выделить следующие поколения современных писателей, использующих в своих произведениях антиутопические инструменты конструирования образа Будущего: 1) в 1990-е годы можно наблюдать характерное доминирование политического дискурса, связанного с развалом СССР и установлением нового политического режима (А.А. Проханов, Э.В. Лимонов); 2) 2000-е годы — осмысление нынешнего социально-политического порядка, роли России в мире (В.Г. Сорокин, Б. Акунин², В.О. Пелевин); 3) в 2010-е доминировал страх перед технологизацией общества (Д.А. Глуховский³), происходило осмысление итогов последних десятилетий социально-политической модернизации политической системы (С.А. Шаргунов, Е.Н. Прилепин) или усиление желания создания мифа единой и непрерывной исторической идентичности (М.Ю. Елизаров, А.В. Иванов). Период, начавшийся с 2020 года, в основном связан с анализом возможного изменения политического курса и усилением зависимости от стран Востока (И.С. Техликиди, Э.Н. Веркин, В.О. Богданова, Д.С. Захаров).

Почти у всех писателей можно встретить сюжеты, которые связаны с актуальными запросами и проблемами общества и могут послужить отличным материалом для социально-политического исследования: например, С.С. Минаев в своей трилогии («Duxless», «The Телки» и «Р.А.Б.») раскрыл проблему социального расслоения российского общества, роли отдельного человека в нем, Г.Ш. Яхина и Л.Е. Улицкая⁴ отразили исторические травмы ряда социальных групп населения по отношению к СССР, а Г.У. Садулаев в сборнике «Я — чеченец!» раскрывает тему многонациональности России. Тем не менее выделение отдельных поколений писателей необходимо для того, чтобы, во-первых, продемонстрировать антиутопические нарративы — это тренд в художественной среде современных

* Исследование в рамках проекта «Роль массовой культуры в формировании представлений о Будущем России молодежной аудитории: образы, идеи, установки» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

¹ Минюстом России признан иностранным СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

² Минюстом России признан иностранным агентом и внесен в список террористов и экстремистов.

³ Минюстом России признан иностранным СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

⁴ Минюстом России признана иноагентом.

интеллектуалов, однако зарождение тенденции в современной литературе можно наблюдать еще в 1990-х годах, а во-вторых, проследить связь между характером идейно-ценностных моделей в антиутопии и социальными группами, которые поддерживают писателя, читают его произведения и следят за его деятельностью. Таким образом, антиутопические нарративы становятся в определенной степени идеологемами современного общества: с одной стороны, являются зеркалом российского социума, а другой стороны, рожают новые идеи и смыслы.

*Ватыль В.Н.
(Беларусь, Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы)*

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА КАК ГАРАНТ УСТОЙЧИВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

30 лет института президентства в Республике Беларусь (ИП РБ) — весомая дата, свидетельствующая об определяющем вкладе этого института в строительстве белорусской государственности. Такова феноменология оценки, вытекающая из визуализации реалий повседневной жизни и конкретных экспертных выкладок.

Если заглянуть за «скобки» очевидного доминирования ИП в процессе устойчивого государственного развития Республики Беларусь, то возникает исходный вопрос: благодаря какому потенциалу ИП стал эпицентром государственного строительства: а) механической рецепции внешнего, западноевропейского опыта; б) — органического преломления своего, национального. Естественно, творчески усвоившего некоторые, исходные принципы первого. В докладе я придерживаюсь органистической позиции, суть которой — рассматривать президентство не только как правовой институт, но и как разновидность политического лидерства. Подобная позиция дает возможность показать главное в характеристике ИП РБ — место и роль конкретно-исторических реалий, интересов и ценностей в реализации стратегии устойчивого государственного развития РБ. Для ее обоснования мне потребовались 3 объяснительные модели: а) методологическая; б) морфологическая; в) проективная.

Исходным в применении этих моделей будет определение устойчивого государственного развития (УГР), которое характеризуется как системная социально-политическая стратегия, реализация которой направлена на преодоление наиболее сложных технологических и геополитических вызовов и угроз, разрешение внутри- и внешнеполитических негативных тенденций, достижение перспективных установок, что потребует выработки умелых тактических усилий и консолидации действий со стороны граждан, общества и государства. В отношении УГР институт президентства рассматривается как один из стратегических ресурсов, применение которого осуществляется посредством продуктивного использования необходимых социально-экономических и политико-правовых средств.

Опираясь на авторскую трактовку ключевого термина доклада «устойчивое государственное развитие», перейдем к характеристике методологических основ взаимосвязи УГР и института президентства. К основным граням этих основ можно отнести:

- 1) созидание единства и целостности государства и общества как изначальная «собирающая» доминанта деятельности ИП РБ;
- 2) верховенство морально-нравственного начала как исходной точки и конечной цели, как истинного глубинного смысла деятельности ИП РБ;
- 3) служение как путь реализации нравственной миссии ИП РБ;
- 4) сильная власть как инструмент строительства суверенитета, безопасности и устойчивого государственного развития РБ («суверенитет и безопасность» как современный этап единства и целостности страны).

Назначение морфологической модели — выявление строительных элементов, с помощью которых институт президентства Республики Беларусь способствовал и способствует устойчивому государственному развитию Республики Беларусь. Другими словами, эти элементы как строительные «скрепы» способствовали утверждению морально-нравственной миссии и достижению основных стратегических целей страны. Таких элементов, как минимум, три:

- 1) лидер государства и президентская вертикаль — «управленческая скрепа»;
- 2) политическая стабильность и устойчивость — «политическая скрепа»;
- 3) идеологическое сопровождение государственного строительства — «духовная скрепа».

Назначение проективной модели — купирование внутренних рисков и внешних угроз, а также определение путей развития института президентства Республики Беларусь. Основными сторонами этой модели являются:

- 1) согласование отношений между институтом президентства и Всебелорусским Народным Собранием;
- 2) купирование глобальных и региональных геополитических и технологических угроз;
- 3) выверенная международная региональная интеграция;
- 4) идейно-символическая консолидация общества.

Вафин А.М.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Цифровизация в современном мире переросла рамки обычного внедрения технологий и стала частью повседневной жизни, формируя новую идеологию, которая затрагивает все сферы общества. Этот процесс представляет собой не просто технологический прогресс, но и глобальную переоценку ценностей, поскольку цифровые технологии влияют на социальные, экономические и политические системы. В результате цифровизация выступает неотъемлемой частью идеологических изменений, которые проникают во все аспекты городской жизни и государственного управления.

Одним из ключевых аспектов цифровизации является трансформация городских проблем. Растущая тенденция к использованию технологий в решении городских вопросов привела к тому, что многие проблемы, с которыми сталкиваются города, начинают рассматриваться через призму технологических решений. Это касается не только вопросов инфраструктуры или логистики, но и социальной сферы, образования, здравоохранения и управления городом. Существует устойчивый приоритет в развитии высокотехнологичных отраслей, которые рассматриваются как основные драйверы экономического роста в городах. Высокие технологии и цифровизация воспринимаются как способ не только улучшить жизнь граждан, но и придать новый импульс экономике.

Цифровые технологии воплощают собой не только решения для конкретных проблем, но и набор идеалов и ценностей, которые поддерживаются обществом и транслируются через общественный дискурс. Среди этих идеалов на первый план выходят такие ценности, как комфорт, прозрачность и эффективность. Эти ценности становятся важнейшими критериями, по которым оцениваются многие процессы в обществе и государственном управлении. Комфорт подразумевает создание удобных, доступных и интуитивно понятных решений для граждан. Прозрачность означает открытость и доступность информации, что позволяет гражданам контролировать и участвовать в процессах управления. Эффективность — это способность быстро и качественно решать задачи с минимальными затратами ресурсов.

Однако стремление к идеалам комфорта, прозрачности и эффективности имеет и обратную сторону. Современные технологии становятся все более сложными, что усложняет механизмы управления ими. Эта технологическая сложность может оказаться за пределами понимания и доступности для большинства граждан, что ставит под угрозу их полноценное участие в государственных процессах. Возникает риск создания цифрового разрыва, при котором часть населения оказывается исключенной из процессов управления и принятия решений. Такая ситуация может также привести к тому, что государственные институты будут отставать в освоении и использовании новых технологий, что, в свою очередь, может ослабить их позиции в цифровом мире. В результате возникает парадокс: с одной стороны, цифровизация открывает новые возможности для гражданского участия и контроля, с другой — может ограничить это участие для тех, кто не успевает адаптироваться к новым условиям.

Таким образом, цифровизация становится не просто технологическим трендом, но и важным фактором формирования государственной идеологии и управления. Она задает новые ориентиры для системы управления, которые включают в себя не только эффективность и прозрачность, но и новый способ взаимодействия между государством и гражданами. Идеология цифровизации играет важнейшую роль в формировании рамок и структуры самой системы государственного управления, влияя на процессы принятия решений, реализации политики и взаимодействия с обществом.

Идеология в современных социально-политических условиях представляет собой не просто набор предпочтений одной группы, а сочетание политических и неполитических ценностей, которые поддерживаются обществом в целом и наиболее влиятельными социальными группами в частности. В случае с цифровизацией эта идеология объединяет такие ценности, как независимость, продуктивность, скорость, комфорт, индивидуальность, прогресс, прозрачность, адаптивность и эффективность. Эти ценности становятся основополагающими для современных городов и государств, которые стремятся внедрить цифровые технологии во все сферы своей деятельности.

На современном этапе все процессы цифровизации воспринимаются преимущественно положительно. Общество в целом поддерживает идеи цифровизации, видя в ней способ улучшения качества жизни и повышения эффективности государственных услуг. Однако, как и любая идеология, цифровизация порождает определенные вызовы. Во-первых, государству предстоит адаптироваться к новым условиям, создаваемым цифровыми технологиями, чтобы не отставать от темпов их развития. Во-вторых, возникает необходимость обеспечения цифровой грамотности граждан, чтобы избежать создания цифрового разрыва между разными слоями общества. В-третьих, важным вызовом для государства является сохранение контроля и управление процессами цифровизации, чтобы технологии оставались инструментом для улучшения жизни граждан, а не средством исключения части населения из участия в управлении.

*Вербицкая Т.В.
(Екатеринбург, ГАСО)*

ВОСПИТАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПАТРИОТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Проблемы культивирования уважительного отношения к Родине, ее историческому прошлому, наследию не утрачивают своей актуальности, и воспитание патриотизма является одним из ключевых направлений во внутриполитическом курсе. Значимость принятия мер по патриотическому воспитанию возрастает в условиях коренного изменения в структуре международных и внутригосударственных отношений, поскольку необходимо обеспечить готовность общества к преодолению вызовов и угроз, исключить социальную разобщенность и неоправданную тревожность.

Экономический патриотизм может быть охарактеризован в качестве совокупности убеждений, мировоззрения граждан, выражающихся в осознании сопричастности совместно с иными гражданами к обеспечению благосостояния своей страны и готовности выполнять обязанности для поддержания этого благосостояния, воспринимаемые в качестве гражданского долга. К одному из ключевых видов экономического патриотизма можно отнести промышленный патриотизм в качестве совокупности убеждений, мировоззрения граждан об их сопричастности к тому, чтобы благосостояние страны поддерживалось посредством промышленного производства, гордости за достижения промышленности и готовности вносить свой вклад в успешное функционирование промышленности в региональном и общегосударственном масштабах.

К числу мер, направленных на воспитание экономического патриотизма, можно отнести:

- введение в рамках преподавания истории в школах и вузах спецкурса, посвященного изучению регионального и общероссийского индустриального наследия;
- проведение специального лектория, посвященного истории развития промышленности, традиционным ремеслам в музеях при промышленных предприятиях;
- организация выставок, на которых будут представлены экспонаты, позволяющие составить представление об индустриальном наследии;
- посещение промышленных предприятий с демонстрацией того, как развивалось промышленное производство, совершенствовались его технологии, инструменты и оборудование.

Эффективность воспитания экономического патриотизма в качестве политического инструмента, позволяющего власти добиться сплочения общества и поддержки со стороны социума принимаемых властью решений, обусловлена следующими особенностями индустриального наследия:

- осязаемостью (люди могут составить представление о том, что составляет содержание индустриального наследия, посредством знакомства с промышленными предприятиями, особенностями развития техники, оборудованием, применяющимся в разные исторические периоды);
- количественным выражением (известны объемы производства продукции в разные исторические периоды);
- конкретностью (можно познакомиться с изобретениями, оборудованием, инструментами);
- определенностью (возможно составить представление о том, в чем состояли прорывные технологии, открытия, подвиги людей в указанной области).

Представляется, что следующие меры стимулирования деятельности по организации воспитания экономического патриотизма позволят добиться того, чтобы экономический патриотизм был действенным политическим инструментом:

- принятие государственной программы, направленной на поощрение повсеместного проведения мероприятий по воспитанию экономического патриотизма (включая поощрение наилучших практик в указанной области, лучших проектов, лекториев, экспозиций);

- проведение совещаний с участием представителей Минпросвещения Российской Федерации и региональных властей, общественных организаций о том, какие меры будут наиболее эффективными в области воспитания экономического патриотизма;
- организация обучения преподавателей по спецкурсу, посвященному изучению индустриального наследия, гидов по промышленным предприятиям и музеям, в которых представлено индустриальное наследие;
- проведение конкурсов по написанию работ, посвященных индустриальному наследию России и регионов.

Таким образом, воспитание экономического патриотизма в виде целенаправленной деятельности по поддержанию в обществе уважительного отношения к индустриальному наследию как отдельного региона, так и России в целом представляет собой действенный политический инструмент, поскольку позволяет достигать социальной сплоченности и лояльного отношения общества по отношению к действующей власти. Изучение индустриальных достижений, в том числе открытий, трудовых подвигов в качестве общего исторического прошлого, содействует формированию чувства солидарности, готовности взаимодействовать с властью и сообща преодолевать общие внутренние и внешние вызовы и угрозы, снижению социальной напряженности и тревожности. Представляется, что принятие государственной программы по принятию мер по воспитанию экономического патриотизма станет рычагом, который позволит власти обрести в обществе опору и поддержку принимаемых решений и социальной стабильности.

Веремеев Н.Ю.
(Минск, ЦП ИС НАН РБ)

СУВЕРЕНИТЕТ И НАРОДОВАЛАСТИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В условиях быстрого развития современных технологий, трансформации общественных отношений и политической практики эксперты все активнее используют для характеристики ключевых сфер жизнедеятельности современных государств традиционные понятия, снабжая их различными прилагательными. Именно это в последнее время происходит с понятиями «суверенитет» и «народовластие».

Понятие «суверенитет» в последние годы вновь вышло на первое место в заголовках научных конференций и экспертных мероприятий. Появилось множество прилагательных, которые различные авторы добавляют к этой классической политологической категории. Их намерение более-менее понятно: желание придать солидность своим текстам и осовременить их, а заодно и предложить свой оригинальный взгляд на проблему. Иногда это удается, но в большинстве случаев такое украшательство «суверенитета» дополнительными навесками смотрится неуместно и антинаучно.

В политической науке проблематика суверенитета всегда оставалась актуальной. Традиционно под государственным суверенитетом понималась самостоятельность и независимость государства в международных отношениях и территориальное верховенство внутри страны. Однако вторая половина XX века ознаменовалась столкновением двух противоречивых тенденций: интеграции и национального обособления. В то время ведущей идеей стало представление о том, что суверенитет имеет относительный характер. В современных реалиях представление о государственном суверенитете обуславливается не только наличием инструментов военно-политического сдерживания, но прежде всего эффективностью экономического развития, способностью государства к быстрой реакции на современные вызовы и угрозы.

В политической плоскости акцент в восприятии суверенитета делается на возможности/невозможности государства реализовывать свои национальные интересы. Политический суверенитет — это возможность принимать политические решения по вопросам внутренней и внешней политики, учитывая имеющиеся в распоряжении государства политические, экономические и иные ресурсы. Правовые аспекты в его содержании выступают своего рода структурой, в рамках которой функционирует политический суверенитет. Государство, допуская принятие на себя определенных обязательств, в рамках осуществления своих полномочий совместно с другими странами, тем самым реализует свой политический суверенитет.

Важной составляющей политического суверенитета выступает суверенитет народа, или народовластие. Как явление политической жизни народовластие представляет собой не только модель общественных отношений, представленных совокупностью обладающих свободной волей индивидов. Современное народовластие выступает неотъемлемым элементом политической системы, который обеспечивает достижение баланса интересов между субъектами политических отношений.

Суверенитет, как важнейший принцип международного права, гарантирующий невмешательство государств в дела друг друга, практически не подвергался сомнению на протяжении XIX–XX веков.

Значительное влияние на отношение к суверенитету стала оказывать тенденция усиления взаимозависимости государств в условиях глобализации. Развитие различных форм глобализации, появление новых субъектов мировой политики и экономики (ТНК) стали бросать ему вызов. Помимо транснациональных корпораций, с критикой суверенитета выступили наднациональные структуры управления, оказывающие определяющее воздействие на формирование экономической политики отдельных государств и регионов современного мира.

В последнее время на первый план также выходит задача эффективной «включенности» в международное разделение труда. Вместе с тем возникновение новых типов экономических вызовов и угроз, новых видов конфликтов цифровой эпохи ведет к размыванию ряда ключевых понятий и принципов организации системы международных экономических отношений, в том числе к попыткам переформатировать содержание государственного суверенитета.

Таким образом, наличие экономического суверенитета является необходимым условием обеспечения экономической безопасности государства, такого состояния экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, гармоничное, социально направленное развитие страны в целом, достаточный экономический потенциал даже при наиболее неблагоприятных вариантах развития внутренних и внешних процессов, поддержание социально-экономической стабильности в обществе.

*Веремеенко В.С.
(Москва, МГИМО МИД России)*

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Эрозия и дальнейший распад основополагающих элементов Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений в конце 1980-х — начале 1990-х гг. создали для мирового сообщества потребность в формировании новых концептуальных подходов и инструментов обеспечения международной безопасности. Однако поиск новых форм взаимодействия во многом привел лишь к попыткам цементирования существующих норм и адаптации государствоцентрической парадигмы под новые реалии и изменившийся баланс сил. Основные механизмы глобального управления по вопросам безопасности и на сегодняшний день остаются в ведении Организации Объединенных Наций (ООН) и других классических международных организаций, а также в сфере интересов великих держав, в частности — постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Параллельно с ростом числа и влияния негосударственных акторов, развитием информационных технологий и, как следствие, распространением трансграничного и трансрегионального взаимодействия новая эпоха мировой политики столкнулась с появлением ранее не известных форм глобальных вызовов. Новые угрозы, такие как международный терроризм, киберпреступность, гибридизация военных конфликтов и др., существенно актуализировали дискурс по вопросам секьюритизации международных отношений и создали новые формы многостороннего взаимодействия, в первую очередь, посредством расширения сотрудничества с транснациональными акторами и в рамках неформальных институтов глобального управления.

Однако выработанные за более чем 30 лет подходы к обеспечению международной безопасности не доказывают своей эффективности. Исследования проблематики безопасности в мировой политике бурно развивались с начала 2000-х гг., но в дальнейшем значительно угасти на фоне отчасти успешного опыта противодействия новым угрозам, с одной стороны, и существенного роста международной конфликтности, с другой стороны. Констатируется ухудшение по многим параметрам глобальной безопасности в течение последнего десятилетия. На 2023 г. ситуация улучшилась в нескольких областях мира и безопасности, но во многих других наблюдалось заметное и последовательное ухудшение (SIPRI Yearbook, 2024).

Эффективность международных институтов, особенно ООН, а также региональных организаций, продолжает зависеть от адекватной степени консенсуса по нормативным вопросам, который на сегодняшний день подорван конфликтами и разногласиями между великими державами, блокирующими большинство наиболее эффективных инструментов международного урегулирования вооруженных конфликтов и противодействия глобальным угрозам безопасности.

Неэффективность нынешних подходов к управлению конфликтами видится не только в отсутствии единства цели среди ведущих держав, но и в структуре многих современных конфликтов, а также в неверно направленных и контрпродуктивных действиях ключевых правительств и их лидеров. Вместе с этим на глобальном уровне отсутствуют эффективные инструменты урегулирования противоречий между великими державами, как и плодотворные инициативы по всестороннему участию мирового

сообщества в мирном регулировании, поддержке договорных основ ограничения вооружений, информационной безопасности, борьбе с климатическими угрозами.

Важно отметить, что негативное влияние изменения климата на международную безопасность получает все большее признание, но не повсеместно. В то время как изменение климата подрывает условия для поддержания мира и безопасности мировой политики, рост конфликтов, нестабильности и беспорядков усугубляет трудности в достижении соглашений по замедлению глобального потепления.

Нерешенным остается вопрос «слепых зон» современной международной безопасности, когда нормативные основы мировой политики существенно ограничивают или делают невозможным участие международного сообщества в урегулировании конфликтов и борьбе с глобальными угрозами в разных регионах мира. Современный инструментарий международного взаимодействия в обеспечении региональной и международной безопасности нуждается в адаптации к новым реалиям, когда в определенных условиях некоторые сепаратистские и террористические организации могут приобретать ряд квазигосударственных черт в ходе конфликтов, усиливая свое влияние на ситуацию в регионе.

Из-за отсутствия достаточного количества механизмов по международному сотрудничеству и должному контролю за деятельностью негосударственных акторов в сфере борьбы с глобальными вызовами безопасности мировое сообщество до сих пор лишено доступа к эффективным подходам, используемым в сотрудничестве транснациональных корпораций и неправительственных организаций, в первую очередь, в гуманитарной сфере. Одновременно это создает дополнительную угрозу для превышения полномочий, развития теневых механизмов взаимодействия и обострению угроз безопасности в зонах, неконтролируемых институтами глобального управления. В теоретическом и практическом смысле современная мировая политика нуждается в формировании качественно новых подходов к вопросу взаимодействия по вопросам безопасности, в первую очередь с точки зрения пересмотра классического позитивистского и государствоцентрического подхода к проблематике.

Веретевская А.В.
(Москва, МГИМО МИД России)

СОЗДАНИЕ «ИНТЕГРИРУЮЩЕЙ СРЕДЫ» КАК ИМПЕРАТИВ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В РОССИИ И В МИРЕ

Вследствие возросшей турбулентности мировой политики границы многих стран на целом ряде направлений утратили прозрачность. Мировые миграционные потоки однако отнюдь не иссякли. Задача по интеграции мигрантов различных категорий ежедневно встает перед политическими институтами принимающих государств и сегодня.

Идущая до недавнего времени по нарастающей глобализация имела следствием повышенный (в абсолютном выражении — беспрецедентный в истории) уровень межстрановой и межкультурной мобильности. Многие государства столкнулись с необходимостью сформировать собственные стратегии миграционной политики. Большинство российских и зарубежных ученых¹ считает политику интеграции мигрантов стандартной составляющей миграционной политики, однако совсем не везде стратегия интеграции мигрантов является частью стратегии миграционной политики. Более того, в России, например, Концепция государственной миграционной политики² вовсе не содержит такого термина, а разработанный Федеральной миграционной службой и затем предложенный Федеральным агентством по делам национальностей законопроект о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ был дважды отвергнут законодателями. Комплексной интеграционной стратегии в отношении мигрантов у России так и нет. Учитывая постоянно растущую потребность в рабочей силе и очевидную экономическую заинтересованность государства в трудовых мигрантах из зарубежья, такой подход выглядит недальновидным.

России как экономическому лидеру постсоветского пространства необходима взвешенная миграционная политика, максимально ориентированная на грамотную интеграцию приезжих в принимающее общество и государство. Мировая политическая практика знает достаточно интеграци-

¹ См., например, Прудникова Т.А. Адаптация и интеграция мигрантов в российское общество как фактор предупреждения незаконной миграции // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 203–206; Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105–111; Bernard A. Levels and patterns of internal migration in Europe: A cohort perspective // Population Studies. 2018. Vol. 71. No. 3. P. 293–311.

² Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 20.09.2024).

онных моделей (от сегрегации до интеркультурализма), не обладая, однако, убедительным ответом на вопрос об оптимальной интеграционной стратегии, которая бы подходила всем. Выработка такой стратегии поэтому оказывается прерогативой каждого отдельного государства, которое делает это на свой страх и риск.

Начало работы над стратегией такого рода неизбежно приводит к необходимости определить базовые понятия. Первым из них оказывается понятие «интеграция». Даже беглый взгляд на научные труды по интеграционной проблематике приводит к выводу о том, что понятие «интеграция» не обладает четким определением и не разграничено с близкими терминами, такими, например, как адаптация, ассимиляция, аккультурация и др. Иногда эти понятия используются как синонимы, иногда стоящие за ними явления, наоборот, противопоставляются друг другу, что в итоге приводит не только к терминологической, но и к фактологической путанице. Для того чтобы интеграционная политика работала в конкретных страновых рамках, у интеграции должно быть четкое определение, которое бы отражало основные ценностные императивы государства, принимающего стратегию.

Эффективность инструментов интеграционной политики (какая бы она ни была) напрямую зависит от того, насколько они отвечают тем реальным целям, которые государство ставит перед собой. Опыт как старых принимающих стран (США и Канада, Австралия и Новая Зеландия), так и стран, отнесенных к недавно столкнувшимся с необходимостью решать миграционные проблемы на своей территории (европейские страны), говорит именно об этом. Везде, где интеграционные механизмы были использованы несистемно либо где их функционал расходился с реальными (а не номинальными) целями интеграционной политики, интеграция (можно взять ее в широком определении, предложенном Л. Кононовой и В. Леденевой¹, как деятельность уполномоченных государственных органов по встраиванию иностранных граждан (лиц без гражданства), принявших решение остаться в стране приема, в структуру политических, экономических и социокультурных связей граждан страны приема согласно выбранной государством стратегии интеграции, с привлечением к этой деятельности органов местного самоуправления, общественных организаций и других структур гражданского общества) «проваливается».

России, как и другим государствам, необходима сбалансированная миграционная политика с четко проработанной интеграционной стратегией, в основе которой должен лежать комплекс интеграционных инструментов, применяемых не случайно и не по отдельности, но системно, в рамках созданной для этого «интегрирующей среды». Очень важно, чтобы эта среда одновременно отвечала ценностным ориентирам государства и его институциональным возможностям.

Верниченко М.А.
(Москва, ГУУ)

О ЦИКЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ МОДЕРНИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ*

Своеобразие модернизационного процесса в России, может быть, самого примечательного, состоит в волнообразном, цикличном характере его исторического развития, то есть чередовании относительной либерализации с последующими волнами консервативной реакции.

Время начала модернизации в России остается дискуссионным вопросом. Большинство исследователей традиционно связывают модернизацию с реформами Петра I (Е. Рашковский, В. Красильщиков). Согласно «волновой» концепции В. Пангина, модернизация с некоторыми элементами «вестернизации» началась во времена Бориса Годунова (1552–1602) и Лжедмитрия I (1605–1606).

Наиболее отчетливо модернизационные циклы проявляются начиная с эпохи Александра I, с его либеральных начинаний и проектов государственного устройства М. Сперанского, во многом заимствованных у западных просветителей. Однако правление Николая I с введением политического сыска, жесткого контроля всех сторон жизни перевели страну в консервативное развитие.

Следующий цикл начался либеральными реформами 1860–1970-х годов при Александре II, включившими не только освобождение крестьян, но и прогрессивные реформы во многих сферах (судебная, местного самоуправления, образования, военная), которые затем при Александре III сменились контрреформами. То есть либеральные по духу преобразования были заблокированы, возвращены в первоначальное состояние, а то и вовсе отменены.

¹ Кононов Л.А., Леденева В.Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 4. С. 103–112.

* Статья подготовлена за счет средств федерального бюджета по государственному заданию. Наименование научной темы «Ценностные и политико-культурные факторы трансформации либеральной и консервативной политической мысли в России: исторический контекст и современный дискурс»; рег. номер — 1024030400023-5-5.6.1, код (шифр) научной темы — FZNW-2024-0032.

Затем последовал наиболее драматичный по своему воплощению цикл, начатый первой русской революцией, вызвавший реформирование политической системы государства. Появление первого в истории страны парламента, многопартийность, политические свободы заметно изменили облик страны. Этот этап завершился революцией в октябре 1917 года и политикой «военного коммунизма», вызванного гражданской войной и уничтожением всех преобразований и свобод, развившихся в начале цикла.

Советский период не отменил циклического развития страны. Цикл «военного коммунизма» сменился относительно либеральным НЭПом и последовавшим затем «великим переломом» в жизни страны, то есть полным огосударствлением всех сфер общества. Жесткая тоталитарная эпоха закончилась с уходом из жизни И. Сталина. Начало следующего цикла связано с периодом «оттепели» и реформами Н. Хрущева, направленными на изменение системы партийно-государственного руководства. Но при Л. Брежневе и М. Суслове происходит ужесточение политической и идеологической линии, усиление ведомственного централизма, подавление диссидентского движения и т.д.

Наконец, современный цикл был открыт горбачевской «перестройкой» и принятием новой конституции, положившей начало радикальному реформированию политической системы, включавшей разделение властей, формирование многопартийности и демократическую выборную систему.

В рамках современного цикла (президентство В. Путина) публицисты либерального толка уже обнаружили тенденции к появлению консервативных черт в политической и экономической жизни, что послужило поводом, по их мнению, для массовых демонстраций либеральной интеллигенции в ряде городов в конце 2011 и начале 2012 года.

Обозначившийся консервативный поворот в российском обществе, вызванный либеральными трансформациями и его негативными последствиями, не представляется исключительно ситуативной реакцией. Скорее он показывает, что либерализм конца 80–90-х являлся так или иначе поверхностным слоем общественного сознания, во многом обусловленным в том числе пропагандистским воздействием. В этом смысле глубинное массовое сознание возвращает консерватизму свои права, подтверждая тот факт, что в России исторически существует некая единая консервативная традиция, которая при этом не остается неизменной, а, напротив, показывает способность к саморазвитию.

Есть ли основания и перспективы у либерализма в России? Безусловно есть, поскольку российский либерализм имеет уникальные исторические и культурные контексты, где традиционные ценности и авторитарные тенденции часто пересекаются с либеральными инициативами, которые в состоянии трансформироваться в актуальные проекты.

Таким образом, основным отличием российского либерализма от западного является степень реализации либеральных принципов. Западный либерализм стремится к стабильной демократии и к различного рода свободам, тогда как российский либерализм находится в состоянии постоянного диалога с авторитарными тенденциями и консервативными историческими традициями, что затрудняет полное встраивание либеральных идей в общественную практику, но при этом позволяет создавать баланс общественных сил и интересов.

Видясов Е.Ю.

(Санкт-Петербург, Университет ИТМО),

Слав Ю.Э.

(Санкт-Петербург, Совет муниципальных образований),

Чугунов А.В.

(Санкт-Петербург, Университет ИТМО)

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ, РЕГИОНАЛЬНЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И ПРОГРАММ*

Исследование специфики применения экосистемного и платформенного подходов в сфере государственного и муниципального управления актуализировалось в значительной степени на фоне повышения значимости фактора цифровых трансформаций в экономической и социальной жизни, что все нагляднее проявляется в последнее десятилетие.

Имеется значительное количество исследований, посвященных различным аспектам и специфике внедрения концепции «Государство как платформа» (*Government as a Platform*) на федеральном и региональном уровнях. В этой связи отмечается, что в настоящее время происходит

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов». URL: <https://rscf.ru/project/23-18-20079/>.

не только поступательное развитие централизованной платформы «ГосТех», но и видна целенаправленная работа по повышению участия государства в деятельности коммерческих цифровых платформ, таких как Яндекс, Сбер и ВКонтакте. Можно зафиксировать некоторые реперные точки данного процесса.

В 2018 г. Центр стратегических разработок опубликовал концептуальный документ «Государство как платформа», а разработчики национальной программы «Цифровая экономика в Российской Федерации» в паспорте федерального проекта «Цифровое государственное управление» в качестве цели обозначили внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг. Сейчас практически сформирована новая программа в формате национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (перечень поручений Президента РФ по результатам послания Федеральному Собранию от 30 марта 2024 г.). И что характерно, впервые федеральные нормативные документы, связанные с цифровизацией, включили и муниципальный уровень. Указом Президента (от 30 марта 2024 г.) утверждены целевые показатели и задачи, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

В п. 8 Указа Президента обозначены целевые показатели по достижению к 2030 г. «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, увеличения до 99% доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме, обеспечения повышения уровня удовлетворенности граждан качеством работы государственных и муниципальных служащих и работников организаций социальной сферы не менее чем на 50%.

Результаты исследований и практико-ориентированные проекты, реализуемые Центром технологий электронного правительства (ЦТЭП) Университета ИТМО совместно с партнерами, позволяют высказать предположение, что «слабым звеном» при реализации задач цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы является «разрыв» между федеральными/региональными программами и цифровыми инициативами органов местного самоуправления. Это связано, в первую очередь, с институциональными проблемами, в частности с отсутствием у органов местного самоуправления полномочий в сфере цифровизации, что вызывает в том числе и проблемы с бюджетированием этого процесса.

Вышеизложенные проблемы в контексте развития цифровых экосистем в настоящее время изучаются в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом и Санкт-Петербургским научным фондом. Муниципальная специфика изучается в тесном сотрудничестве с Советом муниципальных образований Санкт-Петербурга и опирается на следующие заделы:

- Проект РФФИ (аспирантский) «Электронное участие граждан в городском управлении на примере Санкт-Петербурга» (2019–2021).
- Результаты международного проекта «Расширение возможностей бюджетирования на основе участия граждан в регионе Балтийского моря» (2019–2021), где был изучен опыт внедрения систем инициативного бюджетирования в Санкт-Петербурге (МО «Московская застава»), Ленинградской области и Республике Карелия.
- Инициативное исследование Совета муниципальных образований Санкт-Петербурга и ЦТЭП ИТМО «Перспективы муниципальной цифровизации в Санкт-Петербурге» (2023).
- Социологический опрос о востребованности цифровых сервисов жителями Санкт-Петербурга (2024), осуществленный через платформу экосистемы «Единая карта петербуржца» (репрезентативная выборка по полу и возрасту 3 тыс. респондентов).

В 2024–2025 гг. в рамках этого направления планируется провести комплексное исследование с целью изучения отношения к цифровым сервисам и их результативности для развития города трех аудиторий: жителей города, сотрудников исполнительных органов государственной власти и сотрудников органов местного самоуправления Санкт-Петербурга.

ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ АНАЛИТИЧЕСКИМИ ЦЕНТРАМИ И ЭКСПЕРТНЫМ СООБЩЕСТВОМ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН (КЕЙСЫ ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ) *

Доклад основан на результатах исследования реакции экспертного сообщества зарубежных стран на прошедшие в 2024 году выборы Президента Российской Федерации.

Объектом исследования стали публикации в СМИ, а также доклады и комментарии аналитических (мозговых) центров Германии и Италии в связи с предвыборной кампанией и подведением итогов президентских выборов 2024 года.

Обзор публикаций в СМИ происходил как с использованием автоматизированных систем (поиск по новостям *Google* и зарубежный коммерческий информационно-аналитический агрегатор), так и вручную, в том числе по сайтам соответствующих СМИ. В общей сложности в обзор было включено 829 публикаций на итальянском языке (из них 778 были сделаны СМИ, базирующимися в Италии), а также 742 публикации на немецком языке (из них 556 было сделано СМИ, базирующимися в Германии).

Обзор показал достаточно высокую степень политизированности публикаций относительно российских выборов: чаще всего публикации носили эмоциональный характер и повторяли тезисы соответствующих национальных политиков и российских оппозиционных политиков и экспертов, проживающих в западных странах. При этом общая тональность публикаций в медийном пространстве Италии была более нейтральной по сравнению с медийным пространством Германии, где информационное освещение выборов в России часто сопровождалось редакционными статьями, раскрывающими отдельные сюжеты российской политики с субъективной точки зрения автора и с минимальной фактической аргументацией, которая часто использовалась избирательно для поддержки авторской точки зрения. СМИ в итальянском информационном пространстве допускали нейтральные публикации альтернативных точек зрения собственных политиков в отношении выборов в России, в то время как СМИ в германском информационном пространстве сопровождали публикацию такого рода мнений комментариями относительно их маргинальности и ангажированности российской стороной. Комментарии российских экспертов и политиков, проживающих в настоящее время в России, при подготовке публикаций не использовались.

Обзор публикаций аналитических центров исследуемых стран осуществлялся путем изучения публикаций на официальных сайтах. Для обзора в каждой стране были выбраны ведущие аналитические центры, занимающиеся международными отношениями. Здесь реакция итальянского экспертного сообщества оказалась значительно менее активной и более сдержанной — непосредственно выборам не было посвящено сколько-нибудь значимых экспертных публикаций (фактически только один из исследуемых аналитических центров осветил эту тему), они носили характер комментариев, отражающих доминирующую общественно-политическую позицию. Реакция аналитических центров Германии была более разнообразной: выборы получили освещение в 12 аналитических центрах. Практически везде экспертные публикации носили политико-идеологический характер, что подтвердилось результатами контент-анализа: использование эмоционально окрашенных выражений, отсутствие обзора различных точек зрения, постулирование тех или иных политических позиций. Российские эксперты, проживающие в настоящее время в России, не привлекались к подготовке этих материалов, равно как не использовались их научные и экспертные публикации.

Полученные результаты позволяют сделать выводы о применяемых теоретических и идеологических моделях, используемых экспертами исследуемых стран для интерпретации ключевых политических процессов в России, а также сформировать соответствующие теоретико-практические рекомендации для российских экспертов и практиков.

* Исследование выполнено по гранту ИЭСИ в ИНИОН РАН № 124101700551-1 «Президентские выборы 2024 г. в России: реакция в ближнем и дальнем зарубежье и стратегии дальнейшей легитимации электоральных результатов».

Виноградова И.М.
(Екатеринбург, ИФиП УрО РАН)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В современных исследованиях все чаще уделяется внимание изучению технологий больших данных (*Big Data*) и искусственного интеллекта (*AI*, далее — ИИ) и их влияние на социально-политические процессы.

Технологии *Big Data* сами по себе представляют лишь набор большого количества разнородных данных о человеке, окружающей среде и обществе, который возможно использовать лишь при его анализе и последующем структурировании. Для этого сегодня применяются технологии искусственного интеллекта, системы, которая имитирует интеллектуальные возможности и поведение человека. Благодаря ИИ в цифровом мире стало возможно использование нейронных сетей (далее — нейросетей) — алгоритмов, которые с помощью специально созданной архитектуры и использованием *Big Data*-технологий могут решать абсолютно разные интеллектуальные и творческие задачи, в том числе в политической сфере от мониторинга избирательных процессов до помощи в принятии политических решений. Одним из потенциальных рисков таких инструментов является применение их в недобросовестных целях, например, технологии «дипфейков» (*deepfakes*) — медиаконтент на основе ИИ, синтетически создаваемый посредством генерирования нейросетями по генеративно-состязательному принципу новых изображений, видеороликов, аудиофайлов из исходных наборов данных¹, позволяющие подменять личности политиков в формате изображения, видео- или аудио-записи с помощью технологий распознавания лиц и голосов.

Применение ИИ-технологий и нейросетей сегодня не является повсеместным, но уже проникает в политическую повседневность, в том числе — в деятельность политических партий, например, существуют партии, управляемые ИИ (Финская партия ИИ (*Suomalainen Koneälypuolue*) как арт-проект; датская Синтетическая партия (*Det Syntetiske Parti*)).

В российской практике также постепенно внедряются нейросети: они применяются для создания изображений для агитационных материалов (*Midjourney*, Кандинский, Шедевр), для создания текстов постов в социальных сетях и написания речей для своих лидеров (*ChatGPT*, *YandexGPT*, *GigaChat*, *Heliograf*), для создания видеоконтента от предвыборных роликов до обработки видеозаписей совещаний (*Genmo*, *Stable Video Diffusion*). Отдельными формами применения нейросетей российскими политическими партиями являются ИИ «Жириновский», созданный в 2023 году партией ЛДПР на основе публичных выступлений экс-лидера партии, и голограмма В. Ленина, презентованная в 2023 году на VII съезде молодежного крыла партии КПРФ. Партия «Новые люди» в 2024 году запустила массовый образовательный курс «Нейростарт» по обучению граждан базовым навыкам владения нейросетями и «Лабораторию ИИ» для субъектов МСП. Однако сегодня в России создание агитационных материалов с применением нейросетей является вопросом для обсуждения, так как эта сфера слабо регламентирована российским законодательством как в сфере защиты и реализации избирательных прав граждан, так и в сфере авторского права и защиты интеллектуальной собственности.

Сегодня искусственный интеллект может быть эффективен в реализации большинства функций политических партий. Условно можно разделить возможности использования нейросетей в партийной деятельности на следующие функциональные категории: электоральные, коммуникативные, аналитические, предикативные, организационные.

Рассмотрим несколько примеров применения нейросетей в разрезе функциональных категорий. Электоральные функции связаны с реализацией права партий на участие в выборах разного уровня: нейросети полезны в создании стратегии кампании и агитационного контента (тексты, изображения, видео), в анализе ситуации на избирательных участках через онлайн-наблюдение, а также в управлении кампанией и мобилизации электората с помощью *CRM*-систем. Коммуникативные функции направлены на построение диалога между партией, электоратом, обществом и государством: нейросети помогают в создании чат-ботов, подготовке ответов на обращения граждан и спичрайтинге, в создании персонализированных сообщений на основе психографической сегментации и анализе поведения избирателей, позволяют настроить высокоточный таргетинг на сегментированную аудиторию и т.д. (например, вклад *Cambridge Analytica* в победу Д. Трампа в 2016 г.). Аналитические возможности нейросетей проявляются, например, в мониторинге общественных настроений, обсуждаемых тем и СМИ, а также в распознавании фейк-новостей. Предикативная функция ИИ позволяет прогнозировать наступление будущих событий,

¹ Ильина Е.М. Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14. № 3. С. 403–421.

а также предсказывать результаты выборов. Организационные преимущества нейросетей заключаются в повышении эффективности инструментов управления, оптимизации фандрайзинга и партийного бюджета.

Виноградова Н.С.
(Москва, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ))

ВЛИЯНИЕ СВО НА ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Восприятие происходит в динамически изменяющемся политическом контексте. Происходящие в стране и в мире события трансформируют не только текущую действительность, но и ее восприятие обществом. Меняются представления о стране, о ее роли и месте в мире и о собственном месте каждого члена общества. Предметом данного анализа стали мнения современной студенческой молодежи о современном образе страны, которые были получены в результате опроса общественного мнения в декабре 2023 года, проходившего в 42 регионах РФ, в том числе в ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областях.

В ходе исследования нас интересовало, какие трансформации произошли в сознании студенческой молодежи о самих себе, о нашей стране и ее образе под влиянием быстроменяющегося политического контекста и социальной реальности, обусловленной началом специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 года. Мы исходили из того, что восприятие своей страны в студенческой среде — неоднородно, и предположили, что в ответ на хрупкость этого мира одни представители студенчества могут реагировать активно, формулируя четкие мировоззренческие установки, тогда как другие занимают более пассивную и неопределенную позицию. Свои задачи мы видели в том, чтобы понять, какие политико-психологические механизмы работают в том и в другом случае и как реагируют на современные вызовы студенты, проживающие в России, и студенты, проживающие на территориях, которые были присоединены к России (из ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей).

Образ России анализировался в разрезе политико—психологического подхода и факторной модели политического восприятия. Данная модель состоит из объектного, субъектного, темпорального, коммуникативного и пространственного факторов, в статье фокус внимания смещен на территориальный (пространственный) и темпоральный срезы. Пространственный фактор раскрывается в изменении политической и географической картины мира, темпоральный фактор ориентирован на анализ влияния истории в целом и исторической памяти на современную картину и на будущий образ страны, на отношение респондентов к своей стране.

Интересны ответы респондентов на открытый вопрос о пределах, которыми для них ограничивается Россия. Было получено большое количество вариантов ответов, которые были закодированы и сгруппированы по смыслам. В результате большинство из числа всех опрошенных (59,8%) считают, что «у России нет границ»: «Россия безгранична», «Не ограничивается ничем» и др. 35,2% респондентов ограничили Россию ее существующими географическими, территориальными и государственными границами. 2,2% респондентов считают, что Россия располагается «от Калининграда до Чукотки», или «от Волги до Енисея», то есть респонденты выбрали стереотипные характеристики границ России из географии, музыкальных произведений и др. Еще одной группой ответов стали мнения, связанные с морально-нравственными границами России (1,5%). Исторические границы получили наименьшее количество откликов — 1,3%, например, были предложены «Границы СССР». Интересно мнение студентов из ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей о пределах, которыми для них ограничивается Россия. Так, большинство студентов (68,8%) также считают, что «у России нет границ», а 23,9% ограничили Россию своими географическими, территориальными и государственными пределами. Из полученных ответов стало ясно, что восприятие студентов из ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей когнитивно сложнее, так как происходят изменения на их малой Родине (присоединение к России, военный конфликт). У них возникает ассоциация, что «Россия безгранична», то есть бессознательно они не определяют границы нашей страны, в том числе и границы своих регионов внутри России. В связи с этим явно необходима дополнительная работа государства по созданию большего количества связей на культурном, историческом, событийном и других уровнях, чтобы произошла интеграция и на бессознательном уровне.

При этом по итогам исследования было получено, что 80% молодых людей считают себя патриотами. Все студенты, в том числе и из ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей, гордятся тем фактом, что «они — русские». В то же время было выявлено неоднозначное отношение молодежи к СВО. У ряда молодых людей отсутствует четкая позиция, отмечается пассивность, растерянность и непонимание происходящего. Большое количество респондентов затруднились ответить или не смогли отметить, за что они могут испытывать гордость. Для преодоления данной ситуации

необходимо дополнительное использование различных каналов коммуникации между государством и молодежью, в которых будут демонстрироваться исторические и современные события, которыми можно гордиться.

Внукова Л.Б.
(Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА К ИСТОРИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ (НА МАТЕРИАЛАХ ОНЛАЙН-АНКЕТИРОВАНИЯ)*

Данные, рассматриваемые в тезисах, — это результаты исследований 2022–2023 гг. В первом исследовании использовался проективный метод рисунка с целью имплицитно выявить отношение к общественно чувствительным темам. Второй опрос был нацелен на сбор обратной реакции в форме свободных нарративных ответов на избранные рисунки, отражающие весь спектр мнений. С конца мая по начало июля 2023 г. на платформе «Анкетолог» была размещена анкета, всего было получено 282 ответа. На представления респондентов могут оказывать значимое влияние возраст, регион проживания и род занятий. Для анализа в данной работе нами была выделена группа ответов, в которых было указано место проживания Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика (52 и 9 соответственно). Поскольку ответов мало, мы сравним в целом мнение жителей Донбасса с общим массивом данных, чтобы заметить отличия и выявить тенденции, если таковые обозначатся. (Данные по общему массиву представлены в статье: Внуков Л.Б. Отношение к историческим событиям и представления о месте и роли России в современном мире: на материале онлайн-анкетирования // Социодинамика. 2023. № 11. С. 126–139. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.11.68825. URL: https://e-notabene.ru/pg/article_68825.html).

В группе жителей Донбасса в основном проявили интерес к опросу две возрастные группы 41% ($\pm 1,7\%$): от 15 до 24 лет и от 35 до 55 лет — молодежь и люди среднего возраста (28 мужчин и 33 женщины). Ответы на вопрос «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?» у этой группы смещены в сторону выбора «по большей части не устраивает» (почти одна пятая выбрали этот вариант против 8,2% по общему массиву), соответственно меньше доля других категорий ответов. Уточняющий вопрос относительно материального положения показал, что чуть больше половины выбрали ответ «достаточно обеспеченных людей: денег хватает на питание, жилье, одежду, образование, отдых, товары длительного пользования», оставшаяся часть считает себя недостаточно обеспеченными людьми: «денег хватает в основном на питание, жилье, товары первой необходимости». По социальному положению примерно 70% ответивших — люди, связанные с университетом — студенты или работающие «в государственном/бюджетном учреждении», люди с высшим образованием, включая несколько высших образований или ученую степень. Таким образом, в данной работе опрошенными жителями Донбасса являются, по большей части, представители университетской среды и госучреждений.

Аудитория, проявившая интерес к исследованию, более политизирована, чем общий массив — на вопрос «В какой мере Вы в настоящее время интересуетесь политикой?» более двух третей указали, что интересуются постоянно, не интересуются только около 10% опрошенных. Вопрос о доверии источникам информации о событиях на Донбассе показал, что больше половины, так же как и все ответившие, доверяют «интернет-СМИ, социальным сетям, мнению блогеров, в том числе из Донбасса», отличие состоит в большей доверии российскому телевидению и официальной позиции России, а также «информации от знакомых людей», что вполне логично.

Если сравнить блок вопросов касательно оценок исторических событий, то большинство опрошенных жителей Донбасса примерно в полтора раза чаще указывали отрицательное отношение к распаду СССР и смене власти на Украине в ходе майдана. У этой группы более выражено положительное отношение к присоединению Крыма к России, образованию Донецкой и Луганской народных республик и проведению специальной военной операции (СВО). События, которые непосредственно взаимосвязаны с новейшей историей Донбасса, вызывают более консолидированные оценки, например, смена власти на Украине в ходе майдана и вхождение в состав РФ новых субъектов в 2022 г. Последнее целиком положительно оценили 83,6% опрошенных жителей Донбасса против 52,8% в целом среди всех ответивших, более чем у двух третей были конфликты по поводу ситуации на Украине в кругу семьи и/или друзей/знакомых против 55% общего массива.

Вопрос о том, что формирует чувство общности с другими людьми, показал в основном схожие результаты со всеми опрошенными, главный выброс из статистики — 77% представителей ДНР и ЛНР

* Публикация подготовлена в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН, № государственной регистрации 122020100350-2.

«в значительной степени» ощущают общность к людям, пережившим (и переживающим) трудности вооруженного конфликта вместе со мной, против 47,5% в общем массиве.

Что касается обратной связи на предложенные рисунки и свободных нарративных ответов определения России, то, так же как и в других группах, представлено разнообразие мнений, порой прямо противоположных: например, мнение о России: «Талантливый народ. Прекрасная природа. Мерзкие чиновники», «Беспорядок, сила, тоска» в противовес «несокрушимая, огромная, справедливая» или «Духовность. Сила. Победа».

Анализ выделенной из общего массива группы жителей ДНР и ЛНР показал наличие определенных тенденций в оценках исторических событий, отношении к идентичности. Во многом мнение по отдельным вопросам коррелирует либо совпадает со всеми опрошенными.

Возмитель И.А.
(Москва, РУДН)

ДВУСОСТАВНАЯ УКРАИНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В результате распада СССР произошло становление новой геополитической реальности, которая включала в себя новые цели и задачи для субъектов международной политики. Вследствие распада Советского Союза в украинском государстве начала происходить поляризация — процесс формирования политических полюсов. С конца XX века можно выделить три полюса: западный, восточный и центральный.

Основной политический вызов был в определении современных цивилизационных моделей, которые могли бы повлиять на уровень жизни граждан Украины. На практике данный выбор был реализован в сотрудничестве с международными организациями. Западный полюс имел первостепенную задачу налаживания связи и сотрудничества Украины с Европейским союзом и НАТО. Восточный же полюс, в свою очередь, был нацелен на выстраивание отношений с Евразийским экономическим союзом. Условия выбора, которые были поставлены перед Украиной, имели свою собственную роль в глобальном контексте противостояния двух сверхдержав — России и США.

Из вышесказанного можно сделать очевидный вывод, что поляризация была обусловлена тем, что данные организации не являются друг другу союзниками, тем самым два полюса — США и Россия, посредством разделения общества, пытались достичь своих политических целей. В то же время обе стороны были осведомлены о том, что в стране существует региональная поляризация, и поэтому пытались найти способы взаимодействия с уже существующими территориальными объединениями.

Термин «цивилизация» в данном случае важно рассматривать в качестве определенного регионального типа культуры (или «культурно-исторического типа»), который может характеризоваться как чертами дикости, так и цивилизации¹. По А. Тойнби, цивилизация — это «устойчивая общность людей, объединенных духовными традициями, сходным образом жизни, географическими, историческими рамками»².

В Украине можно констатировать факт формирования двух цивилизаций, развивающихся по разным направлениям. Территория, которая стала украинским государством в 1991 году, фактически была перекрестком цивилизаций на протяжении нескольких тысячелетий. Земли, которые составили территорию независимой Украины после распада СССР, впервые оказались в границах одного государства только в 1939 году. Конкретно УССР, будучи субъектом Советского Союза, обрела свой окончательный облик лишь в 1954 году после передачи Крымского полуострова из состава РСФСР³.

С. Хантингтон описывал это следующим образом: «Многие бывшие советские республики также разделены линиями разлома между цивилизациями, отчасти оттого, что советское правительство изменяло границы для того, чтобы создать разделенные республики, когда русский Крым отошел к Украине, а армянский Нагорный Карабах — к Азербайджану. Украина разделена на униатский националистический, говорящий по-украински запад и православный русскоязычный восток»⁴.

Украина находится не только на стыке цивилизаций, она еще цивилизационно разорвана изнутри, что провоцирует противостояние в обществе. Запад для реализации своих целей в цивилизационном противостоянии с Россией предпринимал серьезные организационные и финансовые усилия по формированию на Украине антироссийских элит и прозападных настроений в украинском обществе,

¹ Кантор К. Двойная спираль истории: Историсофия проектизма. Общие проблемы. М.: Язык славянской культуры, 2002. — 904 с.

² Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Айрис пресс, 2002.

³ Мельничук С.В. Происхождение и особенности региональной поляризации во внешнеполитических ориентациях населения Украины // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. 2023. Т. 9. № 2. С. 116–127.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Litres, 2014. — 306 с.

в итоге он поставил под полный контроль украинские элиты. Попытки части украинских элит проводить многовекторную политику в отношении двух цивилизаций были обречены, поскольку Украина, находясь между двумя полюсами силы, неизбежно должна была быть поглощена одним из них.

В качестве примера цивилизационного противостояния важно вспомнить «оранжевую революцию» 2004 года. Основной движущей силой была украинская молодежь на западе, которая оказалась самым активным протестующим сообществом. Посредством инструментов публичной дипломатии США взяли под контроль сознание западного молодого поколения Украины. Студенты представляли себе новую политику, которая при интеграции с Европой сильно улучшит экономическое состояние страны. Основной посыл заключается в стремлении изменить украинское общество и следовать ценностям европейской цивилизации.

Два полюса, определявших тренды политического противостояния, составили региональные общности с существенными культурно-цивилизационными отличиями. Эти отличия определили предпочтения жителей данных регионов относительно внешнеполитического позиционирования Украины. Фундаментальные различия во взглядах привели к существенному росту общественных противоречий, вследствие чего эти противоречия привели к росту консолидации населения страны со своими полюсами.

Волгин О.С.
(Москва, МГИМО МИД России)

О ВОЗМОЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Чтобы говорить о возможных последствиях цифровой революции для человека и общества, нужно сначала понять суть ее основания, которым является цифровая информация. Без понимания природы цифровой информации невозможен продуктивный анализ тех возможностей, ограничений и трудностей, которые нас ожидают в цифровом обществе.

Цифровой называется информация, передаваемая дискретно. Сегодня мы с полным правом говорим о начале цифровой революции. Первый вопрос, на который мы должны дать ответ: является ли она такой же значимой для общественного прогресса, как и предыдущие промышленные революции? На самом деле она отличается от предыдущих не только своими количественными последствиями, проявляющимися в величине используемой человеческой энергии и объеме производимых материальных благ, но и качественно, поскольку массовое внедрение во всех сферах жизни цифровых технологий и объединение их в сетевые структуры вызывают к жизни принципиально новую производительную силу, своего рода могущественного джина — Искусственный Интеллект.

Оставим фантастам право фантазировать на предмет обретения компьютерной системой разума. Однако некоторые первые следствия цифровой революции уже влияют на нашу жизнь, а некоторые мы можем с определенной точностью предсказать.

Следует заметить, что любая революция заключает в себе элемент утопической надежды. Когда общество переживает фундаментальную революцию, то кажется, что перед ним открываются возможности такой разумной организации жизни, где больше не будет анархии и насилия.

Попробуем трезво оценить плоды цифровой революции, имея в виду, что они могут быть не только сладкими, но и горькими.

Действительно, все прежние промышленные революции, какие существенные новации они бы ни несли обществу, принципиально не меняли базовые характеристики социального бытия, а именно его пространство и время. Особенность цифровой революции в том, что она может свести их практически к нулю. Благодаря цифровым технологиям пространство перестало быть препятствием для производственной и культурной коммуникации. Принимая участие в экономических, политических или культурных контактах, люди имеют возможность обмениваться информацией почти мгновенно, как замечал Билл Гейтс — «со скоростью мысли» (Гейтс, 2001).

Что касается временной характеристики общественного бытия, то в этом отношении цифровые технологии тоже привели к фундаментальным изменениям — победе над энтропией, которой не может противостоять аналоговая информация. Энтропия «стирает» аналоговые оригиналы; у цифровой информации такой угрозы нет, так как любая цифровая копия качественно не отличается от оригинала. Как следствие, с началом цифровой революции стало возможно хранить информацию в цифровом формате в системе блокчейна, что делает ее по сути вечной и вседоступной. В идеале поистине людям удалось создать аналог «демона Лапласа», воображаемого существа, которое, благодаря технологии больших данных, знает настоящее и видит очертания будущего.

Сжатие социального пространства и преодоление времени делают социальный мир стянутым, так что в каждой его точке откликаются события, происходящие в других частях мира. Чрезвычайно воз-

растает плотность социальных связей и взаимозависимость событий. Вместе с этим стянутость социального мира порождает и новые проблемы. Некоторые из них мы ощущаем уже сегодня.

Еще Жак Аттали в книге «На пороге нового тысячелетия» высказал предположение, что формируется общество «номадического» типа, где, несмотря на открывшуюся возможность всеобщего доступа к значимой информации, она не станет основанием для коллективного и разумного управления общественными процессами во имя всеобщего блага (Аттали, 1993). Напротив, реальный доступ к ней получит образованное меньшинство, которое станет элитой будущего общества, тогда как большинство, как и прежде, останется малообразованным, невежественным и агрессивным. Сформируются новые наднациональные классы: класс, имеющий полный доступ к производству, распределению и потреблению информации как к основному нематериальному капиталу, и класс, которому оставят только право потреблять дешевую развлекательную информацию. Это неизбежно обострит конфликт массовидных социальных групп, которые станут новыми классами. Сегодня мы уже видим ростки этих будущих классовых войн.

Мир цифровой информации, несомненно, поставит перед нами много новых проблем, но главная трудность будет заключаться в том, чтобы информация, являясь нематериальным общественным богатством, не приняла *отчужденную* форму, которая бы очередной раз разделила людей в обществе. Нам предстоит найти способы *присвоения* (термин Маркса) этого нового богатства, обратить джина цифрового искусственного интеллекта, которого мы сами создали, в могучее средство общественного прогресса.

Волков В.В.

(Челябинск, Челябинский государственный университет)

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ АЗИИ И ЕВРОПЫ*

Рассматривая формации политического просвещения и политического образования в современном государственном процессе политического строительства российского общества, необходимо уделить внимание развитию подобных процессов в Азии.

Причины рассмотрения эволюции формирования политического воспитания в азиатском регионе обусловлены географическим положением России и особыми межгосударственными отношениями с государствами данного региона.

Для формирования полноценного научного понимания моделей азиатского политического образовательного процесса рассмотрим ряд стран, уделяющих особое историческое внимание изучаемым категориям, имеющим характерные особенности развития процесса политического просвещения.

Анализировать фундаментальные процессы политического воспитания, просвещения и образования, характерные для каждого государства предлагается начать с Сингапура по причине индивидуальной траектории развития социально-экономических процессов, обусловивших путь становления и развития данного государства. Ориентированность современного сингапурского общества на экономическое развитие и успех во многом обуславливает способы политического образования индивидов с раннего возраста, внедряются модели формирования командной работы учеников в школах, проектного обучения и коллективной ответственности, что говорит о внедрении фактора коллективизма, что, в свою очередь, отвечает принципу превалирования корпоративного развития в политической системе просвещения общества. Политическое воспитание направлено на построение коллективистской модели, объединяемой системой государственного контроля. Модель состоит из таких факторов, как: государственность и корпоративность, система независимых образовательных учреждений, дополнительное образование, личность, семья не проявляет решающего значения в политическом воспитании и просвещении.

Японская модель. В японском обществе превалирует поэтапная система формирования личности в общем контексте и, соответственно, в политическом просвещении, человек проходит стадии развития: ребенок, ученик, полноправный член общества — и на протяжении всего процесса подвергается политическому воспитанию. Японское общество в силу обособленности исторического развития является крайне зарегулированным обычаями, традициями, религией, также подвергается давлению со стороны государственного аппарата, стремящегося сохранить привычный уклад жизни. Политическим воспитанием занимаются государство, семья, институты образования, религиозно-культурные орга-

* Исследование выполнено в рамках проекта по государственному заданию № 10240301000 11-9-5.6.1 «Политическое образование и просвещение молодежи: история и современность» (шифр FZNF-2024-0013), реализуемому в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и АНО ЭИСИ.

низации, определяется институт наставничества, существует модель политического воспитания воспитателя, социально-экономические подсистемы общества.

Рассмотрев особенности азиатских моделей политического просвещения, образования и фундаментальных основ общественно-социального государственного строительства, необходимо перейти к анализу европейских подходов и взглядов на данную исследовательскую тему.

Тема политического образования и просвещения в Европе тесно взаимодействует с гражданско-демократическими ценностями. На территории Европейского союза в период Нового времени тема политической вовлеченности приобрела всеобъемлющий характер, к изучению и формированию основных тенденций привлечены не только государственные институты, но и иные гражданские объединения, научное сообщество, молодежные организации.

В качестве примера развития идей трансформации демократической модели политического просвещения предлагается рассмотреть пример развития на территории Германии. Проводится всесторонняя работа с молодежью, направленная на привлечение нового поколения для участия в политической жизни, сближение с властью и лицами, ее представляющими. Политическое просвещение разделяется с политическим образованием, второе, по сути, это изучение теории демократии при условиях новых вызовов, демократических институтов действующей властной организации, первое воспринимается как всесторонняя жизненная философия, отвечающая демократическим принципам. Демократические ценности должны быть отражены в политическом образовании, такие как, в первую очередь высокая степень участия граждан в политической жизни, акцент на приоритете прав человека, интеграции личности в социально-политические процессы управления, поддержание мирного сосуществования, отрицание насилия и иные, направленные на укрепление демократического способа формирования общества.

Таким образом, будут определены особенности формирования личности молодежи в политических системах государств в географических регионах, граничащих с РФ.

Волкова А.Е.
(Воронеж, ВГУ)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ТРАНСЭТНИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ В ХОДЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА НОВЫХ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Вопросы нациестроительства на протяжении последних 30 лет приобрели высокую актуальность. Причем речь касается не только России и постсоветского пространства, но и Западной Европы и Америки. По словам политолога А. Мельвилля, нациестроительство входит в пятимерный концепт государственной состоятельности наравне с внутривнутриполитическим порядком, легитимностью элит и власти, эффективным управлением, созданием условий для развития населения. В этой связи после сецессии начала 90-х годов на постсоветском пространстве новые лидеры государств были вынуждены «с нуля» работать над конструированием новых титульных наций по гражданскому или этническому признакам.

Обсуждать вопрос нациестроительства на постсоветском пространстве невозможно без учета места и роли этнической группы русских. По данным Всесоюзной переписи населения за 1989 г., доля русского населения составляла 50,8% (Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомитет СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 8). То есть в каждой из союзных республик русские или были титульной нацией, или являлись одной из наиболее крупных этнических групп после титульной нации. На фоне указанных данных у исследователей возникал вопрос о том, почему русские, являясь или титульной нацией, или одной из ключевых этнических групп, оказывались (и продолжают оказываться) в уязвленном положении или вовсе отказываются от этнической идентичности?

С ответом на данный вопрос может помочь теория трансэтнических переходов (*Нечаев Д.Н., Волкова А.Е.* Парадигма этнополитического ароморфоза в нациестроительстве новых государств // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 5 С. 142–178). Под трансэтническими переходами понимается процесс поглощения эластичной (подчиненной) идентичности доминантной идентичностью. При возникновении особых политических, социальных и экономических условий этническая идентичность может становиться более эластичной. Члены той или иной этнической группы под грузом определенных обстоятельств могут совершить тот или иной исторический выбор (переход), приняв правила доминантной этнической группы.

Мы предлагаем разделить все постсоветские страны, включая Россию, на две основные группы. В основу классификации легли следующие факторы: этнический состав государств накануне сецессии; отношение к русским как титульной нации; наличие устойчивых экономических и культурных связей

с Москвой; наличие партий и движений националистической направленности и степень их поддержки населением.

Первая группа — страны с жестким поглощением подчиненных этносов титульными этносами в процессе построения гражданской идентичности. К данной группе относятся страны Прибалтики, Грузия, Украина. В этих странах происходили и происходят жесткое поглощение подчиненных этнических групп, переплавка этнических меньшинств, разрыв с мемориальной культурой исторической России (Асман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 232 с.) и, как следствие, развитие русофобии. Вопреки, в том числе устоявшимся экономическим и культурным связям.

Во вторую группу вошли страны, в которых этническую общность русских «расщепляли» и «растворяли» для формирования новой гражданской идентичности. В данную группу вошли Российская Федерация, Белоруссия, Армения и др. В этих новых государствах происходило более мягкое размытие русской этнической группы. Кроме того, в самой России до сих пор периодически возникают дискуссии на тему того, что же такое российская нация и существует ли она в настоящее время. Указанные государства не разорвали связи с исторической Россией, однако под воздействием внешних и внутренних факторов они заинтересованы в «расщеплении» русской идентичности.

Ведущим остается вопрос о причинах эластичности той или иной этнической группы. И в случае русской этнической группы ее эластичность, на наш взгляд, обусловлена историческим фактором. Так, в рамках Российской империи русские, будучи этническим большинством, не нуждались в каком-то юридическом закреплении данного статуса, а все этнические меньшинства понимали главенствующую роль государствообразующего народа. С началом реализации новой национальной политики под руководством В. Ленина было принято решение отказаться от «империалистического шовинизма» и якобы существовавшего политического гнета русскими других этносов. И подобная политика продолжалась все годы существования СССР. Однако крах последнего в некотором роде лишь усугубил положение русских, в том числе и в РФ, поскольку с 90-х годов периодически совершались попытки искусственного конструирования российской нации. Но и они до сих пор не увенчались успехом.

Воржецов А.Г.
(Казань, КНИТУ)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ

Августовские события 1991 года завершили период перестройки и положили начало новому периоду трансформации российского общества — периоду постперестройки. Этот период включает в себя три этапа. Первый этап продолжался с 21 августа 1991 года и 21 сентября 1993 года. В это время в России ускорился процесс перехода к рыночной экономике. Были проведены либерализация цен, приватизация. К власти пришли политические силы, связанные с движением «Демократическая Россия». В 1991–1993 годах образовались десятки партий и движений. Важную роль в процессе демократизации стал играть Конституционный суд России.

Второй этап трансформации российского общества охватывает период с 21 сентября по 12 декабря 1993 года.

12 декабря 1993 года прошло всенародное голосование по проекту Конституции РФ. С принятием Конституции РФ 12 декабря 1993 года начался третий этап трансформации российского общества, который продолжается до настоящего времени.

Для оценки постсоветской трансформации России следует использовать несколько концепций. Прежде всего, это концепция транзитологии, которая возникла в результате обобщения опыта трансформаций в странах Латинской Америки и Восточной Европы. Выделяются четыре модели трансформации государств переходного типа: пакт, реформа, революция и «навязанный» переход («реформы сверху»). Необходимо разделить транзиты на демократические и недемократические. К демократическим транзитам относятся пактовые и реформистские, к недемократическим — навязанные и революционные. На наш взгляд, можно свести транзиты к двум — пактово-реформистскому и навязанному.

Российская Федерация избрала «навязанный» вариант («реформы сверху»), в результате реализации которого возник «переходный режим». По мнению академика М.К. Горшкова, «современный российский социум может быть описан как относительно целостная система, сочетающая в себе элементы и нарождающегося капитализма, и сущностные остатки советской системы». Причем «с одной стороны, прошедшие двадцать лет ознаменовались в современной российской истории глубокими переменами в политической жизни страны». А «с другой стороны, несмотря на масштабность этих изменений, посткоммунистическая Россия до сих пор может характеризоваться как общество “переходного

типа”, перспективы эволюции которого в направлении демократии представляются весьма неопределенными» (Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. М.: Новый хронограф, 2011. С. 13).

Российское общество расколото на сторонников «особого» и европейского путей общественно-политического развития России. Это связано в значительной степени с бесконечными спорами западников и славянофилов. Причем «Россия в 1990-х годах явно оставалась западной страной, и западнославянский дуализм оставался неотъемлемой чертой национального характера» (Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. М.: Новый хронограф, 2011. С. 13). И в XXI веке раскол между сторонниками «особого» и европейского путей развития России не преодолен. Так, по результатам всероссийского социологического опроса, проведенного сотрудниками Института социологии РАН в 2011 году, на вопрос: «Какой путь развития России вы считаете оптимальным?» 40% предпочли «особый» путь, а 30% — европейский (Двадцать лет реформ глазами россиян: Аналитический доклад / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 175). А в 2014 году соотношение сторонников «особого» и европейского путей развития России стало 2:1 (См.: Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Ммир, 2015. С. 307).

Важной вехой в процессе трансформации постсоветского общества могла стать концепция всеобщей модернизации, выдвинутая Президентом РФ Д.А. Медведевым в 2009 году. Он отметил, что «в XXI веке нашей стране необходима всесторонняя модернизация, которая будет первым в нашей истории опытом модернизации, основанным на ценностях и институтах демократии» (Медведев Д.А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 2009. 13 ноября). Таким образом, Президент РФ отметил две особенности новой модернизации страны. Во-первых, она должна охватывать все сферы общественной жизни. Во-вторых, определяющая роль должна принадлежать политической (демократической) модернизации. По мнению избранного 4 марта 2012 года Президента РФ В.В. Путина, «изменения, модернизация политической системы естественны и даже необходимы» (Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2012. 13 декабря). Однако до сих пор не разработана программа политической модернизации в России. Одной из важных причин отсутствия такой программы является кризис в общественных науках, связанный с отсутствием консенсуса по проблемам дальнейшего общественного развития России («особый» путь или европейский).

Воробьев А.П.
(Москва, ГУУ)

КОНСЕРВАТИЗМ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Консервативный дискурс является центральным в современной российской политической мысли и определяется государственными структурами и официальной пропагандой. Он активно использует консервативные ценности, такие как семья, религия, патриотизм и стабильность. Это позволяет государству подчеркнуть свою роль как защитника традиционных ценностей, что, в свою очередь, помогает укреплять власть и оправдывать определенные политические решения.

Ввиду отсутствия общей консервативной политической идеологии не может быть и общей теории консерватизма. Для изучения консерватизма необходимо учитывать его исторический и географический контекст, что позволит определить его в типологической и функциональной плоскости, а не в содержательной. Это также поможет точно зафиксировать, чем консерватизм не является — догматическим марксизмом, социализмом и догматическим либерализмом. Важной особенностью консерватизма является признание «плюральности» как положительной категории, где защита разнообразия становится его ключевой характеристикой в противовес другим идеологиям¹.

Исследователи выделяют различные виды консерватизма: либеральный, социальный, фундаментальный, революционный и др. По мнению В.М. Коровина, российский консерватизм характеризуется традиционалистскими чертами и религиозной догматикой, т. е. является законченный тип фундаментального консерватизма. Хотя в России развитие получили и либерал-консервативная школа, и социальный консерватизм, и консервативная революция, однако все они были заим-

* Статья подготовлена за счет средств федерального бюджета по государственному заданию. Наименование научной темы «Ценностные и политико-культурные факторы трансформации либеральной и консервативной политической мысли в России: исторический контекст и современный дискурс»; рег. номер — 1024030400023-5-5.6.1, код (шифр) научной темы — FZNW-2024-0032.

¹ Дугин А.Г. Консерватизм как явление: возможна ли его общая теория? // Философия права. 2009. № 4.

стованы у Запада и являли собой лишь отдельные интеллектуальные линии в общем консервативном течении, фундаментальном и наиболее радикальном в своих основаниях¹.

Автор проекта «Русская истина» Б. Межуев придерживается взглядов «палеоконсерватизма». В сущности, палеоконсерватизм представляет собой течение в американском консерватизме, противоположное неоконсерватизму, которое выступает против интервенционалистской внешней политики США, предлагая Америке сосредоточиться на своих внутренних проблемах. Б. Межуев переносит эту парадигму на русскую почву, по сути, конструируя отечественную вариацию палеоконсерватизма. По мнению Б. Межуева, СВО России на Украине приведет не к глубокому разрыву с Европой и Западом, а к последующему еще большему вовлечению в европейские дела и появлению в России «нового западничества»².

Другим направлением консервативного дискурса является евразийский (цивилизационный) подход. Евразийский подход, восходящий к идеям евразийства начала XX века, предлагает модель развития, основанную на признании уникальной роли России как цивилизационного моста между Европой и Азией. Евразийцы утверждают, что Россия представляет собой особую цивилизацию, объединяющую элементы Запада и Востока. Это видение подчеркивает уникальность российского пути развития. А.Г. Дугин, философ и политолог, известен своей концепцией евразийства, согласно которой исторически сложившееся незападное мышление государств постсоветского пространства делает небезосновательной идею самобытности их государственности, а Россия должна играть ключевую роль в создании нового евразийского цивилизационного блока, противопоставленного Западу³. Он считает, что Россия имеет уникальную историческую и культурную миссию, которая включает защиту традиционных ценностей и противостояние глобализации.

Консервативные идеи в России акцентируют внимание на сохранении и поддержке традиционных семейных ценностей, патриотизма и духовных ориентиров. В дискурсе часто подчеркивается важность православной культуры как основополагающей для российской идентичности, что также проявляется в образовательной и социальной политике.

Для российского общества характерна актуализация консервативных ценностей, изменение восприятия политической ситуации. Отношение к советскому прошлому — один из маркеров общественного сознания. Существует очевидный запрос на то, чтобы консервативные проекты учитывали и факторы ценности социальной справедливости и большей социальной ориентации государства, и значимые для людей правила и порядки, которые были с ними в течение десятилетий.

Воронина Е.Ю.
(Москва, НИУ ВШЭ)

КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В КОНТЕКСТЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ОГРАНИЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Концепция «мягкой силы» приобретает особое прочтение в контексте нового мирового порядка, характеризующегося растущей взаимозависимостью международных акторов, становлением демократической многополярности, эволюцией международных отношений. В отличие от «жесткой силы», которая связана с военной мощью и экономическим давлением, «мягкая сила» опирается на такие элементы, как культура, ценности, публичная дипломатия и внешняя политика.

В условиях нового мирового порядка, характеризующегося быстрыми трансформациями на экономическом, политическом и технологическом уровнях, «мягкая сила» становится ключевым элементом стратегии государств по утверждению своего влияния и легитимности на международной арене. Страны, которым удастся эффективно применять «мягкую силу», могут укрепить свои позиции, привлечь союзников, продвигать свои интересы и формировать международные нормы и ценности.

Ключевые элементы «мягкой силы» в контексте нового мирового порядка включают публичную дипломатию, средства массовой информации, культуру, образование, экономическое развитие и международное сотрудничество и др. Данные элементы позволяют государствам создавать положительный имидж за рубежом, продвигать свои ценности и идеи, а также создавать новые объединения.

Конкретным примером использования «мягкой силы» в новом мировом порядке является внешняя политика Китая, который активно использует свою культуру, язык, публичную дипломатию и экономические инвестиции для расширения своего влияния за рубежом. Китай запустил такую инициативу, как программа «Один пояс — один путь», целью которой является укрепление экономических

¹ Коровин В.М. Русский взгляд на консерватизм // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 6. С. 24–39.

² Межуев Б.В. Цивилизационное равновесие // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5. С. 61–78.

³ Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. — 256 с.

и культурных связей со странами Азии, Африки и Европы. Развивая «мягкую силу», КНР стремится укрепить свои позиции в качестве глобальной державы и создать противовес Соединенным Штатам, которые обладают значительной «мягкой силой», опирающейся на экономику, популярную культуру и технологии.

В новом мировом порядке, где социальные сети и цифровые медиа увеличили охват и скорость распространения информации, «мягкая сила» может играть еще более важную роль в создании транснациональных связей и разрешении конфликтов. Страны, которые смогут эффективно использовать свою «мягкую силу» для содействия сотрудничеству, взаимопониманию и уважению прав человека, будут иметь больше возможностей для решения текущих международных проблем и влияния на направление глобальной политики.

Однако, несмотря на свои преимущества, «мягкая сила» имеет ограничения и проблемы в контексте нового мирового порядка. Культурные различия, расходящиеся интересы государств, идеологические конфликты и геополитическое соперничество между ними могут ограничить эффективность «мягкой силы» и затруднить международное сотрудничество в XXI веке.

Во-первых, культурные различия могут стать большим препятствием для применения «мягкой силы». То, что считается привлекательным для одной страны, может восприниматься как угрожающее или неприемлемое для другой из-за глубоких социокультурных противоречий. Расходящиеся интересы стран ограничивают эффективность «мягкой силы», а влияние в регионе сталкивается с сопротивлением со стороны конкурирующих государств. Этнические конфликты, глубокие идеологические различия между странами также могут осложнить применение «мягкой силы», затруднить убеждение других государств разделить их ценности.

Кроме того, геополитическое соперничество, напряженность между мировыми державами и региональные конфликты могут создать препятствия для эффективного использования «мягкой силы». Например, геополитическое противостояние между Соединенными Штатами и Китаем может ограничить способность каждой из этих стран влиять на другие государства посредством «мягкой силы».

Еще одной проблемой «мягкой силы» в контексте нового мирового порядка является ее долгосрочная зависимость от результатов. В отличие от традиционных показателей силы, таких как военная мощь, экономический потенциал, контроль над ресурсами, ошибки «мягкой силы» могут проявиться спустя продолжительное время, и их часто трудно измерить. Такая особенность «мягкой силы» приведет страны к тому, что у них могут возникнуть трудности с выделением ресурсов на инициативы подобного рода, что поставит под угрозу их долгосрочную эффективность. Более того, рост национализма, популизма и авторитаризма во многих странах приведет к ослаблению усилий по продвижению «мягкой силы», укрепляя тенденции к изоляционизму и отстранению.

Таким образом, «мягкая сила», являясь ценным способом влияния на международных акторов, сталкивается с вызовами и проблемами в контексте нового мирового порядка. Культурные различия, расходящиеся государственные интересы, технологические конфликты и геополитические события — все это может усложнить использование «мягкой силы», снизив ее эффективность в глобальном мире. Поэтому государствам важно признать эти ограничения и принять их во внимание в своей стратегии международных отношений.

Воронкова О.А.

(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН)

СЕТЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СУБЪЕКТНОСТИ, ИДЕНТИЧНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Социальный организм — это саморегулирующаяся система, которая при кризисах и перекосах неизбежно вынуждена самовосстанавливаться. Политическая система, как часть общесоциальной, является в первую очередь ответственной за кризисы и перекосы в социальном развитии, так как именно на политическом уровне принимаются решения, которым общество должно следовать. Политическая система как сфера власти заточена, прежде всего, на сохранение стабильности и, в первую очередь, стабильности самого института власти, а уже во вторую очередь социальной стабильности. Субъекты власти в стремлении сохранения себя во власти проходят исторически подтвержденные стадии: от завоевания и укрепления власти до деградации в случае формирования курса на автократизацию.

Автократизация, как нарушение демократического принципа обновления власти, неизбежно ведет к отрыву политической сферы от социальной. Автократизация сопровождается подавлением тех социальных процессов, которые могут в той или иной степени угрожать самосохранению власти.

Сетевой дискурс, затрагивающий политическую повестку, становится в современных условиях быстрого технологического развития коммуникативной сферы основным фактором противодействия

тенденциям автократизации и усугубления политического кризиса. В сетевом политическом дискурсе обретает свое становление альтернативная социальная субъектность.

Сетевая субъектность обретается через личностное осознание себя свободным и полноправным участником коммуникативного процесса (коммуникатором). Свободные от идеологически и политически навязываемых рамок сетевые коммуникаторы выполняют важную миссию восстановления нормального функционирования всего социального организма, возобновления процесса «дыхания» общества, систематически подавляемого доминирующими политическими силами.

Сетевая политическая идентификация — процесс самоопределения и самоутверждения в сетевом политическом публичном поле. Обретение сетевой политической идентичности — это осознание собственной позиции по политическим вопросам; ощущение принадлежности к реальной или виртуальной группе, разделяющей те же позиции.

Особенности сетевого взаимодействия:

- в сетевой среде усложняется работа пропагандистских приемов давления на общественное сознание в интересах доминирующих политических структур;
- происходит разрушение PR-конструкций производства «эффекта ради эффекта» в целях продвижения или самопродвижения политического игрока;
- разрываются демагогические «петли», запутывающие или блокирующие свободный поток коммуникации.

В открытом и разновекторном сетевом дискурсивном пространстве практически всегда высказываются мнения, ставящие под сомнение и разрушающие попытки безапелляционного навязывания «единого» или чьего-то «авторитетного» мнения.

Открытость дискурсивной публичной сферы, обеспечиваемая технологическими возможностями обхода разного рода запретов, блокировок и пр., позволяет свободному коммуникатору не просто выражать свою позицию, но и находить способы влияния и переубеждения сторонников других мнений.

Процесс убеждения/переубеждения оппонента проходит стадии:

- верификации источников, фактов, событий;
- разоблачения фейков, «риторических фигур»; уличения во лжи ботов, репликантов, повторяющих речевые формулы без понимания смысла высказываемого;
- критики логических несостыковок речи;
- попыток разъяснения собственной позиции;
- поддержки мнений и комментариев, несущих сходное понимание политической ситуации.

Важной особенностью сетевого взаимодействия является развитие потенциала конвертации эмоциональных импульсов и первичных спонтанных реакций на то или иное событие в рациональную рефлексию, которая со временем обретает способность, вес и интеллектуальную силу противодействия систематическому искажению политической публичной сферы. Рост и развитие социальной рациональной рефлексии становятся необходимым условием обновления политической системы и постепенного перехода всей социальной системы на новый эволюционный уровень.

Логика сетевого взаимодействия мотивирует субъекта-коммуникатора постоянно повышать уровень коммуникативной компетентности, развивать способности управления своим эмоциональным и рациональным ресурсом. Благодаря расширению и развитию социально-политического дискурса активный социум увеличивает свой реформирующий потенциал, необходимый для самовосстановления социальной системы в посткризисный период.

Выдрин О.В.
(Челябинск, ЧелГУ)

РЕФОРМИРОВАНИЕ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ 2010-х — НАЧАЛА 2020-х гг.: ОПЫТ РЕГИОНОВ

Двухуровневая система местного самоуправления была одной из ключевых декларируемых целей муниципальной реформы, стартовавшей в 2003 г. Федеральный закон № 131, определивший контуры реформы, сохранил за регионами право определения структуры муниципального устройства. Стремясь унифицировать местное самоуправление в масштабах всей страны, федеральные законодатели предложили исчерпывающий перечень типов муниципальных образований. Центральную роль должны были играть муниципальные районы, объединяющие поселения — самостоятельные муниципальные образования. По сути, внедрение муниципальных районов и поселений как базовых типов муниципальных образований означало переход российских регионов к двухуровневой системе.

В 2014 г., развивая принцип двух уровней местного самоуправления, федеральные законодатели ввели два новых типа муниципальных образований: городские округа с внутригородскими районами и внутригородские районы. Данное новшество было ориентировано преимущественно на региональные столицы, но никаких норм и требований, обязывающих преобразовывать городские округа в новые двухуровневые муниципальные образования, сформулировано не было. Изменения в федеральное законодательство, регулирующие финансовые аспекты взаимоотношений между новыми типами муниципальных образований, были приняты несколько позже. Кроме того, было упразднено минрегионразвития РФ (которое курировало реализацию регионами реформы местного самоуправления). В совокупности это вызвало пассивность регионов в реализации данной инициативы. Региональные законодатели в основном приняли рамочные законы, дающие возможность самим городским округам инициировать и переходить к двухуровневой модели. Только три городских округа: Челябинск, Самара и Махачкала были преобразованы в 2014–2015 гг.

Введение еще одного типа муниципальных образований — муниципального округа в 2019 г. получило у регионов гораздо больший отклик. Муниципальные округа, отличающиеся от муниципальных районов главным образом отсутствием в своем составе поселений, уже с первых месяцев вступления нормы в силу стали активно внедряться российскими регионами. Муниципальными округами становились как муниципальные районы (что приводило к ликвидации поселенческого уровня самоуправления), так и городские округа, к которым тем же законом 2019 г. вводились жесткие требования по доле городского населения, площади и плотности населения. Тренд на демонтаж двухуровневой системы, заданный федеральным центром, отвечал на запрос руководства значительного числа российских регионов.

Вполне ожидаемо законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенный в декабре 2021 г., сократил число типов муниципальных образований и отверг двухуровневую модель местного самоуправления.

В ситуации, предшествующей переходу к одноуровневой системе, представляется важным проанализировать, в какой степени регионы готовы к этому. На основе данных бюллетеней Росстата «Формирование местного самоуправления в РФ» и «Государственного реестра муниципальных образований РФ» оценена активность российских регионов по преобразованию муниципалитетов за период с 2007 по 2024 г. и направленность этих преобразований.

Так, на 30 сентября 2024 г. 463 муниципальных округа уже существуют в 38 регионах. Из них в 14 регионах уже полностью отсутствует поселенческий уровень местного самоуправления. В Московской области еще в 2019 г. был демонтирован поселенческий уровень путем преобразования всех муниципальных районов в городские округа. Такая практика ухода от двух уровней использовалась в Калининградской (2018 г.) и Магаданской (2015 г.) областях, но позже часть городских округов были преобразованы в муниципальные округа.

В трех областях (Свердловской, Ярославской и Оренбургской) в 2024 г. был запущен процесс преобразования, но муниципальные округа еще не внесены в государственный реестр. В Свердловской области, которой в ходе внедрения двухуровневой системы удалось максимально от нее уклониться, преобразованию в 2024 г. подверглись сразу 54 городских округа.

Среди российских регионов, внедривших муниципальные округа, только 15 уже проводили преобразования муниципальных образований верхнего уровня после внедрения двухуровневой системы.

Таким образом, пока новый закон (потенциально отменяющий двухуровневую систему) еще не принят во втором чтении, уже почти половина российских регионов с разной степенью активности включились в этот процесс. Законодатели 42 регионов пока не проявляют инициативу, что вполне вписывается в их предшествующую логику реализации муниципальной реформы. Только в 14 из них за предшествующие почти два десятилетия проводились изменения типов муниципальных образований.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Геймификация, основанная на применении игровых элементов в неигровых контекстах, все чаще используется в политической среде. Этот подход направлен на вовлечение граждан в политические процессы через использование таких механизмов, как виртуальные награды, баллы, достижения и конкурсы. Основная идея состоит в том, чтобы стимулировать граждан к участию в политике, превращая этот процесс в увлекательную и привлекательную деятельность. Это становится особенно важным в эпоху цифровых технологий, когда традиционные формы политического взаимодействия теряют свою эффективность среди молодых и активных в цифровой среде граждан.

Геймификация в политике может принимать разные формы. Например, в проектах гражданского участия, таких как «умные города», она используется для вовлечения граждан в процесс принятия решений. Гражданам предоставляются платформы, где они могут участвовать в голосованиях и обсуждениях общественно значимых вопросов с использованием игровых элементов. Эти механизмы повышают их вовлеченность и стимулируют активное участие в жизни сообщества. Одним из таких примеров является проект «Геймификация гражданской мотивации в умных городах», который изучает, как геймификация может повысить мотивацию граждан участвовать в городских инициативах и общественных проектах¹.

В другой инициативе, рассмотренной в книге «The Gamification of Citizens' Participation in Policymaking», геймификация была использована для повышения гражданского участия в планировании крупных общественных проектов. Исследование показало, что применение игровых элементов делает процесс участия более увлекательным, что значительно увеличивает количество вовлеченных граждан, в отличие от традиционных методов, таких как общественные слушания².

Геймификация создает новые возможности для формирования политической лояльности. Игровые механики, такие как система баллов или виртуальных наград, стимулируют активное участие граждан и могут способствовать более прочной привязанности к политическим институтам или лидерам. Это особенно актуально для молодежи, которая часто более склонна реагировать на цифровые стимулы. Вовлеченность через игровые платформы может привести к укреплению доверия к политическим процессам, что, в свою очередь, создает лояльную базу поддержки.

Исследования также показывают, что использование игровых механик в политических процессах способствует созданию более инклюзивной формы демократии, где граждане чувствуют себя частью процесса принятия решений. Это снижает дистанцию между гражданами и властями и повышает уровень политической приверженности.

Несмотря на очевидные преимущества, геймификация в политике сталкивается с рядом этических вопросов. Критики утверждают, что использование игровых механик может стать инструментом манипуляции общественным мнением. Если геймификационные элементы используются без должной прозрачности, это может создать иллюзию активного гражданского участия, при этом фактический вклад граждан может оказаться минимальным. Кроме того, существует опасность того, что геймификация превратит политику в развлечение, что снизит важность осознанного выбора.

Еще одной проблемой является социальное неравенство, связанное с доступом к технологиям. Платформы, использующие геймификацию, могут быть недоступны для менее обеспеченных граждан, что может привести к их исключению из политического процесса.

Геймификация открывает новые перспективы для политической коммуникации и вовлеченности граждан. Она помогает сделать участие в политике более увлекательным и привлекательным, что особенно важно в цифровую эпоху. Однако для того, чтобы геймификация стала эффективным инструментом формирования политической лояльности, необходимо учитывать этические аспекты и обеспечить равный доступ к платформам, использующим игровые механики.

¹ Gamification and Citizen Motivation and Vitality in Smart Cities: A Qualitative Meta-Analysis Study // GeoJournal. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10708-020-10295-0> (дата обращения: 24.09.2024).

² The Gamification of Citizens' Participation in Policymaking / Kai Masser, Linda Mory. — Cham: Palgrave Pivot, 2018. — 140 p. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-78571-4> (дата обращения: 24.09.2024).

Габриелян О.А., Гаспарян М.В.
(Симферополь, КФУ им. В.И. Вернадского)

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО МОНИТОРИНГА ПРИСУТСТВИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ В РОССИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ*

Цель исследования — создание автоматизированной системы мониторинга присутствия образа героя в российском медиапространстве, что позволит в *on-line* режиме отслеживать социальные настроения в нашем обществе в столь непростое время.

Ниже представлены задачи и обозначены пути их решения для достижения этой цели.

Результат исследования будет представлен в виде программы, реализующей формализованное техническое задание, учитывающей выявленные и формально описанные параметры. Такая программа способна работать в непрерывном *on-line* формате и выдавать по запросу результат как в аналитической, так и визуализированной форме. Собранный на первом этапе материал станет на втором этапе исследования пополняемой «библиотекой» для обучения нейросети.

Понятие «герой» может быть концептуализировано различным образом, но во всех случаях герой — это образ, обладающий некоторым набором особых качеств в превосходной степени и по этой причине выступающий в качестве эталона и образца для подражания.

В медиапространстве постоянно генерируются образы героев и соотнесенные с ними образы анти-героев. Можно говорить о существовании целых линеек образов героев. Они связаны с различными медиаресурсами, создаются и популяризируются различными медиаинструментами и технологиями. Они характеризуются различными параметрами и видами идентичности: гендерными, возрастными, статусными, политическими идеологиями, культурными традициями, субкультурами и т.д. Это открывает широкое поле для исследования: выявление типологии образов героев и референтных групп, с которыми они связаны, их отличительных характеристик; типология медиаресурсов, распространяющих различные образы героев; анализ инструментов и технологий, которыми создаются образы героев; выявление общего ядра или ядер, общих для целых групп образов героев.

Медиаобразы героев могут иметь как культурное, так и контркультурное содержание, то есть как соответствовать культурной традиции, так и противостоять ей, что делает медиаобразы героев элементом информационной борьбы и культурного и контркультурного программирования. Медийное пространство представляет собой информационно-коммуникативную среду. С одной стороны, она формируется субъектами коммуникации и в этом смысле неустранимо субъективна, а с другой стороны, процесс ее формирования носит вполне объективный характер. Более того, она имеет свои закономерности, которые могут быть исследованы валидным научным инструментарием.

Создание системы автоматизированного мониторинга предполагает разработку мультиплатформенного комплекса, состоящего из следующих модулей:

- оценка представленности героического контента в структуре коммуникаций в социальных сетях (ВК, Телеграм);
- оценка структуры и содержания медиапотребления;
- оценка восприятия контента, презентующего конструктивное и деструктивное отношение к суверенности и аутентичности отечественного социокультурного пространства.

В создаваемой автоматизированной системе мониторинга образа героя в современном российском медиапространстве мы выделяем основной и вспомогательные модули. К основному мы относим модуль «Оценка присутствия героического контента в структуре коммуникаций в социальных сетях». Это обусловлено тем, что функционально данный модуль лучшим образом обеспечивает охват аудитории и ее репрезентативность, а также отражает широкую информационную повестку за счет представленности большого числа авторов. Оставшиеся два, вспомогательные модули выполняют уточняющую и корректирующую роль в функционировании системы мониторинга.

Для определения количества сообщений, отражающих героическую повестку, оформляется поисковый запрос. Поисковые запросы формируются из массива ключевых слов, составленных на основании определений понятий «герой» и «подвиг», взятых из базовых словарей русского языка (герой, подвиг, мужественный, храбрый, смелый, доблестный, отважный, славный, решительный, самоотверженный, самопожертвование, сподвижник).

В процессе работы мониторинговой системы формируется датасет со следующими параметрами:

- Дата публикации;
- Url адрес поста;

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 24-28-00413 «Образ героя в современном российском медиапространстве: состояние и перспективы»).

- Тип сообщения (пост, репост, комментарий);
- Метрики публикации (реакции, комментарии, репосты);
- Текст сообщения.

Предлагаемый подход позволяет отслеживать присутствие и восприятие героического контента в структуре коммуникаций на различных платформах.

Собранный в процессе мониторинга датасет публикаций будет востребован для обучения нейросети. Нейросетевой подход оказывается крайне продуктивным, так как открывает особенности функционирования сложных систем, к которым относится в том числе и информационно-коммуникативная среда.

Гаврилова М.В.
(Санкт-Петербург, СПбГИКиТ)

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В российской политической лингвистике власть преимущественно рассматривается как коммуникативная и когнитивная категория. Лингвистическое изучение власти осуществляется в нескольких направлениях: семиотический, лингвокультурологический, коммуникативный, психолингвистический, лексикографический и когнитивный подходы.

Власть может выражаться словом, политическим понятием и концептом. Отметим, что концепт «власть» дает представление о том, как осуществляется борьба за власть, реализация и удержание власти, что составляет сущность политической деятельности. Цель исследования — выявить содержательные формы концепта «власть» на материале инаугурационных речей российских президентов.

Описание развития лексического значения слова «власть» позволяет сделать вывод о том, что на протяжении XX–XXI вв. семантическое движение значения слова таково: свобода распоряжения (приказывать) — подчинение (сделать зависимым) — господство (обладать преимуществом) — управление (руководить, направлять). Отметим, что в русском языке наблюдается семантическая связь слов «властвовать» и «владеть». На лексическом уровне власть соотносится с понятиями собственности, владения и обладания.

Представим портрет слова «власть» по данным основного корпуса Национального корпуса русского языка. Единица частотности слова в основном корпусе составляет 359,984, что свидетельствует о том, что частотность скорее высокая. В XX–XXI вв. наблюдались периоды повышения частотности слова. Резкий подъем употребления слова «власть» наблюдался с 1913 по 1920 г., далее высокие показатели использования слова зафиксированы в 1930, 1938, 1951, 1993, 2001 и 2021 гг. В русском языке слово преимущественно используется в нехудожественной литературе, в текстах политологической тематики и функционирует в официально-деловой сфере. Ближайшие семантические ассоциаты связаны с политической властью, направленной на управление государством.

Наши наблюдения показали, что в инаугурационных речах российских президентов слово «власть» преимущественно используется в неосновном значении — «органы государственного и местного управления, их права и полномочия; лица, входящие в эти органы». Слово не входит в число наиболее частотных слов выступления, т.е. не является ключевым в концептуальной структуре инаугурационных речей.

Мы пришли к выводу, что концепт «власть» выступает в содержательных формах: органы государственной власти и их представители (понятие), человек (образ), служение и ответственность (символ).

Руководители страны трактуют власть как власть политическую, власть государства. В системе государственной власти Б.Н. Ельцин уделял особое внимание исполнительной власти (правительство), Д.А. Медведев говорит о значимости судебной ветви власти, В.В. Путин подчеркивает иерархическую организацию государственной власти.

Власть наделяется следующими признаками: государственная (Б.Н. Ельцин, 1991), верховная, избранная народом (В.В. Путин, 2000) и государственная и муниципальная (В.В. Путин, 2018). Какие действия совершает власть? Она служит, работает, защищает, находится в определенных состояниях. Наиболее частотный глагол «служить» актуализирует значение «трудиться на благо народа и страны».

В концептуальной структуре инаугурационных речей «власть» присутствует в тематических областях: власть и народ (Б.Н. Ельцин, 1991) — власть и борьба с коррупцией (Б.Н. Ельцин, 1996) — власть и ее мирный переход в государстве (В.В. Путин, 2000) — власть и поддержка граждан деятельности президента (В.В. Путин, 2004) — власть и верховенство закона (Д.А. Медведев, 2008) — власть и единство общества, управление страной (В.В. Путин, 2012) — власть и преобразования в стране (В.В. Путин, 2018) — власть и цели развития страны (В.В. Путин, 2024).

Важную роль в структуре концепта «власть» играет аксиологическая составляющая. Мы видим, что российские президенты актуализируют в общественном сознании различные ценности, присущие российскому обществу на каждом новом этапе развития страны. Однако единство общества и любовь к стране — это те ценности, которые объединяют граждан России. Кроме того, мы наблюдаем движение от общечеловеческих к национально-культурным ценностям.

В инаугурационных речах формируется положительный образ политической власти: ответственная государственная власть служит народу. Российские президенты подчеркивают легитимность перехода и преемственность государственной власти. Осуществлять государственную власть значит «управлять, руководить и направлять». Исполнение должности президента России политики понимают как честь и ответственность (Б.Н. Ельцин), ответственность, долг и служение (Д.А. Медведев), честь, обязанность, священный долг, ответственность, предназначение (В.В. Путин). При этом цель государственной деятельности президента — служить народу и Отчизне. Таким образом, в инаугурационных речах актуализируется позитивная сторона амбивалентного концепта «власть».

Гайдаев О.С.

(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

О ПОТЕНЦИАЛЕ И ОГРАНИЧЕНИЯХ КОНЦЕПЦИИ НЕДЕЛИМОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В общем виде под термином «неделимая безопасность» следует понимать международно-правовой и этический принцип, согласно которому государства воздерживаются от укрепления собственной безопасности за счет безопасности других государств, стремясь, таким образом, к обеспечению равной безопасности для всех. Данный концепт был представлен в 1975 г. в тексте Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). В последующем принцип неделимой безопасности упоминался и в других документах ОБСЕ: в Кодексе поведения ОБСЕ, касающемся военно-политических аспектов безопасности (1994 г.), Хартии европейской безопасности (1999 г.), Астанинской декларации (2010 г.).

В российской политической науке принцип равной и неделимой безопасности часто относится к базовым принципам построения полицентричного мирового порядка. Именно с этой идеей согласуются высказывания российского руководства о формировании в обозримой перспективе «нового контура равной и неделимой безопасности в Евразии».

Однако насколько реализуем принцип неделимой безопасности на практике? Пример ОБСЕ не внушает оптимизма: организация потеряла былое влияние и не способна вносить позитивный вклад в решение сложившейся на европейском пространстве дилеммы безопасности. В то же время существует целый ряд вполне очевидных возражений эмпирического и теоретического характера.

Так, главным эмпирическим возражением против формирования глобальной архитектуры равной и неделимой безопасности служит статистика международных вооруженных конфликтов, количество которых достигает рекордных значений за всю историю наблюдений. Очевидными препятствиями на пути к неделимой безопасности служат и фундаментальные различия в подходах западных и евразийских держав к построению нового миропорядка, а также хроническая политическая нестабильность в регионе Ближнего Востока.

Неделимая безопасность не страдает от дефицита недостатков и в теоретическом плане, поскольку данное понятие никогда не было должным образом концептуализировано. Скудность в определении расширяет пространство для политического воображения, порождая двусмысленность и противоречия.

Во-первых, сама постановка вопроса о неделимости безопасности в определенном регионе, будь то Европа или Евразия, превращает идею о неделимости безопасности в фикцию. Такой формат мало чем будет отличаться от традиционных блоковых моделей безопасности, потенциально допуская выборочное применение принципа неделимой безопасности, т.е. обеспечивая безопасность стран региона за счет внерегиональных акторов. Именно по такому пути пошли страны ЕС и НАТО, замкнув собственную архитектуру безопасности на границах с Россией. Таким образом, говоря о неделимой безопасности, следует говорить о максимально инклюзивном пространстве сотрудничества, открытом для всех государств и народов мира — что тем не менее трудно реализуемо на практике.

Во-вторых, фундаментальным ограничителем принципа неделимой безопасности выступает дилемма «право на самоопределение — территориальная целостность». Суть данной дилеммы состоит в том, что в условиях формального равенства суверенных государств и отсутствия верховного арбитра каждое государство вольно иметь собственную интерпретацию международной справедливости, в различных международных ситуациях склоняясь либо в пользу доктрины права народов на самоопределение, либо в пользу доктрины территориальной целостности государства. Это отсутствие своего рода равной и «неделимой справедливости» делает невозможным достижение неделимой безопасности.

Для этого потребуются либо серьезные компромиссы в вопросе ценностей, либо наличие авторитетного и влиятельного регулятора международных отношений. Ни то ни другое не прослеживается в обозримом будущем.

Означает ли все вышесказанное, что от реализации принципа неделимой безопасности следует отказаться как от неуместной утопии? По-видимому, придется действительно пожертвовать универсальным характером данного концепта в пользу прагматизма: построение максимально инклюзивной архитектуры равной и неделимой безопасности в масштабах всего человечества выглядит опасной иллюзией. Чем же в таком случае неделимая безопасность будет лучше традиционных блоковых моделей безопасности? Преимущество такой архитектуры региональной безопасности может заключаться лишь в характере отношений между участниками: вместо системы «гегемон—сателлиты» — система равноценных партнеров с равными правами и обязанностями; вместо ориентации только на собственную выгоду — поиск выгоды для всех; вместо системы «наставник—ученики» — уважение суверенитета и национального пути каждой страны.

Представляется, что именно на этих аспектах следует акцентировать внимание в рамках Большого Евразийского партнерства и в сотрудничестве со странами мирового большинства. И хотя подлинная неделимая безопасность остается недостижимым ориентиром, важный шаг в этом направлении Россией уже сделан.

*Гайнутдинова Л.А.
(Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)*

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА СТРАНЫ

Каждое общество обладает уникальными характеристиками, вбирающими в себя не только исторический опыт общественно-политической деятельности, но и духовные факторы, так называемый «дух народа». Именно «дух народа», а также общий «дух законов», выражающийся как нравы, господствующие в данном обществе, принципы государства, религия, обычаи определяют систему взаимоотношений государства и гражданского общества¹. Это становится уникальной основой любого гражданского общества, как исторически возникшей организации социума внутри политически дифференцированного государства. И вне этого принципа, вне государства существование гражданского общества утрачивает свой исторический и социальный смысл.

В Концепции внешней политики Российской Федерации² наиболее полно раскрыт цивилизационный подход, где Россия определена как «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира». Впервые в нашей истории в официальном доктринальном документе в основу внешнеполитического планирования и государственной самоидентификации была положена цивилизационная теория общественного развития, которая в условиях усиливающейся многополярности мира должна стать ориентиром при формулировании Россией своих внешнеполитических и внутривнутриполитических установок. В рамках идеи Русского мира переопределяются основы государственного устройства, взаимодействия государства и общества, принципы и цели функционирования гражданского общества, которое приобретает новые смысловые характеристики «творца истории», «основы цивилизации», «социальный базовый каркас» и т.д. Важным фактором наряду с богатым научно-теоретическим знанием о российском общественном укладе становится умение чувствовать глубину этого уклада, видеть спектр его многообразия, понимать сущность его проблем, создавать условия для проявления лучших созидательных качеств Русского мира³. Нам необходимо «создать систему прочную, надежную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую России независимость и суверенитет. В то же время систему внутри себя живую, гибкую, легко и своевременно меняющуюся в связи с тем, что происходит в мире, вокруг нас, а главное, в связи с развитием самого российского общества. Систему, обеспечивающую в том числе сменяемость тех, кто находится у власти или занимает высокое положение в других сферах. Такое обновление — неотъемлемое условие для прогрессивной эволюции общества и пусть не безошибочного, но стабильного развития, когда незыблемым остается главное — интересы России»⁴.

¹ *Монтескье Ш.Л.* (1955). О духе законов // Монтескье Ш. Л. де. Избранные произведения / Общ. ред. и вступ. статья проф. М.П. Баскина; Ин-т философии АН СССР. — М.: Госполитиздат. — С. 159–733.

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 12.09.2024).

³ *Тунайлов Е.* Цивилизационный подход к государственному строительству //22.08.2023/ URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsivilizatsionnyu-podkhod> (дата обращения: 12.09.2024).

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 2020. URL: <http://kremlin.ru/>-

Этот идеологический конструкт становится стратегической платформой для плавного перехода от либеральной версии теории модернизации к национально-консервативному подходу, близкому к теории цивилизаций, позволяющего наиболее полно в соответствии с «духом народа» раскрыть весь созидательный потенциал российского общества. В преодолении исторических вызовов в ближайшей перспективе гражданское общество как основа цивилизационного суверенитета страны, должно сыграть определяющую роль в формировании устойчивого солидарного общества, основанного на таких ценностях как единство, взаимопомощь, патриотизм.

Таким образом, можно говорить о том, что понятие гражданского общества у нас приобретает новый смысл. В докладе Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества в России в 2023 году утверждается, что гражданское общество сегодня — это не те НКО, которые противопоставляют себя государству, а то общество, которое вместе с государством помогает участникам СВО и их семьям, занимается волонтерством и другой созидательной деятельностью, что убедительно доказывает: «гражданское общество — основа развития России»¹.

Гацковская В.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ-2024 КАК ФАКТОР ОТНОШЕНИЙ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Регион Центральной и Восточной Европы является одним из наиболее сложных для российской внешней политики. Историческое желание максимально отдалиться от России, продиктованное массовым отказом центрально- и восточноевропейцев от социалистического прошлого, ставшего основой для их идентичности, постоянно является фактором конфликта между Россией и странами региона. Общая напряженность отношений России со странами Запада, достигнутая своего пика после 2022 г., привела центрально- и восточноевропейское направление российской внешней политики фактически к полной заморозке.

Прошедшие в России президентские выборы и реакция на них еще в большей степени обнажили основные проблемы, стоящие на пути сотрудничества и развития российского влияния на этот регион. Так, непризнание легитимности выборов, обращение своего внимания на фальсификации, отсутствие оппозиции и предсказуемость результата стало еще одним из способов подчеркнуть авторитарность российского политического режима.

Отсутствие демократии же является одной из главных причин, выдающихся в центрально- и восточноевропейском дискурсивном поле, для конфликтности отношений между странами. Так, «авторитарная Россия» в глазах стран региона мало чем отличается от СССР (а для Польши — еще и от Российской империи), избежание влияния которого является ключевыми для всего последующего после так называемых «бархатных революций» исторического периода. Именно поэтому нарушение прав человека, преследование оппозиции, отставание российской версии исторической памяти, не очерняющей Советский Союз, а также заявленное якобы «вмешательство» во внутренние дела (как, например, в местные выборы, через агентурные сети или прямо через «недружественные» акты, как в случае взрывов складов в Чехии в 2014 г.) и в предыдущий период становилось причиной для конфликтов между Российской Федерацией и странами региона.

Более того, результат выборов в России и безоговорочная поддержка населением В.В. Путина стали еще одним из способов для эксплуатации негативного образа не только российского политического режима, но и всего общества. В период конфликта между Россией и Украиной это является также одним из оснований для проведения максимально жесткой политики против России по сравнению даже с другими странами ЕС и США и притеснению всего российского населения, например, через санкционную или визовую политику.

Тем не менее для ряда стран и даже отдельных групп элит в наиболее «недружественных» государствах (Польше, Чехии, в меньшей степени — Словакии, Болгарии) выборы в России и особенно их результат стали фактором для попытки пересмотра своей политики по отношению к России. Так, однозначная поддержка населения В.В. Путина показала, что смены руководства страны и, следовательно, российского внешнеполитического курса в краткосрочной перспективе ждать не стоит. Соответственно, необходимо налаживать отношения уже сейчас. Такую позицию продемонстрировали

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2023 год. (2023). — М.: Общественная палата Российской Федерации/ URL: <https://report2023.orgf.ru/content/print/ru-RU/Report.pdf> (дата обращения: 12.09.2024).

* Исследование выполнено по гранту ИЭСИ в ИНИОН РАН номер 124101700551-1 «Президентские выборы 2024 г. в России: реакция в ближнем и дальнем зарубежье и стратегии дальнейшей легитимации электоральных результатов».

как традиционно более «пророссийские» лидеры А. Вучич и В. Орбан, так и некоторые группы экспертов в Словакии, Словении и Болгарии.

Таким образом, несмотря на общую негативную реакцию на выборы в России со стороны стран региона, они продемонстрировали и пути для возможного дальнейшего налаживания отношений со странами региона. Одним из потенциально перспективных путей для этого можно назвать подчеркивание поддержки российского правительства со стороны общества. Для этого также необходима работа с российскими диаспорами в странах региона, так как после 2022 г. наиболее заметными в них для местного общества являются именно оппозиционно настроенные группы, эмигрировавшие из России в большей степени по политическим и экономическим причинам. Кроме того, реакция на выборы также подчеркнула наиболее перспективные страны для сотрудничества — Венгрию и Сербию, в меньшей степени — другие страны Юго-Восточной Европы и Словакию.

Гашков В.О.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ЦЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ*

С переходом общества в цифровую эпоху значительно изменился способ коммуникации, получения информации, появились уникальные вызовы и возможности для формирования государственно-гражданской идентичности. Цифровая среда оказала существенное влияние на все сферы жизни общества, включая политику. Цифровая среда — это не просто набор современных технологических решений, это целый социальный контекст, в котором формируются взгляды, убеждения, предпочтения и ценности людей в особенности, представителей молодого поколения.

Современная российская молодежь являет собой чрезвычайно сложную социально-демографическую группу (в возрасте от 14 до 35 лет), основой которой, с одной стороны, являются представители старшей возрастной группы, относящиеся к поколению «Y» — так называемые миллениалы, а с другой стороны, представители младшей возрастной группы, относящиеся к поколению «Z» — зумеры, социально-политическая активность которых сегодня не может быть не замечена на политической арене РФ. Если миллениалы подходят к критике политической составляющей более рационально, то зумеры характеризуются преобладанием эмоционального компонента при выражении своего недовольства.

Государственно-гражданская идентичность состоит в осознании гражданами принадлежности к своему государству, обществу, в ощущении ответственности за судьбу своей страны и необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей. Цифровая среда оказывает огромное влияние на формирование государственно-гражданской идентичности молодежи. Повсеместная интернетизация оказывает воздействие на формирование политических ориентаций и ценностей молодого поколения. Соцсети, мессенджеры и интернет-платформы сегодня становятся основными каналами коммуникации, где формируются мнения, убеждения и идентичности. С одной стороны, цифровая среда открывает безграничные возможности для получения информации, что создает условия для более осознанного вовлечения в общественно-политическую жизнь. Но, с другой стороны, цифровизация несет риски, такие как распространение дезинформации в силу анонимности и безнаказанности, которые присущи многим интернет-платформам.

Молодежь сегодня во многом формирует свои ценности под влиянием цифровой среды. Среди наиболее значимых ценностей выделим следующие: прозрачность — молодежь ожидает открытости принятия решений властями; социальная справедливость — осознание необходимости борьбы с дискриминацией становится важной ценностью для молодого поколения; социальная ответственность — молодежь все чаще осознает важность участия в социальных и волонтерских проектах; а также свобода слова.

Цифровая среда открывает новые горизонты для политического участия молодежи — онлайн-голосования, подписание петиций, создание собственных инициатив на различных платформах. Интернетизация предоставляет молодежи доступ к информации о политических процессах, что влияет на их осведомленность и готовность участвовать в различных формах политической активности. Посредством участия в онлайн-кампаниях формируется активная гражданская позиция, что может стать залогом будущего политического участия. Кроме того, цифровизация традиционных форм участия

* Исследование выполнено в ИНИОН РАН при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта № 1024030200055-0 «Государственно-гражданская идентичность российской молодежи в онлайн-пространстве: особенности формирования, политический потенциал, перспективы управленческого воздействия» (гос. номер 124101700566-5).

(выборы как наиболее яркий пример) через специальные платформы (дистанционное электронное голосование) создает новые возможности для вовлечения молодежи.

Для большинства граждан, являющихся представителями молодого поколения, социально-политическая активность во многом формируется вследствие постоянного присутствия в цифровой среде как в качестве ее субъектов, так и в качестве ее объектов. Результаты такого воздействия переносятся на различные формы социально-политического участия молодежи в реальном мире. При этом реальные практики политического участия могут принимать как позитивные, так и социально опасные формы. Цифровизация приводит к вовлечению в политическую жизнь самых юных категорий населения (14–18 лет) ввиду таких факторов, как наличие свободного времени, абстрактные представления о политических процессах.

Цифровая среда не только трансформирует способы взаимодействия молодежи с политической сферой, но и формирует их ценности, установки. Она является мощным инструментом формирования государственно-гражданской идентичности российской молодежи, открывая новые горизонты политического участия. Перспективы политического участия российской молодежи в условиях цифровой среды зависят от того, насколько эффективно государственные институты и гражданское общество смогут интегрировать цифровые инструменты в свои практики.

Герашенко С.А.
(Саратов, ГАУ ДПО «СОИРО»)

ДОРОЖНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ

В условиях структурных и содержательных изменений в системе образования (в частности — общего образования) актуализировалась роль дорожной карты как инструмента управления образовательной системой различного уровня: институционального, муниципального, регионального, федерального.

На данный момент времени дорожная карта воспринимается в научном сообществе следующим образом:

- наглядное представление пошагового сценария развития определенного объекта — отдельного продукта, проекта, компании, отдельного человека (А. Павлов);
- документ, в котором наглядно отображается стратегический план проекта: его главные цели и задачи, сроки исполнения, ответственные, основные этапы (Д. Коротеньких, И. Михайлова).

В связи с этим дорожное картирование как один из методов работы в образовательной среде можно отнести к таким направлениям деятельности, как управление реализацией функции и управление достижением результата, а также проектное управление. Первое направление связано с реализацией трудовых функций в соответствии с профессиональным стандартом «Руководитель образовательной организации (управление дошкольной образовательной организацией и общеобразовательной организацией)» и квалификационными характеристиками должностей работников образования, а также функционированием единой системы управления качеством образования (в основу заложены аккредитационный и мотивирующий мониторинги, индекс качества общего образования, проект «Школа Минпросвещения России» и др.).

Второе направление относится к формированию и развитию в системе образования управленческих команд, выходящих за границы операционных задач и планирующих работу над конкретным результатом или продуктом, выполняющих задачи максимально эффективно.

Важным в процессах внедрения и реализации дорожного картирования в системе образования является восприятие дорожной карты как инструмента краткосрочной или долгосрочной стратегии, включающего анализ ситуации в образовательной системе, описание выявленной проблемы, целеполагание, используемые ресурсы, развернутый план мероприятий (образовательных действий, событий) с промежуточными результатами и принимаемыми управленческими решениями, образ желаемого результата с его качественными и количественными характеристиками. Данные характеристики также делают дорожную карту инструментом реализации управленческого цикла, заявленного в рамках муниципальных и региональных управленческих механизмов в системе образования. Наличие целеполагания и результативности коренным образом отличают дорожную карту от часто ее подменяющего плана мероприятий (плана работы), являющегося инструментом тактики.

Применение метода дорожного картирования при разработке и реализации паспортов федеральных проектов в сфере образования (к примеру, национального проекта «Образование») позволяет выработать каскадную модель «федеральный уровень—региональный уровень—муниципальный уровень—

уровень образовательной организации», что визуально может быть представлено в виде потока, последовательно проходящего фазы анализа требований, проектирования, реализации, тестирования, интеграции и поддержки для каждого из уровней (У.У. Ройс).

Структура дорожной карты позволяет выделить три особенности ее применения, свидетельствующие о реализации управленческого цикла или процесса управления, непосредственно в образовательной системе:

- 1) наличие прогноза развития на перспективу с разбивкой по этапам и фиксацией основных управленческих действий или решений по приближению к образу желаемого результата;
- 2) формулировка четкого эффекта от реализации с обоснованием оптимально допустимых альтернатив развития системы;
- 3) инструментальный характер, позволяющий немедленно реагировать на изменения и вносить коррективы в сценарии развития системы.

Перечисленные особенности также определяют тип дорожной карты в системе образования как организационный, включающий разработку стратегии и плана развития организационной структуры на любой период ее развития или существования, а также вовлеченность в реализацию управленческой команды и наиболее активных работников внутри системы, привлечение внешних партнеров, участвующих в осуществлении функций системы.

Так, дорожные карты в системе образования помогают найти пути решения межотраслевых и междисциплинарных проблем, дать возможность визуально отразить различные грани исследуемой проблемы, учесть и отразить полный управленческий цикл. Метод дорожного картирования оправдывает себя при решении задач различного уровня принятия решений, являясь надстройкой в процессе планирования и прогнозирования и находя дальнейшее многоцелевое применение.

Гладков А.К.
(Москва, ИВИ РАН)

ИДЕЙНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ДО НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Идейное многообразие (соединение эллинистически-римских, христианских, арабо-мусульманских и иудейских культурных концептов), обуславливавшее специфику развития политического знания в Западной Европе Средних веков и раннего Нового времени, определялось, как писал Э. Блэк, с одной стороны, соотношением индивидуального и коллективного, а с другой — внутреннего и внешнего, своего и чужого. В первом случае речь прежде всего идет о постулировании средневековыми интеллектуалами личной ответственности человека за неисполнение предписанных свыше обязанностей, за совершенные им преступления перед мистической общностью в целом — государством — и ее «персонификацией» — королем или императором. Монарху полагалось, как писали Августин, каролингские авторы, Иоанн Солсберийский, Фома Аквинский, Уильям Оккам и другие влиятельные теоретики *scientia politica*, реализовывать свои властные, судебские и прочие полномочия от имени и по воле абстрактного «множества». Однако эта реализация не воспринималась учеными мужами прошлого как механическая, формальная и бездумная — власть в лице конкретного правителя обретала новые черты и грани, раскрывающие ее собственную природу и идентичность. «Большинство», т.е. все члены государства, как «единицы» общественно-политической жизни и одновременно объекты приложения власти, выдвигали из своих рядов того, кого готовы были поставить над собой (впоследствии из этого положения и сложилась идея представительства). «Множество порождало одного» (ср. у Фомы Аквинского), и так власть, фактически принадлежащая всем и каждому, т.е. народу в целом, передавалась на временное пользование и на определенных условиях «лучшему из лучших» — тому, кто сможет вынести это «бремя служения» в полной мере. Рядовой человек как «природная единица» растворялся в государстве — мистическом политическом организме, но не исчезали его — человека — индивидуальная воля и ответственность перед всеми. Благополучие государства, как писали интеллектуалы вплоть до Нового времени, — это заслуга не только доброго, справедливого, знающего и следующего законам правителя и его окружения из числа мудрейших, но и каждого члена единой общности, всяким своим действием — благочестивым или порочным — определяющего путь развития страны (отсюда следует известная средневековая идея о «болезни» государства, вызванной последствиями «индивидуального» греха).

Политическое знание как знание живое и подвижное, откликающееся на актуальные события и вызовы, преимущественно генерировало идеи в рамках указанной оппозиции «индивид/коллектив» и пыталось обосновать приоритет то мистического «большинства», то опять же мистической (сверх-)

личности, определяющей его исторические судьбы. Так или иначе, но опыт политического теоретизирования обогащался наблюдением за «внешним» (по отношению к конкретному государству или социуму) миром: в итоге на протяжении столетий складывалась такая полемическая традиция, согласно которой все «не свое» либо идеализировалось, либо демонизировалось. Последний прием наиболее характерен для средневековой политической мысли и представлений о власти в раннее Новое время: методы выявления и символического обозначения принадлежности к определенной социо-профессиональной группе, духовной или ученой корпорации, политическому или интеллектуальному лагерю, конфессии и т.п., совершенствуемые на протяжении всей европейской истории, утверждали в рамках развития политического знания Средних веков и раннего Нового времени идею одной — единственно верной — точки зрения (а потому ни о каком плюрализме мнений — применительно к указанному перипету — говорить не приходится).

И все же именно идейное многообразие — столкновение и причудливое переплетение противоположностей — явилось той уникальной почвой, на которой зародилось политическое знание, со временем оформившееся в политическую науку Нового времени.

Глинчикова А.Г.
(Москва, ИНИОН РАН)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Интелектуальная среда — сообщество людей, нацеленное на создание интеллектуально-творческого продукта и связанное своим коммуникативным полем. Это сообщество одновременно кумулятивный субъект производства инновационного продукта и актор современного социально-политического процесса. Она также часть общественного пространства, осуществляющая производство, обмен, распределение и воспроизводство интеллектуальных ресурсов. Кроме того, существует еще огромная «подводная» неформализуемая коммуникативная часть интеллектуального пространства, которую формируют ученые и деятели искусства и которая позволяет им максимально продуктивно реализовывать свой творческий потенциал.

Специфика российской традиции становления интеллектуальной среды явственно проявилась в сравнении с европейской традицией. Хотя общая тенденция развития интеллектуальной среды связана с переходом от религиозного к секулярному этапу, влияние конфессиональных различий наложило отчетливый отпечаток на особенности оформления интеллектуальной среды в Европе и России. Если для европейской модели была характерна в большей мере эволюционная модель перехода от религиозной к секулярной парадигме организации интеллектуального пространства, то для России подобная трансформация осложнилась фактором частичной модернизации, с необходимостью последующего социокультурного синтеза. В силу этого взаимовлияние интеллектуальных сред России и Европы было весьма противоречивым. Отчетливо проявился прерывистый и нелинейный тип эволюции отечественной интеллектуальной среды как в отношении к глобальной интеллектуальной среде, так и по отношению к своим собственным интеллектуальным корням и традициям. Точно так же двойственным был и характер интеллектуального поля России, осложняемый особенностями процесса ее модернизации. Противоречивыми были и взаимоотношения интеллектуальной среды с властью и народом. Интеллектуальная среда интенсивно взаимодействовала с элитными слоями, промышленным кластером и бюрократией.

Интеллектуальная среда современной России в условиях глобальной конкуренции способна стать важной политической силой.

Общая динамика эволюции интеллектуальной среды в России после распада СССР явственно проявляется уже в сравнении с мировыми интеллектуальными средами, а не только европейской. Существенное воздействие на трансформацию интеллектуальной среды в России и в мире оказывает информационная революция. Важнейшей дилеммой современной международной политики становится конфликтное столкновение двух ведущих трендов в развитии глобальной интеллектуальной среды — ее интеграция и конвергенция в противовес сегментации и дивергенции.

Сегментивный вектор развития благоприятствует тому, чтобы сохранить и усилить нынешнее неравенство мира в области возможностей развития человеческого потенциала и одновременно поставить интеллектуальный сектор на службу капитала и ВПК. Его идеология будет все больше утрачивать либерально-демократический характер и наращивать авторитарно-расистский компонент. Это путь консервации индустриальной модели и, по существу, превращения постиндустриального сектора в своеобразный источник социально-экономических «стволовых клеток» для искусственного продления жизни устаревшей социально-экономической модели. Этот путь менее перспективен с точки

зрения выживания и развития человечества, но легче осуществим, поскольку вписывается в уже сложившуюся социально-экономическую парадигму с его ныне действующими экономическими и политическими акторами и ценностями.

Интегративная тенденция развития связана с усилением глобальной равномерности развития интеллектуальной среды при сохранении ее разнообразия и нарастании ее коммуникативных связей. Он более перспективен с точки зрения дальнейшего прогресса и выживания человечества, поскольку предполагает выход за рамки устаревшей социально-экономической и политической индустриальной модели и дает простор для развития нового типа общества с опорой на глобальное интеллектуальное пространство. Но по этой же причине он и более сложен в осуществлении, поскольку требует смены ведущих акторов социально-политического процесса и превращения интеллектуальной среды в самостоятельного актора, а ее социальное расширение и глобализацию в определяющую цель общественного развития. Обстоятельства складываются таким образом, что интересы дальнейшего развития и выживания интеллектуальной среды России напрямую связаны со стратегией в рамках второго пути.

Глухова А.В.
(Воронеж, ВГУ)

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ И УГРОЗА НОРМАЛИЗАЦИИ ПРАВЭКСТРЕМИСТСКОГО КОНТЕНТА

Популизм как наиболее примечательный феномен политического пейзажа XXI века продолжает интриговать исследователей своими успехами и перспективами. Появившиеся недавно оценки «заката популизма» в Италии¹ опровергаются очевидными успехами правопопулистских политических сил в ходе последних избирательных кампаний ряда стран. Оппозиционные партии популистского политического спектра не только получают все большую поддержку внутри и за пределами Европы, но и формируют и участвуют в правительствах многих стран. Так было в течение нескольких избирательных периодов в Венгрии; в Италии две правые популистские партии («Лига Севера» и «Вперед, Италия») находятся в коалиции с партией Д. Мелони «Братья Италии». В Аргентине президентом недавно был избран правый популист Х. Милей. В Нидерландах Г. Вилдерс выиграл недавние парламентские выборы, а бывшие президенты Ж. Болсонару в Бразилии и Д. Трамп в США до сих пор не забыты. Не исключено, что М. Ле Пен (*Rassemblement National*) и Д. Трамп победят на следующих президентских выборах во Франции и США. В Германии АдГ может рассчитывать на стабильный электорат, несмотря на новую конкуренцию со стороны Альянса С. Вагенкнехт (*BSW*). Социологические институты АдГ прогнозировали хорошие результаты для партии на сентябрьских земельных выборах-2024 в Бранденбурге, Саксонии и особенно Тюрингии, и этот прогноз полностью подтвердился. Наконец, выборы в Европарламент также завершились значительным приростом голосов в пользу правопопулистских и правэкстремистских политических партий.

Несмотря на столь очевидный успех этих сил, им не удалось произвести серьезное «политическое землетрясение» на европейской политической сцене. В Европарламенте сохранили свое влияние традиционные истеблишментские партии (ХДС/ХСС, социал-демократы и «зеленые»), представители которых по-прежнему возглавляют ключевые институты власти ЕС. Земельные выборы в Саксонии и Тюрингии выступают скорее барометром существующих настроений немецкого населения и выявлением возможного вектора их изменения, нежели демонстрацией кардинальной ломки политической системы страны. Однако необходимо принимать в расчет институциональное и культурное измерения происходящих сдвигов, наиболее тревожной тенденцией которых является «нормализация» правого популизма и — в конечном счете — правэкстремистского контента в дискурсивном пространстве.

Общественно-политические дискуссии последнего времени были адресованы разновидностям популизма: правому и левому, радикальному и умеренному, конструктивному и деструктивному. Сформировались гипотетические представления о том, что пребывание популистов (правых или левых) во власти делает их позиции менее радикальными. Вместе с тем пятилетний срок пребывания популистов в составе коалиционных правительств в Италии показал, что эти партии не смогли возродить утраченное доверие граждан и вернуть последних в политику, не предложили новых форм демократии вместо критикуемой ими ранее представительной модели. С точки зрения конкретных политических шагов они «продолжили экономическую и внешнюю политику “мейнстрима”...», против которой выступали на заре своей протестной деятельности и вокруг борьбы с которой выстраивали идентичность своего электората»².

¹ Алексеенкова Е.С. Закат популизма? Кризис доверия и партии политической альтернативы в современной Италии // Полис. 2024. № 4. С. 132.

² Алексеенкова Е.С. Указ соч. — С. 132.

Представления об амбивалентности популизма уступают место осознанию опасности влияния правого популизма из-за его связей с правыми экстремистскими идеологиями. Последние базируются на центральных, взаимосвязанных идеологемах, к которым относятся, например, агрессивный национализм, исторический ревизионизм, идея этнически однородного общества как совокупности народа, убежденность в том, что его члены имеют более высокую ценность по отношению ко всем остальным, отрицание демократического равенства, отказ от плюрализма ценностей, антимусульманская вражда, антисемитизм и расизм. Еще одним аспектом правого экстремизма и правого популизма является гендерный аспект, проявляющийся в сексизме, гомофобии и т.п. Вместе с тем правоэкстремистские идеологии легитимируют себя через силу государства, тогда как популизм основывает свою легитимность на народном суверенитете¹.

Правый популизм устанавливает две линии раскола между народом и его врагами: сохраняет вертикальную враждебность народа к элите и добавляет горизонтальную линию: между «телом народа» и «захватчиками». Элиту обвиняют в предательстве, в том, что она помогает иностранцам извне «тела народа» заражать и в конечном итоге уничтожать его из-за жадности к наживе или небрежности. В качестве аргумента мобилизуется защита «собственной западной и христианской культуры». Этот нарратив может быть явно сформулирован в расистских терминах («мусульмане и небелые против европейцев»), как в случае с крайне правыми партиями. Здесь речь идет уже не о правом популизме, а о правом экстремизме, но грань между ними становится все более тонкой. Нормализация происходит, когда дискурсы выходят из крайне правой периферии в центр общества и подхватываются и разделяются системными партиями.

Гневашева В.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

РЫНОК ТРУДА ЕАЭС: АСПЕКТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Формирование общего рынка труда — одна из ключевых целей ЕАЭС, что предполагает свободное перемещение рабочей силы между странами-участницами, способствует экономическому и технологическому развитию союза. Основные аспекты стратегического партнерства в контексте рынка труда ЕАЭС следующие: унификация трудового законодательства; обеспечение равных трудовых прав и возможностей граждан стран-членов союза; сотрудничество в области профессиональной подготовки и переподготовки кадров; развитие системы социального обеспечения трудящихся-мигрантов. В настоящее время страны-члены ЕАЭС сталкиваются с многими вызовами, как-то: различия в уровне экономического развития стран; языковые и культурные барьеры; проблемы адаптации трудовых мигрантов к новым условиям жизни и работы. Вместе с тем среди значимых перспектив ЕАЭС можно отметить: дальнейшее углубление интеграции, расширение сотрудничества в сфере образования и профессионального обучения, а также создание условий для повышения мобильности трудовых ресурсов. Стратегическое партнерство на рынке труда ЕАЭС способствует укреплению экономических связей между странами; повышению конкурентоспособности и созданию новых рабочих мест. Важно учитывать, что при формировании общего рынка труда, включая как работодателей, так и работников, для обеспечения устойчивого развития и социальной стабильности необходима разработка и реализация совместных программ, направленных на повышение квалификации и переобучение специалистов, создание новых рабочих мест и улучшение условий труда. Так, сотрудничество в области регулирования трудовой миграции предполагает разработку единых стандартов и правил, которые способствуют более эффективному использованию трудовых ресурсов и снижению негативных последствий миграции. Развитие цифровых технологий и их внедрение в сфере трудовых отношений приводит к упрощению процедуры трудоустройства и обмена информацией о вакансиях и соискателях. Современное понимание проблемы формирования и использования рабочей силы стран-членов ЕАЭС в контексте общего экономического и геополитического пространства позволяет решать проблемы подготовки и распределения рабочей силы комплексно, с учетом конкурентных преимуществ каждой страны и для успешного дальнейшего социального и экономического развития ЕАЭС в целом и стран-членов в отдельности. В исследовании рассматривается рынок труда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как ключевой элемент стратегического партнерства стран-участниц. Анализируются основные тенденции и перспективы развития рынка труда в условиях экономической интеграции, выявляются проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются государства ЕАЭС при формировании общего рынка труда. Особое внимание уделяется вопросам трудовой миграции, профессиональной подготовки кадров, а также гармонизации

¹ Diehl P. Rechtspopulismus und Demokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Ausgabe 27/2024.

трудового законодательства стран—членов ЕАЭС. Исследование основано на анализе статистических данных, изучении нормативно-правовых актов и научной литературы по теме. Для исследования рынка труда стран ЕАЭС использованы методы: анализ статистических данных; сравнение показателей рынка труда разных стран ЕАЭС; методы математического моделирования и прогнозирования развития рынка труда. Промежуточные итоги показывают, что современные тенденции рынка труда стран ЕАЭС включают следующие позиции. Уровень безработицы в странах ЕАЭС снижается, что свидетельствует о росте занятости и экономической активности населения. Цифровизация экономики приводит к появлению новых профессий и изменению требований к навыкам работников, это влияет на структуру рынка труда и спрос на определенные специальности. Растет спрос на специалистов с высшим образованием и профессиональными навыками, особенно в сфере информационных технологий, медицины и образования. Страны ЕАЭС активно сотрудничают в области трудовой миграции, разрабатывая общие правила и условия для перемещения рабочей силы между государствами-членами. В некоторых странах ЕАЭС рынок труда развивается более динамично, чем в других, что может приводить к различиям в уровне заработной платы и условиях труда. Пандемия оказала значительное влияние на рынок труда, вызвав рост безработицы и изменение структуры занятости, однако страны ЕАЭС предпринимают меры по поддержке рынка труда и восстановлению экономики после пандемии. Государства ЕАЭС принимают меры по регулированию рынка труда, включая поддержку занятости, развитие системы профессионального образования и повышение квалификации работников. Страны ЕАЭС стремятся к созданию общего рынка труда, что предполагает гармонизацию трудового законодательства, обмен опытом и сотрудничество в области регулирования трудовых отношений. Рассмотренные тенденции отражают современные вызовы и возможности для развития рынка труда в странах ЕАЭС. Результаты исследования могут быть полезны для разработки рекомендаций по совершенствованию механизмов регулирования рынка труда ЕАЭС и повышению его эффективности.

Гнедаш А.А.
(Краснодар, КубГУ)

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАТРИОТИЗМА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Когнитивная сложность происходящего на наших глазах процесса во многом объясняется амбивалентностью современных российских языковых идентичностей; эта социокультурная «турбулентность», дискурсивная разнонаправленность, так или иначе, в той или иной степени, непосредственно или опосредованно, передается, «переводится» и в других языковых идентичностях на постсоветском пространстве. Главная внутренняя проблема, с которой связана внешняя хаотичность, образно-символическая непроработанность российских языковых идентичностей, заключается в ментальной и социокультурной «неразрешенности» этнических и языковых маркеров постсоветских культурных ландшафтов¹.

Мы проанализировали три самых популярных сетевых сообщества ВКонтакте, в названии и описании которых указаны слова и словосочетания «русский» и «я русский», глубина выборки — 3 года, метод выборки постов и комментариев — сплошная выгрузка данных за указанный период. Сформированные датасеты были подвергнуты статистической и лингвистической обработке с помощью нейросети «Концептоскоп». Результат был визуализирован в виде связок Субъект-Воздействие-Объект. Основными технологиями формирования патриотической идентичности стали:

1. Мифологизация: создание и развитие из события-подвига легенд, которые приносят символические значения и идеологические установки в процесс формирования гражданской идентичности в цифровом пространстве. Эти легенды ориентированы на мифологизацию образа идеального солдата, защитника Родины, создание национальных героев и современных событий в ходе СВО, которые формируют патриотические чувства и чувство принадлежности к общегражданскому сообществу независимо от языка и национальности.
2. Героизация определенных личностей, групп или идей, которые представляются в качестве образцов для подражания и источников вдохновения. В исследуемом сообществе такими героями стали обычные граждане (солдаты), официальные лица и политики как символы определенных патриотических ценностей или общегражданских идеалов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта «Патриотические и семейные ценности как константы цивилизационного развития России» (FEMS-2024-0006).

¹ *Замятин Д.* Географический образ России и постсоветские языковые идентичности // *Космополис*. 2008. № 1(20). С. 97–105.

3. Демонизация и принижение Чужого/Врага. Третья стратегия заключается в создании образа врага и/или чужого (представители коллективного Запада), который используется для консолидации общественного мнения и мобилизации поддержки вокруг определенных политических или идеологических целей. Этот процесс идет параллельно: враг наделяется отрицательными характеристиками, но он не может быть сильнее своего. Принижение врага происходит за счет маргинализации определенных групп или стереотипизации внешних угроз.

Патриотическая идентичность через языковую идентичность не случайно становится все более важной категорией гуманитарных наук: она отражает наиболее значимые процессы самоопределения человека и общества, обуславливает способность к самосохранению, поддержанию собственной цели в современных условиях глобализации и бурных социокультурных перемен¹. Языковая идентификация — непрерывный процесс интеграции и инкультурации человека в социум.

Гоголева Е.Н.
(ТУЛА, ТулГУ)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ В АТЭС КАК ВОЗМОЖНОСТЬ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

В настоящее время Россия чрезвычайно заинтересована интеграцией в Азиатско-Тихоокеанский регион. Данный регион концентрирует в себе государства с многочисленным населением, высокими темпами развития наукоемкой экономики и конкурентным образом жизни. РФ является членом нескольких организаций и неформальных форумов, созданных на базе данного региона. Среди них АТЭС, ШОС, Трехсторонний форум Восточной Азии и т.д.

Одним из наиболее перспективных направлений деятельности в данном регионе является функционирование Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Российская Федерация, вступив в АТЭС, подтвердила приверженность стратегическому выбору тесного экономического взаимодействия с участниками организации. В настоящее время активная и многосторонняя деятельность России в АТЭС приобретает все большее значение, способствуя более эффективному развитию и модернизации российской экономики, что не отменяет существования ряда трудностей и барьеров на данном пути.

АТЭС возникло в 1989 году, благодаря его усилиям регион преодолел ограничения протекционизма и в настоящее время находится на пути создания крупнейшей в мире зоны свободной торговли с огромным научно-техническим и производственным потенциалом. В настоящее время Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество включает в себя 21 государство, представляющих более половины мирового ВВП и почти половину населения Земли. В начале 2020-х годов основными направлениями деятельности Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества стали противодействие пандемии COVID-19 и смягчение ее последствий, достижение Пуэртаджайских ориентиров развития до 2040 года, совершенствование торгово-инвестиционного взаимодействия государств-участников Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, обеспечение экономической инклюзивности путем внедрения цифровых технологий, продвижение всеобъемлющего, инновационного и устойчивого роста, а также укрепление взаимодействия с заинтересованными партнерами.

Россия на саммитах Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества реализует свои национальные интересы, связанные с развитием дальневосточного региона и его инфраструктуры, а также с привлечением иностранных инвестиций. Кроме того, АТЭС является для России значимым рынком сбыта для своей продукции, прежде всего сырья и продовольствия, а также источником туристического потока на Дальний Восток.

В настоящее время РФ активно участвует в международных интеграционных процессах в АТЭС, принимая условия мирового разделения труда. Особое внимание обращается на развитие Дальнего Востока, что позиционируется российским политическим руководством как приоритетная задача на весь XXI век. Именно через Дальний Восток РФ планирует присоединиться к растущим финансовым потокам Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Взаимодействие России с АТЭС находит свое отражение в четырех базовых моделях сотрудничества: сырьевой, научно-технологической, миграционной и рекреационной.

Однако привлекательность сотрудничества с Дальним Востоком для Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества представляется завышенной, так как транспортная инфраструктура

¹ Караваева Д.Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия—Англия—Северная Англия. — Екатеринбург: Изд-во УРО РАН, 2016.

в макрорегионе устаревшая, туристический сектор недостаточно развит, нефтегазовый экспорт сильно зависит от мировой экономической конъюнктуры, а доля России во внешнеэкономической торговле государств–участников Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества остается незначительной. Основная модель сотрудничества, наиболее успешно развивающаяся в текущий период, — сырьевая, поскольку происходит экстенсивное увеличение мощности по экспорту российского сырья, прежде всего в Китай. Однако экономическая и транспортная обособленность региона увеличивает высокие расходы на транспортировку ресурсов, экспорт в основном концентрируется в продукции невысокой степени переработки (энергонасосители, рыба), а не в технологическом секторе. Россия продолжает восприниматься мировым сообществом как поставщик сырья, но не производительных сил.

Научно-технологическая модель в перспективе является наиболее востребованной для РФ, что позволит ей в рамках реализации совместных с партнерами по АТЭС проектах внедрять новые технологии, а также участвовать в современном высокотехнологичном производстве. Но недостаточные темпы научно-технологической модернизации российского региона способствуют усилению его отставания от передовых технологических держав АТЭС. К тому же присоединение ряда стран к антироссийским санкциям (например, Японии) не позволяет реализовать более успешно потенциал данной модели.

Миграционная модель взаимодействия остается во многом невостребованной из-за низкого уровня привлекательности российского Дальнего Востока для миграции высококвалифицированных кадров из стран АТЭС, для которых российский рынок труда не привлекателен ни по уровню доходов, ни по качеству инфраструктуры сотрудничества.

Реализация рекреационной модели сотрудничества российского Дальнего Востока с АТЭС видится наиболее перспективной, что связано с уникальными особенностями данного региона для развития международного туризма. Важнейшим рекреационным преимуществом при этом выступают удаленность этих территорий от экологического загрязнения и уникальные природно-климатические условия. Кроме того, для Дальнего Востока, где организация любого производства проблематична из-за высокой себестоимости, именно развитие въездного туризма из государств АТЭС с высоким уровнем жизни может стать серьезным экономическим ресурсом для экономики. Но остается проблема неразвитости необходимой инфраструктуры и отсутствия достаточных инвестиций в туристический сектор.

Головин Ю.А.
(Ярославль, ЯрГУ)

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ФАКТОРЫ РОСТА

В условиях проведения СВО, нарастания противостояния с западными странами в политической, экономической и военной сферах крайне важна гражданская активность граждан нашей страны, поддержка и помощь сражающейся армии и населения приграничных районов.

Опрос общественного мнения, проведенный в феврале 2024 года среди жителей Ярославской области в возрасте 18 лет и старше, проводился методом уличного опроса по заранее разработанной анкете. В опросе приняли участие 630 человек — представители различных социально-демографических групп, проживающие в различных населенных пунктах Ярославской области. Территориальная структура и объем выборочной совокупности в различных социально-демографических группах:

Пол		
		Проценты
Валидные	мужской	43,3
	женский	56,7
	Всего	100,0

Возраст		
		Проценты
Валидные	18– 29 лет	21,6
	30 — 35 лет	16,7
	36 — 49 лет	17,3
	50 — 59 лет	19,0
	60 лет и ст.	25,4
	Всего	100,0

Образование		
		Проценты
Валидные	Незаконченное среднее, среднее	10,8
	Среднее профессиональное	43,2
	Высшее	45,1
	Второе высшее, научная степень	1,0
	Всего	100,0

Район		
		Проценты
Валидные	Борисоглебский	3,0
	Гаврилов-Ямский	3,0
	Даниловский	5,9
	Любимский	5,6
	Первомайский	4,4
	Переславский	4,1
	Ростовский	6,2
	Рыбинск	17,0
	Тутаевский	5,2
	Угличский	2,7
	Ярославль	42,9
	Всего	100,0

Выборка репрезентативна для области в целом. Уровень достоверности данных составляет по области 95%, статистическая погрешность находится в рамках диапазона 5,0%.

Можно отметить продолжающуюся тенденцию на рост количества граждан, считающих, что они обладают гражданской активностью. Так, на начало 2024 года 65,9% респондентов заявили, что обладают активной гражданской позицией. Если сравнивать эти данные с данными на начало 2020 года, то можно заметить, что ситуация кардинальным образом изменилась: на начало 2020 года респонденты (68,2%) не имели четко выраженной активистской гражданской позиции. Все это может говорить о росте гражданского самосознания среди населения Ярославской области.

Главной формой проявления гражданской активности для респондентов остается просмотр и обсуждение текущих новостных повесток в СМИ (42,2% на начало 2024 года против 38,1% на начало 2023 года). Второй по популярности формой остается участие граждан в жизни своего дома, подъезда и ТСЖ (18,1% на начало 2024 года против 17,5% на начало 2023 года). Заметно и то, что снижается активность граждан в Интернете. Так, если на начало 2020 года доля респондентов, проявляющих свою активность в Интернете, составляла 22,4%, то на начало 2024 года она составляет уже 9,6%. Снижается и активность граждан в сфере пожертвований и благотворительной деятельности (9,5% на начало 2024 года при среднем 14,1% за последние 5 лет). Исходя из этого можно сделать вывод, что граждане больше настроены на «пассивное» участие в гражданской активности, предпочитая просматривать новостные источники и формировать свое мнение об общественно-политической ситуации в стране. Также они готовы участвовать в активностях, связанных с их непосредственным местом проживания, но не готовы к масштабированию участия.

Также респонденты стали видеть больше пользы в деятельности НКО для себя и своих близких: доля тех, кто считает деятельность НКО абсолютно полезной, возросла с 25,6% (на начало 2023 года, что и так являлось наибольшим показателем) до 35,4% (на начало 2024 года). При этом готовность населения безвозмездно работать в общественных организациях стала выше, чем за последние несколько лет, и составляет на начало 2024 года 39,7% (28,5% на начало 2023 года). Хотя такой показатель и не является рекордным (на начало 2013 года готовность граждан участвовать в деятельности НКО составляла 41,6%), но он демонстрирует определенную готовность граждан к решению общественно важных вопросов и проблем.

Респонденты в целом продолжают считать важным участие НКО в деятельности, направленной на оказание помощи в рамках специальной военной операции. Возросло общее одобрение граждан помощи НКО государству (с 55,2% на начало 2023 года до 64,8% на начало 2024 года), мобилизованным (с 74,5% на начало 2023 года до 82,5% на начало 2024 года) и семьям мобилизованных (с 72,5% на начало 2023 года до 77,1% на начало 2024 года). В целом можно говорить о том, что граждане поддерживают деятельность НКО в рамках проведения специальной военной операции и считают важными любые формы поддержки государству и военным, что говорит о высоком уровне солидаризации граждан.

ДЕМАРГИНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОРАДИКАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: СЛУЧАЙ ФРАНЦУЗСКОГО «НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ»

Праворадикальные политические партии во многих европейских государствах уже второе десятилетие с успехом выступают как на национальном, так и на наднациональном уровне, ярким свидетельством чего, к примеру, являются прошедшие в июне 2024 года выборы в Европейский парламент. Также в ряде европейских стран, в которых крайне правые многие десятилетия находились в маргинальном положении и не оказывали влияние на политический процесс, за последние годы произошли существенные изменения — к примеру, праворадикальные *Vox* в Испании и *Chega* в Португалии стали заметными акторами на политической сцене своих государств. Случай Франции, конечно, было бы некорректно сравнивать с вышеупомянутыми государствами Южной Европы: французский «Национальный фронт» (ныне — «Национальное объединение») уже более двух десятилетий является заметным игроком на политической арене Франции, а его представители добивались весомых результатов на выборах всех уровней. Однако есть нюанс, позволяющий рассматривать «Национальное объединение» в контексте той тенденции, которая была обозначена ранее, — тенденции демаргинализации. Этот нюанс — трансформация идеологического — прежде всего, националистического — дискурса этой партии. После того как партию возглавила дочь основателя организации, Марин Ле Пен, стало возможным говорить о реальном начале демаргинализации как дискурса партии, так и, собственно, ее положения в политической системе Франции. В идеологии современного «Национального объединения», руководство которого внимательно следит за собственным имиджем и, как следствие, сделало ставку на молодого политика Жордана Барделла, способного привлечь новый электорат, многие граждане Франции видят альтернативу как умеренным правым, так и левым политическим силам. В двух документах, расположенных на официальном сайте «Национального объединения» — программа Марин Ле Пен 2022¹ года и программа Жордана Барделла 2024² года — можно проследить особенности современного националистического дискурса правых радикалов Франции. Логика конструирования дискурса подчинена тем глобальным целям, которые ставит перед собой современная европейская праворадикальная партия. Это не столько демонстрация радикального несогласия с партиями, образующими основу политической системы страны, сколько привлечение большинства французов на свою сторону путем актуализации вопросов, связанных с миграцией, национальной идентичностью и местом Франции в современной мировой политике. К примеру, значительное внимание в программных документах партии уделено миграционному вопросу, который является одним из ключевых для практически любой европейской праворадикальной партии. Особенность дискурса французского «Национального объединения» по этой проблеме заключается в том, что партия в процессе его конструирования следует тем тенденциям, которые существуют в интеграционной политике этого государства, и, соответственно, процесс сэкьюритизации миграционного вопроса заметно отличается от подобных практик их крайне правых «коллег» из других европейских государств.

В целом можно говорить, что одной из главных задач трансформации идеологии и политики «Национального объединения» является демонстрация неуместности в современных политических реалиях таких понятий, как «республиканский фронт» (“*front républicain*”) и «санитарный кордон» (“*cordon sanitaire*”), которые обозначают консенсус различных правых и левых политических сил по недопущению правых радикалов к участию в управлении государством. Решение этой задачи праворадикальными партиями в различных государствах, вполне возможно, будет означать окончательную демаргинализацию крайне правых политических сил в Европе и, как следствие, необходимость достижения политического консенсуса с учетом тех предложений по наиболее проблемным для общества вопросам, которые вносят представители этого идейно-политического лагеря.

¹ Программа партии «Национальное объединение» 2022 года. URL: <https://rassemblementnational.fr/livrets-thematiques>.

² Программа Жордана Барделла на парламентских выборах 2024 года. URL: <https://rassemblementnational.fr/documents/202406-programme.pdf>.

Гонцов К.В.
(Москва, независимый эксперт)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ РОСТА ВЛИЯНИЯ ФАКТОРА ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СТАБИЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Проблема стабильности, устойчивости общества и государства в последние десятилетия получила наибольшую актуальность в научном и общественном дискурсе. Процессы, происходящие в мировой политике, уровень глобализации и взаимозависимости различных акторов, событий и тенденций сегодня являются ключевыми в определении национальной политики большинства стран. Внутренняя политика, во многом детерминированная внешним фактором, в первую очередь решает задачу сохранения стабильности социальной и политической системы на пути развития страны.

Так, по мнению И. Валлерстайна, процессы глобализации, интегрируя государства в единую мировую экономику (на основе разделения труда), в то же время делают их крайне зависимыми друг от друга. Поэтому экономические кризисы будут носить «глобальный» характер, в той или иной степени дестабилизируя развитие всех государств. Приводя к размыванию суверенитета государств, глобализация увеличивает возможность вмешательства во внутренние дела страны со стороны «гегемонов». Наконец, из концепции стабильности трех уровней миросистемы логически следует вывод о влиянии глобализации на внутреннюю стабильность государств. Нарушение «конфигурации» структуры неизбежно приведет к дестабилизации отдельных элементов миросистемы.

Исследования глобализационных процессов показывают, насколько современные общества становятся зависимыми и подверженными влиянию внешней среды. При этом в тесной взаимосвязи с глобализационным фактором находится и информационный. Информатизация — одна из современных тенденций развития обществ — становится одновременно и фактором стабильности социальной системы.

Учитывая, что социальная и политическая система как внутри себя, так и извне подвержена дестабилизирующим процессам, «выживаемость» системы будет во многом зависеть от ее управленческого потенциала. В связи с этим особый интерес представляет анализ государственной политики в периоды дестабилизации общественно-политической ситуации, экономических кризисов и т.д. Какие механизмы используют политические институты для стабилизации общественных отношений? Насколько эффективно используются существующие у государственной власти ресурсы?

Во-первых, констатируем, что государственная политика — это целенаправленный управленческий процесс, инициируемый государственными политическими акторами с целью решения общественно значимых задач.

Во-вторых, среди осуществляемых государственной политикой функций особое значение исследователи придают интегративной, поскольку цель данного вида политики — учитывать и интегрировать интересы всех социальных групп, консолидировать общество вокруг общезначимой цели. Акторы государственной политики в управленческом процессе должны опираться на общенациональную идею, цель, которая консолидирует все общество. Данная «идея» должна быть стержнем, на котором основываются все управленческие действия. Особо данная идея должна актуализироваться в период мировых экономических и политических кризисов.

В-третьих, основная цель государственного управления — это поддержание равновесия во всех сферах общества. Исходя из современного понимания стабильности, делаем вывод, что государственное управление в настоящее время сводится к поддержанию стабильного развития общества.

В-четвертых, именно в периоды дестабилизации общественно-политической ситуации, экономических кризисов и т.д. стандартные наборы методов и задач, стоящих перед государственными институтами, меняются, как и ограничиваются временные рамки для принятия решений. На первое место в государственной политике выходит стратегическое управление.

Во время кризисных ситуаций используются оперативные методы для решения возникших проблем. Наибольшую значимость для государственной власти должны иметь меры предупреждающего характера. Они позволят не только выявить кризисные явления на стадии их зарождения, но и дать «рекомендации» по их нивелированию.

Государственное стратегическое управление в «идеале» должно предупреждать возможные угрозы и учитывать их при планировании. Соответственно стратегия управления процессом стабилизации должна выявлять актуальные в данный момент и на данной территории дестабилизирующие факторы, которые могут с разной степенью вероятности повлиять на равновесие в обществе.

Таким образом, государственная политика стабилизации — разработанный основными политическими акторами на основе стратегии стабилизации комплекс мер по предотвращению

и предвидению негативных факторов и кризисных явлений в обществе (или отдельной его сфере), реализуемый органами государственной власти (и специально создаваемыми учреждениями) в определенный промежуток времени и учитывающий планы и стратегию внешних политических и экономических сил.

Горлов К.Н.
*(Мичуринск, Мичуринский городской Совет депутатов
Тамбовской области; МичГАУ)*

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ И ВЫЗОВЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: МИЧУРИНСК-НАУКОГРАД В УСЛОВИЯХ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

Городская идентичность представляет собой совокупность значимых символов и смыслов, через которые жители отождествляют себя со своим городом. Эти символы могут включать образы, концепции, коды и другие элементы, способствующие самоидентификации горожан. Например, Санкт-Петербург известен как культурная столица России, Петропавловск-Камчатский — как самый восточный город страны, а Волгоград — как город с уникальной военной славой. Для того чтобы такие представления стали реальностью, они должны быть интегрированы в идентификационные связи жителей с городом, укорениться в культурном коде и восприятии города.

В условиях полицентричного мирового порядка, когда центры влияния и развития перемещаются и умножаются, городам приходится не только сохранять, но и активно трансформировать свои идентичности. Мичуринск-Наукоград, будучи единственным наукоградом в агропромышленной сфере, может служить примером таких преобразований. Этот город, несмотря на богатую историю и статус, все еще формирует свою уникальную идентичность, приспосабливаясь к вызовам современности и глобальной конкуренции.

Исторически идея города в России была связана с противостоянием хаосу и пустоте, выступая своеобразной точкой стабильности и порядка. В XVII веке город Козлов, предшественник Мичуринска, был основан как крепость на границе России, символизируя противостояние со Степью. Это отразило традиционное представление о городе-крепости, укоренившееся в российском сознании, где город был оплотом безопасности и незыблемости государственного устройства. Однако с течением времени и изменением границ эта идея претерпела значительные трансформации.

В XVIII–XIX веках Козлов стал типичным уездным городом с развивающейся торговлей и сельским хозяйством. Железные дороги и иные транспортные пути ускорили интеграцию города в более широкие экономические сети, что способствовало формированию новой идентичности — города купеческого.

Послереволюционный Козлов (позднее Мичуринск) тесно связан с именем великого ученого селекционера Ивана Владимировича Мичурина и идеей города-сада. Воплотить ее, впрочем, не удалось нигде. В сознании жителей от концепции осталась лишь гордость за причастность к свершениям великого горожанина, сдобренная, впрочем, изрядной порцией горечи утраты цветущих весной садов в многочисленных городских усадьбах, застроенных впоследствии многоэтажными домами.

Во второй половине XX века, несмотря на крупные промышленные предприятия и важный транспортный железнодорожный узел, обеспечивающие рабочие места для большинства населения города, идея города—промышленно-транспортного центра не смогла сыграть значимую роль при формировании идентичности его горожан, хотя, несомненно, отражалась на их самоощущении.

В 2003 году городу присвоено высокое звание Наукограда Российской Федерации. Сегодня он — единственный из городов, обладая столь высоким статусом в агропромышленной сфере, сталкивается с необходимостью создания новой городской идентичности, которая бы учитывала как исторические корни, так и современные вызовы. В условиях полицентричного мира, где города выступают не только как экономические и культурные узлы, но и как центры инноваций и научного прогресса, Мичуринску необходимо не только сохранить свой аграрный и научный потенциал, но и адаптироваться к изменяющимся условиям глобальной конкуренции.

Важной задачей для города становится поддержка формирования городской идентичности в условиях понимания, что современному человеку навязать идентичность практически невозможно. Но поддерживать ее формирование необходимо. И делать это как имплицитно (фоновое) — со стороны среды, например, с помощью городской атрибутики и брендов, которые отражают уникальность города и помогают горожанам ощутить себя частью общего будущего, так и эксплицитно — со стороны «значимых других», способных предложить горожанам ясные цели, действительные ценности, непротиворечивые поведенческие установки.

Необходимо задействовать физические, информационные и социальные ареалы городской идентичности — от архитектуры и чувства укорененности до городских ритуалов и традиций.

Современные вызовы, такие как урбанизация, миграция и глобальная конкуренция за ресурсы и таланты, требуют от городов, включая Мичуринск-Наукоград, активного пересмотра своих стратегий развития и способов интеграции жителей в городской контекст. Предложение ясных целей, ценностей и установок, отражающих как локальные, так и глобальные тенденции, может стать ключом к формированию сильной и устойчивой городской идентичности. Важно, чтобы каждый житель воспринимал город как пространство возможностей и участия, что, в свою очередь, будет способствовать коллективному действию по конструированию и воплощению образа будущего города в условиях полицентричного мира.

Горобец В.В.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова; ИНИОН РАН)

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ВИДЕОИГР В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ*

Для современного мира характерно возрастание роли информационных технологий и массовой коммуникации в жизни людей. В силу этого процессы политического просвещения и формирования политической культуры граждан России происходят под воздействием не только таких традиционных институтов, как школа или семья, но и с помощью артефактов массовой культуры. Являясь основным источником информации, массовая культура оказывает влияние на формирование взглядов, ценностей и образа мышления, тем самым участвуя в формировании национально-государственной идентичности.

Одним из элементов массовой культуры являются видеоигры. За счет личного участия, а также сюжетной последовательности, дополненной музыкальным и визуальным сопровождением, игрок переходит в особое психоэмоциональное состояние, позволяющее наиболее остро воспринимать демонстрируемые в игре смыслы и образы. Таким образом, видеоигры могут быть использованы в качестве инструмента для политического просвещения и формирования положительной национально-государственной идентичности.

Многие исследователи отмечают колоссальную роль видеоигр в сфере образования и социализации молодежи. Так, исторические сюжеты, показанные в видеоиграх, из-за интерактивного формата подачи информации упрощают восприятие образовательного процесса и повышают мотивацию учащихся. В связи с этим игровые технологии могут способствовать росту эффективности обучения (Иванов, 2019: 136). Особенностью подобных форматов образовательного процесса является ненавязчивый, игровой вариант получения знаний о политических событиях и возможности участия в политической жизни страны.

Важно учитывать жанровую специфику видеоигр. Наиболее подходящими вариантами при реализации потенциала политического просвещения являются симуляторы, образовательные игры, игры на основе реальных событий (исторические), игры для повышения мотивации граждан.

Симуляторы позволяют моделировать те или иные политические события и конфликты в игре, почувствовать сложность принятия решений и оценить их последствия. Примером является игра «Crisis in the Kremlin», где игроку необходимо попытаться не допустить развала СССР или пойти по иному пути развития страны.

Образовательные игры направлены на получение информации о политической системе, исторических событиях, интересных фактах и терминологии. Такие игры могут сделать изучение политики более привлекательным и доступным, а также повысить вовлеченность молодежи в общественные дела. Так, в браузерной видеоигре «Политика и Власть: путь Президента» есть тесты и квизы с политическими вопросами.

Исторические видеоигры могут быть использованы с целью поиска исторической правды, работы с фейками и патриотического воспитания граждан. Так, некоторые зарубежные игры наполнены стереотипами о Великой Отечественной войне и используются для формирования «демонизированного антиобраза представителей Красной Армии» (Белов, 2018: 101). Подобные игры можно использовать для работы с фактическими ошибками.

Мотивационные игры позволяют мобилизовать людей к участию в политической жизни страны. Так, интерактивные задания на цифровой карте, квест-марафоны и другие технологии из видеоигр и геймификация активно применяются на российских выборах (Колесник, 2021: 145).

* Проект «Потенциал геймификации в политическом просвещении и формировании национально-государственной идентичности в молодежной среде» FFFM-2024-0026 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Вне зависимости от жанровых особенностей любая подобная видеоигра несет в себе специально заложенную информацию политической направленности. Таким образом, вариация жанров позволяет достигать конкретные политические цели при реализации политического просвещения. Стоит отметить, что видеоигры политического характера часто содержат не только фактическую информацию о политических событиях, но и продвигают мнения разных политических групп. Эффективно используя данный инструмент, можно обеспечить консолидацию граждан, укрепить политическую власть и повысить вовлеченность молодежи в политическую жизнь страны. В то же время наряду с качественными видеоиграми, направленными на развитие политического просвещения, могут появляться и игры, подрывающие национально-государственную идентичность граждан и стабильность политической системы. Такие видеоигры сложно отличить от образовательных, что создает угрозы и требует учета со стороны государственных структур.

Грабевник М.В.
(Пермь, ПГНИУ)

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ И СУБНАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В исследованиях регионализма, сепаратизма и политико-территориальной целостности современных национальных государств в российском академическом поле имеет место значимый пробел — практически отсутствуют значимые исследования взаимосвязи международной миграции и субнационального регионализма. Краткий теоретический обзор, представленный в настоящих тезисах, представляет попытку фрагментированного заполнения данного исследовательского сюжета (характера взаимосвязи международной миграции и субнационального регионализма).

Международная миграция выступает значимым фактором субнационального регионализма в современных национальных политиях. Очевидным образом иммиграционные процессы могут способствовать размыванию этнолингвистической структуры населения региона, что оказывает влияние на ослабление регионализма как движения и как политического курса. Регионалистские политические партии, таким образом, могут терять электоральную поддержку и политическую субъектность (Deschouwer, 2009). Национальные правительства нередко прибегают к миграционной политике как инструменту управления политико-территориальной гетерогенностью в случаях интенсивных субнациональных регионализмов (Dirksmeier, 2021). Между тем, иммиграция репатриантов или *co-ethnics* достаточно часто приветствуется субнациональными территориальными единицами для увеличения электоральной и мобилизационной базы автономистских/ регионалистских/ сепаратистских движений (пример канадской провинции Квебек в данном случае показателен) (Turgeon, Bilodeau, 2014) и имплементации политики регионального гражданства (Herburn, 2011; Ruiz-Vieitez, 2017). Эмиграционные процессы, наоборот, в большинстве случаев ослабляют субнациональный регионализм. Определяющими условиями/ факторами в таких случаях являются географические особенности (острова Норфолк и Рождества в Австралии, Пуэрто-Рико в Соединенных Штатах, Шетландские и Оркнейские острова Соединенного Королевства), наличие *kin-state* (венгерские сообщества Словакии и Румынии, хорватское сообщество Боснии и Герцеговины, албанское сообщество Северной Македонии) и политические репрессии/ гражданские войны/ этнические конфликты (рохинджа в Мьянме, этнические сербы в Косово и другие).

Зарубежные (прежде всего европейские) исследования указывают на широкий спектр факторов, определяющих взаимосвязь международной миграции и субнационального регионализма, которые требуют детального эмпирического обследования: демографические и структурные характеристики принимающего регионального сообщества, этнолингвистический состав населения региона и иммиграционного сообщества, экономические характеристики и ситуация на рынке труда, исторические и традиционалистские характеристики, региональная политическая и партийная система, а также конфигурация системы многоуровневого (или совместного) управления, где субнациональные единицы обладают степенью субъектности в отношении миграционной политики национального уровня (Herburn, 2014; Jeram et al., 2015).

Политическая стратегия региона в отношении иммиграционных паттернов также является значимым фактором. С одной стороны, классический подход в исследованиях национализма предполагает консервативную и протекционистскую реакцию субнационального регионализма на иммиграционные потоки — регионалистское движение рассматривает иммигрантов как угрозу собственной структурной и политико-культурной целостности, а потому будет стремиться проводить ограничительную миграционную политику (Hobsbawm, 1992). Наиболее часто подобные логики наблюдаются в случаях регионализмов, основанных на этнолингвистическом критерии (классической иллюстрацией является провинция Квебек в федерации Канада). С другой стороны,

в период 2000–2020-х годов в актуальной политической практике проявляются иные закономерности — этнолингвистические регионализмы Каталонии и Шотландии, вопреки теоретическим ожиданиям методологического национализма, проводят вполне либеральную иммиграционную политику, не расценивая иммигрантов как угрозу целостности региона и единству региональной (каталонской и шотландской) идентичности. Благодаря подобным эмпирическим индикаторам более весомую поддержку получает другая теоретическая традиция — мультикультурализм (Kymlicka, 2001). Такая традиция предполагает, что чем большей региональной автономией и более широким спектром политико-административных полномочий обладает субнациональная территориальная единица (особенно в отношении экономической, трудовой и социальной политик), тем более активно регион будет придерживаться либеральной и толерантной позиции в отношении к иммигрантскому сообществу.

Теоретические и эмпирические исследования характера корреляции международной миграции и субнационального регионализма в современных политиях, на взгляд автора, являются актуальными и перспективными как в количественной и каузальной логике, так и в качественной и дескриптивной исследовательской ориентации.

Грачев М.Н.
(Москва, РГГУ)
Филатова О.Г.

(Санкт-Петербург, Университет ИТМО)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ГОРОДСКИХ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ: ДВА ГОДА ИССЛЕДОВАНИЙ*

Завершается второй год работы над проектом «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов», поддержанным Российским научным фондом и Санкт-Петербургским научным фондом в 2023 г. Цель проекта — собрать с использованием медиаэкологического подхода уникальный материал о наличии имеющихся городских цифровых сервисов и понять, с одной стороны, мотивацию их создания властями города, а с другой — выявить социальные эффекты со стороны пользователей, причем в уникальном местном контексте.

В процессе реализации проекта прежде всего возникла необходимость уточнить определение самого понятия «городской цифровой сервис» и отделить его от понятия «цифровая услуга», поскольку оба термина часто отождествляются как исследователями, так и пользователями, среди которых проводятся исследования. Однако если «цифровая услуга» — это процесс электронной доставки и потребления информации в интерактивном режиме для получения документов, лицензий, бронирования, совершения банковских транзакций и других услуг, оптимизирующий документооборот между государственными структурами, организациями и гражданами на основе существующей нормативно-правовой базы, то «городской цифровой сервис» — это поставщик цифровых услуг, способствующих оптимальному использованию городской (в том числе и цифровой) среды для реализации потребностей горожан и установления диалога со структурами власти. Соответственно, представляется возможным оценить результативность такого диалога, удовлетворенность потребностей граждан услугами, предоставляемыми структурами власти, и выявить комплекс необходимых для этого показателей, то есть определить социальную результативность городских цифровых сервисов. Для выявления показателей результативности проводится целый комплекс исследований, использующих как количественные, так и качественные методы.

Исследования показывают, что существует некоторое несоответствие между тем, что предлагают органы власти, и тем, что горожане хотят получить с точки зрения электронных услуг. Это происходит из-за недопонимания между ними, поскольку структуры власти и управления часто не имеют информации о потребностях граждан и воспринимают их по-разному, в результате чего услуги не соответствуют ожиданиям граждан. Большое значение для преодоления такого непонимания имеет проведение качественных исследований, и прежде всего — фокус-групп. Результаты серии таких исследований, осуществленных в рамках проекта, показывают, что использование электронных услуг зависит от двух основных факторов: осведомленности и воспринимаемого качества услуг. В свою очередь, на воспринимаемое качество влияют несколько других внешних переменных: восприятие людьми степени безопасности и конфиденциальности электронной услуги; расхождение между спросом и предложением

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

с точки зрения того, что предлагается, и тем, что люди ищут; и качество контента, включающее в себя оценку не только предоставляемой информации, но также веб-дизайна.

В случае Санкт-Петербурга, например, правительство города разрабатывает мини-приложение «Я здесь живу», которое должно предоставлять обширную информацию горожанам в зависимости от их «социальных ролей». Однако услуги, предоставляемые через данное приложение, зачастую дублируют то, что уже функционирует, и уступают аналогичным сервисам, предлагаемым ИТ-компаниями. Граждане говорят, что отсутствует необходимая информация и интерактивные функции для предоставления обратной связи, что заметны проблемы с веб-дизайном, навигацией и поиском необходимых сведений, что они обеспокоены вопросами безопасности и конфиденциальности, поскольку мини-приложение функционирует внутри социальной сети. Но, несмотря на выявленные проблемы, горожане упоминают и положительный опыт использования данного приложения и говорят о своей готовности в целом к электронному взаимодействию с властью. В городе заметен также и растущий интерес к электронным сервисам, которые предоставляются посредством Единой карты петербуржца.

В целом осуществляемое исследование вносит вклад в изучение принятия и использования горожанами электронных сервисов. Подтверждая в общих чертах результаты, ранее полученные другими авторами, оно тем не менее выявляет дополнительные факторы, которые могут способствовать или препятствовать использованию электронных сервисов. При проектировании электронных сервисов со стороны государства чрезвычайно важно учитывать фактические потребности граждан, чтобы обеспечить их достойное качество и дальнейшее использование.

Грачиков Е.Н.
(Москва, РУДН)

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК КОЛЛЕКТИВНОГО НЕЗАПАДА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ СИ ЦЗИНЬПИНА

С началом торгово-санкционной войны США с КНР идет процесс «разъединения» — «декаплинг» (*decoupling*), т.е. разрыв экономических связей США с КНР, а также России с Европейским Союзом, ускоряющий деление мира на два блока: «коллективный Запад» (американоцентричный, формирующийся вокруг *NATO*, *AUCUS*, *QWAD*) и «коллективный НеЗапад» (китае-россияцентричный, формирующийся вокруг ШОС и БРИКС). Для России разрыв с западными странами произошел еще в 2014 г. (после вхождения Крыма в состав России), а для КНР данный процесс в полной мере начался лишь в 2019–2020 гг., так как до этого времени существовала высокая степень взаимозависимости экономик КНР и США, которая в сфере двусторонней торговли оставалась значимой и в 2021 г., достигнув 755 млрд долл. США, хотя уже в 2022 г. наблюдается спад до 650 млрд долл. и США занимает только третье место во внешнеторговом обороте КНР после АСЕАН и ЕС.

Набирает обороты и технологический декаплинг, например, западные страны запустили *Clean Network Initiative*, запрещающую сотрудничество в любой форме с китайскими телекоммуникационными компаниями, политический декаплинг — разделение международных организаций на несколько конкурирующих альянсов, в том числе западноцентричных (МВФ, ВТО и др.) и китаецентричных («Один пояс, один путь», АБИИ и др.). Наконец, важную роль будет играть и идеологический декаплинг, а именно: постепенное распространение незападных теорий международных отношений в странах «коллективного НеЗапада» как основных теоретических подходов в международных исследованиях (например, китайская, российская, индийская и др. школы международных отношений).

Формирование международных организаций «коллективного НеЗапада» предполагает создание аналогичных западным структур. Вместо НАТО — это расширение и углубление деятельности ШОС, сопряжение институционального потенциала ОДКБ и ШОС при лидирующей роли России. В сфере производства — это создание аналога организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) из числа активных участников китайского проекта «Один пояс, один путь» и перехода к «мягкой» координации производственной политики. В финансовой сфере — это запуск цифровых юаня и рубля, коллективной валюты БРИКС. В сфере распространения знаний и идеологических концепций ключевую роль также могли бы играть Россия и Китай.

Влияние России и Китая на консолидацию незападных стран

В марте 2022 г. Генеральная Ассамблея ООН впервые рассматривала положение на Украине, связанное с проведением Россией СВО. Тогда резолюцию ООН с осуждением России поддержало 140 государств, против выступили 5 стран, воздержались 35. В августе 2022 г. антироссийскую резолюцию ООН по этому же вопросу подписали всего 54 государства (в основном это страны НАТО

и англосаксонского мира), а большинство стран—членов ООН осталось на стороне России. Таким образом, кардинально изменился международный климат вокруг специальной военной операции на Украине, а в более широком контексте — произошла широкая консолидация коллективного НеЗапада.

За время с начала проведения СВО представители России и Китая приняли участие во многих международных форумах — «Группы 20», БРИКС, Петербургский международный экономический форум, Даляньский международный экономический форум («Летний Давос»), состоялись визиты министра иностранных дел России и Китая в страны Африки, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки.

Секретариаты (штаб-квартиры) наиболее влиятельных международных структур незападных стран находятся в Китае: ШОС в Пекине, АБИИ и Новый банк развития БРИКС — в Шанхае, Механизм КНР—Центральная Азия — в Сиане. Москва пока является центром Евразийского экономического союза и Организации Договора по коллективной безопасности. Пришло время, когда Россия должна инициировать создание международных структур незападных стран, в центре которых должна стоять Россия. По всей видимости, наиболее приоритетным выглядит создание международной организации по глобальной и региональной безопасности со штаб-квартирой в Москве.

Глобальные инициативы Си Цзиньпина

Три глобальные инициативы Си Цзиньпина отвечают на актуальные вопросы, стоящие сейчас перед Китаем и мировым сообществом, а также пути и способы реагирования на мировые проблемы с целью объединения усилий всех стран в построении сообщества единой судьбы человечества. В статье исследуются исторический контекст, стратегические коннотации и стратегические концепции трех глобальных инициатив. Подчеркивается, что глобальные инициативы рассматривают эволюцию мировой политики с целостной точки зрения и перспективы развития, учитывая внутреннюю и международную ситуацию и координируют два основных направления — развитие и безопасность, придерживаясь стратегического мышления о создании фундамента для цивилизаций, рассматривая сотрудничество как путь к совместному устойчивому развитию с общими ценностями, ориентированными на человека и принцип «взаимного выигрыша». В этой статье делается попытка предложить стратегический путь содействия реализации трех глобальных инициатив, а именно придерживаться стратегического плана, ориентированного на развитие, укрепить основу взаимного обогащения между цивилизациями, предотвратить чрезмерную секьюритизацию, поддержать принцип совместной ответственности, консультации, вклад и обмен информацией, а также настойчивость в прагматических действиях и ответственности крупной страны.

*Гребенко Е.Д., Исаева Е.А.
(Ярославль, ЯрГУ)*

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ*

Развитие цифровых технологий и совершенствование систем анализа, обработки и хранения больших данных способствовали появлению технологий искусственного интеллекта. Сам по себе искусственный интеллект представляет собой интеллект, похожий на человеческий, реализованный на базе машинного обучения и способный выполнять различные задачи, включая: обучение; решение проблем; распознавание речи и изображений; принятие решений. Не менее важным в развитии искусственного интеллекта стало появление одной из его технологий, которая фактически повторяет структуру человеческого мозга (нейронов), которая в дальнейшем стала называться нейросетью. Развитие цифровых систем, основанных на искусственном интеллекте, позволило внедрить их в различные сферы жизни общества, начиная от экономики и заканчивая политикой. На сегодняшний день нейросети и искусственный интеллект в целом стали использоваться практически для решения любых повседневных задач как отдельных граждан, так и целых организаций. Но несмотря на явные преимущества искусственного интеллекта, его внедрение и использование является предметом широкого курса исследователей и экспертов. Одной из сфер, где ведется дискуссия в отношении искусственного интеллекта, является политическая, где главным вопросом становятся этические проблемы использования искусственного интеллекта в сфере государственного управления. Среди таких проблем можно обозначить следующие.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2024-0010 «Политические проблемы ценностно окрашенного искусственного интеллекта».

1. Предвзятость алгоритмов: алгоритмы искусственного интеллекта обучаются на данных, которые могут содержать в себе существующие социальные предрассудки и стереотипы. Это может привести к дискриминации отдельных групп населения при принятии решений в области правосудия, социального обеспечения, кредитования и т.д.

2. Прозрачность и подотчетность: как правило, алгоритмы искусственного интеллекта являются «черными ящиками», то есть их внутреннее устройство сложно понять даже специалистам. Это затрудняет оценку обоснованности принимаемых ими решений и делает невозможным определить, по каким критериям они были приняты.

3. Ответственность: в случае принятия ошибочного решения, кто несет ответственность: разработчик алгоритма, владелец системы или государственный орган, использующий искусственный интеллект?

4. Приватность: использование искусственного интеллекта предполагает сбор и анализ больших объемов данных, в том числе персональных. Возникает вопрос о том, как защитить приватность граждан и предотвратить несанкционированный доступ к их данным.

5. Автономность: по мере развития искусственного интеллекта все большее количество решений будет приниматься автоматическими системами без участия человека. Это поднимает вопрос о том, в какой степени можно делегировать такие решения машинам и как обеспечить контроль над их действиями.

6. Социальное неравенство: использование искусственного интеллекта может усилить существующее социальное неравенство, поскольку доступ к качественным технологиям и данным неравномерен.

Исходя из вышеописанных проблем, можно сказать, что использование искусственного интеллекта и нейросетей в сфере государственного управления несет в себе как огромный потенциал, так и серьезные риски. Для того чтобы реализовать преимущества искусственного интеллекта и минимизировать его негативные последствия, необходимо уделять большое внимание этическим вопросам и разрабатывать соответствующие меры регулирования.

*Грибанова Г.И.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)*

АНТАРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Все большее внимание в современной мировой повестке дня уделяется Арктике, которая уже стала регионом геополитического противостояния. По сравнению с ней Антарктика в значительной степени остается на периферии глобальной политики, однако и здесь начинают происходить процессы, которые ведут к разрушению статус-кво, существовавшего здесь на протяжении многих десятилетий. Белый континент и Южный океан все в большей степени с точки зрения управления перестают быть регионом, функционирующим в условиях «низкой напряженности» и принятия решений на основе консенсуса. В некоторой степени можно экстраполировать развитие ситуации в Арктике на Антарктику, и именно поэтому представляется необходимым обратить особое внимание на это направление государственной политики Российской Федерации.

В истории нашей страны Антарктика занимает важное место. Само открытие Южного континента связано с российской экспедицией под руководством Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева. В 1955 году состоялась первая советская антарктическая экспедиция, в 1956 году появилась станция «Мирный». А в 1959 году Советский Союз стал первоначальным участником Договора об Антарктике.

Однако, подчеркивая исторические связи России с Антарктидой, следует признать, что в последние десятилетия наша страна сталкивается со значительными трудностями в поддержании своего присутствия в этом регионе в силу финансовых и технологических проблем, которые на данном этапе развития страны вряд ли удастся решить в одиночку, без использования поддержки других стран. Совершенно очевидно, что в нынешней геополитической ситуации речь может идти, главным образом, о сотрудничестве в рамках БРИКС+. Тем более что все страны БРИКС имеют антарктические научные станции, а в последнее время о своем интересе к Антарктике неоднократно заявлял и Иран. При этом очевидно, что главным партнером России в этом регионе может и в определенной степени уже является Китай.

За последние два десятилетия Китай превратился в одного из важнейших игроков в регионе, вкладывая в свою антарктическую программу значительные средства, однако он пока не обладает мощным потенциалом для обеспечения морских и воздушных перевозок, который позволил бы ему быть независимым или действовать в одностороннем порядке. Кроме того, сказывается и недостаток опыта в проведении полярных исследований. В ситуации, когда любая активность Пекина в регионе вы-

зывает настороженность, а нередко и прямую негативную реакцию со стороны Запада, естественным союзником и партнером страны (как и в случае с Арктикой) становится Россия.

25 мая 2017 года во время проведения 40-го Консультативного совещания по Договору об Антарктике Россия и Китай подписали меморандум о сотрудничестве в сферах научных исследований и логистических операций в Антарктике. Совместные исследования направлены на изучение таких вопросов, как нестабильность полярной ледяной шапки и уровня моря; циркуляция Южного океана и ее глобальное воздействие; геологические процессы в полярных регионах и их влияние на ресурсы и окружающую среду; чувствительность и хрупкость полярных экосистем; и взаимодействие между солнечно-территориальными процессами и полярной атмосферой. Что касается логистики, то речь идет о возможном совместном использовании антарктических станций двух стран, имеющих транспортные средства, а также спутников связи.

Россия и Китай сегодня стремятся координировать свои позиции и действия по наиболее острым моментам, касающимся управления Антарктикой. Так, они вместе стремятся предотвратить потенциальную дискриминацию в отношении доступа отдельных стран к региональным биоресурсам. Именно поэтому РФ и КНР совместно блокируют поддерживаемые ЕС и США планы по защите трех обширных участков океана вокруг Антарктиды от большинства видов рыболовства.

Особую обеспокоенность стран Запада вызывает потенциальное военное сотрудничество России и Китая в Антарктике. По мнению американских специалистов, обе страны проводят научные исследования «двойного назначения», которые «маскируют» цели обеспечения военной безопасности и подрыывают порядок, основанный на правилах».

Оценивая потенциал российско-китайского взаимодействия в Антарктике, необходимо, на наш взгляд, особо отметить близость взглядов двух стран на Договор об Антарктике: и Россия, и Китай считают, что этот договор «не рассчитан на будущее» и должен быть пересмотрен. По оценке специалистов, существующий в настоящее время режим интернационализации Антарктики и Южного океана выгоден, в первую очередь, США. Соответственно, перед Россией и Китаем, как и другими заинтересованными странами, не относящимися к коллективному Западу, его пересмотр мог бы стать еще одним шагом в сторону формирования многополярного мирового порядка. Одновременно антарктическая политика двух стран должна быть направлена на то, чтобы обеспечить их готовность к возможным изменениям статуса Антарктики и открывающимся в этом случае экономическим и военным перспективам. При этом необходимо учитывать, что, хотя и РФ, и КНР пока не выдвигали никаких территориальных претензий на Антарктику, они оставили за собой это право.

В целом стратегические цели РФ и КНР совпадают и взаимно усиливают друг друга, что позволяет использовать взаимовыгодное сотрудничество для продвижения своих собственных национальных интересов и в будущем подтвердить свои стратегические позиции в регионе земного шара, который становится все более значимым для решения ключевых проблем человечества.

*Григорьев Н.А.
(Якутск, СВФУ им. М.К. Аммосова)*

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ РЕГИОНОМ РОССИИ

В рамках адресного, селективного подхода региональной политики России актуализируется развитие макросубъектов. Особенно необходимо выделить Дальний Восток и Арктику. В 2019 г. в составе российского федерального правительства было выделено отдельно Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики. Созданы отдельные институты управления по развитию данного региона: Министерство Дальнего Востока в 2012 г.; появление отдельной должности вице-преьера в составе федерального правительства, курировавшего данный регион; в 2015 г. образована управляющая компания, осуществляющая функции по управлению территориями опережающего социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и др. Были созданы особые экономические зоны в виде территорий опережающего социально-экономического развития (ТОРы), реализованы программы по дальневосточному гектару, дальневосточной ипотеке и др. В то же самое время должны быть четко определены полномочия институтов, отвечающих за реализацию данной политики, а также региональных и местных органов власти.

Несмотря на значительную институциональную значимость Минвостокразвития в составе российского правительства, его реальные лоббистские возможности могут быть увеличены. За реализацию региональной политики в России отвечает Минэкономразвития РФ, а за выделение финансовых средств — Минфин РФ. Обобщая представленность резидентов ТОРов, можно сделать вывод об огромной роли федеральных сырьевых компаний, в отношении которых у Минвостокразвития меньше механизмов

влияния. К тому же в последнее время добавились задачи развития Арктики, что может вызвать размытие общей стратегии дальневосточной политики. Таким образом, исследование дальневосточной региональной политики тесно связано с анализом основных направлений арктической политики.

В нашем исследовании использована неoinституциональная методология, наиболее релевантная теме исследования. Неoinституциональная методология оформляется как самостоятельное направление в 1980-х годах; политические институты анализируются с точки зрения взаимосвязи формальных норм и неформальных «правил игры», образующих в итоге сложные организационные отношения, формы взаимодействий и саму кооперативную деятельность людей, поддерживающих стабильность и воспроизводящих порядок в обществе.

Объектом данного исследования являются федеральные, региональные органы власти, корпорации развития, отвечающие за реализацию региональной политики на Дальнем Востоке. В строгом соответствии с принципами неoinституционализма вслед за Д. Нортон мы разделяем понятия «институты» и «организации», где первые определяются как устоявшиеся нормы и правила поведения, а последние — как политические органы и учреждения, экономические структуры, общественные и образовательные учреждения¹.

При анализе структуры министерства выделяется приоритетность развития Арктики. В 2015 г. были созданы подведомственные организации, которые решали вопросы инвестиций, развития человеческого капитала: «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» и АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и Арктике». Наиболее разветвленной организацией является Агентство по развитию человеческого капитала, имеющая представительства в Хабаровске, Москве, Архангельске, Якутске, Владивостоке, Улан-Удэ, Чите, а также широкую управленческую структуру (генеральный директор и его 5 заместителей, 2 департамента, 10 отделов).

Региональная власть ответственна за исполнение и плотно вовлечена в работу по выбору площадок, их инфраструктурному обустройству и решению текущих проблем резидентов. Региональную политику в рамках федеративного государства можно определить как совместные действия федерального центра и регионов, направленные на социально-экономическое, политическое развитие местных территорий, а также обеспечение национальной безопасности. Как отмечают исследователи Е. Бухвальд и О. Иванов, региональная политика должна перейти к «саморазвитию», что означает большую субъектность регионов².

Должны быть четко определены полномочия институтов, отвечающих за реализацию региональной политики, а также региональных и местных органов власти. Региональная политика выступает интегрирующим фактором в уровне взаимодействия центра и регионов, что определяет не только успех данной политики, но и в целом федеративных отношений. Понятие «рост» учитывает количественные характеристики, влияющие на построение институтов регионального развития, использование таких механизмов, как принятие программ, выделение финансирования, рост инвестиций. За ростом должно наступить развитие — улучшение социального и человеческого капитала, городской среды, повышение эффективности демографической политики, поддержки малого бизнеса.

*Григорьева М.В.
(Москва, ВЦИОМ)*

ОБРАЗ БУДУЩЕГО ДЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ

В эпоху высокой турбулентности, в которую мы вступили несколько лет назад (пандемия, СВО), предвидение будущего, его прогнозирование представляются чем-то похожим на магию или гадание на кофейной гуще. Однако без более или менее четкой модели будущего или хотя бы ее очертаний ни общество, ни политическая власть не могут успешно функционировать. Способность создавать образы будущего является необходимой функцией как государства, так и отдельных социальных групп и индивидов. Ведь наличие хоть каких-то представлений о своем завтра — первый шаг к его осуществлению.

Особенности формирования представлений о своем будущем у молодежи в первую очередь связано со спецификой социализации этого поколения, которая пришлась на эпоху ценностной эклектики первого десятилетия XXI века. С одной стороны, в это время еще было активно поколение СССР, которое транслировало советские ценности, которые можно отнести к традиционным (любовь к родине, патриотизм, гордость за страну, крепкая семья, коллективизм. С другой — начало XXI века — это время

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.

² Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Стратегия пространственного развития и основные направления ее актуализации // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2021. № 1. С. 7–23.

популярности западноевропейских ориентиров и стандартов, что также не могло не сказаться на представлениях молодых о мире.

Отсюда и мозаичность ценностной рамки молодежи, которая лежит в основе представлений о счастливом завтра. Для молодых традиционные ценности (семья, патриотизм) так же важны, как и либеральные (свобода, демократия, самореализация). Особенность этого поколения — в разноректорности ориентиров. Например, традиционная семья безусловно декларируется молодыми как базовая ценность, образец, однако в реальности принимается разнообразие семейных форм (эгалитарная, чайлд-фри). Любовь к родине, патриотизм — один из ключевых запросов молодежи, при этом он сочетается с запросом на открытые границы, свободу. Высокая социальная активность молодежи, проявляющаяся, например, в активном участии в волонтерском движении, компенсируется политической инфантильностью этой группы. Чрезвычайно высока в молодежной среде ценность индивидуализма и самореализации, однако и запрос на патернализм присутствует.

Такая мозаичная ценностная рамка формирует у молодежи несколько образов будущего.

Первый, наиболее значимый, образ — скорее утилитарный — комфортная, благополучная страна. Например, для молодежи более значимы «человекоориентированные» государственные программы, цель которых — скорее комфорт конкретного человека, чем глобальные цели (комфортная городская среда, цифровая экономика, транспортная инфраструктура). Тогда как для старшего поколения наиболее важны укрепление обороноспособности страны и достижение геополитических целей.

Второй значимый образ — свободная страна, в том числе с точки зрения возможностей для самореализации. Свобода трактуется в широком смысле — свобода выбора, возможностей и перспектив. Потенциал для этого есть — возможности в стране рефлексированы, а молодежь преимущественно рассчитывает на свои силы и готова к свершениям. Интересно, что крепкая семья рефлексирована молодыми именно как возможность для самореализации.

Ориентир на свободу также отражается и в установке на невмешательство государства в частную жизнь. Молодежь крайне негативно относится к любым инициативам государства по ограничению личной свободы, начиная с запретов аборт и заканчивая возможностями выезжать за границу. Иными словами, свобода тоже расценивается как возможности. Именно в этом, а не в реализации политических прав (к выборам и любой политической активности молодежь относится прохладно) реализуется ценность свободы для российской молодежи в настоящее время.

Третий по значимости сценарий — сильная Россия, держава с собственной национальной идеей. Молодежь патриотична, идеи национального единства и гордости за страну ей близки. Однако она не готова жертвовать собственными интересами и целями ради будущего страны. Барьерами выступают индивидуализм, стремление к благополучию. Задача государства — примирить эти два сценария («свободная страна» и «сильная страна»).

Технологичная Россия — сценарий скорее на периферии, рефлексирован слабее, однако сбрасывать со счетов его не стоит. Современная молодежь — это цифровое поколение. Они росли не только в эпоху ценностного перелома, но и в эпоху бурного развития цифровых технологий, социальных сетей, электронных услуг и т.д. Использовать технологии буквально во всем для них естественно, это их имманентное качество. Иной жизни они себе не представляют. Именно поэтому у молодых выражен запрос на успехи страны в технологическом импортозамещении.

Итак, «ценностная» формула будущего для российской молодежи выглядит так: благополучие, свобода и самореализация, гордость за страну, технологии. По сути, будущее молодежи видится не только через призму социал-демократических ценностей личного комфорта, либерализма, внутреннего локус-контроля, но и сильной, уважаемой страны.

Гриценко Г.Д.
(Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН)

ПАТРИОТИЗМ КАК ЦЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

В последнее время серьезные испытания обрушились на российское общество: огромный поток санкционных мер, вооруженный конфликт на юго-востоке Украины, специальная военная операция, частичная мобилизация, открытая активизация геополитических противников России, резкий рост русофобии на Западе. Эти события как бы разделили российское общество на несколько сегментов, определяющими из которых стали «патриоты» и «непатриоты» России. С началом проведения СВО наступили сложные и даже противоречивые в контексте морального выбора времена. Именно

* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100306-9.

здесь проходит водораздел: какими ценностями человек мотивирует свой моральный выбор относительно Родины.

Для выявления консолидирующих ценностей учеными проводились различные исследования, используя, как правило, метод анкетного опроса. Длительное время наиболее значимым с точки зрения патриотического отношения к Родине выступали ценностное отношение к Великой Отечественной войне и оценки ее значимости. В большинстве исследований результаты были позитивными: в зависимости от региона патриотично оценивали события Великой Отечественной войны от 50 до 80% респондентов. Что означает: в ряде российских регионов проблема непатриотизма крайне остра.

Также с целью определения ценностей политической консолидации российского общества исследовался уровень общероссийской идентичности. Согласно результатам исследований, наиболее высокой долей респондентов с общероссийским самосознанием характеризуются регионы с преобладанием русскоязычного населения. В большинстве национальных республик приоритетна либо религиозная, либо национальная идентичность, что актуализирует вопрос о патриотизме.

Исследования патриотических ценностей продолжаются и в настоящее время. Однако основными методами постепенно становятся ивент-анализ социально-политической реальности и контент-анализ публикаций в средствах массовой информации. Результаты таких исследований позволяют анализировать социально-политическую практику, сложившуюся в том или ином регионе. А это, как мы полагаем, дает возможность получить более реальную картину состояния патриотизма как ценности, политически консолидирующей российское общество.

Так, при анализе социальной практики северокавказского сообщества можно констатировать многообразие ситуаций как патриотической, так и проблемной направленности. Наиболее патриотичными с точки зрения участия в специальной военной операции регионами стали Северная Осетия–Алания, Ставропольский край и Чеченская Республика, при этом в каждом регионе патриотические установки хотя и реализуются по-своему, но их объединяет общее — это армейское добровольчество. Например, от Северной Осетии–Алании воюют добровольческие батальоны «Шторм-Осетия» и «Алания». В Ставропольском крае летом 2022 года был создан добровольческий казачий батальон «Терек», который через год стал бригадой. На базе Российского университета спецназа в Гудермесе (Чеченская Республика) проходят обучение добровольцы со всех уголков страны, из которых после обучения формируются добровольческие интернациональные полки. Исследуемая социальная практика в данных регионах не содержит акций непатриотического содержания.

Относительно социальной практики других северокавказских территорий следует говорить о противоречивости, даже конфликтности тех событий, которые в них имели место. Наиболее рельефным в данном контексте может выступить общественно-политическая обстановка в Республике Дагестан. С одной стороны, социальная практика свидетельствует о высоком патриотическом настрое дагестанского общества. Так, одним из первых, кто присоединился к Всероссийской акции «Мой Герой», стал участник СВО из Республики Дагестан Р. Рамазанов, который разместил на аватарах своих страниц в соцсетях фотографию деда–участника Великой Отечественной войны Фазилы Рамазанова. Кроме этого, первым Героем России на СВО стал дагестанец — Н.Э. Гаджимагомедов (посмертно). Ф. Худайнатов стал одиннадцатым уроженцем Дагестана (при населении 3,2 млн чел.), удостоенным звания Героя России (посмертно). Более того, до сих пор в республике гордятся подвигом жителей Дагестана, которые в 1999 году встали на защиту не только своих домов от бандформирований, но фактически на защиту целостности всей России. С другой стороны, именно в Дагестане прошли массовые протестные выступления против частичной мобилизации в сентябре 2022 г. Именно в этой республике вспыхнули антисемитские выступления, завершившиеся беспорядками в аэропорту столицы Дагестана.

Полученные результаты исследований указывают на необходимость органам власти, институтам образования акцентировать максимум внимания на патриотических аспектах жизни социума, на воспитании тех установок, которые в конечном итоге станут основой для формирования патриотических чувств у граждан РФ.

Гришин Н.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ, ИНИОН РАН)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ*

Проблематика формирования идентичности в онлайн-пространстве изучается в российской науке с 2000-х годов, при этом на раннем этапе преобладавшая установка к разделению виртуальной (сетевой) и реальной идентичностей влияла на структурирование научных исследований и вела к параллельному изучению этих вопросов. В последнее десятилетие наука обратилась к поиску «общих оснований» виртуальных и реальных идентификаций: современные исследования в большей степени склонны оценивать процессы сближения и сращивания виртуальной и реальной идентичности в единый профиль (Е.В. Морозова, Л.А. Фадеева, А.А. Лисенкова).

Для российской научной традиции изучения идентичности характерен особый интерес к вопросам конструирования идентичности и перспективам управленческого воздействия. Политика идентичности стала динамично развивающимся исследовательским направлением (О.В. Попова, И.С. Семенов). С начала 2020-х годов возросло внимание к проблематике влияния государства на формирование идентичности молодежи в онлайн-пространстве. Среди ученых преобладает идея о том, что возросшее влияние Интернета объективно сокращает возможности государства в отношении конструирования идентичности. Многие исследователи солидарны в том, что распространение Интернета имеет следствием возросшую индивидуализацию процесса формирования идентичности (С.И. Платонова, Л.С. Храмова), небывалые прежде преграды для процессов конструирования идентичности «сверху». Некоторые исследователи подчеркивают, что возросла субъектность индивидов при конструировании ими собственной идентичности (М.Р. Снегур). Получила распространение предложение И.В. Мирошниченко типология сетевых механизмов формирования идентичностей. Тем не менее ученые признают, что после первоначального периода развития Интернета как нерегулируемой и почти «пиратской» среды государство и традиционные акторы начинают играть более активную роль в происходящих в нем процессах (О.Ю. Малинова, И.В. Солдатенков).

Опубликованы исследования опыта реализации в 2020-х годах конкретных проектов, поддержанных правительством и направленных на укрепление государственно-гражданской идентичности молодежи, при этом ученые воздерживаются от преждевременной оценки степени их эффективности (Е.В. Еремина, И.А. Мурзина).

В российской науке развернулась дискуссия по вопросу о степени влияния блогеров на процессы формирования идентичности молодых пользователей: ряд исследователей оценивают блогеров как ключевых агентов политической социализации подрастающего поколения (В.А. Касамара, А.А. Сорокина, А.Н. Шилина), но существуют также эмпирические исследования, в которых влияние блогеров на молодежь признается относительно невысоким и существенно уступающим влиянию Интернета как такового (В.П. Воробьева, В.Н. Ретинская).

Российскими исследователями были предложены рекомендации относительно возможных инструментов и методов, которые может использовать государство для влияния на процессы конструирования идентичности молодежи в онлайн-пространстве: онлайн-игры (Е.А. Заможных), специализированные порталы (И.Ю. Харламова), преодоление отставания старшего поколения и кардинальное повышение онлайн-активности преподавателей высшей и средней школы (Е.В. Лунева). Ряд исследователей обращают внимание на перспективы ограничительной политики государства в онлайн-пространстве для решения задач по формированию патриотизма и государственно-гражданской идентичности, в частности на политику противодействия фейкам (В.О. Учеватов).

На характер и исследовательскую повестку в области изучения конструирования идентичности в онлайн-пространстве решающее влияние оказывают преобладающие методологические установки, в частности конструктивизм и сетевой вариант неинституционализма.

* Исследование выполнено в ИНИОН РАН при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта № 1024030200055-0 «Государственно-гражданская идентичность российской молодежи в онлайн-пространстве: особенности формирования, политический потенциал, перспективы управленческого воздействия» (госномер124101700566-5).

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Коммуникационные кампании, понимаемые как комплексный инструмент для формирования общественного мнения, составляющим которого является широкий набор методов и технологий воздействия на разные группы аудитории, используется для решения широкого круга социальных, экономических и политических задач. Исследования специфики планирования и проведения таких кампаний в деятельности коммерческих организаций представлены в научной литературе довольно широко. В то же время отличительные характеристики и особенности функционирования государственных коммуникационных кампаний являются малоизученными.

Под государственными коммуникационными кампаниями авторы понимают комплекс целенаправленных действий, осуществляемых государством или при участии государства для формирования мнения больших социальных групп по стратегически значимым темам и проблемам.

Технологии публичной коммуникации, используемые в государственных кампаниях, традиционно принято делить на пропагандистские и маркетинговые. Однако в настоящее время усиливается научная дискуссия с критикой такого подхода и предпринимаются попытки описания способов организации политических коммуникаций, сочетающих в себе пропагандистские и маркетинговые технологии.

Коммуникационные кампании, проводимые государством, чаще ассоциируются с социальной или политической сферой: здравоохранение, защита прав граждан, демография, занятость, социальные реформы, привлечение на контрактную службу в вооруженные силы и т.п. Однако не менее важной может являться и задача выстраивания эффективных коммуникаций с различными группами общественности в производственной сфере. Укрепление взаимопонимания между государством, бизнесом и обществом, очевидно, также может внести свой вклад в развитие промышленного потенциала нашей страны.

Истории известны примеры государственных коммуникационных кампаний, которые сопровождали крупные преобразования разных отраслей отечественной промышленности. В области государственного управления развитием электроэнергетики такой кампанией безусловно является продвижение Плана государственной электрификации страны (ГОЭЛРО), проводившееся наиболее активно в 1920–1930 гг.

Этот план предусматривал кардинальное переустройство экономики страны за счет строительства 30 новых электростанций, что должно было стать мощным технологическим фактором, создающим условия для развития нового общества. Учитывая активное сопротивление данному проекту даже среди части руководителей ВКП(б), инициаторам программы государственной электрификации пришлось развернуть масштабную и ресурсоемкую коммуникационную кампанию для обеспечения поддержки выполнению плана ГОЭЛРО.

Данная кампания, использовавшая преимущественно пропагандистские методы воздействия, задействовала практически весь существовавший тогда спектр инструментов формирования общественного мнения: от публичных докладов и газетных статей до постановки агитационных пьес, съемок кинохроники, организации экскурсий по объектам новых энергостроек и пр. Издавалась специальная методическая литература для пропагандистов электрификации, к работе привлекались известные художники, писатели, композиторы (Маяковский, Маршак, Платонов, Эйзенштейн, Бродский, Толстой и др.).

В то же время использовались и элементы рекламных коммуникаций. Например, распространялась реклама финансовых ссуд, которые можно было получить на строительство новых электростанций.

Таким образом, продвижение Плана ГОЭЛРО заложило основы реализации последующих государственных коммуникационных проектов в российской энергетической отрасли, в том числе и в постсоветский период, несмотря на то, что они были менее масштабными и ориентированными на более узкие целевые аудитории.

В начале XXI века РАО «ЕЭС России», которое, по сути, в тот момент являлось квазимиистерством энергетики и управляло подавляющим большинством отечественных энергетических предприятий страны, проводило активную работу по переводу государственных энергоактивов на рыночные формы отношений. Эти усилия сопровождались активной коммуникационной кампанией, призванной сформировать позитивное общественное восприятие проводимых реформ.

В настоящее время в энергетической отрасли также можно выделить достаточно крупные коммуникационные кампании, ведущиеся при участии или по инициативе Минэнерго РФ: повышение энергоэффективности отечественной экономики, продвижение зеленой энергетики и внедрение от-

естественных аналогов ESG, сопровождение назначения системообразующих территориальных сетевых компаний в каждом регионе, разъяснение важности введения социальных нормативов для населения на потребление электрической энергии по льготному тарифу и проект сопровождения выработки и актуализации Энергостратегии РФ. В рамках реализации этих инфраструктурных проектов используется широкий спектр разнообразных информационно-пропагандистских технологий.

Груничев М.М.
(Москва, РГСУ)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

«Искусственный интеллект» стал одним из определяющих терминов не только в контексте цифровизации управления. Соответствующие технические подходы преподносятся многими игроками как современная, перспективная технология. Многие компании и организации в настоящее время изучают открывающиеся возможности. Однако они используют этот термин и связанные с ним технологии в самых разных контекстах, так, как им наиболее удобно. В то же время эта тема становится все более важной в освещении СМИ, политических, стратегических документах.

Органы публичного управления и организации гражданского общества по всему миру разрабатывают и принимают стратегии продвижения и применения ИИ в различных секторах и регионах.

Зачастую остается неясным, что на самом деле стоит за термином «искусственный интеллект». Однако разрушительный потенциал, который может исходить от технологий, подпадающих под собирательный термин «искусственный», очевидно, приобретает все большее значение.

Понятие «интеллект» поддается обобщению. Доминирующее ожидание состоит в том, что процессы, которые раньше выполнялись людьми, теперь могут быть полностью перенесены в технические системы и что эти системы (киберфизические) самостоятельно научатся выполнять свои задачи все лучше и лучше.

Большая часть неопределенности термина «ИИ» также связана с двусмысленностью термина «интеллект». В быденном использовании термина, людей, которые хорошо разбираются в предмете, быстро думают и могут решать сложные задачи, называют «умными». ИИ, как раздел информатики, использует различные технологии, дизайн и архитектуру. Вот почему ИИ также называют перекрестной технологией. Соответственно, использование довольно широких определений ИИ, которые больше ориентированы на результат, чем на сами системы, представляется более эффективным.

В настоящее время подходы к искусственному интеллекту во многом основаны на обработке очень больших объемов данных, искусственных нейронных сетях или самообучающихся алгоритмах.

Согласно теории множественного интеллекта Говарда Гарднера, слабый ИИ в первую очередь относится к репликации лингвистического и логико-математического интеллекта. Напротив, сильный ИИ также описывает системы, которые могут независимо логически мыслить, планировать, учиться и принимать решения в условиях неопределенности.

Восприятие на основе искусственного интеллекта относится к анализу данных для выявления изменений окружающей среды, отношений и эмоций. Для этого система обрабатывает сгенерированные (сенсорные) данные и распределяет их по категориям, чтобы отдельные данные можно было агрегировать в события или эмоциональные отношения.

Уведомление на основе искусственного интеллекта фокусируется на реакции системы.

На фоне глобальной конкуренции за доминирование в развитии ИИ, вместе с тяжеловесами Китая и США, позиционируется в международных сравнениях как «мягкая сила», в соответствии со своим собственным представлением — в смысле ценности и морального авторитета.

В этом контексте разрабатывались и разрабатываются общеевропейские и этические руководящие принципы разработки и использования технологий искусственного интеллекта.

Например, Датская цифровая стратегия затрагивает большие данные, интернет вещей и искусственный интеллект. Основное внимание уделяется расширению конкурентоспособности датских компаний в сфере цифровой трансформации и цифровых знаний граждан. В рамках этой программы разрабатываются частно-государственный кластер (*Digital Hub* Дания), национальные программы финансирования цифровой трансформации среднего бизнеса и обучения цифровым навыкам.

Французская стратегия искусственного интеллекта состоит из четырех областей действий: во-первых, это национальная стратегия продвижения экосистемы искусственного интеллекта и привлечения квалифицированных специалистов со всего мира посредством национальной исследовательской организации в области искусственного интеллекта; во-вторых, основное внимание уделяется продвижению открытых данных в соответствующих областях, где Франция уже имеет потенциал

для совершенства в области искусственного интеллекта, таких как секторы здравоохранения, логистики и транспорта. В-третьих, будет оптимизирована нормативная и финансовая база для национальных лидеров ИИ. В-четвертых, разрабатываются этические принципы за прозрачное, понятное и недискриминационное использование и развитие ИИ.

Итальянская политика в области ИИ направлена не столько на развитие технологий или конкурентоспособности частной экономики, сколько на вопрос о том, как технологии ИИ могут быть использованы для государственного управления. В целях интеграции ИИ в публичное управление уделяется особое внимание этическим вопросам, доступности обученных сотрудников и данных, а также юридическим последствиям. В июле 2018 года была создана национальная исследовательская лаборатория ИИ для фундаментальных и прикладных исследований с целью содействия передаче технологий от исследований к предпринимательству и применению ИИ в государственном управлении.

Гудилина Е.Н.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ КОММЕМОРАЦИЯ В РАМКАХ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ*

В последние десятилетия символическая политика привлекает к себе внимание все большего количества исследователей самой разнообразной дисциплинарной направленности. Многочисленные исследования стремятся проанализировать потенциал символической политики, ее преимущества и недостатки; выявить механизмы влияния символической составляющей на процесс и результат принятия политических решений, на уровень легитимности и идентичности в государстве и в обществе. Одним из значимых направлений символической политики являются коммеморативные практики, позволяющие не только проследить, какие именно события и исторические фигуры сохраняются в коллективной памяти, но и выявить своеобразие как формирующихся, так и уже сформированных режимов памяти [Малинова, 2017, с. 15–17]. В рамках данного исследования предлагается выявить влияние практик монументальной коммеморации на функционирование режима памяти.

Режим памяти можно определить как совокупность внешне выраженных дискурсивных и социальных практик, связанных с актуализацией и использованием коллективной памяти. Среди наиболее значимых вариантов типологии режимов памяти находятся акторно-центрированный подход (акцент на характеристиках политических акторов [Twenty years... 2014]), и дискурсивно-нарративный (акцент на конструируемом дискурсе и на наиболее частотном используемых нарративах [Langenbacher, 2003]). В то же время представляется возможным основывать типологию режимов памяти на концепции М. Вебера о типах легитимности власти и на доминирующих политических мифах. Выделим режимы памяти в зависимости от преобладающего типа легитимности, а также соотнесем режимы с наиболее характерными для них политическими мифами: режим памяти, основанный на традиционном типе легитимности (миф о единстве и миф о Золотом веке); режим памяти, основанный на рациональном типе легитимности (миф о рациональности); режим памяти, основанный на харизматическом типе легитимности (миф о герое).

Обозначим основные направления влияния монументальных коммеморативных практик на режим памяти.

1. В основе коммеморации лежит традиция, связанная с выбором наиболее значимых исторических событий и/или исторических фигур для их дальнейшего сохранения в коллективной памяти. Таким образом, коммеморативные практики не только по своей сути являются традицией, но и своей реализацией оказывают существенное влияние на формирование режима памяти, основанного на традиционном типе легитимности.

2. Монументальная коммеморация является примером «твердой памяти» [Эткинд, 2016, с. 28], что, с одной стороны, предполагает завершенную материальную форму, с другой же — требует определенной интерпретации со стороны воспринимающего его субъекта, т.е. памятник требует «дешифровки» заложенных в него идей, нарративов, ценностей. Восприятие одного и того же памятника может существенно меняться в зависимости от окружающей его политической атмосферы.

3. Памятник представляет собой персонафикацию достаточно абстрактного понятия власти, что закономерно актуализирует режим памяти, основанный на харизматическом типе легитимности. Таким образом, привычность восприятия конкретного исторического периода через деятельность политической фигуры того времени подкрепляется монументальной коммеморацией.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>.

4. Особенность конструируемого темпорального режима проявляется в том, что, несмотря на обращение к прошлому, само прошлое используется как смысловое и идейное пространство для понимания и осмысления настоящего. Обращение в настоящем к наиболее значимым достижениям и событиям прошлого нацелено не только на закрепление их в памяти, но и на их постоянную актуализацию. Памятник представляет собой инструмент символической политики, который позволяет в конкретной точке пространства связать между собой прошлое, настоящее и будущее.

Итак, режим памяти представляет собой идейное и смысловое пространство, в рамках которого реализуется символическая борьба за интерпретацию исторических событий и деятельности исторических фигур. Анализ режима памяти может основываться на памятниках как на артефактах мемориальной коммеморации, позволяющих через обращение к «твердой памяти» выявлять конкретные дискурсивные и социальные практики символической политики государства.

Гузельбаева Г.Я.

(Казань, Казанский федеральный университет)

РЕЛИГИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ: СПЕЦИФИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Доклад посвящен проблеме ресоциализации бывших заключенных на примере АНО «Центр реабилитации и адаптации», созданного по гражданской инициативе бывших осужденных, мусульман, осознанно выбравших путь исправления и посвятивших себя помощи людям, вышедшим из исправительных учреждений. Основано на серии глубинных интервью с бывшими заключенными (Казань), сотрудниками АНО «Центр адаптации и ресоциализации» (Казань) и сотрудниками ФСИН (Казань, Мензелинск, Пермь).

По статистике, в России почти треть осужденных в первый год после освобождения из исправительных учреждений вновь попадают в криминальную среду и возвращаются к совершению преступлений; доля повторного заключения под стражу составляет около 44%. Часто рецидивные преступления становятся следствием социальной дезадаптации человека, связанной с безработицей, отсутствием жилья, социальным неблагополучием, недостатком образования, наркотической зависимостью или злоупотреблением алкоголем, наличием контактов с криминальной средой. По утверждению министра юстиции РФ, основными проблемами российской пенитенциарной системы, наряду с высоким уровнем рецидива преступлений, является нехватка адаптационных центров для помощи заключенным. В феврале 2023 г. Президент РФ В. Путин подписал закон «О пробации» — об адаптации заключенных как во время отбывания срока наказания, так и после этого. Ее цели — «коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, <...> предупреждение совершения ими новых преступлений». Закон вступил в силу с 1 января 2024 г.

Отбывая наказание в виде лишения свободы, осужденные претерпевают серьезную трансформацию. За время пребывания в заключении многими утрачивается часть профессиональных навыков, приобретаются хронические заболевания, формируется чувство агрессии, ощущения потерянности связи с внешним миром, ненужности, отчаяния и т.д. Значимость приобретают ценности, обеспечивающие индивидуальное существование в условиях исправительного учреждения взамен общественным ценностям. Большое влияние оказывает криминогенность мест отбывания заключения — нахождение среди людей, неоднократно совершавших преступления. В совокупности это значительно осложняет адаптацию в постпенитенциарный период и интеграцию в «свободное» общество.

До недавнего времени российское государство не уделяло должного внимания комплексной организации эффективных практик по ресоциализации людей со стигмой преступника. Однако имеются примеры хоть и немногочисленные, но успешные самостоятельных попыток рядовых граждан справиться с этой проблемой. В частности, в г. Казани несколько лет назад возник негосударственный «Центр реабилитации и адаптации» по работе с бывшими заключенными, а также для помощи другим людям с девиантным образом жизни — наркоманам, алкоголикам, бездомным. Инициатива в создании данного центра и основная деятельность по его развитию принадлежит самим бывшим заключенным. В работе они учитывают свой личный опыт девиации, социального исключения и маргинализации, схожий с жизненным путем их подопечных. Схожий бэкграунд позволяет им найти общий язык и легче понять друг друга, не вызывая недоверия и сопротивления. Они знают запросы людей, попавших в сложную жизненную ситуацию, и предлагают опробованные практики решения проблем. Официальная регистрация Центра и признание было осуществлено при поддержке нескольких сотрудников ФСИН по Республике Татарстан. Найдя впоследствии понимание и содействие у официальных властей Республики Татарстан и Духовного управления мусульман РТ, эта организация располагает ресурсами, недоступными представителям маргинальных групп.

В России, как и во многих других странах, в исправительных учреждениях растет число сторонников ислама (сотрудники ФСИН РФ называют их «зелеными зонами», а в англоязычной литературе этот феномен обозначают словом “*prislam*”), причем не только среди этнических мусульман. Это связано в том числе с распространением радикальных идей в учреждениях ФСИН, как и в целом в криминальной среде. Однако организаторы и многие сотрудники АНО ЦРА демонстрируют позитивный потенциал ислама — потенциал помощи тем, кто оступился в жизни и затем оказался в сложной жизненной ситуации. Общий светский характер реабилитационных мероприятий ЦРА сочетается с религиозной составляющей: важную роль в процессе адаптации бывших заключенных сотрудники Центра отводят приобщению к религии, следованию религиозным постулатам, взаимодействию с имамами и священниками. Организаторы Центра сами прошли путь ресоциализации, который они связывают с осознанным выбором ислама как определяющей идеологии их частной жизни. Этот опыт обращения к религии переняли часть тех, кто проходит реабилитацию в ЦРА, хотя обращение к исламу или другой религии не является обязательным компонентом для получения помощи от этой организации.

Руководитель АНО ЦРА — Азат Гайнутдинов, бывший заключенный, получивший свой срок за участие и организацию ОПГ в г. Казани в кон. 1990-х — нач. 2000-х гг. Его личный случай — пример человека, который начал процесс ресоциализации задолго до своего освобождения, еще в исправительном учреждении. За прошедшие несколько лет работы Центр заслуженно зарекомендовал себя с положительной стороны, внося реальный вклад в профилактику рецидивной преступности и помогая сотням бывших заключенных, а также лицам с девиантным поведением пройти путь реабилитации.

Гуринович Д.Ф.
(Москва, МГИМО)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС РАСШИРЕНИЯ БРИКС+

2024 год для объединения БРИКС стал годом проявления своей жизнеспособности, в него вошли Аргентина, Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Эфиопия. Поданы заявки от 23 государств на вступление, и около 20 стран высказывали свою заинтересованность войти в БРИКС несмотря на то, что двое из пяти основных членов объединения находятся не в самых лучших отношениях с ведущими странами Запада и США.

Какие перспективы влечет за собой это расширение?

За время своего существования БРИКС превратился из клуба по интересам в институциональный механизм, в рамках которого реализовывались проекты по важнейшим современным направлениям: в сфере безопасности, в экономике и торгово-финансовых делах, в области гуманитарного сотрудничества. Среди них — Новый банк развития БРИКС, Сетевой университет, Платформа энергетических исследований, а также Новая архитектура БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций.

Существенные геополитические сдвиги в мировом порядке обусловили большинство государств пересмотреть географию и политику своего международного сотрудничества. Процессы глобализации и регионализации вступили в противоречие с интересами и запросами многих государств на национальную безопасность, технологическую независимость, на собственное экономическое развитие в ракурсе формирования нового политико-экономического мирового пространства.

С включением в состав объединения Египта и Эфиопии представительство Африканского континента в объединении расширилось. Сохраняется паритет в Азии: среди новых членов Иран — страна шиитская, Саудовская Аравия — суннитская. С точки зрения Латинской Америки отношения с Аргентиной также являются довольно развитыми и наиболее привлекательными. Принятие Ирана в состав альянса можно также считать определенным политическим симптомом, учитывая крайне непростые отношения между Тегераном и Вашингтоном. Проявляет желание и Турция, которая является членом НАТО...

В условиях санкционных ограничений государства вынуждены искать новые рынки для сбыта своей продукции, возможности формирования общей технологической платформы, поскольку без технологий конкурировать со странами «коллективного Запада» очень сложно. Тем не менее вопрос расширения прежде всего связан с тем, что эти страны хотели получить доступ к большим финансовым возможностям и институтам в рамках БРИКС. Крупнейшие инвестиционные проекты, преференциальные режимы, высокие темпы инновационного сектора — эти направления стали играть заметную объединяющую роль. Создание общей бизнес-экосистемы БРИКС+ востребовало комплексного подхода с развитием цифровых платформ для обмена знаниями и технологиями, поддержку стартапов и трансграничных инвестиций и надежного партнерства; координации усилий, которая позволит странам, входящим и желающим присоединиться к объединению, повысить не только собственную конкурентоспособность, но и сыграть доминантную роль в построении многополюсного мира.

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Научная дипломатия занимает важное место в системе международных отношений, играя ключевую роль в укреплении связей между государствами и решении глобальных проблем. Взаимодействие науки и дипломатии позволяет государствам налаживать сотрудничество в самых различных областях, от обмена знаниями до разработки стратегий по борьбе с изменением климата и охраной окружающей среды. Наука, будучи универсальным языком, способна преодолевать политические разногласия и способствовать укреплению доверия между странами.

Одним из ранних примеров научной дипломатии является деятельность Лондонского королевского общества, основанного в 1660 году, которое играло значительную роль в международных научных экспедициях и установлении научных связей с учеными из других стран. Учреждение в 1723 году должности секретаря иностранных дел в Лондонском королевском обществе способствовало налаживанию контактов с зарубежными научными сообществами, что, в свою очередь, укрепляло внешнеполитические позиции Великобритании. Научные экспедиции, проводимые при поддержке общества, содействовали как развитию научных знаний, так и расширению политического влияния Великобритании.

Ярким примером применения научной дипломатии является Египетская экспедиция Наполеона, начавшаяся в 1798 году. Наполеон, отправляясь в Египет, включил в состав своей экспедиции более 150 ученых и инженеров, которые занимались сбором научных данных, изучением культуры и экономики региона. Создание Института Египта в Каире стало важным шагом в интеграции науки в политическую и военную деятельность. Этот институт способствовал распространению научных знаний о Египте в Европе, что укрепило позиции Франции в международном сообществе и продемонстрировало, что наука может служить инструментом внешнеполитических интересов.

В XIX веке научная дипломатия была тесно связана с колониальной экспансией европейских держав. Географические общества поддерживали колониальные амбиции, предоставляя научное обоснование для завоевания новых территорий. Королевское географическое общество Бельгии, например, активно участвовало в исследованиях Африки, поддерживая аннексию Конго королем Леопольдом II. Наука использовалась для легитимизации колониальных амбиций.

В XX веке научная дипломатия играла важную роль в отношениях между СССР и США в период холодной войны. Одним из ярких примеров является стыковка космических кораблей «Союз» и «Аполлон» в 1975 году. Этот проект не только символизировал сближение двух сверхдержав, но и показал, что наука может служить мостом для налаживания дипломатических отношений. Несмотря на политическую напряженность, совместные научные проекты способствовали укреплению доверия между странами и снижению международной напряженности.

Важную роль в научной дипломатии сыграло Пагуошское движение ученых, основанное в 1957 году, которое объединило ученых из разных стран для решения вопросов, связанных с нераспространением ядерного оружия, контролем над вооружениями и охраной окружающей среды. Движение способствовало созданию международных договоров, направленных на ограничение вооружений и улучшение международной безопасности.

Проведенный анализ позволяет выделить две реальные устойчивые тенденции, касающиеся связей науки и политики. Первая тенденция заключается в том, что наука не раз использовалась государствами для политической выгоды с явной целью продвижения определенной идеологии, доказательства своего превосходства. Вторая тенденция заключается в том, что в ряде случаев, наука являлась неидеологической средой, в которой участники в лице государственных организаций и независимых ученых могли договариваться, укреплять партнерские отношения, налаживать сотрудничество, бороться с глобальными мировыми проблемами, разрешать множество конфликтных ситуаций. Ученые зачастую, сами не осознавая этого, являлись проводниками мира и вносили большой вклад в поддержание стабильности и порядка в системе международных отношений.

Сегодня изучение научной дипломатии особенно важно для политической науки. Глобальные вызовы, такие как изменение климата, пандемии и энергетическая безопасность, требуют тесного международного научного сотрудничества. В современных сложных геополитических условиях она может служить эффективным инструментом для укрепления доверия между странами и смягчения конфликтов. Научная дипломатия поддерживает каналы общения даже в периоды политической напряженности, что позволяет государствам объединять усилия для решения глобальных проблем.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ АНТИУТОПИЗМ В КОНТЕКСТЕ «ПОЛИТИКИ СТРАХА»: ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА*

Отличительной чертой современной политико-философской литературы, посвященной интерпретации либерализма, является постоянно проявляющаяся тенденция к негативным определениям по принципу *contradictio in contrarium* (доказательство «от противного»). Например, в новейшей работе Алана С. Кахана «Свобода от страха: незавершенная история либерализма» встречается следующее базовое определение: «Либерализм — это поиск общества, в котором никого не нужно бояться. Свобода от страха — это самая основная свобода: если мы боимся, мы не свободны. Такое понимание является фундаментом либерализма. Провозглашение нашего неотъемлемого права на жизнь, свободу и стремление к счастью — это просто красноречивый способ заявить о не столь возвышенном желании жить без страха»¹. Определение Кахана вполне естественно вызывает ассоциации не только с соответствующими пассажами американской «Декларации независимости», но, прежде всего, с тем широко известным определением политической свободы, которое представлено в одиннадцатой главе шестой книги трактата Монтескье «О духе законов»: «Политическая свобода для гражданина есть спокойствие духа, проистекающее из мнения, что у каждого существует своя безопасность. Чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором один гражданин может не бояться другого гражданина»².

Еще в середине 1980-х гг. Джудит Шкляр выдвинула гипотезу, согласно которой обозначенная выше идея Монтескье лежит в основе современной «мизантропической концепции либерализма страха», имеющей сугубо антиутопическую направленность и в этом смысле преодолевающей традиционный утопизм, свойственный классической либеральной мысли XIX в.³ Аргументы Шкляр, направленные против утопии вообще и либерального утопизма в частности, стали в определенном смысле «поворотным моментом» теоретической дискуссии, развивавшейся в XX в. на протяжении многих десятилетий и продолжающейся вплоть до наших дней. Однако в рамках данной дискуссии на заднем плане постоянно оставалась проблема эволюции и трансформации возникшего еще в XVIII в. исторического феномена, который К. Маннхайм определял как «либерально-гуманитарную стадию утопической ментальности». Бурное развитие утопической мысли и воображения было одним из факторов превращения либерализма в мощную политическую силу в Западной Европе и Северной Америке. Одним из современных следствий этого процесса становится постоянное присутствие утопических элементов в современных «плюралистических демократиях».

В методологическом плане перспектива преодоления наметившейся «тупиковой ситуации», грозящей теоретическим коллапсом, появилась только к началу 1990-х гг. с возникновением концепции «политики страха» — нового направления в гуманитарных науках, динамично развивающегося и в настоящее время. Практически все сторонники этого направления разделяют тезис, согласно которому страх является основой массовой культуры и политики. В этом плане «фактически, историю современных национальных государств можно было бы написать, следуя за регулярными приливами и отливами страха, пробегающими по их поверхности, перемежающимися вспышками откровенной истерии»⁴. Термин «политика страха» подразумевает, что политические элиты сознательно манипулируют тревогами людей для достижения своих целей. Нет никаких сомнений в том, что они действительно рассматривают страх как важный ресурс, позволяющий добиться того, чтобы их послание было услышано. Тактика запугивания иногда может сработать — ослабить оппонентов и добиться молчаливого согласия избирателей.

* Работа выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Либерализм и консерватизм в политико-теоретическом измерении: историческая традиция и современные тенденции эволюции» (Пер. номер ЕГИСУ НИОКТР 124082300044-4) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

¹ Kahan A.S. Freedom from Fear: An Incomplete History of Liberalism. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2023. P. 3.

² Montesquieu C.-L. De l'esprit des lois. Édition établie par Laurent Versini. Paris: Gallimard, 1995. P. 112.

³ См.: Shklar J.N. Ordinary Vices. Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1984. P. 218.

⁴ Politics of Everyday Fear / Ed by Brian Massumi. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 1993. P. VII.

ВЛИЯНИЕ НОРМАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЕГИПТОМ НА МНОГОПОЛЯРНЫЙ ПРОЦЕСС

Турция и Египет, два глубоко укоренившихся государства Восточного Средиземноморья, предприняли шаги по взаимной нормализации своих политических и дипломатических отношений после 11-летнего перерыва. После того как в 2013 году в Египте было свергнуто поддерживаемое Турцией правительство «Братьев-мусульман» и к власти пришел генерал Абдель Фаттах Ас-Сиси, отношения между Анкарой и Каиром были разорваны, и две страны взаимно отозвали своих послов. Однако глобальный экономический кризис, проблемы безопасности, вызванные конфликтами между Россией—Украиной и Израилем—Палестиной, а также глобальное поражение движения «Братья-мусульмане» послужили толчком к началу нового процесса нормализации отношений между Турцией и Египтом. После взаимных визитов президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана и его египетского коллеги Сиси отношения между двумя странами вернулись в нормальное русло. Опять же, параллельно с этим процессом, Египет стал членом БРИКС, а Турция подала заявку на членство. В этой презентации мы обсудим влияние нормализации отношений между Турцией и Египтом на переход от однополярности, ориентированной на Запад, к многополярному миру в различных регионах, особенно в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Турция и Египет — два государства, которые проводят активную политику в Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье. Ливия, Палестина и Сирия входят в число стран, в которых обе страны ведут активную деятельность. Мы начнем с Ливии и Восточного Средиземноморья.

В начале ливийского кризиса Турция и Египет находились на разных фронтах. В то время как Турция поддерживала Правительство национального согласия, Египет поддерживал силы Хафтара, дислоцированные на ее границе. В ходе процесса нормализации отношений между Турцией и Египтом они попытались снять блокаду объектов нефтедобычи в Ливии, примирив различные группы, которые они поддерживают в Ливии. Долгосрочная цель — обеспечить стабильность в Ливии для обеспечения перехода¹. Расширение сотрудничества между Турцией и Египтом в Ливии также повлияет на разделение границ морской юрисдикции и газовых месторождений, сосредоточенных в Восточном Средиземноморье. А именно Меморандум о взаимопонимании по разграничению зон морской юрисдикции в Средиземноморье, подписанный между властями Турции и Ливии в 2019 году, не только не был признан Египтом, но и был встречен реакцией. Однако уполномоченные источники сообщили, что после нормализации отношений между Турцией и Египтом между двумя странами будут приняты конкретные шаги в отношении энергетических полей в Восточном Средиземноморье². Сотрудничество между Турцией и Египтом по Ливии и Восточному Средиземноморью уменьшит влияние западных государств в этих регионах и тем самым ускорит процесс многополярности.

Еще одной темой, которая может повлиять на процесс многополярности в нормализации отношений между Турцией и Египтом, является палестинский вопрос. Продолжающаяся война в Палестине тесно затрагивает Египет, имеющий сухопутную границу с сектором Газа, и Турцию, претендующую на лидерство в регионе. Во время встречи Эрдогана и Сиси было решено, что Турция и Египет определят общую стратегию по Палестине. Учитывая влияние Турции на ХАМАС и влияние Египта на Эль-Фатх, ожидается, что Анкара и Каир предпримут шаги по созданию правительства национального согласия в Палестине.

Изоляция Израиля посредством поддержки Палестины будет означать, что США и Запад потеряют власть на Ближнем Востоке и, следовательно, процесс многополярности будет развиваться и на Ближнем Востоке.

Еще одна тема в отношениях Турции и Египта — Сирия. Отношения Турции и Сирии ухудшаются с 2011 года, когда в Сирии разразилась гражданская война. Исторические связи между Египтом и Сирией продолжались, хотя и ослабли во время гражданской войны в Сирии. Можно также ожидать, что Египет сыграет посредническую роль в процессе нормализации отношений Турции и Сирии. В этом контексте будет открыт путь к ликвидации этнических и религиозных террористических организаций, действующих на севере Сирии при поддержке западных стран. Результатом такого процесса станет обеспечение стабильности в Сирии, одном из центров нестабильности в регионе, а значит, и во всем регионе. Региональная стабильность является одним из неперемennых условий развития многополярности на Ближнем Востоке.

¹ One-Time Foes Egypt and Turkey Race to Solve Libya's Crisis // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-09-15/one-time-foes-egypt-and-turkey-race-to-solve-libya-s-new-crisis> (accessed: 17.09.2024).

² Türkiye, Egypt plan to deepen energy cooperation as ties grow closer // Daily Sabah. URL: <https://www.dailysabah.com/business/energy/turkiye-egypt-plan-to-deepen-energy-cooperation-as-ties-grow-closer> (accessed: 17.09.2024).

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ GR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЙ

Сегодня GR-менеджмент стал неотъемлемой составляющей любой организации. Возможность оказывать влияние на политических стейкхолдеров для формирования необходимых политических решений приносит существенную коммерческую выгоду. В этой связи заметно растет научный интерес к вопросу организации взаимодействия бизнеса и государства. Практические и теоретические аспекты GR становятся предметом научных исследований, каждый из которых содержит собственную методологию¹. Существующая вариативность методологических подходов к научному изучению данной проблематики представляет особый интерес.

Предпринимается попытка системно проанализировать следующие концепции изучения GR-менеджмента организации:

- теория корпоративной политической активности (далее — КПА);
- теория неинституционализма;
- теория организационного поля.

Основная цель исследования — определить специфические характеристики каждого методологического подхода.

КПА

КПА — это деятельность организаций, в рамках которой они предоставляют информацию органам государственной власти, сообщают о результатах исследований и делятся экспертизой при разработке законодательной и нормативно-правовой базы государства². В самостоятельное направление КПА сформировалось еще в начале 1980-х гг. и сфокусировалось на изучении политического поведения отдельных субъектов экономики (микроуровень).

Практико-теоретическое значение КПА для интерпретации взаимодействия с политическими стейкхолдерами заключается в том, что при изучении рассматривается самый широкий спектр предпосылок их кооперации: отраслевые, организационные, институциональные и др., что позволяет лучше структурировать факторы, оказывающие влияние на GR-деятельность компаний. Единицами научного анализа здесь служат компании и ее отдельные составляющие³.

Неинституционализм

Направление сформировалось в период 1970–1990 гг. Его отличительная черта — исследования политических процессов происходят через призму экономики (при исследованиях особое внимание уделяется таким категориям, как максимизация прибыли и т.д.). К числу основных идеологов данного методологического подхода относятся Г. Саймон, Р. Роуз, Г. Беккер и Д. Норт, кто смог дать четкое трактование понятию института. В его понимании это правила игры в обществе, созданные человеком ограничительные рамки, организующие взаимоотношения между людьми⁴.

Применительно к GR-деятельности компании неинституционализм позволяет провести оценку эффективности действующей организационной формы компании относительно внешней политической среды, которая дает ресурсы для выживания. Часто ради получения наибольшей политической ренты организации меняют организационную форму в ущерб производственной эффективности.

Теория организационных полей

Согласно П. ДиМаджио и У. Пауэллу, организационным полем считается общность хозяйствующих субъектов, которые в совокупности представляют собой признанную сферу жизни: производители, поставщики, потребители, регулирующие органы и другие категории организаций, производящие аналогичные друг другу услуги или продукты. При этом идея организационных полей

¹ Schuler D. Is Corporate Political Activity a Field? // *Business and Society*. 2019. Vol. 58 (7). P. 1376–1405.

² Hillman A., Hitt M. Corporate Political Strategy Formulation: A Model of Approach, Participation, and Strategy Decisions // *The Academy of Management Review*. 1999. Vol. 24 (4). P. 825–842.

³ Тетерюк А.С., Чубак Р.М. Теоретико-методологические основания концепции макро-микро переходов в интерпретации лоббистской деятельности // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2021. Т. 13. № 4. С. 470–494

⁴ Юрина Н.С. Неинституциональный подход в политических исследованиях: теоретические предпосылки формирования // *Вестник Московского ун-та. Серия 7: Философия*. 2016. № 5. С. 60–69.

учитывает важность как взаимосвязанности, так и структурной эквивалентности¹. Организационное поле (отраслевая среда) активно воздействует на организации, заставляет их гомогенизироваться (изоморфные процессы) и мимикрировать под внешние условия для минимизации политической неопределенности. Здесь характерны подражательные процессы — когда компания, нашедшая наиболее эффективное решение, становится примером для подражания и заимствования для других компаний отрасли.

В заключение важно отметить, что две рассмотренные методологические теории (КПА и теория организационных полей) являются теориями разных уровней. КПА в большей степени нацелена на изучение индивидуальных действий организации в части взаимодействия с государственными органами (микроуровень), в то время как вторая — фокусируется на месте компании в отрасли, ее роли в общем деле выстраивания диалога с государством (макроуровень).

Давыдова М.А.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК ИСТОЧНИК ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

С каждым годом происходит все большая цифровизация общественной жизни. Цифровые инструменты используются в различных отраслях от электронного голосования до цифровых помощников, от банковских приложений до образовательных продуктов. Социально-медийное пространство становится незаменимым источником информации новостной, развлекательной, профессиональной и любой другой направленности. При этом увеличиваются и риски, связанные с качеством и содержательным наполнением информации, которая распространяется онлайн. Одной из групп риска является молодежь, так как именно у этой возрастной группы наблюдается один из самых высоких показателей по времени, проводимому в Интернете. В этой связи актуализируется вопрос о том, какие ценностные установки транслируют различные молодежно-ориентированные социально-медийные площадки.

Методика исследования строилась на применении когнитивного картирования цифрового контента социально-медийных сообществ, ориентированных на молодежную аудиторию. Были проанализированы сообщества в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере «Telegram», в аудитории которых собрано преобладающее число российской молодежи. Сообщества для анализа отбирались в соответствии со следующими критериями: ориентация на молодежную аудиторию, размер аудитории, высокий уровень публикационной активности, релевантность сообщества информационной повестке. Датасет когнитивного картирования составляет 1224 документа, глубина анализа: январь 2023 г. — январь 2024 г. Контент был отобран по сплошному принципу, для анализа были взяты информационные потоки в срединную неделю каждого месяца.

Результаты исследования позволили выявить следующие тенденции.

Во-первых, для сообществ с конструктивной направленностью характерно доминирование формализованного контента, в отличие от оппозиционных сообществ, где доминирует неформализованный контент. Неформализованный контент по своему содержанию и развлекательной направленности способствует большему интересу и вовлечению со стороны пользователей.

Во-вторых, сообщества оппозиционной направленности в информационных потоках активно «подсвечивают» тематику, связанную с внутриполитическими проблемами государства, предпринимая попытки манипуляции данными.

В-третьих, в сообществах прогосударственной конструктивной направленности регулярно циркулируют и распространяются ценностные установки, соответствующие основным векторам внутренней политики, а также указу Президента РФ о традиционных ценностях. Ценностное ядро оппозиционных сообществ базируется преимущественно на либеральных прозападных ценностях, которые транслируются через призму различных манипуляционных технологий для формирования лояльности аудитории к ним.

В-четвертых, информационные потоки оппозиционных сообществ формируются в большинстве случаев на основании аффективных приемов формирования дискурсов, что позволяет привлекать внимание к контенту и ценностным установкам, которые транслируются.

В-пятых, сообщества с конструктивной прогосударственной направленностью в меньшей степени вовлекают лидеров общественного мнения в лице блогеров, актеров, музыкантов к трансляции цен-

¹ DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147–160.

ностных установок и формированию информационных потоков. Привлечение сообществами неконструктивной направленности ЛОМов во многом способствует масштабированию аудитории общения и сообщества, а также позволяет вовлекать в информационные потоки лояльную аудиторию.

В-шестых, в конструктивных сообществах превалирует направленность на информирование пользователей, в то время как оппозиционные сообщества чередуют контент различной направленности при доминировании развлекательных форматов, которые получают больше лояльности со стороны пользователей.

Как показали результаты анализа, конструктивные прогосударственные сообщества обладают собственной аудиторией, вовлеченной в их информационные потоки. Для масштабирования аудитории данного типа сообществ и для обеспечения конкуренции с сообществами неконструктивной направленности необходимо осуществлять корректировку подходов к ведению социальных сетей с точки зрения содержания, используемых приемов и технологий.

*Данилова Н.М.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Миграционный вопрос представляется одним из серьезных вызовов, с которыми столкнулось современное российское государство. Он включает комплекс проблем и задач по регулированию потоков мигрантов, обеспечению контроля за выездом и въездом, адаптации и интеграции иностранных граждан, минимизации возможных рисков и негативных последствий миграции. Под решением миграционного вопроса в данном случае понимается разработка и реализация комплекса организационно-правовых и политических мер, четко регламентирующих и контролируемых развитие международной миграции на всех уровнях государства.

На сегодняшний день на фоне усиливающегося миграционного кризиса и роста антимигрантских настроений в российском обществе (ВЦИОМ. Исследование об отношении россиян к инициативе о запрете трудовым мигрантам перевозить свои семьи в Россию, июнь 2024 г.) существует системная проблема в сфере разработки и реализации миграционной политики, проявляющаяся и в методологических, и в организационно-методических, и в институционально-управленческих аспектах. Основной причиной выступает дефицит времени и практических наработок в данной сфере.

Методологические проблемы формирования миграционной политики связаны со слабой разработкой понятийного аппарата. Так, на концептуальном уровне (в Указе от 31.10.2018 № 622 «О Концепции миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.») определяются цели и задачи миграционной политики, но не дается ее определение, что создает сложности в реализации на местах. В методических рекомендациях, разработанных Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН) (Методические рекомендации № 142 для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». Утверждены приказом ФАДН) для руководства органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления РФ, современная миграционная политика России определяется как комплекс мер, осуществляемых различными органами государственной власти, направленных на содействие социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан. Но данный подход включает лишь часть предметного поля в управлении миграционными процессами, при этом не отражая, например, регистрационно-учетную, надзорную деятельность. В силу того что миграционные потоки стали угрозой национальной безопасности РФ, методы контроля учета и регистрации въезда и пребывания иностранцев имеют в данный момент приоритет над мерами по интеграции и адаптации широких масс мигрантов.

На наш взгляд, на региональном и муниципальном уровнях корректнее использовать понятия «управление миграционными процессами» либо «управленческие практики в сфере миграции», представляющие собой конкретные, частные, ситуативные формы осуществления миграционной политики в российском регионе или муниципалитете, связанные с решением конкретных задач.

Для решения миграционного вопроса необходима выстроенная и отлаженная институционально-управленческая система как на федеральном, так и на региональном уровне. Сегодня же миграционная деятельность в российских регионах сводится к работе Управления по вопросам миграции МВД. Возникают вопросы: кто же уполномочен заниматься адаптацией и интеграцией мигрантов, измерять и контролировать уровень межнационального напряжения? Нельзя забывать, что на территории страны проживает несколько миллионов иностранцев (замначальника Главного управления по вопросам миграции МВД К. Адзинов отметил, что в 2024 г. в России находится 6 млн иностранных граждан), с которыми необходимо выстраивать работу.

На федеральном уровне и в субъектах государства отсутствуют профильные государственные структуры. Решение миграционных вопросов в регионах, как правило, перенаправляется на министерство (департамент), занимающийся межнациональными отношениями (например, в Нижегородской области — Министерство внутренней, региональной и муниципальной политики). Необходимо понимать, что предметное поле межнациональных отношений в основном предполагает взаимодействие между народами (в советской традиции — «национальностями»), традиционно проживающими на территории российского государства. Многочисленные вопросы миграционной сферы де-факто выходят за компетенцию подобных ведомств.

На уровне регионов необходимо прорабатывать региональную правовую и методическую базу, включающую как региональную Концепцию управления миграцией, расставляющую акценты в соответствии с региональной спецификой, так и разработку конкретных методических рекомендаций, инструкций по работе с мигрантами.

Таким образом, решение миграционного вопроса в России видится исключительно на основе системного подхода. На фоне усиления работы Управления по вопросам миграции МВД в регионах страны необходимо создание специализированных властных структур, которые занимались бы администрированием миграционных процессов, включая введение адаптационных программ для иностранных граждан, учитывающих региональные особенности.

Данилова Е.А.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ОПК РФ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Геополитическая и геоэкономическая ситуация, связанная с проведением СВО России на Украине, существенно обусловила новые глобальные вызовы и угрозы для РФ и потребовала от нее дополнительных усилий как в реализации военной стратегии, так и модификации коммуникационной стратегии позиционирования государственного оборонно-промышленного комплекса. На первом этапе определяются цели и задачи коммуникационной стратегии. В стратегии позиционирования ОПК можно выделить два направления, внутреннее и внешнее. Для внутренних целевых аудиторий целью позиционирования является снижение социальной тревожности, повышение лояльности граждан к государству, рост патриотизма, обеспечение комплектации кадров на предприятиях ОПК и в армии, снижение транзакционных издержек в процессе политического управления, повышение стабильности социально-политической системы. На внешнем направлении одна цель позиционирования ОПК направлена на формирование образа сильного независимого игрока, способного влиять на международную повестку дня, вторая — на расширение военного экспорта за счет репутации надежного партнера по поставкам вооружений. На втором этапе производится таргетинг, выделение целевых аудиторий и каналов передачи коммуникативных посланий. В коммуникационную стратегию позиционирования армии и ОПК включены «СВОих не бросаем», «Работа для настоящих мужчин», что нацелено на усиление привлекательности служения Родине.

Совокупность современных маркетинговых и информационных технологий способна обеспечить эффективность стратегии брендинга оборонной отрасли, что на фоне общемировых трендов милитаризации является вопросом крайней степени актуальности. Каналы коммуникации включают печатные и цифровые издания СМК, массовые мероприятия (выставки, форумы, презентации инновационных разработок вооружений, парады, военные учения), которые представляют собой технологии событийного брендинга, когда яркие события формируют лояльность к институту армии и оборонной отрасли в целом. Набирает популярность блогинг, в том числе за счет военкоров, которые в своих каналах демонстрируют продукты оборонной отрасли. В целом визуализация и красочная подача инфомесседжей способствуют узнаванию и повышению привлекательности армии, ОПК и отдельных отраслевых продуктов как гарантии безопасности государства и каждого гражданина. Важно зафиксировать переход в область цифровых технологий, включение в стратегию позиционирования ОПК социальных медиа. В то же время необходимо соблюдать баланс между быстротой и открытостью передаваемой информации и традиционной закрытостью института армии с тем, чтобы не нанести урон интересам национальной безопасности. Необходимы формирование четкой концепции брендинга оборонной отрасли и учреждение единого информационного центра, структуры, которая отвечала бы за системную и бесперебойную работу в области позиционирования отечественного ОПК. Коммуникационная поддержка не заменит реализацию военной стратегии (и характер нового складывающегося миропорядка будет определен на поле боя), однако на фоне глобальных информационных войн такая поддержка является крайне необходимой.

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК «КУЗНИЦЫ КАДРОВ» ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

В условиях новой политической реальности возникает необходимость в поиске и формировании нового поколения политических лидеров, способных реагировать на современные геополитические и внутривнутриполитические вызовы, становиться представителями различных социальных групп и консолидирующим звеном российского общества. В этом контексте актуально говорить о молодежной политике как сфере поиска, подготовки и формирования политических лидеров, которые в дальнейшем смогут возглавить ведущие направления государственной политики на региональном, всероссийском и международном уровнях.

Актуализация рассмотрения ресурсного потенциала молодежной политики как системы формирования и рекрутирования политических лидеров обусловлена изменениями в тенденциях обновления политической элиты, трансформации каналов и механизмов рекрутинга политических лидеров. Молодежные общественные институты, осуществляющие представительные и консультативные функции при органах государственной власти, проекции общественно-политических институтов на молодежную среду и государственные и общественные институты, связанные с молодежной спецификой, как каналы рекрутирования политических лидеров претерпевают изменения ввиду проведения специальной военной операции и присоединения новых регионов к Российской Федерации.

Запрос политических элит в рекрутинге состоявшихся управленцев, имеющих опыт работы в структуре исполнительной и законодательной власти, реализовавших социально значимые и бизнес-проекты, выражается в проведении профессиональных конкурсов мастерства через систему государственной молодежной политики. Федеральным агентством по делам молодежи (Росмолодежь) совместно с Автономной некоммерческой организацией «Россия — страна возможностей» на протяжении 6 лет на всероссийском уровне реализуется ряд конкурсных механизмов выявления лидеров в сфере политики как «Конкурс политологов», «Лидеры России», «Лидеры России. Политика», «Лидеры интернет-коммуникаций». Региональные комитеты по молодежной политике проводят кадровые конкурсы по поиску талантливых управленцев как «Ярославский кадровый резерв» в Ярославской области, «Лидеры Карелии» в Республике Карелия, «Лидеры Кубани» в Краснодарском крае. В новых регионах России проводятся Всероссийский молодежный образовательный форум «Юг молодой» и конкурс республиканских проектов «Новая республика — руками молодежи».

Ресурсный потенциал молодежной политики в качестве источника рекрутирования политических лидеров необходимо оценивать через анализ ее инфраструктурных возможностей и перспектив. Во-первых, трехступенчатая система реализации молодежной политики позволяет охватить все 89 регионов страны, где молодежные программы и проекты проводятся, начиная от муниципального до всероссийского уровня. Во-вторых, данная сфера позволяет использовать существующие конкурсные практики как систему отбора талантливой молодежи с привлечением кросс-функциональной системы экспертной оценки кандидатов. В-третьих, победители и финалисты данных конкурсных практик, как правило, обладают необходимыми профессиональными компетенциями и личностными качествами для развития карьеры в области государственной службы, образования и политики, что позволяет осуществлять рекрутинг уже из потенциальных лидеров, способных оказывать влияние на принятие решений на различных уровнях власти.

Тенденции в обновлении управленческого аппарата государственных органов власти через использование системы рекрутирования молодежной политики находят подтверждение и на практике. Нами были изучены карьерные траектории управленцев в области молодежной политики, которые возглавили крупнейшие организации в области государственной политики. Яркими примерами можно привести Григория Гурова, являющегося с 2022 по 2024 г. Первым Председателем Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых», назначенного на должность руководителя Росмолодежи, и Артура Орлова, являющегося Героем России и участником проекта «Время Героев» для военнослужащих специальной военной операции, назначенного на должность Первого Председателя Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых». Данные карьерные траектории демонстрируют, как новые каналы и механизмы молодежной политики способствуют рекрутингу молодых профессионалов на высокие руководящие должности, что, в свою очередь, обеспечивает обновление кадрового состава государственных органов власти, а также интеграцию молодежного лидерства в управление стратегически важными направлениями государственной политики.

Таким образом, мы выявили, что современные тенденции в обновлении управленческого аппарата органов государственной власти непосредственно затрагивают современную систему государственной

молодежной политики, зарекомендовавшую себя как сферу поиска, формирования и рекрутирования политических лидеров в современной России. Молодежная политика развивается как «кузница кадров» политических лидеров для дальнейшего их встраивания в политическую систему России.

Дегтярева Е.Б.
(Москва, МГИМО МИД России)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОГНИТИВНЫХ ВОЙН: ДЕФОРМАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И СТРАТЕГИИ МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ

Социальные сети стали неотъемлемой частью жизни, изменив способ получения и обработки информации. Эти платформы оказались мощным инструментом в когнитивных войнах, где основное внимание уделяется контролю над восприятием и мышлением индивидов. Социальные сети позволяют быстро распространять информацию, воздействуют на когнитивные способности человека, деформируя процессы восприятия и скорость обработки данных. Современные исследования показывают, что активное использование социальных сетей оказывает биологическое воздействие на мозг, изменяя когнитивные способности (Montag, Sindermann, Becker, Panksepp, 2016; Ward, Duke, Gneezy, Bos, Brain, 2017, p. 140–154).

В когнитивных войнах социальные сети становятся платформой для атак, направленных на изменение политического сознания и ценностных установок. Ключевыми стратегиями являются следующие.

1. Снижение когнитивных функций через создание «дофаминовой ямы». Социальные сети используют механизм вознаграждения, основанный на выбросе дофамина, который вызывается лайками, комментариями и уведомлениями. Этот процесс стимулирует кратковременное ощущение удовольствия, побуждая пользователей возвращаться на платформы снова и снова, что может привести к «дофаминовой яме» — состоянию, при котором снижается способность мозга получать дофаминовое вознаграждение. Люди, находящиеся в «дофаминовой яме», испытывают трудности с концентрацией внимания, ухудшение памяти и снижение способности к критическому мышлению, что делает их более подверженными манипуляциям любого рода. Политические акторы могут использовать такое состояние индивидов, продвигая упрощенные эмоциональные послания, которые легче воспринимаются, но искажают реальность.

2. Снижение скорости обработки информации и развитие поверхностного мышления. Социальные сети подталкивают пользователей к потреблению коротких, фрагментированных сообщений и визуального контента, что ускоряет обработку информации, но снижает глубину ее восприятия. Ухудшается способность обрабатывать сложные тексты и аналитические материалы, требующие времени для осмысления. Политические акторы используют быстровоспринимаемые сообщения, упрощенные лозунги и эмоциональные нарративы, которые легко усваиваются в контексте деформированной когнитивной обработки.

3. Создание «информационных пузырей» и когнитивных искажений. Алгоритмы социальных сетей создают так называемые «информационные пузыри», когда пользователи видят только ту информацию, которая подтверждает их существующие убеждения. Это ведет к усилению когнитивных искажений и поляризации общества. Пользователи, находящиеся в таких «пузырях», меньше склонны к восприятию альтернативных точек зрения, что делает их более уязвимыми для манипуляций.

4. Манипуляция эмоциями через дофаминовые циклы. Политические акторы активно используют эмоциональные триггеры для усиления когнитивных атак. Контент, который вызывает сильные эмоции (страх, гнев, сострадание и др.), вызывает более глубокое впечатление у пользователей. В социальных сетях эмоциональные манипуляции становятся особенно эффективными. Шокирующие видео, эмоционально заряженные нарративы и вирусный контент оказывают значительное влияние на политическое восприятие и мобилизацию граждан.

5. Персонализированные атаки. Социальные сети позволяют таргетировать пользователей на основе их поведенческих данных и когнитивных особенностей. Политические акторы могут использовать искусственный интеллект для создания персонализированных когнитивных атак, направленных на изменение ценностных установок и политических предпочтений разных групп. Эти атаки, адаптированные к индивидуальным особенностям пользователей, особенно опасны, так как действуют на глубинные когнитивные процессы.

Социальные сети меняют способы политической коммуникации и деформируют когнитивные способности пользователей. Механизмы дофаминовой стимуляции, ускоренная обработка информации и эмоциональные манипуляции делают пользователей более уязвимыми к когнитивным атакам, что оказывает серьезное влияние на политические процессы и стабильность общества. Люди, чьи ког-

нитивные способности деформированы постоянным взаимодействием с социальными сетями, становятся менее способными к конструктивному диалогу и критическому осмыслению информации. Это создает идеальные условия для манипуляции массовым сознанием и является одной из ключевых угроз для политической стабильности в цифровом обществе.

Денисов А.Е.
(Казань, КФУ)

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И МОРАЛЬ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ КАК ОСНОВАНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Понятие справедливости является краеугольным камнем в современной политической философии. На наш взгляд, можно выделить два уровня реализации принципа справедливости в этнополитических процессах.

Первый принцип заключается в абсолютном равенстве. Если же говорить здесь об этнополитическом процессе, то он заключается в том, что все этнические группы должны быть в государстве равны между собой. Однако могут ли все регионы, например, иметь одинаковый уровень политического представительства в органах государственной власти, невзирая на уровень валового внутреннего продукта? Вопрос дискуссионный. Видится, что это не совсем справедливо. По этому поводу в политической науке отмечается, что для демократии важно, чтобы граждане были заинтересованы в своем политическом участии. Граждане, которые не имеют достаточной для этого возможности, могут стать в среднесрочной и долгосрочной перспективе проблемой для государства, так как есть вероятность, что они поставят под сомнение легитимность существующего политического режима¹. Это можно перенести и на регионы.

Что касается второго принципа, то он, видится, должен дифференцировать принцип справедливости. По этому принципу каждая политическая этническая единица внутри государства будет иметь тот вес и тот уровень влияния, который будет прямо пропорционален вкладу в развитие экономики, культуры и государственности в целом. Но тут возникают свои моральные дилеммы. Во-первых, а какие «судьи» будут решать, кто более достойный, а кто менее? И, во-вторых, это вопрос о критериях этого оценивания.

В рамках второго понимания справедливости мы говорим непосредственно о субгосударственном уровне. Сейчас любое современное государственное управление строится на принципе субсидиарности, то есть переноса ответственности за принятие тех или иных решений из «центра» на более низкие уровни, в том числе и на уровень региона. При этом государство выполняет особую и важную роль в сбалансированном распределении экономических и социальных ресурсов. Таким образом, получается, что регионы не могут конкурировать между собой в вакууме, их развитие непосредственно зависит от государства. Поэтому нельзя и этот принцип рассматривать как полноценный.

Так что же в итоге? Выход кроется в том, что нельзя вдаваться в крайности, а необходимо говорить о справедливости в ситуативном аспекте. Справедливость в этнополитическом процессе должна строиться на поддержание благополучия и интересов общества.

Мир политического слишком большой и сложный, чтобы все процессы привести к единому закону. Всегда будет существовать свои условности, из-за которых то или иное действие будет просто невозможным или же самоубийственным. В этом плане этнополитическая реальность имеет свои подводные камни. Например, лидеры этнической группы, безусловно, хотят процветания своему народу и добиться максимального для него политического результата. Хорошо, когда есть для этого определенные политические условия, например возможности политического представительства этой группы.

Когда мы говорим об этнополитических процессах, здесь стоит больше ориентироваться на принцип максимальной полезности для конкретного общества, на поддержание его благополучия. Этнополитический процесс — это всегда борьба и преодоление конкурирующих интересов.

И хотелось бы еще отдельно отметить вопрос, который мы мельком задали, когда говорили о втором варианте «справедливости». Это вопрос о критериях оценивания. Тут даже не в критериях дело, а в ценностях, на которые будут ориентироваться акторы этнополитического процесса. Здесь мы говорим о разных структурах: от государства до этнических общин. Все дело в дискурсах. В вопросах ценностей или «критериев» справедливости главным является согласие между акторами. Мы и объединяемся в групповые акторы по принципу совпадения наших взглядов. Но все мы существуем в обществе, и нам необходимо выстраивать общую среду, следовательно, мы должны договариваться о некоторых «правилах игры» и человеческого общежития. В этом плане мы солидарны с коммуникационной теорией этики Ю. Хабермаса². Дискурс — это согласие между агентами.

¹ *McDonnell J.* Municipality size, political efficacy and political participation: a systematic review // *Local Government Studies*. 2019. Vol. 46. Issue 3. P. 346.

² *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности: Т. 1: Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2: К критике функционалистского разума. М.: Весь Мир, 2022. — 880 с.

В этнополитическом процессе это ярко проявляется в горизонтальном и в вертикальном взаимодействии. Этнические группы выстраивают свои отношения и с государством, и с другими национальными движениями. Это необходимо, как минимум, для выживания, чтобы не перейти в маргинальное состояние.

Таким образом, при обсуждении справедливости и морали в этнополитических процессах следует опираться на утилитаризм и коммуникативный подход.

Дергунова Н.В.
(Ульяновск, УлГПУ)

ПОИСК МОДЕЛИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ. ЧТО ДУМАЮТ ГРАЖДАНЕ?

Модели развития социальной сферы зависят от идеологического подхода государства к организации и функционированию социальной сферы общества в целом. В РФ последние три десятилетия происходил переход от социалистического государства к социальному, также происходил переход от плановой экономики к рыночной на основе либеральной идеологии. Под моделями систем здравоохранения понимаются возможные состояния системы, различающиеся по принципам организации оказания медицинской помощи и ее финансирования, а также социального эффекта, который может производить эта модель. Ключевые факторы любой модели: финансирование, доступность, качество, отношение населения к своему здоровью, образ жизни. Из трех возможных моделей развития здравоохранения (фрагментарной, интегрированной и социально дифференцированной) модели фрагментарного и интегрированного здравоохранения уже имели опыт частичного воплощения в российской системе здравоохранения (*Шейман И.М., Шишкин С.В. Российское здравоохранение новые вызовы и новые задачи. М., 2009. С. 59*).

Предмет данного исследования составляют запросы, отражающие интересы и реальные потребности жителей Ульяновской области в отношении здравоохранения, а также их нормативные представления о роли государства и требования к власти о создании модели здравоохранения, отвечающей потребностям населения (выборочный опрос, 603 респондента, репрезентативен по полу и возрасту, февраль 2024 г.). Рыночные либеральные реформы предполагали уход от государственного здравоохранения. В выборе модели сталкиваются интересы бизнеса от здравоохранения, профессионального сообщества врачей, различных групп населения и государства. Существующая ныне российская модель организации здравоохранения не фиксирует позицию государства по эффективному соотношению государственной и платной медицины, предоставляя широкую возможность реализации медицинских услуг через платную медицину. Среди населения данная позиция государства не находит поддержки. Высоко оценивая качество предоставления медицинских услуг в платных ЛПУ, население тем не менее считает, что в условиях невысокой оплаты труда данная модель не отвечает запросам населения. Респонденты отмечают, что при выборе ЛПУ чаще руководствуются следующими факторами: профессионализмом врачей (75%); близостью лечебного учреждения (41%); стоимостью услуг (40%). 85% респондентов считают, что у них должен быть выбор ЛПУ. Чаще респонденты отмечают, что выделять средства для функционирования ЛПУ должны: государство из своих доходов (бюджет) (89%), государство через фонды обязательного медстрахования (55%), предприятия из своей прибыли (17%). Подавляющее большинство респондентов отмечают, что скорая медицинская помощь (82%) и высокотехнологическая специализированная медицинская помощь (74%) должны полностью финансироваться государством. Отношение к государственной профилактической медпомощи явно занижено (57%). В реальности современное здравоохранение финансируется из следующих основных источников: налогообложение (общее или специальное), взносы в фонды социального страхования, добровольная покупка частного страхования, личные средства граждан. Результат — смешанная экономика здравоохранения. По данным ГД РФ, после 2012 года основные источники формирования доходов бюджетов ТФ ОМС — средства из бюджета ФФ ОМС в форме субвенций (61,5%) на территориальную программу ОМС и региональную программу модернизации (22%). Средства регионов составили 10,5%. Для сравнения в Германии медицина финансируется также из нескольких источников: ОМС — 60%, ДМС — 10, госбюджет — 15, личные средства — 15%. В нормативных документах РФ не определено соотношение государственной и частной систем предоставления медицинских услуг, что ведет к неконтролируемому развитию частного сектора и уменьшению возможности населения получать бесплатные медицинские услуги.

В результате несовпадения представлений государства и населения о модели организации здравоохранения одной из наиболее актуальных проблем для жителей области является проблема функционирования учреждений сферы здравоохранения: это недостаточное обеспечение бесплатными лекарственными препаратами; низкое качество диспансеризации; проблема записи к врачу на прием;

нехватка врачей и их низкий уровень подготовки; закрытие районных поликлиник, бесконтрольное развитие платной медицины, уход врачей в платные ЛПУ. В городе Ульяновске на 12 государственных городских ЛПУ приходится более 90 частных ЛПУ. Большинство врачей работает в платных ЛПУ. В сознании населения отсутствует понятная и соответствующая его интересам модель здравоохранения. Жители области, нуждающиеся в помощи государства в области здравоохранения, фактически раздавлены «неравенствами результатов» в возможности получения качественных медицинских услуг.

В современном подходе к выбору системы здравоохранения изначально должны преобладать правовые характеристики универсальных отношений врача и пациента, в свою очередь, определенные фундаментальными (конституционными) свободами личности. Опыт постсоветского реформирования социальной сферы свидетельствует, что рыночная экономика не в состоянии решить проблемы социального неравенства без вмешательства государства в эту сферу. Государству необходимо выработать более адекватное и соответствующее запросам населения соотношение государственной и платной медицины, исходя из социально-экономического положения страны (уровня оплаты труда, ожиданий населения, уровня развития экономики).

Дерендяева А.Д.
(Барнаул, АлтГУ)

ИДЕНТИЧНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ В СЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХОВ АЛТАЯ)*

За последние годы проблема формирования идентичности в обществе оказалась довольно актуальной и даже перешла из социальной сферы в политическую. При этом важной практикой в интеграции населения становится сохранение истории и культуры отдельных народов, проживающих на территории России.

В данной коннотации особый интерес вызывает исследование сельской среды, так как, в отличие от общих региональных исследований, сфера изучения локальных сообществ имеет достаточно большое количество лакун. С одной стороны, сельские территории попадают под практики формирования общероссийских ценностей и демонстрируют наличие гражданской идентичности. В то же время данная среда «более свободна», а местным жителям проще интегрироваться и «действовать сообща» в силу своей небольшой численности, компактного места проживания и т.д.

Так, в качестве изучаемых сельских территорий выступили с. Кирей и п. Мирабилит (Алтайский край), с. Кош-Агач и с. Жана-аул (Республика Алтай), в этих локальных сообществах проживает довольно высокая доля представителей казахского этноса. Исследование данного народа (учеными АлтГУ были проведены опросы в апреле–мае 2024 г. — *Прим. авт.*) позволило выявить отдельные практики, непосредственно влияющие на формирование идентичности. По результатам работы в качестве таких практик традиционно выступили: исторические нарративы, национальный язык, традиции и обычаи, историко-культурные объекты, символические события, национальная пища и др.

Изучаемые локальные сообщества продемонстрировали процессы формирования разных видов идентичности. С одной стороны, имеет место этническая (казахская) идентичность. На это указывают попытки сохранения национального языка. Так, казахи Алтая демонстрируют знание многих слов, общаются между собой на «родном». Кроме того, сохраняются различные традиции и обычаи (например: обряд «Шилдехана», «Бесік той», «Тусау кесу», «Тіл ашар», «Шашу» и др.), а в повседневной жизни используются предметы национального быта (например: «курак-корпе», «сырмак», «дастрахан» и др.). Многие практики празднования также остаются неизменными, главным событием является праздник весны «Наурыз». Этническую идентичность подчеркивает и гастрономическая культура казахов Алтая: бешмармак, кожа, коспа, кумыс и многие другие блюда и напитки «кочевого народа».

В то же время происходят процессы формирования локальной идентичности, поскольку определяются практики, которые апеллируют к конкретному месту проживания. Так, некоторые события для казахов, такие как: «жизнь в данном селе (имеется в виду с. Кирей. — *Прим. авт.*)», «землетрясение 2003 г.» и т.д. — связаны именно с историей отдельных сельских территорий, с концептом «малой Родины». Идентичность с «местом» показана и сквозь призму отдельных символических событий локального характера, например: День села, День пастуха и т.д.

Вместе с тем в сельской среде наблюдается феномен пересечения локальных идентичностей. Так, казахи Алтайского края проживают с русским (п. Мирабилит) и татарским (с. Кирей) населением, а казахи Республики Алтай с алтайцами, русскими, теленгитами и др. (с. Кош-Агач, с. Жана-аул).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00822.

Совместное проживание на одной территории приводит к общим практикам формирования идентичности. Так, опрошенные отмечают, что «...молодые уже говорят лишь на русском...», а «...казахский язык остается важным для старшего поколения...». Кроме того, некоторые символические события начинают носить межнациональный характер. Например, в Алтайском крае проводится Межрегиональный фестиваль «Перекресток культур» и т.д. В Республике Алтай такие праздники, как «Чага-Байрам», «Эл-Ойын», изначально связанные с алтайским этносом, становятся общими и значимыми и для казахов. Безусловно, и гастрономическая культура становится общей, казахи употребляют в пищу блюда как русской, так и алтайской, татарской кухни.

Важно отметить, что в данных практиках формирования идентичности наблюдается определенная институционализация этничности. Так, не случайно появление конструируемой категории: «алтайские казахи», община которых имеет уже длительную историю существования в Чуйской степи. Кроме того, можно говорить и об определенном стирании этнических границ. Сами респонденты подчеркивают, что если раньше было «противостояние» (имеется в виду с алтайцами или русскими. — *Прим. авт.*), то сейчас наблюдается некая деэтнизация территорий, так как производство этнических границ начинает определяться территориально, в рамках конкретных сельских поселений.

В целом можно говорить о том, что формирование идентичности у казахов Алтая имеет свои особенности, где немаловажную роль играют такие факторы, как: 1) многонациональный характер локальных сообществ, 2) проживание данного народа в сельской среде, а также 3) наличие практик институционализации этничности, конструируемая символическая политика.

Джантиева Д.С.
(Черкесск, КЧИГИ)

ОТКРЫТЫЕ И ЛАТЕНТНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ

Динамика современных политических процессов в России тесно связана с ходом избирательных кампаний, в рамках которых в ряде регионов страны конкурирующие стороны открыто или скрыто включают в электоральные коммуникативные стратегии этнический компонент. По мнению исследователей, именно этничность является фактором, обеспечивающим высокий уровень электоральной мобилизации в республиках Северного Кавказа. Очевидно, что этнически мотивированное электоральное поведение избирателя формируется под воздействием информационно-коммуникативных факторов. С этой точки зрения представляется актуальным научное осмысление вопроса об открытых и латентных репрезентациях этнической идентичности в электоральных коммуникативных стратегиях применительно к республикам Северного Кавказа.

Субъекты избирательного процесса с разной социокультурной идентификацией используют этнический фактор для обеспечения политического участия и представительства этнической общности в конкретной избирательной кампании. Так, на стадии формирования территориальных избирательных участков, составления партийных списков проблема этнического представительства участников электорального процесса обеспечивается с помощью механизмов неформальных этнополитических коммуникаций. Данная форма взаимодействия акторов этнополитики является составной частью политической коммуникации на Северном Кавказе.

Актеры этнополитики, вступающие в неформальные политические контакты по вопросам выборов, учитывают такие параметры, как: этноконфессиональный состав территории проведения выборов (региона, района, муниципалитета), пространственная локализация этнических общностей, действующий на местном/региональном уровне принцип этнического квотирования, этносоциальная поддержка кандидата, этническая идентичность кандидатов от политической партии и т.д. При таком подходе в полиэтничных регионах Северного Кавказа объективно обеспечиваются и практически реализуются гарантии избирательных прав и права на участие в выборах граждан с разной социокультурной идентификацией.

Наряду с этим неформальные этнополитические коммуникации используются для широкого информирования потенциальных избирателей о предстоящих выборах и предполагаемых кандидатах, представляющих интересы конкретной этнической общности. Учитывая, что информирование о выборах с использованием этнической идентичности может побуждать избирателей сделать определенный выбор, важно соблюдать грань между информированием и политической агитацией. К тому же освещение предвыборной деятельности или конструирование агитационных текстов с учетом этнического фактора, даже без прямого упоминания этнической идентичности, воспринимается и интерпретируется электоратом как латентная репрезентация этничности в электоральных коммуникативных стратегиях.

С учетом того, что действующее избирательное законодательство РФ не допускает использования этничности в политической агитации, на Северном Кавказе органами власти применяются адекватные меры по недопущению этнизации выборов, включая создание гражданских структур по мониторингу за избирательным процессом и соблюдению интересов всех акторов этнополитики. Так, в настоящее время институтом обеспечения законности действий всех субъектов избирательного процесса в регионах РФ являются Общественные штабы по наблюдению за выборами, созданные при Общественных палатах регионов страны. Их работа координируется Общественной палатой РФ. В работе региональных Общественных штабов участвуют представители этнокультурных объединений и организаций, которые комментируют избирательные кампании в политическом медиапространстве. Таким способом электорату транслируются скрытые этнические смыслы выборов, символизирующие об этническом представительстве и участии в выборах кандидатов от определенной этнической общности.

На стадии политической агитации осуществляется открытая репрезентация этнической идентичности в СМИ Северного Кавказа. Субъекты предвыборной агитации используют способы, не запрещенные действующим избирательным законодательством. В частности, этнические СМИ размещают предвыборные программы политических партий как на русском, так и на этнических языках местных народов. Для усиления этнически мотивированного электорального поведения избирателя в СМИ демонстрируются материалы, свидетельствующие об участии кандидатов в этнических праздниках, поддержке ими этнических проектов, оказании материальной помощи в издании литературы, посвященной этнической теме, и т.д.

Открытая и латентная репрезентации этнической идентичности во время выборов способствует формированию определенного электорального поведения. Использование этничности в электоральных коммуникативных стратегиях является значимым предиктором, позволяющим прогнозировать высокую явку избирателей в республиках Северного Кавказа и голосование за этнически лояльных кандидатов и представляемые ими политические партии.

*Джгмадзе К.Б.
(Москва, ВЦИОМ)*

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ) НА СУБЪЕКТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Приращение возможностей ИИ в последние годы ставит перед исследователями важные вопросы: какое место ИИ будет занимать в общественных отношениях в будущем и какая роль при этом будет отведена человеку? Какие изменения ИИ принесет в политический процесс и какие риски и преимущества его массового распространения могут быть?

ИИ развивался постепенно и имел разные форматы, однако за последние 10 лет произошло больше значимых достижений в этой области, чем за полвека исследований. Как результат в общедоступное пользование пришли нейросети, алгоритмы в социальных сетях, инструменты для создания различного контента, голосовые помощники, языковые переводчики, автопилоты, чат-боты с ИИ и прочие технологии.

ИИ изменил и политическую практику — политтехнологи активно используют ИИ в электоральных кампаниях для анализа больших массивов данных, по большей части, аккумулированных в социальных медиа. Это позволяет портретировать и сегментировать избирателей с целью политического микро-таргетинга. Предпринимаются попытки построения нейросетевых математических моделей для электорального прогнозирования. Также ИИ используется для создания медиаконтента, который может применяться в политической борьбе (например, дипфейки).

Исследователи, социологи открыто обсуждают возможности создания виртуальных целевых аудиторий, где наряду с реальными респондентами либо вовсе без их участия могут проводиться полевые работы нового формата за счет «искусственных людей» (например, обучение ИИ на основе имеющихся данных о половозрастных сегментах). В перспективе могут быть опросы без привлечения людей.

На уровне государств ИИ используется как инструмент управления: цифровое профилирование физических и юридических лиц, система социального кредита (социальный рейтинг), интеллектуальные боты (алгоритмы, которые имитируют поведение политических акторов).

Все эти инструменты уже начинают менять характер общественных отношений, а в будущем могут привести к снижению субъектности человека в политическом процессе.

Субъектность человека с точки зрения психологии проявляется в его способности к волеизъявлению, интерпретации действительности, рефлексии, общению, творчеству, принятию ответственности за свои действия и т.д.

Если мы рассуждаем о субъектности человека в плоскости политического процесса, то к вышеописанным критериям стоит добавить: способность к политическому действию, политической самоиден-

тификации, политическому целеполаганию — формулированию собственных представлений и отношения к общественно-политическому устройству.

Но с развитием ИИ до институциональной формы политической системы (например, «виртуальные депутаты») человек может еще больше потерять интерес к миру политики. Социально-политический выбор перейдет в ведение ИИ, как более точный и объективный. Возможный сценарий: ИИ как «доверенное лицо» населения, напрямую представляет и отстаивает его интересы перед властью либо конкурирует за власть между собой (если владельцы ИИ — это разные структуры). В таком случае политическое действие реального человека может утратить ценность, тем самым усиливая абсентеизм.

С приходом ИИ в сферу политики появляется развилка: с одной стороны, абсентеизм, с другой — новый активизм. Будут существовать области общественно-политических отношений, в которые ИИ будет сложно проникнуть либо ИИ будет оцениваться как нерелевантный участник. Прежде всего, это межличностная коммуникация. Есть риск расслоения «политики» по уровням. На «высоком уровне» усиление ИИ, на низовом как противовес — усиление межличностной коммуникации, неконтролируемой властью, крупными игроками. Реализация второго сценария может нести для власти риски протестного поведения. Если образно, мы вернемся в позднесоветский период, когда было «правильное» телевидение и «кухня» (так назывались все «кухонные разговоры»). В итоге «кухня» победила «телевизор», что стало одной из причин «разрыва общества» и распада страны.

Еще одним риском с точки зрения субъектности человека является влияние технологий ИИ на критическое мышление. Поступающая извне информация, контент, в очень больших объемах, способна преодолеть заградительные барьеры мыслительного процесса. Личные установки, представления, знания с трудом способны выдержать натиск текущего информационного потока, а в будущем он вряд ли сократится. Человеку все труднее соотноситься — то, что он видит — это реальная картинка или продукт ИИ. Так фильтр критического мышления ослабевает, психика устает, человеком становится проще манипулировать.

Уже сейчас мы наблюдаем проблему взаимодействия людей между собой. Общество более атомизировано, людям сложнее заводить новые знакомства и поддерживать старые, вступать в спонтанный коммуникационный акт с незнакомыми людьми (зачем спрашивать дорогу у прохожего, если можно посмотреть маршрут в навигаторе). Особенно это актуально для мегаполисов и больших городов. С появлением ИИ как нового участника коммуникационного процесса общение в принципе может быть редуцировано до простых, формальных форм. Чем меньше человек будет взаимодействовать с себе подобными в живом общении, тем больше будет расти эта дистанция. А если просветительская функция перейдет в ведение ИИ, то ребенок лишится важного опыта социального и межпоколенческого взаимодействия.

Понимая имеющиеся риски, использование ИИ в политике необходимо осуществлять параллельно с работой с населением, цель которой — укрепление субъектности человека. Индикаторы достижения политической субъектности: национально-государственная идентичность; политическая активность (допустим, в форматах волонтерства); артикулируемые ценностные ориентации (например, патриотизм, семья, социальная справедливость); социальные представления; экономические, политические и правовые знания; принадлежность к профсообществу и т.д.

*Дибас О.А., Милокост Л.С.
(Луганск, ЛГПУ)*

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛНР: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

30 сентября 2022 года произошло судьбоносное и долгожданное событие в жизни Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей — вхождение в состав Российской Федерации. Данное событие было долгожданным для жителей региона, которые активно поддерживали события «Русской весны» с 2014 года.

Возвращение в состав Российской Федерации способствовало наращиванию интеграционных процессов, увеличению финансирования системы образования, началу масштабных работ как по восстановлению дорожной инфраструктуры, пространства городов, так и образовательных учреждений.

Однако учебные заведения Луганской Народной Республики кроме обозначенных положительных изменений сталкиваются с рядом трудностей.

В рамках данной темы были выделены долгосрочные проблемы, с которыми столкнулся регион в период 2014–2022 годов, а также новые вызовы, которые актуализировались с 2022 года.

Наиболее острой проблемой в сфере высшего образования после 2014 года стал кадровый голод и нехватка кадров высшей квалификации по ряду направлений подготовки и образовательных программ, что было вызвано оттоком кадров как на территорию Российской Федерации, так и вместе с университетами-клонами на территорию Украины. Целые научные школы выезжали за пределы региона.

Стоит отметить, что для преодоления кадрового голода на региональном уровне были приложены немалые усилия, которые проявились в создании местных высших аттестационных комиссий, диссертационных советов, журналов, входящих в перечень ВАК ЛНР, перечень ВАК ДНР.

Интеграционные процессы в рамках вхождения в состав России проявились в распространении на территории республик Донбасса российской законодательной базы, что повлекло за собой ликвидацию местных отделений ВАК, закрытие ряда диссертационных советов и научных изданий. Стоит обозначить, что ряд исследователей готовили свои научные труды с учетом требований местных (луганского и донецкого) диссертационных советов и после 2022 года вынуждены значительную часть работы прodelывать заново.

Активная фаза боевых действий, ситуация нестабильности и опасности стимулировали отток абитуриентов за пределы республик Донбасса, и данная тенденция сохраняется и на современной этапе, что обусловлено как географическим расположением университетов, уровнем их материально-технической базы, критерием отдаленности от линии фронта, а также перспективами дальнейшего трудоустройства.

Новым вызовом для ЛНР после восстановления в границах до 2014 года стала проблема включения в образовательное пространство студентов с освобожденных территорий, которые проходили обучение в украинских школах в период 2014–2022 годов, воспринимаемая искаженные исторические факты и идеологические установки. Существенным упущением данной категории обучающихся является отсутствие знаний об истории России, ее политическом устройстве, культурных достижениях, а также роли в системе международных отношений, что требует ликвидации данных пробелов в знаниях. Одновременно с этим необходимо активизировать работу по переподготовке профильных специалистов, которые долгое время работали на подконтрольной Украине территории в вузах-клонах. В этом аспекте особого внимания требуют молодые специалисты, которые получали базовое образование в вузах Украины после 2014 года.

С 2022 года проблемами воспитания подрастающего поколения и интеграции в российское культурное, историческое и политическое пространство обеспокоились на государственном уровне, что проявилось как в расширении часов истории России во всех вузах, введении новой дисциплины — «Основы российской государственности», а также разработке и принятии программы воспитания для студентов всех направлений подготовки.

Таким образом, университеты новых регионов России, в частности Луганской Народной Республики, после возвращения в состав России активно включились в процесс интеграции в российскую образовательную систему. Данный процесс имеет огромное положительное значение для всего региона, так как способствует включению учреждений высшего образования в единое образовательное пространство Российской Федерации. Хотя переходный период для новых регионов обозначен до 2026 года, считаем необходимым выработать механизмы для преодоления обозначенных проблем и вызовов с учетом разноплановости региона, наличия групп людей с различным историческим опытом и уровнем травмированности и применять различные методы и технологии избирательно (точечно), работая с конкретной проблемой или группой людей.

*Дмитриева В.А.
(Москва, МГИМО МИД России)*

ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА БРИКС В КАЧЕСТВЕ РЕШЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЪЕДИНЕНИЯ

При описании роли БРИКС в международной повестке и измерений воздействия группы на мировую арену исследователями упоминается гуманитарное (направленное на улучшение положения человека) измерение: сотрудничество в целях развития по линии Юг–Юг внутри группы и за ее пределами. Все традиционные участники БРИКС являются новыми донорами, оказывающими влияние на гуманитарную международную повестку в части определения принципов, способов сотрудничества, подхода к контролю проектов и усиления роли партнера по проекту (именуемого странами ОЭСР реципиентом).

Хотя гуманитарное сотрудничество было определено как одна из ключевых сфер сотрудничества в 2009 г., его роль традиционно воспринимается как один из способов укрепления сотрудничества и налаживания связи внутри объединения. В действительности же гуманитарное сотрудничество БРИКС выполняет роль своеобразного компенсационного механизма внутренних проблем стран-участниц: об этом свидетельствуют проекты Нового банка развития БРИКС, посвященные решению инфраструктурных и энергетических проблем. При изучении решения проблем БРИКС не учитывается фактор двустороннего сотрудничества в целях развития между странами-участницами, являющийся частью гуманитарного измерения.

Для оценки эффективности двустороннего взаимодействия с точки зрения устранения основных проблем стран–участниц БРИКС были изучены:

- финальные заключения саммитов БРИКС в 2009–2017 гг. на предмет ключевых проблем в сфере развития;
- двусторонние проекты Бразилии и Китая в странах БРИКС в 2009–2019 гг. на предмет направлений проектов и их количества.

Проекты сопоставляются в соответствии с откорректированным после первого применения подходом к анализу, выделяются ключевые темы заключения саммитов.

Ключевые темы заключительных документов саммитов сопоставляются с проектами Китая и Бразилии в странах БРИКС (взятых из баз *AidData*, баз гуманитарных ведомств), исходя из тематики.

Временной лаг между темой на саммите и проектом — 2 года (в соответствии с идеей, что саммит проходит в конце года, и требуется около года на согласование и разработку проекта).

Если проекты стабильно реализуются по количеству (например, около пяти ежегодно), то это не учитывается как воздействие повестки на внедрение проекта.

Не учитываются заключения с 2018 г., так как во многом сотрудничество было приостановлено и большая часть проектов не запущена из-за пандемии коронавируса. Таким образом, эти данные не являются репрезентативными.

Проводится коррекция результатов на проектах стран, вступивших в БРИКС недавно, с целью отделения влияния мировой повестки от повестки БРИКС.

Анализ показывает, что отмечается нарастающая синхронизация проектов двустороннего гуманитарного сотрудничества Китая и стран БРИКС (для Бразилии актуальные проекты заканчиваются в 2015 г., что не позволяет сделать выводов по этой стране) с течением времени. Отчасти это связано с небольшим количеством тематик заключительных документов после саммитов БРИКС в начале существования группы и увеличением обсуждаемых тем с прошествием времени. Отчасти это связано с наращиванием координированности проектов с нуждами стран БРИКС. Коренной перелом отмечается с саммита 2013 г., когда резко возрастает количество проектов по необходимой странам тематике.

Для ряда сфер существует особенность одновременного с реализацией проекта включения проблемы в повестку: например, энергетические проекты, урбанистические, проекты по улучшению условий труда. При этом частично это характерно для первого появления темы в заключительном документе саммита. В дальнейшем упоминание может вызывать резкий всплеск в количестве проектов (или запуск проекта в сфере, которая ранее не была востребованной, например водоснабжение).

Наиболее важными для реализации являются сферы промышленности, банковского сектора, образования, энергетики и транспорта. Таким образом, сотрудничество затрагивает вопросы инфраструктуры и промышленного сектора. Социальный сектор (за исключением образования) не является частым для организации проектов в странах БРИКС, хотя социальные темы регулярно поднимаются в заключительных документах (гендерное равенство, равные социальные условия, достойная оплата труда). Отчасти это может быть связано с неготовностью стран БРИКС вмешиваться в вопросы, связанные с государственным суверенитетом (социальные условия и достойная оплата труда — зона ответственности социального государства), поэтому проекты такого рода реализуются крайне редко с учетом мнения страны, где этот проект планируется к реализации.

Таким образом, БРИКС становится площадкой для продвижения устойчивого развития и катализатором основанного на нуждах стран гуманитарного сотрудничества.

Анализ проектов усложняется фактом, что у Бразилии 13 двусторонних проектов в странах БРИКС. Таким образом, наблюдается преимущественно влияние проектов Китая на результаты исследования. Для полноты картины требуется в дальнейших исследованиях учесть двусторонние проекты России, Индии и ЮАР, проекты НБР БРИКС и расширить исследование путем добавления новых проектов после 2021 г.

ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ДИСКУРСАХ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ*

Университет представляет собой одновременно институт и идею. В первом качестве он производит и распространяет знание, а во втором — сам становится объектом рефлексии. Поскольку знание образуется множеством идей, университетский дискурс (обмен идеями) вбирает в себя также политическую проблематику, оказывая скрытое или косвенное воздействие на общественное мнение. В данной перспективе многообразие политических идей соотносится с различными принципами организации знания и в конечном счете с идеей университета (*Гуторов В.А., Шириняц А.А.* Идея университета как дискурсивный политический проект: опыт теоретической интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 4 (102). DOI: 10.18254/S207987840014296-4).

Исторически важную роль в возникновении и развитии университетов играла церковь. В Средние века Святой престол гарантировал автономию учебных заведений, а противостояние духовной и светской властей требовало рационализации дискурса. Несмотря на контроль государства в вопросах образовательной политики, современный католицизм продолжает настаивать на собственном институциональном присутствии в области преподавания и научных исследований — на всех уровнях формирования и передачи культуры (*Лунар П.* Церковь и культура. Заметки о папстве разума. Милан, М.: Христианская Россия, 1993. С. 110). Подобная позиция характерна также для протестантизма и православия.

В связи с этим возникает исследовательский вопрос: какова специфика дискурсов христианских конфессий относительно идеи университета и государственной политики в сфере высшего образования? Анализ корпуса церковных документов, конфессиональных справочников (энциклопедий) и университетских сайтов дает следующие результаты.

Общим моментом для западного христианства является прослеживание эволюции университета от средневековой корпорации к государственному учреждению. Католический дискурс акцентирует негативные последствия секуляризации высшего образования. Переход учебных заведений в ведение светских властей рассматривается в качестве фактора, ограничивающего университет через регулирующее воздействие и территориальную локализацию. Этим объясняется необходимость создания католических университетов, а также их международного взаимодействия. Протестантский дискурс, напротив, соотносит глобальное распространение университетской модели с политико-культурным влиянием западноевропейских государств. В силу отсутствия единой церковной власти протестантские деноминации оказались более восприимчивы к страновому контексту. Это позволило им адаптироваться к трансформациям светской системы образования, однако проблематизировало конфессиональную идентичность.

Специфика дискурса Русской православной церкви напрямую связана с историей российской системы высшего образования, в которой первые университеты создавались без теологических факультетов. Вероятно, поэтому Основы социальной концепции РПЦ (приняты в 2000 г.) не содержат дефиниции университета. Документ указывает на желательность присутствия христианских ценностей в системе образования и определяет религию в качестве источника представлений об истине, не противоречащих научному познанию. Критерием гармоничного социально-политического устройства маркируется отсутствие секулярной монополии при принятии общественно значимых решений.

В постсоветской России вслед за признанием свободы вероисповедания последовало восстановление инфраструктуры религиозных организаций. Получение ими доступа к высшему образованию воспринималось не только с академических позиций, но и как средство защиты «традиционных» конфессий. Важным изменением образовательной системы стало учреждение РПЦ и признание государством православных университетов, которые ориентированы на социальную открытость и вовлеченность в публичные дискуссии. Изначальной целью учебных заведений было либо воспитание светской интеллигенции с православным мировоззрением (РПУ), либо подготовка квалифицированных кадров для церкви (ПСТГУ). Сейчас эти функции выполняются обоими учреждениями, а православный дискурс выстраивается вокруг государственно-конфессионального регулирования освоения теологии в стенах университета.

Резюмируя, проведенный анализ выявил особенности дискурсов христианских конфессий по университетской проблематике. В западных традициях присутствие религии в стенах учебных заведений

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01601, <https://rscf.ru/project/23-28-01601/>.

легитимируется через преемственность со средневековыми факультетами теологии. Однако наблюдается существенное расхождение католической и протестантской оценок государственной политики в сфере высшего образования. В России православный дискурс сфокусирован на участии РПЦ в разработке государственного стандарта по теологии, закрепившего научный статус и конфессиональное содержание дисциплины.

*Долженкова Е.
(Санкт-Петербург, СПбПУ)*

ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ — ДИСКРИМИНАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО ЭТНОСА

В странах Балтии Латвии и Эстонии русскоязычное население подвергается дискриминации по признаку гражданства (разделение на граждан и неграждан; ужесточение политики в отношении российских граждан, постоянно проживающих на территории данных государств), языка, культурной и национальной принадлежности. Дискриминация русскоязычного населения исходит из усиления политики превосходства титульной нации. Титульная нация оказывается в привилегированном положении за счет обращения к ней национального правительства посредством политических программ и законов, которые создают противовес с нетитульным населением. Тем самым происходит легитимация политических действий и их популярность. В Латвии и Эстонии подобные действия доказали свою эффективность посредством разделения общества на граждан и неграждан и исключением из политической жизни неграждан, которые до сих пор составляют значительную часть населения. Ограничения политических прав неграждан привели к тому, что русскоязычное население не может на протяжении всей постсоветской истории Латвии и Эстонии повлиять на собственное положение в условиях постоянно усиливающейся дискриминации. Политика нарушения электоральных прав начала использоваться и в других постсоветских странах, политические элиты которых используют антироссийские настроения. В Молдове, ввиду отсутствия разделения общества по гражданскому признаку, применяются методы ограничения использования русского языка в электоральных кампаниях, что также может являться препятствием при использовании права на участие в политической жизни.

Языковая принадлежность части населения может признаваться и угрозой национальной безопасности. В Латвии наряду с политикой превосходства титульной нации угрозой признается все, что связано с русскоязычным этносом — язык, национальность, культура. С помощью политики дискриминации в отношении русского языка, национальности и культуры часть общества маргинализируется, а с помощью политических действий и создания социально-политического дискурса объявляется в целом угрозой национальной безопасности в самом широком смысле. Подобные действия влекут за собой законодательно установленные запреты на использование языка в сфере образования, здравоохранения, государственных услуг и социально-бытового общения. Вводятся особые правила при установлении национальной принадлежности — в Латвии заявитель не может сослаться на самоидентификацию — необходимо доказать факт принадлежности к латышской национальности нескольких поколений и подтвердить знание латышского языка на высшем уровне. Выражение культурной принадлежности русскоязычного этноса посредством организации и участия в мероприятиях поставлена под запрет и в отдельных случаях расценивается в качестве прямой угрозы национальной безопасности — например, памятные мероприятия 9 мая. Положение русскоязычного этноса в странах Балтии усугублялось и подвергалось дискриминации на протяжении более 30 лет. Вступление в европейские институты, которые, теоретически, могли бы поспособствовать улучшению их положения, не увенчалось успехом. Данный опыт можно сопоставить с положением русскоязычного этноса в Молдове и в Казахстане, в качестве «зарождения» проблемы, которая в дальнейшем при усилении политики превосходства титульной нации может быть похожа на ситуацию, сложившуюся в странах Балтии. А также при развитии антироссийских настроений либо посредством развития прозападного внешнеполитического курса. Что в целом, как показывает практика Латвии и Эстонии, позволяет политическим элитам обращаться только к титульному населению; разделять общество на «свой» и «чужой»; использовать политику памяти в качестве создания нарративов негативного отношения к советскому прошлому. Русскоязычный этнос в подобных социально-политических системах воспринимается одновременно как продолжение советского периода, а также в качестве населения, неотделимого от современной Российской Федерации, что является и отражением их внешней политики.

Домбровская А.Ю.
(Москва, Финансовый университет
при Правительстве РФ)

СОЛИДАРНОСТЬ И ДЕСОЛИДАРИЗАЦИЯ В ПОТОКАХ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА в 2023–2024 годах

Все усиливающееся иностранное информационно-психологическое воздействие на российский национальный сегмент социальных медиа обостряет риски десолидаризации, социального раскола пользователей страны по сенситивным гражданско-политическим вопросам. В этих условиях исключительно важно оценивать масштабы, смысловую структуру и эффекты потоков солидаризирующей и десолидаризирующей направленности в режиме мониторинга. В исследовании апробирована методика выявления ключевых характеристик когнитивных карт информационных потоков, репрезентирующих установки на солидарность и десолидаризацию российского общества. Методика предполагала идентификацию контекстов, триггеров, дискурсов, целевых аудиторий, акторов, технологий формирования общественных установок, определение пула акторов и авторов солидаризационного и десолидаризационного контента российского сегмента социальных медиа. Эмпирический анализ осуществлен методом когнитивного картирования релевантных заявленному предмету анализа социально-медийных документов. Выборочная совокупность пабликов, сообществ, каналов — эмпирических объектов исследования сформирована из трех наиболее популярных социально-медийных платформ РФ: *Telegram*, «ВКонтакте» и «Одноклассники» (всего отобрано 100 сообществ). После первичного анализа контента этих сообществ отобрано 60 сообществ (по 30 — солидаризирующего и десолидаризирующего характера), являющихся наиболее влиятельными и релевантными предметному полю исследования. Объем исследовательских единиц — 800 документов (400 постов — по контенту, репрезентирующему социальную солидарность, и 400 постов — общественную десолидаризацию). Отбор конкретных документов для внесения в базу данных осуществлялся с использованием целевой выборки и с учетом хронологической репрезентации материалов: глубина отбора — 12 месяцев (1 апреля 2023 года — 1 апреля 2024 года). Целевому отбору подлежали документы, датированные срединной неделей (по одному документу каждого дня этой срединной недели) срединного месяца каждого квартала, критерии релевантности — наличие возможности идентифицировать характеристики документа в соответствии с матрицей когнитивного картирования (содержательные, включающие понятные смыслы и согласующиеся с темой исследования материалы).

В числе ключевых результатов — базовые черты когнитивных карт потоков социальной солидарности и десолидаризации. Первая характеризуется доминированием смыслов, отражающих использование коллективной безопасности как основания солидарности, сохранения ценностного консенсуса, позитивной национально-государственной идентичности, сохранение суверенитета как базовой ценности. Второй — свойственны эксплуатация социальной депривации для подрыва общественного доверия институтам власти, обесценивание значимости власти, независимости страны, ее государственного суверенитета, инструктивное, иррациональное и манипуляционное воздействие на общественное мнение.

Сопоставление охвата и результативности вовлечения цифровой аудитории в потоки с разными социальными контекстами позволило разработать рекомендации для генераторов солидаризационного контента. При создании потоков солидарности необходимо активнее использовать такие консолидационные основания, как общность языка, традиционных религий, единство многовековой истории, общность судьбы, исторической памяти, культуры, значимость объединения усилий, совместных действий, гражданского участия в процессе достижения поставленных перед обществом задач в условиях текущих глобальных вызовов, а также усиливать эмоциональные приемы убеждения и воздействия на национальную пользовательскую аудиторию.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОРМАТИВНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Все постсоветские модели государственно-религиозных отношений предусматривают выделение религиозных некоммерческих организаций в отдельную группу. В разных государствах они могут называться религиозными организациями, объединениями, культурами и т.п. Государства наделяют их особой правосубъектностью, отличающей их от иных форм НКО. Все постсоветские государства также вводят определенные формальные критерии отнесения религиозного НКО к институционализированным религиозным структурам. Выстраивание диалога с такими объединениями, как правило, предполагает включение их в процесс реализации отдельных направлений государственной политики (социальной, образовательной, культурной, исторической, политики памяти и др.). Одновременно со стороны государств происходит и вытеснение отдельных религиозных объединений из публичной сферы, ограничение их правосубъектности, продиктованное различными видами угроз национальной безопасности, а также угрозами потери национальной или цивилизационной идентичности. Эти процессы, находясь в диалектической взаимосвязи, опосредуют правовые и институциональные практики государственно-религиозных отношений на постсоветском пространстве.

В каждом государстве постсоветского пространства были приняты профильные законы, регулирующие религиозную сферу и формализующие взаимодействие религиозных и государственных институтов. В большинстве государств религиозный блок законодательства начал формироваться в самом начале 1990-х гг., развивая положения принятого в 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях». Затем они неоднократно модифицировались. Нередко изменения оказывались настолько глубокими, что требовали принятия нового закона, учитывающего актуальные политические реалии.

Независимо от конкретных организационно-правовых форм, в которых религиозные структуры могут существовать в конкретном государстве, все постсоветские модели государственно-религиозных отношений предусматривают необходимость регистрации религиозных структур, которая может распространяться на все из них либо допускать отдельные исключения.

Во всех постсоветских государствах на этапе формирования модели государственно-религиозных взаимодействий обсуждалась возможность законодательного закрепления приоритетного статуса для отдельных религиозных объединений. Рассматривались возможности выделения приоритетной религиозной организации и наделение ее особой правосубъектностью; выделение приоритетных религиозных традиций, без упоминания конкретных религиозных организаций; либо формирование модели равноудаленных отношений со всеми религиозными структурами при сохранении контроля за процедурой регистрации новых религиозных сообществ.

Россия, Казахстан, Азербайджан, а с 2023 г. и Узбекистан в своих конституциях провозгласили принцип светскости, но реализуют разные подходы к выстраиванию государственно-религиозных отношений. Молдова не заявляет о себе как светском государстве, но при этом декларирует светский характер образования. Россия при декларировании принципа светскости выделяет традиционные для страны религиозные системы и выстраивает развитую систему взаимодействий с представляющими их религиозными организациями. Модели, юридически закрепляющие особые отношения государства с отдельной религиозной организацией, которая имеет важное значение для истории, культуры и национальной идентичности, сформировались в Армении, Грузии и отчасти в Беларуси.

Специфика взаимодействий религиозных и государственных институтов на постсоветском пространстве проявляется также в создании особой институциональной среды. Она может включать в себя и систему специально созданных государственных органов, отвечающих за взаимодействие с религиозными структурами. Большинство постсоветских государств сформировали у себя специализированный государственный орган, курирующий религиозную сферу и, как правило, входящий в структуру исполнительной власти. В отдельных случаях подобный орган может заниматься одновременно работой с нерелигиозными НКО и иными структурами гражданского общества, а может заниматься и сугубо религиозной проблематикой; может участвовать в формировании и реализации исключительно религиозной политики, а может заниматься и иными направлениями (как правило, национальной политикой). Его статусы различны: от специализированного отдела в аппарате правительства до самостоятельного министерства или специально уполномоченной службы. В большинстве государств постсоветского пространства институциональные основания государственно-религиозных отношений так и остаются до конца не сформированными, сами институты находятся в состоянии перманентной трансформации, меняя свое содержание и функции.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОСРЕДСТВОМ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ И ЭКСКУРСИОННОЙ РАБОТЫ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Школьный музей — это важная образовательно-воспитательная среда школы. Благодаря функционированию школьного музея решаются ряд важных задач: формирование у учащихся гражданско-патриотических качеств; формирование личностного отношения к историческим фактам; воспитание любви и уважения к прошлому своей страны; приобщение обучающихся к изучению истории своей малой родины, школы; сохранение и приумножение традиций образовательного учреждения; совершенствование образовательного процесса средствами дополнительного обучения; воспитание познавательных интересов и способностей обучающихся; овладение практическими навыками поисковой, исследовательской деятельности; знакомство с основами музейного дела и экскурсионной деятельности.

В современных реалиях значение музеев серьезно возросло в связи с проведением специальной военной операции. Это подчеркивается и на государственном уровне. Так, например, по поручению Президента Российской Федерации в каждой школе страны до конца 2024 года должен быть создан музей. Поэтому перед музеями сейчас стоят очень важные задачи по сохранению трансляции исторической памяти, которые нужно решать.

Сейчас во всех школьных музеях страны активизировалась работа по созданию экспозиций, посвященных специальной военной операции. Но возникает вопрос, как сделать такие экспозиции. Поэтому разрабатывают методические рекомендации по созданию таких экспозиций. Так, опубликованы методические рекомендации по созданию экспозиций истории специальной военной операции в музеях Российской Федерации, где подробно описаны этапы работы, дан исторический материал, описание проблемы трактовки истории специальной военной операции. Однако во всем объеме этого материала почти никакой информации нет о героях СВО, важных сражениях (это можно оправдать тем, что методичка вышла лишь в 2022 году). Поэтому перед руководителями музеев стоит важная задача создать и систематизировать экспозиции, посвященные СВО с добавлением регионального компонента.

В музее нашей образовательной организации «Центр образования “Перспектива” г. Брянска» мы также создали экспозиции, посвященные специальной военной операции на Украине, используя методические рекомендации, но добавили туда региональный компонент, уделив внимание участникам. Так, музейными школы были собраны данные по участникам специальной военной операции среди семей учащихся. В результате выяснилось, что у 35 детей есть родственники (папы, дяди, братья), которые участвуют в боевых действиях. Часть детей предоставили информацию о своих родных, которые отдали жизнь на благо Родины. Эти данные мы отредактировали и оформили в виде тематических стендов. С ученицей 8 «В» класса Самородовой Софией написали работу об ее отце, героически погибшем в зоне специальной военной операции Самородове Сергее Владимировиче. Благодаря такой проведенной работе у нас появилась тематическая экспозиция, посвященная героям СВО.

Работа по увековечиванию памяти героев специальной военной операции — сейчас очень важная составляющая работы современного школьного музея, однако не стоит забывать и о других аспектах деятельности. Надо уделять внимание и развитию других экспозиций, исследованиям в зависимости от направления работы школьного музея. Так, у нас в музее мы продолжаем работать над экспозициями, посвященными Великой Отечественной войне на территории Брянской и Гомельской областей, жизни и быта русского и белорусского населения.

Действительно обновление музейного фонда и формирование его — важная задача школьного музея. Однако, решая только эту задачу, достичь максимального результата невозможно без экскурсионно-просветительской работы. Экскурсионная работа — одна из важнейших задач, благодаря которой достигаются следующие цели: мотивация учащихся к активному участию в практической деятельности; духовно-нравственное воспитание учащихся; расширение общего кругозора воспитанников; формирование практических навыков и умений; мотивация школьников на участие в исследовательской деятельности; развитие основных компетенций, необходимых для выстраивания межличностных отношений, привития норм поведения в обществе. В нашей образовательной организации экскурсионная работа выстроена следующим образом: тематические и экспозиционные экскурсии, выносные выставки, запись виртуальных экскурсий. В данных мероприятиях ведущая роль отводится детям, которые сами являются экскурсоводами и слушателями, причем посетителями нашего музея являются не только учащиеся, но и воспитанники детского сада.

Таким образом, мы видим, что музейная работа — это важный функциональный элемент современного образования, который играет большую роль в обучении и воспитании подрастающего поколения. В современных реалиях большое внимание уделяется увековечиванию памяти об участниках

СВО на Украине, формируются тематические экспозиции, проводятся экскурсии. Однако в современных реалиях не следует забывать о других аспектах деятельности школьного музея.

Дубровин В.Ю.
(Казань, КПФУ)

РАЗВИТИЕ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В различных эпохи развития человеческого сообщества философами поднимался вопрос о достижении социального согласия в обществе. На ранних этапах развития человечества община признавалась его носителем. Благодаря общине согласие достигалось через соседские и кровнородственные связи между социальными слоями.

В работах античных авторов, отражающих господствующее мнение общины, для достижения социального согласия выдвигается множество критериев, а именно: общая мораль и нравственное поведение, соблюдение права, равенство, умеренность в богатстве и возможность его достижения. Благодаря общинному мировоззрению, предполагалось, что этим критериям должны подчиняться все социальные слои. Таким образом, каждый критерий должен соответствовать справедливости.

Начиная с Аристотеля, известна двойственная природа справедливости. Он выделяет: уравнивающую и распределяющую справедливости. Властные слои, оправдывая свое право на управление населением, оправдывали и право на существование распределяющей справедливости, считая, что умственные способности, направленные на достижение всеобщего блага, вознаграждаются обладанием ресурсами¹. Однако в понимании рядовых общинников это разрушало уравнивающую справедливость — один из столпов общинного миропорядка. Устранить этот конфликт и брались отечественные представители политической мысли. Особенно интенсивным поиск решения был в период становления империи, который характеризовался усиленной дифференциацией общества.

Становление имперского мировоззрения в политической мысли в российском государстве сочеталось с господствующими идеями эпохи Просвещения. Взгляды просветителей оказали влияние на построение универсальных схем достижения социального согласия среди отечественных мыслителей.

Авторы XVII века, такие как С. Полоцкий² и Ю. Крижанич, выделяют три критерия достижения социального согласия: «просвещенный государь», «вера» и «добродетель». Размышляя в контексте средневековой схоластики, они считали, что справедливость заложена в вере и определяется добродетелью. Царь-просветитель, наделенный божественной благодатью и достигший религиозных добродетелей, формирует добродетельный народ, лишенный социальных конфликтов. Соответствие государя представлениям народа о добродетельном царе также предполагало обратную связь в вере в царя, и тем самым достигалось социальное согласие между властью и обществом.

В представлениях авторов XVIII века, таких как М.М. Сумароков и С.Г. Домашнев³ и др. просвещенный монарх и его политика становятся источником справедливости, выраженной в предоставлении равенства возможностей для всех слоев населения⁴. Церковь отделена от государства, но ей отводится почетная роль воспитателя. «Вера» не играет фундаментальной роли, и хотя определяет цели, но достижение их идет через светское «просвещение», а неопределенная религиозная «добродетель» заменена в итоге конкретным, хотя и имеющим религиозные основания «братолюбием» между различными социальными слоями.

В работах XIX века ученые в основу социального согласия закладывают общественный прогресс, порожаемый всеобщим просвещением, и монарх уже не является источником справедливости. По мнению, М.М. Ковалевского⁵, солидарность (социальное согласие) формируется в контексте господствовавшей концепции общественного прогресса, тесно связанного с техническим. Законы общественного прогресса стимулируют технический прогресс, способствующий процессу всеобщего просвещения, вследствие чего общество устанавливает справедливые рамки свобод и права и приходит к солидарности (социальному согласию). Прогресс в целом понимается как объективное развитие

¹ Михайлов В.Д. Формирование представлений об общественном согласии: Сократ, Платон, Аристотель // Педагогика. Психология. Философия. 2016. № 1 (01). С. 43–51.

² Смирнов Н.А. Орел Российский : творение Симеона Полоцкого / Сообщил Н.А. Смирнов. СПб.: Комитет Императорского Общества Любителей Древней Письменности, 1915 (Тип. М.А. Александрова). — XXXVIII, 77 с.

³ Сумароков М.М. Сон. Счастливое общество // Русская сатирическая проза XVIII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 353–357; Домашнев С.Г. Сон. // Русская сатирическая проза XVIII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 357–354.

⁴ Титлина Е.Ю. Повесть А.П. Сумарокова «Сон “Счастливое общество”» как явление русской утопической мысли середины XVIII в. // Вестник Амурского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 80. С. 8–15.

⁵ Ковалевский М.М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности: (глава из истории прогресса) // Вехи: Pro et Contra: Антология. СПб.: Русский Христианский гуманитарный ин-т, 1998. С. 610–632.

общества, подчиненное определенным законам, целью которых является достижение «солидарности» в обществе, приводящей к социальному согласию.

Таким образом, с устранением религиозной составляющей происходит трансформация представлений о достижении социального согласия, источником которого становится само общество.

Дука А.В.

(Санкт-Петербург, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН)

ЭЛИТНАЯ «АЛХИМИЯ»

Пер Бурдые в лекциях «О государстве» говорит об алхимическом акте, превращающем частное в универсальное, корпоративные и персональные интересы в активность государства [Бурдые 2016: 102–103]. Группы, завладевшие государством, активные участники данного акта. Большей частью исследователями и аналитиками они идентифицируются как властные / правящие элиты. Причем эти группы легальны и легитимны, институционально вписаны в официальные иерархии.

Наиболее распространенное и очевидное представление о властных элитах связано с совокупностью лиц, занимающих определенные позиции, позволяющие этим лицам контролировать и распоряжаться основными общественными ресурсами (или, как пишет Ричард Лахман [Лахман 2022: 36], изымать ресурсы у не-элиты) и принимать кардинальные решения, касающиеся всего общества.

Сами позиции определены структурой институциональных порядков. В современном высоккодифференцированном и сложноструктурированном обществе часта полипозиционность социальных акторов. Создается впечатление об узурпации позиций или их нечеткости и смешении разных порядков. Это происходило, хотя и в меньшей степени, в прошлом. Замечание В.С. Печерина о двух царях — Александре I и Аракчееве — демонстрирует, скорее, первый вариант. А суждение А.С. Суворина о двух царях — Николае II и Льве Толстом — описывает ситуацию невольной объективной политизации писателя и его роли в российском обществе.

Существенным является то, что каждый из упомянутых деятелей формировал социальное пространство по-своему. В этом отношении каждый был частью элиты. Но властной ли?

Определение государства Бобом Джессопом как ансамбля институтов, организаций и взаимодействий позволяет включить агентов разного уровня и различных сфер деятельности в процесс выработки и реализации решений государственного свойства. Причем воздействие социальных элит может быть как непосредственным, так и опосредованным. А в некоторых случаях деятель культуры может и непосредственно стать политическим актором. Кроме того, интеграция социального пространства, что государство как институт осуществляет, происходит во многих сферах. В этом отношении возможно согласование и разнонаправленность усилий по созданию социо-культурно-политического пространства. Голливуд в этом плане достаточно примечателен.

Последний пример показателен, поскольку связан с практикой включения и исключения в культурный институциональный порядок. Вхождение в связанный с ним политический порядок также непроизвольно. Регулятором выступают элита и ее агенты. В этом отношении она кооптирует кандидатов на важные позиции, допуская на малозначимые приемлемых, но прошедших определенный фильтр персон. Они же и принимают решение о (не)политичности социальных объектов и субъектов (К. Шмитт) [Шмитт 2016: 412]. На регуляционном уровне элиты образуют многоуровневое элитное общество. Это не исключает внутриэлитные конфликты.

Бурдые указывает на важный аспект «алхимического акта». Политико-государственная позиция должна быть официальной и общепризнанной, что создает важный символический ресурс для персон на иерархической вершине, поскольку самоочевидность правомерности и правильности намерений и действий задает эндоксальность (Р. Барт) дискурса властных персон и их самих. Как пишет Бурдые, происходит мобилизация доксы.

Вместе с тем исследователи указывают на множество мотивов включения индивидов в политический процесс и в достижении значимых позиций. Помимо этого, социум структурирован разнообразными интересами. И невозможно не видеть некоторых «негосударственных» и тем самым неуниверсальных интенций властных персон и принимаемых решений. Здесь важным для властных групп является выделение небольшого числа ценностей и принципов, разделяемых основной частью населения, объявляя остальные (но всё же легальные) факультативными. В случае же очевидного нарушения закона и принципов морали в устремлениях и деятельности некоторых групп и лиц, то такая парадоксальность элитной активности может приводить к частичной делегитимации властных инстанций и/или квалификации дискредитированных персон как «ненастоящая элита». Последнее достаточно частое явление в публицистике.

Элита создается и воспринимается исполнением роли и контролем ресурсов. Позиция и функция в институциональных порядках задает ее квалификацию как государственную. Тем самым превращает частные свойства элитных персон в неважные «мелочи». И это может приводить к истончению приватного, частного в повседневной жизни элит.

Дунамалян Н.А.
(Армения, Ереван, РАУ)

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ АРМЕНИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД: ДЕ- ИЛИ РЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ?*

Сложившийся после поражения во Второй Карабахской войне кризис идентичности подвел руководство РА к мысли о необходимости пересмотреть национальную политическую мифологию под лозунгом «возвращения в реальность». Однако перенастройка элементов армянской политической идентичности начала проводиться с периода «бархатной революции» 2018 г., представляясь как стратегическое переосмысление политических реалий Армении, хотя, по сути, в политическом дискурсе доминировал популизм. К тому же благоприятной почвой для популизма стал именно кризис идентичности общества или его значительной части, усилившийся после 2016 г. и представлявший собой ситуацию также глубокого разочарования существующими порядками.

В этом контексте можно вспомнить многочисленные мероприятия, придающие новое звучание идее гражданственности: «День гражданина», различные акции прозрачности и открытости властей, субботники, придание годовщине «1-го марта» более важного значения и другие действия, — однако качественных изменений в содержании политики не произошло. Наоборот, после 2018 г. гражданское общество, а точнее — представители НКО, олицетворяющие собой гражданскую борьбу, перешли в разные госструктуры, размыв тем самым границу между «общественным» и «политико-государственным». Сложилась ситуация, когда власти (в рамках используемого публичного инструментария) могли вести себя как оппозиция, снимая с себя ответственность за судьбу государства. Вместе с тем государственные интересы, отождествляясь с интересами властей, могли стать жертвой политической целесообразности. Как следствие, надежда на формирование гражданского сознания сменилась вакуумом в рамках развития армянской национальной идентичности.

Последствия войны привели к потере не только территории Арцаха, но и ключевого элемента политической идентичности граждан Армении. Важнейшие аспекты национальной консолидации внутри РА касались именно победы в Первой Карабахской войне, как и пантеон основных национальных героев (табл.). Изменение ситуации привело к преобладанию «негативной» повестки в отношении прошлого, что было связано с пересмотром основ национальной идентичности.

Таблица

Основные победы и поражения в армянской истории по мнению респондентов

№	Исторические победы	Проценты	Историческое поражение	Проценты
1.	Освобождение Карабаха в 1991–1994 гг.	28,6	44-дневная война 2020 г.	74,4
2.	Аварайская битва	27,2	Геноцид армян 1915 г.	15,0
3.	Сардарапатское сражение	21,4	Сдача Шуши (2020 г.)	5,9
4.	Освобождение Шуши	19,7	Аварайская битва	3,9
5.	Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	9,5	Распад СССР	3,4
6.	Майские победы: 9 мая и 28 мая	6,0	Потеря Западной Армении	1,3
7.	Декларация независимости	5,5	Другое	21,4
8.	Сражение при Баш Апаране	4,8		
9.	1-я, 2-я и 3-я Республики	4,4		
10.	Принятие христианства	4,0		
11.	Период правления Тиграна Великого	3,6		
12.	Создание алфавита	2,2		
13.	Революция 2018 г.	1,5		
14.	Другие	12,2		

Источник: Погосян Г.А. Историческая память и национальная идентичность. Ереван: Изд-во РАУ, 2023. — 134 с. URL: <https://shorturl.at/bhnFY> (дата обращения: 12.06.2024).

К тому же начался процесс, который многие назвали «демифологизацией», то есть отказом от национальной политической мифологии. Однако проблема заключалась не в демифологизации, при-

* Тезисы подготовлены в рамках проекта 24SSAH-5F032 «Трансформирующиеся идентичности как проблема политологического исследования (на примере государств Южного Кавказа)», финансируемого Комитетом высшего образования и науки МОНКС РА.

зывают к возвращению к прагматизму, а в ремифологизации. Многие старые мифы начали заменяться новыми: победа в Нагорном Карабахе — «бархатной революцией» 2018 г.; «*Историческая Армения*» — «*Реальной Арменией*»; противостояние с «*турецким фактором*» — «*эпохой мира*» и постколониальным синдромом. Все эти антитезы официальному дискурсу существовали всегда, хотя и в ином концептуальном оформлении, однако Н. Пашинян сумел представить «*историю*» в качестве главного виновника кризиса идентичности, предлагая построение в определенном роде «*нулевой идентичности*».

На первый взгляд предлагаемая руководством РА схема похожа на модель государственно-гражданского национализма, уделяющего особое внимание современной территории республики и ее развитию. Однако подходы к построению новой национальной парадигмы связаны не со стратегическим видением дальнейшей модернизации «*политического*», а с реакцией на поражение в войне и сведение политики идентичности до легитимизации действий «*победившей*» стороны. С другой стороны, назначение 2018 или 2020 г. в качестве начала новой эры лишает содержания армянскую политическую идентичность, сводя ее к утопичному образу «*государства без свойств*». Поэтому концепт «*реальной*» Армении без ее «*исторического*» элемента априори невозможен, поскольку выбор между «*повторяющимся прошлым*» и «*бессодержательным будущим*» изначально является ложным и тупиковым.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Серьезные трансформации, происходившие в 90-е годы прошлого века в политической системе российского государства, оказали существенное влияние не только на состояние государственных институтов, но и на состояние политической культуры граждан, в которой долгое время доминировали тенденции самоидентификации по модели «свои» — «чужие». Эта модель и сегодня часто продолжает определять их социально-политическое поведение. Это касается, в первую очередь, молодого поколения россиян, не имеющего серьезного опыта социального и культурного взаимодействия в системе сложно переплетенных отношений в современном обществе.

В этих условиях многие вызовы, встающие сегодня перед российским обществом как на внутри-государственном, так и на международном уровне, ставят перед нами задачу формирования новой национально-государственной идентичности, основанной на понимании гражданами всех особенностей российского государства-цивилизации, его прошлых достижений и потерь, настоящих и будущих задач.

Говоря о цивилизационной идентичности российского народа, мы не можем обойти вниманием тот факт, что российская цивилизация формировалась представителями различных этносов и культур. В российской истории мы можем видеть значительное число конфликтов, в том числе вооруженных столкновений, в основание которых были положены объективные культурные или конфессиональные особенности жителей той или иной территории, используемые политическими акторами в собственных интересах. Можно вспомнить происходящие не так давно, еще на памяти живущих сегодня поколений попытки объявления политического «суверенитета» отдельными регионами в 90-е годы прошлого века.

Похожие, хотя и не настолько радикальные тенденции мы можем встретить и сегодня. Различные исследования в российских регионах и сегодня часто демонстрируют доминирование региональной самоидентификации над общероссийской. В крупных городах эта тенденция переплетается с конфликтами с мигрантами из Центральной Азии, заставившими вспомнить образ «понаехавших», и актуализирует (особенно с помощью социальных сетей) модель «свой» — «чужой».

В этом контексте следует учитывать и объективную социально-психологическую закономерность, в соответствии с которой при столкновении с проблемами и трудностями в макрообщности формируется настроение неудовлетворенности, которое легко канализируется в поиски какого-либо внешнего, «чужого», ответственного за происходящее. Молодежь, как часть общества, эмоциональная сфера которой особенно активно развивается именно в этом возрасте, становится особенно восприимчивой к данной тенденции, которая является ярко эмоционально окрашенной и одновременно легкой для восприятия за счет своеобразной «простоты» предлагаемых образов.

Говоря об объективных исторических и социокультурных основаниях тенденций, направленных на размывание или разрушение российской цивилизационной идентичности, можно обратить внимание и на субъективную сторону этой проблемы.

В постсоветской России долгое время, практически в течение двух десятилетий, отсутствовала систематизированная политика идентичности или на первых этапах часто ограничивалась многочисленными рассуждениями на эту тему. За это время выросло целое поколение граждан, которые плохо представляют себе, на чем может основываться идентификация со страной и государством, и не всегда умеют транслировать соответствующие представления и образы своим детям.

В этот же период происходит бурное развитие Интернета, в пространстве которого формируется самостоятельная система идентичностей. Основным актором, представленным в социальных сетях Интернета, являются представители молодого поколения, выстраивающие собственную виртуальную идентичность, превращающую иногда это пространство в своеобразные эхо-камеры, в которых рождаются собственные лидеры мнений. Эта форма идентичности во многом опирается не на рациональную форму восприятия информации, а на эмоционально окрашенную систему образов и символов.

В этом же пространстве развивается также активность самых различных «общественных» структур, фондов, находящихся за рубежом, организующих и финансово поддерживающих деятельность, направленную на разрушение российской цивилизационной идентичности. Особенную активность проявляют представители так называемых «угнетенных» народов или меньшинств, существующие, как правило, на средства этих фондов.

В этих условиях политика идентичности государства могла бы в большей степени опираться на символическое пространство, более грамотно используя ассоциативную форму восприятия, исторические, пространственные, культурные символы, доступные всем поколениям российских граждан.

ВЫБОРЫ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РУТЕНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РЕГИОНАХ

Выборы в Единый день голосования 8 сентября 2024 года представляют интерес с нескольких позиций. *Во-первых*, это первая избирательная кампания в регионах после президентских выборов, состоявшихся в марте 2024 года. *Во-вторых*, выборы проходили в ситуации, когда кандидаты и партии уже адаптировались к новой реальности, связанной с СВО и масштабным геополитическим противостоянием со странами Запада, что стало заметным фактором ведения агитационной работы. *В-третьих*, текущая ситуация требует от политических сил поиска новых смыслов, которые позволили бы показать политическую субъектность и наличие собственной программы действий. В целом, избирательные кампании по выборам глав регионов прошли в 21 субъекте (без учета тех, в которых глава региона избирается законодательным органом), причём в Республике Алтай, Хабаровском крае, Волгоградской и Тульской областях одновременно проходили выборы и в местные legislatures. По итогам прошедших выборов можно выделить ряд особенностей и закономерностей, находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом.

Особенности избирательной кампании для врио в этом году стало то, что абсолютное большинство из них получили назначение только в мае–июне 2024 года. Это существенно сократило время на проведение кампании по повышению узнаваемости и формированию образа нового губернатора у населения субъекта. Тем более, что половина — 4 из 8 — врио не местные, а значит, практически не знакомы региональным избирателям. В предыдущие годы столь поздняя практика назначения врио являлась скорее исключением. Такая практика свидетельствует о снижении значимости института выборов. Федеральный центр был уверен в исходе голосования, даже несмотря на небольшие сроки, которые есть у врио для повышения собственной узнаваемости в регионах.

Для переизбирающихся глав главной задачей стало повышение собственного рейтинга и подтверждение собственной легитимности через институт выборов, что в условиях непростой социально-экономической ситуации для многих руководителей субъектов оказалось трудной задачей. Кроме того, предсказуемость результатов выборов привела к тому, что действующие губернаторы фактически отказались от активного ведения кампании, переводя ее в инерционную форму, что делегитимирует как сам институт выборов, так и тех губернаторов, которые избрали такую стратегию.

Объединяющими направлениями для большинства кандидатов стали следующие тезисы: а) концепция партии «путинского большинства». В контексте данного тезиса кандидаты «партии власти» позиционировались как члены «команды Путина», даже если прямо об этом не говорится; б) концепция «реальных дел». Большинство кандидатов старались использовать и продвигать имидж успешных управленцев, эффективных политических менеджеров, опираясь при этом на те успехи, которые имеются в регионах. Учитывая всеобщий дефицит достижений, успехи часто сводятся к решению локальных проблем; слабая афелированность с «Единой Россией». Большинство кандидатов строили информационные кампании с опорой на собственные личные, а не партийные достижения, хотя и выдвигались от «Единой России» (кроме А. Осипова из Забайкальского края). Возможно, это является следствием фактического снижения популярности «партии власти» на местах.

Текущая избирательная кампания в очередной раз продемонстрировала слабость партий парламентской оппозиции. Так, самая крупная из оппозиционных партий — КПРФ — не смогла выдвинуть своих кандидатов сразу в 4 субъектах (Республике Алтай, Забайкальском крае, Санкт-Петербурге и Оренбургской области), также в 4 субъектах не выдвинула своих кандидатов ЛДПР (Хабаровский край, Волгоградская, Сахалинская и Оренбургская области). Сразу в 8 субъектах оказались не представлены кандидаты от «Справедливой России — За правду». А «Новые люди» участвовали только в 9 кампаниях из 21, хотя партия уже имеет определенный политический вес. Особняком стоят Алтайский и Забайкальский края, а также Санкт-Петербург, где к выборам были допущены кандидаты только от одной оппозиционной парламентской партии. Симптоматично, что во всех трех регионах этой партией оказалась ЛДПР.

В целом, региональные избирательные кампании характеризовались отсутствием конкуренции и, в большинстве случаев, слабым динамизмом. Вместе с тем, прослеживается закономерность, согласно которой новые врио более активно включены в избирательный процесс, чем переизбирающиеся губернаторы, что связано с необходимостью повышения узнаваемости и формирования позитивного образа у населения субъекта.

При условии сохранения текущей политической ситуации можно ожидать дальнейшую рутинизацию избирательного процесса, связанную с идеологической пустотой партий, в том числе на выборах федерального уровня.

Егупов А.В.
(Краснодар, КубГУ)

ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» НА БАЗЕ КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Осени 2023 года в Кубанском государственном университете, как в других вузах и ссузах, страны приступили к преподаванию дисциплины «Основы российской государственности». Реализация данного курса предполагает обращение студентов к знаниям, представлениям, научным концепциям, а также различным данным (культурологическим, социологическим, историческим и пр.), связанным с основными направлениями развития российской государственности в исторической ретроспективе. Особую важность данный аспект приобретает в условиях актуальных вызовов политической, экономической, техногенной и иной природы.

В рамках дисциплины последовательно решаются следующие задачи:

- охарактеризовать наиболее значимые особенности и принципы исторического развития России в непрерывном цивилизационном измерении;
- рассмотреть фундаментальные достижения, изобретения, открытия и свершения, связанные с развитием российской цивилизации, воспитывающие в гражданине гордость и сопричастность к своей культуре и своему народу;
- раскрыть ценностно-поведенческое содержание чувства гражданственности и патриотизма;
- представить основные этические и мировоззренческие доктрины, сложившиеся внутри российской цивилизации и отражающие ее многонациональный, многоконфессиональный и солидарный (общинный) характер;
- рассмотреть особенности современной политической организации российского общества, ценностное обеспечение традиционных институциональных решений и особую поливариантность взаимоотношений российского государства и общества в федеративном измерении;
- проанализировать наиболее вероятные внешние и внутренние вызовы, стоящие перед российской цивилизацией и ее государственностью в настоящий момент;
- обозначить фундаментальные ценностные принципы (константы) российской цивилизации (единство многообразия, суверенитет (сила и доверие), согласие и сотрудничество, любовь и ответственность, созидание и развитие).

Достижение указанных целей осуществляется путем внедрения групповых и проектных методов преподавания в Кубанском государственном университете.

В рамках раздела «Российское мировоззрение и ценностные константы российской цивилизации» в качестве одной из форм практической работы студентов предлагается просмотр и обсуждение художественных фильмов разных периодов: 30–40-е годы (Александр Невский (1938), Тимур и его команда (1940)); 50–60-е годы (Адмирал Ушаков (1953), Судьба человека (1959)); 70–80-е годы (Горячий снег (1972), Укрощение огня (1972), Тревожное воскресенье (1983), Курьер (1986)); 90-е годы (Гений (1991), Брат (1997)); 2000–2010 (72 метра (2004), 12 (2007), Мы из будущего (2008)); 2010 — настоящее время (Легенда № 17 (2013), Движение вверх (2017), Калашников (2020), Огонь (2020), Вызов (2023)).

Учащиеся разделяются на группы по 4–5 человек для детального ознакомления с содержанием представленных фильмов на выбор студентов (допускается, при согласовании с преподавателем, выбор фильмов не из предложенного списка). Просмотр фильмов осуществляется самостоятельно, до проведения семинарского занятия. Каждая группа к семинарскому занятию готовит презентацию по итогам просмотра фильма с оценкой ценностных ориентиров по схеме «символы — идеи — нормы — ритуалы — институты». Студентам рекомендуется использовать в презентации видеовставки из фильмов. Итогом работы выступает обсуждение по итогам просмотра фильма (10–15 минут).

Еще одной эффективной формой в рамках данного раздела является работа в малых группах по теме занятия «Ценностные вызовы современной политики». Учащимся предлагается детально ознакомиться с содержанием представленных тематических аналитических обзоров по поводу мировоззренческих ориентиров современного российского общества на примере исследований ВЦИОМ:

- Идеальная семья — 2023 (Аналитический обзор ВЦИОМ)
- Профессии в России: престиж, доходность, востребованность (Аналитический обзор ВЦИОМ)
- Образ российской молодежи: мониторинг (Аналитический обзор ВЦИОМ)

При этом учащиеся должны определить ключевые ценностные вызовы (4–5 вызовов) для современного российского общества (в рамках выбранной тематики), а также описать возможности их влияния на трансформацию общества, власть и государство. Результаты групповой работы в форме участия в содержательной дискуссии (с указанием примеров из данных аналитических обзоров).

В целом можно говорить о достаточно высоком уровне включения студентов в групповые и проектные практики преподавания. Студенты в основном мотивированы в освоении курса и выражают высокую степень заинтересованности.

Емельянова Н.Н.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

«МЯГКАЯ СИЛА» ИНДИИ В ОЦЕНКАХ ИНДИЙСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Несмотря на то, что первоначальные шаги в развитии инструментов «мягкой силы» были приняты индийским правительством еще в первой половине 2000-х гг. в ответ на соответствующие активности КНР, в настоящее время можно говорить о самостоятельном индийском подходе к выстраиванию стратегии «мягкой силы». За первую четверть XXI века были проведены институциональные реформы в области индийской публичной дипломатии, выстроено особое взаимодействие с многочисленной диаспорой, усилены медийное воздействие и каналы цифровой дипломатии и др.

В основу данного доклада легли экспертные интервью о стратегии, технологиях и инструментах «мягкой силы» Индии, которые проводились с сотрудниками 2 крупных научно-образовательных центров (Школы международных исследований Университета имени Дж. Неру и Академии международных исследований Национального исламского университета Джамиа Миллия Исламия) и 2 влиятельных *think tanks*, специализирующихся на проблемах международных отношений, глобального и регионального развития (Индийский фонд / *India Foundation* и Исследовательский фонд *Observer / Observer Research Foundation*) в г. Нью-Дели.

Основная часть экспертных интервью была сделана в рамках научной стажировки автора доклада в январе-феврале 2024 года, проходившей на базе Центра исследований России и Центральной Азии Школы международных исследований Университета имени Дж. Неру. Интервьюирование экспертов является одним из основных инструментов анализа стратегии и инструментов «мягкой силы» по причине отсутствия практики подготовки публичных доктринальных документов по вопросам внешней политики и национальной безопасности в Индии.

Также некоторые оценки, сформулированные в рамках доклада, стали возможны, благодаря консультациям со стороны сотрудников Индийского совета по международным связям (*Indian Council of World Affairs — ICWA*), сделанным в рамках подбора актуальной литературы и источников по теме.

В качестве основных аспектов реализации «мягкой силы» Индии в оценках индийских экспертов можно выделить следующие.

Во-первых, в содержательном плане через инструменты «мягкой силы» Индия транслирует миру послание о необходимости ухода от чрезмерного состязательного подхода, разрушающего мировой порядок. Это понимание было, в частности, сформулировано в специальном слогане «*Vasudhaiva Kutumbakam*» (वसुधैव कुटुम्बकम्), отсылающего к древнему санскритскому изречению, что буквально означает «Весь мир — это одна семья».

Во-вторых, несмотря на активный интерес со стороны государственных органов Индии к опыту Китая в области формирования и реализации стратегии «мягкой силы», непосредственно труды китайских ученых по данной проблематике не востребованы в индийской академической среде.

В-третьих, рост *think tanks*, фиксирующийся с 2014 года в Индии, в первую очередь связан с вызовами развития индийской экономики, а не с реализацией задачи по усилению роли Индии в формировании глобальной экспертной и медийной повестки, на что указывает специализация аналитических центров и, соответственно, небольшое количество профильных и сильных *think tanks* по вопросам мировой политики.

В-четвертых, возрастающая роль хиндутвы как идеологии индуистского национализма в индийском обществе не влияет на основные цели, задачи и подходы реализации внешней политики Нью-Дели, включая основные элементы кампаний «мягкой силы», но влияет на культурные акценты внешнеполитических репутационных кампаний, особенно в отношении новой диаспоры и ее привлечения к реализации амбициозной программы реиндустриализации страны «*Make in India*».

В-пятых, реализация индийской «мягкой силы» направлена на реализацию политики добрососедства, в первую очередь, в контексте таких инициатив, как *Act East Policy* (Действовать на Восток), *Neighborhood First Policy* (Соседство превыше всего) и *Connect Central Asia Policy* (Соединим Центральную Азию).

В целом, важно подчеркнуть, что современная Индия стремится выстраивать комплексное глобальное лидерство и использовать перспективные внешнеполитические инструменты, включая возможности гуманитарного воздействия и косвенного влияния, в том числе с учетом различных трактовок «мягкой силы».

Епархина О.В.
(Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского)

ТРОПОФОБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Термин «тропофобия» сегодня активно используется не только в социологической, но и политологической научной лексике. Тропофобия определяется как страх перемен, который особенно усиливается, когда стремительные технологические изменения ведут к политическим, социальным и психологическим переменам. На сегодняшний день мы можем говорить о распространении тропофобных настроений и установок в различных слоях российского общества. Целью проведенных нами исследований является выявление содержания термина «тропофобия» и его существенных признаков применительно к российскому социуму 2019–2021 гг. и 2022–2024 гг. Задачами исследования выступают: реконструкция и воссоздание, а также использование на практике исследовательского конструкта «тропофобные политические настроения и установки», выявление проявлений тропофобных политических настроений и установок в различных социальных слоях. Методологической основой исследования стала теория конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана¹. Эмпирическое исследование осуществлялось путем вторичного анализа количественных данных методами непараметрической статистики, а также техник глубинного интервью.

Тропофобные настроения и установки в целом проявляются в футурофобиях разного рода, отрицании или, напротив, преувеличении значимости традиций и обычаев как попытке укорениться в быстро меняющейся реальности, росте консервативных и реакционных настроений, отрицании значимости изменений как таковых, росте интереса к конспирологическим теориям в попытке снять социальную и психологическую напряженность и найти психологически комфортную схему объяснения мира. Также тропофобные настроения могут выражаться в отказе от киберсоциализации, искажении детерминат принятия цифровизации, при использовании или даже обсуждении цифровых технологий, страхе и тревоге, связанных с ними. В политической сфере подобные настроения и установки проявляются в футурофобиях в отношении государства и внешнеполитической среды, преувеличении значимости политических традиций, росте консервативных настроений, противопоставлении государства и цифрового государства и т.п.

Как показывают данные исследований, свыше половины респондентов в той или иной степени подвержены тропофобным настроениям и установкам, причем опросы показали последовательный рост таких настроений почти вдвое за 2019–2021 гг., и еще вдвое — в 2022–2024 гг.² Особый интерес представляет тот факт, что они практически одинаково интенсивно проявляются как у респондентов зрелого возраста, так и у молодежи в возрасте 18–25 лет. Более выражены подобные настроения у женщин, нежели у мужчин; а вот уровень образования может формировать совершенно различные схемы отношения к новой цифровой реальности: так, респонденты с низким уровнем образования и высоким уровнем образования, как правило, испытывают менее выраженные тропофобные политические настроения и установки, в то время как респонденты со средним, средним профессиональным образованием — более выраженные.

Основной причиной формирования таких настроений и установок можно назвать информационное неравенство, т.е. ситуация, когда по ряду причин у больших групп населения отсутствует доступ к современным технологиям и ресурсам. Это позволяет людям конструировать реальность, исходя лишь из имеющегося редуцированного набора политических стереотипов и понятий. Информационное неравенство во всех его аспектах (различная способность людей к восприятию нововведений, неравномерность формирования информационной среды функционирования личности, лингвистический и когнитивно-семантический аспекты, т.е. языковые и понятийные барьеры, неравенство инфраструктурных возможностей, мировоззренческий и пр.) способствует конструированию определенных образов цифрового общества и государства, образа «человека политического» исходя из упрощенных моделей. В то же время, не обладая механизмами стабилизации политического сознания либо имея в наличии устаревшие механизмы адаптации, большая часть респондентов проявляет тропофобные реакции на любые значимые события общественной, политической, экономической жизни.

В целом, исследование показало как ограничения, так и возможности использования конструкта «тропофобные политические установки», а также дало первичный материал для изучения политического поведения россиян в условиях цифровизации.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. — 323 с.

² Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: науч.-аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М.: ИНИОН, 1999. — 115 с.

Еремеев С.Г.
(Санкт-Петербург, Законодательное собрание
Ленинградской области)

К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ ГОСУДАРСТВОМ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Стабильность государства и системы управления относится к итоговому состоянию, в котором государство обеспечивает предоставление основных услуг и выступает в качестве ответственного распорядителя государственных ресурсов; государственные служащие привлекаются к ответственности посредством политических и правовых процессов; а население может участвовать в системе управления посредством институтов гражданского общества, СМИ и политических партий.

Стабильность системы управления — это механизм, посредством которого основные человеческие потребности граждан в значительной степени удовлетворяются государством; обеспечивается уважение прав меньшинств, внутренние конфликты и противоречия разрешаются мирным путем посредством инклюзивных политических процессов, а конкуренция за власть происходит ненасильственно.

Национальные и субнациональные государственные институты функционируют наряду с негосударственными партнерами для предоставления государственных функций.

Широко понимаемые основные функции управления — безопасность, верховенство закона, удовлетворение основных человеческих потребностей и стратегическое управление экономикой — теснейшим образом взаимосвязаны и переплетены. Невыполнение одной из них подрывает способность качественно исполнять иные функции управления в системе государственного аппарата.

«Структурная стабильность» означает, что существует социально-политическая основа, которая способствует не случайному, а системному преобразованию внутренних противоречий развития государства. «Стабильность» означает, что социально-политическая система государства способна конструктивно разрешать противоречия развития и удовлетворить интересы всех сторон, не ставя под угрозу свое собственное существование.

В центре внимания «структурной стабильности» лежит перманентное преодоление сложностей вертикального и горизонтального взаимодействия социально-политических и государственных структур. Должны быть созданы возможности для разработки конструктивных механизмов ненасильственного разрешения противоречий и возможных конфликтов.

Общества в условиях конфликта зачастую оказываются с ослабленными институтами управления, фиксируется снижение профессионального потенциала органов управления, требуются новые или реформированные правовые рамки для повышения политического участия.

Стабильность управления зависит от внутреннего потенциала для выполнения основных административных, политических и экономических функций управления.

«Политическая стабильность» зачастую включается в качестве целевого измерения и поэтому очень близка к «структурной стабильности» государства прежде всего с точки зрения содержания. А. Мелер справедливо отмечает, что «цивилизационный шестиугольник» Дитера Сенгааса (1997) основан на базовой идее взаимного усиления элементов системы мира. Он включает в себя следующие элементы: 1. Государственная монополия на применение силы, 2. верховенство закона, 3. демократическое участие, 4. культура конфликта, 5. социальная справедливость; 6. взаимозависимость и контроль влияния.

Здесь наблюдаются параллели со «структурной стабильностью». Однако «цивилизационный шестиугольник» гораздо более абстрактен (с точки зрения своего образа, теоретически определяемого оптимума), чем понятие «структурной стабильности».

Структурная стабильность государства опирается на социальную динамику, а не на укрепление существующих структур. Общества и государства способны конструктивно решать противоречия интересов и конфликты только в том случае, если они ориентированы на гибкость и динамизм общества. Консолидация традиционных условий и направлений развития не создает «структурной стабильности», а, скорее, приводит к нестабильности.

УГРОЗЫ И РИСКИ ДЛЯ ЮЖНОКАВКАЗСКИХ ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ

Рассматривая вопрос трансформации современного мирового порядка, исследователи и аналитики, в большинстве своем, делают акценты на его ведущих акторах, не придавая особой значимости де-факто государствам постсоветского пространства, ссылаясь на их недостаточную международно-правовую самостоятельность. Разделяя позицию о существенной экономической зависимости де-факто государств постсоветского пространства, частично признанных республик Абхазии, Южной Осетии и непризнанной Приднестровской Молдавской Республики, от государства-патрона, хотелось бы обратить отдельное внимание на потенциальные риски и угрозы для южнокавказских республик в формирующемся новом мировом порядке.

Для Российской Федерации как одного из ведущих международных акторов де-факто государства Абхазия и Южная Осетия выступают геостратегическими партнерами на Южном Кавказе после окончания пятидневной войны в 2008 г., обусловленной в том числе сохраняющимися и сегодня североатлантическими устремлениями Грузии. Актуальность военно-стратегического сотрудничества с двумя южнокавказскими де-факто государствами набирает обороты и в свете последних событий на армяно-азербайджанском треке в связи с милитаризованным способом «закрытия» Азербайджаном карабахского вопроса, а также последовательно нарастающей агитации, действующим армянским правительством, негативного образа России и необходимости поиска альтернативных ей союзников. Перечисленное предопределяет необходимость укрепления и развития межгосударственных отношений в качестве актуальной повестки национальной безопасности не только для России, но и южнокавказских де-факто республик Абхазия и Южная Осетия.

Для Абхазии, ориентированной исключительно на сохранение суверенного статуса, не рассматривая вариант возвращения в состав материнского государства в качестве альтернативы, а также для Южной Осетии, определяющей свое будущее в составе единого государства Алания, через воссоединение с Северной Осетией, именно обеспечение внутрисоциальной стабильности выступает важным аспектом безопасности республик. Масштабное деструктивное воздействие на общественное сознание в современном мире оказывает информационное пространство и так называемые «демократического толка» нероссийские неправительственные организации, влияющие на мировоззренческие ориентиры, в первую очередь среди молодого поколения. Риски для безопасности создает не само существование иностранных информационных агентств и неправительственных организаций, а их намеренный переход в политическую плоскость, где пропагандируются идеи, направленные на ухудшение взаимоотношений с государством-патроном, и как следствие, возникает уже риск национальной безопасности Абхазии и Южной Осетии.

В формирующемся новом мировом порядке, где государства все чаще обращаются к принципу «прав сильнейший», что стало следствием неплодотворности институтов дипломатии и международного права, для де-факто государств важным остается в первую очередь военно-стратегическое партнерство с государством-патроном. Однако, поскольку предшественником вооруженного конфликта, в большинстве своем, выступают информационные войны, необходимо обеспечить и информационную безопасность и не допустить искажения образа своего геополитического и геостратегического партнера, которым для Абхазии и Южной Осетии выступает Российская Федерация. И безусловно, сильное государство-патрон — это гарант безопасности и стабильности для де-факто республик, и в случае ослабления его международной позиции, при параллельном усилении материнского государства, как в политической, так и в военной сфере (например, вхождение в Североатлантический альянс, но прекращающего своего расширения), становится наиболее вероятным милитаризованный сценарий «реванша», прецедент которого на Южном Кавказе уже создан. Таким образом, мировой порядок действительно формируют ведущие международные акторы, но позиции последних также зависят от их геополитических союзников, которыми в полной мере выступают и де-факто государства.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КАЗАХСТАНОМ В РАМКАХ ЕАЭС

Важным аспектом деятельности ЕАЭС является регулирование миграционных процессов, что становится особенно актуальным в условиях глобальных вызовов и изменяющихся политических и экономических реалий. По данным Министерства торговли и интеграции РК, на сегодняшний день количество трудоспособных граждан государств-членов ЕАЭС составляет 93 млн. человек, для которых создаются равные условия для осуществления трудовой деятельности в любом из государств-членов ЕАЭС.

Россия и Казахстан, как крупнейшие экономики в рамках ЕАЭС, играют ключевую роль в регулировании трудовой миграции. По данным сайта ЕЭК на 2023 год в России работало 102 092 трудовых мигрантов из Казахстана, а численность российских мигрантов в Казахстане за этот год составил 66 092 человека. Эти же показатели за первое полугодие 2024 года составили 86 081 и 37 272 человек соответственно. Наибольшее количество мигрантов из Казахстана сосредоточено в крупных российских городах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и Екатеринбург. Эти города предоставляют больше возможностей для трудоустройства и более развитую инфраструктуру. Большинство мигрантов из Казахстана работает в строительстве, сельском хозяйстве, торговле, услугах и промышленности. Согласно материалам, предоставленным информационной системой Минтруда, в 2022 году в Казахстане осуществляло трудовую деятельность 22 тысячи граждан России. Что касается распределения работающих россиян в разрезе регионов Казахстана, то наиболее популярными стали: Алматы (2878 человек) и северные области — Костанайская (2440 человек) и Павлодарская (1929 человек). Самыми востребованными среди россиян сферами трудовой деятельности в Казахстане являются: сфера торговли и ремонта автомобилей и мотоциклов (5 406 человек); обрабатывающая промышленность (2479 человек); профессиональная научно-техническая деятельность (2217 человек) (<https://rus.azattyq.org/a/32057083.html>).

В странах ЕАЭС введена в эксплуатацию унифицированная система поиска «Работа без границ», которая предоставляет доступ к информации о свободных рабочих местах и вакансиях, урегулирован вопрос о начислении пенсионного обеспечения трудящимся государств-членов, ведется работа по разработке «Евразийской электронной биржи труда», поднимаются вопросы координации миграционных политик для борьбы с нелегальной миграцией. В 2023 году на площадке ЕАЭС было подписано Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах-членах ЕАЭС. По словам министра по экономике и финансовой политике ЕЭК Б. Султанова, подписание документа направлено на повышение мобильности высококвалифицированных специалистов и будет способствовать развитию свободы перемещения трудовых ресурсов. Данные меры лежат в основе взаимодействия стран-участниц по вопросам миграций.

Отдельные важные решения по вопросам трудовой миграции принимаются в странах-участницах ЕАЭС. Так, в настоящее время в России проходит актуализацию миграции российский профессиональный стандарт «Специалист по трудовой миграции». По мнению экспертов, для развития организованной и эффективной трудовой миграции важно привлекать к набору кадров отраслевые структуры, устанавливающие профессионально-квалификационные требования по востребованным мигрантами профессиям. В Казахстане действует портал «migration.enbek.kz», который позволяет обеспечить единый учет иностранных граждан независимо от цели их прибытия в Казахстан, а также мониторинг и контроль миграционных потоков. Портал объединяет в себе инструменты для централизованного управления информацией о прибывающих иностранных гражданах, а также позволит повысить качество предоставляемых государственных услуг в сфере миграции.

Между Казахстаном и Россией разработаны совместные нормативные акты и программы, направленные на упрощение процедур трудоустройства, установление требований к квалификации работников и борьбу с нелегальной миграцией. Реализуются программы интеграции мигрантов, направленные на их социальную и культурную адаптацию. Осуществляется сотрудничество по обмену информацией о миграционных потоках, согласованию политик и проведению совместных исследований.

Регулирование миграций в рамках ЕАЭС представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует координации между странами-членами. Россия и Казахстан, как ведущие экономики Союза, играют ключевую роль в разработке и реализации миграционных политик, направленных на оптимизацию миграционных потоков, защиту прав мигрантов и поддержание социальной и экономической стабильности. Миграционные потоки укрепляют культурные и социальные связи, а эффективное регулирование миграционных процессов способствует улучшению экономических показателей и усилению взаимовыгодного сотрудничества между странами.

КУЛЬТУРНЫЙ КОД СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ЕВРОПЕ

Культурный код современных русских эмигрантов отражает сложное взаимодействие их родной культуры с культурой страны проживания. Они сохраняют свои традиции, язык, обычаи и образ жизни, одновременно адаптируясь к новой культурной среде.

В последние десятилетия вопрос культурной адаптации и интеграции русских эмигрантов в европейское общество вышел на передний план. Современная волна эмиграции из России отличается не только масштабами, но и мотивацией, целями, а также уровнем подготовленности к жизни в новом культурном пространстве. Эти изменения напрямую влияют на формирование уникального культурного кода русских эмигрантов, который сочетает в себе элементы исходной и принимающей культуры, создавая новые формы социокультурной идентичности.

Изучение данного явления позволяет не только понять механизмы культурной адаптации, но и выявить основные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются русские эмигранты в Европе. Как сохранить свою культурную самобытность русские в эмиграции? Какие аспекты культурного кода оказываются наиболее устойчивыми, а какие подвергаются трансформации? Данная тема открывает широкое поле для изучения культурных процессов в условиях глобализации и миграции, демонстрируя сложность и многообразие современного культурного ландшафта.

Современные русские эмигранты в Европе сталкиваются с вызовами сохранения своей идентичности, в то время как активно ассимилируются в новой культурной среде. Культурное наследие русских, богатое и многогранное, играет ключевую роль в процессе самоидентификации среди эмигрантов. Необходимо определить, какие элементы культуры сохраняются в эмигрантской среде, какие адаптируются и какие новые формы культурного выражения возникают в результате взаимодействия с хозяйственной культурой. Понимание этих процессов поможет не только лучше понять современное состояние русской диаспоры в Европе, но и выявить перспективы развития культурных сообществ в условиях глобальной миграции. Они стремятся сохранить связь с родиной через традиции, практикуя их на новой земле, однако оказываются перед выбором — держаться за привычный образ жизни или интегрироваться в новую культуру.

Адаптация русских эмигрантов в Европе сопровождается изменениями в их культурном коде. Перенос традиционных ценностей и обычаев из российской культуры в европейскую среду порождает синтез, где сохранение идентичности сочетается с принятием новых норм и практик. Это проявляется в языке, социальных взаимодействиях, праздниках и даже в кулинарных предпочтениях. Наличие общих мероприятий для диаспоры, как, например, празднование русских традиционных праздников, с одной стороны, поддерживает связь с родиной, с другой — помогает более плавно интегрироваться в новую культурную среду, при этом укрепив свою самоидентификацию и сохранив свою культурную уникальность, обогатив новую общественную среду своими традициями и ценностями.

Важно, чтобы процесс адаптации был взаимным, где и иммигранты, и местные жители могли взаимно обогащаться и уважать друг друга. Современные русские эмигранты в Европе сохраняют уникальное сочетание традиций и адаптации к новой культуре. Это происходит через язык, праздники и кулинарные привычки. Часто они посещают православные храмы, празднуют русские праздники и поддерживают свои кулинарные традиции, что помогает сохранить культурную идентичность. Эти обычаи помогают русским эмигрантам сохранять свою идентичность, оставаясь открытыми к новым впечатлениям и взаимодействиям в европейском пространстве.

Адаптация русских эмигрантов в Европе идет двумя путями: ассимиляция в новой культурной среде и одновременное сохранение отдельных элементов родной культуры. Однако постепенно в их образ жизни вплетаются и элементы культуры страны проживания, формируя уникальное сочетание привычек, менталитета и языка.

Окружение, насыщенное разнообразием традиций и взглядов, оказывает значительное влияние на русских эмигрантов в Европе, способствуя эволюции их культурного кода. Таким образом, мультикультурное окружение играет ключевую роль в формировании культурного кода русских эмигрантов в современной Европе. Они активно взаимодействуют с различными культурными традициями, что способствует их эволюции и гибридизации. Этот процесс не только укрепляет их культурную уникальность, но и помогает им успешно интегрироваться в новое общество, сохраняя при этом связь с их родной культурой. В результате русские эмигранты в Европе формируют уникальное культурное самоопределение, которое отражает их многогранный опыт и взаимодействие с различными культурными влияниями.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ КАК ОБЪЕКТ МАКРОРЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В настоящее время частью пространственных проекций идентичности и новых контуров идентитарного исследовательского поля постепенно становятся дискуссии о содержательных маркерах макрорегиональной идентичности. Ведущие политологи к точкам роста и перспективным направлениям идентитарных штудий относят необходимость синтеза микро- и макроуровневой анализа идентичности (О.В. Гаман-Голутвина).

Значение макрорегиональной идентичности в системе нематериальных ресурсов развития территорий актуализируется ввиду очевидного возрастания роли макрорегионов в «ответственном развитии» страны (концепт И.С. Семененко).

Под макрорегиональной идентичностью мы понимаем конструируемый уровень пространственно-территориальной идентификации, занимающий срединное место между региональной и национальной идентичностями, характеризующийся пониманием причастности к макрорегиону, обусловленной географическими, природно-климатическими параметрами и историко-культурной однородностью, которые способствуют межрегиональной интеграции.

В силу своей природы макрорегиональная идентичность носит не устойчивый, а динамичный характер, поскольку он подвержен модификациям в соответствии с трансформациями административно-территориального устройства страны.

Исторический опыт подтверждает, что административные решения, касающиеся совершенствования форм государственного устройства, явились важной составной частью преобразований, способствовавших пространственно-территориальной самоидентификации северокавказских народов.

Северный Кавказ административно разделен на два федеральных округа: Северо-Кавказский и Южный, что создает барьеры для конструирования северокавказской макрорегиональной идентичности.

После создания системы федеральных округов появились разночтения, касающиеся сущности территориальной окружной (южнороссийской и северокавказской) идентичности. В новейшем дискурсе наряду с термином «Северный Кавказ», а в ряде случаев и в качестве синонима, используется термин «Юг России». Абстрагируясь от политических коннотаций и не вдаваясь в суть разночтений, касающихся образования федеральных округов, обозначим традиционную в кавказоведении позицию, согласно которой территория Северного Кавказа включает семь республик: Адыгею, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию-Аланию, Чечню; два края: Краснодарский и Ставропольский; одну область — Ростовскую, входящие в ЮФО и СКФО. Вне зависимости от трансформаций административно-территориального устройства «воображаемые границы» макрорегиона задаются традиционным пониманием Северного Кавказа. По своим географическим и природно-климатическим параметрам, а также и историко-культурным характеристикам данные субъекты РФ вполне могут считаться частью северокавказского макрорегиона.

Значимостью северокавказского компонента в идентификационной матрице россиян является предметом политологического дискурса ученых макрорегиона, среди которых особо следует выделить следующие школы идентичности: адыгейская, кабардино-балкарская, кубанская, ростовская и ставропольская.

Макрорегиональная идентичность является наиболее действенной основой для объединения и сплочения интересов, позиций и действий всех этносов Северного Кавказа с целью упрочения взаимовыгодного межрегионального сотрудничества. Несмотря на многообразные практики по конструированию макрорегиональной идентичности, осуществляемые органами государственной власти и институтами гражданского общества, вопрос результативности данного направления политики идентичности остается открытым.

Одним из основополагающих факторов консолидации общества на основе единых ценностей и поддержки позитивного пространственного развития Северного Кавказа является дальнейшее конструирование макрорегиональной идентичности. Для воплощения данного идентификационного проекта требуется активное участие политико-управленческой элиты в укреплении макрорегиональной идентичности Северного Кавказа.

Инновационные практики позитивного укрепления макрорегионального уровня территориальной идентификации следует рассматривать, с одной стороны, как один из шагов по укреплению российской национальной идентичности, с другой стороны, как значимый фактор влияния на консолидационные процессы на макрорегиональном и национальном уровнях.

С учетом всего спектра современных проблем, стоящих перед российским государством, в качестве одной из первоочередных стоит задача учета специфики северокавказского макрорегиона, выработки особого подхода к социально-экономическим и политико-правовым преобразованиям, перспективам развития макрорегиона. За последний год в этом направлении Правительством РФ проведен ряд мероприятий, к числу которых следует отнести пленарную сессию «Пространство будущего: Северо-Кавказский макрорегион» на международной выставке-форуме «Россия» и первый Кавказский инвестиционный форум «Большой Кавказ — от моря до моря».

Усложнение взаимосвязи между пространственным развитием и идентичностью приводит к появлению многоуровневых и сложносоставных идентичностей, в репертуаре которых особое место должно отводиться макрорегиональной идентичности. С целью укрепления национальной консолидации российского социума представляется необходимым совершенствование политики конструирования макрорегиональной идентичности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2024-00049 «Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: практики формирования, потенциал развития, влияние на национальную консолидацию».

Железняков А.С.
(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН)

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ*

В таксономии политического деления мироустройства максимально высокий статус закреплен за национальными государствами, каждое из которых имеет свое этническое, языковое, религиозное, хозяйственно-культурное своеобразие. Имеющиеся союзы государств, блоки, альянсы, партнерства не представляют собой отдельный уровень таксономии, сводясь к взаимоотношениям между государствами. Такие, выходящие за пределы отдельных государств, образования, как формационные общности, мир-системы, гецивилизации и пан-регионы, также находят отражение в практике создания союзов, блоков и альянсов государств. Частично это прослеживается в использовании применительно к группам государств таких понятий, как мир социализма, мир капитализма, развивающийся мир, центр и периферия, столкновение гецивилизаций и т.д.

Однако в последнее время в политическом дискурсе и в литературе неожиданно прочно укоренился образ мироустройства как полицивилизационной структуры. Это вызвано тем, что ответы на злободневные вопросы международной политики далеко не всегда находятся в призме ограниченной рациональным подходом политической парадигмы. В моменты экзистенциальных угроз на арене международной жизни особое значение приобретают факторы иррационального (сверхрационального, цивилизационного) характера. Сведение двух парадигм — политической и цивилизационной — воедино дает стереоскопическую картину мироустройства, которую и изучает цивилизационная политология.

Триггером появления нового научного направления — цивилизационной политологии — явился кризис идентичности, охвативший монгольское общество после обрушения социалистического блока в начале 1990 гг. Восприятие обществом кризиса как экзистенциального побудило Великий государственный хурал принять в 1994 г. Концепцию национальной безопасности, в которой Монголия была обозначена как государство-цивилизация. К этому периоду относится начало работы над решением вставшей перед коллективом российских и монгольских ученых задачи дать теоретическое обоснование новому видению места Монголии в мироустройстве.

С принятием Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. позиционировать себя в качестве государства-цивилизации начала и Россия. Появление в государственном документе, утвержденном Указом президента Российской Федерации, такого нехарактерного для официального политического лексикона термина («государство-цивилизация») вызвано стремительно возникшей экзистенциальной угрозой существованию России (и всего мира).

Научный разговор о российской цивилизации (не говоря уже о монгольской) до недавнего времени проигрывал в пользу идеологических клише. Значительная часть исследователей вообще скептически относилась к цивилизационному подходу. Критики сходятся на том, что цивилизационный подход, получивший жизнь в результате проделанного П. Сорокиным анализа трудов Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби, не имеет строгой научной систематики изучения предмета и общепризнанного понятийного аппарата.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Министерства образования и науки Монголии (MES) № 24-48-03030 «Этнический фактор в развитии межцивилизационного диалога России и Монголии на современном этапе».

Ко всему прочему, признанию России ядром отдельной цивилизации мешали резкие контрасты в оценках разных этапов ее истории (от многовековой привязки к Золотой орде, монголо-татарскому игу до строительства Москвы — Третьего Рима, от Смутного времени до центра мировой системы социализма).

Цивилизационная политология не совпадает с цивилизационным подходом, но оперирует понятием «цивилизация», поскольку рассматривает мироустройство сквозь призму двух парадигм — цивилизационной и политической (или геополитической, или этнополитической). Картина, рассматриваемая с фокусов двух парадигм, получается стереоскопической, а основной единицей одного пространства выступает государство, другого — цивилизация.

За основу определения понятия «цивилизация» цивилизационная политология берет максимально краткую и емкую тойнбианскую формулу: цивилизации — это успешные Ответы-на-Вызовы. Под этим следует понимать, что современные мировые цивилизации — человеческие универсальные социокультурные общности, существующие в пространстве успешного Ответа-на-Вызов локально и одновременно глобально — как безграничные культурные, сетевые явления. В этой картине мир просматривается в виде либо одной единой универсальной цивилизации (с ее делением на отдельные очаги развития), либо ряда мировых (они же локальные) цивилизаций, которые трансграничны, т.е. не замыкаются в границах государств, их блоков и всевозможных альянсов. Таким образом, численность цивилизаций — от одной до нескольких. В нынешнем мире на фоне всего нескольких цивилизаций существует множество государств, этносов, религиозных конфессий и этнокультурных систем.

Несмотря на отсутствие общепринятой научной систематики изучения предмета в цивилизационном подходе, вопрос правомерности использования термина «цивилизация» с точки зрения цивилизационной политологии перестает быть дискуссионным и выглядящим политизированным. Этот термин уже привязан к реальной политике, к конкретному явлению политической жизни — внешней и внутренней политике России, объявившей себя государством-цивилизацией.

Жельцев А.В.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНТАРКТИДЕ И РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕГИОНЕ

Специфика международного взаимодействия в Антарктическом регионе является достаточно интересной тематикой для изучения. Одной из причин подобного интереса можно считать систему правил по взаимодействию между государствами в сфере поддержания экологии и «мирного» использования континента. Основным документом, который закрепил этот порядок, по праву стоит считать Договор об Антарктике 1959 года.

Несмотря на то, что легитимизация документа произошла только в 1961 году, уже тогда представители различных государств сходились во мнении, что Антарктида является уникальным экологическим заповедником планетарного масштаба. Но даже подобные заявления не остановили отдельные страны в их желании присвоить часть территории к своим границам из-за значительных залежей полезных ископаемых, находящихся под глубоким слоем снега и льда. Из-за чего до середины XX века многие государства пытались доказать свои права на части Антарктиды, приводя в качестве аргумента исторические данные об исследовании региона. И только в 1959 году эти «территориальные войны» были официально упразднены ввиду признания континента «территорией мира».

При этом большинство стран, которые ранее пытались отстаивать свои права на землю в Антарктиде, продолжали высказывать свою позицию, хотя и не так агрессивно, как ранее. Важно отметить, что отдельные государства, среди которых США, СССР, а в дальнейшем и Российская Федерация, сохранили право за собой высказывать подобные территориальные претензии в будущем. Поэтому их роль в развитии международных отношений в регионе является одной из ключевых.

Как отмечают различные исследователи и ученые, в ближайшем будущем мир столкнется с проблемой истощения источников полезных ископаемых. Из-за чего внимание международной общественности вновь привлечет Антарктида, что приведет к возобновлению обсуждения о разделе региона. В случае подобного хода развития событий Российская Федерация не будет иметь права сохранять нейтралитет и, возможно, станет одним из тех государств, которое будут оказывать значительное влияние на сохранение мирного статуса Антарктиды.

Целью данного исследования является подробное изучение процесса оформления Антарктического региона как уникального объекта международного сотрудничества и роли Российской Федерации в разрешении возможных конфликтных ситуаций.

В основу настоящей работы легли положения теоретической и практической методологий. В частности, автором активно применялся сравнительный анализ и моделирование, которые предоставили

возможность сформировать наиболее вероятные пути развития международных отношений в регионе. Кроме основных юридических документов, использовались работы таких отечественных исследователей, как Дроздов П.И., Лукин В.В., Гаврилова С.Д., Евсеев В.Р. и Еременко В.С.

Подводя итог, стоит отметить, что Антарктида действительно является крайне интересным регионом для исследования в любой научной сфере. При этом, если рассмотреть Антарктиду именно с международно-политического направления, то можно распознать возможные причины будущих конфликтов в регионе. Из-за чего исследование Антарктического региона и межгосударственного взаимодействия в нем, а также роль в этих процессах таких сверхдержав, как Российская Федерация или США, является крайне актуальным в настоящее время.

Жильцов С.С.

(Москва, Дипломатическая академия МИД России)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

В последнее десятилетие в развитии Черноморского региона произошли кардинальные изменения. Импульс трансформации региона дали события 2014 года, когда Крым, под влиянием внутривнутриполитических событий на Украине, вошел в состав России. Данное событие привело к территориальному изменению украинского государства, активизировало официальный Киев в отношении юго-восточных регионов. В итоге, новые украинские власти попытались силой установить контроль над Луганской и Донецкой областями.

Вхождение Крыма в состав России вызвало обеспокоенность на Западе, который приступил к проведению целенаправленной санкционной политики. Именно с этого момента начинает реализовываться комплексная стратегия Запада, направленная на сдерживание, а затем и ослабление России.

Вхождение Крыма в состав России было негативно воспринято Турцией, которая является одним из ведущих причерноморских государств. Отрицательное отношение к «крымской весне» со стороны турецкого руководства объяснялось тем, что на протяжении длительного времени Анкара реализовывала курс на укрепление политических и экономических позиций на полуострове, формировала протурецкую элиту в крымских коридорах власти. Соответственно, для Турции вхождение Крыма в состав России означало утрату возможности реализовать амбициозный геополитический проект, связанный как со снижением влияния на полуострове России, так и отстранением официального Киева, который постоянно использовал тему крымских татар в борьбе с элитами Крыма и юго-восточных регионов. В итоге, Анкаре пришлось серьезно скорректировать планы по установлению геополитического влияния в Черноморском регионе.

Новая страница в развитии Черноморского региона была открыта после февраля 2022 года, когда Россия начала проведение Специальной военной операции (СВО) на Украине. С этого момента геополитическая ситуация в Черноморье стала последовательно обостряться, поскольку развела причерноморские страны по разным «лагерям». Исключением составляла Турция, которая расширяла торгово-экономическое и энергетическое сотрудничество с Россией и одновременно поставляла военное оборудование украинским властям.

Запад стал оказывать давление на Россию, добиваясь ослабления ее экономического потенциала. Усилия были направлены на ограничение торгово-экономического взаимодействия с Турцией, которая обеспечивала поставки санкционных товаров.

В регионе сформировалась и продолжает развиваться геополитическая ось Россия — Турция, которая в определенной мере выступает стабилизирующим фактором в развитии Черноморья. Несмотря на сложные отношения и расходящиеся интересы, два государства продолжают расширять сотрудничество.

США и ЕС стали действовать в Черноморском регионе более активно. Брюссель реализовывал свою политику через Румынию и Болгарию, которые вместе с Турцией одновременно являются членами НАТО. Это привело к ситуации, когда значительно повысился конфликтный потенциал в Черноморском регионе.

Политическое развитие Черноморского региона по-прежнему будет находиться под сильным влиянием конфронтации между Россией и коллективным Западом. В этом контексте интересам России отвечает сохранение экономических отношений с Турцией, которая выступает основным геополитическим оппонентом России в регионе. В то же время энергетическая составляющая в отношениях с Турцией сохранит свое значение для России, которая заинтересована в сохранении поставок газа на внешние рынки.

В контексте конфликта на Украине, интересам России отвечает установление контроля над черноморским побережьем Украины. Без решения данной стратегической задачей России будет сложно обеспечить свои интересы в Черноморском регионе.

России следует учитывать усилия Турции обойти правовой режим Черноморских проливов, прежде всего, за счет строительства нового судоходного канала. В случае реализации данного проекта Турция получит полный контроль над национальным каналом и, соответственно, сможет проводить более гибкую и активную политику, связанную с проходом судов в Черное море.

Таким образом, усилия Турции по строительству альтернативного канала, конфликт на Украине, санкционная политика Запада в ближайшее время могут привести к принципиально новой расстановке сил в Черноморском регионе.

Журавлев Д.А.
(Москва, Институт региональных проблем)

ЧЕТЫРЕ ПОЛЮСА СОВРЕМЕННОГО МИРА

9 сентября 2024 г. на G20 произошло событие, которое, на наш взгляд, может ознаменовать начало новой эпохи.

США, Евросоюз, Саудовская Аравия и Индия договорились о создании нового экономического коридора Индия — Ближний Восток — Европа (*ИМЕС*), говорится в меморандуме о взаимопонимании стран-участниц, текст которого обнародовал Белый дом.

Меморандум о взаимопонимании стран-участниц после переговоров в Нью-Дели опубликовал сайт Белого дома. И это практически признание того, что этот проект является масштабной стратегической операцией США.

Но мне скажут — но что же изменилось?

Мы стоим на пороге нового изменения миропорядка. Миропорядок 90-х базировался на безусловном доминировании запада, миропорядок XXI века — это противостояние Востока и Запада, где Запад медленно, но верно отступал, а Восток медленно, но верно наступал. И почти все были уверены, что пусть и не скоро американский мир сменится китайским. С появлением в этом раскладе Индии меняется многое — почти все. *Во-первых*, у Китая появляется реальный конкурент в борьбе за лидерство, а с ним и куча проблем. Китаю нужно не только догнать США, но и отбиваться от Индии, а выполнять две задачи всегда труднее чем одну. А здесь еще задачи противоположные. Китай и догоняет и убегает. Как догоняющий он заинтересован в снятии торговых и иных экономических барьеров, чтобы бежать не мешали, а как убегающий в их установлении, чтобы не догнали. В конечном счете неотвратимая победа, к которой можно было бы и не спешить, все равно она неизбежна, превращается в новое соревнование, где победа не гарантирована, а поэтому надо спешить. Поэтому в случае реализации *ИМЕС* не только тактика, но и стратегия КНР вынуждена будет измениться. И *во-вторых*, это приводит к изменению самого принципа разделения мира на группы. Деление на Восток и Запад больше не является главным и определяющим, как это было во времена противостояния сверхдержав или гонки Китая за США. А при этом может возникнуть новая геополитическая система неожиданных союзов.

На наших глазах начала возникать новая геополитическая и геоэкономическая реальность: противостояния двух групп стран, у каждой из которых парные лидеры США — Индия Китай — Россия. Но такая сложная конфигурация создает совершенно уникальную возможность — перехода самих лидеров из группы в группу. И этот переход станет результатом либо получения страной тех выгод, которых она ждет от союзов, либо ослабление или усиление союза на столько, что он потеряет смысл для своих участников.

Мы вступаем в эпоху, когда стратегические интересы великих держав будут выражаться тактическими союзами этих держав между собой, в эпоху постоянной изменчивости, где нет ничего постоянного, кроме интересов. И здесь будущее будет определяться тем, кто и как первым сменит союзников.

Современный мир — это своеобразный калейдоскоп, в котором узоры союзов будут постоянно меняться.

И возможность для смены уже проявилась: Союз Индии и США строится на взаимной выгоде. США получает точку для вложения капитала, мощного экономического союзника, получает эффективное средство давления на Китай, привязывая его тем самым к себе, а также наносит чувствительный удар по России. Индия в свою очередь получает капиталы, дешевую энергию, технологии рынки сбыта, что позволяет Индии сделать рывок в развитии промышленности, и обогнав Китай, стать первой реальной экономикой мира, причем такой, которая опирается на более современные и перспективные отрасли, чем КНР: IT, химия, фармацевтика, биотехнологии.

Казалось бы, все прочно и устойчиво. Но это только кажется. Индия заключила союз с США именно тогда, когда во главе Индии встали индийские националисты.

По словам премьеры Индии, у страны впереди будет «1000 лет величия».

Но в том то и дело, что добиться величия в одиночку Индия пока не может. В союзе с КНР будет расти величие КНР, да и вырваться из объятий Китая будет очень трудно. Поэтому Индия обречена на союз с Западом. Но для индийских националистов союз с Западом носит абсолютно служебный тактический характер. Как только величие будет достигнуто или будет ясно, что его не удастся достичь на этом пути, союз будет разорван и начнется следующая эпоха. Когда-то США выращивала китайского дракона, чтобы противопоставить его русскому медведю, сейчас они выращивают индийского слона, чтобы усмирить дракона. Интересно, кого придется выращивать, чтобы утихомирить слона?

Сегодня очевидно складывается противостояние пар КНР — РФ, США — Индия. Но из-за спины этой складывающейся реальности выходит новая, в которой Индия в союзе с Россией, а может быть, с малыми странами противостоит КНР и США. Мир сегодня похож на гигантский калейдоскоп, в котором одна картинка сменяет другую с непривычно высокой скоростью — мировая политика к этому явно не готова, так что мир еще ждёт многие потрясения.

«ПОЛИТИКА ВРЕМЕНИ» В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ*

Актуальность обращения к исследованию «политики времени» (процессу темпорализации политических изменений) обусловлена темпоральной динамикой политических коммуникации «цифровой эпохи», вариативностью «временных потоков» («гетерогенностью» социального времени), связанной с активностью умножающихся политических акторов. В этом контексте актуализируются теоретические посылы исследования «политики времени» как осмысления значения политических практик с точки зрения их временных форм. Следуя интенциям П. Осборна (*The Politics of Time*), конкретизируя его социально-философские посылы, политику времени в политических коммуникациях можно рассматривать как «борьбу за политический опыт времени», «волевою трансформацию» (нормирование) политических форм темпоральных ожиданий для того, чтобы вариативные, частные представления о прошлом, настоящем и будущем стали временной структурой коллективных политических действий. Исследование политики времени тем самым концентрируется на временные динамики подобных символических структур, их специфики и потенциала для «открытия» или «исключения» возможностей политического развития.

Принципиальными, на наш взгляд, при анализе политики времени, специфике ее реализации на том или ином периоде политической эволюции/инволюции того или иного сообщества, представляются методологические ремарки Р. Козеллика (*«Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории*) об «асимметрии опыта и ожидания» и ее истолковании в консервативном или прогрессистском духе. Опыт, как он полагает, накапливается через его «повторение», для чего должны существовать «формальные структуры» истории, позволяющие преодолевать разрыв между опытом и ожиданиями. Из этого, по мнению автора тезисов, следует, что адекватное, научное понимание политических изменений и динамики культивирование «новизны» при реализации «политики времени» возможно при «знании политической традиции» как вариативной «пропорции» «прогрессивного» и «консервативного», в которой скрыты долговременные структуры и специфики практик темпоральной политики. На значимость подобных процессов в логике причинно-следственной связи темпоральных измерений политического времени обращает внимание российский исследователь М.В. Ильин (*Феномен политического времени*), отмечая, что проекция в будущее будет тем полней, чем основательней была казуальность в прошлом, если же в этой казуальности обозначается множество лагун, то следует ожидать «симметричные прорехи» в грядущем.

Рост вариативности представлений о прошлом, чувство «непредсказуемости настоящего» и «неопределенности будущего» интенсифицирует в элитном сегменте многих социумов процессы культивирования нарративов «традиционного». Нарратив сохранения, обретения и поиска «традиций» (темпорального «повторения») все чаще используется политическими акторами как способ стабилизации/дестабилизации политического порядка и символического триггера политической мобилизации. Автор тезисов полагает, что в реалиях современных коммуникаций более обоснованно понимание феномена политической традиции и преемственности не только как процесса традиционализации, а как «политики традиционирования» — амбивалентного процесса поиска и обеспечения темпорального режима политической преемственности в процессе динамики бинарного кодирования консервативного/прогрессивного в политических коммуникациях, «проработки» темпоральных политико-культурных форм прошлого в проекции не только настоящего, а и будущего как на институциональном, так и повседневном уровне.

В связи с этим особую значимость при реализации политики времени приобретает концепт «темпоральный режим политической памяти», лишенный структурно-функциональных редуций, укоренившихся в современных исследованиях политики памяти и исторической политики. Следуя интенциям Ф. Торреса (*Temporal regimes: materiality, politics, technology*), чтобы описать специфику политики времени и возникающих при этом «привычек», традиций, существующих темпоральных режимов, необходим комплексный анализ темпоральных представлений на основе таких параметров, как *повторяемость, артикуляция и управляемость*. Временной режим коллективных представлений возникает на основе политики гомогенизации темпоральных ожиданий, создавая стабильные условия для устойчивого сочетания представлений о взаимосвязи событий прошлого, настоящего и будущего. Конструктивная/деструктивная политика времени всегда основывается на темпоральной структуре традиционирования, которая репрезентируется в нарративах взаимосвязи семантики «повторения/ускорения». Синхронизация процесса традиционирования играет центральную роль в культивировании

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309. URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>.

и институционализации образцов политической солидарности, выступая важным политико-культурным ресурсом политики времени, противостоящей политической инверсии и произвольности в активности политических акторов.

Зазнаев О.И.
(Казань, КФУ)

НОВЫЕ ЦИФРОВЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ ПАРЛАМЕНТА И ГРАЖДАН: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Цифровизация — это процесс, который охватывает не только внутреннюю деятельность самого парламента (законодательный процесс, пленарные заседания и заседания комитетов, электронный документооборот и пр.), но и взаимоотношения легислатуры и депутатов с избирателями. В последние годы в мире появился ряд цифровых форм участия граждан в деятельности парламента и их коммуникации с законодательным органом:

- 1) цифровые средства обеспечения открытости парламента в целях общественного наблюдения за работой законодательного собрания (трансляции онлайн в прямом эфире через Интернет и (или) телевидение; размещение на веб-сайтах записей заседаний; публикация стенограмм заседаний; приложения для доступа к парламентским заседаниям; публикация информации о парламентской деятельности, включая явку депутатов, их выступления, инициативы, голосования, расходы и др.);
- 2) обработка аппаратом парламента жалоб, запросов и предложений граждан посредством цифровых средств;
- 3) обращение граждан с электронными петициями непосредственно в парламент (при достижении определенного числа подписей законодательное собрание обязано рассмотреть гражданскую инициативу и принять соответствующее решение) или специально созданный единый портал цифрового законодательства (например, *the TAP portal* в Латвии);
- 4) участие граждан в законодательной деятельности парламента (внесение законодательных предложений граждан; внесение законопроектов в легислатуру определенным числом избирателей; общественные консультации по законопроектам; комментарии граждан по законодательным вопросам на страницах парламента и комитетов);
- 5) каналы прямой связи депутатов с избирателями через цифровые платформы (виртуальные приемные депутатов; прямые обращения граждан к депутатам посредством электронных средств коммуникации; общение депутата с избирателями через социальные сети).

Цифровизация коммуникации парламента и граждан дает широкие возможности для обеспечения открытости и эффективности парламентской деятельности, улучшения качества связей с общественностью, расширения участия гражданского общества в парламентской деятельности, доступности парламентских документов и материалов. В конечном счете цифровые новации способствуют развитию демократии.

Вместе с тем процесс цифровой коммуникации парламента и граждан несет политические риски.

1. Происходит уменьшение значимости парламента как института, формирующего политическую повестку дня, в связи с возрастанием активности обсуждения актуальных проблем и способов их решения в социальных сетях и на платформах Интернета. Парламент как «место для дискуссий» постепенно теряет свое истинное предназначение. Информация об интересах избирателей доводится до депутатов часто не напрямую, а через социальные медиа и Интернет-СМИ.

2. Традиционный механизм представительства граждан в парламенте (депутат как выразитель воли своих избирателей, знающий их нужды и выступающий от их имени) постепенно «размывается». Граждане доносят свою волю до легислатуры через электронные петиции, виртуальные законодательные предложения граждан, общественные консультации по законопроектам, виртуальные обсуждения проектов законопроектов, а также разные формы связи с депутатами (социальные сети, виртуальные приемные и др.). Происходит не только изменение характера представительства, где сигналы от избирателей поступают в центр принятия решений напрямую, но и создается ситуация, при которой часто депутаты не могут игнорировать общественное мнение.

3. Меняется характер связи депутата с избирателями — наблюдается переход от традиционно-бюрократических форм (встречи депутатов с избирателями офлайн, общественные приемные депутатов, наказания, письма и обращения граждан к депутатам и др.) к современным электронным формам коммуникации, что требует оперативности, компетентности и владения цифровыми навыками со стороны депутатского корпуса.

4. Не меньшие риски в связи с внедрением ИКТ в процесс коммуникации законодательной власти и граждан возникают у парламентской оппозиции, которая обладает монопольным правом критики правительства, используя трибуну законодательного собрания. Развитие Интернета ведет к тому, что граждане могут высказывать свои критические замечания в адрес власти в социальных сетях и новых медиа, а также при подаче электронных петиций, жалоб, запросов и т. п. Тем самым функция контроля над правительством частично передается от парламентской оппозиции к гражданам.

Зарубежный опыт цифровизации процесса коммуникации парламента и граждан крайне разнообразен. Сформулированные нами выводы не носят пока универсального характера, а являются отражением новых тенденций политических изменений под влиянием цифровых вызовов.

Зазян А.М.
(Москва, РУДН)

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЙ МОБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА НЕОБХОДИМОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ*

Первая четверть XXI века характеризуется окончательным переходом в век информационного общества, со всем многообразием информационных технологий. Эти технологии дают каждому человеку, сообществам, социальным группам, в том числе религиозным, новые возможности во всех сферах деятельности. Но прежде всего — это неограниченное и никем не контролируемое общение. Интернет позволяет общаться в любое время вне зависимости от нахождения в любой точке планеты, так что любая информация в считанные секунды может стать достоянием миллионов индивидов.

Информация становится не только технологической основой коммуникации, но и основой общественных отношений, в том числе и в политике.

Но мультимедийные технологии открыли и новый фронт информационной борьбы, они стали массово применяться не только в межгосударственном противостоянии, но и в межрелигиозных конфликтах. Беспрепятственное распространение под прикрытием ислама экстремистских религиозных идей и учений, призывающих к религиозной нетерпимости и насильственным, террористическим действиям, стали реальностью для многих государств.

Политические интересы Российского государства в его конфессиональной политике направлены на их решение в интересах политической власти. В условиях геополитических изменений это, прежде всего, обеспечение безопасности государства, консолидации общества для эффективного противостояния внешним угрозам. На реализацию данных интересов государство направляет не только деятельность своих политических институтов, но и деятельность наций, народностей, конфессий, верующих, и просто отдельных личностей¹.

Межнациональные и религиозные проблемы имеют собственное содержание и должны решаться методами национальной и конфессиональной политики. Поэтому в России, как многонациональном и поликонфессиональном государстве, особо актуальна реализация Государственных стратегий национально-конфессиональной политики, с привлечением необходимых современных политических, информационно-аналитических и цифровых технологий.

Под «политическими технологиями» понимаются интеллектуальные комплексы или системы, нормативно определяющие акции, действия и т. д., повышающие эффективность политических институтов (партий, групп) в проводимой ими политике или борьбе за власть.

Конфессии на территории Российской Федерации применяют в коммуникации с верующими традиционные на протяжении столетий методы общения, основанные на живом слове проповедников в местах отправления религиозных обрядов. В то же время, не охватываются информационным воздействием и влиянием массы их сторонников, или причисляющих себя к приверженцам той или иной религии. Это характерно, прежде всего, для Русской православной церкви.

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН в рамках научного проекта FSSF-2024-0057 «Технологии цифровых коммуникаций государства и общества как механизм укрепления макрополитической идентичности».

¹ Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве // Гареев М.А., Ремарчук В.Н., Алексеева Т.А., Бельков О.А., Винокуров В.И., Махонин В.А., Кондрашов В.В., Гушер А.И., Манойло А.В., Микрюков В.Ю., Емец В.С., Ружейников В.В., Абрамов А.В., Овсянникова О.А., Тихомирова В.А., Галаганова С.Г., Синчук Ю.В., Синчук И.Ю., Люткене Г.В., Бочарников И.В. и др. Монография / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. М., 2016.).

Известно, что применение масс-медиа, цифровых технологий для широкого информационного воздействия требует значительных денежных средств для их приобретения, обслуживания, эксплуатации. При этом надо учитывать, что все информационное поле в России (частоты вещания, каналы, передающие и принимающие сети и пр.) давно поделены государством в своих интересах. Часть телекоммуникаций находится в собственности бизнеса, жестко контролируется и финансируется самыми крупными отечественными и зарубежными бизнес-сообществами¹.

Традиционные конфессии на территории РФ не обладают в настоящее время подобными финансовыми возможностями, ограничиваясь минимальным участием в построении собственных технологичных коммуникаций².

Таким образом, необходимо государственное стимулирование религиозных объединений к продвижению общественно значимых ценностей религии, в том числе в социальных сетях и блогосфере.

Заикин А.А.

(Санкт-Петербург, Северо-Западный институт управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ)

РОЛЬ ПАРЛАМЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

«Очевидно, что формирование политики национальной безопасности России в XXI в. является задачей чрезвычайной важности, для разрешения которой необходимо объединение усилий всех субъектов политических отношений. В этом плане трудно переоценить значение законодательного и представительного органа государственной власти — парламента». Законодательные органы, представляя интересы граждан, не только принимают решения о внешнеэкономических связях, но и определяют стратегические приоритеты на международной арене. Парламент принимает участие в обсуждении ключевых вопросов, среди которых «наиболее актуальными являются обеспечение многополярности, взаимное уважение суверенитета и соблюдение основных принципов безопасности международного сотрудничества, обеспеченных взаимными инициативами, направленными на сокращение вооружений, расширение зон демилитаризации и т.д.».

Важным аспектом роли парламента в формировании внешнеполитической повестки является его способность инициировать и проводить слушания по вопросам международной политики. Такие мероприятия позволяют парламентариям более глубоко изучить актуальные проблемы, выявить мнения экспертов и вовлечь в процесс обсуждения представителей гражданского общества. Это, в свою очередь, создает атмосферу открытости и прозрачности, что способствует укреплению доверия населения к внешнеполитическим действиям государства.

Кроме того, парламент может выполнять функцию анализа и контроля за деятельностью исполнительной власти в области международных отношений. Регулярные отчеты правительства о внешнеполитической деятельности и дальнейших планах позволяют депутатам оценивать эффективность проводимой политики. Это создает механизм обратной связи, в рамках которого граждане могут напрямую воздействовать на формирование внешнеполитической повестки через своих представителей.

Таким образом, парламент России, выполняя свои законодательные и контрольные функции, становится важным институтом, способствующим не только внутреннему согласованию различных интересов, но и укреплению позиций страны на международной арене. Эта многофункциональная роль актуализирует необходимость постоянного взаимодействия между законодательной и исполнительной ветвями власти в вопросах внешней политики.

Одной из ключевых задач парламента в контексте внешней политики является формирование стратегической концепции, которая соответствует как национальным интересам, так и глобальным вызовам. Депутаты могут вносить предложения и поправки к законодательству, регулирующему международные отношения. Это не только способствует более взвешенному подходу к вопросам внешней политики, но и позволяет учитывать мнение различных социальных групп, участвующих в обсуждениях.

Парламентская активность в международных делах также включает взаимодействие с зарубежными коллегами. Участие в межпарламентских ассамблеях и форумах позволяет делегатам обмениваться опытом и укреплять двусторонние связи, что в свою очередь способствует улучшению дипломатических отношений.

¹ Кривоносова Е.Э., Семенюк В.П. Роль социальных сетей в политике // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 54. С.58–60.

² Морозова Е.Г. Прямая коммуникация исполнительной власти с обществом: контуры «демократии сервиса»? // Государственное управление в XXI веке. М.: МГУ, 2006.

Наконец, парламент может играть важную роль в формировании общественного мнения, способствуя информированию граждан о внешнеполитических инициативах и их возможных последствиях. Путем проведения открытых заседаний и обсуждений парламентарии могут повысить уровень осведомленности населения, что в свою очередь усиливает демократический контроль над внешнеполитической деятельностью государства.

Таким образом, важно, чтобы парламентская деятельность в области внешней политики была прозрачной и доступной для граждан. Это может быть достигнуто через активное сотрудничество с экспертными сообществами и НПО, которые могут предложить квалифицированные рекомендации и анализ международных событий. Открытый диалог между парламентом и обществом способствует выработке более эффективных решений, основанных на реальных нуждах и ожиданиях населения.

Кроме того, ценной составляющей парламентской работы является контроль за исполнением внешнеполитических решений. Регулярные отчеты министров и соответствующих ведомств перед депутатами помогут обеспечить ответственность и подотчетность власти. Это также позволит более эффективно реагировать на изменяющиеся международные условия, корректируя стратегию в соответствии с новыми вызовами.

В заключение следует отметить, что интеграция парламентского контроля и участия в формировании внешнеполитических инициатив устойчиво укрепляет демократические основы государства. Эффективное взаимодействие между ветвями власти делает процесс принятия решений более отзывчивым к интересам общества и учитывает долгосрочные национальные цели.

Зайцев С.Ю.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ЦИФРОВЫХ КОРПОРАЦИЙ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

За последние несколько лет развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) стало предметом интереса представителей бизнеса, политики и научного сообщества. Одними из ключевых акторов развития технологий ИИ являются цифровые корпорации. Именно цифровые корпорации, обладая финансовыми, организационными, кадровыми и инновационными ресурсами, создают и совершенствуют технологии ИИ, расширяют сферы их применения, выбирают перспективные направления дальнейших разработок.

Крупные цифровые корпорации стремятся к установлению монополии над одной из областей ИИ с целью опережения конкурентов. Они же являются главными драйверами разработки и внедрения технологий ИИ в странах Запада и демократиях азиатских стран. Китай же, например, стремится к доминированию в некоторых сферах через университеты и местные крупные корпорации.

На сегодняшний день развитие ИИ происходит на стыке интересов и последующего взаимодействия между крупными цифровыми корпорациями и национальными государствами. Первые выполняют задачи по выбору ключевых направлений, разработки и финансированию технологий ИИ. Вторые же обеспечивают законодательную среду, регулирующую эту сферу, а также могут выступать в качестве заказчика и покупателя определенных технологий.

Несмотря на наличие выгод развития и внедрения ИИ он также имеет и негативные стороны. Мы выделили три направления развития ИИ, которые представляют угрозу для развития человечества и предложили возможные подходы для их купирования путем взаимодействия институтов государства и цифровых корпораций.

1. Эволюция ведения боевых действий в сторону снижения «человеческого фактора» при принятии решений и увеличения роли автономных вооруженных систем. Это может привести к новой гонке вооружений, аналогичной противостоянию СССР и США в период «холодной войны». Основными полюсами такого противостояния на данный момент являются Китай и США, о чем свидетельствует и размер инвестиций в проекты, связанные с ИИ, и количество патентов в этой сфере.

Решение: закрепление в доктринах безопасности, воинских уставах и распоряжениях принятия окончательных решений о применении автономного оружия за человеком, как и его ответственность за результаты. В данном случае цифровые корпорации играют меньшую роль, чем государства, т.к. именно последние устанавливают требования к вооруженным системам и принимают решения о концептуальных основаниях их использования. Однако корпорации ответственны за разработку некоторых составляющих автономных вооруженных систем и могут ограничить их технические возможности.

2. Потеря контроля над созданием и использованием технологий ИИ, их применение в ущерб людям. Сторонники данного подхода ставят ИИ в один ряд с такими глобальными угрозами,

как новые пандемии, неконтролируемое распространение ядерного оружия и изменение климата. Низкий контроль за развитием технологий ИИ проявляется в двух аспектах: в отсутствии жестких норм регулирования сферы ИИ и тех направлений и отраслей, по которым он будет развиваться. Фактически крупные цифровые корпорации самостоятельно выбирают такие направления внедрения ИИ.

Решение: сдерживание исследований и внедрения технологий ИИ, которые обладают потенциалом быть превращенными в оружие и, одновременно, финансирование предохранительных направлений и инноваций, которые смогут снизить такой риск или обеспечить защиту человечества от него. Например, увеличение финансирования исследований, направленных на создание технологий по повышению безопасности и надежности систем ИИ.

3. Создание суперинтеллекта (*Artificial Super Intelligence — ASI*), способного к самосознанию и самостоятельному принятию решений и, как следствие, обладающего потенциалом освобождения от контроля над ним со стороны людей. Суперинтеллект станет «последним изобретением человека», так как в пределе сможет создать любое оборудование или продукт.

Решение: государствам необходимо зафиксировать в документах полный запрет на создание искусственного суперинтеллекта. Сложностью здесь является контроль со стороны государственных органов за разработками цифровых корпораций в этой сфере. Последние будут опираться на необходимость соблюдения коммерческой тайны и свою автономию. Кроме того, обладая большими финансовыми ресурсами, цифровые корпорации обязательно будут лоббировать отказ от принятия подобного запрета. Другой подход к решению проблемы предполагает замедление создания искусственного суперинтеллекта через использование ИИ только для решения конкретных прикладных задач в отдельных отраслях и сферах жизни. Например, улучшение свойств металлов в промышленности, анализ состояния почвы в сельском хозяйстве или помощь в постановке диагноза пациентам в медицине, что не повлечет за собой полную замену человека или создание суперинтеллекта.

Заляев Рустем И. (Казань, КФУ),
Заляев Рамиль И. (Казань, КФУ)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РОССИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ

Общественно-политические объединения в демократических государствах являются важнейшим субъектом коллективного, публичного представительства интересов граждан, и от организационно-правовых форм их создания и деятельности во многом зависит качество реализации демократического публичного представительства.

В России сегодня сформировался определенный законодательный порядок участия общественных объединений в общественно-политической жизни страны. Согласно статье 27 ФЗ России «Об общественных объединениях» общественные объединения в России, являющиеся юридическим лицом, имеют ряд прав, часть которых имеет политическое звучание: право участвовать в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления в порядке и объеме, предусмотренными настоящим Федеральным законом и другими законами; проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование; выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни; вносить предложения в органы государственной власти; участвовать в выборах и референдумах в порядке, установленном законодательством Российской Федерации¹. Наиболее полное участие общественных объединений в общественно-политической жизни страны проявляется в вопросе их участия в выборах органов государственной и муниципальной власти. В этом вопросе законодательный порядок России имеет определенную особенность, которая определяется тем, что в России «политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти»².

Федеральный закон «О политических партиях» содержит требования к численности членов и к численности региональных отделений политических партий, которые способствовали становлению в России устойчивой партийной системы, лучшему отражению воли избирателей путем формирования крупных общенациональных политических партий, выражающие интересы значительной части граждан России, вытеснения из избирательного процесса малочисленных партий, не имеющих серьезной социальной опоры в обществе и дезориентирующих выбор избирателей.

¹ См.: Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об общественных объединениях» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2024).

² Пункт 1 статьи 36 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 01.04.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2024).

Необходимо также отметить, что в России статус политической партии законодательно предоставляется лишь политическим партиям общероссийского масштаба организации, а создание и деятельность межрегиональных, региональных и местных политических партий не предусмотрено¹.

Сторонники запрета в России создания и деятельности региональных политических партий считают, что существование региональных политических партий в России приведет к развитию сепаратистских тенденций и будет угрожать стабильности и целостности государства².

Действительно, законодательный запрет создания и деятельности региональных политических партий эффективно защищает партийную систему России от создания и деятельности сепаратистских и националистических политических партий, которые могут угрожать целостности и стабильности государства. Однако, на наш взгляд, для стабильности политической системы региональные публичные интересы должны эффективно поступать в политическую систему, и важно развивать другие возможности регионального публичного представительства. С этой целью, с одной стороны, важно развивать эффективные каналы партийного представительства региональных интересов на федеральном уровне, путем расширения возможности представительства региональных интересов общенациональными политическими партиями. В то же время, с другой стороны, необходимо развивать представительство публичных интересов на региональном и местном уровнях, например, путем расширения допуска к участию в выборах на региональном и местном уровнях региональных и местных субъектов коллективного, публичного представительства интересов.

На наш взгляд, требуется научный анализ существующих сегодня в России параметров публичного представительства и участия общественно-политических объединений в общественно-политической жизни с целью дальнейшего их совершенствования.

*Зарипова А.Р., Закиров А.Р.
(Казань, КФУ)*

ДЕЛИБЕРАТИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕГИОНАХ ЕВРОПЫ

На фоне кризиса институтов представительной демократии перед политиками встала задача поиска эффективных инструментов повышения доверия общества к политической системе. Одним из ответов на данный вызов становится дополнение классических электоральных процедур, являющихся основным инструментом политического участия граждан в представительной демократии, инновационными практиками гражданского волеизъявления. В странах Европы участились случаи, когда государственные структуры выступают с инициативой организации проектов, направленных на включение рядовых граждан в процесс принятия политических решений. Новые формы невыборного участия способны модернизировать демократические процедуры, сохранив укоренившиеся структуры политической системы, в то же время расширив участие граждан в политическом процессе.

В числе таких инноваций стоит упомянуть совещательные процедуры. Практики делиберативной демократии становятся тем самым дополнительным инструментом, способным нивелировать назревший кризис представительных институтов путем прямого вовлечения граждан в формирование актуальной повестки дня и подготовку проектов по разрешению острых проблем сообщества. Делиберативная демократия на рубеже веков была предметом скорее научной дискуссии и воспринималась сугубо как теоретическая модель. Однако именно в начале нового столетия она нашла свое практическое воплощение.

Внимание заслуживает опыт европейских государств, в которых практики делиберации начали применяться с середины 1980-х гг. и успели получить широкое распространение прежде всего на локальном и региональном уровнях. По данным ОЭСР, 80% реализованных в европейских государствах совещательных собраний с участием рядовых граждан проводились на этих уровнях. Если первые делиберативные проекты организовывались по инициативе академического сообщества, некоммерческих организаций и других структур гражданского общества, то в последние годы все чаще именно государственные акторы выступают с инициативой проведения гражданских собраний. Причем число организованных властями собраний растет с каждым годом. До 2019 г. из всего объема совещательных мероприятий, проведенных в Европе, 39% прошли при участии местных и региональных властей, а в период с 2019 по 2024 г. этот показатель вырос до 58%. Такие результаты демонстрируют заинтересованность местных властей в выстраивании политической коммуникации с сообществом

¹ См.: подпункт «а» пункта 2 статьи 3 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 01.04.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2024).

² См., например: Зорькин В.Д. Правовые основы российской многопартийности и практика Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 5.

и расширении практик включения рядовых граждан в процесс принятия решений. Делиберация отвечает на запрос граждан и органов власти на диалог, где участники равны, а сам процесс взаимодействия транспарентен.

На европейских регионах за последние десятилетия накоплен опыт организации собраний граждан по самому широкому спектру вопросов: от городского планирования и проблем благоустройства до обсуждения проектов социальных реформ. Так, в австрийской федеральной земле Форарльберг в 2023 г. гражданский совет обсудил проблемы системы школьного образования. В этом регионе с 2006 г. делиберация может быть организована парламентом или правительством федеральной земли. Кроме того, с 2013 г. был принят закон, согласно которому гражданский совет может быть инициирован путем сбора не менее 1000 подписей. Организуемые по инициативе граждан или органов государственной власти дискуссии получают публичную огласку, а предложенные участниками рекомендации учитываются при реализации политического курса. Подготовленные советом проект представляется широкой общественности путем публикации на сайте, в СМИ, а также излагается участниками делиберации на публичных собраниях, в которых могут принять участие все заинтересованные граждане.

Положительный отклик общества ускоряет процесс формирования правовых рамок проведения совещательных мероприятий. Особо пристального внимания заслуживают случаи, когда происходит создание постоянных структур делиберации, включенных в систему органов региональной и местной власти. Например, в одном из бельгийских регионов созданы постоянно действующие органы для организации и проведения совещательных собраний с участием случайно выбранных граждан. В 2019 г. в немецкоязычном сообществе Бельгии по инициативе региональных политиков при законодательном собрании субъекта были внедрены совещательные структуры, названные Восточно-бельгийская модель делиберации.

Внедренные практики делиберации выполняют базовую функцию по созданию площадки для общественной дискуссии по актуальным проблемам города, региона или страны в целом. Делиберация способствует включению граждан в политический процесс, тем самым повышает уровень доверия в обществе и обеспечивает стабильность и легитимность действующей политической системы. Именно эти положительные эффекты делиберации и адаптивность практик способствуют расширению областей применения данной модели, а легкость интеграции в политическую систему ряда европейских государств пробуждает интерес не только теоретиков, но и практиков к проблеме.

Занетти Д.
(Москва, РУДН)

ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ НЕ СПОСОБНЫ ОБЪЯСНИТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЫНЕШНЕГО МИРА

Нынешний мир переживает системную трансформацию, т.е. период радикальной реорганизации мировой системы. Системная трансформация выражается, в частности, в том, что в течение нескольких десятилетий появляется ряд стран, политика которых не поддается точному описанию в рамках традиционных теорий либерализма и реализма. Такое неточное описание касается как политических, так и экономических утверждений этих теорий.

Центральное политическое утверждение либерализма состоит в том, что ограничение суверенитета государства путем внутренних (установление демократии; Doyle 1986) или внешних (участие в международных организациях; Кофане — Нье 1977) ограничений является необходимым фактором для снижения степени насилия в международных отношениях. Реализм в этом еще более категоричен, поскольку считает, что насилие в мировой системе никоим образом не может быть уменьшено, и поэтому предписывает государствам максимально защищать свой суверенитет в условиях неизбежного мирового соперничества (Hobbes 1996). Однако сегодня появляются страны, которые дорожат своим суверенитетом и в то же время склонны не вмешиваться во внутренние дела других государств и мирно относиться к тем странам, которые ведут себя так же (Россия и Китай — два особенно показательных примера).

В экономике эти две теории еще менее различаются. Защищая свободу рынка от корректирующих действий государства, либерализм фактически утверждает стабильность тех экономических систем, в которых отдельные предприниматели и крупные предприятия имеют право угнетать рабочих и малые предприятия (Polanyi 1957). В свою очередь, отстаивая неизбежность межгосударственного соперничества, реализм заявляет о необходимости развития военной промышленности, даже в ущерб социальной справедливости, во имя могущества нации. Вопреки таким предсказаниям и заветам, сегодня западный мир осуществляет политику, направленную на защиту не капитала, а труда, на ограничение защищаемой либерализмом свободы рынка и на защиту отвергнутой реализмом социальной справедливости (Россия и Китай являются двумя яркими примерами и с этой точки зрения).

Проблемы традиционных теорий заключаются в том, что они интерпретируют социальные факты с ограниченной точки зрения, потому что они ставят в основу анализа переменные, обладающие низкой эвристической способностью, т.е. чисто формальные переменные, которые не влияют на конкретное структурирование общества и которые, как таковые, слабо позволяют понять, как общество действительно функционирует.

В основе того или иного варианта либерализма лежат две формальные переменные: теория демократического мира — форму правления, а либеральный институционализм — участие в международных организациях. Однако многие страны идут по одному политическому курсу и в то же время различаются в форме правления (Россия — демократия, а Китай — более жесткая система); более того, многие страны, которые никак нельзя назвать либеральными, участвуют во многочисленных международных организациях или даже основывают их (ЕАЭС, ШОС и т.д.). Это означает, что не существует соотношения между формой правления и участием в международных организациях, с одной стороны, и политическим курсом страны, с другой.

Реализм, с другой стороны, ставит во главу угла «полярность» межгосударственной системы. Его разные варианты по-разному видят стабильное распределение сил: одни — в однополярном устройстве (Wohlforth 1999), другие — в биполярном (Waltz 1964), третьи — в многополярном (Hoffmann 1961). Конечно, нынешний мир движется к форме многополярности, но межгосударственные отношения, возникающие в незападном мире, основаны на уважении принципа взаимного невмешательства во внутренние дела, что радикально отличает их от межгосударственных отношений, характеризовавших воинственную европейскую многополярную систему от рождения национальных государств до 1815 г.

Чтобы понять, как в действительности функционирует нынешний мир, нужно, на мой взгляд, отказаться от предпосылок либерализма и реализма, т.е. отклонить идею о том, что мир можно понять исходя из выше перечисленных концепций, и выработать теорию, основанную на более конкретном определении интересов всех социальных субъектов.

*Заславская Н.Г.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)*

ВЫБОРЫ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ КАК ФАКТОР ЕГО УСИЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО БАЛАНСА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В рамках европейского интеграционного проекта был создан наднациональный парламент, который с 1979 г. стал формироваться на основе прямых всеобщих выборов в государствах-участниках Европейских сообществ/Европейского союза. Ранее он формировался на основе национальных делегаций. Изменение процедуры формирования постепенно привело к изменениям полномочий самого Европейского парламента (ЕП), усилению его роли и трансформации институционального баланса в Европейском союзе. Рассмотрим, каким образом произошли эти изменения и почему именно выборы можно считать фактором, который способствовал усилению ЕП.

Прежде всего, следует отметить усиление законодательных полномочий Европарламента. Первые выборы проводились в условиях, когда он обладал только консультативной законодательной ролью. После избрания депутаты ЕП остались недовольны своим положением, поскольку полагали, что раз именно они напрямую представляют избирателей, то и полномочия у них должны быть соответствующими. В первом избранном ЕП оказалось много влиятельных европейских политических деятелей (А. Спинелли, Ж. Делор, С. Вейл). В результате Европарламент стал платформой для обсуждения институциональной реформы, которая должна была наделить ЕП полномочиями близкими к полномочиям национальных парламента. Постепенно давление Европарламента привело к расширению законодательных компетенций, он стал со-законодателем вместе с Советом ЕС, что означало существенную трансформацию баланса между институтами ЕС.

Выборы в Европейский парламент проводятся по партийным спискам, что способствовало активизации взаимодействия между национальными партиями. Конечно, национальные партии разных стран и до проведения выборов сотрудничали в рамках ЕП, формировали свои политические группы, но необходимости координировать свои действия за пределами ЕП у них не было. Решение о проведении выборов потребовало согласования общих предвыборных программ и привело к формированию в начале партийных федераций, а затем и наднациональных партий, называющихся европейскими. Действующие в настоящее время европейские партии отражают все основные идеологии и разнообразные взгляды на европейскую интеграцию. Надо отметить влияние европейских партий, они не только координируют действия своих сторонников в Европарламенте, но и в других институтах ЕС, например, в Совете ЕС, что также влияет на существующий институциональный баланс.

Еще одним важным направлением усиления Европарламента стало изменение процедуры формирования Европейской комиссии (ЕК). Европарламент получил право одобрять председателя Комиссии, комитеты ЕП начали приглашать на свои заседания потенциальных комиссаров, Европарламент также получил возможность утверждать весь состав Комиссии. Но прямой связи между составом Комиссии и выборами в ЕП не существовало до Лиссабонского договора, в котором появилось положение о том, что результаты выборов в ЕП должны учитываться при формировании Еврокомиссии. Европейские партии стали организовывать предварительные внутрипартийные выборы с целью определить своего кандидата на должность председателя ЕК. Предполагалось, что председателем Еврокомиссии станет кандидат от партии, получившей большинство на выборах. В 2014 г. эта логика была успешно реализована. Ж.К. Юнкер, кандидат от партии, выигравшей выборы, стал председателем Еврокомиссии. Но в 2019 г. кандидатура М. Вебера, лидера победившей на выборах партии, вызвала споры среди государств ЕС, тогда в качестве компромисса предложили кандидата от той же партии (У. фон дер Ляйен). Но ее ведь на партийном уровне не избирали. Система оказалась нарушена. В 2024 г. кандидат выигравшей партии был одобрен представителями государств и Европарламентом, процедуру удалось сохранить. Влияние ЕП и его партийного состава на формировании Еврокомиссии безусловно усилилось, но кризис 2019 г. оставляет сомнения, получится Европарламенту и дальше сохранять это влияние.

Надо отметить, что выборы в Европейский парламент зачастую описывали как «выборы второго порядка» по сравнению с национальными выборами, поскольку для них характерен меньший интерес избирателей, голосование избирателей против правящих партий, успехи малых и новых партий и т.д. Однако надо отметить, что по мере усиления Европейского парламента и его роли, отношение к нему меняется. Выборы 2019 и 2024 гг. показывают, что явка пока остается ниже, чем на национальных выборах. Но другие особенности выборов второго порядка проявляются реже и обычно в зависимости от политической ситуации в конкретном государстве. Видимо, изменение роли Европарламента влияет и на отношение избирателей к выборам.

Таким образом, переход на формирование Европарламента на основе выборов стал важным фактором для усиления ЕП, которому удалось укрепить свои законодательные полномочия и роль в назначении Европейской комиссии, одновременно укрепились европейские партии и значение выборов.

Захарова Е.А.
(Москва, МГИМО МИД России, ИНИОН РАН,
Финансовый университет при Правительстве РФ)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ И ПРОДВИЖЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ*

Семья является ценностью любого общества, его опорой, сердцем его жизни. Здесь формируются ценности, передаваемые из поколения в поколение, проходит социализация, в связи с чем во всех странах мира семья должны быть в центре внимания политических лидеров, заботящихся о национальных интересах. Семейные ценности — это то, что объединяет семью, это общие убеждения, принципы и правила, которые направляют поведение членов семьи и определяют их отношение к миру. Цифровые коммуникации, в свою очередь, предоставляют платформу по продвижению этих ценностей и формированию у молодого поколения положительного образа семьи, причем она будет пользоваться популярностью у молодежи, поскольку, согласно опросу ВЦИОМ¹, 18% молодых людей выбрали социальные сети в качестве хобби.

При выстраивании стратегической коммуникации следует помнить, во-первых, о целевой аудитории, в данном случае — молодые люди, во-вторых, о содержании сообщения, которое необходимо донести, в данном случае — ценность семьи как таковой и необходимость ее создания. Согласно теории обработки информации, необходимо донести сообщение адресату в понятной ему форме, чтобы он его не только заметил, но и понял, а также был убежден предлагаемыми аргументами, изменил свой взгляд на вопрос и, в итоге, изменил свое поведение в необходимом ключе.

Исходя из такой постановки задачи видится рациональным задействование основных каналов цифровой коммуникации, как социальные сети, таргетированная реклама, подкасты для продвижения позитивного образа семьи в сознании российской молодежи. Здесь, однако, отметим необходимость не переусердствовать, поскольку можно получить обратный эффект и оттолкнуть молодых

* Тезисы подготовлены в рамках реализации научного проекта «Инструменты повышения эффективности государственной политики по продвижению ценности семьи в студенческой цифровой среде» (гос. номер 124101700550-4), выполняемого в ИНИОН РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ.

¹ Увлечение молодежи-2024. ВЦИОМ. 2024. 10 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-uvlechenija-molodezhi-2024> (дата обращения: 22.09.2024).

людей от идей создания семьи, особенно если представляемый нарратив будет излишне вычурен и неестественен.

Как видится, привлечение значимых блогеров, публичных фигур, звезд шоу-бизнеса может сделать идею создания семьи трендом (например, можно привлечь к продвижению семейных ценностей историю фигуристки А. Игнатовой, которая на настоящий момент акцентирует внимание СМИ на новой фамилии после изменения своего социального статуса). Учитывая, что молодежь может столкнуться со сложностями при налаживании быта, имеет смысл создавать контент, в котором показываются различные ежедневные ситуации и варианты их разрешения, что будет способствовать сохранению ячейки общества. Кроме того, предлагается романтизировать семейную жизнь в противовес ее демонизации, например, через демонстрацию семейных праздников, совместных походов на различные мероприятия, взаимопомощь членов семьи.

Отдельным сегментом может стать контент, направленный на создание «ламповых» воспоминаний о детстве самой целевой аудитории. Как представляется, немаловажным будет и демонстрация так называемых «историй успеха», когда человек смог достичь до славы не в одиночку, а при поддержке своей семьи, с акцентом на том факте, что все достигнутое было сделано ради благополучия семьи и государства, а не личного обогащения. Продвижение такого сегмента оправдано тем, что, согласно исследованию ФОМ¹, современная молодежь в большинстве своем ставит перед собой цели, которые стремятся достичь, причем эти цели сопряжены с достижением материального благополучия, достойной работой и карьерой.

Еще одним аспектом может быть работа с молодыми стенд-аперами, которые могут выстраивать выступление на курьезных ситуациях семейной жизни, которые, однако, беззлобны и мотивируют молодежь к мимикрии, подталкивают их к приобретению подобного кумирам опыта.

Таким образом, использование блогосферы, стенд-апов, а также социальных сетей является одним из инструментов продвижения позитивного образа семьи и семейных ценностей, подталкивающих молодежь к подражанию опыту своих кумиров. Коммуникационные стратегии же, в свою очередь, позволяют наладить эффективные каналы взаимодействия по донесению идеи и превращению ее в тренд.

Зверев А.Л.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, РГГУ)

СПЕЦИФИКА ИМИДЖЕВОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ЛИДЕРОВ ПАРЛАМЕНТСКИХ ФРАКЦИЙ В РОССИЙСКОМ МЕДИЙНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Современная цифровая медиа-реальность расширяет возможности для формирования имиджа политика: разнообразные виды контента, различные варианты непосредственной коммуникации с разными группами электората, быстрый охват большего количества актуальных для политика социальных и возрастных групп. При этом складывающаяся реальность сегодня такова, что все больше людей предпочитают узнавать текущие новости в Интернете, чем наблюдать за ними через традиционные медиа. В этой связи печатные СМИ позволяют лишь определить общее направление имиджевой стратегии позиционирования лидеров парламентских фракций действующих в России политических партий, тогда как потенциал цифровых платформ позволяет найти удобный для отдельных электоральных групп формат взаимодействия с политиками, а им, в свою очередь, оценить уровень вовлеченности каждой платформы ее пользователей и, как следствие, выработать оптимальную для конкретной платформы коммуникативную стратегию позиционирования для повышения популярности политика-лидера парламентской фракции.

Текущие исследования кафедры социологии и психологии политики МГУ показывают разную степень вовлеченности лидеров парламентских фракций в интерактивную среду современной интернет-коммуникации. Так, В.А. Васильев не ведет свою личную страницу и в группах «Единой России» проявляет низкую сетевую активность. При этом, можно констатировать, что у него нет собственного сетевого имиджа, а, скорее, он отображается как часть виртуального образа «партии власти» в отечественных социальных сетях. Г.А. Зюганов также ведет свою цифровую медиа-коммуникацию в социальных сетях в строгой привязке к имеющемуся цифровому имиджу КППРФ. Он представлен в ней как защитник интересов Коммунистической партии в Государственной Думе РФ, о чем свидетельствуют материалы в его личном блоге. Сетевая страница С.М. Миронова из «Справедливой России» в VK, наоборот, пользуется большей популярностью, чем сообщество его партии в данной социальной сети. В этом личном блоге политик формирует имидж «лидера-агитатора», он постоянно комментирует

¹ Современная молодежь. Чем современная молодежь отличается от старшего поколения? ФОМ. 05 июля. 2024. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15039> (дата обращения: 22.09.2024).

последние новости и даже допускает критику действующей власти, поддерживая имидж лидера одной из оппозиционных парламентских партий. Л.В. Слуцкий за два года лидерства в ЛДПР добился популярности собственной страницы в VK в правильном с коммерческой точки зрения позиционировании своего имиджа как эксперта в сфере внешней политики современной России, в которой представлен как «лидер-торговец». Наконец, А.Г. Нечаева, руководителя фракции «Новые люди», также по его сетевой активности можно отнести к «лидерам-торговцам», но его публикации постов на той платформе VK заметно уступают тому же Л.В. Слуцкому или С.М. Миронову. Также стоит отметить, что чаще всего пользователи социальных сетей цитируют посты в них Л.В. Слуцкого из ЛДПР, а реже среди остальных лидеров парламентских фракций, цитируют посты Г.А. Зюганова из КПРФ, а В.А. Васильев («Единой России») не имеет сетевой активности¹.

Таким образом, в современных реалиях быстрого развития цифровых медиаканалов массовой коммуникации, которые предоставляют значительно больше, чем традиционные медиа, возможностей для формирования имиджа политика — лидера парламентской фракции, пока слабо используются всеми парламентскими партиями накануне предстоящих выборов в Госдуму в 2026 г. Имеющийся контент на различных цифровых платформах указывает на то, что позиционирование в них не отличается разнообразием и привязкой к специфике функционирования алгоритма конкретной социальной сети, тем самым показывая, что пока парламентские партии лишь обозначают свое присутствие в них, а не имеют продуманной коммуникативной стратегии продвижения своих лидеров в них, с учетом имеющихся особенностей в политической коммуникации в каждой конкретной цифровой платформе.

Зиневич О.В.
(Новосибирск, НГУ)

ОБРАЩЕНИЕ К ТРАДИЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖЕНЩИН РОССИИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОШЛОЕ ИЛИ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?

Наблюдаемое в настоящее время усиление мировой турбулентности связано с кризисом идеологии глобализма — универсализации политического и социального порядков на основе либеральных ценностей с частичной утратой национального суверенитета. Опора на цивилизационную специфику национальных государств и регионов мира становится одним из ведущих трендов в международной повестке. Для России это означает отказ на уровне государственной идеологии от парадигмы догоняющей модернизации и обращение к собственным корням, традиционным ценностям, прежде всего традиционным семейным ценностям. По вопросу о традиционных семейных ценностях наблюдается консенсус между обществом и государством: по данным опроса ВЦИОМ большинство опрошенных россиян высказываются за сохранение преемственности семейных традиций в целом и традиционных семейных ценностей в частности. (Результаты опроса ВЦИОМ 2024 года. «Многодетная семья, оценка и отношение», размещенного на сайте ВЦИОМ — <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodetnaja-semja-ocenka-i-otnoshenie>.)

На фоне «растущей тревоги международного сообщества об ухудшении положения женщин и тенденции к усилению гендерного неравенства» (Шведова Н.А.) распространение в России дискурса и практик обращения к традиции для укрепления семьи выглядит как возвращение к патриархальным ценностям семейной иерархии и сужение возможностей для социальной и политической активности женщин в публичной сфере. Вместе с тем, государство поддерживает активность женщин в экономической, политической и культурной жизни российского общества и международном сотрудничестве, провозглашая сохранение ориентации на материнство. На недавно прошедшем в Санкт-Петербурге четвертом евразийском женском форуме «Женщины за укрепление доверия и глобальное сотрудничество» в документе «Архитектура деловой программы ЕЖФ-2024» отмечена двуединая миссия женщин: «от материнства до служения миру». (https://2024.eawf.cdn.rcmedia.ru/upload/programme/architecture/EAWF_2024_Programme_structure_RU_03.09.pdf?1725377189168227).

Для исследования современных реалий российского общества актуален вопрос о новом традиционализме: каким образом происходит совмещение идеологии, ориентирующий женщин на поддержание ценностей крепкой семьи и многодетности с продвижением роста активности вне рамок института семьи? Методологической основой изучения нового традиционализма может стать концепция «изобретения традиций» Эрика Хобсбаума (E. Hobsbawm), согласно которой изобретение традиций имеет место тогда, когда новые практики представляются «более древними, чем они являются на самом деле, подчеркивается их исконность и связь с народным прошлым».

¹ Цитирование постов пользователями является одним из критериев эффективности блога в социальной сети.

Обсуждаемая в докладе гипотеза заключается в следующем: идеология возвращения семейных традиций (новый традиционализм) содержит паттерны гендерного равенства, сформированные в советском государстве, что совпадает с ожиданиями большей части россиян. Согласно данным ВЦИОМ, в сознании российского человека семья и семейные ценности ассоциируются с «неподвластностью времени», «преемственностью традиций», «многодетностью». Вместе с тем, многодетность для 40% респондентов ограничивается тремя детьми, столько же предпочитают семью с двумя детьми, а традиционное патриархальное разделение ролей в семье на мужские и женские не актуальны для респондентов (воспитание детей «в равной степени» возлагается и на мать, и на отца (93%)).

В основу идеологии «нового традиционализма» положен модифицированный советский гендерный «контракт работающей матери» и, под лейблом традиционной, воспроизводится ролевая модель женщины в идеальной советской семье («сочетание профессионального труда и материнства»).

Существенным признаком идеальной семьи является гендерное равенство в приватной и публичной сферах. Облачение этой модели в одежды традиционной крепкой многодетной семьи сегодня поддерживается мечтой о стабильности и благополучии, желаемом будущем, а не отображением противоречивых реальных практик (статистика соотношения браков и разводов указывает на высокий уровень непрочности семейных отношений, а вопросы гендерного неравенства в приватной и публичной сферах обостряются).

Таким образом, новый традиционализм в семейной политике опирается на сформированный в советское время гендерный контракт «работающей матери». Этот контракт обеспечивается продвижением ценностей материнства и родительства, мерами по стимулированию рождаемости, с одной стороны, а с другой — мерами по расширению социального и политического пространства для реализации потенциала женщин вне семьи. Политика традиционализма сопровождается политикой расширения возможностей, но, в силу внутренней противоречивости, новый традиционализм имеет существенные ограничения в качестве реального инструмента сохранения крепкой семьи и достижения гендерного равенства. Скорее, он усиливает поляризацию женских стратегий жизни — от принятия патриархальных ценностей до отказа от «крепкой семьи» ради карьеры.

Зинков Н.А.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТИТУТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Современная российская молодежь является поколением переходного типа, на которое воздействует большой спектр различных традиционных и новых, национальных и глобальных, уже отмирающих и только зарождающихся факторов. В этих условиях особенно важно четко знать психологические особенности данной группы, отслеживать изменения ее представлений, предпочтений, установок и ориентации под влиянием актуального контекста. Кроме того, важно понимать, какие акторы и институты сегодня влияют на формирование гражданской позиции, социализацию, вовлечение молодежи в практике социальной активности и участвуют в политическом просвещении молодежи¹.

Сегодня у российской молодежи большое количество возможностей для активного вовлечения в практике взаимодействия с государством и обществом: при содействии органов государственной власти проводятся различные социальные, образовательные, патриотические и карьерные проекты для молодежи. Молодежь все больше вовлекается в волонтерские движения абсолютно разных направлений. С каждым годом растет поддержка гражданских и социальных инициатив молодежи².

Профессиональные сообщества играют особую роль в политической социализации и образовании молодежи. В них проходят социализацию наиболее активные представители молодежи, будущие лидеры своей сферы: «Можно также констатировать, что, несмотря на политические представления молодежи, которые были выработаны еще до вступления в политическое движение, политическая социализация в подобном рода организациях снабжает молодое поколение набором политических ценностей, формирует основные мировоззренческие понятия, такие как образ врага, образ политического мира, представления об идеальной власти и идеальной политике³.

¹ Селезнева А.В., Евгеньева Т.В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. № 3.

² Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М.: Аквилон, 2022.

³ Шестопал Е.Б. Политическая психология: Учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2002.

К сожалению, в научной литературе сегодня отсутствует определение термина «молодежное профессиональное сообщество», при этом их наличие и существенная роль как в молодежной политике, так и в профессиональных сферах не отрицается. Автор определяет молодежные профессиональные сообщества как основанные на членстве общественные объединения граждан в возрасте до 35 лет, созданные на основе общности интересов и целей в узкой профессиональной сфере. Такие сообщества являются «профессиональными полигонами» для молодых специалистов той или иной области, однако все больше они начинают выполнять роль полноценных социальных групп, которые могут влиять на политическую социализацию молодежи и участвовать в ее политическом просвещении.

В 2023 году автор провел исследование с целью выявления особенности политической социализации участников Молодежного отделения Российского общества политологов (МолРОП) и Совета молодых политологов Российской ассоциации политической науки (СМП РАПН)¹. Эмпирическую базу исследования составили материалы анкетного опроса членов Молодежного отделения Российского общества политологов и Совета молодых политологов Российской Ассоциации политической науки (n = 103), а также материалы 6 экспертных интервью, проведенных с представителями профессиональных политологических организаций, координирующих работу молодежных отделений, а также с «выпускниками» молодежных профессиональных политологических организаций среди членов Молодежных профессиональных сообществ, таких как Молодежное отделение Российского общества политологов и Совета молодых политологов СМП РАПН.

Результаты, полученные в исследовании, позволяют сделать два основных вывода. Сегодня у молодежи есть два основных запроса к профессиональным молодежным сообществам: первое — это приобретение полезных профессиональных связей, которые в будущем могут помочь карьерному и профессиональному развитию. Второе — молодежь вступает в подобные сообщества, чтобы найти свою референтную социальную группу, со схожими интересами и целями, что и у самого молодого человека.

Результаты исследования показывают, что молодежные профессиональные сообщества обладают большим потенциалом в формировании научного политического просвещения молодежи. Однако уже сейчас такие сообщества — перспективный инструмент формирования политического просвещения с точки зрения гражданского воспитания молодых людей. Такие организации — точка сборки активных ребят, которые получают как профессиональное, так и социальное развитие: находят новых единомышленников, наставников, начинают конструктивно участвовать в политической жизни страны.

Таким образом, в условиях новых цивилизационных вызовов, стоящих перед нашей страной в долгосрочной перспективе, и внутривнутриполитических задачах 2024 года молодежные профессиональные сообщества могут стать эффективным инструментом вовлечения молодежи в политическое просвещение, создания различных интеллектуальных и гражданских сообществ.

Золотарев Ф.Е.
(Венгрия, Печ, Печский университет)

СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ ВЕНГРИИ И РОССИИ К ПАРАДИПЛОМАТИИ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ НА ОСНОВЕ ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Официальная государственная дипломатия сегодня не является исключительной. Наряду с постоянными и временными послами и консулами, назначаемые профильными ведомствами, действуют негосударственные акторы, которые охватывают широкий спектр разноуровневых участников. Так, транснациональные и финансово-технологические компании ведут переговоры с национальными и региональными правительствами, общественные организации и отдельные эксперты приглашаются в международные организации для выступления с докладами, а главы поселений и городских администраций ведут посредническую деятельность в межгосударственных отношениях. Для обозначения подобной сложности и многообразия форм в академическом сообществе прибегают к термину парадипломатия.

Сама парадипломатия по своему определению означает «сосуществование наряду» с официальной, правительственной или государственной дипломатией. Нередко в подобном соседстве можно наблюдать конфликтный потенциал. Однако в последнее время стала проявляться тенденция к включению парадипломатии в общее пространство внешней политики государства. Иными словами, деятельность тех или иных негосударственных, субнациональных и транснациональных акторов ставится в положение дополнительного ресурса и инструмента государственной политики. Как следствие, уже

¹ Зинков Н.А. Молодежные профессиональные сообщества как институт политической социализации // Вопросы политологии. Выпуск 6-1(94-1), том 13, 2023, с. 2833.

существующие исследовательские поля «мягкой силы» и «публичной дипломатии» государства дополняется анализом новых сюжетов, включением нового фактического материала.

Если допускается отнесение парадипломатии к области внешней политики государства, то и на саму парадипломатию возможно распространение национальных особенностей. Отсюда открывается возможность изучения парадипломатического опыта отдельных стран, а также их сравнение и сопоставление с целью выявить общие и уникальные черты, сформировать упорядоченное представление о самом феномене. По этой причине сравнение подходов России и Венгрии к парадипломатии представляется перспективным направлением, обращение к которому позволит как систематизировать российский опыт, так и взглянуть на него через призму «альтернативной» модели одной из стран Европейского союза.

Целью данного исследования является определение подходов национальных государств относительно парадипломатии в своей международной деятельности. В качестве источников автор прибегает к рассмотрению концептуальных документов по внешней и стратегической политике стран. Обращение к подобным источникам позволяет рассмотреть нормативно-правовое и отчасти юридическое измерение парадипломатической деятельности, систематизировать их в рамках внешней политики страны.

Отдельное внимание будет уделено рассмотрению парадипломатической практики в контексте российско-венгерских отношений. Двусторонние отношения стран прошли несколько значимых этапов и имели уникальные особенности, что также повлияло на трансформацию подходов к парадипломатии. Анализ частных кейсов как взаимодействия между городами и регионами двух стран, так и асимметричных контактов субъектов Российской Федерации с профильными министерствами Венгрии позволит полнее раскрыть отношение к исследуемому феномену.

Зорин В.А.
(Челябинск, ЧелГУ)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

В своем обращении к участникам V Съезда Российского общества политологов от 09.02.2024 года Президент России В.В. Путин отметил в качестве важнейшей задачи для профессионального сообщества политологов «совершенствование гуманитарного образования и просвещения». Такая постановка вопроса, безусловно, связана с необходимостью выполнения задач, предусмотренных Указом Президента РФ № 809, и направлена на формирование государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Политическая сфера общественной жизни требует особого внимания. Не секрет, что начиная с 1990-х годов в нашей стране осуществлялась попытка рецепции западной модели политологического образования. Сами по себе знания и представления о политике, как правило, концептуализировались в логике либерально-демократической прозападной европоцентричной парадигмы.

Учитывая сказанное выше, полагаем, что в настоящее время актуальными являются задачи по совершенствованию государственной политики в сферах политического образования и политического просвещения.

Под первым в наиболее обобщенном смысле понимается процесс подготовки профессиональных кадров, вовлеченных в политический процесс в таких ролях, как управленцы, исследователи, специалисты по социальным коммуникациям.

Политическое просвещение как вид деятельности и как направление государственной политики, в свою очередь, имеет другую целевую аудиторию и направлено на самый широкий круг граждан, в первую очередь, на молодежь. Его целеполагание связано не только с информированием о политических явлениях и событиях, но и с укреплением в массовом сознании молодежи ценностно-мировоззренческих позиций, когерентных принципам цивилизационного выбора России. В качестве примера такой работы на современном этапе можно привести проекты Российского общества «Знание» и иных общественных организаций.

Таким образом, актуальность обсуждаемого направления исследований обусловлена не только необходимостью профессионального ответа на задачи и вызовы, сформированные на уровне государственной политики, но и имеет фундаментальную научную основу, связанную с поиском концеп-

---

* Результаты комплексного теоретического и эмпирического исследования будут отражены в публикациях, подготовленных в рамках работы научного коллектива Лаборатории экспериментальных политико-психологических исследований Челябинского государственного университета по государственному заданию от 05.08.2024 № 075-00187-24-04.

туальных оснований и анализом имеющегося в России и других странах опыта реализации образовательных и просветительских проектов в сфере политики.

Теоретико-методологические основы понимания сущности и механизмов политического просвещения исторически формировались в рамках двух принципиально отличных друг от друга политико-философских концепций, корни которых связаны с теоретическим наследием выдающихся мыслителей эпохи Просвещения Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо.

В самом общем виде принципиальное различие этих подходов состоит в том, что первый видит основную задачу политико-просветительской деятельности в укреплении государственного начала и обеспечении стабильности функционирования жизненно важных для общественного организма структур. В то же время альтернативный подход ставит во главу угла проблему формирования нравственной основы добродетельного поведения в политической сфере и определенной системы ценностей в сознании молодежи, что дает возможность обеспечивать движение общества в направлении конвенционального общественного идеала.

Научный подход к обозначенному выше проблемному полю требует проведения эмпирического исследования, результаты которого позволят разграничить смысловые области, связанные с понятиями «политическое образование», «политическое просвещение» и иными смежными категориями, а также дать оценку сформированных подходов к организации соответствующей деятельности и к определению перспектив ее развития в контексте задач, стоящих перед нашей страной на современном этапе исторического развития.

Зрянин Д. С.
(Москва, РУДН)

ФОРМИРОВАНИЕ КОНТУРОВ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН–УЧАСТНИЦ БРИКС В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Полицентризм в политической структуре мира предполагает наличие географически обусловленных центров силы с высоким уровнем компетенции в военно-политической, экономической, технологической, дипломатической и культурной сферах. Экономическая составляющая зависима от транспортной связанности региона, последняя — не достижима без доступа к технологиям и ресурсам, внутренним и внешним. Политическая составляющая позволяет оценить, привлечь и реализовать дополнительные возможности, доступные на уровне отраслевых институтов акторов.

Комплексная программа развития авиационной отрасли РФ до 2030 года в условиях санкционного давления предусматривает производство значительного количества среднемагистральных и региональных воздушных судов, а также разрабатываемых для них двигателей в сжатые сроки на отечественной технологической базе, однако темпы пополнения флота эксплуатантов в значительной степени зависят от хода и результатов летных испытаний авиационной техники в условиях высоких требований к обеспечению ее безопасной эксплуатации для начала серийного производства.

Постепенный и неизбежный процесс вывода дальнемагистральных широкофюзеляжных иностранных воздушных судов из флота российских эксплуатантов впоследствии может привести к возникновению ситуации, при которой новые отечественные региональные и среднемагистральные узкофюзеляжные воздушные суда будут сконцентрированы на внутренних воздушных линиях средней протяженности, что повлечет необходимость обеспечения перевозок на дальнемагистральных маршрутах с выполнением технических посадок. В результате возникнут затраты на обслуживание пассажиров и авиационной техники в пункте транзита, дополнительные факторы в виде метеоусловий, задержек вылета.

Временным решением восполнения потенциально возможного дефицита провозных емкостей в период его возникновения может служить допуск на российский рынок иностранных перевозчиков, выполняющих полеты на широкофюзеляжных ВС на внутренних дальнемагистральных маршрутах на конкурсной основе с привлечением российских экипажей. Менее рискованным шагом для отечественного рынка авиаперевозок может стать отмена паритета по частотам с допуском на международные маршруты с высоким спросом: на рейсах, фактически выполняемых иностранными перевозчиками могут быть закреплены провозные емкости, предоставленные российскими авиакомпаниями для их реализации.

Подобные меры позволят исключить риски выпуска на воздушные линии «сырой» авиационной продукции, позволят сосредоточить усилия государства по обеспечению технологического суверенитета в процессе подготовки новых типов ВС к вводу в эксплуатацию.

Для реализации провозных емкостей авиакомпании используют существующие международные отраслевые платформы, доступ к которым теперь закрыт в том числе и для иностранных авиакомпаний-партнеров российских авиаперевозчиков при взаимодействии с ними.

Блокирование доступа к международной финансовой системе взаиморасчетов продемонстрировало уязвимое место участников авиационной отрасли при использовании инструментов международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА) со штаб-квартирой в Канаде (г. Монреаль). Ограничения в работе таких программных решений ассоциации коснулись отечественных эксплуатантов, оказав значительное влияние на их способность осуществлять взаиморасчеты с клиентами, интерлайн-партнерами и зарубежными поставщиками авиационных услуг, привели к неопределенности и сокращению уровня сотрудничества при использовании отраслевых программных решений, в основу которых был заложен принцип обмена финансовыми сообщениями с использованием международной системы взаиморасчетов, используемой банками-партнерами ассоциации.

Формирование новых институтов для целей международного взаимодействия эксплуатантов воздушного транспорта приобретает актуальность в рамках расширения инициатив стран—участниц БРИКС. Технологическим фундаментом отраслевого объединения эксплуатантов воздушного транспорта может стать международная система взаиморасчетов, доступ к инструментам которой может позволить авиакомпаниям взаимодействовать, реализуя взаиморасчеты на основе прозрачных многосторонних соглашений, обеспеченных взаимными финансовыми гарантиями.

Зубов В.В.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЙНО-ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАХ ЦЕННОСТНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В ноябре 2022 года Президентом Российской Федерации были установлены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые положили начало ценностно ориентированному политическому курсу на территории нашей страны. Предлагаемые ко всесторонней правовой, политической и общественной защите традиционные ценности можно разделить на идеалы общечеловеческого, гуманитарного, гражданского и коммунарного порядков.

В контексте артикуляции ценностного фундамента интересным и требующим глубокого осмысления представляется синтез в рамках категории традиционных ценностей, казалось бы, разнонаправленных идеалов, относящихся к различным, а во многом диаметрально противоположным, мировоззренческим парадигмам. Предлагаемое соединение коллективизма с уважением к правам человека позволяет, на первый взгляд, определить конструкт традиционных ценностей как бриколаж позитивно воспринимаемых этических императивов, объединяемых на прагматической основе общественного одобрения. Однако в действительности за отмеченными идейно-нравственными ориентациями, образующими каркас традиционного миропонимания, кроются не только абстрактные метафизические референции, но и глубокие исторические основания становления и развития российской цивилизации.

Считаем, что магистральным направлением и вектором бытийности российской цивилизации выступает дуализм двух полярных ценностных систем — условно западной и восточной, которые подвергались рецепции в отечественную духовную и политическую культуру по причине разнонаправленности внешнеполитического курса. Сложность последнего детерминировалась уникальным географическим положением центральной европейской части страны (исконно русских территорий до расширения России в сторону Сибири и Дальнего Востока), которое позволяло выступать в роли демпфера между Европой и Азией и запускать процесс культурной диффузии по обеим сторонам евразийского континента.

Христианизация по восточноевропейскому образцу сказалась на заимствовании этатистской системы отношений между государством и подконтрольным населением, что предопределило сакрализацию верховной власти и возведение коммуникативного барьера между разноуровневыми субъектами властных отношений.

В то же время отсутствие систематизированных и упорядоченных контактов между государством и обществом становилось почвой для зарождения глубинного и во многом стихийного пласта российской культуры, основанного на воспроизводстве представлений об этической обоснованности и добродетельности социального устройства, которые в развернутом виде выражены Президентом как достоинство, справедливость, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие и коллективизм.

Культивирование в недрах народного сознания последних ценностей при слабом уровне институциональных связей между субъектом и объектами властеотношений во многом объясняет наблюдавшиеся на протяжении российской истории всплески массового народного недовольства, которые,

казалось бы, контрастируют с вытекающими из этатистской политической культуры послушания и непротивления.

С другой стороны, драйвером модернизационных преобразований становились западноевропейские догматы законности (ограниченности верховной власти правовыми установлениями, даже теми, творцом которых является сама власть), институционализации (укреплении и кристаллизации актуальных форматов социально-политических отношений) политических процессов и уважения к уникальным качествам каждого члена социума (что вылилось в доктрину прав человека). Причем рецепции европейских стандартов политического устройства сопутствовали широкие контакты высшего руководства с западным миром («окно в Европу», «просвещенный абсолютизм» и пр.).

Таким образом, можем заключить, что идейно-философские основы укрепляющегося ценностно ориентированного курса в нашей стране покоятся на имманентном российскому цивилизационному становлению дуализме. Основой амбивалентности традиционных ценностей является пройденный Россией исторический путь, который во многом сопряжен с попытками установления европейской модели сверху при сохранении в недрах глубинного народного сознания культивирования идеалов справедливости и добропорядочности политического курса.

Зудин А.Ю.
(Москва, МГИМО МИД России)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ 21 ВЕКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИДЕРОВ В СТРАНАХ ЗАПАДА

Представленный доклад продолжает исследование автора по теме «Трансформация акторов публичной политики в странах Запада». На первом этапе исследования, результаты которого были представлены на Всероссийской конференции РАПН в декабре 2022 г. («Назад к истокам? Кризис публичной политики в странах Запада»), были определены основные категории политических акторов классического типа; выделены «большие циклы» в развитии публичной политики; предложены показатели для оценки дееспособности политических акторов; проанализировано изменение конфигурации акторов публичной политики, связанное с появлением активных участников нового типа; установлено снижение дееспособности «классических акторов»; выявлены изменения в лексиконе социальных наук, в связи с попытками осмысления изменений в механизме формирования публичной политики.

В настоящем докладе основное внимание уделено наиболее известной разновидности политических акторов — политическим лидерам классического типа, конкретным воплощением которых выступают знакомые персонажи политической сцены — президенты, премьеры, лидеры политических партий, руководители групп интересов и движений. В данном вопросе автор отказывается от «натуралистического» подхода, который предполагает отождествление политического лидера с физическим лицом. Это позволяет рассматривать политических лидеров как особое «композитное» образование (синтез персонально интегрированных политических компетенций + команда) и анализировать их в одном ряду с другими коллективными акторами.

В докладе проанализированы основные тренды в развитии политических лидеров классического типа во втором и третьем цикле публичной политики, а именно: феномен «имперского президентства» в США, «президентциализация» премьер-министров в парламентских системах Европы и других стран, снижение подотчетности глав исполнительной власти национальным парламентам, «президентциализация» руководства политических партий (включая оппозиционные), повсеместная «персонализация» политического лидерства вне зависимости от типа возглавляемой организации (вместе с сопутствующими медиатизацией, виртуализацией и сетевизацией), усложнение источников рекрутирования (продолжающаяся «профессионализация» vs. расширение притока неполитических элит), существенные сдвиги в составе «команд» политических лидеров, изменение карьерных траекторий политических лидеров, связанные с более ранним завершением политической деятельности.

Показано, что трансформация классических лидеров на Западе порождает противоречивые эффекты. С одной стороны, во втором и, особенно, в третьем цикле публичной политики происходит превращение классических лидеров в ведущий тип акторов публичной политики, что сопровождается перемещением на вторые роли акторов других типов. С другой стороны, это сопровождается ослаблением показателей, определяющих дееспособность классических лидеров в качестве политических акторов, — обладание отчетливой идентичностью, способностью к самостоятельному целеполаганию и контролю над средствами целедостижения.

Идентичность политических лидеров стран Запада становится менее отчетливой, более сложной и противоречивой. Снизилась самоидентификация со странами, в которых они занимают центральные позиции, с организациями, которые возглавляют, а также с политической деятельностью как особой

профессией. Политические идеологии (за исключением неолиберальной), как и ценности «иудейско-христианской» традиции, утратили роль маркеров идентичности. И наоборот, укрепились политико-психологические связи, порожденные членством в глобальных альянсах с государством-гегемоном и космополитическом сообществе транснациональных элит.

Способность классических лидеров к самостоятельному целеполаганию снижается. Традиционные партийно-политические идеологии, а затем и ценности христианской цивилизации, ранее составлявшие основу мировоззрения политических лидеров, утрачивают способность задавать ориентиры и подсказывать ответы. Они замещаются прикладным социальным знанием, в своей основе — позитивистским, претендующим на универсальность и свободу от ценностей. Возникает новая доктринальная зависимость. Целеполагание глобальных элит и национальных политиков все больше сводится к изысканию различных способов применения универсалистского социального знания, вариации деталей и оттенков в рамках «генерального направления», предзаданного неолиберальной идеологией.

Но личная популярность не перерастает в «харизму». «Политическое предпринимательство», которое получает широкое распространение, преимущественно выражается в геополитических авантюрах и быстром создании недолговечных новых партий и движений во внутренней политике. В политических коммуникациях утверждается «стилистический популизм», происходит сдвиг от диалога с целевыми аудиториями, способствующего выявлению предпочтений, — к манипуляции и индоктринации. Управление государством переводится в режиме «постоянной избирательной кампании», а выборы начинают походить на геополитический референдум. Аппарат средств целедостижения становится все более персоналистским и сложным, но все менее подконтрольным лидерам, которых он призван обслуживать. Индивидуальный политический стиль все меньше несет на себе отпечаток реальной личности, он все больше конструируется специалистами-экспертами, которые постоянно его окружают. Возросшая автономия от партий и правительственной бюрократии сочетается с усилением зависимости от многочисленных специалистов и неформальных (часто — теневых) сетей.

Зуляр Ю.А.
(Иркутск, ИГУ)

НАСКОЛЬКО БЕЗАЛЬТЕРНАТИВЕН ПОВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК?

Сегодня глобальный мир находится в состоянии очередной трансформации, которая определит его конфигурацию на десятилетия. С точки зрения интересов Российской Федерации, происходит жесткое противостояние между нею и коллективным Западом, готовое в любой момент перерасти в фазу вооруженного столкновения. Противоречия между Россией и странами блока НАТО становятся острее и глубже.

В этих условиях РФ вынуждена менять свою традиционную ориентацию на Запад, на расширение и углубление отношений со странами Востока и Юга. Приходится искать новые рынки сбыта товаров традиционного экспорта, и партнеров для получения товаров сферы высоких технологий, станков и оборудования. В этом же направлении развивается сфера туризма и культурное взаимодействие, там же руководство страны ищет союзников, взаимопонимания и дипломатической поддержки.

Это противостояние со странами коллективного Запада не является новацией в истории России, она периодически воевала с некоторыми из них, а в период Холодной войны, находясь в конкурентном противодействии, вела прокси-войны. Периодически наступали периоды потепления и нормальных межгосударственных отношений. Правящий класс и значительная часть населения России считали ее страной, принадлежащей к западной цивилизации, и зачастую неизбирательно усваивали ее культуру, технологию и образ жизни.

В свою очередь правящий и интеллектуальный классы большинства стран коллективного Запада не относят Россию к европейской и западной цивилизациям. В лучшем случае ее считают евразийским государством, а в худшем — азиатской страной. Эта позиция обусловлена не объективными параметрами, а политико-идеологической традицией. Россия с точки зрения европейских стратегов рассматривалась как потенциальный объект грабежа природных и трудовых ресурсов.

При этом ряд российских государственных деятелей, представителей творческой и научной элит, общественные деятели и просто здравомыслящие граждане считали такое положение ненормальным. Однако Европа, а затем и США являлись мировыми центрами науки, техники и культуры, поэтому у России не было выбора в геополитической и культурной ориентации.

СССР представлял собой альтернативную модель исторического развития для многих стран планеты. Именно это обстоятельство сделало Россию идейно-политическим и цивилизационным врагом западной цивилизации, посягнувшим на ее господство и монополию. Осознание элитами

коллективного Запада этого факта и определило его стратегию, не подверженную пересмотру и изменению. Определение России как вечного врага сделало данную стратегию безвременной и безграничной.

Когда Советский Союз распался и руководство новой России объявило себя сторонником либеральной идеологии и западного образа жизни, у российского правящего класса возобладало мнение, что непримиримая ненависть западных элит к России — в прошлом. Отрезвление наступило быстро — после уничтожения Югославии войсками НАТО. Однако политическая инерция и неготовность к резкой смене курса почти на десятилетие отсрочили понимание необходимости и неизбежности этого процесса.

Западный вектор сменился многовекторностью и надеждой на возможность относительно самостоятельного и спокойного существования. Возможность и необходимость ускоренного и самостоятельного развития еще не рассматривалась в качестве стратегического курса. Агрессия Грузии против Северной Осетии и российских миротворцев стала первой проксивойной коллективного Запада и, прежде всего, США против России. Она в значительной мере усилила позиции патриотически настроенной части российского правящего класса и заставила переосмыслить внешнеполитическую доктрину страны.

Агрессивная экономическая и милитаристская составляющая политики ведущих западных держав, сопровождаемая убаюкивающими пассажами ряда европейских и американских государственных деятелей, заставили руководство РФ перейти к стратегии и реальной практике активной обороны. Осязаемым результатом нового курса стало возвращение Крыма в состав РФ в 2014 г. Благодаря этому успеху, на повестку дня была поставлена задача возвращения Российской Федерации ее национального суверенитета, начался отказ от западного курса и поиск его альтернативы.

Публичный отказ правящих элит коллективного Запада признать право России на ведение самостоятельной национальной политики лишил российский политический класс последних иллюзий и не оставил ему никакого выбора. Россию вынудили начать переход на новый курс, условно именуемый «Поворотом на Восток».

Этот переход является вынужденной и нежелательной политикой, у которой пока нет альтернативы. Он не обсуждается, вопрос в другом — будет ли этот поворот тотальным и долговременным. Пытаться отвечать на этот вопрос сегодня — дело неблагодарное и ненаучное. Покажет время. Но ясно, что прежде необходимо ответить на другой вопрос — хотят ли российский правящий класс, бизнес и общество этого поворота, и главное, готовы ли они к нему.

Зуляр Р.Ю.
(Иркутск, ИГУ)

МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ИЗ СИБИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Миграция молодежи из Сибири в XXI в. представляет собой сложное социально-политическое явление с серьезными последствиями как для развития региона, так и страны в целом. По данным Иркутскстата, 80% уезжающих это преимущественно молодежь в возрасте от 18 до 30; следующая крупная мигрирующая группа находится в возрасте 30–45 лет, что свидетельствует о выездной активности наиболее продуктивной части населения. Отмечается т. н. «западный дрейф», точками притяжения выступают ЦФО, СЗФО, ЮФО; среди городов это Москва, Санкт-Петербург; Краснодарский край. Лишь Красноярский край и Новосибирская область сохраняют относительно стабильную численность, однако они также становятся «пунктами притяжения» молодежи из других сибирских регионов. В ситуации изменения политического и экономического курса разворота на Восток данная тенденция является стратегическим внешнеполитическим риском для страны и снижает экономический потенциал СФО.

Причины данного процесса разнообразны, но если анализировать сибирскую молодежь, то наиболее важными является следующие. Во-первых, это образовательная миграция. Если введение ЕГЭ ставило целью достижение доступности высшего образования для всей страны, то побочным фактором выступает «вымывание» обучающихся набравших высокие баллы на итоговом экзамене. При этом незначительная часть молодежи после обучения возвращается на малую родину, отчасти это связано с возможными проблемами трудоустройства. Открытие новых специальностей в сибирских вузах не решает данной проблемы, если отсутствуют возможности для прохождения практики и последующего трудоустройства.

Второй проблемой является трудовая миграция, и при этом образование молодой человек может получить в сибирских вузах. Современный рынок труда в Сибири характеризуется ориентацией на отрасли добывающей и перерабатывающей промышленности, что обуславливает высокий спрос на спе-

циалистов в области логистики, вождения транспортных средств, а также рабочих профессий. Однако, несмотря на наличие большого количества вакансий в данных сферах, они не всегда привлекают внимание молодежи.

Также важным фактором является жилищная проблема. Молодые люди, рожденные в Сибири, часто не могут позволить себе самостоятельное жилье. А покидая родительский дом, выбирают более комфортные для жизни города, которые становятся стартовыми площадками для карьерного роста и улучшения жилищных условий.

Мы тут можем наблюдать и следующую миграционную траекторию: молодежь уезжает из ДФО (Республика Бурятия, Забайкальский край, Якутия и др.) в СФО (Новосибирск, Иркутск, Томск, Красноярск и др.) и, получив образование, переезжает на постоянные места жительства в западную часть страны (вопрос миграции из страны не стоит в задачах исследования).

Помимо названных причин также перечислим: низкий уровень жизни, отсутствие явных перспектив и возможностей самореализации, низкий комфорт жизни, тяжелые климатические условия, культурные аспекты (ограниченный досуг), сложности с медицинским обслуживанием и пр.

Имеющиеся программы развития Сибири не предлагают устранения межрегионального неравенства. Утвержденная в 2023 г. Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г. содержит четыре упоминания о молодежи: поддержка молодых семей, улучшение жилищных условий, поддержка талантливой молодежи, профессиональное мастерство. Но никаких значимых проектов реализации плана Стратегии за последний год не было реализовано. Здесь представляется уместным упомянуть опыт СССР, где также существовала проблема оттока молодежи, но существовал ряд комплексных программ (предоставление жилья, льгот, развитие инфраструктуры с наличием рабочих мест с достойной зарплатой и перспективами карьерного роста).

В принятой в 2024 г. Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. проблема миграции молодежи обозначена — «сокращение доли молодежи в составе населения субъектов Российской Федерации с высоким экономическим потенциалом, отток молодежи с сельских территорий и концентрация молодежи в крупных городах Центрального федерального округа, дефицит молодежи в Сибирском, Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах, Арктической зоне Российской Федерации», но не предложены какие-то специальные меры для региона.

Опыт прошлого, когда существовали комплексные решения по повышению качества жизни, демонстрирует необходимость активных действий со стороны государства. Резюмируя, мы видим наличие нерешенной проблемы, но нет осознания катастрофичности последствий; очевидно, что текущие усилия по улучшению ситуации в СФО остаются недостаточными, что демонстрирует увеличивающаяся утечка кадров. Представляется, что крупный национальный проект по развитию Сибири мог бы преломить ситуацию. Без систематической и целенаправленной политики мы рискуем утратить человеческий потенциал, который является основой будущего региона и всей страны.

*Зюзина Е.Б.
(Воронеж, ВГУ)*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ «ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ»

Для современного общества характерно ускорение трансформационных процессов, поливариантность развития. Меняется мировоззрение, появляются новые нормы, ценности, что требует формирования нового научного мышления. Ведущую роль в формировании культуры общества, развитии личности играет наука и образование.

Научно-технический прогресс дает новые возможности распространения знания. В то же время современные средства массовой коммуникации способствуют распространению упрощенного знания, приспособленного к интересам «массового слушателя». Научное объяснение современного мира зачастую подменяется мифами, пропагандистскими инструментами. Общественное сознание, особенно в условиях крупномасштабных перемен, не в силах усвоить всю глубину происходящих процессов. Создаются упрощенные объяснительные конструкции, которые начинают воспроизводиться властью, транслироваться СМИ. Противовесом этому должна стать интеллектуальная элита, распространяющая научное знание как в СМИ, так и в системе образования. Особенно важную роль играет политическое просвещение.

Одна из задач политического просвещения — формирование критически мыслящей личности, способной осознанно относиться к политическим процессам, контролировать и конструктивно критиковать действия власти. Одним из школьных предметов, который способствует политической со-

циализации и политической грамотности, является «Обществознание», а именно разделы «Политика» и «Право». Изучая эти разделы, школьники знакомятся с такими понятиями, как «политическая конкуренция», «разделение властей», «альтернативные выборы», «права и обязанности гражданина» и др. Полученные знания позволяют старшеклассникам более успешно осваивать роль гражданина, избирателя, активного члена общества.

Особенности политического просвещения всегда зависели от конкретной политической ситуации в стране и мире, характера политического режима, целей и задач действующей политической элиты. Воспитание молодежи в Советском Союзе было одним из ключевых аспектов идеологической работы государства. Коммунистическая партия стремилась сформировать у молодого поколения определенные ценности, убеждения и нормы поведения, соответствующие марксистско-ленинской идеологии. И, если первоначально коммунистическое воспитание мыслилось как развитие навыков коллективизма, патриотизма, гражданственности в интересах развития молодежи, то постепенно оно превращалось в инструмент формирования верности партии, государству, власти.

На пороге перестройки были сделаны попытки изменить не только содержание, но и методические подходы к политическому просвещению. Начали открыто обсуждать проблемы прошлого, ранее замалчиваемые темы, дискутировать, высказывать разные точки зрения на те или иные события. Но наряду с открытостью и гласностью, был замечен крен в сторону идеализации западной модели политического устройства, недооценки собственных культурных и исторических особенностей.

Концепция преподавания «Обществознания» в школе сегодня подвергнута критике. Представители Минпросвещения обращают внимание на то, что она излишне ориентирована на западную модель общественного устройства. Сторонники перемен подчеркивают, что основные черты этой модели были созданы европейскими философами в XVIII веке и показали свою работоспособность в западных странах. Однако она воспроизводит типичные образцы западных обществ без учета реалий национальных цивилизаций Востока и России. Кроме того, в текстах «концепций» нет указаний на использование учителем в качестве примеров и иллюстраций российских культурных, научных и технологических достижений.

В основу обновленной Концепции предлагаются следующие мировоззренческие идеи:

- формирование представлений об уникальности Российского государства и общества;
- приверженность традиционным российским духовно-нравственным ценностям;
- практико-ориентированность обществоведческой подготовки и сокращение теоретического материала;
- сосредоточение на подготовке школьников к выбору профессий, знакомство с их известными представителями;
- усиление интегративного характера социальных дисциплин, опора на исторические, литературоведческие и другие предметные знания уже приобретенные учащимися (*Клименко А.В., Несмелова М.Л.* Концепция преподавания учебного предмета «Обществознание»: анализ и подходы к совершенствованию // Преподавание истории в школе. 2024. № 5).

Количество часов на преподавание «Обществознания» сокращено. С 1 сентября 2025 года данный школьный предмет уберут из школьной программы до 9-го класса. В российских школах теперь будут больше изучать прошлое и меньше — настоящее. Многие обществоведы забили по этому поводу тревогу и видят в нововведениях опасность «вместе с водой выплеснуть и ребёнка». Поверхностное знание теоретических основ социально-политических процессов может привести к упрощению знания, несистемности мышления школьника, а в последующем и студента. В условиях турбулентности, когда будущее человечества находится под угрозой, важной задачей является развитие и сохранение гуманистических принципов в политике, содействие росту самосознания всех участников политического процесса, ориентация политического процесса на формирование «человека политического».

РЕСУРС РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ В ОПТИМИЗАЦИИ СУВЕРЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТRENDA

Современный полицентричный мировой порядок составлен многими детерминантами, тенденциями и факторами. Они имеют разную природу и разные практические воплощения, которые осуществляют разные субъекты и акторы. Полицентризм мира сегодня определяют несколько крупных государств, однако усиление полицентризма постоянно продолжается с активизацией новых участников международной архитектуры. Реализуя свои интересы, государства, нации и народы стремятся противостоять глобалистскому воздействию и отстаивать свой суверенитет. Суверенитет как юридическое качество независимого государства в его внешнем выражении, прежде всего, выражается в верховенстве власти, в самостоятельности политической системы, в не ангажированности политической элиты. Внутреннее выражение суверенитета имеет глубокое содержание и обеспечивается, в том числе, оригинальной культурой. Она составлена множеством сфер духовной культуры — мифологией, литературой, художественным творчеством, музыкальным и певческим творчеством, а также самобытной материальной культурой народов.

Важнейшей составляющей культурного суверенитета является религия в своем духовно-нравственном мировоззренческом, а также ритуально-обрядовом выражении. Религия и религиозность играют существенные роли в сохранении цивилизационного потенциала, в поддержании исторической памяти, в обеспечении связи поколений.

В современном российском обществе религия выступает важнейшей социентальной системой. Религиозные организации РФ (прежде всего, относящиеся к православию и исламу, а также и к другим традиционным религиям) помимо своей имманентной роли духовно-нравственного окормления граждан, сегодня расширяют свой функционал. В рамках социализации и социального служения религиозные организации и объединения активизируются на общероссийской консервативной идейно-идеологической платформе для сохранения, трансляции традиционных российских духовных ценностей. Необходимость их сбережения очевидна в связи с попытками оппонентов России с помощью пропагандистских черных фейковых технологий осуществить «культуру отмены» российского и русского культурного устройства, которое складывалось веками. Стремясь на государственном уровне акцентировать значимость традиционных российских духовных ценностей, Россия как демократическое светское государство не только поддерживает религиозные институты, но и расширяет взаимодействие с ними. Государственная политика в отношении статусов, состояния, легитимности, активности религиозных организаций и религиозных лидеров предусматривает создание наилучших условий для того, чтобы они в полной мере соотносили свои интересы с интересами российского общества и Российского государства.

Подчеркнем, что религиозные организации своими возможностями и своими методами участвуют в оптимизации собственно российского — суверенного — общественно-политического тренда. Они являются не только очагами сакральности, духовного кураторства и морального наставления, но и площадками социального патронажа людей. Возможности российских религиозных организаций в оптимизации суверенного российского общественно-политического тренда в условиях вызовов полицентричного мирового порядка мы усматриваем в следующих обстоятельствах.

Во-первых, ресурсность религии, религиозности в общем плане в современных условиях мировых конфликтов, гибридных войн, террористических нападений проявляется в акцентировании гуманизма, человеколюбия, вечности человеческой души, незаблемости веры.

Во-вторых, российские религиозные организации и объединения, несмотря на принадлежность к разным религиям, а также на разные трактовки роли государства, государственной власти и главы государства, сегодня объединяются на общей патриотической российской платформе, призывая верующих к исполнению своего гражданского долга перед государством.

В-третьих, лидеры традиционных для России религий расширяют свой функционал и вносят существенный вклад в практическое миротворчество, в профилактику межконфессиональных и межнациональных конфликтов, а также в сплочение разных социальных групп и страт российских граждан вне зависимости от их конфессиональной приверженности.

В-четвертых, богословские материалы, проповеди, обращения духовных лидеров и заявления религиозных организаций, а также социальные концепции основных конфессий России представляют собой духовный, культурный заслон чуждым российскому обществу информационно-провокационным вторжениям извне и создают нравственный иммунитет у граждан.

Иванов Д.Ю.
(Санкт-Петербург, Северо-Западный институт
управления РАНХиГС при Президенте РФ)
Волков В.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА»

Динамика происходящих политических процессов крайне сложна для интерпретации и анализа. Сложность происходящих общественно-политических изменений актуализирует вопросы поиска методологических и аналитических конструкций, способных их объяснить. Попытки опереться на существующий инструментарий при прогнозировании и транскрибировании политических событий и ситуаций демонстрируют растерянность ведущих политических институтов. Образы и контуры будущего перестают просматриваться. Реалии цифровизации привели к созданию множественных миров, в том числе виртуальных, исчезло ощущение единой реальности, теперь каждый в своем мире.

В современных отношениях между государствами, равно как и во внутривнутриполитических коммуникациях, можно заметить тенденцию к переписыванию норм и правил. На первый план выходит принцип — «кто сильнее, тот и прав», а для ориентации в политическом пространстве и принятия политических решений подходят простые дихотомические понятия: противник-союзник, мир-война, друг-враг (недруг), свой-чужой, патриот-иноагент и т.д. Такие общеизвестные сравнительные категории представлены в высокоуровневом концепте «политическая картина мира», который представляет собой совокупность устойчивых образов, взглядов и представлений о происходящих политических явлениях, событиях, ситуациях, взаимосвязано отражающий стратегические направления политического, экономического, социального, экологического, технологического развития.

Сама политическая картина мира представляет из себя аналитическую модель, через призму которой интерпретируются политические события и ситуации. По результатам применения той или иной политической картины мира для анализа мы можем судить о ценностно-рациональных интенциях и принадлежности субъекта анализа к той или иной группе интересов.

Концепт «политическая картина мира» представляет собой сложную системную, многомерную композицию. С одной стороны, он обладает пространственно-временным измерением и заключает в себе образы прошлого, настоящего и будущего, с другой — выражен в институциональном аспекте. Системно концепт «политическая картина мира» состоит из базовых, архетипичных элементов, выполняющих функции самоидентификации субъекта-носителя политической картины мира в жизненном мире, а также коммуникативные функции для достижения взаимопонимания на институциональной арене множества картин мира.

Анализ научного дискурса показывает, что концепт «политическая картина мира» представляет собой многомерную структуру. Исследование генезиса формулировки концепта «политическая картина мира» демонстрирует нам следующие его измерения и интерпретации. Политическая картина мира как политическое мировоззрение (*political worldview*) является общепринятым понятием в англоязычных публикациях, отображающим персональные политические взгляды и установки лиц, принимающих решения (особенно политических лидеров) относительно широкого круга внешне- и внутривнутриполитических проблем. Политическая картина мира как идеология обладает свойством редуцирования сложной политической действительности, за счет снятия идеолого-политического различия и конструирования конфликта между идеологическим движением и политическим миром. В религиозном измерении можно рассмотреть духовно-нравственные аспекты политической картины мира. Институциональное измерение характеризует основных акторов политических картин мира, которое может находить свое выражение в документах стратегического планирования, концепциях, стратегиях, указах, в том числе, материалах аналитических центров и экспертных организаций.

Компонентами клубка современных противоречий являются общецивилизационные категории: культура, идеологии, нации, государства, история, языки и так далее. Соответственно, разрешить данные противоречия и порожденные ими конфликты можно через призму анализа высокоуровневых концептов, таких как политическая картина мира.

ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ СВО*

В современном мире молодежь — это главная социальная группа, чье развитие и социализация имеет непосредственную корреляцию с развитием всего общества. Для Российской Федерации, в условиях возникновения современных угроз, развитие молодежи является приоритетным направлением. Особое место занимает государственная молодежная политика (ГМП). Благодаря этому направлению создана динамично развивающаяся, многоотраслевая система по патриотическому воспитанию молодежи. Число молодежных мероприятий, форумов, акций разных форматов с каждым годом растет кратно. Именно поэтому возникает актуальная задача по оценке эффективности ГМП в современной России. Важным для исследования становится попытка сформировать такие критерии, по которым будет возможно оценить качественную эффективность реализации государственной молодежной политики учащейся молодежью российских регионов.

В условиях проходящей Специальной Военной Операции особый научный интерес представляет выявление содержания факторов формирования и динамики стратегий поведения российской молодежи в условиях СВО, особенности их реализации в различных категориях молодежи.

Наиболее динамично влияние СВО отразилось именно на молодежи (14–35 лет), как самой активной социально-демографической группы, чье взросление приходится на статистический период.

Актуальным представляется изучение личностных ценностей молодежи, которая оказалась в стрессовой обстановке. Среди обозначенной социальной группы проявились различные стратегии поведения, обусловленные политическими, психологическими, экономическими факторами. ГМП в этом направлении с февраля 2022 года начала проводить активную работу. Патриотическое воспитание молодежи становится повсеместным. Наибольшее внимание государство уделяет несовершеннолетним молодым людям. Современные политические институты с высокой частотой стали отслеживать динамику изменения общественного мнения в молодежной среде. Анализ стратегий поведения необходим для выработки государственной стратегии.

Динамика ГМП в сфере патриотического воспитания на примере Алтайского края является предметной и наглядной, ввиду массовой вовлеченности молодежи в движения «Волонтеры Победы», «Движение Первых», «Молодая гвардия Единой России», Молодежные парламенты муниципалитетов и региона в условиях начала СВО.

Значимым для исследования стало изучение доминирующих на региональном уровне моделей и форм стратегий поведения молодежи. Определена их степень в процессе формирования моделей поведения социальной группы молодежи в Алтайском крае. Определение политических, экономических, психологических факторов позволило охарактеризовать социальную среду молодежи и оценить приоритетность моделей поведения среди разных групп.

Основные аспекты исследования в этой области заключались в выявлении динамики ценностей и установок молодежи до начала СВО и в ходе ее проведения, установлении стратегий поведения молодежи в условиях СВО, а также в определении специфики Алтайского края в стратегии поведения молодежи.

В целом можно сказать, что проходящая СВО глубоко изменила мировоззрение современной молодежи, что усилило в ней уровень конфликтности и тревоги. Вместе с тем, существуют региональные особенности восприятия молодыми людьми текущей политической обстановки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что учащаяся молодежь регионов Российской Федерации (на примере Алтайского края) напрямую не связывает свою жизнь с реализацией ГМП. Патриотическое воспитание во многом приоритетно для определенной, наиболее активной категории молодежи. ГМП воспринимается такими молодыми людьми скорее как канал для личностного и карьерного роста. В то же время нельзя не отметить тот факт, что число молодых людей такой активной группы увеличивается. Во многом это связано с тем, что в условиях СВО возникли новые формы молодежного участия, которые ранее были недоступны молодым людям. Наиболее наглядно это просматривается в вопросах патриотического воспитания, что стимулирует молодых людей вовлекаться в добровольческие, волонтерские организации, взаимодействовать с элементами гражданского общества, реализовывать себя через общественную деятельность.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР АлтГУ по проекту № FZMW-2024-0007 «Оценка эффективности реализации государственной молодежной политики учащейся молодежью российских регионов».

Игнатъева О.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ,
Социологический институт ФНИСЦ РАН)

ТРАНСДУКТИВНАЯ ЛОГИКА СВЯЗАННОГО ДЕЙСТВИЯ*

Сетевизация общества и поля публичной политики ставит под вопрос сложившиеся формы коллективного действия, для которых характерна мобилизация посредством вовлеченности организаций, которые наделяют особой идентичностью своих членов и способны контролировать и направлять их действия. Речь идет о коллективном действии, анализу которого посвящена отдельная дисциплина в рамках политической науки — теория общественного выбора. Несмотря на довольно длительное существование исследований в данной области, теорию коллективного действия можно совместить с современной теорией сетей. Сети, основанные на коллективном действии, называются организационно центрированными сетями¹ (Bennett, Segerberg, 2012. P. 752). Для них характерна сильная организационная координация действия; использование социальных технологий для управления участием и координированием цели; фокусировка коммуникационного контента на рамках коллективного действия; акцент на межличностные сети, чтобы построить отношения для коллективного действия; наличие организаций на переднем плане как коалиций, в которых различия преодолены посредством посредничества организаций с высоким ресурсом; существование организаций также и в физическом пространстве; меньшее количество членов — участников сети; главными факторами существования являются идентичность и ресурсы; наличие стабильного ядра организаций. В нашем исследовании к таким сообществам социальной сети ВКонтакте относятся «Народный контроль Нижнекамск» (https://vk.com/narod_nk) и «За новый социализм» (<https://vk.com/zanovyysotsializm>).

Таким образом, можно установить взаимосвязь между типом социального действия и характером организации социальной сети. Еще одним типом социальных сетей являются самоорганизующиеся сети на основе связанного действия. Концепт связанного действия, которое противопоставляется коллективному действию, появился сравнительно недавно и принадлежит западным исследователям в области сетевого анализа В. Беннету и А. Сегербергу. Связанное действие основано на индивидуации² (Симондон, 2022) и, пожалуй, наилучшим образом отражает логику сообществ в социальных сетях, спонтанно возникающих и функционирующих сегодня. Для самоорганизующихся сетей на основе связанного действия характерны следующие черты: слабая организационная координация действия или ее полное отсутствие; крупномасштабный личный доступ к многоуровневым социальным технологиям; возникновение коммуникационного контента под воздействием неожиданного персонального действия; разделение личных впечатлений между сетями; избегание вовлечения в существующие формальные организации; децентрализованность сетей; возможность включаться и выключаться из сети в любой момент взаимодействия; персонализированность действий, которые основаны на обмене впечатлениями; наличие очень плотных сетей, которые позволяют осуществлять вирусную передачу информации. В нашем исследовании в качестве примера таких сетей выбраны сообщества «Велопитер» (<vk.com/clubvelopiter>) и «За социальное Девяткино» (<vk.com/za9kino>).

Еще одним типом сетей, возникающих на основе связанного действия, являются гибридные сети (Bennett, Segerberg, 2012, p. 748–749). Их характерными чертами являются слабая организационная координация действия; организация, стоящая за сетью, обеспечивает социальные технологии (издержки за счет клиентов и коммерческих структур); фокусировка коммуникационного контента на организационно созданном инклюзивном действии человека; существует некоторая организационная модерация выражения личных мнений через социальные сети; организации находятся на заднем плане в слабо связанных сетях; сети децентрализованы (много организаций, активистов). В нашем исследовании в качестве образцов данного вида сетей используются сообщества в ВКонтакте «Антиборщевик» (<vk.com/antiborschevik>) и «Мы против северного намыва» (<vk.com/protivnamiva>).

Дискурс-анализ текстов в самоорганизующихся и гибридных сетях позволил установить, что для ведения дискурса участники сообществ используют трансдуктивную логику, подробно описанную Ж. Пиаже на примере анализа хода рассуждений ребенка в возрасте до десяти лет³ (Пиаже,

* Выполнено в рамках гранта «Легитимность сетевой власти и ее влияние на стратегии поведения пользователей социальных сетей в России» по итогам конкурса проектов научных исследований в сфере общественно-политических наук Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

¹ Bennett W., Segerberg A. The logic of connective action // Information, communication & Society. 2022. Vol. 15. No. 5. P. 739–768.

² Симондон Ж. Индивид и его физико-биологический генезис. М.: ИОИ, 2022. — 484 с.

³ Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 526 с.

1994). Трансдуктивная логика — это особый тип рассуждения по аналогии, который отличается как от дедуктивных, так и от индуктивных умозаключений. Он основан на возможности связывать частное с частным или общее с общим. Трансдуктивное рассуждение не является истинной дедукцией, так как имеет тенденцию сопоставлять вещи для создания ассоциированных связей, а не приписывать логическую необходимость ситуации.

Игонин Д.И.
(Казань, КФУ)

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Государственная миграционная политика на уровне субъектов РФ является частью федеральной государственной политики на ее мезоуровне. Региональный уровень содержит свою проблематику в области миграционных процессов, учитывающую региональную специфику.

Республика Татарстан является одним из крупнейших в Приволжском федеральном округе центров миграции, что определяется благоприятной социально-экономической ситуацией, относительно высоким уровнем жизни, политической (этнополитической) стабильностью.

В динамике миграционных процессов в условиях Татарстана условно можно выделить два этапа. Первый — 90-е годы XX века. Второй — с начала XXI века и до настоящего времени. Эти этапы различаются интенсивностью миграционных процессов, их направленностью, влиянием на развитие республики, проблемами, вызванными миграцией, и мерами властей по их решению. В то же время оба названных этапа сходны общей аккомодационной направленностью, которая сосредоточена на необходимости адаптации мигрантов к сложившимся условиям взаимодействия в сообществе народов Республики Татарстан, при условии сохранения их национальной самобытности, а также стремлении избежать межнациональных конфликтов.

Первый этап — 1991–2000 гг. В конце 80-х годов XX века Республика Татарстан оказалась перед лицом проблем, вызванных притоком беженцев и вынужденных переселенцев из республик СССР. Этот период был характерен миграционным приростом, поскольку миграционный прирост сложился на 80% за счет русского населения. Это говорило о миграции как о возвратной миграции русского (русскоязычного) населения.

В целом, миграционные потоки до 2000 года не только компенсировали убыль населения РТ, но и обеспечивали ее рост. Самыми интенсивными стали миграции 1992 и 1993 годов.

В этот период миграционная политика татарстанских властей носила в целом промотивный характер, открывая «двери» миграционным потокам, благодаря чему были приняты ряд нормативно-правовых актов республиканского значения в регулировании миграционных процессов.

На втором этапе — с начала XXI века — миграционные процессы приобретают несколько иной характер.

В этот период наблюдалось снижение миграционного прироста в ряде регионов страны, при этом общая привлекательность РТ для мигрантов по-прежнему находилась на высоком уровне. Речь идет о временно пребывающих иностранных гражданах. Так, динамика данной категории характеризовалась превышением показателей предыдущих лет показателями последующих. Характерной особенностью являлось то, что в Республику Татарстан в большей степени прибывали мигранты семьями на длительный срок, а не перебиваться «случайными заработками». Этому способствовало принятие ряда нормативно-правовых актов республиканского значения, федеральных актов, в том числе «Концепции государственной миграционной политики» 2012 и 2019 гг., а также деятельность общественных организаций в РТ.

Общественные организации РТ функционируют на микроуровне политического процесса и посредством артикулирования и агрегирования интересов мигрантов, осуществляют влияние на проводимую властями миграционную политику. Организацией, занимающейся решением проблем мигрантов, является Ассамблея представителей народов, проживающих на территории Республики Татарстан, — Ассамблея народов, являющаяся добровольной, самоуправляемой региональной общественной организацией. Также действуют и действовали ООО «Адаптация мигрантов в Казани», Центр помощи мигрантам «МигГарант» и др., оказывающие поддержку в адаптации мигрантов.

Таким образом, подведем общие итоги:

Во-первых, политика, оказывающая регулятивное воздействие на миграционные процессы и миграционную ситуацию в Республике Татарстан, обладает заметными чертами своеобразия, что объясняется относительно высоким уровнем социально-экономического развития. В республике активно осуществляется политика позиционирования в качестве зоны межэтнической стабильности и согласия, мирного межрелигиозного взаимодействия и сосуществования.

Во-вторых, многоуровневая картина субъектности в сфере миграционной политики включает как территориальные структуры органов государственной власти РФ по РТ, так и общественные организации.

В-третьих, политика татарстанских властей включала два этапа протекания миграционных процессов на территории республики, но центральным для обоих периодов являлась общая аккомодационная направленность, ориентированная на необходимость интеграции мигрантов в сообщество народов Республики Татарстан, при условии сохранения их национальной самобытности, а также стремления избежать межнациональных конфликтов.

В-четвертых, на втором этапе миграционная политика (ее нормативно-правовая основа) стала корректироваться в русле общефедеральной миграционной политики. В 2010-е годы миграционная политика все больше отходит от притязаний на самостоятельность и становится инструментом реализации общефедеральной государственной политики.

Ильин А.Ю.

(Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет)

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В РЕГИОНАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

В России на протяжении последних десятилетий активным образом проходила так называемая «модернизация и оптимизация» высшего образования в целом и политологического образования в частности.

В этом плане политологическое образование могло бы занять одно из важных мест в системе формирования политической культуры. И идти по нескольким направлениям.

1. Подготовка «специалистов» политологов, т.е. профессиональных исследователей и технологов в политической сфере.
2. Дифференцирование политологического образования не политологов.
3. Политологическое просвещение представителей общественных, политических, государственных, муниципальных структур.
4. Политическое просвещение населения.

Однако сам процесс «оптимизации» среди множества преобразований проявился на фоне оттока абитуриентов с высоким балом по ЕГЭ, увеличением количества студентов на ставку преподавателя. И в дополнение с «подушевым» финансированием, создает ситуацию, когда не «выгодно» отчислять студентов, не выполняющих учебную программу, так как это может угрожать сокращением преподавательских ставок. А также влечет неоправданные перегрузки у преподавателей. Если еще 30–40 лет назад на одного преподавателя приходилось 1–2 курса, в настоящее время это уже может быть и 8 и 10 и более курсов в год. Что, естественно, сказывается на качестве преподавания. И неминуемо из-за увеличивающихся нагрузок снижает возможности по поддержанию своего профессионализма.

А при сохранении невозможности привлекать перспективных выпускников бакалавриата к образовательной и научной деятельности на выпускающих кафедрах институтов и факультетов в высших учебных заведениях становится серьезным препятствием и для ротации преподавательского состава.

За последние тридцать лет выпускники столичных вузов после магистратуры и аспирантуры редко возвращаются в регионы. В Карелию после 1992 года никто из выпускников столичных вузов (Москвы и Санкт-Петербурга) с дипломами политолога или специалиста в сфере международных отношений не приезжали и не возвращались. И наоборот, по завершении обучения в аспирантуре или магистратуре в родном региональном вузе студенты — политологи переезжали и «укрепляли» образовательные и научные центры столичных и зарубежных вузов (например, в вузы Санкт-Петербурга, Финляндии, США, Великобритании, Китая и т.д.).

В этой ситуации подготовка преподавательских кадров, передача опыта, связь поколений становится проблематичной.

В настоящий момент в Карелии произошло свертывание и политического образования в высших учебных заведениях. И это в республике с высоким процентом недоверия к политике и к политикам, о чем неумолимо свидетельствуют цифры всех электоральных циклов, включая и последние выборы в ЗС РК и выборы Президента РФ. Территория республики исторически являлась местом ухода, переселения в «таежные тупики Карелии» еще во времена Ивана Грозного, местом ссылки уже с петровских времен и до XX века, включительно. А в настоящее время граница Карелии является одной из самых протяженных границ со страной НАТО. В частности с Финляндией. Страной, которая только в 20 столетие в трех из четырех войн с СССР/Россией была инициатором по захвату территории Карелии.

Тех территорий, которые никогда не принадлежали ни Швеции, ни тем более Великому княжеству Финляндскому, признанным суверенным государством только в 1918 году, в ходе революционных событий в России.

Вести диалог, разговор с избирателями, особенно с молодыми людьми по острым темам, знакомить с мировым и отечественным опытом политического образования становится затруднительно, особенно в ходе революционного развития информационных технологий. В то время когда даже учебные пособия и их электронные аналоги для студентов политических специальностей являются неподъемными из-за непомерной стоимости.

При этом сам материал, его изложение устаревает порой в момент своего выхода из «под пера авторов».

А после 24 февраля 2022 года это проблема особо обострилась как в политике, так и в ограниченных возможностях некритично принимаемых на веру или навязываемых идеологизированных концепций в качестве объективных универсальных политологических категорий, теорий.

В этих условиях работа со студентами требует ответственных и профессионально подготовленных педагогов и условий для систематического общения с ними. Но сегодня это серьезная, почти непреодолимая проблема.

С 2014 года после ряда шагов по «модернизации и оптимизации» директора образовательных институтов университета ответственные за образовательные программы отказываются включать политологические дисциплины, даже в рамках курсов по выбору. Как следствие, политология была изъята почти из всех учебных программ студентов не политологических специальностей.

Все попытки переломить данную ситуацию на уровне университета или в переговорах с директорами образовательных институтов не дают положительных результатов.

Политическое же образование не политологов в Республике Карелия, фактически, свелось к просветительским акциям в рамках общеуниверситетских или студенческих проектов или общества Знания, ограничиваясь идеями пропаганды гражданской ответственности и патриотического воспитания силами самих студентов или представителями административных структур университета.

Многолетний (с 2001 года) мониторинг по трудоустройству выпускников направления политология в ПетрГУ позволяет утверждать, что более 50% всех выпускников в соответствии с образовательными стандартами по политологии трудятся в научной сфере, в учреждениях среднего и высшего образования, а также в муниципальной сфере, в органах политических партий, в общественных организациях, в СМИ, на различных должностях восьми министерств и ведомств Республики Карелии и России. В том числе, в должностях министров, заместителей министров республики и т.д.

Ильин М.В.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ПАРАДИГМАЛЬНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ И КОНВЕНЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Последние лет сорок-пятьдесят в мировой политической науке отчетливо проявляются дивергентные тенденции: растет число дисциплин и субдисциплин, они превращаются порой в отдельные науки, а субдисциплины дробятся на все более обособленные подходы, традиции и школы. Противоположный конвергентный тренд просматривается с большим трудом и в основном на научно-исследовательских перифериях, которые доминантным стречневым потоком (*mainstream*) просто игнорируются.

Что касается общего приращения знания, то тут картина еще более тревожная. Ярких, а главное масштабных и принципиальных достижений все меньше. Они мельчают. Мы узнаем все больше о все меньшем, но продолжаем делать вид, что все в порядке... Создается впечатление, что современная политическая наука все определеннее и глубже погружается в кризис.

В своей статье в Полисе (Ильин М.В. *Фундаментальный вызов. Упущены ли возможности политической науки?* // Полис. Политические исследования. 2024. № 2. С. 8–24) симптомы этого кризиса я связал с тем, что выявленный Чарльзом Тилли (Tilly, Ch. *Big structures, large processes, huge comparisons*, 1984) конфликт между традиционной социальной наукой с ее восьмью пагубными постулатами (общество «отдельная вещь» и т.п.) и возникшей в 60-годы новой социальной наукой, делающей упор на процессы и изменчивые формы явлений, не только не разрешен за счет парадигмального сдвига по Куну, но обострился.

Парадигма позитивного исследования вполне определенных «отдельных вещей», принципиально однородных, напоминающих четкие множества (*strict sets*) и подобных попперовским «часам» (*Popper K. Of Clouds and Clocks: An Approach to the Problem of Rationality and the Freedom of Man, 1965*), устояла и лишь немного модифицировалась, поверхностно и формально используя «переменные». Характерно, что в начале 60-х Поппер еще не видел большой беды в противостоянии установок на изучение либо часов, либо облаков. Он довольно оптимистично наметил перспективу интеграции за счет возможностей особого интеграционного подхода, связанного с семиотикой. Кстати, ни тогдашние, ни нынешние интерпретаторы его концепции на это попперовское предложение объединительного преодоления предметной и методологической конфронтации особого внимания не обращают, а предпочитают заикливаться на конфронтационных моментах.

Приходится признать, что альтернативная и контрастная парадигма изучения взаимосвязанных и меняющихся явлений, принципиально неоднородных и изменчивых, напоминающих нечеткие множества (*fuzzy sets*) и попперовские «облака», так и осталась зеркальной тенью доминантной позитивистской. Только обозначенная Поппером интеграционная семиотическая альтернатива, выводящая науку в новое измерение, где жесткие оппозиции часов (= отдельных вещей) и облаков (= изменчивых явлений) преодолеваются и снимаются, не только не получила развития. Несмотря на бум всякого рода конструктивизмов, исследований практик, дискурсов, нарративов и т.п., но сама распалась на множество локальных затей с весьма неубедительным выходом. Поднятый было на рубеже столетий в американской политической науке дерзкий бунт Мистера Перестройка принципиальных научных вопросов не поднял и ничего методологически существенного не предложил.

Попытки обсудить принципиальные методологические проблемы мировой политической науки на площадках российской политической науки были куда серьезнее, но тем не менее серьезного воздействия на динамику отечественной, а тем более мировой политической науки практически не оказали.

В докладе выдвигается предположение, что нынешний кризис единой и комплексной политической науки порожден «ножницами» между усиливающейся парадигмальной дивергенцией и замедленной парадигмальной конвергенцией политических наук. В нем также обсуждаются возможности преодоления общего кризиса мировой политической науки. В логике стэнфордской модели (*Almond G.A., Flanagan S.C., Mundt R.J. Crisis, choice, and change: Historical studies of political development, 1973; Окунев И. Ю. Стэнфордская модель кризиса развития // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 136–144*) решение ищется на пути формирования победных коалиций. В данном случае коалиционирование касается не только предметных дисциплин и субдисциплин, но прежде всего методологических походов. Трудность заключается в их смутной артикулированности и слабой проработке. Помочь преодолению данных препятствий способна переоценка соответствующих подходов относительно трансдисциплинарных органов-интеграторов научного познания: метретики, морфетики и семиотики (см. публикации в ежегоднике, а ныне ежеквартальнике МЕТОД с 2014 года по настоящее время).

В докладе выдвигаются конкретные предложения, позволяющие выправить весьма грубое, наивное и по большей части разрушительное разделение исследовательских методов на количественные, качественные и смешанные.

Ильинова Н.А.
(Майкоп, АГУ)

МЕДИАДИСКУРС В КОНСТРУИРОВАНИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ МАКРОРЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Глобализационные процессы, которые являлись трендом развития человечества в последние 100 лет, не уменьшили положительного влияния географической близости, соседства на взаимодействие между обществами. В связи с чем исследование макрорегиональной идентичности приобретает особенное значение в современных условиях необходимости укрепления социокультурной идентичности российского общества, которое закреплено в качестве приоритетного направления научно-технологического развития Российской Федерации в июне 2024 г.

В фокусе данного исследования — макрорегиональная идентичность, рассматриваемая нами в качестве ресурса национальной консолидации российского социума, реализуемого путем осознания своей принадлежности к макрорегиональному сообществу, к территории посредством принятия общих для народов, населяющих данную территорию, особенностей и смыслов историко-культурной, со-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2024-00049 «Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: практики формирования, потенциал развития, влияние на национальную консолидацию».

циально-правовой и лингвистической направленности. В современной России макрорегион как административная сущность не присутствует на политической карте страны, границы макрорегионов размыты, но при этом прозрачны, открыты для взаимопроникновения и диалога (Региональные культурные ландшафты: история и современность: Материалы всероссийской научной конференции/ Под ред. Н.П. Дворцовой. Тюмень, 2004). Макрорегиональная идентичность, занимая промежуточное положение между национальной и региональной идентичностями, базируется на сконструированном символическом образе макрорегиона, построенном вокруг исторических, этнокультурных, природно-географических и хозяйственных взаимодействий проживающих «по соседству» народов. Одним из таких макрорегионов по праву может считаться Северный Кавказ, попытки административного конструирования которого не прекращаются на протяжении нескольких сотен лет.

Сегодня Северный Кавказ представляет собой одновременно часть России и территориально обособленную социокультурную общность, базирующуюся на общей истории народов, проживающих в рассматриваемом регионе, общей государственности, подвигах общих черкесских предков-героев, общей культуре. Этнические, культурные, религиозные и исторические факторы, несомненно, являются наиболее важными составляющими макрорегиональной северокавказской идентичности.

Однако культурное разнообразие макрорегиона на фоне общих социокультурных практик (гостеприимство, маскулинность, традиционализм), объединяющих все население рассматриваемой территории, положительный опыт полиэтноконфессионального взаимодействия и чувство общности судеб разных этносов, играет знаковую роль в формировании северокавказской идентичности.

Следует отметить, что в современных условиях макрорегиональная идентичность у представителей республик Северного Кавказа (Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария) по сформированности занимает предпоследнее место после региональной (близость с жителями республики) и до национальной (близость со всеми гражданами России) (Киреева И.В., Куква Е.С., Ляшова С.А., Жаде З.А., Ильинова Н.А. Брендинг регионов и его потенциал в укреплении российской национальной идентичности (кейсы Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана) // Регионология. 2024. Т. 32. № 2 (127). С. 368–387).

При фиксации значимости макрорегиональной северокавказской идентичности в укреплении национальной общероссийской идентичности, а также низкого уровня сформированности макрорегиональной и национальной идентичностей у преобладающей части опрошенных жителей Адыгеи, Дагестана и Кабардино-Балкарии возникает вопрос о способах работы с укреплением идентичности. Одним из таких способов выступают коммуникативные практики, осуществляемые с помощью средств массовой информации. Средства массовой информации не транслируют идею построения макрорегиональной идентичности Северного Кавказа на общности кавказских народов, являющихся частью социокультурного ландшафта России. Региональные СМИ освещают события, связанные с региональной политикой, но не уделяют особого внимания аспектам укрепления макрорегиональной северокавказской идентичности.

Знания и осведомленность жителей северокавказского макрорегиона вокруг идеи идентичности с Северным Кавказом будут зависеть от эффективности рекламных и коммуникационных стратегий в разных субъектах Российской Федерации, а также от воздействия на сознание жителей макрорегиона средств массовой информации и политических дискурсов, социальных практик и непосредственного опыта.

Ильичева Л.Е., Лапин А.В.
(Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)
Ильичев М.В.
(Москва, ЦЭМИ РАН)

ФОРМИРОВАНИЕ БАЗОВОЙ ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ АГЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА*

Существующее многообразие используемых стратегий регионального и муниципального управления затрудняет администрирование соответствующих программ и проектов и, тем самым, снижает эффективность регионального и муниципального управления. Помимо этого, региональным и муниципальным руководителям при выборе наиболее благоприятной альтернативы приходится работать с огромным массивом экономической, социальной и иной информации, которую требуется

* Научный проект «Региональное политическое управление: моделирование социально-политических и экономических процессов на основе агент-ориентированного подхода» реализуется в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ).

оценить через призму поведенческих и ценностных установок различных социальных групп населения, учесть культурные, информационные, правовые, погодные и иные факторы, препятствующие или содействующие региональному и муниципальному развитию, прислушаться к мнению федеральных и региональных чиновников, а также принять во внимание уровень компетенции тех людей, которые должны выполнять планируемые решения и т.д. Преодоление этих трудностей возможно лишь с помощью моделирования возникающих ситуаций в информационном пространстве с тем, чтобы спрогнозировать возможные вызовы и угрозы региону и муниципалитету, оценить вероятные риски и разработать соответствующие мероприятия, направленные на упреждение этих рисков. Предварительным условием перехода к такому моделированию является наличие федерального, регионального и муниципального образов будущего, «спроектированных» в рамках итерационного процесса путем последовательной «сшивки» целей и задач муниципальных, региональных и федеральных целей и задач «снизу» — «вверх» и затем «сверху» — «вниз». Прогноз политических, социально-экономических и иных последствий управляющего воздействия на региональную и муниципальную системы осуществляется с применением агент-ориентированного подхода, базирующегося на социоэкономической цифровой модели региона/муниципалитета, позволяющей прогнозировать изменение состояния систем в целом с учетом интегрального результата действий и взаимодействий большого числа самостоятельных индивидов (агентов). Образ будущего страны/региона/муниципалитета в этом случае является центром сборки интересов всех действующих в регионе/муниципальном образовании акторов и целеполаганием для агентов, в первую очередь, для акторов, представляющих те или иные административные единицы. Вследствие этого факта все региональные и муниципальные агенты должны действовать системно и рационально, исходя из необходимости достижения утвержденного образа будущего. Следование агентов этому правилу дает возможность более точно прогнозировать последствия их действий в политической, социально-экономической, культурной и иных сферах. Математическую логику работы агент-ориентированной модели региона/муниципалитета можно продемонстрировать путем описания механизма личностной рефлексии индивидов на воздействие социально-экономических факторов. При этом под рефлексией индивидов понимается асимметричная система отклика индивидов в ответ на воздействие различных социально-экономических факторов, а параметры отклика зависят от личного мировоззрения каждого индивида, которое, в свою очередь, строится на ортонормированном базисе универсальных личных ценностей (базовых ценностей согласно теории Ш. Шварца). Представленная концепция оценки уровня взаимосвязей личных ценностей населения и социально-экономических факторов в регионе/муниципальном образовании может дать власти достаточно точный прогноз о том, на каких направлениях своей работы в части влияния на конкретные ценностные установки жителей и социально-экономические факторы следует сфокусировать свое внимание, чтобы обеспечить более эффективное региональное/муниципальное развитие. Важным является вопрос о том, каким образом от концептуальных рассуждений перейти к практической реализации представленной прогностической модели на основе агент-ориентированного подхода, который является наиболее перспективным методом, способным обеспечить резкое повышение эффективности всей системы государственного и муниципального управления. Учитывая то, что вопрос отработки и последующего внедрения итоговой модели регионального и муниципального управления вкпе с совершенствованием сопутствующих управленческих процессов потребует изменения всей действующей системы государственного и муниципального управления, это означает, что для успешной реализации этого замысла может потребоваться формирование и реализация нового федерального проекта под условным наименованием «Региональное и муниципальное управление в современной России» в рамках национального проекта «Экономика данных», в котором необходимо будет предусмотреть не только решение проблем разработки теоретических и практических основ перспективной модели управления регионом/муниципалитетом, но и ее апробацию в условиях пилотного внедрения в одном из регионов России и последующее тиражирование по всем регионам и муниципальным образованиям страны.

Ильичева М.В.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)
Щунина Т.Е.
(Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО РОССИИ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ*

Современные социологические исследования показывают, что ценностные установки современной молодежи существенно отличаются от ценностей людей более старшего поколения, хотя и с поправкой на то, что с возрастом ценности молодежи претерпевают изменения и сближаются с ценностными установками взрослых людей. В то же самое время эти ценностные установки мотивируют молодежь на самореализацию, стремление к успеху в профессиональной, в том числе, политической сфере деятельности, поиску баланса между личным и общественным.

Можно отметить, что это противоречие между ценностными установками молодежи и политиков, молодежи и людьми старшего поколения не является непримиримым, и по мере взросления это противоречие будет сходиться на нет. Однако формируемый образ будущего страны или региона своим содержанием должен удовлетворять как видению современной молодежи, так и представлениям людей более взрослых, из чего следует, что объективно это противоречие будет имманентно присутствовать в любом образе будущего. Отсюда возникает проблема нахождения компромисса между несхожими ценностными установками молодежи и другой части общества, а также политическими и общественными деятелями, по-разному представляющими себе стратегическое целеполагание. Эта проблема становится особенно значимой в связи с предстоящей серьезной трансформацией экономической модели страны, вступление в жизнь нового поколения, *не знающего*, что такое реальный социализм или «лихие 90-е», глубоко погруженное в Интернет и другие современные коммуникации¹.

Ценностные установки можно также рассматривать как ментальные ограничители, балансирующие спонтанные действия индивидов под воздействием эмоциональной рефлексии во время принятия стратегических решений².

Вопрос включения ценностных представлений молодежи в образ будущего страны или региона приобретает важнейшее значение ввиду наделения этого образа такими нравственно-этическими нормами, которые устанавливают моральные рамки потенциальному конфликту «сущих» интересов молодежи и «должных» интересов лиц, принимающих политические решения. Выход на авансцену политической и общественной жизни страны нового поколения со своим видением мира, идеалов и ценностей формирует новые представления о принципах политического устройства страны в будущем, что, в свою очередь, рождает потенциал конфликтного отношения к настоящему и к тем, кто его олицетворяет³.

Таким образом, можно утверждать, что перед молодежью как активным участником формирования образа будущего страны сегодня стоит задача включения в конкурентную борьбу с ведущими политическими акторами за цели общественного развития, за продвижение своих ценностных установок, которые находятся в скрытом конфликте с ценностными установками, которых придерживаются власть и люди более старшего поколения.

Очевидно, что контуры проекта будущего, формируемого молодежью, и того образа будущего, который задается и транслируется через СМИ, систему воспитания, другие средства правящей элиты, не обязательно идентичны, в связи с чем возникает проблема соотношения контуров проекта будущего, предлагаемого политическим руководством страны, элитами и политическими партиями, с одной стороны, и молодежью, с другой⁴. В этом смысле в представлениях молодежи образ будущего имеет смысл преодоления недостатков настоящего, что сближает описание такого образа будущего с политической повесткой дня.

* Научный проект «Молодежь в образе будущего региона: механизмы согласования властных и общественных интересов» реализуется в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ).

¹ Образ будущего России глазами молодежи: монография / Под ред. В.С. Комаровского. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 11.

² Ильичева Л.Е., Кондрашов А.О., Лапин А.В. Ценностные детерминанты социальной напряженности в российских регионах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. № 4. С. 362–391.

³ Комаровский В.С. Видение будущего страны российской молодежью: надежды и опасения // Власть. № 5. 2021. С. 191.

⁴ Ильичева М.В. Образ будущего страны в представлениях студенческой молодежи России: трансформация в условиях перемен и кризисных потрясений / Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-3-39-56.

Итак, ключевой задачей перед исследовательским сообществом становится выявление таких политических, социально-экономических, культурных и иных факторов, которые: 1) отвечают ценностным установкам молодежи, их темпоральным интересам, изменяющимся по мере взросления молодых людей; 2) обуславливают национальные и региональные приоритеты властных акторов, выстраивающих стратегии развития страны и регионов; 3) не противоречат ценностным представлениям взрослых групп граждан, которые вкладывают в их содержание более осмысленные и глубинные общественные основания, прошедшие испытания временем; 4) позволяют молодежи разрабатывать свои жизненные стратегии в рамках саморегуляционных процессов с целью приведения себя и реальности в желаемое состояние.

Все это позволит настроить эффективную коммуникацию, нацеленную на выстраивание доверительных отношений между гражданским сообществом и властью.

Илюшина А.А.

(Москва, Федеральное агентство по делам молодежи)

ЗНАЧИМОСТЬ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Согласно Докладу ООН о мировой демографической ситуации, 87% молодых людей проживают в развивающихся странах, сталкиваясь с такими вызовами, как ограниченный доступ к ресурсам, услугам здравоохранения, образованию, профессиональному обучению, трудоустройству и реализации возможностей в экономической области.

Многогранные проблемы, с которыми сталкивается молодое население, при отсутствии равноправного и прогрессивного решения, приводит к обострению ситуации во многих странах. Поэтому как никогда встает вопрос о предоставлении возможностей для молодежи, позволяющих реализовать ее потенциал, тем самым усилить вклад в развитие национальных экономик.

Здесь следует говорить о молодежной политике как отдельном направлении общегосударственного курса, ее отделении от культурно-гуманитарной стратегии. Ее формирование связано с активизацией на Западе молодежных протестов в 1960–1970-х гг. и становлением молодежи как отдельной социально значимой группы, своего рода актора на международной арене. В постбиполярный период можно вполне говорить о росте внимания государства к вопросам молодежи в развивающихся странах и, соответственно, появлению молодежного «измерения» в работе отдельных международных организаций.

Страны БРИКС покрывают 27% земной поверхности, охватывают более чем 40% населения земли, порядка 700 млн молодых людей. С 1 января 2024 года к объединению присоединились 5 стран, которые также являются густонаселенными, — Египет, ОАЭ, Иран, Эфиопия, Саудовская Аравия.

С первых саммитов глав-государств лидеры придавали особое внимание гуманитарному сотрудничеству БРИКС, особенно молодежному треку. Молодежь выделялась в качестве уязвимой группы, обозначалось намерение стран содействовать научно-техническому развитию, обмену молодых ученых.

Официальный формат встреч молодежи стран БРИКС Молодежный саммит стран БРИКС, который ежегодно проводит председательствующая страна, наряду с Саммитом глав государств. Страной — председателем исходя из девиза председательства на год выносятся темы, которые нужно обсудить молодежи. Принимается Декларация по делам молодежи стран БРИКС, пункты Декларации передаются на Саммит глав государств, выносятся на обсуждение и лучшие идеи вносятся в Декларацию глав государств, согласно которой взаимодействуют страны БРИКС следующий год.

В 2023 году Молодежный саммит стран БРИКС проходил в ЮАР, и автор возглавил российскую делегацию, которая составила 13 молодых лидеров из России. Выявились новые противоречия Индии и Китая, стала еще более отчетливо заметна тенденция на повышение роли развивающихся стран в мире (ЮАР замкнула множество обсуждений на себе), в кулуарах обсуждались острые политические вопросы (которые в БРИКС традиционно стараются избегать), молодые люди приезжают с этим знанием и транслируют его.

В 2024 году Молодежный саммит стран БРИКС прошел в г. Ульяновске. Был представлен расширенный состав стран БРИКС, проведены заседания Молодежного совета БРИКС и Встреча министров по делам молодежи стран объединения. Благодаря молодежи и ее предварительной работе принята Декларация, которую обсуждали на высоком уровне.

Мероприятия в сфере молодежной политики в год председательства России в объединении позволили продвинуть сотрудничество в этой области на новый уровень. Однако у стран разные системы внутригосударственных структур, отвечающих за молодежную политику, национальное законода-

тельство в области молодежной политики и качество участия в мероприятиях и официальных встречах по этой линии.

Однако работа ведется активно — подписываются меморандумы и соглашения между странами в области молодежной политики, выстроен системный контракт, обеспечено участие в мероприятиях, информация о деятельности в этой области в том числе курируется МИД стран, что непосредственно отражается на внешнеполитическом курсе стран БРИКС.

Иошим А.Н.
(Москва, РУДН)

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ МАКРОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Современное цифровое пространство, особенно новые медиа и социальные сети, создают сегодня большие возможности для конструирования ценностных концептов, распространения политических нарративов, а также легитимации смыслов, образующих «узловые точки» макрополитической идентичности.

Под макрополитической идентичностью мы понимаем интегрированный образ «нас», «своих» и «чужих», как особый тип идентичности, который «охватывает все основания идентификации рассматриваемого сообщества, присутствующие в публичном дискурсе» (Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 1. С. 5–28). В этом отношении понятия «национально-государственная» и «макрополитическая» идентичность кажутся почти синонимичными, однако последняя представляется шире и может быть рассмотрена как своего рода «знаменатель» для описания разнообразных моделей национально-государственной идентичности (См.: Тумов В.В. Симулятивная реальность как вызов национальной идентичности: теория и российские политические практики // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Vol. 22. № 4. С. 590–602).

Макрополитическая идентичность нации, государства, того или иного человеческого сообщества, как убедительно показывают в своих работах исследователи-постструктуралисты и дискурс-аналитики, формируется и воспроизводится в публичном информационном пространстве посредством дискурсивных практик. Более того, любая конкретная модель макрополитической идентичности представляет собой результат дискурсивной борьбы за учреждение и легитимацию доминирования / гегемонии того или иного «режима истины», наполнение смыслами «пустых» универсалий и установление фиксированной картины мира.

Таким образом, дискурсивная природа макрополитической идентичности уже свидетельствует об изначальном «дефиците устойчивости»: та или иная модель идентичности, в том числе национально-государственная, остается жизнеспособной до тех пор, пока она обеспечивает необходимый уровень социальной консолидации, воспроизводит непротиворечивый нарратив описания «нас» и «других», а также легитимирует текущий политический порядок.

Особенности функционирования цифрового коммуникационного пространства создают условия для формирования «кризиса устойчивости», при котором индивиды, а иногда политические сообщества, находятся в состоянии перманентного идентификационного выбора и становятся подвержены чрезмерному воздействию внешних субъектов и факторов, оказывающих влияние на трансформацию ценностно-смысловой сферы сообщества, и как следствие — макрополитическую идентичность в целом.

В качестве ключевых рисков устойчивости макрополитической идентичности в современном цифровом пространстве выделим следующие:

- конструирование и навязывание ложных идентичностей и нарративов, направленных на делегитимацию системообразующих ценностей и концептов макрополитической идентичности;
- стремление внешних агентов в условиях информационного противостояния и «дискурсивной борьбы» перехватить на пространстве цифровой коммуникации политическую повестку, а также монополизировать дискурс о прошлом, «историческую правду»;
- усиление радикальных локальных и региональных сетевых сообществ, отрицающих общий исторический нарратив и продвигающих сепаратистские модели идентичности;
- распространение посредством мем-культуры и транслирования наихудших образцов массовой культуры в цифровом пространстве идеологий этического релятивизма и гражданского ни-

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН в рамках научного проекта FSSF-2024–0057 «Технологии цифровых коммуникаций государства и общества как механизм укрепления макрополитической идентичности».

гилизма, обесценивающих и делигитимирующих в сознании индивида общенациональные, общецивилизационные ценности, сюжеты и смыслы.

Угрозы и риски для макрополитической идентичности, которые формирует цифровое коммуникационное пространство, вынуждают современное государство активно использовать механизмы, представленные самой цифровой средой, чтобы воздействовать на нацию, консолидировать ее через эти каналы и укрепить устойчивость макрополитической идентичности. Однако все более очевидно, что без формирования единой политики идентичности, а также создания условий для достижения цифрового суверенитета современное государство может столкнуться с проблемой размывания ценностно-смыслового пространства политического сообщества, и как следствие — делигитимации той модели макрополитической идентичности, которая на текущий момент обеспечивает социально-политическую национальную консолидацию.

Исаев Б.А.
(Санкт-Петербург, ГУАП)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СТРУКТУРА, ВЫЧИСЛЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Президент РФ Владимир Путин на заседании дискуссионного клуба «Валдай» отметил такой феномен современной геополитики, как «постоянно нарастающее военно-политическое давление на Россию, на которое приходится отвечать... Действие, как известно, рождает противодействие»¹.

Под геополитическим давлением мы понимаем процесс преднамеренного и непреднамеренного воздействия одного актора на другого без учета согласия и интересов последнего.

Ввел понятие и попытался вычислить силу геополитического давления австрийский геополитик Александр Зупан (1847–1920), который учитывал только один фактор, а именно количество населения. По методике Зупана, коэффициент геополитического давления рассчитывается как отношение количества населения всех граничащих с данной страной государств к количеству населения данной страны².

Если сложить количество населения всех прилегающих к современной России стран, то получится цифра 1660 млн, намного превышающая население России (144 млн.), а коэффициент давления составит 11,5. Для сравнения: коэффициент давления на США (население 330 млн.), оказываемого Канадой (37 млн.) и Мексикой (130 млн.) составляет всего 0,5. Сравнение коэффициентов давления России и США с учетом того, что Америка окружена дружественными, а Россия — не совсем дружественными странами, совершенно изменяет наши представления об испытываемом Россией геополитическом давлении³.

По нашему мнению, сила геополитического давления зависит не только от количества населения, но и от таких факторов, как: величина территории, населения, уровень образования, жизни, уровень развития науки, технологий, экономики и торговли, военно-технический потенциал, боеготовность вооруженных сил, уровень доверия населения к власти.

Геополитическое давление можно подразделить на: географическое, страновое, блоковое, цивилизационное давление.

Процесс географического давления проявляется во влиянии на развитие России ее огромной территории, потепления климата, загрязнения окружающей среды, весенних затоплений, лесных пожаров и др. факторов.

Процесс странового давления на РФ проявляется в давлении:

- пограничных стран, имеющих с Россией сухопутную границу (Норвегии, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Украины, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Монголии, Китая, КНДР). Это давление имеет разную природу и различное значение. С дружественными странами: оно имеет характер позитивных связей и обменов; с недружественными — оно носит характер негативного влияния и негативной реакции на него;
- Россия испытывает мощное давление через морские границы, которые отделяют от России такие страны, как Швеция, Великобритания, Румыния, Болгария, Турция, Япония, США и др. страны.

¹ Путин заявил, что России приходится отвечать на постоянное геополитическое давление. URL: <https://tass.ru/politika/18920305?ysclid=lz16d10iqi599097340>.

² Политология: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. СПб., 2006. — 464 с.

³ Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Геополитическое положение в мире и геополитическое давление на Россию // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024. С. 407–413.

Процесс блокового давления на РФ заключается в многочисленных попытках воздействия на Россию блока НАТО. Сегодня НАТО давит на Россию через территорию Украины. Блоковое давление на Россию реализуется также через расширения НАТО: за 1991–2024 гг., то есть за 34 года в НАТО было принято шесть групп государств: 1. Чехия, 2. Венгрия, 3. Польша (1999 г.), 2. Литва, Эстония, Латвия, Словения, Словакия, Румыния, Болгария (2004), 3. Хорватия, Албания (2009), 4. Черногория (2017), 5. Северная Македония (2020), 6. Финляндия, Швеция (2023)¹.

Геополитическое давление цивилизационного уровня на Россию проявляется двояко. Его можно подразделять на геополитическое давление Западной и Восточной цивилизаций. При этом следует учитывать, что:

- Западная цивилизация по уровням научно-технического, социально-экономического развития, жизни населения превосходит цивилизацию Востока, следовательно, и давление, оказываемое ею на Россию, выше;
- Западная цивилизация пытается привнести свои ценности в другие цивилизации путем «мягкой силы»;
- Западная цивилизация движется на Восток, оказывая мощное геополитическое давление на Россию. В течение 1990 — 2020 гг. она включила в свой состав Восточную, Северную Европу и Прибалтику, а сегодня пытается поглотить Украину²;
- давление Восточной цивилизации на Россию проявляется в большом количестве мигрантов из стран Центральной Азии.

Кроме уровней геополитического давления следует выделить его формы, а именно: идеологическая, политическая, экономическая, культурная³, военно-политическая и т.д.

Исаева Е.А.
(Ярославль, ЯрГУ)

СОЦИАЛЬНОЕ РЕЙТИНГОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРАВОПОСЛУШНОГО (ПОЗИТИВНОГО) ПОВЕДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ «ЯНДЕКС.ТАКСИ»*

Проблема правовой регламентации социального рейтингования начинает все активнее выходить на научное обсуждение по причине уже артикулированных частными компаниями рисков влияния персонального рейтинга на доступ к тем или иным услугам, предоставляемым гражданам. И она носит не только правовой, но и политический характер по причине формирования инструментов, которые могут приводить к возникновению субъектов, оказывающих влияние на поведение большого числа граждан. Один из наиболее ярких примеров 2024 года продемонстрировал агрегатор такси Яндекс, заявивший о том, что личный рейтинг пассажира будет влиять на скорость обработки системой его заказа и возможность заказать сразу несколько автомашин. Персональный рейтинг водителей был введен агрегатором уже давно и был доступен для пассажира в установленном электронном приложении.

Начиная с февраля 2020 года, в тестовом режиме, пользователи получили возможность видеть свой рейтинг в личном кабинете. Изначально рейтинг был доступен для просмотра только для пассажиров, водители данный рейтинг видеть не могли. Правовых последствий до 2024 года данный рейтинг для пользователя услуги не влек, поэтому особого интереса и обсуждений не вызывал. Рейтинг формировался на основе предоставленной возможности водителю оценить поведение пассажира по окончании поездки по пятибалльной шкале, где 5 — наивысший балл. Рейтинг формируется как средневзвешенное число, при этом особенностью подсчета является то, что новые оценки, которые ставят пассажиру водители, имеют больший вес, чем поставленные ранее, что позволяет и даже мотивирует пассажира на позитивное и правопослушное поведение, способствующее более быстрому выправлению балла в случае его понижения.

Фактически все предложенные агрегатором правила поведения являются общепринятыми правилами этикета либо соблюдением действующего законодательства. Порча чужого имущества,

¹ Как расширялось НАТО по годам. URL: <https://avatars.mds.yandex.net/i?id=397ee6565550764c310b39fafa2f4b392e0f91a36234cfd3-8071172-images-thumbs&n=13>.

² *Исаев Б.А.* Зарождение, становление и функционирование партийной системы современной России. Дисс. ... д-ра социол. наук. СПбГУ. СПб., 1998. — 401 с.

³ *Исаев Б.А.* История партий и партийных систем. Ч. 2. История партийных систем: Учебник и практикум / Сер. 61 Бакалавр и магистр. Академический курс. 2-е изд. испр. и доп. М., 2016. — 244 с.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан». URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00728>.

хамство, приставания являются противозаконными в любой ситуации, но для формирования позитивной модели поведения агрегатор такси создал действенный инструмент внутренней корпоративной регуляции в форме рейтинга. Соблюдение предложенных правил не вызовет у среднестатистического гражданина проблем в исполнении.

До 2024 года пассажиры не знали, как и на что влияет имеющийся в их личных кабинетах балл, но в марте 2024 года представителями сервиса Яндекс впервые были озвучены негативные последствия, которые могут настичь клиента, который имеет невысокий рейтинг. Также компания расширила критерии рейтинга, введя туда в качестве маркера отмену пользователем поездок, на которые системой уже был назначен водитель. Водители Яндекс такси, в свою очередь, получили уведомление, что теперь они смогут видеть рейтинг пассажира и, если он невысокий, то заказ можно будет не брать, не рискуя получить санкции за потерю активности.

Каждый пассажир, в соответствии с новыми правилами рейтингования, озвученными в апреле 2024 года, получит один из трех статусов «Все в порядке», «Приемлемо» или «Непорядок».

Примечательно, что новые условия предоставления услуг, указанные в п. 12 Пользовательского соглашения (Дата публикации 03.04.2024), вероятно, повлияют определенным образом и на тех пассажиров, которые безнаказанно до настоящего времени отменяли заказы по дискриминационным основаниям, в частности, национальность или пол водителя.

Безусловно, во внедренной системе рейтингования есть риски, связанные с тем, что в его основе лежит субъективное мнение конкретного гражданина.

Заметим, что маркетплейс *Wildberries* в настоящее время также оценивает процент выкупа заказов пользователями платформы, но, подчеркнем, что пока правовых последствий (ни поощрительных, ни карательных) для покупателей это не влечет.

Оценивая введение частными компаниями системы рейтингования с политической точки зрения, можно усмотреть начало формирования параллельной к государственной системы управления поведением граждан. Такие компании, как Яндекс, вовлекают в качестве клиентов миллионы людей, для которых устанавливают правила поведения и подкрепляют их мерами реагирования, о которых напоминают каждый раз, как гражданин открывает приложение и видит оценку своего поведения. И если государство использует чувствительный инструмент принуждения в форме уголовной и административной ответственности, то бизнес формирует свою систему «кнута и пряника», настраивающую гражданина на то, чтобы следить за своим поведением в ситуации, когда оценку поведению дает не государство, а простой человек, к примеру, водитель такси. Субъекты предпринимательской деятельности выстраивают не противоречащую государственной, а скорее дополняющую ее систему стимулирования правопослушного поведения гражданина, соответствующую требованиям закона и социума. При этом важно иметь в виду, что само по себе появление нового «творца норм», можно даже сказать «конкурента», только нащупывающего путь к управлению поведением больших масс людей, может для государства стать важным процессом, на который стоит обратить более пристальное внимание.

Исхакова З.З.
(Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

СУГГЕСТИВНО-ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ УНИВЕРСАЛИИ

Информационная напряженность в мировом пространстве детерминирует появление новых коммуникативных технологий. Современный политический дискурс характеризуется нивелированием границ между коммуникативными технологиями межличностного и институционального общения в искусстве убеждения. Так, простой, «понятный язык» со стороны власти явился эффективным в период пандемии COVID-19 (Р. Водак) и не теряет своего выраженного прагматического и суггестивного потенциала в политике на сегодняшний день. В этой связи в современной политической коммуникативистике востребован лингвистический подход.

Среди существующих методов, таких как критический дискурс-анализ, когнитивный метод, линво-идеологический метод, описательный метод и других, следует отметить информационно-семиотический в эмотивно-экспрессивном аспекте (Исхакова З.З.). Человек эмоциональный — *homosentiens* — структурирует свой дискурс посредством экспрессивных составляющих, так как эмоциональный интеллект *homosentiens* детерминирует его рациональное мышление. Эмоции составляют ядро языковой личности (В.И. Шаховский). Уровень регистра эмоциональности и экспрессивности адресанта — власти обуславливает количественные и качественные показатели суггестивной характеристики властного дискурса, тем самым отвечая за степень воздействия на массовое сознание.

Суггестия дискурса обусловлена как парадигматическими связями между единицами текста — по вертикали, например метафорическими выражениями (как призыва к войне Э. Макрона *We are at war* в период пандемии COVID-19), так и синтагматическими связями — по горизонтали, направленными на линейное соотношение между языковыми единицами, например риторическими вопросами или параллельными конструкциями. Симбиоз внешней организации дискурса и его внутреннего содержания составляет общий транслируемый смысл информации (Ф. де Соссюр), в том числе суггестивной. Убеждение массового сознания при этом действенно, поскольку как власть, так и подвластные имеют синхронизированные кодовые системы для считывания информации (У. Эко).

Наука о языке предоставляет эпистемологическую универсалию в отношении исследования экспрессивного потенциала текста в политическом контексте. В частности, это эмотивно-дейктическая, или эмотивно-указательная, константа в виде поля с его ядром и периферией — с наиболее и наименее репрезентативными указателями (образами, символами, индексами) выражения экспрессивной суггестии отправителем информации (монография «Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере» Исхаковой 3.3). Максимально репрезентативными знаками выражения воздействия на аудиторию представляются, например, просторечная лексика, морфологические признаки в форме отрицательных префиксов (*unbreakable friendship* между Израилем и США в речи Дональда Трампа), номинативная лексика, выражающая чувства (дружить, ненавидеть и др.), а также дискурсивные конструкции, основанные на синтагматических связях между единицами текста. Ими могут быть повторы, обособления или риторические вопросы, рифмованные фразы как *Long live the Republic, long live France!* и другие.

Сложность проведения экспрессивно-семиотического исследования политического дискурса состоит в том, что указатели воздействия на аудиторию состоят в конвергенции между собой. За функцию воздействия в одном высказывании может отвечать один и тот же экспрессивный языковой репрезентант, выступая при этом в разных функционально-семиотических ипостасях, как, например, слово *love* в высказывании Д. Трампа при обращении к электорату: *I love the people in this room. I love Israel. I love Israeli*. Здесь вступают в действие эффективный указатель экспрессивности в качестве номинатива — символа *love*, называющего эксплицитно чувство, и его же реализация в тексте посредством повтора, также репрезентативного указателя эмоциональности в политическом дискурсе. Все это — и сам номинатив — символ, и его повтор — эффективно реализует суггестивный потенциал максимального убеждения подвластных в дискурсе.

Таким образом, использование лингвистического инструмента экспрессивности в изучении политического дискурса обуславливает его дешифрирование в отношении имеющегося в нем уровня суггестивной характеристики, отвечающей за силу воздействия на массовое сознание, что особенно актуально в свете информационного и эмоционального нагнетания в современном мире. Привлечение количественного метода при этом обеспечит валидность эмпирических данных.

Исхаков В.Б.
(Москва, ГУП)

МНОГОВЕКТОРНОСТЬ КАК ДОМИНАНТА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

Происходящие глубинные сдвиги в международных отношениях привели к повышению роли государств Центральной Азии в мировой политике. Для России они укрепились в статусе дружественных стран, которые последовательно выступают за расширение двустороннего сотрудничества с Москвой. Вместе с тем возросшая субъектность центральноазиатов в мире во многом является также следствием проводимого ими после обретения независимости многовекторного внешнеполитического курса, наиболее устойчивые и целостные формы который получил в Республике Казахстан, претендующей на роль одного из лидеров евразийского пространства.

Многовекторность в самом общем контексте следует рассматривать как линию руководства государства на проведение максимально сбалансированной, прагматичной и лишенной жестких идеологических рамок внешней политики. Наличие у страны экономических и, особенно, природных ресурсов, ее географическое положение способствуют тому, что власти смогут придерживаться такого курса максимально длительный период времени. Многовекторность коррелируется с геополитической нестабильностью, поскольку позволяет поддерживать ровные взаимоотношения со всеми мировыми центрами и не ввязываться в конфликты. Занимая таким образом положение «над схваткой», государство расширяет имеющееся у него «окно возможностей» в отстаивании своих национальных интересов.

Направления сотрудничества (вектора) в рамках многовекторности объективно не могут быть равномерными: в одних доминируют торгово-экономические отношения, в других — взаимодей-

ствие в политической области и сфере безопасности, в третьих — гуманитарные связи. Важнейшими ограничителями в выстраивании многовекторной политики выступают наличие у страны общих границ с мировыми центрами (для Казахстана — это Россия и Китай), а также исторически сложившиеся с ними связи.

Руководство Казахстана последовательно проводит многовекторный курс во внешней политике, в разработке и осуществлении которого ведущую роль играет действующий президент страны К.-Ж. Токаев. На текущем этапе одной из его особенностей является акцент на решение практических задач по закреплению за Казахстаном роли ключевого транзитного хаба на евразийском континенте, максимальная диверсификация торгово-экономических связей и привлечение иностранных инвестиций. При этом казахстанские власти стараются дистанцироваться от противостояния России с коллективным Западом и, в частности, выступают за урегулирование всего комплекса проблем между ними исключительно дипломатическим путем в рамках международного права.

Казахстан поддерживает союзнические и стратегические отношения с Россией как в двустороннем формате, так и в рамках ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и СНГ, а также расширяет кооперацию с Китаем (КНР и РФ занимают, соответственно, первую и вторую позиции среди торговых партнеров Казахстана с объемом товарооборота в 2023 г. 31,5 и 26 млрд долл. США). В западном векторе приоритет отдается развитию сотрудничества с европейскими и американскими компаниями, контролирующими крупнейшие казахстанские углеводородные месторождения Тенгиз, Кашаган и Карачаганак, и привлечению средств в развитие транзитной инфраструктуры, прежде всего в проект Транскаспийского международного транспортного маршрута. Вместе с тем Казахстан негативно относится к навязыванию США и ЕС своей «демократизаторской повестки», остро реагирует на критические оценки прозападными мониторинговыми миссиями проводимых в стране избирательных кампаний. В отношениях с Турцией особое место занимает тюркская интеграция.

Казахстанская многовекторность в условиях текущего мирового кризиса сталкивается с различными вызовами. Один из них связан с потребностью республики в развитии собственной атомной энергетики. Так, свои проекты строительства АЭС Казахстану предложили компании из России, Китая, Франции, Южной Кореи. В этой связи президент Токаев заявил о возможности создания для возведения атомной электростанции международного консорциума, формат которого позволил бы, с одной стороны, с наименьшими репутационными рисками реализовать этот важный для Казахстана проект, а с другой — в практической плоскости продемонстрировать настрой Астаны на поддержание конструктивных отношений со своими основными партнерами.

В целом, в последние годы Казахстан сумел заявить о себе как о «среднем государстве» (научная база этого понятия разрабатывается аналитическими центрами республики), которое, придерживаясь многовекторности, в условиях противоборства глобальных держав стремится повысить свою роль на мировой арене. Поэтому в обозримой перспективе эта центральноазиатская республика вряд ли откажется от такой внешнеполитической стратегии, позиционируя ее в качестве одного из «столпов» своей независимости. В рамках многовекторности казахстанские власти будут стараться в первую очередь закрепить достигнутый баланс в отношениях с зарубежными государствами для того, чтобы не допустить усиления одних векторов в ущерб другим. При этом постоянством будет отличаться иерархия иностранных партнеров, верхние позиции в которой продолжат занимать Россия и Китай.

ЗЕЛЕНЫЙ ПЕРЕХОД КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА)

Зеленый переход и, шире, попытка переформатировать экономическое развитие на основе принципов устойчивого развития, является одним из мегатрендов текущего момента. Цели устойчивого развития перестали быть предметом озабоченности «золотого миллиарда». Сформировался широкий международный консенсус, различие позиций в основном касается темпов и методов управления трансформацией. В этой связи научный и практический интерес представляет потенциальное влияние зеленого перехода на трансформацию социально-экономической модели. В нашем исследовании сделана попытка оценить это влияние на примере процессов, происходящих в Европейском союзе.

Пять лет реализации Зеленого курса ЕС, инициированного в декабре 2019 г., дают возможность оценить достижения, сложности и перспективы развития этого проекта. Основу исследования составили шесть основных стратегий, входящих в состав Зеленого курса (ЗК). К каждой из этих стратегий был приложен план действий, в котором перечислялось большое число практических мероприятий. На основе базы законодательства Евросоюза и иных открытых источников проведено исследование степени реализации данных мер. Законодательный процесс в целом шел довольно гладко, однако в 2023–2024 гг. дискуссии в институтах ЕС стали более жесткими, часть документов «забуксовала» или была отложена. Однако собранные данные позволяют сделать вывод, что подавляющая часть запланированных законодательных актов и иных мер уже воплощена в жизнь.

Зеленый курс, являясь продолжением энергетической/климатической политики ЕС, выходит далеко за рамки этих сфер. ЗК предусматривает коренную трансформацию экономики ЕС с целью обеспечить экономический рост без увеличения объема используемых ресурсов, построить справедливое общество с современной, ресурсосберегающей и конкурентоспособной экономикой. Принципиальная новизна в том, что ЗК привносит императив устойчивого развития во все направления экономической политики и охватывает широкий круг сфер: чистая энергетика, устойчивая промышленность, строительство и эксплуатация зданий, продовольственный сектор, устранение загрязнений окружающей среды и поддержка биоразнообразия, умная мобильность и т.д. В контексте ЗК на уровне ЕС помимо вышеупомянутых проектов предусматривается реформа аграрной и торговой политики, акцентирование целей устойчивого развития в образовании, комплекс мер по трансформации общественного сознания (прежде всего продвижение концепции ответственного потребления).

Зеленый курс представляет собой стратегию трансформации европейской экономической модели, учитывающей не только количественные, но и качественные параметры экономического роста и функционирующей «в логике не конкурентоспособности, но конкурентоспособной устойчивости» (Bongardt and Torres, 2022: 170). Инкорпорация концепции устойчивого развития во все сферы экономической политики, в случае успешной реализации, может стать третьим этапом развития экономической модели ЕС.

Традиционно режим управления климатической/энергетической политикой в ЕС оценивают на основе критериев амбициозности и жесткости. Амбициозность связывают с количественными параметрами средне- и долгосрочных целей и общей последовательностью проводимого курса. Жесткость режима характеризует степень обязательности правил и соотношение мягких и жестких методов принуждения к их соблюдению. В последнее время для оценки эффективности режима управления к указанным критериям добавляют еще два. Плотность регулирования отражает разнообразие существующих инструментов (финансовые стимулы, регуляторные практики, горизонтальные связи, механизмы поддержки НИОКР, информационные и образовательные проекты и т.п.) и их способность устранять имеющиеся барьеры и стимулировать трансформацию. Вторым критерий — комплексность климатической политики, то есть распространение коммунитарного регулирования на смежные сферы, чтобы обеспечить комплексную трансформацию, необходимую для достижения поставленных целей.

За два десятилетия XXI века система климатического управления в ЕС существенно усовершенствовалась по указанным критериям, а меры, намеченные в рамках Зеленого курса, в случае их полноценной реализации, обещают дополнительное улучшение. В продолжение ранее наметившейся тенденции, наблюдается значимый переход от мягких ко все более жестким методам регулирования для того, чтобы обеспечить последовательность на всех уровнях управления и предсказуемость проводимого курса в долгосрочной перспективе

В 2023–2024 гг. влияние «зеленых» идей в общественном дискурсе и политической практике заметно сократилось, что проявилось в ходе текущего избирательного цикла. В результате замедления темпов экономического развития в Европе и появления новых вызовов в сфере безопасности готов-

ность вкладывать экономические и политические ресурсы в зеленую трансформацию уменьшается. Однако социальная база ЗК остается существенной, а накопленный опыт и реформированная за последние годы модель управления в этой сфере обеспечивают достаточную инерцию. Из фазы активного принятия нового законодательная и выстраивания системы управления проект вступает в фазу практического реализации.

Принципиальная неопределенность связана с двумя факторами. Во-первых, это масштаб возможных негативных последствий для экономического роста и конкурентоспособности. Однако, опираясь на высокоразвитую экономику и акцентируя благоприятное влияние ЗК на качество жизни и социальное развитие, европейские политики рассчитывают не только успешно минимизировать эти негативные последствия, но и использовать переход к устойчивой экономике как стимул для экономического развития. Во-вторых, возникшая в последние годы необходимость балансировать уже не две, а три стратегических цели. В связи с ростом геополитической напряженности к классическим целям обеспечения экономического роста и зеленой трансформации добавилась цель радикального укрепления оборонного потенциала. Попытки Европейского союза сбалансировать эти три приоритета при ограниченности ресурсов заслуживают пристального внимания исследователей.

Казак О.Г.
(Минск, БГЭУ)

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЗАПАДНОПОЛЕССКОГО РЕГИОНА БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ВОЗМОЖНОЙ УГРОЗЫ СЕПАРАТИЗМА

В конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. в Беларуси разворачивалось западнополесское этнополитическое движение, имевшее отчетливую сепаратистскую направленность. Активисты движения во главе с его лидером, филологом и публицистом Н.Н. Шеляговичем, утверждали, что автотонное население отдельных районов Брестской области Беларуси является самостоятельным народом — полешуками (ятвягами). Культурные и лингвистические особенности населения, по мнению участников западнополесского движения, должны были стать определяющим фактором для получения регионом автономии или статуса суверенного государства. Н.Н. Шелягович и его единомышленники развернули довольно активную деятельность (многочисленные обращения в органы власти, научные конференции, интервью СМИ, издание газет на западнополесском диалекте и др.), которая, однако, не находила заметной поддержки у жителей Брестской области. В середине 1990-х гг. западнополесское этнополитическое движение сошло на нет.

Сегодня элементы западнополесских диалектов используются для подчеркивания особого колорита региона в различных культурных проектах (например, часть подписей к экспонатам в Мотольском музее народного творчества (Ивановский район Брестской области) выполнена на местном диалекте; фольклорные коллективы региона исполняют песни на местных говорах). В последние годы активную работу по популяризации местного диалекта проводят сотрудники Хмелевской сельской библиотеки (Жабинковский район) и Жабинковской районной библиотеки. В 2021 г. был опубликован сборник «Хмелёвськи заколоты», в котором приведены более 300 диалектных слов, 24 названия урочищ в окрестностях агрогородка, более 100 прозвищ жителей населенного пункта. В 2022 г. вышел фольклорно-этнографический краеведческий сборник, часть материалов которого также написана на местном диалекте. В данных изданиях языковая специфика региона позиционируется как уникальная культурная особенность, политизации данной проблемы не наблюдается. Несколько иной характер имеют отдельные стихотворные произведения В.Г. Давидчика (1924–1995 гг.), опубликованные в сборнике, подготовленном сотрудниками Жабинковской районной библиотеки в 2023 г. В стихотворениях и баснях В.Г. Давидчика, написанных в период активной фазы западнополесского этнополитического движения, критически оцениваются процессы директивной белорусизации (форсированное внедрение белорусского языка во все сферы общественной жизни), имевшие место в первой половине 1990-х гг., подчеркивается, что родным языком для жителей региона является полесский диалект.

Деструктивный потенциал имеет сборник произведений на западнополесском диалекте «Онъдэ» авторства одного из руководителей польского телеканала «Белсат» (в 2021 г. решением МВД Республики Беларусь включен в перечень организаций, формирований, индивидуальных предпринимателей, причастных к экстремистской деятельности) А. Диковицкого, вышедший в свет в 2021 г. В произведениях спекулятивно демонстрируется якобы имеющая место глубокая дистанцированность и отчужденность населения Западного Полесья от власти на протяжении последних десятилетий.

Государственные и общественные структуры Польши и Украины во второй половине 2010-х гг. оказывали некоторую поддержку организациям и отдельным представителям интеллигенции, дея-

тельность которых была направлена на популяризацию культурных особенностей Западного Полесья. К возможным причинам таких проявлений «мягкой силы» можно отнести желание властей соседних государств иметь дополнительный аргумент в случае актуализации проблемы территориальных размежеваний в регионе. Так, в 2015 г. при финансовой поддержке Польского института в Минске и Маршалковской управы Подляшского воеводства (Польша) был опубликован сборник материалов конференции, в котором одна из статей (автор — Д. Фионик) была написана на «подляшском» языке, распространенном, по заверению ее автора, и на Брестчине. В 2018 г. при финансовой поддержке ряда украинских организаций (в том числе действовавших на территории Беларуси) был издан «Мотольский словарь» Д. Кульбеды. В сборнике не только представлены элементы локального говора одного из населенных пунктов Брестской области, но и приведена переписка Д. Кульбеды, в которой он подчеркивал якобы «небелорусский» характер культуры Западного Полесья.

Таким образом, на сегодняшний момент западнополесский вопрос в целом лишен политической остроты. В то же время органам государственного управления необходимо проводить тщательный мониторинг общественных структур, которые потенциально могут разыграть «полесскую карту», и пресекать их деятельность по искусственной политизации этничности.

Казаков А.А.
(Саратов, СГУ имени Н.Г. Чернышевского)

ВЛИЯНИЕ МЕДИАПРАКТИК НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Эмпирическую базу анализа составили результаты проводившихся в 2022–2024 гг. ВЦИОМом, ФОМом и «Левада-центром» (признан в России иностранным агентом) опросов, в которых затрагивались различные аспекты, имеющие отношение к типичным для молодежи медиапрактикам. Кроме этого, отдельные моменты, не охваченные федеральными социологическими службами, выяснялись посредством самостоятельно проведенных онлайн-анкетирований и фокус-групповых интервью (в ноябре 2022 и 2023 гг. сотрудниками кафедры политических наук СГУ им. Н.Г. Чернышевского были опрошены, соответственно, 2018 и 862 респондента в возрасте от 14 до 35 лет).

В результате проведенного исследования были выявлены следующие особенности медиапотребления современной российской молодежи:

1. Молодые люди отдают абсолютное предпочтение новым медиа. Традиционные СМИ уже не способны удовлетворить разнообразные медиазапросы «цифровой молодежи» и обладают для нее меньшим авторитетом, чем новые.
2. Медиапотребление молодежи приобретает индивидуализированный характер, а получаемый ею контент становится все более персонализированным. Имея доступ к очень большому количеству информационных ресурсов, пользователи получают возможность самостоятельно формировать новостные ленты «под себя» — с учетом собственных интересов, запросов и предпочтений.
3. Во многом иррациональный и отчасти ритуализированный характер потребления новостей: молодые люди зачастую обращаются к медийным ресурсам не потому, что испытывают потребность в какой-либо информации, а потому, что это стало для них привычкой.
4. Тематическое разнообразие и в некоторой степени хаотичность медийных пристрастий молодежи. При этом, как показали результаты наших собственных замеров, далеко не всегда молодые люди способны внятно объяснить причины обращения к конкретному источнику информации.
5. Ситуативная и событийная обусловленность обращения к конкретному контенту.
6. Для весомой части молодежи характерна приверженность привычным для себя источникам информации и нежелание расширять спектр используемых медийных ресурсов. Как результат, формируемые у молодых людей взгляды и отношение к происходящему и к отдельным персонам во многом являются производной от тех нарративов, которые транслируются в предпочитаемых ими источниках.
7. Прагматичный, отчасти даже потребительский подход к новостному контенту.

Постепенная утрата монополии новостных агрегаторов повышает степень самостоятельности молодежи в выборе потребляемого ею контента. Каждый начинает формировать собственную медийную диету, формируя вокруг себя информационный кокон, препятствующий проникновению

* Статья подготовлена в рамках научного исследования № 224020500225-6 «Влияние медиапрактик на политическое сознание российской молодежи: особенности, тенденции, возможности коррекции», осуществляемого за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

в него «чуждых» его обитателю идей, ценностей и взглядов. Люди фактически оказываются в разных информационных реалиях, что вполне может стать новым основанием дифференциации социума. Медиасоциализация, таким образом, рискует приобрести способность к потенциальной дезинтеграции общества (прежде всего — по политическим основаниям).

На наш взгляд, возможность купировать негативные эффекты медиасоциализации имеется, однако для ее реализации требуется принятие системных мер со стороны государства.

Прежде всего, необходимо повышать общий уровень медийной грамотности и политической культуры молодежи. В идеале, конечно, эту задачу целесообразно решать через систему среднего, средне-специального и высшего образования. Однако опыт показывает, что рассчитывать на массовое тиражирование подобных практик в настоящий момент достаточно трудно.

«Достучаться» до молодежи возможно лишь в том пространстве, в котором присутствует абсолютно большая ее часть, — в новых, а не традиционных медиа. Ориентированные на повышение медиакомпетенций молодежи материалы необходимо тиражировать в максимально доступной, визуализированной и привлекательной для нее форме, посредством привычных для данной возрастной группы форматов — коротких видео, картинок, карточек, гипертекстовых ссылок, мемов и т.д.

Явно нелишним было бы и распространение в популярных у молодежи социальных сетях и мессенджерах специализированного программного обеспечения и сервисов, обладающих фактчекинговым функционалом. Разумеется, использование данных ресурсов должно быть бесплатным. В противном случае глубина их внедрения в повседневные медиапрактики «цифрового» поколения окажется минимальной.

Помимо усилий по повышению медийной грамотности, достаточно важным видится и продолжение борьбы с распространителями недостоверной информации. В данном случае мы имеем в виду как законотворческую, так и правоприменительную деятельность: мало просто повышать информационный иммунитет молодежи, важно также бороться с «вирусами», которые пытаются его подорвать.

Казанцев Д.А.
(Барнаул, АлтГУ)

РОЛЬ STEAM И YOUTUBE В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Современные молодые люди, заявляя о своем осознанном дистанцировании от политики, переключаются на развлекательные каналы получения информации и коммуникаций. Однако в реальности это не значит, что они исключаются из политической сферы. Компьютерные игры и видеоконтент начинают играть особую роль в процессе формирования политического сознания современных молодых людей. В этом аспекте среди платформ особенно выделяются *Steam* и *YouTube*, каждая из которых по-своему вовлекает молодежь в обсуждение общественно-политических вопросов. В исследовании рассматриваются сюжеты общественно-политического характера в отзывах в *Steam* и комментариях на *YouTube*, собранные методом автоматизированного парсинга. Для анализа данных применялась нейросеть на основе *ru-BERT* архитектуры, классификация возрастных групп проводилась с помощью *ChatGPT-4o* под контролем экспертов.

Одной из наиболее встречающихся тем на обеих платформах стала проблема войны и мира. Особенно ярко она проявляется в *Steam*, где многие игры сосредоточены на военных конфликтах и симуляции боевых действий. Авторы обзоров говорят о выживании в условиях виртуальных конфликтов, практике обучения боевым навыкам, стимулируя единомышленников к политическим рассуждениям. С другой стороны, данные показывают, что наряду с милитаристскими настроениями существуют и пацифистские взгляды, в особенности на *YouTube*. Здесь большинство комментариев содержит призывы к миру и осуждение насилия. Интересно, что на *YouTube* чаще попадает критика Специальной военной операции и мобилизации.

Патриотические настроения, проявляющиеся через гордость за Россию и ее историю, также становятся значимыми, особенно в контексте обсуждений игр о Великой Отечественной войне. Они подкрепляются ностальгией по СССР, как правило, выраженной в положительных комментариях о роли Советского Союза в истории, что способствует формированию устойчивой национальной идентичности.

Комментаторы активно используют иронию и мемы для разбора текущих событий, высмеивая политиков и политические события. Играя важную роль в социализации молодежи, такой контент позволяет более легко и доступно говорить о сложных политических темах. В то же время, стере-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 24-28-01584 «Политическая социализация российской молодежи в контексте трансформации ее коммуникативных стратегий».

отипы о России, встречающиеся в западных произведениях и на игровых платформах, выражаются через «клюкву» — упрощенные образы русских, которые активно транслируются как в *Steam*, так и на *YouTube*.

Видеоигры и видеоролики, особенно те, которые затрагивают футуристические или постапокалиптические темы, провоцируют дискуссии о будущем России, ее политической системе и мировом положении. Здесь в дискурс включаются как позитивные прогнозы о развитии страны, так и негативные сценарии, связанные с кризисами или конфликтами.

На обеих платформах активно обсуждается тема социального неравенства и справедливости. Комментаторы выражают неудовлетворенность по поводу текущей политической и экономической ситуации, нередко затрагивая проблемы коррупции, бедности, несправедливости и критики власти. На *YouTube* и *Steam* также можно наблюдать выраженный запрос на альтернативные политические сценарии. Молодые люди активно говорят о необходимости выбора и участия в политической жизни, выражая недовольство тем, что они чувствуют себя отстраненными от реальных механизмов принятия решений.

В целом, анализ обзоров и комментариев в *Steam* и на *YouTube* показывает, что оба этих ресурса играют немаловажную роль в политической социализации российской молодежи. Такие темы, как война, патриотизм, социальная справедливость и политическая ирония, стимулируют дискуссии и формируют политические оценки. *YouTube* более активно вовлекает молодежь в споры через сатиру и мемы, в то время как *Steam* делает акцент на иммерсионном игровом опыте. Обе платформы не только способствуют конструированию политической идентичности, но и помогают молодежи определять свои идеологические позиции в контексте текущих событий в мировой политике.

Казаринова Д.Б.
(Москва, РУДН)

КОЛЛЕКТИВНАЯ ТРАВМА И ДИСКУРС ТРАВМЫ: ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗЛОМОВ И СОЦИАЛЬНОЕ СПЛОЧЕНИЕ*

В социальных науках на стыке психологии, социологии, культурологии и политических наук формируется новое дисциплинарное направление — *trauma studies*, изучающее как сам феномен индивидуальной, но чаще — коллективной травмы, так и создаваемые на ее основе коллективные идентичности и их функционирование. Потенциал теории травмы как центрального элемента идентичности играет значимую роль в процессах нациестроительства многих стран, как в исторической ретроспективе, так и в живой современности. Проблема мобилизующего потенциала и ограничений идентичности, основанной на травме, не получила еще достаточного развития в социальных науках. Понятие травмы берет начало во второй половине XIX века с психоаналитической теории травмы З. Фрейда, однако существует и трактовка травмы как рациональной реакции с позиций «философии Просвещения». В литературе на основе работ Дж. Александра, М. Балаева, И. Виссер, К. Кэрут, П. Штопки, Ж. Тощенко исследуется восприятие концепта травмы как мобилизующего и, одновременно, деконструирующего фактора общественной жизни.

П. Штопка утверждает, что в ходе преодоления социальной травмы возможны два сценария: либо травма устраняется, либо возникает новая циклическая травматическая последовательность, когда ослабленная травма создает предпосылки для возникновения новой. Социальная травма основывается на реальных событиях, но остается незаметной до тех пор, пока ее не распознают и не определяют как таковую, придя к общему согласию относительно ее значения и сформировав соответствующий нарратив.

Дискурс социальной травмы, в том числе поли- и мегатравмы, может быть достаточно динамичен. В зависимости от доминирующего политического дискурса может происходить как драматизация социальной и политической травмы (О. Малинова), так и ее нивелирование.

Ж. Тощенко подчеркивает, что характерной чертой общества травмы является сочетание в нем взаимоисключающих ориентаций и установок. В таком обществе наблюдаются следующие черты: отсутствие четкой и ясной стратегии развития, экономическая деградация, отсутствие конструктивных общественных сил, тесная взаимосвязь власти и капитала, массовый абсентеизм, отсутствие государственной идеологии или национальной идеи, игнорирование или чрезмерная акцентуация национальных интересов, резкий рост социального неравенства, социальные деформации и потеря стремления к национальному суверенитету, а также негативное или вынужденное отношение к традициям и прошлому опыту, либо наоборот, возвращение к устаревшим этноконфессиональным установкам и патриархальным ориентирам.

* Тезисы доклада представлены в рамках проекта Минобрнауки РФ- ЭИСИ FSSF-2024-0660 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к ценностному консенсусу».

В настоящее время наблюдаются определенные размежевания в российском обществе на почве политравм репрессий советского периода, распада СССР, травмы 1990-х годов, травмы «отмены» России со стороны стран Запада и травматических событий, связанных с СВО. Такая «сочетанная травма» создает как обширное конфликтное поле, так и, в ряде случаев, мобилизационный и солидаризирующий потенциал особого характера. В условиях низкого уровня межличностного доверия как следствия быстрых и болезненных изменений, которые разрушили прежние социальные нормы и ценности, а новые не успели сложиться ввиду высокой социальной динамики и новых травмирующих событий, растет запрос на источники солидарности. Однако они не могут выстраиваться из совместно пережитых негативных событий прошлого (как бы это ни казалось объединяющим фактором), но могут конструироваться из представлений о позитивном настоящем и будущем и опыте преодоления травмы.

Таким образом, коллективная травма и дискурс травмы играют ключевую роль в формировании идентичности и амбивалентное влияние на возможности социального сплочения в обществах, переживших значительные исторические события. Исследование травмы как феномена, а также ее влияния на нацистроительство и общественные процессы, подчеркивает, что травма может как мобилизовать, так и дестабилизировать социальные структуры. Важно, что для преодоления травмы необходимо не только признание ее существования, но и создание позитивного нарратива о настоящем и будущем, который может стать основой для социальной солидарности. В условиях низкого уровня доверия и отсутствия четкой стратегии развития запрос на источники солидарности возрастает, однако они должны базироваться на конструктивных представлениях, а не на совместном переживании негативных событий.

Казбан Е.П.
(Москва, ГУУ)

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ*

Влияние либеральной традиции на развитие общественно-политической мысли России и российской государственности имеет продолжительную историю. Особые условия распространения либеральных идей в России, отличные от стран Запада, связаны с историей нашей страны, с одной стороны, и общецивилизационными трендами развития в формате укрепления планетарного господства Западной цивилизации как родоначальника и носителя либеральной идеи, ведущей экономической и политической силы начиная с XVII в., с другой стороны.

Эти идеи пришли с Запада, где оформились в рамках так называемого проекта «Модерн», развились и продолжают трансформироваться сегодня. Вторичность, дочерний характер так называемого «русского либерализма» можно рассмотреть с точки зрения более глобального контекста взаимоотношений Запада и России, которые русский историк В.О. Ключевский обозначал понятием «влияние» и содержательно отличал от «общения». Начало западного влияния ученый датирует XVII в.

Западное влияние не распространилось на все социальные слои, а лишь высшие сословие, прежде всего дворянство, позднее интеллигенцию. Оно, это влияние, не проникло в глубинные народные слои. В контексте этих рассуждений распространение либеральных идей, как оформившейся системы взглядов, политической концепции, можно смело отнести к одной из составляющих этого западного влияния на российское общество, которое оказало определенное воздействие на общественно-политическое развитие страны, российской государственности, но не изменило мировоззрение и картину мира большей части общества, глубинных слоев, то, что сейчас называют «глубинным народом».

Либеральные идеи рассматривались как передовые, имеющие потенциал просвещения и переустройства общества на иных, более прогрессивных началах, кои демонстрировало западная цивилизация, но всегда заимствованные, не родные. Контекст реализации данной парадигмы западного влияния остается таковым и сейчас.

Безусловно, начиная с XVIII в. притягательность либеральных идей была велика и оказывала воздействие как на умонастроения определенной части российского общества, так и на правящие круги, политический класс и проведение ими государственной политики. Справедливости ради надо отметить и другую сторону влияния либерального дискурса — это развитие концепций общественного развития, имеющих почвенническую основу в противовес западному влиянию. То есть в российском обществе шла работа по переосмыслению западного либерализма и не только в плане адаптации его

* Статья подготовлена за счет средств федерального бюджета по государственному заданию. Наименование научной темы «Ценностные и политико-культурные факторы трансформации либеральной и консервативной политической мысли в России: исторический контекст и современный дискурс»; рег. номер 1024030400023-5-5.6.1, код (шифр) научной темы — FZNW-2024-0032.

под российскую действительность и условия развития России, но и в плане выработки альтернативных концепций.

Ряд современных исследователей считают, что специфику влияния либерализма на развитие России надо искать не в самих его принципах и выявлении общих черт с западным первоисточником, а в его «ситуационности». Такое обозначение специфики либерализма в Восточной Европе предлагает польский социолог Е. Шацкий, ссылаясь на С. Хантингтона. Вслед за ними и современные отечественные исследователи, среди которых есть и апологеты либерализма, акцентируют внимание на его функциях в различных исторических ситуациях. Сложность самой системы либерализма, как считают другие отечественные исследователи, и практики ее реализации не сводят либерализм к одной модели. Исходя из логики данных рассуждений возможно говорить о различных национальных версиях либерализма при сохранении классических ценностей.

Все разнообразие научных подходов к вопросу о специфике русского либерализма позволяет выделить ряд черт, которые были присущи именно отечественной версии распространения, оформления и развития этой идеологической системы, были обусловлены самобытностью культурно-цивилизационного развития страны.

В контексте этих рассуждений представляется значимым обратить внимание на то, что русское государство, как субъект политики, традиционно играющее ведущую роль в общественно-политической жизни, выступало как участник процесса распространения либерализма.

Практическая потребность в изменениях обратила правящий класс к западному опыту и западной образованности, науке и проектам общественного развития. Линия либерального дискурса в России XVIII в. представлена широким спектром политических идеологий, от государственных программ преобразований до радикальных идей А.Н. Радищева.

Главной задачей преобразований, освещенных идеями просвещения, а позднее русскими либеральными программами, являлось стремление вписать самодержавие в новый проект, иными словами, осуществить интеграцию самодержавного начала и теоретических канонов либерализма.

Русский либеральный проект, развивавшийся в XIX в., не приобрел опоры в виде широкого демократического движения, сохранил этатистский и элитарный характер. Либерализм в политической истории России не смог стать доминирующим типом ориентации, хотя оказывал влияние на общественную и политическую жизнь.

Казун А.Д.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ФЕЙК — ЭТО ТО, ЧТО БЫВАЕТ С ДРУГИМИ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМЫХ ДЛЯ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ ГРУППАХ*

Эффект третьего лица (*Third-Person Effects*) — убеждение человека в том, что другие более подвержены негативному влиянию различных медиапродуктов, чем он сам. Можно говорить об эффекте третьего лица и в отношении фейковых новостей: люди считают фейки большей угрозой для других, а не для себя. Эмпирической основой исследования стали 119 интервью о восприятии фейковых новостей, включая 30 интервью с людьми, которые оценивают свою вовлеченность в потребление новостей как низкую, 42 — как среднюю, 47 — как высокую. Возраст информантов составил от 16 до 75 лет. Было проинтервьюировано 62 женщины и 57 мужчин. Средняя продолжительность интервью — 46 минут. Сбор данных осуществлялся в период с 03.03.2024 по 07.05.2024.

Было выявлено, что многие информанты проводят границу между собой и «другими», полагая, что люди, которые отличаются по каким-либо значимым параметрам, более уязвимы для фейковых новостей. (1) Чаще всего основанием для такого различия становится возраст/поколение. Молодые информанты полагают, что наиболее уязвимы для фейков пожилые люди, так как они привыкли доверять новостям, более доверчивы в целом, имеют меньший доступ к информационным ресурсам и хуже ориентируются в современной медиасреде. Сам возраст в данном случае рассматривается преимущественно как социальная, а не биологическая характеристика. Указания на физиологические причины уязвимости пожилых людей для фейковых новостей присутствуют, однако не являются ярко выраженными. По мнению пожилых людей, жертвами фейков станут скорее молодые люди, поскольку они более эмоциональны и имеют меньший жизненный опыт. Люди среднего возраста комбинируют эти обоснования, подчеркивая, что фейки угрожают как молодым, так и пожилым. (2) Отчасти отражением дихотомии пожилые-молодые выступает дихотомия телевидение—Интернет.

* Подготовка доклада поддержана Российским научным фондом (РНФ), грант № 23-78-01206. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-01206/>.

Информанты (преимущественно пожилые), предпочитающие потреблять новости по телевидению, воспринимают пользователей Интернета как более уязвимых для фейковых новостей. Тогда как Интернет-аудитория придерживается противоположного мнения. (3) Прочими основаниями для выделения категории «других», которым угрожают фейковые новости, могут стать место проживания (жители Москвы полагают, что жители небольших населенных пунктов более подвержены фейкам), уровень образования (информанты с высоким уровнем образования считают, что менее образованные люди более подвержены фейкам), вовлеченность в новости (активные потребители полагают, что фейки угрожают тем, кто смотрит новости редко и не выработал критическое мышление в их отношении; избегающие новостей — что их активные потребители чаще оказываются подвержены фейкам и не все из них могут идентифицировать), политические взгляды (более уязвимыми видятся те, чьи убеждения существенно отличаются). (4) В отдельных исключительных случаях обнаруживаются и другие основания выделения наиболее уязвимой для фейковых новостей группы: пол (женщины считают мужчин более доверчивыми), магическое и антинаучное мышление (предполагается, что те, кто верит в гадания и астрологию, более предрасположены к воздействию ложной информации) и религиозность.

Таким образом, исследование позволило выделить широкий спектр оснований для разделения общества на «мы» (более защищенные перед лицом фейков) и «они» (уязвимая группа). Это имеет значение, поскольку восприятие угрозы как направленной на других людей, может не способствовать критичному отношению к новостному контенту, его перепроверке и верификации.

*Калабаева В.П.
(Москва, РУДН)*

ВЫЗОВ МНОГОСЛОЙНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Турбулентность современной международной обстановки, стремительная трансформация новых видов конфликтов XXI в., изменение взглядов как широких слоев населения ведущих стран, так и их элит на применение силы стимулируют активизацию и повышают ценность исследований концепции стратегической культуры и ее частных проявлений в отдельных странах как важного системообразующего фактора. «Сила дипломатии» уступает место «дипломатии силы», а стратегическая культура становится важным ключом при решении задач стратегического прогнозирования и практического применения результатов в различных сферах деятельности государства в отношении как государств-союзников, так и геополитических противников.

Резюмируя многолетние исследования стратегических культур разных стран и эволюцию самого понятия, современный российский ученый, член-корреспондент Академии военных наук А.А. Бартош определяет стратегическую культуру (СК) как «совокупность стереотипов устойчивого поведения государства при масштабном по своим политическим задачам и военным целям применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений».

В современных реалиях исследование СК как характера поведения в военно-политических ситуациях, связанных с применением военной силы в рамках внешнеполитической стратегии, особенно важно.

В частности, на фоне обострения конфронтации между Россией и странами Запада обретает актуальности вопрос состоятельности коалиционных СК. Актуальность таких исследований ранее уступала интересу к СК отдельных государств, в основном ведущих стран второй половины XX в.

Формирование общей СК у стран-членов военного или политического объединения сталкивается с рядом вызовов, которые могут быть преодолены лишь при наличии сильной политической воли и, как следствие, радикальной трансформации или даже исчезновению исконной СК одной или ряда стран.

СК отдельной страны формируется на основе национального исторического опыта, определяющего набор убеждений населения, принятых норм и взглядов, в частности на применение военной силы. Коалиции являются политическими проектами, которые в свою очередь сталкиваются с необходимостью формирования собственной СК, которая позволила бы эффективно интегрировать различные интересы стран-участников. Как следствие, ключевым фактором успеха коллективной СК становится обязанность и готовность стран-членов подчиняться коалиционной дисциплине. В итоге, конфликт частных и общих СК, различия взглядов и норм приводят к низкой эффективности интеграционных процессов как в политической, так и в военной сферах.

Современная Европа — специфический регион, где одновременно не только сосуществуют СК различных самобытных государств, но и развиваются несколько наднациональных объединений, которые также стремятся сформировать единую СК Европы, но движутся в различных направлениях.

Неотъемлемым элементом системы Европейской стратегической безопасности является НАТО. На сегодняшний день можно предположить, что страны-члены Североатлантического альянса за 75 лет его существования так и не смогли сформировать четкую и стабильную коалиционную СК.

В развитии СК Альянса ключевую роль играет СК Соединенных Штатов Америки, которая бескомпромиссно определяет стратегические концепции, долгосрочные цели, задачи, контуры изменяющейся обстановки в области безопасности. При гегемонии Американской СК НАТО остается лишь инструментом геополитического влияния Вашингтона.

Полагаясь на достаточно развитую СК США, НАТО претерпел ряд в большей мере формальных изменений, необходимых для оправдания своего существования и поддержания интересов США, однако не обрел общей для всех членов СК, как социо-психологического феномена, который сохраняет стабильность при смене военно-политического руководства, политических систем и т.д.

Угрозы стабильности НАТО дали новые импульсы для попыток развития системы Европейской безопасности в рамках Европейского союза. В отличие от НАТО, ЕС претендует на формирование отдельной коллективной СК и предпринимает шаги в данном направлении с начала XXI века.

Европейские лидеры особенно подчеркивают, что попытки развития военных структур ЕС и расширение интеграционных процессов в военной сфере не противопоставляются и не противоречат НАТО. Так и контуры СК ЕС во многом заимствованы у подходов Североатлантического альянса. В частности, сформирован консенсус об оправданности применения военной силы с целью защиты уязвимых этнических групп за рубежом.

В свою очередь европейский процесс формирования собственной общей СК развивается через углубленную социализацию, «институциональное доверие и процессы управления и развертывания военной силы как части принятого диапазона законных и эффективных инструментов политики».

Учитывая европейскую зависимость от СК США, военное сотрудничество НАТО и ЕС, отсутствие достаточной политической воли, можно сделать вывод, что лишь совместные пути стратегического развития двух организаций и некоторые аспекты двух параллельных стратегий позволяют очертить контуры общей европейской стратегической культуры.

*Кандыба Р.А.
(Пятигорск, ПГУ)*

ПРАВая ПОВЕСТКА В РОССИЙСКОМ ПАРТОГЕНЕЗЕ

Данная работа посвящена особенностям эволюции партий и общественно-политических движений постсоветской России, относящихся к правому сегменту идеологического континуума.

Предпосылками становления политического плюрализма в нашей стране, в частности, идеологического многообразия, выступили общественно-политические процессы позднеперестроечного периода. Перед новыми политическими объединениями возникла насущная проблема разработки программных документов, имеющих идеологическую определенность.

Наиболее актуальными запросами среди рядовых граждан были выход из экономического кризиса с использованием рыночных механизмов, а также повышение уровня личной свободы за счет минимизации контроля государством частной и общественной жизни. Подобные общественные запросы в наибольшей степени укладывались в парадигму либерализма, который стал наиболее модным идеологическим течением среди антикоммунистов. Свидетельством тому стало, например, название «Либерально-демократическая партия Советского Союза» В. Жириновского, которая всегда придерживалась по сути противоположных элитаристских и левопулистских взглядов.

Сформированное Б. Ельциным правительство во главе с Е. Гайдаром взяло курс на проведение радикальных рыночных реформ и минимизацию роли государства во всех сферах жизни. Воодушевление сторонников президента в связи с победой в политическом противостоянии осенью 1993 г. и вера в обещания быстрого выхода из экономического кризиса позволили проправительственному либеральному движению «Выбор России» сформировать наиболее крупную фракцию в Государственной Думе, хотя в пропорциональной части избирательной системы его опередили ЛДПР и КПРФ.

К выборам в Государственную Думу 1995 г. разочарование в либеральном курсе правящей элиты проявилось более явно, что привело к успеху левой партии КПРФ. В идеологических установках занявшего второе место проправительственного движения «НДР» наблюдался сдвиг от либерализма к центризму. Из правых объединений свое представительство сохранило лишь общественно-политическое движение «Яблоко», которое придерживалось концепции социального либерализма, было сторонником существования социального государства в условиях рыночных отношений и ратовало за европейский путь развития России.

В постсоветской России классический консерватизм так и не сформировался. Его заменил так называемый левый консерватизм ностальгического толка, ценностями которого являлись советские мораль,

социальная структура и институты, сильное государство и правопорядок, объединенные с принципом свободы совести. С этих позиций КПРФ можно рассматривать как левоконсервативную силу.

В начале XXI в. первенство в партийной системе перешло к партии «Единая Россия», чьи идеологические установки постепенно развивались в направлении консерватизма. В отличие от классического консерватизма, эта ведущая политическая партия придерживается так называемого социального консерватизма, в котором идеи традиционных ценностей сочетаются с ориентацией на значительную роль государства в регулировании экономики и проведение сильной социальной политики.

После 1999 г. либеральные партии начали сдавать свои позиции. СПС и «Яблоко» потеряли представительство в Государственной Думе в 2003 г. По нашему мнению, это связано с разочарованием общества в либеральных реформах, а также в прозападной позиции этих объединений.

Либеральные рыночные реформы, губительные для многих крупных предприятий, привели к формированию значительного сектора экономики, представленного малым и средним бизнесом. Именно поддержка слоя избирателей, связанного с малым и средним предпринимательством, оказалась достаточной для прохождения в Государственную Думу партии «Новые люди» в 2021 г.

Итак, запросам значительной части позднесоветского общества на перемены в наибольшей степени соответствовала либеральная идеология, которая стала антиподом коммунистической. После обретения Россией суверенитета партии слабо влияли на политический курс, а президент и правительство выбрали путь радикальных либеральных реформ. Однако чисто рыночные механизмы оказались недостаточными для выхода экономики из кризиса, а российское общество, освободившись от тотального контроля государства, в 1990-х не имело действенных механизмов саморегуляции. В условиях всеобщего разочарования в либеральных идеях правые партии потеряли представительство в Государственной Думе в 2003 г. Лишь в 2021 г. либеральная партия «Правые люди», у которой отсутствовала прозападная ориентация, смогла получить представительство в нижней палате парламента, заручившись поддержкой избирателей, связанных с малым и средним предпринимательством. Классический консерватизм в России так и не сформировался. Ведущая российская партия «Единая Россия» придерживается социального консерватизма, который не укладывается в полной мере в критерии правой идеологии.

*Каневский П.С.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)*

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛОББИЗМА НА НАДНАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ — КЕЙС ООН

На сегодняшний день вряд ли можно говорить о создании единого и универсального сегмента международного права, который способствовал бы унификации правил деятельности групп интересов в международном пространстве. Во-первых, международная система групп интересов крайне динамична и дифференцирована, она состоит из разнородных субъектов, имеющих разные цели и абсолютно по-разному осуществляющих свою лоббистскую деятельность. Во-вторых, лоббизм в значительной степени является неформальным феноменом. Даже в тех странах, которые сегодня регулируют лоббистскую деятельность на национальном уровне, остается огромное количество белых пятен, оставляющих пространство для неформальных отношений. В условиях анархичной международной системы данная задача является еще более сложной.

Вместе с тем, эволюция правовых механизмов на наднациональном и национальном уровнях отдельных государств во второй половине XX — начале XXI в. привела к появлению отдельных норм и правил, которые на различных уровнях сегментарно регулируют деятельность групп интересов в международном пространстве.

Важным примером наднационального режима регулирования лоббизма является Организация Объединенных Наций. Формально, ООН взаимодействует не со всеми группами интересов, а лишь с международными неправительственными организациями (МНПО). Легализация лоббизма происходит через придание МНПО консультативного статуса, за что отвечают различные органы и департаменты внутри организации. Больше всего практика предоставления консультативного статуса группам интересов распространена в Экономическом и социальном совете ООН (ЭКОСОС). Непосредственно за предоставление консультативного статуса отвечает Департамент по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ), являющийся частью Секретариата ООН и выполняющий функцию важного звена между глобальной политикой в экономической, социальной и экологической сферах и предпринимаемыми на национальном уровне действиями. ДЭСВ предоставляет группам интересов консультативный статус не только непосредственно в ЭКОСОС, но также в связанных с ним органах и центрах принятия решений, отвечающих за определенные сферы принятия решений: экология, права человека, контроль над вооружениями и пр.

Вместе с тем, ЭКОСОС и ДЭСВ — не единственные структуры в системе ООН, которые обладают правом предоставления консультативного статуса МНПО. Всемирная организация здравоохранения, Продовольственная и сельскохозяйственная организация, Программа ООН по окружающей среде, ежегодные Конференции сторон Конвенции ООН по изменению климата, ряд организаций, действующих под эгидой Конвенции ООН по морскому праву, а также прочие органы и структуры системы ООН, обладают собственными механизмами легального вовлечения групп интересов в процесс принятия решений. Причем, в отличие от ЭКОСОС, некоторые организации пошли по пути совершенствования базовых механизмов предоставления консультативного статуса, заложенного в 71-й статье Устава ООН.

Основная разница между режимами регулирования лоббизма внутри ООН сводится к различным трактовкам того, что считать международными неправительственными организациями и насколько допустимо взаимодействовать с организациями, представляющими интересы бизнеса. ЭКОСОС взаимодействует со всеми МНПО независимо от природы их интереса — это могут быть и социально ориентированные, и экологические, и бизнес-организации. Продовольственная и сельскохозяйственная организация, напротив, жестко исключает из списка МНПО те группы, которые имеют какое-либо отношение к бизнесу, и взаимодействует исключительно с гражданскими целевыми группами. Всемирная организация здравоохранения также взаимодействует со всеми МНПО, однако в своих правилах разграничивает принципы взаимодействия с гражданскими целевыми группами и группами, за которыми стоят бизнес-интересы.

Режим регулирования лоббизма в ООН сегодня сводится к трем основным типам:

Либеральный, в рамках которого предоставление консультативного статуса МНПО допускает открытое присутствие бизнес-интересов.

Социально-ориентированный, в рамках которой консультативный статус предоставляется исключительно целевым группам и не допускается отстаивания деловых интересов.

Разграничительный, подразумевающий разграничение консультативного статуса между целевыми группами и группами бизнеса.

Ключевой вопрос регулирования лоббизма в ООН заключается в том, как и какие группы получают доступ к центрам принятия решений. Неслучайно режим регулирования лоббизма в ООН вращается вокруг статуса и типа групп интересов, с которыми ООН вступает во взаимодействие. Проблема чрезмерного влияния корпоративного мира и групп интересов глобального севера постепенно становится более заметной. Уже сейчас ведутся активные дискуссии о необходимости пересмотра правил аккредитации и допуска групп интересов при принятии решений с тем, чтобы избежать перекосов в пользу более влиятельных и могущественных групп, чьи истинные цели далеко не всегда соотносятся с целями ООН.

Канушкин А.В.

(Москва, Институт русского языка РУДН)

ПРОФСОЮЗЫ ФРГ ПЕРЕД ЛИЦОМ ОСТРЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Сентябрь 2024 года становится «идеальным штормом» для политической жизни ФРГ, несущим в себе экзистенциальные вызовы не только для партий, но и таких традиционных акторов немецкой политики, как профсоюзы.

1 сентября на выборах в ландтаги (местные парламенты) в восточных землях Германии праворадикальная «Альтернатива для Германии» (АдГ) победила в Тюрингии и стала второй в Саксонии, набрав в обоих случаях около трети всех голосов избирателей. Согласно опросам, на выборах 22 сентября в ландтаг Бранденбурга опросы прочат партии второе место. Правящая коалиция во главе с Социал-демократической партией Германии терпит одно разгромное поражение за другим, но это удар и по прочно ассоциирующим себя с социал-демократами немецким профсоюзам, поскольку АдГ — единственная из партий, выступающая с резкой критикой тред-юнионов, а они, в свою очередь, на протяжении нескольких лет ведут агитацию против правых в среде многомиллионной армии своих членов.

2 сентября ведущие СМИ ФРГ сообщили, что ситуация в немецком концерне *Volkswagen* приближается к критической точке: крупнейший автопроизводитель Европы усиливает курс жесткой экономики и впервые за почти вековую историю допустил закрытие заводов в Германии с прекращением гарантий занятости, действующих до 2029 года. Профсоюзы пообещали жесткий ответ.

Практически одновременно стало известно о покупке структурами *UniCredit* принадлежащих правительству ФРГ пакета акций *Commerzbank*, что позволило итальянскому банку стать владельцем второго по размеру портфеля одного из крупнейших немецких финансовых институтов. Профсоюз работников сферы услуг *ver.di* в лице президента Франка Вернеке отреагировал незамедлительно, заявив

о необходимости противостоять угрозе поглощений и доказать, что Германия все еще способна обеспечить благоприятные условия для бизнеса.

Протестные акции наемных работников продолжаются и усиливаются. В частности, только во второй декаде сентября стало известно о многотысячных забастовках врачей во Франкфурте и сотрудников детских садов в Берлине.

Необходимо отметить следующие важные обстоятельства. Во-первых, все указанные события — закономерное продолжение давно наметившихся глубинных процессов в немецкой политической и экономической жизни: промышленность ФРГ теряет лидирующие позиции в Европе и мире со всеми сопутствующими социальными издержками, АдГ демонстрирует растущие успехи на выборах земельного, федерального и европейского уровня, забастовочное движение в 2023—2024 гг. по охвату и интенсивности приближается к пиковым значениям за последнее десятилетие.

Во-вторых, и это главное с нашей точки зрения, указанные тенденции — звенья одной логической цепи, когда ухудшение состояния экономики ведет к разочарованию в политике правящей СДПГ и резкому росту «правых» настроений, а профсоюзы как «передовой отряд» социал-демократии повышают градус забастовочной активности, чтобы доказать стремительно переходящим на сторону АдГ гражданам Германии свою способность реально влиять на экономическую и политическую действительность.

Важность рассматриваемой темы обусловлена тем, что впечатляющий взлет «Альтернативы» является, без сомнений, центральной темой современной политической жизни Германии. Борьбу с АдГ ведет вся немецкая политическая система, и тред-юнионы, на наш взгляд, играют здесь особую роль. Несмотря на отток сторонников и другие проблемы на протяжении трех последних десятилетий, только входящие в Немецкое объединение профсоюзов восемь отраслевых структур насчитывают около 5,7 млн организованных сторонников, что делает их мощнейшей социально-политической силой ФРГ.

Тред-юнионы используют широкий арсенал средств в идеологической борьбе с «правыми». Для усиления своих позиций Немецкое объединение профсоюзов вошло в альянс «Вместе за демократию», в котором представлены церковные, благотворительные, молодежные, правозащитные, спортивные организации, объединения мигрантов, мусульман, евреев и другие общественные формирования.

Для немецких профсоюзов способность быть созвучными времени и принять его вызовы становится экзаменом на политическую субъектность.

Каратуева Е.Н.
(Санкт-Петербург, СПбГАУ, Москва,
Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЗЕЛЕНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ОТ РАСПАДА СССР К УГРОЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В СССР в середине 1980-х гг., в период провозглашенной гласности и свободы, экозащитная деятельность стала одним из главных направлений протестной активности. Осознание необходимости защиты окружающей среды привело к возникновению зеленого национализма, или национализма, связанного с борьбой за сохранение национальных природных ресурсов. Кроме экологических проблем существенное место в политике союзных республик стали занимать понятия территориальной целостности и культурной идентичности.

Созданные в результате международного влияния экологические НПО продемонстрировали значительный потенциал в привлечении общественного внимания и включении экологических вопросов в социально-политическую повестку дня. В СССР они стали единственными негосударственными объединениями, которые притягивали радикализирующуюся часть общества. Экодвижение быстро распространилось в союзных республиках, где объединилось с возрождающимся национализмом. Эстонские «зеленые» основали свою партию, чтобы участвовать в выборах, соединяя главный лозунг о государственном суверенитете с защитой окружающей среды. В Армении протестное движение против строительства опасных производств впоследствии, в связи с событиями в Нагорном Карабахе, приобрело характер борьбы за отстаивание национальных интересов. Недовольство жителей Казахстана последствиями ядерных испытаний в Семипалатинске инициировало националистические и сепаратистские процессы. В Средней Азии националисты обвинили руководство СССР в умышленном геноциде местных народов. Авария на Чернобыльской АЭС, ставшая одной из самых громких экологических катастроф XX в., всколыхнула национальное самосознание республик, наиболее пострадавших от ядерного заражения. Через несколько недель после Чернобыльской катастрофы на Украине было создано националистическое движение «Рух». В Беларуси экологические группы активно поддерживались Белорусским народным фронтом «Возрождение».

После распада СССР в национальных автономиях России, не получивших независимость в 1991 г., зеленый национализм может представлять серьезную угрозу стабильности страны. Татарские националисты использовали антиядерную активность в СССР как символ борьбы за суверенитет и независимость татар. Поскольку в 1980-х гг. в Татарстане строилась новая атомная электростанция, антиядерное движение дает возможность рассматривать возникновение национализма в регионе сквозь призму экологических проблем. Современные соглашения между РФ и Татарстаном поддерживают требования татарского населения о большем контроле над своими природными ресурсами, но они не соответствуют требованиям радикальных этнических националистов, которые еще сохраняют свое влияние на общество.

В 2015–2017 гг. в ХМАО началось открытое противостояние представителей коренных малочисленных народов Севера и нефтегазовой компании «Сургутнефтегаз» по поводу разработок на территории национального парка «Нумто» в Белоярском районе, являющегося уникальным сочетанием природных и культурно-исторических ценностей. В 2020 г. ряд акций общественного возмущения был вызван попытками Башкирской содовой компании (БСК) начать промышленную разработку шиханов, воплотивших в себе символ национальной идентичности. В апреле 2023 г. в Башкортостане вновь вспыхнули протесты против геологоразведочных работ в районе села Ишмурзино на горном хребте Ирендык. Задержание лидера протестного движения вызвало массовые беспорядки в республике.

Проблемы защиты и сохранения окружающей среды будут актуальными всегда. Но в многонациональных сообществах экологические системы оказываются тесно связанными с этническими, поэтому многие гражданские инициативы окрашиваются в зеленый цвет. Опасность для целостности государства представляет политизация экозащитных процессов, вовлечение их в сепаратистскую деятельность националистами, педалирующими взаимосвязь экологии и национальной идентичности.

Каргина И.Г.
(Москва, МГИМО МИД России)

КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ ДИНАМИКИ РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТОГРАФИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Принципиальная новизна и глобального, и локального социальных контекстов современных обществ состоит в том, что имеющая место политическая, экономическая и социокультурная реинституционализация глобального мироустройства обнаруживает новые легитимации и новые идеологические риторики, в которых тема религии заняла прочные позиции. Глобализация запустила процессы беспрецедентных трансформаций в поле религии, породила новую форму религиозности, в которой индивид способен сочетать догматы и практики из множества традиций, в том числе за пределами религиозных институтов, не испытывая при этом культурного или когнитивного диссонанса.

Религия проявляет удивительную рефлексивность к социальным изменениям и последовательное влияние, которое она оказывает на это развитие, фактически выражается в повышении роли в политических процессах и определении климата сосуществования отдельных людей, социальных групп и государств. П. Бергер весьма точно отметил, что «современная эпоха стала свидетелем огромных вулканов религиозной страсти», имея в виду не только рост религиозного разнообразия, возрождение религий во многих странах мира, но и возросшую конфликтогенность религиозного фактора.

Здесь стоит вспомнить и слова британского социолога Роланда Робертсона: «...религия более не выступает в роли фактора, который препятствует трансформации общества в современное состояние. Она также не является «сопутствующим синдромом», зависимым от мировой экономики. Вместо этого, она становится бесконечно разнообразной тематикой, которая во множестве видов взаимодействует с культурной, идеологической, политической, и экономической средой».

Робертсон объясняет, что, поскольку глобализация ставит под сомнение самобытность обществ и отдельных лиц и сводит различные цивилизации на одну общественную площадь, религиозные традиции могут стать мощными источниками новых образов мирового порядка. В ответ на глобальные тревожные изменения возникает общая ностальгия или аппетит к изображениям прошлого. Это приводит к тому, что религиозные группы и движения возвращаются к основам как способ укоренения личности в религиозной культуре нации и изменения мирового порядка.

На фоне этих процессов видится закономерной и в то же время показательной тема, заданная дискуссии, развернувшейся по итогам одного из последних проектов Исследовательского Центра *Pew Research*, а именно — что мы можем предсказать о последствиях все более религиозной планеты, и что это означает для общества, внешней политики и национальной безопасности? Стоит сказать, что к обсуждению темы были приглашены известные социологи религии, политологи, политики, жур-

налисты (К. Хакетт, Дж. Голдстоун, Д. Воас, М. Ли, А. Куперман и проч.). Кратко поясню суть одного из результатов исследования, послужившего поводом для определения повестки встречи.

На основе анализа современных трендов религиозной конверсии, а также демографии и миграции были смоделированы траектории религиозной приверженности к различным религиям мира на несколько десятилетий вперед. Так, согласно прогнозу, религиозная самоидентификация в целом будет расти, с 85% населения мира в настоящее время до 87% к 2050 году, между тем доля тех, кто не идентифицирует себя с религиозной группой, будет снижаться, причем сообщество «неафилированных» весьма гетерогенно и отнюдь не состоит только из тех людей, кто исключает связь с какой-либо религиозной традицией или религией вообще.

В отчете был сделан акцент на динамичном изменении религиозного профиля как в мире в целом, так и в отдельных его регионах. Важным видится то, что следует ожидать — на фоне общего роста основных религиозных групп к 2050 году число мусульман во всем мире почти сравняется с числом христиан. Эта глобальная переконфигурация наиболее влиятельных идеологий в сочетании с другими данными религиозной демографии вывела участников дискуссии к довольно глубокому анализу таких конкретных тем, как — приведут ли полученные прогнозы к росту религиозных конфликтов, особенно на Ближнем Востоке, в Южной Азии и странах Африки к югу от Сахары; можно ли ожидать, что национализм, укорененный в религиозной идентичности, будет расти, особенно в Индии и Европе.

Таким образом, современные реалии задают актуальную исследовательскую повестку, доминантой которой становится познание многообразия в контекстах пересечения религиозной и общественных сфер — политической и социальной. Этот фокус запрашивает адекватный инструментарий и категории, способные помогать обнаруживать и распознавать это многообразие и давать объяснение происходящему в окружающем нас мире религии.

Итак, каков же глобальный религиозный ландшафт?

Задача измерения сложная, есть несколько влиятельных проектов, результаты схожи.

Качусов Д.А.
(Барнаул, АлтГУ)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ ГЕЙМЕРОВ СООБЩЕСТВА STEAM: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАТИВНОГО ПОДХОДА*

Как и любой объект современной массовой культуры, видеоигры содержат определенные культурные, идеологические и социальные нарративы, транслирующиеся через сюжет игры, образы персонажей, описание игрового мира и непосредственно через геймплей. Данное идейное наполнение нередко зависит не только от внутренней логики самой игры, но и от позиций ее разработчиков, издателей и спонсоров. В результате игровые продукты нередко создаются политически ангажированными, в них закладываются определенные ценностные ориентации и поведенческие установки для потребителя. Однако это может приводить и к обратному результату — критике со стороны игроков за не-объективное представление исторического материала.

На основе анализа отзывов на популярные игры на игровом сервисе *Steam* (было проанализировано 1300 отзывов, 439 из которых — молодежные) можно прийти к выводу, что значительная часть молодежного геймерского сообщества уделяет большое внимание вопросам освещения игровых сюжетов, связанных с исторической тематикой. Наличие определенных идей интерпретируется пользователями как попытки нарушения принципа исторической справедливости, которые можно сгруппировать в несколько категорий — претензий.

Во-первых, геймеры критикуют приуменьшение вклада СССР в победу во Второй Мировой и Великой Отечественной войнах, смещение внимания в пользу роли союзников, что обозначается такими маркерами, как «Давайте не забывать, кто Берлин-то взял штурмом?», «Америка прососала войну в реальности, теперь пытается отыграться».

Во-вторых, их не устраивает исключительное или преимущественное представление Советского Союза в негативном ключе (репрессии, авторитаризм, бедность), пренебрежение его положительными чертами и игнорирование его наследия: «часть игроков уже устала от наличия гэбни почти в каждой игре про СССР», «вся советская система показана как порочная и античеловечная».

В-третьих, отмечается использование исключительно отрицательных или упрощенно-стереотипных образов (часто упоминается т.н. «кляква») и архетипов для демонстрации СССР, реже Рос-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 24-28-01584 «Политическая социализация российской молодежи в контексте трансформации ее коммуникативных стратегий».

сийской империи и России, советского и российского общества, армии или отдельных персонажей: «лютая демонизация РККА», «полить помоями весь СССР», «клюквенный поезд».

И в-четвертых, вызывает раздражение наличие в сюжете или сценарии видеоигры недостоверных сведений и фактов, например, дат и мест исторических событий, характеристик оружия и техники и др.: «“Черный воронок” в виде газ-24», «MP-44 рулит — самое сильное оружие в игре... Полный им-баланс в этом плане».

Необходимо отметить, что некоторые пользователи критически относятся к идеализации советской истории, и вышеперечисленные пункты воспринимаются ими не как целенаправленные попытки формирования отрицательного образа Советского Союза, а как отражение неприятной, но объективной реальности прошлого.

В то же время, игра признается соответствующей критериям исторической справедливости, если в ней раскрывается роль СССР во Второй мировой войне и признается решающее значение его вклада в победу; демонстрируется культурный, научный и иной вклад России и СССР в мировую цивилизацию, а также отмечаются положительные стороны социалистического общества; уделяется внимание проработке персонажей, представляющих Советский Союз (Россию), их очеловечиванию, демонстрации их эмоций, мотивов и достойного поведения.

Таким образом, историческая справедливость в сознании большинства молодых российских геймеров отождествляется с необходимостью противодействия попыткам игровых разработчиков и издателей нагружать содержание видеоигр идеологически ангажированными смыслами. Запрос на историческую справедливость актуализируется среди пользователей в связи с присутствием в видеоиграх нескольких категорий триггеров, в основном связанных с советским периодом отечественной истории, и выражается в активной критике данных смысловых посылов.

Кашин Е.А.

(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОНЦЕПЦИЯ «РУССКОГО МИРА» КАК ИНСТРУМЕНТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ*

В современном мире информационные технологии являются одним из ключевых направлений развития экономики, национального суверенитета и значимости на мировой арене, поэтому каждая страна стремится обеспечить себе цифровой суверенитет — независимость в использовании информационных ресурсов и технологий.

В контексте этого вопроса России необходимо продвигать отечественные современные технологии на мировой арене, что может обеспечить экономический рост и укрепление позиций страны в мире. Важным аспектом является защита информационных ресурсов и снижение угроз цифровой безопасности страны.

Развитие цифрового суверенитета невозможно представить без политического, технологического и международного взгляда для решения сложных смежных задач. Данная проблема всегда была в области правового регулирования. Делается акцент на проблемные тенденции и структуры развития новой политической культуры, исторических политических течений. Стефан Кутюр и Софи Тоупин¹ делили цифровой суверенитет на 5 подкатегорий: суверенитет киберпространства, цифровой суверенитет государства и правительства, цифровой суверенитет коренных народов, цифровой суверенитет общественных организаций и личный цифровой суверенитет. С.В. Володенкова² и С.Н. Федорченко³ рассматривают проблемы, которые затрагивают вопросы использования цифровых технологий по воздействию на национальные режимы, внедрение технологий *Big Data* в систему традиционных институтов власти, деятельности разнородных цифровых акторов в условиях технологической эволюции Интернета, роли ИИ как перспективного направления развития «мягкой силы».

Интернет-приложения и мобильные сервисы не только борются за увеличение аудитории, новой прибыли и выходы на новые рынки, но и являются средством продвижения национальных интересов

* Материал подготовлен при финансовой поддержке Ученого совета факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова в рамках реализации научного проекта «Механизмы трансфера отечественных современных технологий за рубежом как направление геополитической стратегии России в многополярном мире».

¹ Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. № 4. С. 48–69.

² Володенков С.В., Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции Интернета: особенности и сценарии трансформации // Полит. наука. 2021. № 3. С. 37–53.

³ Федорченко С.Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и «мягкой силы» // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 41–53.

определенной страны. Яркими примерами являются *Youtube*, *TikTok* и *Me In Comics*. Грамотное управление и стимулирование отечественных производителей приложений и программного обеспечения способствует развитию новых игроков на рынке предоставления услуг, уменьшению безработицы, повышению заработной платы и конкуренции с иностранными аналогами, которые не всегда действуют в интересах страны, в которой распространяют свои продукты.

Переход практики выстраивания и продвижения Русского мира в цифровую плоскость является необходимым шагом, чтобы наиболее успешно конкурировать в современном мире. Это также практический шаг в сторону увеличения количества дружественных стран России в рамках дальних рубежей. Естественно, в таком случае необходимо будет предоставлять контент на английском и местных языках с учетом специфики отдельного государства. Современные технологии ботов, ИИ и нейросетей только упрощают процесс выстраивания грамотного взаимодействия в условиях цифрового пространства.

Быстрое развитие технологий создает возможность реализации и усиления «мягкой силы» путем продажи и экспорта технологий в интересующиеся страны. Далеко не все государства имеют собственную технологическую базу, чтобы выстраивать разные сферы экономики и систему государственного управления по цифровым стандартам, им приходится делать выбор: чью аппаратуру, технику и технологии закупать. Данный выбор может определять дальнейший контур международного курса этой страны.

Так, развитие цифровых технологий отрывает широкий спектр возможностей не только в технической сфере, но и в международной. Установление цифровых метрополий — это вопрос времени и процесс формирования «цифровых колоний» — уже активно осуществляется. Чтобы сохранить свой суверенитет, России необходимо активно вступить в эту технологическую гонку и стараться подкреплять свои технические достижения ценностными установками Русского мира.

Керимов А.А.
(Екатеринбург, УрФУ)

ПОТЕНЦИАЛ БРИКС В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА*

Современная эпоха характеризуется глобальными изменениями в международных отношениях, которые являются предвестником формирования нового мирового порядка. Суть этих изменений заключается в переходе от монополярного мира к многополярному, где различные центры силы будут устанавливать новые порядки в жизни государств и народов.

После распада СССР рухнула биполярная мировая система и началась эпоха безраздельного господства англосаксонского мира, который, располагая необходимыми ресурсами, пытался распространить свое влияние по всему миру, опираясь на либеральные ценности, не всегда соответствующие традиционным установкам народов незападной цивилизации. Поэтому другие страны, несогласные с такой политикой, стремятся предложить свою модель развития с сохранением собственного суверенитета, что является весьма сложной задачей без укрепления экономической мощи и повышения уровня благосостояния собственного населения.

В современном мире среди существующих и формирующихся центров силы, безусловно, необходимо выделить США, Европейский союз, ШОС, ЕАЭС, БРИКС, которые с помощью различных институтов и инструментов стремятся реализовать свои собственные и групповые интересы. Россия, Китай и Индия и ряд других, разделяя идею многополярности, также создают собственные организации, способные предлагать новые проекты, реализовывать их на практике и нести ответственность перед мировым сообществом и своими народами за предпринимаемые шаги, которые должны быть подчинены не интересам усиления конфронтации, а интересам создания приемлемых условий для сотрудничества и сосуществования с другими центрами силы.

Одним из формирующихся центров, альтернативных западному, является межгосударственное объединение БРИКС, возникшее в 2006 г. по инициативе России. Первоначально в него входили Россия, Бразилия, Индия и Китай, а впоследствии, в 2011 г., к ним присоединилась Южно-Африканская Республика (ЮАР). На сегодняшний день в состав ассоциации входят десять стран. Помимо вышеупомянутых стран, в БРИКС вошли Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия. Кандидатами на присоединение к БРИКС являются Азербайджан, Алжир, Бахрейн, Венесуэла, Пакистан, Таиланд.

Следует отметить, что страны-участницы БРИКС занимают разные позиции по уровню своего развития. Если в ранге экономического тяжеловеса выступает Китай, то остальные страны ему уступают.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049. URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

Тем не менее, следует отметить, что Россия имеет торговые отношения практически со всеми странами мира. Она входит в число лидеров по производству и продаже углеводов, удобрений, различных видов полезных ископаемых, вооружений, сельхозпродукции. В сфере атомной промышленности России вовсе занимает одну из ведущих позиций мире. И остальные страны-члены БРИКС также в мире имеют обширные торговые связи и в своих регионах относятся к числу авторитетных держав. Текущее состояние ассоциации, а также возможное присоединение новых членов впоследствии позволят ей контролировать мировой рынок углеводов, золота, платины, меди, лития и других ресурсов, столь необходимых для развития современных технологий и производства. Имеющиеся людские и природные ресурсы способны вывести ассоциацию на более высокий уровень институционализации. Таким образом, отметим, что совокупный потенциал всех стран-участниц ассоциации позволяет ей стать одним из мировых центров притяжения и для государств.

Сегодня БРИКС функционирует в формате площадки, на которой страны-участницы обсуждают возможности расширения экономического сотрудничества, достижения социальной стабильности и укрепления позиций объединения на международной арене. Организация осуществляет свою деятельность посредством ежегодных встреч с участием глав государств и не имеет четкой структуры и руководящих органов на постоянной основе. Поэтому для придания объединению БРИКС большего веса следовало бы поработать над приданием ему статуса международной организации со своим уставом, руководящими органами и бюджетом. В то же время эта организация не должна противопоставлять себя другим существующим международным организациям, а, наоборот, стремиться использовать возможности этих площадок для укрепления позиций БРИКС. Организация должна стремиться к созданию коалиции государств, целью которой должен быть пересмотр международных договоров в сфере экономического сотрудничества, которые служат интересам только западных стран и препятствуют развитию остального мира в соответствии с принципом сохранения суверенитета национальных государств.

В заключение отметим, что страны-участницы объединения являются сильными региональными державами, и их доля в мировом ВВП растет. Кроме того, предложенная странами БРИКС идея формирования полицентричного миропорядка находит отклик среди политиков, интеллектуалов и населения многих стран мира, что дает основание рассматривать объединение БРИКС в будущем как реальную силу, с которой необходимо будет считаться.

Кирдяшкин И.В.
(Томск, НИ ТГУ, СибГМУ)

КОЧЕВАЯ «СБОРКА-КОНСТРУИРОВАНИЕ» ПОЛИТИЧЕСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Современная политическая социализация обусловлена множественным восприятием политического, расширением и рассредоточением представлений о нем. Данные процессы движимы поиском современными политическими мирами своих новых жизненных форм и принципов самоорганизации, вовлекающим в себя личность в процессе ее политической социализации. Этот поиск возникает в контексте нелинейных усложнений человеческой совместности, включения в нее иных природ существований, складывания в качестве элементов структур современных антропосистем феноменов цифрового бытия и «искусственного интеллекта». Эффект данных структур повышает интенсивность и инструментальное разнообразие «поисковой активности» политического.

Данная активность сопряжена с мессианическим временем, которое Дж. Агамбен выражает через глагол *katargein*, означающим «обездействование», деактивацию, «прерывание» и преобразование реальностей, переживающих проверку на подлинность. Своеобразная «бездеятельность» мессианического времени, отмечают исследователи, предстает как политическая парадигма, позволяющая обнаруживать возможности полноты форм-жизни, находящиеся в забвении, расщепленными на отдельные способы. В частности, мессианическое время направленно на расширение, на обретение «полноты» представлений о политической жизни.

В этом отношении современная культура реабилитирует постоянно смещающийся в своих границах или в своих принципах организации, номадический или кочевой образ жизни мышления. С.А. Смирнов выделяет номадизм в метод возникновения мысли, который, по мнению исследователя, характеризуется тем, что культурные миры и их нормы не полагаются как готовые. Они всегда создаются. Метод предполагает условием возникновения мысли проторивание «пути», происходящее всякий раз заново, через постоянное перерисовывание, стирание границ, набрасывания новых. Данный метод определяет возможность конструкций вариаций человеческого разума и характеризует современную политическую социализацию, вбирающую векторы и активности разных политических культур, делающую политический мир пространством эволюции растущего многообразия устроений

современной совместной жизни, балансирующей на грани порядка и хаоса. Номадизм предполагает постоянную «сборку», конструирование политических представлений. «Сборка», в особенности виртуальная, с помощью современных иммерсивных технических средств, устанавливает связи, отношения между разнородными деталями и акторами политического, создает и активизирует неожиданные, новые способности личностей к взаимодействию в понимании политического. При этом в данных «сборках» представлений о политическом взаимодействуют естественные и искусственные, индивидуальные и социальные формы и инструменты наблюдения за политическим, наполняющие его разными первоэлементами и деталями для личности.

Это ведет к появлению множественной политической идентичности, к ее открытию иному, к ее неустойчивости и потенциальной краткосрочности, актуализирует социокультурные компетенции личности к нахождению и к «путешествиям» между политическими мирами. В этом плане кочевой аспект политической социализации предполагает постоянные перемещения, смещения представлений о политическом, множественность и равенство его значений, «сборку-конструирование» политического. Фактором политической социализации становится нелинейная разнообразная подвижность представлений о политическом.

Кочевая «сборка-конструирование» политического в политической социализации предполагает многообразие ее процессов, смешивание и перестройку границ и компонентов разных политических миров, пластичность норм в их восприятии, их со-образование между собой, разные «пути» возникновения представлений о политическом. Это ведет к тому, что разные культурные активности создают политический мир как множественность пространств самоосуществления собственной и совместной с другими жизнью, как культурную сферу их выхода в новые уровни эволюции, в иные логики человеческого разума, проявлением свойств которого выступает политическое.

Киреева И.В.
(Майкоп, АГУ)

НАУЧНАЯ ЭЛИТА КАК АКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МАКРОРЕГИОНАЛЬНОЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Позитивная и устойчивая макрорегиональная идентичность — важный нематериальный ресурс развития макрорегионов и страны в целом, который позволит обеспечить безопасность, межэтнический и межконфессиональный диалог, сохранение уникальных исторически и культурно обусловленных связей между народами. Макрорегион — конструируемое пространственно-территориальное образование, в основе которого находятся разнообразные связи (природно-климатические, экономические, управленческие, социокультурные, исторические, социальные). Одной из «скреп», интегрирующих макрорегион, являются связи и взаимодействия между учеными, научными и образовательными организациями. Научная элита, ученые, которые вносят значимый вклад в развитие науки, обладают высокой научной компетентностью и репутацией в академическом сообществе, активно влияют на мировую и национальную научную повестку, рассматриваются нами как один из акторов формирования макрорегиональной идентичности.

Северный Кавказ — макрорегион со сложным и разнообразным этнокультурным составом населения, богатой историей и природой, неравномерным уровнем социально-экономического развития входящих в его состав субъектов, интенсивным характером миграционных процессов. В рамках нашего исследования это пространство, которое имеет устойчивые исторически сложившиеся связи, обусловленные природно-климатическими условиями границы и, несмотря на этнокультурное разнообразие, общие социокультурные смыслы и реалии.

Процесс целенаправленного формирования северокавказской идентичности берет свое начало в советский период. При этом важную роль в нем сыграла научная элита. Связи, возникающие между академическими сообществами и отдельными учеными регионов Северного Кавказа, способствовали формированию макрорегиональной северокавказской идентичности. Важными историческими вехами выстраивания макрорегионального пространства на Северном Кавказе являются даты создания таких организаций, как Донской политехнический институт (1907 г., Новочеркасск), Варшавский университет (1917, Ростов-на-Дону), Северо-Кавказская ассоциация НИИ (1925, Ростов-на-Дону), Дагестанский филиал АН СССР (конец 40-х гг., Махачкала), Северокавказский научный Центр высшей школы (СКНЦ ВШ, 1993, Ростов-на-Дону), Южный научный центр РАН (2002, Ростов-на-Дону),

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2024-00049 «Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: практики формирования, потенциал развития, влияние на национальную консолидацию».

Южный федеральный университет (ЮФУ, 2007, Ростов-на-Дону), Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ, 2012, Ставрополь). В советский период созданные в макрорегионе отраслевые организации были, прежде всего, ориентированы на контакты с центром или с другими своими ведомственными подразделениями в других макрорегионах страны. Первой серьезной попыткой реализации региональной формы организации вузовской науки в стране стал СКНЦ ВШ.

На рубеже 90-х гг. XX в. степень воздействия науки на все сферы макрорегиона достигла своего максимума. В этот период выдвинулась группа выдающихся ученых, которые не только определяли научную повестку, но и влияли на социокультурное развитие регионального сообщества, в том числе на идентификационные процессы (Ю.А. Жданов, И.И. Ворович, В.А. Бабешко, Г.Г. Гамзатов, М.Ч. Залиханов и др.). Научная элита заявляет себя и как социально-политическая сила, активно участвующая в развитии северокавказских республик. Более трети участников партий и движений, действующих к началу 90-х гг. XX в. в республиках Северного Кавказа, являлись представителями научного сообщества, выступавшими за возрождение национального языка, культуры, народных обычаев и традиций.

На современном этапе роль научной элиты в идентификационных процессах на Северном Кавказе также значительна. По данным на 2023 г. численность исследователей с ученой степенью доктора наук в исследуемом макрорегионе составила 1360 человек (ЮФО — 833, СКФО — 527). Активно развивается сеть научных изданий, объединяющих ученых Северного Кавказа и выступающих площадками, где конструируется северокавказская идентичность («Научная мысль Кавказа», «Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион», «Гуманитарий Юга России» и др.). Также следует отметить крупные форумы и конференции, на которых обсуждаются происходящие в макрорегионе процессы (международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», форум «Мир Кавказу» и др.). Деятельность научной элиты связана с ее ролью в развитии взаимопонимания между этносами, предотвращении антинационалистических и сепаратистских настроений, возможных межэтнических конфликтов. Она имеет большой потенциал (интеллектуальный, культурный, информационный, научный) для формирования нелинейного мышления у политической элиты в процессе конструирования макрорегиональной северокавказской идентичности. Роль научной элиты в развитии макрорегиона будет возрастать в ближайшей перспективе, что определяет актуальность проведения прикладных исследований.

Киричук Д.А.
(Москва, РУДН)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ*

С каждым годом вовлеченность общества в интернет-среду значительно возрастает. Результаты социологического исследования ВЦИОМ зафиксировали, что подавляющее большинство россиян (86%) активно вовлечены в использование социальных сетей и мессенджеров на ежедневной основе (согласно данным ВЦИОМ). Благодаря информационным технологиям и социальным медиа, у граждан появилось больше возможностей для участия в политической жизни, выражения своих мнений и воздействия на процессы принятия решений.

Одной из наиболее важных особенностей социальных медиа является низкий барьер для входа и зависимость от пользовательского контента. Низкие барьеры для входа значительно снижают эффективность контроля за распространением политической информации. Поскольку стандарты проверки фактов в Интернете являются слабыми, низкие барьеры для входа в сочетании с беспрецедентной скоростью, с которой пользователи могут делиться контентом в социальных сетях, могут привести к распространению дезинформации и фальшивых новостей, что в итоге усилит неправильное политическое восприятие. Низкие барьеры для входа также значительно расширяют выбор источников новостей и, возможно, позволяют пользователям более точно адаптировать свои источники новостей к своим давно существующим предпочтениям, что потенциально может привести к появлению эхо-камер и усилению политической поляризации. Эхо-камеры в социальных медиа оказывают значительное влияние на мнения и восприятие реальности, создавая риски для общественного диалога и демократической дискуссии. Так, цифровая медиареальность оказывает существенное влияние на политические отношения и политический-дискурс.

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН в рамках научного проекта FSSF-2024-0057 «Технологии цифровых коммуникаций государства и общества как механизм укрепления макрополитической идентичности».

Участники политической коммуникации объединяются на интернет-площадках, и это уже не только члены политической элиты, политических партий, но и частные лица, а также группы лиц. Социальные сети способствуют развитию политической коммуникации и помогают политикам и гражданам взаимодействовать. Политики могут получать моментальную обратную связь о политических действиях, могут обсуждать политические предложения и измерять политическое недовольство. В этой связи люди с большей вероятностью будут подвержены воздействию политического онлайн-контента, который идеологически ближе к их собственным политическим взглядам, чем к противоположным политическим идеологиям. Так, платформы социальных медиа прочно интегрировались в гражданское и политическое участие. Однако до сих пор возможности политических дискуссий в социальных сетях с участием политических институтов не были использованы в полном объеме. Одной из причин этого является недостаточная осведомленность политиков о текущих темах и дискурсах на различных платформах социальных сетей. Для эффективного взаимодействия с обществом необходимо использовать аналитические инструменты для мониторинга социальных сетей и актуальных повесток и активнее вовлекаться в политический диалог через социальные медиа.

За период существования социальных медиа предпринимались частые попытки их законодательного ограничения, и «свободное выражение мнения» было тем самым преимуществом и причиной популяризации социальных сетей (Ключников, 2018). Ограничения социальных медиа могут вызывать опасения по поводу нарушения свободы слова. Законодатели должны найти баланс между контролем контента и защитой прав граждан. Попытки законодательного ограничения социальных медиа отражают необходимость реагировать на вызовы, связанные с дезинформацией, защитой данных и ответственностью платформ. Однако важно внимательно подходить к разработке и реализации таких законов, чтобы не нарушать права граждан на свободу слова и не создавать дополнительных рисков для демократических процессов.

Таким образом, социальные медиа и информационные технологии остаются важными инструментами в современной политике. Несмотря на вызовы, связанные с низким барьером для входа, дезинформацией и контролем, социальные медиа продолжают быть важным инструментом для информирования граждан и обеспечения прозрачности в политической жизни. Ожидается, что вовлеченность общества в политическую интернет-среду будет только увеличиваться.

*Кишаковская О.Г.
(Владивосток, ВВГУ)*

ВЛИЯНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕГИСЛАТУРАХ ДФО

В 2024 году Дальний Восток (далее — ДВ) прошел очередной электоральный цикл, который закрепил тренды эволюции региональных политических систем, заложенные на предыдущем витке развития. Изменения федерального законодательства о выборах, внесенные в 2012–2013 годах, запустили на муниципальном и на региональном уровнях процесс, который ряд исследователей называют департизацией выборов. Анализ реализации этого процесса на прошедших избирательных циклах и его влияние на политическое представительство в региональных парламентах является важной задачей для российского экспертного сообщества.

Запуск процесса департизации выборов стал возможен после принятия Федерального закона № 303-ФЗ в ноябре 2013 года. Согласно принятым изменениям, минимальная доля депутатов-спирочников в региональных парламентах была снижена вдвое — до 25%. Для городов федерального значения требование об обязательном применении пропорционального компонента было упразднено. Также из законодательства исключена введенная двумя годами ранее норма об обязательном использовании пропорциональной системы на выборах представительных органов муниципальных районов и городских округов с числом депутатов не менее 20.

Эти законодательные изменения произошли после не очень удачных для партии «Единая Россия» (далее — ЕР) выборов 2011 — 2013 гг., в которых явного успеха смогли добиться новые и оппозиционные парламентские партии. Принятые нормы как политический инструмент на ДВ стали применять после снижения рейтингов ЕР в 2018 году и проигрыша на выборах действующих губернаторов. Из 11 регионов ДВ правом увеличить «мажоритарный» компонент при распределении мандатов в региональных парламентах воспользовались Хабаровский край (2019), Амурская область (2021), Приморский край (2021) и Сахалинская область (2022). К тому же ДВ среди федеральных округов — лидер по внедрению мажоритарной системы на муниципальном уровне. Из 11 регионов округа только в двух выборы представительных органов в административных центрах проводятся по смешанной системе.

Как результат по итогам кампании 2019 года, на выборах в Думу Хабаровского края победила ЛДПР. При рейтинге 56,12% за счет одномандатных округов ЛДПР взяла 83% мандатов. ЕР получила только два мандата по «списку».

В 2021 году в Приморье, несмотря на снижение партийного результата (с 39,5% до 37,88%), ЕР сохранила в парламенте *status quo*, получив 57,5% мест (23 из 40). КПРФ, благодаря сохранению протестного потенциала крупных городов, увеличила свое представительство за счет победы в 11 округах. При результате 31,02% КПРФ получила 14 мест в парламенте (35%). По одному мандату получили «Справедливая Россия — За правду», ЛДПР и «Партия пенсионеров», набравшие 9,29%, 9,03% и 8,40% голосов, соответственно. До 2022 года фактор сильных популистских местных лидеров (Сергей Фургал в Хабаровском крае, Артем Самсонов в Приморье) нивелировал снижение институциональной роли партий в избирательной системе на местах за счет протестной электоральной поддержки.

Примеры остальных регионов ДВ, увеличивших «мажоритарный» компонент, подтверждают тезис о благоприятном влиянии конфигурации на представительство партии власти. В 2022 году представительство ЕР в Сахалинской Думе существенно выросло. В Амурской области партийный результат ЕР на выборах просел с 35,9% в 2016-м до 33,15% в 2021 году. Однако за счет округов общая доля ЕР в парламенте размылась не так значительно, как могла, — до 67% (в прежней пропорции доля ЕР была бы 64%).

Как показало наблюдение, публичные протестные проявления на ДВ значительно снизились и не оказывали влияние на политическую повестку. После избирательного сезона 2024 года даже Хабаровский край вошел в системное русло: по итогам выборов Законодательной Думы ЕР победила почти во всех округах, а по списку набрала 45,47%. В общей сложности ЕР получила 80,5% мест (29 из 36). Список ЛДПР набрал 17,18% голосов. Это принесло партии два мандата, плюс кандидаты ЛДПР победили в трех округах. Ощутимые потери понесла КПРФ, набравшая 12,72%, — этот результат ей при распределении по методу делителей Импералии принес всего один мандат (−2). Преодолеть 5%-ный барьер удалось «Справедливой России — За правду» (7,27%) и партии «Новые люди» (5,25%) благодаря чему они получили по минимуму — по одному месту.

Приведенные кейсы демонстрируют, что изменение пропорции в смешанной избирательной системе в пользу «мажоритарного» компонента позволяет ЕР комфортно участвовать в выборах даже при снижении партийного рейтинга. При этом встает вопрос о пропорциональности политического представительства. Такая система не позволяет партиям конвертировать рост предпочтений избирателей в рост числа мандатов. Как следствие, даже парламентские партии в своих электоральных кампаниях выбирают путь наименьшего сопротивления, ставя своей задачей максимум взять по минимуму.

Клещенко Л.Л.

(Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена; НИУ ВШЭ)

СИМВОЛИКА ВОЗРАСТА В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ (НА ПРИМЕРЕ АРГЕНТИНЫ И БРАЗИЛИИ)*

В предвыборный период символические ресурсы, наряду с прочими, используются для электоральной мобилизации. Удобство символических ресурсов обусловлено их низкой затратностью. Среди политических символов можно выделить символы, связанные с возрастом, как то молодость, старость, зрелость. Возраст, наряду с такими характеристиками, как пол, раса, национальность, является одним из наиболее видимых оснований дифференциации, с чем связано широкое использование возрастных, гендерных, этнических стереотипов для политических целей. Молодость и старость как символы, связанные с властью, привлекаются в ходе избирательных процессов в странах Латинской Америки как самими кандидатами для описания своих преимуществ или для дискредитации оппонентов, так и медиа. Особенно актуальным обращение к символике возраста становится в условиях политической поляризации.

Президентские выборы 2022 г. проходили в Бразилии в условиях острой конкуренции двух основных кандидатов, представляющих разные полюсы политического спектра: Жаира Болсонару (2019—2022 гг.) и Луиса Инасиу Лула да Силва (2003—2011 гг.; 2023 г. — наст вр.). Предвыборная кампания была отмечена агрессивной риторикой, характерной для политического стиля Ж. Болсонару; широким привлечением социальных сетей; использованием всех возможных средств: от религиозного до возрастного дискурса. Полемика кандидатов включала и взаимные оскорбления.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>.

Сторонники Жаира Болсонару указывали на пожилой возраст Лулы как потенциальный недостаток. Подобные суждения можно было встретить во время предвыборной кампании в социальных сетях, однако уже после выборов такую риторику начал использовать и сам бывший президент Ж. Болсонару (*Lula é uma figura senil... poder360*, 19.05.2023).

Сам Лула, будучи кандидатом, ссылаясь на свою мудрость и опыт (ранее Лула был президентом два срока подряд), противопоставляя себя более молодому оппоненту, которого, напротив, изобличал в инфантильности («клонаде в социальных сетях») (*Estou mais experient... Correio Braziliense*, 18.08.2022). Одной из центральных тем предвыборной кампании Лулы стала репрезентация умеренности, умения договариваться, находить компромиссы — качеств, конструирующих образ политической зрелости.

Однако не только зрелость как символ может служить аргументом в политической борьбе. Молодость — символ будущего, что обуславливает значимость популярности кандидата у молодежи. На примере Бразилии можно наблюдать применение такой технологии, как демонстрация поддержки молодежью. Лула боролся с Болсонару за его традиционную аудиторию — евангелистскую молодежь; для этой цели в социальных сетях распространялись изображения Лулы в молодежном образе в компании молодых людей.

В Аргентине последние президентские выборы состоялись в 2023 г. Так же как и в случае выборов в Бразилии 2022 г., они проходили в два тура, в условиях острой конкуренции. Два основных кандидата — Хавьер Милей (2023 г. — наст. вр.) и Серхио Массе — имели диаметрально противоположные взгляды на многие вопросы. В этой избирательной кампании активно привлекалась символика молодости. Поддержка молодежью «внесистемного» кандидата Хавьера Милея обсуждалась в медиа так активно, что даже породила дискуссии о том, не станет ли Х. Милей «самым молодым президентом» в истории Аргентины (*Cuál fue el presidente más joven... La Nación*, 20.11.2023). Необходимо отметить, что по возрасту сам кандидат не относится к категории молодежи (на момент участия в президентской гонке его биологический возраст — 53 года). Тем не менее, поддерживаемый СМИ образ Милея был основан на тех качествах, которые традиционно ассоциируются с молодым возрастом, — активность, энергичность, радикализм, обновление, задействование популярных социальных сетей.

Таким образом, на основании приведенных примеров можно заключить, что символы возраста используются в электоральных процессах в странах Латинской Америки. Молодость как символ будущего используется для формирования позитивного имиджа кандидата. Однако для той же цели может привлекаться и символический ряд образа зрелости. В политических процессах востребованы различные позитивные смыслы символов молодости и зрелости: мудрость и опыт в случае с предвыборной кампанией кандидата в президенты в Бразилии, активность и новизна в случае с предвыборной кампанией кандидата в президенты Аргентины. При этом символический возраст, с которым политик ассоциируется в медиа, может не совпадать с его фактическим возрастом.

Климов В.А.
(Москва, ИМЭМО РАН)

«ИНТЕГРИРОВАННЫЙ» ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ПРО/ПВО В ЕВРОПЕ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ*

Вот уже два года политико-академическое сообщество в России и за рубежом наблюдает за политической государств-членов НАТО по созданию объединенной системы противоракетной/противовоздушной обороны (ПРО/ПВО) в Европе. В октябре 2022 г. в условиях нанесения Россией ракетных ударов по Украине 14 стран-членов НАТО и Финляндия провозгласили намерение «укрепить систему противоракетной/противовоздушной обороны НАТО». Вслед за этим, в ноябре 2022 г., США в своем Обзоре по ПРО провозгласили «новый подход к развитию объединенной системы ПРО/ПВО». Этот курс призван создать потенциал, способный одновременно обеспечить защиту критически важных объектов военной и гражданской инфраструктуры в Европе от целей различных типов: самолетов, беспилотных летательных аппаратов, баллистических и крылатых ракет.

Решение о создании общеевропейской системы ПРО/ПВО стало почвой для выдвижения различных проектов. В 2022 г. Германия выступила с инициативой усиления ПРО/ПВО в Европе под названием «Европейский небесный щит». Эта инициатива предусматривала укрепление сил ПРО/ПВО в Европе путем интеграции всех совершенных систем ПРО/ПВО в мире: европейских, американских, турецких и даже израильских. В конце 2023 г. была заключена сделка на 4 млрд евро по закупке израильской системы *Arrow-3*, поставка которой ожидается в 2025 г. Инициатива все больше привлекает число сторонников, которое увеличилось до 21 государства.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20253. URL: <https://rscf.ru/project/24-28-20253/>.

Проект Германии длительное время оставался монополистом в вопросах развертывания общеевропейского щита. Однако на конференции в Ля Бурже в июне 2023 г. Франция, руководствуясь идейной установкой о стратегической автономии Европы, предложила собственное видение общеевропейской системы ПРО/ПВО. Было предложено задействовать только европейские системы ПВО, то есть поддержать исключительно европейскую оборонную промышленность и тем самым сохранить независимость в процессе принятия решений в вопросах безопасности. Пока что подход, предложенный Францией, пользуется поддержкой лишь в Италии, что можно объяснить общим проектом *SAMP-T*, являющимся основой предложенного подхода.

На фоне споров о более эффективном подходе к организации обороны в Европе с весны 2022 г. ряд государств-членов НАТО развернули свои системы ПВО в странах Восточной Европы. Германия, Франция и Нидерланды развернули семь систем ПВО *Patriot* и один комплекс *SAMP-T* в Румынии, Словакии и Польше. Испания также передала Латвии свою систему *NASAMS*. На саммите в Вильнюсе в 2023 г. государства-члены НАТО подтвердили приверженность на ротационной основе усиливать «восточный фланг НАТО» собственными силами ПВО.

Примечательно, что важной частью общеевропейского подхода стало решение обеспечить Украину интегрированной системой нестратегического назначения. Регулярные поставки ПВО на Украину остаются одним из ведущих приоритетов в поддержке Украины. На фоне других решений вопрос с системами ПВО решается просто и «безболезненно». Действительно, поставки ПВО на Украину остаются доступным, нерискованным способом противодействия России, который не приведет к неконтролируемой эскалации — ненужной для многих государств-членов НАТО. В этом плане показателен пример с отказом Олафа Шольца в поставках ракет *Taurus*, которые могут в случае своего применения вглубь территории России вызвать риск эскалации, вплоть до применения ядерного оружия.

Это решает свою задачу — ведь использование различных систем ПВО на Украине позволит собрать необходимую информацию об эффективности развернутых комплексов и возможностях их интеграции с информационно-управляющими системами. Выявленные реальные боевые возможности систем лягут в основу планирования дальнейшего развертывания общеевропейских сил ПРО/ПВО в Европе.

На примере усилий НАТО по созданию ЕвроПРО (2011–2024 гг.) срок реализации нового подхода может занять весьма значительное время. Уже полтора года идет наблюдение за эффективностью поставленных на Украину систем ПРО, следующим шагом станет согласование архитектуры системы в Европе, а уже потом последует длительный период практической реализации проекта. Новый курс по интеграции систем ПРО/ПВО, в условиях дальнейшей деградации отношений с Россией, среди государств-членов НАТО получает все большую политическую поддержку и техническое обоснование.

Ковалёв В.А.
(Сыктывкар, СыктГУ)

КОНТЕКСТЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ В РФ

С начала 1990-х годов в России стали активно развиваться региональные политические исследования. Первоначально они представляли собой описания в публицистическом стиле происходивших в субъектах РФ политических событий. Однако в течение уже первого десятилетия своего существования российская политическая регионалистика все в большей степени стала приобретать концептуальный, теоретический характер, значительно обогащаясь достижениями сначала зарубежной, а затем и отечественной политической науки. В результате к началу XXI в. сложилось научная субдисциплина, которую чаще всего стали именовать «политическая регионалистика» или «сравнительная политическая регионология».

Представители данного исследовательского направления, уже как часть признанного академического научного сообщества, активно работали, в результате чего в течение трех десятилетий были защищены интересные кандидатские и докторские диссертации, опубликованы десятки монографий, учебных пособий, сотни статей в научных журналах и сборниках. Первоначально их учетом и аннотированием занимался Центр региональных исследований в ГУ-ВШЭ под руководством Р.Ф. Туровского, который рассылал коллегам свежие данные об опубликованных работах и защищенных диссертациях, имеющих отношение к данной субдисциплине. Расширение региональных исследований было полезным позитивным явлением, но с течением времени в этом направлении стали проявляться определенные противоречия, концептуальные натяжки, начали формироваться традиции «схоластического теоретизирования».

Получившие в «лихие девяностые» импульс к развитию исследовательские подходы, выбор предметных областей и тем изучения стали по инерции некритически переноситься на ситуацию, которая

уже существенно отличалась от положения дел в неполное «ельцинское десятилетие». После 2000 г. российские регионалисты стали заниматься изучением не только текущей политики в российских регионах, но и изменениями федерального уровня, которые ставили ситуацию с российским федерализмом, региональными выборами, изменениями в муниципальной сфере и местным самоуправлением в совершенно иной контекст.

В конце XX столетия в силу сложившихся исторических обстоятельств в России тестировались возможности развития политики на локальном уровне, который имел гораздо более широкие границы автономии, чем это обычно имело место в отечественной традиции. Данный опыт дал противоречивые последствия; расширение возможностей электорального выбора привело одновременно к росту опасности регионального сепаратизма. В результате в нулевых годах вектор федеральной политики в отношении регионов был изменен, что вызвало противоречивые оценки исследователей-регионалистов и политических наблюдателей, многие из которых не увидели трендов политических перемен.

В новых реалиях существования России происходит снижение значимости фактора конкуренции политических акторов и повышение роли эффективного функционирования институтов административной власти. Однако потребовался значительный период времени, чтобы осознать это изменение и его последствия. Ранее были нередки публикации, в которых не учитывалась разница общеполитического контекста, например, при сравнении губернаторских выборов до и после 2004 года. Аналогичная ситуация сложилась с оценкой избирательных кампаний по выборам в представительные органы власти на местном уровне; некоторые исследователи до сих пор не учитывают факт изменения статуса местного самоуправления в Конституции РФ. Нынешние условия существования российских регионов требуют отказа от не критического использования прежних аналитических схем и быстро устаревающих теоретических подходов; требуется серьезный учет новых политических реалий. Например, необходимо особым образом анализировать местные выборы в единый день голосования в сентябре 2024 года в Курской и Белгородской областях; это же касается и ряда других российских территорий.

На наш взгляд, промахи политических регионалистов в аналитике недопустимы. Конечно, содержательные и научно концептуализированные исследования региональной политики продолжают публиковаться, однако далеко не для всех отечественных исследователей политические перемены очевидны. Инерция использования старых политологических концепций и недостаточный учет новых обстоятельств могут существенно затруднить или даже сделать невозможным достоверный прогноз дальнейших путей развития региональной политики.

Кожухова К.Е.
(Москва, МГЛУ)

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ ГОСУДАРСТВ

Природа внешнеполитической мотивации стран-участников международного политического процесса остается широким полем для исследований. При разработке теоретических концепций, которые могли бы внести четкое видение политики государств на мировой арене и привнести элемент прогноза последующих действий, становится ясным, что каждое государство руководствуется своим собственным набором факторов, влияющих на многогранные способы реагирования на внешние угрозы и стабилизации вопроса собственной безопасности. Из-за этого системность международных отношений сводится лишь к контуру их формальной организации под эгидой ООН или апелляцию к мультиполярному миру.

Не вызывает сомнения, что к вопросам безопасности, нейтрализации угроз и сохранения статуса-кво каждое государство подходит по-своему. Так, например, страны англосаксонской системы при возникновении опасности агрессивны и не приемлют альтернативных вариантов, кроме применения военной силы, страны Ближнего Востока также имеют реалполитичный подход и в международных вопросах придерживаются наступательного стиля, однако в первом случае государства защищают свои демократичные устои, во втором же лейтмотивом становится религиозная составляющая. Получается, что внешнеполитическая модель поведения страны на международной арене вытекает не столько из географической детерминации, сколько из менталитета отдельного взятого государства, обычаев и традиций его нации, сложившихся много веков назад. Иногда историческая память нации рассказывает о мотивации государства в международных конфликтах гораздо больше, чем текущий политический строй и социальные устои.

Из вышеизложенного следует, что мотивацию государств во внешней политике и на международной арене можно рассмотреть путем анализа совокупностей их исторических, географических, этнических и культурных особенностей в рамках политологической парадигмы национальной стратеги-

ческой культуры. Взаимодействие стратегических культур через осуществление внешнеполитических стратегий и глобальных проектов составляет параллельно существующую систему понимания международных отношений, не подверженную формализованным нормам и правилам и выражающую дух и чувство народа, его ощущение себя в мире. Данное обстоятельство создает конструкт национального самовосприятия государств своей внешней политики, отличное от внешнеполитического имиджа, образа и бренда государства и формирующее их в соответствии с ядром (традициями определения места страны на мировой арене и внешнеполитической «привычкой») национальной культуры в целом. Сюда входят такие политические феномены, как политика памяти, понимание Родины, образ врага, войны, в том числе и политической, и многие другие политико-психологические аспекты, которые заслуживают отдельного внимания.

Выбор идентичности, ценностей, норм и системы восприятия в качестве основных переменных изучения национального самовосприятия на международной арене дает ряд исследовательских преимуществ. Во-первых, каждая из них имеет особое измерение безопасности. Помимо прочего, идентичность говорит нам о глобальной роли, которую намерено играть национальное государство, и о его вероятных устремлениях. Ценности определяют, какие принципы и материальные блага подлежат обсуждению, а какие нет. Изучение норм поможет нам понять, какие средства с большей вероятностью будут использоваться для достижения государственных целей. А изучение национальной «призмы восприятия» может внести значительный вклад в понимание характера ограниченной рациональности, действующей в государстве. Данные, воспринимаемые населением страны как факты, не обязательно должны иметь какое-либо сходство с истиной. Во-вторых, преимущество этих переменных заключается в том, что каждая из них остается достаточно обширной, чтобы охватить большую часть того, что важно в национальной культуре. Такие факторы, как география, история, доступ к технологиям, опыт работы с различными режимами, религиозные традиции и т.д., формируют идентичность, ценности, нормы и восприятие группы. В некотором смысле эти четыре переменные можно рассматривать как связанные с безопасностью статичные элементы национальной культуры.

*Козлова Н.Н. (Тверь, ТвГУ),
Рассадин С.В. (Тверь, ТвГУ)*

ПОЛИТИКА ФАМИЛИЗМА В ОФИЦИАЛЬНЫХ ПАБЛИКАХ (НА МАТЕРИАЛАХ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Актуальность исследования связана с усилением российской политики, направленной на укрепление семьи как ценности. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к ценностям относится, в том числе, крепкая семья.

Цель исследования — проанализировать политику фамилизма в официальных пабликах. Объектом исследования является сообщество В Контакте — «Тверская семья. Родители и дети» (https://vk.com/tverreg_family), созданное в 2020 г. Министерством демографической и семейной политики Тверской области (далее — Министерство). Сообщество насчитывает 37 тыс. чел. (на 15 сентября 2024 г.). Сбор и обработка материалов контента проводились в июле–сентябре 2024 г. Авторы уже обращались к данному сообществу в социальной сети в 2020 г. На тот момент основная информация на сайте была представлена сведениями от Министерства о различных мерах и мероприятиях, осуществляемых органами государственной власти и общественными организациями-партнерами по реализации семейных проектов. Данная тенденция имеет место и в 2024 г.: 39 постов из проанализированных нами 50 содержит информацию справочного характера («Правительство утвердило правила направления средств остатка материнского капитала на получение единовременной выплаты» (16.09.2024); «Вниманию многодетных семей. Необходимо предоставить справки/документы, чтобы подтвердить статус многодетной семьи для пособий» (09.09.2024) и т.д.). Среди указанной категории информации половина сообщений приходится на различные конкурсы, памятные дни, праздники («Семьям Верхневолжья — урожай от сердца» (20.09.2024), «Семьи Тверской области приглашают принять участие в мероприятиях всероссийского дня трезвости» (10.09.2024); сообщения о победителях конкурса свидетельствуют об активном участии тверских семей в мероприятиях («Многодетная семья Веселовых из Твери стала одним из победителей конкурса всероссийского «фестиваля семейной истории Генэкспо» (10.09.2024)). По-прежнему в сообществе представлены биографии отдельных семей, которые могут служить образцом для подражания («О тверской династии мастеров-стеклодувов» (19.09.2024);

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта «Патриотические и семейные ценности как константы цивилизационного развития России» (FEMS-2024-0006).

«Репортаж о семье Жилиных из Тверской области и их любимом деле» (10.09.2024)). Традиционная для сообщества тема «Безопасность на дорогах, на воде» расширена в 2024 г. информацией о проблемах национальной безопасности, связанной с СВО («О ситуации в Торопце» (18.09.2024)). За четыре года существенно выросло количество партнеров учредителя сообщества — «Движение Первых», Всероссийская общественная организация поддержки института семьи и традиционных семейных ценностей «Союз отцов», Телеканал «СПАС», Минтруд, ДЕМ.ИНФОРМ (первое демографическое информационное агентство России), Тверская епархия, Перинатальный центр, БФ «Женщины за жизнь», Фонд «Благовест» и др. Наибольшее количество перепостов в сообществе представлено информацией от Русской православной церкви («Молодоженам планируют вручать икону с изображением святого семейства Михаила Тверского и Анны Кашинской» (13.09.2024)). Актуальным направлением контента становится антиабортальная политика и репродуктивное здоровье: «Тверская семья» информирует о деятельности «Первой телевизионной службы спасения от абортот «Прямая линия жизни» в прямом эфире и во всех сетях СПАС (18.09.2024); «В Твери открыт кабинет репродуктивного здоровья несовершеннолетних» (09.09.2024)). Новым объектом семейной политики становится семьи участников СВО, которым оказывается поддержка со стороны региональных властей («Семьи участников СВО могут бесплатно посетить культурные мероприятия» (17.09.2024), «Всем, кто чувствует сердцем»: в Твери открылась выставка графических работ супруги участника СВО» 09.09.2024). Важной новеллой сообщества стало появление социологических опросов, позволяющих Министерству более эффективно проводить семейную и демографическую политику («Внимание, опрос: «Семья и рождение детей» (13.09.2024)). Таким образом, анализ официального паблика регионального министерства позволяет сделать вывод, что политика фамилизма в современной России укрепляется и расширяется за счет создания экосистемы просемейных общественных организаций, введения новых тем (антиабортальной политики, репродуктивного здоровья, национальной безопасности, семьи-участников СВО).

Козьякова Н.С.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сегодня словосочетание «политическая теология» популярно, под политическим богословием понимаются не только богословские исследования, но и публичные речи религиозных лидеров на общественно-политические темы. Данное понятие используется для характеристики высказываний отдельных политиков, которые в своей политической риторике используют религиозные символы или сюжеты. Это касается как древних правителей, таких, как византийские императоры или русские цари, например, можно услышать о политической теологии императоров Константина и Юстиниана или царя Ивана Грозного, так и современных политиков.

В Соединенных Штатах Америки существуют исследования о политической теологии президентов Барака Обамы или Джорджа Буша-младшего. Фактически любое высказывание публичного деятеля на социально-политические темы с отсылками к религиозным символам или доктринам может быть названо политической теологией. Однако такое очень широкое понимание понятия «политическая теология» формулируется не академической средой, а в основном журналистами и публицистами. В академическом смысле слова политическая теология — это богословская дисциплина, которая занимается теологическим осмыслением политического.

В поле ее зрения попадает не только политика в традиционном понимании как деятельность государства и его институтов, но и вопросы общественной жизни и морали, проблематика власти, социальной справедливости и так далее. Содержательно политическая теология предлагает, с одной стороны, теоретический взгляд на тему политики с религиозной точки зрения, а с другой — религиозную оценку конкретных политических форм и феноменов. По определению британского теолога Питера Мэнли Скотта и американского католического богослова Уильяма Кавана, политическая теология есть анализ и критика политических структур в перспективе различных интерпретаций Божьего промысла в мире. Но П. Скотт и У. Каван предполагают, что политические структуры здесь понимаются широко, с учетом разных культурно-психологических, социальных и экономических аспектов. Политическая теология как богословская дисциплина появилась относительно недавно — сто лет назад. Ее оформление в самостоятельную область теологического знания происходило в эпоху модерна в качестве ответа на вызов секуляризации. Секулярное понимание места религии в жизни человека и общества ограничивается ее областью приватного — частной жизни, при этом религии запрещено присутствовать в публичном пространстве. Согласно секулярной парадигме, религиозный человек может демонстрировать свою религиозность и руководствоваться религиозными установками только в личной жизни. Но политическое или общественное пространство должно быть светским, то есть свободным от религии.

Исторически светское политическое пространство формируется как ответ на религиозные войны в период протестантской Реформации, в динамике которых общественно-политическая роль религии была дискредитирована. Секуляризация позволила, если не остановить, то значительно уменьшить степень насилия, порожденного религиозной мотивацией. В отличие от досекулярной эпохи, когда религиозное и политическое были неразрывно связаны друг с другом, новая ситуация потребовала автономии политики от религии. Продолжение секуляризации породило разные эксцессы, в ходе которых уже антирелигиозно настроенные группы стали пропагандировать и применять насилие по отношению к религиозным людям. Существует известный антиклерикальный девиз французского философа Вольтера о церкви: «Раздавите гадину», религия стала рассматриваться не только как частная практика, но и как угроза общественному благу, в связи с чем была необходима защита. С момента своего появления политическая теология ставила перед собой двойную задачу: одной стороны, она пыталась осмыслить модерный общественно-политический порядок и предложить более адекватное с точки зрения религии видение политического устройства, не оставляла попыток дать новое обоснование старым политико-теологическим конструкциям, таким, как монархия, а с другой — политическая теология выступала с критикой секуляризации, отстаивая общественную значимость и политический потенциал религии.

Академическое пространство — это пространство научно-богословской дискуссии вокруг теологических концептов и стратегии осмысления политического в общественном пространстве. Политический теолог должен быть ответственным участником дискуссии о политическом устройстве и общем благе, он должен уметь переводить религиозные смыслы на общедоступный язык и выступать с апологией своей религиозной конфессии. В церковном пространстве необходимо производить обратный перевод и разъяснять верующим значение общественной дискуссии на понятном им языке. Постсекулярная ситуация открывает перед политическими теологами новые возможности, следовательно, политическая теология становится неотъемлемой частью современных постсекулярных исследований, например, в «*The Routledge Handbook of Postsecularity*» 2018 года выпуска политической теологии был отведен отдельный раздел.

Койчуман кызы Орозгул
(Москва, РУДН)

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Взаимосвязь религии и политики представляет собой важнейший аспект социального и культурного устройства общества, особенно в многоэтнических и многоконфессиональных странах, таких как Россия. Религия играет значительную роль в формировании общественного мнения и влияет на государственные решения, что, в свою очередь, отражается на политической жизни страны. С точки зрения исторического развития, религия предшествовала политике, поскольку она возникла еще до общинного и общинного строя, когда религиозные нормы и культовые ритуалы обеспечивали организацию поведения людей и соблюдение нравственных обычаев. С появлением классов и государств политика стала отдельной сферой общественной жизни, но взаимосвязь с религией сохранилась и продолжает играть важную роль в формировании социальной и культурной идентичности общества.

В России религия и политика тесно переплетены, образуя сложный и многогранный феномен. Религиозные институты, такие как Русская православная церковь и мусульманские общины, играют значительную роль в формировании общественного мнения и поддержке государственной идеологии, что, в свою очередь, влияет на политические процессы в стране. С одной стороны, РПЦ активно участвует в формировании законодательных инициатив и общественного мнения, что позволяет ей укреплять свои позиции в обществе и влиять на государственную политику. Однако, наряду с позитивными аспектами, существует и ряд вызовов, связанных с религиозным экстремизмом и репрессиями против религиозных меньшинств. Эти проблемы требуют комплексного подхода и диалога между различными религиозными группами и государственными институтами.

Аванесова Е. Г. отмечает, что религия и политика всегда были тесно связаны и что религиозные новации и трансформации не могут быть поняты вне политической картины мира. Это означает, что политические события не могут быть адекватно оценены без учета влияния религии на их замысел и ход. Исторически религия и политика были взаимосвязаны, и религиозные институты часто играли важную роль в формировании политических решений и общественного мнения. В современном мире, в условиях секуляризованного общества, взаимодействие религии и политики не только не прекратилось, но и находит новые формы.

Комментируя взаимосвязь религии и политики, Никита А. Г. подчеркивает, что политизация религии может привести к катастрофическим последствиям, включая терроризм, войны и конфликты.

В современном мире религиозное измерение часто присутствует в различных конфликтах, что подчеркивает важность стабильных и плодотворных отношений между религией и политикой. Очевидно, что политизация религии может иметь разрушительные последствия для общественной стабильности. Когда религия используется в политических целях, она может быть инструментом манипуляции и насилия, что может привести к эскалации конфликтов и нарушению прав человека. В то же время стабильные и плодотворные отношения между религией и политикой могут способствовать общественной стабильности, содействуя диалогу, пониманию и сотрудничеству между различными группами населения. Поэтому необходимо признать важность религии в политической жизни и стремиться к созданию здоровых и конструктивных отношений между ними, чтобы обеспечить мир и стабильность в обществе.

Один из главных меседжей, который я хочу донести, — это то, что Россия начинает выстраивать новую страницу взаимоотношений с глобальным югом. Я убежден, что Стратегическое партнерство РФ и исламского мира может способствовать укреплению мира, даже стать новым полюсом в международных отношениях. Россия будет дальше сближаться с исламским миром, делать ставку на просвещенный ислам. В этом процессе не нужно закрываться в своей культуре, не нужно бояться модернизации, бояться конкуренции идей. Россия — это великая православная, исламская и буддистская страна. Ислам — неотъемлемая часть российского культурного кода, представители различных религиозных обществ строили одну страну, с едиными духовными ценностями. Таким образом, для обеспечения стабильности и согласия в многообразном российском обществе необходимо учитывать как религиозные, так и политические факторы. Важно развивать межрелигиозный диалог и сотрудничество, что может способствовать снижению напряженности и укреплению гражданского общества в стране. В условиях глобальных вызовов, таких как терроризм и миграция, понимание взаимосвязи религии и политики становится особенно актуальным для формирования устойчивой и гармоничной социальной среды.

Колозов Д.П.
(Краснодар, КубГУ)

ПРАКТИКИ КОНСОЛИДАЦИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: ЦЕННОСТНЫЕ И ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

В условиях новой геополитической реальности существует взаимный запрос между обществом и государством на проведение такой политики, что обеспечила бы консолидированность российского общества, однако в реальном поле государственной политики данная система в своей практической реализации на федеральном и региональных уровнях находится на начальном этапе развития, что особенно можно наблюдать в сфере реализации практик ценностной консолидации молодежи. Значимый аспект данной проблематики указан в Стратегии реализации молодежной политики в РФ на период до 2030 года как дезактуализация каналов и механизмов передачи традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ориентиров, социального и исторического наследия в молодежной среде и в обществе в целом. В том числе поэтому представляется важным изучить практики реализации процесса консолидации на уровне региональной молодежной политики.

Анализ практик консолидации молодежи Краснодарского края был проведен на основе метода качественного контент-анализа. Были изучены официальные сайты и страницы в социальной сети «ВКонтакте» субъектов молодежной политики региона за 2023–2024 гг. (всего 12 публичных страниц). Анализируя результаты исследования, можно сделать ряд выводов.

В сфере развития военно-патриотических ценностей и ценностей гражданственности следует, в первую очередь, отметить, что большую долю занимают практики, направленные на образование, просвещение и воспитание юных граждан. Чаще всего данные практики реализованы в традиционных форматах взаимодействия с молодежью. Практики связаны с формированием в молодежной среде представлений о единой истории России, традиционных семейных ценностях, духовных ценностях, представлений о многонациональном и многоконфессиональном характере российского общества и государства.

Также практики направлены на формирование жизненных и профессиональных траекторий, связанных с ценностями гражданственности и служения Отечеству (в частности, можно выделить формирование позитивного представления молодежи о Вооруженных Силах России, службе в них). Формирование в молодежной среде представлений о Службе России как о ценности также связано с формированием определенного отношения молодежи к СВО через объяснение его историко-политических предпосылок, что, в свою очередь, в том числе, активно реализуется через прямое

взаимодействие юных граждан с ветеранами и действующими участниками СВО и иных военных кампаний.

Молодежная политика региона также направлена на поддержку талантливой молодежи, формирование ее образа будущего и развитие профессиональных компетенций специалистов в сфере молодежной политики. Данная деятельность реализуется и в инновационных форматах стратегических сессий, образовательных форумов и социальных хакатонов. Таким образом, практики осуществляют интеграционную функцию, формируют карьерные и жизненные траектории молодежи, связанные с Краснодарским краем.

На основе анализа можно сделать вывод о том, что практики взаимодействия с молодежью в Краснодарском крае можно разделить на два блока: ценностно-патриотические и социально-профессиональные. Первый тип в большей степени связан с формированием ценностей гражданственности, военно-патриотических ценностей, традиционных семейных, культурных и духовных ценностей, а второй — с формированием образа будущего, поддержкой талантливой молодежи и развитием профессиональных и надпрофессиональных компетенций молодежи и специалистов в сфере молодежной политики.

Таким образом, можно отметить наличие противоречия в системе реализации процесса консолидации на уровне региональной молодежной политики Краснодарского края. Так, практики работы с молодежью всесторонне направлены на развитие потенциала юных граждан, формируя, с одной стороны, единые исторические ценности, а с другой стороны, условия для успешного развития жизненных и карьерных траекторий молодежи в рамках своего региона, своей страны. Однако в описанной дуальной дифференциации исследуемых практик можно наблюдать наличие слабой взаимосвязи между реализуемыми блоками практик по отношению к процессу консолидации на основе традиционных российских ценностей. Ценностно-патриотический блок практик хоть и в большей степени направлен на формирование указанных ценностей, однако в своей деятельности не способен охватить все социальные группы молодежи региона, в том числе из-за недостатка инновационных форм взаимодействия и практик, направленных на карьерные и профессиональные стратегии молодежи, которые активно развиваются в блоке социально-профессиональных практик. Описанное противотечение снижает эффективность реализации непрерывного процесса ценностной консолидации молодежи в Краснодарском крае и требует особого внимания для обеспечения лучшего межведомственного взаимодействия.

Колотаев Ю.Ю.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

МЕЖЭЛИТНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ В МНОГОУРОВНЕВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА*

Периоды острой политической турбулентности имеют существенное влияние на устойчивость политической коммуникации. Нередко они вызывают в политических сообществах процессы деградации внутренних связей, если вызвавшие кризис факторы имеют поляризирующий потенциал. В такой ситуации внешние или внутренние вызовы провоцируют политические группы (среди которых в вопросах управления центральное место занимают элиты) к дивергенции на почве расхождения взглядов или интересов.

На сегодняшний день острая конфронтация западных стран с Россией становится источником для подобной дивергенции. Несмотря на стремления ключевых институтов западной и прежде всего европейской элиты поддержать консенсус или даже «мобилизационный» потенциал кризиса, существуют множественные маркеры формирования внутренних разделительных линий в политическом пространстве стран Европейского союза.

Процесс дивергенции проявляется в таких явлениях, как асинхронность действий, нарушение логики стратегических коммуникаций, имплицитное противодействие. Вместе с тем он в разной степени охватывает различные составные части европейской элиты. Степень дивергенции элит сильно зависит от сочетания агента, контекста и триггера для разобщения.

В частности, при анализе агента важно учитывать, о какой составной части политических кругов ЕС идет речь: национальной или наднациональной. В случае с последней актуальным представляется соотношение между «избираемой» и «назначаемой» ее частью. При этом занимаемое элитой поло-

* Данное исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01280 «Разделительные линии в правящих кругах Запада при формировании политики в отношении России в условиях современной конфронтации».

жение может контрастировать с реальной ее способностью к действиям, что также имеет последствия на процесс разобщения.

Контекстуальный аспект совпадает с наиболее острыми точками конфликтных отношений, провоцирующих дивергенцию. К ним можно отнести степень вербальной агрессии к России, вопрос поддержки оппонентов, степень разрыва связей и контактов или вовлеченность в дискурс о делигитимации действий и статуса страны.

Факторами дивергенции выступает широкий перечень предпосылок, определенных социально-политическими, институциональными и даже культурно-географическими переменными. В результате различных комбинаций трех ключевых составляющих дивергенция протекает в одном из ключевых сценариев: сегментации, фрагментации или поляризации.

Каждая из последующих форм дивергенции фиксирует снижение возможности выработки консенсуса. Так процесс сегментации выражает снижение взаимопонимания при поддержании коммуникации. Такая дивергенция не ведет к деградации межэлитных связей, но становится стартовой точкой дальнейшей дивергенции.

Фрагментация — прерывает стабильную межэлитную коммуникацию. Активно проявляется обособление элит в рамках дискурса, формируются явные разделительные линии на практике. При этом, в отличие от более высокой степени дивергенции, в условиях фрагментации элиты способны к частичной кооперации для удовлетворения частных интересов.

Поляризация является крайней точкой разобщения в ходе межэлитного взаимодействия, сопряженной не столько с непониманием, сколько со столкновением между элитами. Непересекающиеся интересы и распад связей позволяют четко определить эту степень дивергенции.

Подобное многоуровневое представление процесса размежевания элит является на текущей момент полезным аналитическим инструментом для отражения европейской внутриэлитной динамики. В условиях острого международного кризиса, а также целого ряда экономических и социальных проблем европейские элиты проходят через процесс реконфигурации, где часть связей распадается, а процесс консенсусного принятия решений затруднен. В этой связи дифференцированное понимание межэлитных конфликтов внутри ЕС позволяет избежать упрощения текущей ситуации в рамках интеграционного объединения, а также спрогнозировать дальнейшую роль отдельных элит в рамках европейской системы.

Дивергенция может протекать прогрессивно или дискретно. Однако именно в первом случае она способна быстро привести к поляризации, вызвав серьезный политический кризис. В этой связи вопрос отношений ЕС с Россией выступает на текущий момент одним из наиболее показательных, так как отражает постоянную динамику, требующую коллективную реакцию от ЕС и его стран-членов. По этой причине дальнейшее развитие исследовательской повестки по вопросам формирования разделительных линий в европейских элитах требует детального рассмотрения процессов дивергенции по вопросам внешней политики в отношении России на каждом из обозначенных в докладе уровней.

Колчин П.А.
(Москва, АНО «ЭИСИ»)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование посвящено вопросу совершенствования миграционной политики России в условиях формирования общероссийской гражданской идентичности. Целью исследования является выявление основных направлений государственной политики в сфере регулирования миграции, которые оказывают значимое влияние на укрепление общероссийской гражданской идентичности. В современном мире вопрос распределения миграционных потоков становится острым для многих государств. В отсутствие эффективного госрегулирования миграции иностранные переселенцы зачастую становятся дестабилизирующим фактором для обществ и стран, не желая интегрироваться в социум. Также миграция зачастую становится инструментом для спецслужб и международных преступных структур, делая мигрантов (зачастую нелегальных) агентами своего влияния.

В этих условиях Россия столкнулась с множеством вызовов, связанных с миграционной политикой. Уже устойчивые каналы миграции из Средней Азии были скомпрометированы деятельностью террористов и активностью враждебных спецслужб. При этом сохраняет актуальность вопрос репатриации русского населения, а также приема переселенцев из стран Европы и Северной Америки.

Массовая трудовая миграция из Средней Азии на протяжении многих лет была дестабилизирующим фактором для российского общества. Расширение культурно-ценностной дистанции между

российской нацией и народами Таджикистана, Узбекистана и Киргизстана стали фактором, повышающим риск межэтнических столкновений. В среде мигрантов, многие из которых не желают менять свои поведенческие установки в соответствии с российскими традициями и законами, наблюдается рост уровня правового нигилизма. Эти условия стали благоприятной почвой для деятельности враждебных России элементов. В связи с этим в России за первое полугодие 2024 года число экстремистских преступлений, совершенных мигрантами, увеличилось на 55%. В связи с этим процессы интеграции этих переселенцев в российское общество подрывается. Многие мигранты, недавно получившие российское гражданство, также демонстрируют асоциальное поведение. Для противодействия этим тенденциям на уровне МВД принимаются новые меры, связанные с контролем за миграционными потоками, механизмами легализации переселенцев и новыми гражданами России.

Не теряет актуальность вопрос возвращения соотечественников из стран постсоветского пространства и бывшего социалистического лагеря. Представители коренных народов России на этих территориях зачастую становятся целью репрессивной политики антироссийских режимов, официально декларирующих борьбу с русским языком и культурой целями своей политики. Дебюрократизация юридических механизмов возвращения соотечественников еще нуждается в доработке. Возвращение представителей коренных народов России, являющихся носителем российского менталитета и ценностей, может стать наиболее перспективным направлением миграционной политики в контексте формирования и укрепления общероссийской гражданской идентичности. Актуальным представляется создание отдельных государственных институций, курирующих этот вопрос.

Новым направлением миграционной политики стал прием переселенцев из стран Запада, не согласных с политикой своих государств. В этой сфере важнейшим решением стал Указ Президента России об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности Указ Президента РФ от 19.08.2024 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности». Согласно документу, иностранные граждане и лица без гражданства смогут получить разрешение на временное проживание в России без учета квоты и подачи документа, подтверждающего владение русским языком, знание истории и основ законодательства страны. Послабления условий для проживания в России лиц, не знающих государственный язык, может стать дестабилизирующим элементом, однако темпы переселения еще не так высоки, что нивелирует эту угрозу. Но цивилизационная и культурная близость России и народов Европы значительно повышает интеграционный потенциал этого направления миграции. Также у нашей страны есть исторический опыт приема переселенцев из Европы, которые уже через несколько поколений становились неотъемлемой частью российского народа.

Высокая интенсивность глобальных миграционных процессов требует высокого уровня оперативности принятия новых мер в этой сфере. В связи с этим мы наблюдаем активизацию многих федеральных ведомств. Как на уровне МИД, так и по линии МВД принимаются новые меры, способствующие совершенствованию механизмов контроля за миграционными потоками. В перспективе эффективное выстраивание этой политики позволит нивелировать ряд демографических рисков без урона национальному единству и общероссийской гражданской идентичности.

*Кольба Н.В.
(Краснодар, КубГУ)*

ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

Комфортная среда — один из индикаторов качества жизни горожан. По данным ВЦИОМ, семь из десяти россиян характеризуют состояние городской среды как хорошее — 69% (определенно хорошее — 21%, скорее хорошее — 48%), а более четверти недовольны состоянием городской среды — 27%. Значимыми факторами, влияющими на оценки респондентов, являются регион проживания, урбанизация и уровень доходов. Положительную оценку качеству среды дают молодые жители (до 25 лет) Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга с хорошим материальным положением. Негативную оценку чаще дают преимущественно граждане 25–44 лет (33–31%), с плохим материальным положением (50%), проживающие в небольшом населенном пункте с численностью населения 100 тыс. чел. и меньше, а также на селах (35–33%), в Сибирском или Дальневосточном федеральных округах (40% и 47%). (Комфортная среда: оценки жителей российских городов. ВЦИОМ, 2023. URL: [https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov.](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov))

Проекты улучшения городской среды — развитие транспортной и коммунальной инфраструктуры, создание городских пространств и социальных объектов — государство сделало одним из маги-

стральных направлений политики. С 2018 года реализуются 12 национальных проектов, в паспорта 7 из которых интегрированы инфраструктурные проекты, которые должны улучшить качество жизни граждан и модернизировать среду. На достижение этих же целей направлена реализация соглашений государственно-частного партнерства. По данным Минэкономразвития РФ, по итогам 2023 г. действует 3427 соглашений о реализации ГЧП-проектов. (Государственно-частное партнерство в России. Итоги 2023 года и основные тренды. СПб., 2024. URL: <https://roscongress.content.rcmedia.ru/upload/media-library/be5/Дайджест%20ГЧП.pdf>.)

Вместе с тем реализация таких проектов часто наталкивается на серьёзное общественное недовольство, вызывает сопротивление и стихийные протесты. Большинство крупных городских конфликтов происходят по поводу девелопментских проектов, где власть выступает третьей стороной в противостоянии бизнеса и горожан. Несколько другая расстановка сил возникает, когда в городском пространстве реализуется инфраструктурный проект, призванный улучшить качество городской жизни, но при этом имеющий ряд особенностей: кардинальное преобразование городского пространства, длительные сроки реализации, высокую стоимость, неудобства для горожан в процессе реализации.

Это связано не только с объективными неудобствами для горожан, но и с острым кризисом доверия власти и бизнесу. В данной ситуации власть оказывается с горожанами один на один и выбирает разные стратегии снижения конфликтности по поводу реализации инфраструктурного проекта. Наиболее эффективной для снижения конфликтного потенциала является стратегия информационной открытости и формирования структурированного пространства для диалога городских сообществ.

В современных условиях большую роль в реализации этой стратегии играют современные средства коммуникации — социальные сети, мессенджеры. На примере нескольких реализованных и реализуемых в настоящее время крупных инфраструктурных проектов в Краснодарском крае методом дискурс-анализа проведена оценка эффективности используемых политико-коммуникативных инструментов снижения конфликтности в городах. Анализировались коммуникативные единицы в связи с этим упоминанием проектов в региональных и городских сообществах на платформе *Telegram*, частота и коннотации комментариев, отклик региональных и муниципальных властей, подрядчиков, концессионеров. Из массива данных вычленены ситуации, когда в результате коммуникации изменяется отношение к инфраструктурным проектам и конфликтность высказываний.

В результате были выделены два типа антикризисных коммуникаций: повышающих конфликтность и снижающих ее. На снижение конфликтности влияют: постоянный диалог, оперативный отклик, упрощение информации, мультиплатформенность передачи информации, использование визуализации (мемы, маски, клиповость).

Можно сделать выводы, что в ходе реализации инфраструктурных проектов коммуникация трансформируется из сервисной функции в базовую. А эффективные антикризисные коммуникации значительно снижают вероятность деструктивных проявлений конфликтов, конфликтные — способствуют возникновению конфликтов даже в областях, где ранее не было напряженности. Коммуникации играют особую роль при низком уровне развития институтов коллаборативного планирования. Площадки, где происходит коммуникация, могут стать местом формирования сообществ как субъектов развития города. Коммуникации должны быть интенсивными, использовать все аудиовизуальные средства и каналы, отражать высокую динамику распространения информации.

Кольба А.И.
(Краснодар, КубГУ)

КОНФЛИКТНОСТЬ И СОЛИДАРНОСТЬ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ КАК ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА*

Как в современном научном дискурсе, так и в стратегиях развития субъектов РФ широко используются постулаты политики «ответственного развития». Одними из ее важных принципов являются участие граждан в формировании благоприятной для них социальной среды, ценность гражданской самоорганизации, использование политико-управленческих практик, позволяющих использовать потенциал локальных сообществ в целях развития. Однако в реальности реализация программ и проектов, предполагающих решение задач развития, часто сталкивается с их сопротивлением, перерастающим в продолжительные конфликты деструктивной направленности. Их результатом

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности». URL: <https://rscf.ru/project/24-18-20079/>.

может быть существенная корректировка сроков и реализации проектов вплоть до их замораживания. В силу этого актуальной становится задача преобразования таких конфликтов в позитивно-функциональные, трансформации негативной солидарности граждан.

Возможности участия (позитивного или негативного) локальных сообществ в реализации политики развития во многом зависят от уровня их солидарности по вопросам трансформации жизненной среды. Решение социально значимых задач осуществляется при кооперации с властью (вертикальное взаимодействие) и в пространстве повседневности (горизонтальное взаимодействие). Горизонтальное взаимодействие основано преимущественно на личном и репутационном доверии, тогда как вертикальное взаимодействие требует прежде всего институционального доверия. Недостаток последнего приводит к негативному восприятию предлагаемых органами власти изменений и обуславливает возникновение конфликтов между локальными сообществами и органами власти местного и регионального уровня, а также бизнес-структурами, участвующими в реализации проектов развития. Такие конфликты имеют деструктивный характер, так как изменения рассматриваются в категориях угроз, и мотивация действий сообществ связана с защитой от посягательств на свою территорию (концепт «защищающихся сообществ»). Интересы сообществ не вписаны в политику развития.

Актуализация фактора внешних вызовов и угроз, сама по себе усиливающая солидарность локальных сообществ, приводит также к задействованию комплекса других факторов (мобилизационных, коммуникативных, институциональных, ценностных, идентитарных и др.), что приводит к формированию сплоченных сообществ, готовых к коллективным действиям по отстаиванию своих интересов (группосплачивающая функция конфликта). В этих условиях социальный капитал сообществ (основанный на доверии, членстве и активном участии) работает против политики развития, что в корне противоречит принципам «ответственного развития».

Социальный капитал сообщества также используется для привлечения внешних ресурсов, к которым относятся ресурсы других сообществ, общественных и религиозных организаций, политических партий, депутатов, для создания сетевого структурного сопротивления изменениям. Поскольку территориальная идентичность, отношение к сложившемуся укладу как к ценности в той или иной степени присущи многим субъектам, действующим на муниципальном уровне, даже «агенты изменений» в лице местных органов власти могут частично разделять позицию «защищающихся». Цифросетевая среда публичной политики позволяет также привлекать ресурсы за пределами локальной территории (экологические организации, гражданские движения, оппозиционные политики и др.).

Формируется конфронтационная модель политики развития, в рамках которой необходимость навязывать локальным сообществам изменения ложится преимущественно на региональные органы власти, что приводит не только к снижению темпов развития, но и к имиджевому и репутационному ущербу. Данная модель может быть оценена как малоэффективная и требующая трансформации к нормативным показателям «ответственного развития».

Анализ ряда конфликтных ситуаций, связанных с решением ключевой для Краснодарского края «мусорной проблемы» (строительство полигонов и предприятий для переработки мусора), показывает, что конфронтационные сценарии взаимодействия городских и сельских сообществ с региональными властями, выступающими в качестве инициаторов подобных проектов, приводят стороны к тупикам развития. В сложившихся условиях смена приоритетов в реализации политики развития, создание условий для роста институционального доверия в отношениях ее субъектов требует скорейшего научного обоснования и разработки подходов к практической реализации.

Колянов А.Ю.
(Санкт-Петербург, СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)

ТЕХНОСЕМИОТИКА КАК ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС

Для современного мира характерно соревнование между странами за технологическое лидерство. В этот процесс помимо государств, транснациональные корпорации, научные организации и другие участники. Разобраться в том, как техника взаимодействует с нашим сознанием и меняет сложившиеся значения социальных и политических практик, — сложная научная задача.

Непрерывный рост производства и технологическое развитие являются безусловными приоритетами государств всего мира. Эти процессы отражаются в социальной динамике.

На внешнем уровне техника и технологии — политический ресурс недалекого будущего, который разделит страны, общества на активных технопроизводителей и пассивных зависимых технопотребителей. На внутреннем уровне технологическое развитие ведет к цифровизации политики и вовлечению граждан в социотехническое взаимодействие с ресурсами государства (цифровизация государственных сервисов, обеспечение гражданского диалога, «лифты» для социальной активности граждан, лояльность отечественным технологиям и др.). Все это должно способствовать формированию социальных

связей, создающих в обществе атмосферу сплоченности и сопричастности реальному социально-политическому процессу.

В 2023 году в нашей стране была утверждена Концепция технологического развития, которая предполагает, что к началу четвертого десятилетия XXI века Россия будет иметь собственную научную, кадровую и техническую основу разного рода технологий.

Информационное агентство ИТАР-ТАСС 28 февраля 2024 года сообщило, что Президент Российской Федерации В.В. Путин определил приоритеты России в науке и технологиях на 10 лет. К этим приоритетам относится в том числе «эффективный ответ российского общества на большие вызовы с учетом возрастающей актуальности синтетических научных дисциплин, созданных на стыке психологии, социологии, политологии, истории и научных исследований, связанных с этическими аспектами научно-технологического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений». Затем в июне того же года Президентом был подписан Указ «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий», в котором в списке приоритетных направлений научно-технологического развития отмечается необходимость укрепления социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования.

Очевидно, что результаты такого интенсивного социополитического и технологического развития не могут быть близкими эмоционально нейтральными объектами: только экономическая отдача способна дать реальный положительный эффект от запланированных действий. Возникает потребность в новых научно обоснованных методах и инструментах, помогающих выстроить коммуникацию с техническими системами.

Сложность предметных областей, изучение которых необходимо для интеграции техники в социальное взаимодействие, требует объединения ресурсов научных дисциплин из разных сфер.

Актуальной задачей представляется разработка интегративных/междисциплинарных теорий среднего уровня.

На наш взгляд, действенным представляется обращение к семиотике, одной из научных дисциплин, ставшей в XX веке мостом, связывающим точные и гуманитарные науки. Мы же ориентируемся на разработку техносемиотики как трансдисциплинарной теоретической модели и эмпирический ресурс. На наш взгляд, задача разработки научной парадигмы, охватывающей сферу соприкосновения человека, общества, технологии (вообще, не только цифровой, но как материального объекта или как деятельности, то есть способа, метода и т.д.), на данный момент остается нерешенной.

Наша гипотеза заключается в том, что взаимодействие социальных, политических и технических систем производит язык, имеющий семиотические признаки (семантика, синтаксис, прагматика) и участвующий в формировании социокультурных кодов. Техносемиотический подход сосредоточен на исследовании того, какие коды и сигналы используются в технологиях, насколько они эффективны в коммуникации и к каким результатам они приводят в социальных, политических и культурных контекстах. Изучать динамику социополитических кодов перспективно с помощью инструментов техносемиотического анализа. К ним относятся: диахронический принцип, теория аутопоэзиса и модель палимпсеста. Одним из методов техносемиотики является технобиологический или техноархеологический анализ, суть которого заключается в поиске, анализе и сравнении особенностей развития отдельных технических узлов и целых технических систем в контекстах социальных и политических изменений.

Таким образом, семиотика, будучи междисциплинарной исследовательской парадигмой, представляет собой политологический ресурс, который является не только методологией, но еще и способом интерпретации реальности.

*Комаров И.Д., Горбунова М.Л.
(Нижний Новгород, ННГУ)*

РЕСУРСНОСТЬ БРИКС В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Формирование мирового порядка подразумевает новую систему договоренностей между великими державами. Неформализованные межгосударственные институты глобального управления, к числу которых относится БРИКС — объединение лидеров мирового большинства, — играют роль системных регуляторов в периоды неустойчивости мирового порядка. Так, «Группа семи» создана в период турбулентности 1970-х гг., первый официальный саммит «Группы двадцати» состоялся в 2008 г. — хотя идея объединения среди участников «Группы семи» еще в 1999 г., БРИКС создана в 2009 г. для независимого позиционирования лидеров мирового большинства в условиях игнорирования их возросшего потенциала в органах управления прозападных глобальных институтов, в первую очередь экономических.

В рамках теории эволюции мирового (международного) порядка дипломатия, международное право и войны являются системными регуляторами, обеспечивающими баланс великих держав в периоды полярной архитектуры. Ялтинско-Потсдамский мировой порядок, в отличие от предыдущих межвоенных порядков, имеет значительный ресурс стабильности из-за минимальной вероятности тотального конфликта великих держав по причине наличия у них ядерного оружия и средств его доставки. В этих условиях многосторонние институты высшего уровня великих держав и общие, как «Группа двадцати», и дифференцированные, как «Группа семи» и БРИКС, являются оптимальной площадкой для реализации консолидированных дипломатических усилий, ориентированных на обсуждение и принятие согласованных решений по ключевым вопросам международных отношений за счет относительно низкой бюрократизированности, гибкости взаимодействия. Ограниченный круг участников подобных институтов в сочетании с добровольностью исполнения решений поддерживает гармонизацию общих интересов и, таким образом, соблюдение принципа консенсуса.

В периоды неустойчивости системы международных отношений неформализованные многосторонние институты обеспечивают целеполагание внутри альянсов великих держав, имеющих противоположные позиции по отношению к реформированию мирового порядка, находящегося в условиях турбулентности (кризиса). Одна группа великих держав — условно «традиционные» центры силы или гегемоны — стремится к сохранению статус-кво, несмотря на деградацию их совокупного ресурса, в первую очередь экономического и демографического. Другая — «восходящие» центры силы или ревизионеры — не удовлетворены политическими и институциональными ограничениями, накладываемыми системой глобального управления, сформированных первой группой, ратуют за пересмотр норм, правил и институтов мирового порядка. Противостояние великих держав снижает эффективность формализованных институтов глобального управления, как это происходит в настоящее время с ООН, и многосторонние неформализованные институты обеспечивают артикуляцию инициатив противоборствующих сторон и глобальное позиционирование, которое привлекает или отталкивает прочие малые и средние государства.

В этом контексте очевидно, что генезис и последующее расширение БРИКС тесно связаны с несоответствием архитектуры однополярного мира интересам мирового большинства, самыми крупными представителями которого являются лидеры объединения. Особенностью как института БРИКС по сравнению с «Группой семи» и «Группой двадцати» является его открытость для новых участников, начиная с памятного вхождения ЮАР в 2011 г. и заканчивая присоединением к объединению в 2024 г. Арабской Республики Египет, Исламской Республики Иран, Объединенных Арабских Эмиратов и Эфиопии. Список государств, руководство которых высказывало намерения подать заявку в БРИКС, шире, но очевидно, что под давлением противоположного лагеря присоединение тормозится.

В русле теоретических концепций, предложенных авторами ранее, ресурсности государств в поставках стратегических товаров — продовольствия, топлива, металлов и пр. — и стратегической взаимозависимости, формирующейся на их основе, авторы оценивают изменение ресурсности БРИКС и трансформацию стратегической взаимозависимости в рамках объединения. Расширение БРИКС 2024 г., помимо геополитического усиления на Ближнем Востоке и отчасти в Африке, увеличило ресурсность и взаимозависимость в сфере поставок продовольствия и топлива, что позволяет укрепить социальную стабильность и формирует условия для экономического роста в рамках контура дружественных государств мирового большинства в перспективе многополярного полицентричного мирового порядка.

Комбаев А.В.
(Москва, Академия управления МВД России)

ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР: УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мир стремительно меняется и все больше становится похожим на зарисовки фантастического рассказа о будущем, где бестелесный искусственный интеллект уживается с человеком, а разумные машины постепенно вытеснят человеческий труд и самого человека.

Сегодня центр политической идентичности — физическое тело человека, но не за горами тот день, когда развитие человеческого общества придет к тому, что сможет обеспечить продолжение жизни человека вне физического тела, в виртуальном пространстве. Новая действительность — это вызов государству и привычному пониманию охранной функции государства.

Министерство внутренних дел Российской Федерации за 2023 год зарегистрировало 677 тыс. IT-преступлений в стране, что стало рекордным уровнем за все время.

В 2022 году Министерство внутренних дел Российской Федерации зафиксировало 522,1 тыс. таких преступлений — на треть меньше, чем в 2023 году.

Уголовная политика нашего государства как уголовная политика других мировых держав сегодня оказалась не в полной мере эффективной в области обеспечения правопорядка и защиты граждан нашего общества от преступных посягательств «нового» цифрового мира. Нет четкого понимания того, как будет развиваться и трансформироваться преступность, в том числе организованная. Практически все принципиально важные документы, являющиеся атрибутами современного государства начиная от конституции и заканчивая другими писаными законами, рассчитаны на взаимодействие людей в привычном для нас мире, мире без искусственного интеллекта и без Всемирной паутины. Учитывая скорость развития нашей цивилизации, неизбежен глобальный пересмотр всех принципов человеческого бытия, включая политический и правовой режим государства, уже сегодня, на наш взгляд, мы можем говорить о формировании цифровых политических режимов с новой системой правил и взаимоотношений. Например, Китай достаточно давно ведет политику по внедрению тотального контроля в информационной сфере, в значительной степени сужая «цифровую демократию». С одной стороны, это мера эффективна в плане защиты граждан государства от преступных посягательств, с другой стороны, люди в значительной степени лишены возможности свободных действий в виртуальном пространстве.

Сегодня, на наш взгляд, следует поднять вопросы:

- как будут формироваться «цифровые политические режимы» современных государств и какова роль уголовной политики в этих процессах;
- каковы допустимые границы «цифровой свободы» граждан и где заканчиваются их права и начинаются обязанности;
- правосубъектность «нового мира», кто может быть носителем правосубъектности.

Быть может, на первый взгляд покажется, что задаваемые вопросы и обозначенные процессы преждевременны и даже фантастичны, на самом деле с учетом тенденций развития современного мира преждевременность лишь кажущаяся. Конечно, технологический разрыв государств и уровень использования новейших технологий сегодня неодинаков, и это ещё одна проблема уже не будущего, а настоящего.

Отсутствие у государств с низким уровнем использования новых информационных технологий политических и правовых механизмов противодействия преступности, которая осуществляет свою деятельность с использованием Всемирной сети, приведет к тому, что начнет происходить массовый отток преступных элементов, ведущих свою деятельность в виртуальном пространстве, на территории государств, где нет правового регулирования такой деятельности. В свою очередь, это станет основой двух диаметрально противоположенных процессов:

- технологическому сотрудничеству и правовому сотрудничеству;
- серьезной конфликтности и усилению антиглобалистских тенденций в правовой и иных сферах.

Исходя из изложенного, считаем крайне важным поиск ответов на обозначенные вопросы.

Комлева Н.А.
(Екатеринбург, ЦГА АГП)

РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ: ДИНАМИЧНОЕ СООБЩЕСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В настоящее время существует три основных евразийских проекта: 1) англосаксонский проект «больших регионов»: Большой Ближний Восток, Большая Центральная Азия и т.п.; 2) китайский проект «Один пояс — один путь»; 3) российский проект «Большая Евразия» («Большое евразийское пространство»). Отметим, что англосаксонский и китайский проекты имеют свои слоганы: соответственно «за свободу и демократию» и «сообщество единой судьбы». Слоган отражает суть проекта и позволяет отличить его от других, поскольку все три проекта в своих программных документах артикулируют практически одно и то же: равноправие государств, взаимовыгодная торговля, процветание народов и т.п. Другое дело, каким образом и за счет чего эти теоретические позиции осуществляются на практике и осуществляются ли вообще. Слоган также указывает на бенефициара проекта: «сообщество развитых демократий» под руководством США, «единую судьбу», создаваемую Китаем, — то есть в скрытой форме реализует «максиму Маккиндера»: кто владеет Евразией — владеет миром. Таким образом, англосаксонский и китайский проекты с различной степенью откровенности реализуют интенцию мирового господства.

Российский евразийский проект слогана не имеет. Более того, он фактически сводится к экономическим параметрам развития, что предопределяет, на наш взгляд, его уязвимость.

Предлагаем следующий слоган российского проекта: «Евразия — динамичное сообщество цивилизаций». Этот слоган имеет, на наш взгляд, следующие преимущества: 1) снимается предопределенность следования принципам либо западной цивилизации (либерализм, права человека, демократия), либо цивилизации китайской (мировая гармония под руководством Китая), поскольку как феномен, так и понятие цивилизации самодостаточны и не содержат интенции геополитического доминирования; 2) утверждается нерушимость специфики каждой цивилизации, поскольку снимается фактор обязательного следования в фарватере какой-либо из них; 3) таким способом реально закладывается база равных взаимоотношений евразийских цивилизаций и их взаимовыгодного взаимодействия; 4) нет акцента на какой-либо из путей и способов взаимодействия — экономический, политический, культурный — все они имеют равное право на осуществление, поэтому участие каждой из цивилизаций в том или ином треке российского проекта Большой Евразии является результатом ее свободного выбора; 5) наконец, прилагательное «динамичное» указывает на интенсивность их развития во взаимодействии. Кроме того, снимается «конфликт цивилизаций», постулированный концепцией С. Хантингтона, выдвинутой им в 1994 г.: конфликт заменяется динамично развивающимся взаимодействием цивилизаций в сообществе. Таким образом, концепция Большого евразийского пространства расширяется: не только экономика, но также совместные внешнеполитические и культурные проекты.

При этом роль России в проекте ясно определяется ее географией: евразийская по самой своей сути не только географически, но также в политическом и культурном смысле, Россия — это мост между евразийскими цивилизациями, их связующее звено. Ни доминирования, ни навязывания чего-либо в таком позиционировании нет.

Кондорский Б.М.
(Донецк, самостоятельный исследователь)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА УКРАИНЕ

В XVI в. происходит массовый переход элиты Малой Руси, имеющей еще древнерусские корни, в католичество и принятие образа жизни польской аристократии. На смену им приходит новая элита — в виде казацкой старшины. Реестровое казачество, появившееся в середине XVI в., представляло собой типичную корпорацию, с соответствующим типом сознания.

Особенностью любой корпорации и в тот период, и в современный является преобладание внутренних интересов над внешними. Следует обратить внимание на тот факт, что старшина была сугубо корпоративной элитой, а не элитой украинского народа, как пытаются представить современные украинские историки.

Именно во второй половине XVI в. — первой половине XVII в. сформировался тот архетип исторического сознания украинского народа (в первую очередь, элиты), который проявлял себя в течение последующих столетий, вплоть до нашего времени, практически без изменений.

В период Хмельнитчины у старшинской элиты отсутствовал опыт государственного строительства. В этот период сложилась крайне слабая, плохо структурированная система публичной власти, уходившая своими корнями в устройство Запорожской Сечи. В основе этой системы лежала казацкая демократия, на деле сплошь и рядом оборачивающаяся охлократией.

После смерти Хмельницкого наступает период гражданской войны, который в народе прозвали Руиной. Корпоративные интересы в этот период преобладали над государственными. В полной мере проявили себя властолюбие, амбициозность, эгоизм старшины. Старшинская элита показала свою неспособность предоставить народу консолидирующие цели, постоянно игнорируя его интересы ради собственной выгоды.

Типичным представителем казацкой старшины, со всеми ее «достоинствами» и пороками, был Мазепа. Несмотря на внешнюю лояльность Петру, в душе он был русофобом. Очень точно характеризовал Мазепу известный историк XIX в. Н. Костомаров: «Гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи. Самое верное определение этой личности будет сказать, что это была воплощенная ложь. Он лгал всем, всех обманывал — и поляков, и малороссян, и царя, и Карла, всем готов был сделать зло, как только представлялась ему возможность получить себе выгоду или вывернуться из опасности». Более точного определения современного (и не только) украинского истеблишмента трудно найти.

В конце XIX в. появляется националистически настроенная украинская интеллигенция, в рамках которой уже тогда сформировался определенный архетип отношения к России и всему русскому, который сейчас доминирует среди современной украинской «элиты».

В ее среде впервые появляется лозунг: «Украина для украинцев». Пока хоть один «чужинец» останется на территории Украины, украинская интеллигенция не имеет права «сложить оружие». Домини-

рование Москвы над Киевом может быть устранено только победой. Необходимо приручить Москву, запрячь ее в украинскую государственную «телегу».

Во время Гражданской войны (1917–1920 гг.) на Украине полностью воспроизвелся архетип, характерный для гражданской войны второй половины XVII в., — Руины. Так же, как и в тот период, руководство Центральной Рады не имело четкой программы строительства нового государства, не смогло справиться с проблемой формирования властной вертикали.

В настоящее время, по существу, на Украине мы имеем Третью Руину. Для более глубокого понимания нынешнего положения вещей полезной будет концепция этнического сознания. В сознании человека можно выделить две основных составляющих — этническую и личностную. Этническое сознание, уходящее своими корнями в глубокое прошлое, формируется в детстве. В отличие от личностного сознания, которое может меняться в течение жизни, подвергаться критическому осмыслению, этническое сознание носит данный характер. Его нельзя изменить волевым путем. Можно только говорить о степени его активизации, когда в обществе происходит разделение на «свои-чужие» и начинает доминировать поиск внешних и внутренних врагов.

На Украине, в течение последних тридцати лет, мы наблюдаем резкую активизацию этнического сознания. Как результат — рецидивы радикального национализма, обусловленные подсознательной тоской по патриархальной культуре и ее «племенным ценностям».

Еще со времен Хмельниччины украинская элита отличалась русофобией, которая на рубеже XIX–XX веков приобрела уже патологические формы и которая в современной Украине никуда не делась. Следует учесть, что за последние тридцать лет на Украине выросло поколение, которое забыло «веру отцов». При этом используются те же иезуитские методы воспитания, что и поляками в XVI–XVII вв.

Кондратенко К.С.
(Санкт-Петербург, СПбГУ, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ГРАФОВ ДЛЯ АНАЛИЗА ВЫБОРА СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ ЛЕГИТИМНОСТИ СЕТЕВОЙ ВЛАСТИ*

Исследование отталкивается от теории политической легитимности, в том числе идей М. Вебера, выделившего, как известно, три типа политической легитимности: традиции, харизму и рационально-правовую легитимность. В контексте данного исследования эти типы признаются базовыми, так как затрагивают фундаментальную ценностно-смысловую природу социальных отношений, но недостаточными, поскольку ценностное отношение зачастую не описывает сложности современного мира. Ф. Вейганд описывает инструментальную легитимность, которая, в отличие от ценностной легитимности М. Вебера, связана с оценкой властных структур на основе полезности и результативности деятельности. Ф. Шарпф, помимо легитимности результатов, также указывает на легитимность участия, которая предполагает реальные практики взаимодействия с властью, устраивающие общество, и оценку поведения и политики. Таким образом, схему легитимации можно упростить до трех оснований: ценность, потребность, деятельность.

Эти основания не существуют отдельно — между ними несложно обнаружить причинно-следственную связь: ценности порождают потребности, потребности активируют деятельность. В контексте данного исследования это означает, что каждое из оснований связано с другими при сохранении определенной автономии. Пользователи выбирают ценностные основания легитимности (ценностями могут быть другие пользователи, поддержание связи с которыми может стать легитимационным основанием, возможность заработка, которую открывает платформа, организация досуга, решение рабочих вопросов и пр.), в этом случае при моделировании необходимо указывать не только ценность, но и ценностную модель, которую копирует смысловой блок. Если потребность воспринимается как ценность, то в этом случае нет нарушения причинно-следственной связи, так как модель может быть наполнена обратными причинными связями.

Таким образом, сетевая модель представляет собой ряды пользователей, ценностей, потребностей, деятельности и результатов, объединенные направленными дугами, обозначающими причинно-следственные связи (обратные связи могут быть изображены, к примеру, пунктирными линиями). Такая сеть описывает не только сложность взаимодействия сетей с платформами и сообществами, но и раз-

* Тезисы подготовлены при финансовой поддержке Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), грант «Легитимность сетевой власти и ее влияние на стратегии поведения пользователей социальных сетей в России».

личные сетевые эффекты, как отклоняющие намерения от желаемого результата (конфаундеры), так и накапливающие кумулятивный эффект (коллайдеры). Сеть будет напоминать генеалогическое древо, первый столбец в котором будет являться родительским ко всем остальным. Изолированные вершины в этой сети будут отсутствовать. Сеть как таковая будет представлять собой слабо подключенный ациклический оргграф, содержащий полуциклы.

Такая модель сможет описать путь выбора стратегий пользователей, проходящий через «слои легитимности»: слой ценностей, потребностей и деятельности. Перечень стратегий представляет собой проблему и нуждается в прояснении посредством эмпирического исследования. Наиболее вероятными стратегиями представляются идентификационные стратегии, рационально-организационные стратегии, стратегии рационального выбора, связанные с увеличением собственного выигрыша, а также стратегии сохранения сети и собственного положения в сети, т.е. стратегии долгосрочности. Стратегии в причинно-следственной сети будут соответствовать слою результатов.

Коновалова Е.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ НА ЗАПАДЕ

Последние пять лет на мировой арене наполнены поворотными моментами, которые способствуют изменениям в мировой экономике и политике (Dupont, 2020; Bongardt, 2022). Долгие годы Соединенные Штаты и Европейский союз были главными бенефициарами глобализации и неолиберального мирового порядка. Однако наблюдаемые процессы смены мирового порядка заставляют такие акторы, как США и ЕС, поменять паттерны своего поведения на мировой арене. В условиях конфронтации коллективный Запад пытается перестроить систему мировой экономики и предпринимает попытку переосмыслить теоретическую основу своего взаимодействия с третьими странами. В странах коллективного Запада обсуждаются концепции стратегического суверенитета и автономии. Они озвучиваются на наднациональном уровне (обращения У. фон дер Ляйен, Т. Бретона, EUGS, 2016; Европейская комиссия, 2020; Европейская комиссия, 2021), а также на национальном (Э. Макрон).

В 2023 г. со стороны США было заявлено о «кардинальной» мере — необходимости нового Вашингтонского консенсуса и переосмысления внешней политики. Вашингтонский консенсус — термин, первоначально заявленный Уильямсоном, в итоге приблизился к постулатам теории рыночного фундаментализма (Serra, Spiegel, Stiglitz, 2008), которые состоят в отказе от любого вмешательства государства в экономику, а на международном уровне обозначают свободную торговлю и либерализацию рынков. Наблюдаемые процессы в современное время демонстрируют окончание доминирования данной парадигмы.

В данном исследовании утверждается, что будущее международных экономических отношений основывается на идеях сторонников промышленной политики, так же как и то, что промышленная политика становится во главе процессов глобальных изменений.

Рассмотрим эволюцию промышленной политики в ЕС. Промышленная политика развивается со времен публикации Меморандума о промышленной политике Сообщества. «Общая политика промышленного развития, поощряющая создание европейской промышленной «фабрики», является незаменимой», — отмечается в документе. Тем не менее, в то время европейской интеграции промышленность была преимущественно государственным вопросом. За экономическим кризисом 70-х годов последовал период либеральной фазы (Landesmann & Stöllinger, 2020) и исчезновение сопротивления иностранному капиталу. Тогда европейское промышленное развитие было приостановлено. Новый виток последовал после финансового кризиса 2008 года, это также отмечено как начало разработки новых подходов: «Европе нужна промышленность», «новый интегрированный подход» (Европейская комиссия, 2010 COM 2010/614), «Промышленная политика: укрепление конкурентоспособности» (Европейская комиссия, 2011 COM 2011/642), «Сильная европейская промышленность для роста и восстановления» (Европейская комиссия, 2012, COM/2012/0582). Еще один инвестиционный цикл (2014–2019) или промышленный ренессанс привел к новой промышленной стратегии в 2020 году («Новая промышленная стратегия для Европы»), которая объединила автономию и зеленый переход. Таким образом, новая промышленная политика ЕС или ее современная фаза сформирована приоритетами: зеленый переход, устойчивость и автономия.

Цель данного исследования — выявить теоретические категории, на которых основывается «обновленная» модель мировых экономических отношений коллективного Запада (в частности, ЕС) с остальным миром на примере промышленной политики. Новизна данного исследования состоит в комплексном исследовании подходов к торгово-промышленной политике ЕС и выявлении теоре-

тических категорий посредством дискурса анализа в контексте широких дискуссий о трансформации мировой политэкономии.

Результаты демонстрируют, что 1) несмотря на утверждения, что внешние экономические отношения ЕС регулируются в основном торговой стратегией и политикой ЕС, увеличивается влияние промышленной политики во внешних отношениях, 2) дискурсивные практики демонстрируют разделение экономических партнёров по геополитическим соображениям, 3) будущее мировых экономических отношений через призму коллективного Запада состоит в образовании экономических блоков, участники которых будут получать блага от экономической взаимозависимости. В целом, практическая значимость исследования обуславливается необходимостью формирования консолидированного ответа, выработки эффективной стратегии противодействия со стороны внешней политики РФ по отношению к стремлению ЕС и коллективного Запада переформатировать систему мировой экономики.

Константинов М.С.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТРИЦ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2014–2023 гг.)*

С 2014 по 2021 г. сотрудниками Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) была проведена серия социологических исследований (фокус-группы и анкетные опросы студентов Ростовской области (2014–2015 гг., 2021 г.) и Юга России (2019 г.)) с целью выявить структуры, формирующие predisposition индивида к той или иной идеологии. В методологическом плане в основу этих исследований была положена авторская концепция когнитивно-идеологических матриц как дорефлексивной политически нейтральной когнитивной среды, в которой возникают протоэлементы политических идеологий (идеологемы) из элементов седиментированного социального опыта индивида. Предполагалось, что понятие когнитивно-идеологических матриц описывает «нулевой уровень», на котором возникает идеологическая «протоплазма» (идеологемы) посредством формирования predisposition индивида к той или иной, а чаще сразу к нескольким идеологиям. Результатом рефлексии идеологем является кристаллизация идеологических концептов. Серия указанных исследований позволила подтвердить и уточнить исходные гипотезы и выйти на новый уровень обобщений, результатом которых стала проблема отношений между социальным опытом индивида, его формирующимся мировоззрением, возникающей в этом контексте когнитивно-идеологической матрицей и кристаллизованной идеологией.

Указанная проблема решалась во всероссийском исследовании, проведенном научным коллективом в 2023 г. Оно было посвящено мировоззренческим моделям российского общества в поколенческом и региональном измерениях и среди прочих задач предполагало выявление связей между мировоззренческими моделями, когнитивно-идеологическими матрицами и политическими идеологиями. Помимо авторской концепции когнитивно-идеологических матриц в число базовых методологических предпосылок вошли концепция когнитивной самокатегоризации индивидов в качестве членов различных социальных сообществ по принципу «метаконтраста» (Дж. Тёрнер и др.); понятие мировоззрения как концептуально выраженной системы взглядов человека на мир, на себя и на свое место в мире; понятие мировоззренческой модели как интернализируемой индивидом в процессе социализации и рефлексивно адаптируемой им к повседневным взаимодействиям четырехмерной ментальной модели пространственно-временного континуума, определяемой несколькими ключевыми ценностными доминантами и определяющей понимание индивидом его собственного места в универсуме, в его социальной группе, а также взаимоотношений со значимыми другими; понятие поколения как общности людей, основанной на коллективном переживании значимых событий, приверженности ключевым ценностям конкретного периода, идеологически окрашенным символам, коллективной памяти и др.

На этой методологической базе была проведена серия фокус-групп (по 12–15 человек в четырёх основных возрастных когортах), а также анкетный опрос. Репрезентативная выборочная совокупность (N = 1600, погрешность — 2,45%) стратифицировалась по двум критериям: возрастному (по 400 респондентов в каждой из четырех возрастных когорт) и региональному (по 200 респондентов в каждом регионе). Были выделены следующие возрастные когорты: 18–24 лет («поколение Z»), 25–39 лет («поколение Y»), 40–59 лет («поколение X»), 60 лет и старше («поколение “беби-бумеров”»).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания FENW-2024-0024.

Географию опроса составили следующие регионы: Приморский край, Свердловская область, Республика Татарстан, Луганская область (ЛНР), Московская область, Новосибирская область, Ростовская область, Рязанская область.

В результате было установлено, что различия в идеологических установках и ценностях исследованных поколений обусловлены спецификой мировоззренческих моделей, формируемых поколениями в процессе самокатегоризации. В основе этих моделей оказались несколько когнитивно-ценностных доминант (представления о (не)стабильности мира, оценка его справедливости, степени иерархичности, представления о склонности людей к сотрудничеству и др.), которые в совокупности составляют матричные структуры, существенным образом влияющие на формирование предрасположенности индивида к той или иной идеологии. Шесть ключевых когнитивно-ценностных доминант, формирующие шесть основных мировоззренческих моделей, средствами идеологической деконтекстуации (М. Фриден) встраиваются в отечественные идеологии, определяя специфику отношений между мировоззренческими моделями и политическими идеологиями.

Кроме того, было выявлено некоторое количество ценностей и установок, инвариантных для российского сознания, воспроизводящихся вне зависимости от возрастной и региональной специфики. В связи с этим возникла необходимость более детального исследования этих ценностных констант российской культуры, а также тех факторов, которые оказывают определяющее воздействие на динамику переменных в сознании российского общества на фоне указанных констант. Решению этой задачи будет посвящено следующее исследование.

Контрерас Р.
(Тюмень, SAS, ТюмГУ)
Самарин Я.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

РОССИЯ И ВЬЕТНАМ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРТНЕРСТВА

Вооруженный конфликт на Украине создал необходимость в корректировке политики России в Юго-Восточной Азии. Хотя российско-китайские отношения в настоящий момент выглядят как образцовые, тем не менее Россия нуждается в других партнерах в Восточной Азии, поскольку чрезмерная зависимость от Китая потенциально поставит под угрозу суверенитет России.

К 2018 г. отношения между Россией и АСЕАН перешли на уровень стратегического партнерства. Главная цель АСЕАН заключалась в том, чтобы не быть сферой идеологической и политической борьбы и ограничивать влияние в регионе крупных держав. Тем не менее АСЕАН в будущем, вероятно, столкнется с новыми проблемами из-за растущей конкуренции великих держав. Это в какой-то момент начнет сокращать возможности для маневра стран-членов АСЕАН.

Отношения с Вьетнамом составляют одну из главных опор политики России в Юго-Восточной Азии. В 2012 г. Вьетнам был назван одним из трех самых важных, наряду с Китаем и Индией стратегических партнеров России в Азии. Партнерство с ним приобрело характер «всеобъемлющего».

В свою очередь, для Вьетнама Россия является одной из немногих стран, с которыми было установлено всеобъемлющее стратегическое партнерство наряду с Китаем (2008 г.), Индией (2016 г.) и Южной Кореей (2022 г.). Осенью 2023 г. Вьетнам и США объявили, что повышают статус взаимоотношений до всеобъемлющего стратегического партнерства.

Развитие отношений с Россией в этой ситуации дает возможность для Вьетнама проводить политику хеджирования отношений с США и Китаем. Для Вьетнама Россия служит противовесом и США, и Китаю. Поэтому Вьетнам остается для России стабильным партнером. В то же время положение Вьетнама как «средней державы» становится все более проблемным, поскольку он пытается продолжать свою политику хеджирования в условиях растущего антагонизма между Россией, Китаем и США.

Но по мере того, как Россия и Китай заявляют об углублении партнерства, встает важный вопрос: в какой степени отношения России с Вьетнамом могут оказаться затронуты этими тесными отношениями с Китаем? Можно сказать, что нынешняя вьетнамская стратегия хеджирования в Юго-Восточной Азии в итоге оказывается зависима от КНР. Рост влияния Китая в 2010-х гг. может стать угрозой консенсусу АСЕАН. В свою очередь, для преодоления все более растущей роли Китая в азиатской политике РФ необходимо уравновешивать данное направление построением стабильных партнерских отношений со странами Азии, которые имеют опыт конфликтов с КНР, и в первую очередь с Вьетнамом.

Поэтому поддержка КНР в ее претензиях на лидерскую роль в регионе будет негативно отражаться на возможностях РФ в проведении независимой политики, так как будет отталкивать другие влиятельные страны, включая Вьетнам. Определенным следствием такой политики России стало

усиление сотрудничества Вьетнама с США в военно-стратегической области. Таким образом, чем больше Россия поддерживает Китай, тем меньше у нее появляется возможностей для выстраивания альтернативных отношений в данном регионе, а, следовательно, ее зависимость от связей с КНР возрастет еще больше.

Следовательно, если с российской стороны не будет предпринято никаких усилий по одновременному выстраиванию связей с другими региональными державами, это может негативно сказаться на позиции России как нейтрального и стратегически значимого игрока в регионе и независимого по отношению к Китаю.

В настоящий момент Россия не очень эффективно взаимодействует с институтами АСЕАН, отчасти потому, что играть более активную роль значило бы артикулировать свою позицию, в том числе по ряду вопросов, связанных с Китаем, особенно по вопросу о территориальных спорах в Южно-Китайском море. Россия могла бы стать гарантом баланса сил в регионе, поддерживая региональный порядок на фоне растущего антагонизма между Китаем и Соединенными Штатами. Традиционно, в данном регионе СССР и Россия воспринимались как противовес доминированию Китая. Чрезмерный «китайский крен» России во внешней политике, очевидно, сокращает пространство для политического маневрирования Москвы в отношениях с ними.

В этом смысле Россия должна переосмыслить свою роль в треугольнике Россия—Китай—Юго-Восточная Азия. Можно утверждать, что активизация партнерства с Вьетнамом поможет России укрепить свой имидж надежного партнера и эффективного арбитра, поддерживающего баланс сил. Российско-вьетнамские отношения требуют более активного политического участия и развития дополнительного дипломатического трека, чтобы не стать пережитком холодной войны.

Коньков А.Е.

*(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Финансовый университет при Правительстве РФ)*

ЛАТЕНТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В АКТУАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Приход негосударственных акторов в мировую политику и механизмы, которые позволяют государствам обращать их не столько в самостоятельных игроков, сколько в проводников своих интересов — такие как, в первую очередь, публичная дипломатия, мягкая сила, вовлечение в стратегические межстрановые коммуникации и осуществление гуманитарного сотрудничества — формирует обширное и активно развивающееся поле латентных механизмов и технологий внешней политики современного государства.

Идентификация непосредственных феноменов латентного пространства государственной политики пока что сопряжена с сохраняющимися сложностями общеэпистемологического свойства, однако во внешнеполитическом измерении есть более устоявшиеся направления их применения и, как следствие, описания. Международное взаимодействие, осуществляемое по различным направлениям, реализуется при помощи и публичных, и латентных инструментов, что позволяет их классифицировать в соответствии с выбранными направлениями — в частности, экономическими, социально-гуманитарными, военно-политическими. В каждой из этих сфер складываются специфические формы латентных механизмов и технологий.

В качестве латентных механизмов, интегрирующих разнообразные технологии скрытного воздействия на внешнеполитический процесс, можно выделить такие актуальные формы акторской самопрезентации, как:

- Мягкая сила и публичная дипломатия
- Транснационализация капитала
- Вмешательство во внутренние дела («цветные революции»)
- Гибридные войны

Мягкая сила и публичная дипломатия зачастую употребляются в одном контексте, хотя вряд ли могут рассматриваться в качестве однородных понятий и уж точно не являются синонимами. Мягкая сила — это, в первую очередь, качественная характеристика субъекта международных отношений, отражающая его способность быть привлекательным для обществ, групп, индивидов из других стран и юрисдикций (государств). Публичная дипломатия — инструментальная форма взаимодействия в международной среде, как правило, отражающая общественное измерение отношений между разными странами (государствами) и способная задействовать ту самую мягкую силу.

В условиях современной глобализации формирование политики государств на международной арене особым образом опирается и на структуру отношений вокруг распределения глобального ка-

питала. Финансовые ресурсы, образующие основу современных политических сетей, не только становятся одним из факторов конкуренции акторов за влияние внутри конкретных систем, но и, приобретая трансграничный характер, образуют форму воздействия на международные отношения. Как правило, публичный эффект экономического довления отдельных центров власти над процессами принятия решений в разных уголках глобального социума возникает в результате именно латентного наращивания собственных долей в капитале, определяющих контрольные возможности корпоративного управления в иных странах.

Практики внешнего вмешательства во внутривнутриполитические процессы различных государств имели место в разные исторические этапы. Достаточно вспомнить всевозможные иностранные интервенции, колониальные практики, династические союзы и унии, инспирированные извне заговоры и восстания, дворцовые перевороты. Вместе с тем, вовлечение в государственную политику извне, как правило, носило исключительно-ситуативный и индивидуальный характер. Системным вызовом для международных отношений подобные практики начали становиться с развитием подлинно глобальных держав на фоне усиления конкуренции между ними. В первую очередь, это стало проявляться в условиях bipolarной системы миропорядка и достигло апогея впоследствии уже по итогам холодной войны, когда стремление США и дальше укреплять свое монопольное положение в мире привело к выработке неоконсервативных парадигм давления на неугодные политические режимы вроде гуманитарных интервенций и «ответственности по защите» или «порядка, основанного на правилах», а также технологий, получивших название «цветных революций».

Гибридная война и, в целом, гибридизация конфликтов в современной мировой политике выступает, с одной стороны, в качестве производной других как рассмотренных, так и иных возможных латентных внешнеполитических механизмов, в известной степени обнажающей (опубликовывающей) многообразие скрытного противостояния конкурирующих акторов на глобальной арене. С другой стороны, гибридные войны одновременно становятся и родовым понятием, описывающим, скорее, качественный переход к комплексному конкурентному взаимодействию суверенных центров силы, вбирающим все многообразие как публичных, так и латентных способов целеполагания и целедостижения, нежели специфический формат развития того или иного конфликта.

Латентные технологии и механизмы во внешней политике позволяют выстраивать и проводить наиболее эффективную линию поведения на международной арене как самим государствам, традиционные инструменты которых становятся все менее конкурентоспособны в силу совершенствуемых публичных ограничений, накладываемых на их политические устремления, так и негосударственным акторам, непосредственному и полноформатному участию которых препятствует сохраняющийся дефицит легитимности.

*Копылова П.С.
(Москва, Финансовый университет
при Правительстве РФ, ИНИОН РАН)*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК

Искусство во все времена является одним из главных отражений не только прошлого, но и ценностей, настроений настоящего. Оно вбирает в себя элементы из всех сфер данного времени — политических, экономических, духовных, философских, религиозных и многих других, становится ключевым маркером эпохи. Искусство включает в себя огромное множество видов. Например, по классификации Н.А. Агафонова искусство делится на традиционное (музыка, театр, литература, изобразительно искусство), выражающее авторское мироощущение, и техногенное искусство (фото, кино, телевидение и др.). При этом кино, как таковое, автор относит к обоим видам искусства, называя его «точкой пересечения этих двух художественных систем, что обусловило его специфическую двуединую природу»¹.

Есть несколько причин, по которым из всех видов искусства именно кинематограф достоин пристального рассмотрения в качестве явления, способного дать представление об обществе и стране в определенную эпоху. Кино интересно тем, что это не только произведение искусства, но и явление по своей природе коммерческое — важным элементом при создании кинопроекта становится прогнозирование зрительских ожиданий, поддержка интереса аудитории, актуальность выбранной темы и затронутых вопросов. Таким образом, анализируя те ценности и установки, которые транслируются через фильмы конкретного периода, можно узнать, что в то время считалось актуальным и важным.

¹ Искусство кино: этапы, стили, мастера: пособие для студентов вузов. Мн.: Тесей, 2005. — 192 с.

Кинематограф также достоин более пристального рассмотрения в силу того, что является самым массовым и популярным современным видом искусства, способным транслировать определенные ценностные установки массовой аудитории, что всегда делало кино популярным средством пропаганды.

Кино способно сформировать образ страны, конструировать или актуализировать уже существующие стереотипы о значимых явлениях, процессах и событиях. Неудивительно, что в России активно используют кино как инструмент влияния на массовую аудиторию. На открытии заседания правительственного совета по развитию отечественной кинематографии в 2011 году В.В. Путин сказал: «Кино по сути своей много больше, чем развлечение. И, учитывая его неизменную популярность, особенно в молодежной среде, этот ресурс должен использоваться в полной мере»¹.

Так, например, в современном отечественном массовом кино широко представлены ценности крепкой семьи, взаимопомощи и взаимоуважения. В фильме «Лед 3» — это главный посыл фильма, раскрывающий героев и показывающий зрителю неизменность этого от поколения к поколению. Несмотря на сложности, герои пытаются передать традиции своим детям. Например, у семьи Нади место силы — озеро Байкал. В одной из сцен она рассказывает Сергею, что они приходили туда с отцом, а до этого родители проводили там время, а еще раньше ее мама приходила с мамой, когда была маленькая. Все это акцентирует внимание зрителя на преемственности традиций поколениями, осязаемости ценностей, которые должны передаваться.

Действие фильма происходит в реальности, в ближайшем будущем (хотя никаких отсылок к годам нет, но это примерно 2030-е гг.), но никак не пересекается с общественно-политическим контекстом, потому что те ценности, которые передает фильм вне времени, они будут существовать вне зависимости от того, что происходит за пределами катка. Но несмотря на это, есть ощущение, что действие фильма происходит в утопическом пространстве, альтернативной вселенной, где нет места международной напряженности, бедности, социальным проблемам, правилам большого спорта, только личностные проблемы в рамках одной семьи.

Все это наталкивает на размышления о том, что сценаристы и режиссеры уловили социальный запрос населения на духоподъемные фильмы, существующие вне современной реальности, но при этом приближенные к реальным проблемам отдельно взятой семьи.

Коргунюк Ю.Г.
(Москва, ИНИОН РАН)

КОНСЕРВАТИВНО-ТРАДИЦИОНАЛИСТСКАЯ ПОВЕСТКА В МЕЖПАРТИЙНОЙ ДИСКУССИИ

В качестве источника исследования задействованы материалы проекта «Актуальная политическая повестка России в межпартийной дискуссии», периодически публикуемые на сайте Института научной информации по общественным наукам РАН начиная с осени 2023 г.

Проект включает такие задачи, как выявление вопросов, поляризующих политическое пространство страны и охватывающих значительную часть участников; тематическая классификация этих вопросов; оценка позиций акторов; анализ этих позиций с помощью количественных методов; построение модели политического пространства страны, базирующейся на выявлении доминирующих противостояний.

Исходная посылка проекта заключается в том, что политическое пространство формируется прежде всего противостоянием игроков по вопросам повестки дня, порождающим наибольшую полемику и наибольшую поляризацию позиций. Основное внимание уделяется позициям политических партий, в максимальной степени отражающим в публичной агитации свои программные и ценностные установки.

Из общего списка вопросов политической повестки за 2015–2024 гг. отобраны все имеющие отношение к консервативно-традиционалистской повестке. Они проанализированы с точки зрения времени входа в актуальную политическую повестку, а также сводного индекса значимости на конец весны 2024 г.

В своем основном массиве консервативно-традиционалистская тематика стала входить в актуальную политическую повестку страны с середины 2010-х гг., т.е. практически сразу после «Крымской весны».

По состоянию на весну 2024 г. три из 24 вопросов этой тематики принадлежали к внешнеполитической предметной области, остальные — к мировоззренческой. Уже к концу 2015 г. в списке присутствовало больше половины всех этих вопросов (13), к концу 2017-го — 20, а к думской кампании

¹ Стенограмма заседания Правительственного Совета по развитию отечественного кинематографа. 2011. URL: <http://government.ru/docs/14014>.

2021 г. — 22. Еще пять вопросов, имеющих отношение к консервативно-традиционалистской тематике, входили в политическую повестку в 2015–2017 гг., но позже из нее выпали.

На конец весны 2024 г. 16 из 24 вопросов консервативно-традиционалистской тематики отвечали критериям, позволяющим включить их в актуальную политическую повестку: с одной стороны, порождали поляризацию позиций в межпартийной дискуссии, а с другой, вовлекали в эту дискуссию достаточно широкий круг участников. Наиболее часто упоминаемыми были защита традиционных ценностей, фальсификация истории Западом и его приспешниками, возвращение смертной казни, ужесточение миграционной политики, наличие у России самобытного (отличного от западного) пути развития и приоритет российского права над международным (суверенитет).

Факторный анализ партийных позиций по вопросам консервативно-традиционалистской повестки выявил два измерения: «модернисты против традиционалистов» и «консерваторы против либералов». В первом из них «Яблоко» и «Новые люди» противостояли всем остальным, но больше всего «Справедливой России — За Правду», «Родине», «Коммунистам России», ЛДПР и КПРФ. Вопросы, в которых это противостояние выразилось наиболее отчетливо, — защита традиционных ценностей и выход России из Болонской системы образования. Во втором измерении главными оппонентами являлись «Яблоко» и «Родина», а вопросы, по которым их противостояние было наиболее острым, касались степени государственного вмешательства в общественную жизнь.

Сравнение этих двух измерений с основными политическими измерениями и предметными субизмерениями, выявленными в рамках проекта «Актуальная политическая повестка в межпартийной дискуссии» на конец весны 2024 г., показало, что измерение «модернисты—традиционалисты» наиболее сильно коррелирует с субизмерением «самобытники—западники» мировоззренческой предметной области и первым основным политическим измерением, которое, в свою очередь, тоже сильно коррелирует с тем же самым субизмерением. Измерение «консерваторы—либералы» наиболее сильно коррелирует с субизмерением «ястребы—голуби» внешнеполитической предметной области.

В целом можно считать, что консервативно-традиционалистская тематика играет ведущую роль в формировании политического пространства сегодняшней России и за последний год повышение этой роли достигло своего пика.

*Коряковцева О.А.
(Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского)*

РОЛЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ВЫПОЛНЕНИИ УКАЗА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 809

Модернизационные процессы во всех сферах общества отличают современную социально-политическую ситуацию в России и определяют политику государства, прежде всего связанную с сохранением и укреплением традиционных российских духовно-нравственных ценностей, формированием гражданской идентичности молодого поколения, с особенностями и тенденциями воспитания и развития патриотизма, любви к Родине.

Сохранение традиционных российских ценностей сегодня является важным гарантом стабильности российского государства и общества. В последние годы вопрос об общероссийской гражданской идентичности, о патриотизме поднимается на всех уровнях власти, в научных и общественных кругах. Утвержденные 9 ноября 2022 года Указом Президента РФ В.В. Путина «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» стали основным документом стратегического планирования обеспечения национальной безопасности страны. В данном документе не только обоснованы нравственные ориентиры, которые формируют мировоззрение Гражданина России, но и подчеркнута необходимость рассмотрения и принятия традиционных ценностей как основы единства российского общества, поскольку именно они способствуют укреплению нашего цивилизационного развития и суверенитета.

К сожалению, в настоящее время наблюдается кризис политики государства в отношении воспитания новых поколений как в нормативной, так и в социальной сферах. На первый план выходит коммуникативная вербальная деятельность, а конкретной полезной деятельности молодых граждан для общества и государства мы практически не наблюдаем. Научное сообщество и практики работают над эффективными технологиями и методиками выявления причин сложившейся ситуации. Так, специалисты научно-практической лаборатории «Изучение гражданской идентичности студентов: сущность, условия развития, перспективы» Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского предложили структурные и содержательные характеристики гражданской идентичности, которые необходимо формировать у молодежи в процессе последовательного развития «активности духа» и «активности действий» подрастающего поколения. Очевидно, что это возможно только при условии высокой социальной мотивации, конструктивной гражданской позиции и взаимо-

действия на субъект-субъектной основе как со стороны взрослых («воспитателей»), так и со стороны подрастающего поколения («воспитанников»).

Реформирование современного российского общества требует расширения пространства такой социально-общественной практики, в ходе которой представители новой генерации идентифицировали бы себя как Граждане России. В современном многополярном мире отношения личности, социума и государства многогранны, а это значит, что должны быть созданы организационные условия для проявления гражданской индивидуальности каждого. Следовательно, роль органов власти всех уровней сегодня становится особенно важной в сохранении общероссийских традиционных ценностей, национальной социальной и политической культуры и их системном развитии, в умелой адаптации стихийно возникающих позитивных для нашего цивилизационного развития современных элементов. При всех позитивных тенденциях государственные механизмы в указанном направлении только начинают запускаться. К ним можно отнести введение в школах урока «Разговоры о важном», образовательные проекты общества «Знание», деятельность организации «Движение первых» и др.

Проблема развития готовности всех субъектов, участвующих в процессе воспитания Гражданина России, формирования его гражданской идентичности, остается актуальной. На сегодняшний день мы видим необходимость в поиске новых методик, в разработке и реализации программ для специалистов по обучению кадров, занимающихся воспитанием молодежи на основе российских духовно-нравственных ценностей (педагогов, родителей, специалистов молодежной политики и других заинтересованных общественных и политических организаций, руководителей предприятий и фирм).

Размышления над этой важнейшей сегодня для цивилизационного развития России проблемой мы заканчиваем вопросами, на которые нам с вами предстоит найти ответы.

Будут ли поиски самореализации современным молодым россиянином сопряжены с проблемой выбора и активного созидания новой реальности?

Смогут ли предложенная общественно-государственная система воспитания Гражданина помочь человеку социализироваться посредством развития индивидуальной культуры мышления?

Смогут ли представители нового поколения глубоко осмыслить имеющиеся цивилизационные российские духовно-нравственные ценности и связанные с их укреплением социальные проблемы и на этой основе генерировать позитивные изменения в себе лично и в стране?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, нужна постоянная системная работа, объединяющая деятельность всех государственных и гражданских институтов, но при этом органам власти должна принадлежать ведущая роль.

Косевич Е.Ю.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В КОНТЕКСТЕ ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА ВОКРУГ УКРАИНЫ*

Начало «Специальной военной операции» (СВО) России в Украине привело к пересмотру своей иерархии внешнеполитических приоритетов Кремля в мировом разрезе. В этом контексте Москва стала более ориентирована на активизацию сближения с государствами в орбите Глобального Юга, где особое место на этот раз заняли страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК).

СВО, начавшаяся 24 февраля 2022 г., вызвала резкую реакцию международного сообщества. И регион ЛАК не стал исключением. Официальные лица латиноамериканских государств молниеносно отреагировали на события, разворачивающиеся на территории Украины. В тот момент регион «разделился» на два условных лагеря, один из которых был явно больше другого. Преимущественное большинство латиноамериканских лидеров резко и молниеносно осудили действия России в Украине.

Однако спустя всего несколько месяцев после начала СВО страны Латинской Америки, особенно те, кто входит в условные группы приоритета «первого уровня» для Кремля в разрезе всего региона ЛАК, пытаются остаться в стороне от политики санкционного давления Запада на Россию. Несмотря на то, что на протяжении своей истории Латинская Америка не раз сталкивалась с международными интервенциями и разного рода внешним вмешательством, большинство латиноамериканских правительств не осудили Кремль, не оправдывали российскую политику и не поддержали президента Украины Владимира Зеленского, старательно выдерживая позицию нейтралитета. Попытки Киева поменять этот подход не находили широкого отклика в Латинской Америке.

Ни одна страна ЛАК так и не присоединилась к западным санкциям против РФ. Единственным латиноамериканским президентом, посетившим Украину и предложившим символическую поддержку,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10014. URL: <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>.

стал президент Гватемалы Алехандро Джамматтеи, который встретился с Зеленским летом 2022 г. В то же время открытым проявлением поддержки Киеву стала региональная инициатива «Держись, Украина» ('Aguanta Ucrania'), возглавляемая экс-комиссаром мира Колумбии Серхио Харамильо, которая направлена на оказание содействия украинскому народу в разрезе всей Латинской Америки. Идеологи этого проекта апеллируют к тому, что именно борьба против попыток нападений более сильной державы на более слабую страну является традиционно объединяющей население всей ЛАК идеей.

Разделение стран ЛАК на несколько условных групп, придерживающихся разных позиций в отношении этого кризиса, проявилось в рамках самой первой региональной реакции на действия Кремля на территории Украины, когда 25 февраля Организация американских государств (ОАГ) одобрила на специальном заседании Постоянного совета 21 голосов «за» декларацию, в которой «решительно осудила незаконное, необоснованное и неспровоцированное вторжение Российской Федерации в Украину». При этом декларация «Ситуация в Украине», поддержанная, в частности, Чили, Колумбией, Коста-Рикой, Эквадором, Гватемалой, Гондурасом, Мексикой, Панамой, Парагваем, Перу и Венесуэлой, так и не была подписана делегациями Аргентины, Бразилии или Боливии. Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), отношения которого с Россией развиваются в контексте идеи построения многополярного и многостороннего мира, ограничилось принятием инициативы по созданию Региональной сети консультационной помощи для координации репатриации граждан стран ЛАК из Украины, с учетом того, что не все страны региона имеют дипломатические представительства в этой стране. По мере эскалации российско-украинского конфликта, а также усиления санкционного давления Запада на Россию, в рамках Латинской Америки сформировалась группа стран, занявших позицию «активного нейтралитета», которые воздерживаются от голосования по важнейшим резолюциям.

Все это — образец двойственной позиции Латинской Америки в отношении конфликта вокруг Украины, которая говорит о том, что регион, стремящийся выйти из категории второстепенных акторов мировой политики, старается сформировать более прагматичный подход к конфликту Украина-Россия, уже разделившей мир на разные полюса.

Санкции, введенные западными странами в отношении России, создали новые препоны в развитии торгово-экономического сотрудничества со странами ЛАК. Несмотря на это, латиноамериканские страны очень заинтересованы в трансфере технологий из России, расширении сотрудничества в области гражданского использования ядерной энергии и биотехнологий.

Косов Г.В.
(Севастополь, СевГУ),
Казаков Ю.Ю.
(Севастополь, СевГУ)

ОБРАЗ БУДУЩЕГО ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ СЕВАСТОПОЛЯ, КРЫМА, НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Нами было проинтервьюировано 40 человек из Севастополя, Крыма, новых территорий, включенных в состав РФ и территории Крыма. Ниже представим обобщенный анализ интервью по проблемам.

1. Выявлена специфика и содержание образа будущего в ценностно-смысловых ориентациях молодежи города Севастополь, Республики Крым и новых регионов Российской Федерации в зависимости от принадлежности к следующим категориям: местное население, внутренние мигранты (в том числе с территории новых регионов Российской Федерации), прибывшие из стран СНГ.

Образ будущего связан с омоложением политической системы России: «Политические тенденции положительные. Если касается именно положительного фактора, то мне очень импонирует, что сейчас происходит трансфер власти от более старшего поколения к молодому поколению, которое обладает несколькими обновленными взглядами на градостроительство, государственностроительство, в принципе, и вообще, в принципе, на жизненные вещи касаемо вот именно вопросов понимания того, как должно быть устроено государство и жизнь людей в нем, то есть вот этот трансфер власти мне очень нравится (Артур, 26 лет, Мариуполь).

2. Выявлена специфика и содержание образа будущего в ценностно-смысловых ориентациях молодежи города Севастополь, Республики Крым и новых регионов Российской Федерации в зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности респондентов молодежного сегмента общества.

Крымские татары, говоря о своих ценностно-смысловых ориентирах и представлении о будущем России, стараются уйти от прямых ответов, говоря, что «в основном все ОК». У молодых людей из Чувашии, живущие в Крыму, не сформировано видение будущего. При этом у них сохраняется страх того,

что «чувашского языка боюсь, скоро не будет... что наша культура вымрет... русского слишком много... и это не очень хорошо» (24 года).

3. Определены и классифицированы детерминанты и источники формирования образа будущего в ценностно-смысловых ориентациях молодежного сегмента общества города Севастополь, Республики Крым и новых регионов Российской Федерации.

Многие положительно относятся к переходу Крыма в РФ: «Ну, это 100% улучшение по всем фронтам... Украина, мне кажется, такое бы не построила. Да, там из федерального бюджета мало что доходило, если честно» (Алина, 24). По мнению респондентов, «молодежь видит себя в России, не в Украине» (хотя украинизм «в Украине» явно присутствует в речи!). Лояльное отношение к России отмечается у ряда молодых людей, которые прожили полгода в Мариуполе в подвале. Они «не видят себя нигде кроме России, убедились, что все плохое делает та сторона» (23 года, Ксюша).

Одной из ценностей молодых людей является социальная справедливость: «Мне нравится, что я без образования, не имея никакого опыта за спиной, здесь в Крыму и вообще в целом могу зарабатывать за ночь (на чаевых) больше, чем мои родители за неделю. И это несправедливо. Мне очень жалко пенсионеров, потому что очень маленькие пенсии».

Свобода, право выбора и терпимость для молодежи являются одной из приоритетных ценностей. «Чтобы люди были друг к другу терпимее, терпение и уважение к другому мнению ...» (Илья, 18 лет, Луганск).

Будущее и свое место в нем видится по-разному. Так, для одних ценность — «деньги», для других «минимальные базовые потребности (свет, крыша над головой, воде, еда, одежда)». Ряд видят свое будущее в престижной работе и для достижения его готовы в настоящее время учиться: «Наука не ради науки, а для умножения научного знания... заведу семью, когда стану состоятельным ученым» (Семен, Севастополь, 20 лет).

4. Выявлена палитра ценностно-смысловых ориентаций, содержащих образ будущего, в антагонистичных для Российской Федерации проектах, установлены детерминанты их привлекательности или непривлекательности для молодежного сегмента общества.

Анализ информации, полученный в фокус-группе, позволил сделать вывод, что вопрос «уеду — не уеду» вызвал эмоции, связанные с тем, что уеду туда и тогда, когда станет совсем плохо и туда, где будет социальная стабильность. Отъезд из страны молодые люди связывают с возможностью получения там большего комфорта: «Уехала бы из страны: но главное — это открывающиеся возможности, ... я бы уехала, если бы понимала, что мне будут там комфортнее». Молодых людей интересуют не западные ценности, а материальная составляющая: «Переезд только к ценностям — не об этом ... только материя!».

Интересным видится образ будущего для России: «Для меня, будущая Россия, доступное жилье для молодых, расширение территорий в плане того строительства. Вот именно нужно делать акцент на строительство домов. Также хочу увидеть развитие автотранспорта, развитие своих автомобилей...».

Другие говорят о необходимости возвращения к контактам с Западом, может быть не столько в ценностном плане, сколько в технологическом: «Почему бы не сделать смешанную такую политику. Просто принимать их умения» (Алина, 24 года).

Котик А.В.
(Новосибирск, НГУЭУ)

СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО СРЕДНЕГО ГОСУДАРСТВА: КЕЙС АСТАНЫ

В настоящей работе предлагается проанализировать роль и влияние Астаны как негосударственного актора во внешнеполитических действиях Республики Казахстан в 2014–2024 гг.

Перенос столицы Казахстана из Алматы в Астану в 1998 г. является единственным прецедентом подобного рода на постсоветском пространстве. Характер «молодой столицы» «молодого государства» в совокупности с повышением роли Республики Казахстан на мировой арене позволяет говорить о своеобразной роли Астаны во внешней политике ведущей страны Центрально-Азиатского региона.

В качестве методологии исследования предлагается использование теории среднего государства (*middle power theory*). Одним из элементов внешней политики, которое характеризует внешнеполитическое поведение «среднего государства», является нишевая дипломатия, включающая в себя и «дипломатию городов». Термин «города-побратимы» является составной частью анализа межрегионального взаимодействия на уровне городов в рамках нишевой дипломатии.

В данной работе предлагается рассмотреть уровень сотрудничества Астаны с городами-побратимами. Под «городом-побратимом» следует понимать «отношения между городом, областью или регионом, основанные на всеобъемлющем и долгосрочном партнерстве между двумя сообществами в двух

странах» (Sister-city; 2017). Одной из главных задач института городов-побратимства является стремление укрепить дружественные связи между городами, налаживанием социально-экономических и культурных контактов.

Эмпирической базой работы выступили официальные источники (сайты Президента Казахстана, министерств иностранных дел и национальной экономики Казахстана); материалы периодической печати и интернет-СМИ Казахстана, России и зарубежных изданий; выступления и официальные заявления высшего руководства Казахстана.

По состоянию на 2023 г., столица Казахстана имеет 34 города-побратима и 8 регионов-побратимов (все — в России). Последними городами, с которыми «породнилась» Астана, стали столица Катара Доха и будущая новая столица Индонезии Нусантара. Благодаря фактору побратимства можно определить основной вектор международного межрегионального сотрудничества на уровне городов. Среди крупных городов следует выделить побратимство Астаны с российскими (Москва, Санкт-Петербург, Казань и Уфа); азиатскими (Пекином, Сеулом; Бишкеком, Ташкентом); европейскими (Варшавой, Ниццей, Белградом) городами и т. п. Подобная политика привела к тому, что еще в 1999 г. по решению ЮНЕСКО столица Казахстана получила титул «Города мира» (Казинформ, 2016).

В то же время казахстанская столица стремится развивать сотрудничество с городами тех стран, сотрудничество с которыми является приоритетным для Казахстана. Основным вектор сотрудничества Астаны направлен на Россию (8 регионов-побратимов, Турцию (3 города-побратима), Китай и страны постсоветского пространства (Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан). Основными направлениями сотрудничества Астаны являются финансово-экономическое (сотрудничество с Санкт-Петербургом и открытие Международного финансового центра «Астана») и «дипломатия саммитов» (предоставление Астаны как площадки для проведения переговоров на межрегиональном и межгосударственном уровне).

Институт побратимства активно используется казахстанской дипломатией и высшим руководством Казахстана. Например, в июне 2023 г. президент Казахстана К.-Ж.К. Токаев выступил на форуме городов-побратимов, посвященном 25-летию Астаны (Акорда; 2023). В мероприятиях форума участие приняли мэры Бишкека, Казани, Белграда, Рабата и других городов-побратимов столицы Казахстана. Факт проведения подобного мероприятия стал инструментом для повышения «дипломатии городов», в целом, и роли Астаны, в частности, во внешнеполитических действиях Республики Казахстан.

Таким образом, межрегиональное сотрудничество Астаны с зарубежными городами и регионами показывает, что «дипломатия городов» активно используется во внешней политике Республики Казахстан. Активное заключение договоров о побратимстве с различными городами является следствием внешнеполитического поведения «среднего государства» и основана на принципах сбалансированной зависимости. В условиях продолжающейся трансформации процессов в мировой политике и стремления дипломатии Казахстана сохранять балансирование между ключевыми региональными и вне-региональными государствами, межрегиональное сотрудничество на уровне городов имеет потенциал для дальнейшего развития.

Кочетков Е.Е.
(Калининград, БФУ)

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ АДАПТАЦИИ АСИММЕТРИЧНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Бесспорно, разный статус субъектов федерации служит явным показателем асимметричности федерации, однако это лишь внешнее, институциональное ее проявление. Корни же асимметричности, как будет показано ниже, лежат значительно глубже — они являются следствием политико-экономических, социально-культурных и геополитических параметров составных частей федерации. В своем исследовании автор предлагает собственное определение асимметричного федерализма.

По нашему мнению, одним из базовых принципов федерализма является определенное соотношение симметрии и асимметрии в структуре федеративного устройства государства. Соответственно, факторы возникновения асимметричного федерализма отражают, прежде всего, степень дифференциации частей федерации по самым разным основаниям.

Как известно, территориальная структура федеративного государства может включать в себя не только территории субъектов федерации, но и иные территориальные единицы — федеральные территории, округа, ассоциированные государства и пр. В этом случае правовое положение субъектов и не-субъектов федерации является неодинаковым. Этот факт позволяет автору утверждать, что асимметрия может быть заложена в самой территориальной организации федеративного государства.

Учитывая объективные предпосылки возникновения асимметричного федерализма, можно утверждать, что для нормального функционирования федеративной формы государственности асим-

метрия может быть сглажена, то есть адаптирована к существующим политико-экономическим реалиям. Учитывая прямые и косвенные факторы возникновения асимметрии, а также позитивный (и не очень) опыт России и других стран по сглаживанию противоречий, неизбежно возникающих в асимметричной федерации, можно сформулировать авторское определение адаптированного асимметричного федерализма.

Также асимметричный федерализм можно рассматривать как политическую технологию, вынужденную меру, к ней следует относиться именно как к практическому политическому механизму, а не как к конституционному принципу или непреложной политической ценности и т.д.

В современной теории федерализма и федеративных отношений накоплено множество подходов к типологизации федеративных государств по различным основаниям и принципам. Различные типологии существуют и для асимметричных федераций.

Международный опыт позволяет некоторым авторам на основании географического фактора выделить следующие типы асимметричных федераций: западноевропейская (классическая — германская), североамериканская, латиноамериканская, островная, афро-азиатская, нигерийская и российская федерации, которые можно отнести к общепринятым, не имеющим конкретного авторства. Эти типы асимметричных федераций отличаются по своим специфическим траекториям развития, причем по некоторым типам тяготеют формально унитарные государства, использующие в своем устройстве принципы федерализма.

В свете вышесказанного возникает вопрос: можно ли продекларировать асимметрию, а на практике ее не допускать? Мы полагаем, что можно, поскольку асимметричный федерализм по своей сути является политической технологией. Но возможен и обратный вариант: когда декларируется отсутствие асимметрии, но на практике она устанавливается и поддерживается. Такой подход также можно рассматривать как технологию. Однако вопрос о том, насколько осознанным будет использование этой технологии в каждом отдельном случае — конкретными государствами, правительствами, лидерами и т.д., остается открытым. Во всяком случае, в отечественных условиях говорить о продуманности пока не приходится.

И тем не менее, асимметричный федерализм, на наш взгляд, как любое явление, выходящее за рамки стандартных представлений, требует оптимизации и упорядочивания, то есть адаптации.

Говоря о моделях асимметричного федерализма, мы имеем в виду многообразие проявлений федеративных систем, эффективного осуществления власти и органов управления в интересах трех составляющих — конкретного человека, местных сообществ и всего государства. Адаптированный асимметричный федерализм предполагает постоянный диалог между федеральным центром и субъектами федерации, их сотрудничество, кооперацию усилий и возможностей.

Кочетков А.П.

(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ: ДИНАМИКА И НОВЫЕ КОНФИГУРАЦИИ

Понятие «политический режим» получило распространение в политической науке в середине XX столетия. Однако до настоящего времени многие стороны этого понятия остаются предметом теоретических споров как зарубежных, так и отечественных политологов. Одни из них рассматривают политический режим как совокупность средств и методов в осуществлении государственной власти. Другие дают расширительное толкование, отождествляя его с политической системой общества.

Наиболее распространенной типологией политических режимов является их деление на тоталитарные (при котором осуществляется полный контроль со стороны государства над личностью и обществом во всех сферах жизнедеятельности); авторитарные (основу которого составляет сильная диктатура одной личности или узкой группы лиц, не допускающая политическую оппозицию к власти, но сохраняющая автономию личности и общества в неполитических сферах); либеральные (отрицающее любые формы контроля за экономической, духовной и иной деятельностью личности и общества со стороны политической власти, государства); демократические (основанные на признании народа в качестве источника верховной власти и его праве участвовать в решении государственных дел).

В настоящее время такой методологический подход к определению сущности политического режима нельзя использовать в полной мере, так как, например, в таких странах, как США, традиционном оплоте демократии, государство после событий 2001 года осуществляет тотальный контроль за своими гражданами под предлогом борьбы с терроризмом. Современные правящие элиты многих стран мира, исходя из своих интересов и конкретной ситуации, используют попеременно методы и способы управления, которые можно, согласно традиционной классификации политических ре-

жимов, причислить, например, к демократическому или авторитарному способу государственного управления обществом и государством.

Поэтому в настоящее время многие политологи предпочитают говорить о *гибридных политических режимах*, сочетающих в себе элементы как демократии, так и авторитаризма. Тем самым подчеркивается, что в современном мире осталось достаточно мало режимов, опирающихся исключительно на силу и авторитарные методы правления. Большинство недемократических режимов стремится легитимизировать себя в глазах населения с помощью введения отдельных демократических процедур. При этом сами процедуры остаются под контролем правящих элит.

К разновидностям *гибридных политических режимов* относятся:

Демократура — демократизация без либерализации: правящая элита соглашается на некоторые индивидуальные и гражданские права без подотчетности обществу; предпочтение отдается политическому меньшинству, контролирующему значительную часть ресурсов в ущерб политическому большинству. Такой режим сложился, например, в Кении и Кот-д'Ивуаре, а также других африканских государствах.

Делегативная демократия как политический режим соответствует критериям полиархии, сформулированным Р. Далем. Однако в отличие от представительной демократии при указанном режиме электорату отводится роль делегирования исполнительной власти прав и полномочий, ограниченных лишь конституционным сроком ее полномочий и существующими отношениями власти. Лидер, добившийся победы на президентских выборах, получает власть для управления страной в объеме, каком он считает нужным. Всенародно избранный президент становится главным выразителем национальных интересов в том виде, как он их понимает.

В целом, сегодня правящие элиты переходят к гибкой системе управления, используя различные методы и способы проведения своей политики, которые необходимы с их точки зрения использовать в конкретных исторических, социально-экономических условиях современности.

Кочеткова О.А.

(Москва, Одинцовский филиал МГИМО МИД России)

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ НА УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цивилизационный подход, получивший свое активное развитие на рубеже XIX—XX веков, сегодня приобретает новую волну популярности. В рамках данного подхода проводится анализ систем государственного управления и ключевых институтов государства с точки зрения цивилизационных характеристик отдельных стран. Руководствуясь этим подходом, сегодня ученые все чаще рассматривают Россию как отдельную цивилизацию, как государство-цивилизацию.

В 2023 году понимание России как государства-цивилизации начало фигурировать в официальных заявлениях и документах органов государственной власти России. Принятая в 2023 году Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229), изданная в ответ на тенденции мирового развития, впервые фиксирует термин «государство-цивилизация» в отношении российского государства. В рамках данной Концепции Россия также определяется как евразийская и тихоокеанская держава. Этот документ демонстрирует намерение России следовать и дальше своему собственному пути, который идет вразрез с глобализационными процессами, происходящими в мире с навязыванием идеалов стран Запада.

Путь России как государства-цивилизации формируется благодаря ее богатой истории и уважению населения к подвигам предков, единству настроений многонационального народа, легитимной власти и устойчивости экономического положения страны. Последнее сегодня все чаще становится темой для активных дискуссий, так как именно навязываемая со стороны Запада изолированность нашего государства создает дополнительный импульс для развития собственной независимой экономики.

К началу осени 2024 г. со стороны стран Запада по отношению к России было применено 14 санкционных пакетов, созданных для оказания активного всестороннего давления на российскую экономику. Санкции нацелены на снижение конкурентоспособности целого ряда российских предприятий, приостановление экспорта и импорта отдельных товаров в Россию и из России, соответственно, а также на провоцирование психологического воздействия на россиян, живущих в условиях введенных ограничений, которые, в свою очередь, по мнению коллективного Запада, должны подтолкнуть население к организации и проведению народных протестов для изменения риторики собственного государства на международной арене.

Вышеупомянутые вызовы, возникающие сегодня на пути развития российского государства, вместо внесения беспорядков и кризиса, приводят к активным объединяющим и развивающим эко-

ному процессам. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в первом полугодии 2024 г. вырос на 5,8% по сравнению с показателем предыдущего года; рост промышленного производства за этот же период составил 4,8%; производства пищевых продуктов — 4,7%; производства напитков — 10,5%; производства текстильных изделий — 6,8% и т.д. Данные показатели обоснованы реализацией программы импортозамещения в России, в условиях которой усилия властей сконцентрированы на помощи и поддержке отечественных производителей. Такие тенденции развития позволяют укрепить России свою экономическую независимость и обеспечить стране экономическую безопасность.

Реализация программы импортозамещения в России концентрируется не только на создании и развитии конкурентоспособных предприятий, но и на создании инновационных товаров и техники. Для этих целей государству необходима поддержка многонационального народа, который выступает движущей силой развития страны. Активная работа с трудовыми ресурсами, предоставление государственной поддержки предпринимателям, создание новых рабочих мест и проведение культурных объединяющих мероприятий для народа — все это сегодня является неотъемлемыми шагами для защиты национальных интересов и обеспечения экономической независимости страны.

Таким образом, Россия, несмотря на существующие внешние вызовы, в том числе санкционное давление со стороны стран Запада, сохраняет и укрепляет свое положение на мировой арене благодаря единству народа и его вере в особый путь России. Россия как государство-цивилизация представляет собой мощную евразийскую державу, обладающую богатым историческим наследием, объединяющую большое количество этносов и конфессий и осознающую и транслирующую свою культурную идентичность, основанную на взаимоуважении, открытости, терпимости и взаимообогащении народа.

Кошкин А.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА КАК ФЕНОМЕН

Современные тенденции в области формирования и трансформации определенных ценностей со стороны различных политических сил позволяют судить о высокой роли политических ценностей в процессе общественного развития и функционирования государств в наши дни. В этой связи вполне понятно, что политика российских государственных структур прежде всего направлена на формирование и поддержание в обществе ценностей, которые определяются государством как общественно значимые. Наиболее ярким примером в этом отношении может послужить Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Подобная практика не является уникальной: аналогичные примеры можно найти в китайской правовой традиции, японском законодательстве, а также в стратегиях национальной безопасности и обороны США. Общественные ценности, которые изначально было бы трудно назвать политическими (например, ценность семьи именно как брака мужчины с женщиной), приобретают яркий политический окрас. Во многом это связано именно с тем, что такие ценности могут становиться инструментами политического воздействия органов государственной власти на общественное сознание.

В дополнение к этому, все больше можно наблюдать в дискурсе политических лидеров апелляции именно к ценностной проблематике в аргументации своей позиции по вопросам глобальной политики и при формировании курса своих национальных государств. Все это подчеркивает актуальность исследования аксиологической политики как явления. Она может выражаться не только и не столько в идеологической индоктринации подрастающего поколения, сколько в продвижении определенных нарративов через прямо или опосредованно спонсированное государством искусство.

При этом утверждать, что подобные проявления аксиологической политики могут быть расценены как составная часть символической политики в полном смысле нельзя. Ценности становятся не просто инструментом политической аргументации или распространения социально одобряемого поведения, они становятся важной составляющей политической идентичности на государственном уровне. Ярким примером тому может послужить Указ Президента РФ «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» № 702 от 19 августа 2024 года. В этом же указе формулируется понятие перечня иностранных государств, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям, а само формирование перечня поручается Правительству РФ.

В этих условиях справедливым представляется сделать предположение о формировании нового вида государственной политики — аксиологической, то есть направленной на формулирование и рас-

пространение в обществе перечня одобряемых и осуждаемых политических ценностей. Такая политика не ограничивается использованием ценностей в роли аргумента или еще одной категории политической идентичности. Критически важно понимать и то, как государство проводит индоктринацию ценностей и трактовок этих ценностей в общество. Так, государство может руководствоваться принципом наличия необходимых ему ценностей и их трактовок в продуктах массовой культуры во время процесса отбора таких проектов для получения государственной финансовой поддержки.

Но также немаловажно и проследить сам принцип формулирования распространяемых ценностей. Понимание органами государственной власти тех или иных ценностей может вступать в противоречие с устоявшимися трактовками. К примеру, что в себя включает комплекс традиционных ценностей? При всей декларируемой ориентации государственной ценностной парадигмы на традиционный уклад образ семьи в поддержанных государством фильмах содержит все характерные признаки второго демографического перехода. Говоря иначе, состав демонстрируемых семей ограничивается родителями и детьми, что характерно именно для современного общества и никак не связано с тем широким восприятием семьи, которое характерно для традиционного общества. На первый план выдвигаются при этом отношения между супругами (представителями одного поколения), а не отношения между представителями разных поколений (родителями и детьми).

Таким образом можно заключить, что политическая наука столкнулась либо с принципиально новым видом государственной политики, либо с какими-то новыми проявлениями уже существующих видов политики. Так или иначе, существует пространство для академической дискуссии и необходимость поиска методов изучения обозначенных новых явлений.

Крайнов С.К.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ЗАЛОГ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ

После ракетной атаки 7 октября 2023 года на Израиль в мировом сообществе остро встал вопрос о том, как преподносить информацию через новые СМИ — социальные сети. Вопросы цензуры и автоцензуры стали наиболее очевидны при рассмотрении Специальной Военной Операции и операции Израиля на территории Сектора Газа. В западных информационных ресурсах рассматривают только ту информацию, которая наиболее выгодна правящей элите. В то же время, большая часть жителей планеты не считают себя частью этого мира и не разделяют их ценности. В этих различиях начинают развиваться угрозы для национальной безопасности каждой страны и отдельных союзов, которые не причисляют себя к однополюсному миру.

Для сохранения суверенитета и развития человеческого капитала важно учитывать специфику формирования многополюсного мира, в котором формирование «полюсов силы» гарантирует в будущем бесконфликтное развитие мира. Каждый полюс должен воспринимать свои культурные, экономические и стратегические ценности как что-то общее между всеми участниками этого союза. Культурные ценности создадут основу для общего понимания и сохранения идентичности, которая устоит перед внешним воздействием. Стратегические ценности формируют долгосрочное развитие полюса, заставляя всех его участников создавать общее будущее. Разные государства, имея общие цели и взаимодействие между собой, способны в долгосрочной перспективе развиваться и не обращать внимания на культурные особенности каждой нации. Примером такой интеграции может служить Европейский союз, в котором были общие цели и перспективы развития, но в настоящее время переживает кризис, способный разделить страны на 2 разных блока.

Не стоит забывать и о количественных показателях экономистов: новый полюс не может быть самодостаточным экономически, имея население меньше 200 (двухсот) миллионов жителей. В этом понимании Китай, Индия уже являются полюсом, не прибегая к дополнительному расширению, но имея возможность распространения своих моделей восприятия мира в любые страны. Арабский мир тоже станет отдельным полюсом силы, но на данном этапе развития исторических событий нет явного лидера.

Все вышеуказанные факторы приводят к одному из выводов, что для самостоятельного развития, укрепления и формирования цифрового щита России необходимо расширять распространение своего программного обеспечения в государства «Великого лимитрофа» по В. Цымбурскому. Укрепление и становление к 2032 году (к тому моменту ожидается ряд прогнозов об окончательной нормализации внешнеполитических отношений со странами Восточной и Центральной Европы, которые, по мнению автора, будут входить в новый полюс, в котором Россия будет сохранять лидирующую позицию) восточно-православного полюса имеет благоприятную почву для своего формирования. Как было описано в начале статьи, западные социальные сети перестают предоставлять

свободу слова, заставляя большинство граждан искать альтернативы. Особенно актуальна поддержка продвижения отечественных аналогов на внешние рынки, создания государства условий поддержки таких видов инициатив. На сегодняшний день о таких успехах известно только о платформе «Яндекс. Такси», которая успешно конкурирует с мировыми лидерами в Дубае, ОАЭ. Платформа VK сообщает о переходе части пользователей от иностранных платформ на ее ресурсы, но количественных оценок не было найдено. Остальные платформы, такие как *Rutube*, *Nuut* и другие, только начинают привлекать русскоязычных пользователей, поэтому рассуждать об их распространении среди иностранных граждан на данном этапе не имеет смысла.

Таким образом, все примеры показывают, что за счет развития собственных компаний в цифровой сфере создается интернет-щит от внешнего воздействия в отношении национальной безопасности страны, ослабляется зависимость граждан от зарубежного программного обеспечения, усиливается роль технологий в стране. В будущем это может привести к выходу на международный рынок высокоразвитых технологических компаний, готовых конкурировать с уже сложившимися лидерами рынка, в то же время создавая отдельный мировой полюс. Наблюдения за цифровой безопасностью страны показывают, что появляются возможности влиять на другие страны, привлекая их на свою сторону с помощью политики «мягкой силы». Стоит отдельно учитывать, что без внешних усилий вытеснению с рынка Российской Федерации, превращение локальных аналогов из неизвестных приложений в лидеров рынка было бы длительным и, вероятно, невозможным из-за их ограниченного присутствия в нашей стране. Для дальнейшего развития и привлечения новых пользователей необходимо развивать не только подходящую локальную ИТ-инфраструктуру, но и развитие собственного персонала, стимулировать появление новых стартапов для создания уникальных возможностей для локальных приложений.

Крайнова Л.Н., Наумов М.А., Бутковская С.И.
(Иркутск, ИТЭП)

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПОО. ВИДЫ И ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН И ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА. ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ИРКУТСКОГО ТЕХНИКУМА ЭКОНОМИКИ И ПРАВА (ИТЭП)

Очень часто говоря о важности воспитания школьников старших классов, забывают об огромном количестве молодых людей, обучающихся в системе среднего профессионального образования. Воспитательная работа в профессиональных образовательных организациях построена в соответствии с нормативными документами:

- Федеральная рабочая программа воспитания¹
- Перечень мероприятий, рекомендуемых к реализации в рамках календарного плана воспитательной работы на 2024/2025 учебный год²
- Примерный календарный план воспитательной работы на 2024/2025 учебный год³

Таким образом, план воспитательной работы ПОО соответствует государственным нормативным документам и выполняет те же задачи с той же возрастной категорией молодежи, что и в общеобразовательных организациях.

Однако есть несколько отличий:

- 1) В отличие от школ, в профессиональных образовательных организациях необходимо в короткие сроки из вновь прибывших студентов создать коллектив. Причем этот коллектив необходимо не только посадить за парты, адаптировать под новые условия образования, но и создать из каждой группы, потока, курса, специальности команду.
- 2) Проблемы с встраиванием в основное расписание, которое отличается от школьного, мероприятий. Вовлечение в них максимальное количество студентов.
- 3) Проблема взаимного интереса к разного рода мероприятий студентов разных специальностей и направлений.
- 4) Для таких крупных техникумов, как ИТЭП, где численность студентов приближается к двум тысячам, существует еще и проблема помещений для мероприятий.

¹ URL: <https://институтвоспитания.пф/upload/medialibrary/ddc/sr3zcu3teyyu74meajj1vzn171157v9.pdf>.

² URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/05039b9d576a0b189142b119735120b0/download/6860/>.

³ URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/05039b9d576a0b189142b119735120b0/download/6860/>.

Несмотря на все вышеперечисленные проблемы, с профессиональных образовательных организаций не снимаются ответственности и задачи, которые необходимо решать в работе с молодежью.

Для того чтобы успешно реализовывать программу воспитания, в Иркутском техникуме экономики и права сложился своеобразный кластер взаимодействия:

- 1) Внутри групп и между ними,
- 2) Внутри и между специальностями,
- 3) Внутри и между курсами,
- 4) С преподавательским составом,
- 5) Вне техникума.

Начальная работа по воспитательному направлению выстроена в системе.

В обязательном порядке проводятся «Разговоры о важном», поднятие флага дежурной группой и построение всех групп по корпусам и этажам с прослушиванием и исполнением гимна.

Эта первая ступень интеграции и взаимодействия, первую очередь, начинается с преподавателей истории и обществознания, русского языка и литературы, НВП и ОБЗР.

Каждый из преподавателей вышеперечисленных предметов включает в свою работу несколько направлений, по которым ведется работа:

История и обществознание:

- первая оценка, которая выставляется студентам по этим предметам за знание текста гимна наизусть. К ноябрю месяца для студентов нового набора становится нормой не только стоять смиренно при исполнении гимна, но и петь его вместе на массовых мероприятиях, где они пересекаются со студентами старших курсов, которые вместе с преподавателями выступают примером данной нормы.

Русский язык и литература:

- литературные вечера и спектакли, посвященные теме войны («Молодая гвардия», «Зори здесь тихие»).

НВП и ОБЖ:

- проведение построений, конкурсов, приуроченных к историческим датам, военно-полевых сборов. Обязательное проведение благотворительных ярмарок в фонд СВО и работа военно-патриотического клуба, работа волонтерских отрядов.

Обязательным направлением внутреннего и внешнего взаимодействия являются тематические экскурсии по историческому центру Иркутска и в музеи.

В мае 2024 года студенты старших курсов выступили с инициативой и разработали экскурсионный образовательный маршрут «Иркутск — город трудовой славы и доблести» по памятникам, связанным с историей города в годы Великой Отечественной войны, который они сами планируют проводить для студентов младших курсов и школьников. Идея также родилась не сама по себе. Ей предшествовал огромный пласт работы педагогов: спектакли и литературные композиции, посещение музеев и выставок. Участие в мероприятиях к Дню Победы и помощь в музеях.

К мероприятиям, формирующим гражданско-патриотическое воспитание, необходимо отнести участие в научно-практических конференциях различного уровня, которые проходят в Иркутске, Волгограде, Крыму, Уссурийске и т.д., олимпиадах.

Еще одно направление воспитательной работы определено договором сотрудничества с ДОСААФ. В рамках этого договора наши студенты на регулярной основе посещают кинолектории, где проходят встречи с участниками СВО, руководителями предприятий города, общественниками, представителями конфессий, тематические лекции и просмотр кинофильмов, посвященных знаковым событиям нашей истории.

Важным и знаковым мероприятием для всех студентов и преподавателей техникума является ежегодный фестиваль «Песни Победы», который инициировал коллектив техникума и привлекает работы из колледжей и техникумов из 8 регионов страны.

Такие результаты в техникуме достигнуты взаимодействием специалистов общеобразовательных дисциплин, эстафету которых принимают на старших курсах студенты и преподаватели профессиональных дисциплин.

ДЕСТРУКТИВНАЯ НИЗОВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

Деструктивные формы гражданской активности могут наносить существенный ущерб городской инфраструктуре и экономике, что сказывается на повседневной жизни граждан. Изучение этих форм низовой гражданской активности важно для разработки стратегий минимизации экономических и социальных потерь.

Под низовой гражданской активностью (далее НГА) мы будем понимать совокупность сознательных поведенческих актов (индивидуальных или коллективных) политических субъектов, направленных на изменение социально-общественной обстановки в месте своего проживания (муниципальное образование или целый регион). Важно подчеркнуть, что движущей силой любой формы НГА являются местные жители. Именно данные субъекты выступают в качестве инициаторов такой формы активности. При этом мы понимаем, что НГА может реализоваться в различных формах и при помощи разнообразных механизмов.

В современном обществе низовая гражданская активность может проявляться как в конструктивной, так и в деструктивной форме (формы, нарушающие этические или правовые нормы социума и несущие опасность для общественной жизни). На основе этого можно сделать вывод о том, что и механизмы участия политических субъектов в низовой гражданской активности будут отличаться. Так деструктивная форма НГА направлена на разрушение существующих политических отношений, протекающих в месте проживания политических субъектов, а механизмы участия граждан в данной форме НГА должны носить разрушительный характер. Рассмотрим их более подробно.

Одной из самых простых и часто встречающихся форм проявления деструктивной НГА является вандализм. Согласно статье 214 Уголовного кодекса Российской Федерации под вандализмом понимается осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах.

Осуществляя данное действие, политический субъект (иногда группа субъектов), как правило, высказывает свое недовольство или протест относительно какого-либо процесса, явления, события, происходящего в местном сообществе. При этом важно понимать, что вандализм как форма проявления низовой гражданской активности отличается от такого схожего понятия, как хулиганство. Отличие, во-первых, состоит в том, что при хулиганстве всегда есть ярко выраженный потерпевший, как правило, это гражданин. В то же время при вандализме нет четкого пострадавшего лица, оно абстрактно (общество, органы власти и тому подобное). Во-вторых, вандализм совершается по политическим, религиозным или общественным убеждениям, а хулиганство опирается на девиантное поведение правонарушителя.

Рассмотрим другую форму проявления деструктивной НГА — массовые беспорядки. Стоит заметить, что в отечественном законодательстве нет четкого определения массовых беспорядков. В связи с этим обратимся к существующим исследованиям в области права. Так, например, массовые беспорядки можно определить, как преступное деяние, несущее в себе общественную опасность, так как оно по своей сути имеет стихийный и непредсказуемый характер и посягает на важнейших объектов, охраняемых правом.

Можно выделить и другую деструктивную специфическую форму проявления НГА — это «общественный самосуд». Как правило, под термином «самосуд» в криминологической науке принято подразумевать самостоятельные противоправные действия как со стороны самих жертв, так и со стороны других субъектов для достижения так называемой социальной справедливости (Котельникова О.А. Некоторые факторы, определяющие самосуд как социально-негативное явление // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 135–137). Стоит заметить, что данное определение в большей степени относится к уголовному праву. В нашем же случае под термином «общественный самосуд» мы будем подразумевать состояние гражданского общества, когда члены данного социума активизируются с целью восстановления социальной справедливости и наказания лиц, совершивших аморальный поступок или преступление.

Важно понимать, что «общественный самосуд» не всегда проявляется в его крайних формах, например, в форме физического насилия. Зачастую он может проявляться в форме общественного порицания, распространения определенной информации, общественного изолирования от социума и тому подобное.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в современном мире существуют формы проявления низовой гражданской активности, которые несут в себе потенциальную опасность для жителей конкретного населенного пункта. Отличительными чертами деструктивной низовой гражданской ак-

тивности являются: разрушительный характер, нарушение этических и правовых норм, происходит на локальном уровне и затрагивает интересы местного сообщества. К таким формам относятся вандализм, массовый погром, «общественный самосуд».

Крамаренко А.С.
(Москва, ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, ИКСА РАН)

ИНДИЙСКАЯ ДИАСПОРА В СТРАНАХ ЛАТИНО-КАРИБСКОГО РЕГИОНА

Сегодня диаспора рассматривается Индией как стратегический ресурс и политический инструмент продвижения собственных интересов, однако политический истеблишмент ориентирован на взаимодействие с диаспорой, проживающей в развитых странах Запада или Ближнего Востока. Значительно меньше внимания уделяется индийским иммигрантам в Латино-Карибской Америке. Такая ситуация обусловлена рядом факторов.

Во-первых, индийское население региона, особенно в странах Центральной и Южной Америки, немногочисленно и сформировалось еще в колониальный период, поэтому индийцы Латино-Карибской Америки воспринимаются государством и обществом как давно ассимилировавшиеся и утрачившие связи с родиной.

Во-вторых, политическое руководство Индии длительное время избегало взаимодействия с сообществами мигрантов и их потомками в странах Карибского бассейна по причине социально-экономических и политических противоречий между индийским и креольским населением Гайаны, Тринидада и Суринама.

В-третьих, во внешней политике Индии сохраняется деприоритизация Латино-Карибской Америки, что отражается и на интенсивности взаимодействия политической власти с индийскими сообществами региона. В результате, индийское население не рассматривается в качестве стратегического диаспорального ресурса развития отношений с Латино-Карибской Америкой. Тем не менее, индийские сообщества, осевшие в регионе, объединены идентификацией с определенной территорией, общим мифом о происхождении, историей и культурой.

В Латино-Карибской Америке проживает преимущественно «плантационная» диаспора, состоящая из потомков индийских рабочих британских, голландских и французских территорий Карибского бассейна. Миграцию из Индии в регион можно подразделить на три волны — колониальную, постколониальную и современную. Основная часть индийцев мигрировала в первую волну в рамках системы найма дешевой рабочей силы в колонии Карибского субрегиона. В то же время индийские иммигранты перемещались и в страны Центральной и Южной Америки.

В постколониальную волну в Латино-Карибские страны переезжало незначительное количество квалифицированных работников из Индии, которые были нацелены на дальнейшее перемещение в развитые страны Запада. В этот период активизировалась миграция индийцев из региона в бывшие метрополии — Британию, Нидерланды, Францию и, конечно, США и Канаду.

Восприятие стран Латино-Карибской Америки как транзитных характерно и для современной миграции из Индии. Через миграционный коридор Андский регион — Центральная Америка — Мексика граждане Индии стремятся попасть на север. Некоторые из них вынуждены оставаться в странах транзита — Мексике, Эквадоре, Панаме, — в нелегальном статусе. Учитывая современную тенденцию, число индийских мигрантов в регионе, вероятнее всего, будет увеличиваться, особенно в Мексике и Эквадоре.

Индийские сообщества в Латино-Карибской Америке, вне зависимости от их гетерогенности, обладают общей мифологией о родине и возвращении, составляющей основу их этнокультурной идентичности. На ее формирование значительное влияние оказали травматичные события заключения контракта, длительное путешествие через «черные воды», утрата дома и ностальгическая надежда на возвращение. Чувство тоски по дому тесно связано с использованием латино-карибскими индийцами Рамаяны в качестве основного индуистского религиозного источника и выражается в музыке, литературных произведениях, песнях.

Индийцы сохранили собственную этнокультурную идентичность не только в бывших колониях Карибского бассейна с многочисленным индийским населением, но и в странах, где оно практически отсутствует, — Аргентине, Мексике, Венесуэле. Культура и религия позволяли индийцам выживать в тяжелых условиях труда на плантациях в других социальных и культурных условиях принимающего общества. Сохранению идентичности также способствовала колониальная власть, активно использовавшая практики сегрегации и дискриминации, которые закрепляли этнокультурные границы. Под действием доминирующей культуры, политики и социально-экономических условий многие аспекты культуры индийских иммигрантов трансформировались или исчезли, как, например, кастовая

система. Но до настоящего времени индийцы воспроизводят свою идентичность через изучение хинди, признание и реконструкцию социальных и религиозных практик Индии, проведение фестивалей и празднование важных политических событий.

Все это позволяет заключить, что индийские сообщества Латино-Карибской Америки являются диаспорой, поскольку для них характерно проживание в другой этнокультурной среде в результате миграций, мифологизация образа исторической родины и воспроизводство собственной этнокультурной идентичности. Такое восприятие индийских иммигрантов в регионе предоставляет Индии возможность задействовать их в качестве инструмента «мягкой силы» и выстраивания социально-экономических, политических и культурных отношений с динамично развивающимся регионом Латино-Карибской Америки.

Краснопёров А.Ю.
(Томск, НИ ТГУ)

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В МЕЖВЫБОРНЫЙ ПЕРИОД

В работе представлены результаты исследования политической медиасферы Томской области сквозь призму персональных телеграм-каналов. Цель исследования заключалась в проверке и актуализации роли персональных телеграм-каналов региональных политических деятелей в межвыборный период.

Из 64 человек, чья позиция предполагает высокий уровень публичности, а также находится в прямой или косвенной зависимости от мнения избирателей, персональный телеграм-канал имеется у 31 политического деятеля (48%). Число подписчиков варьируется от 4 до 35 519 человек (среднее — 1609). При этом абсолютным лидером в этом отношении оказывается канал Губернатора области, являющийся скорее статистическим исключением. Медианное значение, более точно отражающее типичный телеграм-канал, — 238 человек. Наиболее низкие значения демонстрируют каналы депутатов ЗДТО.

Средний охват одной публикации замерялся как в абсолютных значениях (среднее значение — 1353 человека, медиана — 432), так и в процентах от числа подписчиков (среднее значение — 102%, медиана — 68%) в диапазоне от 8 до 20 002 человек и от 0 до 692% соответственно. Как лучшие, так и худшие значения по этому параметру наблюдаются у депутатов ЗДТО.

Однако индекс вовлеченности (ER) на этом фоне остается достаточно низким: в среднем около 5%, медиана — 4%. Лучшие показатели (выше среднего) — у трех депутатов ЗДТО, сенатора и заместителя Губернатора.

В большом количестве случаев (14) было выявлено закрытие комментариев, поэтому читатели не могут оставлять развернутую обратную связь. А там, где комментарии открыты, их средний показатель не превышает 3 на публикацию. Опять же, исключением из правила стал канал Губернатора со средним количеством комментариев к каждой записи — 73.

Также было проанализировано число внешних связей канала по категориям: (1) входящие упоминания, (2) количество входящих ссылок в виде репостов или упоминаний, (3) исходящие упоминания, (4) количество исходящих ссылок в виде репостов и упоминаний. На основе сочетания указанных параметров политические деятели были разделены на группы: ньюсмейкеры (имеют выраженный перевес входящих упоминаний над исходящими), комментаторы (имеют выраженный перевес исходящих упоминаний над входящими), эксперт (имеет высокий уровень как входящих, так и исходящих упоминаний), невидимка (крайне малое число входящих и исходящих упоминаний). Показатели удалось рассчитать для 24 телеграм-каналов.

Больше всего в выборке оказалось экспертов (13), которые плотно встроены в региональную сетевую коммуникацию, находят и комментируют новостную повестку, а также сами выступают ценным источником информации для других телеграм-каналов. В этой группе 3 заместителя Губернатора, 1 сенатор, 7 депутатов ЗДТО и 2 депутата ГД ФС РФ.

На втором месте оказываются ньюсмейкеры (6), они создают новости, которые затем ретранслируются вовне. В этой группе Губернатор, сенатор, 3 депутата ЗДТО и 1 депутат ГД ФС РФ.

На третьем месте — невидимки (3), которые слабо встроены во внешнюю коммуникацию и работают только со своей аудиторией. Все каналы этой группы имеют мало подписчиков и редко публикуют сообщения. В их числе только депутаты ЗДТО.

Завершают список комментаторы (2), которые активно обсуждают внешние новости, ссылаются на сторонние источники, но их собственное мнение больше востребовано внутри канала, чем вовне. В этой группе только заместители Губернатора.

Следует заметить, что все представленные в исследовании телеграм-каналы развиты слабо и имеют небольшой охват, если сопоставить его с населением области. Подписчиков меньше, чем

условных избирателей, необходимых для победы на выборах. Более того, каналы политических деятелей значительно проигрывают по многим показателям иным телеграм-каналам политической направленности регионального уровня. Для сравнения, пять крупнейших политических телеграм-каналов, каждый из которых имеет большую аудиторию, чем любой политический деятель из нашей выборки, демонстрируют следующие показатели: численность от 4514 до 19272 (среднее — 9826), охват одной публикации от 3641 до 7390 или от 35,3% до 125,9% (среднее — 5088, 67%), индекс вовлеченности — в среднем 3%. Все каналы характеризуются высокой внешней активностью как входящей, так и исходящей. Тем не менее, среди них можно выделить разные типы: 2 ньюсмейкера, 2 эксперта и 1 комментатор. При этом данные каналы склонны критически оценивать действия официальных властей. Получается, что «общественники» создают более мощный информационный фон и имеют больший потенциал влиять на общественное мнение. Единственным исключением из описанной картины выступает канал Губернатора, который является самым крупным политическим каналом в Томской области и пятым каналом, если считать по всем категориям. За этим исключением, в общем и целом, потенциал коммуникации в Телеграмм оказывается нереализованным, по крайней мере в межвыборный период.

Кривошеева Н.И.
(Волгоград, ВИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АТРИБУТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК ФАКТОР ДЕТЕРМИНАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСФЕРЫ

Социальные медиа формируют социокультурное пространство современной медиасферы, в котором переплетаются а) информационно-коммуникационные технологии; б) символические формы (контент), в) символическая власть; г) политическая власть; д) социальное взаимодействие; е) социальный контекст (его создание и воспроизводство). В этой связи хотелось бы обратить внимание на те существенные характеристики соцмедиа, которые по силе действия на общество и по своим последствиям оказываются более глобальными не столько в технологическом, сколько в социокультурном и политическом смысле.

Наследуя технические, структурно-функциональные и идеологические качества Интернета (Web 2.0), социальные медиа имеют потенциал диалоговой стратегии коммуникации. Однако существуют проблемы, связанные с реализацией диалога в них: отсутствие централизованной структуры управления в социальных медиа, частое преобладание тривиальной коммуникации вместо содержательного общения, размытость или отсутствие предмета обсуждения, множество субъектов, коммуницирующих одновременно, что не позволяет вести структурированный диалог, та или иная степень государственной и/или корпоративной интернет-цензуры и др. Следовательно, можно утверждать о квазидиалогической атрибутивности социальных медиа. Практика социального взаимодействия в них, а также проблема баланса свободы слова и допустимости цензуры демонстрируют признаки квазидиалога, то есть невыполнение диалогической модели коммуникации, что становится значимым политическим фактором современной медиасферы.

Аккумулируя огромное количество данных, соцмедиа являются средством извлечения информации и знаний. Рост пользовательского контента превращает аудиторию в товар, который продается рекламодателям, что делает соцмедиа выгодными для рыночных и политических игроков. Но для самого пользователя социальных медиа, за которым стоит отдельный человек или сообщество, подобное преимущество имеет ряд деструктивных факторов. Например, «феномен фильтр-пузыря» как состояние интеллектуальной изоляции, возникающее в результате алгоритма веб-сайта, который на основе имеющейся информации о пользователе выборочно угадывает, какую информацию пользователь хотел бы видеть. Интернет-пользователи попадают в «фильтр-пузыри», так называемые «эхокамеры», «информационные капсулы», которые «защищают» людей от противоположной их мнению информации и предоставляют только тот контент, который подтверждает их взгляды. Сознание пользователей капсулируется в одной из эхокамер, что обеспечивает таргетированное воздействие на целевую аудиторию. Такой механизм облегчает информационно-коммуникативное влияние и манипулирование интересами пользователей как в экономических, так и в политических целях.

Интеллектуальная (информационно-знаниевая) атрибутивность, присущая социальным медиа, «тратится» на добычу сверхприбыли, упрочнение экономической и политической власти в ущерб культуре. Социальные медиа становятся частью цифровой «экономики внимания», которая фокусируется на взаимодействии денег и внимания к контенту, и создают следующую «капиталистическую» ситуацию: чем больше людей участвуют в производстве и распространении контента в социальных сетях и получают доступ к рекламе, тем больше реклама приносит дохода этим платформам. Тем самым, можно утверждать, что Интернет и социальные медиа сегодня являются стратифицированными про-

странствами. Крупные экономические и политические акторы централизуют формирование контента, общественно-политической повестки, социальных групп, позиций и мнений в медиасфере.

С учетом этого и в связи с тем, что производство и распространение символических форм в социальных медиа может повлиять на ход политических событий и привести к последствиям оффлайн, следует обозначить такое свойство социальных медиа, как властная атрибутивность. Власть и коммерция сегодня являются важнейшими факторами существования и вектора развития социальных медиа.

Итак, не отрицая наличие множества свойств социальных медиа, в качестве неотъемлемых следует выделить квазидialogическую, интеллектуальную (информационно-знаниевый аспект) и властную (политическая и символическая формы власти) атрибутивность. Эти атрибуты необходимо учитывать как факторы, которые потенциально могут обеспечить переход к неустойчивости или к равновесию, и которые порождают причинную связь между социокультурными и социополитическими процессами.

Предлагаемые нами типы атрибутивности соцмедиа 1) позволяют изучать конкретные аспекты социально-культурного опыта в социальных сетях и его последствия для общества; 2) являются взаимодополняющими, что говорит о их постоянном влиянии и присутствии в современной медиасфере; 3) имманентно включают в себя политическое содержание (элементы политического), которое при определенных условиях может актуализироваться; 4) указывают на диалектическое взаимодействие культурной и социальной детерминации медиасферы.

Кротков В.О.
(Москва, ГАУГН)

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ*

Современный этап развития международных отношений и мировой политики показывает, что уровень нестабильности в формате турбулентности не снижается. Одной из характерных особенностей современного развития является масштабная деинституционализация без формирования новой институциональной архитектуры. Для ключевых акторов современных международных отношений подобные тенденции являются существенными вызовами, на которые не реагировать невозможно. Актуальная субъектность международных отношений интерпретируется в контексте экосистемной логики (Кротков В.О. Идентификация тенденций современных международных отношений: формирование новой субъектности // Постсоветский материк. 2022. № 2. С. 12–20). Другими словами, в рамках международных, региональных, национальных интеракций различных общественных сфер формируются и претерпевают изменения экономические (преимущественно отраслевые ТНК и холдинги), политические (влиятельные элитные группы), технологические, информационные (IT-гиганты, глобальные социальные сети и мессенджеры, экспертные и научно-исследовательские институции), финансовые (банки, финансовые фонды) и иные акторы. Амальгамный характер отношений между различными корпоративными средами преимущественно на горизонтальном уровне детерминирует наднациональную субъектность. На этом фоне сугубо национальные акторы значительно уступают влиянию глобально-корпоративным. Особенно это заметно в экономической, финансовой и информационной сферах. Крупный и особенно крупнейший капитал перестал быть национальным, так как его присутствие, влияние и интересы распространяются в рамках международных отношений и лишь частично корреспондируют с теми или иными национальными порядками и правилами. Рассматриваемые характерные черты привели к той или иной степени десоверенизации государственных образований, опирающихся, главным образом, на политическое влияние и экономический потенциал.

Анализируемый контекст, в том числе, касается российского и китайского кейсов. Причем степень десоверенизации китайского проекта выше, чем российского, так как вовлеченность политических элит и тесно связанных с ними экономико-корпоративных секторов в процесс глобализации имеет разный уровень. В данном контексте двустороннее политическое сотрудничество на самом деле представляет собой трассу с многосторонним движением и развязками. В таких условиях не только национальные (общественные), но и корпоративные, узкогрупповые, частные интересы стейкхолдеров имеют многовекторный характер, а, соответственно, вопрос приоритетности выбора является

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект FZNF-2023-0004 — «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (123022000042-0).

ключевым. Поэтому можно наблюдать, к примеру, как позиции по ценам на углеводороды или инвестиционным проектам, или банковским транзакциям, или отношению к присоединению Крыма к России (Морозов Ю.В. Проверка на прочность российско-китайских взаимоотношений в условиях военного конфликта на Украине // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 1. С. 43) далеко не всегда носят постоянный и взаимовыгодный характер. В частности, причины сложившихся торгово-экономических отношений проанализировал старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России И.Ю. Зуенко. В результате «китайские банки не захотели рисковать ради России своими западными рынками. Именно китайские банки стали играть не только против этой свалившейся на их головы «дружбы», но и против своих же промышленников, которые справедливо увидели для себя исторический шанс «заполнить возникающие лакуны на российском рынке» (Конец «великой дружбы»: торговые отношения России и КНР оказались в серьезном кризисе. URL: <https://sibkrai.ru/news/2127/986383/> (дата обращения 02.09.2024)).

В целом можно отметить, что современные международные отношения и процессы в рамках мировой политики являются крайне сложными и противоречивыми, в силу их турбулентности и деинституционализации. В таких условиях анализировать международную субъектность необходимо не в линейном межгосударственном контуре, а сферично, в русле логики экосистем, имеющих трансграничные и амальгамные свойства, находящиеся в динамике. В результате можно увидеть множество интересов и противоречий, которые далеко не всегда носят национальную коннотацию.

Крутов А.В.
(Москва, МАИ)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ПОДХОДЕ

Определим *политическое развитие* как деятельность, направленную на поддержание целостности общества. Цель этой деятельности — достижение блага, которое не идет в разрез с ценностью системы, не нарушает ее структуру, связи, а также не противоречит закономерностям процесса. Основание для политического развития — возникновение в обществе новых потребностей, интересов, идей, которые при существующем положении дел не могут быть достигнуты. Таким образом возникает общественный запрос на перемены, иначе говоря — потребность в развитии.

Деятельностный подход основан на «запороговых, дремлющих потенциях» человека (термин Г.С. Батищева), поэтому порой скептически воспринимается в научном мире. Однако попробуем сделать еще одну попытку описания политического развития с помощью математического интуитивизма.

Социологи рассматривают деятельность в обществе как пульсирующие сдвиги, их направленность определяется институтами и субъектами. Политическое развитие в деятельностном подходе подразделяется на две фазы, в которых применимы особые методы управления. Первая фаза представляет собой творческое явление, основанное на рискованном выборе, морально противоречивое, скачкообразно усложненное, нелинейное, требующее достройки и привыкания. Если первая фаза достаточно искусственная, как вновь созданная, то вторая является естественной реакцией на изменения, привыканием, адаптацией, где происходит количественное нарастание связей детерминации между элементами системы. Система не может сразу воспринять возникшие изменения, теряет устойчивость и находится в состоянии ожидания последующих шагов со стороны субъекта. Если этих шагов не будет, то возможно усугубление кризиса, ведущее к катастрофе. Чередование двух названных фаз является политико-управленческой деятельностью.

Моделирование систем и процессов разной природы проводится уже несколько десятилетий. Наиболее близкими к политике будут модели процессов, находящихся вблизи режима с обострением (кризиса). В нашем случае обострение характеризует «переход второго рода» (т.е. либо развитие, либо катастрофу).

Рассмотрим многомерное пространство с координатами социологически-, экономически-, морально- и т.п. значимых составляющих запроса. Эти составляющие изменяются во времени, существенно зависят от внешних воздействий. При этом они, как малопредсказуемые явления, могут таить в себе ресурсы изменений или угрозу катастрофы.

Исходим из того, что политическое развитие возможно при слабо предсказуемой, путаной политической ситуации в государстве и обществе и наличии хотя бы одного субъекта, способного осуществить действия, которые описаны в математической модели, в своей политической практике.

Для моделирования вышеописанного процесса предлагается использовать методы математического интуитивизма школы Брауэра. Деятельность рассматривается как возможность интуитивного конституирования математических объектов. Объекты при этом выстраиваются в незаконную по-

следовательность. Единственным правилом построения является отсутствие противоречия уже существующим объектам последовательности. Применительно к моделированию политического развития первый объект последовательности задает потенциальную направленность развития в определенном выше пространстве. Это может быть заявление, нормативный акт, перераспределение ресурсов, информационный вброс или любое событие. Следующие объекты формируют некоторую «воронку развития». При этом происходит взаимодействие существующих элементов общественного запроса с искусственно созданными. Оно проявляется через политическое управление институтов и структур государства и гражданского общества. Когда нельзя построить новый объект, последовательность иссякает, приходится строить следующую. В результате успешного проведения нескольких таких построений должна образоваться более сложная целостная система с преобразованной «парадигмой бытия»: ценностями, моралью, культурным императивом, социально-экономическими структурами, изменением мышления человека.

Кудярова Н.Ю.
(Москва, ИЛА РАН)

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ: ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В США

Латиноамериканский регион на протяжении многих лет является пространством активной миграционной мобильности. Наиболее отчетливо это проявляется в северной части в районе мексикано-американской границы. К середине 2010-х годов основными участниками сложившейся субрегиональной миграционной системы стали США, Мексика и государства Центральной Америки — Гватемала, Сальвадор, Гондурас. Напряженность на Юго-Западной границе США была связана со взаимодействием с обозначенными странами. В то же время в южной части Западного полушария, в Южной Америке, постепенно развивалась внутрирегionalная мобильность, где значительное место занимали передвижения в рамках континента.

Однако в середине второго десятилетия XXI в. отчетливо сформировались два кризисных очага — венесуэльский миграционный кризис в Южной Америке и кризис центральноамериканских мигрантов в северной части. Природа этих кризисов была различна. Тем не менее, синхронизация по времени и наложение последствий пандемии привели к направлению венесуэльского потока на север в США. Слияние двух миграционных очагов существенно повысило интенсивность транзитной миграции и давление на пограничном рубеже США. К этим континентальным потокам добавились выходцы из карибских государств — Гаити и Кубы, где причины массового исхода также существенно различались. Однако значительная часть мигрантов выбирала устоявшиеся пешие маршруты движения через Колумбию и Панаму, пересекая Дарьенский разрыв. Это способствовало расширению общего пространства миграционного кризиса и в целом обострило проблемы миграционной политики и функционирования института приема беженцев. Поток нелегально пересекающих мексикано-американскую границу людей вывел миграционную тему в число наиболее острых вопросов как внутривнутриполитического противостояния в США, так и двусторонних отношений между странами региона.

Расширение числа стран исхода мигрантов, вышедшее за пределы сложившейся субрегиональной системы, осложняло регулирование миграционных потоков. На переговорный процесс США с такими странами, как Куба и Венесуэла, влиял фактор введенных политических и экономических санкций. Во внутренней повестке безопасность Юго-Западной границы стала одной из тем, поляризующих политическое пространство в ходе предвыборной кампании.

2024 год начинался с ожиданием расширения кризиса: сообщения о ежедневном задержании на границе около 10 тыс. человек находились в центре внимания масс-медиа. Любые попытки администрации Дж. Байдена трансформировать регламент работы с запросами убежища встречали в конгрессе сопротивление республиканского большинства. Все решения о выделении финансовой помощи Израилю и Украине увязывались с финансированием системы безопасности на Юго-Западной границе страны. Также была отклонена и двухпартийная инициатива изменения миграционного законодательства, предложенная в феврале 2024 г. Желание продемонстрировать беспомощность демократической администрации в преддверии президентских выборов перевешивало практическую необходимость. Тем не менее, 4 июня 2024 года Дж. Байден издал указ «Объявление об обеспечении безопасности границы», в котором действия в отношении нелегально пересекающих границу были значительно ужесточены.

Параллельно США расширили практику экстернализации — экстерриториального миграционного контроля и сдерживания, а также аутсорсинга миграционной политики. Основным документом, к ко-

тому апеллировали руководители США и главы государств латиноамериканского региона, стала «Лос-Анджелесская декларация о миграции и защите» 2022 года. В этом документе, продвигаемом США, наряду с традиционными тезисами о приверженности принципам безопасной миграции, были включены новые элементы, в том числе необходимость обеспечения продуктивной и достойной жизни людей в странах своего происхождения.

В июле 2024 г. между США и Панамой было заключено соглашение, согласно которому Панама приступит к реализации новой программы внешней помощи, направленной на сокращение беспрецедентной нелегальной миграции через регион Дарьен. При подписании соглашения стороны апеллировали к Лос-Анджелесской декларации: «США работают с 21 партнером по всему региону над принятием скоординированных мер по укреплению стабильности, расширению законных путей передвижения и предоставлению отдельным лицам возможности оставаться там, где они находятся, а также гуманному управлению границами по всей Америке». Практика двусторонних соглашений со странами, где пролегает маршрут транзита, стала важной частью механизма экстернализации. Купирование миграционного кризиса в Западном полушарии стало масштабной задачей, требующей участия широкого круга государств, чьи интересы нередко противоположны.

Кудряшова И.В.
(Москва, МГИМО МИД России)

ТЮРКСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В АРАБСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Метаморфозы имперской идентичности можно исследовать через различные фазы постимперского, национального и постнационального строительства, изобилующие примерами переплетения трансисторических и локальных сообществ и соотносимых с ними идейных позиций и интересов. Один из таких эпизодов связан с тюркскими сообществами Османской империи, которые после ее распада оказались этническими меньшинствами в новообразованных арабских государствах (Сирии и Ираке). Предлагаемая идентичность «арабских граждан» воспринималась ими негативно и вызывала желание вновь стать условным большинством через воссоединение с родиной. Ситуация усугублялась тем, что из-за упразднения халифата и реформы языка культурные связи тюркских меньшинств с Турцией оказались нарушенными. Длительный период существования в условиях доминирования дискурсивных практик и репрессий арабских националистических элит заставил сомневаться в сохранении у них тюркской идентичности.

Однако эта идентичность продемонстрировала свою устойчивость в период кризисного развития арабских стран в 1990–2010-х годах, когда тюркские сообщества повели борьбу за свои коллективные права и создали при поддержке Турции ряд политических организаций. Вместе с тем требования сепарации среди них были очень редкими, что заставляет предположить наличие национально-гражданского компонента идентичности. Как он формировался и каковы перспективы развития подобной гибридной идентичности, одновременно национальной и транснациональной?

Вопрос идентичности тюркских меньшинств рассмотрен в двух ракурсах — структурном и идентичностном. Первый обусловлен важностью консолидации границ, которая неизбежно возникает в ходе постимперского транзита и у государства ядра, и у государств периферии. В результате распада империи турки Сирии и Ирака оказались культурной периферией и для Турции, и для новых арабских государств, где они — для дифференциации с анатолийскими турками и закрепления политических и культурных границ — стали именоваться туркоманами.

Навязывание рамки национального государства «сверху» привело к смешению современных политических институтов и устойчивых патримониальных практик: европейские администрации, столкнувшись с подъемом освободительной борьбы, взяли курс на создание формально этнически однородных государств с центральными органами власти и равными правами граждан. В идентичностном ракурсе идея государственного национализма подавляла те идентичности, которые не вмещались в очерченные территориальными границами ячейки, — османскую, исламскую, тюркскую, арабскую.

После завершения периода мандатного управления и череды переворотов к власти в Сирии и Ираке пришли арабские националисты. Консолидация этих режимов при Хафезе Асаде и Саддаме Хусейне позволила остановить внутренние центробежные тенденции. Туркоманы в этот период не имели коллективных прав, но оказались включенными в государственную систему распределения социальных благ.

Ускоренное формирование коллективной туркоманской идентичности стало возможным после военной операции США и их союзников в Ираке и Арабской весны в Сирии, однако политическая си-

туация в этих арабских странах начала меняться раньше: кризис баасизма был вызван вынужденными неолиберальными экономическими реформами и падением эффективности бюрократии, что повлекло за собой социальную мобилизацию дискриминируемых групп, в первую очередь курдов. В этих условиях Турция, для которой курдский сепаратизм остается главной угрозой национальной безопасности, предоставила свою территорию и разнообразную помощь для организации туркоманской политической оппозиции и вооруженных отрядов. Будучи относительно небольшим по численности меньшинством, ни сирийские, ни иракские туркоманы практически не выдвигают сепаратистских требований и не поддерживают идею федерализации. Обе общины выступают за гражданскую политическую нацию и широкие культурные права. Крупнейшие и наиболее влиятельные политические организации туркоман (Сирийская туркоманская ассамблея и Иракский туркоманский фронт) имеют протурецкую ориентацию, однако есть и группы туркоман, для которых приоритетное значение имеет конфессиональная идентичность.

В настоящее время тюркская идентичность сирийских и иракских туркоман проявляется по-разному, о чем свидетельствуют программные документы их политических организаций, а также интервью, взятые участником исследования С.А. Сейидли у ряда туркоманских активистов. В Ираке после получения конституционных гарантий своих культурных прав и по мере нормализации политической обстановки стремление туркоман к восстановлению связей с исторической родиной уступает место желанию сотрудничества двух государств. В Сирии в период Арабской весны вдоль турецко-сирийской границы де-факто образовалась туркоманская автономия, которая опирается на всестороннюю помощь Турции и требует проведения демократических реформ. Таким образом, конкретные конфигурации туркоманской идентичности в соседних арабских странах существенно различаются, что определяется прагматическими политическими интересами и туркоман, и «исторической родины».

Кузина С.И.

*(Ростов-на-Дону, ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ,
Филиал ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте»)*

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ДИАЛОГЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Общенациональная идея как план развития государства является конструкцией высокой сложности, и, несмотря на имеющиеся у российской власти ресурсы для ее разработки и реализации, существуют в настоящее время высокие риски ее делигитимации по причине отсутствия открытого диалога власти и общества как общественного договора в отношении дальнейшего пути обеспечения национальной безопасности России. Идеино-ориентированный подход в конструировании стратегии обеспечения национальной безопасности России необходимо должен содержать моральную составляющую, поддерживаемую большинством граждан государства, что позволит усилить эффект достижения поставленных общезначимых целей строительства сильного государства, институционализировать национальную идею как инновационную при сохранении исторических ценностей нации. Концептуализация консолидирующего потенциала национальной идеи в официальном курсе обеспечения национальной безопасности России в настоящее время происходит в приоритетном военно-патриотическом направлении в ущерб инновационному.

Российская национальная идея, осознание необходимости которой два последних десятилетия декларируется в принимаемых стратегиях развития государства, сталкивается с глубокими социально-политическими противоречиями как внутреннего, так и внешнего характера. Формулировка национальной идеи — это миссия национальной элиты, но причины неэффективности поиска национальной идеи лежат в нескольких плоскостях. В формулировании национальной идеи строительства российской нации на основе общественного договора до сих пор остается неопределенным содержание его концептуальных основ, а также механизмов и инструментов, которые должны быть использованы для формирования гражданско-политического единства россиян. Институционализация консолидирующей и мобилизующей национальной идеи как фокусной точки достижения цели — обеспечения национальной безопасности государства является важным вектором принятия общезначимых решений в политике развития российского государства.

Национальная идея должна соответствовать доминирующему культурному коду нации, ее потребностям, стремлениям и запросам. На формирование общественных установок современного общественного сознания оказывает огромное влияние производимый массовый информационный продукт. Транслируемый властью программный продукт при столкновении с оппозиционным контентом может стать областью общественного риска и показателем уровня обеспечения безопасности общества, если он не соответствует реальности повседневной жизни граждан.

Маятниковый характер ценности патриотизма российского общества как национальной идеи детерминирован индивидуалистическими ориентациями российской элиты, чей образ жизни является поведенческой моделью для остального общества, особенно для молодежи. Общественный запрос на идеи патриотизма в общественном сознании и в практической деятельности правящей элиты продолжает расти, что дает возможность применения ее в качестве духовной базы для консолидации общества, формирования актуальных в современной политической ситуации смысловых установок национальной идеи и как условия обеспечения национальной безопасности России. Современное российское общество характеризуется высоким уровнем межпоколенческого и межгруппового раскола, обусловленного растущей отчужденностью общества и властных структур, падением уровня политической и правовой культуры, что препятствует институционализации национальной идеи на основе ценностей патриотизма и гражданственности.

Обеспечение национальной безопасности российского государства, как полиморфного в этническом и конфессиональном отношении общества, стратегически обусловлено принципами взаимного межнационального доверия и согласия. Национальная идея как общественный межкультурный договор в России построена на непринятии ее народами деструктивного воздействия межэтнического противостояния на социополитическую систему государства. Межнациональная диалогическая коммуникация между носителями разных национальных культур России находится в состоянии перманентного равновесия, отражающего процессы успешности демократического развития страны, ее политико-правовой и экономической систем, уровня этнокультурной компетенции национальных элит, осознания ими стремления своих народов к межнациональному миру и согласию.

Консолидирующий и мобилизационный потенциал национальной идеи, основанный на мировоззренческом многообразии общественных запросов в их конструктивной интенции, включает волю государства и общества как равноправных субъектов, вырабатывает стратегию и тактику общественного согласия, механизмы их реализации, является необходимым условием обеспечения национальной безопасности российского государства. Данные базисные принципы национальной идеи солидаризации общества могут работать в условиях, если общество будет союзником и партнером государственной власти, при совпадении их политических целей, таких, как борьба с высоким уровнем коррупции в стране, повышение уровня жизни населения, межнациональный, межпоколенческий мир и других.

*Кузнецов Д.В.
(Благовещенск, БГПУ)*

ПОЛИТИКА ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ, ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ: ИЗ СОВМЕСТНОГО ОПЫТА РФ И КНР

В последние годы в Российской Федерации и Китайской Народной Республике можно наблюдать существенную активизацию политики, которая направлена на сохранение исторической памяти, защиту исторической правды и противодействие фальсификации истории.

Ключевыми точками исторической памяти здесь являются Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (для РФ) и Война сопротивления китайского народа японским захватчикам 1937–1945 гг. (для КНР), которые вкладываются в рамках Второй мировой войны 1939–1945 гг. в целом.

Отношение к этим событиям на Западе далеко не всегда остается объективным.

Одна из важнейших задач, стоящих в условиях XXI в. перед РФ и КНР, — это «совместная защита итогов Второй мировой войны и послевоенного международного порядка».

Особую важность приобретает официальная позиция, которую занимают Российская Федерация и Китайская Народная Республика, страны, сильнее всего пострадавшие в результате Второй мировой войны и внесшие решающий вклад в победу над фашизмом. Россия и Китай последовательно выступают против любых попыток фальсификации истории и реабилитации нацизма. Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин осуществляют курс именно в этом направлении.

Важнейшее значение имеет нормативно-правовая база и, в частности, документы, регулирующие вопросы в сфере исторической памяти. В них сформулированы цели и задачи, обозначены ориентиры, определены ключевые направления деятельности в русле политики по защите исторической правды, сохранению исторической памяти и противодействию фальсификации истории.

Важнейший элемент с точки зрения сохранения исторической памяти и ее приумножения — это мемориализация, т.е. целенаправленная деятельность по сохранению, закреплению и передаче следующим поколениям памяти о том или ином событии или деятеле. Формы мемориализации разно-

образны. Наиболее распространенными является создание мемориалов и музеев, призванных увековечить историческое наследие.

Важность с точки зрения сохранения исторической памяти и ее приумножения в современном Китае также имеют и другие направления, например, установление памятных дат: 3 сентября — День победы в войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и 13 декабря — День памяти жертв Нанкинской резни, День памяти событий 18 сентября.

Трагический оттенок носит День Скорби и Памяти, который приходится на 13 декабря — день, когда в 1937 г. началась Нанкинская резня, пожалуй, самое чудовищное преступление милитаристской Японии в Китае.

Важное значение имеет День памяти мучеников, отмечающийся 30 сентября.

В связи с наличием в КНР большого числа мемориальных и музейных комплексов, тематика которых непосредственным образом связана со становлением и развитием Нового Китая, следует упомянуть о таком, получившем широкое распространение в современном Китае явлении, как «красный туризм».

Кроме того, культура, литература и искусство, их возможности широко используются в рамках осуществления политики памяти (исторической политики).

В рамках издательского дела, как отрасли производства, связанной с подготовкой, выпуском и распространением книг, журналов, газет, изобразительных материалов и других видов печатной продукции, было издано большое количество литературы — художественных произведений, в том числе ориентированных на подрастающее поколение, иногда — в оригинальной форме комиксов, посвященных истории Нового Китая.

Соответственно в сфере изобразительного искусства можно встретить огромное количество художественных произведений различных видов и жанров (живопись, графика, скульптура и, даже, декоративно-прикладное искусство), сюжет которых связан с историей Нового Китая.

Аналогичные процессы наблюдались и в других видах искусства — музыке, танце, балете, театре. Более того, в КНР в годы культурной революции даже сложился особый тип революционного по своему духу сценического искусства — «образцовые революционные спектакли».

Важная сфера — это кинематограф.

Широко используются возможности телевидения.

Использовались самые различные средства, наиболее распространенным из которых в течение длительного времени являлась наглядная агитация и, в частности, многочисленные, появлявшиеся на разную тематику, пропагандистские и агитационные плакаты. Они выступали как разновидность визуальной пропаганды, т.е. пропаганды, которая посредством внешне ярких, эмоционально окрашенных художественных образов была ориентирована на зрительное восприятие объектами, на которые была направлена пропаганда или агитация.

Увековечивание памяти героев и мучеников, вошедших в национальный пантеон героев Нового Китая, осуществляется и через систему образования в КНР (дошкольное, начальное, среднее, а также высшее), в том числе в рамках патриотического воспитания.

Важную роль играет также топонимика. Наличие большого количества географических объектов (населенные пункты, улицы, проспекты, площади, парки, а также предприятия, организации, учебные заведения и т.д. и т.п.), названных в честь героев и мучеников, вошедших в национальный пантеон героев Нового Китая, способствует своеобразному «проникновению» в сознание людей идеологии.

Наконец, широко используются возможности средств массовой информации (СМИ) — периодической печати, телевидения и радиовещания, а также глобальной сети Интернет.

Нередкими в последние годы становятся совместные российско-китайские проекты, посвященные теме Второй мировой войны.

Один из примеров таких проектов — это выставочная деятельность, в рамках которой на базе российских и китайских центральных региональных музеев проводятся выставки, в том числе совместные.

Еще один пример — международные научные и научно-практические конференции, с участием российских и китайских ученых.

В рамках издательской деятельности выпущено немало изданий, в которых освещается участие СССР и Китая во Второй мировой войне.

Имеются примеры сборников, подготовленных при участии представителей РФ и КНР, в том числе выпущенных на региональном уровне.

В последнее время проекты реализованы и реализуются на региональном уровне с участием представителей РФ и КНР. В качестве примера хотелось бы обратить внимание на опыт сотрудничества между Амурской областью (РФ) и провинцией Хэйлунцзян (КНР).

Большую роль в установлении сотрудничества с китайскими коллегами сыграл Сергей Михайлович Орлов (1955–2017), заместитель секретаря Общественной палаты Амурской области, руководитель общественно-государственного проекта «Историческая память в Приамурье».

В настоящее время осуществляется масштабная работа в рамках сотрудничества с участием представителей Благовещенского государственного педагогического университета.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

Конструирование национальной идентичности преследует цель сформировать у граждан чувство сопричастности к нации и государству как политическому институту, претендующему на выражение национальных интересов. Соответственно, именно государство является основным актором политики идентичности как составной части комплексного процесса нациестроительства. Политическая элита, используя свои ресурсы, транслирует индивидам определенный набор установок, ценностных ориентаций и стереотипов, необходимый для формирования у них чувства сопричастности с национальным государством как политическим сообществом.

Однако акторы политики идентичности ограничены изначальными характеристиками сообщества, такими как история, культура и язык. Эти переменные необходимо учитывать при конструировании национальной идентичности, которая должна находить отклик среди представителей сообщества. Ориентация на «базовые» характеристики сообщества при формировании политики идентичности приобретает особое значение в условиях культурной, языковой, религиозной неоднородности населения. Наглядным примером здесь выступает Швейцария, разделенная по принципу религии на католиков и протестантов и включающая в себя четыре языковые группы.

Основой национальной идентичности может стать общность происхождения, традиций, языка, религии. Но в случае гетерогенности швейцарского общества его мифосимволический комплекс, лежащий в основе национальной идентичности, включает в себя традиции и символы, с которыми могут себя ассоциировать все швейцарцы, независимо от их культурно-языковой или религиозной принадлежности.

Можно выделить три наиболее важных элемента швейцарского мифосимволического комплекса, определяющих национальную идентичность швейцарцев. Во-первых, миф об основании Швейцарской Конфедерации в 1291 г., когда представители трех альпийских коммун заключили союз для обороны от внешнего нападения. Это событие ежегодно отмечается по всей Швейцарии, имеет статус праздника федерального уровня и сопровождается украшением зданий, улиц и площадей национальными флагами.

Вторым элементом швейцарского национального мифа следует считать персонажа фольклора Вильгельма Телля. Образ легендарного героя из простого народа, сразившего иноземного тирана, выполняет функцию трансляции конкретных национальных ценностей, среди которых четко прослеживается идея народного суверенитета. В свою очередь повсеместное изображение таких символических фигур швейцарского фольклора на почтовых марках, настенных плакатах, вывесках в барах и гостиницах способствует поддержанию чувства причастности граждан к общей швейцарской культуре и ее ценностям, транслируемым через символы и мифы.

География Швейцарии также интерпретируется как элемент национальности. Альпийские горы играют роль области для проецирования мифов, воспоминаний и добродетелей. Обособленность Альп подчеркивает самобытность швейцарцев, что служит укреплению чувства национальной идентичности.

Национальная идентичность швейцарцев также отражена и в политических институтах страны. Культурно-языковое многообразие, также ставшее отличительной чертой швейцарской нации, выражено в федеративном устройстве государства и его языковой политике. Четыре языка Швейцарии (немецкий, французский, итальянский, ретороманский) по Конституции имеют равный статус. При этом каждый субъект федерации самостоятельно определяет один из четырех языков в качестве официального на своей территории. В свою очередь Швейцарская традиция прямой демократии, уходящая корнями в Средние века, находит свое отражение в регулярных референдумах, которые проводятся несколько раз в год по всей стране. Таким образом, швейцарские политические институты, как и национальные традиции и символы, выполняют функцию поддержания национальной идентичности путем проведения на регулярной основе практик, транслирующих конкретные национальные ценности.

Пример Швейцарии показывает, что в условиях многосоставного общества национальную идентичность следует выстраивать вокруг символов и ценностей, разделяемых всеми участниками сообщества, независимо от их этнической, языковой или религиозной принадлежности. Швейцарская нация построена на приверженности общим политическим ценностям, таким как федерализм, прямая демократия и нейтралитет. Отсутствие культурной и языковой гомогенности при этом преподносится не как недостаток, но как основа национального сообщества, его отличительная черта. Поэтому результатом швейцарского нациестроительства стало создание «нации доброй воли» (*Willensnation*), объ-

единенной не общностью происхождения, но стремлением народа к обретению суверенитета и права на самоуправление. Хотя Швейцария в этом отношении является уникальным кейсом, отдельные инструменты и практики, использованные для конструирования и поддержания швейцарской национальной идентичности, могут быть использованы в иных многосоставных обществах при учёте их характерных особенностей.

Кузнецов Д.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БРИКС КАК МОДЕЛЬ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

БРИКС следует рассматривать как манифестацию сетевого характера мирополитического взаимодействия. Речь не только о равноправном межгосударственном сотрудничестве, но и о многоуровневом взаимодействии с участием бизнеса, академического сообщества, молодежных и спортивных ассоциаций, муниципалитетов и т.д.

Не являясь примером классической межгосударственной интеграции, в ходе своей эволюции БРИКС вписался в логику неофункционалистской теории интеграции. Если первый саммит был сфокусирован на экономической проблематике, в дальнейшем взаимодействие перекинулось на координацию позиций по ключевым вызовам современной мировой политики (терроризм, вмешательство, киберугрозы и пр.), сфер бизнеса, культуры, спорта и т.д. При этом эволюция БРИКС сопровождалась слабой институционализацией: прорывным в этом смысле стало лишь решение о создании Нового банка развития. Таким образом, можно заключить, что логика кооперации в БРИКС слабо соответствовала модели «перетекания» (*spillover*), а в большей степени соответствовала модели «разлива» (*spill-around*) — расширения сфер сотрудничества без соответствующей институционализации системы принятия решения.

Сетевой характер глобального управления рассматривается многими авторами в качестве наиболее оптимального для взаимодействия акторов различного типа и уровня в современной мировой политике. Сетевое взаимодействие в формате БРИКС характеризуется следующим образом.

Во-первых, БРИКС остается преимущественно неформальным объединением (параорганизацией, международным клубом, трансрегиональной ассоциацией и т.д.). Как показало взаимодействие внутри БРИКС, это помогало избежать многих ограничителей, порождаемых формальными структурами международных организаций, более гибко адаптировать повестку дня и механизмы кооперации в зависимости от изменяющейся международной конъюнктуры и обнаружения «красных линий» в дву- и многосторонних отношениях, формируя культуру консенсуса по важным вопросам мировой политики и экономики.

Во-вторых, важной особенностью БРИКС — в сравнении с форматом G8 — является плюралистический характер этой сети. БРИКС с самого начала мыслился как трансрегиональный формат, объединяющий разные культуры, религии, цивилизации, политические и социально-экономические модели под эгидой общих взглядов на будущее мироустройство и поиск прагматических инструментов сотрудничества.

В-третьих, это открытость сети. Пережив первую волну расширения в 2010 г., вторую в 2023/2024 гг., ожидая третью и, вероятно, дальнейшие волны расширения, а также реализуя механизм БРИКС+, объединение демонстрирует инклюзивность подхода к современному глобальному управлению. В какой-то степени можно говорить и о том, что БРИКС удалось сформировать и поддержать собственный мягкосиловой потенциал.

Преимущественно в западной литературе БРИКС многие годы рассматривался то как антизападный проект, то как объединение государств-ревизионистов. Однако такой взгляд на БРИКС следует предать критическому осмыслению. БРИКС носит, вероятно, не антизападный, что означало бы другое самопозиционирование и существенно ограничивало бы возможности присоединения к формату новых участников, а незападный. Это выражается в мягкой оппозиции западоцентричному подходу, отраженному в стремлении обновить путем постепенного реформирования глобальные институты (МВФ, ВТО, ВБ, ООН, G20 и др.), широко критикуемые за утрату представительности, западоцентризм и т.п.

БРИКС как пример развития феномена трансрегионализма позволяет странам-участницам реализовывать сразу несколько задач: обеспечивать глобальное присутствие и глобальные амбиции, преодолевать региональные ограничители роста и влияния, прагматично развивать сотрудничество в выгодных областях, избегая острых двусторонних противоречий, участвовать в глобальном управлении в приемлемом для себя формате.

Вместе с тем, перед БРИКС стоит целый ряд вызовов, от решения которых зависит эффективность многостороннего сетевого взаимодействия в дальнейшем. С одной стороны, открытость сети

приводит к расширению числа участников, с другой — увеличение числа сторон может потенциально порождать линии разлома (блокирования государств по интересам или «против» других участников или вопросов). Увеличение числа участников после расширения 2023/2024 гг. неминуемо принесет в повестку БРИКС новые темы и вопросы, что может потребовать адекватного ответа в проблеме институционализации, поиске консенсуса по глобальным и трансрегиональным вопросам.

Кузнецов И.И.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН)

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ*

В современной России массовая культура является той сферой, которая имеет способность к всепроникающему присутствию и воздействию на жизнь человека. Действительно, крайне сложно в нынешней ситуации найти возможность оградить себя от навязчивой рекламы, использующей самые современные технологии работы с сознанием и подсознанием человека, от разнообразных информационных продуктов, способных онлайн и офф-лайн достигать нашего внимания практически повсеместно. И если человек зрелый, умеющий распределять собственное время и управлять своим вниманием, от этого хоть как то защищен, то молодые люди зачастую беззащитны от такого внешнего давления. Более того, именно молодежи приходится на себе оценивать весь арсенал приемов информационно-психологических манипуляций, которыми насыщено социальное пространство в условиях ведущейся против российского общества гибридной войны и продвижения так называемой «культуры отмены», связанной с отказом или ограничением всего связанного с Россией.

Процесс политической социализации российской молодежи во многом связан с освоением ценностей, моделей поведения, установок российского общества через получение опыта в семье, школьном коллективе, приобщении к религиозным и культурным традициям и т.д. Данный процесс, будучи по времени весьма продолжительным (от рождения ребенка до обретения им статуса гражданина с активным избирательным правом, способного на принятие ответственных решений — от заключения брака и службы в вооруженных силах до получения и использования кредитных средств и др.), в значительной степени всегда зависел от деятельности «жестких» социальных институтов. Наиболее влиятельными можно считать следующие — семья, религиозная община (приход), школа, армия. Их возможности по формированию личности в значительной степени связаны с трансляцией традиций, общеобязательных правил, норм социального поведения, основанных на социокультурном опыте предшествующих поколений, а также на отработанных методиках их передачи (семейный этикет, нормы общежития, церковная традиция, школьная дисциплина, дидактика преподавания, воинский устав и т.д.).

В первой четверти XXI столетия наряду с указанными институтами на формирование личности, политическую социализацию молодых решающее влияние оказывает медиасреда. При этом все большее воздействие приобретают подвижные практики медиапотребления: просмотр фильмов или анимационных роликов, наблюдение за активностью в сети различных лидеров мнения и «инфлюэнсеров», способных увлекательно и доступно общаться со своей аудиторией, появление разнообразных групп по интересам и виртуальных сообществ, где контактируют сотни и тысячи разделяющих соответствующие мировоззренческие установки или эстетические предпочтения. С учетом того, что появление персонального гаджета у ребенка или подростка в качестве «окна в мир» происходит все в более раннем возрасте (зафиксировано активное использование онлайн-коммуникации даже теми, кто еще не научился уверенно читать и писать), нетрудно представить, какое значение приобретает такой опыт. Многие из представленных в таком общении образы являются опасными, способными деструктивно повлиять на сознание человека, разрушить усилия других институтов социализации.

Изучение российской массовой культуры в этой связи представляется крайне актуальной задачей, имеющей теоретическое и практическое значение. Важно понять не только по каким каналам и как именно идет формирование представлений об обществе, нормах, ценностях и социальных идеалах. Необходимо выяснить, насколько масштабным может быть расхождение тех образов, которые транслируются в артефактах массовой культуры с декларируемыми задачами по воспитанию молодых людей, формированию у них целостной картины мира, готовности к служению Родине и т.д.

* Проект «Роль массовой культуры в формировании представлений о Будущем России молодежной аудитории: образы, идеи, установки» FFFM-2024-0051 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Здесь возникает немало острых вопросов. Многие из них связаны с тем, что в постсоветский период развития нашего общества сформировалась устойчивая идеологическая двойственность всей культурной политики российского государства. Это означает, что она по своей идейной основе и практическому воплощению одновременно и консервативно-патриотическая, и либерально-космополитическая. Это хорошо заметно хотя бы по тем основным направлениям, которые касаются напрямую сферы образования: главным смыслом государственной образовательной политики объявляется не политический, экономический либо какой-то другой интерес государства, а исключительно «саморазвитие личности». Причем личности, нацеленной на самореализацию там, где выгодно ей, а не полезно российскому государству и обществу. Таким образом, указанная двойственность ведет к тому, что мотив личного интереса в ней становится доминирующим, а государственный интерес и суверенитет выступает вторичным. Более того, критерием развития личности в такой системе выступает ее персональный успех, то есть способность достигать благополучия, самореализации, признания вне зависимости от того, что в данный момент требуется государству и обществу.

Век толпы и масс, с одной стороны, объединил все социальные классы и страты, а с другой — создал эффект эхо-камер и информационных капсул, которые продвигают идейно-ценностные конструкции, близкие небольшому количеству человек. Для таких политических квази-движений массовая культура является основным источником идей и смыслов, однако, как и в индустриальном обществе XX века, у данных социальных групп есть свои лидеры общественного мнения: писатели, режиссеры, музыканты, разработчики, сценаристы и т.д. Именно эти представители культурной индустрии формируют привлекательные образы, моделируют альтернативные или желательные сценарии развития. Современные исследования, посвященные созданию нового социотехнологического режима существования (Ш. Зубофф, М. Мангер, А. Перзановски, Д. Шульц и др.), показывают, что новые технологии заметно влияют на общественные представления о привычных вещах социальной и политической повседневности. Образ технологического Будущего заметно связан с теми сюжетами, которые предлагаются в массовой культуре: они становятся своеобразным фильтром, через который происходит оценка предлагаемых и продвигаемых сценариев прогресса.

Кузнецова В.А.
(Москва, ИЛА РАН)

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРАКТИКИ КОММЕМОРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БРАЗИЛИИ

На сегодняшний день в бразильском социуме можно наблюдать противостояние двух полярных проектов национальной идентичности, в основе которых лежит расовый дискурс.

Концепция расовой демократии, сформулированная антропологом Жилберту Фрейри, «стояла на вооружении» бразильских интеллектуальных и властных элит в течение нескольких десятилетий. С начала 1980-х гг. ряд факторов — падение военной диктатуры, влияние извне, расширение круга акторов, участвующих в построении нарратива национальной идентичности, — запустил процесс кристаллизации нового проекта «бразилиадади», ядром которого стал африканский компонент бразильского расового и этнического плавильного котла, состоящий из потомков бывших рабов.

В качестве одного из индикаторов этого противостояния выступают практики коммеморации, представляющие собой эффективный инструмент политики идентичности, способный менять представления о значимых событиях общего прошлого, в котором, по мысли российского исследователя Лорины Репиной, «прежде всего раскрывается смысл исторического существования, воплощается система ценностей».

Идеологический конфликт «расовая демократия vs афробразилиадади» ярко раскрывается в противопоставлении двух дат — 13 мая 1888 г. и 20 ноября 1695 г., — связанных с интерпретацией отмены рабства, ставшего одним из главных факторов, повлиявших на формирование бразильской нации.

13 мая 1888 г. — день, когда принцессой Изабел, выполнявшей обязанности регента ввиду отсутствия в стране императора Педру II, был подписан так называемый «Золотой закон», означавший полную отмену рабства на территории Бразилии. Дата стала «рамкой памяти», о которой писал Морис Хальбвакс, включившей в себя повествование об упорной борьбе бразильских аболиционистов, о красивом прощальном жесте уходившей в историю бразильской монархии, о надеждах на национальное примирение и единство. За «рамками» осталось будущее освобождённых рабов, оказавшихся на самом дне бразильской социальной пирамиды, которая в практически неизменном виде продолжает существовать по сей день.

Альтернативной «рамкой памяти» стал день смерти Зумби ди Палмарис, лидера самого крупного и устойчивого киломбу в истории Бразилии. Ее смысловое ядро — это сопротивление, борьба и конфликт. Проследив эволюцию практик коммеморации 20 ноября — от первого собрания

группы университетских преподавателей из штата Риу-Гранди-ду-Сул в 1971 г. до государственного праздника, учрежденного законом № 14.759/2023 от 29 ноября 2023 г., (<https://www.camara.leg.br/noticias/1021153-camara-aprova-feriado-nacional-em-20-de-novembro-dia-de-zumbi-e-da-consciencia-negra/>), мы можем в реальном времени наблюдать зарождение и развитие «изобретенной традиции», целью которой, согласно концепции Эрика Хобсбаума, «является внедрение определенных ценностей и норм поведения».

За двумя календарными датами стоят два взаимоисключающих проекта национальной идентичности. Первый предлагает бразильцам забыть о травме рабства, второй отвергает «терапевтическое забвение» и настаивает на смене исторического протагониста, которым вместо белой принцессы должны стать черные рабы, не получившие свободу как милость, но завоевавшие ее в жестокой и непримиримой борьбе.

Идеологическое противостояние выходит за пределы академических и властных кругов, вовлекая в полемику социум в целом. Конфликты разворачиваются вокруг законодательных инициатив, таких как расовые квоты в университетах или закон «Африка» № 10.639/03, предписывающий обязательное преподавание африканской и афро-бразильской истории и культуры во всех государственных и частных школах страны. В политических реалиях современной Бразилии противоборствующие нарративы маркированы как левый (мультикультурный) и правый (евроцентристский). Максимальным выражением этого ценностного раскола становятся итоги двух последних электоральных циклов, разделивших Бразилию практически на две части (55,13/44,87 в 2018 г. и 50,90/49,10 в 2022 г.).

Кузнецова Е.В.
(Донецк, ФГБОУ ВО «ДонГУ»)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ МОЛОДЕЖНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Общественная дипломатия призвана сделать понятной внешнеполитическую деятельность государства как для своих граждан, так населения других стран. С этой целью подключаются общественные организации и движения всех направлений деятельности, негосударственные акторы и отдельные лица. В Концепции внешней политики РФ указывается, что с целью повышения взаимопонимания между государствами наша страна намерена уделять приоритетное внимание развитию механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества, включая молодежь.

Вызовом и угрозой духовно-нравственных ориентиров становится разрушительное воздействие на многие традиционные морально-культурные ценности и нормы. Важную роль в распространении знаний о традиционных российских духовно-нравственных ценностях, культуре и исторической памяти могут сыграть взаимоотношения в рамках общественной дипломатии.

Развивать общественную дипломатию необходимо, прежде всего, на постсоветском пространстве, где позиции Российской Федерации слабеют и активно проникают третьи страны, несмотря на общую историю и сложившиеся экономические и культурно-образовательные связи. И действия некоторых стран, к сожалению, направлены на разрушение взаимоотношений России со странами Содружества Независимых Государств (СНГ). Формирование единого гуманитарного пространства РФ с государствами-участниками Содружества, укрепление позиций русского языка, сохранение исторической правды и памяти о роли России в мировой истории позволит сохранить духовно-цивилизационные связи между народами этих стран. Культурно-образовательные и социально-гуманитарные связи среди населения в постсоветских странах держатся на традициях совместного существования и взаимодействия, но молодое поколение отдаляется от них, и необходимо, не упуская и привлекая их к такому сотрудничеству, уделять должное внимание на уровне инициатив и проектов именно для молодых людей. Для этого существует достаточное количество различных организаций, например, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, Федеральное агентство по делам молодежи, школы и академии молодежной дипломатии. Международное сотрудничество необходимо и самой молодежи для ее самореализации в разных областях интересов. Международное молодежное сотрудничество может быть расширено за счет БРИКС, ШОС.

Необходимо подключать интерактивный цифровой контент для современного динамичного поколения молодых людей. Это создание совместных между разными странами медиаплатформ, циклов патриотических видеороликов о героях прошлого и настоящего, творческих лабораторий, мастер-классов и других мультимодальных проектов по продвижению традиционных духовно-нравственных ценностей. Необходимо направить усилия на то, чтобы во всем мире Россия ассоциировалась с сохранением и укреплением традиционных ценностей. Несмотря на ситуацию безнравственной вседозво-

ленности в западных странах, в Европе остаются люди, поддерживающие и стремящиеся к их соблюдению. Поэтому представляются своевременными Указы Президента РФ о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей и об оказании гуманитарной поддержки разделяющим их людям. И основное внимание при этом надо уделять молодежи.

Для общественной дипломатии значима роль межкультурных связей между театрами, библиотеками и т.д. Реализация совместных проектов в сфере культуры способствует расширению коммуникации и налаживанию связей как между населением, так и организациями. Важным представляется налаживание взаимоотношений между образовательными организациями.

Использование общественной дипломатии способно передавать привлекательные ценности российского государства. Необходимо дальнейшее осуществление непосредственных связей с гражданским обществом других стран посредством общественной дипломатии, прежде всего, в рамках международного молодежного сотрудничества, с целью углубления взаимопонимания между народами. Налаживание взаимопонимания и устранение недоверия эффективно на межличностном уровне молодежи, таким образом преодолевая информационную блокаду и сглаживая искажение восприятия, особенно в условиях ухудшения отношений между странами.

Осуществляемое манипулирование сознанием как отдельных социальных групп, так и целых народов ведет к деградации культуры диалога в международной сфере, что снижает роль дипломатии как эффективного средства превентивного мирного урегулирования возникающих конфликтов и споров. Это также ведет к дефициту доверия между людьми. Целью должно стать искоренение заполитизированности выстраивания межгосударственных отношений официальными властями некоторых стран, а также изменение политики двойных стандартов в международном сотрудничестве, в чем может помочь общественная дипломатия и привлечение общественных организаций и движения, коллективов из сферы культуры и образования.

Кузьменко Н.П.
(Краснодар, КубГУ)

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ГРАЖДАН РФ: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ*

В контексте расширения политического пространства РФ, а также качественной трансформации политических ценностей, поведенческих стратегий и политического сознания российского общества на фоне протекающего процесса ресоциализации новых граждан имеет особое значение формирование и укрепление гражданской идентичности.

Усилия государства в системе формирования гражданской идентичности ярко прослеживаются в нормотворческом процессе и реализации программ, направленных на укрепление консолидирующего потенциала и поиск интеграционных ресурсов. В данной связи молодежь является социальной группой, на которую активно направляются меры по воспитанию патриотизма и гражданственности, развитию нравственных ценностей и политических представлений, что происходит посредством практического погружения в рамках системы образования и молодежной политики. Научная значимость данной проблемы заключается в определении ключевых институтов и практик, способствующих укреплению гражданской идентичности в новых субъектах РФ, что повысит динамику социокультурной интеграции граждан и их адаптации к новым социально-политическим и ценностно-идеологическим реалиям.

В ходе реализации государственного задания, направленного на выявление содержания, практик, рисков и противоречий в процессе конструирования гражданской идентичности в новых субъектах РФ (ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, Республики Крым и г. Севастополя), в 2024 году проводится серия экспертных интервью с представителями институциональных структур, включенных в процесс формирования политической ресоциализации граждан (органы власти и местного самоуправления, представители образовательного и научного сообщества); на момент написания публикации опрошено 19 экспертов.

Промежуточные итоги. Выявлены и упорядочены ключевые институты, формирующие гражданскую идентичность: деятельность молодежных движений («Молодая Гвардия и Молодая Республика, Юнармия, Народная Дружина, Движение Первых» (эксперт, ДНР) и спортивных сообществ («активно работают спортивные общества» (эксперт, Запорожье), «Молодежный парламент, Лидеры

* Исследование выполнено в рамках государственного задания FZEN-2024-0013 «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук).

России» (эксперт, ЛНР). Отмечается роль официальных федеральных и региональных СМИ в создании открытой информационной повестки («Оплот ТВ», «Первый Республиканский», «ВГТРК» (эксперт, ДНР), «СМИ у нас заменили телеграмм-каналы и военкоры» (эксперт, ДНР). Важную функцию в создании социально-экономических условий для успешной ресоциализации выполняет институт городов-шефов («В ДНР закреплены регионы-шефы...помощь с экономической стороны и консультационная» (эксперт, ДНР); в системе формирования идентичности отмечается роль органов власти, при этом ассоциация имеет персонифицированный характер («Самое главное — это Владимир Владимирович Путин, и когда он создает свою команду» (эксперт, Крым), «власть в нашем регионе задавлена бытовыми и военными вопросами...в эту сторону серьезно не работают» (эксперт, ДНР), — подчеркиваются сложности в реализации задач по формированию идентичности на региональном уровне.

К доминирующим практикам формирования гражданской идентичности эксперты отнесли: проведение историко-патриотических мероприятий («проведение викторин, военно-полевые сборы, юные дружинники, форумы, забеги» (эксперт, ДНР); общественная активность, связанная с добровольческой деятельностью (Акции «Чистый двор — чистая совесть», «Чистые пруды» (эксперт, Запорожье), «Ярмарки устраивали, собирали посылку бойцам» (эксперт, Крым), «много ребят стали донорами для участников СВО» (эксперт, ЛНР); реализация грантовых проектов («Социальные гранты, проектирование» (эксперт, ЛНР); отражение информационных атак («В Юнармии мы участвовали в передаче «Антифейк» (эксперт, ДНР); формы политического участия («всегда принимаем участие в выборах Президента» (эксперт, Крым); образовательные практики («в школе поднимают тему блокады Ленинграда, Специальной Военной Операции» (эксперт, Крым), «преподавание истории, русского языка, русской литературы» (эксперт, ДНР); самостоятельные практики («Новости смотрю, слежу за политическими взглядами детей, обсуждаем события, фильмы военные смотрим» (эксперт, Крым).

Анализ выявленных институтов и практик в системе формирования гражданской идентичности позволит оценить траектории социокультурной интеграции в новых субъектах и сформулировать практические рекомендации по совершенствованию механизмов ресоциализации.

*Кузьмин И.С.
(Челябинск, ЧелГУ)*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ В СССР И США: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ*

Модель политического образования, просвещения в СССР.

Политическое образование в СССР было многогранным явлением, охватывающим все слои населения и все возрастные группы. Оно начиналось с раннего детства в детских садах и продолжалось на протяжении всей жизни советского гражданина и было направлено на формирование «нового человека» — сознательного строителя коммунизма. Советская модель ставила перед собой задачу воспитания лояльных граждан, преданных идеалам марксизма-ленинизма и однопартийной системе. Во второй половине XX века в СССР была создана институционально развитая система распространения политических знаний, включающая широкую сеть партийно-государственных структур и общественных объединений. Основной целью этой системы было формирование коммунистического мировоззрения, основанного на марксистско-ленинском учении.

Рамки реализации политического образования в СССР включали в себя широкий спектр политико-просветительских институтов, в том числе образовательные учреждения (школы, ВУЗы), комсомольские организации, средства массовой информации и учреждения культуры. Эти институты работали в тесной координации, создавая всеобъемлющую и централизованную систему идеологического воспитания.

Уникальной особенностью советской системы политического образования были ее всеобъемлющий характер и тесная связь с повседневной жизнью граждан. Политинформации на предприятиях, агитационные плакаты на улицах, политические кружки в клубах и домах культуры — все это создавало атмосферу постоянного идеологического воздействия. Государство стремилось контролировать все каналы информации и формировать у граждан единообразное мировоззрение, основанное на принципах марксизма-ленинизма.

* Исследование выполнено в рамках проекта по государственному заданию № 10240301000 11-9-5.6.1 «Политическое образование и просвещение молодежи: история и современность» (шифр FZNF-2024-0013), реализуемому в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и АНО ЭИСИ.

Политическое просвещение в СССР представляло собой комплексную систему, в которой различные институты играли свои специфические роли. Центральная роль государства и КПСС в этом процессе обеспечивала согласованность и эффективность идеологического воздействия на население. Уникальные особенности советской системы политического образования, такие как централизованный контроль, интеграция идеологии в повседневную жизнь и активное использование культурных и общественных институтов, сделали ее одной из самых мощных систем идеологического воспитания в истории.

Модель политического образования, просвещения в США.

Политическое образование и просвещение играют центральную роль в формировании демократического общества, особенно в таком государстве, как США. Исторически сложилось так, что американское общество уделяло значительное внимание воспитанию граждан, способных осознанно участвовать в политической жизни страны, защищать свои права и активно участвовать в общественных процессах. Американская модель характеризуется децентрализацией, плюрализмом и акцентом на развитии критического мышления.

Политическое образование или же гражданское воспитание в США является не просто отдельно взятой школьной, университетской или иной образовательной программой, а целой системой, ставшей перед собой основной целью и идеей воспитание добропорядочного гражданина, поддержание демократии и правительства. В более чем половине всех американских школ и вузов представлены наполненные поликультурным содержанием интегрированные курсы по ряду предметов, нацеленные на воспитание активных граждан страны.

Сегодня гражданское воспитание в США является одним из ведущих направлений образовательной политики страны, которое закреплено законодательством в различных актах, проблемы гражданского воспитания молодежи обсуждаются ведущими образовательными организациями и центрами, финансируемыми как правительством, так и частными лицами (Семисотнова О. А. Гражданское воспитание в современной общеобразовательной школе США с позиций поликультурного подхода. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Волгоград, 2016. С. 200).

Политическое образование и просвещение в США представляют собой сложную и многослойную систему, направленную на формирование граждан, осознающих свои права и обязанности и готовых активно участвовать в политической жизни страны. Уникальной особенностью американской модели является ее децентрализованный и плюралистический характер. Декларируемое отсутствие единой государственной идеологии и жесткого контроля над содержанием образования и общественной дискуссии создает условия для формирования критического мышления, толерантности к инакомыслию, развития гражданской активности.

Кузьмина А.М.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ТРАНСМЕДИЙНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССАХ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В эпоху тотальной медиатизации социально-политических процессов и развития цифровых технологий происходят изменения в политических коммуникациях, реализующих эти процессы. Коммуникации акторов публичной сферы становятся трансмедийными. Это, безусловно, влияет на характер складывающихся социально-политических отношений акторов публичной сферы. Определение феномена трансмедийных коммуникаций помогает охарактеризовать сложные процессы медиакоммуникаций на разнообразных медиаплатформах с использованием современных цифровых технологий. Важно выявить технологический потенциал цифровых медиа для развития межмедийных медиакоммуникаций и трансмедийного повествования.

Для выявления роли трансмедийных коммуникаций в системе государственного управления мы опираемся на теоретико-методологические концепции технологического детерминизма, рассматривающие вопросы медиатизации общественных коммуникаций исходя из доминирующего положения в этом процессе современных цифровых медиатехнологий и информационно-коммуникационных средств и ресурсов. Технологический детерминизм или медиадетерминизм (по Г.М. Маклюэну) цифровых коммуникаций заключается в том, что технологическая трансформация медиасреды влияет и определяет коммуникационные процессы, происходящие в других средах (социокультурной, экономической, политической и т.д.).

Технологический медиаповорот, по мнению Г.М. Маклюэна, который считал, что «средство коммуникации — это сообщение», объективирует трансформирующую роль медиа и отличает ее от трансмиссивной, когда медиа только передают сообщение без возможности его осмысления аудиторией или саморефлексии. Медиа «расширяют» человеческий организм, представляя собой тех-

нологическую симуляцию сознания. Такую симуляцию, которая может быть включена в творческий процесс наряду с самим человеком. В трансмедийных коммуникациях субъектом коммуникации может быть сама аудитория, на которую изначально было направлено информационно-коммуникативное воздействие. Этот процесс называется «*Peer Production*». Такое соучастие в медиакommunikации или *UGC (user generated content)*-коммуникации в рамках трансмедиа объективируется благодаря технологическим возможностям медиаплатформ и сервисов для формирования и распространения контента многомерного повествования.

Медиатизированные цифровые коммуникации, формирующие и реализующие государственное управление, становятся частью цифровой медиасреды и подвержены ее свойствам и тенденциям развития. Среди тенденций эволюционного развития медиасреды исследователи выделяют следующие: цифровизацию, интерактивность, конвергенцию (Е.А. Баранова, А.В. Вырковский, Е.Л. Вартанова, С.А. Вартанов, М.Ю. Галкина, Дзялошинский, А.Г. Качкаева, А.В. Колесниченко, Г.С. Мельник, А.Ю. Образцова, В.С. Хелемендик и др.). Цифровизация и медиатизация публичной сферы подразумевает переход традиционных медиа в цифровой формат, создавая тем самым универсальную технологическую базу для производства и распространения различных видов медиаконтента в процессе цифровых политических медиакommunikаций.

Интерактивность медиасреды наделяет участников коммуникации рефлексивной возможностью соединительного действия, меняя в этом случае традиционную для масс-медиа форму вещания, однонаправленную модель коммуникации. Наконец, конвергенция медиасреды определяется новыми технологическими возможностями, связанными с возможностью «расширения» медиакommunikации за счет слияния и интеграции многоформатных информационных продуктов в мультимедийный формат. Таким образом, многие исследователи медиа определяют процесс конвергенции через процессы слияния медиа.

Куква Е.С.
(Майкоп, АГУ)

УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИТИВНОЙ МАКРОРЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРИМЕР СЕВЕРНОГО КАВКАЗА*

Следуя логике конструктивистского подхода к исследованию идентичности, процесса ее формирования и озадачиваясь поиском позитивных, а не негативных идентичностей, в докладе ставится вопрос о наличии запроса на формирование северокавказской макрорегиональной идентичности. Социологические исследования, направленные на изучение идентификационной матрицы жителей северокавказского региона, демонстрируют слабый статус, неактуализированное состояние северокавказской идентичности вот уже на протяжении более 20 лет.

Закономерным становится вопрос о целесообразности планомерного формирования этого уровня идентичности. Одним из доводов в пользу этого является констатация инструментальной ценности северокавказской идентичности как ресурса развития территории Северного Кавказа, как инструмента социально-политической консолидации разных общностей и, следовательно, важного ресурса для укрепления национальной идентичности.

При этом логика формирования данной идентичности идет не на противопоставлении данного макрорегиона иным пространственным сообществам, а на выделении той особенности, тех практик, символов, узловых точек, которые действительно несут объединительное начало. То есть речь идет о позитивной идентичности с северокавказским макрорегионом.

Существует несколько устойчивых в общественном сознании жителей Северного Кавказа позитивных мифологем. Например, представления о макрорегионе как об оплоте этнокультурного разнообразия, традиционности, колорита.

На аналитическом уровне принципиальным является также вопрос определения ключевых субъектов формирования данного вида идентичности. Таким субъектом может быть северокавказская элита, интересы которой лежат в плоскости поиска надрегиональной общности. И инструментализация указанной мифологемы элитами выражается в различных практиках, в первую очередь, культурных: фестивали, танцы, материальные и нематериальные историко-культурные символы.

В настоящее время для элит появляются новые возможности в этом направлении. Экономическая целесообразность: туристическая привлекательность северокавказских регионов может стать драйвером для позиционирования макрорегиона как целостности, стать источником развития территории

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2024-00049 «Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: практики формирования, потенциал развития, влияние на национальную консолидацию».

и формирования макрорегиональной идентичности. Мифологема «горности», горной территории имеет такой потенциал.

Важен взгляд и со стороны самих северокавказских регионов: какая стратегия определения себя как части макрорегиона приемлема и эффективна для конкретных регионов. Традиционные источники общности: этнокультурное родство, схожесть культур, наличие общих исторических и культурных черт, по нашему мнению, должны дополняться современными: вопросами позиционирования, имиджевой политикой и политикой брендинга, общими туристическими и инвестиционными площадками. И прагматический вопрос, будет ли эффективным такой ресурс усиления консолидации и ресурс развития, как макрорегиональная северокавказская идентичность, требует внимательного изучения.

Кулакова Н.Н.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСКОРПОРАЦИЙ

С 2014 года корпорации находятся под санкциями США в рамках секторальных санкций против оборонной промышленности Соединенных Штатов Америки, в 2022 году в связи с началом специальной военной операции на Украине и поддержкой западными странами украинской стороны конфликта «Ростех» также был внесен и в их санкционные списки. Это была попытка изолировать Россию и ее экономику.

Тем не менее объем экспорта не уменьшился, только сменил свою географию. Россия прекратила сотрудничество с государствами, которые нарушали международное право, занимаясь несанкционированным реэкспортом вооружения. Также было прекращено сотрудничество с теми, кто поддерживал односторонние санкции против России. Согласно заместителю генерального директора, новые страны начинают видеть отличную работу современных образцов российской продукции не только на бумаге, а в реальных условиях и отказываются от неконкурентных методов борьбы на рынке. Работа активно ведется со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, Латинской Америки и СНГ.

Портфель заказов составляет более чем 4 трлн. рублей, география постоянно расширяется. Наиболее приоритетными направлениями экспорта выступают противовоздушная оборона, военно-воздушная и бронетанковая техника, стрелковое оружие. В этой связи ведущим направлением на рынке является Ближний Восток. В данном регионе помимо военно-промышленных поставок также экспортируется и значительная часть гражданской продукции. Так в 2021 г. Холдинг «Вертолеты России» заключил соглашение с эмиратской компанией *AJ Holding LLC* о создании совместного предприятия *Alpha Aviation LLC* с целью продвижения российских гражданских вертолетов на рынке Ближнего Востока. Планируется поставить более 20 вертолетов различных моделей, включая «Ансат», Ми-171А2, Ка-32 и Ми-38.

Однако существует и ряд менее успешных проектов, одним из таких проектов стал *RITE* или же «РусАйТиЭкспорт». *RITE* занимался цифровизацией бизнес-сектора, развивал «Умный город» и «Цифровое правительство». Тем не менее в 2022 г. чистая прибыль компании упала до 600 тыс. руб., когда в 2020 г. с максимальной прибылью за почти 6 лет существования *RITE* не смог похвастаться внушительной прибылью, принеся корпорации 18 млн руб.

Помимо внешнего рынка санкции сказались и на внутреннем рынке сбыта. Появилась необходимость в создании ряда новых отечественных аналогов импортной продукции. На конференции ЦИПР-2023 «Ростех» представил ряд IT-решений по сферам: кибербезопасности, пожарной безопасности, телеком-оборудования и многого другого. Была представлена платформа, позволяющая обеспечивать контроль военных объектов и вооружения. Данная система была основана на базе *IloT.Istok*, представляющей собой взаимосвязанную систему, состоящую из чипов и средств удаленного мониторинга. Схожую систему со сбором данных и дальнейшей отправкой врачам создали и для людей больных сахарным диабетом. Еще одна система «Прометей» была создана для анализа готовности противопожарных систем, контроля и прогноза возгораний.

Отечественные самолеты «МС-21», которые должны будут пройти апробацию на принадлежащем «Ростеху» «Аэрофлоте», предполагаемо заменят привычные *Airbus* и *Boeing*. Планируется заменить импортные диоды и лавинные фотодиоды на отечественные производства холдинга «Росэлектроника». Оборудование радиолокации и машинного зрения скоро заменят российскими аналогами.

Санкции оказали значительное влияние на всю инфраструктуру страны в целом. Безусловно, до сих пор далеко не вся техника имеет отечественные аналоги. Однако санкции 2014 г. позволили промышленности подготовиться к удару 2022 г. Разработка собственных систем, постепенная смена вектора развития и расширение географии проектов позволили не довести ситуацию до точки невозврата, а перестроиться под современные реалии.

ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ СТАЛО НЕ НУЖНО В ШКОЛЕ И НЕОБХОДИМО В ЖИЗНИ: О БУДУЩЕМ

Давайте задумаемся о задачах образования в условиях информационного общества. Зачем мы учим и учимся? Нормативно для школы установлены как цель — развитие у школьников предметных действий, универсальных учебных действий (УУД) и метапредметных результатов. В вузе у студента формируются профессиональные компетенции, которые делят на три вида универсальные компетенции, общепрофессиональные компетенции и профессиональные компетенции. Широко используются понятия софт скиллс и хард скиллс. При этом все эти уже даже не новые термины строятся на традиционной системе знаний, умений, навыков, которые зачем-то переименовывают. Давайте, не играя понятиями порассуждаем в традиционной для нашей страны системе координат, какие знания, умения и навыки необходимы в современном мире. Каждый комплекс ЗУН будучи сформированным позволяет человеку самореализовываться и просто жить в определенных условиях. Важно понимать, что система образования призвана человека в процессе социализации адаптировать к тем жизненным условиям, в которых он будет находиться. Еще два понятия, которые нам необходимы, — мышление (способность размышлять) и интеллект, способность приспосабливаться, меняется под влиянием среды, условий жизни.

Для современной системы образования, вслед за менеджментом стало характерно постоянное изменение, реформирование. Менеджмент, понятно, почему так работает — стремительно меняется рынок. Но для системы образования важнейшей характеристикой является передача традиций и ограниченные изменения, позволяющие жить в современном и в будущем мире. Соответственно необходима стабильность, а не реформирование.

Важнейшая функция образования — социализация человека. Но социализация может проходить стихийно и организованно. Известна фраза «улица научит», наверное, самое важное в настоящее время должна давать все же система образования (о семье мы сейчас не говорим, это отдельная тема). К слову многие родители, в настоящее время используя свои ресурсы, организуют получение дополнительного образования.

И здесь вопрос: какие предметы в школе способствуют социализации будущего гражданина в каких условиях? Литература и история в мире прошлого, химия в мире молекул, биология в мире животных и растений, математика в мире цифр... можно продолжить. Во всех этих пространствах мы существуем, действительно. Самое важное в современности — современный человек и современное общество, научное понимание будущего в развитии человека и человечества. Какой из школьных предметов ориентирован на эти задачи? Какие дисциплины в вузе?

Задумаемся над этими вопросами и предположим, как будет развиваться наша страна, если в системе образования не будет предметов о современном, научном понимании общественных процессов, в том числе политических процессов, российского права, конституции РФ? Каким же должно быть преподавание обществознания:

Стихийная или организованная социализация?

Социализация в современной России или... в глобальном обществе (ценности Запада в Интернете).

Социализация как понимание прошлого, мира цифр, животных или...? Психология семьи или разговоры о семье?

Антропоцентризм или математикоцентризм, физикоцентризм, машиноцентризм, очень яркие мысли.

Предположим, что будущее поколение нашей страны, которое мы вырастим, будет знать о прошлом и об отдельных регионах, а не о современном мире, чего можно избежать при сохранении и расширении обществознания (к настоящему времени оно преподавалось в 6-9 классах по одному часу в неделю, в 10–11 по 2 часа в неделю).

Как эффективно преподавать обществознание, мы можем посмотреть и поиграть в различные модельные для современного общества ситуации (Эффективные методики обучения обществознанию URL. <https://sciencewin.ru/course/view.php?id=50>. (дата обращения 20.09.2024), Социально-психологический тренинг «Дипломатия от викингов до Российской империи» https://vk.com/wall-165632130_544 (дата обращения 20.09.2024).

Можно гордиться достижениями прошлого, историей, а нынешнее поколение может гордиться еще и великой современной Россией.

Современное обществознание готовит:

- ответственного гражданина, соответственно возрасту, школьники изучают законодательство, свои права и обязанности, к 14 годам, получению паспорта свои права и обязанности, юридическую ответственность;

- рационального потребителя, в том числе финансово грамотного;
- сознательного участника семейной жизни с традиционными ценностями;
- ответственного, понимающего разные формы идеологий гражданина, отстаивающего ценности патриотизма и гражданственности.

Многое можно и нужно добавить в курс обществознания по содержанию и объему, нельзя сокращать.

Необходимо сохранить, и в идеале расширить, созданную в последние 25 лет систему преподавания обществознания, включающую в себя научное понимание достижений современной России.

Давайте вместе подумаем, как развивать Россию как великую державу современности и будущего.

Курбанова Л.У.
(Грозный, ЧГУ)

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)*

Исследовательский интерес к феномену культурной памяти обусловлен системными проблемами современной культуры в целом. Вопросы ценностных стратегий общества тесно связаны с вопросами идентичности, они возникают как реакция на сложные социокультурные и геополитические процессы в мире. А это, в свою очередь, диктует новые траектории коммуникаций в обществе, повышающие или понижающие градус социального напряжения.

Культурная память как разновидность коллективной памяти является трехчастной структурой, состоящей из ядра, символа и функции (Shub, 2018). Замыкает структурное оформление — коммеморативная функция. Важно подчеркнуть, что коммеморация всегда целенаправленна, она всегда выполняет определенный социальный и/или властный заказ, она всегда несет некий функциональный заряд — интегративный, дифференциальный, реабилитационный и т. п.

Тенденция на отечественный метанарратив как на мобилизационный ресурс о прошлом страны уже получила свое реальное воплощение в институциональном поле научного и образовательного пространства. Введена в вузах страны дисциплина «Основы Российской государственности», в рамках которой пересматриваются многие факты и события истории страны в контексте нынешних геополитических процессов. Важная составляющая этого процесса — элемент «темпорального режима», возможность связать и объяснить настоящее из прошлого и спрогнозировать необходимые изменения в нашем отношении к будущему. Новые смыслы этих связей, обусловленные вызовами текущих процессов, формируют у молодого поколения и «заказанную» культурную память.

Знаково-символические параметры культурной памяти, наполняя ее новыми ценностями и смыслом, создают ощущение «разорванности времени». Осознание утраты связи времен, — источник колоссального психологического дискомфорта, который испытывает молодое поколение. Анализ передачи ценностного потенциала сквозь призму межпоколенной связи среди чеченской молодежи, региона, с доминированием традиционных ценностных устоев, поможет понять возможности и перспективы сохранения культурной памяти и идентичности в обозримом будущем.

В основу нашего исследования были положены несколько источников информации, такие как: 1) статистические и социально-демографические данные о населении Чеченской Республики, его динамики, возрастном составе и др.; 2) опрос среди студенческой молодежи; 3) серия глубинных интервью, 4) сведения из собранной в последние годы базы данных опросов и фокус-групп, частично опубликованных.

Особое место занимал онлайн-опрос среди студенческой молодежи Чеченского государственного университета, проведенный в феврале 2024 г в г. Грозном. В опросе приняли участие 92 респондента при равном соотношении девушек и юношей, средний возраст — 21 год. В анкете ставились вопросы об иерархической значимости тех ли иных ценностей традиционных культуры чеченского общества.

Опрос сопровождался глубинными интервью среди молодых людей (N = 21), средний возраст которых составлял 30 лет. Интервью охватило самые разные социальные слои: прораб на стройке, водитель такси, художник, музыкант, преподаватель английского языка, работник департамента и т.д. Вопросы для глубинного интервью включали два тематических раздела, связанных между собой смысловым контекстом одной темы: культурная память и национальная идентичность, а также культурная

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00698.

память и толерантность. К основным вопросам первого раздела относились такие вопросы: «Насколько вас интересует культурная память?», «О каких событиях из истории прошлого народа вы хотели бы знать подробнее?», «Как вы оцениваете эти события?» и др. К основным вопросам второго раздела относились: отношение к прошлому, проблемы искусственной селекции событий истории народа, вопросы покаяния и забвения, проблемы памяти и толерантности, примирения с исторической травмой в судьбе народа.

Результаты исследования показали, что на трансформацию культурной памяти в регионе влияют как структурные факторы, прежде всего, демографические, миграционная динамика, социально-экономических условия жизни населения и др., так и культурные и институциональные, определяющие ценностные установки различных слоев населения, преобладающие в обществе дискурсы, отношение к истории, политике и др. Ценностные ориентиры молодежи играют важную роль в формировании культурной памяти чеченского общества и выступают средством стабилизации и обновления общества. Ключевой характеристикой чеченского общества на вербальном уровне является уважительное отношение к старшим. При этом преэминентность ценностей находится под угрозой разрыва межпоколенческих связей и небывалой информационной агрессией. Остро стоят вопросы объективного отношения к истории, выработки позиции к модернизации общества.

Курбатов Д.М.
(МГИМО МИД России)

РЕАКЦИЯ НА ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИИ 2024 г. В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА*

Выборы Президента Российской Федерации 2024 г. получили достаточно широкое освещение в латиноамериканских СМИ и аналитических докладах. При этом тональность реакции латино-карибских стран на подготовку, проведение и итоги избирательного процесса в России была неоднородной и варьировалась от отчетливой позитивной оценки до умеренно критических и скептических комментариев.

Лидеры группы традиционно дружественных России государств региона (Куба, Венесуэла, Никарагуа, Боливия) стали одними из первых политиков, направивших переизбранному Президенту России В.В. Путину послания с поздравлениями и высоко оценивших организацию и проведение electoralной кампании в России. Кроме того, представители этих стран направляли независимых наблюдателей на президентские выборы в России.

Кроме того, лидеры перечисленных государств поддержали идею направления независимых наблюдателей на президентские выборы в России. Латиноамериканские наблюдатели высоко оценили организацию и проведение процесса голосования, а также оперативную реакцию на попытки вмешательства киберпреступников. Также официальные поздравления в адрес Президента России и высокие оценки проведения выборов распространялись по каналам посольств дружественных стран Латинской Америке в Москве, в том числе на русском языке.

Более сдержанная реакция на выборы Президента Российской Федерации наблюдалась в нейтральных государствах региона (Эквадоре, Перу, Колумбии, Парагвае, Гватемале и др.). Официальные лица этой группы стран не выступили с публичными заявлениями в поддержку избранного Президента и/или избирательного процесса в России, а в фокусе внимания политических экспертов и журналистов этих государств преимущественно находились такие сюжеты, как напряженная обстановка и острый внутри- и внешнеполитический контекст проведения голосования, общественно-политическая поляризация населения России в связи с выборами, а также дальнейшее ухудшение отношений России с Западом после победы на выборах В.В. Путина. Рассматривая другие обстоятельства, сопутствующие голосованию в России, на которые обратили внимание СМИ нейтральных государств Латинской Америки и Карибского бассейна, следует подчеркнуть обеспокоенность населения России ходом СВО и социально-экономической ситуацией в стране. Неоднозначно освещался и факт проведения голосования на новых территориях России.

При освещении выборов в России некоторые средние и маленькие страны ЛАКБ (Коста-Рика, Сент-Китс и Невис, Тринидад и Тобаго) тиражировали распространяемые в западных странах критические тезисы об отсутствии реальной политической оппозиции в России, нарушениях в ходе голосования, несоблюдении демократических принципов и прав человека, а также низкого уровня общественно-политической консолидации в стране.

* Исследование выполнено по гранту ИЭСИ в ИНИОН РАН номер 124101700551-1 «Президентские выборы 2024 г. в России: реакция в ближнем и дальнем зарубежье и стратегии дальнейшей легитимации электоральных результатов».

Высокопоставленные российские дипломаты, работающие в странах региона, отмечали деструктивную роль крупных западных медиа, навязавших свой нарратив менее влиятельным государствам (например, зависящей от американских инвестиций Коста-Рике). Вместе с тем, примечательно, что серия публикаций с негативной оценкой избирательного процесса в России не подкреплена официальными заявлениями со стороны лидеров этих государств или чиновников. В этой связи представляется, что открыто недружественно настроенных в отношении России стран в современной Латинской Америке нет.

Однако существенное количество скептических и критических публикаций и комментариев можно было наблюдать в Аргентине — одной из крупнейших стран региона, нейтрального государства, долгое время разделявшего продвигаемую Россией концепцию многополярного миропорядка и даже подавшего заявку на присоединение к формату БРИКС в 2022 г.

Заметный внешнеполитический вираж Аргентины произошел после прихода к власти в стране президента-либертарианца Х. Милея, администрация которого взяла курс на сближение с США и странами «коллективного Запада» и дистанцирование от России. Одним из первых внешнеполитических решений избранного президента стал отказ от намерений присоединиться к БРИКС. В этом контексте наличие в аргентинских СМИ и аналитических материалах ряда публикаций в негативной тональности представляется в качестве одной из иллюстраций распространения западных политико-идеологических тезисов прозападными правительствами развивающихся регионов.

В целом, созданию более объективного и комплексного видения избирательного процесса в России в данной группе стран могло бы способствовать комплексное информирование населения не только о президентских выборах в РФ, но и о самом широком спектре событий общественно-политической жизни страны и ее внешней, в том числе гуманитарной политики. Каналами распространения такой информации могли бы стать российские СМИ, рассчитанные на испаноязычную аудиторию и осуществляющие вещание в странах Латинской Америки (например, «*RT en Español*» или «*Sputnik Mundo*»), пользующиеся популярностью и доверием среди местного населения.

Кроме того, целесообразно содействовать развитию практики участия независимых иностранных наблюдателей на выборах разного уровня в России для их непосредственного вовлечения в политический процесс в стране. Полезным могло бы стать и дальнейшее приглашение наблюдателей от латиноамериканских межправительственных организаций.

Наконец, повышению информированности о России и ее политической жизни, несомненно, будет способствовать проведение крупных межконтинентальных гражданских форумов «Россия-Латинская Америка» или двусторонних форумов с отдельными странами региона. В свою очередь, налаживание и наращивание взаимодействия на уровне гражданского общества, а также развитие многоотраслевых молодежных контактов (в сфере образования, науки, искусства, спорта, туризма, волонтерства и других областей) позволит внести долгосрочный вклад в формирование благоприятного образа Российской Федерации во всем регионе.

Курманаева А.В.

(Москва, НМХЦ им. Н.И. Пирогова Минздрава России)

РОЛЬ СТЕЙТМЕНТА, КАК ФОРМЫ КОММУНИКАЦИЙ, ПРИ ИНЦИДЕНТАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Информационная безопасность (ИБ) играет ключевую роль в обеспечении устойчивости организаций перед угрозами киберпространства. Одним из важных элементов управления ИБ является правильное реагирование на инциденты. Это включает не только технические меры, но и коммуникационные стратегии, направленные на информирование заинтересованных сторон о произошедшем инциденте. Важным инструментом коммуникации в таких случаях является стейтмент — официальное заявление организации, содержащее информацию о случившемся инциденте.

Роль и значение стейтмента в управлении ИБ

Предупреждение потенциальных угроз: своевременное предоставление информации об инцидентах помогает другим организациям быть готовыми к возможным атакам и принимать соответствующие меры защиты.

Укрепление доверия клиентов и партнеров: открытая и прозрачная коммуникация способствует укреплению доверия со стороны клиентов и деловых партнеров, так как они получают объективную информацию о происходящем.

Соответствие нормативным требованиям: многие регуляторы требуют от организаций обязательного уведомления о значимых инцидентах ИБ. Стейтменты помогают соответствовать этим требованиям.

Минимизация репутационных рисков: быстрое и профессиональное реагирование снижает вероятность негативных последствий для имиджа компании.

Координация действий внутри организации: внутренний стейтмент помогает координировать действия различных подразделений и сотрудников, чтобы минимизировать ущерб и восстановить нормальную работу.

Правовая защита: правильно составленный стейтмент может служить доказательством добросовестных усилий организации по устранению последствий инцидента, что важно в случае судебных разбирательств.

Мониторинг и улучшение процессов ИБ: анализ реакции на инциденты и последующие улучшения на основе обратной связи от стейтментов помогают совершенствовать процессы управления ИБ.

Поддержка непрерывности бизнеса: стейтменты играют важную роль в процессе восстановления после инцидентов, помогая обеспечить стабильность и непрерывность бизнес-процессов.

Подходы к разработке стейтментов

Сбор информации: необходимо собрать максимально полную информацию об инциденте, его причинах, масштабах и последствиях.

Проверка фактов: информация должна быть проверена и подтверждена соответствующими экспертами, чтобы избежать распространения ложных сведений.

Конфиденциальность: необходимо учитывать необходимость сохранения конфиденциальности информации, особенно когда речь идет о персональных данных или коммерческой тайне.

Понимание аудитории: стейтменты должны быть понятными и адаптированными для целевой аудитории, чтобы эффективно передавать информацию.

Регулярные обновления: важно предоставлять регулярные обновления о ходе расследования и мерах, предпринимаемых для устранения последствий инцидента.

Профессиональная помощь: рекомендуется привлекать внешних консультантов или специалистов по ИБ для разработки и проверки стейтмента.

Итоги актуальных киберугроз для организации за 2023 год (отчет от АО «Позитив Текнолоджиз») показывает увеличение успешных атак по всему миру. Этому поспособствовало множество факторов, среди которых — сложная мировая геополитическая обстановка, массовая эксплуатация уязвимостей нулевого дня в популярном программном обеспечении, а также усложнение и изощренность атак. Так, в 2023 году российские организации, особенно субъекты критической инфраструктуры, подвергались массированным кибератакам. Только в сентябре 2024 года атаке подвергся крупный удостоверяющий центр «Основание» (УЦ «аналитический центр»), а также были атакованы ресурсы компании «Доктор Веб». Результат анализа стейтментов этих организаций показывает, что даже коммерческий сектор не готов выстраивать правильные коммуникационные стратегии при совершении киберугроз. Более плачевная ситуация наблюдается при совершении инцидентов в государственном секторе.

Роль стейтмента в управлении ИБ нельзя недооценивать. Он является важным инструментом коммуникации, который помогает организациям управлять кризисами, укреплять доверие и соблюдать нормативные требования. Правильно составленный и своевременно выпущенный стейтмент способствует минимизации ущерба и скорейшему восстановлению после инцидента.

Курюкин А.Н.

(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН)

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ (BIGDATA) И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАРГЕТИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЯХ

Первым и успешным фактом применения аналитики больших данных сегодня считается работа системы «*Cambridge Analytica*», которая помогла Штабу Дональда Трампа на выборах в США получить данные из *Facebook*, *Twitter*, *WhatsApp*, *Telegramm* и использовать их для определения личностных профилей конкретных людей, а затем адаптировать политическую рекламу к их психосоциальным характеристикам. Благодаря тому, что сотни тысяч и миллионы американцев, а позже англичан попали в исследовательскую орбиту *Cambridge Analytica*, эта компания смогла сформировать модель для квалификации личности каждого взрослого в США и Великобритании. Зная индивидуальность людей, на которых ориентировались агитаторы Штаба, они смогли персонализировать конкретные политические кампании, чтобы более эффективно контактировать с этими ключевыми группами аудитории. Таким образом, *Cambridge Analytica* разработала стратегический алгоритм для автоматизации возможности отслеживать и анализировать СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ присутствие кандидатов в социальных сетях. Благодаря этому, они оптимизировали рекламу для миллионов потенциальных избирателей, используя

машинное обучение, чтобы показать им адаптированные «НОВОСТИ», которые соответствуют их политической идентичности.

Использование больших данных в политических коммуникациях. Политическое использование больших данных, по существу, протекает сегодня в ракурсе той же стратегии, что и их коммерческое использование, начавшееся немного ранее. Работа с ними предполагает создание профилей для миллионов людей на основе анализа и обобщения их активности в Интернете. На основе этих профилей аналитики ИТ-компаний, нанятые политическими партиями, могут разрабатывать стратегии, позволяющие наилучшим образом манипулировать мнением конкретных людей, основываясь на их индивидуальности, с целью изменения или сохранения политических предпочтений в обществе. Именно этим и занималась компания *Cambridge Analytica* для Штаба Д. Трампа, приобретая личные данные из различных источников, таких как земельные реестры, регистрационные данные автовладельцев, данные о покупках, членство в клубах, наличие медицинских скидочных карт и пр. Эти данные были актуализированы и объединены с избирательными списками Республиканской партии и иными онлайн-данными для расчета личностных профилей.

Такие технологии предоставляют широчайшие возможности по манипулированию массовым сознанием, основанные на создании и распространении ложных новостей, которая сегодня все более и более повышает уровень правдоподобности информации, тогда как технология распространения уже давно отработана на так называемых «вирусных» моделях продвижения в Интернете. Она основана на массивных перепостах того или иного изображения, видео или текста на других сайтах и в социальных сетях. Здесь активно вступает в дело технология *www-ботов* — то есть компьютерных программ, имитирующих действия людей в Интернете, которые поддерживают и промоутируют необходимую стейк-холдерам новость (информацию), раскручивая ее до тех пор, пока не будет достигнут искомый результат или не станет понятно, что для его достижения она (фейкновость) не пригодна.

Источник таких манипуляций, более широко, кроется в когнитивно предвзятом отношении, изменениях в информационной системе (включая рост социальных сетей и круглосуточный цикл поступления новостей), не совпадающих (конкурирующих) требованиях различных социальных групп и страт к информационной системе, которые ограничивают ее способность идти в ногу с изменениями в общественной системе. Последствия этого процесса проявляются во многих отношениях. Самыми разрушительными из них, в отношении перспектив демократии, могут быть названы такие, как: эрозия гражданского дискурса, отчуждение и самоотстранение широких масс граждан от политических и гражданских институтов, неопределенность социума в отношении политики государства и прочее, вплоть до деструкции политической системы.

Кутырев Г.И.
(Москва, НИУ ВШЭ)

РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕС И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Актуальность изучения сотрудничества между Европейским союзом (ЕС) и Латинской Америкой (ЛАК) в области безопасности обусловлена общими вызовами глобальной безопасности, такими как киберугрозы, транснациональная преступность и изменение климата. Эти вызовы требуют скоординированных действий, и ЕС играет важную роль в поддержании стабильности и безопасности в ЛАК.

Несмотря на заявленный статус «Зоны мира», в ЛАК сохраняются конфликты, как в Колумбии (борьба с партизанами и преступными группировками), так и в Мексике (война с наркокартелями). Важную роль в урегулировании этих конфликтов играет сотрудничество с ЕС, направленное на улучшение возможностей по предотвращению вооруженных столкновений и обеспечения безопасности¹.

«Для политического и делового истеблишмента подавляющего большинства латиноамериканских государств Европа (прежде всего в лице ЕС, или «Европы Евросоюза») традиционно была самостоятельной геоэкономической и геополитической величиной, естественным (органичным) международным торгово-экономическим и политико-дипломатическим партнером, в некоторой степени — стратегической альтернативой США»².

¹ Ежегодник СИПРИ 2020: вооружения, разоружение и международная безопасность / Пер. с англ.; ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: ИМЭМО РАН, 1998–2020. 2021. С. 281–282 [SIPRI Yearbook 2020: Armaments, Disarmament and International Security (In Russ.)].

² Яковлев П.П. Европа и Латинская Америка: неоднозначное прошлое, проблемное настоящее, неясное будущее // Актуальные проблемы Европы. М.: ИНИОН РАН, 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropa-i-latinskaya-amerika-neodnoznachnoe-proshloe-problemnoe-nastoyashee-neyasnoe-budushee>.

«Отношения между ЕС и ЛАК являются по-настоящему “особыми”, прежде всего за счет наличия общих ценностей и давней истории тесного сотрудничества в разных сферах. <...> латиноамериканские страны рассматривают себя как часть Евро-Атлантического региона, толкая миссию ЛАК и цели стратегии развития именно в западном ключе»¹. Однако, как замечает А.А. Канунников, «история совместного «стремления к миру и процветанию» восходит к временам, когда европейские страны завоевывали земли открытого ими континента и когда между двумя регионами устанавливались отношения колоний и метрополий»².

Исторический контекст сотрудничества ЕС и ЛАК: Отношения между ЕС и ЛАК формировались на основе культурной и исторической общности. Однако реальные шаги в сторону укрепления сотрудничества начались лишь с 1957 года, когда был создан ЕЭС, чья цель была направлена на формирование таможенного союза и общего рынка. Долгое время внимание ЕС было сосредоточено на Африке, а ЛАК находилась в сфере интересов США. Важный этап взаимодействия наступил в 1975 году, когда ЕЭС открыло представительство в Каракасе. В конце 1980-х гг. были разработаны важнейшие инструменты контроля над обычными и ядерными вооружениями в Европе, ставшие правовой основой для постбиополярного этапа развития европейской системы безопасности.

Современные вызовы и перспективы сотрудничества: Сегодня ЕС и ЛАК работают над новыми формами взаимодействия, ориентированными на решение таких глобальных угроз, как кибербезопасность и изменение климата. ЕС выступает за укрепление политико-экономических связей и поддержку демократических ценностей в ЛАК. Диалог между двумя регионами развивается в рамках таких инициатив, как «Диалог Сан-Хосе» (1984 г.) и встреча на высшем уровне в Рио-де-Жанейро (1999 г.). Эти форумы способствуют обмену опытом и выработке совместных решений в области безопасности и стабильности.

В перспективе ЕС и ЛАК планируют углублять сотрудничество по линии борьбы с трансграничной преступностью, киберугрозами, а также в сфере адаптации к изменениям климата.

Кухаренко С.В.
(Благовещенск, Благовещенский государственный педагогический университет)

СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И КНДР В СФЕРЕ ПРОДВИЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ

С момента основания КНДР СССР поддерживал КНДР и был первым государством, признавшим новое правительство страны. После распада СССР для России отношение к КНДР стало обратно пропорционально развитию или ухудшению отношений с Западом: с приходом к власти Бориса Ельцина они постепенно стали сходиться на нет, затем, с постепенным развитием многовекторной политики РФ начали восстанавливаться с конца 1990-х гг., в 2010 г. при президентстве Дмитрия Медведева им снова был нанесен значительный ущерб, когда РФ присоединилась к санкциям Совета Безопасности ООН против КНДР. Следующий период улучшения отношений между РФ и КНДР также связан непосредственно с ухудшением отношений между РФ и Западом после присоединения Крыма к РФ. КНДР стала одной из 11 стран, признавших законность присоединения Крыма. В этом же году было подписано соглашение о списании всех корейских долгов перед РФ и целый ряд других двусторонних соглашений. После 2022 г., с введением санкций против России со стороны ряда западных стран и ростом конфронтации в целом, РФ и КНДР начинают сближаться еще больше, что приводит к подписанию в 2024 г. договора о «всеобъемлющем стратегическом партнерстве» между странами.

После 2022 г. можно наблюдать сложности в работе РФ в этих странах практически во всех сферах, в том числе и в гуманитарной. Государственные структуры РФ начинают переориентировать векторы международного сотрудничества на дружественные страны и обращают свой взор, в том числе, на КНДР, поскольку данная страна обладает хорошей базой по подготовке русистов, сформированной еще во времена существования СССР. Русский язык преподается в школах и университетах КНДР, многие граждане КНДР говорят по-русски. Северокорейские специалисты со знанием русского языка были нужны для работы на предприятиях с российскими специалистами и передачи научно-технического опыта. До распада СССР русский язык был основным иностранным языком, преподаваемым в учебных заведениях КНДР, доля его изучения составляла более 60% от изучения других иностранных языков среди учащихся школ и вузов КНДР.

¹ Косевич Е.Ю. ЕС — Латинская Америка: институты сотрудничества и доверие к ним латиноамериканцев // Мировая экономика и международные отношения М.: ИМЭМО РАН, 2023. Т. 67. № 2. С. 114–129.

² Канунников А.А. Европа — Латинская Америка: состояние и перспективы сотрудничества // Научно-аналитический Вестник института Европы РАН М.: ИЕ РАН, 2020. С. 119–123.

После длительного периода приостановки программ по продвижению русского КНДР в 2009 г. при Пхеньянском институте иностранных языков Фондом «Русский мир» был создан Центр русского языка. В рамках деятельности центра среди северокорейских школьников несколько раз проводились олимпиады по русскому языку. В последние 10 лет также наблюдается рост числа договоров, заключаемых между вузами РФ и КНДР. В 2022 г. Министерство Просвещения Российской Федерации решило активизировать сотрудничество российских педагогических вузов с вузами дружественных стран посредством закрепления за каждым подведомственным педагогическим вузом роли сотрудничать с одной из дружественных стран. Развивать сотрудничество с КНДР было поручено Благовещенскому государственному педагогическому университету (БГПУ). В рамках этой деятельности вузом реализуются исследовательские проекты и отчасти проекты, имеющие практическую направленность по продвижению русского языка в КНДР. В 2023 г. БГПУ заключил соглашение о сотрудничестве с Педагогическим институтом имени Ким Чхоль Чжу (КНДР). В 2024 г. прошла встреча ректора БГПУ В.В. Щёкиной с главой Министерства просвещения РФ и министром образования КНДР. В ходе встречи было оговорено, что Благовещенский государственный педагогический университет будет участвовать в создании Центра открытого образования на русском языке для КНДР и совместной российско-корейской общеобразовательной организации в Пхеньяне.

Высока вероятность сохранения нынешнего внешнеполитического курса в РФ в ближайшие годы и низкий уровень отношений между РФ и странами Запада, а, следовательно, развитие отношений между РФ и КНДР. Продвижение русского языка — основа для развития отношений между странами в других сферах. РФ предпринимает определенные усилия в поддержке изучения русского языка в КНДР, которые несколько осложнены закрытостью КНДР, невозможностью осуществления денежных переводов между странами, значительными ограничениями на совершение поездок для российских специалистов в КНДР и свободой перемещения на территории страны. Тем не менее при целенаправленной работе со стороны РФ по продвижению русского языка в КНДР цели могут быть реализованы.

*Кучеров М.Ю., Ермак К.А., Илюшин И.И., Боюн А.Б.
(Москва, МГИМО МИД России)*

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КВАНТИФИКАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФРГ в 1998–2024 годах)

Введение

Германию называют «гегемоном поневоле» и «одним из лидеров свободного мира», относя к региональным лидерам. Эти концепты уравнивают традиционное восприятие ФРГ как «гражданской» державы. Провозглашенная после 24 февраля 2022 года О. Шольцем «смена эпох» подорвала многолетние традиции германской политики и укрепила ее решимость сближаться с евроатлантическими союзниками. Эти феномены требуют анализа, позволяющего выделить паттерны внешнеполитического поведения германских элит.

Постановка проблемы

Необходимо измерить важность для ФРГ других государств. Мы решили исследовать внешнюю политику Германии через статистические методы, рассматривая взаимодействие между государствами на практике.

Научная проработанность

Ученые анализируют внешнюю политику через рассмотрение двухсторонних отношений, отдельных сфер и документов. При этом ранее не встречалось комплексной количественной оценки партнерств ФРГ: никто не собирал базу общедоступных контактов германских политиков.

Мы отталкиваемся от таблицы с данными о встречах, звонках и телеграммах первых лиц ФРГ объемом 3 386 строк. Метод анализа — матмоделирование, учитывающее разницу в «весах» политиков и типах контактов. Это позволит установить степень значимости стран-контрагентов Берлина и сформировать иерархию, а разбивка по годам показывает динамику реальных приоритетов ФРГ.

Сбор базы

Подготовка таблиц, посвященных дипломатической активности германских политиков, стала для команды основной инвестицией времени и усилий. Под контактами авторы понимают:

- визиты иностранных чиновников в Германию и поездки политиков ФРГ за рубеж;
- общение на многосторонних форумах;

- встречи «на полях»;
- звонки;
- телеграммы.

Учитывалось взаимодействие официальных лиц ФРГ только с актерами, представляющими государство: лидерами стран, министрами и др. Источники базы данных:

- официальные государственные порталы (президента, канцлера и главы МИД), личные сайты политиков;
- СМИ;
- фотоархивы.

Описание математической модели

Мы создали авторскую систему подсчета, выводящую индекс значимости каждого государства-партнера ФРГ с разбивкой по годам. При разработке формулы учтено, что типы контактов не равны по своему «весу». Для их «уравновешивания» введена градация по значимости:

- визит — 1;
- многосторонняя встреча — 0,8;
- встреча «на полях» — 0,6;
- телефонный разговор (звонок) — 0,4;
- телеграмма — 0,2.

Аналогичным образом, исходя из предполагаемой разницы между «аппаратными весами» политиков, предложены коэффициенты:

- канцлер — 1,5;
- президент — 1;
- министр иностранных дел — 0,5.

На основе получившейся градации авторы вывели переменные:

- визиты канцлера / президента / главы МИД — $V_k / п / МИД$;
- многосторонние встречи канцлера / президента / главы МИД — $M_k / п / МИД$;
- встречи на полях канцлера / президента / главы МИД — $V_n П_k / п / МИД$;
- звонки канцлера / президента / главы МИД — $Z_k / п / МИД$;
- телеграммы канцлера / президента / главы МИД — $T_k / п / МИД$.

Из полученных переменных составили формулу индекса значимости страны: $ИЗ = (1,5 \times V_k + V_p + 0,5 \times VМИД) + (0,8 \times (1,5 \times M_k + M_p + 0,5 \times MМИД)) + (0,6 \times (1,5 \times V_n П_k + V_n П_p + 0,5 \times V_n ПМИД)) + (0,4 \times (1,5 \times Z_k + Z_p + 0,5 \times ZМИД)) + (0,2 \times (1,5 \times T_k + T_p + 0,5 \times Tп))$.

Далее она применялась ко всем странам отдельно по каждому году. В результате авторы получили единую таблицу на 3386 строк.

Ограничения методологии

В нашей модели есть несколько ограничений.

Абсолютно все дипломатические взаимодействия одной страны не выявлены.

Часть контактов непублична и становится известной спустя годы. Мы не знаем, каков ее объем, и анализируем только общедоступный материал.

Внешняя политика не исчерпывается визитами и звонками, а дипломатия — работой трех акторов. Базу данных можно дополнять бесконечно.

Коэффициенты внутри модели не верифицированы экспертным опросом, как это было в модели прогноза постсоветских сецессий А.А. Токарева (Москва, МГИМО), и базируются на наших представлениях.

Коэффициенты дипломатических взаимодействий также не верифицированы. Разница между ними взята субъективно.

Несмотря на ограничения, модель релевантно описывает публичную часть немецкой внешней политики:

Использование нескольких ресурсов позволяет «схватить» большинство новостей о дипломатических взаимодействиях.

Анализ контактов трех акторов отражает основные политические тенденции и устремления.

Размерность коэффициентов гибка, но отражает пропорции. Другие значения на шкалах индекса возможны, но положение стран относительно друг друга не изменится.

Модель может быть использована для анализа любого международного общения. Математическое моделирование показывает, какое реальное значение акторы придают своим визитам: «чем важнее партнер, тем больше с ним контактов». Метод открывает новые возможности для политической

науки — ученые могут отследить большие тренды и ухватить тенденции, видимые на больших промежутках времени и массивах данных.

Кучинов А.М.
(Москва, ВАВТ Минэкономразвития России, РУДН)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ: ВЗАИМОСВЯЗИ И ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Многообразие исследовательских подходов в политической науке и интерпретаций их применения делает актуальным вопросы их взаимосвязей, согласованности, как возможно — непротиворечивости. Это касается и взаимосвязей институционального подхода с цивилизационным, упоминаемость которого в последнее время возрастает, прежде всего, в учебном, но и в научном дискурсах.

Институциональный подход оказывается одним из самых ранних в политической науке, пришел в нее из ее предтечи — правоведения. С некоторой точки зрения можно утверждать, что все правоведение и большая часть политической науки институционалистские. Вариативность и интерпретации подхода исторически изменялись, тем не менее в общем смысле институциональный подход предусматривает рассмотрение политического и социального мира как комплексов формальных и неформальных правил, практик их применения, соблюдения, нарушения, изменения. Помимо политической науки и правоведения институциональный подход присутствует в социологии, экономике и возможен в иных социальных и гуманитарных дисциплинах. При многовариантности институционального подхода он более однозначен и если и используется в манипулятивных целях, то весьма редко.

С цивилизационным подходом ситуация иная, в отличие от институционального он не просто многовариантен, а омонимичен. Омонимичность вызвана омонимичностью понятия «цивилизация», которое менялось исторически, как ясно из происхождения понятия (словарь *etymonline.ru*). Этимологически понятие происходит от латинского «*civilis*», что значит «гражданский». В сер. XVI в. у этого понятия появился оттенок значения «не варварский», в 1704 г. — «закон, делающий уголовный процесс гражданским» (сейчас такое значение едва ли используется), в 1772 г. — «избавление от дикой жизни». В 1857 г. значение понятия «цивилизация» стало таковым, что стала более выраженной идея о том, что цивилизации где-то больше, где-то меньше. Понятие цивилизации применялось в европейских странах в эпоху Великих географических открытий ради утверждения господства белого человека, одних народов над другими (представлялось, что есть народы более цивилизованные — более полноценные, и более дикие — более неполноценные).

Все многообразие вариантов цивилизационного подхода и многообразие вариантов определения понятия «цивилизация» можно сгруппировать в две группы. В одном случае цивилизация рассматривается как некий культурно-исторический тип (как в учении Н.Я. Данилевского), предусматривается, что мир состоит из нескольких цивилизаций, отличающихся по религии, языку, общественному сознанию и другим подобным социокультурным факторам. Во втором случае цивилизация рассматривается как некий процесс и результат большего совершенства общественной жизни, которого может быть больше или меньше в том или ином времени или месте. Представителями второго подхода можно считать Ф. Гизо (с которого такой вариант подхода начался), Н.И. Кареева и других мыслителей. Фактически любого исследователя истории России вроде В.О. Ключевского можно считать представителями цивилизационного подхода во второй версии, в котором мы часто не видим ничего необычного, поскольку эта методология стала всем привычной.

Перспективы и возможности совмещения цивилизационного подхода в первом случае едва ли просматриваются прежде всего ввиду неясности, какую познавательную ценность несет в себе (квази-) знание о том, «как разделить мир на цивилизации». Данный вариант цивилизационного подхода часто звучит сегодня преимущественно в учебном и пропагандистском дискурсе, нередко опять же, для утверждения превосходства одних людей над другими.

Во втором варианте цивилизационный подход можно считать и так применяющимся в общественности, поскольку уже со времен Ф. Гизо стал незаметной презумпцией, присутствующей в любом исследовании, будь то в институциональном, будь то в каком-либо другом подходе, как в политической науке, так и во многих других социальных и гуманитарных дисциплинах. Как в институциональном, так и в цивилизационном во втором варианте подходов общий философский посыл заключается в различении чего-то более или менее совершенного, где часто оказывается, что более совершенное — более институционально и цивилизованно, и наоборот.

**СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ
РОССИИ И СССР (НА МАТЕРИАЛАХ ИТАЛЬЯНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ 1900–1941 гг.)**

В настоящем докладе рассматривается трансформация содержания политических образов России и СССР на материалах итальянской историографии первой половины XX в. В качестве круга источников мы выделяем работы как современников начала XX столетия, так и историков, дипломатические документы и материалы СМИ.

На восприятие политического образа России в начале XX в. в разных социальных слоях итальянского общества оказывали влияния различные агенты информационного воздействия. Высшие политические элиты России и Италии состояли в тесных личных контактах. Так, например, супруга и короля Италии Виктора Эммануила III, черногорская принцесса Елена, выросла и была воспитана в Петербурге. Материалы дипломатической переписки тех лет свидетельствуют, что Виктор Эммануил III во многом видел в политической системе России образец монархического правления, считая собственную политическую власть неполноценной в сравнении с властью Николая II (АВПРИ. Ф. 133. Д.: Посольство в Риме 1900–1917 гг.). Однако, если политический образ «русского царизма» находил позитивное отражение среди итальянской аристократии, то в общественном сознании итальянских масс он скорее вызывал негативные ассоциации, связанные с ростом революционных настроений в самой Италии. В 1909 г. состоялся визит Николая II в Рим, сопровождавшийся массовыми протестами итальянских социалистов и анархистов, считавших преступным подавление Революции 1905 г. В этот период начинают оказывать влияние на политический образ имперской России в глазах итальянского общества русские революционеры-эмигранты. В частности, Максим Горький, вокруг которого на Капри образовалось целое общество сочувствовавших идеям русской социалистической революции (*Uno scrittore «amato» nel paese «dolce». Maxim Gor'kij fra Capri, Sorrento e Mosca / A cura di M. Talalay. Capri: Oebalus, 2006.*)

Вторым каналом формирования политического образа России в начале XX в. стала социалистическая пресса. Многие видные деятели русского марксизма В.И. Ленин, Г.В. Плеханов и др. имели личные дружеские отношения с итальянскими социалистами и коммунистами. Революционные события 1917 г. в России нашли поддержку в итальянских СМИ «левого толка» (*Грамши А. Статьи из «Ordine nuovo». — Проблемы революции. — Проблемы культурной жизни. М.: Госполитиздат, 1960.*). Формированию позитивного политического образа советской России в Италии способствовала и активная пропагандистская деятельность большевиков на территории Апеннинского полуострова. В частности, большевики А. Балабанова и Н. Любарский сыграли значимую роль в создании Итальянской коммунистической партии (*Кьеза Л. «Заметки о революции и «южном вопросе»: Грамши и Ленин». ЕУСПб, 2018.*). Особое распространение политические идеи большевиков получили на севере Италии, где традиционно рабочее движение было наиболее развитым.

Отношения между большевиками и итальянскими социалистами постепенно «портятся» после «красного двухлетия», начиная с 1921 г. Под влиянием деятельности Коминтерна в 1921 г. создается ИКП во главе с А. Бордига как противовес в борьбе за умы итальянского рабочего класса Социалистической партии Италии. Итальянские социалисты начинают видеть в пропагандистской деятельности большевиков на территории Италии угрозу, раскалывающую итальянский рабочий класс (*Бордига А. Тезисы абсентеистской коммунистической фракции ИСП // «Il Soviet». Май 1920.*). В этот же период в содержании образа большевистской России в итальянской прессе начинают проявляться негативные коннотации.

В 1922 г. итальянские социалисты и коммунисты, так и не сумевшие договориться между собой, не смогли ничего противопоставить «Походу на Рим» Б. Муссолини. Несмотря на то, что после прихода к власти фашисты сразу же начали расправы над социалистами и коммунистами внутри самой Италии, дипломатические отношения между СССР и Италией не были откровенно враждебными вплоть до середины 1930-х гг., однако включение негативных характеристик в содержание политического образа СССР в официальной риторике итальянских властей происходит сразу же с приходом Б. Муссолини к власти. Тем не менее в итальянском общественном сознании политический образ СССР становится своеобразным камнем преткновения, сторонники Коминтерна и борцы с фашистским режимом во многом отстраивали свою идентичность на позитивном отношении к образу СССР.

Говоря о политических образах России и СССР в фашистской Италии 1922–1941 гг., интересной к рассмотрению представляется работа историка-эмигранта Н.П. Оттокара, ставшего профессором Флорентийского университета. «Краткая история России» Н.П. Оттокара была издана в 1936 г., прошла фашистскую цензуру, и была рассчитана на внутреннюю итальянскую аудиторию. В этой

работе Н.П. Оттокар связывает различные периоды истории России, видя в большевиках и образовании СССР логическое продолжение предыдущих этапов развития российского государства, а также воспроизводит множество классических мифов и стереотипов европейцев о политических традициях и «национальном характере» русских (*Breve storia della Russia: linee generali*. Front Cover. Nicola Ottokar. G. Laterza & figli, 1936).

Научная значимость доклада выражается в том, что, проанализировав содержательную трансформацию политических образов Российской империи и Советской России в Италии в 1900–1941 гг. и рассмотрев характерные политические мифы и стереотипы о России и русских, сформировавшиеся в общественном сознании итальянцев той эпохи, мы сделаем вывод, какие из них влияют на актуальный политический образ России в Италии в наши дни и формируют потенциал его позитивной содержательной трансформации.

Лаврушина Н.В.
(Петрозаводск, Карельский фонд развития
общественной дипломатии)

ОБ ОПЫТЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НКО КАРЕЛИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Традиции участия общественных организаций Карелии в международном и межрегиональном сотрудничестве имеют многолетний опыт. Побратимские связи городов и районов еще советской Карелии в середине — второй половине XX века стали возможностью для участия обществ дружбы в такой деятельности. Собственно, сами общества дружбы создавались в том числе и для того, чтобы содействовать развитию побратимских связей и, как правило, появлялись в тот момент, когда устанавливались связи с конкретными городами той или иной страны.

1990–2000-е годы стали периодом роста числа общественных организаций разных направлений в Карелии. И целый ряд организаций со временем стал активно участвовать в международных межрегиональных и межмуниципальных связях. За десятилетия они накопили опыт и компетенции в области реализации совместных инициатив, проектов с зарубежными партнерами, участвовали в программах международного и приграничного сотрудничества. Такая деятельность охватывала широкий спектр направлений, включая проекты в области культуры, образования, экологии, развития туризма, межнационального диалога, социальной защиты населения и др.

Многие действующие НКО заинтересованы и используют свой опыт в современных межрегиональных связях, выступая координаторами и организаторами совместных мероприятий, готовят проектные заявки, реализуют совместные проекты, вовлекают в них партнеров из числа муниципальных, государственных учреждений и организаций и таким образом способствуют развитию сотрудничества между разными регионами внутри страны.

По инициативе ряда общественных организаций Карелии в программу недавно состоявшейся в Петрозаводске международной научно-практической конференции «РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БРИКС: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ» была включена сессия «ПОТЕНЦИАЛ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НКО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ».

Ее участники — представители общественных организаций в своих выступлениях рассказали как о своем опыте и практической деятельности, так и высказали заинтересованность в том, чтобы познакомиться с деятельностью НКО в странах БРИКС, устанавливать с ними связи и изучать возможности для обмена опытом и сотрудничества.

На протяжении десятилетий деятельность многих организаций на северо-западе России была нацелена на взаимодействие с партнерами, организациями в странах Северной и Западной Европы, что объяснимо с точки зрения географической близости и исторических связей. Однако современная ситуация разорвала значительную часть этих связей. Вместе с тем, накопленный опыт работы с проектами, умение проводить совместные с партнерами мероприятия и т.д. могут быть полезны и использованы в укреплении сотрудничества России с гражданским обществом стран СНГ, БРИКС, Глобального Юга.

Но ситуация такова, что общественные организации северо-запада имеют довольно слабые связи с вышеназванными регионами, а также ограничены в возможностях выхода на партнеров в этих странах. Проведение, например, серии встреч, круглых столов, дискуссионных площадок общественных организаций в регионах России с участием представителей аналогичных организаций из стран Глобального Юга познакомит представителей гражданского общества, откроет/расширит возможности для диалога. Реализация такой инициативы потребует организационной и финансовой поддержки со стороны госу-

дарственных структур. Однако имеющийся опыт и заинтересованность в сотрудничестве общественных организаций, например в Карелии, Пскове, Санкт-Петербурге могут способствовать развитию общественной дипломатии на новых (для северо-запада) направлениях и в целом содействовать укреплению связей и авторитета России в мире.

Лагутина М.Л.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

РОЛЬ РОССИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: МЕЖДУ ГЛОБАЛЬНЫМ СЕВЕРОМ И ГЛОБАЛЬНЫМ ЮГОМ

Уже несколько лет научные дискуссии сосредоточены на процессе трансформации глобального управления. Хотя стандартного определения этого понятия не существует, под «глобальным управлением» обычно понимается совокупность практик, норм, акторов и институтов, которые способствуют общему регулированию функционирования глобальной экономической, политической и финансовой системы.

Именно потому, что «глобальное управление» состоит из общего функционирования набора элементов, функциональная иерархия этих элементов не обязательно одинакова для всех участников глобальной политической системы. Кто-то может рассматривать нормы (*nómos*) как приоритетный элемент для бесперебойного функционирования системы глобального управления, в то время как другие могут отдавать предпочтение практике (*praxis*) как элементу для преодоления препятствий, которые время от времени могут поставить под угрозу бесперебойное функционирование мировой политической системы. Это относится к тому, что произошло за последние три десятилетия в процессе управления глобальным управлением. Эволюция функционирования системы глобального управления определила траектории мировой политики, эволюционируя от состояния существенного глобального согласия по определенным политико-экономическим договоренностям к росту расхождений во мнениях и взглядах на эти договоренности и на принимаемые решения. Очевидно, что Российская Федерация представляет собой яркий пример этого эволюционного пути, разделяя его с Китайской Народной Республикой и другими членами группы БРИКС, а также со многими странами, входящими в так называемый «Глобальный Юг».

Сегодня Россия является одним из ключевых глобальных игроков, включенных во многие институты глобального управления в различных сферах («от экономического ребалансирования до управления конфликтами и борьбы с терроризмом»), но в то же время имеющих очень «плохую репутацию в области глобального управления» среди западного сообщества. Потерпев неудачу в попытке интегрироваться в западную систему глобального управления в качестве равнозначного элемента, Россия предприняла односторонние усилия по ее трансформации, используя как «мягкие», так и «жесткие» инструменты. Сегодня Россия выступает за пересмотр существующих региональных и глобальных институтов под руководством Запада, поскольку ее не устраивает доминирующая роль НАТО в региональном порядке и роль западных стран (прежде всего США) в глобальном порядке. Мы наблюдаем попытки России консолидировать незападное сообщество, представленное в основном «восходящими державами» Глобального Юга (или так называемым «Мировым большинством»), и создать альтернативный мультилатерализм через БРИКС+, Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Но что Россия может предложить «глобальному Югу»? Потенциальный вклад, который Российская Федерация может внести в процесс трансформации системы глобального управления, должен рассматриваться в совокупности с более общим «движением», происходящим на глобальном уровне, которое связано с атмосферой всеобщего недоверия к тем благам, которые либеральный международный порядок может гарантировать странам «глобального Юга». В этом смысле вклад России в эту дискуссию можно рассматривать как один из пунктов повестки дня оспаривания политической легитимности либерального международного порядка, из кризиса которого может возникнуть новая система глобального управления.

Ланко Д.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

МАРКИЗ ДЕ КОНДОРСЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ: ВЛИЯНИЕ УВЕЛИЧЕНИЯ ЧИСЛА УЧАСТНИКОВ НА ФОРМАТ МНОГОСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРОВ

В докладе представляются результаты сравнительного исследования международных переговоров в больших и малых (минилатеральных) группах государств, ведущихся на постоянной основе, например, в рамках неформальных объединений государств, военно-политических союзов или интеграционных объединений. В литературе по проблематике взаимосвязи между числом стран-участниц таких переговорных форматов и эффективностью процесса принятия коллективных решений в них нет единого мнения по вопросу о том, как увеличение числа участников переговоров влияет на процесс принятия решений. Вместе с тем, мнение, что чем больше новых участников присоединяется к тому или иному формату переговоров, тем менее эффективным становится процесс принятия решений в нем, распространено среди экспертов достаточно широко.

Чтобы компенсировать снижение эффективности процесса принятия коллективных решений в ходе переговоров, сами форматы переговоров подвергаются трансформации, в результате которой увеличивается круг вопросов, по которым коллективные решения принимаются не консенсусом, но (квалифицированным) большинством голосов. Напротив, в тех переговорных форматах, где число участников остается небольшим, стремление к трансформации процесса принятия коллективных решений таким образом, чтобы коллективные решения могли приниматься иначе, чем консенсусом, минимально. Основываясь на теории игр модели, которые будут представлены в докладе, позволяют заключить, что увеличение числа участников процесса принятия решений в условиях, когда коллективные решения принимаются (квалифицированным) большинством голосов, приводит к тому, что итоговое решение во все большей степени зависит от тех правил, в соответствии с которыми определяется (квалифицированное) большинство.

В частности, при выборе из трех альтернатив и при числе участников процесса принятия решений равном или большем девяти исход голосования при определенных условиях может быть разным в зависимости от того, определяется ли наиболее предпочтительная альтернатива по принципу победителя Кондорсе либо в результате голосования в один или два тура. Это позволяет определить два взаимосвязанных отличия форматов переговоров в малых (минилатеральных) и в больших группах государств. Во-первых, стремление к изменению правил выработки коллективных решений в пользу расширения круга вопросов, по которым решение может приниматься (квалифицированным) большинством голосов, а не консенсусом, невелико, а по тем вопросам, по которым решения принимаются (квалифицированным) большинством голосов, результат мало зависит от правил. Напротив, во-вторых, стремление к расширению круга вопросов, по которым решение может приниматься (квалифицированным) большинством голосов, неуклонно возрастает по мере увеличения числа стран-участниц, при этом зависимость результата голосования от принятых правил также увеличивается.

Возникает парадокс: чем больше число государств участвует в том или ином формате переговоров, тем чаще в нем поднимается вопрос о принятии решений большинством голосов и тем больше само понятие (квалифицированного) большинства оказывается зависимым от процедуры принятия решений. Этот парадокс становится одним из источников кризиса легитимности многосторонних форматов переговоров с большим числом участников и отмечаемого многими авторами кризиса многосторонней дипломатии. В теоретическом же плане этот парадокс заставляет выделять форматы переговоров в малых группах государств в отдельную категорию — минилатеральных переговоров, которые требуют разработку собственной теоретико-методологической базы для изучения процессов выработки коллективных решений в них, отличной от той, которая используется для изучения этих процессов в многосторонних переговорных форматах.

Разработка такой теоретико-методологической базы представляется крайне важной задачей в условиях становления многополярной системы международных отношений. Большинство авторов сходятся в том, что число полюсов в этой системе будет не менее трех и не более девяти. Соответственно, анализировать переговоры между этими полюсами и формулировать на основе этого анализа рекомендации по повышению эффективности процесса выработки коллективных решений в данном переговорном формате нужно будет на основе моделей, учитывающих особенности переговорного процесса именно в малых группах стран. Без учета этих особенностей эффективность процесса выработки коллективных решений в данном переговорном формате едва ли окажется выше, чем эффективность многосторонних переговоров с большим числом участников в форматах, существующих в настоящее время.

ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Согласно постлиберальному экономисту Ф. Пилкингтону, главная проблема современной экономической теории заключается в идеологизации самой структуры дисциплины. Любая идеология является консервативным феноменом, препятствующим свободному исследованию. Ее задача состоит в «направлении и канализации мышления, в навязывании того, что мы можем и не можем говорить о том, как мы живем наши жизни в конкретный момент времени». В области высшего экономического образования идеологизация приводит к формированию авторитарного стиля преподавания, акценту на абстрактном математическом моделировании в ущерб исследованию реальных процессов, а также разочарованию студентов в возможностях экономической науки.

Философской причиной идеологизации является отказ от концепции свободы воли, характерный для лютеранской теологии. В основании значительного числа современных экономических теорий лежит редукционистская антропология маржинализма, в рамках которой действия человека предсказуемы, так как ориентированы лишь на максимизацию полезности. При этом макропроцессы определяются логикой «невидимой руки» рынка, независимой от контроля со стороны индивидуумов. Таким образом, «быстро становится очевидным, что рыночное равновесие, эффективное по Парето, является прямым потомком представления Лютера о неизбежном стремлении к вечному спасению». Постлиберальный подход основан на трактовке свободы воли Эразма Роттердамского, принципах гражданской экономики А. Дженовези и теориях Дж.М. Кейнса. Утверждение свободы воли подразумевает, что неопределенность в экономике носит онтологический, а не эпистемологический характер. По этой причине даже самая сложная математическая модель никогда не сможет точно предсказать экономические процессы. Для реформирования исследовательских и учебных программ экономистам необходимо: 1) сконцентрироваться на анализе открытых систем, характеризующихся принципиальной неопределенностью; 2) признать «калейдоскопический» характер экономической реальности, зависящей от широкого спектра переменных; 3) сфокусироваться на исследовании макро-, а не микропроцессов; 4) сделать акцент на формулировании и преподавании практико-ориентированных методов и схем, нацеленных на снижение уровня неопределенности.

Следующим этапом постлиберального проекта станет использование разработанных инструментов в области социальной инженерии. В постлиберальном контексте трактовка социальной инженерии ограничивает прямое принуждение, она «является лишь попыткой человека интуитивно познать план Бога для вселенной и попытаться воспроизвести его в гораздо более скромных масштабах в Граде Земном». Аналогичный принцип заложен в основании экономической программы британского движения «Синих лейбористов», которые выступают за создание сети образовательных и локальных финансовых институтов для контроля и ответственного использования капитала. Несмотря на значительное влияние католического социально-экономического учения, постлиберализм не нацелен на пропаганду конкретной религии или политико-экономической модели. Цель постлиберальной политической экономии заключается в ревизии теоретико-философских оснований марксизма и либерализма. С точки зрения постлиберализма, они «оба неправы. Постлиберальная политическая экономия должна признавать, что экономический базис и культурная надстройка влияют друг на друга. Одно не может быть понято без другого». По этой причине проблема университетского образования как одного из ключевых институтов современной культуры в рамках постлиберального подхода обретает принципиальное значение.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01601. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01601/>).

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ К РАЗВИТИЮ ЕВРАЗИЙСКОГО ЛОББИРОВАНИЯ: ВНЕШНИЙ И ВНУТРЕННИЙ УРОВНИ ЕАЭС

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) сегодня, даже в условиях беспрецедентных геэкономических вызовов — это не только экономическое объединение пяти государств-членов, но и базис формирования Большого евразийского экономического партнерства, основанного на широкой договорной базе с другими интеграционными объединениями и третьими странами.

Теоретическое осмысление и анализ практики применения лоббизма для Евразийского экономического союза являются новыми и крайне мало разработанными в российской и зарубежной исследовательской литературе.

Первое объясняется тем, что сама проблематика лоббизма применительно к глобальному и региональному уровню, определение форм, содержания и терминологии находятся только на стадии теоретической и методологической разработки. Единственный теоретико-методологический подход к определению лоббирования, лоббизма и его классификации в России разработан группой российских ученых под руководством к.п.н., доцента кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов А.А. Дегтярёва (GR-менеджмент бизнес-организаций в современной России. Комплексный анализ и прикладные технологии / Под ред. А.А. Дегтярёва, А.С. Тетерюка. М., 2024).

Вторая причина — это отсутствие длительного опыта осуществления транснационального лоббизма политических и бизнес-групп стран-участниц ЕАЭС на международном уровне, наднационального и иностранного лоббизма всей интеграционной группировки за рубежом и микролоббизма на внутреннем уровне.

Тем не менее, на протяжении последних десяти лет Евразийский экономический союз развивается достаточно устойчиво и ставит амбициозные задачи на период до 2045 года по реализации «Евразийского экономического пути», превращения в самодостаточный, гармонично развитый и привлекательный для всех стран мира макрорегион, а это значит, что развитие лоббирования и лоббизма в ЕАЭС получит свое дальнейшее развитие на всех уровнях.

На данный момент можно зафиксировать следующие предпосылки к развитию евразийского лоббирования: ЕАЭС сформировал наднациональный принцип принятия решений через Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК); ЕАЭС успешно развивает систему международных связей по внешнему контуру (взаимодействие с международными организациями, создание Зон свободной торговли, соглашения с третьими странами); ЕАЭС создает общие рынки и общие пространства, реализует цифровую повестку; в ЕАЭС созданы и успешно функционируют крупные транснациональные корпорации, способные лоббировать интересы на транснациональном уровне; есть позитивные примеры деятельности евразийских организаций по продвижению корпоративных интересов, например, Евразийское патентное ведомство, которое обеспечивает развитие евразийской патентной системы исходя из текущих условий, новых потребностей рынка и перспективных задач евразийской экономической интеграции, а также способствует формированию общего евразийского информационно-экспертного пространства; начал функционировать Порядок проведения процедур оценки фактического воздействия (ОФВ) принятых решений ЕЭК и оценки регулирующего воздействия (ОРВ) проектов международных договоров в рамках ЕАЭС.

Основными препятствиями для развития евразийского лоббирования являются: отсутствие корреляции между интересами интеграционной группировки и национальными интересами государств-участников ЕАЭС; несовершенство механизма принятия решений в ЕЭК; неразвитость механизмов вовлечения представителей бизнеса в публичную повестку ЕАЭС; отсутствие навыков микролоббирования под влиянием развития евразийской повестки; слабая информационная политика ЕАЭС и обратная связь по корпоративным интересам бизнеса; отсутствие специалистов по GR-менеджменту со знанием национальной специфики всех стран-участниц ЕАЭС.

Задачи на ближайшую перспективу: формирование нормативной и регуляторной базы развития евразийского лоббизма; совершенствование процесса принятия решений в рамках созданной институциональной системы ЕАЭС в сторону прозрачности, открытости и легитимности; развитие отраслевого GR-менеджмента параллельно с формированием общих рынков; создание транснациональных евразийских корпораций, в том числе и цифровых; создание «евразийских компаний» — юридических лиц, обладающих правом ведения финансово-хозяйственной деятельности на всей территории Союза, способных к четкой идентификации своих интересов и продвижению частных, корпоративных и отраслевых вопросов в публичную повестку Евразийской экономической ко-

миссии; использование механизма трансграничного государственно-частного партнерства; создание евразийских некоммерческих организаций и профессиональных бизнес-ассоциаций (промышленников, фермеров, фармацевтов, зерновиков и т.д.).

Лапкин В.В.
(Москва, ИМЭМО РАН)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Развитие, в рамках физического описания, это всегда негэнтропийный процесс, сопряженный с наращиванием системной сложности и упорядоченности, а также накоплением системой энергетических и материальных резервов (что диагностируется посредством многочисленных и многообразных критериев) и реализуемый за счет внешних ресурсных источников. Развитие как принципиально динамический процесс всегда сопровождается интенсивным обменом с внешней средой (прежде всего веществом и энергией). При этом развивающаяся система всегда имеет в этом обмене положительный баланс. В том смысле, что вовне «сбрасывается» вещество и энергия «более низкого» качества. Вещество — в структурно-организационном отношении, энергия — более низкой частоты, прежде всего — в виде тепла.

Следует упомянуть и пресловутый «информационный» обмен. Доступная человечеству эмпирика развития обнаруживает, что все развивающиеся системы всегда пребывают в рамках больших совокупностей, формируя сложные и многоуровневые ансамбли, в которых кооперация, а зачастую и симбиоз сочетаются с ожесточенной и бескомпромиссной конкуренцией. При этом важнейшим эволюционно возникшим качеством большинства таких систем является рефлексивность. На этой основе такие системы получили возможность обмениваться сигналами друг с другом и, более того, для эффективного усвоения полезных сигналов извне — вырабатывать условные коды, делающие смысл сигналов трудно-распознаваемым для носителей потенциальной угрозы, но понятным для участников кооперативного взаимодействия и способствующим организации сложных «суперсистем», системных конгломератов. В последнем случае условием кооперации и взаимной координации развивающихся систем является коррелированность смысловой кодировки сигналов, которыми они обмениваются. Тем самым формируется пространство взаимодействия таких систем (зародыш того, что в развитом состоянии именуется общением и что лежит в основе феномена общества, сообщества), а обмен сигналами при условии коррелированности их источника и приемника и есть то, что мы называем информационным обменом. Впрочем, и в этом вопросе есть некая «серая зона». Дело в том, что раскодирование смыслов воспринятых сигналов есть всегда субъективный процесс, обусловленный возможностями системы, воспринимающей сигналы (благоприобретенными или «заложеными изначально», генетически). Поэтому коррелированность в данном случае означает лишь то, что принимающая сигналы система способна отделить в них «информацию» от «шума», т.е. способность систем к кодированию (по существу — модерированию) и декодированию (распознаванию) сигналов (то, что именуется передачей и получением информации) вырабатывается исключительно в процессе их развития.

Эволюция человеческого общества дает исследователю самые сложные, но вместе с тем и самые полные по своему содержанию образцы развития и соответствующих развивающихся систем и их суперсистемных конгломератов. Тем самым именно в рамках методологии социальных наук и политической науки, в частности, обнаруживаются наиболее зрелые потребности, а вместе с тем и возможности концептуализации развития (равно как и сопряженных с развитием и сильно «нагруженных» социальным контекстом понятий прогресса, революции и эволюции).

Основная методологическая сложность в понимании развития сводится к неуклонному тяготению исследователей описывать это «по определению» динамическое явление как последовательный переход от одного состояния к другому (а также препятствий и ограничений на пути всякого — не конкретизируемого и не концептуализируемого — движения и развития). Иными словами — склонность описывать развитие в логике хорошо известных апорий Зенона о движении (которое-де невозможно представить иначе, чем совокупность бесконечного числа неподвижных точек-моментов, «здесь и теперь»). Зыбкость оснований такой логики многократно, начиная с Аристотеля, подвергалась деконструирующему ее анализу. Констатация непреодолимости для человеческого ума трудностей, сопряженных с понятиями времени, протяженности и движения, побуждает, тем не менее, скорее к реконцептуализации этих понятий, нежели признанию фундаментальных (онтологических) границ человеческого познания. Человек обладает способностью чувственно воспринимать движение в его природной синкретической целостности, но мыслить движение он привык (как это отмечал Гегель, а вслед за ним и Ленин в «Философских тетрадах») как состоящее из дискретных и статических состояний («...остановись, движенье...»).

Парадокс Зенона возникает при описании движения (и развития) как бесконечной последовательности событий, не имеющей завершения в силу этой своей бесконечности. Именно описывая движение как последовательность событий, мы навязываем «реальному движению», т.е. чувственно наблюдаемому нами непрерывному и неразрывному процессу, модель описания, разрушающую всякое представление о «реальном движении». Событие — это лишь то, что наше сознание искусственно выделяет из движущейся, меняющейся, развивающейся реальности, это «моментальный слепок» движения, некая «копия» бытия, реальности, уже минувшей и ушедшей далее, в будущее. Человек изначально обладает способностью к движению и развитию (что он доказал хотя бы самим фактом своего эволюционного становления), но, развивая свои способности мыслить, он страшится помыслить объект мышления как нечто изменчивое. При этом современное наукообразное (систематическое) мышление по-прежнему более консервативно, нежели природа человека, дающая ему совершенный инструментарий действия в непрерывно меняющемся мире.

Однако императив постижения современного общественного и политического развития диктует политическому исследователю задачи «конструирования развития» (понятие, введенное в свое время Г. Лассуэлом (*Lasswell H. The analysis of political behavior an empirical approach. L.: Routledge & Kegan Paul, 1948*), разработки предлагаемой обществу модели развития, наполнение последней внятными образами будущего. Все это, в свою очередь, предполагает способность исследователя перейти в понимании развития от статического подхода — к процессуальному и эволюционному.

Лебедев С.Д.
(Белгород, НИУ «БелГУ»)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ РЕЛИГИЙ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОРЫВА

Современная актуальная культура российского общества характеризуется как секуляризованная смысловая среда, подверженная сильным внешним влияниям в силу глобализационных процессов. В ситуации непрерывной «гибридной войны» она является значимым полем противостояния ценностей, идей и верований. Основные полюса противоборства — ценности Российской цивилизации и соответствующего проекта глобализации, «свернутого» после распада Советского Союза, и ценности «западнизма» (А.А. Зиновьев) и соответствующего проекта глобализации, доминирующего сегодня в мировом масштабе.

Ценностная и идейная интервенция западнистской глобализации в дальней и уже в среднесрочной перспективе не оставляет места для сосуществования «автохтонным» ценностям и жизненным смыслам альтернативного плана. Объективная предпосылка этого — несовместимость глубинных оснований тех и других, в частности, агрессивного индивидуализма первых и общинного солидаризма вторых. Субъективная предпосылка — идейная направленность западнизма на «зачистку» иного социокультурного пространства в целях овладения его ресурсами.

Объективная база ценностно-смыслового ресурса западнистского глобализма — «чувственная культура» (П.А. Сорокин), сформировавшаяся в эпоху европейского Модерна (XVII–XIX вв.) и вступившая в фазу кризиса и распада в начале XX столетия. Обусловленные ее достижениями социально-организационные, экономические и научно-технологические прорывы легли в основу современной волны глобализации, затронувшей большинство стран мира (Н.М. Римашевская). Вступив ко второй трети XX века в свою «перестойную» (кризисную) фазу, она порождает и предельно обостряет весь комплекс социальных противоречий, одновременно утрачивая потенциал их конструктивного решения.

На первый план в «перестойной» чувственной культуре бывшего Модерна выходят, замещая ключевые ценности прогресса, просвещения и гуманизма, «теньевые» ценности контрпросвещения и антигуманизма, и актуализирующие их идеологии. Субъективно этот комплекс ценностей и идеологий берется на вооружение глобалистскими элитами, активно развивается и изобретательно применяется в соответствии с технологиями «мягкой силы» в реализации своих стратегий и задач. При кажущемся разнообразии идей («планетаризм», «постгуманизм», «всеобщая цифровизация», «демократия», «транспарентность» и др.) они обнаруживают единую смысловую и прагматически-целевую основу. Некритически принимая и встраивая соответствующие идеи и верования в свое сознание и установки поведения, индивиды, группы и целые общества «заглатывают наживку», грозящую в перспективе разрушением их культурной, социетальной и даже человеческой идентичности (Н.П. Николаев).

Действенной «вакциной» против такой десубъективизации людей и сообществ незападнистского мира могут быть лишь сопоставимые по силе влияния альтернативные ценности и идеи, накопленные национальными и межнациональными культурными традициями и содержащиеся в «запасниках» их актуальных культур. В первую очередь, к ним относятся религиозно-этические

системы. Так, в восточно-христианской (православной) традиции это, прежде всего, достоинство и ценность («богосыновство») человека (А.С. Панарин). В большей или меньшей степени они сохраняют свое остаточное «фоновое» влияние на индивидуальном, микро-, мезо- и макросоциальном уровнях общественного сознания, психологии и поведения, но это влияние, особенно в сегодняшней ситуации «горячей» фазы геополитического противостояния, нуждается в систематическом подкреплении и усилении.

В этой связи одной из важнейших общественных задач выступает максимальная актуализация этого ценностного и идейного потенциала, условием которой является многообразная и систематическая работа по переводу в светские дискурсы религиозных смыслов, прежде всего, деятельной неэгоистической любви к ближнему, единения во имя высших ценностей, творческой самоотдачи и нестяжательства. Она предполагает герменевтику (интерпретацию корпуса текстов и создание на их основе действенного «образа будущего»), адаптацию (переложение на актуальные предметно-тематические «поля» и «языки» конкретных групп и общностей, прежде всего, молодёжных), трансляцию («встраивание» в массовые коммуникации всех видов) и обратную связь (постоянную социологическую, антропологическую, политологическую, психологическую и философскую рефлексию промежуточных результатов и последствий).

Сверхцелью такой деятельности, частично уже реализуемой в стране и требующей длительной интеллектуальной и согласованной работы всех основных институтов общества, призвано стать продвижение альтернативного «западнизму» гуманистического проекта глобализации, а результатом — как минимум, выживание и новый этап развития Российского социума и цивилизации.

Лебедева М.М.
(Москва, МГИМО МИД России)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ

Скачок в развитии технологий не раз в истории приводил к смене политических отношений. Это и переход к земледелию, породивший феодализм, и развитие промышленного производства, которое способствовало формированию капиталистических отношений, и развитие ядерной энергетики, химии и электроники во второй половине XX столетия. В результате развития технологий XX в. появился клуб «Ядерных держав». Химические удобрения и средства защиты растений привели к «зеленой революции», что позволило обеспечить продовольствием развивающиеся страны и избежать в них голода, а также социальных конфликтов на этой почве. Развитие электроники способствовало созданию национальных радио- и телеканалов в странах Африки, Азии, что стимулировало формирование национально-освободительных движений в колониях. В итоге колониальная система пришла в противоречие с новым технологическим уровнем развития.

Цифровые технологии конца XX — первой четверти XXI в., как представляется, приведут к не менее существенным изменениям. В настоящее время появилось немало исследований, в которых показано, как те или иные технологии влияют на отдельные мировые политические явления и процессы. В то же время важно выявить, как цифровизация изменит в целом политические отношения в мире. Для этого необходимо определить влияние цифровых технологий на политическую организацию мира, которая включает в себя, как минимум три макроуровня: 1) Вестфальскую систему (ее принципы); 2) межгосударственные отношения; 3) политические системы различных стран мира.

Начиная с конца XX в., информационные и коммуникационные технологии сначала затронули Вестфальские принципы. Интернет-технологии сделали информационное пространство практически безграничным, подвергнув эрозии ведущий Вестфальский принцип — суверенитет. Сеть Интернета сразу вывела огромное количество различного рода организаций и в целом людей на трансграничный уровень взаимодействия. В результате на мировой арене наряду с государствами активизировались негосударственные и частично государственные акторы. В межгосударственных отношениях стала развиваться цифровая дипломатия. Дипломатические ведомства ведущих стран примерно за двадцатилетний период сделали многое для внедрения цифровых методов в свою деятельность с целью информации и коммуникации с зарубежной аудиторией.

В XXI в. усилились процессы транснационализации, в частности в связи с технологией блокчейна, лежащей в основе криптовалют. Неслучайно обсуждается возможность использования криптовалют для обхода санкций.

В то же время на межгосударственном уровне по-новому встала проблема национальной и международной безопасности. Во-первых, получили распространение информационные войны. Во-вторых, развитие робототехники привело к активному использованию дронов в ходе военных действий. Кроме того, ведущие армии мира перешли на высокоточное оружие. Однако это не сняло проблему архаики

в ходе ведения войн. В некоторых случаях архаичные средства, как показал ряд исследований, оказываются эффективными.

Одновременно, благодаря цифровым технологиям, усилилась коммуникация между странами и стала развиваться трансгосударственность, описанная А.-М. Слоттер. Ее суть заключается в том, что министерства различных стран стали напрямую устанавливать между собой связи.

В мировой политике возникли области, которые потребовали международных договоренностей. Одна из них связана с проблемой международного регулирования Интернета. Аналогичная ситуация стала складываться и в других сферах, в частности в борьбе с международной преступностью, которая интенсивно использует сеть Интернета, международным терроризмом, хакерами и т.п.

На уровне национальных государств особое значение для принятия политических решений приобрели такие технологии, как большие базы данных и искусственный интеллект. Вместе с тем их наличие вызвали опасения в связи с возможностями злоупотребления использованием такой информацией. Еще одна проблема цифровых технологий обусловлена вероятностью исчезновения ряда профессий, причём не только в области применения тяжелого физического труда, но и, например, в сфере массового перевода текстов на иностранные языки. В политическом плане здесь возникает проблема пересмотра программ подготовки кадров, переучивания имеющих работников.

Таким образом, цифровые технологии конца XX — начала XXI в. оказывают влияние на все три уровня иерархически построенной политической организации мира, открывая новые возможности и одновременно порождая проблемы. В целом представляется, что политическая организация мира будет трансформироваться из иерархической в сетевую.

*Лебедева М.М., Кузнецов Д.А.
(Москва, МГИМО МИД России)*

МЕСТО БРИКС В СКЛАДЫВАЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА

Проблема трансформации мирового порядка или в целом политической организации мира сегодня стоит крайне остро и широко обсуждается на политическом и научном уровнях, как в России, так и за рубежом, в том числе в западных странах. Как будет выстраиваться глобальное управление и какова в нем будет роль БРИКС, является важнейшей научной и практической задачей. Сможет ли БРИКС формировать контуры мирополитической организации в будущем, и если да, то как и за счет чего?

Политическая организация мира на макроуровне состоит из трех слоев. Ее фундаментом выступает Вестфальская система принципов, главным из которых является суверенитет. Следующий слой образует система ведущих государств, обычно рассматриваемая как мировой порядок. Наконец, третий слой представлен политическими системами государств мира. В настоящее время политическая организация мира находится в беспрецедентной трансформации.

Бурное развитие межправительственных организаций, которое произошло во второй половине XX в., уже тогда продемонстрировало, что сложно ограничиться рассмотрением только отношений между ведущими государствами мира. На рубеже XX и XXI вв. стали развиваться параорганизации. Распад биполярного мира привел к дискуссиям о новом мировом порядке, которые продолжаются почти 30 лет, однако так и не достигли однозначного результата.

Представляется, что причина этого в том, что форматы политического устройства мира сегодня становятся гораздо более сложными, чем они были ранее. Одним из таких форматов является БРИКС.

Следует отметить следующие характеристики БРИКС. Изначально БРИКС формировался как параорганизация, без строгих структур, таких как устав, штаб-квартира и т.п. В этом смысле БРИКС не стала уникальной организацией. Однако наряду с другими параорганизациями, в частности, Группой 20, Группой 7, а также рядом форумов (АТЭС, Давосский форум и т.п.) в мире образуется целая сеть взаимно переплетенных образований, когда одни и те же государства могут входить в разные параорганизации, а также в межправительственные организации. Параорганизации, хотя и не обладают правосубъектностью, позволяют более гибко реагировать на события и процессы, происходящие в мире.

Следующей характеристикой БРИКС является ее трансрегиональность, что также не представляет собой исключительную особенность данной структуры. Однако вовлеченность в параорганизацию государств, которые располагаются на разных континентах делают БРИКС действительно глобальной, в отличие, например, от форума АТЭС.

Третья характеристика. Для БРИКС характерны сетевые структуры. Так, создан сетевой университет БРИКС, хотя возникают трудности в воплощении подобных проектов.

Эти характеристики БРИКС плохо вписываются в современную иерархическую структуру политической организации мира и фактически размывают ее. Можно предположить, что формат БРИКС

будет одним из важнейших элементов в трансформации политической организации мира, преобразуя последнюю в сложную модель сетевых отношений и переплетений параорганизаций, международных организаций и т.п.

Левченко Д.О.
(Краснодар, КубГУ)

МОЛОДЕЖЬ В ФОКУСЕ ПОЛИТИКИ ОТВЕТСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ*¹

Российская национальная модель развития находится в состоянии адаптации к турбулентным геополитическим реалиям, в поиске оптимального сочетания стабилизирующих и ускоряющих развитие факторов — традиций и инноваций. Выработка новых стратегических ориентиров и политико-управленческих решений в сфере государственной молодежной политики, приращение значительных экономических ресурсов и инфраструктурная модернизация — явления современности, сигнализирующие о попытках интеграции молодежи России в парадигму ответственного развития.

Цель исследования — охарактеризовать институциональный дизайн, ресурсные и технологические возможности обеспечения гражданского участия молодежи в реализации политики ответственного развития в современной России.

Разрабатываемый в научном дискурсе концепт политики ответственного развития (проявляется в активации ответственного межсекторного партнерства и «повышении роли нематериальных стимулов жизнедеятельности»¹) выражает запрос субъектов публичного управления на выработку институциональных, ресурсных и технологических компонентов эффективной модели государственного стратегического управления в условиях нестабильности. Ответом на углубление цивилизационных разломов, на дефицит источников пространственно-территориального развития представляется активация молодежного потенциала (интеллектуального, социального, сетевого, лидерского) через конструирование гражданской идентичности, обеспечение доступа к «помогающим» сетевым сообществам и ресурсам.

Молодежь представляется носителем нематериальных ресурсов, востребованных в реализации инновационной модели пространственно-территориального развития. Невозможность/неспособность государства обеспечить конструктивное социальное участие молодежи в стратегическом ракурсе чревато становлением «нового потерянного поколения», в оперативном — с рисками конвертации социальной энергии молодежи в деструктивную протестную активность. В российской практике государство через институты социализации предпринимает усилия по формированию «новой повседневности» молодежи — развитой гражданственности. Ориентации на следование социокультурным традициям, на солидарные взаимодействия, на развитие территорий и сообществ через инновации определяют желаемые сущностные параметры субъективных представлений молодежи о Себе и Других, о своей малой Родине и стране.

«Сквозной» характер государственных технологий и инструментов политики идентичности подразумевает их эффективное воздействие на каждый из компонентов гражданской идентичности молодежи: когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный и деятельностный. Так, проекты развития волонтерства и добровольчества, навыков и компетенций проектного управления (инициативное бюджетирование, социальное проектирование, бизнес-проектирование), привлечение к общественно-полезному труду («трудовые семестры», Российские студенческие отряды) интегрируют мероприятия образовательного (просветительского) и практического модулей, объединенные идеей достижения социально-экономического процветания России, обеспечения ее безопасности и суверенитета.

В ракурсе «ответственной» государственной молодежной политики значимыми являются изучение, проектирование, внедрение институциональных и технологических изменений в системе российского образования. Новыми «точками сборки», формирующими бесшовные пространства молодежного взаимодействия, представляются:

- 1) университеты России, в особенности опорные региональные вузы, которые интегрируют в своем пространстве инициативную школьную, студенческую, работающую молодежь (межпоколенческий срез);
- 2) постоянно действующие национальные институты (площадки) развития молодежного потенциала, мультиплицирующие горизонтальные сетевые взаимодействия молодежи России (круглогодичные центры компетенций Федерального агентства по делам молодежи, проекты «Россия — страна возможностей» и др.) (пространственно-территориальный срез).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности».

¹ Семенов И. С. Дискуссии о развитии в контексте политики развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И. С. Семенов; ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2023. С. 51.

Таким образом, Российское государство в ответ на вызовы «общества риска» активирует нематериальные ресурсы молодежи, конгруэнтно развивает индивидуально-креативное и общественно-полезное начала ее преобразовательной деятельности в логике политики ответственного развития.

Левченко Н.В.
(Москва, ИС ФНИСЦ РАН)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ПРОСТРАНСТВА*

Одним из основоположников теории сетевого общества является М. Кастельс. Согласно его подходу социальная структура такого общества выстраивается вокруг сетей и активизируется с помощью цифровых форм. По мнению ученого, в настоящее время горизонтально-сетевые структуры способны конкурировать с вертикально-иерархическими, в результате чего наступает новый этап в сфере развития публичной политики, которая переходит в горизонтальные массовые коммуникации. По мнению М. Кастельса, главными элементами сетевого общества являются сами сети, однако есть и другие мнения на этот счет. Так, например, голландский социолог Ян ван Дейк в качестве базовой ячейки западного общества определяет индивида, а в соответствии с теорией Н. Лумана основу современного сетевого общества составляют коммуникации, формирующиеся из социальных событий. В подобном ключе В.О. Саяпин отмечает, что именно информационное сообщение, конструирующее это общество как систему, является конечным социальным элементом. Совокупность информационных сообщений представляют собой социальный контакт, а сами сообщения составляют семиотическую систему.

В 1960–1970 гг. в Гарварде сформировалось течение, в основе которого лежит анализ социальных сетей, среди его представителей можно выделить: С. Берковитца, С. Вассермана, Б. Уэллмана, Л. Фримана и др. Странники данного течения осуществляют анализ в рамках структурного подхода, основанного на изучении взаимодействий между социальными акторами. В свою очередь представители акторно-сетевой теории характеризуют сеть как некий инструмент, позволяющий участвовать в описании чего-то, но не являясь при этом предметом описания.

На наш взгляд, особенно интересной представляется концепция Ж. Делеза и Ф. Гваттари, которые предполагают, что в сетевом обществе не может быть организованной социальной системы и единства, мир может быть полицентричен и самостоятельно развиваться. В своих исследованиях ученые рассматривают социальные поля как «запутанные узлы», где переплетаются территория, детерриторизация и ретерриторизация. В рамках данной концепции Интернет может рассматриваться как децентрализованная система, позволяющая отдельным сообществам коммуникации быть независимыми от власти, продуцируя при этом новые темы и форумы.

Можно отметить, что в теоретических подходах, посвященных изучению сетей, социальный контакт понимается как коммуникация (взаимодействие) между информантами (авторами) и реципиентами (получателями) сообщений, а сеть понимается как сама суть действий индивидов. Так, по мнению А.В. Назарчука, в основе любых сетей лежит коммуникация индивидов, при этом современная государственная власть также представляет собой сеть коммуникаций.

В современных научных трудах преимущественно используются методы лингвистического, лексико-семантического и контекстуального анализа. Рассматриваются особенности языка специалистов по связи с общественностью, политические нарративы официальных СМИ, риторика политической медиакоммуникаций. Ряд ученых акцентирует внимание на образных единицах политического дискурса. Например, Тань Цзе выделяет несколько видов образных единиц: образные метафоры и сравнения; фразеологизмы, паремии (поговорки и пословицы) и др. Исследователи отмечают, что образное воздействие является одним из действенных инструментов политической коммуникации.

Согласно ряду изученных работ одними из основных способов конструирования социальной реальности в сети выступают как вербальные, так и невербальные практики воздействия субъекта информации.

Можно заключить, что в настоящее время анализ коммуникаций преимущественно осуществляется в рамках лингвистического и символического подходов и посвящен в первую очередь частным случаям и специфике коммуникаций в медиапространстве. В нашем понимании, сама сеть представляет собой не столько пространство субъект-объектных взаимодействий (сводящиеся к передаче информации от адресанта к адресату), сколько сами отношения, которые в дальнейшем переходят в действия (коммуникации). Таким образом, сеть отношений способствует формированию

* Публикация подготовлена в рамках госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 год по теме «Сетевой подход к выстраиванию общественных и политических коммуникаций» (рег. номер 124081500017-9) при поддержке Минобрнауки России и ЭИСИ.

активных субъектов сети, а смысловые конструкторы передаваемых ими сообщений в сетевом пространстве детерриторируются и ретерриторируются в горизонтально-сетевых структурах, при этом векторы движений сообщений, продуцируя самих себя, соединяют виртуальных субъектов, образуя глобальную сеть взаимоотношений.

Легостаев И.А.
(Москва, РУДН)

АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И КИТАЯ

Традиционные ценности играют важную роль в формировании национальной идентичности и политического курса России и Китая. Они отражают коллективный опыт народа, его представления о добре и зле, должном и недопустимом. Данный вопрос заслуживает особого внимания и всестороннего анализа, учитывая его значение для понимания современных политических процессов. Актуальность темы также обусловлена тем, что в контексте активного распространения в мире односторонней антироссийской пропаганды странами коллективного Запада защита, сохранение, изучение традиционных ценностей являются поистине вопросом государственной важности.

Целью данного доклада будет выступать определение понятия традиционных ценностей и исследование подходов к этому вопросу в контексте политического дискурса России и Китая в рамках сравнительного анализа.

Согласно пункту 4 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809, под традиционными ценностями понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Вместе с тем, пункт 5 данного Указа Президента Российской Федерации детализирует, что именно относится к традиционным ценностям: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

В свою очередь в Конституции Китайской Народной Республики особое внимание уделяется славной победе китайского народа в революционной борьбе, торжеству социализма. Так, в статье 24 Конституции подчеркивается, что государство выступает за ключевые ценности социализма и общественную мораль, для которой характерна любовь к Родине, народу, труду, науке, социализму, проводит в народе воспитание патриотизма, коллективизма и интернационализма, коммунизма, воспитание на основе диалектического и исторического материализма, ведет борьбу против буржуазной, феодальной и иной тлетворной идеологии.

В Китае и особенно в России традиционные ценности часто противопоставляются западным либеральным концепциям, воспринимаемым как чуждые национальному менталитету.

Для России характерно особое внимание к духовно-нравственным аспектам традиционных ценностей. В российском контексте они часто связываются с православной этикой, идеями соборности, коллективизма, патриотизма. Важное место занимают семейные ценности, уважение к старшим, приоритет духовного над материальным.

В Китае традиционные ценности тесно переплетаются с конфуцианской этикой и коммунистической идеологией. Они включают в себя такие понятия, как гармония, почитание предков, коллективизм, трудолюбие, стремление к знаниям. Китай стремится представить свои традиционные ценности в виде «гармоничного мира совместного процветания».

Не вызывает сомнений значимость вопросов защиты, сохранения традиционных ценностей, которые рассматриваются в качестве одной из основ социальной стабильности и инструмента противостояния глобальным вызовам в политическом дискурсе обеих стран.

Важно сохранять баланс между уважением к традициям и открытостью к инновациям, избегая как догматизма, так и необдуманного отказа от культурного наследия.

Однако стоит помнить, что «Традиционные ценности — это основа нашей идентичности, нашего существования и нашего суверенитета. Безусловно, это то, что лежит в основе нашей государственности», — отметил президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая на пленарном заседании II Саммита «Россия—Африка» в Санкт-Петербурге 28 июля 2024 года.

Леденева В.Ю.
(Москва, ИДИ ФНИСЦ РАН)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Миграция занимает одно из ключевых мест среди социальных и экономических вопросов современного мира. В условиях усиливающихся миграционных потоков страны Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС) сталкиваются с множеством вызовов в области управления миграционными процессами. Правовые аспекты миграционной политики играют критическую роль в регулировании этих процессов, при этом страны ЕАЭС — Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия — имеют различные подходы и правовые механизмы управления миграцией, что обусловлено их историческими, социальными и экономическими особенностями.

Фокус межгосударственного сотрудничества стран-участниц ЕАЭС сосредоточен на управлении международной трудовой миграцией. Миграционные процессы в Евразийском экономическом союзе регулируются новой отраслью международного права — правом ЕАЭС. Правовой основой является Договор о Евразийском экономическом союзе. Обозначим особенности миграционных процессов на пространстве ЕАЭС:

Доминирование трудовых миграционных потоков над долгосрочными.

Неравномерность распределения как временных трудовых, так и долгосрочных миграционных потоков.

Наиболее масштабные потоки трудовой миграции в основные страны-реципиенты — Россию и Казахстан направляются из-за пределов миграционной подсистемы ЕАЭС.

Основным донором трудовой миграции выступает Кыргызстан.

Общность языка межнационального общения увеличивают возможности для миграции и положительно влияют на динамику и интенсивность миграционного обмена между странами — участницами ЕАЭС.

Взаимная заинтересованность в миграции и эффективном ее регулировании принимающих и отправляющих стран-участниц Союза базируется на неравномерности их социально-экономического и демографического развития.

Анализ нормативно-правовых документов о миграции стран ЕАЭС показывает, что, в целом, регулирование миграционных процессов в странах ЕАЭС направлено на поддержание стабильности в регионе, оказание помощи мигрантам в поиске работы и обеспечение эффективного взаимодействия между государствами-участниками по этим вопросам.

Обратимся в нормативно-правовой базе, касающейся миграции конкретно каждой страны ЕАЭС.

Правовое поле, регулирующее сферу миграции в Республике Армения, не классифицировано, а состоит из специальных правовых актов, касающихся миграционных вопросов, и ряда норм, установленных другими, более общими правовыми положениями. Долгосрочными целями миграционной политики РА являются: содействие легальной миграции; поддержка интеграции долгосрочных иммигрантов и беженцев и реинтеграция возвращающихся мигрантов; защита прав и интересов армянских трудовых мигрантов; расширение международного сотрудничества в области миграции.

В Беларуси действует строгая система регулирования трудовой миграции. Привлечение иностранных работников осуществляется на основании специальных разрешений, которые выдаются компетентными государственными органами. Трудовые мигранты обязаны получить разрешение на работу, а работодатели должны соответствовать ряду требований для их найма. Эта система направлена на контроль за количеством и квалификацией привлекаемых работников, а также на защиту национального рынка труда.

Для регулирования миграционных процессов Республика Казахстан активно взаимодействует со странами ЕАЭС. Миграционная политика Казахстана реализуется на следующих принципах: соблюдение и защита прав мигрантов, недопустимость любых форм дискриминации; обеспечение прав и законных интересов как мигрантов, так и граждан страны; выполнение положений национального законодательства и международных обязательств.

В Кыргызской Республике акцент сделан на использование миграционного потенциала населения, соотечественников, иммигрантов и лиц без гражданства на развитие КР, создание системы защиты прав граждан КР, находящихся за пределами страны, сохранение этнокультурной идентичности трудовых мигрантов, а также организации процесса добровольного переселения этнических кыргызов в КР.

Таким образом, правовые аспекты миграционной политики стран-участниц ЕАЭС требуют дальнейшего совершенствования и адаптации к современным вызовам и изменениям в геополитической ситуации. Перспективы развития миграционной политики в ЕАЭС связаны с укреплением межгосударственного сотрудничества, улучшением координации действий и созданием общих стандартов и норм.

ЭПОХАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ АСТАНИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ И НОВЫЕ РАЗРАБОТКИ ШОС

3—4 июля 2024 года в столице Казахстана Астане состоялось 24-е заседание Совета глав государств ШОС. ШОС является важным механизмом многосторонности в современном мире. После того как Казахстан стал президентом в 2023 году, он провел множество мероприятий в рамках ШОС, включая политику, безопасность, экономику, энергетику и другие области. Темой этого саммита является «Укрепление многостороннего диалога — стремление к достижению устойчивого мира и развития». Главы государств подписали 25 документов о сотрудничестве, таких как «Астанинская декларация» и «Энергетическая стратегия Шанхайской организации сотрудничества». Эти документы сыграли жизненно важную роль в процессе развития ШОС¹.

Организационное расширение достигло исторического прорыва. На этом саммите Беларусь была принята в качестве формального члена ШОС, а членство расширилось до 10 стран, что означает, что географический охват организации простирается от Центральной Азии и Южной Азии до Европы. Беларусь стала партнером по диалогу на Екатеринбургском саммите ШОС в 2009 году, открыв официальные отношения с ШОС. Беларусь официально стала государством-наблюдателем ШОС в декабре 2012 года.

После эскалации украинского кризиса, чтобы ответить на давление со стороны США и Евросоюза и укрепить региональное сотрудничество в сфере экономики и безопасности, Беларусь в июле 2022 года подала заявку на вступление в ШОС. В июле 2023 года в ходе саммита ШОС в Нью-Дели Беларусь подписала Меморандум об обязательствах стать полноправным членом организации. В ноябре того же года Бай утвердил документ «Меморандум об обязательствах» и пообещал взять на себя 5,8% доли бюджета ШОС. С тех пор Беларусь ускорила свой прогресс в присоединении к ШОС².

В отличие от двух предыдущих приемов новых государств-членов, третье расширение — это первый случай после России, когда европейские страны были приняты в качестве полноправных членов. Теперь ШОС не только расширила свой масштаб, но и ее прямое влияние распространилось и на внутренние районы Восточной Европы. После всесторонней эскалации украинского кризиса в число внешних инструментов, используемых Россией для разрешения давления со стороны Европы, вошли не только Евразийский экономический союз и ОДКБ, но теперь и Шанхайская организация сотрудничества.

Стратегическое позиционирование определяет новые направления будущего развития. В «Астанинской декларации Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества» государства-члены акцентируют внимание на четырех «конструкциях»: построение новой мировой политической и экономической модели, построение нового типа международных отношений; построение нового многополярного мирового порядка; построение нового мира и достижение гармоничного сосуществования человека и природы.

Эти «четыре конструкции» определяют нынешнее стратегическое позиционирование ШОС и, как ожидается, позволят государствам-членам получить следующие преимущества сотрудничества: Во-первых, усилить голос ШОС в международных делах. Увеличение числа членов придало организации возрастающую роль в глобальной политике на фоне геополитической напряженности. Во-вторых, продвижение нового типа равных и справедливых отношений между государствами. ШОС объединит страны, которые разделяют «шанхайский дух», для совместного продвижения международной справедливости и справедливости и достижения устойчивого развития. В-третьих, в полной мере использовать эффект конвергенции сотрудничества в области региональной безопасности. Укрепить внутреннее сотрудничество через организацию и стабилизировать пространство безопасности ШОС. Четвертое — повышение экономической конкурентоспособности стран-членов. Из Декларации видно, что ШОС создает благоприятные условия для торговли между государствами-членами и постепенно реализует свободное движение товаров, капитала, услуг и технологий на пространстве ШОС.

На фоне нынешней сложной и нестабильной международной ситуации саммит в Астане предоставляет государствам-членам ШОС важную возможность для совместного решения глобальных вызовов. Астанинский саммит совершил прорыв в продвижении многосторонности, организационного расширения, регионального сотрудничества и международного влияния, и государства-члены будут работать вместе для поддержания безопасности, стабильности, развития и процветания в регионе и мире. В будущем ШОС продолжит поддерживать «Шанхайский дух», укреплять многосторонний

¹ Астанинская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6163> (дата обращения: 20.09.2024).

² Белоруссия ратифицировала меморандум о вступлении в ШОС // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19405245> (дата обращения: 20.09.2024).

диалог и сотрудничество, содействовать региональной интеграции и развитию и вносить большой вклад в построение сообщества единой судьбы.

Линде А.Н.
(Москва, РЭУ им. Плеханова)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА: КОНТРОЛЬ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ЕГО ЭМАНСИПАЦИЯ

Политическая наука часто определяется как ценностно-нейтральная, не ставящая перед собой целей ни совершенствования общества и освобождения личности, ни жесткого управления социумом и контроля каждой личности. Тем не менее, как мы постараемся показать, некоторые направления политической науки латентно способствуют управлению человеческими массами и их контролю, а некоторые направления — открыто ставят цель эмансипации человеческой личности.

Контроль или эмансипация человека прямо соответствуют тем моделям человеческой личности, которые существуют в этих направлениях политической науки. Бихевиоралистские, системно-функциональные и другие подходы определяют человека как только биологическое системное существо, исполняющее определенные социальные функции. Такое «биосоциальное определение» (Холл, Линдсей, 1997, с. 24) ценность каждой личности «соотносит ... с “социальной стимульной ценностью” индивида» (Холл, Линдсей, 1997, с. 24).

Существует и гуманистическое, экзистенциальное понимание человека, данное в гуманистической психологии А. Маслоу, В. Франкла, Э. Фромма, Р. Мэя и др., согласно которым личность не сводима к одному «психофизическому организму» (Франкл, 2005, с. 5), исполняющему инструментальные функции, но физический организм есть средство для личности, «чтобы иметь возможность действовать и выражать себя» (Франкл, 2005, с. 6) в мире. И в политической науке данное гуманистическое понимание человека соответствует критической теории М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Э. Фромма, Ю. Хабермаса и др.

Но вопрос не сводится только к постулированию определенной модели человека, в этих направлениях политической науки, понимающих человека чисто биологически, также ставится цель управления человеком — как биологической единицей. Наиболее ярким примером здесь является бихевиорализм. Уже в бихевиоризме предполагалось: поведение человека — это продукт внешних воздействий на него, так как человек подчиняется принципу стимул — реакция. Тем не менее, достаточно быстро экспериментаторы пришли к идее, что не просто человеческое поведение формируется в связи с принципом стимул-реакция, но и что это определенное поведение человека можно формировать целенаправленно, воздействуя на людей извне. Для этого нужно только создать для человека необходимые стимулы, и ещё добавить к ним определённое психологическое «подкрепление» — дополнительный элемент воздействия на человека и его поведение. Тогда будет достигнуто требуемое государством поведение человека. Не случайно Б.Ф. Скиннер писал, что «ошибочно полагать, что проблема заключается в том, как освободить людей. Она состоит в том, чтобы улучшить контроль над ними» (Иванова, 2018, с. 161).

И данные положения были переняты в политической науке в бихевиорализме. Например, Г. Лассуэлл разработал концепцию информационного воздействия, согласно которому информация может воздействовать на сознание человека как «волшебная пуля». Тогда, человек действует так, как хотел информатор, воздействуя на него. Эти положения неоднократно применялись в пропаганде и политических технологиях.

Хотя может показаться, что бихевиорализм давно сошел на нет в политической науке, на самом деле, это не совсем так. Так, в государственном управлении поведенческий подход стал развиваться наиболее активно в начале XXI в. В 2008 г. К. Санстейн и Р. Галер публикуют книгу «*Nudge*» — «Подталкивать», в которой постулируют для государства задачу целенаправленно влиять на желаемое поведение людей в обществе, создавая для них стимулы. С 2009 по 2012 г. К. Санстейн возглавлял «Управление по делам информации и регулирования» в США, а в англосаксонской прессе явление государственного «подталкивания» определенного поведения было обозначено как «*Behavioral public administration*». Его непосредственно проводили в жизнь лидеры таких государств, как США и Великобритания, — Б. Обама и Д. Кэмерон.

Иное положение в таком направлении социальных наук и политологии, как критическая теория общества. В отличие от классических позитивистских теорий, постулировавших нейтральность, критическая теория заявляла о направленности на эмансипацию общества и преодоление порабощения, угнетения людей структурами власти и капитала.

Критическая теория повлияла на разные направления политической науки, например — критическую теорию международных отношений Р. Кокса, Э. Линклейтера и критический дискурс-анализ,

разработанный Н. Фейрклау и др. Эти подходы применяются и в современной политической науке, принося серьезные исследовательские результаты.

Таким образом, как было нами показано, ряд направлений политической науки вовсе не является общественно-нейтральным. И, если бихевиорализм в современном мире способствует контролю человека на государственном уровне, то критическая теория стремится к эмансипации и развитию человеческой личности. Мы полагаем, что было бы предпочтительнее, если бы сложилась по-настоящему гуманистическая политическая наука, одним из оснований которой может стать критическая теория общества.

Лисенкова А.Д.

(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ИТОГИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ 2024 г. ДЛЯ ЕВРОСКЕПТИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

В июне 2024 г. прошли очередные выборы в Европейский парламент. Согласно предварительным опросам, ожидалось прибавление в евроскептических политических группах: «Идентичность и демократия» (ИД), «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР) и «Левые в Европейском парламенте — ЕОЛ/ЛЗС» («Левые»). В большей степени это касалось скептиков правого толка. Так, Европейский совет по международным делам предсказывал увеличение ИД с 73 депутатов в 2019 г. до 98 в 2024 г., ЕКР с 62 до 85, а «Левых» с 41 до 44. Стоит сделать оговорку, что в 2019 г. избирался 751 депутат, а не 720 как в 2024 г. Численность делегаций некоторых стран, пусть и не существенно, но изменилась, чему также поспособствовал *Brexit*.

Прогнозы были близки к реальности (ЕКР — 78, а «Левые» — 46) с тем лишь уточнением, что ИД перестала существовать, в первую очередь из-за конфликта между ее лидерами «Национальным объединением» и «Альтернативой для Германии» (АдГ). Бывшие члены, в том числе и итальянская «Лига» (третий лидер), преимущественно поддержали критику радикализации АдГ и создали группу «Патриоты за Европу» (84 депутата). Тогда как «Альтернатива для Германии», чешская «Свобода и прямая демократия» и ряд не участвовавших в расколовшейся группе сил сформировали «Европу суверенных наций» (ЕСН) (25 депутатов). Присоединились представители Германии и Чехии к «Патриотам за Европу», это добавило бы им 16 человек. Остальные члены «Европы суверенных наций» рисковали в таком случае остаться среди неприсоединившихся, где зачастую скапливаются более маргинальные в понимании ЕС силы. Стоит отметить, что ЕСН весьма неустойчива, так как не имеет других крупных сил (кроме АдГ), а ее численность едва превышает допустимый минимум (23 депутата из 7 стран).

Граждане Германии, обладательницы самой крупной делегации (96 депутатов), голосовали в 2024 г. пропорционально, по закрытым спискам и при отсутствии процентного барьера. Среди основных партий, к которым традиционно можно отнести регулярно преодолевающие 5% порог уже на национальных выборах силы, присутствовали евроскептики как правого, так и левого толка. В первую очередь это «Альтернатива для Германии» и «Левая». Отличием от кампании 2019 г. стало появление отколовшегося от левых на рубеже 2023-2024 гг. «Союза Сары Вагенкнехт — за разум и справедливость» (ССВ). В полной мере его пока рано причислять к основным партиям, так как ни в одной национальной кампании он не участвовал. Тем не менее рейтинг партии (свыше 8% на сентябрь 2024 г.), результаты на выборах в Европарламент (6,2%) и в ряд восточных ландтагов (двузначные отметки), превышающие показатели «Левой», позволяют посмотреть на ССВ пристальнее, чем на многих крайне малых игроков, имеющих более длительную историю.

Повышенный интерес к евроскептикам был основан на недовольстве рядом взаимосвязанных направлений: энергетическом, миграционном, внешнеполитическом и экономическом. Это вопросы, касавшиеся стоимости «зеленого перехода» и энергетических санкций, помощи Украине и роста цен, интеграции увеличившихся по ряду направлений миграционных потоков и изменений в законодательстве.

Поддерживая национальную экономику, АдГ выступила против климатической политики, антироссийских санкций и неконтролируемой миграции. ССВ продвигал социальные стандарты и дипломатию во внешней политике, снятие санкций и климатические инновации, а также проверку мигрантов за пределами страны. Наконец, также социально ориентированные левые как традиционно раскритиковали капитализм, так и рассуждали о необходимости еще большего повышения климатических целей, дипломатии с точечными санкциями (например, против военно-промышленного комплекса), защите прав мигрантов и прекращении эксплуатации Глобального Юга.

Как итог, подъем евроскептиков в Германии обеспечили АдГ (впервые второе место, 15,9% вместо 11% 2019 г.) и ССВ (6,2%). Потеряв существенную долю консервативных сторонников из-за попу-

листных перегибов, спорных миграционных приоритетов и др. в пользу как раз АдГ и ССВ, левые получили только 2,7% в сравнении с 5,5% в 2019 г. Проводись данные выборы в Бундестаг, 5% порог не был бы преодолен. Тенденции говорят о вероятной замене партии на ССВ в числе ведущих сил. Наконец, распределение скептиков из Германии произошло по следующим группам: АдГ в ЕСН, левые к «Левым», а ССВ к неприсоединившимся.

Литвинова Т.Н.
(Москва, МГИМО МИД России)

КОНЦЕПТ «РУССКИЙ МИР» В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Вопрос о цивилизационной принадлежности России долгое время считался дискуссионным: является ли наша страна частью европейской цивилизации или представляет самостоятельную цивилизацию? Внешние вызовы, с которыми мы сталкиваемся со стороны коллективного Запада, ставят перед политологами задачу сформулировать объективный взгляд на современное положение России.

В настоящем докладе, опираясь на методологию цивилизационного подхода, мы разберем концепт «Русский мир» и его использование в стратегических программных документах.

Цивилизационный подход, несмотря на довольно давнюю традицию, отличается методологической нечеткостью. Можно выделить ряд общих черт цивилизационного подхода:

1. Нелинейный характер развития истории.
2. История и культура, а также религия и технологии, как ключевые критерии выделения цивилизации.
3. Осознание, что каждая цивилизация проживает свой жизненный цикл через возникновение-расцвет-упадок-гибель.
4. Границы цивилизаций не совпадают с государственными, а иногда пересекаются друг с другом.

Классик цивилизационного подхода Н.Я. Данилевский¹ называл те народы, которые формируют особый «культурно-исторический тип» положительными — это народы, создающие свою культуру, религию, государственность и экономику. Он возлагал надежды на формирование славянского союза, лидирующее место в котором займет Россия.

О. Шпенглер выделял особую русско-сибирскую культуру, однако считал ее только зарождающейся, юной².

С. Хантингтон выделял Россию в особую православную цивилизацию, противопоставляя ее атлантическому западу, а значит, не относил к Европе, исповедующей западные ветви христианства. «Русская цивилизация — это продукт ... существенного византийского влияния и длительного монгольского правления»³.

Большой вклад в развитие представлений о России как самостоятельной и уникальной цивилизации внесли евразийцы. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский и др. рассматривали Россию как особое географическое и культурное пространство, объединяющее народы Европы и Азии.

Г.В. Вернадский отмечал, что наше государство — «особый мир», куда, помимо русских, входят и другие этносы. Такое уникальное объединение дает отдельным краям и народностям значительные экономические и культурные преимущества⁴ (2000, с. 282).

Близкие евразийцам мысли мы услышали в выступлении В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 3 октября 2019 года: «Россия — страна-цивилизация, которая органично впитала многие традиции и культуры, сберегла их своеобразие, уникальность и при этом сохранила, что очень важно, единство живущих в ней народов»⁵.

В 1990-е годы в недрах философского кружка, возглавляемого П.Г. Щедровицким, возникла концепция «Русского мира» как сетевой структуры «больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке»⁶.

Необходимость защиты соотечественников, проживающих за рубежом, нашла отражение в Концепции внешней политики России 2008 года, которая рассматривала «многомиллионную русскую диа-

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Древнее и современное, 2002.

² Шпенглер О. Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2010. С. 647.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. М.: АСТ, 2003. С. 211.

⁴ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: «Лань», 2000.

⁵ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 03.10.2019 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶ Щедровицкий П.Г. Русский мир // Русский архипелаг. 2000. URL: https://archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015 (дата обращения: 15.09.2024).

спору — Русский мир — в качестве партнера, в том числе в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры»¹.

После воссоединения с Крымом и событий «Русской весны» концепт «Русского мира» получил новый толчок развития.

В Стратегии национальной безопасности интересами государства, наряду с защитой безопасности и суверенитета, названы «сбережение народа России», «защита российского общества от деструктивного информационно-идеологического воздействия», «сохранение культурного и исторического наследия народа России»². Все эти положения соответствуют концепту «Русского мира», который, согласно Стратегии, нужно развивать и охранять.

Важным программным документом, в котором цивилизационный подход к позиционированию России в мире получил формальное закрепление, стала Концепция внешней политики 2023 года, где концепт «Русского мира» упоминается дважды, тождественен концепту «государство-цивилизация» и поднимается на позиции национальной идеи.

Лошкарёв И.Д.
(Москва, МГИМО МИД России)

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЦИФРОВЫХ ДИАСПОР: ГОМОГЕНИЗАЦИЯ И ФРАГМЕНТАЦИЯ

Феномен диаспор уходит корнями в античный период, когда на фоне торговли и завоеваний стали осуществляться крупные перемещения населения. В современном мире практически каждая этнокультурная группа расселена таким образом, что помимо основного ареала проживания существуют другие ареалы, расположенные в других странах. За счет этого формируются трансграничные политические пространства, в рамках которых происходит как повседневное общение, так и обмен капиталом, идеями, навыками. Иными словами, члены диаспоральных сообществ поддерживают связи с территорией происхождения, а также с другими точками на карте, где проживают их сородичи (Лошкарёв 2015). Эти контакты ранее носили преимущественно физический характер — гостевые визиты, почтовые сообщения, проведение крупных собраний (съезды диаспоральных организаций, обрядово-религиозные церемонии, городские парады). В последние десятилетия усиливается зависимость диаспоральных сообществ от средств коммуникации и связанных с ними новых форм поддержания идентичности. Одновременно государства происхождения получили новые инструменты для поддержания контактов с представителями диаспор и стали использовать эти возможности для сглаживания противоречий и переориентации диаспор на более активную защиту интересов покинутой Родины.

В условиях подобной коммуникационной гомогенизации стала возникать тенденция на формирование нового качества диаспор — они стали цифровыми (термин Дж. Бринкерхофф). На мой взгляд, речь не идет о новом типе диаспор — представители подобных сообществ по-прежнему основывают один из уровней своей идентификации с фактом миграции предков с территории происхождения, сохраняют общее культурное наследие и с большой долей вероятности не собираются вернуться на место проживания предков. То есть сущностный элемент идентичности диаспор (Safran 1991) — выстраивание жизни на новом месте в условиях сохранения практик принадлежности к этнокультурной общности вне страны пребывания — сохраняется. Но из-за доступности нефизических способов поддержания контактов возникает новое качество диаспор — становится возможным общение на онлайн-платформах и форумах, проведение конференций и мероприятий в дистанционном формате, облегчается создание медийных продуктов, направленных на диаспоральную аудиторию (в отличие от печатных и телевизионных продуктов затраты существенно меньше). Государства происхождения также вносят свой вклад — стали доступными виртуальные экскурсии по музеям, телевизионные продукты делают доступными в социальных сетях (в ряде стран распространена абонентская плата за доступ к телеканалам), создают сервисы для получения услуг (без необходимости ехать до ближайшего консульства или посольства, которое может находиться относительно далеко).

На первый взгляд, данные процессы ведут к гомогенизации диаспоральной идентичности (Brinkerhoff 2009), поскольку привязанность к конкретным цифровым платформам и площадкам формирует «информационный пузырь» и влияет на долгосрочную рефлексию представителей диаспоры. Более того, посредством цифровых средств коммуникации государства происхождения способны более эффективно решать проблемы соотечественников за рубежом (например, онлайн-курсы по иностранным языкам, медицинские сервисы), что еще сильнее фиксирует связь между диаспорой

¹ Концепция внешней политики РФ. 31.03.2023 // МИД России. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.09.2024).

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.09.2024).

и территорией происхождения, придает ей практическую полезность. За счет этих процессов содержание самоидентификации и самокатегоризации — проблемные вопросы, которые волнуют участников диаспоры, символические даты и персоны, отношение к текущим событиям — становится более конкретным и привязанным к определенной политической программе. В то же время эти тенденции не приобретают необратимый характер, поскольку цифровые средства коммуникации одновременно обеспечивают и доступ к большому числу разнородных мнений и точек зрения, происходят в условиях частичного модерирования информации и доминирования английского языка как языка коммуникации, а также чаще связаны с потребительской культурой, которая, наоборот, существенно размывает этнокультурные и иные различия. В таких условиях гомогенизация в рамках цифровых диаспор оказывается незавершенной и неповсеместной, что скорее свидетельствует о новых формах гибридности диаспоральной идентичности.

Лукушин В.А.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

«ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ НАДЕЖНОСТЬ» В СТРАНАХ МИРА: ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА И СРАВНЕНИЯ

Оценка электоральной надежности современных государств может включать в себя также анализ текущих электоральных практик. От того, каким образом реализуются на практике правовые нормы, зависит качество избирательного процесса, возможности национальных избирательных систем гарантировать свободное волеизъявление граждан, открытость основных избирательных процедур и легитимность результатов выборов.

В 2023–2024 годах Центром политических исследований Финансового университета при Правительстве РФ при поддержке Ассоциации «Независимый общественный мониторинг» проведен анализ национальных избирательных практик. Объектами такого исследования выступили последние избирательные кампании в более чем 30 стран мира. Сравнительное исследование проведено по единой системе показателей, включающей возможности реализации гражданами активного и пассивного избирательного права, особенности организации и реализации избирательных процедур, масштаба и характера наблюдения за выборами, особенности подведения итогов голосования. Таким образом, методика исследования подразумевает охват всех этапов кампании, учет актуальных явлений общественно-политической жизни, выход за рамки правоприменительной практики для более глубокого рассмотрения избирательных практик. Источниками для исследования выступили не только нормативно-правовые документы, но и данные статистики, информационные материалы средств массовой информации и социальных медиа, экспертные оценки, аналитические доклады, то есть более полный открытый массив данных, позволяющий провести количественную оценку и рейтингование избирательных кампаний.

Общей проблемой для всех рассмотренных кампаний является слабость существующих систем наблюдения за выборами. В ряде государств система наблюдения за выборами подменяется точечным присутствием на участках иностранных наблюдателей в день голосования. Во всех рассмотренных государствах отсутствует единая система общественного наблюдения и контроля за выборами. В большинстве стран институты гражданского общества и даже непосредственные участники избирательного процесса в лице политических партий фактически выведены за пределы наблюдения за выборами. Подобное наблюдение зачастую охватывает исключительно день голосования, но не функционально на этапах подготовки к выборам и в постэлекторальный период. В связи с этим необходимо отдельно отметить результаты многолетней работы по институционализации общественного наблюдения и контроля в России.

В рассмотренных национальных избирательных кампаниях практически не применяются современные цифровые инструменты. Гражданам не доступны технологии, обеспечивающие их электоральную мобильность. Избирательные кампании не предоставляют им возможности удобной и быстрой смены избирательного участка, не говоря уже про возможность электронного голосования. Как правило, данные процедуры предусматривают бюрократическую волокиту или в целом не доступны избирателям. Проанализированные избирательные системы слабо адаптируются к технологическим изменениям и актуальным запросам граждан. Кроме того, в большинстве государств не применяются автоматизированные инструменты учета и обработки голосов избирателей, что неизбежно снижает надежность избирательных процедур. О низкой гибкости свидетельствует также сохранение архаичных способов волеизъявления, в первую очередь, почтового голосования. Проблемы данного способа голосования заключаются в невозможности физически организовать качественное наблюдение, а также автоматизировать обработку голосов избирателей. Следствием этого являются сообщения об ошибочном подсчете голосов в ходе прошедшей кампании, повлекшие за собой ручную пересчет бюллетеней.

Проведенное исследование продемонстрировало также актуальные направления совершенствования избирательных практик в различных государствах, в том числе: обеспечение тайны голосования, персональных данных избирателей, безопасности и общественного порядка на избирательных участках. Базовой проблемой для целого ряда государств является отсутствие у избирательных органов и правоохранительных структур реальной возможности обеспечить заявленные в национальном законодательстве нормы и требования к организации и проведению выборов. Часть подобных норм игнорируется или не исполняется на практике, что обязательно должно учитываться при оценке электоральной надежности. Немаловажным направлением подобной оценки является способность национальных избирательных систем противостоять растущему внешнему давлению, обеспечивать суверенность избирательного процесса.

В проведенном исследовании не ставилась задача разработки универсального мерил эффективности избирательных кампаний. Напротив, каждое государство обладает собственными, национальными механизмами и практиками организации выборов. Общим индикатором остается надежность избирательной системы, способность гарантировать гражданам свободу волеизъявления.

*Лукьянец А.С.
(Москва, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
МГУ имени М.В. Ломоносова)*

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КЫРГЫЗСТАНА ПО ВОПРОСАМ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА: МИГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Климат играет важную роль в миграции населения в станах Центральной Азии в целом, и в Кыргызстане, в частности. Этот регион характеризуется изменчивым климатом, который оказывает влияние на жизнь людей и во многом определяет их миграционные установки. В Кыргызстане последствия изменения климата вызывают повышение температуры, изменчивость осадков, волны тепла, затяжные засухи и таяние ледников, влияющие на доступность воды. Согласно Шестой оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), примерно половина населения мира испытывает острую нехватку воды. Засуха, вызванная длительным дефицитом воды, оказывает влияние на привычный образ жизни населения, вызывая деградацию земель, создавая дополнительные риски продовольственной и, как следствие, демографической безопасности стран Центральной Азии. Временная, внутренняя миграция является главным механизмом адаптации к изменению климата как для Кыргызстана, так и остальных стран Центральной Азии.

Изменение климата и высокая антропогенная нагрузка приводят к деградации земель, что в свою очередь является одним из ключевых факторов миграции в Центральной Азии. По данным ООН в странах Центральной Азии засуха и опустынивание наносят ежегодный ущерб их экономикам в размере 6–7 млрд долл. США. Что касается социально-демографических последствий изменения климата, приводящих к засухам и опустыниванию земель, то к ним безусловно нужно отнести ставшую уже массовой, экологическую миграцию, которая наблюдается во всех странах Центральной Азии, включая и Кыргызстан. Миграция населения из регионов, наиболее подверженных изменению климата, остается основным механизмом адаптации к климатически обусловленным негативным явлениям и процессам. По разным экспертным оценкам, число людей, ежегодно мигрирующих в поисках работы, составляет 2,5–4,3 млн человек, или 10–15% экономически активного населения всего региона.

По индексу подверженности территории Кыргызстан занимает 3-е место среди стран Центральной и Восточной Европы и стран бывшего СССР, уступая только Таджикистану и Узбекистану. Наибольшую опасность и наибольший ущерб вызывают процессы и явления, вызванные изменением климата, а именно: засухи, оползни и наводнения, которые приводят к деградации земельных угодий и, как следствие, к сокращению пахотных земель. Для страны, где 70% территории приходится на горы, а доля населения, занятая в сельском хозяйстве, составляет чуть более 25%, сокращение земельных угодий является острой социально-экономической проблемой, приводящей к снижению качества жизни населения и, как следствие, последующей миграции. Именно поэтому в рейтинге стран по уязвимости территорий Кыргызстан также занимает 3-е место, что требует от властей Республики незамедлительных действий по разработке программ адаптации к изменению климата. Опрос жителей Республики, проведенный МОМ, показал, что изменение климата и связанные негативные природные явления приводят к сокращению рабочих мест в сельскохозяйственном секторе экономики и является важнейшим выталкивающим фактором для постоянного населения. Особенностью миграционных процессов в Кыргызстане, вызванных изменением климата, является характер самих миграционных процессов, а именно тот факт, что основная часть людей, вынужденных покинуть места постоянного

проживания, переселяется не внутри страны, а мигрирует за ее пределы, преимущественно в Российскую Федерацию. С 2012 г. по 2022 г. на территории Кыргызстана было зафиксировано 15 крупных природных чрезвычайных ситуаций, что привело к необходимости временного или постоянного отселения свыше 16 тыс. человек. К сожалению, точных данных о том, сколько из них потом вернулись в места своего постоянного проживания, нет.

Одной из основных проблем сотрудничества России с другими странами, включая страны ЕАЭС, по последствиям изменения климата является отсутствие правового закрепления климатической и экологической миграции в российском законодательстве. Из-за этого основная часть въезжающих в Россию мигрантов, которые спасаются от последствий климатических изменений, впоследствии будут идентифицированы как мигранты, прибывшие с экономическими целями.

В этой связи для целей, в первую очередь, России и всего мирового сообщества, нашей стране, как постоянному члену Совета безопасности ООН, необходимо инициировать процесс по правовому закреплению лиц, вынужденных покинуть места своего постоянного проживания из-за изменений окружающей среды. Необходима разработка четких критериев классификации мигрантов, вынужденных покинуть места постоянного проживания из-за изменения климата. За основу необходимо взять критерий степени угрозы для жизни и здоровья человека. Международная организация по миграции уже предложила свою трактовку, однако критерии так и не были разработаны.

Лункин Р.Н.
(Москва, Институт Европы РАН)

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: ОСОБЕННОСТИ НЕИЗБЕЖНОГО МНОГООБРАЗИЯ

Современные идеологические конфликты происходят в непривычных обстоятельствах. Конвенциональные политические нормы и рамки были сформированы в ходе войн и противостояний XX в. Это борьба капитализма и коммунизма, авторитаризма и различных волн демократии, как писал С. Хантингтон, изживания колониализма и формирования нового западного неоколониализма, трансформации капитализма и становления постиндустриального общества.

Контуры новой идейной борьбы складываются в условиях, когда процессы глобализации, стирающей любые границы, уже не рассматриваются как однозначно позитивные. Кроме того, даже при общем росте глобального благосостояния увеличивается социальное неравенство.

В западном публичном пространстве представления о защите «западных ценностей» и «демократии» в противовес имперской идеологии и авторитаризму, который, в том числе, олицетворяет Россия, формируют примитивный образ врага, фактически сводя конфликт различных стран мира и разных идеологий к войне «европейского сада» против «диких джунглей» остального мира. Вместе с тем украинский кризис более ярко показал наличие масштабного идейного противостояния в мире и продолжил процесс кристаллизации идентичностной идеологии (идентизма), которая противопоставляет ценностным установкам «либеральной демократии» (антиидентизму) и фактически подрывает ее претензии на исключительность и истинность. Обострение ситуации происходит в условиях продвижения ультралиберальных социальных норм, характерных для антиидентизма и противоречащих классическому либерализму.

Борьба за идентичность стала формой отстаивания привлекательных смыслов и защиты суверенных моделей развития, а противостояние традиционалистов и антитрадиционалистов в разных странах мира стало составным элементом динамики разделенных обществ. Еще до украинского кризиса это противостояние было свойственно не только западному миру или модернизирующимся государствам, оно приобрело всемирный масштаб. Глобальный идеологический конфликт формируется при монолитности антиидентизма и фрагментарности и разобщенности идентизма. Понимание самого факта данного конфликта и анализ с этой точки зрения выступлений враждующих друг с другом сторон поможет понять особенности и саму суть идеологического конфликта в преддверии специальной военной операции РФ на Украине 2022 г. и последующего обострения ситуации, в том числе в идеологической сфере.

Прежде всего, внимание к вопросам идентичности и запрос на обсуждение этой темы сформировал несколько направлений исследования. Идентитаристами часто именуют представителей правопопулистского политического спектра, а идентитарные исследования затрагивают дискурс идентичности в целом. Идентизм в данной статье определен так: это идеологическое течение, которое объединяет набор мировоззренческих установок, основанных на приверженности какой-либо идентичности как принадлежности индивида к большой общности — национальной, религиозной или этнокультурной, которая определяет его систему традиционных и, как правило, консервативных ценностей и образ жизни. Антиидентизм — это идеологическое течение, которое является главной ха-

рактикой современного «нового либерализма» (не имеет никакого отношения к экономическим неолиберальным теориям), или «либеральной демократии», провозглашающего идентичность препятствием для утверждения справедливости, основанной на диктатуре меньшинств (вокеизме и иных ее проявлениях), культуры отмены и преодоления «предрасудков» (традиционных ценностей). Фрагментация идентичностей в рамках политики идентичности рассматривается как преодоление любой идентичности не только в смысле «идентичности большинства», но и как отказ от любой постоянной идентичности.

Структурирование идеологического пространства в рамках данного противостояния ставит вопрос о перспективах развития конфликта: сохранится ли многообразие, насколько оно неизбежно в случае победы только одной идеологии, в каком ключе будет развиваться многообразие. Вполне возможен сценарий постглобализации в виде многообразия «культур отмены» или же более позитивное многообразие в виде гибридных политических идеологий, учитывающих все лучшее из идентизма и анти-идентизма, полярных, но не враждующих идеологий и систем, разных уровней цивилизаций, но уже в виде государств-цивилизаций.

Луцина Т.Ю.
(Москва, РГГУ)

ОСОБЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ МАЛЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: О ФЕНОМЕНЕ ЭМИГРАНТСКИХ СООБЩЕСТВ

Политика памяти в современном мире играет важную роль, обусловленную запросами общества и эволюцией форм взаимодействия органов государственной власти и населения. «Бум прошлого», «мемориальная мания», «одержимость историей» — по-разному в научной среде дают названия происходящему. Сегодня интерес к пониманию древности и даже недавних событий находит разные способы выражения: от привычных музейных экспозиций до публикаций разного рода каналов и площадок в соцсетях и контент-платформах.

Вместе с тем в новейшее время наблюдаются явления, когда актуализация «своей истории» осознанно воспринимается как неотъемлемая часть сохранения идентичности в условиях вынужденного отказа от привычного образа жизни, разрыва преемственности прошлого и настоящего. В этом отношении показательны судьбы русской эмиграции, которая в социальном, культурном, идеологическом отношении отличалась разнообразием. Безусловно, язык и религия в значительной степени предопределяли настоящее бытие и ожидания покинувших родную страну, стали неотъемлемой частью определения «свой-чужой».

Отсутствие единства русской эмиграции нашло отражение и в формировании объединений на основе землячеств, религиозных и этнических общностей, даже сослуживцев. Для таких организаций общая история будет иметь особое значение, формируя коллективную идентичность.

История ижевцев и воткинцев в эмиграции показывает, насколько важным для этого сообщества стало сохранить память о событиях Ижевско-Воткинского восстания в августе-ноябре 1918 г., занявшего ключевое место в их жизни. С одной стороны, это сложное время стало рубежом в судьбе этих эмигрантов, поскольку сделанный тогда выбор предопределил их будущее. С другой, эта часть Гражданской войны воспринималась как травматический опыт, который важно было осмыслить и принять. Наконец, участие в мятеже сплотило повстанцев и на чужбине позволило обрести настоящих товарищей в борьбе за выживание.

Гражданская активность ижевцев и воткинцев в Китае, а затем в США обусловила создание различных организаций, например, Воткинско-Ижевское объединение в Харбине под руководством полковника Г.И. Мудрынина, Ижевско-Воткинский союз в Шанхае во главе со штабс-капитаном А.И. Топоровым, Объединение Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско под председательством полковника А.Г. Ефимова, созданное по инициативе генерала В.М. Молчанова. Консолидирующим фактором выступил общий боевой путь повстанцев, поскольку именно офицерство выступило инициатором создания таких обществ.

Необходимой частью организации деятельности объединений ижевцев и воткинцев за рубежом стало создание символов и ритуалов. Так, у участников Ижевско-Воткинского союза в Шанхае имелся специально разработанный памятный значок, разработанный к 25-летию восстания. Для Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско значимым событием стало освящение в 1973 г. неугасимой свечи и таблички в память погибших ижевцев и воткинцев и ежегодное служение панихиды в Православном храме Св. Иоанна Крестителя в г. Беркли. Этим же объединением на праздновании 50-летнего юбилея мятежа были представлены Флаг Ижевской дивизии и штыки, сделанные на Ижевском заводе.

Обращение к символам и ритуалам приобретало значение не как условие выживания в чужом краю, а как необходимая часть выполнения особой миссии — сохранения наследия, передачи духовных ценностей своим потомкам. Особенно эта идея была важна в первые годы эмиграции, когда жила надежда вернуться на Родину.

Позднее многие участники Ижевско-Воткинского восстания увидели свою миссию в сохранении памяти о Гражданской войне и, прежде всего, о тех событиях, которые непосредственно пережили. Первые публикации состоялись в конце 1920-х — начале 1930-х гг.: статья А.Я. Гутман-Гана «Ижевское восстание» (1927), воспоминания Д.И. Федичкина (1931).

Большую роль в популяризации истории Ижевско-Воткинского восстания сыграли ижевцы-воткинцы в Сан-Франциско. В 1950-х гг. публикуются очерки А.Г. Ефимова. В 1971 г. была издана книга «Конец белого Приморья» при поддержке А.Г. Ефимова через 20 лет после смерти автора — Б.Б. Филимонова. В 1970 г. было записано устное интервью с В.М. Молчановым, которое впоследствии было отдельной книгой. Много воспоминаний было опубликовано в журнале «Первопоходник», например Д.И. Федичкина. В 1975 г. вышли «Мои воспоминания» В. М. Наумова.

Общей частью воспоминаний стало стремление сохранить память о значимых для сообщества ижевцев и воткинцев событиях для будущего, стремление не допустить забвения истории своей борьбы, оправдать свои действия, показать причины ухода из родных краев.

Формирование коллективной памяти даже небольшого сообщества, которое ищет в прошлом точки опоры для настоящего и оправдания для потомков, показывает, в какой степени история приобретает значение для сохранения социальных норм, воспроизводства духовных ценностей, в конечном счете для выживания данного сообщества.

Лю Мэйлин
(Москва, РУДН)

ЧТО ОЗНАЧАЕТ НОВЫЙ ДОГОВОР О РОССИЙСКО-СЕВЕРОКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В последние годы отношения между Россией и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) заметно развивали, особенно после визита Владимира Путина в КНДР. Это изменение вызвало широкий интерес международного сообщества, учитывая его возможное влияние на Корейский полуостров и регион Северо-Восточной Азии. В данной статье рассмотрены основные причины развития российско-северокорейских отношений и их влияние на ситуацию в Северо-Восточной Азии.

После визита Ким Чен Ына в Россию в сентябре 2023 года Владимир Путин 18-19 июня 2024 года был с дружественным государственным визитом в КНДР по приглашению лидера страны Ким Чен Ына. Это был второй визит главы российского государства в КНДР за последние почти 24 года, поэтому он имел большое значение как для России, так и для КНДР, а также был в центре внимания всех стран.

По итогам государственного визита было достигнуто множество результатов в российско-северокорейских отношениях. Одним из важнейших результатов стало объявление Россией и КНДР о повышении уровня отношений до всеобъемлющего стратегического партнерства. В. Путин и Ким Чен Ын во время переговоров подписали Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. Этот документ придет на смену Договору о дружбе и взаимной помощи 1961 года, Договору о дружбе и добрососедстве в сотрудничестве 2000 года, Московской и Пхеньянской декларациям 2000 и 2001 годов.

Соглашение, состоящее из 23 статей, носит бессрочный характер. Следует отметить, что Россия и КНДР договорились оказывать друг другу военную помощь в случае агрессии, что придало отношениям между двумя странами характер военного союза. В 4-й статье документа сказано следующее: «В случае, если одна из сторон подвергнется вооруженному нападению со стороны одного или нескольких государств и окажется в состоянии войны, другая сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами и в соответствии с законами РФ и КНДР, 51-й статьей Устава ООН».

Кроме того, РФ и КНДР развивают экономическое сотрудничество, активно поощряя взаимные инвестиции, увеличивая объемы торговли и развивая сотрудничество в свободных экономических зонах. Стороны также подписали межправительственное соглашение о строительстве автомобильного моста через реку Туманная и межправительственное соглашение о сотрудничестве между двумя странами в ряде областей, включая здравоохранение, медицинское образование и медицинские услуги.

С учетом изменений в международной обстановке Россия и КНДР продолжают развивать свои отношения на основе консенсуса по потребностям в различных областях.

Во-первых, и Россия, и КНДР сталкиваются с огромным геополитическим давлением. В последние годы Россия подверглась санкциям и изоляции со стороны Запада и остро нуждается в новом страте-

гическом партнере для укрепления своего влияния на международной арене. Геополитическое положение Северной Кореи имеет стратегическое значение для России. Укрепляя отношения с Северной Кореей, Россия может не только усилить свое влияние в Северо-Восточной Азии, но и увеличить свои рычаги на международных переговорах. Со своей стороны, Северная Корея надеется использовать отношения с Россией для прорыва международной блокады и поиска более сильной внешней поддержки.

Во-вторых, и Россия, и Северная Корея нуждаются в экономическом сотрудничестве. И Россия, и Северная Корея находятся под западными санкциями, и их внутренние экономики сильно пострадали. Россия надеется расширить свои зарубежные рынки за счет сотрудничества с Северной Кореей, особенно в области поставок энергоносителей, а высококвалифицированная, но дешевая рабочая сила Северной Кореи также привлекательна для России. С другой стороны, Северная Корея надеется улучшить свою инфраструктуру и экономику за счет сотрудничества с Россией.

В-третьих, у России и КНДР общие интересы в сфере безопасности. Со своей стороны, Россия хочет поддержать КНДР в сдерживании военного присутствия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и обеспечении собственной стратегии безопасности в регионе. КНДР надеется получить техническую поддержку и модернизировать свое оборудование для борьбы с внешними угрозами благодаря сотрудничеству с Россией.

Развитие российско-северокорейских отношений может иметь далеко идущие последствия для будущей ситуации на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии.

Во-первых, с точки зрения влияния на ситуацию на Корейском полуострове, укрепление российско-северокорейских отношений может ужесточить позицию КНДР на ядерных переговорах, что приведет к ужесточению переговорной позиции и затруднит диалог с США и их союзниками. Кроме того, несмотря на то, что лидеры России и Северной Кореи заявили, что новый договор носит оборонительный характер, будет соответствовать всем основным принципам международного права, не будет направлен против какой-либо страны и направлен на сохранение стабильности в регионе Северо-Восточной Азии. Однако западные страны, особенно Южная Корея, выразили обеспокоенность по поводу типа военной помощи, которая будет предоставляться в рамках договора. Кроме того, по мере углубления российско-северокорейского военного сотрудничества КНДР, вероятно, получит доступ к более современным военным технологиям и оружию, что усилит гонку вооружений на Корейском полуострове и повысит региональную нестабильность.

С точки зрения влияния на ландшафт Северо-Восточной Азии, архитектура безопасности в Северо-Восточной Азии может быть перестроена по мере углубления российско-северокорейских отношений. Япония и Южная Корея могут усилить оборонное сотрудничество для защиты от потенциальных угроз со стороны Северной Кореи, одновременно стремясь к созданию более тесного американо-японского альянса. Такая динамика может привести к формированию новых многосторонних механизмов безопасности. Однако, учитывая неопределенность результатов выборов в США, политика, проводимая новой американской администрацией после выборов, также окажет непосредственное влияние на ситуацию с безопасностью в Северо-Восточной Азии и дипломатические стратегии различных стран.

В целом подписание российско-северокорейского Договора о всестороннем стратегическом сотрудничестве и партнерстве задает тон дальнейшему развитию отношений между двумя странами, что не только окажет непосредственное влияние на ситуацию с безопасностью на Корейском полуострове, но и может изменить геополитический ландшафт Северо-Восточной Азии. Однако на данный момент неопределенность выборов в США и неизвестный уровень конкретного российско-северокорейского сотрудничества могут стать переменными, меняющими ситуацию.

Любин В.П.
(Москва, ИНИОН)

ОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА ГДР (1949–1990) В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

7 октября 2024 г. исполняется 75 лет создания Германской Демократической Республики — ГДР. 3 октября 1990 г. она вошла в ФРГ. Опыт жизни ГДР в отражении новых трудов западных исследователей вызвал дискуссию в Германии. Выводы дискуссии влияют и на подходы в России к истории ГДР.

ГДР была создана в ответ на возникновение Бизонии — в американской и английской зонах оккупации на западе страны, а затем после принятия бундестагом 23 мая 1949 г. так называемого *Grundgesetz* — Основного закона (палиатив Конституции), вступившего в силу на территории уже трех западных зон в мае 1949 г., и провозглашения Федеративной Республики Германия. Конституция ГДР была принята Немецким народным конгрессом неделю спустя 30 мая 1949 г. После провозглашения ГДР на ее территории началось строительство основ нового государства, заявленного его основателями

как социалистическое государство рабочих и крестьян. Страна доказала свою политическую и экономическую самостоятельность: она стала надежным союзником СССР, членом СЭВ, Варшавского договора, занимала шестое место в Европе по своему экономическому потенциалу, в 1973 г. была принята, как тогда же и ФРГ, в ООН.

ГДР находилась в зоне советской оккупации в Германии, государство состояло из пяти земель, входивших в эту зону, — Бранденбург, Саксония, Саксония-Анхальт, Тюрингия, Мекленбург-Передняя Померания. Столицей ГДР стал Берлин (восточная его часть), тогда как Западный Берлин был оккупирован тремя западными державами. Оккупация эта, как и оккупация всей западной части страны Англией, Францией и США, произошла после капитуляции нацистской Германии 8 мая 1945 г. на основе договоренностей союзников по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне — СССР, Англии и США. Договоренности в отношении Германии, как и западной и восточной частей Европы, достигнутые на Тегеранской 1943, Ялтинской 1945 г. и Потсдамской 1945 г. конференциях, соблюдались этими великими державами, включая и вошедшую потом в четверку держав Францию, вплоть до окончания холодной войны, провозглашенного в 1990 г.

3 октября 1990 г. произошло объединение Германии, вся она стала называться ФРГ, тогда как ГДР перестала существовать. Однако за более чем 30-летие существования единой Германии с 1990 по 2024 г. так и не удалось достичь однородности и сращения ее западной и восточной (названной «новыми землями») частей в единое целое. Менталитет восточных немцев («осси») сильно отличается от менталитета западных немцев («весси»). Доходы основной части работающего населения на западе и востоке страны различны, как и величина пенсий и прочих социальных выплат, на востоке они ощутимо меньше. Жители бывшей ГДР ощущают себя людьми второго сорта по сравнению с западными немцами. Это вызывает протест жителей бывшей ГДР, что сказывается на результатах политических выборов. Особенно резко разрыв между двумя частями единой страны обозначился на состоявшихся осенью 2024 г. выборах в Тюрингии, Саксонии, Бранденбурге. На них значительное число голосов, часто превышающее цифру голосов, поданных за такие традиционные партии, как ХДС/ХСС, СДПГ, Зеленые, СвДП, Левые, получили оппозиционные Альтернатива для Германии и лишь недавно созданная новая левая партия во главе с С. Вагенкнехт.

В связи с этим интересно рассмотреть дискуссию в германской печатной прессе и Интернете, возникшую после выхода новых книг по истории ГДР. Приведем лишь два примера, но они значимы и обусловили возникновение и продолжение данной острой дискуссии в немецком обществе. Обратила на себя внимание книга 2023 г., ставшая сенсацией в Англии и изданная сразу же и в ФРГ, проживающей в Англии уроженки ГДР, она родилась там в 1985 г., Кати Хойер «По другую сторону стены» — *Beyond the Wall* (на нем. *Diesseits der Mauer*). Она попыталась воссоздать объективную картину жизни в ГДР, заявив, что не все там было так плохо, как это подается теперь в западных изданиях, и высветила различные положительные, на ее взгляд, стороны жизни в ГДР. Ее подход вызвал шквал критики со стороны западных рецензентов, но это подвигло сделать социологические замеры, на которых проверяется чем же отличается идентичность восточных немцев от идентичности западных немцев. Полемику вызвала и еще одна интересная книга 2023 г., ее написал Дирк Ошман, «Восток Германии — западногерманское изобретение». Автор также проливает свет на неизвестные западному потребителю и читателю стороны жизни ГДР, пытаясь объяснить возникновение различий между образом жизни и менталитетом восточных и западных немцев. За данной острой дискуссией внимательно следят российские германисты, и несомненно, уже создаются и вскоре будут опубликованы в отечественной научной литературе статьи, отражающие новые подходы и российских специалистов к опыту Германской Демократической Республики и влиянию ее сорокалетнего существования на современное общество в ФРГ.

Любина Д.Е.
(Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «НЕ-ЗАПАД» ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Очевидно, что мировой порядок сегодня подвергается серьезным трансформациям, существующая система не справляется с новыми вызовами и угрозами, все чаще обнаруживая свою несостоятельность и признаки общесистемного кризиса. В таких условиях евразийские цивилизации должны обозначить «свою историческую цивилизационно-культурную сложность» (Большая Евразия-2030: аналитика развития, безопасности и сотрудничества. М., 2017, с. 12), предложить свою модель мироустройства, дабы не оказаться перед необходимостью принимать чужие правила и нормы, искажающие традиционные мировоззренческие ценности и базовые паттерны.

Существуют объективные условия первой половины XXI века для развития системы международных отношений на евразийском пространстве:

- переход от двух-одно-полярности к многополярности (многогранности — А. Ачария);
- переход от глобализации (вестернизации) к регионализации (государство-центричность) (политика Д. Трампа и Covid-19 положили конец глобализации — А. Мигранян);
- международные отношения на евразийском пространстве находятся в стадии формирования после тектонических перемен: распад СССР, выход «из геополитической европейской тени» азиатских стран Большой Евразии (Китай, Турция, Иран и пр.).

Эти факторы требуют научной проработки в российском экспертном сообществе, поскольку евразийское пространство является базовым для формирования геополитической стратегии развития России в XXI веке. Поэтому представляется, что перемены для современной российской политической мысли неизбежны и ее дальнейшее развитие будет очерчено двумя взаимосвязанными элементами: пониманием того, что этап пассивного осмысления западных теорий и концепций завершен, и параллельно осознанием своей евразийской идентичности. И это осознание как результат процесса идентификации неминуемо приведет к необходимости и потребности изучать и осваивать восточный цивилизационный опыт. Концептуальные разработки исследователей из незападного мира начинают отвоевывать позиции у западных теорий, обосновывая свое право на жизнь как минимум благодаря очевидным успехам и достижениям стран Азии.

В последние годы появились новые концептуальные подходы к пониманию характера трансформации мирополитической системы от западно-центричного к полицентричному типу развития. В связи с этим поднимаются дискуссионные проблемы концептуального характера о необходимости интегративного развития теории международных отношений применительно к евразийскому пространству, где поле научной рефлексии включает как западные, так и не-западные подходы к пониманию многофакторности и многозначности международных отношений в XXI веке.

А.В. Кортуннов обосновывал будущее мирового порядка в контексте многосторонности, которая выстраивается на основе интересов и принципа взаимодополняемости (*Кортуннов А.В. Почему мир не становится многополярным // Россия в глобальной политике. 26.06.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolynarnym/?ysclid=lnggwov4gx260378546>*). Идея евразийской интеграции, которая актуализировалась в условиях регионализации, вполне отвечает принципам многостороннего миропорядка.

Важно отметить, что евразийская интеграция сопровождается формированием региональной идентичности, где, во-первых, речь идет о консолидации позиций по отношению к глобальным структурам и процессам, а, во-вторых, о создании комплекса национальных интересов. Наряду с этим, «осознание региональной идентичности способствует стабилизации многополярного мира, снижая вероятность возрождения однополярности и биполярных структур» (Евразийская интеграция в турбулентном мире / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. СПб., 2019. С. 19).

Сложно не согласиться с весьма актуальным утверждением А. Панарина о том, что «сформировавшаяся на Западе политическая наука, возможно, является неосознанной регионалистикой, соотносимой с европейским цивилизационным развитием, но не вполне адекватной другим цивилизационным мирам» (Актуальные проблемы мировой политики: научный альманах. Юбилейный выпуск. 30 лет кафедре мировой политики СПбГУ. Т. 11 / Под ред. Д.Н. Барышникова и М.Л. Лагутиной. СПб.: Скифия-принт, 2024. С. 52).

Следует вспомнить и слова А.Д. Богатурова, который отмечал, что в публикациях после 1991 года вместо аналитических подходов стали преобладать формальные описания или просто переводы западных теорий. Необходимость выйти за пределы этого порочного опыта подталкивает российских исследователей предлагать оригинальные разработки, в которых российские особенности исторического и геокультурного развития будут рассматриваться как уникальная, но органичная часть общемирового опыта.

По сути, фундаментальная задача современного этапа состоит в необходимости формирования методологического обоснования использования незападных подходов для разработки системы международных отношений на евразийском пространстве, что может стать серьезным шагом на пути обретения собственной идентичности в этом многообразном мире.

СЕТЕВОЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЯХ И РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Считается, что сетевая концепция произвела переворот в представлении о сущности, устройстве и функционировании современного общества и современной политики. Согласно этому взгляду, сетевой элемент, особенно в связи с развитием новых технологий и Интернета, приобрел универсальный характер, присутствует во всех социально-политических процессах и взаимодействиях и является доминирующим. И в том числе в важнейшей сфере — политических коммуникаций, — которая во многом определяет ход политического процесса, устойчивость власти, ее взаимоотношения с обществом и характер политических решений. Политические коммуникации связаны с обменом информацией между акторами, обсуждением и согласованием позиций по различным вопросам, принятием решений и их реализацией. Причем очевидно, что роль информационного фактора в политике усиливается, можно сказать, в «геометрической прогрессии». Однако эффективность политических решений в полной мере зависит от того, насколько информация соответствует реальности, а не искажает реальность.

Политические коммуникации важны не как нечто изолированное, не просто как феномен политической системы и политического процесса, а прежде всего, как механизм, обеспечивающий политическое управление. В этой связи возникает вопрос, связанный с повышением эффективности политических коммуникаций в контексте решения проблем развития общества, как текущих и среднесрочных, так и стратегических, в частности в сфере социально-экономического развития. А этому могут объективно препятствовать (1) противоречия в подходах сетевых акторов, особенно если проблема отличается большой сложностью и высокой степенью конфликтности; (2) политическая бюрократия, имеющая консолидированные интересы и ориентированная на формализованные нормы и правила, когда решения требуют во многих случаях громоздких согласований. Кроме того, необходимо учитывать, что она традиционно организована как иерархическая структура. Отсюда в лучшем случае политические коммуникации реально могут строиться на условно сетевой основе, с сильно выраженным элементом доминирования и подчиненности. По сути же, в целом политическая бюрократия во многих странах успешно адаптировалась в новой сетевой реальности, что отражается на характере политических коммуникаций как внутри политической системы (между центрами и уровнями власти), так и вне ее (во взаимоотношениях с обществом, СМИ и гражданами). По моему мнению, давно настало время осознать то, что сетевизация не меняет суть современного общества и политических отношений. Более того, она может приводить к намеренному усилению дезинформации общества со стороны правящего класса, как это имеет место в странах Запада. А в результате граждане отнюдь не приближаются к реальному участию в политике, а значительно отдаляются от него.

Поэтому еще очень рано серьезно говорить о формировании «человека политического», что связывалось с развитием сетевого общества и теми возможностями, которые, как считалось, получают граждане в отношении доступа к современным технологиям и неограниченным коммуникациям. Однако «человек, может быть, и стал политическим», но настолько же реально оказался отстранен от активного участия в политических коммуникациях и формировании политики. Впрочем, так было и прежде. Более того, он оказался поработан нарастающим потоком социально-политической и иной информации, в котором невероятно возросла доля искажающих реальность сведений и данных, что травмирует общество и человека, формируя и обостряя социально-политические конфликты, как внутренние, так и внешние, международные. На данный факт обращает серьезное внимание и ОЭСР, отмечая, что такая ситуация представляет угрозу демократии и подрывает доверие к государственным институтам, и констатируя, что в странах Запада системы противодействия дезинформации утратили эффективность. Поэтому «человека политического» можно рассматривать как образ далекого и недостижимого будущего, наше желание того, чтобы общество становилось более справедливым, реально обеспечивая равные права и возможности для всех граждан. Пока же «путь к подлинной демократии» через развитие сетевого общества и всего, что с ним связано в контексте политических отношений и политических коммуникаций, как и следовало ожидать, не состоялся.

Парадоксально, но во многих странах (прежде всего, в странах Запада) СМИ, включая сетевые информационные структуры, сетевые сообщества становятся все более зависимыми от власти. В результате политические коммуникации теряют эффективность, ибо политическая информация утрачивает соответствие реальности, а со стороны власти усиливается манипулирование массовым сознанием. И, как показывают мировые события, противостоять этому сетевой фактор не может, ибо он оказался в большой степени встроено в сложившуюся систему социально-политических отношений.

МАКРОРЕГИОНАЛЬНАЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ДИСКУРС О СИМВОЛИЧЕСКИХ ГРАНИЦАХ*

Рассуждения о символических границах макрорегиона с необходимостью приводят нас к определению таких понятий, как «регион/макрорегион», «региональная идентичность/макрорегиональная идентичность». А когда речь идет о таком макрорегионе, как Северный Кавказ, дискурс усложняется, поскольку наряду с термином «Северный Кавказ» часто употребляют термин «Юг России». На традиционную позицию известных кавказоведов накладывается политическое администрирование, выражающееся в существовании на Юге России двух федеральных округов — Южного федерального округа и Северо-Кавказского федерального округа: в первый входят Адыгея, Краснодарский край, Ростовская область, а во второй — Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания, Чечня и Ставропольский край.

Как неоднократно отмечал политолог Гаджиев К.С., на территории Кавказа «этнонациональные границы не совпадают с государственными и даже с государственно-административными границами». При этом географическое, культурно-языковое, этнонациональное, конфессиональное, экономическое и политическое своеобразие Кавказа, а также вся его история создают такой макрорегион, который, во-первых, обладает своей макрорегиональной идентичностью (северокавказской), а во-вторых, имеет уникальные символические границы.

Под макрорегиональной идентичностью научный коллектив Адыгейского государственного университета, много лет занимающийся вопросами идентичности и идентитарными процессами, понимает конструируемый уровень пространственно-территориальной идентификации, занимающий срединное место между региональной и национальной идентичностями, встроенный в идентификационную матрицу, характеризующийся пониманием причастности к макрорегиону, обусловленной географическими, природно-климатическими параметрами и историко-культурной однородностью, которые способствуют межрегиональной интеграции.

Макрорегион не является формальной конструкцией, обязательно и исключительно созданной институциональным образом, то есть основанной на соглашении между соседними регионами. Макрорегион — это, прежде всего, полиэтническая социальная конструкция, созданная в результате переплетения практик субъектов всех видов и всех уровней и имеющая не административные, а символические границы. В рамках этих символических границ возникает возможность формирования/конструирования макрорегиональной идентичности.

Отличия такого макрорегиона, как Северный Кавказ, включающего в себя достаточно большую территорию, состоящую из нескольких субъектов Российской Федерации, основываются на неотделимых от него атрибутах — культурно-историческом развитии и природно-географическом своеобразии. Именно эти атрибуты являются базисом сформировавшихся символических границ, которые инертны, мало подвержены изменениям, а потому выступают хорошей основой для развития макрорегиональной северокавказской идентичности.

Помимо истории и географии Северного Кавказа — ключевых факторов, влияющих на данный вид территориальной идентичности, к числу особенностей макрорегиона, фиксируемых как в массовом сознании, так и в общественно-политическом дискурсе, можно отнести менталитет, этнические и религиозные традиции, а также уникальные бренды. Еще один немаловажный фактор, позволяющий рассуждать о потенциальных возможностях макрорегиональной идентичности, — «отсутствие выраженной макрорегиональной элиты и, соответственно, акторов, ориентированных на формирование макрорегиональной идентичности, последующую ее эксплуатацию в собственных интересах и опосредованно в интересах населения территории» (Шербаков А.Ю.).

На наш взгляд, исследование символических границ макрорегиональной северокавказской идентичности может привести к интересным результатам, которые позволят дать оценку потенциалу этого типа идентичности в укреплении российской национальной идентичности.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2024-00049 «Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: практики формирования, потенциал развития, влияние на национальную консолидацию».

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ РЕФОРМ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Конфликтогенами принято называть слова, действия (или бездействие), которые приводят к конфликту. Дословный перевод этого слова — «рождающий конфликт». Это процесс нарастания противоречий в интересах и ценностях основных политических акторов под влиянием эндогенных и экзогенных факторов, приводящий к столкновению сторон, т.е. конфликту. Конфликтогены присутствуют на всех стадиях развития политического конфликта, начиная от противоречий на латентной стадии и заканчивая действиями по его завершению.

К началу второго десятилетия XXI в. в рамках уже сложившейся постсоветской политической системы российского общества произошло усиление конфликтогенных факторов. Чем обуславливалась конфликтогенность действующей политической системы? На наш взгляд, ее закрытостью или точнее, полужакрытостью. Как известно, для такого типа политической системы характерно отсутствие или нарушение в той или иной степени прямых и обратных связей между внутрисоциальной средой и самой политической системой. Отсутствие таких каналов связей и отношений рано или поздно создает напряжение между действующей властью и оппозицией. Периодически этот скрытый латентный конфликт выливается в открытый, часто сопровождаемый массовыми демонстрациями, беспорядками и т.д.

Известно, что подавление или избегание конфликта не приводит к подлинному его разрешению, а наоборот, становится дополнительным конфликтогенным фактором протекания его с еще большей степенью интенсивности и на более высокой стадии мобилизации всех его участников. Ясно также и то, что для того, чтобы предупредить перерастание латентной конфликтности в открытое противостояние, чреватое хаосом, необходимы меры, связанные с реформой политической системы.

Политические реформы являются важным инструментом по предупреждению социально-политических конфликтов. Предупреждение социально-политического конфликта — есть деятельность, направленная на недопущение его возникновения и разрушительного влияния на ту или иную сторону, тот или иной элемент политической системы. Естественно, что такая деятельность предполагает активное вмешательство управляющего субъекта (одной или обеих сторон предполагаемого конфликта) в реальный процесс социально-политических отношений людей, в их взаимодействие в различных сферах жизни. В таком случае стихийный ход процесса может быть прерван, при условии разумного вмешательства, целесообразного с точки зрения интересов различных социальных групп. Предупреждение конфликта подразумевает определенную стратегию, включающую в себя совокупность этапов и методов управления конкретным процессом взаимоотношений потенциальных акторов конфликта.

Основная цель реформы политической системы, которая начала осуществляться по инициативе президента В.В. Путина в 2020-х гг., — это снижение конфликтогенности существующей политической системы, повышение ее устойчивости. Следует помнить, что конфликтогенность политической реформы увеличивается, если: а) она не достигает цели, б) если темпы ее реализации не достаточны. Есть убедительные исторические примеры, когда незавершенные реформы становились началом втягивания общества в период еще большей нестабильности и конфликтности. Реформы могут увеличить степень конфликтогенности политической системы. Проблема, таким образом, заключается в качестве этих реформ, последовательности их осуществления и т.д. Конфликтогенны не сами реформы как таковые, а то, как и насколько последовательно они будут проводиться. Для того чтобы начатая реформа политической системы не стала конфликтогенным фактором открытого социально-политического конфликта, необходим комплекс достаточно глубоких институциональных изменений, связанных с перераспределением полномочий между властями. В частности, усиление ответственности правительства перед законодательной властью позволяло бы своевременно предупреждать возникающую напряженность относительно принимаемых решений исполнительной власти. Мы уже могли убедиться, что в предшествующей политической системе, когда правительство не несло политической ответственности перед законодательной властью за свои решения и свои проекты, все высокие цели и задачи оборачиваются большими нецелевыми расходами и весьма скромными достижениями.

Майоров И.Е.
(Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ВЛИЯНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ МЕДИА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РОССИИ СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ГЕРМАНИИ: АНАЛИЗ ВУЗОВ, ГДЕ ПРЕПОДАЕТСЯ РУССКИЙ ЯЗЫК

Актуальность данного исследования определяется тем, что в условиях растущей международной напряженности и политических конфликтов университетские медиа играют важную роль в формировании представлений о России среди немецкой молодежи, изучающей русский язык. Важно понять, каким образом информация, представленная в академической среде, влияет на политический имидж страны, особенно в контексте современных вызовов, связанных с дезинформацией и стереотипами.

Цель исследования — проанализировать влияние университетских медиа на формирование политического имиджа России среди студентов в Германии. Задачи включают сбор данных о вузах, где преподается русский язык, и анализ публикаций на предмет содержания, выявления стереотипов и оценку их влияния на политические взгляды студентов. Кроме того, важно определить, какие аспекты российского общества и культуры подчеркиваются, а какие остаются вне поля зрения.

Исследование предполагает качественный анализ публикаций университетских медиа и контент-анализ. Выборка охватывает вузы Германии, предлагающие изучение русского языка. Анализ основан на эмпирических данных, собранных в ходе исследования медиа-контента (Майоров, 2024). Методы включают как количественные, так и качественные подходы, что позволяет получить более полное представление о представлениях о России.

Результаты показывают, что публикации в университетских медиа отражают амбивалентное восприятие России. С одной стороны, наблюдается акцент на культурных достижениях, положительных аспектах русской культуры и истории, что способствует формированию положительного имиджа. С другой стороны, распространение негативных стереотипов, связанных с политикой и социальными проблемами в России, существенно влияет на формирование политических взглядов студентов и их отношение к России. Анализ показывает, что большинство публикаций все же сосредотачиваются на культурных темах, в то время как политические вопросы рассматриваются менее активно.

В процессе анализа были выявлены ключевые темы, касающиеся представления о России в университетских медиа: культурное наследие, достижения в науке и образовании, а также вызовы, с которыми сталкивается современное российское общество. Это позволяет сделать вывод о том, что университетские медиа могут служить важным инструментом для формирования более сбалансированного и объективного взгляда на Россию среди немецкой молодежи. Однако важно отметить, что образовательные учреждения также несут ответственность за то, как они освещают сложные вопросы, связанные с российской политикой и обществом.

Исследование позволяет понять, как Россия освещается в среде студентов вузов, изучающих русский язык. Оно подчеркивает необходимость выявления мер для улучшения имиджа России в Германии среди этой аудитории. В условиях ограниченных контактов между университетами важно сосредоточиться на внутренних ресурсах и инициативах. Рекомендуется активное использование цифровых платформ для распространения более сбалансированной информации о России, включая ее культурное наследие, достижения и вызовы. Создание онлайн-курсов, вебинаров и публикаций, которые подчеркивают разнообразие российской культуры и общества, может способствовать лучшему пониманию и уважению между культурами. Этот подход позволит создать более полное и многогранное представление о России, что важно для формирования позитивного имиджа среди молодежи.

Макаренко В.П.
(Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет)

ОТ САМОБЫТНОСТИ К ИДЕЙНОМУ СТАРЬЮ

В России недавно пятым изданием (после 1991 г.) вышла книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». В аннотации автор назван «великим русским мыслителем, основоположником учения о цивилизациях, обосновавшим идею о том, что общечеловеческой цивилизации нет и быть не может». Если судить по частоте переизданий, то в приведенном определении Данилевского содержится скрытая ссылка на советский опыт: классик — это тот, кто способствовал созданию и укреплению советского государства. Поэтому сочинения классиков советской версии марксизма превратились в источник дог-

матизма со всеми его коннотациями. Элементарный подсчет показывает, что за тридцать с небольшим лет издание «России и Европы» тоже обслуживает переход от лозунгов «нового мышления», «общего пути цивилизации» и «Европа — наш общий дом» к нынешней пропаганде «духовных скреп» и «традиционных ценностей» России. Но СССР распался. Советская эпоха потеряла роль критерия для воспроизводства и оценки всего и вся. На месте бывшего СССР возникло 15 государств, включая Россию. Можно ли считать Данилевского классиком России? В его честь уже выпустили монету Банка России, на которой вместе с барельефом автора изображена книга «Россия и Европа».

На сайте П.Г. Щедровицкого имя Данилевского присутствует в сериях портретов под рубриками «Русские философы» и «Философия России XIX века». Но в этих сериях почему-то нет упоминания о В.С. Соловьеве. А ведь именно он еще в конце XIX столетия подверг опус Данилевского сокрушительной критике. Но содержание и основные проблемы этой критики не упоминаются ни в одном из пяти изданий книги «Россия и Европа». Значит, факт критики данного сочинения Данилевского и уже почти полустолетняя традиция критики его концепции в целом замалчиваются. Его книгу стремятся продать или навязать публике, игнорируя правило философской жизни: любой труд любого мыслителя (особенно претендующего на «величие») должен подвергаться публичному критическому разбору и выдвигению множества конкурирующих концепций. В противном случае воспроизводится схема существования советской идеологии, навязанной населению сверху. Но это было тогда, когда не менее $\frac{4}{5}$ населения страны были неграмотны. Под предлогом «ликвидации неграмотности» власть сознательно скрывала факт навязывания населению определенной системы взглядов, которая не подтвердилась в качестве государственной идеологии. Неясно, кто должен отвечать за длительное публичное распространение лжи.

В настоящее время неграмотных в России нет. Значит, содержание критики может сообщаться любому потенциальному читателю в момент его знакомства с любой философской концепцией. Любая оригинальная концепция вызывает множество толкований. Причем ни одно из них не исчерпывает настоящего величия мыслителя. Если многообразие толкований пытаются свести к одному канону, то в лучшем случае мы имеем дело с воспроизводством концептуальной рутины, от которой пока не в состоянии освободиться ни одна наука. Именно эта рутинная образует основу нынешней российской пропаганды. Опасность подмены социальных наук пропагандой пока еще не осмыслена научным сообществом. В русском варианте Википедии Данилевского не называют мыслителем, а социологом, культурологом, публицистом, естествоиспытателем, классиком геополитики, одним из основателей цивилизационного подхода к истории, идеологом панславизма. Это перечисление намекает на энциклопедичность Данилевского. Но о содержании критики В.С. Соловьева не говорится ни слова.

Между тем В.С. Соловьев показал, что труд Данилевского есть разновидность ползучих теорий общества, которые могут служить примером ленивой и робкой мысли. Главным доказательством служит факт: автор «России и Европы» стоит на почве племенного и национального раздора, которым освящаются насилие, угнетение и войны.

Для критики этого тезиса Данилевского Соловьев поставил вопросы: есть ли какие-либо основания приписывать России значение культурно-исторического типа, отдельного и высшего по отношению к Европе? насколько деление человечества на культурные типы соответствует исторической действительности? На оба вопроса он дал отрицательный ответ. Взамен идей Данилевского Соловьев выдвинул программу теоретического противодействия любым попыткам приписать месту и времени рождения непроницаемую самобытность. В докладе подчеркивается необходимость таксономии идейного старья на основе современной теории секунд хэнд и мониторинга множества реальных и мнимых проблем.

Макаренко К.М.
(Волгоград, ВолГУ)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТRENДЫ В ПЕРИОД КРИЗИСОВ*

Революционными в плане изменения структуры международной и национальных политик во многом стали 2020-е годы XXI в. Активная фаза COVID-19 в 2020–2021 гг. и проведение с 2022 г. специальной военной операции (СВО) актуализировали целый ряд значимых как для науки, так и для практики вопросов.

Любой кризис является значимым фактором проверки устойчивости социально-политической системы. Адекватность ответа на исходящие (как экзогенного, так и эндогенного характеров) вызовы показывает эффективность выстроенной социально-политической структуры. Адаптивная система

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, Экспертного института социальных исследований в рамках проекта FZUU-2024-0005 «Участие в выборах как семейная традиция: ресурсы института семьи и векторы мобилизации гражданской активности современной российской молодежи»

в условиях кризисов должна реагировать, изменяться, сохраняя при этом фундаментальные основания. Отсутствие реакции диагностирует проблему «эффекта колеи» и позволяет констатировать если не «смерть», то явную дисфункцию системы.

Публичное пространство России на настоящем этапе ее развития представляет собой, во многом, монолитную конструкцию, основанную на ряде ценностей: 1) неоспоримом значении важности государства (что выражается в высочайших рейтингах доверия не только президенту, но и другим политическим институтам); 2) патриотизме; 3) солидарности. Кризисные обстоятельства диктуют потребность в мобилизационном состоянии общества, которое, по определению, не может быть долговременным.

В логике политической демобилизации, которая неотвратимо наступит после окончания специальной военной операции, публичное пространство претерпит ряд существенных изменений. Монолитность, с высокой вероятностью, трансформируется в фрагментарную публичную политику, но с обособленным центром, дискурс которого будет определяться властью. Особую значимость для развития и функционирования публичного пространства России как сейчас, так и в ближайшей перспективе играет (и будет играть) гражданская активность.

В настоящее время важнейшими трендами гражданской активности в России являются: 1) цифровизация, 2) глобальный характер проблем, 3) приоритет реальных, а не симулятивных действий. Среди обозначенных трендов цифровизация определяется мировой конъюнктурой (тренд на цифровизацию имеет место в любой стране, обладающей достаточным уровнем интернет-коммуникаций), тогда как характер проблем и формы выражения активности определяются национальной спецификой (в нашем случае актуализированной кризисными обстоятельствами).

Гражданская активность в современной России представлена целым рядом практик, наиболее заметными из которых являются волонтерство, благотворительность и помощь бойцам СВО (как материальная, так и нематериальная). Публичные обращения к органам власти, подписание петиций в последние годы проявляются значительно реже, что может быть связано как с ощущением низкой эффективности данных методов для решения проблем, так и с переориентацией проблем локального характера (традиционно свойственного гражданской активности) на федеральный уровень. Тем самым гражданская активность после 2022 г. стала выполнять, во многом, изначально нехарактерную для себя функцию. Традиционно основной задачей гражданской активности являлось формирование групп интересов (как институционально оформленных, так и не объединенных в рамках официальных организаций) для решения локальных проблем местных сообществ. В ходе СВО произошла смена вектора публичных проблем, что привело к сознательному замалчиванию местных проблем в пользу решения проблем национального масштаба. Данный тренд, безусловно, временный, но крайне выраженный и устойчивый.

Важнейшим проявлением такого рода парадокса гражданской активности становится активное участие в формировании гражданской идентичности: участие в общенациональном деле приводит к осознанию себя как гражданина государства. Тем самым гражданская активность не входит в оппозицию к политической деятельности (в логике противопоставления государства и гражданского общества), а, наоборот, дополняет ее и стимулирует к симбиотическому развитию.

Маковский А.А.
(Псков, ПсковГУ)

РЕЛИГИОЗНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СИЛЫ

С середины 1990-х гг. государство обратило пристальное внимание на процесс гармонизации общества и формирования гражданской идентичности. В рамках государственной национальной политики и «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» основная задача органов власти, отвечающих за внутреннюю политику, заключается в упрочении общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации), гармонизации национальных и межконфессиональных отношений, обеспечении равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии.

Сквозь призму проблемы идентичности личности данная задача видится в трансформации национальной и религиозной идентичности общества в гражданскую. То есть гражданская идентичность должна преобладать не только в субъектах Российской Федерации, но и в национальных республиках, краях, автономных областях и иных субъектах РФ.

В рамках исследования темы «Государственно-конфессиональные отношения во внутренней политике субъектов РФ» 9 сентября 2024 г. в Псковской области была проведена фокус-группа (N = 13) среди представителей различных национальностей, проживающих на территории региона (предста-

вители народов: русские, сето, армяне, азербайджанцы, дагестанцы, таджики). В ходе опроса прозвучало мнение, что национальная идентичность, а также отчасти религиозная идентичность придают социальную силу гражданам, переехавшим в другой регион. Кроме того, национальная и религиозная идентичность, консолидация малых групп дают привилегии в бытовых условиях, бытовых конфликтах, различных социальных ситуациях.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что эффективная трансформация национальной и религиозной идентичности в гражданскую возможна при условии обладания гражданской идентичностью такой же социальной силой, что и иные. При этом в работе хотим сделать акцент именно на феномене «социальной силы». В анализе данного явления с точки зрения влияния на общество и политику мы опираемся на теорию социального воздействия Б. Латане, идеи Дж. Тибо и Г. Келли, теорию социального действия М. Вебера, теорию власти Дж. Френча и Б. Рейвена, теорию «воображаемого сообщества» Б. Андерсона, идеи П. Бурдьё и Э. Хобсбаума.

Предполагаем, что социальная сила — это способность индивидов, групп или институтов воздействовать на поведение, действия и решения других людей в обществе. Она может выражаться через власть, влияние, принуждение или авторитет.

Формулу социальной силы можно представить как комбинацию различных факторов, которые сказываются на способности группы граждан оказывать влияние на общественные процессы. В общем виде она может выглядеть так:

$$\text{Социальная сила} = a \times \text{Религиозность} + b \times \text{Национальность} + c \times \text{Экономический статус} + d \times \text{Политическое влияние},$$

где a, b, c, d — это коэффициенты, которые отражают важность каждого из факторов для конкретной ситуации или группы.

Эта формула является абстрактной и может включать другие переменные в зависимости от конкретного анализа. Важно учитывать, что социальная сила — это комплексное явление и ее трудно свести к простой математической формуле. Но подобный подход помогает структурировать мыслительный процесс и выделить ключевые факторы.

Полагаем, что гражданская идентичность должна заменить религиозную и национальную в формуле социальной силы, т.е. стать элементом, способным разрешать социальные противоречия, создавать привилегии в бытовой сфере и возможности для реализации собственных прав и свобод. Данная тенденция, по нашему мнению, выполнима только в условиях развития гражданского общества и институтов гражданского общества, особенно тех, которые имеют региональный характер, для решения социальных вопросов местного уровня.

Задача государственной национальной политики видится в создании формулы «социальная сила» с гражданской идентичностью. В качестве примера формула социальной силы, включающая гражданскую идентичность, может быть представлена следующим образом:

$$S = (P \times C) + (I \times A) - D,$$

где: S — социальная сила группы в обществе, P — политическое влияние группы за счет институтов гражданского общества (ассоциаций, федераций, объединений) и правоохранительной системы, C — уровень гражданской идентичности, I — экономическое влияние группы, A — авторитет группы в обществе (включает культурный, моральный, религиозный или интеллектуальный авторитет), D — степень дискриминации или подавления группы.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в современной России группы, обладающие национальной и религиозной идентичностью, имеют определенную социальную силу. При этом задача государственной национальной политики заключается в том, чтобы представители гражданской идентичности также имели такие же возможности влиять на общество, социальную сферу и разрешение конфликтных ситуаций.

Максименко А.С.
(Калининград, БФУ)

«НЕ ЕДИНЫЙ НАРОД: ОСТАНОВКА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ СААМОВ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ»

Вопросы национального единства и идентичности являются одним из основополагающих факторов государственности Российской Федерации особенно на фоне боевых действий на Украине, когда Россия столкнулась с осуждением и санкциями со стороны Запада. На примере развития этнополитических движений коренных народов, а именно проблемы формирования национального самосознания и политической мобилизации в рамках одной этнической группы, встает вопрос о формиро-

вании истинно научного знания в области политической науки, проведении эффективной этнической политики и формировании политических ценностей России.

Актуальные проблемы этнополитики в отношении саамов сегодня привлекают пристальное внимание в научных и политических кругах в странах Фенноскандии и способствуют формированию устойчивой тенденции к постановке данных вопросов в повестке национальных политик Норвегии, Швеции, Финляндии и России. С позиции западной политической науки и международной деятельности официальных саамских парламентов, российские саамы остро нуждаются в проявлении солидарности и использовании рычагов влияния на политику России в позитивном направлении в отношении социальных прав и прав коренных народов со стороны зарубежных Парламентов Саамов с целью создания подобного официального Парламента в России и развитию иных инструментов самоуправления. Подобная тенденция остро нуждается в аргументированной критике со стороны политической науки, где ставится под сомнение рациональность существующего подхода в области выбранных инструментов достижения социально-политических амбиций саамов России извне.

Национальная и внешняя политики государств проживания Саамов (Норвегия, Швеция, Финляндия и Россия) максимально отрицательно влияют на национальное самосознание саамского единого народа и ставят под угрозу положительный курс этнополитического движения саамов в Арктическом регионе.

Этнополитическое движение саамов в Арктическом регионе является одним из наиболее ярких примеров устойчивого, целенаправленного и организованного этнополитического процесса в мире. Саамы по итогам эффективной политической мобилизации и поступательного развития саамского национального движения сформировали стабильную инфраструктуру самоуправления и эффективно используют различные инструменты управления в проведении собственной пансаамской политики. Одним из таких инструментов является Союз Саамов, главной целью которого является защита прав и интересов саамов, проживающих в Норвегии, Швеции, Финляндии и России (Maaka, Anderson 2006: 272). Более того, в рамках логического развития установленной цели, именно защита интересов и прав саамов, как единого народа, проживающего на единой территории и обладающего единой культурой, является движущей силой пансаамской политики, направленной на формирование мирового признания саамов единым и коренным народом Сапми (Корнеев, Максименко 2021).

24 февраля 2022 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин сообщил о начале специальной военной операции. На фоне данных событий с 10 апреля 2022 г. Союз Саамов полностью приостановил сотрудничество с российскими организациями-членами (Cooperation with Russian side on hold: 2022). Данное решение было принято единогласно полным составом Рабочего комитета Союза в результате присутствия различных мнений на данные события среди «единого» саамского народа и официальных политических курсов государств-территории проживания Саамов. В результате саамы Запада полностью разорвали отношения со своими российскими национальными организациями, поставив под угрозу сформированное столетиями единое национальное самосознание.

Окончательным же обрывом любой связи российских саамов со своим народом стал выход России из Баренцева Совета 18 сентября 2023 г., которое Россия инициировала по собственному желанию в связи с полной парализацией ее деятельности западными «партнерами» (Заявление МИД РФ о выходе России из Совета Баренцева: 2023).

Национальная и внешняя политика государств проживания Саамов максимально отрицательно влияет на национальное самосознание саамского единого народа и ставит под угрозу положительный курс их этнополитического движения. Действия европейских государств Севера по изоляции России от построения трансграничного взаимодействия на территории Сампи, а также ее социально-экономического развития, укрепления культурных связей, защиты окружающей среды и экологии наносит колоссальный ущерб коренному населению Севера и ставит под угрозу существование саамского единого народа в целом.

*Макушина Л.В.
(Москва, ИС ФНИСЦ РАН)*

КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛОГА

Социальный диалог — гибкий инструмент, позволяющий управлять изменениями, достигать экономических и социальных целей и при этом на национальном уровне оказывать большое влияние на формирование политики. Социальный диалог традиционно осуществляется через переговоры, консультации или просто обмен мнениями, может происходить как на уровне отдельных предприятий, отраслей, регионов, так и страны в целом.

Обязательной основой эффективного социального диалога является обмен информацией. Коммуникации имеют важнейшее значение, даже если они не заканчиваются какими-либо конкретными действиями, в то время как взаимоотношения между обществом и властью через традиционные институты представительной демократии постепенно теряют свою эффективность. Появление социальных сетей радикально меняет методы создания общественно значимой повестки дня, в том числе и потому, что партисипативная демократия затрагивает не только политическую сферу: воссоздавая элементарную социальность, она предполагает возрождение сообществ, понятия солидарности.

Работники в рамках социально-трудовых конфликтов не всегда имеют возможность активно и коллективно использовать традиционные массовые публичные формы протеста — забастовки, митинги, пикеты, поэтому избирают другие способы действий для защиты трудовых прав, такие как коллективные видеообращения, флэшмобы, интернет-акции. В «послепандемический период» сохраняется тенденция к снижению количества публичных форм протестных действий и угроз по их проведению, но растет число коллективных обращений в разные инстанции как возможности защитить трудовые права и добиться ответной реакции других сторон социального партнерства.

Важнейшими вопросами в условиях сетевизации социально-трудовых отношений (СТО) в современном обществе остаются следующие: каким образом будут организованы работники в условиях сетевизации и как будут взаимодействовать субъекты социально-трудовых отношений. Проблема в том, что традиционно социальный диалог в сфере СТО предполагает взаимодействие формально организованных наемных работников, бизнеса и государства, но сейчас в сфере занятости постоянно увеличивается численность неструктурированных «нестабильно занятых».

С 2020 г. в России началась работа над формированием новых модулей к программе «Инновационные механизмы социального партнерства», в течение последних лет сформировалась тактика действий работников и профсоюзов в ходе социально-трудовых конфликтов: широкое использование СМИ и Интернета, социальных сетей для освещения реализации намерений и организационно-мобилизационных мероприятий как эффективных способов защиты трудовых прав и достижения поставленных целей, а также привлечение внимания общественных институтов и властей к проблемам работников.

Социальный диалог может иметь место на разных уровнях, в том числе и на предприятиях. Множество проблем в компании — следствие дефицита коммуникаций, тогда как грамотное коммуницирование, в том числе работа с обратной связью (*feedback*), позволяет наладить рабочие процессы в организации, облегчить адаптацию персонала, повысить мотивацию и, как следствие, эффективность отдельно взятого сотрудника, уменьшить текучесть кадров. Оно дает возможность повышать вовлеченность сотрудников в дела компании; распространять удачный опыт, важную для рабочего процесса информацию; предлагать ту или иную точку зрения на происходящее в компании; обсуждать с сотрудником возможности его профессионального роста. Кроме того, обратная связь — это двухсторонняя коммуникация, которая дает работникам возможность принимать участие в обсуждении проблем организации.

Исследование *Gallup* показало, что низкая вовлеченность сотрудников в рабочие процессы (одна из причин — нежелание и неумение организаций работать с обратной связью) стоит мировой экономике 9% ВВП (что соответствует 8,8 трлн долл. в год). Тогда как эффективная практика обратной связи повышает производительность отдельно взятого сотрудника на 17% (Руководители доруководились / URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6043581?ysclid=ml0xq5qeok17362574/>). Если в компании развиты коммуникации между руководителями и сотрудниками, многие рабочие процессы осуществляются без перебоев: в коллективе формируются доверительные отношения, растет эффективность работников — как новичков, так и давних сотрудников.

В настоящее время в России формируются профессиональные социальные сети как инструмент коллективной защиты интересов работников. Профессиональные социальные сети в наше время — это создание колоссального общего медийного пространства, возможности установления горизонтальных связей, распространения информации между участниками сети, способ влияния на целевую аудиторию, а также ресурс для профессионального роста и карьерного продвижения.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ СТРАН–ЧЛЕНОВ СИСТЕМЫ ЕАЭС*

На сегодняшний день вопрос миграционной политики стран–участниц Евразийского экономического союза и шире — СНГ в первую очередь связан с экономическими аспектами, определяемыми процессами трудовой миграции. Однако текущая глобальная повестка и запускаемые на уровне национальных правительств проекты свидетельствуют об обращении более пристального внимания к фактору развития человеческого капитала не только в разрезе экономического роста, но и с точки зрения социальной стабильности. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. (см.: Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>) первые три цели из семи посвящены сохранению численности населения и повышению качества жизни. В Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года, направленной на обеспечение успешного достижения Целей устойчивого развития ООН, первой стратегической целью декларируется достижение высоких стандартов уровня жизни населения, в основе чего видится качественный экономический рост наряду с созданием технологической базы и условий для реализации личностного потенциала. Данные примеры подтверждают идею о восприятии неразрывной связи между экономическим фактором и социальной стабильностью, концептуализируемой в данном случае через категорию развития человеческого капитала.

Несмотря на то что экономический фактор миграции является доминирующим, для объективной оценки потенциала всех вовлеченных в систему участников необходимо рассматривать не только национальные экономические интересы, но и условия развития человеческого капитала, обеспечиваемые в условиях наличия устойчивых международных связей. Более того, миграция, в частности трудовая, рассматривается как условие дальнейшей модернизации стран — участниц ЕАЭС и сохранения социальной стабильности. Обеспечение свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы воспринимается членами Евразийской экономической комиссии как гарантия безопасного и эффективного сотрудничества государств, составляющих миграционную систему.

Однако на сегодняшний день существует определенный набор условий, препятствующих полноценному анализу связи миграции с благосостоянием граждан. В первую очередь, это вызвано отсутствием или сложностью сбора данных по таким факторам, как изменение заработной платы по результатам смены места жительства, рост или сокращение затрат при переезде в другую страну. В этой связи в рамках настоящего исследования целью выступает поиск направления связи между фактором экономического роста и социальной стабильности, наблюдаемых в странах, входящих в миграционную систему ЕАЭС. Данный анализ позволит сконструировать прогностическую модель, объясняющую потенциал региона в области развития миграционных потоков.

Единицами анализа выступают 5 действующих членов ЕАЭС — Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия, а также государства, участвующие в миграционных процессах региона, — Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Для определения уровня экономического развития и благосостояния были выбраны показатели, отражающие ВНД и ВВП на душу населения, рассчитываемые Группой Всемирного банка (World Development Indicators // World Bank DataBank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>), а также индекс человеческого развития (ИЧР), публикуемый ООН (Human Development Index // UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI>). Для оценки состояния демографических характеристик исследуемых стран были отобраны следующие переменные: показатель рождаемости, показатель смертности, естественный прирост населения и показатель изменения численности населения. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2003 по 2023 г.

Анализ данных выявил ряд значимых тенденций. Так, в странах с высокими показателями естественного прироста населения наблюдаются более низкие в сравнении с другими странами–участницами индикаторы экономического развития. Речь идет о таких странах, как Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Также стоит отметить зависимость уровня развития человеческого ка-

* Доклад выполнен в рамках реализации проекта Научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» (исследовательская программа «Миграция»; в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.)).

питала от экономических показателей и демографической ситуации. В странах с наиболее высоким индексом ИЧР (Белоруссия, Казахстан, Россия) в последние несколько лет наблюдается рост ВВП и ВНД на душу населения при незначительных изменениях демографических показателей.

Главным результатом проведенного анализа выступает открытие возможности для формулирования новых гипотез в отношении дальнейшего развития миграционного потенциала региона. Среди возможных предположений выдвигается идея о зависимости решения о миграции от уровня экономического благосостояния и социальной стабильности в стране-реципиенте.

Малинова О.Ю.
(Москва, НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН)

ВОЗМОЖНОСТИ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: НА ПРИМЕРЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМЫ БУДУЩЕГО НА ВЫСТАВКЕ «РОССИЯ»

В докладе обосновывается необходимость опоры на исследования мультимодальности при изучении мультимедийных выставок. Повышение их роли в политических коммуникациях в России подтверждается примерами выставок о российской истории, трансформированных в систему исторических парков «Россия — моя история», и выставки-форума «Россия» на ВДНХ, которую также планируется превратить в долговременный проект. Современные технологии создают широкие возможности для трансляции нужного информационного контента и в то же время делают потребление такого контента увлекательным видом досуга. Однако то, что позволяет эффективно использовать выставки в качестве инструмента символической политики — возможность трансляции множественных потоков информации по каналам, задействующим разные способы чувственного восприятия, — оказывается проблемой для традиционных методов анализа, сфокусированных на конкретных свойствах лингвистического или визуального контента.

В поисках подходящих методологических решений автор обращается к исследованиям мультимодальности. Предпринимается попытка приложить систему понятий и принципов мультимодального анализа, предложенную в фундаментальном проблемно-ориентированном введении в мультимодальность (Bateman, Windfeuer, Niipala, 2017), к случаям региональных экспозиций выставки «Россия».

Международная выставка-форум «Россия» проходила с 4 ноября 2023 по 8 июля 2023 г. на ВДНХ. Указ о ее проведении был подписан президентом В.В. Путиным 29 марта 2023 г. Объявленные цели выставки — «демонстрация важнейших достижений Российской Федерации в различных отраслях экономики..., положительного опыта развития субъектов Российской Федерации» и «содействие международному сотрудничеству», — очевидно учитывали перспективу президентских выборов (Указ об оргкомитете по подготовке и проведению Международной выставки-форума «Россия» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70803> (дата обращения: 16.07.2024).

Возможности мультимодального анализа демонстрируются на примере репрезентации темы будущего на выставке «Россия». Конструирование будущего — неотъемлемая часть политической коммуникации, и хотя главной темой выставки была демонстрация. Поскольку принятие политических решений и их оценка предполагают моделирование будущих результатов, публичное обоснование и/или оспаривание политики так или иначе связаны с обсуждением желаемого или ожидаемого будущего. Формирование конкурирующих образов будущего может рассматриваться в качестве одной из функциональных задач политических элит. Реализация этой задачи сопряжена с преодолением фундаментальной неопределенности в отношении будущего, особенно в контексте переживаемой турбулентности. И хотя главной задачей выставки была заявлена демонстрация «достижений» и «положительного опыта», с учетом предвыборного контекста, она не могла не касаться темы будущего. Мультимодальный анализ экспозиций российских регионов позволяет обнаружить общее и особенное в подходах к решению этой задачи.

Мультимодальный анализ коммуникативных ресурсов, задействованных на выставке «Россия», позволяет сделать вывод, что ее идеологическое воздействие едва ли правильно оценивать, используя модель, рассматривающую реципиента как пассивного получателя сообщений, поскольку значительная часть коммуникативных ресурсов выставки предлагает ему роль участника, потребляющего контент по собственному усмотрению, но в рамках заданных сценариев.

СТРАТЕГИЯ «ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА» И ПРОЕКТ «МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА»: ТЕСТ НА СОВМЕСТИМОСТЬ

Введение

В своем драматическом произведении «Железная дорога» великий русский поэт Николай Некрасов возгласил: «в мире есть царь: этот царь беспощаден, голод имя его». К прискорбию, тревожное изречение признанного классика мировой литературы не потеряло своей актуальности и сегодня, когда более 800 миллионов жителей нашей планеты страдают от острого дефицита продуктов питания. Согласно совокупным данным, весомое количество людей, систематически испытывающих острую продовольственную нужду, стало привычной нормой для нашей планеты. Более того, устоявшаяся за прошедшую половину века «голодная традиция», согласно экспертным прогнозам, не понесет кардинальных изменений в предстоящие десять лет.

Глобальная агропродовольственная система: агенты и порядки

Вследствие законного исследовательского желания скорректировать обозначившийся тренд необходимо провести инвентаризацию глобальной продовольственной системы, генеральными интересантами которой, начиная с 1980-х, уверенно выступают силы «агропродовольственного ультраимпериализма».

Осуществление тотального контроля над всеми звеньями «агропромышленной цепи» позволяет современным «корпоративным фигурам» единолично управлять процессом воспроизведения жизни на планете, агроэкологический фонд которой стремительно скудеет под натиском рыночной капитализации и денежно-кредитной оптимизации. При этом мессианская роль по колонизации «жизненного мира», отведенная ТНК, крепко связана с геополитическим превосходством одних (экономически развитых государств) над другими (экономически развивающимися).

Таким образом, власть «агропродовольственного ультраимпериализма», «задекорированная» под естественную диверсификацию торгово-экономической мобильности ТНК, зиждется на привычных для парадигм нео-, марксизма и политического нео-, реализма столпах — «национальных интересах» и «мощи государств» (Глобального Севера).

Проект полицентризма и «суверенитет многих государств»

Геополитически оправданным ответом стран Глобального Юга служит требование о возвращении «экологического долга» и призыв к реформированию существующего порядка в «мир-системе». Модель «полицентризма», основанного на диалоге, равноправии и уважении всех участников политического процесса, противопоставляется действующему эталону авторитарного моноцентризма. При таких обстоятельствах «суверенитет многих» государств выступает в качестве политической альтернативы «суверенитета одного» государства-корпорации. В агропродовольственной сфере аналогичные стремления нашли свое отражение в понятии «продовольственного суверенитета», одновременно рассматриваемого, как контримпериалистический дискурс, государственная стратегия, общественное движение и политический инструмент.

Концепция «продовольственного суверенитета» и полицентризм

В качестве стратегической альтернативы моноцентризму предлагается концепция «продовольственного суверенитета», которая может быть определена как право народов на здоровую и свойственную их культурным традициям пищу, произведенную экологически и биологически устойчивыми методами, а также право политического субъекта самостоятельно выбирать и реализовывать стратегии по эксплуатации собственной агропродовольственной системы.

С помощью продовольственного суверенитета современные государства, а также международные общественные организации пытаются комплексно преодолеть такие народнохозяйственные проблемы, как: конфискация средств производства; приватизация природных ресурсов; исчезновение биоразнообразия; деградация природных экосистем; низкий уровень продовольственной самодостаточности и неконкурентоспособность отечественного фермерства.

Планетарная продовольственная картина, маркированная как «региональный голод во время пышного глобального застолья», характеризуется: небывалым господством рыночной идеологии, тиранией транснациональных корпораций, непоколебимым авторитетом множественных Бреттон-Вудских институтов, коммерческим диктатом продовольственных гипермаркетов.

По нашему убеждению, политико-правовое поддержание жизнеспособности крестьянства, популяризация экологически устойчивых практик ведения сельского хозяйства и культивирование труда (как метода, предотвращающего комплексную деградацию человечества) являются «альтернативной действительностью» и «действенной альтернативой» расширяющимся программам либерализации природы, приватизации жизни и монетизации безусловных рефлексов человека.

Малышева Г.А.
(Москва, ФНИСЦ РАН)

О РОЛИ ОНЛАЙНОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД СВО

Социальные медиа, базирующиеся на технологиях цифровых онлайн-коммуникаций, играют важную роль в функционировании современной политико-коммуникационной сферы. Виртуальные сообщества и сети, посредством которых происходит информационный обмен в Интернете, в значительной мере определяют социокультурный облик общества и характер его политической культуры. Сегодня, когда Россия находится на переломном этапе своей новейшей истории, этот фактор приобретает особое значение.

В наши дни происходит коренное переустройство мира, переход от его прежней конфигурации, основанной на глобальной гегемонии Запада, к полицентричной системе, которая отражает культурно-ценностное многообразие и особенности цивилизационного развития различных стран и мировых регионов. Становление многополярного мира сопровождается ожесточенной конкуренцией между западными и незападными центрами силы, что создает предпосылки для возникновения полномасштабных вооруженных конфликтов, одним из которых является специальная военная операция (СВО) на Украине, трактуемая наблюдателями как прокси-война между Россией и военно-политическим блоком западных государств.

Большой передел мира разворачивается на фоне другого ключевого тренда современности — глобальной социотехнологической трансформации, в ходе которой цифровые технологии преобразуют все сферы общественной жизни. Цифровой переход подразумевает виртуализацию социально-политических взаимодействий и формирование онлайн-цифросетевой реальности, которая охватывает все более значительную часть коммуникационно-медийного пространства.

Сетевой формат виртуального мира делает его в известной степени независимым от физических границ и властных полномочий национальных государств. Информационно-цифровая глобализация, под знаком которой прошли последние десятилетия, привела к утверждению влиятельных международных игроков на внутреннем поле национальной политики. Речь идет прежде всего о гигантах американской IT-индустрии и принадлежащих им трансграничных платформах социальных медиа, которые во всех странах своего присутствия служат мощным проводником политического, идеологического и культурно-ценностного влияния западных властных элит.

Обострение глобального конфликта вызвало к жизни тенденцию к размежеванию национальных сегментов онлайн-цифрового пространства. Отстаивание ценностей национальной культуры в настоящее время рассматривается как обязательное условие цивилизационной суверенности и исторической состоятельности национального государства. Обеспечение информационного суверенитета тесно связано с представлениями о культурном суверенитете социума как основе его независимой от внешнего влияния идентичности.

В это связи следует подчеркнуть, что на социокультурном поле России сегодня фиксируется наличие двух ценностно-мировоззренческих матриц, которые отражают исторически сложившееся разделение общества на «западников» и «почвенников», т.е. сторонников либо западного, либо национально-ориентированного пути развития. Каждой из этих матриц соответствует собственная шкала ценностей, либеральная или традиционалистская. Это разделение имеет ярко выраженный межпоколенческий аспект — прозападно настроенных граждан заметно больше среди представителей более молодых поколений россиян, которые адаптированы к международному культурному контексту и к цифровой модели медийного потребления. Соответственно, они в наибольшей степени подвержены политическому и культурно-ценностному воздействию онлайн-сетевой среды. В условиях глобального конфликта это актуализирует проблему проведения независимой информационной политики и усиления контроля над инфраструктурой социальных медиа.

Новая общественно-политическая реальность, сформировавшаяся за годы СВО, привела к значительной консолидации лояльного большинства российских граждан, настроенных на ценности патриотизма и культурной самостоятельности государства и общества. Немалую роль в этом сыграл переход российского руководства к наступательным стратегиям в области цифрового и информационного суве-

ренитета. В России блокируется деятельность ряда крупнейших транснациональных медиа-платформ и активизируется развитие отечественных сетей онлайн-коммуникации. Отмечается также, что государство интенсифицирует продвижение собственной общественно-политической повестки не только в классических СМИ, но и на пространстве цифровых социальных медиа.

Таким образом, можно констатировать, что эволюция онлайн-коммуникационной сферы в контексте СВО придает мощное ускорение процессам обретения Россией полноценного информационного и культурного суверенитета, что является необходимым условием существования страны в турбулентной среде современного многополярного мира.

*Малышева Е.М.
(Майкоп, АГУ)*

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИИ И ЗАПАДА

Против современной России развернута и набирает обороты масштабная информационная война. Память о Великой Отечественной войне составляет основу национальной консолидации нашего общества. Войны и военные конфликты, в ходе которых погибло более 3,6 млрд человек, сопровождают историю цивилизации. Россия для стран Западной Европы была и остается, как отмечает доктор политических наук, зав. каф ЮНЕСКО МГУ Ю. Саямов, «цивилизационно чуждой, непонятной, варварской и потому подлежащей уничтожению». В контексте антироссийской риторики с обвинением в экспансионизме практически перманентно выстраивалась внешнеполитическая доктрина Запада, направленная против России. Великая Отечественная война — часть Второй мировой, в которой СССР сыграл выдающуюся роль. Это подтверждает традиционно враждебно относившийся к СССР Черчилль, который вынужден был признать (см. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и премьер-министром Великобритании в 1941–1945 гг.»), что «именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины». Тема «СССР в Великой Отечественной войне» вплоть до начала СВО оставалась главной в информационном противостоянии с Западом. В современной информационной войне дезавуируется вклад СССР в победу над нацистским рейхом, подвергается аберрации факт участия советских вооруженных сил в освобождении 15 современных европейских государств от нацистской оккупации. Забывается Нюрнберг, замалчивается уничтожение 100 тыс. японцев в Хиросиме и Нагасаки, не интерпретируется уничтожение мирного населения Дрездена американской авиацией на заключительном этапе войны. Молодому поколению Европы внушают, что в основе побед советских вооруженных сил была репрессивная политика, беспощадность «сталинских полководцев», но только не патриотизм как осознанное желание советских граждан защитить свое Отечество. За счет преуменьшения вклада СССР в победу над нацизмом, уравнивания СССР и Третьего рейха, Гитлера и Сталина, смещения акцентов в оценках реальных исторических фактов преследуется цель изменить сознание европейской молодежи, стереть из памяти, что Великая Отечественная война на самом деле была войной против Советского Союза практически всей Европы. В вермахте против СССР сражались подразделения армии союзников Германии Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Хорватии. В войсках вермахта воевало 2 млн человек из 15 стран Европы. Из них было сформировано 59 дивизий, 23 бригады, несколько отдельных полков и легионов. Принижение значения советско-германского фронта, называемого в европейской историографии «вторым», на котором погибло 70% контингента вермахта, допуск приумножения масштабов советского коллаборационизма, искажение исторических реалий, не подтвержденных документальной базой исторических источников, подрывает основы национальной государственной безопасности России, которая базируется на традиционных, исторически сформировавшихся имманентных русскому (российскому) миру духовно-нравственных ценностях. Огромная цена — 28 млн человеческих жизней, заплаченная народами СССР за Победу, не позволяет соглашаться с искажением исторических реалий. Подлинными источниками Победы СССР стали такие факторы, как этносоциальная консолидация народов СССР, их дружба и взаимопомощь в экстремальных условиях Великой Отечественной войны. Патриотизм и пассионарность советских граждан, явивших миру беспрецедентные проявления мужества и героизма, поражавших вражескую сторону фактов далеко не единичных случаев самопожертвования, нашли отражение в исторических источниках и созданной обширной российской историографии, посвященной событиям военного периода. Источником Победы над нацистской Германией стал героический советский тыл, движение сопротивления, эффективность советской экономики, профессионализм командармов РККА, умение добиваться органами советской власти консенсуса с обществом. В ходе информационного противостояния России и Запада, многократно усилившегося в связи с началом

СВО, историческая память используется как инструмент разжигания русофобии. В этом контексте особого внимания требует задача сохранения Памяти и противодействие попыткам трансформации сознания российской и европейской молодежи через подмену таких духовных ценностей, как нравственная основа патриотизма — любви к Родине и готовности к защите ее суверенитета.

Малышева О.П., Рябченко Н.А.
(Краснодар, КубГУ)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ: ГРАФОВЫЕ НЕЙРОСЕТИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕДИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Нелинейность современных социально-политических процессов, не подлежащих классическим методам измерения, создает иллюзию нестабильности и непредсказуемости вектора социально-политической трансформации. Высокий уровень тревожности и волатильности, характеризующий современное общество как систему, в основном связан с невозможностью обрабатывать непрерывные потоки неструктурированных данных и осуществлять стратегическое планирование. Принципиальными исследовательскими задачами являются вычленение релевантных массивов данных, стратегически важных для анализа; разработка надежных методов обработки и качественного анализа массивов данных; а также разработка программно-аналитических продуктов на базе нейронных сетей для оптимизации процессов обработки и анализа данных с целью построения точных своевременных прогнозов.

С точки зрения больших данных цифровая социально-политическая повестка дня (ЦСППД) является гибридным конструктом логико-лингвистической реальности, формирующимся в рамках глобального коммуникативного пространства. Представляя собой сети пересекающихся и взаимопроникающих дискурсивных полей, цифровая повестка дня подлежит моделированию и качественной оценке.

Целью данного исследования стало изучение потенциала авторской методологии, основанной на привлечении методов корпусной и математической лингвистики, графовых нейросетей и машинного обучения для проведения комплексного анализа ЦСППД посредством моделирования и анализа концептуального каркаса ЦСППД (пропозиционного содержания характерных для нее нарративов) за счет выявления и визуализации предикационной сети дискурсивных полей, составляющих ее основу.

Заявленная методология базируется на теории структурного и семантического синтаксиса, грамматике зависимостей Л. Теньера, ядерных синтаксических структур (моделей) и семантических ролей и позволяет заключить, что предметное содержание любого дискурсивного поля сконцентрировано в его предикационной сети, объективизированной в массивах сетевых лингвистических данных.

Модель предикационной сети дискурсивного поля представляет собой совокупность предикативных связок *SVO*, в которых: *S* (*Subject*) и *O* (*Object*) — аргументы предиката *V* (*Verb*), являются именованными сущностями, актуализированными номинативом существительного или личного местоимения, называющего или указывающего на одушевленного или неодушевленного реализатора действия; *V* (*Verb*) отражает характер предикативной (логической) связи между элементами *S* и *O* и позволяет сделать вывод о пропозициональном содержании нарративов, составляющих данное дискурсивное поле.

Конструирование предикационной сети предполагает сбор и систематизацию сетевых лингвистических данных, вычленение частотных предикативных связок *SVO*, сетевую визуализацию предикативных связок *SVO* как направленного социального графа, вершинами которого являются аргументы предиката (именованные сущности), а ребрами — глагол (предикат), отражающий взаимосвязь аргументов и раскрывающих логико-содержательный аспект нарратива, объективированного в пределах дискурсивного поля.

Авторская методология была апробирована на кейсах «Типичный Краснодар — Типичный Кемерово» (период сбора данных август 2021 — август 2022 г.) и «Telegram-канал Д. А. Медведева 2022–2023 гг.» (период сбора данных 1 января — 31 декабря в 2022–2023 гг.).

Сетевой анализ предикационного ядра позволил оценить пространственное распределение предикативных связок, степень их кластеризации и централизации в пределах предикационного ядра; оценить тематическое содержание и отобрать ключевые предикативные связки, определяющие содержание информационной повестки дня, формируемой сетевыми сообществами «Типичный Краснодар» и «Типичный Кемерово» и каналом @medvedev_telegram в указанные периоды.

Структурно-семантический анализ в совокупности с морфосемантическим анализом выбранных предикативных связок позволил выявить семантические роли *S*-узлов (глагольных актантов или аргументов предиката в модели *SVO*, выполняющих роль подлежащего), оценить

пропозициональное содержание нарративов и определить когнитивно-прагматический паттерн, формируемый указанными сообществами и каналом @medvedev_telegram в онлайн-пространстве в указанный период.

Информационное перенасыщение и подход к фрагментированному потреблению информации обуславливают поиск эффективных технологичных аналитических решений, позволяющих оптимизировать процессы сбора, предобработки и анализа крупных массивов неструктурированных данных в плане времени, энергоресурсов, а также простоты и доступности интерпретации результатов при увеличении точности и качества аналитики. В данном контексте проведенное исследование открывает новые перспективы исследования публичного пространства политики за счет инновационной методологии и аналитического инструментария на базе графовых нейросетей.

*Мальцева Д.А., Федотов Д.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)*

ОТ ГЕЙМИФИКАЦИИ ДО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВУЮ ЭРУ*

В современном мире формирование мировоззрения молодежи происходит под значительным влиянием цифровой среды. Особенно это касается поколения Z, родившегося в эпоху повсеместного распространения Интернета и социальных сетей, для эффективного взаимодействия с которым необходимо учитывать его психологические особенности и уникальные паттерны потребления информации.

Проведенное исследование показало, что поколение Z характеризуется высокой восприимчивостью к цифровым технологиям, склонностью к конформизму, прагматичностью и ориентацией на материальные ценности. Его представители предпочитают получать информацию в визуальном и интерактивном форматах, ценят персонализированный подход и возможность настраивать контент под свои интересы.

Для эффективной работы с молодежью поколения Z авторы предлагают использовать следующие методы и подходы:

Геймификация. Использование игровых элементов и механик повышает вовлеченность и мотивацию молодых людей к усвоению новой информации. Основываясь на теории Р. Костера, рассматривающего игры как обучающие механизмы, можно выделить следующие принципы геймификации для работы с молодежью: постепенное усложнение контента, обеспечение немедленной обратной связи, создание системы достижений и наград, внедрение соревновательных элементов. Предоставление возможности выбора и кастомизации, применение этих принципов позволяет сделать процесс обучения и усвоения информации более увлекательным и эффективным для молодежи.

Персонализация контента. Поколение Z ожидает высокой степени кастомизации во всех аспектах жизни, включая образование и потребление информации. Для эффективной персонализации контента рекомендуется использовать: алгоритмы машинного обучения для создания индивидуальных траекторий восприятия паттернов, настраиваемый интерфейс приложений и платформ, систему для быстрого поиска релевантной информации. Персонализация контента позволяет повысить вовлеченность пользователей и эффективность усвоения информации.

Интеграция с социальными сетями. Социальные сети являются одним из основных источников информации для поколения Z. Интеграция образовательных и информационных ресурсов с социальными сетями позволяет сделать процесс получения информации, усвоения паттернов более естественным и органичным. Рекомендуется: использовать разнообразные форматы контента, с акцентом на визуальную составляющую; создавать интерактивные элементы, вовлекающие пользователей в активное взаимодействие; адаптировать информационные сообщения под специфику каждой социальной сети; использовать таргетированную рекламу для более точного охвата целевой аудитории; создавать онлайн-сообщества по интересам; использование мультимедийного контента.

Представители поколения Z лучше воспринимают информацию в формате видео, аудио и интерактивных презентаций. В связи с этим рекомендуется создавать короткие, но информативные видеоролики (2–3 минуты), использовать инфографику для представления сложных данных и концепций, разрабатывать интерактивные презентации, создавать образовательные подкасты, комбинировать различные форматы контента.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта «Технологии геймификации и искусственного интеллекта как инновационный инструмент реализации государственной молодежной политики РФ: стратегии, механизмы и практики», который реализуется в ИНИОН РАН.

Важным аспектом в работе с молодежью является создание единой системы информирования в сфере государственной молодежной политики с применением информационно-коммуникационных технологий. Авторы предлагают разработать мобильное приложение с веб-версией, объединяющее информацию о мероприятиях, молодежных организациях, новостях, конкурсах и грантах в сфере молодежной политики.

Интеграция искусственного интеллекта в работу цифровых платформ и приложений позволит обеспечить высокую степень персонализации контента и формирование адаптивной среды для каждого пользователя. При этом важно уделить внимание качеству и содержанию информации, на основе которой будет работать ИИ, обеспечивая трансляцию ценностей, установленных в России в качестве приоритетных.

Предложенные подходы направлены на повышение эффективности работы с молодежью поколения Z в условиях цифровизации общества. Комплексное применение этих стратегий позволит создать более эффективную систему информационного взаимодействия и гражданско-патриотического воспитания молодежи, учитывающую их психологические особенности и предпочтения в потреблении информации.

Создание адаптивной цифровой среды для молодежи позволит повысить эффективность государственной молодежной политики и обеспечить формирование у молодых людей устойчивого мировоззрения, основанного на традиционных ценностях и отвечающего вызовам современного мира.

Мамычев А.Ю.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТРАСЛЕВЫХ ПОЛИТИК*

Социально-технологический вектор трансформации общественных систем, предполагающий «переплетение» общественных институций и технологического развития, «смещение» социокультурной и виртуальной (цифровой) реальностей, несомненно, будет кардинально менять структурно-функциональные, организационные, иные характеристики политического процесса и публично-властных отношений. В то же время поскольку современные технологии пронизывают все стороны жизни человека, то и государственные политики будут приобретать сквозной характер. Они не будут ограничены одной или несколькими отраслями народного хозяйства, а будут пронизывать все сферы и направления жизнедеятельности общества.

Следовательно, в контексте технологизации и цифровизации общественной системы отраслевые национальные политики скорее всего приобретут вид *сквозных стратегических направлений государственно-правовой деятельности*. Причем последние в будущем будут еще сильнее усиливать кооперацию и взаимодействия в рамках единой системы публичной власти, трансформируя и сам механизм государства, а также менять формы организации и направления деятельности муниципальных органов власти.

Сегодня прогнозируются различные варианты и версии развития таких сквозных национальных политик, отметим, что в качестве основных уже сегодня выделяются такие комплексные направления как: технологическая политика; энергетическая политика; экологическая политика; пространственная политика, связанная не только с территориальным, воздушным, цивилизационным, цифровым суверенитетом, но и с освоением арктических, океанских, космических и других пространств; ценностно-смысловая и регуляторная политики.

Важно отметить, что цифровая трансформация общества является лишь *первоначальным этапом* технологизации общества и формирования новых — социально-технологической политики и нормативно-регулятивной системы. *Второй этап* технологизации государственной политики связывается с изменением баланса в ресурсах (например, редкоземельные ресурсы, необходимые для дальнейшего производства и совершенствования технологий) и энергетике (развитие цифровых технологий, робототехники, электрического транспорта и проч., освоение новых пространств — океана, космоса и т.д., требует колоссальной энергии, не сопоставимой с предшествующими этапами технологического развития).

В свою очередь, *третий этап* технологизации госполитики связывается с развитием принципиально новых природоподобных технологических решений, в повестку дня входят такие направления, как: геонжиниринг (комплекс форм, направлений, инструментов, связанных с изменениями и управлением климатическими условиями жизнедеятельности общества); биоинжиниринг (совокупность форм, направлений, инструментов инженерных принципов и технологий в системе здравоохранения);

* Исследование выполнено в рамках проекта № FZUG-2024-0005 при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

развитие различных технологических решений на основе квантовой механики, а также иные направления политики, связанные с технологиями энергетики будущего.

Кроме этого, поскольку технологизация и цифровизация существенно влияют на изменения мировоззренческих и социально-нормативных оснований общественных систем, то в ближайшем будущем станет остро проблема ценностно-нормативного кодирования всех этих процессов на национальном и глобальном уровне. И этот процесс ценностно-нормативного кодирования будет только усиливаться в ближайшее время.

Следовательно, сквозные отраслевые политики будут формироваться как на основе целевых ориентиров и траекторий технологизации общества, так и с учетом усложнения ценностно-смысловых и социально-нормативных систем. В то же время обострится конкуренция за доминирование конкретной ценностно-нормативной модели и духовно-нравственных стандартов, которые будут положены в основание национальных и глобальных систем развития процессов технологизации общественных систем.

Данные основания могут на национальном уровне практически выражаться в принимаемых стратегических доктринально-правовых актов, в сфере технологической политики и развитии цифровых систем, в общих положениях в формирующихся комплексных отраслях права (цифровое право, технологическое право, геоинжиниринговое право, биоинжиниринговое право), а также в правовых режимах, регламентирующих принципы и характер «технологического служения» инновационных инструментов человеку и окружающей природе, совместного взаимодействия человека и машин/технологий при решении тех или иных задач. На региональном и международном уровне будут формироваться межгосударственные технологические союзы/альянсы, которые направлены на коллективное обеспечение технологического суверенитета, защиту цивилизационных основ и традиционных общественно-политических институтов. В основание таких договорных союзов и конфедеративных форм будут положены также определенные ценностно-нормативные модели и духовно-нравственные стандарты, которые будут закрепляться в соответствующих нормативных договорах, региональных стандартах цифровизации и технологизации, что выступит базой их совместных действий и продвижению цивилизационных норм и стандартов на международной арене.

Мансуров Т.З.
(Казань, К(П)ФУ)

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА

Рассмотрение возможностей послевоенного решения армяно-азербайджанского конфликта не представляется возможным без исследования специфики региональных процессов, которые во многом их определяют. События 27 сентября — 10 ноября 2020 года («Вторая Карабахская война») и 19–20 сентября 2023 года («Контртеррористическая операция») способствовали второй (после конфликта 2008 года в Южной Осетии) радикальной трансформации политических процессов в регионе Южного Кавказа. Они привели к качественному изменению роли внешних стран и, как следствие, регионального статус-кво. Южнокавказский регион стал намного более безопаснее и стабильнее. Риски возникновения новых вооруженных противоборств остаются минимальными, но у них нет ни политических, ни материальных ресурсов для реализации.

В сентябре 2023 года инфраструктура непризнанной Нагорно-Карабахской республики была полностью ликвидирована. Политического урегулирования армяно-азербайджанского конфликта не произошло, так как не решен ряд вопросов, по которым у сторон остаются различия (где-то более принципиальные, где-то менее). Сохранение мира обеспечивается рядом двусторонних и многосторонних соглашений (в частности, «Заявлением о прекращении огня в Нагорном Карабахе от 9 ноября 2020 года») и позициями Армении и Азербайджана относительно дальнейшего урегулирования противоборства. Поддержание безопасности (после прекращения миротворческой миссии России и деятельности совместного российско-турецкого мониторингового центра) осуществляется пограничной службой ФСБ России и Миссией ЕС в Армении, выполняющей наблюдательные функции по обе стороны армяно-азербайджанской границы.

Говоря о специфике политического урегулирования, нельзя не отметить, что восстановление территориальной целостности Азербайджана военным путем и умиротворение ситуации в регионе в целом положительно воспринимается многими странами (за исключением более противоречивой позиции Франции). К тому же, участие Турции в данном конфликте как члена НАТО, отношения военно-политического союзничества Турции и Азербайджана, а также сотрудничество европейских стран с последним в энергетической сфере сводят имеющиеся противоречия стран Запада с прикаспийской республикой к минимуму. В данном контексте представляется важным упомянуть и роль

России в конфликте, так как занятие ею стратегического нейтралитета способствовало, с одной стороны, окончательному определению с позицией по урегулированию противоборства (возврат к старому статус-кво невозможен), с другой стороны, трансформации отношений с двумя южно-кавказскими республиками в новых геополитических условиях и осуществлению действий по сохранению влияния в регионе.

Важной особенностью и последствием геополитических изменений после двух карабахских войн стало то, что Россия превратилась из ключевого арбитра в разрешении армяно-азербайджанского конфликта в одного из посредников, правда, сохраняющего определенные рычаги влияния на стороны противоборства. Параллельно произошло беспрецедентное вовлечение Турции в азербайджанскую военную кампанию (в политическом, военном, материально-финансовом отношении) как непостсоветского государства, страны-члена НАТО. Действия Турции изменили баланс сил в регионе, состав участвующих в политическом урегулировании государств, отношение внерегиональных и крупных государств мира к конфликту. При этом нельзя не отметить, что после восстановления территориальной целостности Азербайджана практически недееспособной остается Минская группа ОБСЕ, а переговоры по политическому урегулированию проходят в рамках двух форматов (треков): постсоветскому (российскому — диалоговые площадки в Москве, Санкт-Петербурге, Сочи) и западному (европейскому — диалоговые площадки в Брюсселе, Париже, Праге, Вашингтоне) с превалированием последнего. Переговоры двух стран осуществляются также в двустороннем формате между различными ведомствами, что до вооруженного конфликта 2020 г. представлялось невозможным.

Анализируя возможности и перспективы послевоенного, политического урегулирования конфликта, стоит отметить, что весь спектр вопросов между двумя странами в целом можно свести к трем группам («корзинам»), по каждой из которых созданы межведомственные комиссии: делимитация и демаркация границ, открытие транспортных коммуникаций между странами, включая вопрос статуса зангезурского коридора, проблема реинтеграции армян Нагорного Карабаха. По каждой из этих групп идет серьезная конкуренция за первенство в оказании посреднических услуг, придании им эффективности и, в итоге, за подписание мирного договора на условиях, предлагаемых странами и организациями. Основное геополитическое соперничество разворачивается между Россией и, возможно, в перспективе СНГ, и европейскими странами (в первую очередь Францией, Бельгией, Германией), а также ЕС в целом. Армения и Азербайджан как стороны конфликта стремятся максимально учесть собственные интересы и ожидают, дипломатия каких государств окажется наиболее эффективной в вопросе заключения мирного договора. Политический процесс осложняется тесным переплетением и взаимовлиянием трех групп проблем, описанных выше, а их небыстрое решение приводит к появлению новых условий и отсутствию компромиссов в переговорах двух стран.

Марача В.Г.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ,
РАНХиГС при Президенте РФ)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: ГДЕ РАЗУМНЫЕ ГРАНИЦЫ (ДЕ)КОНСТРУКТИВИЗМА?

Проблемная ситуация, на которой сфокусирован данный доклад, определяется тем, что со второй половины XX века теория прав человека перешла на позиции конструктивизма, отвергнув опору на «природу человека». При этом, конструируя новые права человека, представители данной доктрины осуществляют деконструкцию социальных институтов и даже биологических императивов, ранее считавшихся производными от человеческой природы.

Логическим продолжением подобной деконструкции становится демонстративная нормализация сконструированных в рамках *Woke*-повестки новых практик: ЛГБТ+, однополых браков, чайлдфри и т.д. Парадоксально, но это осуществляется в рамках мировоззрения современного либерализма, который в своем (де)конструктивизме доходит до отрицания основных прав и свобод классического либерализма, считавшихся неотъемлемыми и неотчуждаемыми: свободы слова, презумпции невиновности, права на защиту и т.д.

Самоотрицание либерализма проявляется также в феномене «культуры отмены» (*cancel culture*) — современном аналоге инквизиции и охоты на ведьм: «отмене» подвергается всякий, кто рискнет публично возразить даже против одного из многочисленных элементов *Woke*-повестки (“*Me Too*”, “*BLM*”, “*Vaccinated*” и т.д.). При этом презумпция невиновности не действует, а оправданий обвиняемого никто не услышит: он оказывается отрезан от социальных связей и средств коммуникации.

Классический либерализм родился в ситуации реформации в Европе. Ситуацию религиозных войн он стремился преодолеть, защищая светский характер государства, естественные права человека

и гражданские свободы. Эти идеи были гуманистическими, так как были направлены на защиту человека, его убеждений и идентичности от посягательств государства, общества и других людей в ситуации плюрализма мнений, где либерализм настаивал на обеспечении условий «идеальной речевой ситуации» (по Юргену Хабермасу).

Как же либерализм пришел к своему самоотрицанию? Как современный либерализм от «признания Другого» и защиты человека от бед религиозных войн доходит до подавления идентичности и попрания основных свобод классического либерализма? Как секулярная идеология превращается в квазирелигию движения *Woke* — своего рода постпротестантизм с публичными покаяниями за «первородный грех» белого супрематизма? И почему эта квазирелигия, провозглашающая толерантность, оказывается столь нетерпимой к «иноверцам», порождая «культуру отмены»?

Ответы на эти вопросы автор ищет в рассмотрении особенностей развития естественного права в рамках европейской цивилизации.

Начиная с эпохи Просвещения европейская цивилизация характеризуется установками на развитие, прогресс («Модерн»). Этот процесс изменений затрагивает и право. Но если вначале правоведы полагали, что исторически изменяющимся является только позитивное право, зависящее от воли законодателя, то в конце XIX века Рудольф Штаммлер показал, что и естественное право не является абсолютным, его содержание также включено в процесс культурно-исторических изменений.

В рамках европейской цивилизации эпохи Модерна эти культурно-исторические изменения естественного права стали трактоваться как прогресс права, что рассматривалось как один из важнейших критериев социального прогресса. За этим процессом стоит идея права как формального равенства: право и закон равны для всех и должны применяться равным образом ко всем, кого они касаются.

После принятия в 1948 году Всеобщей декларации прав человека эти права стали трактоваться как универсальные. А после того, как разделы о правах человека стали вноситься в конституции большинства государств, появилась возможность перевода естественного права в позитивное, что и создало предпосылки для перехода от юс-натурализма к конструктивизму. При этом прогресс права стал трактоваться как конструирование новых прав, которые — в отрыве от исходного смысла естественного права — часто оказываются «противоестественными».

Где же проходят разумные границы (де)конструктивизма в области прав человека? Ответ на этот вопрос автор видит в рассмотрении концепта «прав человека» как культурно-исторически обусловленных и его соотношении с понятиями «традиции» и «традиционных ценностей». Традиция — это то, что позволяет отличить естественные права от «противоестественных». А традиционные ценности — это то, что безусловно для сознания большинства населения, а не навязано идеологами или учеными-(де)конструктивистами. Право вообще и права человека в частности — это не формальные конструкции, а социокультурные институты, имеющие духовные опоры. Их важнейшей составляющей выступают традиционные ценности.

Таким образом, ответ на вопрос о разумных границах конструктивизма в области прав человека лежит на пути рефлексированного традиционализма, развивающего понимание права и прав человека в рамках триады «традиция — социокультурные институты (опирающиеся на традиционные ценности) — практики (нормируемые институтами)» (О.И. Генисаретский).

Маркедонов С.М.
(Москва, МГИМО МИД России),
Комов С.В.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ в 2024 году: РЕАКЦИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ*

Ключевые документы стратегического планирования России определяют постсоветское пространство (ближнее зарубежье) как сферу особых национальных интересов РФ. Таким образом, реакция постсоветских государств на выборы президента России в 2024 году была не просто оценкой отдельно взятой избирательной кампании и электоральных процессов в РФ в целом. Она отразила весь комплекс проблем, существующий в двусторонних отношениях Москвы с ее ближайшими соседями. В одних случаях (Азербайджан, Армения, республики Центральной Азии, Белоруссия) союзнические и партнерские отношения прошли очередной тест, получив дополнительные импульсы к развитию.

В других же случаях (Украина, Молдова), напротив, открылись дополнительные точки напряженности и направления конфронтации. При этом не следует недооценивать последствия межго-

* Исследование выполнено по гранту ИЭСИ в ИНИОН РАН № 124101700551-1 «Президентские выборы 2024 г. в России: реакция в ближнем и дальнем зарубежье и стратегии дальнейшей легитимации электоральных результатов».

сударственных «электоральных споров». Важно также заметить, что на протяжении одного 2024 календарного года различные избирательные кампании (президентские и парламентские выборы) проходили как в России, так и в других постсоветских странах. Как следствие, во-первых, проблема (а)симметричности восприятия выборов у различных пар государств (РФ—Азербайджан, РФ—Грузия, РФ—Молдова), во-вторых, вопрос о признании избирательных кампаний (не)легитимными. В случае с парой РФ—Украина проблема легитимности имеет особую важность, особенно в контексте непрекращающегося военного конфликта и конфронтации между Россией и Западом. Данная проблема не ограничивается одними только электоральными процедурами. Она касается признания легитимными действующих государственных властей, без чего невозможны (как минимум, проблематичны) полноценные переговоры и мирное урегулирование. В отличие от России, где выборы президента при всей их возможной критике извне, состоялись, на Украине они под предлогом ведения военных действий были отменены, хотя союзники Киева (США и страны Европейского союза) традиционно противопоставляли якобы «демократическую» украинскую политическую культуру «российскому авторитаризму».

Следовательно, реакция постсоветских государств на выборы президента России 2024 года, а также реагирование Москвы на электоральные кампании в ряде стран-соседей стали своеобразными мини-моделями двусторонних отношений на просторах бывшего СССР. Впрочем, отношение к выборам имеет и более широкое контекстуальное значение. Оно лучше подчеркивает различные аспекты конфронтации между Россией и Западом вокруг постсоветского пространства.

В представленном докладе авторы рассматривают несколько типов реакций постсоветских государств на выборы президента России. Мы проводим их типологизацию. С нашей точки зрения, мы можем условно выделить три группы стран. Первая — это партнеры и союзники, которые поддержали избрание Владимира Путина на новый срок и посчитали кампанию по выборам главы Российского государства легитимной. Вторая — противники, государства, обвинившие российские власти в массовых фальсификациях, нарушениях выборного законодательства и фактически в укреплении авторитарного режима. Третья позиция может быть охарактеризована как максимальное дистанцирование как от негативных оценок внутрироссийской политической динамики, так и от однозначной поддержки итогов избирательной кампании.

Итоги президентских выборов в России 2024 года были положительно восприняты ключевыми партнерами Москвы, государствами Центральной Азии, двумя из трех стран, а также частично признанными образованиями Южного Кавказа и Беларусь. Не стоит сбрасывать со счетов и поддержку представителей молдавского политикума, многие из которых ранее занимали (а некоторые и продолжают занимать) высокие должности в системе государственного управления. Это подчеркивает стратегическое значение России для стран СНГ и партнеров, многие из которых видят в стабильности российской власти залог дальнейшего экономического и политического взаимодействия. Международные наблюдатели, особенно из стран СНГ, высоко оценили организацию президентских выборов в России, что усилило позитивный имидж выборного процесса среди союзников Москвы.

Критики российских выборов-2024 (прежде всего, Киев и Кишинев) сфокусировались на обвинениях Москвы в усилении авторитарного правления Кремля как внутри страны, так и в т.н. «оккупированных регионах Украины» (в новых субъектах РФ согласно Основному закону России). При этом таким связанным сюжетом с российской кампанией стало обсуждение легитимности президентства Украины Владимира Зеленского ввиду его отказа от проведения избирательной кампании. Данный сюжет становится частью более широкой информационной кампании в контексте определения как перспектив СВО, так и поиска возможностей для мирного выхода из украинского военно-политического кризиса.

Определенное дистанцирование от выборов в России проявила Грузия. В ней не открылись участки для голосования на выборах президента РФ для ее граждан. Это было связано с тем, что дипломатические отношения между Грузией и РФ оставались прерванными с 2008 года после вооруженного конфликта и признания Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии. Официальный Тбилиси при этом осудил голосование на абхазской и югоосетинской территориях. Согласно заявлению министерства иностранных дел Грузии, «проведение любых выборов в оккупированных регионах является незаконным на фоне оккупации, что установлено, в том числе, международными судами...». В то же самое время грузинские власти в отличие от молдавских или украинских не стали обвинять руководство РФ в нелегитимности и устранились от выпадов в сторону Москвы по поводу самого характера президентской избирательной кампании.

Таким образом, реакция постсоветских стран на президентские выборы в России отразила весь спектр отношений между РФ и ее ближайшими соседями от сотрудничества до открытой конфронтации. Союзнические и партнерские отношения были подтверждены, а точки напряженности, напротив, усилены. Разночтения по поводу электоральных процессов на просторах бывшего СССР в очередной раз подтвердили такой тренд, как эрозия постсоветского пространства, его дробление как по внешнеполитическим интересам, так и по особенностям внутривнутриполитического развития.

БЫЛИ СОЮЗНИКАМИ — СТАЛИ ВРАГАМИ (КАК НАЧИНАЛАСЬ РУСОФОБИЯ В США ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Для истории отношений России и США характерна цикличность. В XIX веке две страны познакомились друг с другом, завязали дружеские отношения вплоть до содействия в экономическом развитии, а к концу века в отношениях между двумя странами появилась отчужденность. Общественное мнение в США по отношению к России было противоречивым. К примеру, во время Отечественной войны 1812 года в столице США устраивались банкеты в честь побед русского оружия. С другой стороны, в американской прессе появлялись критические статьи о России как стране варварской.

В XX веке цикличность, характерная для отношений двух стран, продолжала проявляться. Американские специалисты многое сделали для индустриализации в СССР в годы первых пятилеток. Днепродзержинск, Магнитка, Нижегородский автомобильный завод, Сталинградский тракторный завод были построены по американским проектам и с участием американских же специалистов.

Две наши страны были союзниками во Второй мировой войне. Соединенные Штаты поставляли СССР в рамках реализации закона о ленд-лизе вооружение, топливо, сырье, продовольствие. Пожалуй, высшей точкой в дружеских взаимоотношениях между союзниками является так называемая встреча на Эльбе, когда американские и советские войска соединили линии своих фронтов.

Казалось бы, что с этого момента отношения между двумя великими державами будут развиваться и дальше, ведь позади страшная война, в которой враг был повержен объединенными усилиями. Но в Соединенных Штатах начинали формироваться совсем другие настроения и мнения.

Приведем некоторые наблюдения Ильи Эренбурга, записанные им во время поездки в США в 1946 году. «В небольшом городке Ноксвилл я разговаривал с одним фермером... и он сказал мне: «Вот беда — только отвоевали и снова придется воевать, теперь уж не с немцами, а с русскими». Сказал он это без неприязни, скорее печально. Подобные рассуждения я слышал не раз, хотя еще продолжался Нюрнбергский процесс и в первую годовщину победы над Гитлером многие вспоминали, что русские были союзниками». <...> Мы пробыли в Америке два с половиной месяца, и за этот короткий срок многое изменилось: газеты все чаще выказывали неприязнь, люди, с которыми мы встречались, стали настороженнее. <...> Один из друзей Рузвельта объяснил мне новую политику Америки: «Трумэн ...считает, что коммунизм угрожает некоторым странам Западной Европы и может восторжествовать, если Советский Союз экономически встанет на ноги и шагнет вперед ...Испытания атомных бомб заставят Россию тратить все силы и все средства на модернизацию вооружения».

Еще более враждебные настроения царили в Канаде, в которой Эренбург также побывал в ходе поездки в Америку.

«...Канадское правительство (вряд ли по своей воле) подняло ожесточенную кампанию против Советского Союза. Газеты ежедневно пишут о «красной опасности». В Оттаве вокруг посольства толпились штатные единицы или добровольцы, поносившие Москву».

«...Начались пресс-конференции. Напрасно мы говорили о жизни и культуре советского народа. Нам задавали вопросы о шпионаже, о военных приготовлениях Кремля, о предстоящей войне. На первой пресс-конференции я сказал: «...Меня удивляют две вещи. Почему у вас журналисты только и говорят что о новой войне? Неужели вас не интересует, как мы живем, как воевали, как восстанавливаем разрушенные города?»

Во время своей поездки Илья Эренбург встретился с великим физиком Альбертом Эйнштейном. Вот что тот сказал об американцах: «...Здесь умеют быстро забывать. В годы войны у среднего американца при слове “Сталинград” был рефлекс — снять с руки часы и послать красноармейцу. ...Теперь при том же слове у многих совсем другой рефлекс: показать русским, что у нас атомная бомба. Конечно, это результат газетной кампании...».

Цикличность в отношениях двух стран проявлялась на протяжении всего XX века. В настоящее время эти отношения являются практически враждебными. Более того, еще в 2018 году 68% граждан России считали США главным врагом. Сегодня так думают уже более 70% россиян.

В основе упадка отношений между Россией и США лежит разное понимание процессов формирования современной системы миропорядка. Соединенные Штаты хотели бы управлять всем миром с помощью подконтрольных им стран, используя для этого военные, технологические и информационные ресурсы. Россия же выступает за необходимость формирования многополярного мира, в котором учитываются национальные интересы всех стран без исключения.

Мартыненко Е.В.
(Москва, РУДН)

СТРАТЕГИЯ США НА ЧЕРНОМ МОРЕ И КОНВЕНЦИЯ МОНТРЕ

Черноморский регион на протяжении всей своей истории находился в зоне интересов целого ряда государств, в том числе находящихся далеко за его пределами.

Соединенные Штаты Америки сразу после Второй мировой войны начали реализацию, как они ее определили, неофициальной программы по защите и продвижению свободы судоходства и полетов на Черном море, полагая неприемлемыми требования причерноморских государств касательно правового статуса территориального моря, установления его границ и права мирного прохода через него торговых судов и военных кораблей, претендуя на исключительные права на проведение военных маневров на Черном море для «демонстрации флага» и мирного прохода в территориальные воды причерноморских государств.

В 1979 г. администрация президента США Джими Картера приняла Программу свободы навигации, как неотъемлемой части внешнеполитической доктрины США, в которой подтвердили свои претензии на проведение учений военно-морских и военно-воздушных силы США, транзитные проходы и полеты транзитом с целью утверждения своих исключительных прав, выступая против условий, требующих предварительного уведомления для прохода военных кораблей или ограничения их прохода, отличных от установленных. С 1948 по 1993 г. США предъявили более 150 дипломатических претензий, связанных с режимом водных пространств и свободой судоходства на Черном море.

Прекращение существования Советского Союза принципиальным образом повлияло на стратегию взаимодействия США с государствами черноморского региона, в основе которого лежит понимание значения Черного моря как ключевого компонента национальной безопасности США и НАТО и важного политического императива для дальнейшей интеграции причерноморских государств в западные экономики. По мнению экспертов, тот, кто контролирует Черное море или господствует на нем, может без труда спроецировать свою мощь на европейский континент, прежде всего на Балканы и Центральную Европу, но также на восточный район Средиземноморья, Южный Кавказ и на север Ближнего Востока.

США, полагая, что ситуация после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. и начала специальной военной операции России на Украине в 2022 г. коренным образом изменилась, объявили Черное море своим высоким приоритетом и регионом геостратегической конкуренции с Россией и приняли решение о разработке стратегии, цель которой состоит в решении вопроса по изменению правил прохождения кораблей через Дарданеллы и Босфор из Средиземного моря в Черное, правил навигации в черноморской акватории, наращивании своего военно-морского присутствия в акватории Черного в нарушение Конвенции Монтрё. Таким образом, Конвенция Монтрё стала юридическим препятствием для американской стратегии на Черном море, преодолеть которое, по мнению США, можно, приняв национальный нормативно-правовой Акт, придав ему экстерриториальный характер.

В марте 2023 г. председатель Постоянного специального комитета Палаты представителей по разведке Майк Тернер и конгрессмен Билл Китинг, высокопоставленный член подкомитета Палаты представителей по иностранным делам в Европе представили проект Закона о безопасности Черного моря (*“Black Sea Security Act of 2023”*), принятие которого, по их мнению, позволит укрепить присутствие Соединенных Штатов в Черноморском регионе в интересах их национальной безопасности и создаст необходимые условия для пересмотра Конвенции Монтрё.

Игнорирование США международных обязательств, закрепленных в Конвенции Монтрё, и попытка их ревизии следует квалифицировать как продолжение традиционной американской политики по созданию геостратегических плацдармов для приближения своей военной инфраструктуры к границам геополитических противников, установлению монопольного контроля над международными транспортными коридорами и принуждению, в данном конкретном случае, Турции к отказу от политики «номинального нейтралитета».

Таким образом, стратегия США на Черном море полностью игнорирует экономические интересы и интересы национальной безопасности России, преследует цель ее вытеснения с энергетического рынка черноморского региона; ослабление, если не разрушение, экономических связей Российской Федерации с причерноморскими государствами и их замещение военным присутствием США, нарушая тем самым международно-признанные основы безопасности в Черноморском регионе, которая может быть обеспечена исключительно как элемент системы единой и неделимой безопасности в Европе, призванной к смене евроцентричной модели.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Публичная дипломатия представляет собой внешнеполитическую деятельность государства и иных факторов мировой политики, нацеленную на оказание влияния на зарубежную общественность для достижения политических и экономических задач. Возникнув во второй половине XX века в США как эвфемизм термина пропаганда, она с самого начала своего существования подчеркивала свое отличие от негативно воспринимаемой на Западе внешнеполитической деятельности СССР, декларируя необходимость отказа от манипуляций и использования недостоверной информации в коммуникации с зарубежной аудиторией. Однако анализ политической практики публичной дипломатии эпохи Холодной войны свидетельствует о том, что не всегда информационная деятельность американского государства являлась образцом непредвзятого донесения информации до иностранной общественности.

Тем не менее, за последние несколько десятилетий США накопили колоссальный опыт как в теоретической, так и практической составляющей публичной дипломатии. На его основании при помощи западных экспертов, разделяющих взгляды американского правительства на природу публичной дипломатии, США в определенной степени поддерживают общественно-политический дискурс, в рамках которого внешнеполитическая деятельность целого ряда стран (России, Китая, Ирана и др.) рассматривается как пропаганда. При этом в ситуации, когда американское правительство использует похожие инструменты и методы своих геополитических соперников, оно не считает подобную политику пропагандистской.

С целью преодоления различий в трактовке публичной дипломатии предлагается использовать концепцию стратегических моделей публичной дипломатии. Мы убеждены, что публичная дипломатия может быть описана с помощью трех базовых моделей (конфронтационной, диалоговой и имиджевой), применение которых зависит от характера двусторонних отношений между странами, а также политико-экономических интересов государства.

Конфронтационная модель используется по отношению к государству, воспринимаемому в качестве потенциального (или текущего) врага. Для нее характерно активное использование информационной деятельности, приближенной к пропаганде (правдивая информация сочетается с дезинформацией, активно используются методы информационных войн). Ее цель — дестабилизировать общественно-политическую ситуацию во «враждебной» стране с целью ослабить (или даже разрушить) существующий политический режим. При этой модели вполне допустимо использование культурной дипломатии и академических обменов, но они скорее применяются для минимизации репутационных рисков при осуществлении довольно «агрессивной» информационной политики. Полагаем, что современная публичная дипломатия США в России, как и публичная дипломатия России в США, хорошо вписываются в конфронтационную модель, выбор которой обусловлен беспрецедентным ухудшением российско-американских отношений в последние годы.

Диалоговая модель публичной дипломатии, напротив, нацелена на развитие и укрепление отношений с зарубежной общественностью, политические элиты которой положительно воспринимаются инициатором программ публичной дипломатии. Она уделяет огромное внимание программам обменов (не только академических) и культурной дипломатии, поскольку они в наибольшей степени способствуют формированию устойчивых связей между народами. Диалоговая коммуникация усиливает прочность международных контактов и задает нужный импульс взаимодействию актора публичной дипломатии с зарубежной аудиторией (коммуникация такого рода кардинально отличается от пропаганды Холодной войны). Как нам представляется, современная публичная дипломатия США в Великобритании, Германии, Польши может быть описана с помощью этой модели.

И, наконец, имиджевая модель публичной дипломатии используется государствами, которые стремятся либо повысить свою узнаваемость в международной среде (в том числе и для привлечения потенциальных инвесторов), либо скорректировать существующий имидж в той или иной стране. Основным инструментом данной модели будет национальный брендинг, предполагающий продвижение положительного образа страны за рубежом. При этом все традиционные виды публичной дипломатии (например, культурная дипломатия) также могут быть задействованы, но нацелены они все же в отличие от диалоговой модели преимущественно на достижение экономических целей (хотя политические также не исключаются) за более короткий период времени. Ярким примером использования подобной модели можно считать публичную дипломатию Эстонии в начале 2000-х гг. в ряде стран ЕС, заинтересованной во вступлении в Евросоюз, которое воспринималось, прежде всего, как возможность улучшить экономическое положение страны.

Стратегические модели публичной дипломатии позволяют нам понять, что практика публичной дипломатии достаточно подвижный внешнеполитический инструмент, который может различным образом использоваться государством, в зависимости от его целей и характера отношений с зарубежными политическими элитами.

Маслова К.В.
(Москва, МГИМО МИД России)

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ

В условиях растущей глобальной нестабильности одной из характерных черт современной мировой политики становится стремительное развитие неформальных сетей, формируемых вокруг общих интересов, ценностей или идентичности. Усиливающаяся поляризация побуждает людей к поиску единомышленников, укреплению связей с теми, кто разделяет их мировоззрение, вне зависимости от устоявшихся политических и географических границ. Это помогает им укреплять социальные связи и солидарность, а также находить ресурсы для коллективного действия. Данные процессы порождают новые формы глобального общения, дополняющие или заменяющие классическую дипломатию и межгосударственное сотрудничество.

Ключевую роль в формировании трансграничных сообществ играют культурные практики, традиции и механизмы коммуникации, которые усиливают чувство общности и взаимопонимания между участниками. Одним из таких механизмов выступает культурная дипломатия. Традиционно данную область международного сотрудничества можно определить как деятельность властей по продвижению своей национальной культуры за рубежом, направленную на формирование благоприятного климата для проведения внешней политики, что достигается посредством развития доверительных взаимоотношений с иностранной общественностью.

С развитием теоретических подходов к культурной дипломатии, предполагающих больший фокус на достижении взаимопонимания и сотрудничестве между вовлеченными субъектами, ценность обменов в сфере культуры все больше определяется через призму их способности формировать прочные связи между участниками. В рамках данных подходов культурный обмен не ограничивается односторонней передачей культурных символов, а направлен на развитие диалога и активное вовлечение всех сторон в процесс коммуникации. Это позволяет участникам сблизиться в ценностном плане, что актуализирует значение культурной дипломатии в построении трансграничных сообществ.

Пример деятельности межправительственной организации Франкофонии, обеспечивающей организацию взаимодействия франкоязычных стран, демонстрирует значимость общности на основе языка. Помимо поддержания общих традиций, формирования устойчивых культурных и политических связей подобные сообщества служат площадкой для координации позиций между их участниками в самых различных сферах. Так, в рамках Франкофонии государства обсуждают широкую повестку сотрудничества по глобальным вопросам, таким как цифровые технологии, гендерное равенство и экономические вопросы.

Культура является главным аспектом, посредством которого свою идентичность сохраняют этнические сообщества. Язык, традиции, обряды, искусство и фольклор создают основу для самопонимания и самоидентификации. Проводимая страной происхождения диаспоральная политика, направленная на поддержание у данных сообществ связи с родиной и сохранение идентичности в условиях жизни в новой культурной среде, поможет использовать потенциал данных сообществ в качестве связующего звена между странами.

Особую важность поддержание культурных традиций и языка имеет для малых народов, часто находящихся под угрозой ассимиляции и потери своей уникальности. Постоянный культурный взаимообмен между представителями локальных народностей, проживающих в одном географическом пространстве, но разделенных по разным странам, помогает им не только укреплять свои культурные и социальные связи, но, как показывает пример Всемирного конгресса финно-угорских народов, способно перерасти в институционально оформленное взаимодействие, приобретающее политическую активность и усиливающее глобальные позиции членов сообщества, их способность участвовать в выработке решений по значимым для них вопросам.

Потенциал культурной дипломатии в создании трансграничных сообществ и укреплении чувства общности между участниками усиливается с развитием цифровых технологий. Различные цифровые платформы, в том числе с применением технологий дополненной и виртуальной реальности, предоставляют новые, более интерактивные возможности для обмена культурными продуктами и создания глобальных сетей взаимодействия. Примечателен в данной связи пример Южной Кореи, первой из стран включившей метавселенные в свой инструментарий культурной дипломатии. Создавая вир-

туальные миры для поклонников К-Поп, открывая для них возможности посещения концертов и знакомства со своими кумирами из любой точки земного шара, Сеулу удастся преумножить «мягкосиловой» потенциал «корейской волны».

Использование потенциала культурной дипломатии для формирования трансграничных сообществ на основе общих культурно-ценностных установок обладает значимым потенциалом и для России и может быть принято во внимание в российской внешнеполитической стратегии и учтено в деятельности МИДа, правительственных и частных структур, вовлеченных в организацию международных культурных обменов.

*Матафонова Ю.А.
(Чита, ЗабГУ)*

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: ОТРАЖЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Несмотря на стереотипное представление о неизменности российских федеративных отношений, они подвержены некоторой трансформации под влиянием новых вызовов. В российском политическом дискурсе новый виток интереса к развитию федеративных отношений был связан с политическими решениями, принимаемыми в период пандемии и в настоящее время — период специальной военной операции.

В 2020 г. широкое обсуждение трансформации российского федерализма началось с принятия Указа Президента РФ «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» от 2 апреля 2020 г. № 239. Данным указом субъекты Российской Федерации, а точнее главы субъектов, были наделены правом самостоятельно принимать решения по определению набора мер профилактики и борьбы с коронавирусной инфекцией. Такое решение являлось вполне рациональным в условиях территориальных масштабов нашей Федерации и неодинаковой степени распространения коронавирусной инфекции. После Указа впервые за долгое время эксперты и исследователи стали обсуждать трансформацию российского федерализма. Появились кардинально противоположные мнения: если одни видели в этом решении шаг федерализации, рассматривали его как возможность проявления регионами (и губернаторами) политической субъектности, то другие выражали опасения по поводу центробежных тенденций, строили негативные прогнозы, видели угрозы целостности. Детерминирующими состоянием российского федерализма словосочетаниями стали: «вынужденная федерализация», «чрезвычайная федерализация», «политическое усиление регионов», «децентрализация без федерализации», «административная децентрализация», «раздел ответственности», «ловушка для губернаторов». Значительная часть оценок носила негативный характер, при этом мнения существенно поляризовались в зависимости от изначального понимания сущности федерализма. Негативные высказывания присутствовали как у сторонников, так и у противников формирования полноценной федеративной государственности: и «чрезвычайная федерализация», и «административная децентрализация» стали констатацией неприемлемой траектории развития российских федеративных отношений, правда в разных системах координат. Если у одних выстраивание «вертикали власти» и усиление федерального центра вызывало возмущение, то другие даже в столь незначительном ситуативном перераспределении полномочий видели угрозу устойчивости федеративной системы.

Реальная политическая ситуация периода пандемии сняла все опасения такого плана, показала устойчивость политической системы, в наиболее распространенном варианте понимания феномена устойчивости.

В 2022 г. точкой отсчета для обсуждения вектора развития российского федерализма стал Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с указом президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756». В соответствии с Указом губернаторы получили новое дополнительное полномочие по принятию решений о проведении мероприятий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также полномочия по реализации мер для удовлетворения потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и нужд населения.

Интересным представляется изменение терминологии в высказываниях экспертов относительно трендов федеративных отношений в России. Если в 2020 году эксперты, негативно оценивающие перераспределение полномочий, употребляли термин «вынужденная федерализация», то в 2022 г. в обиход вошла «принудительная федерализация». Если в 2020 г. в политическом дискурсе присутствовало разнообразие оценок произошедшего перераспределения полномочий, то в 2022 г. оценки стали более сухими, менее эмоциональными, указывающими на единый вектор развития федера-

лизма в России, когда в нестандартных социально-политических ситуациях федеральный Центр сталкивается с необходимостью «спуска полномочий вниз», что, по нашему мнению, не меняет сущности централизованных российских федеративных отношений и показывает устойчивость российской федеративной системы.

Еще одним поводом для обсуждения российского федерализма и отношений «Центр-регионы» стало принятие федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» № 414-ФЗ от 21.12.2021. В политическом дискурсе влияние данного закона на федеративные отношения оценивается неоднозначно: если одни видят в новой системе организации публичной власти в субъектах Российской Федерации тренды централизации, продолжения выстраивания «вертикали власти» и «сползание к унитаризму», то другие считают этот шаг упорядочиванием федеративных отношений, направленным на защиту интересов субъектов Федерации, нивелированием управленческой поляризации, обеспечением устойчивости. Полярность оценок обусловлена в том числе и изначальным пониманием сущности федерализма.

Матвеева Е. В.
(Кемерово, КемГИК)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Современные вызовы, стоящие перед Российской Федерацией, все больше перемещают ракурс внимания при рассмотрении вопросов российской молодежи в сторону ее восприятия в качестве активного участника «объект-субъектных» отношений. Категории интересов и потребностей молодого человека, в широком смысле этого слова, становятся одним из важнейших приоритетов государства, о чем свидетельствует утверждение в 2024 г. трех национальных проектов, ориентированных на интересы самореализации молодежи («Кадры», «Молодежь России», «Семья»). Перечень вопросов, актуализированных в последние несколько лет, достаточно широк, и одним из них является переосмысление на теоретическом уровне проблемы ценностей молодых людей.

В своей исторической ретроспективе проблематизация вопросов, связанных с молодежью и молодежной политикой, всегда оценивалась через призму исследовательского вклада, внесенного первоначально российскими социологами. В частности, социологом В.Я. Ядовым в рамках его концепции социального поведения ставился вопрос о воздействии на человека ценностных ориентаций. При этом процесс формирования ценностного мировоззрения человека сопровождается синтезом воздействия на него как внешних, так и внутренних факторов.

Весьма интересным подходом к выявлению традиционных ценностей современной молодежи является концепция ценностных ориентаций, предложенная Н.И. Лапиным. Разграничивая ценности на социальные, личностные и универсальные, ученый фактически обосновывает многогранность ценностей современного человека, где определяющим является фактор источника информации (политика, религия, культура и др.).

Среди современных подходов в изучении ценностей и традиционных ценностей как важной детерминанты сознания российской молодежи обратимся к исследовательскому инструментарию, предлагаемому политологом А.В. Селезневой. Применяя политико-психологический подход, политические ценности рассматриваются ею как абстрактные, устойчивые категории, присущие «отдельно взятой личности, социальной группе или обществу». Все политические ценности упорядочены процессом социализации личности или контекстом жизнедеятельности. В результате ценности в сфере политики антагонистичны в содержательно-функциональном плане и одновременно с этим сосуществуют между собой.

Среди заметного перечня применяемых современными учеными дихотомий следует выделить как минимум три, рассматриваемых в российском политическом дискурсе.

Прежде всего, это дихотомия по принципу «коллективизм-индивидуализм». Многочисленные исследования в регионах показывают, что среди молодых людей сохраняется приверженность к традиционным ценностям (взаимодействие, значимость нравственных идеалов и крепкой семьи и др.) на фоне роста индивидуалистических настроений. Как отмечает Л.И. Седова, в зависимости от уровня взаимодействия (межличностный или общественный) отношение к коллективизму может существенно меняться и возрастать по мере возрастания межличностных интересов.

По мнению В.П. Тугаринова, российская молодежь склонна к потребительскому отношению к жизни и соответственно в высокой мере индивидуалистична. Неслучайно ученый обращается к проблеме «ценностного кризиса» молодежи, что стало следствием быстрого технологического прорыва, что сказывается на потере существующих ценностей среди молодежи и невозможности быстрой адаптации к происходящим изменениям.

Вторая дихотомия не менее важна для характеристики рассматриваемой проблемы — это разграничение по принципу «традиционное — модернистское», применяемое, в частности, в работах А.В. Селезневой. Ученая пишет о том, что суть традиционных ценностей в обеспечении преемственности общественных отношений, а модернистских — в самореализации индивида.

Отметим еще одно противопоставление в системе ценностей молодого поколения — это дихотомия «материальное-моральное». В этой связи, как отмечает, в частности, Т.Г. Анисимова, наблюдаются гендерные, этнические и ресурсные (полная/неполная семья, образовательный фактор) различия в определении приоритетности тех или иных ценностных категорий.

Наконец, значимое место в научных исследованиях сегодня отводится вопросам патриотического воспитания и формирования патриотизма при непосредственном участии системы образования. Патриотизм рассматривается как некий мобилирующий ресурс развития российской государственности и отражения политики государства в лице молодых людей.

Обобщая проведенный обзор, отметим, что автором были затронуты лишь некоторые стороны рассматриваемой проблемы. Более подробный анализ позволит как акцентировать внимание на проблемном поле, так и обозначить применяемые научные подходы к исследованию традиционных ценностей российской молодежи как одному из фундаментальных оснований современной российской государственности.

Матюнков Е.С.

(Москва, ИНИОН РАН; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ИЗМЕРЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЫМЧАН: ВЛИЯНИЕ РЕИНТЕГРАЦИИ?

Вхождение Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. дало начало ряду важных политических процессов, в число которых вошло создание уникальной среды функционирования политического дискурса. С одной стороны, на протяжении долгого времени в силу своего социально-экономического развития, присутствия базы ВМФ и особенностей исторической памяти Крым являлся местом воспроизводства патриотического советского и русского (российского) патриотического дискурса, что специфическим образом актуализировалось во время украинского периода. С другой стороны, на территории Крыма сложилась полиэтничная и поликонфессиональная ситуация, в рамках которой два из трех основных этносов (украинцы, крымские татары) потенциально вовлечены в конфликтный дискурс (депортация татар, конфликт на Украине) на фоне сильного регионального компонента идентичности.

Исследование идентичности крымчан, в частности — национально-государственной, представляет большой интерес не только само по себе феноменологически, но и способно дать оценку эффективности проведенных и проводимых мер по реинтеграции Крыма, объединению его дискурсивного поля с общероссийским. Так, в рамках написания кандидатской диссертации на тему «Роль современной системы образования в формировании российской идентичности у граждан Республики Крым и города Севастополь» в 2023 г. было проведено эмпирическое исследование с целью выяснить соответствующее влияние на формирование национально-государственной идентичности крымчан. Проведенное исследование содержит в себе данные анкетирования порядка 2200 человек и экспертные интервью специалистов в области образования и коммуникаций. Частные результаты анализа данного исследования представляются ниже.

Предварительно проведенный анализ контекста исследования показал наличие амбивалентных тенденций в развитии идентичности молодых крымчан. Так, ценностный компонент их политической идентичности в ряде исследований состоял как из социально-демократических, так и консервативно-патерналистских установок, при том, что их полярность в большинстве случаев была направлена против государственного нарратива¹. С данным исследованием коррелируют работы последних лет, в которых был так же обнаружен абсентеизм молодежи и низкая когнитивная составляющая их политической идентичности. В то же время, в более современных исследованиях 2021–2022 гг. исследователями были отмечены значительные доли тех, кто разделяет консервативную повестку, а именно, не разделяя ценности «демократии», «толерантности» и т.д.²

Анализ эмпирических данных оригинального исследования показал наличие феноменов, во многом соответствующих выводам, описанным в работах других ученых. Политические ценности опрошенных

¹ Черный Е.В., Латышева М.А. Психологический анализ становления политико-идеологической и гражданской идентичности молодежи (на примере крымского региона) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Социология. Педагогика. Психология. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 117–132.

² Канах А.М., Нелина Л.П., Ярмук О.В. Факторы формирования национальной идентичности студентов Республики Крым и Севастополя: Некоторые результаты социологического исследования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 50–64.

молодых крымчан в меньшей степени соотносятся с такими, как «традиционность» и «коллективизм», хотя последние и лежат в основе формируемой государством национально-государственной идентичности. Интересным образом слабо были отражены ценности, характерные для контрдискурса государства, что позволяет предположить, что формирование политической идентичности молодых крымчан подвергается определенному давлению.

Важным фактором как предыдущих исследований, так и оригинального является этнический компонент идентичности. Предсказуемым образом данный компонент оказался сильно связан с религиозным у крымских татар, при том, что религиозная идентичность у респондентов-славян развита слабо. У русских респондентов характерным образом страновой образ России оказался более сформирован, чем у украинцев и крымских татар, при общем значительном снижении связанности образа России с образом СССР у молодежи в целом.

Примечательно, что образ Великой Отечественной войны, выраженный символически как в контексте традиций празднования 9 мая, так и событийного восприятия, оказался подавляющим у молодежи, при том, что иные элементы государственного исторического нарратива были отмечены незначительными долями.

Таким образом, национально-государственная идентичность крымчан соотносится с общероссийской, что в частности выражается в ценностном и символическом измерении. Несомненным образом это может быть связано с эффектом реинтеграции и работой формализованной системы образования. В то же время, наполнение идентичности не всегда соответствует официальному ее образу. При этом формирование национально-государственной идентичности крымчан происходит в контексте геополитической напряженности, «на кромке» открытого военного конфликта, что может оказывать соответствующий искажающий эффект¹. Несмотря на то, что представленные выводы требуют уточнения как в качественной, так и количественной перспективе, следует отметить их корреляцию с выводами других исследований.

Матюхова Е.И.
(Москва, ИМЭМО РАН)

НОВЫЕ — СТАРЫЕ ГОРИЗОНТЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ГЕРМАНИИ

Вплоть до начала XXI в. политические элиты Германии, игнорируя объективные реалии миграционных процессов, не признавали за своей страной статус «страны иммиграции». Государственная политика длительное время исходила из представлений о временном характере миграционных процессов, что приводило к отсутствию долгосрочных стратегических планов. В ответ на прогнозируемый демографический кризис, выражающийся в сокращении трудоспособного населения, Германия переосмыслила свои традиционные подходы к миграции. Более того, в 2020-е годы ФРГ выступила инициатором формирования обновленной глобальной повестки по вопросам миграции, акцентируя внимание на этических аспектах и принципах ответственного регулирования миграционных потоков. В настоящее время Германия, одна из ведущих экономик мира и локомотив европейской интеграции, активно формирует инновационные парадигмы ответственного развития. Опираясь на современные теоретические разработки в области миграционных исследований, Германия обосновывает свою миграционную политику принципом «миграция как движущая сила развития», что свидетельствует о принципиально новом стратегическом видении миграции как драйвера социально-экономического развития, важнейшего обязательного компонента стратегий устойчивого развития и ключевого элемента политики развития. Центральным постулатом рассматриваемого подхода является концепция «тройного выигрыша», подразумевающая взаимовыгодное сотрудничество стран происхождения, стран назначения и самих мигрантов. Такая политика развития предполагает трансформацию модели взаимодействия — переход от традиционного финансового донорства, основанного на односторонних инициативах, к многостороннему партнерству, предполагающему совместное проведение программ и проектов.

Реализация положительного потенциала, заложенного в миграционных процессах, обеспечивается через сотрудничество в рамках «партнерств по вопросам миграции», призванных снизить уровень нелегальной миграции и содействовать легальной. В отличие от стандартных миграционных соглашений, данные партнерства строятся на основе взаимодоверия и совместных усилий в таких сферах, как рынок труда и образование. Стремясь укрепить свою позицию на международной арене в контексте глобальной борьбы за таланты, Германия активно внедряет упрощенные процедуры трудоустройства, тем

¹ *Габриелян О.А.* Социально-психологическое самочувствие молодежи в Республике Крым: испытание кризисами // *Власть.* 2024. С. 131–138; *Нестик Т.А.* Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // *Социальная психология и общество.* 2023. Т. 14. № 4. С. 5–22.

самым расширяя возможности для привлечения высококвалифицированных специалистов. Данные партнерства предполагают создание механизмов с целью эффективного кадрового обеспечения немецкой экономики за счет привлечения трудовых ресурсов из стран-партнеров, которые взамен получают опыт, знания и разностороннюю поддержку со стороны ФРГ. Более того, с 2023 г. Германия приступила к реализации масштабного проекта по созданию центров миграции и развития в странах происхождения мигрантов. Эти пункты предоставляют консультации по вопросам профессиональной переподготовки, миграции и репатриации, а также оказывают поддержку в поиске работы на родине или создании собственного бизнеса.

Государство не отрицает приоритета экономических и политических национальных интересов, однако интегрирует их в более широкую концепцию развития, которая дополняется стремлением ФРГ к содействию роста менее развитых стран. Немецкие федеральные власти разрабатывают стратегии, направленные на балансирование между своими интересами и этическими соображениями. Таким образом Германия в своих официальных документах высказывает озабоченность потенциальными негативными последствиями международной миграции высококвалифицированных кадров для стран происхождения. В целях минимизации подобных рисков немецкие специалисты в области экономики труда анализируют трудовой и демографический потенциал различных стран мира и разрабатывают стратегии, позволяющие удовлетворить потребности национального рынка труда без ущерба для экономического благополучия развивающихся стран. Подобный подход позволяет оптимизировать векторы миграционной политики с учетом интересов как принимающей, так и отправляющей стран.

Мафуанг Супатат
(Москва, РУДН)

ПРИМЕНЕНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МНОГОСТОРОННОСТИ И МИНИЛАТЕРАЛИЗМЕ

При развитии минилатерализма поиск теории онтологической безопасности (ОБ) может привести к переоценке традиционных партнерств. Это, вероятно, сформирует новые виды коопераций, которые поставят коллективную ОБ выше простых целей и стратегических интересов, бросив вызов устоявшейся динамике навязывания. Например, государства чаще будут искать партнерства для укрепления собственной самоидентичности и нарративов, создавая платформы для коллективного утверждения идентичности.

Данный доклад — результат кандидатской диссертации, основанный на работе *Krickel-Choi* и моей интерпретации «ОБ», — может переосмыслить «фундаментом» минилатерального формата сотрудничества.

Если в ОБ *actor-self* выражается через суверенитет, представляя государство воплощенным лицом в международных отношениях (МО), то физические меры безопасности могут смягчить чувство незащищенности. Физическая угроза также способна вызывать онтологическую незащищенность (ОН).

Применение ОБ предполагает, что «воплощенное лицо становится частью чужих социальных нарративов или маргинализируется». Государства могут воспринимать участие в многосторонних соглашениях как угрозу суверенитету и независимости, находясь в нарративе другой страны. Напротив, в минилатеральной парадигме «воплощенное лицо — часть коллективных социальных нарративов», где государства сохраняют свой суверенитет из-за общности с другими *actor-selves*.

Self ≠ identity и относится к личности, наделенной автономией. Здесь *self = person*. С другой стороны, «идентичность» = «ролевая идентичность», что определяет личностное поведение. ОБ не сводится к вопросам идентичности. В МО государства становятся *self*, достигая *sovereign personhood*; так они обретают *role-identity*. Суверенитет — основа для ОБ.

Применение в многосторонности означает, что «воплощенная личность (материальная власть (МВ)) не только навязывает самоидентификацию в многосторонних институтах» и становится источником «дилеммы безопасности», но и теряет идентичность (средние и маленькие страны). Государства лишаются этого, уступая доминирующим нормам и ценностям в пользу МВ. Идентичность динамически меняется, иногда отрываясь от «я», чтобы сохранить «статус-кво», «бытие» или максимизировать «ОБ». Напротив, в минилатерализме «воплощенная личность уважает других и не навязывается, а скорее усиливает коллективные идентичности». Сильный коллективный социальный нарратив объединяется, чтобы построить «коллективную ОБ».

Когда *anxiety ≠ ontological insecurity*, то превалирует тревога, а ОН встречается редко. Разнообразие видов тревоги увеличивает вариативность. В МО тревога провоцирует поведенческую адаптацию; при ОН адаптация маловероятна.

Данная незащищенность может сказаться на структурном изменении *self*. В многосторонности «тревога — ускоритель поведенческой адаптации государства». Но ОН способна повлиять на общность

агента для сохранения «бытия» и «статус-кво» себя. Это приведет к принужденному структурному изменению (МВ). Здесь общность обеспечивает лишь базовое доверие к другим государствам. При минилатерализме «тревога может гарантировать устойчивость и коллективную ОБ». Так государства формируют партнерства, основанные на общих интересах, потенциально усиливая чувство коллективной идентичности; «жесткая общность с другими личностями создает высокое доверие, инклюзивность и неформальность среди воплощенных личностей». Напротив, «ОН => отсутствие адаптации => (конкуренция минилатерального институционального строительства) => «дилемма ОБ».

Trauma провоцируется стигматизированным национальным опытом и социальной памятью о национальной утрате. Поэтому в МО страны стремятся к общественному признанию и международному статусу. На это влияют различные концепции интересов и поведения государства, что приводит к трансформации статус-кво.

В многосторонности «воплощенная личность избегает доминирования над собой, стараясь навязать собственные ценности многосторонним институтам (МВ)» или стремясь сохранить «бытие» или «статус-кво» в условиях беспокойства. Так государства могут проводить более активную внешнюю политику усиления МВ. Осознав ОН, они способны вести внешнюю политику национализма. А если страны сохраняют стабильную, но изменчивую идентичность, то обеспечивают международную устойчивость. Опыт государства и концепция *self* могут привести к позитивным для него результатам в международной политике. Экзистенциальная тревога и неправильные решения провоцируют травму. С другой стороны, в минилатерализме «воплощенная личность чувствует себя уверенно, демонстрируя самоидентичность в коллективной социальной среде». Государство стремится исцелить травму. Это отражается в проактивной и хеджирующей политике через минилатеральные институты в отношении беспокойства и МВ.

Self и *identity* определяют состояния во властных отношениях с другими государствами. *Anxiety* и *ontological insecurity* — адаптацию идентичности и структурное изменение *self* в условиях неопределенности мировой политики. *Trauma* определяет, как различные восприятия национальных интересов и потенциал изменения статус-кво могут влиять на решения государства во внешней политике.

Медведева М.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

AI LITERACY КАК ЧАСТЬ ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В современных реалиях, когда искусственный интеллект уже плотно вошел в нашу жизнь и постепенно закрепляется в разных сферах, в том числе и в политической сфере, одним из малоисследованных вопросов является вопрос грамотности в сфере искусственного интеллекта и его место в современном политическом поле России.

AI literacy как феномен появляется вполне закономерно сразу после появления искусственного интеллекта, ведь во многом его использование человеком сопряжено с рядом трудностей, таких как корректная формулировка запроса, правильный выбор программного обеспечения под свои задачи и т.д. Однако какую роль в современном государстве может играть *AI literacy*? Является ли он на сегодняшний день полноправным направлением актуальной цифровой политики государства или стоит как бы «за скобками»?

По мнению аналитиков, если не сегодня, то в будущем большинство базовых операций будет выполняться при помощи искусственного интеллекта, рост ВВП только за счет этого увеличится на 14%. И именно *AI literacy* может стать инструментом по увеличению этой прибыли для государства при условии повышения текущего уровня среди населения. Или напротив, низкий уровень или совершенное его отсутствие может стать сдерживающим фактором развития государства. Кроме того, *AI literacy* также может способствовать повышению навыков цифровой грамотности населения и медиаграмотности, что в свою очередь может помочь в формировании некоторой коллективной защиты от фейков и недостоверной информации.

Целью данного исследования является попытка осмысления места *AI literacy* в современном государстве. Мы проанализировали ряд русскоязычной литературы, представленной на портале *Elibrary*.

Прежде всего, стоит сказать, что тема для российской науки довольно новая. И, в целом, феномен *AI literacy* упоминается нечасто. Однако, конечно, здесь также стоит разобраться, что, собственно, из себя представляет *AI literacy* по своей сути. Довольно обширно применяется прямой перевод термина — это грамотность в сфере искусственного интеллекта. Но что же по факту обычно включается в эту грамотность? Одно из довольно удачных, на наш взгляд, определений термина дали зарубежные исследователи Марк Доуз и Шарли Бекетт. Они, в частности, говорят о том, что *AI literacy* — это не только знание о существовании искусственного интеллекта и умение его использовать. Исследователи также выделяют три важных компонента *AI literacy*: первый компонент можно обозначить как понимание

сущности искусственного интеллекта, второй — как понимание в каких случаях можно максимально эффективно его применить, третий — это навыки по работе с искусственным интеллектом, которым вы можете научить других для того, чтобы его использовать максимально эффективно.

Если пользоваться этим определением, то можно найти отдельные отечественные исследования элементов *AI literacy*, таких как, например, изучение навыков работы с искусственным интеллектом, а также методик обучения работе с искусственным интеллектом студентов. Но напрямую тема именно *AI literacy* еще не особенно разрабатывается.

Имеется довольно обширный ряд исследований места и роли искусственного интеллекта в политике государства. При анализе этой литературы можно выделить интересные исследования С.В. Володенкова и С.В. Федорченко, которые активно изучают цифровизацию политического пространства и внедрение технологий искусственного интеллекта.

Здесь надо также отметить, что при всем удобстве использования искусственного интеллекта есть ряд также и определенных политических рисков. Особенно если пользователь не обладает первичными навыками *AI literacy* или, напротив, склонен злоупотреблять использованием технологии ИИ. Кроме того, многие отечественные исследователи отмечают, что, например, фейки, создаваемые искусственным интеллектом, сегодня затруднительно отличить человеку от реальности. И именно *AI literacy* могла бы стать некоторым «помощником» человеку в распознавании этих фейков.

Также анализ научной литературы показывает, что искусственный интеллект сегодня уже активно используется в рамках электоральных кампаний. И в этом случае *AI literacy* могла бы стать инструментом по повышению эффективности этого использования и, как следствие, эффективности всей электоральной кампании.

Таким образом, можно заключить, что вопрос о роли *AI literacy* в современном государстве еще находится в стадии разработки. Если искусственному интеллекту уделяется довольно много внимания, то тема *AI literacy* пока оставлена «за скобками». Хотя именно *AI literacy* могла бы стать не только эффективным инструментом в борьбе населения с фейками, но и значительно оптимизировала многие процессы. На наш взгляд, проблема актуальна и нуждается в эмпирической разработке.

Медина Гонзалес В.К.
(Москва, РУДН)

ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА: РАСКРЫТИЕ ПОТЕНЦИАЛА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

По мере того, как глобальный экономический ландшафт смещается в сторону многополярного мира, Россия и страны Латинской Америки стали ключевыми игроками в новой эре торговли и экономического сотрудничества, движимого общими интересами в энергетике, инфраструктуре и промышленном развитии, что имеет потенциал для содействия устойчивому экономическому росту, диверсификации торговых путей и укреплению политических отношений между двумя регионами.

Латинская Америка становится новым центром экономического роста, движимым быстрым расширением среднего класса, урбанизацией и технологическими достижениями. С совокупным ВВП более 2 трлн долл., регион, как ожидается, продолжит расти со скоростью 3–4% в год, что делает его привлекательным местом для инвестиций и торговли. Кроме того, стратегическое расположение Латинской Америки, богатые природные ресурсы и растущий потребительский рынок делают ее важным центром международной торговли и коммерции. Регион также становится центром инноваций и предпринимательства, а такие страны, как Бразилия, Мексика и Чили, лидируют в таких областях, как финтех, возобновляемые источники энергии и биотехнологии. В результате Латинская Америка готова играть значительную роль в мировой экономике, предлагая возможности для роста, инвестиций и сотрудничества.

У России и стран Латинской Америки было несколько успешных примеров сотрудничества в прошлом в различных секторах, включая:

- **Энергетика:** Россия была ключевым игроком в энергетическом секторе в Латинской Америке, особенно в Аргентине и Венесуэле. В 2005 г. российский «Газпром» подписал соглашение с Аргентиной о разработке месторождения сланцевого газа Вака Муэрта, которое может стать одним из крупнейших запасов газа в мире. В Венесуэле российская государственная нефтяная компания «Роснефть» объединилась с *PDVSA* для разработки нефтяных месторождений пояса Ориноко.

- **Сельское хозяйство:** Россия была значительным импортером латиноамериканской сельскохозяйственной продукции, такой как соевые бобы, кукуруза и сахар. В 2019 г. крупнейшая российская зерновая компания *Rusagro Group* подписала соглашение с бразильской *Amaggi Group* об импорте до 1 млн тонн соевых бобов в год.
- **Технологии:** Россия активно участвует в латиноамериканских технологических проектах, особенно в области освоения космоса и телекоммуникаций. Например, российское космическое агентство «Роскосмос» сотрудничает с *CONAE* (Национальной комиссией по космической деятельности) Аргентины с целью запуска спутника для наблюдения за Землей и научных исследований.

Исходя из текущих тенденций и потенциала роста, некоторые ключевые секторы будущего сотрудничества между Россией и странами Латинской Америки могут быть следующими:

- **Цифровая экономика:** Россия и Латинская Америка могут сотрудничать в области цифровизации, электронной коммерции и финтехе, используя опыт и ресурсы друг друга для создания новых возможностей для бизнеса и предпринимателей.
- **Возобновляемая энергия:** и Россия, и Латинская Америка обладают значительным потенциалом возобновляемой энергии, и сотрудничество в этом секторе может включать проекты в области ветровой и солнечной энергетики, а также водородных топливных элементов.
- **Передовое производство:** Россия и Латинская Америка могут сотрудничать в области передовых производственных технологий, таких как Индустрия 4.0, и делиться опытом в таких областях, как аэрокосмическая промышленность, автомобилестроение и фармацевтика.
- **Здравоохранение:** Россия и Латинская Америка могут сотрудничать в области исследований в области здравоохранения, разработки новых лекарств и предоставления медицинских услуг, используя опыт друг друга в таких областях, как онкология, кардиология и неврология.
- **Развитие инфраструктуры:** Россия и Латинская Америка могут сотрудничать в проектах развития инфраструктуры, таких как транспортные системы, порты и логистические центры, для улучшения связей и торговли в регионе.
- **Исследование космоса:** российское космическое агентство «Роскосмос» уже сотрудничало со странами Латинской Америки в рамках проектов, связанных с космосом, и существует потенциал для дальнейшего сотрудничества в таких областях, как спутниковые технологии, исследование Луны и добыча полезных ископаемых на астероидах.

На основе анализа можно сделать несколько ключевых выводов о важности торгово-экономического сотрудничества между Россией и Латинской Америкой:

- Экономическое сотрудничество является приоритетом для обоих регионов, поскольку оно может стимулировать экономический рост, создавать рабочие места и повышать конкурентоспособность.
- Взаимная выгода: сотрудничество может принести взаимную выгоду, поскольку Россия получит доступ к новым рынкам, ресурсам и экспертным знаниям в Латинской Америке, в то время как Латинская Америка может извлечь выгоду из опыта России в таких областях, как развитие инфраструктуры, энергетика и передовое производство.
- Диверсификация торговли: сотрудничество может помочь диверсифицировать торговые портфели как России, так и Латинской Америки, снижая зависимость от традиционных торговых партнеров и повышая устойчивость к глобальным экономическим потрясениям.
- Возможности для малых и средних предприятий: сотрудничество также может создать возможности для малых и средних предприятий (МСП) в обоих регионах, позволяя им участвовать в глобальных цепочках создания стоимости и расширять свои деловые сети.
- Потенциал роста: потенциал роста торгово-экономического сотрудничества между Россией и Латинской Америкой значителен, и ожидается, что текущий объем торговли, составляющий около 10 миллиардов долларов, увеличится в ближайшие годы.

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ РАЗЛИЧЕНИЯ И ОБЪЕКТИВАЦИИ

Данные тезисы для политологического конгресса предлагают один из возможных векторов развития политического знания, достаточно сложный для первичного восприятия и понимания, но предельно значимый и эффективный в рамках предлагаемой в тексте новой парадигмы политического знания.

Значимость и эффективность предлагаемого основания развития политической науки определяется его предельной сущностью — сущностью, за пределами которой другой сущности в принципе быть не может.

Выбирая предлагаемый вектор как вектор развития политической мысли, а, следовательно, и политической науки, необходимо отметить, что понимание и все способы интерпретации феномена «развитие» предполагают фиксацию достаточно полного и очевидного основания — развитие требует начальной единицы (ядра), — уже существующего, в котором заложены возможности дальнейшего развития. То есть про развитие мы не можем рассуждать, не определяя того, что, собственно, развивается и из чего проистекает развитие как таковое.

С нашей точки зрения, таким ядром как политики, так и взращиваемого из нее предметного поля познания и результатов/процессов научно-исследовательского политического знания является феномен политического мышления политической деятельности реальных политиков.

Сам же феномен политического мышления и политической мыследеятельности как ядро политики и политического познания строится, познается и верифицируется не на базе методов естественных и примыкающим к ним наук, и в них, по существу, не нуждается, а строится на методологии деятельностного подхода. «Бытие материи — это ее действие, иного бытия нельзя даже и помыслить».

При таком подходе методология позволяет начать размышление ученого-политика с политического фундамента как фундамента политического мышления и деятельности.

Сам по себе этот подход с необходимостью диктует применение метода различения — «требуется, чтобы феномены, подлежащие объяснению, ограничивались бы друг от друга и чтобы с возможной большей точностью указывались признаки различений» и метода объективации — метода технологии (суммы технологий) достижения политического результата как следствия реализации в деятельности политика политического мышления.

Таким образом, реализуя данный вектор деятельности нашей научной ассоциации как вектор развития политической науки, мы можем в достаточно обозримой перспективе решать или постараться решить следующие задачи:

- опережать развитие искусственного интеллекта, создавая для ИИ политическое смыслообразование бытия человека и политика;
- переформатировать все традиционные исследовательские проекты, которые не ведут политическое знание на платформу промышленной революции 4.0 и не способствуют типологизации политического знания как прорывного и самостоятельного в системе/пространстве гуманитарных дисциплин и их интеллектуальной инфраструктуры;
- произвести процедуру различения политического и не политического знания, а именно зафиксировать, что политическое знание не является знанием социологическим, историческим, юридическим, психологическим и даже философским, а тем более богословием;
- изменить парадигму действующего образовательного стандарта «Политология» и ввести новую парадигму «политическая проблема vs схема политической деятельности», что, несомненно, будет способствовать эффективности образовательного процесса в сфере политических наук;
- приступить к выработке и нормативной фиксации профессионального стандарта «Политик», доказывая, что «Политик» в современных условиях перехода к новому мировому порядку мыслит и действует не так, как это делает архитектор, предприниматель, инженер, юрист, педагог, историк, психолог или социолог, а тем более философ или богослов;
- синхронизировать образовательный («политические науки») и профессиональный («политик») стандарты и тем самым существенным образом изменить ситуацию востребованности на рынке труда политических специалистов и экспертов.

Милованова М.Ю.
(Москва, РГГУ)

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА СОЦИОГЕНДЕРНОГО ПОТЕНЦИАЛА НОВОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Гуманистический вектор выявления социогендерного потенциала становится важнейшим в концепте «Новое Евразийство». По данным мониторингового всероссийского исследования «Как живешь, Россия?» (ИСПИ РАН, июнь 2023 г.), 43% опрошенных уверены, что рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов. При этом начиная с 1992 г. доля оптимистов не падала ниже одной трети от числа опрошенных. Самый низкий показатель зафиксирован в 2011 г. Треть опрошенных летом в 2023 г. убеждены в сохранении России в нынешних границах, 23% затрудняются ответить, а 3% имеют пессимистический настрой «обреченности на распад». В 1992 г. таких было 18%.

Новое звучание для новых общественно-договорных основ евразийской интеграции приобретает цивилизационное измерение. В Концепции внешней политики (2023 г.) слово «цивилизация» встречается 11 раз. Философско-политическая концепция евразийства как особой евразийской цивилизации, органически соединяющей в себе элементы Востока и Запада, на основе которой необходимо организовать наднациональное государственное образование, разработана в 20–30-х гг. XX в. целой плеядой отечественных ученых, мыслителей, общественных деятелей (Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Флоровский, П. Сувчинский, Э. Хара-Даван, Г. Вернадский и др.). В текущем моменте созвучие обнаруживается в заявлениях о «Евразийской альтернативе», «Новом социальном государстве», реваншистском «Неокоммунистическом сценарии», «Ноосферном прорыве», «Евразийском проекте» (Марков А.П., Черняховский С.Ф. и др.), о миссии ЕАЭС, чтобы «сформировать на части постсоветского пространства полюс геополитического притяжения и новый, альтернативный американскому и европейскому центр силы» (О. Буторина, А. Захарова). Подобного рода миссионерские заявления требуют объективной социальной диагностики, четкого представления демографических показателей, социогендерного ландшафта, а также проверки готовности социума к их реализации. Важен учет того, что ближнее окружение России (СНГ, ЕАЭС) за прошедшие три десятилетия после распада СССР прошли разный по динамике путь ценностных и социальных трансформаций.

Наша социальная диагностика основана на данных актуальной статистики Евразийского экономического союза, Евразийской экономической комиссии, Росстата, показателей мировых гендерных рейтингов и соцпросов. Миссионеры предсказывают мобилизацию вокруг России, как панрегиона, метрополии, от 250 до 500 млн человек. Однако демографический прогноз по странам Евразийского экономического союза (ЕАЭС) отрезвляет: в позитивном сценарии — 290 млн человек, в негативном — 223 млн человек. На момент создания в 2014 г. ЕАЭС включал пять стран: Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Киргизия, в качестве наблюдателей к союзу присоединились с 2018 г. Республика Молдова, с 2020 г. Республика Узбекистан. Резкая гендерная асимметрия населения в пользу женщин характерна не только для России (78 млн женщин (53,8%), 67 млн мужчин (46,2%), но и для Беларуси, Армении, Молдовы. Лишь в Узбекистане и Таджикистане численность мужского населения приближена к паритетному. В период с 2022 до 2028 г. спрогнозировано сокращение численности населения в России (со 146,4 до 141,5 млн чел.), Беларуси (с 9,26 до 8,98 млн чел.), Молдове (с 2,54 до 2,28 млн чел.). Ожидается, что население Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана вырастет, в то время как население Армении останется прежним. Страной, где население растет самыми высокими темпами, является Таджикистан. Показательна интересная корреляция более высокого показателя счастья и суммарного коэффициента рождаемости. Самый высокий показатель счастья в Узбекистане, соответственно — 6,2 балла и 3,31 детности, в Казахстане 6,19 и 3,05 детности.

Среди стран ЕАЭС Россия остается наиболее эмансипированной страной, с самым высоким Индексом человеческого развития (ИЧР) — 0,821 в 2023 г., более высоким профессиональным образованием у женщин, чем у мужчин, соответственно — 1,533 млн (56%) женщин, 1,185 млн (44%) мужчин, с высокой степенью занятых женщин в составе рабочей силы (55,5%), против 70,7% мужчин. Однако статистика ЮНЕСКО о положении женщин в науке, барьерах, препятствующих успешной карьере женщин в сфере науки, технологий, инженерии и математики, говорит о тенденции сокращения вовлечения женщин в научные исследования в России (в 2018 г. — 39,2%), в то время как в других постсоветских странах наблюдается рост. В Азербайджане — 59%, Грузии — 52,7, Казахстане — 52,3, Молдове — 48,5, Киргизии — 46,5, Узбекистане — 40,6, Беларуси — 39,3%.

Парадокс и в том, что в мировых рейтингах страна имеет высокий Индекс гендерного развития (ИГР) 1,007, высокое равенство в достижениях человеческого развития между мужчинами и жен-

щинами (абсолютное отклонение составляет менее 2,5%), а по интегральному показателю гендерных предубеждений (*GSNI*) Россия находится между Боливией и Мексикой с показателем 90,68%¹. Рекордсменом по гендерным предрассудкам стал Таджикистан — 99,92%.

Ограничения социальной диагностики обозначены. Оптимизм и позитивный настрой базируется на том, что национальный человеческий капитал определяется не количеством, а качеством индивидов (А.И. Подберёзкин, 2021). Не стоит сбрасывать со счетов окно возможностей в связи с начавшейся целенаправленной работой по привлечению к 2030 г. 500 тыс. иностранных студентов для обучения на территории нашей страны. Велика вероятность, что интеллектуальная часть молодежи будет из стран СНГ и ЕАЭС. Особую роль культуры, образования, науки, языка в достижении поставленного целевого показателя переоценить сложно. Следствием и проявлением переживаемых социальных трансформаций стала вименомика (*womenomics*) — социальное явление экономического порядка, означающее, что женщины как демографическое большинство являются основной движущей силой социальных изменений и политических процессов. Давно назрела необходимость нового уровня диалога по обозначенным проблемам и поиску возможных путей их решения с женщинами — учеными постсоветского пространства, нашими соотечественницами за рубежом, которые способны проявить себя спланирующей силой цивилизационного пространства Новой Евразии.

Мирзаджанов Т.Э.
(Москва, МГИМО МИД России)

ПРАВОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОПУЛИЗМ В ПОЛЬШЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ ПРАВЛЕНИЯ «ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ» (ПИС)

Партия «Права и справедливости» пришла к власти на фоне усиления евроскептицизма и кризиса классических партий. В Польше наблюдается кризис политического участия: только 50% стабильно голосуют, 76% не доверяют согражданам, 80% убеждены, что не могут повлиять на правительство. Победа Пис имеет амбивалентный характер: победив демократическими средствами, она бросает вызов демократическим нормам, стремится подчинить формальные институты, заменить их неформальными практиками.

Поддержка Пис обусловлена потерей веры в эффективность и политическую волю польских политиков и демократических институтов. Пис призвала осуществить сплоченное переустройство всей системы по национал-патриотическим и фундаменталистским принципам с решительными кадрами.

Популистский характер партии проявляется в следующих моментах: Пис опирается на нравственность как политическую категорию, обвиняет элиты в корыстном сговоре; Пис воспользовалась изъянами политической культуры, ей удалось продать избирателю простые ответы на сложные вопросы; историческая политика Пис культивирует реваншизм и рессентимент.

Еще одной целью Пис является попытка трансформации ЕС и создание альтернативного блока. Для достижения данной цели была выработана конфликтная политика под предлогом защиты польского суверенитета, например путем вето на программы ЕС. Пис критиковала интеграционный проект ЕС, который слишком много забирал, но слишком мало давал, не впуская Польшу в европейскую семью как равную. Партия оправданно пугала поляков «политикой открытых границ» ЕС, ее мультикультурализмом. Во внешнеполитическом ракурсе Пис дестабилизирует внешнюю политику, делает ее менее предсказуемой и более рискованной для долгосрочных международных соглашений. Более того, приверженность в риторике теориям заговора об иностранном вмешательстве губительным образом сказывается на польских международных отношениях.

Внутренняя организация партии также представляется настораживающей. Пис не имеет массовой организации, не предоставляет социокультурную вовлеченность в партийную жизнь и формирование партийной идентичности. Пис не заинтересована в росте членов, новых мнениях, внутрипартийной конкуренции: так, рядовые члены не имеют права предлагать инициативы. Основатель Пис Ярослав Качиньский полностью контролирует внутрипартийную жизнь, законодательную и министерскую деятельность. Власть Качиньского основывается на личном контроле, предоставлении благ или лишений. Пис проводит выборы на должность лидера с безальтернативным кандидатом, ограничивает политическую конкуренцию, права и свободы, подчиняет социальные взаимодействия. Можно говорить об установлении патернализма, что привело к захвату государства партией.

¹ *GSNI* включает четыре измерения — политическую, образовательную, экономическую и физическую неприкосновенность. Составлен на основе ответов на семь вопросов из Исследования мировых ценностей, которые используются для создания семи показателей. Значение базового индекса измеряет процент людей хотя бы с одним предубеждением, а более низкое значение указывает на меньшую предвзятость.

ПиС редуцировала демократические институты, возможности общественных масс: налицо многочисленные случаи преследования оппозиционных политиков, превышение полномочий, политизированные аресты, произошло подчинение судов и монополизация кооптации судей, в особенности Конституционного Суда, произошло увольнение подавляющего большинства госчиновников с заменой их своими ярыми сторонниками.

ПиС подводит социальную жизнь в беспрекословное соответствие внутривнутрипартийным идеалам, в обход Конституции и общественному мнению, в особенности в вопросе об искусственном прерывании беременности. Всех не поддерживающих ПиС партия записывает в «ненастоящих» поляков. ПиС позиционирует всех, не подпадающих под определение «нормального поляка» и религиозные, этнические меньшинства — врагами Польши. Это привело к росту преступлений на почве национальной неприязни, исламофобии.

Программа партии предполагает, что партийные элиты ПиС должны стать общенародными элитами, что влечет за собой их смену в различных областях, включая социокультурную. ПиС желает сменить элиты в социокультурной сфере: политизация социокультурных вопросов происходит через страх и тревогу, что требует вмешательства. Не веря в самостоятельность и силу гражданского общества, учреждаются госорганы для поддержки националистических движений, а также предоставляется инфраструктура и государственное финансирование ультраправым движениям и НКО. Иные движения сталкиваются с прекращением госфинансирования, клеветническими компаниями в СМИ, незаконной слежкой и обысками. ПиС

Эксклюзивная идентичность ПиС исключает из польской нации приверженцев всех неугодных партий. Данная идентичность построена на фундаментализме, национализме, популистской картине мира и безоговорочной поддержке партии. Это разжигает внутривнутрипольские расколы и конструирует новые, мобилизуя поддержку и легитимируя себя: можно говорить об усилении общественного конфликта, росте внутренней поляризации польского общества. Общество разделилось на два информационно изолированных и не готовых коммуницировать враждующих лагеря, обладающих различными социальными и психологическими картинами мира.

*Мирошниченко И.В.
(Краснодар, КубГУ)*

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ В ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Политика развития рассматривается как нелинейный процесс, связанный с поиском и институциональным проектированием альтернативных возможностей развития, учитывающих многообразие смыслов и измерений социального благополучия. Исследование политики развития территорий на основе оценки потенциала нематериальных ресурсов потребовало выработки междисциплинарного научного подхода на стыке фундаментальных знаний политической, экономической, социологической наук. Данный подход позволил учитывать многообразие и нематериальных ресурсов, способствующих достижению принципиально нового уровня качества жизни населения, который является измеримым, с учетом их потребностей и интересов.

В период 2022–2024 гг. автором в составе исследовательского коллектива было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало выявление влияния нематериальных ресурсов на выработку и реализацию политики развития Краснодарского края. Качественный и количественный анализ данных позволил представить комплекс нематериальных ресурсов в виде пирамиды, в которой широким основанием, фундаментом, служат ресурсы первого порядка — локальная идентичность, человеческий потенциал и лидерство; второй ярус пирамиды составляют ресурсы второго порядка — социальный капитал, институты развития; а на вершине располагаются ресурсы третьего порядка — гражданская солидарность, доверие и субъективное благополучие.

Качественный и количественный анализ полученных в рамках полевого исследования эмпирических данных позволил выявить взаимосвязности в комплексах нематериальных ресурсов в политике развития исследуемых сельских поселений. Авторы определили, что базовыми нематериальными ресурсами являются человеческий капитал, локальная идентичность и лидерство, которые создают условия для проектирования и реализации политики территорий, определяют ее содержание

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ и КНФ в рамках конкурса 2021 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

и институциональные практики. Чувство привязанности местных жителей к территории (локальная идентичность), способствует их закреплению в сельских поселениях на постоянное место жительства, возврату молодежи после получения качественного образования в родные места, формированию семейных династий на действующих предприятиях и в учреждениях социальной сферы и культуры, развитию семейного бизнеса (аграрной, туристической направленности). Из местных жителей, привязанных к сельским поселениям и обладающих высоким уровнем образования и надпрофессиональными навыками, формируются лидеры и/или лидерские сообщества, которые берут на себя ответственность за развитие территории, сохраняя ее природные ресурсы и культурно-историческое наследие и предлагая инновационные способы решения проблем территорий, участвуя в формировании образа будущего муниципальных образований.

Нематериальными ресурсами второго порядка являются социальный капитал и институты развития, которые формируются под влиянием ресурсов первого порядка. Если локальная идентичность имеет фрагментарный (расколота по определенным основаниям: местные жители — мигранты; бизнес — местные жители; местная власть — местные жители; старшее поколение — молодое поколение и др.) или эксклюзивный характер (исключающий из местного сообщества определенные группы жителей), то социальный капитал приобретает конфигурации частного блага, когда местное сообщество представляет собой расколотое, дифференцированное общество социальных сетей, ориентированных исключительно на собственные внутренние интересы, не готовых объединяться для достижения совместных целей. Сформированная инклюзивная локальная идентичность способствует формированию социального капитала как общественного блага, с широким набором социальных связей, выходящих за пределы территории, и свободным доступом к нематериальным ресурсам для их конвертации в институциональные практики развития. Местные институты развития в виде формальных и неформальных фондов, автономных некоммерческих организаций и т.д. создаются только при наличии широких институционализированных социальных связей (социальный капитал как общественное благо), а возможности федеральных и региональных институтов различной профильности используются для местного развития лидерским сообществом и некоммерческими организациями, действующими на территориях муниципальных районов и сельских поселений.

Социально-психологические ресурсы как нематериальные ресурсы третьего порядка представляют собой результирующие маркеры, которые позволяют определить успешность интеграции нематериальных ресурсов в политику развития территорий и определяются уровнями социальной солидарности, доверия к действующей муниципальной власти и субъективного благополучия.

Мирясова О.А.
(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН)

ГЕНДЕРНАЯ ПОВЕСТКА РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИА. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ

Медиа играют важную роль в восприятии обществом тех или иных проблем, в том числе представлений о социальных ролях мужчин и женщин. Методология исследования, проведенного группой социологов в 2020–2021 гг. в рамках проекта по содействию карьерному росту женщин-журналисток, базировалась на институциональном анализе и активистско-деятельностной парадигме.

В ходе исследования мы зафиксировали, что позиция молодых женщин-журналисток региональных медиа по вопросам гендерного равенства (неравенства) часто вступает в противоречие с позицией руководства и институциональной средой. Попытки предпринять какие-либо действия, оспаривающие сложившийся дискурс, обычно встречали препятствия как со стороны коллектива, так и со стороны руководства (редакторов, учредителей, владельцев СМИ).

Позитивное влияние на изменение дискурса региональных СМИ оказывала повестка федеральных медиа, журналисты которых чаще занимали более прогрессивную позицию в вопросах гендерного равенства. На примере обсуждения в средствах массовой информации проблемы сексуализированных домогательств в 2017–2019 гг. (кампания #MeToo, харассмент в вузах) можно утверждать, что от освещения этой темы в сексистском контексте многие федеральные СМИ постепенно перешли к описанию ее как общественной проблемы.

Значимым фактором для продвижения гендерной повестки на региональном уровне было наличие феминистских или женских региональных проектов и инициатив, которые создавали информационные поводы и вносили вклад в формирование тематики публикаций.

В ходе исследования мы отметили рост эмпауэрмента молодых образованных женщин, который является вызовом для наиболее распространенных моделей функционирования региональных СМИ.

Поскольку условием успешности любого медиа является его ориентация на интересы, потребности, ценности целевой группы, те коммерческие медиа, которые ориентировались на образованную молодежную аудиторию, не могли игнорировать возникновение новой повестки, в том числе связанной с темами гендерного равенства и сексуальных отношений. Это стало особенно актуально в связи с появлением «новых медиа» — блогеров, ведущих авторские телеграм-, ютуб-каналы, сообществ в социальных сетях, создающих свой контент.

Принципиально иная концепция «новых медиа» — работают на волонтерской основе и/или финансируются за счет краудфандинга и рекламы — обеспечивает им большую гибкость и свободу в выражении мнений. Их авторы намного чаще выражают личное мнение, дают эмоциональные оценки и вступают в дискуссию с аудиторией, что более привлекательно, чем нейтральная подача материала без обратной связи, как это чаще происходит в «традиционных» СМИ. Такой формат делает «новые медиа» инструментом для продвижения определенной повестки среди своей аудитории.

Наиболее значимыми ограничениями для продвижения гендерной проблематики в региональных медиа в 2020–2021 гг. были законодательство (прежде всего ФЗ «О средствах массовой информации» и ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», налагающие запреты на ряд тем), консервативная аудитория (или представления редакции о своей аудитории как консервативной), позиция руководства СМИ, стремившегося избежать издержек, связанных со «сложными» темами (в частности, буллинга со стороны враждебно настроенных граждан, гражданских исков со стороны «героев» публикаций).

Институциональный контекст, в котором работают независимые российские СМИ, характеризуется разрывом между стремлением быть востребованными аудиторией (что связано с экономической успешностью медиа) и «прагматичным» желанием сохранить себя в ситуации доминирования влиятельных акторов, от которых медиа не защищены в правовом поле.

Митрахович С.П.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ,
Фонд национальной энергетической безопасности)

«МОНГОЛЬСКИЙ ФАКТОР» В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Монголия в последнее время рассматривается как важное направление реализации энергетических планов России, хотя часть их и сталкивается с существенными трудностями.

Уже сейчас Монголия пользуется преференциями в торговле с Россией — так, запреты на экспорт бензина из РФ, периодически вводимые российским правительством, не распространяются не только на страны ЕАЭС, но и на Монголию. Нефтепродукты — главный предмет российского экспорта в Монголию. По словам В. Путина, сказанным им в 2024 году во время государственного визита в Улан-Батор, в 2023 году более 90% бензина и дизельного топлива поступило в Монголию из России. Причем поставки идут по льготным ценам. Как заявил российский лидер, «мы откликаемся на просьбы монгольских друзей о содействии в обеспечении возрастающих потребностей в топливе и ГСМ по льготным ценам».

Но в ключевой сфере — по проекту «Силы Сибири 2» — продвижения опять не наблюдается. Пока не преодолены российско-китайские разногласия по базовому вопросу формулы, маршрут через Монголию оказывается «подвешенным». Причем российские власти сами меняют риторику, описывая состояние проекта.

Если раньше в основном говорилось, что по проекту «Силы Сибири 2» через Монголию «все уже согласовано, включая цену». Тезис про «уже все согласованные» параметры стал регулярно повторяться всеми ответственными чиновниками, а также представителями «Газпрома». Примечательно звучали и заявления, что Путин и Си Цзиньпин «дали указание ускорить переговоры по проекту».

Путин в Улан-Баторе вновь рассказал о том, что «завершена работа над проектной документацией газопровода «Союз — Восток» из РФ в КНР по Монголии, проект проходит госэкспертизу». Сами по себе отчеты о том, что проектные работы по «Союз — Востоку» завершены, звучали и раньше — но теперь российское руководство, со всей очевидностью, смещает акцент на потребности в газе самой Монголии. Иными словами, теперь в фокусе российских предложений — возможность использования газа по льготной цене самой Монголией.

Снижение ожиданий относительно нового газового соглашения с Китаем произошло затем и во Владивостоке, куда Путин отправился из Монголии на Дальневосточный экономический форум. Путин во время выступления на пленарном заседании ни слова не сказал о «Силе Сибири 2», хотя рядом с ним на трибуне сидел заместитель председателя КНР Хань Чжэн. Президент РФ лишь от-

метил, что «мы выходим на проектную мощность по поставкам в КНР» — речь шла о газопроводе «Сила Сибири», который действительно в 2025 году выйдет «на полку» в 38 млрд кубометров.

В Улан-Баторе Путин повторил уже сказанную им ранее во время последнего визита в Пекин фразу о том, что монгольский маршрут именно с точки зрения транзита в Китай не единственный и что тут могут быть варианты (намек и на старый проект «Алтай», и на маршрут через Северный Казахстан). Фактически теперь российская сторона закрепляет в своей публичной позиции тезис, что транзитного маршрута через Монголию может и не быть.

Интересно, что китайские СМИ со ссылкой на бывших монгольских чиновников активно обсуждали, что работы по инфраструктуре «Союз—Восток» не включены в официальные планы развития Монголии до 2028 года (а затем этот сюжет подхватили и российские медиа). В реальности речь шла о том, что труба не попала в список объектов, которые Монголия намерена финансировать самостоятельно. Поэтому все же не маршрут является главной проблемой «Силы Сибири 2». Главное затруднение в том, что Китай не соглашается на российские предложения по цене на газ, считая, что в текущей ситуации он может получить еще более выгодную для покупателя формулу (чуть ли не ведущую к внутрироссийским ценам). В сценарии прекращения или сокращения поставок СПГ по политическим причинам в Пекине пока особо не верят.

Именно поэтому во время визита Путина в Монголию сюжет о транзите газа в Китай превратился в разговоры о поставках газа в Монголию. Путин прямо сказал: «Речь идет не просто о транзите российского газа через Монголию. Рассматривается возможность поставок этого топлива и для монгольских потребителей. «Газпром» готов оказать необходимую поддержку в практических вопросах газификации страны».

Однако российские предложения относительно дешевого газа и газификации Монголии звучат не слишком убедительно. Ведь Монголия — это страна с населением всего 3,4 млн человек, потребление газа в которой сегодня практически отсутствует. А перевод угольных станций на газ будет сталкиваться с проблемой организации спроса на монгольский уголь, добыча которого является важной частью экономики Монголии.

Митрофанова А.В.
(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Финансовый университет при Правительстве РФ)

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕТЕВОГО ПОДХОДА*

Выступление рассматривает проблему формирования субъектности российского общества в качестве необходимого условия равноправного политического диалога с государством. Носителем субъектности являются социообразующие структуры, размещающиеся между первичными коллективами (семьями, дружескими кружками), и государство, создающее независимую среду, обладающую собственными ценностями и позицией. Социообразующие структуры выступают в качестве носителя общественной субъектности, обеспечивая диалог с государством и корпорациями, а также противостояние деструктивным объединениям, разлагающим субъектность общества.

На протяжении XX в. в России происходило форсированное, неестественное разрушение традиционных социообразующих структур: семьи, религиозных и других общин, связанных территорией или общностью происхождения. Аналогичный процесс в окружающем мире шел естественным путем отмирания традиционных структур в ходе модернизации, что оставляло возможность выживания их анклавов и рудиментов. При постепенном демонтаже структур традиционного общества на их место приходили новые: если принадлежность к первым человек обычно наследует по факту рождения, то вторые создаются добровольно и сознательно на основе общих интересов или ценностей. Традиционные структуры иерархичны и основываются на территориальной или кровной близости, новые внутритерриториальны и построены по сетевому принципу (по этой причине их эволюция зависит от технологических достижений в сфере коммуникаций).

Субъектность общества сохраняется за счет того, что на смену ушедшим структурам социальности (семья, приход, гильдия) приходят новые (партия, профсоюз, клуб, кооператив и др.). С помощью новых структур отдельный человек получает возможность накопления собственного капитала социальных связей, не зависящего от семейного наследия. Хотя роль государства в развитых странах на протяжении XX в. постоянно возрастала (вплоть до неолиберального поворота 1970-х), оно не смогло вытеснить общество из политической коммуникации, так как между ним и гражданами постоянно находилась прослойка промежуточных социообразующих структур.

* Публикация подготовлена в рамках госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 год по теме «Сетевой подход к выстраиванию общественных и политических коммуникаций» (рег. номер 124081500017-9) при поддержке Минобрнауки России и ЭИСИ.

Советская политика модернизации не оставила возможности рудиментарного сохранения структур, а также ценностей, на основе которых они существовали. Физически население страны было перемешано, ранее связанные между собой сообщества дисперсно расселяли по стране, постоянно перемешали, препятствуя формированию новых традиционных структур. Постепенно традиционные социообразующие структуры были устранены, но на их место не пришли структуры альтернативной социальности. Вместо этого вся социальная (не говоря о политической) активность людей была замкнута на государство. Поэтому когда государство полностью забросило регуляцию социальной активности (примерно 1990–1995 гг.), общество полностью прекратило существовать как субъект и распалось на массу атомизированных индивидов.

Выступление ставит проблему восстановления разрушенных структур внегосударственной солидарности и полноценной субъектности общества, которая даст ему возможность принимать равноправное участие в политическом диалоге с государством и корпорациями. Реставрация традиционных структур социальности оценивается как невозможная. Восстановление среды, способной продуцировать и выражать общественное мнение, связывается с развитием сетевых структур, неиерархических и внетерриториальных, которые создают социальность как таковую и формируют общество как независимый самоуправляемый субъект.

Михайленко В.И.
(Екатеринбург, УрФУ)

МИНИЛАТЕРАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ: КОНЦЕПЦИИ И ВЫЗОВЫ*

Основная цель минилатерального соглашения состоит в том, чтобы использовать наименьшее количество участников (до пяти) для достижения максимального воздействия на решение проблем при формировании группы. В рамках минилатеральных соглашений важное место занимают «традиционные и «нетрадиционные» угрозы безопасности». Этот подход подразумевает построение сложной и гибкой сети союзов и партнерств между странами, разделяющими общие интересы вместо того, чтобы полагаться исключительно на один крупный альянс или договор — или на классическую альтернативу двусторонности. Они заполняют пробелы в региональном сотрудничестве и выполняют роль «мультипликаторов силы» посредством создания коалиций. США являются основным, но не единственным актором в минилатеральных структурах региона.

Для реализации своих стратегических интересов в соперничестве с Китаем в регионе США используют модели минилатерализма «союз спиц в ступице» (*hub-and-spokes alliance model*) и «решетчатую конструкцию» (*latticework*)¹.

Пекин также учредил ряд минилатеральных соглашений. Одним из таких примеров является объявленное в 2015 г. Ланьцанцзян (Ланьцан)-Меконгское соглашение (*Lancang-Mekong Cooperation*) о сотрудничестве между шестью странами Китая, Камбоджой, Лаосом, Мьянмой, Вьетнамом и Таиландом².

В 2020 г. США инициировали Партнерство «Меконг-США», которое официально ставит целью создание комплексного субрегионального сотрудничества без Китая, но с теми же самыми государствами, что и китайская инициатива³.

Для средних и малых государств минилатерализм является достаточно эффективным инструментом осуществления традиционной для них политики «свингирования», «хеджирования», «бамбуковой дипломатии» для обеспечения национальных интересов.

Автор рассматривает минилатеральные соглашения с участием средних и малых государств региона.

В Индо-Тихоокеанском регионе минилатеральные соглашения дополняют архитектуру безопасности наряду с такими многосторонними институтами, как АСЕАН. Среди недостатков минилатеральных соглашений можно отметить необязательность исполнения их решений. Минилатеральные соглашения чувствительны к политической турбулентности в странах-подписантах.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда: проект № 24-28-01710 «Процессы регионального строительства и экономической интеграции в Азии в условиях конкуренции великих держав».

¹ Михайленко В.И. Индо-тихоокеанская стратегия США при администрации Дж. Байдена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 230–243. DOI: 10.17223/1998863X/80/21.

² Joint Press Communiqué of the First Lancang-Mekong Cooperation Foreign Ministers' Meeting, 2015. November 12, 2015. URL: http://www.lmchina.org/eng/2015-11/12/content_41449862.html.

³ Mekong-U.S. Partnership. URL: <https://mekonguspartnership.org/>.

РЕГИОНАЛИЗМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТАХ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РФ

Проблема глобального управления после окончания холодной войны вызвала обсуждение роли региональных институтов в решении вызовов безопасности и дальнейшей роли ООН. Переосмысление роли ООН как многосторонней структуры, в которой стали участвовать не только региональные организации, но и различные политические и региональные группы, стало предметом исследования в начале XXI века.

Можно выделить три варианта применения термина «регионализм» в отношении ООН. В первом случае исследователи под регионализмом внутри ООН понимают деятельность пяти региональных групп: государств Африки, государств Азии, государств Восточной Европы, государств Латинской Америки и Карибского бассейна, государств Западной Европы и других государств. Вторым подходом предполагает рассмотрение разного рода групп в деятельности ООН (Laatikainen, Smith, 2020). Количество сторон, участвующих в переговорном процессе ООН, множится с каждым годом, поэтому ряд экспертов стали применять термин «группа» к любому объединению внутри многостороннего переговорного процесса в ООН. Динамика внутри групп рассматривается как социальный процесс выстраивания взаимодействия внутри групп. Важной является оценка влияния групп на обсуждения и решения ООН посредством анализа возможности влиять на правила ООН, сплоченность, размер и ресурсы группы, социальные ресурсы и др. Группы ООН: региональные группы (пять региональных групп ООН), региональные/международные организации; региональные и межрегиональные политические группы, однопрофильные политические группы (*single-issue*). Третий подход, предлагаемый Д. Панке, С. Ланг, С. Штапель, А. Видеманн и А. Штаркманн (2017, 2020), формирует более комплексный подход к изучению действующих групп внутри ООН. Исследователи рассматривают переговорный процесс в ООН как многослойную архитектуру (*multi-layered institutional architecture*), в которой участвуют различные региональные акторы. Региональные акторы могут быть представлены региональными группами (РГ), которые включают региональные организации, участвующие в международных институтах, и региональными форумами (РФ), представленными менее формализованными коалициями в переговорном процессе. Исследователи полагают, что регионализация делает многосторонние переговоры более эффективными, поскольку сокращается количество позиций, озвучиваемых на заседаниях, когда национальные позиции объединяются в несколько РГ, в результате чего не каждому государству приходится выступать от своего имени. В этом смысле регионализация служит экономии времени, позволяя быстрее завершить международные переговоры.

В рамках ООН начинает работать все большее количество региональных комиссий для регулирования взаимодействия между региональными институтами и ООН. РФ стремится опираться на формирование устойчивой системы международных отношений, которая основана на международном праве, принципе всеобщей, равной и неделимой безопасности, без разделительных линий и без опоры на блоковую систему. Важным форматом взаимодействия для РФ может стать региональный формат, например, формирование общей позиции в рамках ОДКБ, Союзного государства, БРИКС. Можно согласиться с Первым заместителем Постоянного представителя РФ при ООН Д.А. Полянским (2024) в том, что институтов, где должны обсуждаться вопросы ядерного нераспространения и разоружения (ОК ДНЯО, Первый Комитет ГА ООН, КР), достаточно, тем не менее эти универсальные институты становятся сложным местом для непосредственной выработки решений консенсусом. Предварительное согласование позиций основных игроков в рамках региональных и межрегиональных институтов позволило бы более прагматично и взвешенно отстаивать свои позиции. Регионализация внутри международных институтов будет продолжаться. Для РФ важно выработать свою систему региональных и межрегиональных взаимодействий для усиления собственной позиции.

Михайленок О.М.
(Москва, ИС ФНИСЦ РАН)

АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ОНТОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ*

Развитие коммуникационной инфраструктуры (СМИ, Интернет) в последние десятилетия на фоне сетевизации политических отношений неизбежно привело к изменению характера, форм и содержания взаимосвязей между субъектами. Это делает актуальным применение сетевого подхода для анализа коммуникативного потенциала социально-политических субъектов и возможных форм коммуникаций между ними. В основе коммуникаций лежат политические отношения, структурирующие субъектность коммуникантов посредством обмена между ними информацией.

Сетевая теория получила признание и стала активно обсуждаться в академическом сообществе во многом благодаря усилиям М. Кастельса, Б. Велмана, Р. Коллинза. Теоретическая составляющая сетевого подхода включает два исследовательских направления: это так называемая социально-сетевая теория М. Кастельса и акторно-сетевая теория Б. Латура. Сетевой взгляд на коммуникацию предполагает акцент именно на втором направлении, поскольку в этом случае предполагается межличностное взаимодействие коммуникантов между собой. Актуализируется задача выявления определенных фундаментальных черт онтологии АСТ в контексте ее глубинного содержания, сводящаяся, по сути, к онтологии ее объектов (объектно-ориентированная онтология) как базиса для создания очередной социальной теории. Рассмотрение основных онтологических категорий и концептов АСТ — актор — субъект, актор — сеть, отрицающая сводимость/несводимость объектов друг к другу, и редукция, гибридность онтологических объектов, предполагающие несводимость их к тому или иному онтологическому полюсу — человеческому и социальному, позволяют говорить о том, что все объекты латуровской теории являются онтологически однопорядковыми. Речь фактически идет о «плоских онтологиях», которые становятся интеллектуальным мейнстримом современности, предполагающим постоянную эволюцию их объектов — актора, актанта, потока, сети, сообществ и ассоциаций.

Возникающие между субъектами — акторами коммуникации и связи детерминируются посредством сети, которая играет роль не только инструмента, помогающего описывать субъектность взаимодействующих между собой объектов, но и технологии организации социальности. Все это позволяет говорить о том, что в основе всего, что существует, действует, и в той мере, в какой действует, лежит сетевая логика. Возможно, следует говорить о том, что новая глобальность мира — это не его унификация по либеральной модели, а постоянно эволюционирующая сеть отношений и действий между людьми как субъектами. То есть универсальную системность следует искать в отношениях между людьми как актантами-субъектами. К этому следует добавить то, что субъектами-«акторами» или «актантами» могут быть не только люди как интенциональные сущности, но и вещи (не-человеки) как неинтенциональные сущности как полноправные действователи, способные на осуществление трансформаций и оказывающие побуждающее действие на других интенциональных акторов. В результате этого появляется реальная возможность по-новому описывать политические феномены — отношения, субъектность, суверенитет, полюс, политика, взаимодействие, коммуникация, — не сводя их к априори заданной онтологической системе.

В сетевой теории политика, политическая реальность, политические отношения непосредственно не являются предметом анализа. Им становится человек, а не априори созданные социальности, детерминирующие его в том или ином качестве. Политическое нужно рассматривать, исходя из субъективного мира человека, погруженного в отношения с другими интенциональностями и неинтенциональностями. Понять, что собой представляет современное общество в политическом аспекте, призвана такая дисциплина, как политология. Несмотря на существенные изменения в политической науке, как и раньше, актуальным остается поиск ответа на дискуссионный вопрос о ее специфике, которая базируется на природе политического. Очевидно, что его следует искать в отношениях не только между людьми, но и в отношениях между людьми и природой.

Можно говорить о том, что латуровская АСТ дает исследователям новые перспективные основания и инструменты для анализа политических процессов, которые исключают традиционные абстрактные системные социально-политические конструкции, не дающие ответа на большинство социальных и политических вопросов современности. В целом, как показывают дискуссии по данной теме, обновление политической науки в связи с онтологией сетевой теории (которая на первый взгляд сама

* Публикация подготовлена в рамках госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 год по теме «Сетевой подход к выстраиванию общественных и политических коммуникаций» (рег. номер 124081500017-9) при поддержке Минобрнауки России и ЭИСИ.

по себе достаточно проблематична) включает в себя выяснение того, что такое политика, политические отношения, политическое действие, политический потенциал, язык политики, политическая коммуникация, политическое взаимодействие и т.д.

Михайлов А.В.
(Красноярск, Сибирский государственный университет науки
и технологий имени академика М.Ф. Решетнева)

ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ВНУТРИРОССИЙСКОГО ТУРИЗМА И ПРОДВИЖЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ КАК ФОРМАТ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Внутренняя политика России, как следует из ряда официальных определений, базируется на реальных потребностях людей. Они же основываются на Конституции, в частности: права и свободы человека и гражданина являются приоритетом и абсолютно действуют на территории государства, все равны перед законом и судом и т.д. Подчеркиваются правовые, социальные, экономические функции внутренней политики.

Туризм же как вариант досуговой активности гражданина в Российской Федерации и форма реализации прав не предполагает, как может показаться, никакой особенной и самостоятельной политической значимости. Ср. цитату из послания Президента России Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года: «Мы все, граждане России, будем вместе защищать нашу свободу, право на мирную и достойную жизнь, сами и только сами определять свой путь, беречь связь поколений, а значит, непрерывность исторического развития, решать те задачи, которые стоят перед страной, исходя из нашего мировоззрения, наших традиций, верований, которые мы передадим своим детям». В этой развернутой цитате нет упоминания о досуговой деятельности, рекреации, тем более о внутреннем российском туризме. Но и ожидать напрямую именно этого и не стоит, ведь те традиции, верования, мировоззрение, которые может человек передать своим детям и далее, сначала должны быть им усвоены и приняты, поняты, закреплены в его мировосприятии.

Современное положение Российской Федерации относительно организации туристической деятельности обладает яркими специфическим чертами, имеющими происхождение как советское, так и приобретенными в постсоветский период. Выездной турист в СССР, как правило, обладал большей социальной ценностью, а собственно тур за границы государства воспринимался как некое признание заслуг персоны. Подобное отношение и оценка внутреннего и выездного туризма со стороны официальных структур породило и завышенную оценку внешнего, и недооценку внутреннего туристического продукта.

Для целей исследования политической значимости и относительной ценности внутрироссийского туризма как фактора внутренней политики полезно, как представляется автору данного текста, в первую очередь, включить досуговую активность и туризм в ее составе, как одно из прав гражданина на перемещение внутри и вне страны, в перечень направлений внутренней политики.

Данное обстоятельство становится все более актуальным в ситуации постепенного ограничения возможностей внешнего туризма после начала 2010-х годов, особенно же после февраля 2022 года.

Необходимо признать ценным и важным процесс познания гражданами страны ее географических, природных, промышленных, человеческих, культурных и иных особенностей. Собственно, подобный процесс активно и осуществляется и поощряется через реализацию проектов территориального брендинга в России.

Среди приемов, позволяющих популяризировать среди граждан России ее территории как туристические дестинации: организация мероприятий различного масштаба и направленности (культурные, спортивные, научные, промышленные), обеспечение присутствия в медиапространстве тематики привлекательности внутреннего туризма и привлекательности его отдельных аспектов (доступность, безопасность, культурная наполненность, патриотичность — «российские деньги работают внутри страны», развитие российской инфраструктуры, стимулирование российской экономики — «рубль в туристический бизнес приносит пять рублей в других отраслях» и т.п.).

Важным приемом становится применение технологии влияния «лидеров общественного мнения»: во внутреннем туризме участвуют медийные персоны, «лица, принимающие решения».

Интересные приемы используются и за рубежом России, и ими можно и нужно творчески воспользоваться. В частности, развитие автомобильного туризма в США подтолкнуло бурный рост автомобильного туризма в Западной Европе, а в Европейском союзе машина дает свободу выбора пути и ощущение независимости. Развитие автотуризма очевидно способствует укреплению семьи, дружеских связей в небольших сообществах. Инфраструктура сервиса неизбежно будет развиваться интенсивнее, как и качество дорог. Совершенствование автомобильных дорог идет параллельно развитию

инфраструктуры и туристических дестинаций — отельного бизнеса, экскурсионного обслуживания, конкуренции в повышении привлекательности территорий.

Особенно важны специальные PR-технологии, позволяющие по-новому взглянуть на внутренний туризм как отрасль внутренней политики. Речь о профессиональных конкурсах, либо полностью сосредоточенных на проблематике туризма (например, Фестиваль геобрендов «Земля открытий»), либо имеющих номинации в продвижении территорий: «Серебряный Лучник», «РУПОР» и др.

Михайлов И.В.
(Тамбов, ТГУ)

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ГЛОБАЛЬНАЯ НАТО ИЛИ СИСТЕМА ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема международной безопасности будет оставаться одним из главных вопросов международных отношений до тех пор, пока в мире существуют суверенные государства. Европейская безопасность — важная составляющая безопасности мировой. В XX веке попытки решения проблемы европейской безопасности привели к двум мировым войнам. А во время холодной войны, в период советско-американского противостояния, именно Европа была главным «фронтом», где определялся и, в целом, определился исход соперничества двух сверхдержав.

После прихода к власти в Советском Союзе Михаила Горбачева СССР отказался от «Доктрины Брежнева» и в целом от политики в области безопасности, проводимой Советским Союзом после окончания Второй мировой войны. В качестве альтернативы «Доктрине Брежнева» Горбачевым была актуализирована идея построения «общеввропейского дома».

Итогом этой политики стало появление новой архитектуры европейской безопасности. Объединенная Германия остается в НАТО, Советский Союз сокращает свою сферу влияния, но Альянс в будущем не будет двигаться к его границам. Так, по задумке авторов, должна была выглядеть архитектура европейской безопасности, объединяющая обе стороны, противостоящие друг другу в холодной войне.

Администрация Клинтона, пришедшая в Белый дом после окончания холодной войны, стала исходить из того, что после распада Советского Союза США остались единственной действительно мировой державой (A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. Washington, D.C., July, 1994). Отсюда и практические действия. В Вашингтоне был взят курс на расширение созданной на Западе за годы холодной войны структуры безопасности на Центральную и Восточную Европу. Прежде всего, это касалось расширения НАТО на Восток.

По американскому замыслу помимо НАТО к строительству новой архитектуры европейской безопасности должны привлекаться и другие организации и институты. Это, прежде всего, Европейский союз и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Но ОБСЕ выступает уже не в роли стержня всей европейской структуры безопасности, как было обещано советским руководителям в ходе переговоров по объединению Германии, а только в качестве вспомогательного инструмента.

Понимали на Западе и проблему России. С одной стороны, стремление институционально «привязать» Россию к изменяющейся архитектуре европейской безопасности, сделав ее ответственным членом новой структуры, с другой стороны, недопущение Москвы к механизму принятия решений. Россия присоединяется к программе НАТО «Партнерство во имя мира». Но Россия получает твердое «нет» на все свои предложения каким-либо образом остановить или хотя бы отсрочить продвижение Альянса к российским границам.

Успешное расширение Североатлантического альянса рождает идею «глобальной НАТО» через построение сети партнерств во всех регионах мира. НАТО как модель глобальной безопасности. После Центральной и Восточной Европы предполагалось двигаться дальше на Восток: Украина — Белоруссия — закавказские республики. Интеграция Украины в западные структуры безопасности должна была способствовать двум целям: 1) стратегическому переходу альянса от обороны Европы к созданию новой платформы для более тесного сотрудничества США и Европы в борьбе с нестабильностью и угрозами, исходящими из Центральной Азии, Кавказа и Большого Ближнего Востока; 2) Украина становится инструментом влияния на Россию.

Специальная военная операция, начатая Россией в феврале 2022 года, стала попыткой сломать негативный тренд в области обеспечения национальной безопасности, сложившийся для нашей страны после окончания холодной войны и распада СССР. 14 июня 2024 года на встрече с руководством МИД России президентом РФ Владимиром Путиным была дана характеристика системе евразийской безопасности, которая, по мнению президента, должна прийти на смену евро-атлантической, западной, системе безопасности, на протяжении последних десятилетий, служившей фундаментом европейской

архитектуры безопасности (Президент провел встречу с руководством Министерства иностранных дел Российской Федерации 14 июня 2024 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74285>). Евро-атлантическая система безопасности не смогла справиться с вызовами XXI столетия, вследствие чего и начался украинский конфликт. Несмотря на очевидные свидетельства краха, созданной после окончания холодной войны европейской архитектуры безопасности, западные правящие элиты продолжают курс на расширение этой системы на остальные ключевые регионы мира. По их мнению, НАТО должна стать глобальной. В противоположность этому российский президент предложил схему евразийской безопасности, основным признаком которой должен стать принцип «равной и неделимой безопасности для всех».

Михайловская О.Г.
(Луганск, ЛГПУ)

КОНСТРУИРОВАНИЕ МАКРОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: БОРЬБА ЗА ЗНАЧЕНИЯ И БУДУЩЕЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ

Процесс политического самоопределения личности — один из ключевых механизмов, определяющих политическое развитие общества. Важнейшей составляющей данного процесса является политическая самоидентификация, позволяющая человеку осознать собственные интересы и определить свое место в политической системе.

Одним из важнейших направлений современной государственной политики является формирование коллективной национальной или наднациональной идентичности. Этот процесс играет ключевую роль в укреплении политических систем и легитимации власти, создавая общие цели и ценности, объединяющие граждан.

Особенно значимой задачей в многонациональных государствах, таких как Россия, является создание общего пространства социальной коммуникации для людей с различными культурными и политическими взглядами. В этом процессе особую роль играют культурные и социальные традиции, которые выступают основными инструментами формирования макрополитической идентичности.

Исследование формирования макрополитической идентичности как фактора стабилизации многонациональных сообществ становится одной из актуальных задач современной политической науки. Исследование формирования макрополитической идентичности как фактора стабилизации многонациональных сообществ становится одной из актуальных задач современной политической науки. Вопросы национальной идентичности, а также роль культуры и государства в ее формировании глубоко изучены в работах О. Гаман-Голутвиной, И. Семененко, С. Аكوпова, З. Жаде, О. Малиновой, Е. Мелешкиной, М. Мчедловой, С. Хантингтона, Ж. Деррида, И. Нойманна и др. Тем не менее, учитывая множество факторов, влияющих на формирование политической идентичности, а также ее изменчивую природу, данный феномен требует постоянного научного мониторинга.

В Российском государстве ярким примером формирования гражданской идентичности стала концепция «Российской нации», закрепленная в Стратегии государственной национальной политики. Эта концепция направлена на интеграцию различных этнических и религиозных групп в единое гражданское сообщество.

Формирование макрополитической идентичности — это сложный процесс, требующий согласования интересов различных социальных групп. В России важным шагом в этом направлении стала инициатива по развитию общественных институтов через президентские гранты. Эти гранты поддерживают проекты, направленные на развитие гражданского общества, что способствует вовлечению граждан в политические и общественные процессы.

Модель гражданской идентичности основывается на ценностях, связанных с такими понятиями, как Отечество, Родина, общество, государство и страна. Ключевым аспектом этой модели является создание гражданской идентичности на базе общих моральных и нравственных ценностей, гражданской ответственности и солидарности. Это является важным условием для интеграции российского общества, при этом стремясь сохранить связь с этническими и религиозными корнями.

Государственная политика, направленная на создание макрополитической идентичности, строится на стратегиях укрепления национального единства и консолидации. Примеры таких стратегий можно увидеть в ряде государственных документов России: «Стратегия национальной безопасности», «Стратегия государственной национальной политики» и других. Эти документы подчеркивают важность формирования общегражданской идентичности, основанной на общих ценностях. В частности, «Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 года» акцентирует внимание на необходимости предотвращения конфликтов на этнической и религиозной почве, предлагая меры по укреплению межэтнического согласия и социального взаимодействия.

На сегодняшний день эта модель формирования макрополитической идентичности является преобладающей и рассматривается как практически осуществимый проект государственной политики идентичности. Важнейшим направлением этого проекта является разработка консолидирующей национальной идеи, которая может служить фундаментом для развития общества и укрепления политической идентичности. Так, в Посланиях Президента Федеральному Собранию неоднократно поднимался вопрос укрепления единства и солидарности нации через поддержку таких ценностей, как патриотизм, гражданская ответственность и уважение к культурному многообразию народов России.

Эффективная политика идентичности требует комплексного подхода: стратегического планирования, создания модели макрополитической идентичности, определения приоритетов общественного развития, а также поддержки институтов гражданского общества. Укрепление социальной солидарности и вовлечение граждан в решение общественных проблем — важные элементы этой политики, создающие прочную основу для политической стабильности в условиях глобальных вызовов.

Таким образом, формирование макрополитической идентичности — это не только вопрос национальной безопасности, но и необходимое условие для успешного развития государства в современных условиях.

Мордовцева Т.В.
(Владивосток, ВВГУ)

ОБРАЗ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СУВЕРЕННОСТИ*

Технологическое будущее России выступает методологически значимым концептом национальной технологической инициативы как долгосрочной государственной программы, стимулирующей перспективный выход российских компаний в топ мировой экономики. Условием реализации данной программы является создание отечественной инновационной экосистемы, способной предугадывать и опережать тенденции технико-экономического развития. Фактором, способствующим развитию инновационной экосистемы в условиях взрывного технологического роста, становится актуальная модель принятия государственных решений в сферах науки, экономики и образования, которая способна учитывать отсроченные перспективы трансформации технико-экономического баланса социума.

Будущее России охватывает всю широту представлений о ней, как о типе цивилизации и уникальной культуре, оказывающей влияние на мировые процессы, что находит отражение в таких программных документах, определяющих перспективы развития нашего государства вплоть до 2030 года, как: «Основы государственной культурной политики» (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808, с изм. от 25 января 2023 г.); «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, с изм. от 25 января 2023 г.), «Концепция технологического развития до 2030 года» (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р) и др. нормативно-правовых актах. В этих документах впервые вводятся в нормативный оборот понятия о культурной суверенности, национальной безопасности, национальных приоритетах Российской Федерации, обуславливающих проведение научных исследований в смежных областях социально-гуманитарного и естественно-технического знания, что позволяет рассматривать технологическое будущее России не столько как эпизод научно-технического прогресса, сколько как закономерный этап общечеловеческой культурно-цивилизационной динамики.

Культурный суверенитет в свете актуального тренда, связанного с преодолением рисков геополитического давления в условиях кардинальных технологических изменений, провозглашает интровертный — черпающий ресурсы из самого себя, — путь развития, который позволяет избегать внешнюю зависимость и сохранять устойчивость по отношению к деструктивному информационному воздействию. Поиск внутренних ресурсов культурного самообеспечения ведет к возрождению традиционных ценностей, идеалов и смыслов, составляющих цивилизационное ядро современного российского общества. В этой связи «полнота культурного суверенитета» заключается в формировании национально-ориентированной культурной среды, возрождающей гуманистические идеалы свободы человека на самоопределение, т.е. гражданскую идентичность, в том числе, в чуждой и агрессивной среде. Полнота и завершенность культурного суверенитета невозможна без осознания своей идентичности как само-

* Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально-экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта № FZUG-2024-0005 «Образ технологического будущего России: цивилизационные основы проектирования и реализации» при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

бытного субъекта. Поэтому необходимость защиты культурного суверенитета осознается только субъектом, идентифицирующим и выделяющим свое цивилизационное «лицо» из образа коллективного мира, в том числе, недружественного коллективного цивилизационного типа, будь то «Запад» или «Восток». Гуманистический характер технологического будущего России способен не только обеспечить устойчивое и динамическое развитие самобытной русской культуры и соответствующего ей многонационального типа цивилизации, но и сберечь от разрушения само ядро общечеловеческих традиционных ценностей. Именно в интеграции технологических практик и культурных ценностей, гуманистических идеалов и принципов уникальной природы человеческого бытия на планете Земля возможно будущее с человеком и для человека.

Цивилизационная субъектность России сформировалась на основе таких «столпов», как русский язык, православие, русская художественная литература, уникальный исторический опыт многонационального соседства, межконфессиональные браки и полинациональный семейный уклад. Все это привело к формированию особого культурно-цивилизационного фрейма — «русской идеи», ставшей своеобразной идеологией и ментальным геномом российского общества в прошлом и настоящем. Поэтому вектор будущего развития должен определяться этой фундаментальной «русской идеей», которая не является случайным изобретением государственной политики или заимствованной, навязанной извне «прогрессивной» концепцией, она олицетворяет собой то неразрушимое ядро, которое отвечает за идентичность как форму самосохранения субъектности. И человек, и общество, и культура, и цивилизация, и государство, и государственная власть, и образованные ей институты только тогда имеют перспективы в будущем, когда они в настоящем обеспечат свое существование как суверенные субъекты.

*Морозов С.И.
(Волгоград, ВолГУ)*

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЮ «ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА РФ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

Электронные средства связи, а также ИКТ достаточно быстро вошли в жизнь людей и на сегодняшний день используются во всех сферах жизни общества: в науке и образовании, в социальных структурах и культуре, в экономике и государственном управлении. На данный момент в стране реализуется федеральный проект «Цифровое государственное управление», направленный на достижение национальной цели «Цифровая трансформация», которая определена указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Целью проекта является увеличение социально значимых услуг, доступных в электронном виде до 95% к 2030 г. Однако актуальным, на наш взгляд, остается вопрос, насколько такой уровень «цифровой доступности» отвечает требованиям кибербезопасности, защиты персональных данных. Более того, важность ответа на это вопрос усиливается в связи с усложняющейся внешнеполитической обстановкой вокруг Российской Федерации, усилением внеправового воздействия со стороны недружественных стран.

Анализ содержания современных научных исследований цифровых технологий в системе государственного управления, акцентирующий внимание на различных сторонах данного явления, позволяет их сгруппировать в несколько основных тематических направлений. В первом приоритетном направлении научно-теоретического анализа обосновывается функциональная сторона процесса цифровизации взаимодействия государства и общества. Второе направление акцентирует внимание на политических технологиях как заведомо эффективной системы целенаправленных действий, обеспечивающих достижение заданного политического результата в сфере формирования и развития системы цифровой политической коммуникации государства и гражданина. Идея третьего направления заключается в обосновании политической целесообразности цифровизации избирательных кампаний и политического участия граждан в ситуации выборов Президента или депутатов Государственной Думы РФ.

Так или иначе, сходство указанных подходов позволяет интерпретировать деятельность органов исполнительной власти как «обучающихся организаций», реагирующих на потребности граждан, которые, в свою очередь, способны влиять на государственную бюрократию с помощью быстрых со-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, Экспертного института социальных исследований в рамках проекта FZUU-2024-0005 «Участие в выборах как семейная традиция: ресурсы института семьи и векторы мобилизации гражданской активности современной российской молодежи».

вокупных механизмов обратной связи, таких как электронная почта, онлайн-дискуссионные форумы и интерактивные веб-сайты. Например, «Электронное правительство» не обязательно требует большего участия общественности в формировании того, как предоставляются услуги, а вместо этого косвенно приносит пользу гражданам за счет повышения эффективности и экономии средств, снижения внутренних организационных трений, главным образом при автоматизации рутинных задач.

За счет унификации и масштабирования информационных сервисов государственный сектор РФ все более переходит на современные информационные технологии (блокчейн, искусственный интеллект, интернет вещей, робототехника и др.). Очевидными преимуществами использования политических технологий развития системы «Электронного правительства» в РФ первоначально выступили: рост качества мониторинга эффективности управленческого воздействия отечественных властных структур и обеспечения контроля деятельности промежуточных и низовых звеньев государственного аппарата, повышение легитимности политической власти через формирование ее открытости к запросам российских граждан. В оценках населения система «Электронного правительства» позволила повысить качество предоставления государственных услуг посредством повышения скорости информационного обмена и автоматизации процессов обработки информации, а также привело к сокращению сроков оказания услуг, исключению избыточных административных процедур, снижению финансовых издержек граждан и государственных структур.

Однако принимая во внимание события, связанные с глобальными геополитическими трансформациями, кризисом архитектуры международной безопасности, масштабными международными санкциями в отношении России со стороны ряда недружественных стран, необходимо вновь поднять вопрос не только о целесообразности подобной «цифровой открытости» личности, общества и государства. Является ли достаточной безопасностью персональных данных граждан; серверного и телекоммуникационного оборудования; цифровых профилей населения, органов власти и управления; финансовых активов РФ и российских граждан за рубежом в контексте усиливающихся киберугроз (DDoS-атак, хищений персональных данных, денежных средств и т.п.)? На этот вопрос обновленной суверенной российской политике предстоит дать соответствующий адекватный ответ.

Морозова С.С.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

На сегодняшний день Российское государство сталкивается с беспрецедентным количеством вызовов: геополитическая турбулентность и накопление глобальных противоречий, гибридная война с коллективным Западом, экономические санкции и прочее. Значительные обороты по своему масштабу и влиянию в условиях цифрового и, в особенности, информационного империализма приобрели некинетические методы войны, направленные на контроль над сетевым пространством и общественным сознанием российских граждан. Глобальные цифровые империи — крупнейшие транснациональные цифровые компании, такие как *Google*, *Microsoft*, *Amazon*, *IBM*, *Apple*, *Intel*, *Samsung* и др., играют на сегодняшний день значительную роль в формировании глобального информационного пространства и управлении цифровыми процессами в мировом сообществе. Эти компании обладают огромными ресурсами, передовыми технологиями и обширной пользовательской базой, что позволяет им оказывать существенное влияние на различные аспекты общественной жизни и экономики. В то же время ведущие мировые медиакорпорации (*Google*, *Walt Disney Corp.*, *CBS Corporation*, *News Corporation* и др.) и видеохостинги (*YouTube*) играют значительную роль в формировании глобального информационного пространства и общественного мнения, используя различные каналы распространения информации, что делает их мультимедийными конгломератами.

В современном политическом дискурсе все чаще встречается словосочетание «изменение смыслов», связанное с актуализацией и трансформацией многих процессов на международной арене и во внутренней политике нашей страны в процессе проведения СВО. Учитывая данные обстоятельства, особую значимость для обеспечения национальной безопасности России приобретают задачи поддержания социально-экономической стабильности; поиска и популяризации новой консолидирующей идеи; по формированию прочного национального цифрового суверенитета и обеспечению информационной безопасности населения.

История Российского государства насчитывает несколько политических и идеологических концепций, которые на протяжении ряда веков выступали в качестве консолидирующей общество идеи и определяли основные направления внутренней и внешней государственной политики. В Древней Руси в качестве такой концепции выступала теория монаха Филофея «Москва-Третий Рим» (первая половина XVI в.), в Российской империи — «Теория официальной народности» С.С. Уварова, в Со-

ветском Союзе — коммунистическая идеология. В истории современной России остро возросла необходимость поиска нового исторического пути и формирования новой идеи, способной сплотить российских граждан. Начало СВО и последующая реакция на нее международного сообщества выступили триггером к законодательному закреплению «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Сегодня «патриотизм, семья и история» являются ценностями, способствующими единению, сплоченности и солидарности граждан России. Подтверждением успешной реализации новой концепции являются рекордные по явке и поддержке В.В. Путина результаты выборов Президента России в марте 2024 г.

В достижении цифрового суверенитета Россия также добилась на сегодняшний день значительных успехов: в стране реализуются проекты по созданию национальной инфраструктуры связи, развитию инновационной экономической системы и отечественного ПО. Особого внимания заслуживает создание первой в России мобильной операционной системы «Аврора» компанией «Открытая мобильная платформа». Кроме того, в России постоянно совершенствуются законодательство в сфере защиты персональных данных и информационных систем, а также государственная политика по обеспечению информационной безопасности.

Тем не менее преобладание отдельных цифровых корпораций в глобальной экономике продолжает создавать серьезные вызовы национальному цифровому суверенитету России (формирование глобального цифрового коммуникационного пространства, экстерриториальность новых технологий коммуникации, влияние на общественное сознание и проч.). В свете вышеизложенных обстоятельств особую значимость приобретает задача разработки и внедрения комплексной стратегии, нацеленной на укрепление и защиту национального цифрового суверенитета. Данная стратегия должна предусматривать меры по развитию национальных цифровых технологий и инфраструктуры, а также по регулированию деятельности международных цифровых корпораций на территории Российской Федерации. Для успешной реализации такой стратегии необходимо наладить активное взаимодействие между государственными органами, представителями бизнеса и общественностью. Предложенные меры могут способствовать устойчивому развитию национального цифрового суверенитета России в условиях глобализации и цифровизации мировой экономики.

Морозова Е.В.
(Краснодар, КубГУ)

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ПИРАМИДЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ*

Политика развития сельских территорий рассматривается как нелинейный процесс, связанный с поиском и институциональным проектированием альтернативных возможностей развития, учитывающих многообразие смыслов и измерений социального благополучия. Нематериальные ресурсы развития — это «совокупность разноуровневых, многосоставных и полифункциональных компонентов нематериального характера, которые оказывают определяющее влияние на систему социальных и политических отношений и создают возможности для поступательного развития территориальных сообществ (местных и региональных)»¹.

Как показало эмпирическое исследование в Краснодарском крае в 2019–2024 годах (анкетирование, фокус-групповые и экспертные интервью в 19 сельских поселениях региона), комплекс исследуемых нематериальных ресурсов политики развития сельских территорий можно представить в виде пирамиды, в которой широким основанием, фундаментом, будут служить ресурсы первого порядка — локальная идентичность, человеческий потенциал и лидерство; второй ярус пирамиды составят ресурсы второго порядка — социальный капитал, институты развития; а на вершине пирамиды будут располагаться ресурсы третьего порядка — гражданская солидарность, доверие и субъективное благополучие.

Под человеческим потенциалом понимается совокупность качеств человека и общества, способных проявиться в благоприятных обстоятельствах или остаться скрытыми; они могут оказывать влияние на экономический рост и инновационное развитие государства и его отдельных территорий. Одним из интегральных показателей, позволяющих проводить оценку свойств населения, отражающим

* Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РНФ и КНФ в рамках конкурса 2021 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

¹ *Мирошниченко И.В.* Нематериальные ресурсы развития. Идентичность: личность, общество, политика. Новые конторы исследовательского поля: Колл. монография. М.: Весь Мир, 2023. С. 58.

уровень и возможности развития людей (*Human Development Index*). Краснодарский край с показателем 0,840 занимает 23-е место среди регионов РФ и сравним с Черногорией. При этом в «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период» отмечается, что Краснодарский край имеет высокий уровень конкурентоспособности и входит в число российских регионов-лидеров, являясь лидером Южного полюса роста. В 2022 г. регион занял третье место в России по уровню конкурентоспособности, уступая лишь Москве и Московской области. При этом с точки зрения глобальной конкурентоспособности край имеет системные проблемы в развитии человеческого капитала, инноваций и пространства.

Основные проблемы развития человеческого потенциала в сельских территориях Краснодарского края (они в разной степени типичны и с разной остротой проявляются в других регионах) заключаются в следующем: внутрирегиональные диспропорции по уровню доходов и образования; старение населения; недостаточный уровень профессионального образования; противоречие между потребностями рынка труда и структурой подготовки специалистов; кадровый голод в структурах, воспроизводящих человеческий капитал — образовании, медицине и культуре.

При разработке и продвижении стратегий развития сельских территорий необходимо учитывать их неповторимое историко-культурное и социально-экономическое своеобразие, но «объединяющим началом может быть идея ответственности за обеспечение управляемости и социально приемлемого качества жизни в условиях растущей сложности современных обществ, т.е. ответственная политика развития¹. Именно в рамках такой политики возможно решение названных выше проблем. Необходимо понимание высокой значимости ценности нематериальных ресурсов развития муниципальными лидерами и их командами, осознание необходимости включения своих уникальных ресурсов в программы развития сельских территорий.

Морозова О.С.
(Рязань, РГУ имени С.А. Есенина)

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ МИЛЛЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ

Методы Джона Стюарта Милля — метод сходства и метод различий — являются важными инструментами для исследования причинно-следственных связей и находят свое применение в политической науке, включая анализ избирательных реформ. Электоральные реформы представляют собой сложные политические процессы, которые могут быть вызваны множеством факторов, как внутренних, так и внешних. Для их анализа исследователи обращаются к различным методам, и методы Милля предоставляют логическую основу для выявления причин реформ, сравнивая разные случаи по ключевым признакам. Однако использование этих методов в изучении избирательных реформ имеет как свои возможности, так и ограничения.

Метод сходства Милля позволяет выявить ключевые факторы, которые могут способствовать проведению реформ в различных странах или регионах. Этот метод заключается в том, чтобы исследовать несколько случаев, где наблюдается один и тот же результат, и выделить общие элементы, присутствующие в каждом случае. В контексте избирательных реформ метод сходства может помочь понять, почему разные страны проводят реформы избирательной системы при наличии схожих обстоятельств. Например, если рассматривать реформы в Восточной Европе после распада социалистических режимов, можно заметить, что такие страны, как Польша, Чехословакия и Венгрия, провели реформы в ответ на схожие вызовы. Все эти страны пережили смену политической системы и стремились интегрироваться в международные демократические структуры, такие как Европейский союз. Метод сходства помогает выявить ключевые факторы, такие как внешнее давление или внутренняя демократизация, которые могут быть общими для всех этих случаев².

Метод различий, напротив, сосредоточен на анализе двух или более случаев, где в одном случае реформа произошла, а в другом — нет. Этот метод позволяет выделить единственное различие между случаями, которое может объяснить успех или провал реформы. В случае реформы избирательных систем использование метода различий для поиска уникальных причин позволяет объяснить различие в результатах.

Однако, несмотря на свою полезность, методы Милля имеют определенные ограничения в анализе избирательных реформ. Одним из основных ограничений является неспособность учитывать взаимо-

¹ Семененко И.С., Хайнацкая Т.И. Дискурсы о благополучии и реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим // Общественные науки и современность. 2022. № 5. С. 76–99.

² Protect Democracy. How electoral reform happens // Protect Democracy. 2023. URL: <https://protectdemocracy.org> (дата обращения: 07.09.2024).

действие множества факторов. Политические процессы редко обусловлены одной причиной, и в случае избирательных реформ необходимо учитывать множество взаимосвязанных переменных, таких как политическая культура, экономическое положение, международное давление и активность гражданского общества. Например, в случае провала реформы избирательной системы в Великобритании на референдуме 2011 г. было бы упрощением объяснить это только одним фактором. Помимо сопротивления со стороны консерваторов, на результат повлияли и сложность предлагаемой системы альтернативного голосования, и низкий уровень доверия к либералам после их участия в коалиционном правительстве. Методы Милля могут не справиться с анализом таких комплексных взаимодействий¹.

Еще одно ограничение метода различий заключается в том, что он требует сравнения почти идентичных случаев, чтобы выделить единственное различие. Однако в реальности политические контексты редко бывают идентичными, что затрудняет использование этого метода. Например, сравнение Великобритании и Канады может показать схожие политические системы, но исторические и культурные различия, а также различные политические условия могут сделать невозможным выделение одного единственного фактора, который объясняет различие в результатах реформ.

Метод сходства также сталкивается с трудностями в анализе, когда речь идет о множественности причин. Например, реформы в странах Восточной Европы после распада социалистических режимов были вызваны как внутренними, так и внешними факторами, такими как международное давление и экономические реформы. Метод сходства может показать наличие всех этих факторов, но не сможет выделить, какой из них был наиболее важным в каждой конкретной стране.

Наконец, методы Милля лучше работают для анализа одноразовых событий, тогда как избирательные реформы — это динамические процессы, которые могут занимать долгие годы и зависеть от многих переменных, меняющихся с течением времени. Например, в Великобритании обсуждения о реформе избирательной системы продолжаются десятилетиями и изменения зависят от множества факторов, которые меняются с течением времени. Методы Милля не всегда могут учесть эту динамику и последовательность изменений.

Морозова П.Е.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СКЛОННЫМИ ДОВЕРЯТЬ И НЕ ДОВЕРЯТЬ ВЛАСТИ

Объективно существующее и субъективно воспринимаемое неравенство неизбежно приводит к росту уровня социального напряжения. Доверие как нематериальный фактор общественного согласия может рассматриваться в качестве одного из наиболее эффективных механизмов поддержания устойчивости общественно-политической системы государства. Недоверие, в свою очередь, обладает серьезным дестабилизирующим потенциалом. Имманентно присутствуя, оно может разрушать связанность общества как на горизонтальном, так и на вертикальном уровнях — изолируя группы от общества и институтов власти.

Наиболее наглядный социальный разлом современного российского общества, напрямую связанный с нематериальным ресурсом доверия, — растущая дистанция между людьми, доверяющими и не доверяющими проводимой государством внутренней и внешней политике.

При первом приближении заметим, что подгруппы, образованные водоразделом доверия, характеризует наличие общих представлений и ценностей. Кроме того, у людей, одинаково доверяющих или одинаково не доверяющих, может быть схожий опыт и культурный и образовательный капитал. При этом может существовать и прямо противоположная ситуация — члены семьи, близкие друзья, коллеги либо одноклассники при схожих исходных социальных координатах могут обнаружить себя по разные стороны баррикад.

По всей видимости, зависимость есть, но она не линейна. Одна из причин состоит в том, что подгруппы людей, которые мы характеризуем через категории доверие/недоверие, не являются гомогенными и устойчивыми. Они есть не что иное, как воображаемые сообщества, продукты дискурсивного замыкания, существующие в моменте.

Солидаризация внутри и ожесточение снаружи — атрибуты антагонистического общественного противостояния, имеющего место, но замаскированного законодательным регулированием и значительными ограничениями свободы собраний и ассоциаций, митингов и протестов, свободы слова и независимости СМИ. Стремление вытеснить вербально выражающую недоверие политически ак-

¹ Pew Research Center. Views of electoral reform and direct democracy in 24 countries // Pew Research Center. 2023. URL: <https://www.pewresearch.org> (accessed: 07.09.2024).

тивную оппозицию из символического пространства, в сочетании с физической изоляцией активистов, свидетельствует об отсутствии стремления политического руководства к диалогу сообществ разных позиций на равных. Данный подход ограниченно конструктивен и выгоден только тактически, на короткой дистанции.

Принимая во внимание рискогенность сложившегося положения, выдвинем предположение о том, что фактически принципиальная глубина разлома в данном конкретном контексте невелика. Несмотря на существенные различия в видении и интерпретации прошлого, настоящего и будущего — группы продолжают сосуществовать мирно, намеренно избегая болезненных тем, изредка вступая в словесные перепалки. Однако при сохранении негативного тренда информационно-символического нагнетания вокруг различий существует вероятность трансформации конфликта в форму открытой конфронтации.

Очевидным образом, ключевая роль государства должна заключаться в том, чтобы держать баланс и обеспечить всем частям общества равные права на соучастие в выработке публичной политики. Наблюдая признаки реверсивного движения в этом направлении, научное сообщество совместно с институтами гражданского общества обязано приложить немало усилий на разработку программы формирования общенационального согласия на содержательно ином основании — платформе многообразия в самом широком из возможных пониманий.

Отметим, что с разных сторон уже предпринимаются попытки налаживания коммуникации между оппонировавшими группами. Политические ток-шоу и интервью знакомят аудитории с позициями друг друга, позволяют услышать аргументы противоположной стороны, взвесить собственные доводы. Не всегда диалог удается выстроить должным образом — взаимные оскорбления, манипуляции, навешивание ярлыков, общее место подобных дискуссий. На современном этапе урегулирования конфликта фрустрация — ключевая негативная эмоция.

Однако, несмотря на кажущуюся неприглядность данного процесса, следует признать, что в диалоге кроется лучший, хотя и не самый быстрый из возможных путей разрешения противоречий такого рода.

*Мохорова А.Ю.
(Санкт-Петербург, Политех Петра Великого)*

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ: ОПЫТ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Мировое сообщество в целом и каждое отдельное государство сталкиваются с необходимостью борьбы с террористическими угрозами, которые, несмотря на принимаемые меры, сохраняются, приобретают новые формы и содержание. Террористические организации зачастую распространяют свою деятельность на территории нескольких государств одновременно, что приводит страны к необходимости объединения для противодействия им.

Целью исследования выступает анализ деятельности Содружества Независимых Государств в сфере противодействия терроризму.

Методы исследования: общенаучные, формально-юридический и сравнительный анализ.

Содружество Независимых Государств (далее — СНГ), включающее в себя десять стран, расположенных на постсоветском пространстве, предпринимает разнообразные меры, направленные на противодействие терроризму, которые можно условно разделить на правовые и организационные.

Анализ правовой базы объединения позволяет выделить, во-первых, модельное законодательство, определяющее типовые нормы для стран-участниц: «О противодействии терроризму» (принят постановлением МПА СНГ № 33-18 от 3 декабря 2009 г.), Модельный Уголовный кодекс (принят постановлением МПА СНГ от 17 февраля 1996 г.), во-вторых, договорные и программные документы: Программу сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 гг. (Астана, 2022); Договор государств-участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (2021); Решение о базовой организации государств — участников Содружества Независимых Государств по исследованию проблем противодействия терроризму и иным проявлениям экстремизма (Минск, 2021) и др. Важным элементом правового регулирования в этой сфере выступают двусторонние соглашения государств.

Модельное законодательство СНГ создается с целью формирования общих типовых подходов к регулированию наиболее важных процессов. От того, насколько страны объединения единообразно подходят к установлению правовых требований, предписаний и ответственности за них зависит успех противодействия терроризму. Исследование действующего законодательства государств-участников

СНГ, направленного на борьбу с терроризмом, свидетельствует о том, что существуют определенные отличия, связанные с терминологическим аппаратом, позволяющим относить те или иные деяния к террористическим, характеристикой элементов состава преступления, срока давности за совершенное деяния. Такие различия требуют как совершенствования самого модельного законодательства и установления в нем более детальных положений, носящих императивный характер, так и внесения изменений в национальные акты.

С организационной точки зрения, в рамках СНГ созданы специальные структуры для борьбы с терроризмом, наиболее значимой из которых является Антитеррористический центр государств-участников СНГ, предназначенный для обеспечения координации взаимодействия компетентных органов государств-участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом. Проводятся совместные учения, тренировки, взаимодействие органов власти, обмен информацией.

СНГ осуществляет свою антитеррористическую деятельность, сотрудничая с другими региональными объединениями, в том числе с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). С одной стороны, это обусловлено составом участников, с другой стороны — схожестью проблем по противодействию терроризму.

В ОДКБ сотрудничество стран осуществляется в двух направлениях: оснащение государств-членов современным вооружением, боевой техникой, системами разведки и управления, связи, навигации и совместная боевая подготовка коллективных сил Организации.

В ШОС создана Региональная антитеррористическая структура ШОС (РАТС ШОС), которая обеспечивает координацию и укрепление взаимодействия компетентных органов государств-членов в указанной сфере; участвует в мероприятиях по региональной безопасности. С 2004 г. реализуется механизм регулярных встреч секретарей советов безопасности государств-членов, осуществляются совместные антитеррористические учения (например, «Мирная миссия»).

Таким образом, можно отметить, что в СНГ содержится значимый потенциал для борьбы с терроризмом, создана правовая основа для регулирования действий, подпадающих под характеристику террористических, сформированы специальные органы и созданы условия для их деятельности. Однако в связи с высокой диспозитивностью правовых установлений, различием правовых подходов в национальных документах, недостаточной координацией деятельности, требуются дополнительные мероприятия по усовершенствованию механизма противодействия терроризму.

*Мусина Р.И.
(Москва, МПГУ)*

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Современные вызовы для Российской Федерации, как внешние, так и внутренние, обозначили необходимость пересмотра стратегических подходов во многих сферах, в том числе и в образовании. В 2021 г. была принята «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», где в свете растущих внешних угроз были обозначены в качестве национальных интересов сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, поддержание гражданского мира и согласия в стране, развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России.

Среди угроз для государственной и общественной безопасности особый акцент делается на манипулировании сознанием в информационном пространстве, распространении недостоверной информации.

Именно молодежь становится чаще всего объектом недружественного воздействия. Современным молодым людям часто характерна некоторая «пресыщенность» информационным шумом: огромный и зачастую агрессивный поток информации просто «оглушает» молодого человека. Сокращение часов на изучение литературы, переход к ЕГЭ и различным формам тестирования не позволяют сформировать критическое мышление, что приводит, в свою очередь, к проблемам с оценкой информации. Например, часто имеет место отторжение официальных СМИ, телевидения, воспринимаемых как ангажированные, ведущие исключительно государственную пропаганду, а интернет-ресурсы, напротив, как «свободные», «независимые» и, соответственно, «достоверные».

Существуют и серьезные сложности с выбором информации, предоставляемой ресурсами, зарегистрированными в недружественных странах, где на первых позициях оказывается «Википедия», мало достоверная, но ангажированная, антироссийская. Отсутствие навыков оценки достоверности, а иногда и примитивная лень, препятствуют получению и использованию актуальной и верифицированной информации. К сожалению, родители не всегда могут, а чаще всего не хотят обеспечивать информационную безопасность своих детей.

Сегодняшние молодые люди существенно отличаются от своих сверстников десятилетней давности. Патриотизм уже не воспринимается как девиантность в молодежной среде. Но необходимо учитывать, что эти убеждения должны подкрепляться и развиваться. Нередко возможен диссонанс между патриотизмом молодежи и, мягко говоря, индифферентностью более старшего окружения.

Поколение современных родителей, сформировавшихся в 1990-е гг., зачастую демонстрирует политический нигилизм, абсентеизм, иногда — протестные настроения. Это может быть связано и с негативным, до недавнего времени, шлейфом советского опыта, слабо оформленными в постсоветской России отечественными политическими концепциями.

На патриотизме хотелось бы остановиться отдельно. В нашем понимании патриотизм — любовь к Родине — чаще всего связывается с нашей богатой, героической, хотя и противоречивой, историей. Теоретические знания из области политологии позволяют понимать и, следовательно, объяснять причины борьбы с памятниками и памятью в странах Прибалтики и Восточной Европы, искажения фактов. Ревизия истории Второй мировой войны может повлечь и пересмотр ее итогов, причем не столько территориальных, сколько ценностных — допущение оправдания нацизма, оценка Великой Отечественной войны только как идеологического противостояния двух тоталитарных систем, превращение освободительной миссии СССР в «оккупацию», что экзистенциально опасно. Для понимания причин происходящего необходимо именно политическое просвещение.

Но, чтобы развиваться, у цивилизации должен быть образ будущего, который должен быть понятен, приниматься всем обществом, объединяя его. Выражением образа будущего выступает государственная идея. Отказавшись от коммунистического идеала в 1990-е гг., России не предложили другой, объясняя это политическим плюрализмом, т.е. отказом от государственной идеологии. Но государственная идея и соответствующая идеология не означает признания одной из политических идеологий государственной, единственно допустимой. Возможно, образ будущего не был предложен, поскольку, с одной стороны, либерально-экономическая рыночная модель, скорее, средство достижения некоей цели. С другой стороны, материальный, потребительский образ будущего цивилизационно не соответствует российской традиционной системе, где преобладали духовные, а не материальные ценности. Но, чтобы сформировать понимание государственной идеи и уважительное отношение к ней, молодой человек должен познакомиться с теорией политической культуры, знать особенности идеологий, политические ценности.

В связи с этим вызывают озабоченность сокращение преподавания политологии, выведение политологии из блока обязательных дисциплин. Это влечет за собой отсутствие теоретической базы, позволяющей формировать собственную гражданскую позицию и эффективно противодействовать распространению экстремистских и протестных взглядов среди молодежи.

Муссенге Ф.М.
(Нижний Новгород, ННГУ)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С БРИКС: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ АНГОЛЫ

Республика Ангола является одним из динамично развивающихся африканских государств, чье конкурентное преимущество связано с природными ресурсами, в первую очередь нефтью и алмазами. Ангола обладает одними из крупнейших запасов нефти в Африке, что делает ее важным игроком на глобальном рынке энергоресурсов. В то же время среднегодовые темпы роста Анголы снизились с 4% в период 2010–2015 гг., до отрицательных (-0,66%) в период 2016–2022 гг., по расчетам авторов, выполненных на основе базы данных Показатели мирового развития Всемирного банка (*World Development Indicators*). Нестабильность мировых цен на нефть привела правительство Анголы к необходимости решения задачи диверсификации экономики, требующей зарубежных инвестиций и международного сотрудничества.

Государства БРИКС открыты к диалогу с государствами Глобального Юга, что проявляется в первую очередь в расширении объединения, в 2024 г. в его состав вошли четыре государства, в том числе два африканских — Арабская Республика Египет и Эфиопия, в то время как Иран и ОАЭ, хотя и представляют Евразию, также как и Ангола, специализируются на экспорте энергоносителей. Совокупный ВВП пяти ведущих государств БРИКС по ППС в 2023 г. по данным Всемирного банка составил более 33% мирового, что свидетельствует о все более важной роли объединения в глобальной экономике и о его возрастающем влиянии на международные финансовые и торговые институты. Для африканских стран, таких как Ангола, государства БРИКС предоставляют возможности для экономического сотрудничества, обмена технологиями и улучшения инфраструктуры.

Взаимодействие с государствами БРИКС играет все более важную роль в формировании долгосрочной стратегии развития Анголы, обеспечивая ее экономический рост и интеграцию в мировую экономику. Традиционно Ангола имеет хорошие отношения со всеми государствами БРИКС — политическая история объединяет ее с Российской Федерацией, общность языка с Бразилией, географическое

соседство и партнерство по интеграционным блокам — с ЮАР. В торговле ведущую роль играют Китай и Индия, которые занимают первое и второе места среди партнеров Анголы по экспорту — суммарные поставки в эти государства составляют около $\frac{2}{3}$ экспорта страны, в структуре экспорта Анголы в Китай и Индию преобладает нефть, доля которой в 2022 г. составляла 95 и 65% соответственно по данным Базы ООН по торговой статистике (*UN Comtrade Database*). Продукция ТЭК преобладает и в экспорте Анголы в Бразилию и ЮАР, в экспорте в РФ преобладают бриллианты. Импорт Анголы из государств БРИКС более разнообразен: Китай поставляет разные виды текстильной продукции и химических товаров, Индия — рис и медикаменты, из Бразилии Ангола импортирует мясо птицы и автобусы, из Российской Федерации — пшеницу и грузовой транспорт, ЮАР поставляет разные виды продовольственных товаров и оборудование. Внешнеторговый баланс Анголы является положительным, то же самое наблюдается и в торговле страны с государствами БРИКС. Сальдо торговли Анголы с КНР, Индией и ЮАР (у последней — кроме периода пандемии COVID-19) является положительным, с РФ и Бразилией преимущественно отрицательным, однако торговля с Бразилией вышла в плюс с 2022 г. в соответствии с данными Базы торговой статистики ООН.

Помимо этого, сотрудничество с членами БРИКС открыло для Анголы возможности для значительных инвестиций в инфраструктуру, включая строительство дорог, портов и энергетических объектов. Это способствует как внутреннему экономическому росту, так и улучшению логистических связей с другими странами. В то же время и задолженность Анголы перед государствами БРИКС (в первую очередь, перед КНР) выросла и составляет около 35% под данным Базы данных статистики внешнего долга Всемирного банка (*International Debt Statistics*). В 2000-х годах Китай предоставил Анголе значительные кредиты в обмен на нефть, что помогло восстановить страну после многолетней гражданской войны. Кредиты КНР финансировали проекты в сфере энергетики, транспорта и жилья, что содействовало улучшению инфраструктуры и созданию рабочих мест. Китайские компании активно работают в таких отраслях, как строительство, добыча полезных ископаемых и энергетика. Эти инвестиции способствовали развитию промышленной базы Анголы и ее интеграции в мировую экономику. Более того, тесные экономические отношения с Китаем позволили Анголе получить доступ к современным технологиям и управленческим знаниям.

Россия и Ангола активно сотрудничают в энергетическом секторе. Российские компании, такие как «Роснефть» и «Газпром», участвовали в разработке ангольских нефтяных месторождений и энергетических проектов, аналогичный проект в сфере добычи алмазов реализует «Алроса».

Южная Африка, являясь членом БРИКС и лидером среди африканских стран, служит моделью для Анголы в вопросах региональной интеграции и экономического роста. Торговля между Анголой и Южной Африкой развивается благодаря совместным проектам в сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых и других отраслях промышленности.

Сотрудничество с БРИКС также способствует диверсификации внешней торговли Анголы. Помимо нефти, Ангола постепенно развивает экспорт сельскохозяйственной продукции, минералов и судов. Примеры таких торговых отношений можно наблюдать в торговле с Бразилией и Индией, которые проявляют интерес к закупкам ангольских товаров.

Члены БРИКС, особенно Китай и Индия, активно делятся технологиями и ноу-хау с Анголой, что позволяет модернизировать местные отрасли, такие как добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство и энергетика. Это особенно важно для долгосрочной диверсификации экономики, уменьшения зависимости от экспорта нефти и повышения конкурентоспособности Анголы на мировом рынке. Доступ к финансированию, технологиям и новым рынкам способствует ее долгосрочному экономическому росту Анголы. Однако для максимальной выгоды Анголе необходимо продолжать диверсификацию экономики и укрепление институциональной базы, чтобы справляться с вызовами глобализации и мировой конкуренции.

Мухамбеткалиева Г.М.
(Астана, КАТИУ им. С. Сейфуллина)

К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Современные тенденции глобального мира характеризуются интенсификацией взаимодействий между различными национальными культурами и народами, расширением межгосударственных образовательных контактов, увеличением количества студентов, желающих получить образование за пределами другой страны. Сфера образования актуализирует проблему социокультурной адаптации иностранных студентов к условиям высшего учебного заведения в новой стране, а также проблему формирования межкультурной толерантности студентов. В свою очередь, образовательная среда рассма-

тривается как важнейшее социальное пространство для межкультурной коммуникации представителей разных верований, традиций.

По данным ЮНЕСКО, уровень международной мобильности студентов за последние 10 лет вырос на 300%¹, а к 2025 г. число студентов, обучающихся в других странах, составит 4,9 млн.²

В связи с этим актуальность приобретает изучение особенностей адаптации иностранных студентов в высших учебных заведениях, проявляющихся в условиях их взаимодействий с новой для них социокультурной средой. Это позволит как организации подготовки иностранных студентов к обучению, так и оказанию им своевременной помощи в адаптации, что представляется особенно важным в контексте формирования межкультурной толерантности.

Научно-образовательное сотрудничество между государствами, расширение спектра образовательных услуг для студентов, обучающихся за пределами родины, сопровождается ростом проблем, в том числе и психологического характера. В новой этнокультурной среде возникают проблемы социальной адаптации иностранных студентов к новым условиям межличностного взаимодействия. В такой ситуации, в большинстве случаев, у студентов отсутствуют эффективные способы поведения в результате изменившихся условий их жизнедеятельности.

Расширение академической мобильности в рамках различных форм обучения иностранных студентов в стране требует активного совместного участия педагогов и психологов, социальных и административных работников для предоставления качественных образовательных услуг, а также повышения уровня адаптации иностранных студентов.

Многие студенты имеют низкий уровень информированности о социально-экономической и политической системах государств; о традициях и культуре народа и т.д.

Таким образом, в процессе адаптации личности к новым условиям неизбежно возникают противоречия, связанные с разными культурными традициями, особенностями поведения, ценностными ориентациями. Эти противоречия являются одними из сложно разрешимых, поскольку столкновения разных точек зрения, ценностных ориентаций могут вызывать конфликтные ситуации, обусловленные переживаниями по поводу потери своего социального статуса, собственного этнического образа, сформировавшегося в самосознании. Одним из эффективных механизмов разрешения таких конфликтов является развитие межкультурной толерантности.

Формирование межкультурной толерантности должно быть основано на понимании того, что построение эффективных благоприятных межэтнических отношений невозможно без знаний особенностей поведения, традиций, менталитета другой нации. Развитие межкультурной толерантности заключается в ориентации иностранных студентов на понимание ценностей как своей культуры, так и иных культур; предоставлении информации о сущности феномена «толерантность» и формах его проявления в межэтническом взаимодействии; получении знаний о сходстве и различии культур и психологических особенностях их представителей. Эти задачи в условиях вуза реализуются в различных организационных формах: от включения информации, демонстрирующей значимость толерантности в современном обществе, в программу учебных курсов до проведения специальных тренинговых обучающих занятий. Таким образом, должен обеспечиваться интегративный подход в образовательной сфере, предполагающий преемственность ценностных ориентаций путем применения различных технологий.

Несмотря на наличие достаточного количества проводимых исследований по проблеме адаптации, остаются малоизученными внешние и внутренние факторы, определяющие уровень социальной адаптации иностранных студентов, получающих высшее образование в стране, что позволяет отнести данную проблему к числу актуальных. Стоит также обратить внимание на изучение специфики межкультурной толерантности иностранных студентов как представителей различных стран — выявлении сходства или различия в данном процессе.

Мухаметов Р.С.

(Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

ОСОБЕННОСТИ ПАРАДИПЛОМАТИИ ЭТНИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК РФ

В области международных отношений государство не является единственным действующим лицом в международных отношениях. Субнациональные правительства становятся все более заметными субъектами внешней политики. В научной литературе феномен вовлечения нецентральных правительств в международные отношения называют «парадипломатией».

¹ UNESCO Institute for Statistics (2015). URL: <http://www.uis.unesco.org>.

² URL: www.unesco.org/education.

Согласно Конституции РФ, Россия представляет собой Федерацию, состоящую из таких видов субъектов, как республики, области, края, города федерального значения, автономные округа и области. В настоящей работе основной фокус внимания уделен республикам в составе РФ по причинам, которые находятся в сфере национального состава этих регионов, а также политико-правового положения самих республик. Из всех субъектов РФ в целом выделяется один — Чеченская Республика, которая и является непосредственным объектом данной работы. Данный выбор обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, несмотря на активную парадипломатическую деятельность Чечни, в отечественной научной литературе отсутствуют отдельные работы, посвященные осмыслению международных связей Чечни. Вторая причина обращения к изучению парадипломатии Чечни вызвана политическими последствиями для внутренней и внешней политики страны «чеченских войн».

Цель данной работы состоит в изучении парадипломатии Чечни с 2000 г. и объяснении «расширенных» полномочий рассматриваемой республики в области международной деятельности. Можно обозначить несколько этапов в развитии чеченской парадипломатии, которые соответствуют периоду руководства А. Кадырова, А. Алханова и Р. Кадырова.

Для начального этапа (2000–2004 гг.) были характерны следующие цели международной деятельности республики. Во-первых, решение не столько социально-экономических, а сколько политических вопросов, т.е. стремление заручиться поддержкой в мусульманском мире, а также получить признание А. Кадырова в качестве легитимного руководителя Чечни и укрепить его авторитет среди арабской, мусульманской общественности. Во-вторых, информирование представителей арабских государств о реальной ситуации в Чечне, нарисовать картину происходящего, которая должна рассказывать о налаживании в Чечне мирной жизни и нормализации обстановки в республике. В-третьих, желание убедить лидеров арабских стран и проживающих в этих государствах представителей с Кавказа в том, что война в Чечне шла не против мусульман, а с международными террористами. Федеральный центр стремится убедить мусульманский мир в том, что война в Чечне не имеет религиозной подоплеки, а ведется исключительно против сепаратистов, чтобы лишить повстанцев моральной и материальной поддержки со стороны единоверцев с Ближнего Востока. Другой целью парадипломатии А. Кадырова было отстаивание легитимности его администрации против претензий правительства Чеченская Республика Ичкерия в изгнании (руководителем в 2000–2005 гг. считался А. Масхадов). В частности, он попросил правительства арабских государств перекрыть существующие каналы материальной поддержки боевиков, находящихся в их странах.

В период руководства А. Алханова республиканская парадипломатия сохранила преемственность в плане стремления обеспечить поддержку мусульманскими странами российской политики на Северном Кавказе, а также свести к минимуму помощь, получаемую чеченскими сепаратистами от братьев-мусульман. Основное послание, как и прежде, было направлено против претензии повстанцев на легитимность. Парадипломатическая активность была сконцентрирована на улучшение имиджа чеченского правительства в глазах диаспоры за рубежом. В то же время появились некоторые изменения в акцентах налаживания международных связей. Все большее внимание чеченского руководства заслуживали вопросы, связанные с привлечением инвесторов из арабского мира к участию в развитии экономики республики. Кроме того, визит А. Алханова в арабские страны / в регион Ближнего Востока и Персидского залива был направлен на укрепление как внешнеполитических целей России, так и его собственных политических позиций внутри Чечни (он искал поддержки из-за рубежа своей властью перед лицом растущего влияния Р. Кадырова).

Географический охват официальной чеченской парадипломатии оставался неизменным в период руководства Р. Кадырова. Необходимо отметить, что зарубежные визиты стали носить более практический характер и посвящены вопросам активизации отношений республики в сфере экономики, образования, культуры и спорта, что является отличием от парадипломатии двух других предшественников. Одним из основных мотивов международной деятельности республики стало желание привлечь иностранные (арабский) капитал и инвестиции в Чечню.

Таким образом, основным географическим направлением парадипломатических усилий выступает Ближний Восток, что обусловлено этнокультурными особенностями российской республики. Повестка международных переговоров связана в большей степени с политическими, чем торгово-экономическими, вопросами.

ЧЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛЕЗНА ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА

С недавнего времени в зарубежных публикациях можно встретить примеры инициирования политической социологии языка как относительно обособленного научного направления, правда, пока без достаточной конкретизации собственного исследовательского поля. Его природа может быть осмыслена через субъектно-предикатные отношения социального, политического и языкового. Лингвистическое знание сконцентрировано на собственных сущностях, например, на языковых ситуациях, дву- и многоязычии. Политическая социология «начинает» с общества и его влияния на институциональное распределение ресурсов власти и влияния, а социолингвистические реалии рассматриваются как контекст. Иными словами, в первом случае предметами суждения становятся феномены языка, а социальное и политическое составляют их отдельные аспекты. Во втором — в роли смыслового подлежащего выступают общественно-политические материи, а лингвистические берутся в качестве логического сказуемого.

Предварительно предмет политической социологии языка можно понимать как тематическую структуру, в центре которого находятся действия акторов—участников языковых отношений, значимые для распределения ресурсов власти и влияния. Такими акторами могут быть различные по статусам, авторитетности и правомочности институты и общественные силы, включая властные инстанции, профессиональные сообщества в науке, образовании, СМИ, художественном творчестве, а также самодеятельные ассоциации и активистские практики.

Таким образом, социолингвистические структуры знания ориентированы на языки и их варианты, коды, идиомы, диалекты и социолекты и их функциональное распределение в конкретных языковых ситуациях. Политическая социология языка способна получить свои исследовательские результаты через изучение не столько языков как таковых, но общественных отношений по поводу языковых и коммуникативных ситуаций, в том числе — по поводу языковой политики, социально-волевых аспектов властно-управленческого воздействия на языковое устройство, на социальное и этнокультурное многообразие.

Продуктивность применения соответствующего инструментария очевидным образом может способствовать решению значимых исследовательских задач, возникающих в области языкового регулирования.

Прежде всего, аналитические возможности политической социологии языка открывают новые возможности для «снятия» антиномии политико-языкового регулирования, внятной артикуляции в отечественной литературе до сих пор не получившей. Коротко говоря, это вопрос об объекте сознательного воздействия — идет ли речь о лингвистических сущностях, или о притязаниях социальных образований, выделяемых по языковому признаку (сообщества, коллективы, группы, носителей мажоритарных и миноритарных языков)? Эта антиномия эксплицитно изложена в «Пояснительном докладе» к Европейской хартии о региональных языках и языках меньшинств: «...в Хартии удалось обойти стороной вопрос об определении понятия языкового меньшинства, поскольку целью хартии является не закрепление прав национальных и/или культурным меньшинств, а защита и поддержка региональных языков или языков как таковых» (<http://base.garant.ru/4089634>). С позиций политической социологии этот тезис оценивается несколько иначе, чем с социолингвистических.

Рассматриваемое научное направление обладает приоритетом или прерогативой при рассмотрении проблематики субъектности участников языковых отношений, их культурно-языковых притязаний, акторов в области языковой политики и легитимности способов их представительства. Политическая социология языка может способствовать выработке соответствующего словаря. Формулировки в нынешнем официальном дискурсе не вполне, по-видимому, подходят для массово-информационной работы по поддержанию искомых языковых режимов. Такова, к примеру, нормативная конструкция, имеющая корни в позднесоветском законодательстве и вошедшая в текст Концепции государственной языковой политики Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 г. № 1481-р): «языки официального общения в местностях его компактного проживания» — «языки коренных малочисленных народов Российской Федерации и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущих за их пределами, используемые в местностях их компактного проживания...».

Наконец, политическая социология языка может наилучшим образом способствовать идентификации двух полярных моделей языковой политики. Один ее концептуальный образ основан на ображениях публичного коммуникативного блага и соотнобразует с субстантивными целями защиты и продвижения культурно-языкового сплочения страны и уважения языкового многообразия.

Другой — инструментальный и ориентированный на достижение экстралингвистических результатов, к примеру, создания видимости административного благополучия или иных символических ресурсов.

Мухортов Д.С.
(Москва, МГИМО МИД России, ИНИОН)

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ ЦЕННОСТИ СЕМЬИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)*

В условиях стремительной цифровизации социальных коммуникаций наблюдается предсказуемое погружение разновозрастных пользователей в «параллельную реальность» с непрерывно множющимися сообществами. С учетом изменяющейся парадигмы социально-демографической политики России обеспокоенность вызывает студенчество, поскольку, будучи демографически перспективной социальной стратой, «отличающейся полноценной фертильностью, коммуникативной активностью и высокой мобильностью», на современном этапе развития общества все еще остается группой с нереализованным потенциалом. В связи с этим требует пристального внимания «цифровая студенческая среда», которую можно охарактеризовать как единое, интрагосударственное, виртуальное образовательное и досуговое пространство студента.

Так, среди заявленных на сайте нацпроекта «Демография» (<https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya/> — дата обращения (здесь и далее): 22.09.24) инициатив — «Помощь семьям при рождении детей», «Содействие занятости», «Старшее поколение», «Общественное здоровье» и «Спорт — норма жизни» — только одна касается института семьи и брака, но акцент в ней делается не на теме родительства как таковой, со всем комплексом факторов, затрудняющих процесс образования семьи, а только на вопросе финансового благополучия супругов, уже вступивших в брачные отношения и желающих обзавестись детьми.

В нацпроекте «Здравоохранение» выделяется лишь отдаленно касающийся студенческой аудитории пункт «Здоровье детей», но только в плане «появления системы родовых сертификатов у беременных женщин» (<https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/zdravookhranenie/>), дающих возможность выбора консультации и роддома.

Нацпроект «Образование» никаким образом не связан с темой семьеведения. Даже в утвержденном на уровне госполитики разделе «Патриотическое воспитание» организаторы не стали брать за основу институт семьи и брака.

Нацпроект «Культура» в разделе «Цифровая культура» своей финальной целью ставит создание «в домах культуры, библиотеках и музеях 500 виртуальных концертных залов, оснащенных мультимедийным оборудованием и быстрым Интернетом» (<https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/kultura/>), без мысли о том, что подавляющая часть школьной и студенческой молодежи не нуждается в домах культуры, библиотеках и музеях. И межличностное общение, и обмен информацией, и получение знаний идет по давно установленным каналам связи, где взрослому, как правило, отводится второстепенная роль.

О нацпроекте «Наука и университеты» семьеведению и поддержке семьеведческих практик места нет — здесь все предсказуемо посвящено вопросам наукотворчества во имя обретения Россией престижа в различных научных областях.

В 2024 году состоялось долгожданное анонсирование нацпроекта «Молодежь и дети». Его паспорт находится на стадии доработки, однако заявленные в нем цели немногим отличаются от вышеперечисленных инициатив. Обращает на себя внимание следующая формулировка: «Мероприятия нацпроекта будут учитывать специфику каждого возраста. Граждане смогут получать помощь государства на всем жизненном пути — с самых ранних лет, во время учебы в школе, колледже или вузе. Затем — в начале карьеры, при выходе на первую работу и при создании собственной семьи» (<https://ac.gov.ru/news/page/novuj-nacproekt-molodez-i-deti-sozdast-vozmoznosti-dla-samorealizacii-i-razvitia-talantov-molodogo-pokolenia-27845>). Обтекаемость и всеохватность деклараций внушает скепсис. Между вышеназванными и новыми проектами не прослеживается взаимосвязь ни на уровне разработчиков, ни на уровне исполнителей.

По результатам проведенного нами в декабре 2023 года экспресс-опроса, 411 студентов и магистрантов из МГИМО, МГУ, МФТИ, МАИ и ТГУ (Томского университета) 76%, признают, что во время

* Тезисы подготовлены в рамках реализации научного проекта «Инструменты повышения эффективности государственной политики по продвижению ценности семьи в студенческой цифровой среде» (гос. номер 124101700550-4), выполняемого в ИНИОН РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ.

учебы в вузе можно создать свою семью, однако при этом среди опрошенных в браке состоят только 6,5% человек. 30% считают, что за время учебы у студента может появиться хотя бы один ребенок, а 20% даже мечтали бы о двух, но дети есть только у 1% респондентов.

Не замечаемой и малоизученной остается проблема «цифровой безнадзорности» молодежи в целом и студенчества в частности. Молодое поколение занимается обустройством «параллельной реальности» — вместо своего «гнезда» силы тратятся на «фаномы», «вселенные» или «субкультуры». Жизнь молодых людей в этой полной фантомов реальности является недостижимой. В результате происходит смещение ценностных ориентиров, включая сферу семьи и брака. Встает вопрос, как сделать так, чтобы сосуществование реального и виртуального мира стало дополнительным стимулом, расширенной сферой активности в реализации государственной молодежной политики. К моменту выхода данных тезисов планируется провести кроссдисциплинарное исследование и представить научной общественности некоторые результаты.

*Мчедлова М.М.
(Москва, РУДН/ФНИСЦ РАН)*

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОНЯТИЯ И ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАНЖИРОВАНИЯ МИРА*

Парадоксально меняющиеся привычные контуры политики, интуитивно схватываемые смещения смыслов и метаморфозы референций традиционных понятий, задающих картину политического мира и шире — общую картину мира, заставляют сомневаться в праве на монопольное объяснение реальности линейной нормативной моделью. Причинность и ход глобализации по нелиберальному сценарию стали опровергаться внеинституциональной логикой, актуализировав поиски критериев развития, альтернативных заложенным в линейный просвещенческий нарратив. Ценностный и смысловой контекст социальной ткани, значимость которого в политических дискурсах увеличилась вследствие эффекта инверсии политических и неполитических сфер общества, актуализирует и вопрос о гносеологических и дискурсивных паттернах современного гуманитарного знания. Наблюдаемая поляризация российского идейного ответа отражает сложившееся несоответствие референтной российской базы доминировавшим теориям, представлениям, нарративам, выступавшим в качестве ориентиров. «Конец знакомого мира» как породил методологические кризисы в гуманитарном знании, так и открыл возможности для теоретического, дискурсивного и политико-прагматического выхода за границы западного опыта и доминирования Модернистского дискурса. Проблема соотношения универсализма и партикуляризма как ключевые онтологические параметры современности, решаемая в нелинейной оптике, позволяет признать диверсификацию путей свершения политического процесса не в логике «девиаций», а в рамках онтологического многообразия.

Контуров новой картины мира, основанной на признании равноположенности путей цивилизационного развития стран и регионов, стимулируют рождение нового политического нарратива, перетекающего в реальную политику. Одним из структурообразующих оснований этого нового нарратива становится понятие «идентичность» в различных смыслах, ключевой из которых становится цивилизационная. Так, цивилизационная идентичность указывает на принадлежность ее носителя к определенной цивилизации, имеющей свои культурные нормы, традиции и социальные практики. Утверждение этого концепта в предметном поле политической науки связано в том числе с его объяснительным потенциалом в формировании новых политических пространств в условиях изменений в структуре миропорядка, усиления вектора регионализации.

Именно ценностно-символические основания, находящие выражение в социокультурной специфике конкретного сообщества, становятся легитимирующим фактором в переосмыслении политической направленности происходящих процессов. Настойчивое обращение в научных исследованиях к цивилизационной теории и к цивилизационному дискурсу — в публичной политике, с одной стороны, фиксирует изменения в познавательных акцентах современности, с другой — выступает их причиной. Современные дискурсы, строящиеся вокруг понятия «цивилизация», во многом воспроизводят исторически закрепленные коннотации, лежавшие в основе временного и пространственного ранжирования и интерпретации исторического и политического процесса, тем самым они сами включаются в семантический узел политических универсалий. Вымывание данных сюжетов на протяжении длительного времени обусловило, что процесс формирования общероссийской идентичности, потребности создания национальной идеи, общероссийского ценностного единства далек от завершения

* Тезисы доклада представлены в рамках проекта Минобрнауки РФ- ЭИСИ FSSF-2024-0660 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к ценностному консенсусу».

и носит противоречивый характер. Обозначились новые риски, связанные с глубокими размежеваниями, соотношением солидарности и справедливости. Ценностно-политический ракурс российской идентичности приобрел звучание как в цивилизационной проекции устойчивости, так и ценностно-политических проекциях солидарности: онтологической, гражданской, синонима идентичности.

Религиозные референции современности, денотаты и сигнификты понятий, входящих в интерпретативный пул соответствующих теорий, становятся размытыми и неопределенными, в условиях современности порождая новые значения, противоречащие классическим устоявшимся представлениям и императивам, а классические институциональные рамки существования Веры уже не являются единственно возможными.

При этом можно выделить две тенденции инструментального характера, связанного с религиозными смыслами в поле политики, — 1) усиливающаяся радикализация и 2) национализация религиозных институтов. Радикализация акцентирует параметры национальной безопасности в различных проекциях, включает ресурсы политической мобилизации. Национализация представляется глубинным трендом, включает позиционирование Церквей (религиозных институтов) как защитников национальных интересов, государственной и национальной идентичности, ставит вопрос о соотношении уже не столько традиционного и современного, сколько общего и частного.

Мясников Д.А.

(Иркутск, Законодательное Собрание Иркутской области)

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политологическое образование в России имеет ряд специфичных черт, унаследованных из предыдущих исторических периодов. В Советском Союзе политология была сведена, по сути, к изучению марксизма-ленинизма. Фиксация на общественно-политической теории (преимущественно) Западной Европы первой половины XIX века и игнорирование актуальных политических процессов можно считать одной из причин распада СССР. В период, когда западная наука разрабатывала новые, современные формы контроля общественного мнения и поддержания лояльности, советские политологи вынуждены были изучать труды двух европейских мыслителей полуторавековой давности. В итоге, советские идеологи и политическое руководство упустили смену общественно-политических установок городского населения, что, вкупе с экономическим кризисом, привело к катастрофе.

Политология в России 1990-х годов, за неимением альтернативы, была полностью скопирована с американских и западно-европейских учебников и классических исследований начала-середины XX века. На тот момент это было объяснимо, так как и политический процесс в своих внешних проявлениях также был скопирован с Запада.

Однако со временем стало все более очевидным, что многие элементы западной политической мысли и политического процесса существенным образом отличаются от российских реалий и от российской политической традиции.

К таким существенным отличиям относятся, в первую очередь:

- Главенство политической власти над экономической;
- Иные формы легитимизации политического режима;
- Авторитарный тип политической культуры;
- Нацеленность элит внутрь страны, а не вовне;
- Иные механизмы выработки политических решений;
- Иные механизмы межнационального и межрелигиозного взаимодействия.

При этом в системе политологического образования по-прежнему преобладают идеализированные западнцентрические модели и теории. Студенты-политологи, в итоге, выходят из вузов с убеждением, что политический процесс в России неэффективный, не соответствует тому, что преподают в вузе. А такая позиция является благоприятной средой для формирования оппозиционных взглядов. Преодолевается эта позиция только по мере взросления и набора эмпирического опыта.

Ситуация усугубляется тем, что среди вузовских преподавателей политологических дисциплин не так много практиков, которые могли бы объяснить, как ситуация обстоит на самом деле, как соотносятся между собой книжные представления и реальность. Вузовское и политическое сообщество (по крайней мере, в регионах) слабо между собой пересекаются.

Видится целесообразным привлечение к подготовке учебных материалов и к преподаванию практикующих политических технологов, экспертов, психологов, консультантов и администраторов. Этот сегмент находится на стыке бюрократической и аналитической работы, решают оперативные задачи и, с одной стороны, не связаны регламентами, а с другой стороны, знакомы с особенностями полити-

ческого процесса в России. В идеале, необходимо прийти к курсу «Политология России». Цель — разъяснение специфики России в части общественно-политических процессов, наши отличия не только от стран Запада, но и Востока, в первую очередь, Китая и Индии.

Кроме того, важно формирование актуальных представлений о политическом процессе среди школьников старших классов, на этапе их профессионального самоопределения и формирования базовых мировоззренческих установок. Целесообразно включать больше политических тем в план «Разговоров о важном!». На данный момент, фактически, кроме тем, связанных с выборами, политика в «Разговорах о важном!» отсутствует.

В части формирования актуальных политологических представлений среди школьников необходима работа с советниками директоров по воспитанию. Эта должность введена во всех школах страны с целью формирования позитивной общественной активности школьников. Учитывая, что политические знания и представления являются крайне важными, с опорой на советников можно проводить значительный объем работы. Они же являются координаторами Российского движения детей и молодежи «Движение Первых». В этом движении, как правило, участвуют наиболее общественно-активные школьники, часть из которых во взрослой жизни будут заниматься политической деятельностью. Чем раньше у них будут сформированы полноценные и актуальные представления о российской политике, тем качественнее будут их решения.

КОММУНИКАЦИЯ И СЕТЬ КАК ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОСТИ*

Все более очевидным становится понимание того, что окружающий нас мир гораздо сложнее всех описывающих и объясняющих его простых линейных схем. С одной стороны, к этому подталкивает ощущение того, что мы живем в мире, объединенном в некую систему или глобальную сеть, с другой стороны, мы озадачены собственной самостоятельностью, низводящей на нет организующую роль различных систем — социумов. Вследствие подобной двойственности информационное пространство изобилует на первый взгляд взаимоисключающими нарративами о жизни «в связанном мире», в «человеческой паутине», в «сетевом обществе» и одновременно о жизни «свободной», «независимой», «индивидуальной».

Прямым следствием этого является лавинообразное нарастание в мире конфликтности. Парадоксально, но это происходит на фоне природной, культурной, социальной и религиозной «десистематизации» восприятия человеком окружающей его реальности и понимания ее некой, не понятой до сих пор универсальной «глобальности». Ключевым понятием возникшей априори конфликтной логической дихотомии «связанность-свобода» становится именно «связанность», примеряющая между собой «свободу» и «самостоятельность» посредством уравнивания их «взаимодействием» и «взаимозависимостью».

Учитывая то, что смысловая наполненность, характер и топология отношений между людьми являются производной процесса восприятия и самовосприятия человеком как личности себя и «другого» — чувственно эмоционального и логически рационального одновременно возникает закономерный вопрос о путях достижимости состояния искомой связанности. Сама связанность человека со своим окружением, вероятно, определит и окончательный облик человеческого сообщества.

Искомую связанность можно достичь двумя путями — посредством системной коммуникации или посредством сетевых межличностных взаимодействий. Они сведены к двум априори противоположным константам — к способу организации и деятельности уже «организованных» социумов наиболее сложного типа и к способу межличностного эволюционного взаимодействия без априори заданной социальной цели.

Все научные изыскания вокруг понятий коммуникации и сети органически сводятся к логике модели обмена информацией между людьми с помощью доступных им в данный момент вербальных, невербальных и графических инструментов. Речь идет о самой простой, однонаправленной, линейной модели передачи информации между коммуницирующими или взаимодействующими сторонами. То есть все сводится к глубинной сути информации, передающейся между людьми в процессе коммуникации или сетевого взаимодействия. Речь фактически идет об уровне ее «системности» — личностной или социальной.

Если при коммуникации субъектом является сама единая массовая социальная система, с присущим ей единым типом символического мышления, закономерно «понижающая» субъектность коммуникантов, то в сети идет обратный процесс — посредством символической человеческой субъективности, которая является совокупностью всего того, что принадлежит миру человека, производится сам субъект.

Поскольку процесс производства субъектности происходит одновременно на межличностном и на социальном уровне, он крайне запутан и далеко не однозначен. Транслируя друг другу свои убеждения, свою мораль, свои мифы, свои эмоции, свои речевые обороты, люди оставляют у себя соответствующую информацию, которая может проявиться в неожиданный момент в силу суггестивности передаваемых и сохраняемых ими символических образов. При это эмоциональная составляющая информации о субъективности человека в этом случае не исчезает, а корректирует рациональную составляющую. Она управляет процессом символического обмена между людьми, постоянно балансируя между двумя крайностями — «эгоизмом» и «альтруизмом».

Поскольку субъективность является результатом коллективного плана, предполагающего сосуществование не только множества индивидов, которых можно считать его частным случаем, связанным с определенным типом социальной практики, но и системных машинных, технологических и экономических фактов, связать все это воедино оказалось под силу лишь эмоциям. Посредством их происходит или чувственное сглаживание всего того, что сталкивает между собой рациональные фиксированные и переменные системности, или же, наоборот, происходит дополнительное чувственное скрепление их с целью системного упорядочивания и возможности создания очередной эволюционной цепочки.

* Публикация подготовлена в рамках госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 год по теме «Сетевой подход к выстраиванию общественных и политических коммуникаций» (рег. номер 124081500017-9) при поддержке Минобрнауки России и ЭИСИ.

Назмеева Я.А.
(Москва, НИУ ВШЭ),
Новик Н.Н.
(Москва, НИУ ВШЭ)

РЕАКЦИЯ КНР НА ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИИ в 2024 году*

Во время проведения выборов президента России в 2024 году Китай внимательно следил за процессом и его итогами. В большинстве случаев реакция КНР позитивная, что обусловлено характером российско-китайских отношений, а также благодаря схожим внешнеполитическим интересам двух стран, направленных на построение многополярного мира и вследствие признания Россией интересов и возможностей Китая. Переизбрание В.В. Путина не было сюрпризом для Китая, который уже разрабатывал дальнейшую политическую стратегию с учетом продолжения работы с администрацией В.В. Путина.

Кроме этого, вследствие ухудшения китайско-американских отношений в КНР анализировали реакции и поведение США во время выборов, пытаясь предугадать дальнейшее поведение России и США.

Также Китай уделял внимание технологическому аспекту голосования, модернизации избирательного процесса, степени вовлечения федеральных округов в предвыборные кампании кандидатов.

Проект был основан на анализе официальных заявлений представителей правительства КНР, комментариев экспертов и статей в СМИ, что позволило выявить особенности подхода Китая к изучению российских выборов.

Китайское правительство позитивно отнеслось к переизбранию В.В. Путина. Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай придает большое значение развитию китайско-российских отношений и готов поддерживать тесную связь с российской стороной для усовершенствования стратегического сотрудничества.

Специальный представитель правительства Китая по Евразийским делам Ли Хуэй в марте 2024 года дважды посетил Москву. В начале марта страны обсудили перспективы развития двусторонних отношений в рамках перекрестных годов культуры России и Китая, а также 75-летия установления дипломатических отношений между странами. Во время выборов Ли Хуэй также возглавил миссию китайских наблюдателей за избирательным процессом в России, выражая признание Китаем легитимности выборов и подчеркивая интерес к особенностям выборов в России в 2024 году.

Анализ китайских СМИ также показывает, что переизбрание В.В. Путина на пост президента было достаточно ожидаемым для китайской публики и большинство медиа положительно относились к такому варианту. Китайские СМИ проанализировали предвыборные кампании кандидатов, отметив, что предвыборная кампания В.В. Путина сосредоточена на улучшении экономической ситуации и достижении политической стабильности в стране.

Комментарии китайских экспертов о ходе проведения президентских выборов в России демонстрируют четкую позицию Китая по признанию российских выборов и их легитимности, что подтверждает намерения Китая соблюдать принцип невмешательства во внутреннюю политику других стран. Позитивное отношение к факту переизбрания В.В. Путина и ожидания от дальнейшего развития российско-китайских отношений популярны среди китайских экспертов и медиа благодаря схожим внешнеполитическим интересам двух стран, направленных на построение многополярного мира, а также вследствие признания Россией интересов и возможностей Китая.

В китайском дискурсе большая доля внимания также уделялась развитию российско-американских отношений. Из заявлений китайских экспертов следует, что после переизбрания В.В. Путина продолжится не только эскалация российско-американских отношений, но и переориентация внешней политики России на западные страны. Кроме этого, внутренняя политика России будет направлена на улучшение экономической ситуации и развитие научно-технического потенциала.

В китайской реакции на выборы в России также была выражена региональная специфика, которая заключалась в оценке мобилизационного потенциала региональных органов власти, степени вовлеченности губернаторов в офлайн и онлайн программы избирательной кампании.

* Доклад основан на материалах исследовательского проекта «Президентские выборы 2024 года в России: реакция в ближнем и дальнем зарубежье и стратегии дальнейшей легитимации электоральных результатов».

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ РЕГИОНА АТР (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И США)

Вопрос к определению и трансформации Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) является актуальным и проблемным. В данной работе будут проанализированы официальный (документальная база) и социокультурный подходы (СМИ) к определению региона на примере Китая и США. Такой выбор обусловлен сложностью и напряженностью американо-китайского взаимодействия на современном этапе международных отношений.

Китайская политика определяется развитием и функционированием Инициативы «Один пояс — один путь», Всесторонним региональным экономическим партнерством (ВРЭП). Американская политика, напротив, определяется деятельностью Всеобъемлющего прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТП), Индо-Тихоокеанского экономического рамочного соглашения (ИТЭРС), Четырехстороннего диалога по безопасности (*QUAD*), трехстороннего пакта безопасности AUKUS.

В Американской стратегии (*Indo-Pacific Strategy of The United States, 2022*) рассматриваемый регион определяется как Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). Идет упор на то, что США являются Индо-Тихоокеанской державой, отмечается агрессия Китая, проявляемая в ИТР. США также продвигают свою главную роль в регионе. В свою очередь, в китайском официальном документе (*China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation, 2017*) на первом плане находится регион и его характеристики, уделяется внимание дестабилизирующим факторам, наблюдается призыв к новой модели международных отношений. Кроме этого, указывается о возможностях и преимуществах, которые принесет Китай для развития АТР. Таким образом, официальный подход США к определению региона заключается в том, что регион определяется как ИТР, официальный подход Китая к определению региона заключается в том, что регион определяется как АТР. Мы наблюдаем противостояние стран в вопросе определения и трансформации региона.

Сравнивая китайский и американский официальные подходы, следует указать, что США расширяют регион до Индийского океана и включают в него страны Южной Азии, однако Китай придерживается более традиционного понимания АТР. Касательно стратегических целей нужно отметить, что США стремятся сдерживать влияние Китая в регионе, а Китай, в свою очередь, продвигает концепцию мирного сотрудничества и экономической интеграции. Кроме того, происходит фокус на ценностях, где США продвигают демократические ценности, а Китай подчеркивает независимость и суверенитет стран региона. Таким образом, мы наблюдаем различие в официальных подходах США и Китая к определению и развитию региона, что приводит к напряженности в регионе.

Что касается социокультурного подхода Китая к определению региона, укажем, что в китайских СМИ АТР представляется как двигатель мировой экономики с растущим экономическим потенциалом и важными региональными инициативами, такими как Инициатива «Один пояс — один путь» и ВРЭП. Помимо этого, делается акцент на партнерстве и сотрудничестве между странами региона, критикуются США за военную активность в регионе, пропагандируется Инициатива «Один пояс — один путь». В СМИ Китая чаще используется термин «АТР», нежели «ИТР», ввиду исторической связи Китая с регионом, важности территорий для Китая, а также того, что использование термина «ИТР» вызывает сомнения по поводу важности Индийского океана для Китая. Китайские СМИ представляют механизмы влияния США в регионе как агрессивные и деструктивные, направленные на сдерживание Китая и подрыв региональной стабильности. Важно, что СМИ отражают китайскую официальную политику.

Относительно социокультурного подхода США к определению региона укажем, что в американских СМИ АТР представляется в качестве арены для конкуренции между США и Китаем. Часто используется термин понятие «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», увеличивается внимание к Индийскому океану как важной части региона. Особое внимание уделяется стратегическому партнерству США с Индией и Японией. Однако обнаруживаем и противоречивые взгляды, среди которых опасения по поводу возможности усиления американского военного присутствия в регионе и возможных конфликтов с Китаем, несогласие с термином «Свободного и открытого ИТР», критика американской политики в АТР.

Как и в официальном подходе, в социокультурном подходе мы наблюдаем отличия. В американских СМИ продвигается концепция ИТР, китайские СМИ придерживаются традиционного определения. В СМИ США отражено конфронтационное отношение к Китаю, в СМИ Китая продвигается мирное сотрудничество и концепция «общего будущего человечества». Таким образом,

в официальном и социокультурном подходах отражаются геополитические, конкурирующие интересы и стратегические цели и амбиции стран, используются разные определения региона, что ведет к постепенной трансформации региона. Следовательно, мы наблюдаем напряженность не только на региональном, но и на глобальном уровне, что ведет к возможному возникновению военного конфликта между США и Китаем.

Ндур М.Д.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ УПРАВЛЯЕМОСТЬ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОАФРИКАНСКИХ СТРАНАХ

Конец 2022 года ознаменовал неофициальный конец в мире пандемии Covid-19 и начало экономического кризиса, приведшего к политической нестабильности во многих странах мира, особенно в странах Западной Африки, таких как Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Гвинея-Бисау и Сенегал. В этих странах некоторые пережили институциональный государственный переворот, в результате которого были установлены военные режимы, отвернувшись от так называемой неокOLONиальной политики; и другие страны «по счастливой случайности» столкнулись со смертоносными демонстрациями. В этих странах мы являемся свидетелями неизбежного политического поворотного момента, который может еще больше способствовать отставанию в развитии.

В африканских странах политические кризисы часто возникают из-за слабости государственного управления на уровне властных институтов. Эта слабость государственного управления вызвана, в том числе, отсутствием автономии, подчиненности, коррупции, неподготовленности элит и т.д. Столкнувшись с этими причинами, мы спрашиваем себя, не могут ли представительные институты стать основой эффективного государственного управления в странах Западной Африки?

Государственное управление и институты, представляющие власть, являются политическими инструментами, которые могут способствовать жизнеспособности демократии и стимулировать развитие, особенно в Западной Африке. Под государственным управлением мы можем понимать тогда регулятивную политическую деятельность, которая может позволить институтам власти реализовать условия управления и/или контролируемости политических действий тех, кто находится у власти. Государственное управление позволяет подчеркнуть стратегический потенциал переговорного процесса, контролировать заинтересованных субъектов на основе регулирующих его правил.

В условиях глобальной политической нестабильности проблемы эффективности государственного управления, с одной стороны, и эффективности его реформирования в целях ускорения развития с другой стали приоритетными для многих стран мира. Эти проблемы должны подтолкнуть государства Западной Африки к пересмотру своей политики государственного управления в представительных учреждениях, поскольку для многих политическая нестабильность Западной Африки государства заключается в слабости институтов, представляющих власть.

С 2000-х годов популярные африканские дебаты о демократии и государственном управлении получили дальнейшее развитие, так как сейчас граждане предъявляют требования к качеству избирательных процессов, срокам полномочий, экономическим показателям, политической и экономической подотчетности и хорошему управлению посредством сбалансированных институтов. Активность населения, выражающаяся в основном в форме демонстраций, вызывает различные виды репрессий, желания кооптации и закрепления статус-кво.

Поэтому и сегодня тезисы Патрика Шабала и Жана-Паскаля Далоза (1999), Жана-Франсуа Баярда (1993) и других о слабости представительных институтов в африканских странах по-прежнему актуальны.

Мир находится в эпохе новых информационных и коммуникационных технологий. Более того, именно по этой причине молодые африканцы призывают своих лидеров изменить парадигму, поскольку для них (африканской молодежи) развитие — это, прежде всего, воля и состояние ума. Более того, демографические перспективы показывают, что растущее население делает Африку самым густонаселенным континентом в мире. По мнению некоторых экспертов, в 2050 году будут приняты четыре (4) человека, оба будут африканцами. Проблемы, которые требуют пересмотра государственной политики Африки.

Целью данного исследования является поиск адекватных ответов на выявление дисфункций, связанных со способом государственного управления в институтах, представляющих власть западноафриканских государств.

В этих институтах, представляющих власть, Национальное собрание представляет собой основу демократии. Его конституционная и основная роль — голосование по законам, регулирующим свободы,

голосование по бюджету для финансирования проектов и контроль действий правительства для обеспечения эффективности управления. Задачи, которые можно выполнить только тогда, когда его (Национальное собрание) ценят.

Более того, мы считаем, что развитие Западной Африки может быть достигнуто только при наличии сильных, стабильных и справедливых институтов. Указания, намекающие на разделение властей, режим избирателей и депутатов, график выборов и чувство ответственности представителей власти. Необходимо пересмотреть Национальное собрание, то есть обеспечить осведомленность избирателя о проблемах момента, урегулировать функции депутата, совместить президентские и законодательные выборы, действовать в качестве депутата-волонтера. Важные меры, потому что для нас Национальное собрание — это сила, с помощью которой мы можем примирить население и лидеров.

Неверов К.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМНОСТИ СЕТЕВОЙ ВЛАСТИ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ИНДИВИДУАЦИИ

Легитимность политической власти является одной из краеугольных категорий политической науки и политической практики. В современных реалиях, не столько обусловленных, сколько конструируемых и пересоздающихся «новой старой логикой» социальных сетей: социальных отношений, в наши дни нашедших свое воплощение в цифровом пространстве коммерческих продуктов — платформ (например, российская социальная сеть «ВКонтакте»), одним из проявлений власти является ее [власти] сетевое воплощение. Как и традиционная власть, пребывающая оффлайн, сетевая власть также нуждается в легитимации. При этом легитимность сетевой власти не должна сводиться к проекции существующих вне виртуального пространства отношений управляемых к управляющим — легитимности политической власти, в цифровом пространстве создавшей свой аватар. Таким образом, веберовские три чистых типа легитимного господства не подходят (или лишь частично подходят) для характеристики легитимности сетевой власти.

Сетевая власть может трактоваться как эпистемическая власть, власть знания. Одной из определяющих черт политической власти является обладание и возможность перераспределения ценных ресурсов (как экономических, так и политических). Информация и знания могут как поступать в сеть извне или производиться отдельными акторами сети, так и выступать в качестве продукта существования и деятельностного развития сети. Согласно позиции Мануэля Кастельса, в сетевом пространстве осуществление контроля управляющих над управляемыми происходит посредством двух основных механизмов, к которым относятся «способность создавать сеть (сети) и программировать/перепрограммировать работу сети (сетей) для достижения поставленных перед сетью целей и способность соединять и обеспечивать взаимодействие различных сетей на основе разделяемых общих целей и объединения ресурсов, предотвращая при этом соперничество с другими сетями с помощью формирования стратегического взаимодействия. Таким образом, для сети власть будет обуславливаться наличием общей цели, к которой необходимо стремиться (общего проекта) и распоряжением ресурсами, основным из которых для цифровой социальной сети выступают информация и знания в разных формах и форматах. Для сообществ ВКонтакте характерна практика взаимных репостов, которую можно рассматривать как обмен информацией, причем наиболее значимые сообщества таким образом могут демонстрировать свою власть — чем больше других сообществ ссылаются на контент сообщества-первоисточника, тем последнее влиятельней.

Объяснению легитимности сетевой власти могут служить концепции коллективной индивидуации и логики связанного действия. Для этих концепций пространство социальной сети является не просто техническим средством передачи информации или обмена сообщениями, но является организационной структурой, полем для самоорганизации. Социальная сеть может рассматриваться как пространство коллективной индивидуации, так как первая служит не только местом самопрезентации пользователей и передачи загруженной в сеть информации (контента), но позволяет пользователям работать над совместными проектами. Возвращаясь к понятию сетевой власти, концепция коллективной индивидуации усиливает тезис о значении информации и знаний для понимания сетевой власти, постулируя, что «платформа для коллективной индивидуализации позволяет только тем, кто участвует в создании данных и знаний, иметь контроль над данными через контроль доступа». Для индивидов сеть, таким образом, выступает не столько просто средством или интерфейсом обмена, сколько как способ существования через процесс постоянной трансформации, происходящий при симбиозе индивидуального и коллективного (психического и коллективного у Жильбера Симондона в работе «Психическая и коллективная индивидуация»). Отсюда следует, что легитимность сетевой власти можно рассматривать как функцию коллективной индивидуации.

Недяк И.Л.
(Москва, ИС ФНИСЦ РАН)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ГРАЖДАН РФ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНЫХ ПОРЯДКОВ: ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОВЕСТКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

В драматической борьбе против гегемонии однополярного мирового порядка сложно переоценить роль цивилизационного потенциала ее участников. Поддержанная Институтом социологии ФНИСЦ РАН работа по развитию междисциплинарного исследовательского направления «Цивилизационная политология» включает задачу по формированию особой, «цивилизационной», научной поисковой программы на поле политического анализа. В нее включена теоретико-аналитическая база институциональной политологии — исследовательского подхода и методологической позиции, комфортной для выбора и настройки под задачи исследования инструментария разных поведенческих дисциплин и многочисленных ветвей институционализма (исторического, рационального выбора, социологического, конструктивистского, дискурсивного, философского, сетевого), что вполне благоприятствует и сопряжению посылок разных ответвлений формирующейся социологической парадигмы цивилизационного анализа.

Проведенный с методологических позиций институциональной политологии анализ данных общероссийских репрезентативных обследований (N 1000, июнь—июль 2022 г.) выявил практически полное отсутствие связи между цивилизационной мы-идентичностью респондентов (три группы выделены на основании сделанного выбора из меню закрытого вопроса: Россия — это в большей степени Европа; в большей степени Азия; Россия сама по себе) и их восприятием отечественной институциональной среды, ценностных оснований российского общества, характера политико-властных отношений. Схожие по социодемографическим характеристикам и профилю типа поселения обозначенные три группы респондентов солидарно невысоко оценили свою защищенность законом при взаимодействии с властью — 14%, 18% и 18% (здесь и далее приводятся ответы респондентов в следующей последовательности их выбора: «Европа», «Азия», «Россия»); защищенность своих основных гражданских прав; ориентированность отечественных законов на интересы граждан — 17%, 18% и 22%; ориентированность российской власти на интересы большинства населения — 20%, 20% и 24%. Пессимистичны оценки субъектности: 63%, 67% и 55% респондентов трех групп считают, что у них нет возможности влиять на принимаемые властью решения.

Побуждает к более углубленным обследованиям совпадение представлений респондентов групп, отличающихся разным цивилизационным позиционированием России, о «весе» ценностей, на которых основывается современное российское общество. К пяти доминирующим ценностям солидарно отнесены семья, собственность, личный успех, выгода, сила; к пяти самым депривированным — мораль, доверие, справедливость, равенство, уважение иного мнения. Эти данные представляют особый интерес для разработки и проведения стратегий по укреплению традиционных ценностей как основы российского общества. Не менее важно, что дифференцирующим критерием цивилизационной мы-идентичности не стали представления респондентов трех групп о желаемом будущем. Нет расхождений в определении целеполагания: Россия должна стремиться прежде всего к благу общества — 60%, 63% и 63%, к счастью каждого человека — 52%, 51%, и 49%, к величию государства — 38%, 41% и 41%. Совпадают представления о предпочтительных формах правления: первое место отдано меритократии, второе — представительной демократии, третье — лидерскому типу правления. Наиболее полезной для развития России солидарно названа демократическая форма политического и социального устройства. Примечательно, что большинство респондентов в группах с разными цивилизационными ориентациями полагает, что для России быть империей естественно — 60%, 64% и 68%.

В связи с продвижением идеи россиоцентризма отметим выявленные ярко выраженные противоречивые нормативно-ценностные, когнитивные, мотивационные и поведенческие установки респондентов, поддержавших одну из следующих точек зрения: 1. России пора отказаться от поисков особого пути и активнее осваивать опыт, накопленный другими странами; 2. Россия должна осторожно относиться к чужому опыту, у нее своя, неповторимая судьба. Приведем некоторые ответы респондентов двух групп на вопросы о характере отечественной власти и политики, о предпочтительных способах наделения сущего должным и содержании последнего: власть в России действует в своих собственных интересах — 49% и 28% (здесь и далее сначала приводятся ответы сторонников, а затем противников отказа России от поисков особого пути); политика в России основана на принципе закона — 24% и 49%; Россия должна прежде всего стремиться к благу общества — 45% и 65%, к величию государства — 24% и 43%, к счастью каждого человека — 60% и 47%; сегодня полезнее для России конкуренция между различными политическими силами 42% и 19%; для России быть империей естественно — 46% и 72%.

«ЦВЕТУЩАЯ СЛОЖНОСТЬ» ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТИ КАК РЕЗЕРВУАР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В антропологическом космосе во всех областях деятельности — социокультурной, политической, экономической — происходят существенные перемены, качественные и количественные: процесс, который можно охарактеризовать как цивилизационный транзит. Социогуманитарные дисциплины также оказались в ситуации эпистемологического поворота, модифицируя методологическую оптику и расширяя спектр исследований. Кроме того, события Нового и Новейшего времени при всех трагических изломах современной истории образуют вектор движения к универсальной эмансипации: восстановлению человека и суверенизации народов.

Три релевантные времени концепта являются предметом нашего внимания, отражая лейтмотив и ландшафт происходящего на планете переустройства: «цивилизационный транзит», «эпистемологический поворот» и «постколониальность». Постколониальность — сущностная черта возникающего миропорядка, и хотя колониальность как феномен и проблема продолжает существовать в современном мире, борьбу за политический суверенитет замещает практика глубокой деколонизации людей и сообществ. Преодолевая разнообразные версии природной, социальной и моральной угнетенности, постколониальность оказывается этапом устремленности к сложноорганизованному миру-устройству, определяющей характеристикой которого является суверенная личность.

Гибридный статус транзита в постколониях осложняется феноменом автоколониальности: узурпацией власти автохтонными правителями, продолжающими практику эксплуатации населения и присвоения национальных богатств, формируя режимы, в которых патримониальный неутраивализм, вождизм, клановость и семейный непотизм мимикрируют под современную политическую организацию, воспроизводя фасад демократических институтов, но лишая их соответствующего содержания.

Параллельно современная социокультурная инициатива производит нового человека и, модернизируя модели поведения, стимулирует становление гражданского общества. При благоприятном развитии происходит укрепление национальной идентичности, складывается средний класс, осваивается трансграничная политическая инфраструктура.

Совокупная постколониальная страта — от правительств и населения деколонизированных стран, обретших статус суверенов («мирового большинства»), до расселившихся по планете уже в нескольких поколениях переселенцев и их потомков, представленных сегодня на разных уровнях влияния в бывших метрополиях, международных организациях, академическом мире и культурных пространствах, а также экономических мигрантов и волн беженцев — все это свидетельствует скорее о симптомах «переселения народов», чем о дискутируемой в прошлом «утечке мозгов» или же «маргинальной гибридации», подтверждая мысль о пришествии в мир нового субъекта перемен.

Аккумулируя расовое разнообразие и заполняя демографическую емкость планеты, трансгрессируя африканство, афро-американизм, афропейство или же «бёризм», мозаичная «темнокожесть» становится неоднородным, противоречивым, но влиятельным фактором исторического процесса, воздействуя на мировую повестку и на внутривнутриполитические процессы в, парадоксальным образом, «реколонизируемом» мире. Цель — авторское соучастие *people of color* в сюжетах цивилизационной навигации.

Результат — присутствие в политико-управленческом корпусе крупнейших стран Севера фигур, чей генезис, причем вне прямой связи с политической ориентацией, в немалой степени обязан динамике состава избирателей: Барак Обама, Камала Харрис, Никки Хейли, Хаким Джеффрис, Талси Габбард, Вивек Рамасвами, Кондолиза Райс, Колин Пауэлл, Ллойд Остин, Чарльз Куинтон Браун, Риши Сунак, Хамза Юсуф, Садик Хан, Дэвид Лэмми, Найджел Фарадж, Прити Пател, Карим Ахмат Хан и т.д.

«Темнокожесть» оказывается некоей совокупной характеристикой, определяющей специфику нового инициативного класса, занимающего политически важную нишу в стратегически значимый момент истории, продуцируя изобилие «свободных радикалов», отлученных от стран и весей, перезагружая маршруты привычного мейнстрима или перемещаясь по нехоженным тропам. Как результат, на планете образуется многочисленное, многообразное и активное номадическое сообщество, не укладывающееся в прокрустово ложе географической локализации и национальной государственности.

Образуя своего рода «резервуар развития» и демонстрируя потенциал амбициозного «проекта планетарного масштаба» (Ашиль Мбембе), постколониальная инициативная страта укрепляет солидарные позиции, деколонизируя Современность и рождая альтернативные сценарии оккупации будущего.

Постсовременность, делая ставку на творческий фермент, экспериментируя с разнообразием путей самоорганизации и самореализации, оказывается в симбиотическом союзе с постколониальностью, являющейся, фактически, ее фрактальным изводом. Сегодня бывшие обитатели третьего мира, обращая прежние обременения в ресурс, осваивают планету, образуя коалиции конструктивного/деструктивного толка, и, обретая стратегическую субъектность, перехватывают историческую инициативу.

Некрасов К.А.

(Екатеринбург, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЕДИНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Взаимодействие органов власти различного уровня является необходимым фактором поддержания социального порядка, стабильности политической системы. Включение институтов местного самоуправления в систему единой публичной власти, с одной стороны, повысило их политической статус, подчеркнув равнозначность разных уровней политического управления государством в реализации задач его развития, с другой стороны, снова актуализировала вопрос о степени самостоятельности политических решений, принимаемых на разных уровнях политического управления.

Сохранение политической субъектности органов местного самоуправления, обеспечение баланса интересов на разных уровнях политического управления во многом будет зависеть от степени институализации отношений разных уровней власти. Важным фактором такой институализации стало конституционное определение целей и задач указанного взаимодействия: обеспечение наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Такое определение очертило круг социальных ценностей и потребностей, на поддержание которых оно должно быть направлено.

Во-вторых, органы местного самоуправления стали частью единой системы публичной власти. Властные институты разных уровней получили целевую ориентацию не только с точки зрения социальных ценностей, определяющих их смысловое назначение, но и их роли в политической системе, было подчеркнуто их равнозначное функциональное значение в реализации государственных приоритетов.

В-третьих, были конкретизированы ряд норм, касающихся порядка построения взаимоотношений между государственным и муниципальным уровнями власти. При всей дискусионности данных норм (особенно, в части случаев, допускающих участие государственных властных институтов в формировании институтов местного самоуправления) была внесена большая институциональная определенность во взаимодействие между разными уровнями политического управления государством.

Закрепление статуса органов местного самоуправления как одного из институтов в системе публичной власти, придание этому статусу конституционного значения актуализировало споры о фактическом политическом статусе институтов местного самоуправления, их властной субъектности. С точки зрения оценки степени институализации взаимодействия уровней власти конституционное закрепление его целей, функционального назначения, ключевых подходов очерчивает институциональные рамки отношений органов власти, обеспечивает более эффективную реализацию принципа разделения властей и должно содействовать поддержанию социального порядка.

Вместе с тем, завершенность институционального оформления взаимоотношений между разными уровнями политического управления будет зависеть от целого ряда факторов: последовательности в сохранении содержания заявленных в Конституции РФ целей и ценности в нормативных правовых актах, закрепляющих подходы к функционированию единой системы публичной власти, четкого определения содержания введенного нового и ключевого для указанного взаимодействия понятия «публичные функции», фиксации порядка его ресурсного обеспечения, определения финансовых полномочий институтов местного самоуправления. Анализ уже принятых норм указывает, что данная последовательность соблюдается не всегда: федеральные законы, определяющие принципы и подходы функционирования единой системы публичной власти, никак не раскрывают ее содержания, не дают ее определения, а лишь только именуют субъектов публичной власти. До сих пор нет понимания содержания «публичных функций», их содержания, направлений, конкретных подходов к реализации и их ресурсному обеспечению.

Без снятия указанных противоречий дальнейшая институализация взаимодействия разных уровней власти может быть затруднительна, обеспечение достижения его целей, удовлетворения социальных потребностей, ради которых оно осуществляется, могут быть затруднены.

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗОВ РОССИИ. ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О БУДУЩЕМ РОССИИ

Интерес к теме российской национально-государственной идентичности имеет большое значение, поскольку продиктован серьезными вызовами современности. В условиях внешней нестабильности, особенно после начала операции СВО, отношение к своей стране начинает сильно меняться. Ситуация отчасти напоминает конец 1980-х — начало 1990-х годов, когда исследователи говорили об отрицательных оценках собственной страны и желании (пусть порой и декларируемое) из нее уехать, констатировали отрицательное отношение к стране и желание из нее уехать. После начала СВО мы так же наблюдаем поляризацию отношения к собственной стране (от обвинений России в агрессии до лояльной поддержки власти в отношении внешней политики).

Среди вопросов, которые задают исследователи, являются следующие: «Кто мы?», «Чем является наша страна?», «Кто наши друзья и враги в современном мире?».

Кафедра социологии и психологии политики факультета политологии МГУ уже много лет проводит исследование по восприятию образов России.

Политико-психологический анализ позволяет не только оценить рациональные оценки образа страны, но и выяснить более глубинные, бессознательные составляющие образа страны. По методологическому инструментарию настоящее исследование близко к восприятию образов власти.

Среди сильных сторон страны на всех этапах исследования назывались следующие: люди, природные ресурсы, история.

Существенным отличием от прежних этапов исследования является то, что в октябре 2023 года почти у трети опрошенных позитивно стало восприниматься государство. Во многом это связано с удержанием ситуации в стране, с некоторой условной стабильностью (при большом количестве прогнозов, что в ситуации изоляции страны экономическая ситуация изменится к худшему).

Слабыми сторонами России (как и в прошлые периоды исследования) назывались — недостаточное развитие экономики, науки, образование, низкий уровень жизни.

Произошли изменения и в качествах образа России (ответ на вопрос, что вызывает чувство гордости). Так, в октябре 2023 г. чувство гордости вызывают такие характеристики, как: — территория, — наличие большого количества ресурсов, — талантливые (хорошие, добрые, отзывчивые) люди, — большой потенциал. Кроме того, появились характеристики, связанные с внешней ситуацией: «великая держава», «не дает себя в обиду», «может держать удар», «сохраняет независимость», «способна отстаивать свои интересы. В свою очередь чувство стыда связано с такими факторами, как — бездействие (или недостаточная активность власти), коррупция, сильное расслоение общества, отсутствие благосостояния народа.

На бессознательном уровне восприятия образа России включает в себя такие позитивные черты, как природа, территория, национальная культура и достижения. Среди недостатков называют следующие: негативная социально-экономическая ситуация, сложившиеся границы между элитами и простыми гражданами, отрицательные оценки власти, а также негативные внешние факторы, большое количество врагов и изоляция страны.

На данном этапе исследования нас также интересовал вопрос о будущем страны, что ожидает Россию через 5 лет. Хотелось бы провести некоторые предварительные результаты.

Более половины опрошенных смотрят в будущее довольно позитивно, считая, что нашу страну ждет политическое и экономическое развитие, улучшение экономического потенциала. В свою очередь каждый третий считает, что, наоборот, Россию ждет ухудшение экономического потенциала и социально-политические потрясения.

В ходе исследования выяснилась территориальная специфика. Более оптимистично оценивают будущее России жители регионов (особенно жители новых регионов). Более критичны и пессимистичны — представители двух столиц.

Можно выделить следующие группы ожиданий будущего страны.

- **Ожидание мира:** оценки связаны с окончанием СВО, присоединением новых территорий. Большинство респондентов считает, что СВО будет окончена в ближайшие два года, Россия приобретет новые территории: «победа СВО, присоединение Левобережной Украины, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья» (противоположных оценок, что «война затянется» меньше).
- **Беспокойство, связанное со сменой власти в России:** «Смена власти», «Путин уйдет с поста президента. В России начнется смута».

- **Экономическое развитие:** оценки двойственны. Так часть респондентов считает, что Россию ожидают экономический рост и развитие производства. Другие считают, что экономическая ситуация будет ухудшаться, что приведет к увеличению безработицы и росту цен.
- **Международные отношения:** участники исследования отмечают, что будут устанавливаться новые международные связи (при этом считают, что сохранится конфронтация с западными странами).

Нефёдов А.В.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОАФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ГУМАНИТАРНЫЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

С 2017 г. Россия оказывает военную помощь Центральноафриканской Республике в борьбе с вооруженными группировками. За несколько лет Москва добилась таких результатов, которых не достигли западные страны за десятилетия своего присутствия. Однако если военная помощь освещалась в мировых и российских СМИ, то гуманитарные инициативы России в ЦАР часто оставались незатронутыми.

Советский Союз также активно прибегал к использованию инструментов, которые в современных терминах относятся к «мягкой силе», а некоторые советские инициативы стали прообразом ряда российских проектов в ЦАР. При поддержке СССР в столице ЦАР — Банги — были построены: культурный центр, Дом матери и ребенка. Кроме того, центральноафриканские студенты регулярно направлялись на обучение в Москву¹.

Период 1990-х гг. отмечен трудностями в российско-центральноафриканских отношениях, многие проекты гуманитарного сотрудничества были свернуты. Ситуация стала меняться после 2017 г., когда президент ЦАР Ф.А. Туадера обратился за помощью к России. В августе 2018 г. Россия и ЦАР подписали соглашение о военно-техническом сотрудничестве, а во время выборов 2020–2021 гг. Россия предотвратила попытку государственного переворота в ЦАР.

Гуманитарное сотрудничество РФ и ЦАР многоаспектно и, прежде всего, включает помощь центральноафриканскому населению. Например, посольство РФ в Банги предоставляет местным школам спортивное снаряжение, школьные наборы. В разгар пандемии COVID-19 в Банги прибыл самолет с медикаментами из России. В 2021 г. Москва направила в ЦАР партию тракторов, а в августе 2022 г. передала 540 тонн желтого гороха для борьбы с последствиями продовольственного кризиса, разразившегося на африканском континенте².

Культурные и спортивные мероприятия являются неотъемлемой составляющей российской политики в ЦАР. При поддержке посольства РФ в Банги (столице ЦАР) в 2018 г. были организованы футбольный чемпионат, конкурс красоты Мисс ЦАР, а также конкурс детских рисунков «Мир глазами детей». Победители конкурса детских рисунков получили путевки в детский лагерь «Артек». При российской поддержке были также проведены чемпионаты по тэквондо (2018), чемпионат по жиму лежа (2019) и др.³

Кроме того, Россия использует инструменты воздействия на общественное мнение в ЦАР. В стране действуют организации, регулярно проводящие мероприятия в поддержку России и Ф.А. Туадера: *Talitha Koum*, *Galaxie Nationale*, *Azimet Vivre Ensemble en Paix*, *A Mama ti Touadera*. С ноября 2018 г. в ЦАР осуществляет вещание радио *Lengo Songo*, созданное при российской поддержке.

Новым этапом стало открытие в декабре 2021 г. Русского дома. Впервые с 1979 г. в Банги вновь заработал российский культурный центр. Русский дом организует курсы русского языка, а также показы патриотических фильмов. В рамках российско-центральноафриканского сотрудничества в 2021 г. был снят фильм «Турист», основанный на реальных событиях и повествующий о помощи российских инструкторов в борьбе с вооруженными группировками. Фильм пользуется популярностью как в России, так и в ЦАР.

С конца 2021 г. развивается сотрудничество в религиозной сфере. В декабре 2021 г. Русская православная церковь (РПЦ) создала экзархат Африки, под юрисдикцию которого перешли некоторые священники Александрийского патриархата в связи с неприятием решения о признании автокефалии

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 626. Оп. 39. П. 25. Д. 3.

² Посольство Российской Федерации в Центральноафриканской Республике. Интервью Посла России в ЦАР А.М. Бикантова информационному агентству РИА Новости URL: https://rca.mid.ru/ru/press-centre/news/intervyu_posla_rossii_v_tsar_a_m_bikantova_informatsionnomu_agentstvu_ria_novosti/ (дата обращения: 19.09.2024).

³ *Dukhan N.* Central African Republic: Ground Zero for Russian Influence in Central Africa. Washington, DC: Atlantic Council, 2020.

Православной церкви Украины. В 2022 г. в ЦАР прибыл священник Григорий и совершил обряд крещения 150 верующих. К концу 2022 г. в ЦАР православный храм *Saint André* перешел под юрисдикцию Московского патриархата, а его приход стал частью всего российского прихода верующих.

Таким образом, Россия эффективно использует инструменты «мягкой силы» в ЦАР для продвижения своих интересов на африканском континенте. Создание собственных СМИ в стране и привлечение на свою сторону местных изданий позволяют эффективно бороться с информационным давлением западных и особенно французских медиа. Российско-центральноафриканские отношения многогранны, а военное сотрудничество с этой страной дополняется комплексом инструментов «мягкой силы», обеспечивающих популяризацию русского языка и культуры, а также продвижение российских интересов в Африке.

Нечаев Д.Н.

(Орел, Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

ПАРАДИГМА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО АРОМОРФОЗА В НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВЫХ ПОЛИТИЙ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ИДЕОАДАПТАЦИЯ, КАТАМОРФОЗ, ГИБРИДНАЯ МОДЕЛЬ

На постсоветском пространстве приобретает особую актуальность процесс нациестроительства новых государств, ставших политическим феноменом по результатам сецессии национальных окраин СССР. Стоит также подчеркнуть, что учреждение новых политий и нациестроительство выступает очень значимым фактором, поскольку для молодых государств важно быть не только сложившейся и состоятельной политией, но и нацией. Ведь без статуса государства-нации каждая полития оказывается вне серьезной игры на международной арене.

Одним из форматов нациестроительства, который выступает скрепляющим конструктом государственной состоятельности, является этнополитический ароморфоз. Нациестроительство, на наш взгляд, стоит определить, как сочетание этнического фактора, в частности, национализма, сопряженного с политическими ценностями государства, разделяемыми большинством населения политии.

Сама дефиниция ароморфоза, как эволюционной теории А.Н. Северцова, была интегрирована автором из биологической науки (реакции на раздражения, исходящие от измененных условий среды) в науку политическую в качестве новой парадигмы. Данная парадигма объясняет сложные этнополитические процессы в новых государствах постсоветского пространства, приспособления этнических групп (преимущественно, подчиненных) к титульным нациям и к процессам формирования гражданских идентичностей молодых политий.

В парадигме этнополитическим ароморфозом важно видеть и понимать процесс нациестроительства как трансформации идентичностей этнических групп в целях формирования политических наций, как «мягкого» эволюционного процесса, так и в радикального, «жесткого» процесса. В этой связи важно выделить и три модели этнополитического ароморфоза. В рамках первой модели идиоадаптации агенты идентичности (государственные институты, титульные нации) содействуют приспособлению, последовательным эволюционным изменениям подчиненных этнических групп, включая этнические меньшинства, к сложившемуся политическому порядку. Данная модель этнополитического ароморфоза происходит в России, в Азербайджане, в Казахстане.

В рамках второй модели этнополитического катаморфоза агенты идентичности реализуют жесткий процесс поглощения подчиненных этнических групп либо в формирующуюся гражданскую (государственную) идентичность, либо в титульную нацию. Согласно нашей позиции это процесс создает условия в новых политиях для этнополитической дегенерации этнических меньшинств, трансэтнического перехода подчиненных групп в иные идентичности в аспектах «репрессивной толерантности» государства и правящих этнократических элит. Модель этнополитического катаморфоза, которая распространена в республиках Прибалтики, на Украине, представляет собой жесткую зачистку этнической идентичности не титульных наций, приводящей к дегенерации подчиненных этнических групп и меньшинств.

Опираясь на массив данных по этим кейсам Прибалтики и Украины, имеет смысл сформулировать и парадигмальную теорию трансэтнических переходов одних этнических (подчиненных) групп в другие этнические и гражданские идентичности. И данные переходы во многом базируются на утверждении социолога из США К. Калхуна о том, что нации не являются вечными сущностями. Данная авторская теория близка к идеям американского этнополитолога Р. Брубейкера, который новаторски подходит к анализу концепта неурегулированных идентичностей, а также процесса транс-

перехода как проникновения гендера или расы на чужую территорию, перехода этих феноменов, например, расы, из одной категории в другую. В рамках парадигмы этнополитического ароморфоза логичным представляется и выделение гибридной модели как эволюционного процесса, движения от модели идиоадаптации к модели регулируемых агентами идентичности регрессивных изменений в положении подчиненных этносов.

При реализации моделей этнополитического ароморфоза в процессах нациестроительства новых государств на постсоветском пространстве важно уделять особое внимание роли агентов идентичности. В первую очередь, государству и его учреждениям, а также, во вторую очередь, степени репрессивности политических режимов, негосударственным институтам, осуществляющим функции смыслопроизводства. При претворении в жизнь моделей этнополитического ароморфоза важно понимать и процесс сопротивления подчиненных этнических групп, типы идентичности данных групп, например, эластичный или жесткий. Не стоит исключать и поведение внешнеполитических акторов, в особенности крупных государств, которые могут быть заинтересованы в мягком или жестком варианте нациестроительства в новых государствах.

Нечай А.А.
(Санкт-Петербург, СПбПУ)

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ КИТАЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Многополярность становится одним из важнейших принципов внешней политики. На данный момент мировая система находится в состоянии трансформации, направление развития которой во многом зависит от деятельности крупнейших держав. Особая роль в этом вопросе отдается Китайской Народной Республике как державе, стоявшей у истоков формирования многополярности после окончания периода «холодной войны» (1945–1991).

Многополярная модель мироустройства появляется в китайском политическом дискурсе, начиная с 1992 г. Основы для этого закладывает Цзян Цзэминь 江泽民, а Ху Цзиньтао 胡锦涛, в свою очередь, не сменяет вектор внешнеполитического курса, но дополняет его теорией «гармоничного мира» 和谐世界理论 Хэсе шицзе лилунь. Руководства третьего и четвертого поколений интегрируют концепцию многополярности во внешнеполитический курс КНР путем установления и развития дипломатических отношений с другими государствами; в своих выступлениях и заявлениях указывают на несостоятельность гегемонистской системы международных отношений; развивают военное сотрудничество с другими акторами, способствуют росту Китая изнутри, а на международном уровне развивают идею о том, что только с развитым Китаем удастся добиться развития всего мира. Для популяризации китайской силы используют «мягкую силу» во внешней политике.

После прихода к власти Си Цзиньпина 习近平 в 2013 году реализация концепции многополярности входит в следующую фазу своего развития. Новый Председатель КНР заявляет о том, что будет продолжать внешнеполитический курс, заданный его предшественниками. В первую очередь, китайское правительство продолжает активно распространять идею многополярного мира на международной арене через выступления и совместные заявления, в том числе с РФ.

Для ускорения темпов роста глобализации, экономического роста ряда государств и содействия формированию нового международного порядка на взаимовыгодных условиях Китай выдвигает внешнеполитические концепции «дипломатия великой державы с китайской спецификой» 中国特色大国外交 Чжунго тэсэ да го вайцзяо, «новый тип отношений между великими державами» 新型大国关系 Синьсин да го гуаньси, «Сообщество единой судьбы человечества» 人类命运共同体 Жэньлэй минъюнь гунтун ти и инициативу «Один пояс, один путь» 一带一路 И дай и лу. Концепция Сообщества единой судьбы человечества предлагает альтернативный путь развития международных отношений, противопоставляя его традиционным моделям, основанным на конфронтации и конкуренции. В этом контексте концепция рассматривается как попытка Китая реформировать существующий международный порядок, делая его более инклюзивным и справедливым. «Сообщество единой судьбы человечества» КНР реализует через различные механизмы. Так, китайская сторона продвигает данную концепцию на региональный уровень в рамках АТР и способствует ее интеграции в договоры международных институтов. Китайская сторона принимает активное участие в реформировании существующей системы глобального управления.

15 марта 2023 г. Си Цзиньпин предложил Глобальную инициативу цивилизаций (ГИЦ) Цюаньцю вэньмин чаньи 全球文明倡议. Это еще одна глобальная инициатива, выдвинутая КПК вслед за Глобальной инициативой развития (ГИР) Цюаньцю фачжань чаньи 全球发展倡议, провозглашенная на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 21 сентября 2021 г. и Глобальной инициативы безопасности (ГИБ) Цюаньцю аньцюань чаньи 全球安全倡议, провозглашенной

на церемонии открытия Боаского азиатского форума 21 апреля 2022 г. Концепция Сообщества единой судьбы человечества и три связанные с ней инициативы представляют собой стратегические направления внешней политики Китая, отражающие его стремление к созданию более гармоничного и устойчивого мира.

В вопросе участия КНР в формировании нового международного порядка инициатива «Один пояс, один путь» выступает определенным индикатором. Если рассматривать основные критерии многополярности через призму данной инициативы, то ярко прослеживается корреляция между ними.

Китай проводит активную политику сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Африки, основанную на взаимном доверии, взаимовыгодном взаимодействии и справедливости путем выступлений, совместных заявлений и подписанием международных соглашений.

Особое внимание китайская сторона уделяет идее глобальной безопасности на разных уровнях и в разных областях, участвуя в повышении уровня безопасности в развивающихся странах и призывая мировое сообщество сотрудничать в сфере кибербезопасности. В период пандемии COVID-19 КНР оказывает гуманитарную помощь, следуя при этом идеям, которые пропагандирует в своем внешнеполитическом курсе.

Отдельно стоит отметить политику КНР в финансово-валютной сфере. Китай предпринимает ряд действий для уменьшения финансового влияния на США в зоне АТР путем создания глобального финансового института и Нового Банка Развития.

Если проанализировать внутреннюю и внешнюю политику руководителей третьего, четвертого и пятого поколений, то становится очевидным, что с 1992 по 2013 г. китайское правительство скорее проводило подготовку к будущим изменениям. Этот период можно рассматривать больше, как теоретический. В свою очередь, период с 2013 по 2023 г. можно назвать практическим. Китай не только продолжает заявлять о своих намерениях строительства нового многополярного мира, но и ведет активную международную деятельность. Внешняя политика Китая, основанная на пяти принципах мирного сосуществования, способствует росту экономики развивающихся государств и, как следствие, сокращению разрыва между богатым Севером и бедным Югом. Помимо этого, китайская сторона стимулирует ускорение темпов роста глобализации и интеграции. При этом сам Китай, увеличивая свою мощь и влияние, получает ресурсы для реализации намеченного курса.

Никипорец-Такигава Г.Ю.
(Москва, НИУ ВШЭ)

«НЕЗАПАД» В НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ: ВЫБИРАЯ КОНФИГУРАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Россия, начав СВО, запустила тренды снижения глобальной власти США как единственной страны-гегемона и осознания странами мирового большинства себя, во-первых, большинством, и, во-вторых, способными сформировать и развивать самостоятельные полюсы власти. Запустив тем самым еще один тренд: мировой порядок движется к мультиполярности. При которой США некоторое время будет оставаться полюсом власти, но только для ряда стран, которых называют «коллективным Западом» и которых не очень много — примерно 56, если причислять к ним все те страны, которые поддерживают США в их антироссийской политике. *Status quo* мирового порядка является основанием политической идентичности данного меньшинства стран. Что касается большинства, они против однополярности и открыты к выбору разных конфигураций международного сотрудничества. Этому способствует и то, что незападное большинство (далее незапад) представляет собой не только больший количественно, территориально и ресурсно, но и гораздо более сложный конгломерат.

У незапада есть цементирующее основание для политической самоидентификации — резкое неприятие неоколониальных практик Запада во главе с США перераспределять мировое богатство в свою пользу, а также принуждать мир к выполнению неких неписаных правил. Стремление к равенству на мировой арене всех ее акторов тоже является общим для стран незапада. Но между ними существует значительный социальный, экономический, технологический и цифровой разрыв. Они на разной стадии преодоления колониального прошлого. Среди них есть крупнейшие экономики и ресурсы, большинство же представляют собой страны с низким уровнем социально-экономического развития. Из-за такой разницы и разнообразия современный мировой порядок будет допускать сосуществование и умножение разных конфигураций международных отношений.

Некоторые конфигурации уйдут в прошлое как рудименты однополярности. «*Hub and spokes*», где гегемоном недавно стали США, плохо работает и удерживает вассалов, находящихся в тесной зависимости от США по итогам Второй мировой войны, при помощи жесточайшего контроля и различных криминальных техник, подобных взрыву Северного потока и убийству Синдзо Абэ. НАТО — это тоже

уходящий формат, как и практика полного делегирования вопросов национальной обороны и безопасности на внешний контур (случай ЕС). Все эти институты из-за принятия новых членов по итогам распада СССР теряют системную устойчивость, утрачивают единство, их члены постепенно уменьшают объем обязательств или вообще выходят из альянсов.

Несовместимы с новым мировым порядком и другие институты, инициированные США: *QUAD*, а также близкородственный ему *AUKUS*. Их антикитайская направленность и сущность так же ясна, как антироссийская в случае Новой Антанты, которую в 2024 году предложили сконфигурировать Стефан Сежурне вместе с Дэвидом Кэмэроном. Если Старая Антанта решала интересы колониального раздела преимущественно тех стран, которые сейчас относятся к незападу и определяют контуры нового мирового порядка, то Новая Антанта формулирует свои цели таким образом: помочь Украине победить Россию; победить Россию в целом, любыми руками и способами; а также помочь бедным странам финансово справиться с вызовами изменения климата.

Подобные реанимации на основе новых сомнительных целей старых плохо работающих союзов абсурдны, ревитализация институтов однополярности крайне неэффективна и временна. Незапад заинтересован в международных партнерствах, которые смогут обеспечить гарантии экономического выживания стран в относительной безопасности, помогут решить задачи социально-экономического развития в условиях ограниченных ресурсов, но уважая национальные интересы и не посягая на суверенитет. Партнерство с США, которые инерционно реплицируют неоколониальные подходы, не дает гарантий отсутствия данных посягательств. БРИКС и его участники вызывают больше доверия у растущего числа западных стран. Но скорее всего, опять же в силу уже упомянутого разнообразия стран, входящих в западное мировое большинство, им не предстоит выбор одного какого-то типа партнерства и определенного партнера. К новым политическим реалиям относится то, что развивающаяся мультиполярность расширяет палитру выбора, сейчас ограниченную условиями однополярности, а также позволяет странам оставаться открытыми для многих форматов, ситуативных и долговременных, но прежде всего продиктованных национальными интересами безопасности и экономического процветания.

Никитин А.И.
(Москва, МГИМО МИД России)

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «МИРОВОЕ БОЛЬШИНСТВО» В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ*

В современном информационном поле и дискурсе вокруг места России в миропорядке стало все шире использоваться понятие «мировое большинство». Оно противопоставляется понятию «коллективный Запад» (терминологическая альтернатива «мировое меньшинство» не используется). Министр иностранных дел РФ С. Лавров ввел в оборот в роли антонима понятию «коллективный Запад» понятие «коллективный Восток», которое по смыслу начало употребляться как синоним понятия «мировое большинство», хотя очевидно, что не все страны этой группы находятся на географическом востоке планеты.

Предполагается, что в «мировое большинство» входят все страны, которые симпатизируют России, поддерживают ее, не участвуют в антироссийских санкциях, противостоят доминированию «коллективного Запада». Однако понятие сформировалось скорее как «журнализм», превращение его в политологический концепт требует серьезной проработки и уточнений.

Авторы проекта задались целью операционализации концепта «мировое большинство» посредством сравнительного анализа голосований всех стран-членов ООН по ряду резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, содержащих прямо или косвенно отношение к международным действиям России. Был проведен подсчет стран, голосовавших «за», «против» и «воздержавшихся» как по резолюциям, предложенным западными инициаторами и Украиной, так и по альтернативной резолюции, внесенной ЮАР, КНР и другими странами.

Анализ агрегированных показателей позволил разбить все страны на конкретные группы «радикального Запада», «умеренного Запада», «нейтрального отношения», «симпатизирующих России», «поддерживающих Россию», «партнеров России» и выделить типовые реакции в мировом общественном мнении.

Это различие отношений к России и российской политике было проверено на оценке усредненной реакции разных групп стран к ходу и результатам президентских выборов 2024 г. в России. В результате

* Исследование выполнено по гранту ИЭСИ в ИНИОН РАН номер 124101700551-1 «Президентские выборы 2024 г. в России: реакция в ближнем и дальнем зарубежье и стратегии дальнейшей легитимации электоральных результатов».

построен многосекторный спектр стран с точки зрения их отношения к России и антироссийским санкциям, который позволяет разбить «мировое большинство» на ряд конкретных секторов и предложить более многофакторную оценку имеющихся в мире восприятий России и ее политики.

Отношение руководства разных стран к России неверно делить на строго «черное» и «белое». Более 90 стран из 193 государств—членов ООН стараются дистанцироваться от занятия однозначной позиции по вопросам российско-украинского конфликта, относятся к группе, претендующей на нейтральность или игнорирование проблемы.

Между тем методологически важно понимать, что «отношение руководства государств» неравносильно «отношению обществ, населения, народа» соответствующих стран. Дополнительное привлечение результатов опросов общественного мнения позволило, в частности, выявить, что в ряде стран, руководство которых не поддержало и не ввело санкции против России, существует сектор общественного мнения, стоящий на позиции поддержки применения санкций в отношении Москвы. В частности, 15% участников опрошенной выборки в Китае поддерживают санкции, а до 80% не поддерживают. В Аргентине 36% выборки, то есть каждый третий гражданин страны, поддерживают введение санкций, но почти две трети не поддерживают. В Саудовской Аравии число поддержавших саму идею введения санкций — 30%, но две трети против санкций как инструмента политики. Только 23% опрошенных в Турции выступили за санкции, это примерно каждый четвертый из опрошенных, тогда как почти три четверти турецких граждан не считают верным и нужным введение антироссийских санкций.

Отношение руководства государств к России и российским инициативам также отражается в росте стран-претендентов на вступление в Шанхайскую организацию Сотрудничества (ШОС) и объединение БРИКС+, в которых Россия играет ведущую роль. 19 стран выразили интерес к вступлению в перспективе в объединение ШОС. Речь идет о восьми странах ближневосточного региона (Египет, Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Сирия, Ирак), о девяти странах остальной Азии (Турция, Шри-Ланка, Непал, Мьянма, Мальдивы, Камбоджа, Вьетнам, Афганистан, Монголия), а также о странах Южного Кавказа (Армения, Азербайджан). После саммита БРИКС в 2023 г. в ЮАР и приглашения в состав группы шести новых стран-участниц о намерении присоединиться к межминистерским форматам консультаций БРИКС заявили 17 стран, а по итогам саммита в Казани в 2024 г. 13 стран получили статус «стран-партнеров» БРИКС+ (Алжир, Белоруссия, Боливия, Вьетнам, Индонезия, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Турция, Уганда, Узбекистан). Эти страны и должны быть объединены в группу «партнеров», а те их них, кто относится к постсоветскому пространству и СНГ, получают статус «привилегированных партнеров» России.

Никитина М.В.

(Черноголовка, МБОУ «Черноголовская СОШ»)

ШКОЛА КАК АГЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Сегодня проблема политической социализации молодежи стоит наиболее остро. От успешности освоения политической культуры, гражданственности, ценностных ориентиров молодыми людьми в возрасте от 14 до 18 лет зависят перспективы развития политической системы России, формирования правового государства, гражданского общества, сохранения суверенитета страны. С позиции государства от школы ждут эффективных результатов политической социализации молодых людей. Большую роль в процессе освоения политической социализации, правовой, информационной культуры и государство, и общество возлагает на такие предметы, как история, обществознание.

Но действительно ли школа справляется с ролью агента политической социализации? В своей работе мы отталкиваемся от гипотезы — современная школа является агентом политической социализации и создает условия, используя различные подходы, для успешной политической социализации молодежи, в частности молодых людей, стремящихся к политической деятельности. Мы провели свободное интервьюирование молодых людей, средний возраст 22 года. Все молодые люди имели опыт политической активности. Главная задача интервью: проанализировать на примере различных кейсов, как молодые люди приходят в политику, какой имеют результат политической социализации на момент окончания школы. Какие возможности дает школа для политической социализации, какие проблемы видят бывшие выпускники школы в организации процесса политической социализации. Проведя исследование, мы пришли к определенным заключениям. У молодых людей, которые начинают пробовать себя в политической деятельности, школа сыграла роль агента политической социализации. Первичное знакомство с политикой, с основами политической культуры, базовыми навыками и умениями, на основе которых можно строить и развивать политическую карьеру, закладывается в школе. Проба своих способностей, как у многих музыкантов, спортсменов, тоже происходит в школьной

среде. Интерес к политике зарождается на уроках, но поддерживать и развивать его одними уроками недостаточно, и как школа выявляет таланты в музыке, спорте, поэзии через кружковую работу, внеурочную деятельность, дополнительное образование, так школа может создавать условия для роста активных, зрелых, сознательных граждан и, возможно, будущих политиков. Школа должна оставаться нейтральной в оценке политических событий, не навязывать и не подавлять, как отмечается всеми участниками бесед и интервью, это может дать только обратный эффект, но сформировать гражданскую позицию, научить различать радикализм, нацизм от патриотизма, уважение к историческому опыту страны, пользоваться различными источниками при оценке событий — школа в силе.

Еще одно направление нашего исследования — выявление проблем современной школы, которые сдерживают процесс политической социализации или делают его менее эффективным. Мы проанализировали предложения молодых политических активистов, студентов, явно проявляющих интерес к политике, что можно и нужно применить для наиболее конструктивной и «полезной» политической социализации. Свои умозаключения мы преобразовали в таблицу с цитатами из интервью непосредственных. Наиболее важные и общие тезисы, которые должны учитывать в процессе социализации на школьной ступени. Отмечается, что в школе мало площадок для диспутов, политические темы, события обсудить нигде и не с кем, молодые люди с только формирующейся позицией остаются «один на один» с эмоциями, информацией, которая остается не проговоренной. Наблюдается дефицит гуманитарных предметов, а их роль в политической социализации, как уже говорилось неоднократно — огромна, не хватает философских знаний, знаний по всемирной истории, основ социологии. Отсутствует единая система организации процесса политической социализации в школе: «либо процесс организуется от случая к случаю», либо «везет тем школам, где есть самоуправление», на практике применить свои теоретические знания возможности нет. В связи с этим есть предложения-рекомендации от студентов и молодых активистов: необходимо выстроить учебный процесс таким образом, чтобы школьники много читали и читали разной литературы, лучше первоисточники, возможно через проектную деятельность, конференции, дебаты. Разработать траектории развития для активных школьников, создавать различные платформы для самореализации учащихся, даже если они напрямую не касаются развития политической культуры. Привлекать к работе со старшеклассниками представителей муниципальных и региональных органов власти, дать учащимся возможность поучаствовать в совместных с администрацией города, муниципального образования проектах по благоустройству. Главный принцип, которого необходимо придерживаться в работе с детьми: «тебе надо чего-то хотеть», «это касается каждого из нас». Такая позиция, по мнению интервьюеров, возможно, не приведет школьника в большую политику, но поможет воспитанию и формированию активного гражданина.

Никитина К.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИИ СИМБИОТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Исследование природы и мотивов деятельности человека в последние годы характеризуется интересом к мозговой активности и проблемам изучения человеческого сознания. Развитие нейротехнологий и когнитивных наук преподносит новые методы наблюдения за деятельностью мозга и ее корреляции с поведением человека, что открывает возможности для анализа процессов принятия решений на более глубоком уровне. Представления о деятельности мозга содержат потенциал производства моделей для решения политических проблем, а также становятся источником интерпретации различных явлений международных отношений.

Примером адаптации представлений о деятельности мозга к теории международных отношений служат идеи Найефа Аль-Родана, предполагающие анализ проблем безопасности с учетом нейробиологической интерпретации политического поведения человека. Автор теории выступает за ревизию неореализма и его трансформацию в «симбиотический реализм», в основе которого лежит концепция безопасности по принципу выигрыша с множественной суммой. Сила государств включает в себя когнитивные и нормативные механизмы, благодаря которым можно выстроить сбалансированную систему международной безопасности, основанную на симбиозе международных акторов.

Предлагая переосмысление рациональной составляющей в поведении государств, Н. Аль-Родан стремится устранить пробел неореализма, который заключается в недостаточном обосновании связи между проблемой войны и морально-психологическими качествами, обуславливающими поведение человека. Исследователь придерживается следующей точки зрения: человек — это «эмоциональный

аморальный эгоист», поскольку моральные качества усваиваются, наряду с групповыми ценностями, связанными с базовой формой эгоизма — стремлением к выживанию.

Данная точка зрения обуславливает восприятие государств как нерациональных акторов международных отношений, которые действуют по привычным, ранее усвоенным сценариям. Поведение и образ стратегического мышления государства на международной арене формируются под влиянием эмоций, исторических нарративов и коллективных воспоминаний, которые в совокупности представляют собой когнитивные и нормативные механизмы, составляющие силу государства. Природа международных конфликтов может иметь не только геостратегический характер, но и символический, обусловленный этими механизмами. Взаимозависимость государств в условиях глобализации побуждает их вступать в симбиотические отношения, следовательно, международные отношения — это не игра с нулевой суммой, а стремление к выигрышу зависит от когнитивных и нормативных механизмов, характерных для актора.

В соответствии с этим предположением утверждается принцип безопасности с множественным выигрышем. Важно заметить, что ракурс оценки угроз безопасности смещается следующим образом: безопасность рассматривается не через призму трехуровневой системы по К. Уолцу (человек–государство–международные отношения), а в рамках пяти измерений. К измерениям относятся: человеческая, экологическая, национальная, транснациональная, транскультурная безопасность. Трехуровневая структура выступает не аналитической рамкой для выявления угроз безопасности, а управленческой структурой, при помощи которой нейтрализуются угрозы. Отчасти такая интерпретация подчеркивает характерный для конвергентного развития современных наук переход от анализа иерархических отношений к выстраиванию пространственно-временных связей.

Основная проблема теории симбиотического реализма заключается в том, что процесс принятия решений и эмоции человека соотносится с нейрхимическими процессами, а особенности функционирования социальных систем интерпретируются через индивидуальные мотивы поведения людей. Соответственно, Н. Аль-Родан прибегает к редукционизму в духе бихевиоризма. На уровне когнитивных исследований на данный момент недостаточно эмпирического материала для теоретических обобщений в области международных отношений. Отдельные идеи Н. Аль-Родана служат лишь отражением определенных концептуальных сдвигов в аналитике международных процессов (например, эмоциональный поворот, проблематика информационно-психологической безопасности, изучение образов государства). Тем не менее, интеграция открытий из сферы когнитивных наук в теорию международных отношений возможна при необходимости применения индуктивной методологии в сочетании с пониманием природы человека и интерпретации явлений и процессов, находящихся под влиянием эмоциональных факторов.

*Никифоров А.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)*

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОАГЕНТОВ В РФ)*

Современные подходы к государственному управлению тесно связаны с проблемой управления рисками. Подобная интеллектуальная и сциентистская перспектива публичного управления все больше рассматривается как универсальный принцип повышения качества, эффективности и рациональности управления на каждом из уровней и в каждой из областей регулирования.

Данный процесс к началу 2000-х сформировал институциональные паттерны, связавшие принципы риск-ориентированного управления с нормами деятельности и практикой работы контролирующих структур в странах ЕС и США. К настоящему моменту подобная модель институционализации рисков сформировала «экосистему экспертиз», которая создает новые основания политической легитимности за счет укоренения практик создания эпистемологического авторитета: исследовательских институтов, экспертных сообществ и НКО.

Возникший в российском праве в 2017 году феномен иноагентов сформировал в российской публичной политике новый прикладной императив управления общественно-политическими рисками. Дальнейшее развитие политического дискурса и правоприменительной практики в отношении данного вопроса обнаруживает лагуну для политологического анализа. С одной стороны, данное явление обоснованно получило интерпретацию в рамках развития теории дефективной демократии и гибридного режима. С другой стороны, если прибегнуть к анализу данной политики через оптику

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности»).

риск-ориентированного управления, правительственности и секьюритизации, то, как представляется, это дает дополнительные эвристические возможности для анализа.

Проведенный автором анализ российского федерального законодательства на предмет типических подходов к идентификации, атрибуции и управлению рисками/угрозами демонстрирует, что на принципиальном уровне для России характерно следование принципам риск-ориентированного регулирования, характерного для законодательства Европейского союза. При этом гибридизация управления рисками/угрозами специфична в случае вопроса об иностранном влиянии (граждан, организаций), что в ряде случаев ведет к диффузии подходов к управлению в рамках области общественной безопасности. В этом отношении регулирование деятельности т.н. иностранных агентов в полной мере отражает данную характеристику.

Использование перспективы исследования науки и технологий (*STS*) в данном случае весьма успешно демонстрирует общие типические черты между регулированием политических акторов и актантов, связанных с рисками из области окружающей среды (медицинские препараты, пищевые продукты, бактерии, вирусы и пр.).

Многие из данных объектов имеют социальное и экономическое измерения, для которых регулирование не носит запретительный характер, но в этом случае источники рисков должны существовать в режиме информированности граждан об их существовании. Речь идет о регламентации упаковки табачной и алкогольной продукции (наносимый вред здоровью), детского и подросткового информационного контента (разрешенный возраст), рекламы медицинской продукции и препаратов (необходимость участия медицинского специалиста при принятии решения), информации СМИ, граждан и организаций (информирование о статусе иноагента, правила реализации печатной продукции). Данная регламентация, в частности, касается резервирования различной площади упаковки или области, отведенной для демонстрации контента.

Представляется, что в данной перспективе цифровая среда обладает рядом черт, способствующих реализации сценариев риск-ориентированного управления. Речь идет о потенциальной технической возможности администрирования аппаратных мощностей и сетевых узлов, учета всех элементов смысловой цифровой реальности (информационного контента), реализации внесудебных практик блокирования доступа к информации в том числе из-за технической сложности цифровой среды, может затруднять контроль. В этом отношении деятельность акторов со статусом иноагентов в цифровой среде становится легко идентифицируемой. При этом можно отметить параллель с подходом к вопросу об экстремизме, когда часто в основе признака деяния находится объект — экстремистский материал. Модель учета агентов риска реализуется по схожему сценарию, когда идентификация риска/угрозы ведется через мониторинг/учет единиц контента, ведение списка экстремистских материалов.

Подобная стратегия позволяет говорить о формировании институциональных практик риск-превенции, которые в перспективе администрирования интегрируются в общий подход к управлению рисками путем их объективации и формального учета в отношении не только окружающего мира, но и социальной действительности.

Никифоров С.В.

(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН, ММУ, ВАВТ)

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ФОРПОСТЫ КАК ВЫЗОВЫ И КАТАЛИЗАТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ*

Одним из наиболее интересных и требующих тщательного изучения явлений в цивилизационной картине мира, который приобретает все большую актуальность в условиях происходящего на наших глазах транзита к полицентричному миропорядку государств-цивилизаций, являются те части цивилизационного пространства, где соприкасаются на длительной основе две и более цивилизаций, образуя некий межцивилизационный узел. В нем переплетаются друг с другом социо- и этнокультурные феномены различных цивилизационных единиц. Эти узлы можно одновременно понимать как форпосты сразу нескольких цивилизаций, основные точки их соприкосновения и взаимодействия.

На уровне политическом они, как правило, становятся своего рода приграничным территориями, «зажатыми» между крупными геополитическими центрами силы, или точками влияния самого разного

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Министерства образования и науки Монголии (MES) № 24-48-03030 «Этнический фактор в развитии межцивилизационного диалога России и Монголии на современном этапе».

рода политических акторов и процессов. При этом они могут как существовать в качестве юридически суверенных государств, так и входить в состав более крупных государств, внутри которых могут находиться месторождения (центры/ядра) цивилизаций.

С. Хантингтон воспринимал это пространство межцивилизационного взаимодействия как линии культурно-цивилизационных разломов, на которых происходит столкновение цивилизаций. На наш взгляд, подобная оценка все же весьма субъективна и межцивилизационные форпосты могут также служить и точками межцивилизационного диалога и взаимного влияния, закладывающими основу и для успешного сотрудничества между политическими акторами, в том числе и на межгосударственном уровне. Более того, возможно также говорить и о межцивилизационных форпостах как источниках субстратов и потенциальных месторождений новых цивилизационных единиц. То есть, обращаясь к терминологическому аппарату А. Тойнби, межцивилизационные форпосты можно понимать и как Вызовы и как Ответы-на-Вызовы.

Аргументируем высказанные тезисы рядом конкретных примеров. Например, Санкт-Петербург, Прибалтика, Украина и новые регионы Российской Федерации (Донбасс, Херсонская и Запорожская области) являются форпостами одновременно и российской (русской) цивилизации, и западной.

В то же время Санкт-Петербург, возникнув как геополитический ответ на вызов выживания России в глубине материковой Евразии, несмотря на свое пограничное положение, долгое время являлся столицей Российской империи. Став культурным центром западного мира внутри нашей страны, он обогатил российскую цивилизацию и укрепил позиции российской державы на международной арене. До сих пор Санкт-Петербург играет роль важного узла межцивилизационного взаимодействия, выступая в том числе и местом проведения важнейших международных политических и экономических форумов. В то же время Прибалтика и Украина, также оказавшись форпостами двух цивилизаций, не только привели к их взаимному культурному обогащению, но и стали ареной длительных исторических конфликтов. Характер их вызовов не раз носил в том числе и экзистенциальный характер как в отношении цивилизационной идентичности, так и государственного суверенитета России.

Калмыкия, Бурятия, Иркутская область и Тува — форпосты одновременно российской и монгольской цивилизаций. Сегодня они являются точками соприкосновения Русского и Монгольского мира. Крупными центрами мягкой силы буддизма, межконфессионального и межкультурного диалогов. Основой народной дипломатии и во многом межгосударственного сотрудничества Российской Федерации и Монголии.

Внутренняя Монголия и Маньчжурия (кит. Дунбэй) на современном этапе выступают аналогичными форпостами для монгольской и китайской (конфуцианской) цивилизаций. При этом важно отметить, что именно приграничные регионы в истории Китая нередко становились субстратами, ставшими основой для перерождения китайской цивилизации и государства. Наиболее яркий пример — это монгольская династия Юань и маньчжурская династия Цин. Конечно, регионы Маньчжурии и Внутренней Монголии также становились и ареной политической борьбы, и прямых военных конфликтов даже в недавнем историческом прошлом, в частности в XX в. Однако сегодня они являются узлами межцивилизационного и международного сотрудничества, чья роль схожа, например, с такими межцивилизационными форпостами, как Санкт-Петербург и Бурятия.

Таким образом, межцивилизационные форпосты являются гораздо более сложным явлением, чем линии культурно-цивилизационных разломов, и их роль не сводится к местам противостояния цивилизаций, напротив, они могут играть значительную позитивную роль в цивилизационных процессах и закладывать прочную основу для развития политического сотрудничества.

Никлаус А.А.
(Москва, МПСУ)

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ГОСУДАРСТВА

Географическое пространство устанавливает рамки для социального устройства, функциональное пространство отображает внутреннюю структуру общества, проживающего на этой территории. Следовательно, функциональные аспекты физического пространства должны соответствовать социально-естественному устройству, то есть государству или его элементам, таким как регионы¹.

Представления о связи между властью и территорией вырабатывались постепенно, а не родились вместе с понятием государства. Само понятие «пространственное развитие» стало широко использоваться в научной сфере лишь в 1970-х гг., когда его стали тесно связывать с идеей «стратегического планирования», а точнее с «стратегическим пространственным планированием». Это связано с тем,

¹ Бабурин С.Н. Мир империй. Территория государства и мировой порядок М.: «Юридический центр», 2005. — 488 с.

что любое стратегическое планирование неизменно происходит в определенных пространственных рамках. Развитие территории всегда связано с четко определяемым экономическим пространством, и чаще всего именно в этом контексте оно приобретает пространственный характер.

Пространственные пределы являются важнейшим маркером текущей политической и геополитической ситуации. В этом смысле основная роль внутрирегионального пространства может состоять в том, чтобы служить условной политической единицей при взаимодействии между национальным центром и локальными сообществами. Однако если рассматривать государство как многоуровневую систему управления, то внутрирегиональные пространства следует относить не только к административным подразделениям, но и к уникальным социально-экономическим и культурным субъектам с собственными интересами и спецификой.

Внутрирегиональное пространство при этом также важно рассматривать как элемент государственного устройства с такими его характеристиками государственности, как горизонтальные связи в рамках страны, — независимость и стремление к автономии, кооперация и интеграция, а также процессы централизации и децентрализации.

Вместе с тем управление внутрирегиональным пространством всегда связано с рядом сложностей, включая необходимость уравнивания тенденций к централизации и децентрализации, обеспечение справедливого распределения ресурсов и интеграции региональных интересов в национальную агенду¹. Ключевыми задачами являются поддержание социального и экономического равенства или баланса между регионами и предотвращение конфликта интересов. Региональная автономия и специфика самого региона могут способствовать разработке уникальных стратегий развития, основанных на локальных ресурсах и местных культурных традициях.

Если обратиться к методу кейс-стади для анализа проблем управления внутрирегиональным пространством в унитарных и федеративных государствах, следует сравнить два противоположных подхода на примере типичных политических образований, Франции и Германии.

Обе модели управления внутрирегиональным пространством имеют свои преимущества и недостатки. Опыт Франции показывает, что унитарное государство может достаточно успешно адаптировать элементы децентрализации в свою политическую систему с целью повышения уровня местной автономии и большего учета региональных особенностей. В свою очередь, Германия представляет собой классический образец федеративного государства, основанного на разнообразии форм местного самоуправления, при сохранении необходимого политического единства на национальном уровне.

В каждой стране внутрирегиональное управление находит свое отражение в ее уникальных политических, социальных и экономических условиях, при этом неизменно доказывая необходимость гибкого подхода к управлению и высокой степени адаптивности.

Основное различие в управлении внутрирегиональным пространством в унитарных и федеративных государствах, использующих принципиально разные подходы к распределению власти и ресурсов, заключается в степени автономии, предоставляемой регионам, что влияет на многие аспекты государственного и регионального управления. Оценивая эффективность управления внутрирегиональным пространством в разных моделях государственного устройства, следует провести их сравнение по ряду параметров, например по объему властных полномочий, динамике экономического развития, характеру административного управления. Так, если федеративные модели часто способствуют более сбалансированному экономическому развитию внутрирегионального пространства за счет целевого распределения ресурсов и власти, то унитарные модели могут быть более эффективными в ситуациях, требующих быстрых и централизованных решений в кризисных ситуациях. Управление в федеративных системах может быть более сложным и дорогостоящим ввиду необходимости координации между множеством уровней власти, тогда как унитарные системы часто обладают большей административной эффективностью.

Как федерализм, так и унитаризм могут быть успешно адаптированы для решения специфических задач управления внутрирегиональным пространством в зависимости от культурных, исторических и экономических условий, сложившихся в каждой стране. Выбор модели зависит от целей, которые ставит перед собой государство, от необходимости учета регионального многообразия и от стремления государства обеспечить равные возможности для всех регионов.

¹ Тихий В.И., Корева О.В., Рзаева Д.В. Управление внутрирегиональной дифференциацией как инструмент повышения уровня социально-экономического развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 3. С. 511–524.

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ ИЕРАРХИЧЕСКИХ И СЕТЕВЫХ НАЧАЛ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННУЮ АКТИВНОСТЬ*

Современная социальность представляет собой сложные интегрированные формы традиционных иерархических форм жизнеустройства и современные формы горизонтальных (сетевых) взаимодействий. По мнению британского историка Н. Фергюсона, социальные сети всегда имели в истории намного большее значение, чем предполагало большинство историков, привычно зафиксированных на иерархических организациях типа государства. Время сетей — это всегда время революций, трансформаций, творчества, а также новых опасностей и вызовов, таких, как глобализация, массовые миграции, мировой терроризм, социальная и политическая поляризация общества¹. Информационная и технологическая революции конца XX — начала XXI столетий связаны с бурным развитием интернет-технологий, создающих основы глобальных коммуникаций. Коммуникации — явление социальное и всегда реализуется в рамках той или иной социально-политической системы. Социальные системы, по мнению немецкого социолога Н. Лумана, являются самовоспроизводящимися и самореферентными системами смысловой коммуникации. Возникновение и развитие интернет-коммуникаций уничтожили исключительную прерогативу государства на информацию, ее распространение и интерпретацию. Современный Интернет синтезировал диалогические и монологические формы политической коммуникации, превратившись в средство расширения механизмов прямой демократии, увеличения возможностей организации массового интернет-дискурса, активизации обратных связей государства и общества. Виртуальная реальность коммуникаций открыла новые возможности для политической идентификации самых разнообразных общественно-политических акторов и их инициатив. Это внесло коррективы в форматы и значимость современных социально-политических субъектов: усиливается политическое влияние малых групп и отдельных индивидов. Благодаря Интернету киберпространство становится самым быстрорастущим элементом политического офлайн-пространства, создавая новую конфигурацию информационного и политического пространства. Через сетевые платформы реализуются различные политические проекты, активизируются механизмы краудсорсинга. Интернет превращается в системообразующий фактор жизни государства и социума. Его характерными чертами выступают: структурированность аудитории (сетевые пользователи самообъединяются в группы единомышленников); горизонтальность интернет-коммуникаций — формирование вирусного эффекта, когда информация лавинообразно распространяется по сетевым коммуникациям самими пользователями. Горизонтальные коммуникации являются основой формирования общественных настроений, мнений, пользовательских оценок; экстерриториальность — онлайн ресурс практически доступен в любой точке мира для сетевых пользователей; высокий мобилизационный потенциал, поскольку между пользователями складывается тесное горизонтальное информационно-коммуникативное взаимодействие; оперативность — информация размещается в любой момент времени без ограничения по периодичности; интерактивность — ключевая характеристика особенностей онлайн ресурсов, позволяющая организовать эффективное взаимодействие пользователей; мультимедийность, когда контент медиа-ресурсов может включать практически все доступные на сегодняшний день медиа-форматы и т.д. Сети, безусловно, становятся источником власти в новом обществе, однако эта власть возникает не вследствие исключительности самого феномена сети, а по причине эффекта синергии, позволяющего сетям максимально полно учитывать разнонаправленные интересы и вырабатывать оптимальные решения. Сетевой подход максимально обеспечивает широкое включение разнообразных акторов в процесс обсуждения, принятия и реализации решений. Формирующееся сетевое общество и особенности распространения коммуникативных процессов приводят к переопределению функционального контура государства в направлении усиления координирующих и стимулирующих функций. Адекватной управленческой моделью здесь начинает выступать управление через сообщества, или соуправление, опирающееся на технологический базис межсекторного партнерства, позволяющий привлекать и активно использовать инструментальные возможности совмещения интересов различных социально-политических акторов, вовлекающихся в процесс публичного взаимодействия. Гибкость и адресная адаптивность сетевых коммуникативных механизмов взаимодействия существенно выше административных иерархических рычагов воздействия, позволяя значительно расширять формат пу-

* Публикация подготовлена в рамках госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 год по теме «Сетевой подход к выстраиванию общественных и политических коммуникаций» (рег. номер 124081500017-9) при поддержке Минобрнауки России и ЭИСИ.

¹ Фергюсон Н. Площадь и башня. М.: АСТ: CORPUS, 2020. С. 135.

бличной политики в направлении лучшего учета общественного контента. В этом процессе на первый план начинает выходить проблематика коммуникативной эффективности, которая позволяет разрешить противоречие между потребностью в единстве и монолитности политико-государственной власти и растущим плюрализмом гражданского активизма за счет включения новейших форматов сетевой коммуникации и адекватных ей форм со-управления через инновационные механизмы краудсорсинга, партисипативного бюджетирования, бенчмаркинга и пр.

Николаев И.В.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «СУВЕРЕНИТЕТ» В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Начало специальной военной операции в феврале 2022 года стало рубежным моментом для трансформации российской внешнеполитической стратегии и переориентации ее на построение реального суверенитета на принципах национального самоопределения, уникального типа демократии, антиглобализма и антигегемонизма. Гипотетически следует предположить, что начало СВО и потребности ее идеологической поддержки должны дать импульс переозначивания и глубокого осмысления вербального символа «суверенитет» в официальном дискурсе российской власти. Однако внеисторичность концепта «суверенитет» для российского общества привела одновременно и к его пресыщенности высокоабстрактным философским смыслом, и к зыбкости семантического поля, которое обусловлено фактом отсутствия конкретного референта. Состояние «пустого знака» (по Э. Лакло и Ш. Муфф), обретенное концептом «суверенитет» в современном российском политическом дискурсе, предопределило борьбу за него в рамках попыток разных идеологических дискурсов получить гегемонию на право означивания. С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода концепт «суверенитет» в современном политическом дискурсе следует рассматривать как вербальный политический символ, используемый в конъюнктурных целях политическими субъектами в том семиотическом статусе, который необходим для продвижения политической позиции, решений, лидеров и т.п.

В рамках исследования была поставлена цель определить семантическое поле концепта «суверенитет» в официальном дискурсе российской власти после начала СВО. Был использован метод направленного качественного контент-анализа публичных речей и выступлений президента, озвученных в период с февраля 2022 г. до декабря 2023 г. — официального заявления В. Путина об участии в выборах президента РФ 2024 г.

Интерпретация результатов выявила широкий спектр смыслов, вовлекаемых в семантическое поле. Структурирование поля было осуществлено благодаря выявлению множественных предикатов «суверенитета» в дискурсе президента. Была предпринята попытка классификации предикатов концепта по различным основаниям. По сфере реализации упоминаются: цифровой, культурный, образовательный, ценностный, духовный, технологический, экономический, политический, кадровый, научный, производственный суверенитеты. По субъекту-носителю — государственный и национальный. По полноте реализации: реальный, полный, частичный, фрагментарный, подлинный суверенитет. Помимо указанных групп, в дискурсе президента указаны не подлежащие классификации «всякий суверенитет» и «стратегический суверенитет».

Для сравнения внешних и внутренних аспектов характеристики концепта были проанализированы контексты употребления термина. Внешние аспекты доминируют над внутренними. Контекстуальное наполнение «суверенитета» осуществляется преимущественно через противопоставление другим государствам, признание суверенитета как сущностной характеристики любого государства на мировой арене, критики вмешательства отдельных правительств во внутренние дела третьих стран, а также через исторические этапы борьбы российской государственности с угрозами, исходящими извне. Внутренние аспекты контекстуальной поддержки концепта «суверенитет» представлены героизацией народа как носителя и борца за независимость и право самостоятельно определять свое будущее, а также акцентуацией независимости отдельных сфер общественной и государственной деятельности от внешнего и внутреннего влияния.

Резюмируя, «суверенитет» в современном официальном политическом дискурсе, несмотря на свою актуальность и частоту употребления, имеет широкое слабо структурированное семантическое поле. Концепт привлекается ситуативно для легитимации политических решений за счет наукообразности и связи со общеизвестными признаками государственности. Семантические связи «суверенитета» определяются в значительной степени контекстом и специфической темой выступления президента, что может говорить о символическом использовании термина в политической коммуникации. Инвариантным элементом семантического поля остается ассоциация с независимостью и самостоятельностью принятия решений.

ОБРАЗ ВРАГА И ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ УКРАИНСКОЙ «ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утвержденные Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина, ставят перед всеми нами задачу распространения в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний. Целью настоящего исследования является анализ малоизвестных фактов украинской истории. Задача исследования — изучение мирных договоров между УНР и странами Четверного союза. Актуальность настоящего исследования состоит в необходимости формирования отношения к русско-украинскому конфликту на основании объективных исторических знаний.

Сегодня в отношении истории возникновения и становления Украины такие знания просто отсутствуют.

И вот с чем это связано.

Как и все другие науки, историческая наука имеет свои принципы, в том числе: принцип историзма; принцип научной объективности; принцип социального подхода.

Социальный подход в Указе Президента РФ определяется: формирование общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества.

В советское время социальный подход исторической науки определялся принципом коммунистической партийности.

О чем я говорю?

Все мы знаем Брестский мирный договор от 3 марта 1918 г. Но большинство учебников и пособий по российской истории до настоящего не приводят информации о брестских сепаратных договорах между странами Четверного союза и УНР. В учебнике Истории России для 10-го класса Мединского упоминается о заключении германским руководством отдельного мира с Украиной.

В нашей университетской библиотеке сохранился изданный в 1996 г. на Украине двухтомник документов Центральной рады, в котором приведены тексты договоров между странами Четверного союза (Австро-Венгрия, Болгария, Турция) и УНР от 27 января 1918 г. Всего было три договора. Рассмотрим Мирный договор между Германией, Турцией, Австро-Венгрией, Болгарией и Украинской народной республикой от 27 января 1918 г.

Ст. 2 договора фиксирует западную границу УНР, а ст. 4 говорит об установлении дипломатических и консульских отношений между УНР и странами Четверного союза.

7 ноября 1917 г. Третьим универсалом Центральной рады была провозглашена УНР, а 11 января 1918 г. Четвертым универсалом Центральной рады УНР провозглашена суверенным независимым государством.

Создание украинской государственности происходит стремительным образом. Внутри процессом создания нового государства руководит М.С. Грушевский, который в 1897–1913 гг. являлся председателем созданного австро-венгерскими властями во Львове в 1868 г. Научно-просветительского общества «Просвита», которое формировало у жителей Галиции украинские националистические настроения. Внешнее воздействие оказывает Германия.

Ст. 6 Брестского мирного договора от 3 марта 1918 г. обязывает Россию заключить мир с УНР и вывести оттуда свои войска, т.е. фактически признать ее независимость и суверенитет.

Заключая мир с УНР, Россия должна признать и территорию новой республики. Если страны Четверного союза признали только западную границу УНР, то получается, что Россия должна была сформировать северную, южную и восточную границы Украины. Из этого следует, что между германской и российской стороной существовало взаимопонимание, достигнутое негласным образом.

Во главе процесса создания украинского национализма стоят галицкие элиты, поддерживаемые австро-венгерскими властями.

В 1793 г. между Австро-Венгрией и Россией возникла общая граница, с обеих сторон которой жили русские. Это сильно беспокоило Габсбургов, и они стали противодействовать стремлению русских к объединению. Им удалось раслоить галицких славянофилов на русофилов и украинофилов. Первые стали подвергаться репрессиям, кульминацией которых стал Таллергоф Терезин. Для украинофилов в 1868 г. было создано Общество «Просвита», в котором были изобретены Украина и украинцы. «Просвита» дала миру двух первых украинцев Анатоля Вахнянина и Юлиана Романчука. Это были два руководителя ее высшего звена, оба по происхождению русины, которые, являясь депутатами Галицкого сейма, выступили на его заседании и в 1890 г. с предложением использовать вместо этнонима русин новый этноним украинец. Со временем «просвитяне» превратились в галицкую элиту, которая стала

катализатором антирусских и антироссийских настроений и проявлений в нынешней Украине. Более ста лет они формируют из русских и России образ врага.

Сегодня, когда на полях СВО с одной и другой стороны гибнет значительное количество молодых людей, историческая наука должна предоставить объективные исторические данные, что за всеми этими процессами стоит злая воля галицких элит, воспитанных на сфабрикованных в проавстрийской Просвете небывлицах.

Николаева А.А.
(Москва, МГППУ)

ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ К ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Доверие — это убежденность в правильности действия кого-то, его искренних намерениях сделать лучше. А политическое доверие — это гражданская вовлеченность в общественную деятельность, политическая активность и уверенность в проводимой государством политике¹. Доверие является одним из главных аспектов взаимоотношений между людьми, а тем более между обществом и государством. Народ полагается на компетентность властей, ожидая действий, направленных на поддержание стабильности в стране, обеспечение всех прав и свобод человека и их полную реализацию.

Для того чтобы оценить уровень политического доверия граждан, в мае 2024 года нами был проведен социологический опрос путем онлайн-анкетирования. В опросе приняло участие 260 человек старше 18 лет. В состав выборки вошли женщины и мужчины трех возрастных категорий: 19–24 (62%), 25–35 (25%) и старше 36 лет (13%).

Результаты исследования показали, что большинство респондентов так или иначе интересуются политикой. При этом практически половина делает это каждую неделю. А всего 17,5% опрошенных не следят за обстановкой в стране. При этом на вопрос, доверяют ли граждане информации, получаемой из российских СМИ, лишь 10% ответили, что полностью доверяют нашим средствам информации, 55% опрошенных ответили, что доверяют частично, а 35% не доверяют вовсе.

Далее респондентам был задан вопрос о том, опасаются ли они высказывать критическое мнение в отношении власти и проводимой политики. Исходя из полученных данных, чуть больше половины интервьюируемых не боятся высказывать свое отношение к действиям государственной власти: 22,5% уверены в этом, 32,5% опрошенных немного сомневаются, но все же могут высказать свое недовольство. Остальные 45% так или иначе опасаются что-то говорить против проводимой политики или же каких-то мер государства. На открытый вопрос о причинах таких опасений были получены следующие ответы: из-за применяемых жестких санкций и легкой смены законов в нужном для власти направлении; критические высказывания могут повлиять на отношения с работодателем; госслужба подразумевает априори поддержку действующей власти; существует запрет на высказывание личного мнения, идущего вразрез с политическими решениями власти; страх за будущее; последуют наказания за несоответствие личной позиции с официальной политикой государства.

Следующий вопрос помог узнать, какие реформы/программы, проводимые государством, одобряются и поддерживаются обществом. Согласно полученным результатам, больше всего население недовольно пенсионной реформой, государственной кампанией по вакцинации и введением частичной мобилизации. Больше всего граждане довольны увеличением материнского капитала и программами «Молодая семья» и «Развитие образования». Они оценили их по достоинству в 4 и 5 баллов. Увеличение подоходного налога для граждан с доходом более 5 млн. рублей оценивается средне и не вызывает у населения ни недовольства, ни удовлетворения.

На вопрос, участвуют ли интервьюируемые в выборах/референдумах и почему, ответы разделились следующим образом: 30,8% опрошенных ответили «Да, чем больше граждан будет участвовать в выборах/референдумах, тем меньше риск фальсификаций»; 17,9% респондентов склоняются к тому, что нужно участвовать в выборах/референдумах, так как это проявление гражданской позиции, а также такое же количество респондентов не участвуют в выборах, потому что власть принимает решения, которые нужны ей, а мнение народа никого не интересует; 15,4% не видят смысла принимать участие в выборах, так как результаты, по их мнению, все равно будут подделаны, и они не хотят быть частью системы; 7,8% опрошенных ходят на выборы, однако не верят в результат; 10,2% тоже ходят на выборы, но они верят в честность проведения и считают, что это возможность участвовать в процессе управления государством и что от того, кого они выберут, зависит их дальнейшая жизнь.

Таким образом, проведенный опрос показал, что, несмотря на достаточно высокий интерес граждан к политическим событиям и в целом достаточный уровень доверия населения к власти, есть

¹ Сергеева Т.А., Савченко И.А. Технологии формирования имиджа на примере государственных служащих разных уровней и видов // Вестник университета. 2020. № 8. С. 25–32.

ряд моментов, которые могут стать причинами снижения уровня доверия к государству: неисполнение данных обещаний, запрет и наказания за критику действий власти и предоставление недостоверной информации. При этом большинство респондентов уверены, что государственные реформы, направленные на улучшение жизни населения, при условии, что они на самом деле будут реализовываться в полной мере, помогут поднять уровень доверия к государственным структурам.

Николаева М.В., Шестакова А.А.
(Краснодар, КубГУ)

ЦИФРОВОЙ ПАТРИОТИЗМ В МУЛЬТИМЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В условиях турбулентных изменений парадигмального поля политических практик популярность набирает новая форма патриотического воспитания граждан — цифровой патриотизм. Это явление связано не только с процессами, происходящими в Интернете, но и с инновационными разработками цифровой среды и цифровых инструментов: сервисы для генерирования QR-кодов, цифровые фотографии, криптография и так далее. Цифровой патриотизм — это концептуальное явление, которое пропагандирует использование цифровых технологий для продвижения национальных интересов и ценностей.

Целью исследования выступает изучение цифровых и онлайн-практик цифрового патриотизма в контексте патриотического воспитания, где основным методом исследования является кейс-стади.

Цифровой патриотизм и онлайн-патриотизм — это два понятия, которые имеют свои особенности, хотя и могут пересекаться (рис. 1).

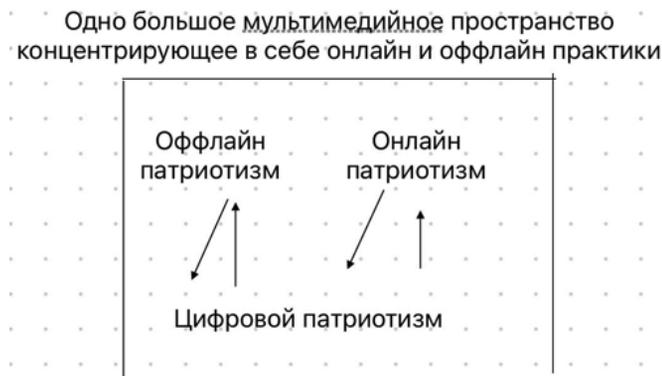

Рис. 1. Цифровой патриотизм в мультимедийном пространстве

Цифровой патриотизм связан с использованием цифровых технологий и Интернета для поддержки своей страны, включает в себя создание и распространение контента, связанного с национальными ценностями, историей, культурой и достижениями, может проявляться в виде активного участия в проектах, направленных на развитие ИТ-сферы в стране или использование цифровых платформ для продвижения патриотических инициатив. Онлайн-патриотизм является более широким и включает в себя любые патриотические действия, совершаемые в Интернете, и может включать выражение поддержки своей страны в социальных сетях, участие в онлайн-кампаниях, комментарии на форумах. Вместе с тем, онлайн-патриотизм может быть как положительным, так и отрицательным — он может проявляться в форме пропаганды, а также в виде хейта и конфликта с другими пользователями, которые представляют противоположные взгляды. Таким образом, основное отличие между этими понятиями заключается в том, что цифровой патриотизм акцентируется на продвижении идеи с помощью цифровых платформ и не может существовать обособленно, тогда как онлайн-патриотизм охватывает широкий спектр действий в Интернете, которые могут быть как конструктивными, так и деструктивными.

Цифровой патриотизм становится важным инструментом в укреплении идентичности и сплоченности общества. Благодаря Интернету граждане могут участвовать в разработке цифровых образовательных проектов, где акцентируется внимание на национальных особых качествах, культуре и традициях. При поддержке аппарата полномочного представителя президента Российской Федерации и Фонда развития социальных инициатив была организована платформа под названием Цифровая-площадка.РФ¹. На базе этой платформы проведен лекционный курс «Патриотизм. Вос-

¹ Цифровая-площадка.РФ. URL: <https://xn----7sbbagpxvg0aeki9c2a2dwf.xn--p1ai/> (дата обращения: 01.09.2024).

питание. Будущее», где лекция проводилась из студии в Москве с презентациями и сбором обратной связи через чат-бот. Платформы для обмена знаниями, такие как онлайн-курсы и вебинары, способствуют популяризации отечественной науки и техники, что в свою очередь формирует у граждан чувство гордости за свою страну и ее достижения. В рамках цифрового патриотизма потенциал каждого пользователя может быть объединен при помощи цифровых платформ. Именно они аккумулируют патриотические настроения граждан, способствуют взаимодействию пользователей друг с другом в рамках принятия решений. Примерами цифрового патриотизма является акция «Сертификат помощи пострадавшим в Курской области», представленный на маркетплейсе *Ozon*, где каждый гражданин может оказать материальную помощь на оказание первой необходимой помощи пострадавшим. Похожая цифровая практика реализуется при интеграции государственного портала Госуслуги с цифровой платформой *Avito*, запустившей меры поддержки для жителей Курской области по поиску временного жилья и работы.

Для того чтобы использовать потенциал цифрового и онлайн-патриотизма эффективно, важно развивать культуру конструктивного диалога и активного гражданского участия, при этом акцентируя внимание на сотрудничестве, а не на конфликте. Патриотизм в цифровом пространстве должен служить объединяющим началом, способным сплачивать общество вокруг общих ценностей и целей.

Николаенко А.В.

(Санкт-Петербург, Северо-Западный институт
управления РАНХиГС при Президенте РФ)

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЕАЭС КАК ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Создание ЕАЭС стало важнейшим этапом в интеграционном развитии Евразийского пространства. Важным аспектом деятельности ЕАЭС является укрепление политического влияния государств-членов. Благодаря возможности выступать с единой позицией на международной арене, государства-члены увеличивают свое политическое влияние и защищают свои интересы. Кроме того, ЕАЭС способствует реализации совместных проектов в области инфраструктуры, энергетики, транспорта и других сферах, что способствует развитию региональной интеграции и улучшению жизни населения.

ЕАЭС играет важную роль в обеспечении безопасности и стабильности в Евразийском регионе. Благодаря укреплению сотрудничества между государствами-членами Союза вероятность конфликтов снижается. Это обеспечивает отсутствие турбулентности в данном регионе. Кроме того, ЕАЭС способствует развитию экономики путем увеличения объема торговли между государствами-членами и создания благоприятных условий для развития экономики, что приводит к увеличению производства и улучшению жизни населения.

Российская экономика имеет значительное влияние на экономики других стран-членов Союза, и ее участие способствует стабильности и развитию всего Евразийского региона, а именно:

- заключен ряд торгово-экономических соглашений между странами-членами ЕАЭС, направленных на упрощение таможенных процедур, снижение торговых барьеров и стимулирование международной торговли;
- введен общий рынок труда для граждан стран-членов ЕАЭС, что способствует свободному перемещению рабочей силы и укреплению экономических связей между странами.

Однако в процессе реализации интеграционных инициатив РФ на Евразийском пространстве в рамках ЕАЭС возникают следующие проблемы:

- несогласованность национальных интересов и политических приоритетов стран-членов, что затрудняет процесс принятия общих решений и реализации интеграционных проектов;
- неравномерное развитие экономик и инфраструктуры стран-членов ЕАЭС, что создает препятствия для свободного обмена товарами и услугами;
- отсутствие единой миграционной политики и стандартов качества труда, что затрудняет интеграцию рынка труда и социальную защиту граждан.

Успех того или иного интеграционного решения зависит не только от инициативности РФ, но и от готовности других стран-участниц Союза способствовать успешной реализации данного решения. Ряд проблем порождает неуспех в углублении интеграции, но государства-участники ЕАЭС активно борются с этим.

Тому, что неудачи в интеграционной политике РФ в рамках ЕАЭС не являются перманентными и Союз продолжает свое поступательное развитие в условиях непростых событий на мировой арене,

свидетельствует статистика. Кроме этого, ЕАЭС предпринимает все меры для того, чтобы удешевить производство различных промышленных товаров.

В целом, Россия достаточно успешно реализовывает свой интеграционный потенциал в рамках ЕАЭС, даже несмотря на наличие негативных факторов, которые мешают углублению интеграции.

ЕАЭС также улучшает условия для бизнеса, упрощая процедуры торговли и инвестирования между государствами-членами. Это создает более благоприятные условия для развития бизнеса и привлечения инвестиций, что способствует экономическому росту и улучшению благосостояния населения.

Все это означает, что, несмотря на мощнейшую политическую турбулентность в мире, Евразийский союз с каждым годом набирает силу, а также постепенно увеличивает взаимные инвестиции в экономики друг друга.

В целом, интеграционная политика РФ на Евразийском пространстве в рамках ЕАЭС имеет большой потенциал для развития и укрепления взаимовыгодного сотрудничества между странами-участниками ЕАЭС. Возможное расширение Союза приведет к исключительному успеху, поскольку чем больше стран Евразийского региона будут входить в ЕАЭС, тем стратегически значимее будет позиция Союза не только на региональном уровне, но и на мировом уровне.

*Никоненко С.А., Назаров И.И.
(Тамбов, ТГУ им. Г.Р. Державина)*

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2024 года

Избирательная кампания по выборам Президента Российской Федерации 2024 г. дала старт новому электоральному циклу. Стабильность, экономическая независимость, традиционные ценности — лишь малая часть общественной безоговорочной поддержки курса В.В. Путина. Напомним, что в избирательной кампании приняли участие В.А. Даванков (результат 3,85%) от «Новых людей», Л.Э. Слуцкий от ЛДПР (результат 3,20%), Н.М. Харитонов от КППРФ (результат 4,31%). Стоит отметить, что «Справедливая Россия» официально отказалась от борьбы в 2023 г. в ходе XII съезда партии, поддержав выдвижение В.В. Путина.

Однако прошедшая избирательная кампания в технологическом ее содержании отметилась явной вялотекущей конкуренцией В.В. Путину со стороны системных парламентских партий, которые выдвинули своих кандидатов. Например, кандидаты от партий КППРФ, ЛДПР и «Новые Люди», по нашим оценкам, до последнего момента (фактически до конца декабря 2023 г.) не начинали серьезных действий по подготовке и проведению предварительной работы с электоратом, особенно в интернет-пространстве.

Слабо использовались такие инструменты, как интернет-продвижение, онлайн-платформы и социальные сети. Исходя из хронологии выдвижения кандидатов и активизации деятельности штабов кандидатов от партий КППРФ, ЛДПР и «Новые Люди» получается так, что все оппоненты В.В. Путина проиграли ему в старте предвыборной гонки. Не только потому, что выдвинули своих кандидатов позже, но и потому, что действующий президент и его команда, имея уже значительный электоральный перевес, не стали «уповать на лаврах», а приступили к активной работе задолго до официального выдвижения В.В. Путина кандидатом. К примеру, уже летом 2023 г. — тотальное покрытие интернет-пространства таргетированной и контекстной рекламой, связанной с действующим президентом с очень броскими заголовками: «Только В.В. Путин знает, что делать», «Наш Президент всегда с народом», «От В.В. Путина зависит будущая стабильность и порядок в мире», «С В.В. Путиным мы сможем преодолеть любые трудности» и т.д. Подобные рекламные блоки на протяжении всего периода вплоть до 17 марта 2024 г. покрывали все ведущие интернет-ресурсы, социальные сети, информационные агентства и СМИ, мессенджеры и даже такие площадки, как «ТикТок», «YouTube», «Rutube» и т.д. Таким образом, в ход пошли даже запрещенные в РФ интернет-ресурсы, которые использовали для продвижения необходимой информации нелояльному электорату и активным пользователям этих виртуальных площадок.

Почему так же активно не действовали оппоненты? Вопрос открыт. Ведь грамотное использование современных технологий *SMM (Social Media Marketing)* позволяет преодолевать даже административные барьеры и продвигать свою политическую рекламу в различных ее форматах.

В поле нашего анализа попала медийная (онлайн) активность кандидатов из-за того, что многие традиционные (оффлайн) способы ведения агитации уходят постепенно в прошлое. Технологии избирательной кампании, раскладка агитационно-пропагандистских материалов по почтовым ящикам, «от двери к двери» и многие другие все больше становятся малоэффективными и очень дорого обходятся бюджету кандидатов. Например, основная масса людей выбрасывают из почтовых ящиков рекламу,

не глядя, сразу в мусор, квартиры все реже открывают при проходах агитаторов, а если и открывают, то «душевный разговор» все сложнее завязывается и становится слабо результативным. Дебаты на телевидении, бесплатное эфирное время на ТВ и в печатных изданиях, а также радиореклама, по нашим оценкам, в скоротечном информационном поле не дают желаемого эффекта.

Стоит учитывать и тот факт, что в настоящее время по исследованиям аналитиков из *Rambler&Co*, ежедневная аудитория активных пользователей Интернета в России около 100 млн человек (около 70% населения страны), 91% из которых проводит в Интернете свыше 2-х часов в день, а 43% используют Интернет в основном для чтения новостей (Ежедневная интернет-аудитория в России выросла до почти 100 млн человек. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/09/30/998068-ezhednevnyaya-internet-auditoriya-rossii-virosla>).

Таким образом, оппоненты В.В. Путина не только поздно начали активную свою деятельность, но и в дальнейшем крайне мало появлялись в информационном поле. По нашим оценкам, если посмотреть на статистику появления постов связанных с В.В. Путиным и его оппонентами, то соотношение примерно такое: 90% В.В. Путин, 4% В.А. Даванков и по 3% Н.М. Харитонов и Л.Э. Слуцкий. Это крайне слабый результат, но, по сути, он же и отразился в итогах голосования. Поэтому получилось здесь все довольно просто — малоузнаваемые кандидаты и информация о них практически не появлялась на глаза рядовому избирателю (кроме как на ТВ и городских билбордах). Электорат, не смотрящий ТВ и их политические блоки, как не знал ничего об этих людях, так и не узнал до дня голосования.

Никулин М.А.
(Москва, РУДН)

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АФРИКИ

После окончания холодной войны США попытались сформировать однополярную систему, однако по разным причинам этого не удалось. Одним из последствий такой политики стало перенапряжение американской экономики и в целом политической системе, в результате чего Вашингтон столкнулся с растущим дисбалансом в своих институтах. В первую очередь это касается Государственного департамента и Министерства обороны, так как именно военные получают большую поддержку и финансирование, в отличие от своих гражданских коллег. Усиление роли военных привело к постепенной милитаризации американской дипломатии, что отразилось на всех региональных направлениях внешней политики США. В данном случае нас интересует Африканский континент.

Сразу же после 1991 г. Африка начала плавно перемещаться на периферию внешнеполитических интересов США. Бывшая арена противостояния между США с СССР уступала место Ближнему и Среднему Востоку, а с 2010-х гг. — и Азиатско-Тихоокеанскому региону. Попытка форсировать процессы демократизации на континенте не увенчалась успехом, а первая после окончания холодной войны военная интервенция США в Сомали закончилась неудачей.

Однако развернувшаяся после 2001 г. глобальная война с терроризмом, а также рост противоречий между США, Китаем и Россией в 2010-х гг. вновь поднял вопрос о необходимости восстановления присутствия США на Африканском континенте. Одним из символов этого стало создание Африканского командования Вооруженных сил (АФРИКОМ) США в 2008 г.

Вашингтон стал отдавать предпочтение содействию и финансированию развития местных сил без опасности, не вмешиваясь в решение проблем социально-экономического характера, а также в проведение учебно-консультативных и боевых миссий. Особняком стоит борьба с конкретными террористическими группировками, на что выделяется большое количество средств.

В целом, американцы пытаются не допустить чрезмерного вмешательства в дела африканской безопасности, делая ставку на подготовку местных вооруженных сил и точечное использование сил специального назначения. Вместо прямого и проактивного подхода, подразумевающего размещение собственных сил, проведение операций и т.д., используется более пассивный, в рамках которого американцы стараются участвовать лишь в подготовке офицеров и солдат африканских стран. Однако такой подход связан с рядом рисков.

Фактически он приводит к созданию замкнутого круга, когда Вашингтон оказывает содействие в развитии военного потенциала ряда стран, при этом не участвуя в развитии местных институтов, стабилизации социально-экономической ситуации и не работая с местными элитами. Зачастую, как, например, в Мали в 2010-х гг., это заканчивается военным переворотом и дальнейшим ухудшением обстановки.

В итоге глубинные проблемы африканских конфликтов, как и стран, в них участвующих, не решаются, а сами вооруженные силы США превращаются в универсальный инструмент по их решению.

Актуальность данной темы связана с необходимостью осмысления процесса милитаризации внешней политики США через призму африканского региона. Это особенно важно, учитывая, что такая американская политика паразитирует на различных идеях, таких как защиты прав и свобод человека, распространение демократии, «гуманитарная интервенция» и др., создавая образ «новой нормальности».

На сегодняшний день фактор силы и в целом силовые методы решения вопросов продолжают играть важную роль. Такое положение дел способствует не просто нарастанию противоречий между ведущими державами, но в целом милитаризации всей международной среды. Это приводит к росту количества конфликтов, в которые вовлекаются различные акторы, в том числе и негосударственные; эрозии сложившейся международно-правовой системы, в основе которой ООН; росту военных бюджетов и формированию гонки вооружений как на стратегическом уровне, так и в рамках обычных вооружений; переориентации научно-технологического развития в сторону военных технологий и т.п. Все это также обуславливает актуальность данной темы.

Никулина Е.В.

(Белгород, ОГАОУ ОК «Алгоритм Успеха»)

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

После распада СССР характерной чертой общества являлся кризис духовных ценностей. Такие понятия, как гражданственность и патриотизм, не были в достаточной мере сформированы у юного поколения. Существовал кризис духовно-нравственного воспитания, правовой нигилизм и нежелание молодого поколения принимать участие в социально-экономической и политической жизни страны. Наблюдалась девальвация понятий гражданственности, гражданского участия и гражданского долга. Это не позволяло сформироваться гражданскому обществу и правовому государству. В связи с этим для преодоления негативного эффекта отсутствия государственной политики в сфере воспитания молодежи были выделены новые приоритеты развития социально-политической сферы страны.

Формирование гражданственности и патриотизма стало приоритетным направлением государственной молодежной политики. Об этом свидетельствуют нормативно-правовые акты РФ:

- Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.
- Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ
- Указы Президента РФ:
- «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 г. № 204
- «О национальных целях развития на период до 2030 года» от 21.07.2020 № 474
- «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 г. № 809

Современные школьники представляют собой цифровое поколение молодежи. Их социализация проходит под воздействием цифрового публичного пространства. В этой связи формирование гражданственности и патриотизма школьников становится важной задачей государственной молодежной политики России. Патриотизм — политический принцип, чувство любви и преданность Отечеству, чувство гордости к своему народу, стремление служить его интересам. Гражданственность — степень осознания себя гражданином своей страны и соответствующее этому поведение, готовность личности активно содействовать процветанию общества.

«Региональный центр выявления и поддержки одаренных детей ОГАОУ «ОК «Алгоритм Успеха» (далее — Региональный центр) принимает активное участие в реализации современной государственной молодежной политики. Для реализации ее целей Региональным центром проводятся дополнительные общеобразовательные (общеразвивающие) программы (далее — Программы). К примеру, Программа «Организация волонтерской и добровольческой деятельности. «Объединим добро», запланированная к проведению с 23 сентября по 06 октября 2024 года. Ее целью является вовлечение молодежи в позитивную социальную практику и добровольческую деятельность, способствующую формированию духовно-нравственных ценностей. Итогом Программы станет формирование активной гражданской позиции, положительного отношения молодежи к добровольческой деятельности, расширение опыта общения, развитие навыков взаимодействия с людьми различных социальных категорий, знакомство с историей и существующей практикой реализации социально-значимых проектов субъектами волонтерской деятельности.

Кроме того, за прошедший учебный год по социально-политическим наукам в Региональном центре были проведены такие Программы, как «Юный юрист», «Основы российской государственности», «Олимпиадное обществознание», «УТС по истории», «УТС по праву», «УТС по обществознанию», «Подготовка к региону: ВсОШ по праву». Узнавая историю Родины, устройство общественных институтов, правовую систему страны, рассматривая концепции стратегического развития государства, школьники формируют свою гражданскую позицию, становятся активными участниками социально-политической жизни общества.

Неподдельный интерес белгородских школьников к социально-политическим наукам прослеживается на этапе подачи заявок обучающихся для участия в вышеуказанных Программах Регионального центра. Школьники стремятся изучать социально-политические науки для устранения пробелов в своих знаниях, а также для получения в дальнейшем возможности применить эти знания в жизни. Из этого можно сделать вывод, что у нового поколения школьников уже сформирована гражданственность. Они воспринимают свою личность как неотъемлемую часть Родины и будут вкладывать свои силы и знания в ее развитие. Это также говорит о высоком уровне патриотизма среди школьников. Что проявляется в желании принимать участие в волонтерских акциях, благотворительности.

В целом можно отметить интерес школьников к политической жизни страны и желание принимать в ней участие, а также стремление развивать социально значимые проекты, укреплять экономическую и социальную сферы государства.

Новик Н.Н.

(Москва, НИУ ВШЭ, Финансовый университет при Правительстве РФ)

РАБОТА МЕЖДУНАРОДНЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В РОССИИ в 2024 году: ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ*

Выборы Президента РФ 2024 г. вызвали широкую критику со стороны стран Европейского союза и Соединенных Штатов, которые выступают в авангарде антироссийских информационных кампаний: выборы априори признали нелегитимными, несвободными и несправедливыми, а только лишь формальной процедурой для продления полномочий действующего лидера Российской Федерации. Вместе с тем Россия выполнила свои обязательства по приглашению иностранных наблюдателей и обеспечению их беспрепятственной работы по наблюдению за подготовкой и проведением избирательного процесса в стране.

В президентских выборах 2024 г. в России принимали участие 1115 международных наблюдателей из 129 стран, которым был разрешен беспрепятственный приезд в страну и доступ на избирательные участки. Полученные данные статистики свидетельствуют о высоком уровне международного интереса к процессу плебисцита и к тому, как проводится избирательная кампания в Российской Федерации. Из этих наблюдателей 706 человек имели официальный статус и представляли 106 стран, что подчеркивает важность выборов для глобального мирового политического сообщества.

Широкий географический охват был одной из ключевых особенностей наблюдательной миссии. Представители $\frac{2}{3}$ стран, признанных ООН, прибыли в Россию для наблюдения за официальным процессом выборов президента Российской Федерации. Наблюдатели и независимые эксперты прибыли из Северной и Южной Америки, Африки, Азии, Европы, Австралии и Океании. Это доказывает, что выборы в России интересуют как глобальный Юг, так и государства с более критическим отношением к российскому руководству и продвигаемым ключевым глубинным идеям, включая Соединенные Штаты, Германию, Италию, Францию и другие страны Запада.

Одним из ключевых аспектов выборного процесса в 2024 г. стало присутствие наблюдателей из стран, традиционно настроенных негативно по отношению к России. Например, в миссии принимали участие наблюдатели из США, Германии и Франции. Это создало условия для независимого мониторинга выборного процесса, а также укрепило репутацию выборов как открытых для международного контроля.

За ходом голосования наблюдали 12 международных миссий, включая представителей таких организаций, как СНГ, ШОС, а также межпарламентских и электоральных ассоциаций. Эти миссии играли ключевую роль в обеспечении соблюдения международных стандартов избирательного процесса и предоставляли объективную оценку выборов.

Примечательно, что, несмотря на отсутствие миссии ОБСЕ, общее качество международного наблюдения не пострадало. Присутствие других крупных международных организаций и экспертов по-

* Исследование выполнено по гранту ИЭСИ в ИНИОН РАН номер 124101700551-1 «Президентские выборы 2024 г. в России: реакция в ближнем и дальнем зарубежье и стратегии дальнейшей легитимации электоральных результатов».

зволило компенсировать отсутствие ОБСЕ и предоставить адекватную и справедливую оценку хода президентских выборов.

Помимо наблюдателей, на выборах присутствовали 224 эксперта из 51 страны и 185 экспертов, приглашенных Общественной палатой России. Это позволило не только следить за соблюдением процедур, но и углубленно анализировать общие тренды в избирательном процессе. Привлечение большого числа экспертов подтверждает важность экспертного анализа выборов в России с точки зрения международного права и стандартов.

По итогам выборов международные наблюдатели и эксперты отметили общий порядок и прозрачность избирательного процесса. Несмотря на политические противоречия между Россией и некоторыми странами Запада, независимые наблюдатели признали, что процесс голосования соответствовал большинству международных стандартов. Таким образом, международное сообщество получило разностороннюю оценку выборов, что способствует формированию более объективной картины политической жизни в России.

Нуриев Б.Д.
(Москва, ГУУ)

КУРДСКИЙ ВОПРОС В СИСТЕМЕ ТУРЕЦКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Неолиберальный дискурс в турецкой общественно-политической жизни имеет свои давние традиции, причем порой драматичные. Считается, что первыми попытками внедрить основы неолиберализма в экономику страны стали реформы Демократической Партии (ДП), пришедшей к власти в 1950 г. Попытка оказалась неуспешной — уже через десять лет в стране произойдет военный переворот. В 1961 г. лидер демократов, он же премьер-министр Аднан Мендерес (1899—1961), был повешен на одном из средиземноморских островов. Следующая попытка неолибералов оказалась куда более результативной — через три года после очередного военного переворота 1983 г. к власти придет харизматичный лидер партии «Отечество» Тургут Озал (1927—1993). На этот раз турецкие реформаторы удачно вписались в общемировой тренд конца прошлого столетия, когда неолиберальная повестка охватила практически весь мир. С некоторой долей условности период середины 1980-х — начала нулевых годов текущего столетия можно назвать доминированием неолиберальных политических сил в стране. В этот период Турция прошла через череду национальных выборов, по результатам которых иногда формировались коалиционные правительства как с левыми силами, так и с крайне правыми. Но, в целом, общий тренд был таков — сближение со странами Запада, проведение в стране жесткой монетарной политики, снижение налогового бремени, акцентирование внимания на защите прав человека, в том числе и на принципе неприкосновенности частной собственности, а также поддержка предпринимательства в целях формирования устойчивого совокупного предложения на рынке товаров и услуг. Примечательно, что именно в годы укрепления неолибералов наиболее остро в повестке дня общественно-политической жизни страны стоял курдский вопрос.

В годы правления ДП, несмотря на либерализацию всей политической системы, курдское политическое движение о себе не заявило. Обострение курдского вопроса в Турции пришлось на годы правления Т. Озала. В период 1987—1989 гг. военное противостояние на той территории страны, где проживали преимущественно курды, называли «юго-восточным кризисом». Однако уже с начала 1990-х гг. данный кризис стал именоваться «курдской проблемой», а само противостояние вышло далеко за административные границы страны. Военные вторжения турецких войск на территорию Ирака стали регулярными и привычными для мирового сообщества. В те годы, когда в Турции формировалось коалиционное правительство с представителями либо левых политических сил, либо исламистских партий, напряженность курдского вопроса несколько спадала.

Сторонники Т. Эрдогана пришли к власти в 2002 г. с достаточно умеренной и осторожной исламистской повесткой. В период «раннего Эрдогана» также отчетливо прослеживается неолиберальный нарратив. Т. Эрдоган с воодушевлением воспринял начало так называемой арабской весны в 2011 г., поддержав смены правительств в Тунисе, Ливии и Египте. Однако по мере развития сирийского конфликта руководство Турции стало пересматривать свою внешнюю политику. Смена курса официальной Анкары произошла, в том числе, и по причине резкого роста курдского национального движения как в самой Турции, так и в Сирии. Известно, что в феврале 2011 г. Абдулла Оджалан заявил, что он ожидает пробуждения «курдской весны», которая охватит турецкий город Диярбакыр и иные регионы Турции. И уже к августу 2012 г. курдские повстанцы в Сирии взяли под свой контроль значительную часть территории севера страны, угрожая вторжением в Турцию.

Среди основных причин обострения курдского вопроса в годы доминирования неолиберальной повестки можно выделить две ключевые — одну универсальную, то есть свойственную для многих

государств, и одну, присущую, пожалуй, только Турецкой Республике. Во-первых, неолиберальный подход, получивший собственное новое оформление во многих странах Запада как рейгономика или тетчеризм, не предусматривал внимание правам национальных меньшинств. Во-вторых, преимущественно курдские регионы Турции, население которых веками вело хозяйство в присущей ей патриархально-феодальной форме, было не готово к резкой модернизации.

Итак, турецкий неолиберализм, в целом, с одной стороны, не отвечает интересам национальных меньшинств Турции, прежде всего, интересам курдского меньшинства. С другой стороны — несет с собой риски гражданского противостояния по национальному признаку. По этой причине центристы, как самая мощная политическая сила в стране еще в недавнем прошлом, вот уже более двадцати лет не могут закрепиться у власти.

РЕЛИГИЯ VS ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОТ САМОИДЕНТИЧНОСТИ К ГРУППОВОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Продолжающиеся дискуссии о политической значимости религии свидетельствуют об отсутствии ясности относительно того, как религиозные ценности, нормы и убеждения стимулируют и влияют на социально-политическое развитие и наоборот. Часть исследователей утверждают, что мы являемся свидетелями глобального возрождения религии, имеющей большое политическое значение¹ (Shupe, 1990). Другие, что секуляризация в целом продолжается, за исключением определенных обстоятельств и условий² (Wilson, 1992).

В прошлом религиозная политика служила для контроля за наиболее крайними проявлениями сепаратистских настроений внутри сложившихся коллективов верующих. В эпоху глобализации уже невозможно удерживать все религиозные тенденции в традиционных организующих рамках.

Существует два основных способа, которыми религии могут влиять на мир: слово и действие. Первый — это воздействие через религиозную доктрину. Второй репрезентирует религию как социальное явление через различные режимы институционализации, включая политические партии и отношения между церковью и государством. С этих позиций религия не просто имеет значение на индивидуальном уровне. Так же, как и политика, она включает групповую самоидентификацию и зачастую служит средой для межгрупповой напряженности и конфликта, фокусируясь либо на социальных, либо на культурных проблемах. Очень сложно выделить отдельные сферы влияния религии, поскольку оно почти неизменно будет частью комбинации причин³ (Лемешко, 2021).

Исследования показывают, что чем теснее отношения официальной церкви с государством, тем меньше сопротивление адаптации к изменениям в обществе⁴ (Therborn, 1994). С течением времени, под воздействием индустриализации и модернизации, господствующие религиозные организации как правило развивают эмпатические отношения с политической властью, даже когда они ей противостоят.

Большинство исследователей, приводя типологию отношений государства и церкви, подчеркивают их взаимную синергию. Эпоха глобализации внесла свои коррективы в эту типологию, и современное состояние вопроса учитывает растущее разделение между церковью и государством, функцию модернизации, ведущую к усилению секуляризации. В частности, типология Р. Парсонса показывает, что церковь может иметь симбиоз с государством на одном полюсе или быть полностью отделенной от него на другом.

Причиной этому являются изменения во всех сферах жизни, особенно в идеологической, возникшие под воздействием постмодернистских тенденций. Основанные на деконструкции и дестабилизации существующих порядков и отношений, они привели к сомнениям в ранее самых непоколебимых убеждениях. Кроме того, еще одним важным фактором является все большее вытеснение религии и морали из общественной сферы в частную.

Влияние постмодернизма и модернизации ощущается и в функционировании многочисленных религиозных групп. Если ранее они функционировали изолированно, то сейчас, под влиянием распространения коммуникации во всех частях мира, это далеко не так.

Изменилось и восприятие религиозных традиций самими верующими, следовательно, государство все в меньшей степени может сдерживать разрывы в этих традициях. В прошлом все отклонения от «генеральной линии», происходящие внутри религиозного сообщества, развивались двумя путями — либо возвращались обратно, либо, отколовшись «навсегда», сами начинали представлять разнообразие верований и практик. Сегодня эти разрывы служат формированию религиозных и культурных групп, деятельность которых становится в оппозицию официальным религиозным установкам, которые поддерживает государство. Это желание действовать «вопреки» является, в том числе, и следствием перехода от самоидентичности внутри религиозного коллектива к самоидентификации в рамках религиозных групп. Под воздействием современных тенденций эти группы больше не имеют замкнутого характера и стимулируют дальнейший разрыв религиозной традиции и разрушение самоидентичности верующих.

¹ Shupe A. The stubborn persistence of religion in the global arena // Religious Resurgence and Politics in the Contemporary World. Albany N.Y.: State University of New York Press, 1990. P. 17–26.

² Wilson B. Reflections on a many sided controversy // Religion and Modernization. P. 195–210.

³ Лемешко Г.А. Религия и политика: точки соприкосновения // Культура и цивилизация. 2021. № 2 (14). С. 67–73.

⁴ Therborn G. Another way of taking religion seriously. Comment on Francis G. Castles // European Journal of Political Research. 1994. No. 26 (1). P. 103–110.

СЕМЕЙНЫЕ И ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ*

Проблема обострения демографического кризиса в современной России — одна из актуальных тем изучения для исследователей самых разных областей социогуманитарного знания, в том числе и политического. Политологов интересуют, преимущественно, вопросы демографии как геополитической безопасности, а также проблемы идеологической составляющей демографической политики — поиск и реализация национальной идеи как духовного базиса развития государства посредством увеличения рождения и воспитания достойных и ответственных граждан.

Результатам изучения второго аспекта политических исследований в сфере демографии и будет посвящен настоящий доклад.

Поскольку демографические вопросы напрямую коррелируют с вопросами семьи, отцовства, материнства и детства, ключевой идеей, которую позиционирует российское государство в настоящий момент для выравнивания такой компоненты демографии, как «рождаемость — смертность», выступает идея интериоризации в сознании россиян традиционных семейных ценностей. Согласно определению, принятому на экспертном заседании рабочей группы Высшего совета «Единой России» 27 мая 2023 г., «...традиционными российскими семейными ценностями являются исторически сложившиеся, передающиеся из поколения в поколение, сохраняющиеся в культуре и образе жизни ценности, нормы и обычаи по отношению к социальному институту семьи, браку, супружеству, родительству, родству, основанные на традиционной духовной культуре народа России. В их число входят: брак как союз мужчины и женщины; многодетная, многопоколенческая семья в качестве основы российского общества; материнство, отцовство и детство; ответственность родителей за своих детей, обязанность заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, воспитании патриотизма, гражданственности и уважения к старшим; приоритет семейного воспитания; забота взрослых детей о своих родителях».

Из определения следует взаимосвязь и взаимозависимость традиционных семейных ценностей и ценностей патриотических, которые, функционируя в совокупности, и будут способствовать демографическому росту россиян не только и не сколько в количественном измерении, но будут формировать сильную нацию с гражданской ответственностью каждого.

В таком контексте следует отметить еще одну аксиологическую установку «Россия — семья семей», сформулированную Президентом России В.В. Путиным на Всероссийском форуме «Родные—Любимые». Так как семейные ценности консолидируют общество, многонациональная Россия как семья семей не разъединяется многообразием культур, языков и традиций, а растет. Ценности этой большой семьи делают «нас более сильными, уверенными и сплоченными. Любые трудности можно одолеть, когда такая огромная страна, как наша, едина, и любых целей можно достичь, когда мы все вместе» (В.В. Путин). Квинтэссенцией внимания государства к традиционным семейным ценностям стал Указ Президента РФ В.В. Путина об объявлении 2024 г. в России Годом семьи. Цель Года семьи — популяризация государственной политики в области защиты семьи и сохранение традиционных ценностей. Это уже второй Год семьи в России. Первый прошел в 2008 г.

Большинство экспертов, ученых — политологов, социологов, демографов солидарны с государственной позицией сопряжения патриотических ценностей с традиционными семейными. Именно в такой связке эти ценностные концепты более понятны россиянам, логично осмысливаются и ориентируют на позитивное, созидательное развитие жизнедеятельности как своей семьи, так и общества, государства в целом.

Эмпирическая проверка данных экспертных заключений возможна на основе сетевого анализа контента онлайн-сообществ, организованных на тему семьи, семейных ценностей и установок, материнства, детства и т.д. ВКонтакте. Региональный охват сети позволит выявить «веер», актуализированных в современном публичном дискурсе, концептуальных ценностей российских семей и обнаружить смысловые точки пересечения ценностей семьи с ценностями патриотизма.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта «Патриотические и семейные ценности как константы цивилизационного развития России» (FEMS-2024-0006).

«ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ»: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ВЫХОДА*

Рост независимости политического курса России в XXI в. повлек за собой обострение политических разногласий и напряженности в отношениях между Россией и странами Запада. Мощным деструктивным фактором для европейской безопасности на протяжении нескольких последних десятилетий оставалась политика расширения НАТО на восток, которая последовательно проводилась в жизнь «коллективным Западом» вопреки предупреждениям и озабоченностям России в сфере безопасности.

Настойчивые попытки включить Украину в Североатлантический альянс, «раскольническая» политика Запада, направленная на разрушение исторически обусловленных связей Киева с Москвой, спровоцировали резкое обострение военно-политической ситуации в Европе и за ее пределами. С началом специальной военной операции (СВО) страны Запада/НАТО взяли курс на активное военное вмешательство и эскалацию конфликта, стараясь при этом упрочить в сознании западных политических элит представление о «необходимости» укрепления блока НАТО.

Ухудшение политических отношений России и Запада привели также к свертыванию диалога по широкому кругу проблем безопасности, практически к полной остановке процесса контроля над вооружениями. На фоне растущих и обостряющихся противоречий между Россией и западными странами эти негативные тенденции пока остановить не удастся.

Более того, в последнее время возрождаются элементы военной политики времен холодной войны. В процессе обсуждения и реализации находятся планы нового этапа милитаризации европейского континента, способного не только повторить, но и превзойти по своим масштабам глубокий кризис европейской безопасности 80-х гг. прошлого века, спровоцированный размещением ядерных ракет средней дальности США в Европе.

На этот раз в стадии активного обсуждения находятся планы размещения американских ракет в Германии. В странах Европы наблюдаются рост милитаристской риторики, военных расходов, укрепление и увеличение национальных военных контингентов, растут интенсивность и масштабы военных маневров. Вне зависимости от условий победы России в СВО вооруженный конфликт на Украине в долгосрочной перспективе будет на протяжении долгого времени использоваться военно-политическими кругами западных стран для обоснования высокого уровня военных расходов стран Запада и НАТО.

Несмотря на нынешний глубочайший военно-политический кризис в Европе и в мире в целом, можно все же говорить о сохранении определенного позитивного наследия совместного опыта по выходу из холодной войны и преодолению ее последствий, настойчивых попыток создания системы европейской коллективной безопасности. Этот процесс не мог бы состояться и быть, в целом, успешным, если бы не активное взаимодействие России со странами Европы, США и Канадой. Альтернативой ему может быть только дальнейшее обострение ситуации и раскручивание спирали разрушительной гонки вооружений, которая не отвечает долгосрочным интересам ни одной из стран.

Как свидетельствует история, именно после серьезных обострений и военных конфликтов открываются новые перспективы для укрепления мира и безопасности, возникают новые стимулы для восстановления поврежденных элементов системы безопасности, ее совершенствования в целом. Исходя из этого, на новом витке отношений между государствами вполне ожидаем очередной цикл развития мирного процесса в Европе и в мире, в том числе в контексте построения предложенной Москвой единой системы безопасности в Евразии. Не поиски временного превосходства на пути гонки вооружений, а только построение равноправного политического диалога между Россией и странами Запада/НАТО, на основе учета озабоченностей и интересов друг друга, способны создать условия для мирного сосуществования на Европейском континенте, предотвратить новый цикл милитаризации европейских стран.

«Купирование» украинского кризиса откроет дорогу для возврата к работе по конкретным направлениям контроля над вооружениями в Европе и в мире: недопущению попыток «повторного» размещения здесь иностранных ядерных средств средней дальности, возврата к взаимным проверяемым ограничениям обычных вооруженных сил, дальнейшему развитию режима мер доверия и безопасности. Основные постулаты и подходы к процессу ограничения и сокращения вооружений в Европе, выработанные десятилетиями, далеко не исчерпаны и продолжают оставаться ценным фундаментом

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20253. URL: <https://rscf.ru/project/24-28-20253/>.

для нового этапа его развития и возможной дальнейшей модернизации. Следует исходить из того, что, в целом, восстановление режимов взаимного и проверяемого контроля над вооружениями в Европе отвечает долгосрочным интересам национальной безопасности России.

Окара А.Н.
(Москва, Центр восточноевропейских исследований)

РАВНОВЕСИЕ ИНДИВИДУАЛИЗМА И КОЛЛЕКТИВИЗМА КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРИЗНАК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ СОЛИДАРИЗМА

Концептуальной основой любой политической философии и идеологии уместно считать не классовые, корпоративные или иные групповые интересы, а онтологию и антропологию. Именно то или иное представление о человеке, его социальном предназначении и сотериологическом целеполагании, а также картина мира, фундаментальные представления о бытии предопределяют ту или иную социальную этику и концепты общего блага, которые, в свою очередь, становятся непосредственной основой философско-политических доктрин.

Одно из главнейших оснований общего блага — это приоритетность частного или общего, индивида или социума, «я» или «мы» («они»). В разных политико-философских доктринах этот вопрос решается по-разному: в либеральных доктринах индивид — высшая и неоспоримая ценность, его интересы приоритетнее интересов общности. В социалистических, коммунистических и большинстве социал-демократических и консервативных доктрин приоритетом обладает общность, интересам которой должны быть подчинены индивиды и их личные свободы.

Соответственно, в одном случае общее благо конструируется как система, гарантирующая права и свободы индивидов. В другом — как система, позволяющая использовать индивида во имя интересов общности.

В доктринах, причисляемых к солидаристской идеологической семье, «я» и «мы» равноценны: индивидуальная выгода становится возможной лишь в случае коллективной выгоды — и наоборот. Таким образом, возникает пространство для создания «синергетического эффекта», основанного на нелинейном преумножении потенциалов. И потому основой солидаристского общего блага может считаться система, позволяющая выстраивать отношения на основе представлений о братстве и взаимопомощи.

Именно снятие антагонизма между «я» и «мы» позволяет реализовывать опыт сначала социального самоуправления, а потом — саморазвития, при котором стратегическое целеполагание определяется внутри солидаризированной общности.

Если на карте политических идеологий оси «X» и «Y» маркировать по критериям «индивидуализм — коллективизм» и «этатизм — самоорганизация», то к идеологиям солидаристского семейства следует отнести все те, в которых «X = 0», т.е. условные показатели индивидуализма и коллективизма идентичны, тогда как показатель «Y» может быть любым — от максимального (солидаризм муссолиниевского типа, солидаризм НТС) до минимального (анархизм, анархо-синдикализм).

Неоднозначным, не до конца проясненным является вопрос о том, является ли солидаризм «левой» или «правой» идеологией. Как известно, в Учредительном собрании революционной Франции справа сидели консерваторы-роялисты, слева — якобицы, радикал-демократы и руссоисты, в центре — представители промежуточных позиций. Однако эта матрица не способна классифицировать солидаризм. В солидаристских идеологиях некоторые левые и даже крайне левые постулаты смыкаются с правыми и крайне консервативными. Было бы неправильным считать солидаризм «центристской» идеологией. Скорее, это идеология «антицентра», «внецентра» — чего-то такого, что лежит вне традиционных левых-правых координат.

В солидаризме соединяется «левое» отношение к труду и социальному неравенству, одновременно — «правое» отношение к сословному делению общества и приоритету внеэкономических ценностей.

В XIX–XX вв. солидаризм не вырос в «большую» и самодостаточную политическую философию и идеологию, которая могла бы на равных конкурировать с либерализмом, консерватизмом, социализмом, социал-демократией, коммунизмом, однако те или иные солидаристские идеологемы (механическая и органическая солидарность, взаимопомощь, кооперация, социальное доверие, снижение классового антагонизма, субсидиарность, распределение части прибыли среди нанятых рабочих, социальная ответственность хозяев средств производства) развивались в некоторых «малых» и «фрагментарных» идеологиях (солидаризм Третьей Французской республики, анархизм, анархо-синдикализм, коммунитаризм, корпоративизм, лейборизм, христианская демократия) и оттуда проникали в публичный дискурс.

Однако в условиях современных трансформаций солидаристские подходы обретают новые перспективы, а солидаризм (или неосолидаризм) получает возможность превратиться в одну из влиятельных и «полных» доктрин.

Современные трансформации, среди которых ключевые: тотальная цифровизация жизни (включая «электронное государство»), все более широкое применение ИИ, удлинение средней продолжительности жизни, повышение производительности труда, высвобождение производительных сил, занятых в нетворческом труде, коррекция функций и уменьшение роли государства в жизни общества, появление индивидуальной социальной и информационной субъектности, постепенное разделение человечества по антропным принципам, переосмысление смысла жизни и обретение нового смыслового целеполагания — ведут к постепенному отмиранию старых идеологий, уже с трудом описывающих мотивации и жизненные перспективы современного человека. И к утверждению и развитию новых политико-философских учений и политических идеологий, позволяющих полнее описать новые горизонты социального бытия и практические пути к ним.

*Олейников И.В.
(Иркутск, ИГУ)*

БАЙКАЛЬСКАЯ СИБИРЬ В ПРОЦЕССАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

После проведения саммита АТЭС-2012 во Владивостоке, вслед за актуальной общественно-политической риторикой вновь активизировалась дискуссия о необходимости «поворота на Восток» в российском академическом сообществе. «Поворот на Восток» позиционируется как важный ресурс российской экономики в условиях турбулентности на мировых энергетических рынках и усиления санкционной политики государств Запада.

Регионы Байкальской Сибири России — Иркутская область и Республика Бурятия — активно участвуют в процессах международного взаимодействия. Иркутская область представляет собой ресурсный регион с мощным промышленным потенциалом, в то время как Республика Бурятия — национальная республика, занимающая важное положение на транспортных коммуникациях во взаимодействии с Монголией и КНР, обладающая приграничным статусом.

В отличие от ситуации 1990-х гг., в условиях постсоветского кризиса, «вакуума власти» и «слабого государства», регионы Байкальской Сибири обладали более широкими возможностями для привлечения зарубежных партнеров, чем в более стабильный период 2000-х гг., в рамках которого российские регионы включали свои проекты развития международного взаимодействия в федеральные стратегии.

Инициативы развития, продвигаемые региональными властями и частично — представителями крупного капитала Байкальской Сибири, направлены на формирование стабильных контактов с международными партнерами, прежде всего — с Монголией и КНР, однако трансграничное взаимодействие требует одобрения проектов со стороны федерального центра и его структур в российских регионах. Рассматриваемые регионы России испытывают недостаток поддержки для продвижения своего образа на пространстве Восточной Азии. Отрицательно влияет и соперничество между сибирскими и дальневосточными регионами России как за ресурс международного взаимодействия, так и за доступ к финансированию в рамках «больших проектов», инициируемых федеральным центром и имеющих международное измерение.

Однако в международном взаимодействии Иркутской области и Республики Бурятия присутствуют экономические (низкая покупательная способность населения, высокие затраты на производство продукции, инфраструктурные проблемы), финансовые (недоинвестирование, высокие затраты на исследование и разработки, низкий уровень возврата инвестиций) и административные риски (структура региональной элиты, взаимоотношения между различными элитными группировками на региональном уровне, управленческие проблемы).

Отметим, что иркутские экономические элиты обладают значительным финансовым капиталом, и, таким образом, они в меньшей степени зависимы от федеральных трансфертов из Москвы. В то же время они менее консолидированы и настороженно относятся к появлению возможных иностранных конкурентов на сегментированном ресурсном рынке Иркутской области. Региональные политические элиты Иркутской области более турбулентны, в связи с чем фактически отсутствует долговременная стратегия регионального развития. Однако возможные проекты с гипотетическим привлечением иностранных партнеров рассматриваются как фактор привлечения ресурсов из федерального бюджета.

В рамках совместно-координируемого подхода в отношениях между центром и регионами в сфере международного взаимодействия федеральный центр пытается управлять внешними и трансгра-

ничными контактами регионов Дальнего Востока и Сибири, используя инструменты и механизмы «бюрократии развития» в рамках реализации амбициозных программ и стратегий, периодически выдвигаемых властями центра и регионов с 2012 г.

Однако актуальность «больших программ» и стратегий развития, координируемых из центра, может снижаться в силу изменения государственных приоритетов (уменьшение федеральных трансфертов в отношении регионов Дальнего Востока начиная с 2014 г.), как результат — регионы Байкальской Сибири попадают в замкнутый круг снижения объема инвестиций как со стороны федерального центра, так и со стороны иностранных партнеров — проблемы инфраструктурного развития, факторы санкционного давления негативно влияли на позиционирование регионов для внешних инвесторов из стран Восточной Азии.

Таким образом, представляется перспективным дальнейший анализ роли региональных инициатив в рамках федеральной стратегии, поиск возможностей для интенсификации контактов между Иркутской областью и Республикой Бурятия и иностранными партнерами из КНР, Монголии и Республики Корея.

*Олимзода С.Ш.
(Москва, РУДН)*

ИСЛАМ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ КОНСОЛИДАЦИИ В РОССИИ

В период постмодерна религия вновь проникает в общественную жизнь и оказывает значимое влияние на социализацию общества. Подобное влияние может носить как конструктивный, так и деструктивный характер; в этой связи возникает острая необходимость всестороннего изучения ее роли в частной жизни индивида, а также в общественных межличностных отношениях и социальных процессах. В данном контексте все более актуальным становится налаживание межкультурного и межрелигиозного диалога в поликонфессиональном российском обществе. В настоящее время во внутриполитическом дискурсе России главным фактором единства является приверженность традиционным духовно-нравственным ценностям, что закреплено в Указе Президента РФ № 809 «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 года. Не последнее место отведено и традиционному исламу.

Традиционный ислам — подлинный ислам применительно к условиям и традициям нашей страны, он является неотъемлемой частью российского поликонфессионального и мультикультурного общества, а также важным источником духовно-нравственных ценностей, что способствует гармонизации общественных отношений и содействует укреплению межкультурного и межрелигиозного диалога. Морально-нравственная часть исламской догмы содержит политико-правовые механизмы социальной регуляции: стремление к стабильности и умеренности, избегание вреда, поиск компромиссов, лояльность к власти, единство государства и общества.

Основные положения, отражающие религиозные убеждения мусульман, общую позицию по отношению к своей Родине, государству, российскому обществу, другим религиям и мировоззрениям, общественной морали, семье, духовно-нравственным ценностям, заложены в официальном общественном документе «Социальная доктрина мусульман», принятом и подписанном в 2015 г. муфтиями Равилем Гайнутдином, Талгатом Таджуддином, Исмаилом Бердиевым, Камилем Самигуллиным.

Мусульманское духовенство России сегодня выступает сторонником укрепления принципов гражданской ответственности и законопослушности среди своих последователей. Духовное управление мусульман РФ призывает продолжить работу по укреплению общероссийской гражданской идентичности, гармонизации межрелигиозных и межнациональных отношений, а также содействовать социализации и интеграции трудовых мигрантов на государственном уровне. Все это является необходимым условием преодоления внешнего давления и обеспечения суверенитета России.

Традиционные религии России — христианство, ислам, иудаизм, буддизм — играют важную роль в сплочении не только российского общества, но и других стран вокруг общих духовно-нравственных ценностей. Религиозные лидеры и институты в России активно выступают за единство народа, поддерживают курс государства на сохранение и укрепление традиционных ценностей. Недавно состоявшийся VIII курултай-съезд Духовного управления мусульман России и XX Международный мусульманский форум, в которых приняли участие представители из 45 стран и 68 регионов России, являются ярким тому подтверждением.

Глава Республики Татарстан Рустам Минниханов подчеркнул, что в это непростое время приоритетными задачами являются укрепление единства мусульман России, сплочение многонационального народа перед лицом глобальных вызовов и развитие сотрудничества с международными исламскими центрами. Главная цель — сохранение и укрепление традиционных духовных ценностей, воспитание

молодежи в духе уважения к семье, браку, старшему поколению и межнациональному согласию. Важная роль в ее достижении отводится Духовному управлению мусульман России, в том числе через развитие Болгарской исламской академии. Резолюция Международного мусульманского форума подчеркнула, что СВО продемонстрировала единство и сплоченность российской гражданской нации в защите национальных интересов и свободы народов от нацизма (Резолюция XX ММФ URL: <https://www.muslim.ru/articles/280/41471>). Ислам требует, чтобы мусульманин защищал свою веру, свою землю, свою страну и всех, кто заслуживает защиты, в том числе животных и окружающую среду. Гражданство в исламской мысли предполагает любовь к Родине и ее согражданам.

Муфтий России Равиль Гайнутдин на XX Московском мусульманском форуме выразил свою признательность, отметив, что в течение последней четверти века российский лидер В.В. Путин предпринимает всесторонние усилия, направленные на обеспечение достойного места российских мусульман в культурной, образовательной, научной и социальной сферах российского общества. (Выступление Председателя ДУМ РФ Шейха Равиля Гайнутдина перед участниками XX ММФ 21.09.2024 URL: [https://www.muslim.ru/articles/280/41478/.](https://www.muslim.ru/articles/280/41478/)) Подобная государственная политика в отношении российских мусульман расценивается представителями мусульманского духовенства как значимый вклад в обеспечение равных возможностей. В исламском мировоззрении патриотизм и защита Родины рассматриваются как неотъемлемые части религиозного долга и духовно-нравственных ценностей.

Онопко О.В.
(Донецк, ДонГУ)

СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ В ОЦЕНКАХ УКРАИНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

После начала специальной военной операции Черноморский регион стал важнейшим для международной безопасности геополитическим пространством. За протекающими в нем военными, политическими и торгово-экономическими процессами пристально следят во всем мире. При этом для национальной безопасности России ключевое значение имеет прежде всего то, как видит стратегическую ситуацию в регионе непосредственный противник — Украина. Одним из способов установить это является анализ геополитических представлений украинской внешнеполитической экспертизы.

Для решения данной исследовательской задачи автор применил синтетический теоретико-методологический подход на основе теорий «эпистемных сообществ» П.М. Хааса, критической геополитики Дж. О'Тоала и секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера и изучил продукты украинской внешнеполитической экспертизы по черноморской проблематике, опубликованные в 2023–2024 гг. В результате был выявлен ряд геополитических представлений украинских экспертов и экспертных структур об актуальной стратегической ситуации в Черноморском регионе.

В военном плане украинская внешнеполитическая экспертиза рассматривает положение дел в Черноморье для своей страны как паритетное: неудачи в наземных боевых действиях якобы компенсируются успехами на море. На Украине убеждены в том, что «главным игроком» в Черном море сейчас являются их военно-морские силы, а не российской флот. В аналитических отчетах и других документах прослеживается идея превосходства украинской морской мощи над российской. Делается акцент на том, что благодаря собственным безэкипажным катерам и поставляемым Западом противокорабельным ракетам Украина якобы не только захватила инициативу на море, но чуть ли уже не одержала победу, а любые попытки России изменить ситуацию будут обречены на провал. В качестве подтверждений украинские эксперты приводят, по их мнению, оставшиеся без ответов многочисленные атаки на российские корабли, а также инфраструктурные и военные объекты в Крыму и Севастополе, Крымский мост. Они рекомендуют своим властям повышать морскую мощь любыми доступными способами, готовиться к новому витку эскалации вооруженного конфликта на море, устойчиво наращивать атаки против нашей страны, разрабатывать стратегию усиления безопасности, включающую постоянное и ротационное присутствие военных кораблей и военных самолетов нечерноморских стран, дружественных Украине.

В политическом плане украинская внешнеполитическая экспертиза видит стратегическую ситуацию в Черноморском регионе как выигрышную для своей страны. Делается акцент на политическом единстве Украины и ее союзников в деле противодействия России. Отмечается успешное формирование антироссийской региональной системы безопасности в Черноморье. При этом признается, что Болгария и особенно Грузия не в полной мере соответствуют ожиданиям Украины относительно проведения внешней политики, направленной против России. Эксперты, в частности т.н. «Крымской платформы», убеждены в необходимости более активного вмешательства в дела региона нечерноморских государств, аргументируя этот тем, что в противном случае среда безопасности ухуд-

шится, а текущий вооруженный конфликт может выйти за пределы двух стран. Они рекомендуют увеличить дипломатические усилия Украины по расширению и ужесточению антироссийских санкций и по поиску союзников за пределами региона.

В торгово-экономическом плане украинские эксперты и экспертные структуры также рассматривают ситуацию в Черноморье скорее как выигрышную для своей страны. Они убеждены, что Россия сейчас не способна или не рискует противодействовать украинскому морскому трафику. «Морской коридор», созданный в 2023 г. после провала «Зерновой сделки», работает эффективно. Нагрузка на порты Одессы и Черноморска практически сопоставима с той, что была до 2022 г. При этом на Украине убеждены, что на море идет параллельная экономическая война, заключающаяся в том, кто успеет продать и вывезти морским путем больше ресурсов до начала нового активного противостояния. В этой связи эксперты рекомендуют украинским властям ускорить поиск механизмов, с помощью которых будет возможен экспорт нефти из России через Черное море.

Все вышесказанное свидетельствует о в целом оптимистичной оценке стратегической ситуации в Черноморском регионе, которую дает правящему на Украине режиму внешнеполитическая экспертиза. При этом она преимущественно основывается на фактах, а рекомендации носят ярко выраженный наступательно реалистский характер. В этих условиях следует ожидать наращивания атак на Крым и Черноморский флот, а также новых санкционных и политических мер, направленных против российских интересов в регионе, со стороны международных институтов и отдельных стран. Ситуацию может изменить только полное уничтожение украинского военного и торгового морского потенциала и восстановление блокады, имевшей место до заключения «Зерновой сделки».

*Орлова И.В., Сгибнева А.А.
(Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)*

ПАРАМЕТРЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И США

Для каждого участника современной международной системы, внутри которой отношения строятся по линии «угроза-реакция», стратегическая культура — особая система символов. Для лиц и организаций, реагирующих на любые изменения в международной и военно-политической обстановке, стратегическая культура — это активная информационная среда. Для остальных — пассивная информационная среда, продиктованная сверху, в разной степени усвоенная система символов, на основе которых строятся социальные отношения, укрепляются или, наоборот, дезорганизовываются. Стратегическая культура трансформирует их и трансформируется сама благодаря им. Все символы стратегической культуры принадлежат категориям, ответственным за внутреннюю устойчивость государства:

1. Ценности (определяют, что является для организации или государства необходимым; включают в себя материальные и нематериальные ценности; напрямую зависят от самоидентификации);
2. Убеждения (правила, делающие поведение члена государства или организации ожидаемым и приемлемым, выявление пробелов и уязвимости в правовой базе);
3. Ориентация (интерпретация информации);
4. Национальный характер (взгляд на роль, судьбу, интересы и исторический опыт государства или организации).

Анализ характера стратегической культуры позволяет предугадать действия противника за счет его сильных сторон и подготовить население к ответным действиям так, чтобы с их стороны получить поддержку и доверие. Мы подходим к параметрам стратегической культуры, оценка которых позволит правильно расставить акценты как во внутренней, так и во внешней политике государства, способствующей укреплению границ стратегической культуры.

Для анализа стратегической культуры можно выделить шесть основных параметров:

1. Милитаристский (когда армия, устроенная так, что служит не целям подготовки к возможной войне, а удовлетворяет военным потребностям);
2. Оборонительный (военная сила, согласно военной доктрине, применяется исключительно в целях самообороны);
3. Сдерживающий (большей степени касается стран, имеющих ядерный потенциал, а также участвующих в развитии ядерных вооружений);
4. Миротворческий (связан с оказанием помощи принимающим странам согласно установленным международным соглашениям или мандату ООН);
5. Коммуникативный (строится на мягкой силе);
6. Обслуживающий (нацелен на организацию условий более слабому союзнику для выполнения им задач в области обороны (как правило в своих интересах)).

Качественное сравнение вышеуказанных параметров позволяет составить обобщенный облик стратегической культуры каждой из стран и определить дисбаланс, который позволяет одной из них иметь преимущество.

Так, по результатам качественного анализа параметров стратегической культуры США и России четко ощутима разница в акцентах, которые элиты США и Россия расставили в транслируемых ими стратегических культурах. Можно предположить, что развитый коммуникативный параметр стратегической культуры России не позволил пропустить ценности, диктуемые идеологией США. А «Обеспечивающая» роль высокотехнологических военных средств армии США, предоставляемых «прокси» формированиям разного уровня готовности и обученности, говорит о заметном превосходстве в управлении своими силами и средствами, в понимании действий противника и, соответственно, результативности действий в широкомасштабных военных столкновениях.

*Осадчая Г.И., Юдина Т.Н.
(Москва, ИДИ ФНИСЦ РАН)*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ (ЕАЭС) В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Важнейшей составляющей безопасности Евразийского экономического союза и условием ее обеспечения является качество населения государств-членов его составляющих, характеризующееся численностью, половозрастной структурой, продолжительностью жизни, образованием и квалификацией рабочей силы. Для каждой страны-члена ЕАЭС весомый вклад в демографическое развитие вносит международная миграция.

Именно поэтому существует потребность в расширении теоретико-методологического и эмпирического комплексного знания о масштабах, закономерностях и основных трендах развития миграционных взаимосвязей между Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном и Российской Федерацией, в рамках миграционной системы Евразийского экономического союза и миграционных взаимосвязей между данной миграционной подсистемой с внешними для нее странами с 2014 по 2023 г.

Цель нашего исследования — показать динамику миграционных взаимосвязей в течение 10 лет с момента официального создания ЕАЭС в контексте демографической безопасности Союза.

Отметим, что к 2015 г. сформировалась миграционная подсистема Евразийского экономического союза, ставшая составной частью Евразийской миграционной системы, для которой стали характерными особые миграционные взаимосвязи как между странами, входящими непосредственно в ЕАЭС, так и с другими странами СНГ и мира.

Анализ динамики внутренних миграционных процессов на евразийском экономическом пространстве позволяет говорить о том, что благодаря интеграционным мероприятиям сформировалась устойчивая миграционная подсистема, которая характеризуется интенсификацией миграционного обмена между отправляющими и принимающими странами в рамках ЕАЭС, высокой адаптивностью к кризисным ситуациям, конкурентоспособностью и возможностями миграционной «маневренности» иностранных работников из Кыргызстана, Армении и Беларуси на рынках труда России и Казахстана, что в свою очередь повысило демографическую безопасность как ЕАЭС в целом, так и стран входящих в его состав.

Можно выделить в миграционном взаимодействии внутри ЕАЭС следующие особенности: 1. доля внутреннего миграционного оборота ЕАЭС в общем миграционном обороте Союза растет; миграционные потоки между странами ЕАЭС различны по своим объемам и направленности, что связано, прежде всего, с уровнем экономического развития страны, состоянием национального рынка труда и демографической ситуацией; наблюдается неравномерность распределения миграционных потоков. Основная часть их направлена в Россию, в то же время миграционный обмен с другими странами-членами ЕАЭС незначителен.

А также ряд проблем, которые препятствуют повышению демографической безопасности ЕАЭС: отсутствие инфраструктурных и информационных возможностей для организованного набора трудовых мигрантов и начала процесса трудоустройства еще на территории страны отправления, совместных программ языкового обучения, профессиональной подготовки и повышения квалификации с учетом потребностей рынков труда принимающих стран ЕАЭС.

Анализируя внешние миграционные взаимосвязи ЕАЭС, следует указать на положительное сальдо миграции все годы с момента создания Союза со странами СНГ. Хотя сделать вывод об устойчивости тренда невозможно из-за колебаний сальдо миграции в эти годы из-за внешних факторов. Коэффициент результативности со странами СНГ, не входящими в ЕАЭС, в 2022 г. был оптимальным только у России. Необходимо обратить внимание на Казахстан, который активнее, чем даже Кыргызстан,

теряет свое население за счет внешней миграции в другие страны, что отрицательно сказывается на демографической безопасности всего Евразийского экономического союза.

Сложность, противоречивость экономических и социально-политических процессов развития Евразийского интеграционного объединения требует постоянного мониторинга миграционных потоков как в самом ЕАЭС, так и ЕАЭС с другими странами и оценки их влияния на демографическую безопасность, разработки мер по ее повышению. Ряд из них предложены по итогам проведенного исследования.

Островская Ю.Е.
(Москва, ИС ФНИСЦ РАН)

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ИНСТИТУТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТРУДА

Рассматривая гражданскую активность, мы анализируем различные сюжеты в самых разных сферах, отдельный интерес для нас традиционно представляет сфера труда. Анализ гражданской активности в сфере труда в современной России показывает наличие институционального конфликта между декларируемыми демократическими ценностями и реальным устройством трудовых отношений. Несмотря на существование механизмов разрешения трудовых споров, таких как социальное партнерство и профсоюзы, коллективные права работников часто игнорируются, а профсоюзные организации сталкиваются с трудностями в осуществлении своей деятельности. В результате, гражданская активность в сфере труда характеризуется высоким уровнем протестности, и работники все чаще прибегают к неинституционализированным формам участия в трудовых конфликтах.

Исследование конфликтов в трудовой сфере связано с определенными ограничениями, в том числе регулированием, установленным на уровне компаний-работодателей и спецификой официальной статистики труда, вместе с тем сопоставляя данные различных исследовательских проектов и официальных органов, мы можем получить представление о реальной ситуации в интересующей нас сфере.

Государственные органы статистики уделяют отдельное внимание учету забастовок, что легко объяснимо их значением для трудовых отношений. Забастовки представляют собой наиболее значимые социальные события, способные оказывать серьезное влияние на систему сложившихся отношений в социально-трудовой сфере. Большинство забастовок в современной России осуществляются мирно, при этом они способны оказывать влияние на разные уровни социальных взаимодействий и затрагивать различные сферы общественной жизни, крупномасштабные забастовки способны приводить к переопределению сложившейся системы властных отношений и согласованию интересов по более широкому кругу вопросов жизни общества.

При этом данные различных источников значительно различаются, количество забастовок, отраженных в официальной статистике в десятки раз меньше количества забастовок, которые фиксируют независимые исследователи. Резкое снижение официально зарегистрированных забастовок произошло в 2006 г.: если в 2005 г. число организаций, где по данным Росстата проходили забастовки, составляло 2575, то в 2006 г. забастовки были зарегистрированы только на 8 предприятиях. В дальнейшем количество забастовок в официальной статистике оставалось стабильно низким. Чаще всего это единичные случаи, в отдельные годы — 2010, 2019 забастовок не было зарегистрировано вовсе. В 2023 г. была зарегистрирована 1 забастовка. Отдельные формы забастовок попросту не попадают в официальную статистику, так как официальная статистика не учитывает забастовки, проводимые не в соответствии с установленными законом правилами, например, в отраслях, для которых законодательно введены ограничения на забастовку, а также забастовки, проведенные с нарушением правил и процедур, изложенных в Трудовом кодексе РФ. То есть отсутствие данных о забастовках в отдельные годы в официальной статистике не означает их полное отсутствие на практике.

Помимо забастовок исследовательские проекты отслеживают и другие формы конфликтов в сфере труда, количество которых значительно превосходит количество забастовок. Большая часть трудовых конфликтов принимает формы, не предусмотренные законом, либо осуществляется без соблюдения законодательно предписанной процедуры.

То есть в сфере труда мы можем проследить, как поиск эффективных способов влияния смещается от институционализированных («закрытых») форм политического участия — регламентированных коллективных трудовых споров к неинституционализированным («открытым») формам, включая формы прямого действия, к которым относятся забастовки. Большинство забастовок организуется без соблюдения излишне обременительных законодательных требований или носят стихийный характер. В подавляющем большинстве случаев при рассмотрении судами дел о признании забастовок незаконными суды признают их таковыми.

Нарастающие противоречия между формально закрепленными правами, включая право на забастовку, и дефицитом возможностей, обусловленных существующим регулированием, предполагающим, например, ограничение права на забастовку в ряде отраслей, ограничение форм и целей забастовок, чрезмерно обременительные процедуры выдвижения требований и объявления забастовки, а также влиянием правоприменительной практики и т.д. все чаще приводят к трансформации гражданской активности в сфере труда и ее отклонению от традиционных форм. Мы можем обозначить наличие не только гражданского участия, как воспроизводство сложившихся институциональных практик, но и гражданского действия, преодолевающего барьеры на пути гражданского участия, основанного на специфической (коллективно-групповая) солидарности. Большое количество неинституционализированных конфликтов оказывается признаком трансформации социальной сферы.

«СМЕНА ЭПОХ» ВО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ ФРГ: СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В феврале 2022 г., в ответ на российскую СВО на Украине, руководство Германии инициировало наиболее значительные изменения военно-политического курса страны после окончания холодной войны, т.н. «смену эпох» (нем. *Zeitenwende*).

Берлин, традиционно критикуемый внутри евроатлантического сообщества за военно-политическую пассивность, заявил о намерении превратиться в одного из «гарантов безопасности» для союзников. Это противоречит интересам безопасности России.

Так, с 2022 г. Германия превратилась во второго по величине поставщика военной помощи Украине вопреки давнему табу не поставлять вооружения в конфликтные регионы и пересмотрела свое отношение к сохранению американских ядерных бомб на авиабазе в Бухеле (параллельно в экспертных и политических кругах возобновилась дискуссия о целесообразности создания собственного или европейского ядерного потенциала). В 2024 г. США и Германия анонсировали размещение на немецкой территории американских крылатых и гиперзвуковых ракет. Руководство Минобороны ФРГ и бундесвера (вооруженных сил) неоднократно публично заявляло, что в горизонте 5–8 лет страна должна быть готова к военному столкновению с Россией.

Основы «смены эпох» закреплены в первой в истории страны Стратегии национальной безопасности и обновленных Директивах по оборонной политике. Их принципиальная новизна — отход Берлина от концепций «культуры сдержанности» и «гражданской державы» (они долгое время служили идейной базой для акцента на «мягкой силе» и экономике) в сторону милитаризации внешнеполитических решений.

В центре нового курса — повышение боеспособности армии. В 2022–2027 гг. на оснащение бундесвера сверх штатного военного бюджета выделено 100 млрд евро. Примечательно, что около 20% этих средств будет потрачено на американскую продукцию (в частности, на самолеты F-35 и P8 *Poseidon*, тяжелые транспортные вертолеты *Chinook*). В 2024 г. Германия впервые за долгое время будет соответствовать порогу 2% НАТО с совокупными военными расходами на уровне 71 млрд евро (крупнейший показатель в ЕС).

Параллельно происходит реорганизация вооруженных сил в соответствии с новой моделью сил НАТО, предусматривающей более быстрое и масштабное военное реагирование на восточном фланге альянса. К концу 2027 г. Германия планирует развернуть на территории Литвы танковую бригаду численностью 5 тыс. человек — это в разы увеличит немецкий военный контингент в рамках «расширенного передового присутствия» НАТО и позволит проецировать силу на Калининградскую область и соседнюю Белоруссию. Обсуждается возвращение в той или иной форме всеобщей воинской обязанности, приостановленной в 2011 г. (целевой показатель численности армии составляет 203 тыс. человек, фактический — 180–182 тыс.).

На пути «смены эпох» стоит ряд серьезных препятствий. Первое и самое важное — отсутствие гарантий долгосрочного и стабильного финансирования в условиях отсутствия политического консенсуса и обостряющихся экономических проблем (инфляция, кризисные явления в производственном секторе вследствие удорожания энергии, дефицит рабочих кадров). С 2028 г. правительству будет необходимо ежегодно изыскивать не менее 20 млрд евро, чтобы соответствовать нижней планке обязательств внутри НАТО. Это потребует либо перераспределения бюджетных средств (например, за счет социальных статей), либо повышения налогов, либо изменения политики в отношении госдолга — все варианты требуют политически непопулярных шагов. Второе — плохое состояние материальной базы бундесвера и острая нехватка кадров, которые стали результатом десятилетий оптимизационных реформ и экономии на боеготовности. По оценкам, Германии потребуется 10–15 лет планомерной работы по структурированию армии, привлечению новобранцев и системной загрузке ОПК, чтобы восстановить способность к ведению конвенциональной войны, а это снова отсылает к финансовой достаточности. Третье — туманные перспективы и контуры трансформации германской стратегической культуры, которая после Второй мировой войны характеризовалась крайне сдержанным отношением к применению силового инструментария для достижения внешнеполитических целей. В немецкой элите пока еще не просматривается устойчивая и достаточно влиятельная кросс-партийная группа, которая бы восприняла «смену эпох» не как конъюнктурную политическую установку, а как долгосрочную программу, выходящую за рамки четырехлетнего электорального цикла.

Спустя почти три года можно констатировать очевидный разрыв между заявленными амбициями и наличными ресурсами проекта «смены эпох». Тем не менее курс на *Zeitenwende* при всех его проблемах, словно «чеховское ружье», будет доводить над любыми попытками разрядить военную напряженность и выстраивать равновесную архитектуру безопасности в Европе.

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПОТЕНЦИАЛ ИЗМЕНЕНИЙ

Политический порядок понимается нами в соответствии с институциональным подходом как результат процесса институционализации, т.е. воспроизводства разделяемых всеми членами общества политических норм и правил, а также привычных моделей взаимодействия. Эти нормы, правила и модели конституируются самими индивидами, наделяющими их определенным смыслом в соответствии со своими культурными и ценностными установками, с присущими членам данного сообщества коллективными представлениями о социальной реальности. Вместе с тем институционализация политического порядка предполагает и способность власти влиять на формирование общих для членов сообщества культурных и поведенческих образцов.

Нормы и правила, которыми руководствуются члены сообщества, воспроизводятся ими в политических практиках, которые, как и всякие социальные практики, отличаются устойчивостью, массовостью, нормативностью и способностью к воспроизводству.

Институционализация представляет собой «повторяющийся процесс, являющийся по существу самоподдерживающимся, в котором все релевантные акторы могут прибегнуть к использованию хорошо укорененных и освоенных рутин». Институционализация демократии как политического порядка означает, следовательно, устойчивое воспроизводство всеми членами политики в своем политическом поведении демократических норм, правил и процедур, а также соответствующих моделей политического взаимодействия.

Российский порядок представляет собой фрагментированный институциональный порядок, соответствующий сегментированному социуму, построенному по кликовому принципу, в котором социальная интеграция реализуется лишь на микроуровне (локальных общностей), тогда как социетальной интеграции (на макроуровне) на основе общих политических норм и ценностей, т.е. формирования современного политического порядка, не происходит.

Всероссийские репрезентативные социологические обследования, проведенные нашим коллективом в 2018–2022 гг., в целом продемонстрировали востребованность демократического вектора политических изменений — около 30% (в 2021 г. их было 42%!) респондентов оказались приверженцами демократического общественного устройства и ориентированы на демократические ценности. Однако «знаемые ценности» далеко не всегда являются усвоенными и могут изменяться под влиянием меняющегося политико-институционального контекста. Обследования 2021–2022 гг. показали некоторое уменьшение в 2022 г. по сравнению с предыдущим годом числа поддерживающих демократическую форму общественного и политического устройства, значительное снижение числа тех, кто считает перемены в стране необходимыми и готов участвовать в них лично, а также количественное превышение группы «пассивных» над акторами (тогда как в 2021 г. соотношение было обратным). Существенно сократилось число полагающих, что граждане способны самоорганизоваться для решения важных задач. Намного меньше (на 8 пп) стало приверженцев конкуренции в политике и, напротив, больше сторонников единства различных политических сил. Анализ показывает также, что в обществе наличествует определенный консенсус относительно основных ценностей желаемого общества — справедливость, семья, труд, закон, права человека, — все они присущи современному демократическому политическому порядку.

Вместе с тем обследования продемонстрировали стабильно высокую степень поддержки имперских и националистических идеологем.

В таком контексте перспективы выстраивания российского политического порядка выглядят весьма неоднозначно, сохраняя, как нам представляется, вероятность демократического вектора институциональных изменений при очевидном преобладании на данном этапе нашего исторического развития других, гораздо более архаичных социальных и политических практик и структур.

Павлова А.В.
(Москва, МГИМО МИД России)

КОНФЛИКТЫ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО И БАЛАНС СИЛ

Один из вариантов завершения конфликта — тотальное уничтожение сил противника с символическим закреплением победы¹. Внешнее вмешательство может способствовать этому, радикальным образом изменяя баланс сил «на земле», либо, напротив, препятствовать, уравнивая силы противоборствующих сторон.

Конфликты на Южном Кавказе характеризовались асимметричностью — они велись силами центральных властей против вооруженных формирований территорий, стремившихся к отделению. По логике вещей, вторые должны были уступать первым, однако в 1990-е гг. это было далеко не так. Тому есть несколько объяснений: 1) к моменту начала конфликтов ни у одной из закавказских республик не было своей национальной армии; 2) конфликты велись в условиях общей внутривнутриполитической нестабильности — гражданская война в Грузии, смена власти в Азербайджане; 3) асимметрию выравнивали силы «внешних» игроков — Армения, северные осетины, «конфедераты» в случае Нагорного Карабаха (НК), Южной Осетии (ЮО) и Абхазии соответственно. Впоследствии баланс сил на земле стал меняться не в пользу образовавшихся де-факто государств.

Грузия получала финансовую помощь на оборонные цели от иностранных партнеров; участвовала в международных программах по обучению военного персонала; активно закупала вооружения (объем поставок и военных расходов достиг максимальных значений при М. Саакашвили — 9% от ВВП; World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 08.09.2024)). В то же время Абхазия, которая находилась под санкциями СНГ, и ЮО в военном отношении постепенно ослабевали².

Азербайджан в 1994 г. заключил «контракт века», что позволило ему планомерно наращивать свой потенциал — об этой стратегии И. Алиев открыто говорил уже в 2006 г.³ Единственный раз, когда между численностью вооруженных сил (ВС) Армении (де-факто стороны конфликта) и Азербайджана был достигнут относительный паритет, — 1994 г.: 45 тыс. человек в составе ВС Армении и 50 тыс. человек в составе ВС Азербайджана. После численность ВС Азербайджана почти всегда примерно в два раза превышала численность ВС Армении. При этом бремя содержания ВС для Армении и Азербайджана неодинаково: среднее значение процента ВС Армении по отношению к рабочей силе в 1995–2020 гг. составляло 3,5, в то время как для Азербайджана этот показатель равнялся 2⁴. В случае Армении в долгосрочной перспективе это вело к усталости населения от конфликта. У обоих государств на протяжении всего изучаемого периода был примерно одинаково высок процент военных расходов от ВВП (большую часть времени превышал 3%), однако в абсолютных значениях разрыв постепенно увеличивался в пользу Азербайджана: до 2004 г. разница составляла примерно 1–2 раза, в 2005–2009 гг. — от 3,4 до 4,1 раз, в 2010–2014 гг. — от 6,5 до рекордных 8,5 раз, в 2015–2022 гг. — от 2,8 до 4,4 раз⁵. В дополнение, военные закупки Азербайджана превосходили импорт вооружений Арменией как в количественном, так и в качественном отношении⁶. Примечательно, что с 2008 по 2018 г. Азербайджан приобрел у Израиля 36 БЛА, при этом в 2019 г. Армения импортировала из Иордании четыре ЗРК «Оса» советского образца (принят на вооружение в 1971 г.), которые предназначены для сбивания принципиально иных воздушных объектов. В целом, из анализа импорта вооружений следует, что Азербайджан готовился к реализации силового сценария как минимум с 2008 г., не говоря уже о том, что плотное военное сотрудничество с Турцией имело место еще с начала 1990-х гг.

В этом контексте следует коснуться еще одного сюжета, который связан со стратегией. Победа российских военнослужащих в 2008 г. была во многом обеспечена поддержкой с воздуха. Азербайджан, очевидно, во многом перенял подход, но модернизировал его, задействовав БЛА. Армения и Грузия, в свою очередь, допустили стратегические просчеты: Грузия недооценила готовность России поддержать Абхазию и ЮО и не закупила достаточно ПВО; Армения, вероятно, также не ожидала, что Турция настолько открыто проявит себя в ходе военных действий (что, впрочем, не объясняет не-

¹ Coser L.A. The termination of conflict // Journal of Conflict Resolution. 1961. Vol. 5. No. 4. P. 347–353.

² Танки августа / М.С. Барабанов, А.В. Лавров, В.А. Целуйко; под ред. М.С. Барабанова. М., 2009. — 144 с.

³ Suny R.G. The Pawn of Great Powers: The East–West Competition for Caucasia // Journal of Eurasian Studies. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 10–25.

⁴ World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 08.09.2024).

⁵ World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 08.09.2024).

⁶ SIPRI Arms Transfers Database // Stockholm International Peace Research Institute. 2024. URL: <https://doi.org/10.55163/SAFC1241> (accessed: 08.09.2024).

готовность систем ПВО отразить атаки БЛА; Буря на Кавказе / Д. Барри и др.; под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. 128 с.). Таким образом, внешний фактор, хотя и важен, не нивелирует значение фактора внутреннего.

Павроз А.В.
(Санкт-Петербург, независимый исследователь)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛОББИЗМ И СЛОЖНОСТИ ЕГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТИРОВАННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Международный лоббизм представляет собой относительно новое явление, связанное с возможностью социально-экономических субъектов одного государства воздействовать на политические решения органов власти другого государства. Традиционно лоббизм был почти исключительно внутривнутриполитическим институтом, позволявшим представителям бизнеса и другим социально-политическим субъектам влиять на политику своего правительства. Однако процессы глобализации, связанные со значительной интенсификацией экономического, политического и социально-культурного взаимодействия между различными странами, привели к интернационализации лоббистской деятельности. Благодаря глобализационным процессам лоббизм превратился в один из важнейших механизмов налаживания политико-экономического взаимодействия в общемировом масштабе. Международный лоббизм демонстрирует и подкрепляет тенденцию значительного увеличения роли негосударственных акторов в современной мировой политике.

Международный лоббизм в основном используется крупным бизнесом, транснациональными корпорациями. Однако к международному лоббизму нередко прибегают и иные социально-политические субъекты: органы государственной власти, некоммерческие организации, исследовательские центры и т.д. Особенностью международного лоббизма является то, что разнотипные социально-политические субъекты, связанные с одной и той же страной, очень часто поддерживают друг друга в осуществлении политического давления на органы власти другого государства: правительственные структуры стараются добиться преференций для национально бизнеса, коммерческие корпорации способствуют проведению внешнеполитического курса своего государства и т.д. В результате формируются сильные и устойчивые лоббистские коалиции, включающие в себя прежде всего бизнес-структуры, органы власти и представителей диаспоры. В такие коалиции в качестве независимых или зависимых партнеров также могут входить некоммерческие организации, средства массовой информации и другие национальные и международные акторы. Эффективность лоббирования подобных коалиций определяется слаженностью взаимодействия между их членами и возможностью масштабного использования разноплановых и взаимодополняемых ресурсов. Нередко такие коалиции добиваются чрезвычайно большого политического влияния.

Международный лоббизм тесно связан с глобализацией. Однако современные тенденции мирового развития, обусловленные фрагментацией глобализационных процессов, порождают ряд сложных вопросов, касающихся политико-правового регулирования лоббистской деятельности. Фрагментированная глобализация представляет собой новое явление, связанное с продолжением глобализационных процессов между близкими по ценностным и политическим установкам странами с одновременным сокращением социально-экономического и политического взаимодействия между странами с существенно отличающимися ценностными и политическими установками. И если использование международного лоббизма социально-экономическими субъектами близких по ценностным и политическим установкам стран не вызывает особых проблем, то иная ситуация возникает при использовании международного лоббизма социально-политическими субъектами из стран с существенно отличающимися ценностными и политическими установками, которые де-факто или де-юре признаются «недружественными», «враждебными», «изгоями» и т.п. В этой связи возникает множество вопросов, которые еще не нашли систематического решения в политико-правовом регулировании лоббистской деятельности. Во-первых, как и на каких основаниях осуществлять подобную классификацию государств. Во-вторых, как быть в ситуации фактического сращивания коммерческих корпораций и государства. В-третьих, насколько допустимо использование международного лоббизма органами власти иностранного государства. В-четвертых, как определять иностранные и международные некоммерческие организации в контексте их лоббистской деятельности. В-пятых, как быть с политико-правовой регламентацией лоббистской активности представителей диаспоры. В-шестых, как рассматривать деятельность иностранных и международных средств массовой информации и непрямого лоббизма. В-седьмых, как регулировать отношения между лоббизмом, коррупцией и иными сопряженными формами трансграничной преступности. Нахождение ответов на эти вопросы будет способствовать дальнейшему совершенствованию политико-правового регулирования лоббистской деятельности и улучшению политико-экономического взаимодействия в современном мире.

Палитай И.С.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, ГАУГН)

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Ситуация, в которой сегодня находится наша страна, отличается высокой концентрацией вызовов и угроз. Важным при этом является тот факт, что впервые в новейшей истории наше государство пытается найти выход из сложившегося положения не только за счет оперативных и тактических действий, но и путем реализации политики, которая во многом носит стратегический характер. Одним из направлений такой деятельности является работа с молодым поколением относительно их мировоззренческих установок и ценностных ориентаций. Фактом, подтверждающим это, являются особенности реализации государственной молодежной политики, работа многочисленных образовательных центров (таких, как «Сенеж», «Машук», Таврида» и др.), проведение различных форумов, грантовая поддержка исследовательских проектов, одной из задач которых является сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, в том числе среди молодежи.

Причиной такого рода государственной политики является не просто сложившаяся геополитическая обстановка, но и особенности мировоззренческих установок и ценностных ориентаций молодых людей. Как показали наши исследования, для современной молодежи значимыми ценностными доминантами выступают: мир, безопасность, справедливость, законность, права человека, свобода, порядок. Данный перечень выглядит довольно универсальным и не представляется отличающимся от тех доминант, которые свойственны, например, старшему поколению. Однако, если взглянуть на него с точки зрения его смыслового наполнения, то можно заметить, что современной российской молодежи присущ противоречивый комплекс политических ценностей, где присутствуют исторически не свойственные российскому обществу ценности, а традиционные ценности наполняются в сознании молодежи «новым» смыслом.

«Новое» в тех или иных ценностях проявляется в том, что в сознании молодежи усиливается значимость прав человека, личной инициативы, комфорта и самовыражения.

Несмотря на то, что обозначенные «новые» элементы ценностного комплекса по сути своей, на первый взгляд, не несут в себе негативного оттенка, стоит отметить, что все они вписываются в формулу «МЫ – мировоззрение = Я – ориентации + ВЫ – установки». Иными словами, каждая из этих установок стремится быть реализованной без учета внимания к мнению общества.

Еще одним следствием таких индивидуалистических ориентаций является второстепенная роль, которая отводится ответственности за свои поступки. Так, например, ценность свободы, которая является весьма значимой для современной молодежи, помимо того, что в большинстве своем представляет собой «свободу от», а не «свободу для», во многом понимается, как свобода для самовыражения и отсутствие ответственности.

Ценность справедливости значима для абсолютного большинства молодых людей, на сегодняшний день утрачивает свою морально-этическую трактовку, исторически проявляющуюся в следовании правде, честности и порядочности. Более того, при довольно трепетном отношении к справедливости основная роль в ее поддержании отводится государству.

Смысловые противоречия, а также наличие в сознании молодежи «нового» смыслового наполнения ценностей, наряду с их традиционными трактовками выливается в то, что мы называем моральным релятивизмом, помимо которого фиксируется также относительность нравственных критериев оценки социальных и политических событий и процессов.

Обозначенные выше особенности смыслового наполнения ценностей молодежи, наличие в них противоречий требуют внимания к данному вопросу, и не просто его тщательного исследования, но и усиления начатой сегодня работы по таким направлениям, как гражданское образование, ценностно-мировоззренческое просвещение, сопряжение внутренней политики (молодежной, образовательной, информационной), консолидация институтов и факторов политической социализации.

* Тезисы подготовлены в рамках исследования, выполняемого при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований №1024030100141-9-5.6.1 «Аксиологические константы российской государственности в контексте развития страны: нормативная модель и возможности ее реализации» (FZNF-2024-0009).

ТРЕУГОЛЬНИК КИТАЙ–ИНДИЯ–ПАКИСТАН: ОЧАГИ НАПРЯЖЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В докладе рассматривается Южноазиатский стратегический треугольник «Китай–Индия–Пакистан», который характеризуется высоким конфликтным потенциалом в связи с непростыми взаимодействиями по всем линиям данной геополитической фигуры. Нередко треугольник также обозначают, как ракетно-ядерный треугольник, обращая отдельное внимание на то, что все три государства обладают ядерным оружием, что выводит систему межгосударственных взаимодействий на иной уровень.

Отношения между Китаем, Индией и Пакистаном сложны и изменчивы, на них влияет множество факторов, таких как исторический контекст, территориальные споры, экономические интересы и геополитика.

С момента появления независимых Индии и Пакистана в 1947 году вопрос о Кашмире стал одной из основных причин конфликта между двумя государствами. К сожалению, в рамках «плана Маунт-баттена» по разделу британских владений между Индией и Пакистаном на полуострове Индостан, в основе которого лежал этноконфессиональный признак, определение статуса Кашмира оказалось невозможным: план не предусматривал четкий правовой инструментарий решения судьбы княжества с большинством мусульманского населения во главе с махараджей Хари Сингхом, который исповедовал индуизм. Эта двусмысленность привела к затяжному спору между Индией и Пакистаном, несмотря на попытки ООН решить кашмирский вопрос путем прекращения огня и плебисцита. В итоге, между двумя сторонами возникло длительное военное противостояние вдоль линии фактического контроля (*LAC*).

Китай и Индия также имеют спорные территории в приграничном регионе, включая Аксай Чин. Во времена британского колониального господства большую часть Аксайского Чина пытались разделить с Британской Индией, но сейчас она де-факто находится под контролем Китая, а Индия претендует на управление некоторыми ее частями.

Помимо пограничных споров, между Индией и Китаем наблюдаются соперничество и разногласия на международной арене. Например, Китай вновь отверг вступление Индии в Группу ядерных поставщиков *NSG* в качестве полноправного члена в 2019 году.

Китай и Пакистан, в свою очередь, ведут обширное сотрудничество во многих областях. Китайско-пакистанский экономический коридор (*CPEC*), являющийся важной частью стратегии «Один пояс, один путь», тесно связывает две страны. Однако из-за кашмирского вопроса Индия настороженно относится к китайско-пакистанскому сотрудничеству, что негативно влияет на китайско-индийские отношения.

Основная озабоченность Индии в отношениях с Пакистаном лежит в сфере безопасности, в том числе в таких аспектах, как ситуация в Кашмире и Пенджабе, повышенном уровне террористических угроз со стороны территорий, подконтрольных Пакистану. Обеспокоенность Нью-Дели также вызывает стратегическое взаимодействие между Китаем и Пакистаном, например, в связи с развитием пакистанской ядерной программы.

Но несмотря на напряженность в политической сфере и сфере безопасности, экономическое сотрудничество остается важным способом улучшения трехстороннего взаимодействия. Китай может попытаться создать экономические коридоры с Индией и Пакистаном в целях укрепления регионального экономического сотрудничества вплоть до взаимовыгодной экономической интеграции. Хотя Индия не поддерживает китайскую инициативу «Один пояс, один путь», Нью-Дели и Пекин все же участвуют в ряде многосторонних платформ, таких как БРИКС и ШОС, также остаются возможности для двустороннего взаимодействия в таких областях, как торговля и инвестиции.

Укрепление стратегической коммуникации — ключ к снижению напряженности в отношениях между тремя странами. Китай всегда выступал за концепцию мирного развития и поддерживал связь и диалог и с Индией, и Пакистаном, в том числе через многосторонние механизмы и международные организации.

Важно понимать, совместная борьба с терроризмом, экстремистскими группировками и транснациональной преступностью — зоны общей ответственности трех стран по поддержанию и укреплению региональной стабильности. Поэтому хотя отношения между Китаем, Индией и Пакистаном сопряжены с трудностями, будущее взаимодействие будет зависеть от того, как каждая страна справится с историческим наследием и с текущими проблемами безопасности.

Панеш А.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОРМАТА ВИДЕОКЛИПОВ ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ КОНСЕРВАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У МОЛОДЕЖИ США В ЦИФРОВЫХ МЕДИА*

Американская молодежь отличается высоким уровнем недоверия к традиционным медиа и стремится получать политическую информацию через цифровые источники. Наибольшей популярностью сегодня обладают площадки, которые позволяют делиться информацией в формате коротких видео (*TikTok, YouTube Clips, Instagram Reels*) (см.: Social Media and News Fact Sheet. Pew Research Center. 2024. 17 сент. URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/social-media-and-news-fact-sheet/> (дата обращения: 18.09.2024). Эксперты связывают это с феноменом «клипизации» мышления большинства молодых людей от 12 до 21 г. Подаваемая в емком формате информация позволяет не только задействовать когнитивный аспект, но и добиться эмоционального отклика у молодого поколения. Дофаминовый всплеск от клипов закрепляет приобретенные убеждения эффективнее, чем это удается другим форматам.

Политическая информация любой идеологической направленности, подаваемая с учетом нейропсихологических паттернов усвояемости знаний у нового поколения, может коренным образом влиять на вектор развития политического мышления юного индивида. Это означает, что шанс превалирования консервативных ценностей в будущем среди молодежи растет пропорционально с интенсивностью имплементации методов продвижения через форматы коротких видео.

Молодое поколение также отличается определенной апатией к выраженным политическим процессам внутри страны: подростки не испытывают желания прямо ассоциировать себя с республиканской или демократической партией. Это объясняет, почему изначально создававшиеся для продвижения демократической повестки алгоритмы в *YouTube, Google, Instagram* и *TikTok* демонстрируют противоположный прогнозируемому аналитическими агентствами эффект. Консервативные блогеры, инфлюенсеры и лидеры мнений республиканской партии в своем политическом контенте стараются не продвигать идеалы партии и не обозначать свою идеологическую принадлежность явно, а транслировать мысль, которая в первую очередь связана с категориями «выше» политических (любовь, семья, вера и религия). Зачастую клипы, продвигающие консервативные ценности, и вовсе не персонифицированы. Подобная парадигма кажется новому поколению искренней и менее политизированной, что вызывает симпатию к подобному контенту.

Проведенное нами исследование тональности политических сообщений на цифровых площадках демонстрирует, что республиканские медиа, блогеры и т.д. и вправду обладают наименьшим уровнем предвзятости к идеологическим оппонентам или сторонникам: они стремятся не к укреплению позиций партии, а к продвижению традиционных ценностей без излишней политизированности, что и обуславливает растущую популярность консервативных взглядов у молодого поколения.

На основе существующей информации и полученных в ходе нашего исследования данных можно вывести основные принципы, которые обуславливают эффективность политического воздействия коротких видео при продвижении консервативных ценностей.

1. Политическая неопределенность. Клипы, которые обладают большей популярностью и продвигают традиционные ценности, прямо не пропагандируют интересы республиканской политической партии или ее лидеров. Наоборот, многие из них обозначают необходимость первоочередного познания мира через парадигму традиционных ценностей (построение семьи, отношений с Богом и др.), а не политическую деятельность или социальный активизм.

2. Фиксация на ментальном здоровье. На сегодняшний день большое количество молодых людей в США испытывают депрессивные состояния, экзистенциальный кризис. Клипы, которые транслируют консервативные ценности, стараются продемонстрировать положительные эффекты для психологического здоровья от соблюдения традиционных фундаментальных принципов: в них преобладают примеры крепких семей, объясняются положительные психологические изменения у верующих людей и т.д., обладают наибольшей популярностью.

3. Моральный аспект. Транслируемые консервативные идеи без чрезмерной политизированности для большинства молодых людей кажутся наиболее приемлемыми с точки зрения морали, так как основа американской культуры лежит в свободе слова, вере, крепкой нуклеарной семье. Это позволяет проводить более эффективные параллели с собственным взрослением или становлением личности.

* Тезисы подготовлены в рамках реализации научного проекта «Инструменты повышения эффективности государственной политики по продвижению ценности семьи в студенческой цифровой среде» (гос. номер 124101700550-4), выполняемого в ИНИОН РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ.

Таким образом, формат коротких видео является уникальным инновационным инструментом для продвижения консервативных ценностей среди американской молодежи. Истинный потенциал данного направления остается предметом дальнейших исследований, но даже сейчас можно говорить о его влиянии на формирование политических взглядов молодежи.

Панин В.Н.
(Пятигорск, ПГУ)

МНОГОУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ МИРОВОГО ПОРЯДКА XXI ВЕКА

Одним из главных последствий информационной революции и коренной реконфигурации всей системы международных отношений является то, что ныне формирующийся мировой порядок приобретает существенные изменения не только в своих параметрах, но и в своей природе: из одномерного он становится многомерным.

Концепция многомерности исходит из того, что мир разнообразен не только в своих бесконечных проявлениях, но и в своих фундаментальных основах: наблюдаемое разнообразие далеко не всегда следует из какого-то общего начала или обусловлено деятельностью какого-то центра и т.п.

Классификация мирового порядка, в основе которой заложены только геополитические параметры: однополярный — двухполярный или многополярный мир, уже не дает возможности дать полную характеристику тем процессам, которые в настоящее время протекают на планете.

Помимо традиционных геополитических «центров силы», все большую роль в мировой политике начинают играть влиятельные геоэкономические объединения, а также различные «акторы вне суверенитета», активно использующие глобальные информационные каналы.

Все более значимую роль в международных отношениях начинает играть фактор военной силы: международные конфликты последнего времени пытаются быть разрешены именно посредством применения силового ресурса. На Западе все более часто, используя «Окно Овертона», посредством глобальной информационной сети, происходит насаждение мнения о допустимости и возможности локального применения ядерного оружия, что вынудило Россию в качестве ответной меры внести существенные изменения в свои стратегические документы оборонного характера.

В начале третьего тысячелетия человечество в качестве основного источника энергоресурсного обеспечения своей жизнедеятельности продолжает использовать исчерпаемые углеводородные ресурсы. Следствием этого в настоящее время является актуализация борьбы за контроль над уже разрабатываемыми и перспективными регионами их сосредоточения — это океанские просторы, а также Арктика и к концу XXI века неизбежно будет Антарктика.

В настоящее время наносится серьезный удар по моральным духовно-нравственным основам ряда мировых цивилизаций, а также делаются попытки взрыва внутрицивилизационного единства, в первую очередь, это касается православно-христианской цивилизации.

Вслед за Дж. Наем Мл. мы считаем, что ни одна одномерная система уже не в состоянии дать полного ответа на то, что собой представляет современный мир. Ныне формирующийся мировой порядок является не одномерным, а многомерным по своей природе, состоящим из нескольких взаимосвязанных между собой уровней.

Ныне формирующийся мировой порядок состоит из шести уровней. Первый уровень — информационный. С учетом формирования единого мирового информационного пространства он является и будет продолжать оставаться однополярным.

Второй уровень — военный. С учетом совокупного военного стратегического потенциала, он двухполярный, поскольку по совокупной военной мощи, включая ядерный потенциал, ни одно государство мира не может сравниться с Россией и США.

Третий уровень — геополитический, состоящий из следующих «мировых центров силы»: Россия, США и Китай.

Четвертый уровень — геоэкономический, включающий в себя четыре наиболее мощных геоэкономических блока: ЕС, страны АТЭС, ЮСМКА, а также страны растущего быстрыми темпами БРИКС.

Следующим уровнем мирового порядка в XXI веке является энергоресурсный. Принимая во внимание тот факт, что углеводородные ресурсы планеты исчерпаемы и сосредоточены неравномерно, проблема контроля над регионами их добычи, путями транспортировки из чисто экономической давно уже перешла в политическую плоскость. Тот, кто будет контролировать углеводородные ресурсы, тот будет играть одну из определяющих ролей в мировой политике.

Последним уровнем является цивилизационный, состоящий из западной, православной, японской, китайской, буддистской, индуистской, исламской, африканской и латиноамериканской цивилизаций.

Анализ современного мирового политического процесса через призму многоуровневого многомерного мира позволяет прийти к следующему основному выводу. Поскольку геополитический и геоэкономический «хартленд» из Восточной Европы мигрирует в АТР, разворачивается ожесточенная борьба за арктические углеводородные ресурсы и транзитные коммуникации, африканская цивилизация из статуса «спящей» перерастает в полновесную, а ближневосточный конфликтогенный потенциал имеет все основания к взрыву, основные направления внешней политики России должны быть сосредоточены по азиатско-тихоокеанскому, ближневосточному и африканскому векторам. Данные внешнеполитические цели могут быть успешно реализованы только при условии недопущения разрыва самой православно-христианской цивилизации, что в настоящее время и пытается сделать коллективный Запад во главе с США. Следовательно, восточноевропейский и кавказский векторы российской внешней политики также являются одними из наиболее приоритетных.

*Паничкина Е.В.
(Кемерово, КемГИК)*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

Государственная национальная политика России прошла большую эволюцию и продолжает претерпевать изменения. Совершенно очевидно, что с учетом политических реалий и масштаба стоящих перед нашей страной задач они будут происходить в направлении дуализма подходов к этническим правам коренных народов России и представителей народов, для которых Россия не является местом исторического проживания их предков, в том числе иммигрантов.

Коренные малочисленные народы представляют небольшую часть населения России, но это не только ничуть не умаляет права и свободы, которыми представители этих общностей обладают наравне с другими гражданами Российской Федерации, но наоборот — служит основанием для наделения их специальным статусом, в том числе статусом этнической исключительности.

Невзирая на весьма обширное законодательство по вопросам регулирования прав коренных малочисленных народов (далее — КМН), а также на большое количество предоставляемых им льгот и обеспечения специальных условий жизнедеятельности, по ряду вопросов возникает множество проблем в их практической реализации. КМН зачастую находятся в сложных социальных и экономических условиях, их уровень жизни, как правило, низкий, равно как и средняя продолжительность жизни. При этом культура малочисленных коренных этносов уникальна своей способностью выживания и воспроизводства в вышеуказанных условиях, их язык, жизненный уклад и бытовые особенности отражают старинные традиции предков. Одновременно с этим нужно отметить неприспособленность сохраняющегося привычного образа жизни этих этносов к современным экономическим условиям и высококонкурентной среде, недостаточная рентабельность традиционного хозяйства, низкая экономическая активность и невысокий уровень социального положения большинства представителей КМН, слабость инфраструктуры мест традиционного проживания, отдаленность населенных пунктов от региональных и районных центров — все это факторы, способные разрушить привычный образ жизни и привести к необратимым последствиям, связанным с полной или частичной утратой своей идентичности.

Субъекты России предоставили общинам КМН множество прав, налоговых льгот и преимуществ. С целью сохранения традиционной жизни КМН, их культуры и идентичности разработано большое количество региональных программ. Так, на конкурсной основе может предоставляться социальный заказ на разработку и реализацию региональных программ социально-экономической помощи общинам КМН. Вопросы прав общин малочисленных народов решаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации с учетом мнения общин малочисленных народов. В частности, представители КМН имеют широкие права в политической сфере на уровнях государственном и местного самоуправления; у КМН есть право законодательной инициативы; предлагается ввести специальные квоты представительства в органах власти за счет формирования избирательных округов с меньшей численностью населения, образования национальных поселений, предоставления права законодательной инициативы. Данный комплекс мер позволяет обеспечить развитие политической, экономической и социокультурной сфер общества, сохранить свою культуру, традиции, быт, а значит, сохранить национальную идентичность.

С точки зрения сохранения российской идентичности и национальной безопасности в отношении КМН, требуется приложить усилия по сохранению культуры, традиций и самобытности коренных народов как части общенационального богатства России и ее историко-культурного наследия. Государственная национальная политика в условиях государства, включающего множество народов, должна

руководствоваться идеей сохранения национальной идентичности коренных народов, проживающих на родной земле.

Именно такой подход представляется оптимальным с точки зрения этнического соотношения: вопреки ставшему аксиомой тезису о многонациональности и многоконфессиональности Россия представляет собой своего рода «двойной» пример: во-первых, страны, исторически вобравшей в себя множество народов (о чем неизменно указывают все ученые), а во-вторых (на что обращают внимание редко), страны с ярко выраженным этническим большинством: 80% населения составляют русские, еще порядка 3% — близкие восточнославянские народы и значительная часть оставшихся — те, кого зарубежная этнология именуется «невидимыми меньшинствами» — народы, по своему антропологическому типу и культуре близкие к большинству, а порой неразличимые с ним.

Следовательно, способом ликвидации выявленного дуализма является разработка новых моделей национально-государственной идентичности, определяющие механизмы и инструменты сохранения и популяризации культуры народов России, что как целеполагание обозначено в нормативно-правовых документах и программах федерального уровня.

Панкевич Н.В.
(Екатеринбург, ИФиП УРО РАН)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: НОВЫЕ КОНТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА И МЕХАНИЗМЫ ЕГО ЗАЩИТЫ*

Внимание к вопросам формирования и реализации интеграционного потенциала исторической памяти приобретает особенное значение в современных условиях, когда противостояние Российской Федерации и ее оппонентов приобретает экзистенциальный характер, а легитимация политических стратегий производится с позиций уникальных ценностных оснований, которыми нельзя поступиться в защите экономических интересов, в поиске дипломатических или силовых решений.

Современный аксиологический поворот позволяет предположить, что присущая каждому сообществу уникальная историческая парадигма начинает выполнять функцию продуцента политических и правовых факторов, задавая пределы возможностей и автономии как правительственных центров, так и граждан или их ассоциаций. Возникающие в обществе антагонизмы и конфликты теряют значительную долю остроты на фоне единства, функционирующего в длительном историческом времени.

В этом качестве техника обращения к прошлому была и остается тесно связанной с институтом суверенного государства, составляя фундамент республиканской модели гражданства. Одновременно данное развитие требует существенного обогащения этой модели политической принадлежности, которая требует переосмысления самого принципа консолидации сообщества и его смыслового расширения, за счет включения тех, чьи интересы, приоритеты и ценности не могут быть самостоятельно представлены в рамках текущего политического процесса.

Историческая память и справедливость как общественные регуляторы требуют политического и правового признания политического сообщества как транспоколенческой общности, исходя из признания достоинства предыдущих поколений и их коллективного вклада в материальное и духовное развитие сообщества.

В этом смысле становится возможным говорить о своеобразном явлении «мнемонического конституционализма» как ценностного подчинения актуально функционирующего властного центра и социума превосходящему смысловому комплексу. Коллективный характер общественного производства и накопления формирует комплекс материального и нематериального наследия, которое также является предметом неделимого коллективного титула народа, представленного как текущим, так и будущими поколениями. В этом смысле вопросы исторической памяти оказываются сопряжены с вопросами территориального домена государства, вопросами собственности, ее наследования и переходов, проведения границ между публичным и частным доменами в экономике и общественной жизни.

Подобная трактовка прямо предполагает, что, во-первых, историческая память пронизывает все области государственного и общественного управления, насыщая их своими компонентами и становясь мета-регулятором, с которым необходимо соотносить все новации в правовом и институциональном развитии в области определения конституционных прав, обязанностей и свобод граждан. Во-вторых, она требует также нового взгляда на ответственность государства перед обществом, которая включает обязанности сохранения, развития, преумножения наследия и коллективного достоинства народа; защиты исторической справедливости через механизмы, доступные в рамках конституционного, публичного и гражданского права.

* Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Общественный потенциал исторической парадигмы, таким образом, является предметом не только ценностного обоснования, но и стратегического планирования как одного из действенных инструментов государственного управления на внутрисполитическом и международном уровнях.

Для современного состояния типично, что развитие законодательства в области исторической памяти имеет конкретный характер и имеет в виду регулирование по узким направлениям (защита объектов материального наследия, памятников, установление памятных дат, проведение коммеморативных мероприятий). Представляется, что проблематика исторической памяти должна быть представлена существенно шире.

В настоящее время в Российской Федерации сделан важнейший шаг на пути становления исторической памяти как мета-регулятора общественных отношений. В ходе реформы 2020 г. российская Конституция была обогащена новыми смысловыми комплексами исторического единства и памяти предков.

Представляется, что данное направление конституционного строительства должно получить дальнейшее развитие в рамках документа нормативно-стратегического характера — перспективной Концепции российской исторической парадигмы и соответствующих изменений на уровне принятия специальных законов об исторической памяти, а также внесения изменений в действующие нормативно-правовые акты.

Панкратов С.А.
(Волгоград, ВолГУ)

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ*

Прошедшие в марте 2024 года выборы Президента Российской Федерации, а также выборы, организованные в единый день голосования 8 сентября 2024 г. (на территории Волгоградского региона голосование проходило с 6 по 8 сентября 2024 г.) в региональные органы власти (губернатора Волгоградской области и депутатов в Волгоградскую областную Думу), с полным правом позволяют утверждать о возрождающейся традиции так называемого «семейного голосования». В данном случае речь идет о процессе гражданской и политической социализации современной молодежи в рамках института семьи, одновременно выступающего агентом формирования практик гражданской активности, где в разной степени консолидирован мотив членов семейной организации участия в избирательном процессе федерального и регионального уровня.

Как указывают эксперты, в настоящее время к доминирующим факторам, определяющим влияние института семьи на гражданскую активность представителей молодежной когорты, целесообразно отнести следующие. Во-первых, реализация молодежной и семейной политики в России, целого ряда национальных проектов и государственных (в том числе региональных) программ постепенно привели к институализации публичного пространства, имеющего в своей основе партнерские (в противовес властно-контролирующим) отношения между семьей и государством, иными институтами гражданского общества в определении сфер ответственности и механизмов реализации за воспитание «нового поколения». Во-вторых, наметилась тенденция к минимизации негативных последствий функциональной и духовно-нравственной деградации традиционных семейных ценностей в РФ, что имело в своей основе глобальный либеральный тренд, усиливающий межпоколенную конфликтность «отцов и детей», в том числе в сфере отношения к органам власти и их легитимности, формам позитивной/негативной активности.

В-третьих, уровень, векторы направленности политической стратификации в современном российском обществе позволяют говорить не о прямолинейном (а скорее о дискретном) увеличении/уменьшении дистанции между авторитетом членов родительской (собственной молодой) семьи и поколением молодежи, осваивающей в том числе ценности цифрового социума и расширяющей понятие семьи в рамках «сетевых общений». В этом контексте решение участия/неучастия в выборах принимается в уникальном эмоционально-нормативном поле, где значимы и профессиональный, социально-экономический статус членов семьи, и образование, и ролевое положение в общественно-политических структурах и «значимого мнения».

В-четвертых, для естественного «маргинализованного» положения поколения Z, только пытающегося определиться с своим «местом под солнцем» в мире взрослых, важен идейно-политический

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, Экспертного института социальных исследований в рамках проекта FZUU-2024-0005 «Участие в выборах как семейная традиция: ресурсы института семьи и векторы мобилизации гражданской активности современной российской молодежи».

(идеологический) спектр членов семьи, объективируемый в доверительных («кухонных») разговорах, в том числе по поводу включенности каждой конкретной семьи в исторические разломы отечественной государственности (начиная от революционных событий 1917 года и Гражданской войны, сталинской эпохи, распада СССР). Социологические замеры фиксируют снижение остроты межпоколенного противостояния. В волгоградском регионе на институциональном/неинституциональном уровне воспроизводятся технологии патриотического воспитания молодежи, в основе которых лежит значимость победы советского народа в Сталинградской битве и Великой Отечественной войне в целом. При этом инновационный потенциал современности в развитии личностной активности преломляется через молодежную прагматику: «А что изменится у меня лично, в нашей семье и моем будущем, если будет избран тот или иной кандидат?»

Запрос на справедливость и самореализацию позволяет пятым фактором включенности семьи в формирование гражданской активности молодежи назвать определение пределов протестной активности (бунтарства) от участия в митингах и протестов в офлайн- и онлайн-пространствах до акций протестного голосования. Декларируемые «взрослые» принципы организации настоящего и будущего нередко реализуются в пакетных соглашениях «мышления и действия», в частности участия представителей молодежной когорты в избирательном процессе в качестве волонтера (добровольца), сертифицированного наблюдателя, члена Независимого общественного мониторинга, избирателя, помощника кандидата и т.д. Освоение множества практических ролей одновременно повышает статус среди других членов семьи и ближайшего окружения.

Гражданская активность молодежи волгоградского региона, выражающаяся в «способности и желании проявлять собственную гражданскую позицию, отстаивать личные и групповые интересы и права», осознании личной ответственности за благополучие государства, не ограничена территориальными рамками. Скорее можно говорить об общероссийской тенденции, имеющей свою региональную специфику.

Панько Н.К.
(Москва, РУДН)

ТАЙВАНЬСКАЯ ПРОБЛЕМА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Доклад посвящен нарастающей напряженности в Тайваньском проливе, росту военного потенциала Китая и возможному конфликту между США и КНР в случае силового решения тайваньского вопроса. Война приведет не только к столкновению ядерных держав, большим гражданским потерям, но и к всемирному экономическому кризису, так как остров считается центром полупроводниковой промышленности, масштабы которой составляют 84% от общемирового производства микросхем. По разным подсчетам, конфликт может обойтись мировой экономике в 10 трлн долл. (CSIS, 2024).

Наращивание военного потенциала КНР создает беспрецедентный вызов для доминирования США в Индо-Тихоокеанском регионе. Выход Тайваня из зоны влияния США действительно может означать сокрушительное региональное поражение, так как Тайвань играет стратегически важную роль как ключевой партнер в цепочке поставок высоких технологий и является важным элементом сдерживания Китая. Данный фактор также имеет экзистенциальное значение для существования самой Китайской Республики.

Если раньше вторжение на Тайвань считалось маловероятным из-за отсутствия технической возможности, то, по оценкам экспертов центра стратегических и международных исследований, в ближайшее десятилетие у Китая будет достаточно крупные силы для осуществления такого маневра. Однако главным фактором возможной эскалации в Тайваньском проливе являются усугубляющиеся отношения между КНР и США, которые сопряжены с постепенной утратой американского влияния в АТР и переформатированием мирового порядка.

Изменение геополитического ландшафта влечет за собой трансформацию внешнеполитического вектора КНР, которая преследует идею воссоединения путем экономической и политической интеграции, но не исключает и силовой вариант в случае, если ее суверенитет окажется под угрозой. Стоит отметить, что риторика Китая в отношении тайваньской проблемы за последнее десятилетие сильно изменилась, став более радикальной. Это связано с рядом внутренних и внешних причин.

К экзогенным факторам стоит отнести нарастающее противостояние США и КНР. В данном контексте США используют «тайваньскую карту» для оказания давления на соперника и выявления «красных линий». Ряд провокаций со стороны США продемонстрировали, что китайское руководство, несмотря на заявленные угрозы, пока не готово к решительным действиям. В то же время выжидательная позиция КНР связана со стремлением отсрочить или предотвратить открытый конфликт в Тайваньском проливе, который с большой долей вероятности сильно ударит по экономике

КНР и приведет к международной изоляции, что недопустимо для Китая, который активно работает над рядом крупных проектов, включая инициативу «Один пояс, один путь».

Однако жесткие заявления представителей китайского руководства, военные учения вблизи Тайваня, наращивание военно-морского потенциала Китая, поставки американского вооружения на Тайвань демонстрируют милитаризацию региона. Эти действия могут привести к дальнейшей эскалации напряженности и увеличить вероятность риска случайного столкновения или неправильной интерпретации намерений сторон.

Что касается эндогенных факторов, необходимо отметить замедление китайской экономики. Экономическая стагнация связана не только с ловушкой среднего дохода и с торговой войной между Китаем и США, которая ведется с 2018 года, но и с эпидемией COVID-19. В условиях новых вызовов руководство Китая активно использует тайваньский вопрос как инструмент для консолидации нации и отвлечения внимания общества от внутренних проблем. Вероятно, в текущей ситуации китайские власти вновь прибегли к этому методу, чтобы смягчить последствия непопулярных мер по борьбе с пандемией и экономическим кризисом.

Нарастающая напряженность в Тайваньском проливе, совпавшая с трансформацией мирового порядка, представляет собой сложный и многогранный вызов нового времени. Изменения в геополитическом ландшафте, усугубляющиеся отношения между КНР и США, а также внутренние экономические проблемы Китая делают тайваньский вопрос особенно актуальным и требующим тщательного анализа и изучения.

*Панюжева М.М.
(Москва, РСМД)*

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ-2024 В РОССИИ: НОВЫЕ ФАКТОРЫ И ТРЕНДЫ*

В контексте масштабной трансформации нынешнего международного порядка траектория развития сложных отношений между США и Россией будет меняться. Президентские выборы в России в марте текущего года стали новой точкой отсчета в бинарном противостоянии.

С начала спецоперации РФ на Донбассе двусторонние отношения, краеугольный камень международной безопасности, находятся в состоянии «глубокого кризиса». На сегодняшний день эскалация напряженности настолько высока, что речь идет о снижении ядерного порога, одобрении ударов по территории России дальнобойным оружием и начале большой «горячей» войны.

На фоне многомерного кризиса глобального управления, фиаско экстраполяции западной модели демократии следует отметить успешный поворот российской дипломатии на Восток и поддержку Мирового большинства идеи справедливого полицентричного миропорядка.

Ввиду ускорившегося распада либерального миропорядка при лидерстве США актуальным является коллективное регулирование мировых политических процессов¹. Поэтому важно работать с мнением мировой общественности и масштабно расширять влияние РФ за рубежом.

С целью выявления особенностей восприятия России и разработки стратегии улучшения ее имиджа в США был проведен комплексный анализ заявлений руководства, мнений экспертов, опросов и статистики.

Как оказалось, в США внимательно следили за ходом президентских выборов в России в 2024 году. Администрация подвергла их сильной критике, поскольку они не соответствовали критериям свободы или справедливости. В нарушение принципа невмешательства во внутренние дела Вашингтон пытался навязать свое мнение, дискредитировать руководство России и выявить оппозицию.

Госдепартамент назвал выборы недемократичными, а голосование в новых регионах РФ расценивалось как оскорбление Устава ООН. При этом заявления не отличались разнообразием аргументов и содержали схожие замечания: отсутствие конституционности, легитимности, гласности; фальсификации; отстранение наблюдателей и оппозиции; незначительная роль кандидатов; небольшой протестный потенциал.

Оценка американского руководства не приемлема с точки зрения интересов РФ и подтверждает непонимание мировых политических процессов, политической обстановки в России, ее законодательства.

* Исследование выполнено по гранту ИЭСИ в ИНИОН РАН номер 124101700551-1 «Президентские выборы 2024 г. в России: реакция в ближнем и дальнем зарубежье и стратегии дальнейшей легитимации электоральных результатов».

¹ *Панюжева М.М.* Основной мегатренд XXI века: от западного миропорядка к макрорегионализации и полицентрализации мира: Тезисы // XII Конвент Российской ассоциации международных исследований «Мир регионов vs. регионы мира». М.: МГИМО МИД РФ, 21–22 октября 2019 г. URL: <http://www.risa.ru/ru/sections/471-4-5>.

Вашингтон трактует события, исходя из дихотомии «черное-белое», соответствия интересам «глубинного» государства. Вероятно, российской стороне стоит выступить с заявлениями о нарушении США международного права.

Несмотря на критику руководства, электорального процесса и «стагнирующей» политической системы РФ, Белый Дом был вынужден признать итоги выборов ввиду отсутствия влияния и невозможности поставить под сомнение легитимность Владимира Путина, сильного лидера, способного укрепить позиции РФ.

Среди вопросов, вызвавших интерес у экспертов, отметим «управляемые государством выборы», признание победы Путина, критика режима, усиление репрессий и пропаганды, несоблюдение прав человека, работа с оппозицией и диаспорой, перспективы демократии. Среди рекомендаций выделим укрепление доверия и диалог по глобальным проблемам¹, продвижение «позитивного видения будущего России»².

Итак, российско-американские отношения будут характеризоваться элементами управляемой конфронтации, неустойчивого сдерживания, соревнования, избирательного *ad hoc* диалога³. Новыми моментами станут увеличение веса России, значимость незападных стран и пересмотр позиции союзников США.

Москва стремится к равноправному диалогу, для восстановления которого нужны механизмы институционализации. В перспективе следует уделять внимание продвижению позитивного имиджа, культурных ценностей, пророссийских акций, активизации публичной и сетевой дипломатии, налаживанию контактов с диаспорой, экспертно-информационному сопровождению деятельности РФ.

Важно развивать гибкие формы сотрудничества с американским обществом, в том числе через образовательные и социогуманитарные проекты.

Паренков А.В., Лепилина А.С.
(Москва, МГИМО МИД России)

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ПРОДВИЖЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ*

Недостаточная эффективность современных мер демографической политики в отношении поколения Z, обусловленная трансформацией ценностных ориентиров и брачных установок молодежи в условиях цифровой среды, делает актуальным поиск новых подходов к решению демографической проблемы. В этой связи разработка действенных механизмов продвижения семейных ценностей, адаптированных к специфике восприятия и информационного потребления современной молодежи, приобретает особую научную и практическую значимость.

Распространение традиционных и семейных ценностей рассматривается в работе как одна из ключевых составляющих реализуемой государством демографической политики. Данное исследование предлагает стратегии для ее модификации, основываясь на проведенном анализе психологических факторов, влияющих на репродуктивное поведение поколения Z.

Целью исследования является конструирование актуальных и эффективных механизмов продвижения семейных ценностей среди молодежи с использованием инструментов цифровой среды.

С целью конструирования эффективной политики в исследовании предлагается использовать подход, свойственный для создания бизнес-гипотез — работа в соответствии с принципами клиентоориентированности, т.е. исследование целевой аудитории и ее специфики, которой в нашем случае является молодое поколение.

В ходе исследования условий взросления поколения Z в контексте глобализованного мира и анализа долгосрочных эффектов нахождения в цифровой среде выявлен ряд причин появления современных индивидуалистских установок молодежи.

Существенная для данного исследования характеристика молодого поколения — мышление на стыке пост- и метамодерна. Само существование присущих ему мировоззренческих характеристик в виде «самодовлеющих» смыслов и ценностей демонстрирует теоретическую возможность создания эффективной стратегии демографической политики.

¹ *Graham Th.* What a Democratic Russia Would Mean for the United States // CFR. 2023. December 19. URL: <https://www.cfr.org/article/what-democratic-russia-would-mean-united-states>.

² *Bergmann M.* What Could Come Next // CSIS. 2023. January 20. URL: <https://www.csis.org/analysis/what-could-come-next-assessing-putin-regimes-stability-and-western-policy-options>.

³ *Панюжева М.М.* Евроатлантическая безопасность в треугольнике США—Евросоюз—Россия и фактор Трампа // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12 (6). С. 78—108. DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-78-108.

* Тезисы подготовлены в рамках реализации научного проекта «Инструменты повышения эффективности государственной политики по продвижению ценности семьи в студенческой цифровой среде» (гос. номер 124101700550-4), выполняемого в ИНИОН РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ.

В исследовании проводится критическая оценка современных методов проведения демографической политики и анализ причин недостаточной ее эффективности в отношении поколения Z. Современная социально-экономическая политика в развитых странах не дает достаточного эффекта для преодоления демографического кризиса, во многом потому что коренным психологическим факторам, в результате которых молодое поколение предпочитает откладывать создание семьи, не уделяется достаточно внимания. В работе особое внимание уделяется анализу случая Южной Кореи, подчеркивается психологический аспект влияния финансового положения, социальных (структурных) норм на формирование негативных ожиданий относительно будущего и на репродуктивное поведение.

Для описания взаимодействия индивида с государством и его соответствующих эффектов этого взаимодействия на репродуктивное поведение индивидов используется агент-структурная модель А. Вендта с опорой на теорию структуризации Э. Гидденса.

Формирование мотиваций по созданию семьи — это прежде всего психологическая проблема всего молодого поколения в России, необходимо решать ее не столько внешними финансовыми рычагами, сколько более тонкой работой с психологическими причинами отказа молодых людей от создания семьи, и использовать для этого иные инструменты воздействия.

При планировании стратегий демографической политики государству необходимо брать в расчет индивидуалистское мышление молодого поколения, представители которого приоритизируют свои цели, ценности и желания по самореализации. Для создания семьи представителям поколения Z нужны веские причины.

В этой связи решением проблемы может быть создание с нуля объяснительных конструкторов, которые создадут убеждение, что семейные ценности вписываются в уже существующие цели и ценности молодых людей. Данные нарративы предлагается продвигать в цифровой среде, однако самой стратегии продвижения должно быть уделено особое внимание: эффективным будет лишь опосредованное «вживление» нарративов, которое пройдет через выстраиваемый полуиронический «барьер недоверия», вызовет у молодых людей эмоции и создаст внутренний триггер для принятия решений о создании семьи. Для создания концептуальной рамки продвигаемого нарратива и его наполнения в соответствии с особенностями мышления молодежи предлагается использовать модель коммуникации Г. Лассуэлла. Одним из ключевых инструментов продвижения является цифровая среда.

Непосредственное содержание предлагаемой нами двухсоставной стратегии заключается в работе с двумя категориями мотиваций молодежи — страхом («тенью будущего») и успехом, понимаемым как социально конструируемый образ успешного человека. Каждая из этих категорий соотносится с двумя измерениями взаимодействия человека и общества в рамках агент-структурной модели: личными целями и желаниями индивида, и налагаемыми на него внешними стандартами и ожиданиями.

Таким образом, разработка эффективных механизмов продвижения семейных ценностей среди поколения Z требует комплексного подхода, основанного на глубоком понимании психологических особенностей, ценностных ориентаций и информационного поведения молодежи в условиях цифровой среды.

Парма Р.В.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

МОДЕЛЬ «ВОРОНКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ» ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Процесс политической мобилизации в пространстве цифровых коммуникаций в целом ряде исследований рассматривается как конструирование событий, которые часто имитируют общественное движение граждан, протестующих против власти или поддерживающих власть. В современных условиях процесс политической мобилизации предполагает активное привлечение сторонников и координацию действий посредством цифровых коммуникаций. Высокая степень вовлеченности пользователей достигается при интенсивном взаимодействии и обмене сообщениями внутри сообщества. При этом в процессе мобилизации в цифровом пространстве при образовании сообщества или группы сообществ сторонников возникают эффекты виртуальной толпы и эхокамеры, которые формируют внутри относительно гомогенные политические представления пользователей.

Согласно результатам исследований, ключевым методом привлечения внимания широкой интернет-аудитории стало эмоциональное принятие общепринятых политических фреймов, выраженных в виде лозунгов, программных заявлений и мемов. Наиболее эксплуатируемыми при организации массовых акций являются универсальные фреймы «защиты прав человека» в оппозиционных нарративах и «защиты суверенитета страны» в нарративах власти. Для значительной части аудитории эти принципы становятся настолько очевидными и естественными, что любое их нарушение вызывает эмоциональное возмущение и мотивирует людей к совместным действиям. В современных условиях

политическая мобилизация сопряжена с применением первичного триггера, построенного на ценностном воздействии на аудиторию, и вторичными триггерами присоединения через лидеров общественного мнения и актуальные дискурсы.

Для формирования массовой аудитории движения в цифровом пространстве используется модель «воронки вовлеченности», которая содержит последовательный ряд технологических итераций. Вначале происходит «разогрев аудитории» посредством распространения будоражащей информации, создающей общественные ожидания относительно объекта, проблемы или повода. Затем происходит формирование установок в общественном сознании посредством утверждения или изменения ценностей и смыслов, стереотипизации образов и представлений. После происходит вовлечение сторонников и продвижение паттерна участия в массовых акциях в поддержку радикальной оппозиции или действующей власти. В заключение происходит конверсия онлайн-активности пользователей в массовые офлайн-действия граждан. В завершение мобилизационного цикла возникает необходимость мер, направленных на сохранение сети активистов и удержание сторонников. Такой технологический цикл мобилизации может запускаться в рамках политических кампаний.

Модель «воронки вовлеченности» при организации протестных акций представляет собой последовательность шагов, каждый из которых направлен на решение определенных коммуникативных задач. На первом этапе в социальных сетях среди широкой аудитории пользователей распространяется информация о протестных намерениях умеренного характера, которая не нарушает общепринятые нормы. На втором этапе происходит активизация процесса вовлечения аудитории в протестную информационную повестку и сосредоточение деятельности в определенных сообществах на платформах социальных медиа. На третьем этапе проводится работа с адресными группами пользователей, содержание контента становится более радикальным, используются фейковые новости и манипулятивные методы. На четвертом этапе происходит радикализация информационных потоков, организаторы посредством распространения контента и модерации действий превращают вовлеченных онлайн-сторонников в активных участников протестных офлайн-акций.

В процессе функционирования «воронки вовлечения» в сообществах пользователей образуется ролевая структура, ориентированная на организацию массовых выступлений. В ходе политической мобилизации в социальной сети формируются иерархическая структура с формальными и неформальными лидерами и активным окружением, которые занимаются координацией и управлением совместными действиями. Выделяется ядро активных участников и ситуативных сторонников. Пользователи таких сообществ создают масштабные вертикально интегрированные цифровые сети. Исследование аудитории протестных цифровых сообществ показывает, что протестные группы имеют более плотные связи и высокий уровень интеграции между участниками по сравнению с лояльными властью онлайн-сообществами.

Патрушев С.В.

(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН)

КАКОЕ ГОСУДАРСТВО НЕОБХОДИМО РОССИИ

С институциональной точки зрения, государство прежде всего — генератор институциональной среды, которая определяет ограничения выбора хозяйствующих субъектов, формирует их структуру стимулов и предпочтений, влияет на степень рациональности поведения, способствует координации действий и снижает степень неопределенности.

Неоинституционалисты Дж. Марч и М. Олсон предложили типологически различать агрегативные и интегративные институты.

Для первых характерны внутренние сделки между участниками принятия политических решений.

Вторым присущ порядок, основанный на историческом прошлом, взаимных обязательствах и традициях. Эвристические возможности возникают при разделении институтов по характеру норм и взаимодействиям акторов на формальные и неформальные.

Формальные институты — универсальные правила поведения в стандартных ситуациях, т.е. правовые нормы, которые распространяются на всех акторов.

Неформальные институты регулируют отношения заинтересованных акторов, они формируются в результате взаимодействия «лицом к лицу» и более изменчивы, чем формальные. Последние могут изменяться как эволюционно, так и революционно.

Новые формальные институты изменяются в результате накопления изменений в неформальных правилах, правил, которые в последующем закрепляются законодательно. Таким образом, институционализация — результат столкновения новых и старых правил.

Изменения связывают с деятельностью акторов, если затраты на изменение институтов ниже издержек на адаптацию к ним. Интерес в изменении институтов может проистекать как из аутсайдерского (К. Шепсли), так и доминирующего (Д. Найт) положения акторов.

Изменения также происходят при снижении эффективности институтов, которая обратно пропорциональна сумме трансакционных издержек, т.е. объема властных ресурсов, необходимых субъекту для осуществления власти над объектом. Увеличение расходов ресурсов власти может потребовать снижения затрат с помощью институциональных изменений.

Институциональные изменения — двухсторонний процесс. С одной стороны, изменения формальных институтов могут быть вызваны изменениями в неформальных, с другой — изменения первых могут стимулировать изменения вторых. В результате начинается «длительный процесс взаимодействия формальных и неформальных норм».

Процесс предполагает изменение не только норм, но и организаций, двумя стратегиями — путем изменения в рамках существующих ограничений или путем изменения самих ограничений.

При формировании неоинституционального подхода возникла дискуссия вокруг понятия государства. Часть исследователей предложила создать дифференцированную концепцию государства: как совокупности организаций и институтов с собственными интересами.

Сложились две модели формирования институтов государства.

- 1) для отстаивания всеобщих интересов сообществу нужны четыре типа институтов: регулирования общих интересов — институты законодательной власти; имплементации решений — институты исполнительной власти; разрешения конфликтов и интерпретации правил — институты судебной власти; применения негативных санкций по отношению к нарушителям норм — институты принуждения;
- 2) при доминировании в обществе одной социальной группы (элита, олигархия, правящий класс, клан и т.д.) правящая группировка создает четыре типа институтов: законодательные — для обеспечения легитимности власти над подданными, исполнительные — для реализации принятых решений, судебные — для разрешения конфликтов между властвующими и подвластными, институты принуждения — для репрессивного подавления тех, кто оказывает власти сопротивление.

Институты окажутся теми же самыми, но политические системы будут различаться количеством институтов и дизайном. Разнообразие политических систем (вариантов сочетаний разнообразных политических институтов) может значительно превышать количество реальных случаев.

О.Э. Бессонова предложила новый теоретический инструмент анализа социально-экономической эволюции — интегрально-институциональную парадигму — смену интеллектуальных координат: рынок и раздаток (нерыночные институты) рассматриваются на глобальном уровне как универсальные механизмы координации, а на локальном практическом уровне как «равноценные руки» государства¹. Соответственно переосмыслена версия общемировой и российской эволюции в ракурсе цивилизационной, формационной и институциональной проекций. Обосновано, что социальное государство и демократия в западных странах — результат инклюзивного синтеза рынка и раздатка. Меняется институциональная дилемма современности: не социализм (план) или капитализм (рынок), а квазирынок или контрактный раздаток.

Главный практический результат — обоснована необходимость перехода России к демократическому порядку открытого доступа на базе институциональной матрицы контрактного раздатка и идейной платформы солидаризма для преодоления системного институционального кризиса квазирынка. Отсюда разнообразие функций современного государства:

- создание и воспроизводство общественных благ, т.е. тех товаров и услуг, которые не могут быть произведены с целью извлечения прибыли отдельными предпринимателями (городские парки, маяки, дамбы, мосты и т.д.);
- сокращение негативных последствий, которые возникают в результате частной хозяйственной деятельности (загрязнение окружающей среды, вредные условия труда, опасные продукты);
- государственное образование (если образование обеспечивается только рынком, многие не смогут его себе позволить);
- производство общественно-необходимых благ на государственных предприятиях, а также через субсидии частным производителям или совместное производство государственными и частными агентствами;
- макроэкономическая стабилизация для смягчения влияния бизнес-цикла в форме поддержки постоянного доступа к кредитам, учреждения институтов кредитования, регулирования банковской сферы и запрета вывоза золота;
- преодоление рыночных процессов в сфере распределения — «декоммодификация» рабочей силы, обеспечение ее источниками дохода помимо тех, что предоставлял рынок (введения гособеспечения в случае болезни, инвалидности и старости, социальное страхование);

¹ Бессонова О.Э. Институциональная дилемма современной России // Экономическая наука современной России. 2018. № (4). С. 23–36.

- стимулирование национальной промышленности посредством таможенных пошлин, построения инфраструктуры для стимулирования частных инвестиций, поддержания высокого уровня инвестиций в производство во всей экономике за счет государственных средств;
- содержание оборонного комплекса, высокие технологии, освоение космоса, добывающая промышленность;
- контроль и регулирование некоторых элементов ценового механизма, в частности, через налоговые системы.

Обычно выделяют несколько типов рыночных экономик:

- либеральная рыночная экономика, где государство не демонстрирует активную роль (США, Великобритания, Ирландия);
- координируемая рыночная экономика, где государство играет активную, но преимущественно косвенную роль (Германия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Норвегия, Финляндия, Австрия);
- рыночная экономика, находящаяся под влиянием государства, где государство играет активную и непосредственную роль в координации национальной экономики (Франция, Италия, Испания, Португалия, Греция, Япония, Южная Корея, Тайвань).

На другом полюсе — социалистическое государство, функции которого расширены до существенных ограничений рыночных отношений или даже полной их отмены, чтобы преодолеть несправедливость, вызванную рыночным распределением ресурсов.

*Пашковский Е.А.
(Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена)*

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРЛАМЕНТ И ВЫБОРОВ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ

Исследование посвящено проблеме европеизации польской партийной системе и формированию устойчивой взаимозависимости европейских и национальных выборов. Целью исследования является выявление особенностей поддержки избирателями политических партий на национальном и общеевропейском уровнях.

Долгое время партийную систему Польши исследователи характеризовали как многопартийную с двумя доминирующими партиями («Право и Справедливость» и «Гражданская платформа»). После 2015 года в результате партийного кризиса в «Гражданской платформе» оформилась многопартийная система с доминирующей партией. Правящая партия — «Право и Справедливость» единолично сформировала правительство, контролировала большинство депутатов в Сейме, а также ее представитель (А. Дуда) был избран, а затем успешно переизбран Президентом Польской Республики на второй срок (2020 г.). Однако в 2023 году партия «Право и Справедливость» не смогла получить большинства в Сейме и ушла в оппозицию. Формировать правительство Польши стала многопартийная минимально побеждающая коалиция, которая включала в себя «Гражданскую коалицию», «Объединенных левых» и объединение «Польша 2050».

Польская партийная система характеризуется устойчивым и долговременным противостоянием двух политических сил. Различия между «Гражданской коалицией» и «Правом и Справедливостью» проходят не только по идеологическому спектру (либералы-центристы vs правые консерваторы), но и по отношению к Европейскому Союзу (еврооптимисты-евроскептики).

Членство Польши в Европейском союзе с 2004 г. активно повлияло на внутреннюю политику страны, сформировав электоральное размежевание между польскими политическими партиями по отношению к европейской интеграции. В 2005–2007 и в 2015–2023 гг. правительство Польши формировало евроскептики из партии «Право и Справедливости», в 2007–2015 и с 2023 г. правительство сформировано проевропейской коалицией из нескольких партий во главе с объединением «Гражданская платформа». При евроскептиках отношения Польши и ЕС становились конфликтными, Польша саботировала выполнение европейских рекомендаций, отказывалась от углубления интеграции, солидаризируясь с Великобританией и США. Также евроскептики планировали сеть региональных союзов внутри ЕС, усиливая влияние Польши на восточном фланге ЕС. Польские еврооптимисты изначально опирались на тесное сотрудничество с Германией и Францией, выбрав приоритетом «Веймарский треугольник», объединяющий вышеуказанные страны. Таким образом, процесс европеизации польской партийной системы привел к тому, что фундаментальным различием между политическими партиями стало отношение к Европейскому союзу, а польские политические партии можно четко подразделить на проевропейские (еврооптимистические) и евроскептические. Противостояние польских партий

на национальном уровне сопровождается активным влиянием Европейского Союза на политические процессы внутри страны.

При анализе электоральных циклов можно отметить устойчивую тенденцию взаимозависимости европейских и национальных выборов, которая становится явной в 2007 г.

**Результаты выборов национального и европейского уровня
после вступления Республики Польша в ЕС**

Партия Выборы	Гражданская платформа (Гражданская коалиция или Европейская коалиция)	Право и Справедливость
Европейский парламент 2004 г. 54 места	15	7
Сейм 2005 г. 460 мест	133	155
Сейм 2007 г. 460 мест	209	166
Европейский парламент 2009 г. 50 мест	25	15
Сейм 2011 г. 460 мест	208	146
Европейский парламент 2014 г. 51 мест	19	19
Сейм 2015 г. 460 мест	138	235
Европейский парламент 2019 г. 52 места	22	27
Сейм 2019 г. 460 мест	155	240
Сейм 2023 г. 460 мест	157	194
Европейский парламент 2024 г. 53 места	21	20

Особенно ярко эта тенденция проявляется в 2014 г., фиксируя равновесие польских евроскептиков и еврооптимистов, хотя последние до этого пользовались серьезной поддержкой избирателей и получали на 10 мест больше в Европейском парламенте, а затем и на 40–50 мест больше в Сейме. После этого отмечается устойчивое доминирование правых как на национальном, так и на европейском уровне. Спустя десять лет выборы в Европейский парламент 2024 г. подтверждают успех проевропейских сил и сокращение поддержки польскими избирателями правых как внутри Польши, так и на общеевропейском уровне, хотя в это время скорее отмечается рост поддержки евроскептиков в целом по Европейскому союзу.

Пеньков В.Ф.
(Тамбов, ОПТО)

К ВОПРОСУ СЕЛЕКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Формирование аксиологических модулей политики, механизмы их воспроизводства целесообразно анализировать на фоне экономических, социокультурных, военно-политических явлений. Адаптация политических акторов к ценностным реалиям, их участие в формировании «аксиологической матрицы» государства и гражданского общества определяют направленность и динамику развития политических процессов, воздействуют на утверждение моделей политического поведения и образцов политического действия.

Фактором селекции становятся доминирующий тип политико-правовой культуры населения и элит, модель политического режима, цели государства, формы правления. Можно предположить, что на характер и направленность политического процесса накладывает отпечаток политическая цель, которая может быть отнесена к ценностным компонентам, и представляет собой предвосхищение результатов политических действий, ради которых они — действия — и совершаются. Формирование политической цели неотделимо от выработки системы ценностей, вернее, цель должна «проистекать» из ценностных ориентаций. Ценности, закрепленные традициями и новациями, культивируемыми в социуме, являют собой важный компонент политической культуры, во многом определяющий сущность политического процесса.

Невозможно требовать от элит, граждан, социальных групп, политических партий сбалансированного поведения в рамках политического процесса, если не определены ценностные параметры сообщества в целом, если консенсус как основа демократического порядка не утверждается в политической системе, если ценности (и их носители) находятся в борении друг с другом, выходящим за рамки цивилизованных норм.

Сегодняшние проблемы ценностного толка, с которыми сталкиваются участники политических процессов в России, объяснимы герменевтической размытостью ценностного модуля, всего того, что должно быть (или стать?) «реперными точками» процесса внутрироссийской модернизации.

Сформулируем ряд тезисов. Отправным моментом рассуждений предлагается сделать утверждение о том, что для выработки и реализации эффективной политики государству, элитам, обществу необходимо признать значимость и необходимость селекции политических ценностей, решить, как минимум, четыре задачи.

1). Артикулировать основные достижительные цели, консолидирующие значительную часть населения и элит, а не раскалывающие их. 2). Определить этапность реформирования, установив некие «промежуточные финиши», сформировать всеобъемлющую и объективную критериальную систему, позволяющую «делать засечки» на пути движения к поставленным целям. 3). Рационально сгруппировать политические, финансово-экономические, кадровые, когнитивные, коммуникативные и иные ресурсы, позволяющие в оптимальные сроки достичь желаемых результатов. 4). На основе мониторинга политических процессов выработать механизмы корректировки тактических инструментов и ресурсной базы, задействованных при реализации стратегических задач.

Все это возможно лишь при условии артикуляции и агрегации интересов политических элит, основных социальных групп, формирования универсальной аксиологической матрицы, вбирающей в себя смыслообразующие ценности.

По сути, ценность как таковая (материальная или нематериальная) проявляется в конкретных исторических условиях, раскрывается, обретая весомость, в реальном осознании и в реальных взаимоотношениях субъектов. Так, урановая руда не имела какой-либо ценности для древнего человека. Но в середине XX в., когда научно-технический прогресс достиг определенного уровня, а военно-политические интересы развитых государств потребовали создания оружия небывалой разрушительной силы, полезное ископаемое ворвалось в ценностных ряд.

Можно констатировать, что в идеальной схеме иерархии ценностей высшую ступень занимают нетленные абсолютные, объективные, онтологически-предметные ценности, то есть ценности, имеющие значение для всех и которые практически однозначно признаются в качестве важнейших условий и обстоятельств их полноценного существования.

Понятие «система ценностей» принято рассматривать с эстетических, этических, онтологических, гносеологических, социальных, религиозных, нравственных и т.д. позиций. Этот феномен не предполагает включение в число высших ценностей аксиологических компонентов политического толка. Это объяснимо тем, что сердцевину политических ценностей составляют власть и властные отношения, которые, в свою очередь, ассоциируются с принуждением и насилием. Признаем, что власть, реализуемая не только через принуждение, несет в себе стимулирующую, мобилизационную, воспитательную функции, стремится к использованию методов убеждения, зиждется на интересах элит и потребностях людей.

Полагаем, что в современной России дискуссия о ценностных приоритетах, инструментах их утверждения в политической практике имеет не только теоретическое, но прикладное значение, поскольку становится условием развития государства и гражданского общества.

Петрова Ю.В.

(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН)

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РЕГИОНОВ РОССИИ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ*

Тема образа будущего субъектов Российской Федерации, складывающегося в сознании их жителей, актуальна и важна в контексте формулирования приоритетов государственной политики пространственного развития, а также оценки реализуемых в регионах решений в социально-экономической сфере. Наличие у жителей региона привлекательного образа будущего субъекта не только служит индикатором сложившейся региональной идентичности, но и позволяет судить о перспективах оттока населения из субъекта.

В рамках реализации проекта «Роль массовой культуры в формировании представлений о Будущем России молодежной аудитории: образы, идеи, установки» была поставлена задача посмотреть, как молодые люди, проживающие в регионах России, характеризуют настоящее и будущее своих субъектов. Для решения задачи был сформулирован ряд гипотез. Во-первых, представления молодых людей о регионе напрямую влияют на потенциал межрегиональной социальной мобильности: чем более положительные характеристики респондент дает региону проживания, тем выше его готовность связать

* Проект «Роль массовой культуры в формировании представлений о Будущем России молодежной аудитории: образы, идеи, установки» FFFM-2024-0051 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

свою жизнь с этим регионом; чем более отрицательные, тем вероятнее его отъезд. Во-вторых, среди молодых людей наблюдается позитивный настрой в отношении будущего. Характеристики, которые респонденты дают образу будущего региона, положительнее тех, что описывают настоящее (запросная позиция на развитие — тот потенциал, который регион мог бы использовать для развития).

Эмпирической основой исследования являются данные проводимого коллективом авторов анкетирования молодежи в возрасте от 14 до 35 лет. Сбор данных находится в процессе, в текущем массиве представлено 485 анкет молодых людей из 38 субъектов Российской Федерации. И, хотя подводить итоги пока рано, на основе анализа полученных данных уже можно выделить несколько наблюдений.

Так, респондентам было предложено дать три характеристики региона, где они в данный момент времени проживают (вопрос сформулирован следующим образом: «Охарактеризуйте регион, где Вы сейчас проживаете, тремя определениями? Ваш регион — какой он?»). Преимущественно респонденты дают положительные характеристики (84,8% всех данных определений за исключением нейтральных), на негативные приходится 15,2%.

Основные негативные определения, даваемые местам проживания, связаны с плохим развитием инфраструктуры (общая неразвитость, заброшенность, бедность), а также экологическим состоянием (грязь, плохой воздух и вода, вырубка лесов и т.д.). Наблюдается и региональная специфика: так, на Дальнем Востоке респонденты часто дают такие определения, как «дальний», «далекий». Жители ряда субъектов характеризуют места проживания как «приграничные» (это характерно для Курской области, Белгородской области, Воронежской области).

Важной проблемой выступает и неравномерное развитие субъектов: часть респондентов характеризуют места проживания как богатые (Москва, Краснодарский край, Воронежская область, ХМАО-Югра, ЯНАО), часть — как бедные (это характерно, например, для Калмыкии и Мордовии, Алтайского края, Курганской, Тамбовской, Ярославской областей и др.)

При ответе на вопрос «Охарактеризуйте Будущее региона Вашего проживания тремя определениями? Ваш регион в будущем — какой он?» респонденты представили количественно меньше характеристик, нежели при описании настоящего: 794 против 1068. При этом лишь в 5,2% случаев были даны негативные определения, в 94,4% прозвучали положительные. Как правило, будущее региона в сознании респондентов, проживающих в нем, связано с такими категориями, как экономическое и технологическое развитие, инновационность (229 упоминаний, 30,3%); красота, яркость (102 упоминания, 13,5%), а также комфорт, развитие инфраструктуры, безопасность (95 упоминаний, 12,5%). Наиболее часто употребляемые респондентами определения в контексте описания образа региона будущего: развитый, красивый, богатый, процветающий, современный, большой, чистый, культурный.

Таким образом, в целом, молодые люди характеризуют регион своего проживания положительно, а ведущими проблемами обозначают слабое инфраструктурное развитие и экологические трудности; в ряде случаев — расположение региона и климатические условия. При этом образ будущего субъектов проживания в сознании молодых людей, как правило, носит позитивный характер, регионы России молодые люди видят экономически и технологически развитыми, красивыми и комфортными.

Петросян Ф.А.
(Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ЯДЕРНАЯ ЕВРОАРКТИКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ

В последнее время в российской политической и политологической повестке часто поднимается вопрос о возможности проведения испытаний ядерного вооружения. При этом вероятным местом реализации этой идеи чаще всего называется Центральный ядерный полигон на архипелаге Новая Земля в Арктике. Потенциальное использование этой территории для подобных целей не является новой практикой — полигон использовался в 1954–1990 гг. для испытаний ядерного и термоядерного оружия СССР. Тем не менее ситуация за последние десятилетия и особенно годы значительно изменилась — страны Северной Европы в полном составе являются членами НАТО, проводят на своей территории совместные военные учения, некоторые политики достаточно высокого ранга в указанных государствах поднимают вопрос о возможности размещения на своей территории иностранного ядерного оружия. Одновременно с этим идет процесс «реабилитации» ядерной энергетики в глазах общественности, который хоть и не связан напрямую с размещением ядерного оружия, но является важным маркером позитивного или негативного восприятия атомной сферы.

Использование «мирного атома» традиционно является важной частью международных отношений как с экономической, так и военно-политической точек зрения. При этом Европа после аварии на японской АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. стала регионом, где ядерная энергетика подвергалась остракизму, — например, в Германии до 2023 г. были закрыты все АЭС, которые ранее обеспе-

чивали до четверти производства электроэнергии страны. Между тем в Северной Европе наблюдается то, что некоторые исследователи называют «ядерным ренессансом» — изменяется подход к энергетической безопасности, в связи с чем специалисты в указанных странах более внимательно изучают преимущества «мирного атома». В их число входит относительная дешевизна ядерной энергии, а также экологичность АЭС при их корректной эксплуатации.

Страны Северной Европы обладают различным потенциалом развития ядерной энергетики. В Финляндии и Швеции имеются работающие АЭС, в Дании, Норвегии и Исландии их нет. Первые две страны активно занимаются не только развитием текущих станций, но и планированием постройки новых. Например, финская энергетическая компания *Helen* заявила о намерении построить небольшую атомную электростанцию в Хельсинки. Как сообщается, решение начать изучение потенциала ядерной энергетики обусловлено целью компании — отказаться от сжигания при производстве энергии к 2030-м гг. Кроме того, финская энергетическая компания *Fortum* объявила о начале использования нероссийского топлива для финской атомной электростанции «Ловийса», а именно — ядерного топлива американской компании *Westinghouse Electric*. Эти действия с экономической точки зрения являются частью изменений в политике энергетической безопасности Европы — при нестабильности на рынках углеводородов, активном продвижении «зеленой повестки» и возрастании энергопотребления атомная энергия может стать успешным выходом из потенциально кризисного положения.

При этом традиционной проблемой при развитии «мирного атома» чаще всего являются опасения в отношении его возможного использования как информационного «прикрытия» военно-политических намерений. Размещение ядерных боеприпасов и средств их доставки на территории стран Северной Европы ранее находилось под запретом или негласным ограничением. Норвегия, которая является членом НАТО с момента основания альянса, ранее принципиально отказывалась от размещения боеголовок, что во многом было продиктовано желанием не усиливать геополитическое напряжение в регионе. Тем не менее сегодня не только в Норвегии, но и в новых членах НАТО — Финляндии и Швеции — активизировались дискуссии и неоднозначные заявления о возможности снятия указанных ограничений. Например, хотя президент Финляндии А. Стубб заявил о том, что страна не видит необходимости размещать ядерные вооружения на своей территории, в марте 2024 г. премьер П. Орпо говорил о том, что данный вопрос подлежит подробному обсуждению. Аналогичная ситуация складывается и в Швеции — премьер-министр королевства также допустил подобное развитие событий.

Из указанных фактов можно сделать вывод о том, что регионы Северной Европы и Евроарктики могут стать центрами активной деятельности в атомной сфере. Экономическая конъюнктура и экологические тенденции толкают специалистов более предметно рассматривать преимущества использования ядерной энергетики и возможного строительства новых АЭС. На этом фоне военно-политическая напряженность провоцирует дискуссии о размещении ядерного вооружения на территории, близкой к Крайнему Северу. Активная деятельность отдельных стран Северной Европы в указанных сферах может стать фактором нуклеаризации Евроарктического региона с широкими геополитическими последствиями. Представляется, что данный вопрос является жизненно важным для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Петросянц Д.В.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ФАКТЧЕКИНГ НЕСТРУКТУРИРОВАННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Современная мировая политическая обстановка находится в стадии перманентной напряженности и нестабильности, что вызвано очередным витком борьбы за лидерство, за ресурсы, за умы, за смыслы. Россия оказалась на перепутье целого ряда геополитических конфликтов, решаемых как на своей территории, так и в ближайшем своем окружении.

Большие объемы данных невозможно использовать без подтверждения, без использования научных принципов верификации и фактчекинга. Это требует от всех исследователей и потребителей информационного контента умения фильтровать эти потоки, проводить анализ на достоверность и постоянно перепроверять данные.

Над установлением истинности оценки явлений и событий задумывались на протяжении всей человеческой истории. Карл Ясперс, немецкий философ, психолог и психиатр, считал, что «сомнение в качестве методического сомнения становится источником критической проверки всякого познания. И потому без радикального сомнения никакое истинное философствование невозможно. Однако решающее значение имеет то, как и где посредством самого сомнения достигается достоверное

основание»¹. На современного человека обрушивается огромный информационный поток, в том числе и преднамеренно несущий в себе недостоверные сведения. Так можно засомневаться в любой поступающей извне информации, однако, раз существуют достоверные факты, их необходимо выявить и убедиться в истинности.

Важно отметить, что в условиях глобальных конфликтов и геополитического противостояния борьба за информационное преимущество может быть жесткой, а порой «грязной» и нечестной. Поэтому эффективная государственная информационная политика требует баланса между защитой информационной свободы и обеспечением национальной безопасности, а также соблюдение международных норм и стандартов в сфере информационных действий.

Победное шествие нейросетей и применение искусственного интеллекта в начале 20-х годов XXI века становится новым вызовом при определении баланса между правдой и искусственными иллюзорными информационными вбросами. Средства ИИ (искусственного интеллекта) являются только одним из инструментов и не являются «панацеей» для определения фейков и дипфейков при анализе и верификации больших неструктурированных информационных потоков. Большие данные (*Big Data*) в изучении фейковых потоков стали неотъемлемым инструментом в работе фактчекера. Есть ошибочное мнение и ожидание, что *Big Data* ключ к абсолютно всем знаниям. Но дело в том, что, используя *Big Data*, нужно еще уметь грамотно подготовить исследуемые датасеты, составлять правильные запросы и промты, умело и к месту применять все разнообразные инструменты, число которых растет с каждым годом. Важным фактором является и то, что ИИ — это инструмент, который может как раскрывать фейки, так и их генерировать, создавая в том числе и информационный шум. Очень часто информационный шум настолько засоряет информационное поле, что создается некое медийное пространство, подменяющее реальность за счет массы незначительных новостей, как правило, с негативной коннотацией. Информационная повестка сменяется в современной действительности с катастрофической частотой и не дает возможности сконцентрироваться на оценке и анализе информации, попавшей в ваше поле зрения.

Современный арсенал инструментов отслеживания и верификации информационных потоков постоянно расширяется. К ним мы можем отнести агрегированные базы данных, содержащие архивы печатных и электронных СМИ, включая социальные медиа, официальные государственные порталы министерств и ведомств, различные библиотеки, официальные архивы и т.п., а также многочисленные инструменты сопоставления данных по различным источникам, включая исходные.

Внешнее информационное давление может применяться различными способами, включая использование медийных ресурсов, социальных сетей, дипломатического воздействия и даже кибератак. Важно отметить, что Россия также проводит аналогичные ответные и превентивные действия в отношении других стран, что свидетельствует о наличии и актуальности к отслеживанию и изучению информационных конфликтов в глобальной геополитической борьбе в современном мире.

Пищева Т.Н.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗА РОССИИ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Международная ситуация, в которой Россия оказалась в последние годы, привлекла повышенное внимание к проблеме образа страны как внутри, так и за рубежом. На разных площадках идет активное обсуждение представлений граждан и элиты о России, ее места в мире, вопросы национально-государственной идентичности, национальных символов, готовности граждан поддерживать власть и государство.

Такое внимание к проблеме образа страны не случайно. Образ страны является фоном для восприятия текущих действий, решений и событий. Формирование представлений о своей и других странах происходит в процессе политической социализации, когда формируется картина мира и усваиваются базовые установки, которые носят устойчивый характер, меняются мало и медленно, так как часто не осознаются гражданами. С одной стороны, они обеспечивают своеобразный психологический фундамент для политической и государственной стабильности, с другой стороны, они определяют то, как будут восприниматься те или иные события и действия.

В таких условиях крайне важно понимание того, какова структура образа, как происходит процесс усвоения новых идей и символов, какие базовые символы, архетипы и другие конструкты обеспечивают устойчивость образов или, наоборот, позволяют адаптироваться к новым условиям.

С 2009 по 2024 г. на кафедре социологии и психологии политики факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проводилось масштабное политико-психологическое исследование, посвященное изучению

¹ Ясперс К. Введение в философию / Пер. с нем. под ред. А.А. Михайлова. Мн.: Пропилеи, 2000 (Схолия). С. 21.

представлений о России как российских граждан, так и граждан других стран. Эти исследования показывают, что образ страны является сложным и многомерным феноменом, в котором соединяются представления о разных составляющих страны и государства о народе, о территории, об истории, отдельных личностях — политиках, деятелях культуры, спорта, науки и т.д. Но еще более важно то, что образ России имеет сложную, многомерную структуру. Помимо рациональных оценок и мнений, существуют еще и более глубинные аспекты, которые базируются в коллективном и индивидуальном сознании граждан, но при этом оказывают решающее влияние на возникновение эмоциональных реакций, появление стереотипов и конкретных поведенческих реакций.

На сегодняшний день внимание многих ученых привлекают исследования бессознательных аспектов восприятия. Сложность таких исследований определяется тем, что получить необходимые данные для изучения именно глубинных аспектов восприятия не так просто. Но еще сложнее — это найти инструменты для его анализа и интерпретации.

В ходе исследований были проведены глубинные интервью, которые содержали как закрытые, так и открытые вопросы, которые затем обрабатывались и кодировались по специальной методике. Для анализа бессознательных, а также для изучения бессознательных аспектов восприятия применялись проективные методики, такие как метод неоконченных предложений, ассоциативные методы и проективные рисуночные тесты. В результате был собран большой массив информации качественного характера, которая позволяет не только проанализировать существующие в современном обществе представления о стране, но и выявить глубинные слои восприятия, которые содержат такие формы, как символы и архетипы, которые помогают глубже понять механизмы, которые влияют на конечные мнения и поведение граждан. Методология анализа этих глубинных аспектов образа будет представлена в докладе.

В докладе мы остановимся на данных, полученных в ходе замеров, проведенных с 2015 по 2024 г. Это позволяет оценить динамику образа и выделить устойчивые и изменчивые аспекты образа страны.

Пляйс Я.А.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИЦЕНТРИЧНЫЙ МИР: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

1. Полицентричный мир — это мир, состоящий из целого ряда (отсюда «поли») государств, занимающих центральное место в определенном регионе мира и выделяющихся своей совокупной мощью: прежде всего экономической, финансовой, военной, технологической, научной, образовательной, культурной, информационной и иной. В зависимости от уровня развития стран, достигнутого в определенную историческую эпоху, сочетание названных факторов со временем меняется.

2. На мой взгляд, *полицентричный мир существовал всегда*. И создавать его поэтому не надо. Утверждая вышесказанное, я исхожу из того, что во все времена существовали региональные сверхдержавы (это были нации-государства), которые боролись не только за право доминировать или даже господствовать в своем регионе, но и за то, чтобы властвовать во всем мире. Так как почти до конца XX в. мир был европоцентричным, основные соперники за региональное и глобальное лидерство относились к этому континенту. Наибольшее усердие в борьбе за лидерство в Европе (и не только) проявляли Великобритания и Франция, а начиная с конца XIX века — Германия. Справедливым, каким его хотят сделать, этот мир никогда не был и не будет. *Более* справедливым, его конечно, надо стремиться сделать.

3. Полицентричный мир прошлого значительно отличается от современного. Главные отличия следующие:

- региональных полюсов сегодня значительно больше, чем в прошлые эпохи, и они есть на всех континентах, кроме, разумеется, Антарктиды. И даже по несколько на одном и том же континенте;
- слагаемых региональной мощи сейчас заметно больше, чем раньше. В результате прогресса производительных сил появилось немало новых важных факторов. Например, глобальные сети, космические технологии, робототехника и т.д.;
- наряду с национальными государствами все более важную роль в мире играют разного рода объединения государств. Особенно экономические, финансовые и военно-политические. В качестве примера сошлюсь на НАТО, ЕС, БРИКС, G7, G20, ШОС, АСЕАН, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, международные банковские организации (МВФ, МБ, банк БРИКС) и др. И таких международных организаций и объединений становится все больше. Все они также являются полноценными субъектами мировой политики и экономики.

4. Глобальный баланс сил не только образуется в результате борьбы региональных сверхдержав между собой за первенство в мире, но и подчиняется определенным закономерностям развития, которые, как представляется, остаются базовыми, неизменными. Главная из них заключается в том, что *из многих полюсов всегда вырастает один сверхполюс, который, накопив достаточно совокупной мощи и победив в конкуренции региональных полюсов за первенство, открыто заявляет о своей доминирующей роли в мире, а также о том, что будет стремиться сохранить эту роль.*

5. Еще одна закономерность состоит в том, что *со временем на карте мира неизбежно появляется конкурент монополиста, также заявляющий (открыто или поначалу завуалированно) о своих претензиях на глобальное лидерство.* Именно с этого времени начинается борьба за первенство в мире и в какой-то момент наступает определенное (хотя и достаточно относительное) равновесие сил между соперниками, которое называется биполярным состоянием. Так было между Испанией и Британией, затем между Британией и США, в потом между США и СССР. Сейчас же все идет к тому, что биполярность повторится между США и Китаем. Каждый раз это была биполярность нового типа, но сохранявшая базовые характеристики. В схватке всегда выигрывает тот, кто создает, обладает и более эффективно использует наиболее современную по разным меркам совокупную мощь. В результате образуется биполярность нового типа, неизбежно сменяющаяся со временем *по закону смены полюсов* очередной монополярностью.

6. Неизбежная трансформация современного миропорядка — однополюсного (США) и вместе с тем многополюсного (полицентричного) мира в биполярный мир нового типа (США — КНР) — вызывает неоднозначную реакцию и практиков, и ученых, вовлеченных в международную тематику. Так, например, академик РАН и президент ИМЭМО РАН Александр Дынкин, ранее в своих интервью утверждавший, что мир идет к новой биполярности, стал почему-то утверждать, что на глобальном Севере «может возобладать жесткая биполярность, а на глобальном Юге — полицентризм». «На Севере биполярность — военная, экономическая и технологическая — уже просматривается», — считает Александр Дынкин. (См. статью Михаила Сергеева «Что может выиграть Россия от сценариев двуполярности или многополярности». НГ 04.10.24.)

Погорельский Д.М.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РФ

В последние годы отечественные и зарубежные ученые проявляют возрастающий интерес к процессу секьюритизации как государственной политики России в целом, так и ее отдельных направлений. Активно изучаются процессы секьюритизации исторической, культурной, языковой, миграционной политик. Государственная национальная политика и межнациональные (межэтнические) отношения все чаще воспринимаются политической элитой и гражданами в качестве вопроса безопасности и сохранения конституционного строя РФ и ее территориальной целостности. В связи с этим востребованными оказываются наработки Копенгагенской школы (О. Вэйвер, Б. Бузан), рассматривающей безопасность как дискурсивную практику и результат применения технологии в целях достижения конкретных политических задач. Речевым актом субъект безопасности воздействует на аудиторию, оправдывая принятие чрезвычайных мер для ликвидации угрозы, объявляемой экзистенциальной. Этот процесс призван обеспечить поддержку принимаемых политико-управленческих решений, консолидировать население, повысить легитимность правящего режима.

В политических целях российской элитой активно используется риторика, секьюритизирующая межэтнические отношения в РФ, которые выступают независимым референтным объектом, и имеющая правовые и управленческие последствия. Этот процесс проявляется в устойчивом смещении акцентов при реализации государственной национальной политики в сторону обеспечения безопасности и соответствующем восприятии ее целей и задач политической элитой. Логика политики обеспечения безопасности заключается в подчеркивании исключительной роли сильного государства, объявляемого единственным гарантом стабильности и развития. Именно усилению роли государства служат основные направления национальной и общественной безопасности, из-за чего в России сложилась самоподдерживающаяся система «устойчивой секьюритизации». С ее помощью и определяется номенклатура угроз, значительная часть которой выходит за рамки традиционных опасностей. Подобный процесс может происходить во многих областях — этнодемографии, культурной сфере. Соответственно, изучение национальной политики не может игнорировать процесс секьюритизации тех или иных проблем, а также саму практику секьюритизации как инструмента управления межэтническими отношениями или, напротив, вызова их гармоничному состоянию.

Утверждение первой редакции Стратегии государственной национальной политики РФ в 2012 г. было изначально связано с пониманием межэтнических отношений как сферы, непосредственно связанной с темой безопасности. Так, реализация Стратегии была призвана стать «мобилизующим фактором, способствующим ... обеспечению государственной безопасности, правопорядка и политической стабильности». Восприятие этнополитики в качестве сферы, занимающей промежуточное пространство между потребностями в обеспечении безопасности и многонациональности, проявляется во всем корпусе отраслевого законодательства и идеологического оформления российского проекта нациестроительства («единство в многообразии»). С утверждением в 2018 г. действующей в настоящее время редакции документа значение поддержания безопасности повысилось. Если в 2012 г. первой из пяти целей Стратегии было «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа», то в 2018 г. первой целью стало «укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов». В 2020 г. после принятия поправок в Конституцию на Президента помимо охраны суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности была возложена обязанность «поддерживать гражданский мир и согласие», что подразумевает и поддержание межнационального согласия. Некоторые исследователи считают, что эти поправки могут предоставлять возможности для дальнейшей секьюритизации политики.

Одним из факторов, влияющих на дискурс российской власти, выступает внешнеполитическая ситуация. Согласно заявлениям официальных лиц, внешняя конфронтация повлекла усиление давления на российскую государственность, призванного расколоть социум по национальному признаку. Можно заключить, что тематика безопасности устойчиво присутствует в официальном дискурсе, посвященном межнациональным отношениям. Более того, их связь укрепились с изменением внешнеполитической конъюнктуры и объективным ростом числа вызовов этнополитическому компоненту национальной безопасности.

Подшибякина Т.А.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ СЕПАРАТИЗМ КАК ФАКТОР РИСКА В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ

Обзор публикаций по проблемам постколониального этнополитического сепаратизма позволяет заключить, что в современный период трансформации мировых порядков усиливается тенденция к его росту в странах Африки, Азии и Латинской Америки. Необходимо признать, что истоки этого процесса следует искать в истории становления национальных государств и формирования национальной/гражданской идентичности. Объективно факты автономизации, сецессии и ирредентизма могут трактоваться и как борьба за реализацию права народов на самоопределение, провозглашенного в «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» (принятой резолюцией 2625 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г.). Построение полицентричного мирового порядка создаст более благоприятные условия для реализации этого законного права, а стало быть, проявят себя новые политические силы, готовые этим воспользоваться.

Можно предположить, что активизация сепаратистских движений спровоцирует разгорание новых этнополитических конфликтов, сочетающих как институциональные, так и неинституциональные формы. Рассмотрим некоторые закономерности переходного периода на примере постколониальных сепаратистских движений в африканских странах. Вероятнее всего, в новом полицентричном мире сохраняют свою значимость следующие факторы. В эпоху крушения колониализма причинами этнонациональных конфликтов становились произвольно установленные границы суверенных государств. В свою очередь это привело к тому, что африканские страны зачастую объединяют несколько этнических групп. Это обстоятельство осложняет формирование в них гражданской идентичности и создает предпосылки борьбы за национальную идентичность этносов на разобщенных территориях нескольких стран (ирредентизм).

К.Г. Томас и Т. Фалол в работе «Сецессия и сепаратистские конфликты в постколониальной Африке» предлагают концепцию трех различных волн отделения, начиная с крушения колониализма и появления суверенных государств, основанную на критерии влияния мирового сообщества на этот процесс. Первая волна — построение многоэтнических гражданских государств, признанных мировым сообществом. Вторая волна характеризуется преднамеренным затягиванием конфликта сепаратистами и созданием параллельных структур управления, которые должны были обеспечить суверенитет в будущем. Третья волна не имела целью немедленного отделения, зависела от отношений африканских государств с мировым сообществом. Предположительно сам факт утраты статуса «центра власти»

бывшими метрополиями, долгое время сохранявшими влияние на африканские страны, давно освободившиеся от колониальной зависимости, приведет к укреплению их суверенитета и лишит сепаратистов внешней поддержки.

Решением названных проблем занимается ряд научных направлений. Теория постколониального дискурса позволяет проводить исследование процессов, посредством которых «Запад» конструировал колониальный «Восток» и продолжал влиять на общественное сознание в постколониальный период. Автор теории постколониального дискурса Э. Саид в качестве теоретического основания использовал концепцию дискурса М. Фуко. Методология постколониального дискурса испытала также влияние идей модернизма, дискурс-анализа (Р. Барт, Ж. Деррида), постфрейдизма (Ж. Делез, Ж. Лакан). Идеи этих научных направлений нашли отражение в трудах Э. Саида, Г. Спивак, Х. Бхабха. В новом полицентричном мире будут созданы условия для более свободного представительства интересов различных этнических групп, уменьшится необходимость их выражения радикальными методами и снизится зависимость от западного влияния.

Одной из эффективных стратегий борьбы с рисками эскалации процесса роста этнополитического сепаратизма в переходный период являются дискурсивные технологии, предназначенные для налаживания диалога между сепаратистами и политическими лидерами стран, защищающих свою территориальную целостность и государственный суверенитет. Преодоление этнополитических размежеваний с помощью дискурсивных коммуникативных стратегий позволит придать противостоянию открытый характер и начать поиск механизмов включения сторонников идеи отделения в политические институты национальных государств.

Поливаева Н.П.
(Воронеж, ВИЭСУ)

КАК ПРЕПОДАВАТЬ ПОЛИТОЛОГИЮ «ЦИФРОВОМУ ПОКОЛЕНИЮ» (ПОСИЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ)

Преподавать политическую науку — дело интересное, увлекательное, чрезвычайно ответственное, но весьма непростое, а в XXI веке — особенно. Постараемся выделить принципиальные, на наш взгляд, причины. На современном этапе развития нашего общества в процессе преподавания дисциплины «Политология» в высшей школе от студентов — массового сегмента «цифрового поколения» — требуется способность не только воспроизводить определенную систему готового знания, но понимать и объяснять политические события, всесторонне и оперативно осмысливать актуальные политические реалии, формулировать обобщающие суждения, находить убедительные аргументы и факты предлагаемых ими выводов и т.д. Готово ли, может ли, хочет ли нынешнее поколение студентов логически мыслить, заниматься научно-исследовательскими проектами, постигать первоисточники, анализировать разные точки зрения, добывать доказательства, факты в защиту своей позиции, грамотно реагировать на мнения оппонентов и т.д.? Вопрос не из однозначных. Сверхбыстрый мир, в который мы попали, перестал быть «человекомерным». В нем человек не может повлиять на скорости, темпы, масштабы изменений, в том числе в политической сфере. Далеко не все молодые люди психологически способны адаптироваться к этому миру. Если речь идет о студентах политологических факультетов и отделений, то их надо научить «служить истине». Поскольку в любой своей «ипостаси» политолог (исследователь, аналитик, комментатор, консультант, эксперт, преподаватель и т.д.) ищет истину; именно в ее поиске и раскрытии сущности политических феноменов заключается его призвание¹. Следовательно, **политологическое образование сегодня требует принципиального пересмотра**. В чем именно должен заключаться этот пересмотр? Вопрос нуждается в глубоком профессиональном рассмотрении. По крайней мере, создание простого учебного методического комплекса по политологическим предметам уже недостаточно. Необходимо развитие проблемно-ориентированного характера политологического образования, базовым принципом которого является нацеленность на соответствующим образом организованную самостоятельную работу студентов, а также активные и интерактивные методы обучения.

Информационные процессы в современном глобализирующемся мире превратили масс-медиа в доминирующий фактор общественно-политического влияния. Как сегодня студентам-политологам помочь разобраться в бушующей политической борьбе, приобретающей невиданные ранее формы и тренды? Современная реальность остро требует обновления форм, методов, технологий преподавательской деятельности. Выделим, на наш взгляд, самое основное в траекториях этой деятельности.

¹ Поливаева Н.П. Методика преподавания политологии в высшей школе: Учеб. пособие. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2021. С. 14.

В последние годы в практике преподавания политологии постепенно набирает силу «тренд» непредвзятого анализа специфики и сути современных политических феноменов и, не в последнюю очередь, характера цивилизационных приоритетов России. Эксперты все чаще акцентируют внимание на преподавательской задаче «научить студента думать»! Речь идет прежде всего о формировании у обучающихся «критического мышления». **Специалисты отмечают, что научить думать могут и должны преподаватели, новые методики и новые учебные издания.** Новых учебников политологического профиля много. Но среди них редко можно встретить такие, которые структурно и методически не трафаретно, свежо и оригинально преподносят и раскрывают дискуссионные вопросы, предлагают логические, творческие задания, действительно стимулирующие вовлечение студентов в процесс познания и т.п. Ярким примером такого рода является практикум «Теория политики» под редакцией Т.А. Алексеевой и И.Д. Лошкарева, 2019 года издания. В нем впервые собраны воедино тексты и вопросы, являющиеся предметом острых научных споров и дискуссий в отечественной и зарубежной политической науке. Следует надеяться, что учебные издания такого рода будут определять ближайшую перспективу развития отечественной политологии.

Процесс обучения политологов постепенно перестраивается на условиях использования в учебном процессе интерактивных форм проведения занятий. Интерактивные методы занятий основаны на принципах активности обучаемых и *обратной связи*. Преподаватель выполняет функцию «старшего партнера» в работе, поскольку для студентов «цифрового поколения» предпочтительны коллективный процесс обучения, ситуация погружения в настоящую проблему. *В учебном процессе, по нашему мнению, постоянно необходимы такие средства эффективности современного преподавания политологии, как: круглый стол, мозговой штурм, решение разнообразных кейсов, мастер-классы, квесты.*

Вузовское политологическое образование сопряжено со многими научными, методологическими, организационными, методическими проблемами, а также с отношением государства и общества. Их решение во многом под силу тем профессорам и доцентам, которые преподают политическую науку и видят в ней необходимое условие политической социализации личности, средство ее включения в сложный мир властных отношений, верный способ удержаться на пути поиска истины.

Половнева Л.С. (Белгород, НИУ БелГУ),
Тучкова О.В. (Белгород, МБОУ СОШ № 36),
Трапизон И.В. (Белгород, МБОУ СОШ № 36),
Остроухова Н.В. (Белгород, МБОУ СОШ № 36)

РОЛЬ ШКОЛЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ

Проблема политической социализации подрастающего поколения, формирование политического сознания учащихся в условиях воздействия неограниченного круга информационных источников является вызовом для образовательных учреждений. В этой связи крайне важной становится организация образовательного пространства, которая позволит сформировать у детей представление о современной политической системе России, а также применять навыки критического мышления. В условиях современных политических реалий на учителя возлагается особая миссия по противодействию деструктивному влиянию на сознание детей, транслируемому в сети Интернет.

Существуют различные подходы к определению понятия «политическое сознание». Мы исходим из того, что политическое сознание является одним из ключевых элементов политической культуры, ее духовной составляющей, осознанием сферы политики ее субъектами. От уровня политического сознания во многом зависит политическое поведение. Политические знания относятся к познавательному элементу в структуре политической культуры и предполагают знание и понимание гражданами: политических интересов; Конституции России, законодательных актов государства; программных положений политических партий; сложившихся в стране политических отношений; происходящих в стране событий, явлений; сущности, функций структуры государственных органов; основных политических норм и процедур; форм и способов участия граждан в общественно-политической жизни страны, в управлении обществом и государством; особенностей политических процессов в международной жизни¹.

В современном информационном обществе проблема формирования политического сознания подрастающего поколения носит дискуссионный характер и стала предметом исследования многих ученых. Например, О.В. Сорокин к особенностям политического сознания молодежи относит индивидуализацию и отказ от традиционных политических ценностей, низкий уровень доверия к по-

¹ Политология: Учебное пособие для вузов / Сост. и отв. ред. А.А. Радугин. М.: Центр, 1999. — 224с.

литическим институтам, лабильность, фрагментацию, эмоциональную составляющую сознания¹. В этой связи формирование политического сознания является важнейшей функцией социальных институтов. О.В. Мясоутов считает, что эффективность данного процесса зависит от взаимодействия воспитания, обучения и труда². Д.В. Ольшанский отмечает негативную сторону процесса массовизации, а именно — доминирование неосознанных представлений в сознании молодежи³. Е.Б. Шестопал анализировал проблему снижения доверия молодежи к политическим институтам в условиях неопределенности⁴.

Очевидным является рост влияния на формирование политического сознания современной молодежи вторичной социализации. В этой связи трудно переоценить роль образовательных учреждений в становлении молодежи как субъекта социально-политических отношений.

Говоря о системе формирования политического сознания учащихся следует указать следующие ее компоненты: учебная и внеурочная деятельность, а также воспитательная работа. Проанализируем деятельность представляемого нами образовательного учреждения по каждому из данных компонентов.

Формирование правосознания и правовой культуры является одним из важнейших компонентов цели преподавания предмета «Обществознание» в школе. Обществознание выполняет ведущую роль в реализации функции интеграции молодежи в современное общество, направляет и обеспечивает условия формирования российской гражданской идентичности, освоения традиционных ценностей российского народа, социализации обучающихся, их готовности к саморазвитию и непрерывному образованию, труду и творческому самовыражению, правомерному поведению и взаимодействию с другими людьми в процессе решения задач личной и социальной значимости. Преподавание обществознания ведется на уровнях основного общего и среднего общего образования в форме интегрального курса, имеющего два концентратора. Также обеспечивается эффективная интеграция рабочих программ по обществознанию с программой воспитания как в урочной, так и внеурочной деятельности.

Помимо реализации учебных программ по обществознанию в учебный план школы включены такие элективные курсы, как «Основы избирательного права», «Человек в мире».

В системе дополнительного образования и внеурочной деятельности обучающиеся имеют возможность получать практические навыки правового поведения и проявлять свою социальную активность в работе клубов «Диспут», «Память храня», в проведении выборов Президента школы, а также через участие в деятельности Совета учащихся, вступая в ряды общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых». Формированию гражданственности учащихся способствует реализация курса внеурочной деятельности «Разговоры о важном». Регулярное участие детей в патриотических акциях, таких как «Письмо солдату», «Метры тепла» и других, способствует формированию гражданских качеств и патриотических ценностей.

Школа активно взаимодействует с Белгородским областным дворцом детского творчества, Министерством по делам молодежи Белгородской области, Избирательной комиссией Белгородской области. Посредством участия в конкурсах, таких как «Творчество без границ», «Юность России», «Я и Россия: мечты о будущем», «Мы — Белгородцы! Думай, решай, действуй!», «Моя законотворческая инициатива», «Большая перемена», «Без срока давности», «Я — гражданин России», а также в Диктанте Победы, Всероссийских олимпиадах школьников по истории, обществознанию, праву, происходит развитие интеллектуального и творческого потенциала детей, формируется ситуация успеха, происходит становление личности.

Таким образом, в условиях цифровизации на школу возлагается особая миссия в формировании политического сознания учащихся. Процесс политической социализации обучающихся носит системный характер и реализуется в различных аспектах в рамках образовательного процесса. Задачей школы является не только формирование знаний обучающихся о политической системе, основах конституционного строя нашей страны и формах политического участия. Детям прививаются навыки критического мышления, позволяющие разобраться в неограниченном потоке информации.

¹ Сорокин О.В. Особенности формирования политического сознания современной молодежи // Власть. 2007. № 8. С. 48–52.

² Мясоутов О.В. Проблемы и перспективы формирования политического сознания молодежи в условиях современного общества // Инновационный потенциал молодежи: патриотизм, образование, профессионализм: Сб. материалов Международной молодежной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 27–28 октября 2015г). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 224–229.

³ Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. С. 150.

⁴ Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: РОССПЭН, 2000. С. 187.

Половнева Л.С. (Белгород, НИУ БелГУ),
 Мальцев С.А. (Белгород, НИУ БелГУ),
 Остроухова Н.В. (Белгород, МБОУ СОШ № 36)

РОЛЬ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ УЧАЩИХСЯ

В современных условиях проводимой странами «коллективного Запада» информационной войны, навязывания культуры отмены исторической памяти, эскалации агрессии крайне важным становится возрождение традиционных духовно-нравственных основ и культурно-исторических ценностей российского общества. Переосмысление места и роли воспитания патриотизма вызвали необходимость дополнительной проработки программных и практических задач, реализуемых педагогическим сообществом. Первостепенную важность приобретает задача формирования готовности, компетентности студентов — будущих педагогов всех ступеней общего и профессионального образования и предметной специализации в области патриотического воспитания обучающихся. Данные вызовы актуализируют значение реализации в педагогических вузах инновационной технологии музейной педагогики.

Превращение музеев в многофункциональные культурные центры, применение интерактивных технологий повышают конкурентоспособность музеев, делают их привлекательными для современной молодежи. В этой связи растет эффективность реализации воспитательно-образовательной и просветительской функций музеев. При этом музейная педагогика приобретает качественно новое значение как инновационная педагогическая технология. Междисциплинарный характер музейной педагогики отмечают такие исследователи, как А.Н. Морозова, О.В. Мельникова¹, Б.А. Столяров², М.Ю. Юхневич³.

Изучение проблемы организации профессиональной подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся показал недостаточный уровень готовности студентов Педагогического института НИУ «БелГУ» к использованию технологии музейной педагогики, взаимодействию с региональными музеями в учебно — воспитательной работе. Считаем, данный пробел обусловлен тем, что, во-первых, целевой аудиторией для реализации музейно — педагогических программ традиционно были специалисты учреждений культуры (музеев, художественных галерей, выставочных комплексов), музейные педагоги, разработчики социокультурных проектов. Во-вторых, музейная педагогика была ориентирована на разработку педагогических форм деятельности школьников в культурно — образовательной среде музея⁴.

В процессе исследования авторами была проанализирована реализация образовательного направления деятельности трех музеев Белгородской области, выявлено отсутствие универсального алгоритма взаимодействия Педагогического института НИУ «БелГУ» с музеями, который можно применить для подготовки будущих педагогов различных направлений подготовки к патриотическому воспитанию учащихся. В целом руководство музеев, специалисты по методической работе выразили готовность к сотрудничеству с НИУ «БелГУ», внедрению новых практик.

Таким образом, считаем целесообразным включение в учебный план Педагогического института НИУ «БелГУ» специального курса по дисциплине «Музейная педагогика», а также реализацию музейно-педагогических программ как основу модели взаимодействия Педагогического института с региональными музеями, что позволит индивидуализировать работу со студентами, расширит возможности будущих педагогов в решении задач, связанных с патриотическим воспитанием школьников. Фонды региональных музеев в этих условиях представляют собой особо значимый ресурс для создания, интегрированного музейно-образовательного пространства. Учитель, владеющий технологией музейной педагогики, знакомый с музейными фондами, будет готов к повышению воспитательного потенциала образовательного процесса, патриотическому воспитанию школьников.

¹ Музейная педагогика: из опыта методической работы / Под ред. А.Н. Морозовой, О.В. Мельниковой. М.: ТЦ Сфера, 2006. — 416 с.

² Столяров Б.А. Музейная педагогика. История, теория, практика: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2004. — 216 с.

³ Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей: Учеб. пособие по музейной педагогике / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культуры. М., 2001. — 224 с.

⁴ Короткова М.В. Музейная педагогика: понятие, история, технологии и перспективы развития // Преподавание истории в школе. 2014. № 4. С. 3–8.

Полякова Н.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ*

Судьбы польского государства и общества тесно переплетены множеством духовно-культурных и социально-политических связей с судьбами Католической церкви, которая традиционно активно поддерживала национальные традиции и язык, а также развивала общественную жизнь. Именно «костел» стал одним из инструментов формирования «польскости», а также символом национальной идентичности поляков, сыграв особую роль в период потери государственности в результате трех разделов Польши, начавшихся в конце XVIII столетия, когда чувство принадлежности к Католической церкви соединялось с национальным самосознанием поляков. Постепенно к концу XIX в. закрепились идентификация двух понятий — «поляк» и «католик» и оформился миф об исконно католическом характере Польши, что во многом и предопределило специфически значимое место Католической церкви в общественной и политической жизни страны в дальнейшем.

Но на современном этапе Католическая церковь в Польше столкнулась с новыми вызовами со стороны политических сил, пришедших к власти в 2023 г., после состоявшихся в октябре парламентских выборов. В результате было сформировано коалиционное правительство во главе с лидером «Гражданской платформы» Дональдом Туском, что ознаменовало окончание восьмилетнего периода, в течение которого страной руководила правая партия Ярослава Качиньского «Право и справедливость» (ПиС). В отличие от «ПиС», видевшей в Католической церкви своего главного союзника в «моральном обновлении» страны, новое польское правительство изначально инициировало серьезные изменения во взаимоотношениях польского государства и костела, которые призваны приобщить Польшу к антиклерикальной системе ценностей общей идеологии ЕС.

Во-первых, новое правительство начало реализовывать свои первые инициативы по реформированию дошкольного и школьного образования, очищая его от церковного влияния посредством сокращения и оптимизации уроков религии. 30 апреля 2024 г. был опубликован проект поправки к распоряжению министра образования об условиях и порядке организации религиозного обучения в государственных детских садах и школах, согласно которому сокращались часы преподавания религии (с 2-х часов до одного часа), а также менялся порядок организации этих уроков (создание межклассовых групп). Этот проект вызвал резко отрицательную реакцию Католической церкви в Польше, которая апеллирует в данной ситуации как к самому правительству (в лице Министерства народного образования), ведя с ним переговоры и консультации, так и к общественному мнению посредством публичных выступлений и заявлений в СМИ. Главным аргументом церкви является то, что в случае реализации этой правительственной инициативы будет разрушена законодательная платформа, состоящая из Конституции страны, Закона об образовании и собственно Конкордата с Ватиканом 1993 г., которая регулировала в последние десятилетия отношения церкви и государства в области образования. Но не менее значимым аргументом, который используют различные представители и спикеры польской Католической церкви, является аргумент ценностно-духовного, даже традиционалистского плана: уроки религии заявляются как один из важнейших инструментов индокринации в среде молодежи польского духа и патриотизма. И хотя Конституционный суд Польши приостановил введение этой инициативы в действие, данная тема продолжает оставаться в центре польской общественно-политической повестки.

Во-вторых, правительством Д. Туска начат процесс корректировки содержания школьной программы по национальной истории в сторону пересмотра места в ней Католической церкви. Министерство народного образования Польши готовит новые учебники истории, в которых роль церкви в политической и общественной жизни страны должна быть значительно понижена или даже аннигилирована. Речь идет о конструировании нового исторического нарратива, т.е. об изъятии некоторых сюжетов национальной истории и ее деперсонификации, прежде всего, за счет исторических фигур церковных деятелей или известных польских святых.

Все эти инициативные проекты в области образования вписываются в некоторый более широкий контекст антиклерикальных изменений, предлагаемых в настоящее время правящей коалицией и направленных на расширение присутствия в польском общественном пространстве леволиберальных ценностей и практик. Таким образом, в современных условиях можно зафиксировать начало политического обновления традиции взаимоотношений Католической церкви и польского государства, которое способно усугубить внутреннее противостояние в рамках т.н. «польско-польской войны».

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309. URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>.

Помигуев И.А.
(Москва, Финансовый университет
при Правительстве РФ; ИНИОН РАН)

РОЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОДЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Политическая наука в плане изучения законодательного процесса имеет большое преимущество перед юриспруденцией, поскольку разработала серьезный теоретико-методологический инструментарий для изучения неформальных аспектов процесса принятия решений (будь то законодательных, политических или государственных). Здесь формальные институты и сам законодательный процесс уходят на второй план, уступая место сетевым взаимодействиям, коммуникациям, интеракциям и кооперациям политических акторов — коллективных и индивидуальных.

Несмотря на многочисленные исследования взаимодействия правительства и парламента, в политической науке по-прежнему отсутствуют попытки измерить степень их взаимного влияния в законодательном процессе — получение подобной метрики стало бы не только движением в сторону объяснения политических процессов в разных странах, но и серьезным шагом в создании нового сравнительного инструмента. Существующие индексы государств, например, политических режимов (*Polity IV*, *V-dem*, *Vanhanen Index* и др.) не позволяют в полной мере определить сам процесс принятия решений в разных странах и тем более взаимодействие политических акторов, однако запрос на это в политической науке существует.

Среди тенденций в современной политической науке (не только или не столько в отечественной) можно отметить своеобразный «авторитарный» разворот в изучении парламентов, а точнее возрастает научный интерес к пониманию роли парламентов в авторитарных условиях. Здесь можно говорить о трех основных аналитических подходах к исследованию законодательного процесса в авторитарных режимах. Согласно первому, роль парламентов в недемократических условиях ограничивается их церемониальным назначением. Они формируются и поддерживаются для имитации демократического механизма принятия политических решений, которые принимаются небольшими элитными группами в неинституциональных рамках. Второй подход фокусируется на законодательных органах как на протодемократических институтах, обладающих потенциалом трансформации в демократические, или, наоборот, на эрозийных институтах, которые до сих пор функционируют как реальные версии самих себя. Но есть третья логика, которая меняет представление о парламенте как месте принятия решений: в авторитарных парламентах существует реальная политика и выработка политики, но они ограничены стратегическими целями правящей элиты и контролируются для выполнения задач конкретных групп интересов.

Таким образом, разница в подходах к изучению авторитарных и демократических парламентов заключается, во-первых, в том, что законодатели при разработке и принятии законопроектов в условиях подотчетности перед избирателями руководствуются стимулами к переизбранию и необходимостью решать дилеммы коллективных действий парламентских акторов, а при авторитаризме из-за отсутствия или слабости электоральных стимулов проблемы граждан не являются приоритетными для большинства законодателей. Во-вторых, авторитарные законодательные органы политически подчинены исполнительной власти или правящей партии и при необходимости эти акторы могут обходить институциональные ограничения при принятии решений. В этой связи особое значение для исследователей представляют внутриинституциональные ситуационные коалиции, а также законодательные процедуры и практики законодательных органов. То есть изучения только полномочий и публичной стороны взаимодействия исполнительной и законодательной власти недостаточно для того, чтобы оценить их уровень влияния. Без учета партийной и позиционной игры картина будет не полной.

Например, в исследованиях законодательной повестки дня исследователи выделяют фракционную компоненту, роль которой в зависимости от степени фрагментации партийной системы и механизма формирования правительства значительно отличается от полного доминирования правительства через «партию власти» до принципиального подхода оппозиции. Этот ракурс отмечает значение внутрипарламентских структур на законодательную повестку дня.

Помимо процедуры голосования, отдельной технологией анализа выступает дискурсивное доминирование на парламентских слушаниях с целью публичного обсуждения тематики, обоснования и легитимизации решений. Этот исследовательский ракурс требует ухода от стандартных инструментов анализа институтов в сторону выявления дискурсивных особенностей взаимодействия между акторами.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10163. URL: <https://rscf.ru/project/24-78-10163/>.

Предлагаемые учеными модели и подходы к определению влияния политических акторов рассматривают взаимоотношения отдельного аспекта, предполагая, но не используя комплексную оптику, которая включает в себя формальные, технологические и дискурсивные механизмы влияния. В рамках разрабатываемой автором модели исследования предполагается преодоление данного ограничения и обогащение научного знания инструментами для сравнительного анализа законотворческих процессов разных стран, а также объяснения механизмов изменений политических систем.

Пономарев Н.А.
(Москва, ИНИОН РАН)

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ КАК ПРЕИМУЩЕСТВО ВИДЕОИГР В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ И ФОРМИРОВАНИЯ ЕЕ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Базовым преимуществом видеоигр как инструмента политического просвещения молодежи и формирования ее идентичности (по отношению к прочим форматам массовой культуры) является наличие у них такого качества, как интерактивность.

Во-первых, интерактивность обеспечивает для геймера возможность не просто наблюдать жизненный путь героя, а самому выступить в этой роли. Это обеспечивает усиление эффекта отождествления пользователя с персонажем, что, помимо прочего, способствует восприятию геймером ценностей и смыслов, лояльность которым декларирует персонаж либо его фракция (в случае отсутствия вариантов выбора алгоритма прохождения и соответствующей ей модели поведения) (Белов, 2022).

Во-вторых, интерактивность предполагает возможность взаимодействия с неигровыми персонажами, часть из которых обладают детально прописанной биографией, ярко выраженными особенностями характера и специфическими поведенческими моделями. Геймер может выстраивать с ними партнерские, дружеские или даже романтические отношения, что предполагает широкие возможности манифестации определенных ценностей систем и привязанных к ним политических воззрений (Vogost, 2007). При должном качестве игрового нарратива у геймера зачастую возникает сильная привязанность к конкретным персонажам, в силу чего поддерживаемая ими позиция по общественно-политическим вопросам приобретает для игрока особое значение за счет наличия эмоциональных связей (Федорченко, 2020).

В-третьих, интерактивность создает основу для инвариантности прохождения сюжета, т.е. возможности продвижения игрока за счет выбора разных поведенческих алгоритмов и/или игровых фракций. Которые, как следует подчеркнуть, чаще всего выстраиваются на основе узнаваемых стереотипов относительно наиболее распространенных или просто узнаваемых вариаций общественно-политического устройства (Черный, 2017).

В-четвертых, интерактивность открывает возможность прохождения игры в рамках использования всего спектра ролей, предполагаемых наличием дихотомии добра и зла. Последнее означает возможность прохождения, в том числе, за счет использования однозначно осуждаемых обществом моделей поведения, в рамках приверженности соответствующим им ценностям. В результате геймер получает возможность не просто узнать от внешних акторов модальность той или иной политической системы или идеологии, а на практике увидеть, чем может обернуться следование ей (Lawler, Smith, 2021).

Наконец, не следует забывать о том, что интерактивность дает возможность усилить «эффект погружения» игрока (а, следовательно, и степень его восприимчивости к транслируемому месседжу) за счет дополнительных возможностей иммитации повседневности. В качестве конкретных примеров в данном случае можно привести возможность приобрести либо построить дом, определить его интерьер, завести питомца, усыновить ребенка и т.д. (Mead, 2013; Melissinos, 2013).

* Финансирование по гранту: проект «Потенциал геймификации в политическом просвещении и формировании национально-государственной идентичности в молодежной среде» FFFM-2024-0026 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

МАКРОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПУТИ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ: АНАЛИЗ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕИ НА БАЛКАНАХ

В современной науке политика развития представляет собой совокупность социальных практик и форм управления государственной властью, направленную на снижение конфликтного потенциала и уменьшение неравенства в обществе, на улучшение качества социальной среды и снижение территориальных диспропорций внутри государства, на адаптацию государственных институтов к внешним и внутренним угрозам безопасности (социальной, экономической, политической, военной и проч.), а также на совершенствование личностного потенциала. Контуром, охватывающим все направления политики развития, может служить концепт идентичности в различных ее социальных измерениях. Так, формулирование и реализация политики развития напрямую связаны с ценностями и социальными установками того или иного общества, с его представлениями о желаемом будущем, а значит, и с его коллективными определениями себя и своего места в мире.

Поскольку субъектом политики развития является государство, а объектом — общество, то одним из главных вызовов, с которым сталкиваются властные институты при разработке политик развития, являются макрополитические идентичности, когда самоопределение общества или отдельных его групп выходит за существующие государственные границы. Причем наличие солидаризирующих дискурсов поверх территориальных границ государства может служить как толчком к дополнительному политическому развитию в межгосударственных отношениях, так и фактором, обуславливающим рост конфликтности в региональном и мировом разрезе.

В данной связи показательным примером является славянская идентичность, которая на протяжении истории выступала как мощным мобилизационным ресурсом к консолидации обществ, проживающих в разных государствах, создавая прочную основу для межгосударственного взаимодействия и нациестроительства внутри политий, так и движущей силой в создании этнополитической напряженности и борьбы политических идеологий. В отличие от арабского, тюркского или скандинавского миров, славянская идентификация в историческом разрезе характеризовалась определенной гетерогенностью. Пространственный компонент разделения на западных, восточных и южных славян, с одной стороны, позволял государствам, принадлежащим к славянской «цивилизации», расширять географию культурного, политического и экономического взаимодействия и развития, а с другой — конфликтующие проекты славянской идентификации служили фактором формирования враждующих политических блоков. По этой же причине проект панславизма, в отличие от панарабизма или пантюркизма, сегодня признается нежизнеспособным.

Основная особенность макрополитической идентичности славянства в том, что она лишена единого центра силы, то есть идейного политического ядра, к которому бы притягивались славянские сообщества в поисках концепций политического развития, выходящих за пределы государственных границ. Одной из причин подобной раздробленности является тот факт, что сообщества, определяющие себя как славяне, на протяжении истории входили в сферу влияния и интересов различных империй. Сегодня, в постимперский период, они вынуждены разрабатывать проекты нациестроительства, основанные на отрицательной идентификации (противопоставлении себя «другим», перешедшим из категории «внутренних» во «внешние»), в попытках встроиться в новую систему цивилизационных координат, заданную распадом СССР и СФРЮ.

В этой связи показательным примером является сравнительный анализ проектов политического развития Сербии и Хорватии, некогда объединенных идеей общего дома южных славян — Югославии, но теперь использующих по-разному идеи славянства в политике развития государств. Так, идентичный маркер славянства остается ведущим в самоидентификации жителей и Сербии, и Хорватии, поскольку он напрямую сопряжен с общим историческим прошлым — идеей югославизма. Кроме того, сильным компонентом славянской идентичности остается языковая общность (и сербский, и хорватский языки в науке считаются славянскими). Однако существуют попытки «деславянизировать» сербов и хорватов через исторические и антропологические исследования в рамках парадигмы примордиализма. Главным различием данных процессов является то, что в Сербии подобные нарративы находятся на периферии общественного и научного дискурса, а политика развития в Хорватии, напротив, подкрепляется фронтальной идентичностью, когда актуализируются механизмы трансгрессии и приспособления к новым ценностям и установкам.

Сегодня можно наблюдать некоторый отход от славянской идентичности в пользу территориальной (определение «южные славяне» маркируется как политически отрицательно заряженное, а возникший вакуум заполняет термин «балканцы»), что, безусловно, характеризуется размыванием устойчивых

прежних ориентиров и ценностей. Однако и в сербском, и в хорватском обществах существует запрос на поиск примирительных конструкций как внутри государств, так и в отношениях с соседями. Представляется, что потенциал славянской макрополитической идентичности может стать механизмом консолидации разделенных обществ в Сербии и Хорватии.

Попеску Р.-М.
(Москва, РУДН)

ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Падение биполярной системы и Советского Союза в 1991 г. означало для Черноморского региона открытие перспективы формирования региональных организаций, которые укрепили бы связи между государствами, прежде всего экономические.

В этом смысле Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) появилась в 1992 году, а затем со своим уставом официально вступила в силу как международная организация в 1999 году. На данный момент в состав ОЧЭС входят 13 государств: Россия, Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдавия, Румыния, Северная Македония (с 2020 г.), Сербия (с 2004 г.), Турция и Украина¹. Главным приоритетом ОЧЭС является формирование и укрепление экономических связей между ее членами, а также через эту призму преобразование региона в регион «мира, стабильности и процветания»².

Однако следует отметить, что как ОЧЭС, так и другие региональные организации в Черноморском регионе (такие как ГУАМ и Блэксифор) имели ограниченное влияние, что в принципе связано с успешным расширением ЕС и НАТО.

Как отмечают Л.Н. Величко и В.Н. Садченко, крупные члены ОЧЭС (Турция и Россия) заключают большинство соглашений вне этой организации, и таким образом в регионе в условиях политической нестабильности преобладает двусторонний диалог³.

На наш взгляд, необходимо вовлекать страны региона с высоким потенциалом в функционирование и эффективную активизацию региональных организаций, прежде всего за счет инвестиций, чтобы другие нерегиональные организации не выглядели более привлекательными.

Следует отметить, что перспективы функционирования региональных организаций в Черноморском регионе снижались не внезапно, а постепенно, особенно в течение последнего десятилетия. Даже замороженные конфликты в Приднестровье и Абхазии не имели такого же влияния, как конфликт на Украине, особенно после этапа Специальной военной операции 2022 года.

П.А. Высоцкий отмечает, что для США и ЕС в условиях после 2022 года приоритетными стали военные вопросы, связанные с усилением восточного фланга в Черноморском регионе. Таким образом, пытаются использовать регион для давления на Россию. Автор также отмечает, что Турция, позиционируя себя между Россией и Западом, стремится получить экономические и геополитические выгоды⁴.

Неслучайно крупнейшую базу НАТО в Европе планируется построить в Михаиле Когэлничану в Румынии, совсем рядом с Черным морем. Так, проект стоимостью 2,5 миллиарда евро включает в себя «взлетно-посадочные полосы, платформы для вооружения, ангары для военных самолетов, а также школы, детские сады, магазины и даже больницу» и может постоянно разместить до 10 тыс. солдат вместе с их семьями⁵.

По нашему мнению, в связи с усилением влияния НАТО и ЕС, а также двусторонних форматов в Черноморском регионе, роль региональных организаций (особенно ОЧЭС) значительно снизилась, что в определенной степени приводит к дестабилизации региона.

Учитывая эти аспекты, можно сделать следующие перспективы:

¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.04.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/chernomorskoe-ekonomiceskoe-sotrudnicestvo-ces-/1767552/#sel=3:1:AJv,3:59:FaE.

² Устав Организации Черноморского экономического сотрудничества, 1999. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901751644>.

³ Величко Л.Н., Садченко В.Н. Модели региональной интеграции в Черноморском регионе на современном этапе: проблемы институализации // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-regionalnoy-integratsii-v-chernomorskom-regione-na-sovremennom-etape-problemy-institualizatsii> (дата обращения: 19.09.2024).

⁴ Высоцкий П.А. Основные проблемы Черноморского региона: современное состояние. Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 10 (1). С. 23–24. URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-17-25> (дата обращения: 19.09.2024).

⁵ Euronews Romania. 16.03.2024. URL: <https://www.euronews.ro/articole/cea-mai-mare-baza-nato-din-europa-in-constructie-noua-baza-de-la-mihail-kogalnice>.

В краткосрочной перспективе продолжение конфликта на Украине и его результаты существенно повлияют на региональные организации, которые продолжают или нет свою деятельность.

В среднесрочной перспективе могут появиться новые региональные организации, если идея многополярного мира будет реализована или регион будет почти полностью интегрирован в ЕС и НАТО.

В долгосрочной перспективе это сложно прогнозировать, поскольку российское видение региона и западное совершенно различны и даже противоречивы. Возможным вариантом может стать даже замораживание конфликта на Украине и разделение региона на сферы влияния с нейтральным статусом для нескольких стран.

Таким образом, перспективы функционирования региональных организаций в Черноморском регионе весьма неясны как в условиях активного конфликта на Украине, так и в будущем.

Попова С.Ю.
(Москва, ГАУГН)

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИКЕ: ПРАКТИКИ ЖЕНСКОГО НАСТАВНИЧЕСТВА

Актуальность исследования профессионального самоопределения молодежи в политике как процесса выбора личностью профессии и самореализации в ней обусловлена сформированным запросом государства и общества, связанным с новыми геополитическими вызовами и историческим контекстом.

Важно отметить, что основным звеном вступления молодых людей в самостоятельную жизнь является их подготовка к сознательному жизненному самоопределению, ядром которого выступает профессиональное самоопределение. Профессиональное самоопределение личности — это процесс, состоящий из трех этапов: формирование профессиональных намерений, профессиональное обучение и реализация личности в профессиональной деятельности (Фролова Е.В., 2001).

Профессиональное самоопределение — деятельность личности, основанная на свободе распоряжения своими индивидуальными особенностями, мировоззренческими и социально-приобретенными качествами с целью достижения состояния социально-профессиональной определенности (Удалова Е.С.).

Выбирая политику как сферу своей будущей профессиональной деятельности, необходимо акцентировать внимание на том, каким образом молодой человек намерен взаимодействовать с противоречивой социально-политической реальностью (М.А. Максимов, 2014), какими ценностями он будет при этом руководствоваться, какие смыслы будет вкладывать в будущее/желаемые результаты.

Определяя структуру личностно-профессиональных характеристик молодежных политических лидеров в актуальном политическом контексте, нами были выделены следующие компоненты: профессиональная самоидентификация, стиль взаимодействия с командой, набор лидерских качеств, уровень сформированности саморефлексии. Как показало исследование, одним из каналов вхождения в профессию респонденты назвали «наставничество» как взаимодействие со старшими товарищами-политиками.

Изучая различные практики наставничества как метода профессионального развития, как технологии работы с молодежью при профессиональном самоопределении, нами было проведено исследование на тему «Наставничество как социокультурный феномен: женское измерение» в рамках проекта «Женщины: школа наставничества», курируемого Министерством образования и науки РФ.

Проект направлен на развитие «мягких» навыков и построение своей траектории развития в профессии студентов и молодых специалистов. Наставницами проекта стали женщины-лидеры России, добившиеся успеха в различных сферах профессиональной деятельности.

Структура взаимодействия в паре наставник-наставляемый построена на основании авторской модели наставничества Поповой С.Ю., Селезневой А.В. Одним из направлений проекта стало направление «Политика».

Цель исследования: выявление социокультурных оснований наставничества в молодежной среде.

Задачи исследования:

- обосновать сущность женского наставничества;
- выявить ценностно-смысловые элементы наставничества;
- выявить специфику женского наставничества;
- дать характеристику основным практикам наставничества;
- исследовать технологию передачи студентам представлений женщин-наставниц о сущности, функциях и ценности наставнической деятельности;
- выявить связь профессионального самоопределения студентов, магистрантов и аспирантов с опытом вхождения в профессию посредством наставничества.

Объектом исследования стало наставничество в молодежной среде.

Предметом исследования — социокультурные характеристики женского наставничества.

В результате полевых исследований было проведено три фокус-группы с участницами конкурса «Женщины. Школа наставничества»; экспертный опрос с 5 экспертами из числа наставниц проекта; опрос и анализ 50 мотивационных эссе участниц проекта. В диагностические материалы были включены вопросы, позволяющие выявить доминирующие ценности наставничества. Обсуждались социокультурные основания наставничества, обосновывались основные передаваемые ценности, являющиеся основой профессионального самоопределения. Базовым стал вопрос о корреляции ценностей девушек с политическими ценностями наставника, со спектром передаваемых ценностей.

В качестве профессионального запроса озвучены: получение помощи в профессиональной самоидентификации, построение компетентностного профиля и определение набора лидерских качеств, выработка карьерной стратегии в политической сфере и вхождение в политические сообщества.

Попова О.В.

(Санкт-Петербург, СПбГУ; Москва, ИНИОН РАН)

ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ*

Современное понимание идентичности фиксирует не только саморефлексию, отнесение себя к определенным группам/институтам, но и проекцию этих представлений в политическое действие. Наблюдается трансформация смыслового наполнения категории «цифровая идентичность» (онлайн, сетевая, виртуальная идентичность, *identity-2*): а) способ обозначения индивида в интернет-пространстве с минимальными сведениями о нем; б) «цифровой профиль» участника групп в социальных сетях; в) проекция личности индивида в «цифровом следе», оставляемая им намеренно, ненамеренно или «конструируемая» заинтересованными личностями; г) новый тип идентичности, связанный с самоосознанием человека частью виртуальной реальности. Идут дискуссии о том, насколько саморефлексия индивида в интернет-пространстве соответствуют его «Я», существует ли возможность создания альтернативного «Я», кем, каким и насколько значимым является в Интернете «Другой», каковы принципы его выбора. Точки зрения в отношении «Другого» находятся в диапазоне от отрицания его роли в формировании онлайн-идентичности до утверждения, что цифровой «Другой» — это проекция образа «не-Я» в социальных сетях. Некоторые авторы настаивают на абсурдности отношений виртуальных «Я» и «Другого», утрате границы реальности, виртуальности объективации, хаосе виртуального выбора, одиночестве в сети, зависимости людей от онлайн-взаимодействия и т.д. Цифровая идентичность современной молодежи становится доминантной в структуре множественных «Я» личности. Вызывает возражение тезис о подавлении стремления в цифровом обществе к развитию индивидуальной идентичности, осознания себя как уникального «Я», поскольку даже в «цифровом концлагере» далеко не у всех индивидов формируется идентичность с заданными характеристиками.

Взгляды на соотношение идентичности индивида онлайн и офлайн колеблются в диапазоне от их отождествления (есть «Я» в реальном мире и виртуальная копия), признания их взаимодополняющими друг друга в ситуации «размытости» границ двух реальностей, декларации их полной противоположности и даже утверждения, что в интернет-пространстве идентичность не формируется, а существуют более-менее эффективные и эффектные модели самопрезентации, подчас вообще никак не соотносимые с реальной личностью индивида, скрывающегося за аватаркой. Самопрезентация — имитационное конструирование собственной биографии, судьбы, личности. Интернет дает индивиду шанс предложить в интернет-пространстве образ «Я» с теми характеристиками, которые не соответствуют действительности. Но этот процесс не тождествен формированию определенного типа идентичности.

Структура онлайн-идентичности включает самоопределение индивида в системе отношений «свой—чужой» в сетевых сообществах, формирует представления о себе подлинном, об идеальном (желаемом) образе, о нежелательном (избегаемом) образе и, наконец, демонстративном, сознательно предъявляемом другим образом. Онлайн-идентичность несет в себе такие риски, как возможность манипулирования действиями участника быстрой онлайн-коммуникации, оказание на него социального давления, имитационный характер «присвоения» социального опыта, «жизнь напоказ», зависимость от символического одобрения с помощью эмодзи участников группы в сети. В Интернете сложно сформировать завершённую коллективную идентичность, хотя можно наладить контакты и вовлечь людей в активные действия. На наш взгляд, типологизация политического компонента

* Исследование выполнено в ИНИОН РАН при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта № 1024030200055-0 «Государственно-гражданская идентичность российской молодежи в онлайн-пространстве: особенности формирования, политический потенциал, перспективы управленческого воздействия» (гос. номер 124101700566-5).

онлайн-идентичности молодежи по традиционным шкалам «правые—левые» или в привязке к классическому варианту одной из идеологий «не работают». Необходимо построение сложных моделей с учетом значительного количества индикаторов и осуществление сбора информации с помощью приема сочетания количественных и качественных методов, включая онлайн-наблюдение и применение критического дискурса-анализа.

Сложный аспект формирования онлайн-идентичности — наличие значительной по размеру, разнородной, различающейся по социальному опыту, статусу, культурным и политическим характеристикам фактически «невидимой» для человека аудитории. Попытки структурировать аудиторию на сегменты с помощью настроек приватности и демонстрация той стороны личности, которая подходит для определенной группы, использование самоцензуры и отказ от обсуждения в социальных сетях острых вопросов, адаптация языкового стиля не гарантируют достижения цели демонстрировать себя интернет-аудитории с «правильной» стороны. Наиболее адекватной будет постструктуралистская методология, максимально подходящая для анализа сетевого взаимодействия с переплетением идеологий, ценностей, предпочтений, которые воздействуют на личность гораздо более интенсивно, чем в офлайн-пространстве.

Попова Е.В., Устюжанцева О.В.
(Томск, НИ ТГУ)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА МЕДИА РОССИИ И КИТАЯ: АНАЛИЗ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

Принцип суверенного равенства, установленный Уставом ООН, является основополагающей нормой современных международных отношений, охватывающей все сферы. Его принципы распространяются также на научно-техническое развитие. Последнее имеет свое место в дискурсе о цифровом (и, шире, технологическом) суверенитете, модели которого стремятся создать лидеры технологической гонки. В основе этих действий лежат дискурсивные практики адаптации внутренних представлений о государстве в контексте новых и появляющихся технологий. Разные государства по-разному понимают эти технологии и их возможное влияние на государство, экономику и жизнь отдельных людей и групп. Это различие оказывается существенным для формирования научно-технической и инновационной политики, направленной на достижение стратегических целей государств.

В научной литературе, посвященной цифровому суверенитету (далее — ЦС), до сих пор нет общепринятого определения этого термина. ЦС сам по себе часто используется как синоним киберсуверенитета, технологического суверенитета и др. Такая путаница возникает, по большому счету, из-за широкого использования этих взаимозаменяемых терминов в СМИ и политическом дискурсе. Концептуализация ЦС в основном происходит за пределами академического сообщества, без участия политологов или специалистов в области цифровых технологий¹ (Кутюр и Тупин 2020). Теоретические модели ЦС основаны на двух подходах к управлению. Подход «снизу вверх», основанный на участии многих заинтересованных сторон, уменьшает роль государства, позволяя участникам управлять на основе экономических и технологических интересов² (Strickling & Hill, 2017). «Китайская» модель представляет собой управление «сверху вниз», типичное для нелиберальных режимов³ (Jiang, 2010; Budnitsky & Jia, 2018). Уместно ли рассматривать нелиберальные страны в качестве единой модели в сфере ЦС? Цель данной работы — ответить на этот вопрос. ЦС — это осуществление правительствами суверенного контроля над цифровым контентом и цифровой инфраструктурой в соответствии с их национальными интересами, как их понимают государства⁴ (Pohle & Thiel 2020). Обычно интересы авторитарного государства рассматриваются как интересы правящего органа, что справедливо для «традиционных» отраслей промышленности. Однако для новых и появляющихся технологий разработка единственно правильных представлений является сложной задачей. Поэтому интересно понять, как формируются эти представления, являются ли они последовательными или в дискурсе о ЦС есть противоречия. Помимо государства, существуют экономические агенты (компании — частные и государственные), которые включены в мировую экономику. Их экономический успех также является частью успеха государства, и, следовательно, национальные интересы здесь могут быть разными. Мы исследовали,

¹ Кутюр С., Тупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. 2020. № 15 (4).

² Strickling L. & Hill J. Multi-stakeholder internet governance: Successes and opportunities // Journal of Cyber Policy. 2017. No. 2. P. 1–22.

³ Budnitsky S. & Jia L. Branding Internet sovereignty: Digital media and the Chinese–Russian cyberalliance // European Journal of Cultural Studies. 2018. No. 21 (5). P. 594–613; Jiang M. Authoritarian Informationalism: China's Approach to Internet Sovereignty // SAIS Review of International Affairs. 2010. No. 30 (3). P. 71–89.

⁴ Pohle J. & Thiel T. Digital sovereignty // Internet Policy Review. 2020. No. 9 (4).

как строится концепция ЦС в нелиберальных режимах России и Китая. В исследовании используются методы текстового анализа больших данных медиа публикаций национальных СМИ России и Китая. Применяется программа *PoliAnalyst*.

Доказано, что в обеих странах конструирование ЦС включает множество акторов, в том числе негосударственных, таких как компании и IT-разработчики. Дискурс вокруг ЦС формируется под влиянием различных факторов, включая политические, экономические и технологические. Анализ различает третью и четвертую промышленные революции с точки зрения обсуждаемых технологий. Исследование показало, что в российском дискурсе ЦС в первую очередь связан с отечеством и государственными структурами. В этом контексте он рассматривается как важный элемент национальной безопасности и самобытности. В Китае ЦС в большей степени ассоциируется с технологиями, Интернетом и экономическим развитием, что отражает стремление Китая к технологическому лидерству и глобальному экономическому влиянию. В работе представлены общие черты и различия в дискурсах ЦС. Это способствует более глубокому пониманию этого феномена в контексте нелиберальных режимов, позволяя выявить специфические механизмы и стратегии, используемые каждой страной для поддержания и укрепления ЦС.

Попова О.В.

(Санкт-Петербург, СПбГУ; Москва, ИНИОН РАН),

Шестакова М.Н.

(Москва, МГИМО, ИНИОН РАН)

ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ*

При обсуждении смысла впервые введенного в научный оборот профессором Йоркского университета Р. Коксо в 1993 г. и получившего популярность в XXI в. термина «постглобализация» фокус внимания ученых традиционно концентрируется на изменении характера международных отношений или смене доминирующей идеологической парадигмы у властвующей элиты в конкретной стране. Идеи постглобализации обсуждаются «в комплексе» с критикой идеологии и практики глобализации как тотального утверждения либерального капитализма, покушающегося на суверенитет развивающихся и относительно развитых государств. Некоторые ученые убеждены, что постглобализацию следует рассматривать лишь как тотальное отрицание принципов глобализации, которое якобы «лишено собственного содержания»¹; некоторые ограничиваются декларацией сложности изучения постглобализации вследствие проявления в ней противоречащих друг другу тенденций. Вместе с тем, заслуживает внимания ответ на вопрос, происходят ли изменения с государством в ситуации постглобализации.

Обсуждение постглобализации может превращаться в некую пропагандистскую конструкцию как реакцию на провал глобального неолиберального проекта, в которой нормы, правила становятся ситуативными, постоянно меняются, а политических игроков (государств) подчас не оповещают об «изменившихся правилах игры». Постглобализацию следует рассматривать не как тотальный отказ от глобализации, а как ее очередной этап или форму, поскольку практически невозможно уничтожение «переплетенной комплексной паутины глобальных экономических, политических и культурных связей»². В такой ситуации основными субъектами политики могут стать не государства, а их коалиции. Часть исследователей убеждена, что отказ от неолиберального проекта глобализации неизбежно повлечет за собой акцентированное доминирование этнических и этнорелигиозных моделей идентичностей вместо государственно-гражданских, разрушение ряда институтов социального государства и выстроенных политических и финансовых отношений между странами. В этих условиях проявляющийся недостаток легитимности политических решений властвующей элиты порождает актуализацию темы «великого государства в прошлом», необходимости «возвращения к основам» и рост популярности фундаменталистских идей; развитие фундаментализма исследователи рассматривают как реакцию на навязчивую модернизацию (изменение ради изменения).

Часть исследователей склонны обсуждать возможности существования государств в постглобальном мире через призму возвращения их суверенитета, но в значительно более сложном понимании, чем это было в XVIII–XX вв. В современном мире у вполне эффективного государства может практически отсутствовать экономический суверенитет, которым оно «расплачивается» за вхождение в ка-

* Подготовлено в рамках реализации научного проекта № 124091900068-6 «Политический класс и государство в условиях постглобализации XXI в.» (гос. номер 124101700569-6), выполняемого в ИНИОН по итогам отбора научных проектов при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ.

¹ Асочаков Ю. Постглобализация и новые контуры будущей современности // Телескоп. 2019. № 1 (133). С. 22.

² Волобуев А.В. Постглобализация и грани фундаментализма // Век глобализации. 2021. № 3. С. 41.

жущиеся или реально привлекательные международные структуры (формируется «наднациональный суверенитет»). Характеристики территориальности связываются с показателями «экономического расстояния» и «политического расстояния», увеличения плотности населения в городах и активное развитие агломераций на основе мегаполисов, представляющих собой анклав глобальности с их особым стилем и условиями жизни вследствие процессов суперурбанизации, усиление миграционных потоков в сторону экономически успешных территорий, свертывание контактной функции границ в пользу усиления барьерной.

Вместе с тем активно обсуждается идея развития «нового регионализма» как условия постглобализации, который одновременно и порожден процессами глобализации, и противостоит ей, обеспечивая устойчивое развитие государств внутри региональных сообществ. Пространственная безопасность, относительная цифровая безопасность систем управления, возможность защиты границ военными средствами, обеспечения населения необходимыми продуктами питания и водой при любом варианте развития геополитической ситуации должны рассматриваться в качестве приоритетных показателей суверенности современного государства. Вместе с тем, по мнению сторонников этой точки зрения, нет никаких оснований считать, что «именно национальные государства априори являются лидерами в борьбе за суверенитет»¹.

Итак, ключевыми точками в дискуссии о постглобализации являются вопросы соотношения ее с определенной идеологией и ролью государства.

Постол В.И.
(Томск, НИ ТГУ)

ЭТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ

Доклад посвящен рассмотрению этических аспектов молодежного парламентаризма в контексте современных политических трансформаций. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что молодежь является важным звеном общества и ее морально-нравственные ориентиры определяют будущее российской государственности. Цель доклада — выявить расстановку этических приоритетов молодежи в постсоветском обществе.

В докладе рассматриваются проблемы взаимодействия власти, бизнеса и общества в переходный период. В 70-х гг. XX века мировая экономика вступила в фазу острого и затяжного кризиса, на фоне которого изменилась стратегия экономического развития: на смену кейнсианству пришел неомонетаризм. Идеологическим обеспечением нового экономического курса стал неолиберализм. Основоположники неолиберализма (Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек, М. Фридмен и др.) постулировали неограниченную конкуренцию как наиболее эффективный механизм роста общественного благосостояния.

Неомонетаристская модель была предложена и странам-реципиентам неолиберальных реформ. Переход постсоветской России от государственного социализма к рыночной экономике кардинально изменил механизм социального взаимодействия: бизнес, обладая значительными долями материальных и финансовых ресурсов, получил возможность самостоятельно решать социальные вопросы, а государство могло уже ограничиться партнерством в осуществлении социальной политики. Однако радикальное изменение вектора социально-экономического развития страны не сопровождалось ясным пониманием переходных механизмов трансформационного процесса. При отсутствии общепризнанных «правил игры» переход к рыночным отношениям стал «игрой в рамках произвола».

Считалось, что на финансовых рынках моральные соображения не имеют значения, поэтому выражение «социальная ответственность бизнеса» стало одним из эвфемизмов, прикрывающим аморальность финансовых бастионов бизнеса. Не приходится удивляться, что уже в скором времени дело закончилось обрушением глобальной финансовой пирамиды и резким экономическим спадом (Мировой кризис. URL: https://guxpert.ru/Мировой_кризис).

В новом контексте обрели социально-политическую значимость ранее высказанные соображения, что реальные экономические системы не могут быть нравственно нейтральными, «их надлежит тщательно изучать с моральных позиций» (Ричард Т. Де Джордж). Тем не менее в неолиберальной повестке дня свободный рынок по-прежнему предстает как оптимальный способ производства капитала. Внедрение рыночных отношений в нынешних формах активно влияет на формирование жизненных ориентиров представителей цифрового поколения. Некоторые эксперты приписывают российской молодежи цинично-потребительский вариант ценностных ориентаций (см.: *Белов С.И., Ванте-*

¹ *Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М.* Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире // Политическая наука. 2022. № 4. С. 135. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.06>.

евский М.М., Ярошева Д.В. Ценностные предпочтения современной российской молодежи: результаты обобщения экспертных мнений // Политическая наука. 2023. № 2. С. 163–178).

Основу этических принципов составляют базовые ценности, носящие универсальный характер. В каждый конкретный момент времени базовые ценности в зависимости от контекста получают разное преломление в конкретных этических требованиях. В докладе подчеркивается, что бизнес — не внешняя среда для гражданского общества, а среда, формирующая правила и принципы распределения власти и ответственности. Суть этики бизнеса вовсе не в том, чтобы изменять чьи-либо моральные убеждения, а в том, чтобы полагаться на них. Однако разрушение традиционных норм и ценностей сопровождалось падением моральных принципов общества. Не будет преувеличением сказать, что российская молодежь оказалась без надежных социокультурных ориентиров.

Менеджмент бизнеса в значительной мере не приспособлен следовать законам морали, ему гораздо легче иметь дело с денежными единицами, нежели с ценностными принципами. Как видно из результатов анкетирования, российские бизнесмены, как правило, делали выбор в пользу «асоциальной», прагматической модели. Главное — обеспечить прибыльность предприятия и ответственность перед акционерами, а все остальное является дополнительной «нагрузкой на бизнес, снижающей его эффективность» (*Харитонова Е.В., Андреева Л.А., Тищенко С.М.* Образ России как социального государства. URL: <https://www.inafran.ru/node/56>).

Из ситуации глобального экономического кризиса 2008 г. к нам пришла лексема «новая нормальность». Правящие классы мирового капитализма стремятся заменить «старую реальность» на свою собственную «новую реальность». Все более реальной становится опасность превращения общества в «мнимую общность» (Б. Андерсон). Мы находимся в самом начале процесса конструирования «новой политической нормальности» в ущерб традиционным ценностям. В условиях ментальной войны вопросы этического выбора приобретают особое звучание. Задачей государственной политики становится сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Внести свой вклад в общее дело призваны молодежные парламентские структуры. Нужно не только вводить кодексы этики, но и включать этические принципы во все направления практической работы: просветительскую, проектную, законотворческую деятельность; подготовку молодых кадров для работы в органах государственной и муниципальной власти; деятельность по организации социально значимых мероприятий. Таким образом молодежный парламентаризм может стать одним из действенных механизмов морально-нравственного воспитания молодежи.

Потапкин А.С.
(Москва, РУДН)

ОТРАСЛЕВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОЧЕМУ ИТ-БИЗНЕС ПОЛУЧИЛ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ

После начала СВО поддержка российской ИТ-отрасли стала одним из приоритетов антикризисного управления российского политического руководства. Увеличено финансирование ИТ-грантов и льготных кредитов, введены нулевой налог на прибыль и мораторий на контрольно-надзорные мероприятия, упрощены трудоустройство иностранных специалистов и госзакупки критически важных ИТ-решений. Российские ИТ-специалисты получили отсрочку от призыва на военную службу. Подобное активное стимулирование отечественных ИТ-компаний связано с несколькими причинами.

Во-первых, цифровая трансформация государственного управления, экономики и социальной сферы стала сквозным процессом, от которого зависит качество товаров, услуг и социальных благ. Доступ к ключевым технологиям, обеспечивающим благосостояние и конкурентоспособность страны, признан приоритетом государственной политики на уровне основных стратегических документов в сфере безопасности и экономического развития.

Во-вторых, российский высокотехнологичный сектор оказался мишенью санкционной политики. Усилилось санкционное давление на высокотехнологичные отрасли. Около 20% российских компаний, указанных в санкционных списках недружественных стран, представляют сектор разработки ПО и производства компьютеров, электроники и оптики. Ограничены поставки программного обеспечения и оборудования, а также работа облачных сервисов. В связи с этим, иностранные ИТ-компании приостановили свою деятельность или полностью покинули российский рынок. Актуальной стала проблема оттока квалифицированных ИТ-кадров. ИТ-инфраструктура российских органов государственной власти и крупных компаний активно атаквалась международными хакерскими группировками.

В-третьих, правительство уже имело набор эффективных инструментов стимулирования деятельности российского ИТ-сектора и бизнеса в целом. Импортзамещение в ИТ началось уже после первой волны санкций в 2014 г., и к 2022 г. уже сложилась система мер поддержки ИТ-компаний: пониженные налог на прибыль и социальные отчисления, реестры отечественного ПО и аккредитованных ИТ-компаний и др. Действовали грантовые программы по созданию, доработке и внедрению ИТ-продуктов. Работали программы льготной ипотеки для иных адресных социальных групп. В 2019 г. запущен процесс «регуляторной гильотины», призванный снизить административную нагрузку на бизнес и внедрить риск-ориентированный подход в контрольно-надзорную деятельность. В пандемию был объявлен мораторий на плановые проверки для малого бизнеса. Отсрочка от службы в армии действовала в отношении студентов вузов и колледжей.

В 2022 г. комплекс проблем, возникший перед органами власти и бизнесом, содержал высокие риски и неопределенность. Совместные действия российских властей и бизнеса в теорию «политических потоков» Дж. Кингдона. Сложившаяся ситуация на ИТ-рынке стала «окном возможностей» для сторонников дальнейшей поддержки ИТ-сектора расширить объем уже имеющихся льгот и распространить на ИТ-сектор меры, которые ранее были направлены на иные адресные группы.

Главным образом на получение ИТ-отраслью обширных мер поддержки повлияли консенсус и эффективные каналы коммуникации в отраслевом политическом сообществе. ИТ-ассоциации разработчиков российского ПО к началу 2022 г. имели собственную организационную структуру, исполнительные дирекции и большое число компаний-участников. Главы ассоциаций имели непосредственный контакт с руководством отраслевого регулятора, что позволяло в личном общении доводить позицию отрасли. Поэтому уже в конце февраля 2022 г. Минцифры России создало оперативный штаб, куда вошли представители крупнейших ИТ-холдингов и отраслевых ассоциаций. Представители бизнеса получили официальную площадку для оказания влияния на отраслевую политику.

Ассоциации помогали реализовывать уже принятые решения: направляли уточняющие запросы в органы власти по применению налоговых льгот, грантовой поддержке, получению ИТ-аккредитации и предоставлению отсрочки. Эксперты комитетов объединений бизнеса были вовлечены в работу по формированию отраслевых ИТ-ландшафтов, определяющих приоритетные направления развития ПО и программно-аппаратных комплексов. Ассоциациями агрегировалась информация о состоянии ИТ-отрасли (исследования рынка, данные о зарубежных аналогах и др.), которая учитывалась при корректировке отраслевого политического курса. Наконец, ассоциации организовывали собственные профильные мероприятия и интегрировались в уже существующие форумы с тематическими сессиями и круглыми столами, привлекая к участию представителей федеральных и региональных стейкхолдеров.

Принятые меры дали положительный эффект. По данным ВШЭ, за 2019–2023 гг. ИТ-отрасль стала самой быстрорастущей из крупных секторов российской экономики по ключевым показателям: вкладу в ВВП, объему реализованных товаров и услуг, числу сотрудников и инвестициям.

*Потемкина О.Ю.
(Москва, Институт Европы РАН)*

НОВЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЕАЭС

Процесс свободного передвижения граждан динамично развивается, и отмечены несомненные достижения в сфере регулирования трудовой миграции, например, Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах ЕАЭС 2023 г. Вместе с тем, ЕАЭС вынужден реагировать на нестабильность в мире, конфликты и кризисы, которые не могут не влиять на миграционные потоки как прямо, так и косвенно. Некоторые вызовы схожи для всех стран и интеграционных группировок, некоторые специфичны для ЕАЭС и государств-членов.

Перед государствами ЕАЭС стоят серьезные вызовы:

Долгосрочные последствия пандемии коронавируса. Как и во всем мире, пандемия нанесла удар как по Евразийской миграционной системе, так и по свободе передвижения в рамках ЕАЭС. Как и везде, закрытие границ, карантин, запреты на поездки и меры социального дистанцирования привели к остановке бизнеса и экономической деятельности. Это имело особенно острые последствия для мигрантов из Центральной Азии в России. Миллионы людей остались безработными, незащищенными и оказались в затруднительном положении, что имело значительные последствия для экономики стран происхождения.

Пандемия дала толчок новым формам занятости: дистанционной и платформенной занятости, развитию самозанятости. Новые формы развиваются быстрее, чем законодательная база, что создает риски для всех субъектов трудовых правоотношений и при отсутствии трудового регулирования находится в тени. В этой связи интересен международный опыт правового регулирования дистанционной

работы, например, визы «цифровых кочевников» (эта виза позволяет мигранту жить в другой стране и осуществлять трудовую деятельность дистанционно).

Влияние беспрецедентных санкций против России и Белоруссии на отношения между членами ЕАЭС. Широкий спектр ограничительных мер, введенных в отношении России в 2022–2023 гг., повлиял на ее партнеров по ЕАЭС, что вызвало определенную трансформацию процессов евразийской интеграции. Партнеры России, кроме Белоруссии, которая тоже находится под жесткими западными санкциями, стоят перед выбором — усиливать кооперацию и взаимную торговлю с учетом возможностей, которые открывают процессы импортозамещения в России, укреплять финансовый суверенитет или ослаблять связи (в том числе из-за рисков вторичных санкций) и переориентироваться на другие, несанкционные рынки.

Диверсификация миграционных потоков. Релокация оказала ощутимое влияние на экономику принимающих стран, ввиду сопутствующего ей процесса перевода денежных средств россиян в банки стран назначения. Однако побочным эффектом роста объемов денежных переводов стала растущая инфляция. Рост цен был особенно ощутим на рынке недвижимости ввиду резко возросшего спроса на жилье. Среди негативных последствий переезда россиян для стран ЕАЭС можно выделить рост конкуренции на рынке труда этих стран. Особенно ярко эта тенденция проявлялась в сфере услуг, в частности в IT-секторе. Российские специалисты продемонстрировали более высокий уровень компетенций, что снизило шансы трудоустройства соискателей граждан принимающих стран. Результат — Казахстан отменил режим визаран и ограничил пребывание иностранных граждан (в том числе граждан России) на своей территории.

Дисбаланс спроса и предложения на рынке труда ЕАЭС. Возникает несоответствие между спросом на специалистов и их предложением. В частности, по прогнозам, в следующем десятилетии вакансии в сфере торговли и услуг будут одними из самых быстрорастущих по численности, традиционные рабочие навыки (например, в строительстве и на транспорте) находятся в дефиците, как и навыки обслуживания в таких быстрорастущих секторах, как здравоохранение. Между тем акцент делается прежде всего на привлечение «квалифицированных» талантов — людей, которые, как правило, имеют высшее образование или опыт работы в науке или бизнесе.

Нелегальная миграция — вызов для всех принимающих мигрантов стран в мире. Значительная часть мигрантов не зарегистрирована, не обладает всеми необходимыми документами, боятся взаимодействовать с государственными органами, становятся жертвами незаконного и недобросовестного посредничества. Рост преступности приводит к усилению экстремистских проявлений в отношении мигрантов и ответной реакции в мигрантской среде. Мотивация к усилению легальных каналов очевидна.

Международная конкуренция за трудовые ресурсы. В последние годы эта тенденция проявила себя особенно заметно: в экономическую конкуренцию за трудовых мигрантов из Центральной Азии выразили желание вступить новые игроки — ЕС, Великобритания, Турция. Пример — британская программа «ДАРЬЯ» *Dialogue and Action for Resourceful Youth in Central Asia (DARYA)*, направлена на развитие навыков растущего молодежного сегмента населения в Центральной Азии и развитие систем образования, профессиональной подготовки и трудоустройства, чтобы уменьшить зависимость от России.

Миграция и безопасность. Очевидна тенденция к секьюритизации миграции, особенно после теракта в Крокусе. Ограничения на работу по ряду специальностей.

Поцелуев С.П.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

КОНЦЕПЦИЯ НОРМАТИВНЫХ ГРАММАТИК А. ГРАМШИ В КОНТЕКСТЕ КОНСЕРВАТИВНОГО ПОВОРОТА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Среди богатого теоретического наследия итальянского мыслителя Антонио Грамши ныне, помимо прочего, представляется особенно актуальной концепция нормативных и спонтанных грамматик. И не в последнюю очередь актуальной именно в контексте идеологической эволюции постсоветской России.

Грамши, как известно, отличал грамматику, «имманентную самому языку» и реализуемую носителями языка, совершенно спонтанно, от присутствующих в том же языке «нормативных» грамматик, основанных на взаимном контроле, взаимном обучении, взаимной ‘цензуре’, проявляющейся в вопросах: ‘Что ты имел в виду?’, ‘А именно’, ‘Выражайся яснее’ и т.д., которые сопровождаются высмеиванием и подшучиванием и т.д.». В своей совокупности нормативные грамматики, отражающие властные отношения данного общества, определяют некий грамматический конформизм, то есть уста-

навливает 'нормы' и представления о правильности или неправильности и т.д. [А. Грамши. Национальный язык и грамматика].

Концепция нормативных грамматик была высоко оценена в современной традиции критического дискурс-анализа (N. Fairclough, T. van Dijk, P. Ives, M. Donoghue etc.), где она сейчас рассматривается как ключевой момент в понимании грамшианской концепции гегемонии.

Нормативные грамматики создаются путем кодификации и легитимизации определенных спонтанных грамматик. Причем это представляет собой драматичный процесс, в ходе которого подавляются не только некоторые спонтанные грамматики, но и конкурирующие нормативные грамматики, за которыми стоят иные идеологии. Установление гегемонии со стороны определенной политической идеологии означает выигрыш доминирующей нормативной грамматики в борьбе за здравый смысл нации. Эта победа, таким образом, возможна только в том случае, если имеется нормативная грамматика, которая столь успешно управляет языком, что оказывается возможным, узаконив отдельные спонтанные грамматики, выражать идеологические истины в форме обыденной правды, всем очевидной в своей «блаженной простоте» (Р. Барт).

Таким образом, идеологическая гегемония означает, что данная нормативная грамматика стала спонтанной грамматикой, подобно тому, как данный идеологический смысл стал здравым смыслом.

Концепция нормативных и спонтанных грамматик позволяет, на наш взгляд, лучше понять дискурсивный механизм консервативного поворота, наблюдавшегося в постсоветской России (впрочем, не только в ней).

Если в период перестройки, распада СССР и первых лет постсоветской России сам термин «консерватизм» воспринимался в отечественном (особенно официальном) политическом дискурсе по преимуществу негативно, то уже в 2000-х годах сами победившие либералы (по их идеологической самоидентификации) начинают использовать консервативную лексику. «Системные либералы» вроде Г. Грефа или А. Чубайса стали экспериментировать в своих выступлениях с консервативными по своим истокам концептами вроде «империя», «либеральная империя» и т.п. Выразителем консервативного концепта «русский мир» становится впоследствии и дискурс С. Кириенко. Между тем и в выступлениях российского президента нарастала консервативная составляющая, так что в итоге постсоветская Россия стала позиционироваться в официальном дискурсе как спасительной остров традиционных (консервативных) ценностей. Отечественные исследователи уже в середине 2010-х констатировали появление в России «новой политической моды на консерватизм», связанной с идеологическим выбором руководства страны, а также изменением отношений с Западом [О. Б. Подвинцев. О моде на консерватизм в постсоветской России и разнобразии ее природы (2015)].

Социологические опросы последних лет показывают, что и российское общество в целом разделяет многие консервативные установки, из чего можно сделать вывод, что последние стали в России органической частью спонтанной грамматики языка. Вопрос, который теперь нуждается в особом исследовании, состоит в том, чтобы выяснить формирование той нормативной грамматики, которая выступала носителем консервативных идеологем и побеждала в конкурентной борьбе за здравый политический смысл россиян. Необходимо исследование наличных в российском обществе спонтанных грамматик, которое бы исходило из того, что нормативные грамматики создаются из одной или нескольких спонтанных грамматик, которые в свою очередь являются историческим результатом взаимодействия уже усвоенных предыдущих нормативных грамматик [Ives P. Language and Hegemony in Gramsci (2004)].

Разумеется, требует развития и сама грамшианская концепция нормативных и спонтанных грамматик. Одним из направлений такого развития являются теории политической корректности и различных форм непрямой политической цензуры.

Прокопенко Л.Я.
(Москва, Институт Африки РАН)

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СТРАНАХ АФРИКИ И ПРОБЛЕМА СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ

Гендерное равенство — это не только одно из основных прав человека, но и необходимая основа для достижения мира и устойчивого развития, что особенно важно для стран Африки. В современном мире африканские страны вынуждены отвечать на все большее количество вызовов. Одним из необходимых условий эффективного ответа на них является обновление политической элиты, которое происходит, в том числе, за счет смены поколений. Проблема омоложения состава политических элит актуальна по экономическим и по политическим причинам. Однако в большинстве стран Африки, где женщины составляют более 50% населения, молодежь — самая многочисленная демографическая группа — остается мало востребованной как в экономической, так и в политической жизни.

В XXI в. в ряде стран Африканского континента возросла роль женщин в политическом процессе. Расширение их представительства в органах власти, в том числе на самом высоком уровне, стало в некоторых странах (например, в Руанде и на Юге Африки) одной из главных особенностей формирования политического руководства (хотя пока это мало влияет на улучшение социально-экономического положения женщин и, следовательно, на развитие общества в целом). Женщины все чаще выдвигают свои кандидатуры на парламентских и президентских выборах, возглавляют парламентские фракции. К 2024 г. достигнут гендерный паритет в политике в ЮАР. А опыт Республики Руанды в последние десятилетия демонстрирует значимые успехи не только в выравнивании гендерного баланса в политике, в этой стране налицо гендерная асимметрия в пользу женщин.

Однако на уровне глав государств и правительств преобладают женщины старшего поколения. Например, африканки-президенты на момент своего избрания/назначения были политиками не самого молодого возраста. В возрасте 68 лет возглавили свои страны первая африканская женщина-президент Эллен Джонсон-Серлиф (Либерия) и нынешний президент Эфиопии Сахле-Ворк Зевде, Джойс Банде (Малави) на момент прихода к власти было 62, Катрин Самба-Панза (Центральноафриканская Республика (ЦАР)) — 60, а Аминэ Гуриб-Факим (Маврикий) — 56 лет.

На гендерном уровне в политической элите идет определенный процесс «омоложения», прежде всего на уровне руководства политических партий. Некоторые молодые женщины-лидеры оппозиции начинают политическую карьеру с создания собственных организаций. Однако в оппозиционных партиях часто налицо конфликт интересов старшего и молодого поколений. Возрастные лидеры не всегда оказывают необходимую поддержку начинающим политикам, более того не всегда (прежде всего из-за коррумпированности) сами являются примером достойного существования в политике. В свою очередь, они часто критикуют молодых за излишнюю прагматичность. В некоторых случаях отношения молодых женщин-политиков с их старшими коллегами с течением времени приводят к открытой конфронтации, что дестабилизирует обстановку в партии (например, в партии Демократический альянс (ЮАР)).

В условиях сохранения в африканском обществе традиции почитания старших молодое поколение все чаще оспаривает незыблемость власти и нежелание старых лидеров уступить место более молодым политикам. Нынешнее поколение молодых африканцев более прагматично. Это проявляется, в том числе, в их отношении к личностям глав государств, которых их отцы и деды в свое время считали непререкаемыми авторитетами и даже «отцами наций». Информация о мире благодаря Интернету дает возможность молодому африканцу сравнивать его жизнь, качество образования и оплату труда (или отсутствие таковых) с условиями жизни сверстников в других странах континента и мира. Результаты подобных сравнений часто не добавляют веры в справедливость политики властей, и молодежь все чаще подвергает сомнению правомерность их решений и даже их легитимность. Как никогда раньше для Африки актуальны слова бывшего президента ЮАР Табо Мбеки, который предостерегал лидеров от «риска самоуспокоенности руководства».

Деятельность африканок-политиков в борьбе за права человека, за гендерное равенство, в борьбе с голодом и ВИЧ / СПИДом доказали возможность участия женщин в решении проблем современности на самом высоком уровне. В их числе молодые депутаты парламентов, министры и лидеры политических партий. Их потенциал во многом способствует реализации ЦУР ООН в африканских странах.

Смена поколений в политических элитах африканских стран, как и во всем мире, неизбежна по объективным причинам. Процесс «омоложения» африканской политической элиты, в том числе ее женского состава, проходит несоизмеримо более медленными темпами, чем изменения демографического состава населения в пользу молодого поколения. Крайне низкое участие молодежи (в том числе молодых девушек) в процессе принятия решений, ведущее к росту ее вовлеченности в политическое насилие, ставит под угрозу стабильность и устойчивое развитие многих стран Африки.

Прокопчук Т.Л.
(Москва, ИНИОН РАН)

КИНОНАРРАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ АРТИКУЛЯЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ*

Тема ценностных оснований российского общества всегда привлекала внимание исследователей, однако в последние годы интерес к ней стал проявляться и со стороны политической номенклатуры. В силу обострения отношений со странами Запада, Россия активизировала свои усилия в области формирования и защиты национальных традиционных ценностей, что получило нор-

* Доклад подготовлен в рамках реализации проекта «Динамика изменений политических ценностей в российской массовой культуре (2020–2024 гг.): опыт нарративного анализа аудиовизуальных продуктов», выполненного при финансовой поддержке ЭИСИ.

мативное закрепление в Указе Президента РФ. Таким образом, изложенное выше свидетельствует о процессе политизации аксиосферы, а поэтому политические ценности должны трактоваться шире, чем просто ценности, характеризующие политическую систему. Учитывая это, они могут быть определены как набор социально значимых конструктов, формируемых и артикулируемых политическими акторами в социальной среде, посредством которых укрепляется национально-государственная идентичность.

Для реализации обозначенных в указе положений государством внедряются всевозможные практики с привлечением различных социальных институтов (учреждения образования, культуры, СМИ и др.), способных транслировать и доносить смыслы до широких слоев населения. Одну из ключевых позиций здесь занимает массовая культура, которая нарративизирует ценности, мгновенно распространяя их на уровне общественного сознания. Высокой эффективностью в данном случае обладает кинофильм, являясь по своей природе мультимодальным, он одновременно задействует несколько уровней восприятия, позволяя сформировать целостную картину, транслируемого сюжета, в сознании человека. Именно по этой причине мы обращаемся к такому понятию, как «кинонарратив».

Во-первых, важно отметить, что нарратив в данном случае рассматривается как инструмент конструирования и донесения смыслов, привлечения внимания к ним общественности.

Во-вторых, сам нарратив всегда ценностно обусловлен, а это значит, что он в явной или латентной форме содержит определенную систему ценностных координат.

В-третьих, киноискусство — это область, которая получает государственное финансирование на реализацию отдельных проектов, а поэтому в какой-то степени можно говорить о ее зависимости от ценностных рамок, очерчиваемых публичным дискурсом.

В-четвертых, важно учитывать, что один кинофильм может содержать в себе несколько кинонарративов, которые артикулируют разнообразные ценности.

В-пятых, кинонарратив представляет собой коммуникативный акт, который позволяет оценить реакцию аудитории на транслируемые им ценности.

Нарративный анализ наиболее популярных фильмов за 2023–2024 гг., отобранных с учетом максимального невозвратного финансирования, показал, что их тематика выстраивается в основном вокруг ценностей, отражающих высокие нравственные идеалы. Так ценность жизни раскрывается через нарратив спасения, альтруизма и жертвенности, основанного на принципе «жизнь ради жизни» (фильмы «Праведник», «Воздух», «Вызов», «Сто лет тому вперед» и другие). Персонификация данной ценности проявляется через образ героя-спасителя, главной целью которого является вызволение кого-либо из беды, рискуя собственной жизнью.

Патриотические ценности (служение Отечеству, гражданственность) также нашли широкое отражение в кинофильмах. Нарративы демонстрируют понимание патриотизма как готовности индивида жертвовать личными интересами в пользу родного Отечества. Важным наблюдением может послужить тот факт, что во всех зарегистрированных в рамках исследования демонстрациях патриотического нарратива избраны исторические и художественные ситуации, где проявления патриотизма сопряжены с солидаризацией и консолидацией общества по гражданскому принципу.

Нарратив исторической памяти и преемственности связан в основном с укреплением традиций и духовных скреп народа, уважением памяти защитников Родины, исторических деятелей через апеллирование к опыту прошлого. «Чебурашка», «Бременские музыканты», «Летучий корабль», «По щучьему велению» — фильмы, выступающие ностальгическим символом идеализированного прошлого страны. Сюда же относятся фильмы исторического толка, основанные на реальных событиях, например, фильм «Праведник», «Повелитель ветра». К тому же в фильме «Вызов» в качестве нарративной среды используется космос, что невольно отсылает зрителя к страницам истории российского государства.

Семейные ценности артикулируются в фильмах «Чебурашка», «По щучьему велению», «Мастер и Маргарита», «Летучий корабль» через нарратив, содержательная сторона которого основана на дихотомическом противопоставлении «семья по любви vs отношения по расчету», причем это характерно не только для супружеских отношений, но и взаимоотношений между родителями и детьми.

Оценивая функциональность кинонарратива как инструмента работы со смыслами, фигурирующими в публичном дискурсе, можно отметить его высокую эффективность в артикуляции политических ценностей через конструирование тривиальных, перформативных и запоминающихся образов. Кроме того, кинонарратив позволяет оценить реакцию аудитории на транслируемые им ценности, таким образом, создавая резонанс и как бы вызывая аудиторию на обсуждение этих ценностей.

Пронякина Е.Д.
(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЮ ПОСЛЕ 2022 года

С проблемой нехватки квалифицированной рабочей силы сегодня так или иначе сталкиваются все страны. Это обусловлено целым рядом факторов, и, прежде всего, формированием глобального рынка труда, на котором национальным экономикам приходится в прямом смысле слова конкурировать за работников. Для России, которая ставит перед собой масштабную задачу перехода к инновационной экономике, вопрос привлечения и удержания высококвалифицированных специалистов стоит сегодня особенно остро.

Пандемия коронавируса способствовала росту безработицы в мире, что после снятия «ковидных» ограничений и открытия границ привело к кратковременной активизации международной трудовой миграции: для людей, потерявших свою работу во время пандемии, открытие границ послужило поводом сменить и место работы, и место жительства. Данный эффект в меньшей степени затронул высококвалифицированных специалистов — работников сфер ИТ, образования, научно-исследовательских и медицинских центров, управленцев высшего звена. Однако возможность удаленной работы (в том числе и в другой стране) существенно усложнила процесс рекрутирования кадров и повысила требования потенциальных работников к работодателям.

Существенное влияние на международную миграцию оказывает все возрастающая турбулентность международной системы: экономическая и политическая нестабильность в том или ином регионе мира часто становится ключевым фактором при принятии работником решения о трудоустройстве за рубежом. После начала специальной военной операции на Украине Россия пережила две масштабных волны эмиграции — в марте-апреле и октябре 2022 года. Статистические данные по эмиграции из России сильно расходятся; в качестве «усредненной» называют цифру около миллиона человек за 2022 год. Однако качественный состав миграционного потока из России вызывает у экспертов меньше разногласий: покинувшие страну после начала СВО россияне в большинстве своем — люди фертильного возраста, имеющие высшее профессиональное образование и, как следствие, считавшиеся высококвалифицированными специалистами.

В 2023–2024 гг. стране частично удалось компенсировать нехватку высококвалифицированных кадров в экономике за счет дополнительных механизмов экономического стимулирования и социальной поддержки, повышения уровня заработной платы и внедрения программ до- и переобучения специалистов на местах. Однако в ряде отраслей (таких, как энергетика, машиностроение и медицина) по-прежнему ощущается дефицит кадров. Дополнительная сложность заключается в том, что специалистов из вышеназванных отраслей практически невозможно подготовить за короткое время. Привлечение высококвалифицированных работников из других стран (например, из Китая или Индии) также является довольно проблематичным, так как от соискателей большинства высокооплачиваемых вакансий требуется не только специализированная профессиональная подготовка, но и освоение универсальных компетенций, которые включают в себя владение русским языком и понимание культурных особенностей нашей страны.

Одним из возможных вариантов решения проблемы в сложившейся ситуации является активизация усилий по созданию единого образовательного, культурного и экономического пространства в рамках ЕАЭС. В частности, 25 мая 2025 года в Бишкеке было принято решение о создании Евразийского сетевого университета (ЕСУ), который сегодня объединяет 32 вуза из Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Узбекистана (сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/78277/>). Следует, однако, учитывать и тот факт, что единое образовательное пространство открывает также молодым специалистам из России получать образование и затем трудоустроиться в любой стране ЕАЭС. Поэтому приоритетной задачей для российских вузов является не только привлечение студентов-иностранцев, но и их эффективная социальная и культурная адаптация в нашей стране.

Особое внимание следует уделить распределению высококвалифицированных специалистов внутри страны: сегодня большинство их сосредоточено в больших городах — Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Новосибирске, в то время как потребность в квалифицированных кадрах испытывают практически все субъекты Российской Федерации.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН

Проблемы развития, в последние десятилетия — в парадигме устойчивого развития, являются ключевыми в глобальной повестке и в первую очередь на площадке Организации Объединенных Наций как универсальной международной межправительственной организации. В рамках ООН глобальные проблемы, которые потенцируются процессами глобализации и не могут быть решены усилиями одной или даже нескольких держав, пусть и имеющих значительные ресурсы и влиятельных, фактически формулируются как проблемы мирового развития. Для оценки и поиска коллективных ответов на эти большие вызовы разрабатываются правила сбора и систематизации национальной статистики, составляются базы данных по всем государствам и регионам мира, по самым различным направлениям и тематике. Эксперты организации изучают эти огромные массивы статистической информации для анализа и прогнозирования мирового развития, в том числе математического моделирования со множеством переменных, а также разрабатывают и совершенствуют методики такого прогнозирования в кооперации с другими международными организациями, прежде всего Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Такие прогнозы, публикуемые в открытом доступе и широко обсуждаемые, в частности, новыми СМИ в глобальном цифровом пространстве, по сути формируют дискурсивное поле, в котором различные государственные и негосударственные участники международной жизни рассуждают о взаимосвязанных между собой трендах и проблемах мирового развития, глобальных рисках и угрозах. Здесь происходит диффузия идей, рождаются новые и альтернативные дискурсы и нарративы касательно мирового развития и футуристических образов мира. Именно в этом пространстве политической коммуникации в том числе складывается и утверждается глобальная идентичность. В самом общем смысле она понимается как отождествление индивидом себя с человечеством, в первую очередь для ответа на глобальные вызовы. К индивидам следует относить не только медийных персон, представителей науки, бизнеса и СМИ, местных, национальных или транснациональных политических элит. Это могут быть рядовые граждане, которые все более активны в глобальном информационном пространстве. Осознание ими глобальных проблем и рисков происходит не только на эмоциональном уровне — как ожидание и/или опасение грядущих перемен, потенциальных рисков для себя лично. Оно способно менять их повседневное поведение, формы политического участия, повышать заинтересованность в политике, особенно если политические элиты различного территориального уровня управления мотивированы координировать приоритеты и целевые показатели своей политики с общими для всех стран целями, вокруг которых строится в последние десятилетия деятельность ООН и ее различных структурных органов и подразделений (Цели развития тысячелетия ООН, Цели устойчивого развития ООН).

В настоящее время логика устойчивого развития и принятие Генеральной ассамблеей ООН в 2015 г. Целей устойчивого развития (ЦУР) во многом предопределяют задачи, фокус и параметры прогнозных исследований ООН. Аналогичным образом с использованием специально разработанных количественных индикаторов выстроен мониторинг того, как отдельные государства выполняют эти 17 глобальных целей и связанных с ними задач (хотя они по сути не являются обязательными для реализации национальными правительствами). По итогам такого мониторинга готовится ежегодный доклад о результатах выполнения Целей устойчивого развития, который содержит в том числе анализ лучших практик, рекомендации национальным правительствам и прогнозные оценки достижения каждой из целей к 2030 г. Ключевыми остаются вопросы о качестве национальной статистики, об эффективных методиках количественных сопоставлений в отношении разных стран и регионов мира, о том, насколько универсальны и релевантны количественные показатели, используемые экспертами ООН в прогнозных разработках и мониторинге прогресса в достижении ЦУР, о том, как уменьшить риск человеческих ошибок или несоответствий, наконец, о том, как учесть в количественных расчетах различные аспекты политики в конкретных странах.

Пупыкин Р.А.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

КОНСЕРВАТИВНЫЙ КОНСЕНСУС ВОКРУГ «ПРОГРЕССА И ПОРЯДКА»: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КЛЮЧЕВЫХ ЦЕННОСТЕЙ АКТУАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Интерес к поколенческим и региональным аспектам мировоззренческих моделей современных россиян не вызывает сомнения. В 2023 г. авторским коллективом кафедры теоретической и прикладной политологии ИФиСПН ЮФУ при поддержке гранта ЭИСИ было проведено всероссийское исследование мировоззрения россиян, изложенное в изданной монографии.

В целом, на мировоззренческом уровне наиболее влиятельными среди всех поколений россиян представляются в примерно равной мере либеральные, солидаристские и традиционалистские установки. В результате исследования наиболее перспективной политической идеологией оказывается леволиберальный консерватизм, что может служить основой интегрального концепта России как великой державы с вековыми традициями. Великодержавный концепт России предполагает, что уважение к национальным устоям не должно противоречить уважению к личности и принципу социальной справедливости. Это означает также ценность гражданского мира и неприятие любых форм идеологического радикализма: левого и правого, консервативного и либерального, националистического и религиозно-фундаменталистского.

Исследование показывает, что в целом россияне являются носителями активистской социальной установки, базирующейся на представлении о возможности формировать собственную судьбу, хотя эта установка несколько снижается с возрастом. Большинству современных жителей России не свойственны фатализм, алармизм или исторический пессимизм. Напротив, одной из ключевых мировоззренческих установок россиянина является противостояние нестабильности и недружелюбности окружающего мира. Это согласуется с установкой на проектирование собственной жизни в любой, самой нестабильной и неблагоприятной ситуации. Эта установка укладывается в традиции советской и досоветской модернизации: освоение Сибири, сталинская индустриализация, покорение космоса и т.д. Данные традиции надо популяризировать в рамках идеологии непрерывной модернизации как условия великодержавного статуса современной России (в том числе в ходе развития и реинтеграции новых территорий). К тому же режим непрерывной модернизации способен в существенной мере удовлетворить запрос россиян на перемены в стране: полностью поддерживают идею перемен 32,4%, отчасти — 36,2%.

По результатам опроса мы видим три ключевые ценности, которые существенно выделяются на фоне всех остальных: дружная семья (32,3% в среднем по выборке), мир во всем мире (30,5% в среднем) и материальный достаток (13,2% в среднем). Причем в отношении данных ценностей наблюдаются существенные поколенческие различия: дружная семья набирает свои высокие ценностные значения по мере взросления респондентов, а материальный достаток, напротив, имеет обратную зависимость от возраста. Зато мир во всем мире одинаково важен для всех респондентов. Далее, ценностная структура большинства россиян не приемлет пропаганды милитаризма как такового, а вот образ воина как защитника мира, концепт войны ради прочного и справедливого мира и т.п. — это мировоззрением россиян принимается хорошо. Одним словом, принимается не милитаристская эстетика, а гуманистическая этика войны.

В чем российские поколения также согласны и едины (и это, видимо, отражает общекультурную специфику), так это в оценке необходимости изолировать от общества или же перевоспитать «нарушителей порядка» (82,0% поддержки среди поколения Z и 85,8% — среди «беби-бумеров») — очень мощный резерв консервативной идеологии. При этом традиционалистские ориентации российских консерваторов находят меньшую поддержку среди молодежи, чем если бы они делали больший акцент на идее порядка, как это характерно для западного (особенно американского) консерватизма. Еще одним резервом для отечественного консерватизма является достаточно высокий уровень поддержки нашими респондентами тезиса о том, что «власть выступает единым организующим началом мира, поэтому противостоять ей неправильно» (≈ 42–44% среди представителей всех поколений россиян).

Для усиления влияния официальной консервативной идеологии целесообразно сделать акцент на идее общественного порядка. В этом плане оказывается крайне важной тема борьбы с коррупцией. Добрая треть наших респондентов (33,8% по выборке) называют коррупцию в числе трех главных угроз для России. Причем среди внутривнутриполитических угроз нашему государству коррупция оказывается на первом месте, опережая озабоченность социальными, межэтническими, экологическими и демографическими проблемами. Правда, расчет оппозиции на особую озабоченность молодых этой проблемой вряд ли оправдан: 18–24-летние оказались по данным нашего опроса менее всего озабо-

ченными этой проблемой. Тем не менее вынесение респондентами на первый план проблемы «прогрессирующей коррупции» — это тревожный знак. Соответственно, борьба с коррупцией как постоянная стратегия власти создает важный внутривластный источник ее моральной легитимности. Актуальная структура ценностей мировоззрения всех российских поколений обеспечивает поддержку такой политики.

Пустовойт Ю.А.
(Новосибирск, Новосибирский государственный университет,
Томский государственный университет)

ДИНАМИКА ВЛАСТИ В ГОРОДАХ СИБИРИ: ТРИГГЕРЫ, ЭТАПЫ И КОМПОНЕНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ АССАМБЛЯЖЕЙ

Наше исследование ставит своей целью объяснить различия в становлении и развитии структур власти в российских городах с 1991 по 2021 г. На примере сибирских городов мы покажем, чем вызваны различия протекания политических процессов, где при общей тенденции получения и удержания ключевых позиций за кандидатами, имеющими поддержку федерального центра и «партии власти», скорость отказа от локальной политической конкуренции и соблюдения нормативных стандартов электоральной борьбы зависит от совокупности факторов, выступающих как наложение двух групп триггеров. Первые обусловлены исторически сложившимся городским и пространственным, организационным и сетевым дизайном. Вторые — решениями, принятыми политическими акторами на государственном, местном и персональном уровне. В одних городах действующие коалиции власти сосредоточены вокруг конкретной персоны, и электоральный процесс содержит значительный объем искажений (аббераций) как в допуске к участию, так и в подсчете голосов (мы обозначили этот полюс как модель Гоббса), в других властные элиты конкурируют за влияние и в целом избирательный процесс идет без каких-либо серьезных искажений (модель Локка). Гипотезой исследования было предположение, что модель Гоббса возникает и стабилизируется при условии превышения ограничений, накладываемых внешними условиями над индивидуальными возможностями, противоположная модель (Локка), напротив, формируется при большем объеме индивидуальных возможностей над внешними ограничениями.

Онтология и логика нашего исследования задана современными подходами к урбанистике, где городское рассматривается как сложная система потоков и сетей, включающая в себя как человеческие, так и нечеловеческие элементы (Э. Амин и Н. Трифт), где мы опирались на теоретические положения теории ассамбляжей (конструкций, динамических отношений, существующих в виде автономных целостностей, состоящих из гетерогенных частей любой природы), предложенной американским философом М. Деландой.

На этой основе мы сформулировали понятие политико-административный ассамбляж, понимая под ним автономную целостность, состоящую из гетерогенных частей различной природы (людей, сетей, организаций, институтов, материальной инфраструктуры), способную оказывать властную координацию других ассамбляжей на основе легитимного определения приоритетов развития сообщества, выработки для него обязательных норм и контроля над соблюдением стандартов социального поведения. Политическое измерение ассамбляжа определяется его экспрессивной ролью, легитимностью, основанной на оценке электоратом значимости высказанных идей, лежащих в основе политической конкуренции. Административное измерение ассамбляжа, его материальная роль связана с соблюдением порядка в соответствии с регламентом. Эмпирическую базу работы составляют итоги и агитационный материал избирательных кампаний с 1991 по 2021 г. и анализ более 200 интервью участников политического процесса в рассматриваемый период.

В постсоветской России возникновение, стабилизация и развитие ассамбляжей происходили в ходе электоральной борьбы. На 2012 г. оценка состояний сибирских городов в рамках теории ассамбляжей: модель Локка: «4» — борьба местных элит при честном подсчете голосов (Томск, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Барнаул); «3» — персонификация, наличие явного лидера, при отсутствии аббераций (Омск, Чита, Абакан); модель Гоббса: «2» — непрозрачный подсчет, но открытая конкуренция политических субъектов (Горно-Алтайск, Улан-Уде); «1» (0;0) — персонифицированная абберация (города Кузбасса, Кызыл).

Наиболее значимым для стабилизации ассамбляжей выступает период с 1993–2000 гг. (лидерский этап). Тогда в условиях недостатка ресурсов в одних городах решение проблем было найдено через создание коалиций власти, связанных персональными договоренностями и включающих

в себя подконтрольные экономические предприятия, средства массовой информации и силовые (законные и незаконные) структуры, а в других акцент был сделан на выработку программ и нормативных актов, ориентированных на широкую социальную поддержку населения и регламентирование границ и объемов деятельности организаций различных типов, находящихся на городской территории. С начала нулевых комплекс решений, принятых на федеральном уровне, усиливал административную часть политико-административного ассамбляжа и снижал уровень политической конкуренции, гарантируя победу лояльным и корпоративным акторам (лоббистский этап), и далее с 2011 г. политические объединения в городе больше реализуют федеральную повестку (агентский этап). Вопрос, насколько централизованная иерархическая вертикаль власти, построенная на многочисленных ограничениях, способна решать локальные социальные и инфраструктурные проблемы, остается открытым.

Пустошинская О.С.
(Тюмень, ТюмГУ)

РОССИЙСКИЕ ГОРОДА В УСЛОВИЯХ РАСПАДА ЛИБЕРАЛЬНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: К ВОПРОСУ О ПЕРЕСМОТРЕ ПОДХОДОВ К ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Современная реорганизация международной среды вызывает необратимые масштабные изменения, в том числе касающиеся развития городов и их роли в мировой политике.

Приобретение данными субнациональными единицами статуса влиятельных игроков во многом было обусловлено процессами либеральной глобализации. Эти многомерные трансформации привели к значительному увеличению объемов международной торговли и инвестиций. Города как центры экономической и технологической активности стали важными узлами в глобальных цепочках поставок и местами генерирования интеллектуального продукта. С нарастанием трансграничной миграции, развитием средств массовой коммуникации произошло их превращение в уникальные пространства, где пересекаются различные культуры и традиции, происходит индуцирование импульсов для развертывания креативных индустрий. Кроме того, в качестве неотъемлемых элементов глобального интеракционного механизма города утвердились благодаря совместной деятельности в международных сетях и альянсах. Дополнительно реализации их претензии на получение определенной доли властного ресурса способствовал активизм местных сообществ, вовлеченных в общественные движения, выступающие за права человека, экологическую справедливость и социальное равенство.

На фоне текущего нарастания тенденций фрагментации и поляризации актуализируется проблема адаптации городов к иной нормальности. Российские города как важные элементы в мировой системе экономических и социальных связей испытывают на себе последствия наступивших сдвигов. С одной стороны, распад либерального порядка открывает новые возможности для экономического и иного сотрудничества с западными партнерами, такими как Китай, Индия, страны Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки. С другой — создаются риски изоляции и патовых ситуаций в политических, корпоративных, коммерческих, социальных коммуникациях.

Настоящее исследование призвано главным образом прояснить ключевой вопрос: какую стратегию в отношении ведения внешних дел определяют для себя российские города, когда прежний мир рушится?

На текущий момент прослеживается складывание нескольких сценариев.

Один из них — переход к замкнутому режиму. В обстоятельствах эскалирования напряженности в отношениях с Западом и беспрецедентного санкционного давления некоторые города выбирают путь отдаления от международной среды, сосредоточившись на поиске внутренних резервов и формировании условий для привлечения российских инвестиций. Положительный исход в данном случае заключается в интенсификации местного производства и потребления, разработке собственных решений и продуктов. Вместе с тем при подобном выборе высока вероятность достижения пределов роста, сокращения конкуренции, утраты части активов и квалифицированных кадров, ухудшения инфраструктуры. В перспективе это может вылиться в дефицит товаров и услуг, рост цен, снижение уровня жизни.

Альтернативой является экономическая интеграция с все больше заявляющими о себе, динамично развивающимися центрами силы, сконцентрированными в Азии и Африке, а также участие в международных организациях и усиление голоса на площадках, которые не зависят от американского и европейского влияния. Ожидаемые результаты предполагают появление новых торговых маршрутов, источников зарубежных инвестиций и технологий, а также наращивание культурных и гуманитарных обменов. В то же время существует опасность формирования зависимостей от экономик, капитала,

технологий обретенных партнеров. Речь также идет о возникновении конфликта идентичностей и ценностей, возрастании угроз экстремизма и терроризма в ходе расширения взаимодействия с нестабильными территориями.

Ряд городов выбирает наиболее гибкий, гибридный вариант, при котором ставка сделана на поддержание, насколько это возможно, обкатанной ранее коллаборации при параллельном выходе на контрагентов, принадлежащих к кластеру дружественных и нейтрально ориентированных государств. Уязвимость такого подхода состоит в следующем: появлении сложностей в коммуникациях с новыми партнерами из-за попыток сохранять отношения с их западными конкурентами, распылении внимания и ресурсов вследствие возникновения множественных направлений сотрудничества, слабой предсказуемости в сохранении ситуативных связей, программируемых на основе интереса и подверженных волатильности политической и экономической конъюнктуры.

Таким образом, российские города, поставленные в непростых условиях глобального раскола в положение выбора, вынуждены пересматривать стратегию взаимодействия с внешним миром. Реагируя на вызовы, они самоопределяются в логике инструментальной рациональности и высокой осмотрительности, соотнося собственный потенциал с шансами на успех в приобретении выгод (за вычетом издержек) от кооперации с иностранными акторами.

Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В.
(Москва, ИЭА РАН)

РОЛЬ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

В современной ситуации глобальных вызовов социально-политического и экономического характера возрастает актуальность поиска локальной идентичности для многих государств и макро-регионов на карте мира. В этой связи опыт обращения Российской Федерации к 17 традиционным ценностям российского общества (Указ Президента РФ № 809) становится квинтэссенцией поиска цивилизационной социокультурной модели общественного развития.

Обращение к женской социальной и исторической памяти — один из примеров сохранения традиционных ценностей, их популяризации через культурные институты, а также закрепления в сознании новых поколений россиян важности миссии передачи опыта, традиций и всего того комплекса факторов, который укладывается в понятие семейного наследия.

Проект «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» поддержан в 2024 г. Российским научным фондом. Проект направлен на изучение женской семейной памяти, особенностей ее нарративного и визуального воплощения, изменений ее форм на протяжении трех столетий. Тема трансмиссии семейного и социального опыта поколений имеет ключевое значение для сохранения национального самосознания и упрочения константных начал, скрепляющих российский социальный механизм. Она междисциплинарна и интегративна, стоит на стыке женской, повседневной, новой социальной истории, исторической и культурной антропологии, микроистории, эмоциологии. Актуальность исследования определяется особым вниманием в современном российском обществе к вопросам национального прошлого и памяти о нем. Темы эти имеют имманентную связь с памятью семейной. Инициированные правительством социальные программы, научные и общественные конкурсы, имеющие целью сохранение знаний о прошлом, рассматриваются как значимые составляющие коллективных усилий по конкретизации национальной идеи, как способ укрепления гражданской идентичности, глубинного патриотизма. Женская часть населения (согласно опросу ФНИСЦ РАН) воспринимается современным обществом как блюстительница семейной памяти, транслятор культурных ценностей; обеспечивающая сохранность воспоминаний о родных и близких, семейных историй как кирпичиков общей истории страны. Изучение женской семейной памяти позволит обоснованно говорить о существовавших противоречиях между семейной и демографической политиками.

Особенности женской семейной памяти слабо изучены, вопрос о ее несводимости к памяти, сохраненной мужчинами с их иной аксиосферой, вообще никогда не ставился. Поэтому фундаментальная цель проекта — выявление на основании новых архивных материалов, предметов материальной культуры, «устных историй», кино- и фотодокументов, при помощи актуальных подходов и методов анализа — исторического содержания, функционального назначения и динамики трансформаций

* Выполнено в рамках проекта РНФ 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».

женской семейной памяти в России XVIII–XXI вв., ее роли в скреплении триединства, дающего устойчивость семье, нации и государству.

Проект призван внести ощутимый вклад в развитие молодого направления отечественного гуманитарного знания — историко-антропологического изучения русской семейной коммеморации как структурообразующего элемента устойчивости межпоколенных взаимодействий и передачи символического культурного капитала.

Исследование женской семейной памяти в сложные исторические периоды, на разломах эпох позволяет точнее и глубже понять способы индивидуальной и коллективной адаптации, выживания семейных и иных общностей в кризисные времена, найти рецепты позитивных социальных практик и выявить механизмы устойчивости межпоколенных связей, в том числе и передачи культурного капитала для сохранения и манифестации нашей национально-культурной идентичности.

Пэн Мэня
(Москва, РУДН)

РИСКИ УЯЗВИМОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ БЕЗОПАСНОСТЬЮ

Мы живем в эпоху взаимозависимости. С расширением глобализации, вызванной развитием революции в области информационных технологий, международное сообщество становится все более взаимозависимым. По мере углубления взаимозависимости ряд проблем глобальной безопасности, таких как военные конфликты, споры о национальном суверенитете и территории, кибербезопасность, энергетическая безопасность и так далее, требуют скоординированных действий со стороны международного сообщества, а правила и управление одной страны уже не соответствуют актуальным потребностям в безопасности, так что глобальное управление безопасностью, выходящее за рамки национальных границ, стало неизбежным. Однако в современном мире неопределенность усилилась, условия безопасности ухудшились, а вызовы для глобального управления растут. В частности, переплетение традиционных и нетрадиционных угрозы безопасности привело к обострению и обобщению проблем безопасности и увеличило риск уязвимости глобального управления безопасностью. Для укрепления глобального управления безопасностью анализ рисков уязвимости является одним из главных приоритетов.

Кеохейн Роберт и Джозеф Най отметили, что уязвимость может быть определена как ответственность субъекта за понесение издержек, связанных с внешними событиями, даже после изменения политики. Согласно этой концепции, риск уязвимости в сфере глобальной безопасности означает возможность того, что в контексте взаимозависимой глобальной системы безопасности меры и политики, принимаемые государствами в ответ на риски безопасности, могут вызвать новые риски или усугубить существующие.

Взросший риск уязвимости в управлении глобальной безопасностью сегодня отражается главным образом в обострении и обобщении проблем безопасности. Переплетение традиционных и нетрадиционных угроз безопасности усложняет глобальное управление безопасностью и приводит к обострению и обобщению проблем безопасности. Обострение проблем безопасности в основном выражается в том, что традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности подталкивают друг друга и усугубляют риски безопасности. Например, климатические изменения в виде экстремальной жары в Европе и засухи в Индии, продолжающаяся пандемия COVID-19, последствия санкций и издержки военного конфликта ведут к глобальному продовольственному кризису. Обобщение вопросов безопасности состоит во взаимопроникновении традиционных и нетрадиционных угроз безопасности, к примеру, кибербезопасность все чаще рассматривается как неотъемлемая часть традиционной безопасности. Политические меры, принимаемые государством в рамках обобщения национальной безопасности, могут ограничивать осуществление законных прав других государств, обострять межгосударственную конфронтацию и дестабилизировать международное сотрудничество и порядок. США ввели серьезные ограничения в отношении китайской компании *Huawei*. США обосновывают свои действия по отношению к компании *Huawei* опасениями относительно потенциальной угрозы для национальной безопасности, так как компания *Huawei* под подозрением в связях с китайским правительством и возможным использованием своего оборудования для шпионажа или кибератак. Однако такие обобщенные политики национальной безопасности ограничивают законные права других стран. Такие ограничения не только наносят ущерб коммерческим интересам *Huawei*, но и негативно влияют на цепочки поставок коммуникационного оборудования в другие страны и развитие цифровой инфраструктуры. Кроме того, политика США усугубляет конфронтацию и напряженность в отношениях между Китаем и США.

Для снижения риска уязвимости глобального управления безопасностью страны должны, во-первых, укреплять международное сотрудничество, во-вторых, придерживаться принципа неделимости безопасности и интегрированного управления традиционными и нетрадиционными угрозами безопасности, при этом необходимо укреплять потенциал отдельных государств и международных организаций для более эффективного реагирования на вызовы, чтобы повысить чувствительность и уязвимость глобального управления безопасностью, а также поощрять державы поддержать принцип стратегической сдержанности, избегая решения проблем путем усиления конкуренции и конфликта, и вместо этого поощряя диалог и сотрудничество между крупными державами как средство снижения риска уязвимости, возникающего в результате конкуренции крупных держав.

ФАКТОР ФАШИЗАЦИИ ЗАПАДНЫХ СТРАН В ИХ СТРЕМЛЕНИИ К СОХРАНЕНИЮ СВОЕЙ ГЕГЕМОНИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОТ МАРГИНАЛЬНОСТИ К ДИКТАТУ

Разгром фашистской Германии и освобождение поработанных фашизмом народов, уничтожение жестокого расистского, нацистского режима и ликвидация антигуманных, реакционных политических режимов сателлитов Германии, осуждение теории и практики нацизма на Нюрнбергском процессе и признание того, что преступления фашистов во время войны были не только военным преступлением, но и преступлением против мира и человечности, давали надежду всему человечеству на недопустимость возврата к идеям и практике фашизма.

Однако даже после осуждения «вожачков» немецкого народа провести денацификацию Германии не удалось: процесс был формальным и быстро закончившимся. Далеко не все факты кровавого шовинизма, средневекового варварства и необузданной агрессии в отношении России и русских людей были осуждены в Нюрнберге. Остались вне возмездия целые группы нацистских преступников, бандеровцев, власовцев, лесных братьев. Отсутствие исторической (коллективной) памяти о реальных событиях войны, циничное ее искажение «цивилизованным» миром, размытость определения фашизма и фактическое нежелание выработки согласованного его определения, приход в сферу политики поколения людей, сформированных под влиянием массовой пропаганды, привел к постепенному возрождению в западных странах фашистских идей и даже их практическому воплощению.

Термин «фашизм» используется, но смысл его стал другим: фашистами стали клеймить сегодня настолько широкий круг политических организаций и их лидеров, что европейский обыватель перестал осознавать, что же, в сущности, представляет собой фашизм, каковы его реальные истоки и то, насколько близка опасность его возрождения. Вытесняются сущностные характеристики фашизма и выпячиваются его поверхностные, ситуационные черты. При этом в современном обществе опасность фашизма надвигается с двух сторон. С одной — это использование ультраправыми недовольства насаждением леволиберальной идеологии и ухудшением экономического положения в результате затяжного кризиса. С другой — это воинствующий либерализм, который все больше стал приобретать признаки тоталитаризма.

В современных условиях сохраняются те же генетические корни, которые породили радикальный человеконенавистнический фашизм в XX в.: убеждение в антропологическом превосходстве своей группы. Вспомним рассуждения Ж. Борреля: «Европа — это сад ...наилучшая из когда-либо созданных человеком комбинаций политической свободы, экономического процветания и социального сплочения... Остальной мир, большая часть других стран мира — это джунгли. А джунгли могут совершить вторжение в сад».

Истоки процесса новой фашизации коренятся в самой идее глобального миропорядка, устроенного по лекалам США и западных стран, не допускающим иных подходов, устанавливающим господство над мировым большинством транснациональных кланов на основе их самоощущения как хозяев по призванию, избранной расы, высшей по отношению к остальным.

Идеология нового фашизма не признает моральных и правовых ограничений, не допускает каких-либо ограничений для их достижения, критику или протесты подавляются запугиванием любых социальных групп, насилием. Если правовые нормы противоречат ему, то исправляются сами нормы (или истолковываются «должным» образом).

Негативные социальные явления на Украине, в Латвии, Литве, Эстонии в постсоветское время свидетельствуют о насаждении в них процессов фашизации: этнические меньшинства здесь лишены прав на пользование собственным языком; разрушается этническая идентичность через ограничение свободы веры, мысли, слова, исторической памяти; массово уничтожаются материальные объекты этнической культуры, включая памятники советским воинам-борцам с фашизмом, оскверняются захоронения этим воинам; людей лишают гражданства и базовых политических прав; проводятся внесудебные расправы и институциональное преследование активистов этнических меньшинств. В последнее время эти явления распространились практически во всех странах Европы.

Адепты нынешнего фашизма используют те же практики, которые применялись в прошлом веке: законодательное ограничение прав и ограбления этнических меньшинств и всех, кто находится в оппозиции; штурмовые отряды для осуществления террора; символы, лозунги, галерею героев и «сакральные» тексты. С 1 января 2016 г. в Германии официально разрешено издавать «*Mein Kampf*», идеи нацизма распространяются среди молодежи, видео с речами Гитлера, переведенное с помощью искусственного интеллекта, распространяется в каналах *TikTok*.

Русофобия — одна из форм современного неонацизма и фашизма.

Вывод, сделанный МИД в докладе 2024 г. «О ситуации с героизацией нацизма...» верен: история повторяется, разработанные в нацистской Германии и милитаристской Японии шаблоны находят в наши дни применение в ряде государств, власти которых не только прославляют идеи нацизма, но и с особым рвением воплощают их в жизнь.

Ракитянский Н.М.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА ИМПРИНТИНГ В МЕНТАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исторический путь любой цивилизации отмечен рядом импринтных событий, процессов и деятельностью выдающихся представителей политики, культуры, науки и религии, которые оказывали решающее влияние на формирование национального менталитета как властных элит, так и общества в целом. Так, например, импринтными событиями стало крещение Руси в 988 г., Куликовская битва 8 сентября 1380 г. и освобождение от монгольского ига в 1480 г. Конечно, этими эпохальными эпизодами их перечисление не ограничивается. Каждому судьбоносному этапу истории Государства Российского отвечает свой импринт, связанный с именами великих людей, — князей Владимира, Александра Невского, преподобного Сергия Радонежского, Ивана IV Грозного, Петра Великого, М.В. Ломоносова, Екатерины II, генералиссимуса А.В. Суворова, Св. Серафима Саровского, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, Св. Иоанна Кронштадтского, П.И. Чайковского, философов Вл. Соловьева и Н.А. Бердяева, В.И. Ленина, маршала Г.К. Жукова, И.В. Сталина, Ю.А. Гагарина. Всех не счесть.

Импринтинг представляет собой запечатление в памяти таких событий и их образов, норм поведения и деятельности, которые транслируют во времени опыт восприятия и переживания ценностей, идеалов и достижений, касающихся глубинных оснований духовной культуры народа. Импринтинг, изучение которого начинал К. Лоренц (1903–1989), играет еще не оцененную средствами современной науки роль в формировании устойчивых основ духовной и политической жизни народа, их понимания и усвоения. Под воздействием импринтинга формируется система идентичностей как ядро национального менталитета.

Механизм импринтинга еще с времен культур древности сам по себе использовался в качестве средства императивной передачи новым поколениям нравственных ценностей, социальных норм и религиозных убеждений. Сегодня, несмотря на существенные этнические, культурные и религиозные различия между регионами России, сознание и воля большинства граждан «спаяны» общими ментально-политическими ценностями и догматическими установками, уходящими корнями в прошлое.

Импринтинг как функциональный элемент априорного мышления по существу является специфическим проявлением суггестии (внушения) (Задорожнюк И.Е., 2021; Ярославцева Е.И., 2021), которая была и остается одной из психологических доминант экспансии человеческих культур по территории планеты (Поршнева Б.Ф., 2007). Доминанта как форма причинности держит в своей власти пространство душевной жизни человека. Раз возникнув, она продолжает латентно жить в системе и может в отдаленном будущем вступить в борьбу за первенство и победить. Из следов протекшего, по словам академика А.А. Ухтомского (2019), вырастают доминанты и побуждения настоящего для того, чтобы предопределить будущее.

Интересно, что, по мнению Б.Ф. Поршнева (1971), изучавшего феномен суггестии, она может иметь непреодолимый или даже «роковой» характер. Как отмечает Р.А. Уилсон (2005), импринты формируются непредсказуемо в критические периоды, называемые моментами импринтной уязвимости, когда человек или общность людей не могут уяснить себе как позитивные, так негативные установки, формируемые извне. Уникальная роль импринтинга в познании реальности заключается в том, что он встраивается в опыт и «форматирует» его. В современной действительности целенаправленное импринтирование квазиреальности, будь то в рекламных или пропагандистских целях, навязывает массовому сознанию чуждые ему образы, представления, эмоции и чувства, установки мышления (Агеев А.И., 2017).

Концепт импринтинга соотносится с теоретической моделью политологов R.B. Collier и D. Collier (1991), в рамках которой в историческом процессе они выделяют так называемые *critical junctures* — «критические моменты», которые позволяют выявить в летописи той или иной страны узловые этапы, кардинально повлиявшие на ее развитие, определившие традиции и особенности деятельности ее правящего класса. Концепт «критический момент» как методологический инструмент широко используется в политической науке. По мнению его авторов, именно в критический момент предшествующие условия допускают «случайный», неосознанный выбор, задающий конкретную траекторию движения, которую трудно повернуть вспять.

Обращаясь к критическим этапам истории цивилизаций, мы выявляем их основания, осознаем причины, значения и смыслы последующих социальных и политических преобразований. У каждого народа свои импринтные события и выдающиеся личности с импринтным потенциалом. В этой связи в исследованиях национальных политических менталитетов представляется весьма актуальным содержательное и функциональное раскрытие феномена импринтинга-суггестии, о котором уже сейчас можем сказать, что основными его факторами являются значимые события, великие деятели культуры и выдающиеся правители.

Ранджбар М.Д.
(Москва, РУДН)

САНКЦИИ КАК КАТАЛИЗАТОР СМЕНЫ АЛЬЯНСОВ: РОЛЬ ИРАНА И РОССИИ В ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ДИПЛОМАТИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Санкции, введенные западными державами, существенно влияют на международную дипломатию, особенно в отношении Ирана и России. Эти санкции, направленные в первую очередь на ослабление их экономик, также способствуют созданию новых союзов и стратегий. В исследовании подчеркивается роль санкций в развитии более тесных дипломатических и стратегических связей между Ираном и Россией, влияющих на их внутреннюю политику и внешние отношения, особенно в области энергетики, обороны и многостороннего сотрудничества.

1. Ответ Ирана на санкции: Дипломатия и сопротивление

Исторически Иран подвергался различным международным санкциям, особенно в связи с его ядерной программой. Совместный всеобъемлющий план действий (ЖСРОА) 2015 года, согласованный при президенте Хасане Рухани, стал поворотным моментом в дипломатических усилиях Ирана по снижению санкционного давления. Несмотря на первоначальный успех в снятии некоторых санкций, после выхода США из соглашения в 2018 году при президенте Трампе санкции были введены вновь, что привело к серьезному экономическому спаду в Иране. Иранская «экономика сопротивления» направлена на снижение зависимости от нефти и увеличение внутреннего производства, несмотря на санкции, ограничивающие торговлю с западными странами и способствующие повороту к восточным державам, таким как Россия и Китай.

Сближение Ирана с Россией усилилось в сфере энергетического сотрудничества и региональной безопасности, поскольку обе страны разделяют общие интересы. Членство Ирана в ШОС и БРИКС соответствует его стратегическому повороту на Восток, направленному на обход западных санкций, получение военной и технологической поддержки и противодействие гегемонии США.

2. Дипломатическая стратегия России: Отказ и адаптация

Россия, как и Иран, также стала объектом санкций Запада, особенно после ситуации в Крыму в 2014 году и конфликта в Украине в 2022 году. Эти санкции, первоначально направленные против российских частных лиц и компаний, с тех пор распространились на целые сектора российской экономики, включая банковский, энергетический и оборонный. Российское правительство отреагировало на эти санкции двумя способами: диверсификацией своих экономических партнерств и развитием альтернативных финансовых систем.

Одной из ключевых стратегий России стал поворот в сторону Китая: были подписаны энергетические контракты, направленные на перенаправление экспорта нефти и газа из Европы в Азию. Кроме того, Россия заключила двусторонние соглашения с другими незападными странами, включая Индию, Турцию и Иран, чтобы вести торговлю в местных валютах и уменьшить зависимость от доллара США и евро.

3. Сотрудничество Ирана и России: Реакция на общее санкционное давление

Отношения между Ираном и Россией, традиционно характеризующиеся осторожным сотрудничеством, значительно углубились в результате совместного санкционного давления. Обе страны находят общий язык, выступая против вмешательства Запада на Ближнем Востоке и защищая свой суверенитет от предполагаемой западной агрессии. Сотрудничество в области энергетики стало краеугольным камнем их отношений. Россия, обладающая огромными энергетическими ресурсами, сыграла ключевую роль в поддержке энергетического сектора Ирана, особенно после того, как американские санкции ограничили возможности Ирана по продаже нефти на международных рынках.

Две страны также координируют свои дипломатические усилия через многосторонние платформы, такие как ШОС и БРИКС, чтобы создать единый фронт против американских санкций.

В военной сфере обе страны извлекли выгоду из стратегического сотрудничества. Их сотрудничество также включает обмен разведанными и совместные военные учения, что еще больше укрепляет их партнерство.

Санкции, введенные против Ирана и России, парадоксальным образом укрепили их дипломатические, экономические и военные связи, создав новые альянсы и стратегии в ответ на давление Запада. Хотя эти санкции были направлены на изоляцию обеих стран, вместо этого они послужили катализатором для пересмотра их дипломатических подходов. Углубление сотрудничества между Ираном и Россией является символом более широкого сдвига в сторону многополярного мирового порядка, в котором незападные державы стремятся уравновесить влияние США и Европы.

Альянс Ирана и России, хотя и не без проблем, демонстрирует адаптивность государств, попавших под санкции, в поиске альтернативных партнеров и создании новых дипломатических и экономических рамок. Поскольку обе страны продолжают сталкиваться с санкциями, их партнерство, вероятно, будет развиваться и дальше, оказывая влияние на динамику международных отношений в ближайшие десятилетия. Их сотрудничество подчеркивает непредвиденные последствия санкций, показывая, что, оказавшись в изоляции, государства могут повернуться друг к другу, изменяя при этом глобальный дипломатический ландшафт.

*Растимешина Т.В.
(Москва, РГСУ)*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ИНСТРУМЕНТ ИЛИ НОВЫЙ ВЫЗОВ ДЕМОКРАТИИ?

После окончания холодной войны многие теоретики, вдохновленные Ф. Фукуямы, надеялись на то, что мы станем свидетелями «конца истории» — достижения конечной точки социального и политического развития мира — точки торжества демократии.

Технооптимизм, глубоко укорененный в политической культуре «новых стран» (и значительно менее распространенный в странах весминстерского дизайна), был одним из эмоциональных и методологических оснований для того, чтобы считать информатизацию, а затем цифровизацию агентом демократизации. Для этого были некоторые основания: в странах постиндустриальных демократий «аналоговые» (традиционные) политические инструменты постепенно замещались цифровыми, открывая новые возможности для политического участия и способствуя институционализации нетрадиционных форм политической активности. На заре цифровизации могло казаться, что ее важными социальными эффектами является расширение доступности и снижение себестоимости политического участия для депривированных (за счет физических ограничений, создаваемых традиционными формами участия) категорий граждан.

В то же время цифровизация довольно быстро стала проявлять себя как самостоятельная тенденция, проникая в сферу не только политической активности, но и в сферу управления социальными и политическими процессами.

Вопрос релевантности цифровизации ценностям и идеям демократии в настоящее время приобретает новую остроту:

Во-первых, внутренняя противоречивость демократизации все активнее обсуждается в терминах концепции «цифровой колонизации»: интеллектуальная элита ряда постколониальных стран обеспокоена цифровой экспансией со стороны бывших метрополий.

Во-вторых, проникновение цифровых технологий в институты и процедуры демократии делает их уязвимыми по отношению к новым угрозам и рискам. В частности, социальные сети и мессенджеры стали каналами распространения и пропаганды антигуманистических радикальных идей и инструментами нового витка холодных войн — войн информационных и гибридных (включающих в себя значительную цифровую компоненту).

Демократия как идеология, политический режим и дизайн горизонтальных и вертикальных политических коммуникаций в условиях цифровизации уязвим для «цифровой эрозии», поскольку «оцифрованные» политические процессы и процедуры оказываются открыты для недостоверной информации и дезинформации, утечки сведений и данных. Это, в свою очередь, создает возможности для контрагентов, недружественных или враждебных по отношению к стране, режиму, демократической институции оказывать деструктивное влияние на процессы их функционирования и развития. Цифровые технологии обеспечивают своего рода технологическую завесу для вмешательства в политику «темных сил».

Новыми проблемами, с которыми сталкивается демократия при оцифровке процедур и процессов, является подверженность цифрового контента искажению через: взломы баз данных и скриптов, утечки, троллинг и пр. Самой страшной угрозой является дезинформация (в виде рефрейминга, фейков и др.).

Дезинформация страшна, поскольку угрожает не отдельным процедурам и институтам, но легитимности всей демократической системы, поскольку: затрудняет возможность свободного электорального выбора; создает или усиливает недоверие к контенту, исходящему от институтов политического управления; способствует формированию социокультурного пространства «постправды» («мы всего не знаем...»). Горизонтальная политическая коммуникация (способность к поиску компромисса и соблюдению договоренностями) между участниками политических процессов также разрушается недоверием к каналам, а затем и к участникам коммуникации. Сети не укрепляются, а истончаются. Все это в конечном итоге приводит к тому, что естественное стремление граждан и коллективов к политическому участию и принятию электоральных решений подвергается эрозии: разрастаются неверие, апатия, нигилизм, абстиненция. В конечном итоге коллективная вера в демократию как систему ценностей разрушается.

Синергия отрицательных эффектов влияния цифровизации на демократические процедуры может снизить доверие граждан (имеющее как рациональную, так и эмоциональную природу) к ключевым демократическим институтам и процедурам, таким как выборы.

Складывается парадокс: цифровизация демократических процедур может способствовать политической инклюзии, партиципации и кооптации, однако институциональное тело демократии и его важнейшие органы оказываются открыты новым видам угроз. При этом демократия может быть атакована не только с технологических (как совокупность технологий и процедур), но и с идеологических (как режим свободного, открытого, ономастичного — не анонимного — обращения идей, мнений, волеизъявления) позиций.

*Растольцев С.В.
(Москва, ИМЭМО РАН)*

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ЮЖНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ НОРМАЛИЗАЦИИ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Южный Кавказ является одним из важных субрегионов в Евразии, где пересекаются интересы разных центров силы и располагаются значимые транспортные маршруты. Это открывает большой потенциал для развития многосторонних инфраструктурных проектов. Однако этот регион остается пространством повышенной военно-политической напряженности, где много споров не урегулированы, что препятствует развитию международных связей. Одной из горячих точек на протяжении всей современной постсоветской истории региона оставался Нагорный Карабах, который был центральной фигурой в противостоянии Армении и Азербайджана. Из-за этого кровопролитного затяжного конфликта несколько десятилетий многие ранее существовавшие транспортные пути в регионе были закрыты и заблокированы.

Вторая и третья карабахская война в 2020 и 2023 гг., в ходе которых Азербайджан вернул контроль над Нагорным Карабахом и окружавшим его районами и полностью восстановил свою территориальную целостность, а Армении пришлось отступить, привели к существенному реформатированию статус-кво и приблизили возможность подписания мирного соглашения в обозримом будущем. Одним из ключевых пунктов совместной трехсторонней декларации глав России, Армении и Азербайджана по итогам переговоров в конце 2020 г. стало разблокирование экономических и транспортных связей в регионе. На этом фоне появилось сразу несколько амбициозных внутренних и международных проектов, направленных на развитие транзитного потенциала региона.

Восстановление транспортных путей имеет разное значение для развития связей на разных пространственных уровнях — двустороннем (армяно-азербайджанским), Кавказа и в более широком международном контексте на уровне евразийского континента. Для сторон конфликта — Азербайджана и Армении — разблокировка коммуникаций имеет очень важное значение и может дать серьезный импульс экономическому развитию. Однако на данный момент есть существенный разрыв между теорией и практикой реализации этих задач в Азербайджане и в Армении. Сохраняющаяся напряженность в отношениях затрудняет их выполнение и повышает риски в сфере безопасности, что препятствует развитию экономических связей и проектов. Этому свидетельствует недавнее решение сторон конфликта исключить пункт о развитии транспортных коммуникаций, в частности, Зангезурского коридора, из проекта мирного соглашения. Этот вопрос вызывал большое количество споров начиная с 2020 г. и из-за принципиально жесткой позиции разных сторон провоцировал дополнительное напряжение на двустороннем уровне.

На уровне Кавказа в целом восстановление транспортных путей вокруг Карабаха имеет чуть менее значимое значение. Несмотря на то, что из-за затяжных конфликтов часть путей в регионе оказались

заблокированы, за три десятилетия с момента распада СССР страны перестроили свои транспортные коммуникации с учетом сложившихся обстоятельств. Разблокировка старых и открытие новых коммуникаций как элемент постконфликтного восстановления потенциально более удобные и быстрые пути доставки, но для этого нужно, чтобы была обеспечена безопасность и стабильность на остающихся конфликтными границах, плюс сама перестройка маршрутов займет немалое время.

В более широком международном контексте восстановление коммуникаций, прерванных карабахской войной, является лишь одной из многочисленных альтернатив хабов между Европой и Азией и для того, чтобы она стала приоритетной, необходимы значительные инвестиции в обеспечение безопасности и развитие инфраструктуры.

В перспективе успешное урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе и реализация проектов восстановления и развития транспортной инфраструктуры в регионе будет иметь целый ряд долгосрочных позитивных последствий для Кавказа и Евразии в разных сферах. В политическом пространстве это станет показателем зрелости и мудрости конфликтующих сторон в решении давнего и сложного затяжного конфликта и нормализации отношений, послужит важным примером снижения напряженности для всего Кавказа и сопредельных регионов, которые отличаются повышенной конфликтностью, способствует укреплению связей со странами СНГ и странами ближнего и дальнего зарубежья. С точки зрения логистического пространства это поможет создать новые и быстрые маршруты в рамках международных транспортных коридоров. В экономическом пространстве это способствует выходу Армении из торговой блокады, преодолению международной изоляции России, экономическому развитию, интеграции экономик стран региона, отличающихся разными типами, и расширению трансграничной торговли.

В целом развитие Нагорного Карабаха и Южного Кавказа как нового транспортного и логистического хаба требует последовательной и системной работы, которую не просто проводить в нынешние турбулентные времена. Сложная мозаика разных пространств и интересов, пересекающихся на Южном Кавказе как одном из евразийских субрегионов, отражает его противоречивость и многомерность.

Расторгуев С.В.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ТРАНСЛЯЦИЯ ДИСКУРСА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КУРСЕ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»: АКЦЕНТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

С целью изучения дискурса традиционных ценностей с помощью метода дискурс-анализа по версии Э. Лакло — Ш. Муфф было исследовано учебное пособие «Основы российской государственности» под редакцией С.В. Перевезенцева (Москва, Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023 г. — 550 с.). На первом этапе были маркированы основные идеи минимальной счетной единицы — абзацев (836); на втором этапе были выделены абзацы, содержащие эксплицитные и имплицитные оценочные суждения (254 суждения); на третьем этапе оценочные суждения классифицированы на позитивные (146) и негативные (109) в соответствии с доминирующим дискурсом власти (поддержка политической системы современной России и СВО); на основе выделения узловых точек построены «цепочки эквивалентности» в соответствии с логикой дифференциации и логикой эквивалентности.

В результате проведенного исследования были получены следующие выводы:

- основной акцент сделан на концепте «традиционные ценности», которые позиционируются как фундамент российского государства-цивилизации, модернизационные программы большевиков и реформаторов 1990-х. гг. рассматриваются как изначально противоречащие культурно-историческому коду России;
- акцентированы ценности патриотизма, духовности, мирного сосуществования народов, семьи; в связи с этим узловыми точками, выстраивающими вокруг себя цепочки эквивалентности, являются: «этничность», «патриотизм», «религия», «семья»;
- в качестве основных конфликтов современности выделяются противоборства патриотизма и глобализма, духовных и материальных ценностей, гражданской нации и националистического сепаратизма, традиционной семьи и нетрадиционной семьи;
- суверенитет России основан на силе государства как центрального политического института, основным оппонентом исторически выступает коллективный Запад;
- акцентируется важность для России сильной вертикали власти, поддерживающей справедливость, безопасность, экономическое и культурное развитие многонационального и многоконфессионального народа России с учетом масштаба территории и враждебного внешнего давления;

- концепты «демократия» и «либерализм» позиционируются крайне негативно, как типы политического режима и идеологии искусственно экспортируемых в не западные страны для лишения их суверенитета и без учета культурно-исторических традиций;
- Россия представлена в качестве самостоятельной цивилизации, которая характеризуется многонациональностью, поликонфессиональностью, размером территории, климатом, уникальной культурой, отсутствием эксплуатации центром периферии, находящейся на стыке Европы и Азии;
- акцентируются религиозные ценности как основа духовности и базис российского общества, особо подчеркивается роль православия. С точки зрения историко-культурной рамки данный акцент выглядит логично, однако он входит в противоречие с достаточно нейтральным отношением молодежи к религии и церкви;
- среди проблем социализации молодежи акцентируются: трансформация института семьи под влиянием второго демографического перехода и пропаганды нетрадиционных ценностей, сложности формирования национально-государственной идентичности в связи с поликонфессиональностью общества и распространением западных ценностей модерна, угрозы трудовой этике в связи с распространением культуры гедонизма;
- наиболее благоприятные оценки получили исторические периоды X–XIX вв. и 2000–2024 гг. Вопреки провозглашенной идее преемственности отечественной истории и преемственности поколений крайне негативно представлены события 1917–2000 гг. (кроме периода Великой Отечественной войны).

В итоге можно сделать вывод о том, что в целом учебное пособие «Основы российской государственности» под редакцией С.В. Перевезенцева транслирует доминирующий властный дискурс в отношении традиционных ценностей. Одновременно отдельные акценты транслируются без достаточного учета ценностных предпочтений современной российской молодежи, что неизбежно вызовет трудности в процессе обучения и воспитания.

Рафиков А.И.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА*

Доклад представляет собой попытку представления возможностей, а также потенциала применения критического дискурс-анализа (далее — КДА) при анализе ценностного поля российской молодежи. Исследовательская традиция КДА представлена в работах Н. Фэркло, Р. Водак и Т. ван Дейка, а также ряда других авторов. В наиболее краткой форме дискурс можно представить как текст в контексте (Т. ван Дейк).

Согласно одной из ключевых методологических посылок КДА, дискурс является формой социальной практики, представляющей собой взаимосвязь, с одной стороны, дискурсивного события (примера использования языка) и, с другой стороны — института (или ситуации), в рамках которого этот дискурс воспроизводится. Обе стороны влияют друг на друга взаимно: конкретная ситуация или институт формируют дискурс, но и дискурс влияет на институт (ситуацию).

Рассмотрим феномен политических ценностей российской молодежи как особое дискурсивное пространство (в котором эти ценности формулируются определенным образом), как дискурс (социальную практику). С одной стороны, эти политические ценности формируются посредством различных институциональных практик: молодежь взаимодействует с общественно-политическими институтами и акторами, испытывая на себе их влияние, посредством чего происходит формирование и усвоение политических ценностей. С другой — молодежь также оказывает влияние на институты (и сложившиеся в их рамках практики), подвергая трансформации сложившиеся «правила игры». Политические ценности таким образом являются как конструируемым (институтами), так и конструирующим (молодежью) феноменом.

Приведем пример исследования, раскрывающего потенциал применения критического дискурс-анализа при исследовании способов формирования политических ценностей. С точки зрения конструирования политических ценностей (институтами) представляется важным исследование, проведенное И.В. Самаркиной и Д.П. Колозовым. С помощью методологии КДА (в исследовательской традиции Н. Фэркло) авторы выявили и описали ценностное ядро консолидации российского общества (осно-

* Исследование выполнено в ИНИОН РАН при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта № 1024030200055-0 «Государственно-гражданская идентичность российской молодежи в онлайн-пространстве: особенности формирования, политический потенциал, перспективы управленческого воздействия» (гос. номер 124101700566-5).

вываясь на 23 выступлениях Президента РФ). Процесс консолидации (будучи выраженным в дискурсе Президента как политическая ценность) описывается через ряд символических образов, связанных с историей страны и конкретными личностями (Александр Невский, Минин и Пожарский, А. Суворов); подчеркивается важность реализации государственной политики, направленной на защиту прав детей и молодежи; актуализируется патриотическое воспитание; происходит побуждение молодежи к изучению традиций и истории страны. И.В. Самаркиной и Д.П. Колозовым выделяются такие ценностные основания консолидации (транслируемые в дискурсе Президента РФ), как воля народа, историческая правота, защита национальных интересов и суверенитета. Президент РФ таким образом (являясь воплощением института президентства) оказывает влияние на политические ценности молодежи (формируя, в данном случае, ценность консолидации).

Говоря о теоретико-методологическом опыте, накопленном в исследовательской традиции критического дискурс-анализа, обратимся еще раз к Н. Фэркло: он полагает, что для понимания степени и последствий взаимного влияния дискурса и институтов друг на друга необходимо привлекать различные объяснительные теории (социальные, культурологические), отображающие специфику и тренды той сферы, в рамках которой существует анализируемый дискурс. Применительно к нашей проблематике, для объяснения тех вариантов, в рамках которых происходит влияние политических ценностей молодежи на функционирование институтов (государство, СМИ, блогосфера и лидеры мнений), можно воспользоваться концептом сегментации, в соответствии с которым для обеспечения целенаправленного использования коммуникации источником необходимо сегментировать избирателей на группы, основываясь на ряде критериев (социально-демографическом, политическом и т.д.). Отправляемые источником сообщения должны при этом соответствовать интересам и ценностям целевых групп. В том случае, если транслируемые смыслы все же входят в противоречие с ценностями аудитории, это может привести к коммуникационным разрывам.

Рашковский Е.Б.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ПОЛИТОЛОГИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ: ДВЕ ОБЛАСТИ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ)

Полагаю, что к настоящему времени исчерпали себя (и теоретически, и политически) две господствовавшие у нас абсолютистские парадигмы толкования истории.

— Абсолютизированная теория общественно-экономических формаций, которая сводила все богатство и полноту исторической и политической жизни к «экономическому базису», «классовой борьбе» и «противоборству двух систем». Однако ценностью «формационной» теории был ее акцент на стадийном характере всеобщей истории.

— Возобладавшая на Руси последних десятилетий абсолютистская «цивилизационная» теория также выявила свою научную несостоятельность, равно как и опасность в области практической политики. Как указывали лучшие среди российских ученых (Л.Б. Алаев, С.А. Арутюнов, А.А. Красиков), сторонники этой теории *willy-nilly* смешивали социокультурный концепт цивилизации со скоропелыми геополитическими представлениями. И что недооценивали местные «хантингтоны»: серьезные и знающие мастера цивилизационных исследований (таково — при всех его догматических передержках — наследие А.Дж. Тойнби) настаивают не только на структурном своеобразии конкретных человеческих общностей, но и на непрерывности их духовных связей и силе их внутренних антагонизмов (не случайно в литературе указывают на силу косвенных марксовских влияний на Тойнби, равно как и на его русского предшественника — Н.А. Бердяева).

И не случайно — именно в стенах нашего Института (ИМЭМО РАН) — покойный академик Н.А. Симония настаивал в поздних своих трудах на важности взаимного соотношения диахронных и синхронных подходов к истории.

Те соображения, которые я выношу на обсуждение нашего научного форума, не претендуют на универсальную ценность. Хотел бы просто обратить внимание на одну из возможностей взаимного соотношения обоих — диахронного (стадийного) и синхронного (цивилизационного) — подходов к политической истории. И, на мой взгляд, религиоведческий дискурс в этом контексте отнюдь не бесполезен.

Религиоведческое знание проливает особый свет на извечный толстовский вопрос: «Чем люди живы?» Иными словами, на обратную связь внутреннего, интимного опыта людей, с их коллективными представлениями, интересами, эмоциями, институтами, предрассудками и страстями. Нынешние исследования по части политической идентичности как раз и имеют дело с такого рода обратной связью.

Далее, без учета особенностей предметного содержания конкретных религий едва ли возможно понимание политических реальностей сегодняшнего дня — и притом — в «обратной перспективе мирового исторического опыта».

Если речь идет о религиях авраамической семьи, то невозможно понять

- политическое наследие христианских народов, немыслимое без идеи проповеднического обращения ко всему человечеству — «ко всему творению» (Мк 16:15) «даже до края земли» (Деян 1:9); секулярные версии этой христианской темы всеобщего проповедничества мы наблюдаем в истории либеральных, социалистических, а в последние годы — и «зеленых» движений;
- политическую историю ислама невозможно представить себе без принципа сверхэтнической патерналистской общины-«уммы», противостоящей мірам «зиммиев» и «язычников»;
- политическую историю иудаизма невозможно представить себе без древнейшей идеи спасения/Искупления (киппур) как соплеменников, так и их иноплеменных родных, и, в целом, собирания рассеянного народа Божия (христианство преобразовало эту идею национального Искупления в идею Искупления всечеловеческого);
- гуманитарно-модернизаторские стремления религии бахаи, исповедуемой миллионами людей на Западе и на Востоке.

О политологических приложениях чисто восточных идей кармического круговращения (буддизм, брахманизм, индуизм) написаны тома и тома. Немало написано синологами и японистами о конфуцианской идее «сыновней почтительности» как прямой или косвенной матрицы позднейших китайских идеологий (Гоминьдан, КПК, сингапурская Партия народного действия).

Но что очень важно именно с политологической точки зрения: вышеуказанные откристиализовавшиеся веками принципы религиозных структур — не атемпоральные, не застывшие, но так или иначе вовлеченные в потоки исторического развития и влияющие друг на друга. Что особенно характерно для нынешней эпохи технологического роста, интенсивных информационных и идейных взаимодействий и массовых миграций.

*Римский В.Л.
(Москва, МПСУ)*

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ*

Целью исследования было выявление как представлений и мнений российских граждан о справедливом социальном государстве и их приоритетов в деятельности государства такого типа, так и того, какие принципы реализации справедливости в ситуациях социальной сферы предпочитают видеть граждане в действиях государства и какие они реально наблюдают.

Методология исследования была основана на теории справедливости Болтански и Тевено. Принципы справедливости в государственной социальной политике определялись в соответствии с их классификацией по 6 мирам справедливости с дополнением мира советского социализма, принципы которого декларировались и частично были реализованы в советский период.

Желаемые и реально применяемые принципы справедливости оценивались гражданами, участниками исследования, по виньеткам со специально подобранными модельными ситуациями. Различия оценок граждан выявлялись по трем крупным поколениям: от 18 до 34 лет (молодежь, постсоветская социализация), от 35 до 60 лет (средние возраста, позднесоветская социализация) и от 61 года (старшие возраста, советская социализация).

Конкретными методиками исследования были: настольное исследование (2023–2024 годы), онлайн фокус-группы (середина января 2024 года) и массовый анкетный онлайн-опрос (вторая половина января 2024 года).

Исследование показало, что правовое и социальное государство являются ценностями для российских граждан, они не представляют себе российское государство иным. Были подтверждены ожидания российских граждан обеспечения справедливости именно от государства, поэтому в их представлениях социальное государство обязательно должно быть справедливым. Справедливое социальное государство по мнениям всех поколений должно ориентироваться на обеспечение блага своим гражданам и поддерживать их развитие.

Участники исследования давали разные оценки уровню развитости социального государства в России, но большинство высказывалось за то, что оно не в полной мере является социальным и что достижение этой цели российскому государству необходимо. Российские граждане видят немало

* Представлены результаты исследовательского проекта № 123091200057-8, который в 2023–2024 гг. выполнялся в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

проблем, которые необходимо решить нашему государству в ходе такого развития. Среди таких проблем участники исследования отмечали повышение уровня пенсий, пособий и других социальных выплат, снижение уровня неравенства благосостояния разных социальных групп, снижение уровня бедности, преодоление бюрократизма и коррупции и другие. Отмечали они также необходимость улучшения взаимодействий государства с гражданами, чтобы государство слушало своих граждан и делало то, что нужно им.

Большинство респондентов массового анкетного опроса поддерживают развитие социального государства в нашей стране в направлении достижения баланса между рыночной экономикой и решениями социальных проблем (74%). Однако о реализации государством такого баланса в настоящий период заявили только 40% из них.

Российские граждане ожидают от социального государства обеспечение справедливости. Но исследование подтвердило, что по довольно широкому набору принципов справедливости в обществе не выработаны приемлемые для его большинства и даже для большинства внутри разных поколений принципы их применения. Российские граждане разных поколений ожидают от государства применения не какого-то одного, а всегда комплексов принципов справедливости. Однако эти желаемые к применению комплексы принципов справедливости существенно различаются в разных ситуациях и у разных поколений граждан. Столь существенная дифференциация в обществе уже только ожидаемого применения государством принципов справедливости создает существенные проблемы развития справедливого социального государства в России.

В массовом анкетном опросе про одни и те же модельные ситуации задавались вопросы о желательных и реально применяемых государством принципах справедливости. Корреляционный анализ данных ответов респондентов показал существенное несовпадение ожиданий граждан с реальностью по всем оцениваемым принципам справедливости. В таких условиях и гражданам, и органам государственной власти практически невозможно по известным ожиданиям граждан прогнозировать, какие принципы справедливости и как именно в различных ситуациях государство должно применять, чтобы граждане оценили их как соответствующие их ожиданиям. Если к этому добавить, что поддержка принципов справедливости разная в разных поколениях и других социальных группах, то необходимо признать этот комплекс проблем весьма сложным и, одновременно, необходимым к решению для обеспечения справедливости российским государством.

Рогач Н.Н.
(Москва, ЭИСИ)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ СВОЕЙ СТРАНЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

В контексте актуальных социально-экономических, политических, культурных и духовно-нравственных потрясений современный мир переживает ценностный кризис. Об этом свидетельствуют результаты последних исследований¹, об этом говорят государственные и политические деятели, представители гражданского общества, традиционных конфессий и многие другие, на это указывают глобальные события, последствия которых оказывают влияние как на межгосударственные отношения, так и на жизнь простых людей.

На фоне стремительной глобализации и цифровизации различных сфер жизни общества мы наблюдаем изменения социокультурной реальности — нарастают проявления морального релятивизма, нигилизма и аномии, происходит размывание, а нередко и подмена нравственных ориентиров развития личности. Разрушительному воздействию подвергаются духовно-нравственные ценности, религиозные устои, социальные нормы, которые представляют собой основу нормального и естественного процесса развития человека в обществе.

Общероссийская гражданская идентичность, ядром которой являются традиционные духовно-нравственные ценности, сегодня подвергается попыткам размывания в рамках информационно-психологических операций недружественных стран². В ситуации усиления международной напряженности и роста количества прямых и опосредованных конфликтов между субъектами международных

* Проект «Представления российских граждан о будущем своей страны» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований на грант № 124101700553-5.

¹ Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Колл. монография / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой. М.: Квадрига, 2024.

² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

отношений широко применяются различные технологии психологических (ментальных, когнитивных) операций, направленных, в том числе, на искажение знаний и представлений российских граждан о своей стране, ее истории, событиях настоящего и векторах развития России в будущем.

Изучение представлений граждан о личном будущем и будущем своей страны представляется чрезвычайно актуальным направлением исследований как с теоретической, так и с практической точки зрения. Для эффективной реализации государственной политики в области сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей государству жизненно необходимо иметь набор эффективных инструментов предикативного анализа социально-политической ситуации в стране, основывающихся на понимании принципов работы психологических механизмов восприятия человеком объектов окружающей его политической реальности.

Изучение образа своей страны в темпоральном разрезе — ее прошлого, настоящего и будущего — одно из магистральных направлений исследований в современной политической психологии. Разработкой данного вопроса на протяжении последних нескольких лет занимается научный коллектив, объединивший сотрудников кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и ИНИОН РАН.

С 2020 г. участники исследовательского коллектива реализовали четыре исследовательских проекта, каждый из которых был посвящен изучению различных аспектов процесса восприятия гражданами России своей страны и моделирования возможных сценариев ее развития в будущем.

В результате последнего эмпирического замера, проведенного осенью 2023 г., ученым удалось выяснить, что в переходные и кризисные периоды в массовом сознании могут стимулироваться разнонаправленные смысловые векторы, в результате чего образ будущего становится поливариантным и размытым. Его содержательно-смысловое наполнение зависит от влияния поколенческих особенностей восприятия политической реальности, находящих отражение в различном отношении к текущему событийному контексту и готовности к участию в тех или иных формах гражданской активности. Во многом процессы формирования системы знаний, оценок и выстраивание поведения детерминированы влиянием факторов медиаманипуляций и контрпропаганды.

Формирование комплементарного образа будущего в массовом политическом сознании посредством распространения объективных знаний об идейно-политических, историко-культурных, духовно-нравственных основаниях российской государственности представляется исследователям одним из возможных стабилизационных сценариев для консолидации общества, укрепления идентификационных оснований российской политической нации и обеспечения сохранения самобытного историко-символического пространства России в будущем.

Родионова М.Е., Ежов Д.А.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОТЕКАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГОСУДАРСТВАХ ЕС В УСЛОВИЯХ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ

Совокупность факторов, влияющих на ход и результаты выборов в государствах ЕС, обуславливает значимость исследования актуальных тенденций в протекании электоральных процессов. В настоящее время последние характеризуются наполнением предвыборных программ и платформ специфическим содержательным контентом, в том числе и популистского характера, тематический вектор которого соответствует общеевропейскому социально-политическому мейнстриму. Авторы исходят из гипотезы, построенной на предположении о том, что характерные для государств ЕС проблемы наиболее рельефно детерминируются именно в период избирательных кампаний, предопределяя динамику содержательной коррекции предвыборного дискурса и обостряя уровень политической конкуренции.

Рост конкуренции между политическими силами в государствах ЕС получил новый импульс в середине 2010-х годов, отмеченных в европейской политике увеличением позиций популистов, сместивших на себя фокус внимания избирателей с традиционных политических сил [Ежов 2018]. По факту политиков-популистов целесообразно рассматривать в качестве нового типа воспроизводства правящей элиты, начиная от бывших маргиналов (Маттео Сальвини, Италия) и заканчивая более опытными политиками (Хайнц-Кристиан Штрахе, Себастьян Курц — Австрия). В среднесрочной перспективе политическая конкуренция на выборах в государствах ЕС с высокой долей вероятности будет возрастать на фоне потенциального роста влияния или, как минимум, сохранения позиций по-

пулистских партий и иных альтернативных традиционным партиям сил. В частности, данное суждение подкрепляется результатами ретроспективного анализа.

Так, выборы президента Франции 2017 года происходили в условиях фактического кризиса двух центристских партий (социалистов и республиканцев) на фоне роста рейтинга популистов («Вперед, Республика!» Эммануэля Макрона и «Национальное объединение» Марин ле Пен). Итальянские парламентские выборы 2018 года также отличились кризисом социал-демократов (Демократическая партия) и консерваторов («Вперед, Италия» Сильвио Берлускони), электорат которых отошел к «Движению пяти звезд» (популистская партия «Большого шатра») и «Лиге» Маттео Сальвини (правая популистская партия) [Родионова 2022:56]. Год спустя стала наращивать влияние более радикальная популистская партия «Братья Италии», имеющая перспективы вступить в коалицию с «Лигой» после парламентских выборов 2023 года. В Испании в 2019 году впервые прошла в парламент правая популистская партия «Голос». Следует отметить, что в Испании такие политические силы были маргинальными даже в первые годы миграционного кризиса (2015–2017). В Австрии до 2019 года высокий рейтинг имела Австрийская Партия Свободы (АПС), отличавшаяся правыми популистскими настроениями. Ее риторикой, в том числе и критику миграции, переняла Австрийская Народная Партия (АНП), представителем которой Себастьян Курц с 2017 года является федеральным канцлером. До 2019 года в австрийском парламенте существовала коалиция АНП и АПС.

Необходимость решения актуальных для государств ЕС проблем обуславливает формирование предвыборной повестки. Так, одним из самых обсуждаемых вопросов в рамках предвыборных кампаний, проходящих на территории ЕС за последние годы, является миграция. Масштабная миграция привела за собой рост преступности, что стало ключевой причиной роста рейтинга правых популистов. Даже традиционные политические силы, такие как блок правоцентристских партий в Германии «Христианско-демократический союз Германии» и «Христианско-социальный союз в Баварии» (ХДС/ХСС), поддерживали ужесточение миграционной политики. Популистская «Альтернатива для Германии», напротив, изначально отличалась крайне радикальной повесткой, за счет которой и получила популярность, особенно в Восточной Германии. Похожее произошло в 2018 году в Италии, когда из-за критики нелегальной миграции на парламентских выборах значительно укрепила свои позиции «Лига» Маттео Сальвини. Себастьян Курц в рядах умеренно консервативной Австрийской Народной Партии (АНП) пошел на сотрудничество с Австрийской Партией Свободы (АПС) и перенял часть ее повестки, в дальнейшем увеличив влияние своей партии в парламенте. Все это в совокупности свидетельствует о выходе миграционного вопроса за рамки дискурса правых политиков.

Кроме того, проблемой общеевропейского значения является экология, что, в особенности характерно для государств Северной Европы (Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия). Экологическую повестку из политических партий защищают «Зеленые», влиятельные в Австрии, Германии, Нидерландах, Дании, Швеции, Финляндии. В Испании и Франции влияние местных «Зеленые» не настолько существенно, однако вопросы экологии обсуждаются в локальной политике этих стран [Шатилов 2019].

В результате проведенного исследования представляется практически доказанным, что электоральные процессы в государствах ЕС характеризуются ростом политической конкуренции. Популистские политические силы преимущественно тяготеют к персонификации партии, что демонстрируется на примерах Себастьяна Курца, Маттео Сальвини, Эммануэля Макрона. Как показывает практика, популистские и иные альтернативные силы могут успешно функционировать в случае кризиса традиционных партий, однако не всегда транслируют позитивную повестку, что ограничивает возможности для их перспективного развития. В этой связи для сохранения позиций им необходима координация с традиционными политическими силами.

Рожнева С.С.
(Петрозаводск, ПетрГУ)

ПАРТИИ НОВОГО ТИПА НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КАРТЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РФ 2024 г.

От выборов к выборам наблюдается трансформация электорального пространства, зависящая как от внешних геополитических факторов, так и от субъективных особенностей политической культуры избирателей, меняющейся под воздействием социально-экономических процессов конкретной местности, уровня ее урбанизированности, характера демографической структуры электората, этнического состава территории и т.п., что, согласно теории социальных размежеваний Липсета-Роккана, позволяет проследить корреляцию в системе предпочтений избирателей.

Случай Арктической зоны РФ (АЗ РФ) весьма уникален в силу своего стратегического значения для страны. Задача сохранения АЗ РФ как территории мира и согласия заставляет контролировать

и управлять протекающими процессами в регионе, в том числе электоральными. На выборах Президента РФ в 2024 г. можно было наблюдать различные модели голосования в северных широтах, отличающиеся не только от общероссийской, но и от конкретного субъекта РФ, имеющего в своем составе арктические территории.

Согласно данным ЦИК РФ, В. Путин набрал 87,28% голосов избирателей при самой высокой явке за всю новейшую историю России в 77,49%. Н. Харитонов (КПРФ) был вторым — 4,31%, затем В. Даванков (Новые люди) — 3,85%, и, наконец, Л. Слуцкий (ЛДПР) — 3,20%.

Уверенная победа В. Путина по всем субъектам РФ была прогнозируема. Несмотря на то, что средние значения электоральной явки и поддержки В. Путина по территориям АЗ РФ были чуть ниже, нежели по стране, но в сравнении с голосованием по субъекту, имеющим арктические территории, за В. Путина в них голосовали активнее (табл.).

Таблица

Субъект АЗ РФ	Явка по РФ (%)	Явка по АЗ РФ (%)	Модель голосования			Модель голосования по субъекту РФ	Поддержка Путина РФ / АЗ РФ
			П-Х	П-Д	П-С		
Мурманская область	70,92	70,92	0	1	0	П-Д	83,21 / 83,21
Республика Карелия	60,2	57,33	1	4	1	П-Д	79,53 / 80,97
Архангельская область	65	64,74	4	4	1	П-Д	79,25 / 81,91
Ненецкий АО	70,49	70,49	1	0	0	П-Х	79,08 / 79,08
Республика Коми	58,5	52,47	1	3	0	П-Д	80,49 / 82,2
Ямало-Ненецкий АО	94,03	94,03	0	0	1	П-С	91,75 / 91,75
Красноярский край	77,2	78,62	0	2	4	П-Д	84,12 / 86,77
Республика Саха (Якутия)	71,55	71,49	13	0	0	П-Д	87,79 / 90,16
Чукотский АО	91	91	0	0	1	П-С	90,49 / 90,49
	73,21	72,34	20	14	8		83,97 / 85,17

Источник: составлено автором.

Однако, с исследовательской точки зрения, более любопытными стали избирательные предпочтения за кандидата, занявшего второе место, что позволило определить место партий нового типа в партийной системе РФ.

К партиям нового типа относим организации, продуцирующие новые подходы в политическое пространство. С нашей точки зрения, лидером в этом процессе являются «Новые люди», буквально ворвавшиеся в большую политику на думских и региональных парламентских выборах в 2021 г., получив депутатское представительство. Свою предвыборную кампанию 2024 г. В. Даванков построил с опорой на регионы, акцентируя внимание на их социально-экономические проблемы, неспособные решить партии старого типа. Агитационные материалы кандидата от «Новых людей» содержали лозунг «Даванков. Время новых».

Кандидат от ЛДПР Л. Слуцкий использовал имиджевые технологии опоры на авторитет бывшего лидера партии В. Жириновского, тем самым не продуцируя ничего нового в электоральное пространство. На президентских выборах использовались два слогана — «Слуцкий. Дело Жириновского живет» и «Слуцкий всегда рядом». Предвыборная кампания Н. Харитонова также не отличалась новизной, а агитационным слоганом кандидата от КПРФ в 2024 г. стал «Поиграли в капитализм и хватит!». В последних двух случаях кандидаты заняли вторые места в регионах с традиционной электоральной поддержкой данных политических сил.

Тем не менее на территориях АЗ РФ удалось выявить все три модели голосования — «Путин-Харитонов» (П-Х), «Путин-Даванков» (П-Д), «Путин-Слуцкий» (П-С) (см. табл.).

Было обнаружено, что в АЗ РФ на президентских выборах 2024 г. доминировала модель голосования «П-Х», большая доля которой наблюдалась в Республике Саха при модели по результатам голосования в регионе «П-Д». В субъектах Северо-Западного федерального округа преобладала модель «П-Д», за исключением Ненецкого автономного округа, третьей по уровню распространения стала модель «П-С» (см. табл.).

В целом, можно отметить, что партии нового типа сейчас достаточно активно заявляют о себе, что в будущем, полагаем, будет видоизменять электоральную карту страны. Анализ регионов с моделью голосования «П-Д» показал, что она, преимущественно, распространяется в урбанистических районах АЗ РФ, обладающих инвестиционной привлекательностью с незначительной долей пожилых в структуре электората.

СПЕЦИФИКА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИКАСПИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

Проблемы восприятия типов идентичностей — гражданской, этнической, конфессиональной, региональной, политической имеет важное значение для понимания результативности современной идентитарной политики и характера ее влияния прежде всего на молодежь. Для достижения поставленной цели — выявления специфики конструирования идентичностей на постсоветском пространстве Прикаспия была проведена серия полевых социологических исследований на территориях Республики Казахстан, Азербайджанской Республики, российской части Прикаспия: Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Астраханская область, среди туркменских студентов, обучающихся на Юге России в 2022–2024 гг. как количественных (N-2500), так и качественных.

Респондентам предложили оценить по шестибальной шкале, где 1 — это наиболее важная степень, 6 — наименее важная степень, шесть вариантов самоидентификации. По результатам исследования среди предложенных вариантов практически для молодежи всех четырех стран наиважнейшей оказалась гражданская идентичность, в силу того, что все они являются поколением эпохи обретения суверенитетов. Причем коэффициент степени значимости этой позиции оказался самым высоким у респондентов из Туркменистана (1,09), возможно, в силу их исторического прошлого. Важность этнической идентификации располагается на втором месте у респондентов из Азербайджана (2,48) и у россиян (2,79), проживающих в Прикаспии. Возможно, как показывают наши исследования, в Азербайджане это связано со спецификой формирования исторической памяти на основе непреходящего значения травмы карабахского конфликта, имеющего этническую окраску. Российский же Прикаспий полиэтничен, в силу этого этническая принадлежность для этой части российских респондентов является весьма важным идентификационным маркером. Пространственная же локализация этнических групп российского Прикаспия ставит практически на один уровень с этнической — региональную идентификацию. Разница между ними не существенная. Равенство значимости этнической и региональной идентичностей характерно и для респондентов Казахстана. Региональная идентичность для респондентов Азербайджана и Туркменистана находится в середине корреляционной таблицы.

Неожиданным оказалось, что для молодых респондентов из Туркменистана (2,18) и Казахстана (2,96) второй по значимости самоидентификацией оказывается уходящая советская идентичность, которая, в свою очередь достаточно предсказуемо, является совсем не значимой для азербайджанских респондентов (4,32), которые в процессе фокус-групповых интервью показывали более нейтральные, а порой и негативно окрашенные взгляды на советское прошлое, нежели их соседи по Каспию. Удивительно, однако, что еще более незначимой она является для российских респондентов (4,66). Только 4,8% опрошенных указали ее как самую значимую.

Можно было ожидать, что религиозная идентичность в регионе, где доминирует ислам, будет одной из важнейших. Однако она уступает свои позиции выше обозначенным типам идентичности. Причем ниже всего она оценивается молодыми респондентами из Туркменистана (4,83), хотя и в дальнейших ответах и фокус-групповых интервью указывается, что она является важной специфической чертой национальной идентичности. Наиболее высоко значимость религиозной идентичности оценивается азербайджанскими респондентами (2,97), что, возможно, объясняется более тесными связями с Турцией. Казахстанские (3,25) и российские (3,49) респонденты ставят религиозную идентичность в середину корреляционного списка. Причем казахстанские респонденты (70%) считают, что в республике нет доминирующей религии, учитывая наличие русского контингента и православной церкви. У россиян и азербайджанцев религиозная самоидентификация занимает четвертое место, у туркмен и казахстанцев — пятое.

И, наконец, в конце списка практически у респондентов из всех представленных стран стоит политическая идентичность. Значимость ее у туркменской молодежи сведена практически к нулю (5,93). Не многим лучше оценка политической самоидентификации у россиян Прикаспия (5,12). Тем самым они показывают, что политических взглядов у них практически нет, а доминирует гражданская идентификация — «россиянин» (2,13). Значимость ее у представителей Казахстана (3,87) тоже на последнем месте, но оценивается более высоко, что говорит о большем участии прежде всего молодежи в политической жизни. У азербайджанцев она находится на предпоследнем месте (3,99), однако с более высокими баллами, нежели у россиян и туркмен. И только у Азербайджана она занимает не последнее место, уступая последнюю позицию советской идентичности.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

Романович Н.А.
(Воронеж, РАНХиГС при Президенте РФ,
Воронежский филиал)

ИНТЕРНЕТ И НЕЙРОННЫЕ СЕТИ: ОПАСНОСТЬ ИЛИ ПАНАЦЕЯ

Каждая новая открывающаяся возможность для человечества таит в себе новые опасности. Изобретение двигателя внутреннего сгорания значительно увеличило мобильность человека, но и уменьшило число ДТП со смертельным исходом. Взмывающие в небо самолеты фантастически сблизили страны и континенты, но ежегодные катастрофы продолжают уносить человеческие жизни. Атомная энергия дала человечеству немислимый в прежние века комфорт, но и поставила само человечество перед угрозой уничтожения.

Появление Интернета и нейронных сетей не только открыло возможности, но и спровоцировало новые опасности, что катализировало появления самого термина «цифровая политика» и обязало власть изобретать способы защиты от свалившихся на голову благ.

Сознает ли само население реальную и грядущую опасность от цифровых технологий? Институт общественного мнения «Квалитас» в 2023–2024 гг. провел ряд исследований в городе Воронеже на темы, связанные с цифровыми вызовами (опросы проводились среди населения от 18 лет и старше по репрезентативной для города выборке).

Оказалось, что большинство населения считает, что польза и вред от Интернета примерно равновеликий. Хотя 35% воронежцев не оспаривают суждение, что Интернет — это мощный ресурс получения оперативной и достоверной информации, но большинство опрошенных соглашались с тем, что Интернет — это неконтролируемое информационное пространство, где много недостоверной и даже вредной информации (54%). Мнение в значительной степени коррелирует с возрастом респондентов: для молодежи Интернет в большей степени является источником оперативной и достоверной информации, а для пожилых сограждан — опасным рассадником лжи и агрессии. При попытке установить, как Всемирная паутина влияет на конкретного потребителя сетевой информации и членов его семьи, было выявлено, что большинство опрошенных (53%) не усматривают в Интернете угрозу для себя и семьи. Однако 40% населения такую угрозу признают и особенно обеспокоены беспрепятственным проникновением Интернета в повседневную жизнь семьи те люди, которые имеют детей до восемнадцати лет. У этой категории респондентов соотношение ответов прямо противоположное: 52% считают, что Интернет может представлять угрозу для членов их семей, в то время как противоположного мнения придерживаются 46% опрошенных.

Нейронные сети сегодня являются драйвером для развития робототехники, самолетостроения, освоения космоса, военного дела, совершенствования медицинской диагностики и многих других научных и технических направлений. Одно из главных преимуществ нейронных сетей перед традиционными — они не программируются, а обучаются, что дает возможность решать при их помощи самые сложные задачи. Но эти же преимущества чреватые непредсказуемостью дальнейшего развития нейронных сетей и искусственного интеллекта.

Одно из опасений, связанных с развитием робототехники, уже давно озвучили писатели и фантасты, которые описывали «восстание машин» и «войну людей с роботами». Достаточно ли напугано население подобными сюжетами? Согласно результатам опросов Института общественного мнения «Квалитас», 35% опрошенных выказали положительное отношение к нейросетям, исходя из принципа неизбежности технического прогресса и веру в его пользу. Среди молодежи положительное отношение достигает 56% (Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу № 2024-06. URL: <http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin>). к 2). Памятуя о возможности восстания роботов, которым пугали читателей фантасты, 29% воронежцев относятся к применению нейросетей отрицательно. Чаще других негативную позицию занимают пожилые люди (41%). Еще треть респондентов нейтрально относится к нейросетям, очевидно, не подозревая, каким образом они могут повлиять непосредственно на их жизнь (34%).

В прошлом человека пытались заменить машиной, но эта замена касалась только рутинного однообразного труда, который не предусматривает элементов творчества. В настоящее время подмена посягает на «святыя святых» — процесс творчества, который называют «божественной искрой» в человеке. Возможно ли такое, с точки зрения современников? Большинство воронежцев (77%) склоняются к тому, что человека заменить программой в творчестве невозможно, однако 19% воронежцев полагают, что нейротехнологии вполне могут взять на себя работу творческих профессий.

Кроме фантастических сюжетов, есть еще и реальная жизнь, а в ней машины все чаще выполняют за людей те процессы, за которые раньше отвечали люди. Кроме того, автоматы делают это каче-

ственнее и во многих случаях дешевле. Сложившаяся ситуация не может не отразиться на рынке труда, что вызывает дополнительное беспокойство населения.

Таким образом, цифровые технологии привнесли в жизнь современников не только новые возможности, но и новые проблемы, которые должны решаться с учетом технического развития и социально-политической ситуации.

Романовский А.А.
(Воронеж, ВГУ)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОТАЦИИ ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность исследования ротации губернаторского корпуса в современной России обусловлена рядом факторов: определяющей ролью внутривластного блока Администрации Президента России при подборе кадров, в том числе через управленческий резерв так называемой «Школы губернаторов», рекрутированием преимущественно губернаторов-«варягов», устоявшейся практикой досрочных отставок, возрастными критериями и окончательным уходом с руководящих должностей в регионе представителей бывшей советской партноменклатуры и т.п. Все это требует дополнительного осмысления новых тенденций в кадровой политике федерального центра.

С целью выявления тенденций при ротации высших должностных лиц регионов сравним основные характеристики действующих губернаторов с предыдущими. Как показывает статистический анализ, значительное количество глав регионов перед назначением их врио губернаторов и последующим избранием занимали государственные должности в системе исполнительной власти. Среди действующих глав регионов немало представителей федеральных исполнительных органов. Например, в ЦФО пятеро были заместителями министров, трое — возглавляли или являлись заместителями руководителей федеральных служб. Аналогичные тенденции характерны и для других федеральных округов. Заместителями федеральных министров являлись И. Кобзев (Иркутская область), А. Цыденов (Республика Бурятия), А. Осипов (Забайкальский край). Среди глав регионов, впервые избранных по итогам ЕДГ в сентябре 2024 г., к этой категории относится губернатор Калининградской области А. Беспрозванных (замминистра промышленности и торговли). В то же время широко распространена практика рекрутирования в губернаторский корпус и из сферы региональной исполнительной власти, что также подтверждает ротация глав регионов в 2024 году: например, губернатором Вологодской области избран Г. Филимонов, ранее занимавший должность заместителя председателя Правительства Московской области, губернатором Самарской области — В. Федорищев, являвшийся заместителем губернатора Тульской области. В Кемеровской, Курской и Тульской областях главами регионов стали вице-губернаторы из этих регионов.

Вторая по степени рекрутирования сфера — публичная политика, как правило, представленная сочетанием государственных должностей в органах законодательной власти с работой в партийной сфере. Многие из действующих губернаторов до вступления в должность были депутатами Государственной Думы или сенаторами, работали в заксобраниях регионов. Наиболее яркий пример среди последних кадровых решений — перемещение А. Турчака в кресло главы Республики Алтай с позиции первого заместителя председателя Совета Федерации.

Еще одна представленная сфера — муниципальное управление. Например, губернатор Калужской области В. Шапша ранее занимал должность главы администрации г. Обнинск, губернатор Воронежской области А. Гусев являлся главой Воронежа, губернатор Новосибирской области В. Травников — мэром Вологды, глава Республики Саха (Якутия) А. Николаев — главой Якутска и т.п. Одно из последних кадровых решений — переход Р. Кухарука с поста главы Тюмени на должность губернатора ХМАО.

В плане динамики ротации губернаторского корпуса нельзя не обратить внимание на то, что фактически изменилось соотношение высших должностных лиц, которые до назначения имели устойчивую связь с регионом. Одним из инструментов обновления стал кадровый резерв Президента РФ — предварительное обучение новых глав субъектов РФ на специальных курсах Высшей школы государственного управления РАНХиГС.

Таким образом, процесс ротации губернаторского корпуса на примере субъектов из различных федеральных округов демонстрирует ряд тенденций: усиление рекрутирования на должности высших должностных лиц регионов представителей исполнительной власти, в том числе имеющих управленческий опыт в федеральных министерствах и ведомствах; соответственно, снижение представительства субъектов публичной политики, занимавшихся парламентской деятельностью; существенное повышение представительства губернаторов-«варягов»; появление тенденций к вертикальной мобильности — рекрутирование из управленческой элиты муниципального уровня, а также с нижестоящих

государственных должностей, в том числе из других регионов (Романовский А.А. Основные тенденции ротации губернаторского корпуса в регионах Центрального федерального округа // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 2. С. 73–77; Романовский А.А. Основные тенденции ротации губернаторского корпуса в регионах Сибирского федерального округа // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 44. С. 12–20; Ротация губернаторского корпуса в регионах Дальневосточного федерального округа: тенденции и особенности // Вестник Забайкальского гос. ун-та. 2024. Т. 30, № 2— С. 162–170).

Ромашкина А.Б.
(Москва, РУДН)

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ АЛГОРИТМОВ НА ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ*

Современное информационное пространство характеризуется интенсивным внедрением алгоритмов рекомендации на основе персонализированных пользовательских характеристик. Кроме того, совершенствование алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ), генерации текстов, фотографий и видео также позволяет различным субъектам публичной коммуникации в цифровой среде активно манипулировать сознанием пользователей. Такие инструменты значительным образом позволяют трансформировать процессы политической коммуникации, а последствия информационно-психологических операций могут значительным образом изменить конфигурацию политических сил в том или ином государстве.

Политическая коммуникация как значительный ресурс власти (как государственной, так и социальной) в современном обществе является необходимым компонентом социализации, идентичности граждан и общества, достижения консенсуса и снятия социального напряжения. Современные процессы цифровизации пространства политической коммуникации позволяют появляться новым актантам воздействия на сознание граждан, включая внешнеполитических субъектов, а также представителей «цифровых элит». Поскольку технологические аспекты цифровизации разрабатываются в основном представителями западных компаний, то политические и цифровые элиты этих стран получают возможность влиять на ценностные, культурные и этические компоненты транслируемого контента в онлайн-пространстве.

Глобальные международные площадки взаимодействия пользователей и политических акторов разных стран в цифровой среде регулируются правилами пользования, которые могут противоречить национальным идеалам и ценностно-смысловым нарративом различных государств. В таком случае отдельные сообщения, контент, видео и фотографии, а также целиком каналы отдельных пользователей, среди которых есть представители власти разных стран, лидеры мнений, общественные деятели и другие, могут быть ограничены в показе с помощью настроек алгоритмов рекомендации, а также удалены и заблокированы. Так, например, в июле 2024 года *YouTube* удалил каналы российских артистов за поддержку государственной политики РФ.

Кроме того, исследователи и эксперты отмечают, что различные социальные сети и цифровые платформы, осуществляющие фильтрацию контента с помощью алгоритмов рекомендации для персонализации и таргетирования информации для каждого отдельного пользователя, могут осуществлять слежку в интересах государств, в которых они разработаны. Например, основатель *Telegram* Павел Дуров в интервью Такеру Карлсону весной 2024 года заявлял о том, что не верит в безопасность платформ, разработанных в США.

Регулирование транслируемой информации является спорным компонентом политической коммуникации в цифровой среде, поскольку государство оказывается в условиях поиска баланса между безопасностью и свободой слова. Однако применение алгоритмов для манипулирования сознанием пользователей на основе транслируемых ценностно-смысловых нарративов со стороны цифровых элит создает новые вызовы для государств, использующих зарубежные цифровые платформы, операционные системы, оборудования для осуществления взаимодействия с гражданами.

Генерация контента с помощью технологий ИИ также создает новые угрозы для сохранения единого ценностно-смыслового пространства современного государства, поскольку данные алгоритмы обучаются на определенной информации и в них заложены те этические критерии, которые соответствуют интересам заказчиков и создателей данных программ. Осуществление воздействия на сознание

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства науки и высшего образования РФ, РАН в рамках научного проекта FSSF-2024–0057 «Технологии цифровых коммуникаций государства и общества как механизм укрепления макрополитической идентичности».

пользователя становится еще более тонким в связи с его доверием к сгенерированной информации. Однако та интерпретация исторических фактов, оценочные суждения о той или иной политической системе или лидере государства могут постепенно сформировать у пользователя определенные представления о мире.

Таким образом, современные цифровые алгоритмы могут быть эффективным инструментом влияния в условиях информационных войн как на процессы политической коммуникации, так и на процессы переформирования ценностно-смыслового пространства национальных государств. А потому государствам необходимо создавать условия обеспечения комплексной информационной безопасности, включающей в себя инструменты противостояния деструктивным идеям и нарративам, транслируемым различными глобальными акторами.

*Руденко М.В.
(Донецк, ДГУЮ)*

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИХ АДМИНИСТРАЦИЙ В ХОДЕ СВО

Доклад посвящен формированию системы военно-гражданских администраций (ВГА) в ходе проведения специальной военной операции на Украине (СВО). Данная проблематика рассмотрена на примере Херсонской области.

26 апреля 2022 г. в освобожденном Херсоне был сформирован новый временный орган власти — Военно-гражданская администрация Херсонской области. Главой областной ВГА стал известный в регионе политик В.В. Сальдо.

Уже 19 мая В.В. Сальдо провел первое совещание с главами ВГА районов области, посвященное организационным вопросам. В частности, Глава областной ВГА подчеркнул, что территория Херсонской области находится под контролем Вооруженных сил Российской Федерации (ВС РФ), поэтому все главы администраций назначаются приказом Военного коменданта Херсонской области.

Из датированного мая 2022 г. Положения о Военно-гражданской администрации Херсонской области следует, что военно-гражданские администрации — это временные государственные органы в населенных пунктах, районах и областях Украины, находящихся под контролем ВС РФ в ходе СВО на Украине, которые предназначены для обеспечения безопасности и нормализации жизнедеятельности населения, правопорядка, участия в противодействии диверсионным проявлениям и террористическим актам, недопущения гуманитарной катастрофы.

Военно-гражданские администрации населенных пунктов и районов (ВГА первого уровня) осуществляли на соответствующей территории полномочия исполнительных органов власти городских, поселковых и сельских советов, а также районных администраций. Они были подчинены Военно-гражданской администрации Херсонской области (ВГА второго уровня), которая осуществляла полномочия областного совета и областной государственной администрации, имея право утверждать структуру исполнительной власти, бюджет, штатное расписание всех ВГА первого уровня.

ВГА первого и второго уровня образовывались по решению военного коменданта, назначенного Минобороны России на соответствующей территории.

ВГА осуществляли свою деятельность во взаимодействии с подразделениями ВС РФ и Росгвардии, органами общественной безопасности, а также с предприятиями и государственными учреждениями, расположенными территориально в зоне ответственности соответствующей ВГА.

Военно-гражданские администрации всех уровней являлись юридическими лицами, обладали печатями и бланками, над зданиями, в которых они располагались, размещались российские флаги.

Непосредственное руководство ВГА первого уровня осуществляли Главы ВГА, назначаемые на должность в соответствии с Указом Главы Военно-гражданской администрации Херсонской области.

На начальном этапе ВГА первого и второго уровня руководствовались законодательством Украины и принятым до начала СВО областным и муниципальным законодательством, а также нормативными правовыми актами (НПА) соответствующих ВГА, которые имели абсолютный приоритет над законами Украины, областными и муниципальными актами. В последующем ВГА начали руководствоваться вновь принятыми НПА Херсонской области, а также законами и НПА Российской Федерации в части, не противоречащей нормативным правовым актам Херсонской области.

Кроме обеспечения непосредственной жизнедеятельности населения на соответствующей территории к полномочиям ВГА относились:

- организация безопасности жизнедеятельности, установление охраны важных объектов экономики;
- организация военного сопровождения гуманитарных конвоев и коммерческих поставок;

- противодействием диверсионным проявлениям и террористическим атакам;
- проведение борьбы с пропагандой противника, проведение разъяснительной работы среди населения;
- формирование подразделений народной милиции.

В соответствии с Указом Главы ВГА Херсонской области от 01.08.2022 № 290-р в регионе началась реорганизация системы военно-гражданских администраций первого уровня. Анализ ряда принятых после этого положений о ВГА позволяет прийти к выводу, что в результате данного процесса военизированный функционал ВГА был сокращен, а гражданский, наоборот, — расширен, что отражает рост потребности в гражданском управлении при стабилизации военной и общественно-политической ситуации.

В целом на территории Херсонской области военно-гражданские администрации разных уровней действовали в период с апреля 2022 г. по декабрь 2023 г. Процессы упразднения ВГА активизировались после формирования в регионе по итогу сентябрьских выборов 2023 г. постоянно действующих государственных и муниципальных органов власти.

За период проведения СВО многие сотрудники военно-гражданских администраций погибли или получили ранения в результате вооруженной агрессии Украины, террористических актов, проведенных спецслужбами киевского режима на территории новых субъектов. В связи с этим на уровне региональных и федеральных органов власти неоднократно поднимался вопрос о присвоении статуса ветерана боевых действий сотрудникам ВГА.

Опыт работы системы ВГА Херсонской области может быть востребован в практической плоскости при освобождении новых территорий Украины и формировании там органов власти и управления. Поэтому данный опыт требует дальнейшего изучения.

*Рудницкая А.П., Багдасарова Д.Г.
(Москва, РИЭПП)*

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ РОССИИ

Протяженность побережья российской Арктики около 22,5 тыс. км, при том, что общая береговая линия арктических стран составляет 38,5 тыс. км. Интересно отметить, что по площади территорий регионы Арктической зоны являются лидерами в РФ. Республика Саха и Красноярский край на 1 и 2 местах, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа на 5 и 7. В 20-ку входят 3 региона, а в 30-ку — 2¹.

Общая стоимость разведанных запасов сырья российской Арктики составляет не менее 3 трлн долл. Вклад АЗРФ в ВВП страны — до 12%, а доля экспорта 25%. Здесь находится существенный объем природных ресурсов — более 85,1 трлн куб. метров горючего природного газа, 17,3 млрд тонн нефти (включая газовый конденсат), что является стратегическим резервом минерально-сырьевой базы России. При этом сейчас добывается около 82% горючего природного газа и 18% нефти (включая газовый конденсат)².

Крупнейшие российские компании, расположенные в российской Арктике, заняты добычей углеводородов и разведкой новых месторождений. Подобные проекты имеют большое значение в развитии региона, поскольку привлекают масштабные инвестиции и становятся драйвером наиболее серьезных изменений в регионе. Основными компаниями являются: ПАО «Газпром»; ПАО «Газпром нефть»; ПАО «НК «Роснефть»; ПАО «НОВАТЭК»; ПАО «Лукойл».

На примере ПАО «Газпром» важно отметить возросшую социальную ответственность компаний российского сегмента рынка в части обеспечения и мотивации работников предприятий. Например, по состоянию на 31 декабря 2022 г. списочная численность работников обществ Группы «Газпром» составила 492,2 тыс. человек, это 0,7% от общего числа занятых в Российской Федерации по численности персонала.

Система мотивации работников Группы, сочетающая в себе материальное и нематериальное стимулирование, направлена на привлечение и удержание квалифицированного персонала, повышение заинтересованности работников в результатах труда.

Для обеспечения транспортировки углеводородов и других грузов по Северному морскому пути Министерство транспорта РФ в 2018 г. подготовило план развития маршрута через шесть основных

¹ Люкевич И.Н., Микуленок А.С. Экономические науки. 2023. № 1 (218)

² Родионов Д.Г., Карпенко П.А., Конников Е.А. Экономические науки. 2021. № 197.

портов: Диксон, Дудинка, Мурманск, Певек, Петропавловск-Камчатский и Сабетта — с основным грузоотправителем компанией НОВАТЭК, имеющей в Арктике завод «Ямал СПГ» по сжижению газа (16,5 млн тонн) и планирующей строительство дополнительных мощностей «Арктик СПГ 2» (21,6 млн тонн) с перегрузочными комплексами СПГ в Мурманской области и на Камчатке. В план включена постройка четырех СПГ-ледоколов (владельцы НОВАТЭК и «Росатом»), а также строительство трех атомных ледоколов ЛК-60.

Годовой оборот предприятий, работающих на территории АЗРФ, в 2020 г. составлял более 7,6 трлн руб. (что составляло 4,3% от всего оборота предприятий РФ в 2020 г. и увеличилось до 5,4% — в 2023 г. соответственно).

Общий объем инвестиционных ресурсов, вкладываемых в основной капитал предприятий АЗРФ (без субъектов малого предпринимательства), в 2016–2020 гг. практически не изменялся и составлял порядка 1,5 трлн руб. в год. Доля собственных средств увеличилась с 33% (в 2016–2018 гг.) до 55% (в 2020 г.).

При этом доля инвестиций в основной капитал, осуществляемых на территории Арктической зоны к общему объему инвестиций в основной капитал в целом по Российской Федерации, снижается. Так, в 2021 г. она составляла 10,8%, а в 2023 г. — 9,9%.

Что касается доли валового регионального продукта, созданного на территории Арктической зоны, к валовому региональному продукту Российской Федерации с учетом оценки жилищных услуг, производимых и потребляемых собственниками жилья, и оценки потребления основного капитала исходя из его текущей рыночной стоимости увеличивается. Так, в 2020 г. она составляла 6%, а в 2022 г. — 6,6%.

Резиденты Арктической зоны РФ из Поморья в 2023 году запустили 32 инвестиционных проекта на территории Архангельска, Северодвинска и Онеги, что составило 6 млрд рублей. При этом фактически создано более 1500 новых рабочих мест.

По финансированию научной деятельности лидирующие позиции в Арктической зоне занимает федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ РАН). Его объем финансирования превышает объемы финансирования других организаций Арктической зоны почти в 3,5 раза. При этом, по количеству созданных результатов интеллектуальной деятельности оно занимает лишь второе место, а показатель использования РИД имеет нулевое значение.

В рамках Федерального проекта «Создание сети университетских кампусов» на исследуемых территориях реализуется проект Арктического межвузовского кампуса на базе Северного (Арктического) федерального университета. Специализация: здоровьесбережение в Арктике; инженерные разработки в Арктике; технологии лесопереработки.

В.М. Русаков
(Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи»)

СМЫСЛОЖИЗНЕННОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Смысложизненное ориентирование (СЖО) — специфически человеческий способ жизнедеятельности человека (П. Сорокин, В. Франкл, Д. Леонтьев, В. Налимов), заключающийся в самоидентификации человека в мире ценностей и смыслов, норм и правил. Утрата или даже кризис такого способа жизнедеятельности влечет весьма тяжкие последствия для личности (вплоть до суицида, на примере исследования которого, собственно, впервые и сделан был столь радикальный вывод (П. Сорокин, Э. Дюркгейм, В. Франкл). В любом обществе существуют мощные институты властно-распорядительного предписания, воздействия на индивидов с целью принуждения их к принятию как смыслов и ценностей, так и способов реализации таковых в поведении (обряды инициации, традиции и обычаи, осуществляющиеся через авторитет общественного мнения).

Сфера политической жизни общества, заключающаяся в складывании и осуществлении политических отношений, т.е. отношений, прежде всего, между социальными группами общества по поводу производства, распределения и потребления общественной власти, пожалуй, наиболее явно (и даже подчас агрессивно) демонстрирует необходимость и значимость СЖО поскольку в ней производится интенсивная институционализация этого процесса и разнообразных форм его осуществления, наличия широкого спектра инструментария воздействия на личность с целью принуждения ее к заданному стандарту СЖО, (различные виды присяги, кодексов чести (офицера, чиновника, члена политической организации)). Авторитет общественного мнения уступает первенство авторитету организации.

СЖО в политической жизни общества, как и в целом в обществе осуществляется в процессе коммуникации, которая в российской традиции рассматривается как составная часть более сложного про-

цесса общения, куда кроме собственно коммуникации входит перцепция или восприятие как участников, так и самого процесса взаимодействия, а также — интеракция (А. Андреева, Б. Ломов).

Здесь издавна существует проблема: ценности и смыслы изначально существуют самостоятельно (как некие Платоновы «эйдосы») или производятся в процессе данного взаимодействия (общения, коммуникации), как заостряет эту проблему В. Налимов: «Строя модель сознания, я обращаюсь к смысловому континууму, то есть к пространству, в котором нет пустых мест. Смысловой континуум, гипотетический по своей природе, обретает актуальность, когда человек, активный наблюдатель, задает на нем некую систему предпочтения, обращаясь к вероятностной мере (плотности вероятностей)¹. Формы общественного сознания (такие, как общественная идеология и общественная психология) существуют относительно самостоятельно по отношению к индивидуальному сознанию. Общие смыслы и ценности индивид застает уже готовыми при появлении на свет, и потому они для него — объективная реальность, с которой приходится считаться. В то же время при «усвоении» этих смыслов и ценностей они преломляются через индивидуальные интересы и особенности личности (неизбежны разночтения, искажения, личностные предпочтения).

Если возникает «кризис СЖО», заключающийся в том, что прежние общепринятые смыслы и ценности не принимаются индивидом, а социум их не меняет — тогда в политической жизни общества (и коммуникации) возникает несколько вариантов поведения индивидов: категорическое неприятие способов и форм СЖО, культивируемых в данном обществе; либо индивид уступает давлению институтов общества и выбирает позицию конформизма; индивид мобилизует сочувствующих, сторонников и единомышленников с целью изменения общественного сознания (идеологии и психологии) и реализующих его социальных институтов.

Идеология, как известно, есть «теоретическое выражение (и защита) определенных ценностей и смыслов, как правило — выражающих интересы тех или иных социальных групп. В современной России сформировалась господствующая позиция категорического неприятия всякой идеологии, из которой создается некий «жупел». Это ведет к идеологическому разоружению и капитуляции перед иной идеологией, противоречащей коренным интересам российского общества. Беспомощные попытки «залатать» специально созданный ценностно-смысловой «вакуум» обращением к неким «традиционным» ценностям России и русского народа обречены на провал, поскольку предпринимаются на исходно дискредитированной основе.

Прежние, традиционные формы СЖО (традиции, обычаи, общественное мнение) либо катастрофически теряют свое значение, либо используются в крайне извращенном (архаическом, трайбалистском) манипулятивном виде.

Как показывают исследования, в России подавляющее большинство социальных групп населения заинтересовано в реализации ценностей социальных равенства (не путать с уравниловкой) и справедливости, что в принципе противоречит интересам привилегированного меньшинства.

Русакова О. Ф.

(Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ШОУ-ДИСКУРС: КОММУНИКАТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕРЕМОНИИ ОТКРЫТИЯ ОЛИМПИАДЫ-2024)*

Политический шоу-дискурс рассматривается нами как система технологий управления массовым сознанием, воплощающая перформативный характер театрализованных политических акций и преследующая заранее выбранные стратегические цели. «Развлекай и властвуй» — такова главная стратегическая цель дискурсивных технологий данного типа. Основными стратегическими задачами шоу-дискурса выступают: 1) вовлечение публики в театрализованное представление (интерактивность, карнавальность); 2) эмоциональное заражение публики получением визуальных, музыкальных, игровых и прочих удовольствий от всего увиденного и услышанного, от собственного прямого или косвенного участия в разыгрываемом представлении (гедонистичность); 3) демонстрация поддержки шоу-дискурса со стороны знаменитостей («звезд») посредством их прямой включенности в процесс производства шоу-эффектов; 4) провокация шоковой реакции у массовой аудитории, связанной с возбуждением чувств удивления и даже протеста в отношении формата и содержания увиденного; 5) установка на «длительное послевкусие», остающегося в воспоминаниях публики в результате просмотра конкретного театрализованного шоу.

¹ Налимов В. Теория смыслов. Конструктивистские аспекты математической модели сознания // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 58–76.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01095. URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01095/>.

Анализ политического шоу-дискурса предполагает фиксацию внимания на его коммуникативно-семиотических характеристиках, поскольку театрализованное шоу всегда связано с процессами кодирования и декодирования транслируемых знаков, значений и символов. Их идеологическое содержание тоже включено в стратегический проект шоу-дискурса. Рассмотрим в качестве примера недавно прошедшую в Париже церемонию открытия Олимпийских Игр-2024.

Формированием семиосферы дискурса церемонии открытия Олимпиады-2024 занимался большой творческий коллектив, состоящий из продюсеров, режиссеров, хореографов, модельеров, музыкантов, художников, актеров и вспомогательного персонала (визажисты, парикмахеры, технические работники). Общая концепция церемонии была задумана режиссером Томасом Джолли (Thomas Jolly) и креативным директором Тьерри Ребулем (Thierry Reboul), согласно которой была призвана выражать преимущественно молодежный дух Франции, а не классическую романтизированную версию истории страны (<https://www.the-sun.com/sport/12029971/thomas-jolly-thierry-reboul-paris-olympics-ceremony/>). В итоге в дискурсе открытия Олимпиады возобладала символика и знаковая система квир-культуры (заметим, что Томас Джолли — квир-актер, живущий со своим партнером, тоже Томом). Это особенно ярко проявилось в двух эпизодах церемонии открытия летней Олимпиады-2024, вызвавших резко отрицательную реакцию у защитников традиционных ценностей. Во-первых, имеется в виду постановочная сцена, представляющая квир-пародию на полотно Леонарда да Винчи «Тайная Вечеря», где вместо учеников Христа были представлены дрэг-квины (переодетые в женщин мужчины), составляющие общий фон для полуголого мужчины, чье тело окрашено голубым цветом, а он сам изображает поющего и расслабленного древнегреческого бога Диониса. Представленное зрелище преподносится как триумф новых, нетрадиционных смыслов и ценностей над уходящими в прошлое христианскими символами и традиционными установками. Второй эпизод связан со зловещим образом всадника, облаченным в металлические доспехи, который с Олимпийским флагом на спине скачет по Сене на железном коне. Данный образ весьма напоминает одного из всадников Апокалипсиса, восседающего на «бледном коне», имя которому — Смерть (<https://www.championat.com/olympic/article-5648166-tajnaya-vecherya-na-otkrytii-olimpiady-2024-v-parizhe-vsadnik-apokalipsisa-foto.html>). Данный сюжет ассоциируется с популярным у представителей продвинутой молодежи культом смерти или некромантией, а также отсылает аудиторию к японскому тринадцатисерийному аниме «Потомки тьмы» (<https://yami-no-matsuei.fandom.com/ru/wiki/>). Следует отметить, что один из тематических разделов концептуального проекта церемонии открытия так и называется — «Тьма». В его содержательный репертуар включена сцена, в которой на Сене появляется баржа, где пианист Софиан Памарт на пылающем фортепьяно вместе с певицей Джульеттой Армане исполняют песню Джона Леннона «Imagin» (<https://olympics.com/ru/news/parizh-2024-olimpiiskie-igr-otkryty>). Образом некромантии можно назвать также представленный эпизод, где обезглавленная бывшая королева Франции Мария-Антуанетта под аккомпанемент популярной французской металл-группы Gojira исполняет гимн страны, начиная его со следующих слов: «Все будет хорошо!» (<https://dzen.ru/a/ZqUScyMaR2FxxxA5?ysclid=m12avy2mon246493279>). Такое зловещее соединение в одной сцене устрашающей страницы из революционной истории Франции с современным тяжелым роком еще раз отсылает нас к заранее продуманному стратегическому замыслу разработчиков церемонии открытия Олимпиады, а именно — к утверждению в массовом сознании новой мировоззренческой доктрины, построенной на принципах и символике квин-культуры, тесно связанной с культом Смерти и Тьмы.

Русия Н.Т.
(Краснодар, КубГУ)

ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ В ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ ЮГА РОССИИ*

В новых геополитических и социально-политических условиях ресурсный потенциал гражданской солидарности нуждается в масштабном и глубоком исследовании для максимально эффективного использования на благо развития регионов страны. По данным опроса ВЦИОМ от 20 февраля 2023 г., у жителей России доминирует декларирование поддержки над деятельностным подходом в отношении лиц, на чьей жизни отразилась специальная военная операция. Доля граждан России, заявляющих о готовности оказывать поддержку жителям новых территорий и российским солдатам (79 %), мобилизованным (74 %) и беженцам (72 %), значительно превышает число тех, кому доводилось помогать указанным категориям граждан (55 %, 36 % и 21 % соответственно). Решение общенациональных задач

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда, проект № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности».

в постпандемный и санкционный период требует поиска новых возможностей для создания устойчивых и эффективных сообществ, способных выполнять задачи по решению проблем территорий.

Цель исследования — охарактеризовать субъекты, формы и уровни актуализации гражданской солидарности в контексте политики развития городских и сельских территорий Юга России, а также форматы включения жителей в практики солидарности. Эмпирическая база исследования включает статистические и аналитические данные из открытых источников, транскрипты 45 экспертных интервью и результаты анкетного опроса жителей регионов Юга России (N = 969).

По итогам проведенного исследования нами были выявлены ключевые субъекты формирования гражданской солидарности: федеральные и региональные органы власти, общественные организации и движения («Народный фронт», «Мы вместе» и др.), бизнес и предпринимательские сообщества, некоммерческие организации, волонтерские сообщества, сетевые сообщества и культурно-просветительские сети.

Характеристика гражданской солидарности в разрезе описываемой модели связана с уровнем включенности различных субъектов местного уровня в социально значимую активность. В условиях, когда из решения задач местного сообщества исключены группы жителей, гражданская солидарность обретает эксклюзивный характер. Принципы и ценности гражданского участия в таких сообществах не разделяются, его представители не понимают общественную значимость практик солидарности, у них отсутствует видение будущего своего места проживания. Эксклюзивный уровень гражданской солидарности обозначает интеграционные проблемы в области имплементации принципов общественного самоуправления, где несогласованность целей и действий различных социальных сообществ усиливают социальную отчужденность в обществе и служит барьером в конструировании солидарного социума. Эксклюзивная солидарность местного сообщества обнаруживается в условиях дефицита института лидерства, ориентированного на развитие местного сообщества, способного к консолидации разных групп жителей (Есть личностное доверие в политике, когда люди обращаются к какому-то конкретному человеку, лидеру, скажем, и ощущают с ним какую-то персональную связь, и есть институциональное доверие, когда люди доверяют нормам, правилам, верят в то, что если действовать по существующим правилам, то можно прийти к определенному результату (из материалов экспертного интервью).)

На основании различных ценностно-мотивационных компонентов нами были выделены три формы гражданской солидарности, две из которых являются наиболее распространенными в городских и сельских территориях — рутинная и ситуационная, тогда как ценностно-ориентированная, выраженная в включенности субъектов в проекты развития территории и системностью мероприятий, связанных со стратегическими приоритетами развития, в современной политико-управленческой практике, встречается редко.

Представленный набор структурных характеристик гражданской солидарности можно использовать для поиска эффективных способов интеграции граждан в конструктивные формы гражданского участия и укрепления взаимного доверия между властью и населением.

Русских М.С.
(Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ХОРВАТИИ И БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ: СТРУКТУРИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ АКТОРОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Автор опирается на результаты исследования, проводившегося с использованием статистических данных последней объективной переписи населения СФРЮ для детализации территориального расселения основных этнических/национальных общностей СР Хорватии и СР Боснии и Герцеговины. Использование данных материалов позволило отойти от достаточно общих представлений об этнополитических конфликтах в указанных республиках. Одним из результатов исследования стало то, что структурирование отношений акторов имело под собой фактически инвариантные основания, которые во многом и определили последующее развитие этнополитических конфликтов до 1995 г. Главным из таких инвариантов автор полагает характер расселения основных этнических/национальных общностей: возникновение препятствий в плане национально-государственного строительства для акторов полей хорватское и мусульманское (бошняцкое) «национализирующееся государство»/«новое национальное движение» было обусловлено противодействием акторов полей «национальное меньшинство» (сербского — для случая Хорватии, сербского и с определенного момента хорватского — для случая Боснии и Герцеговины) в виде реализации ими альтернативных (сепаратистских относительно будущих новых национальных государств) этнополитических проектов, границы которых в целом совпадали с зонами, выделенными автором по итогам анализа статистики.

Фактические действия, предпринимавшиеся для реализации данных проектов, в случае Хорватии и Боснии и Герцеговины привели к военным конфликтам, ставшим центральным препятствием на пути к их состоятельной национальной государственности.

В обоих случаях формирование внутреннего сепаратизма было первоначально связано с односторонней автономизацией на основе объединения муниципалитетов при наличии системной политической и организационной поддержки акторов полей «внешнее отечество» (условных Белграда и Загреба). Анализ конкретных примеров позволил автору выделить основные этапы структурирования отношений акторов в проконфликтном ключе: 1) формирование параллельных политических институтов и структур; 2) провозглашение «исключающих» национально-ориентированных инициатив; 3) политическое, экономическое, культурное и информационное «расщепление» этнических/национальных общностей или групп; 4) принятие решений, интерпретируемых в категориях стремления к политической субъектности, и их легитимация (как правило, в плебисцитарной форме); 5) совершение односторонних действий, направленных на обретение субъектности государственного типа.

На примере случаев Хорватии и Боснии и Герцеговины автор имеет основания полагать, что «точка невозврата» в отношении акторов преодолевается на этапе № 4. Для реализации любого из рассмотренных этнополитических проектов событие «проведение референдума» становилось тем фактом политической реальности, относительно которого далее необратимо выстраивалось проконфликтное взаимодействие сторон: независимо от того, какая из сторон прибегала к данной форме легитимации собственных действий, наступление момента «решающего выбора» свидетельствовало о признании накопленных политических противоречий не разрешимыми иным образом, сигнализировало о предстоящем разрыве отношений и требовало ответных решений. Автор отмечает, что успешность данных действий непосредственно зависела от наличия устойчивых представлений о рисках или перспективах той или иной этнической/национальной общности или группы в контексте действий «другой» или «других» (для Боснии и Герцеговины) сторон. С точки зрения момента, референдумы проводились тогда, когда дальнейшие взаимодействия акторов переставали бы считаться приемлемыми. Таким образом, автор полагает, что именно успешное проведение референдумов в Хорватии и Боснии и Герцеговине (как правило, с предсказуемо взаимоисключающими результатами) способствовало тому, что отстаивание интересов сторон далее осуществлялось вооруженным путем.

Рыжков А.Е.
(Екатеринбург, УрФУ)

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Очевидно, что в мире уже достаточно давно складывается новая геополитическая ситуация, которая значительно отличается и от двухполярного мира «Запад–Восток» периода 1940–1980-х годов, и от времени после распада советской империи. На несколько лет после этого развала коллективный Запад захватил инициативу и в политическом, и самое главное для них, экономическом смысле. Но не смог ее удержать. Одна из проблем состоит в том, что либералы и их идеология, как оказалось, не способны к объединению, интеграции общества, оно стало разваливаться на бесчисленное количество фракций и групп. Это заложено в их восприятии мира — ориентация исключительно на самоощущение, примат индивидуума над обществом. В этом случае классический общественный договор, который был конституирован во времена Просвещения и из которого происходит суть современного государства, теряет смысл.

Общественный договор предполагал поиск условий и компромиссов для дальнейшего развития и сосуществования между крупными социально-политическими и национально-культурными группами. Нынешняя ситуация различается категорически — на Западе создается хаотическое движение бесчисленных гендерных, социальных, национальных групп. В этих условиях невозможно достигнуть общественного консенсуса, любая ничтожнейшая политическая единица получила право быть инсургентом, бороться с ценностными основами современного общества.

Приведем несколько существенных характеристик нынешнего положения:

1. Атомизация и деградация политических элит Запада и либерального мира в целом.
2. Таким образом, одна из основных моделей цивилизационного развития — западно-христианская, которая долгое время доминировала и считалась примером развития, утрачивает свою роль. Глобализация как общемировой проект, который последние десятилетия считался естественным и неотвратимым, находится под серьезной угрозой.

Это было возможно при существовании слабых национальных правительств. Но в ситуации начала 2000-х годов, когда кардинально изменилась концепция развития таких стран, как Китай и Россия,

стремящихся к абсолютному суверенитету, в том числе в отстаивании экономических интересов своих национальных корпораций, глобалистские тенденции стали утихать.

3. Тем не менее даже в этом состоянии либеральный мир постоянно продуцирует новые мифы и вызовы, которые помогли бы сохранить глобализацию и ее влияние на общемировые процессы.

В этих условиях Россия остается фактически последней классической цивилизацией, как они описывались в европейской и российской историографической традиции. Она сохраняет фундаментальные цивилизационные черты:

- устойчивый общественно-политический и национально-культурный консенсус при государствообразующей роли русской культуры и восточно-христианских православных ценностей;
  - создание модели национальной экономики как сочетание координирующей и стимулирующей роли государства и свободы частного предпринимательства при защите частной собственности — «корпоративный капитализм»;
  - отстаивание национальных интересов и защита «русского мира» — носителей русского языка и культуры, участие в создании системы многополярного мира.
4. Появление новых центров глобального экономического и политического влияния — Китай, т.н. глобальный Юг, арабский мир, Африка.
  5. Кризис системы ООН и вообще традиционных, возникших за годы после Второй мировой войны международных институтов.

Российская цивилизация — глобальный геополитический центр.

Россия — фактически автор концепции многополярного мира, ухода от европоцентризма и доминирования США как в политической, так и в экономической сфере.

Политика доминирования атлантических держав практически и привела к распаду мировой системы свободной торговли, рынка труда и инвестиций, равноправному технологическому обмену.

Россия по совокупному геополитическому и цивилизационному потенциалу могла бы претендовать на роль стабилизирующего фактора в Евразии и на территории постсоветского пространства.

Рыхтик М.И.

(Нижний Новгород, ННГУ; Москва, РУДН)

БИОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ. ОТВЕТ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА*

Доклад посвящен одной из наиболее актуальных проблем современной политологии. Включение в мирополитический анализ феномена «биополитики» позволяет по-новому взглянуть на вызовы обществу и государству в условиях распространения биологических вызовов. Сложившаяся ситуация вскрыла качественные изменения в обществе и серьезные претензии к государству. Опыт противостояния негативным последствиям распространения COVID-19 заставили по-новому взглянуть на процессы регулирования жизни современного общества. Представляется очевидным необходимость понимания возможных стратегий реагирования на уровне государства и общества на вызовы биополитического характера.

К XXI в. сложились основные традиции в изучении биополитики, а именно: биополитика как интегрирующая основа политического и социального, а также этологический подход к деятельности человека; биополитика как властная практика и «приватизация» властью «голой жизни» или человеческого капитала (фуконианское направление); политизация и секьюритизация биологического измерения в жизни общества.

Все «биополитики» между собой дискурсивно не связаны, а исследователи, как правило, не ссылаются на работы друг друга. Первое направление исследует человека как продукт биологической эволюции. Оно развивается разными школами: американской (Л. Колдуэлл, Т. Виджел и др.), германской (П. Майер, В. Тённесманн и др.), греческой (А. Влаврианос-Арванитис и др.), российской (М.В. Гусев, А.В. Олескин и др.). Второе направление рассматривает биополитику как особую властную практику. Кроме «классической» версии М. Фуко в рамках этой традиции представлены идеи Дж. Агамбена, Ж. Бодрийера, А. Негри, М. Хардта и др. Третье направление разрабатывает проблемы безопасности и биоэтики, формирующие действия власти, которые являются ответами на вызовы со стороны современной науки и биомедицинских технологий (суррогатное материнство, проблемы эвтаназии, киборгизация человеческого тела, геновая инженерия, биологическое оружие и т.п.).

* Доклад подготовлен в рамках госзадания Н — 024-0_2023-2025 Биополитические технологии в современной России: угрозы и стратегии.

Анализируя реакцию политиков разных стран на угрозу распространения COVID-19, мы видим, что большинство предпочли замкнуться в своих «национальных казармах». Таким образом, при ответе на биологические вызовы произошло «возрождение» государственного регулирования и оно показало разные результаты. Техника «биовласти» в условиях борьбы с распространением вируса характеризуется оторванностью от юридических процедур, которыми оперирует традиционная власть. «Биовласть» решила опереться на внеправовые формы власти, что дало ей большую свободу действий и огромное нерегулируемое правовыми нормами и законами пространство. Известный немецкий ученый К. Шмитт полагал, что в результате отказа от применения права биовласть может использовать в качестве своего орудия гражданские войны на уничтожение, полицейские операции в целях безопасности и даже концлагеря, что ведет не столько к уничтожению человека, сколько к низведению его к животным, биологическим функциям. Неприменимость права подчеркивает большую свободу «биовласти» по сравнению с властью традиционной.

Тракты в США в 2001 г., COVID-19 и анализ этих событий Агамбенom и другими исследователями подтвердили право его концепции на жизнь и ошибочность некоторых выводов классической био-политики. В частности, Фуко предсказывал постепенный отказ власти от «модели проказы» — маргинализации, исключения и преследования. На смену должна была прийти «модель чумы», отражающая «позитивные» технологии власти, — включение, накопление знаний и наблюдение. В реальности произошло обратное, на что и указывал Агамбен в заметках по теме коронавируса.

Когда в Италии ввели полный локдаун из-за коронавируса, Агамбен охарактеризовал принятые правительством решения как «безумные, иррациональные и совершенно необоснованные». Он отмечал, что обществу внушили культ «голой жизни» и страх перед неизвестностью. Так появилась теоретическая основа критики введения чрезвычайного положения. Подобная реакция приводит исследователя к пессимистичному выводу о «конце эпохи буржуазных демократий» и наступлении крайне темных времен для личных свобод, на которые теперь «может быть наложено какое угодно ограничение». Вирус стал «зеркалом», отразившим суть современного общества — иррациональный страх перед смертью и жизнь в постоянном состоянии войны. Биологические вызовы делают смерть публичной, что усиливается современными средствами массовой информации. Все типы политических режимов выбрали примерно схожую стратегию реагирования на вызовы биополитического характера, что требует дополнительного политологического осмысления.

Рябинин Е.В.

(Мариуполь, МГУ имени А.И. Куинджи)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НОВЫХ РЕГИОНОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (КЕЙС ДОНБАССА)

Вторая половина XX столетия определялась конфликтами, в основе которых лежали идеологические противоречия. С распадом социалистического блока подавляющая часть его членов вошла в евроатлантическое сообщество либо выбрало путь на евроатлантическую интеграцию, практически весь мир избавился от потенциальных конфликтов, основанных на идеологии. Однако в это время на первый план выходят конфликты идентичности. Военные конфликты на территории бывшего СССР, Югославии, на африканском континенте, в азиатском регионе отличались высокой степенью ненависти к противнику, и сопровождалось это все ассоциативным рядом «мы-они», «мы-они-другие». В подавляющем большинстве указанный ассоциативный ряд подкрепляется политикой памяти, которая на региональном уровне может отличаться от общегосударственного, что и является причиной многих межэтнических конфликтов, как это произошло на Украине.

Историческая память является важным инструментом в контексте формирования идентичности. Т. Гарр считает, что народы/люди имеют большой набор признаков для коллективной идентичности: общая история, мифы, религиозные верования, язык, регион проживания, коллективные группы, которые чаще называются этническими группами, меньшинствами, часто различаются по явно отличительным чертам. Ключ к идентификации группы — это не только наличие какой-либо черты или комбинации черт, а чаще это общее восприятие, определяющее черты. И важным аспектом в данном контексте выступает политика памяти, которая может использоваться двояко — с одной стороны, поддерживать группу людей определенного региона или даже всей страны в рамках одной исторической канвы для создания и поддержания исторических скрепов, с другой стороны — может использоваться для влияния на населения региона либо всего государства для принятия абсолютно противоположных установок [Gurr Ted R. Minorities at risk. A global view of ethno-political conflicts. United States Institute of Peace Press, 1993. — 427 p.]. Яркий пример можно было наблюдать в течение всего существования Украины на современном этапе, когда специалисты по когнитивным войнам формировали среди насе-

ления страны русофобское отношение к событиям Великой Отечественной войны, что автоматически перекладывалось на отношение к современной России.

Политику памяти можно рассматривать как набор приемов и методов, при помощи которых осуществляется утверждение интерпретаций определенных исторических событий.

Политика памяти на Донбассе формировалась асинхронно, поскольку часть региона уже отставала свою независимость с 2014 года, ряд территорий еще были в составе Украины, как, например, Мариуполь, политика памяти в новых реалиях стала формироваться только после его освобождения. Официально город был освобожден 20 мая 2022 года, но уже 9 мая в условиях военных действий был проведен парад Победы, который посетило большое количество как местных жителей, так и политиков, военных, волонтеров, актеров из разных регионов России. Данное мероприятие вновь было востребовано после десятилетия забвения, когда вместо парада Победы ежегодно 13 июня по центральной улице проводилось шествие неонацистского полка «Азов» (признана террористической и запрещена в России).

На Донбассе достаточно памятников воинам-участникам ВОВ, улицы также носят фамилии определенных воинских формирований, которые освобождали города или названы в честь отдельных героев. Данный исторический период в должной мере отражен в топонимике города. Однако, на взгляд автора, в регионе отсутствует историческая преемственность, в этом контексте необходимо следовать примеру крупных российских городов, среди которых может быть Ростов-на-Дону, в котором можно найти памятники и воинам Отечественной войны 1812 года, участникам Первой мировой, Великой Отечественной, а также уже памятники участникам СВО. Например, это было бы актуально для Луганска, литейный завод которого отливал пушки для русской армии в 1812 году, а Луганский патронный завод производил до 1 миллиона патронов в день во время Первой мировой. Таким образом складывается целостная картина из основных исторических событий, которые не только происходили на территории города либо региона, но и отобразились на развитии государства, к которому принадлежит этот город.

Современным направлением в контексте политики памяти является нанесение муралов на фасады домов. Достаточно верным решением в привлечении внимания жителей региона к событиям русской весны является размещение постоянных выставок фотографий, на которых запечатлена борьба народа Донбасса за независимость.

Сегодня, когда идет ведется активная фаза когнитивной войны за умы новых российских регионов, необходимо разрабатывать и реализовывать программы, направленные на усиление осведомленности местного населения с историей своего города, региона и страны в целом, чтобы избавиться как можно быстрее от фальшивой украинской истории, которая навязывалась молодому поколению через образование, топонимику и средства массовой информации.

Рябов О.В.
(Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И.Герцена)

ОБРАЗ ВРАГА И ДИСКУРС ВОЗРАСТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ*

В докладе, построенном на анализе официального дискурса российской власти и ведущих СМИ, заявлений российских политиков, а также результатов проведенного авторами в 2023 г. социологического исследования, дискурс возраста впервые рассматривается в качестве ресурса создания образа врага.

Образ врага — один из важных элементов символической политики, за интерпретацию которого идет борьба между ее акторами. В работах отечественных и зарубежных авторов (напр.: Keen, 1986; Harle, 2000; Гудков, 2005; Рябов и др., 2023) исследуются различные ресурсы конструирования врага, включая политический, исторический, конфессиональный, этнический, расовый, пространственный, экологический дискурсы. Мы предлагаем рассмотреть в качестве ресурса создания образа врага дискурс возраста. Это предполагает анализ следующих исследовательских вопросов, которые определяют и структуру доклада. Как может быть охарактеризована проблематика исследования образа врага? Каковы причины и формы политизации возраста? Как происходит секьюритизация возрастных особенностей? Как дискурс возраста способствует реализации функций образа врага? Наконец, как эта взаимосвязь образа врага и дискурса возраста проявляет себя в современной политической риторике и социальных представлениях?

Потенциал использования дискурса возраста в создании исследуемого образа обусловлен такими чертами возрастных маркеров, как очевидность, заметность и понятность, а также апелляцией к при-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01414 (проект «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике»). URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>.

родному, естественному характеру возрастных различий, что делает символическую границу между «своими» и «чужими» более прочной. Помимо этого, оценочность, которая содержится в репрезентациях возраста, способствует легитимации социального неравенства.

Причины и формы секьюритизации возраста в символической политике в России рассматриваются в докладе на материале двух периодов: митинговой активности 2017–2021 гг. и усиления конфронтации с «коллективным Западом». Среди аспектов секьюритизации возрастных различий — во-первых, акцентирование уязвимости определенных возрастных групп, прежде всего, детей. Во-вторых, это вопрос связи поколений; преемственность «отцов» и «детей» представляет собой необходимое условие безопасности общества; при этом в провластном дискурсе оппозиция обвиняется в стремлении расколоть социум по линии поколений (что нередко маркируется как вольная или невольная помощь внешнему врагу), а в оппозиционном — опасностью объявляется доминирование старших поколений в обществе, что обрекает его на застой. В-третьих, возрастные особенности, которые представляют собой отклонения от нормативной человечности как состояния взрослого индивида, будь то инфантильность или дряхлость, также маркируются как могущие представлять угрозу для социума.

Помимо политической мобилизации, которой способствует акцентирование связанных с возрастными различиями угроз, дискурс возраста используется как ресурс и при реализации иных функций образа врага, в числе которых укрепление коллективной идентичности; легитимация насилия; легитимации власти и социально-политического порядка; предсказание победы (см. подробнее: Рябов и др., 2023).

Результаты проведенного интервью показали, что социальные представления россиян в целом коррелируют с данными тенденциями.

Рябова Т.Б.
(Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

ВОЗРАСТНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ*

В докладе представлены результаты исследования роли, которую в современном российском политическом пространстве играют возрастные стереотипы — устойчивые, разделяемые, эмоционально окрашенные представления об особенностях личных качеств и социальных ролей индивидов, детерминированных их возрастом. Возрастные стереотипы, с одной стороны, включаются в символическую политику различных акторов и выступают частью процессов политической мобилизации, легитимации, политики памяти, политики идентичности макросообществ. С другой стороны, возрастные стереотипы становятся фактором оценки политических явлений, процессов, политических акторов (как политиков, так и избирателей). Среди важнейших причин использования возрастных стереотипов следует назвать их способность иерархизировать стереотипизируемые объекты, что позволяет привлекать их для обозначения неравенства. Качествами, приписываемыми общественным мнением власти (сила, самостоятельность, самообладание, решительность и т.д.), различные возрастные группы наделяются в неодинаковой мере; поэтому, например, оппозиция «ребенок — взрослый» выступает в качестве своеобразной матрицы отношений власти и подчинения.

Закономерности возрастной стереотипизации политических акторов и политических процессов гражданами исследовались на материалах полустандартизированного интервью, проведенного в 2023 году в трех регионах России. Во-первых, с помощью стереотипных маркеров возраста характеризуются политики и избиратели. Наделение политика возрастными маркерами (юности, старости и др.) коррелирует с уровнем доверия ему, степенью его легитимности. В подавляющем большинстве респонденты отдают приоритет возрасту зрелости с приписываемыми ему объективностью, ответственностью, самообладанием и другими характеристиками, каждая из которых является атрибутом власти сама по себе. Влияние возрастных стереотипов на характеристику политического поведения граждан, их политические предпочтения определяются теми же закономерностями («у молодых людей менее трезвый, реалистичный, взгляд на вещи, чем у людей среднего и старшего возраста»). Во-вторых, возрастная стереотипизация влияет на требования к политикам, занимающим позиции в различных сферах политики (национальной, молодежной и др.), а также позиции разного ранга и разного уровня ответственности (глава государства, региона и др.). Требования опрошенных к возрасту политика смягчаются с понижением статуса позиции, на которую этот политик претендует;

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>.

с другой стороны, для респондентов оказываются важными преимуществами той или иной возрастной группы (энергичность юных в одном случае — опыт, ответственность политиков старшего возраста в другом). В-третьих, возрастные стереотипы включаются в оценку ценностных ориентаций граждан различных возрастных групп. Большинство опрошенных констатирует существенное различие ценностей молодежи и старшего поколения. При этом категоричности при оценке межпоколенческого разрыва в российской политике значительно меньше. В-четвертых, возрастные стереотипы респонденты используют в характеристиках политики в качестве символа (взрослое/невзрослое поведение политика и т.д.). Например, инфантильными, «невзрослыми» респонденты называли Украину, страны Балтии, ЕС, приписывая им несамостоятельность, незрелость, безответственность и т.д. Россия описывается респондентами как «взрослая» страна, что связывалось ими с такой ее характеристикой, как самостоятельность/суверенность. Подобные характеристики обусловлены представлениями о легитимности власти.

В докладе обосновывается положение о том, что возрастные стереотипы выступают одним из ресурсов власти.

Рябченко Н.А.
(Краснодар, КубГУ)

АРХИТЕКТУРА ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Цифровое пространство как сложная и нелинейная система включает в себя множество уровней: от начального уровня контент до уровня построения прогнозов и взаимодействия с внешней средой. Многообразие этих уровней описывается архитектурой цифрового пространства. Архитектура цифрового пространства определяет теоретические и методологические рамки исследования цифровой политической коммуникации. Архитектура цифрового пространства — это концептуальная многоуровневая модель, описывающая структуру и особенности функционирования различных цифровых систем и сервисов, формирующих цифровое пространство, и методология исследования того, как цифровой политический контент распространяется, продуцируется и воспринимается в современном обществе. Для детализированного и структурированного представления цифрового пространства как сложной системы в его архитектуре мы будем выделять несколько аналитических уровней: контент, процесс, система, среда, прогноз.

Выбранный аналитический уровень архитектуры цифрового пространства определяет качество и глубину анализа, возможность и точность построения прогнозов любых процессов, протекающих в нем, включая процессы цифровой политической коммуникации. Каждый из аналитических уровней — это результат развития коммуникационных технологий и эволюции коммуникативных технологий, сформировавших и продолжающих формировать и трансформировать цифровое пространство. Понимание базовых элементов, процессов и технологий каждого из аналитических уровней дает возможность исследовать цифровую политическую коммуникацию в зависимости от поставленных задач с разной аналитической глубиной, ресурсоемкостью, временными затратами. Аналитический уровень «Контент» позволяет сфокусироваться на текущих политических событиях и в этом контексте анализировать цифровую политическую коммуникацию через содержание, характеристики, качество цифрового политического контента. Главный аналитический конструкт этого уровня — социальные графы. На аналитическом уровне «Процесс» цифровая политическая коммуникация также рассматривается сквозь призму цифрового политического контента, однако учитывается трансформация цифрового политического контента во времени, что дает возможность описывать цифровую политическую коммуникацию не только «здесь и сейчас», но ее изменение во времени. Главный аналитический конструкт этого уровня — динамические социальные графы. Анализ динамических социальных графов на этом уровне позволяет исследовать протестные движения, отслеживая ключевых лидеров мнения и динамику распространения цифрового политического контента. Аналитический уровень цифрового пространства «Система» учитывает в анализе три измерения: данные, время и гипертекстурируемость. Это позволяет анализировать цифровую политическую коммуникацию как совокупность дискурсивных полей, что дает ряд аналитических таких преимуществ, как выявление структур влияния, анализ ключевых тем и нарративов, анализ динамики и трансформации политических дискурсов, оценка эффективности коммуникативных стратегий. Именно на аналитическом уровне «Система» происходит анализ цифровой социально-политической повестки дня. Ключевой особенностью проводимой аналитики на уровне «Среда» является анализ процессов конвертации политического капитала из офлайн-пространства в цифровое пространство и наоборот, в результате реализации цифровой политической коммуникации. Это критически важно

для успешной реализации политических стратегий и кампаний в современных условиях. Интеграция цифрового и офлайн-пространства происходит за счет акторов цифровой политической коммуникации — цифровые инноваторы и цифровые стратеги, эффективная деятельность которых зависит от уровня проводимой прогнозной аналитики цифровой политической коммуникации на уровне «Прогноз». Проведение прогнозной аналитики цифровой политической коммуникации связано с использованием методов машинного обучения и нейросетей для обработки цифрового политического контента, как больших данных, генерируемого в ходе реализации цифровой политической коммуникации. Применение методов машинного обучения и нейросетей требует предварительной оценки эффективности/результативности и применимости в прогнозировании процессов цифровой политической коммуникации. Алгоритм предварительной оценки необходимости внедрения методов машинного обучения и нейросетей в анализ и прогнозирование цифровой политической коммуникации, состоящий из четырех шагов позволяет принять решение о целесообразности и реализуемости прогнозной аналитики. Помимо этого, система прогнозирования процессов цифровой политической коммуникации требует наличия механизма обратной связи в виде оценки экспертным сообществом результатов работы систем прогнозирования цифровой политической коммуникации, работающих на основе методов машинного обучения и нейросетей. Выделенные аналитические уровни цифрового пространства позволяют проводить комплексный анализ и моделирование цифровой политической коммуникации, обеспечивая глубокое понимание ее структуры, динамики и ее процессов эффективности.

ОСОБЕННОСТИ СБОРА И АНАЛИЗА ДАННЫХ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Массивы данных о современных политических конфликтах значительно изменились в результате развития новых информационных технологий, в том числе социальных сетей. Эти изменения в первую очередь определены увеличением объема информации о протекании конфликта, а также с ростом гетерогенности таких массивов информации. Информации о конфликтах стало не только больше, она стала более разнообразной и субъективной. Исследователи получили возможность более комплексно и детализированно анализировать ход конфликта. В то же время новации информационных массивов о конфликтах ставят вопрос новых критериев и методов отбора данных. Соответствуют ли действительности факты, которыми оперирует исследователь? Если не соответствуют, то почему? Какими методами и с использованием каких критериев можно отделить достоверные факты в общем информационном потоке?

Необходимость инновационных подходов к сбору информации о предпосылках политических конфликтов в условиях высокой скорости цифровизации определены, во-первых, значительным увеличением объема информации, которую необходимо обработать, а во-вторых, названными выше изменениями содержания данной информации.

Увеличение объема данных, которые подлежат обработке, поставило задачу повысить уровень автоматизации процессов работы с информацией. Большие тексты из всемирной сети можно достаточно быстро обработать при помощи систем автоматического поиска и анализа. Искусственный интеллект упростил данную задачу. Но остается содержательный вопрос: что должны искать эти системы, с учетом появления новых массивов информации? Контент-анализ предоставляет общие подходы и некоторые прикладные инструменты решения данной задачи. Но такой этап обработки информации, как формирование системы слов и фраз — единиц анализа и единиц счета, не поддается автоматизации. На вопрос: «Какие слова и выражения характеризуют предпосылки политического конфликта?» ответить можно лишь с учетом ранее проведенных исследований и индивидуальных характеристик каждого изучаемого конфликта. Спектр таких характеристик может быть очень широким. Универсальных наборов единиц анализа и единиц счета для любых политических конфликтов не существует. Однако, как полагает автор, можно сформировать базовые совокупности таких единиц для политических конфликтов разных типов: этнополитических, электоральных и т.д. Такие базовые совокупности не будут подходить для всех возможных объектов исследования, и их придется корректировать для каждого политического конфликта с учетом его особенностей. Но дополнить содержательное ядро системы единиц счета и анализа легче, нежели сформировать его с нуля.

Создание совокупностей базовых единиц анализа и счета возможно при определенных условиях. Например, необходимы дифференцированные классификации политического конфликта по взаимодополняемым основаниям. Подобные классификации разработаны или могут быть созданы. Но необходимо указать на важную особенность: факт присутствия классификации в академическом дискурсе не означает, что данную классификацию можно применять для прикладного анализа. Такая возможность возникает лишь тогда, когда классификация разрабатывается на эмпирическом материале. Автор ожидает роста интереса исследователей к апробации существующих классификаций политического конфликта и к разработке новых.

Каким образом изменение содержания массивов информации о политическом конфликте повлияло на подходы к сбору такой информации? Под изменением содержания информации автор понимает дифференциацию ее форматов. Например, важным источником информации о политическом конфликте являются фотографии участников массовых мероприятий. Фотофиксация таких мероприятий становится все более популярной, и в большом количестве случаев эти фотофакты делаются публичными путем размещения их в социальных сетях. Фотографии с мероприятий политической направленности позволяют анализировать не только тексты с описанием данных мероприятий, как это было ранее, но также тексты с плакатов, транспарантов и других материальных носителей информации, которые используют участники мероприятий. Таких фотографий стало много, что позволяет отнести данный вид информации к объективно характеризующим мероприятие. Большие массивы фотофактов дали возможность интерпретировать невербальную информацию о мероприятиях. Ключевыми параметрами невербальных характеристик являются: цветовая гамма информационных материалов мероприятия; возраст участников; одежда как показатель принадлежности к социальной группе.

Автор приходит к выводу об объективной необходимости методологического прорыва в области сбора и изучения информации о предпосылках политических конфликтов. Основания для новых под-

ходов уже созданы активным применением количественных методов для анализа текстов, эмоций, ставших результатом взаимодействия людей в политическом процессе и невербальных коммуникаций.

Савельчев Л.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПАРЛАМЕНТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА С РЕГИОНАМИ СТРАН–ЧЛЕНОВ БРИКС+: ТЕКУЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

После февраля 2022 г., когда в отношении России были введены беспрецедентные санкции, страна переориентировалась на так называемые дружественные страны, к которым сегодня можно отнести порядка 30 государств¹. Ситуация на межгосударственном уровне не могла не отразиться на международных связях регионов России.

Хотя ряд исследователей, в частности А.В. Зотова и С.Н. Полторака, отмечают, что бывшие результаты международных межрегиональных связей (на примере парламента Санкт-Петербурга) могут быть использованы в качестве основы для выхода из текущего геополитического кризиса (Proceedings of Topical..., 2024, p. 104)², на наш взгляд, возобновление партнерства между Санкт-Петербургом и европейскими регионами крайне маловероятно до окончания конфликта на Украине.

Более перспективным является поиск путей соприкосновения Законодательного Собрания Санкт-Петербурга с регионами стран–членов БРИКС+.

У Санкт-Петербурга установлены побратимские связи с иностранными регионами пяти из девяти стран–членов БРИКС+ (без учета России). Соглашения о побратимских связях курируются Правительством Санкт-Петербурга. Однако Законодательное Собрание Санкт-Петербурга имеет в своем «арсенале» парламентской дипломатии собственные квазисоглашения. С членами объединения БРИКС+ такие соглашения установлены с регионами Китая, Ирана, Индии и ЮАР. При этом с Индией, ЮАР и Ираном парламентские отношения были налажены только за последние два года.

В рамках данных соглашений в зависимости от их названия (протокол, меморандум или соглашение) устанавливается готовность к сотрудничеству в различных сферах деятельности, а также декларативно подчеркивается значимость партнерских связей для обоих акторов.

Международная деятельность парламента Санкт-Петербурга с членами БРИКС+ проходит не только посредством подписания специфических соглашений. Как правило, таким соглашениям предшествуют иные формы парламентской дипломатии: приемы делегаций, участие в выездных делегациях от города, участие в международных межпарламентских встречах на базе международных организаций. Кроме того, санкт-петербургские парламентарии предоставляют здание парламента (Мариинский дворец) для проведения интернациональных мероприятий и выступают в качестве организаторов международных мероприятий на территории города, таких как, например, Международный экономический форум. Данные формы парламентской дипломатии используются практически со всеми членами объединения БРИКС, за исключением недавно вступивших.

Египет, Эфиопию, Саудовскую Аравию и ОАЭ можно отнести к числу тех государств, с которыми Санкт-Петербургу и Законодательному Собранию в частности еще предстоит выстроить побратимские связи и наладить деловые контакты. Первые результаты сотрудничества уже имеются: в туристической сфере (в случае с ОАЭ) и торговле (в случае с Египтом), хотя формальными соглашениями ни парламент, ни правительство города с регионами данных стран пока что не связаны.

В качестве механизма налаживания сотрудничества может выступить Международный муниципальный форум стран БРИКС, а также иные международные форумы, проходящие в городе: Международный культурный форум, Саммит Россия–Африка или, например, Форум стратегов.

Кроме того, развитие межрегиональных связей будет зависеть и от усилий федеральной власти и других субъектов РФ по совершенствованию международных торговых коридоров (МТК), в частности МТК «Север–Юг», соединяющего Санкт-Петербург (а также Москву, Рязань, Саратов, Волгоград, Астрахань и Махачкалу) со странами Ближнего Востока и Южной Азии.

Нерешенным остается вопрос о создании межпарламентской ассамблеи для субгосударственных регионов в качестве альтернативы Парламентской Конференции Балтийского моря и Конгресса местных и региональных сообществ Совета Европы.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2023 г. №2530-р., которым утвержден перечень стран, банки которых могут участвовать в валютных торгах в России. Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/49557/> (дата обращения: 29.09.2024).

² Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022). / R. Bolgov, V. Atnashev, Y. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb, S. Pogodin, A. Znamenski (eds). Springer Cham, 2024. — 577 p. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5>.

Савенков Р.В.
(Воронеж, ВГУ)

ДИНАМИКА ПАТТЕРНА «УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» В РИТОРИКЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ В.В. ПУТИНА

Исследования выступлений Президента России В.В. Путина позволили установить повторяющуюся смысловую конструкцию — наличие угрозы национальной безопасности, которой необходимо противостоять. Мы определяем этот сюжет как паттерн «угроза национальной безопасности». Паттерн помогает установить ход мыслей главы государства и формирует у аудитории определенное представление о ключевых проблемах страны и планах по их устранению. Целью исследования стал анализ содержания паттерна «угроза национальной безопасности» в риторике Президента России В.В. Путина, определение его связи с общественными настроениями россиян и его роли в российской политической системе. Мы выдвинули четыре гипотезы: 1) наличие угрозы национальной безопасности является повторяющимся сюжетом в дискурсе В. Путина на протяжении 2000–2008, 2012–2024 гг.; 2) паттерн «угроза национальной безопасности» изменился с внутренней угрозы на преимущественно внешнюю; 3) значимость паттерна «угроза национальной безопасности» в дискурсе с каждым годом возрастает; 4) потребность в безопасности стабильно актуальна для граждан России, что отражается в общественных настроениях.

В основании нашего исследования лежат результаты социологических опросов и анализ наиболее значимых выступлений Президента России В. Путина. Тексты выбраны, исходя из содержательного представления паттерна «угроза национальной безопасности», а также равномерности их представления: между текстами проходит период около трех лет. Исследование проведено на основе базового программного обеспечения.

Особенностью коммуникативной сферы в современной России является объединение вокруг фигуры национального лидера большинства граждан и элитных групп. Президент В. Путин рассматривается как акторно-сетевая персона, политический дискурс которой является наиболее доступным источником выявления ценностных кодов, способных консолидировать российское общество, находящееся до 2022 г. в состоянии аномии, ценностного расхождения между разными уровнями существующих политических ценностей.

Практически все выдвинутые гипотезы подтвердились. Наличие паттерна «угроза национальной безопасности» в той или иной форме фиксировалось на протяжении всего исследуемого периода. Артикуляция угроз национальной безопасности является наиболее развернутой, образно наполненной и передается с использованием широкого спектра речевых тактик. Зафиксирована трансформация паттерна «угроза национальной безопасности» от внутренних факторов к внешним. Значение внешних угроз постепенно возрастает. Данный фактор повышает в выступлениях В. Путина призывы сплотиться перед лицом внешних угроз: военное, экономическое и информационно-культурное давление «коллективного Запада». В последние годы к этим угрозам добавилась опасность применения ядерного оружия, что увеличивает опасности для существования всего мира.

Социологические замеры авторитетных исследовательских центров подтверждают высокую значимость для россиян потребности в безопасности.

Савойский А.Г.
(Москва, Центр устойчивого развития Института
экономических стратегий РАН)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ

Мировое сообщество находится на переломном этапе развития системы международных отношений, переживая системный кризис геополитики. Происходит это во многом потому, что ранее итоги масштабного военного или геополитического конфликта, как правило, способствовали возникновению новой системы международных отношений. Так было после Тридцатилетней войны в Западной Европе, после войны с армией Наполеона, после Первой и Второй мировых войн. Последним международным геополитическим конфликтом стала «холодная война» двух мировых держав: США и СССР. Подписание Парижской хартии о завершении конфронтации в Европе и во всем мире, о наступлении эры демократии состоялось в ноябре 1990 года, но институционально-правовая база международных отношений осталась прежней, послевоенной. Постпослевоенный, однополярный

мир с 1992 года оказался лишен своей собственной правовой базы и опирался на Бреттон-Вудскую систему американского доллара (1944), Устав ООН (1945), Генеральное соглашение по тарифам и торговле (1947), Всеобщую декларацию прав человека (1948), Венскую конвенцию о дипломатических сношениях (1961), Хельсинкский Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975), Ямайскую валютную систему с отменой золотого стандарта (1976), Конвенцию ООН по морскому праву (1982).

Практически все последние 32 года мировое сообщество функционирует по правилам старой мировой системы. Отсюда возникла тенденция игнорирования и пренебрежения международным правом, замена принципов международного права на «право более сильного государства». Содержание современной дипломатии явно отстало от реальности и развития тенденций в мировой политике.

В XXI в. мировому сообществу необходимо завершение всех военных конфликтов, как и полноценный торговый мир без затяжных санкций. Жители планеты Земля нуждаются в моратории на военные конфликты, на производство любых видов вооружений и их испытание. Только возобладание разума у мировых политиков и лидеров государств способно установить мир и развивать сотрудничество во всех направлениях.

Повесткой дня геополитики на современном этапе в XXI в. вполне способна стать экономическая дипломатия. Научная идея текущего периода заключается в том, что образом будущего миропорядка вполне может стать миролюбивая, конструктивная и несиловая экономическая дипломатия. Современную экономическую дипломатию характеризуют более 20 видов и подвидов, что говорит о многогранности ее составляющих компонентов: авиационная, арктическая, атомная, валютная (или монетарная), военная, гуманитарная, космическая, медицинская, морская, почтовая, продовольственная, промышленная, сельскохозяйственная, таможенная, торговая (или коммерческая), транспортная, туристическая, финансовая, цифровая (информационная, криптовалютная, электронная), экологическая и энергетическая. Различие между ними состоит в профессиональных и отраслевых сферах приложения, характере и содержании решаемых задач, а также в специфике средств и методов дипломатического воздействия, других экономических признаках и особых чертах.

Экономическая дипломатия гармонично представляет собой теорию и практику в международных отношениях. По сути, это инструмент внешней политики государства (на основе специальных программ, законов, структур, десятков специализированных видов и механизмов их функционирования) для гармонизации отношений с международными экономическими институтами, структурами внешнеэкономической деятельности, бизнес-сообществом и органами государственного управления. Экономическая дипломатия имеет необходимые возможности и ресурсы, чтобы стать новым трендом в международных процессах XXI в.

Таким образом, миролюбивая и несиловая экономическая дипломатия способна стать международно-политической повесткой дня и альтернативой изжившей себя модели либерального капитализма с его кризисами, стагнацией мировой экономики, упадком национальных экономик, региональными военными конфликтами и эпидемиями.

ООН давно утратила свое предназначение, ее время подошло к концу. Миролюбивые государства, особенно Востока и Глобального Юга, нуждаются в новой системе международных отношений с опорой на новую Международную организацию государств и цивилизаций (МОГИЦ, лучше, если она возникнет на территории РФ); в международном праве по разносторонней экономической дипломатии с золотыми слитками (*golden bricks*) в качестве мировой валюты; в международном военном альянсе во главе с непобедимой Россией.

Предложение о новой системе международных отношений и 25-летнем моратории на военные конфликты может показаться утопией, но лишь утопия и человеческий разум двигают прогрессом.

Савченко И.А.
(Москва, МГППУ)

ОТРАЖЕНИЕ АКТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ В КУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЯХ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЕЖЬЮ

На первый взгляд политика и искусство в условной системе координат находятся максимально далеко друг от друга и имеют несопоставимые характеристики: искусство абстрактно, говорит образами и не имеет правил, в то время как политика — сложная система, функционирующая по своим законам, нормам, рациональным правилам. Политика связана с борьбой за власть и подчинение больших масс, в то время как искусство дает возможность выражать видение, переживания, мысли¹. Однако эти сферы все же связаны между собой и оказывают взаимное влияние. А в современном мире

¹ Мальцев Я.В. Искусство и политика в структуре современности // Философия и культура. 2020. № 10. С. 38–49.

они связаны настолько тесно, что сложно проследить: политика влияет на искусство или искусство на политику?

В XXI веке, во времена крупных перемен всего политического уклада и мирового устройства, политические проблемы особенно активно находят свое выражение в творчестве. В наше время это акционизм, перформансы, постановки, работы Бэнкси и прочих художников и активистов. Благодаря этим явлениям словосочетание «современное искусство» априори воспринимается как нечто провокационное, с глубоко запрятанными смыслами и сложными идеями¹. Мы часто видим явное отражение актуальной повестки защиты прав меньшинств, *BLM*, феминизм в большинстве западных и европейских проектах. С началом СВО все эти повестки словно отошли на второй план, а создававшаяся ситуация является основной темой всех новостей и уже активно проникает в культурные явления в виде выражения идей гуманизма, представления о прогрессивном и правильном мироустройстве, критики властей и призывов к установлению мира.

Для выявления реакции молодежи на отражение политической повестки в культуре и влияния этого отражения на нее в марте—апреле 2024 года было проведено онлайн-анкетирование, в котором приняли участие 250 человек в возрасте от 18 до 24 лет, 75% из которых — студенты вузов г. Москвы.

В ходе опроса были получены следующие результаты.

Большинство молодых людей (52,9%) случайным образом так или иначе находятся в курсе происходящих событий, при этом около трети активно включены в актуальную новостную повестку.

Среди молодежи значительно выросла как заинтересованность в политической ситуации (около трети опрошенных активно следят за новостными источниками), так и общая осведомленность. Даже при том, что большинство респондентов узнают об основных новостях случайным образом от окружения (52,9%), большинство (82,4%) отмечают увеличение своей осведомленности в большей или меньшей степени.

Большинство опрошенных молодых людей считают, что искусство и политика все же связаны друг с другом (всего 94,1%, из них 76,5% убеждены в их взаимном влиянии друг на друга).

Более 64% отметили, что в последнее время часто встречаются схожие с актуальной повесткой ситуации в произведениях культуры, что говорит об активном влиянии политической сферы не только на деятелей культуры, но и на восприятие потребителей.

Абсолютное большинство респондентов (88,2%) уверены: государство может использовать произведения искусства для продвижения определенных целей. Остальные отметили, что это зависит от государства, что тоже не исключает возможности использования сферы искусства как политического инструмента влияния.

64,7% респондентов положительно воспринимают отражение политической повестки в произведениях искусства, в то время как около трети активно не следят за двойными смыслами потребляемых произведений.

70,6% респондентов чувствуют ограничения доступа к новинкам культуры, но оценивают это весьма неоднозначно: 47,1% полагают, что это логичный ответ на сложившуюся ситуацию, ведь политика и искусство влияют друг на друга, а 52,9% считают это нечестным и не понимают причин таких ограничений.

Большинство (64,7%) уверены, что артисты могут высказываться на политические темы, если у них есть такое желание, хотя в то же время почти четверть опрошенных предпочитают вообще не слышать от них ничего связанного с политикой.

Таким образом, проведенный опрос показал, что молодежь достаточно положительно относится к политизации многих сфер общества, в том числе и сферы культуры. Более популярными становятся именно произведения культуры, содержащие в себе отсылки к политическим событиям, близким к современной реальности. Однако в то же время наблюдается тенденция к перенасыщению информацией, что ведет к желанию ослабить политический информационный поток хотя бы в сфере искусства.

¹ Николаева А.А. Информационные потоки и коммуникационные инструменты государственной власти и местного самоуправления // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2023. С. 684—687.

Садыков Р.Р.
(Москва, МГИМО МИД России)

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЕДУЩИХ СТРАН ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Становление полицентричного мирового порядка вписывается в логику общей эволюции политической организации мира. Выделяются три основных мегатренда, каждый из которых присущ ее определенному уровню. Для Вестфальской системы международных отношений как ее основания характерны колебания в амплитуде глобализация—деглобализация, миропорядку как среднему ее уровню присущи изменения в спектре интеграция—деинтеграция, и верхний уровень политической организации мира, представляющий внутривнутриполитические процессы в разных государствах, меняется по оси демократизация—дедемократизация.

Основными участниками среднего уровня политической организации мира, несмотря на всевозрастающую роль бизнеса, субнациональных образований, МНПО, научных центров и СМИ, остаются государства. В то же время на уровне Вестфальской системы международных отношений и внутригосударственном уровне движущими силами соответствующих мегатрендов являются широкие массы населения. Активизация их участия в мирополитических процессах обуславливает интерес к имеющему массовый характер школьному образованию как к фактору мировой политики.

В рамках изучения мирового порядка как среднего уровня политической организации мира важно принимать во внимание характеристики государства, обеспечивающие ему определенный статус на международной арене. К таковым, в частности, относят роль в обеспечении соблюдения прав человека, глобальном экономическом развитии, поддержании международной безопасности, усилиях по борьбе с изменением климата. В то же время в научном сообществе имеется консенсус относительно того, что ключевым параметром, определяющим статус государства на международной арене, по-прежнему остается размер ВВП.

Как показывают исследования Э. Ханушека и Л. Вёссмана, система школьного образования в государстве имеет непосредственное влияние на динамику его ВВП. При этом отмечается, что наибольшее значение имеют не такие формальные показатели, как охват или средняя продолжительность обучения, а когнитивные навыки населения, оценка которых проводится международными программами по мониторингу школьного образования наподобие *PISA*, *TIMSS* и *TALIS*. Проблема обратной причинности разрешается хронологически: согласно статистике, повышение или понижение когнитивных способностей школьников соответственно коррелирует с последующим изменением ВВП изучаемых стран.

Методология Э. Ханушека и Л. Вёссмана представляет интерес в выявлении причинно-следственной связи школьного образования с прочими упомянутыми страновыми характеристиками, определяющими положение государства в международной иерархии, а именно — активностью страны в правочеловеческой и климатической областях, а также в сфере поддержания международной безопасности. Результаты этой оценки дают основания для прогнозирования изменения статуса на международной арене целого ряда государств из числа наиболее развитых стран Глобального Юга.

В первую очередь это касается стран—членов и кандидатов в члены БРИКС, объединяющего Россию и ведущие державы Глобального Юга и являющегося одним из наиболее перспективных межгосударственных объединений, продвигающих полицентричный порядок. Как представляется, движение этих стран в международной иерархии способно оказать решающее воздействие на становление нового миропорядка.

Саймонс Грег
(Бангладеш, Дакка, Университет Даффодил)

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВЫЗОВОВ И ВОЗМОЖНОСТИ СТРАН ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА: РОЛЬ НОВОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

По мере развертывания XXI века продолжается геополитическая трансформация, суть которой заключается в переходе от однополярного порядка, отстаиваемого Глобальным Севером, к многополярности, продвигаемой Глобальным Югом. Основную угрозу для последнего представляет подход Глобального Севера к выстраиванию международных отношений, который представляет собой мес-

сианскую и ревностную форму идеологического прозелитизма. Все страны, за исключением США, становятся объектами влияния, а не самостоятельными субъектами, что приводит к транзакционным и иерархическим (с нулевой суммой) взаимодействиям: некогда суверенные единицы отказываются от своих национальных интересов и безопасности в угоду США. Это контрастирует с подходом Глобального Юга, который является реляционным, более прагматичным, сосредоточенным на интересах и предполагающим взаимовыгодный результат для всех сторон. Ключевыми представителями Глобального Юга являются Россия, Китай и Иран, подвергающиеся различным формам косвенной и скрытой подрывной войны как кинетического, так и некинетического характера.

В 1997 году один из ведущих американских советников, Збигнев Бжезинский, выработал геостратегические императивы для сохранения империи США. К ним относятся: удержание вассальных государств в зависимости и послушании, защита и подчинение клиентских государств, а также предотвращение создания сил и блоков, которые могут бросить вызов утвердившейся абсолютной гегемонии. Это касается стратегических соображений. Контрмеры также должны учитывать операционные и тактические уровни реагирования в контексте пятого измерения, когда ставка делается на использование информации и знаний.

Глобальный Север все чаще полагается на указанное направление деятельности вследствие своего отставания в других измерениях, включая сухопутное, морское, воздушное и космическое. Тем самым делается попытка подавить целевую страну и ее правительство, контролируя информационное пространство и, таким образом, увеличивая свои операционные возможности для определения людей, мест, событий, тенденций и процессов. Страны Глобального Юга, в том числе Россия, сталкиваются с различными рисками и опасностями со стороны Глобального Севера, вытекающими из их статуса суверенных субъектов международных отношений и стремления реализовывать собственные интересы.

Однако стать объектом внешней политики США еще более опасно. Необходимо понимать стратегию и эффекты операционной эксплуатации Глобальным Севером информационной подсистемы. Его намерение влиять на результаты и исходы в когнитивной сфере может иметь глубокие последствия для траектории событий, тенденций и процессов, происходящих в физической плоскости. Необходимо проявлять проактивность для предотвращения и смягчения информационных ударов Глобального Севера, чтобы достичь большей психологической устойчивости, а также социальной и политической сплоченности. Значимость в этой связи приобретают реляционные коммуникативные мероприятия на субгосударственном уровне.

Одним из информационных инструментов, доступных России и другим странам Глобального Юга, является новая публичная дипломатия, которая представляет собой проактивную форму по типу «люди к людям», включая микс государственных и негосударственных акторов. Она предполагает взаимность и соотнесение друг с другом, что позволяет уравнивать потребности и цели всех заинтересованных участников. Недавняя смена режима, осуществленная США в Бангладеш, напоминает о необходимости быть бдительными и проактивными в информационной и когнитивной сферах.

Присутствие среди субъектов международных отношений субнациональных акторов Глобального Юга, включая регионы и города России, выступает одним из факторов формирования физической и психологической устойчивости страны. Ценность всех частей в совокупности должна превышать сумму индивидуальных значений, что можно сделать через координацию стратегий новой публичной дипломатии для уравнивания сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз. Взаимодействия в физическом пространстве, основанные на интересах и прагматичной логике, должны быть сбалансированы с реляционными отношениями в психологической сфере. При условии сочетания этих двух составляющих возможно создание более сложных и стабильных отношений, способствующих не только обмену материальными благами, но также знаниями и эмоциями. Кроме того, необходимо рассматривать как важную долгосрочную цель работу с сообществами недружественных государств, поскольку враждебность их правительств не означает неприязнь народов. Этот факт не должен быть проигнорирован.

*Салимов Д.М.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)*

СЕТЕВОЕ СООБЩЕСТВО И СЕТЕВАЯ ВЛАСТЬ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Трансформация политических режимов в странах Центральной Азии сопровождается формированием таких моделей взаимодействия, которые базируются на новых цифровых технологиях коммуникаций как между политическими силами в отдельно взятом государстве, так и между национальными государствами в целом. Этот процесс сопровождается формированием в регионе новых субъек-

ектов мирового порядка, чья стратегия информационного и идеологического воздействия базируется на относительно новых пропагандистских и контрпропагандистских механизмах, предлагающих такие формы влияния на общественное сознание, которые имеют в качестве своей принципиальной базы горизонтальные и вертикальные коммуникации. Такой формат идеологического воздействия обеспечивает устойчивость стратегии внешних игроков в контексте как сохранения их тотального контроля над национальными государствами, так и внедрения новых культурных и политических ценностей в эти страны. Данное обстоятельство не только побуждает местные власти разрабатывать новые контрпропагандистские механизмы для легитимации своих действий, но и провоцирует радикальные и оппозиционные силы, желающие защищать свои культурные ценности.

В условиях среднеазиатских стран сетевые СМИ являются именно той зоной, где формируется сетевое сообщество, чье позиционирование не всегда соответствует доминирующей идеологии местных властей. В то же время публичное пространство в определенной степени влияет на ключевые характеристики функционирования общества и его стабильность. Этот процесс происходит параллельно с формированием медийной стратегии, ориентированной на сохранение информационной стабильности и легитимации действия местных властей¹.

Сегодня национальные государства повышают свою легитимность преимущественно через СМИ, а свой мировой и региональный статус сохраняют с учетом максимального контроля над медийным пространством и минимального публичного обсуждения существующих проблем. Процесс легитимации действий власти и необходимость сохранения общественного легитимного порядка превращает сетевые СМИ в неизменный механизм реализации публичной политики. По сути, как указывает Н. Луман, сетевое сообщество здесь должно способствовать созданию «общества без центра»². Однако, как показывает опыт, разработанная медийная стратегия, соответствующая идеологии местных властей, способствует формированию такого рода пространства, где все правила диктуются властью. Формирование, на этом фоне, сетевого сообщества может оказаться фактором, как стабилизации, так и дестабилизации общественно-политической ситуации. Это можно было наблюдать на примере Узбекистана в июле 2022 г. после снятия статуса «суверенная» Республики Каракалпакстана из Конституции страны и Таджикистана в 2022 г., когда ряд пользователей социальных сетей стали обвинять в организации несанкционированных митингов на севере страны.

Анализ политической динамики национальных государств также демонстрирует, что цифровая трансформация СМИ в регионе способствовала установлению менее регулируемого медийного пространства и формированию сетевого сообщества, выступающего механизмом, зарождающим идеи, подталкивающие местные власти к определенному действию. В то же время появление сетевой аудитории как следствие цифровизации СМИ также способствовало формированию в национальных государствах новой медийной стратегии, которая стремится сделать эту систему интегративной и отправлять все оппозиционные взгляды на периферию.

В этом контексте, как с теоретической, так и с практической точки зрения, актуальным становится вопрос о моделях взаимоотношений политических режимов стран региона со СМИ в условиях цифровизации института журналистики. Данный аспект рассматривается в сравнительном ключе на примере компаративного анализа таких стран как Таджикистан, Узбекистан, Киргизия и Туркменистан.

Концептуальным основанием исследования является научное представление о том, что определяющим фактором в современных политических режимах (включая авторитарные, смешанные и демократические) является обоснованность политики действующего режима. В условиях среднеазиатских стран данное обстоятельство способствовало появлению новых моделей взаимоотношения с сетевыми СМИ, значительно обеспечивающих информационную безопасность национальных государств в условиях внутренней и внешней борьбы³.

¹ Салимов Д.М. СМИ и политика стабилизации: Таджикистан в меняющемся мире: Монография. Изд-во СПбГЭУ, 2024. — 215 с.

² Луман Н. Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос. 2006. — 320 с.

³ Koopman J. Findings, Speculations and recommendations // Modern Governance. L.: Sage, 1993. No. 3. P. 249–262.

ОТ ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНЫ ДО РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РФ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

ДНР и ЛНР образовались в результате кризиса украинской государственности, обострившегося в 2013–2014 г., связанного как с незавершенностью демократического транзита украинской социально-экономической и политической системы, так и с социокультурным и цивилизационным расколом Украины на европейски ориентированные Центр и Северо-Запад и пророссийский Юго-Восток.

Катализатором кризиса стала приостановка подписания Соглашения с ЕС об ассоциации, что было расценено сторонниками евроинтеграции как отказ от нее. В Киеве и в ряде украинских городов появились «евромайданы» и «антимайданы». При отсутствии должной решительности со стороны правящего режима, в стране 22.02.2014 под натиском радикалов «Евромайдана» произошел государственный переворот. Юго-Восток, бывший опорой президента Януковича и правящей «Партии регионов», попытался организовать сопротивление. Но не везде оно имело успех. АР Крым вошла в состав РФ. На территории Донбасса возникли самопровозглашенные республики — ДНР и ЛНР, заявляющие о себе как о неотъемлемой части Русского мира. «Русская весна» там победила, и была создана новая государственность во многом благодаря особому менталитету Донбасса, смелости и самоорганизации его жителей.

Лидерами «Русской весны» изначально не планировалось создание независимых ДНР и ЛНР. Они ориентировались на то, что восставший Юго-Восток войдет в Россию по «крымскому сценарию», или, по крайней мере, на создание Новороссии. Но киевский режим при поддержке Запада устоял. Против самопровозглашенных республик Донбасса была начата АТО.

В силу того что республикам пришлось защищать свою независимость с оружием в руках, их политический процесс испытал значительное воздействие фактора «человека с ружьем». На территории ЛДНР стала создаваться база «токсичных политий», легитимизированных восстанием против современного мира, привлекающих внимание людей далеко за ее пределами. Шла героизация ряда полевых командиров (Стрелков, Мозговой, Безлер и др.), постепенно превращавшихся в «варлордов», и их батальонов. Воевать за Новороссию и Русский мир, против укронацизма ехали тысячи добровольцев. Это требовало соответствующей инфраструктуры, мобилизации экономики и милитаризации государственной системы. Те управленцы, что не соответствовали этим задачам, покидали республику, как и олигархат. Их место занимали, как элиты, поднявшиеся на волне «Русской весны», так и прибывшие из России военные и гражданские специалисты.

Однако в апреле 2014 г. власти РФ сменили стратегию в отношении Украины и Донбасса. Они добились смены руководства ЛДНР, оттеснив активных сторонников Новороссии, заменив их теми, кто бы согласился на замораживание вооруженного конфликта, который через Минские соглашения переводился в статус внутриукраинского. На состоявшихся в ноябре 2014 г. выборах в республиканские парламенты и глав республик победили в основном сторонники строительства переходной государственности, имеющей *ad hoc*-признание в рамках Минского процесса.

Однако в силу вооруженных провокаций со стороны Украины и необходимости подавления «повстанческой вольницы» и власти «варлордов» ДНР и ЛНР из «токсичных политий» стали трансформироваться в авторитарные режимы с элементами демократуры, революционного каудилизма и «софт-тоталитаризма», где отсутствует политическая конкуренция и нейтрализуется реальная оппозиция. В ДНР после трагической гибели А.В. Захарченко революционный каудилизм трансформировался в культ первого Главы, характерный для большинства сепаратистских государств. В ЛНР такого культа не сложилось, может быть, в силу недостаточной харизмы ее лидеров.

К началу 2021 года при поддержке коллективного Запада «партия войны» на Украине резко усилила эскалацию в зоне конфликта... Поэтому республики при поддержке России приняли государственную доктрину «Русский Донбасс», не признающую границы республик на момент подписания Соглашений и провозглашающую Донбасс «оплотом освобождения территории Украины от национализма и агрессивной русофобии, прибежищем для преследуемых русских соотечественников и сторонников Русского мира».

Этот плацдарм был использован Россией, которая в феврале 2022 года начала СВО, имеющую целью демилитаризацию и денацификацию Украины и освобождение оккупированной части Донбасса, осуществляемую ВС России и Народной милицией ДНР и ЛНР. После того как ДНР и ЛНР вместе с Запорожской и Херсонской областями после сентябрьского референдума 2022 года вошли в состав России, НМ республик вошли в состав ВС России. Политические системы республик ста-

новятся региональными политическими системами в составе РФ, которым предстоит не только приложить немало усилий по преодолению трудностей переходного периода, но и сыграть значительную роль в денацификации Украины.

Самаркина И.В.
(Краснодар, КубГУ)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ КАК СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

В условиях глобальной турбулентности в мировых масштабах происходит конкуренция различных политико-идеологических проектов, а также сопутствующих систем общекультурных и гражданских ценностей. Между тем связанный с реализацией российского проекта политического устройства, на основе общероссийской гражданской идентичности и традиционных общероссийских ценностей, образ будущего страны пока еще находится на стадии практического формирования.

Поиск новых социально-технологических форматов консолидации российского общества и формирования общероссийской гражданской идентичности в современных геополитических условиях невозможен без понимания содержания и механизмов конструирования образа будущего, а также его места в субъективном пространстве политики. Инструментально-технологический ракурс анализа образа будущего как части субъективного пространства политики позволяет системно интегрировать содержательные аспекты и технологические механизмы, определяющие связь представлений (субъективного пространства) и технологий работы с ними.

В авторской интерпретации образ будущего выступает компонентом субъективного пространства политики как совокупности символических, идеологических и культурных образований, обуславливающих содержание ориентационно-поведенческих комплексов разнообразных политических акторов, образование множественных идейных конструкций, функционирующих в политической сфере и оказывающих влияние на организационные формы политических институтов и властных отношений, включающий константные (структура, уровни, траектории, статус/субъектность носителя представлений о будущем) и переменные параметры (содержание структуры, приоритетность уровней, приоритетность траекторий, уровень субъектности носителя представлений о будущем), содержание которых обусловлено совокупностью внутренних и внешних факторов.

Верификации концептуальной модели исследования была проведена на основе эмпирических данных, полученных при помощи фокус-групповых интервью и онлайн-анкетирования представителей молодежи новых субъектов РФ, проведенных в течение 2024 года.

Результаты исследования показали, что для современной российской молодежи образ будущего является частью жизненного мира личности и субъективного пространства политики, а горизонт планирования будущего постепенно расширяется. В структуре образа будущего на основании исследования выявлено пять ключевых компонентов: содержательный (картина будущего), ценностный (значимые идеалы, принципы, определяющие картину будущего), эмоциональный (спектр эмоций, окрашивающих картину будущего), деятельностный (набор предполагаемых и реальных моделей поведения для достижения будущего) и технологический (способы планирования, конструирования будущего).

Образ будущего как часть субъективного пространства политики имеет четыре уровня проекции в жизненном пространстве: личностная проекция (мое будущее); групповая (будущее моего поколения, например будущее современной молодежи); проекция на уровне макросообщества (будущее моей страны); глобальная проекция (будущее мира, человечества). Исследование показало доминирование личностной проекции в представлениях о будущем исследуемой группы респондентов.

По результатам исследования были выявлены траектории планирования будущего, которые соотносятся с различными сферами жизненного пространства личности: личная (семья), карьера, образование, самореализация, релаксация (досуг), общественная (общественно-политическая) деятельность, бизнес и т.п. Несмотря на то что личная траектория планирования будущего опрошенных является доминирующей, ее контекстуальное описание подтверждает интеграцию представлений о будущем в представления о политике: для большинства участников исследования их личное будущее развивается в стране, которая является мировым лидером, выступает гарантом сохранения традиционных ценностей, исторического и культурного наследия общества, суверенной державой. Таким образом, в субъективном пространстве политики именно гражданская идентичность выступает компонентом, определяющим интеграцию в него представлений о будущем.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00660 «Образ будущего новых граждан России: содержание, модели и практики формирования в условиях консолидации современного российского общества».

ОСНОВЫ И СКРЕПЫ СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

При осмыслении азербайджанской идентичности в свое время столкнулись два концепта — тюркизм и азербайджанство. Для мультиэтничного и поликонфессионального Азербайджана с точки зрения национального и государственного строительства более приемлемым стал концепт азербайджанства. Данная позиция исходит из факта наличного независимого азербайджанского государства, существующего на конкретной территории. Она позволяет претендовать на историческое наследие как всех народов, которые проживали на этой территории, независимо от их этнической и религиозно-конфессиональной принадлежности, так и различных государств, когда-то существовавших здесь, — от Мидии и Кавказской Албании до Сефевидского Ирана.

На данном концепте основывается и раскручиваемая на международной арене, особенно в контексте сотрудничества с Западом, в качестве национального бренда модель мультикультурального Азербайджана, которая ставит акцент на том, что, несмотря на доминирующую роль этнических тюрков-азербайджанцев, Азербайджан всегда был многонациональной страной, где проживали представители и других этнических групп (тальши, лезгины, грузины, евреи, русские и др.). Подчеркивается, что многообразие культур и религий всегда было частью истории Азербайджана. Вместе с тем азербайджанские власти на протяжении всей истории независимости активно культивируют гражданский национализм, особенно в контексте территориальных споров с Арменией. Это способствует укреплению национального самосознания среди населения и усилению политической лояльности к правящему режиму.

В контексте вышеизложенного можно сказать, что в современном Азербайджане на формально-официальном уровне разворачивается дискурс азербайджанской гражданско-государственной нации. Важной составляющей этой политики нациестроительства является символическая политика. Символы, такие как флаг, гимн и официальные государственные праздники, играют важную роль в этом процессе.

Необходимо отметить, что этнический фактор хотя особо не подчеркивается в официальном дискурсе политики нациестроительства Азербайджана, тем не менее очень важен в контексте модели азербайджанской идентичности. Тюркская идентичность подчеркивается в контексте активности Азербайджана в деятельности Организации тюркских государств, а этническое родство с турками — в формуле «один народ, два государства».

Исторически важным фактором, повлиявшим на азербайджанскую идентичность, можно считать исламскую религию в шиитском варианте. Долгие века основным индикатором идентичности была именно религия, а не этнос. Но в XX в. положение постепенно поменялось. Сегодня религия утратила прежнее влияние на азербайджанскую идентичность. Декларирование Азербайджана как светского государства объясняется также стремлением отмежеваться от влияния шиитского Ирана.

Для формирования основ современной азербайджанской идентичности важное значение будет иметь включенность Азербайджана в состав Российской империи, а затем — Советского Союза. Вхождение Азербайджана в состав Российской империи ознаменовало новый этап в развитии национальной идентичности мусульманского населения региона. Русификация значительно повлияла на культуру, язык и самосознание азербайджанцев. Этот период также способствовал появлению секуляризации и современных образовательных институтов. В годы советской власти различные формы идентификации (религиозная, племенная, региональная), которые были основными для тюркоязычных мусульман в дореволюционный период, уступают свое место национальной идентификации как азербайджанцев (см.: Золян М. С. Этнополитический конфликт и национальная идентичность: о некоторых аспектах Нагорно-Карабахского конфликта // Вестник РАУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2004. № 2).

Важным фактором, ставшим катализатором формирования современной азербайджанской идентичности, был Нагорно-Карабахский конфликт с Арменией. Потеря контроля над регионами в 1990-х гг. нанесла тяжелый удар по национальному самосознанию, что привело к массовой мобилизации и сплочению общества вокруг идеи восстановления территориальной целостности. Не случайно, что даже сегодня, после полной деарменизации Нагорного Карабаха, Азербайджан не снижает напряженность в отношениях с Арменией. Противостояние с Арменией воспринимается не просто как политический и военный вопрос, но как культурный и моральный конфликт.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРМЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КРИЗИС ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ?

4 4-дневная армяно-азербайджанская война 2020 г., «исход» армян из Карабаха и некоторые другие факторы сделали латентный, на наш взгляд, кризис идентичности в Армении очевидным. На различных уровнях, в том числе официальном властном, все чаще и чаще стали говорить о необходимости демифологизации и пересмотра сложившихся нарративов. По существу, на повестку дня стал выноситься вопрос модернизации армянской идентичности.

Рассмотрим некоторые элементы и проявления попыток модернизации армянской идентичности.

Демифологизация истории (политика памяти). Устами высшей политической власти все чаще и чаще раскручивается тезис, что нужно отказаться от многих исторических нарративов, так как они препятствуют прогрессивному развитию армянского государства.

Карабахский фактор. Возникновение Республики Армения шло в контексте борьбы за Карабах. В итоге сформировался такой нарратив, что независимость и суверенитет Армении неотделимы от независимого армянского Карабаха. Символическая декарабахизация Армении в итоге завершилась демарманизацией Карабаха.

Символическая политика. Развертываются дискуссии о необходимости изменения официальных символов Армении — герба и гимна. А в целом повестка трансформаций символов намного шире.

Армянская апостольская церковь. Это основной институт конструирования и воспроизводства армянской культурно-конфессиональной модели идентичности, функционирующей более 1500 лет. Резкое обострение отношений между властями и ААЦ представляется как попытка преодолеть модель негосударственной нации и создать светское государство (наподобие западной модели) политической нации.

Геноцид. Важнейшим скрепом общеармянской идентичности на уровне исторической памяти был и остается фактор геноцида армян в Османской Турции. В условиях целенаправленной политики по установлению добрососедских отношений с Турцией данный фактор постепенно может уйти из активной политики властей Республики Армения, что негативно скажется, в первую очередь, на отношениях с общинами потомков западных армян, образовавшихся в основном из беженцев, спасшихся от геноцида.

По существу, мы видим попытку пересмотра ценностей и смыслов, являющихся основными скрепами идентичности не только в Армении, но среди армянства вообще. Вне наличного конкретного контекста (поражение в войне, территориальные уступки, угрозы безопасности, внешнее давление, наличие разношерстной диаспоры, атомизация общества вследствие размывания основных скреп идентичности) предлагаемые трансформации можно было бы считать рациональным стратегическим проектом. В контексте же перечисленных факторов становятся очевидными серьезные риски и угрозы.

В дискурсе официальных властей Армении основной скрепой идентичности должна стать армянская государственность в своем конкретном проявлении — Республика Армения в конкретных границах. Внутри общности Республики Армения такая трансформация частично возможна, но при наличии системы целенаправленного гражданского просвещения, основным каналом которого должны быть образовательные учреждения. Пока что такая система не функционирует.

Более проблематична ситуация в случае общин армянской диаспоры. Они являются объектом постоянной политики идентичности государств, на территории которых проживают. Большинство представителей армянских общин являются носителями гражданско-государственной идентичности политических наций этих государств. Соответственно, скрепами их армянской идентичности являются не гражданско-политические факторы, а культурно-исторические, которые, в свою очередь, целенаправленно трансформируются в Республике Армения.

Представители армянских общин диаспоры являются в основном носителями традиционной мифологизированной модели армянской истории, в контексте которой реально существующая Республика Армения зачастую не рассматривается как родина армянства и в иерархии ценностей находится намного ниже исторической Великой Армении или Армении «от моря до моря». Очевидно, что любая история предполагает элементы мифологизации, зиждется на более или менее искусственно сконструированных нарративах. Но в любом случае нельзя рушить мифы-скрепы, не создав новые, наложив их на старые, то есть демифологизация должна сопровождаться ремифологизацией.

Таким образом, негативные процессы и события последних лет в Армении вызвали кризис идентичности, выражающийся в том, что рушатся традиционные нарративы и скрепы идентичности, вследствие чего общество атомизируется. Данный процесс частично созвучен общеми-

ровому тренду постмодернистского индивидуализма. На этом фоне властные элиты республики разворачивают дискурс модернизации армянской идентичности, что на первый взгляд является естественной реакцией на создавшуюся ситуацию. Но создается впечатление, что, выйдя из одной крайности — мифологизированного этнонационализма, они впали в другую крайность — искусственного конструктивизма и нигилистического отказа от выработанных на протяжении веков традиционных устоев армянской идентичности. Подобная политика порождает серьезные риски и угрозы как с точки зрения консолидации общества в Республике Армения, так и сохранения общепармянского единства.

Сат А.В.
(Кызыл, ТИГПИ, ТуВГУ)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА КАК ИНДИКАТОР ОЦЕНКИ ВЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Одним из возможных индикаторов оценки эффективности работы региональных органов власти, в т. ч. в национальных регионах, выступает проведение исследований по замеру общественно-политического самочувствия населения. Автором статьи в апреле—мае 2024 г. проведены 20 фокус-групп (n = 200) среди разных возрастных групп населения, проживающего на территории всего региона. Перечень вопросов включал оценку деятельности населением республиканской и местной власти, социальное самочувствие жителей региона, а также перспективы развития республики в современных реалиях.

Как показывают результаты исследования, жители Республики Тыва в целом удовлетворительно оценивают деятельность действующего главы региона В. Ховалыга. Позитивная оценка чаще всего связана с развитием строительной отрасли в регионе: рост новостроек в Кызыле, открытие новых школ и детских садов, реализация специальных программ ипотечного кредитования (тувинская ипотека под 2%, строительная ипотека). Из сильных сторон В. Ховалыга респонденты отметили преимущественно его личные качества (жизнерадостность, воспитанность, порядочность). В числе слабых сторон названы низкая степень публичности, мягкость и недостаточное внимание к вопросам, связанным с защитой интересов тувинцев в период проведения СВО (например, установление ограничений на призыв тувинцев как малочисленного народа).

Выявлены противоречивые тенденции развития в социальной сфере. С одной стороны, по мнению респондентов, в республике идет активное строительство новостроек, социальных объектов, ремонт дорог, расширение маршрутов общественного транспорта и благоустройство территорий, чему уделялось меньшее внимание ранее. В то же время отмечались недостатки в положительных изменениях. Вот типичные примеры рассуждений:

- «Город строится действительно, но качество жилья оставляет желать лучшего. Подрядчики обманывают. Люди жалуются, что новые дома холодные»;
- «В новый дом приходят и все переделывают. Большие огромные деньги в строительство вкладываются, но качества нет. Контроля нет. Это все идет на скорость, но не на качество»;
- «Строительство районов идет хаотично. Это ведь наши деньги налогоплательщиков. Почему нельзя сделать качественно и надолго?»

Работу местных администраций высоко оценили в Бай-Тайгинском, Сут-Хольском и Эрзинском муниципальных районах. В целом респондентами были высказаны пожелания проверки и контроля работы председателей на местах со стороны Правительства Республики Тыва, тщательного подбора претендентов на пост председателя администраций без частой их смены, а также избрание народом руководителей муниципалитетов.

Деятельность депутатов Верховного Хурала (Парламента) Республики Тыва респонденты оценили скорее удовлетворительно, в целом высказали мнение, что депутатам надо чаще выходить в народ, организовывать встречи с населением, решать проблемы округа, представлять интересы жителей. Негативная оценка прежде всего была связана с тем, что депутаты приезжают только перед выборами, многие участники фокус-групп затруднились назвать имена депутатов своего округа.

По результатам исследования можно сделать вывод о невысокой осведомленности населения Тывы относительно работы депутатов Верховного Хурала (Парламента) Республики Тыва, деятельности политических партий на территории республики. Главными недостатками исполнительной и законодательной власти, органов местного самоуправления граждане считают отсутствие инициативности, невнимание к проблемам населения, слабое информирование о своей деятельности, пассивность позиции в вопросе участия тувинских бойцов в СВО.

В целом социально-политическое самочувствие населения Республики Тыва по итогам исследования оценивается как удовлетворительное. Жители республики больше всего обеспокоены такими проблемами, как алкоголизм, мусор, собаки, состояние сферы медицины, высокие цены на недвижимость.

По итогам исследования автором выделены три вектора дальнейшего развития региона.

Во-первых, строительство новых социальных объектов, таких как школы, детские сады, спортивные и творческие комплексы; строительство детских игровых площадок и досуговых центров, особенно в сельской местности.

Во-вторых, развитие сельского хозяйства и местного производства (в частности, молочные и мясные цехи, заводы по переработке шкур и шерсти, пункты приема и переработки дикоросов).

В-третьих, создание благоприятных условий для молодых специалистов в районах в рамках реализации программ по строительству социального жилья, что предотвратило бы отток населения из районов, урбанизацию г. Кызыла и решило бы вопрос нехватки специалистов, особенно медицинских работников, в сельской местности.

Сафин Т.Р.
(Казань, КФУ)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В УСЛОВИЯХ БРЕКСИТА (НА МАТЕРИАЛАХ ШОТЛАНДИИ)

В настоящее время регионализация является одной из главных тенденций в развитии государств. Наряду с самостоятельностью регионов во внутренней политике все больше проявляется их активность на международной арене.

Рост международной активности регионов начался в Европе в 1980-х гг. — этому способствовало влияние наднациональных структур. Наиболее активное участие принимали АТЕ стран с ярко выраженной региональной идентичностью и активными региональными элитами. Шотландия, будучи частью Великобритании, являлась флагманом парадипломатии в Европе. Ее международная деятельность началась в 1998 г. после издания Акта о Шотландии.

Однако после Брексита ситуация в Шотландии изменилась. Это сказалось и на ее международной активности, где главным направлением был Евросоюз. Регион на протяжении многих лет был экономически, культурно и политически связан с континентальной Европой. В связи с этим в Эдинбурге происходит репозиционирование парадипломатической деятельности.

Разбор международной деятельности происходил по шести критериям.

1. Юридические и институциональные изменения. После Брексита взаимодействие между ЕС и Великобританией стало регулироваться Соглашением о выходе из ЕС и Соглашением о торговле и сотрудничестве. От этого больше всего пострадало экономическое направление в шотландской парадипломатии — были нарушены экономические связи, создававшиеся с конца 1990-х гг.

Шотландия утратила влияние в институциональных структурах Европейского союза, так как Великобритания приостановила свое участие в Комитете регионов ЕС. Это привело к тому, что страна больше не сможет влиять на процесс законотворчества в Евросоюзе. Шотландия больше не участвует в заседаниях Европейского парламента.

2. Изменения в исполнительной власти. В связи с этим в марте 2023 г. в Кабинете министров Шотландии была учреждена должность Министра независимости. В его обязанности входит поддержка Премьер-министра и другие аспекты.

3. Вопрос независимости региона. После Брексита настроения среди населения и в политическом истеблишменте Шотландии радикализировались, стала продвигаться идея полной независимости от Великобритании, что позже вошло в официальную стратегию шотландского правительства. Аргументом для резкой смены концепции являлось то, что жители Шотландии в подавляющем большинстве высказались против выхода из ЕС, но Правительство Соединенного Королевства проигнорировало мнение региона, поэтому главная цель — обретение суверенитета и независимости.

4. Взаимоотношения с ЕС. Главной целью для нынешних властей в Шотландии является достижение независимости и возвращение в состав Европейского союза. Шотландское правительство характеризует Брексит как процесс «хаотизации», которому необходимо противостоять, невзирая на ограниченные возможности Шотландии в составе Великобритании. Европейский союз в данном случае рассматривается как инструмент защиты от давления Лондона и интеграции в глобальный мир.

5. Представление о месте Шотландии на международной арене. Шотландское правительство считает, что нужно продолжать искать способы участия в международной повестке, где прямо или кос-

венно затрагиваются интересы Шотландии. Помимо этого, правящая ШНП предлагает не только улучшать позиции Шотландии на международной арене и улучшать репутацию страны, но и критиковать действия официального Лондона во внешней политике.

6. Участие в международных организациях. Формируя образ влиятельного субъекта на международной арене, Шотландия стала принимать еще более активное участие в международных конференциях организаций, причем вне Европы. Например, участие в Конференции по периферийным и морским регионам, Конгрессе местных и региональных правительств Европы и др.

Соответственно, парадипломатия Шотландии после Брексита существенно трансформировалась. В первую очередь, это коснулось европейского направления. Это создало опасения в Эдинбурге, что Лондон сможет забрать часть переданных полномочий или же будет оказывать сильное давление на регион.

Эдинбург стал более активно вести себя и в других направлениях. Это относится к странам Южной и Юго-Восточной Азии, а также различных международных организаций. Сейчас Шотландия старается не только развивать свою правосубъектность на мировой арене, но и отчасти противостоять внешней политике Лондона, где это возможно.

Наконец, главным изменением стали требования к переходу от «удобной» к полной независимости от Великобритании. Если ранее даже националисты были готовы пойти на компромисс в виде пребывания в составе Соединенного Королевства, то на данный момент такая концепция перестала быть актуальной. Независимость и восстановление членства в Европейском союзе — взаимодополняющие элементы в целях международной деятельности шотландского правительства.

*Сафонова О.Д., Тузова П.Р.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РИСКИ В СФЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ*

Информационные риски играют принципиально важную роль в дискурсе геополитической, экономической и социальной обстановки 2024 года, поскольку именно эти риски напрямую взаимосвязаны с ценнейшим политическим ресурсом настоящего времени — доверием к политическим институтам, политическим лидерам и лидерам общественного мнения. Реализация негативных сценариев и укрепление деструктивных нарративов через новые медиа подрывают стабильность социальных процессов во всем мире, все большее количество экспертных сообществ обращает внимание на рискогенность этой части общественных интеракций.

В соответствии с результатами наиболее авторитетного в мировом сообществе Отчета по глобальным рискам (Global Risks Report 2024. <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/>) в этом году информационные риски генерируются в нескольких ключевых направлениях.

Дезинформация и фейковые новости. Распространение ложной информации через медиаплатформы стало критически важным риском. Провокационные, недостоверные и полностью ложные сообщения манипулируют общественным мнением, что приводит к политической и социальной поляризации, недоверию к институтам власти, росту протестной активности. В особенности мишенью подобных практик являются электоральные процедуры значимых на международной арене государств.

Атаки на информационную инфраструктуру. Количество кибератак на правительственные сайты и базы данных растет в геометрической прогрессии, а их потенциальная опасность особо велика: они способны нарушить функционирование государственных органов, обнародовать конфиденциальную информацию, нанести репутационный урон. Атаки на критически важные информационные системы приводят не только к утечкам данных, но и к серьезным последствиям для безопасности государства и его граждан.

Использование технологий для слежения и контроля. Угрозы, связанные с использованием современных технологий для слежения за гражданами, увеличиваются. Многие страны применяют технологии распознавания лиц, системы мониторинга и биометрии. Наряду с прогрессивностью эти практики весьма рискогенны. Так, системы распознавания еще не в полной мере совершенны, особенно для людей с определенным цветом кожи или чертами лица. Этим катализируется риск несправедливых обвинений и необоснованной дискриминации. Помимо прочего, биометрические системы

* Исследование выполнено в рамках проекта «Модели риск-менеджмента в структуре формирования политического курса Российской Федерации в условиях глобальной турбулентности: стратегии, механизмы и практики», который реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

могут быть уязвимы для взлома, что позволяет злоумышленникам получить доступ к конфиденциальным данным и использовать их для мошеннических целей. Наконец, в обществе перманентно присутствует обеспокоенность относительно персональной приватности в государстве.

Политизация алгоритмов. Алгоритмы социальных медиа и поисковых систем влияют на то, какую информацию видят пользователи. Политизация этих алгоритмов приводит к эффекту «эхо-камер», когда пользователи получают только ту информацию, которая подтверждает их предвзятые мнения, что снижает способность критически воспринимать информацию, в том числе — фейковую.

Социальные протесты. В условиях экономических и социальных кризисов протестные движения неизбежно используют информационные кампании для мобилизации поддержки и распространения своих идеалов. Это приводит к угрозам конфронтации общества и государственных структур и общественной дестабилизации.

Угрозы искусственного интеллекта. Весьма рискованно использование искусственного интеллекта для создания дипфейков, таких как видео- и аудиозаписи якобы официального политического происхождения. Кампаний по дезинформации создают новые вызовы для систем политического управления, так как выступают своего рода краш-тестом сформированных алгоритмов идентификации правдивых источников и фейков.

Глобальная конкуренция за информационное влияние. Конкуренция между государствами за информационное влияние (например, через стратегические медиапроекты или влияние в социальных сетях) усиливается. Это приводит к конфликтам в сфере информационной безопасности и к попыткам вмешательства в дела других стран.

Усиление политической поляризации через онлайн-платформы. Социальные медиа становятся площадкой для распространения радикальных и девиантных идеологий, что увеличивает политическую поляризацию и конфликтные настроения в обществе.

Можно подвести итоги, что обозначенное выше многообразие информационных рисков, требующих эффективного координационного вмешательства государства, детерминирует катализацию кризисных явлений и процессов, а также существенно препятствует устойчивому функционированию системы управления и жизни социума. По этой причине не теряет своей актуальности совершенствование стратегического инструментария управления информационными рисками посредством локализации и купирования угроз с применением оперативных проактивных и реагирующих мер государственными структурами и политическими институтами.

Сащенко Н.П.
(Москва, ИСПИ ФНИСЦ РАН)

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ КАК МАРКЕР УСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА*

В поиске и апробации новых «переходных многовалентных моделей устойчивого развития» для национального государства, которые бы соответствовали времени и характеру глобальных вызовов, в науке принято делать акцент на двух основаниях: а) на институте государства как инструменте поддержания внутреннего порядка и внешнего суверенитета и б) на национально-государственной идентичности как результате самоотождествления гражданина с обществом, страной и собственно с государством и его гражданами. «Ослабление чувства национально-государственной идентичности, — по мнению известного российского политолога О.Ф. Шаброва, — равнозначно атомизации общества, превращению народа в население и утрате устойчивости государством, что делает его менее способным обеспечивать целостность и суверенитет»¹.

Серия исследований Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН идентификационных процессов в российском обществе за последние три года показали серьезные сдвиги во взглядах массовых слоев. Возросла роль социальных противоречий в массовом сознании россиян, включая противоречия идеологического плана. К тому же под влиянием внешних событий роль различных компонентов мировоззренческих паттернов изменяется во времени. Несмотря на наблюдаемую учеными ИСПИ ФНИСЦ РАН положительную динамику за период 2022–2023 гг. и значительное снижение рисков для социально-политической устойчивости российского общества и государства,

* Исследование «Образ будущего как основание устойчивого социального оптимизма в контексте взаимодействий российского общества и государства» выполнено в Институте социально-политических исследований ФНИСЦ РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) в рамках государственного задания ИСПИ ФНИСЦ РАН (Рег. номер ЕГИСУ НИОКТР 123091800039-8).

¹ Шабров О.Ф. Культурная политика и национально-государственный суверенитет // Власть. 2020. № 6. С. 295–299.

по-прежнему «сохраняются риски дистанцирования российского государства и граждан, отчуждения граждан от власти, ...недостаточный, по самооценкам, уровень вовлеченности граждан в политическую жизнь страны»¹.

Проверялись гипотезы о связи социально-политической устойчивости и национально-государственной идентичности по основанию факторов «доверие», «социально-политическая отчужденность», «политическая лояльность», «коллективный образ будущего», «вера в позитивный образ будущего», «долгосрочная ориентация». Отдельным проектом была проверка связи степени значимости в сознании студенческой молодежи их самооценок по видам социальной идентичности с отношением к стране, политическим институтам, политическим и гражданским практикам, а также связи с их социальным самочувствием, чувством гражданственности².

Идентификационные маркеры в анализе нарративов об изменении политической сферы отношений стали отражением субъективного процесса гражданской самоопределенности, а также объективного процесса трансформации социального и политического пространств. Вследствие деформации социальных представлений о власти и государстве определенных групп граждан в сторону их упрощения и внутренней противоречивости возникают риски ослабления идентификационных механизмов со своей страной.

Результаты регрессионного анализа показали значимую связь показателей российской самоидентификации молодежи и социального самочувствия (в том числе уверенности в завтрашнем дне, удовлетворенности жизнью в своей стране, социального оптимизма). Но квадратичная регрессия показала смещение вектора изменений, сдвиг связи показателей в отрицательные значения, которые подтверждают обратную (отрицательную) зависимость социальной идентификации от негативного отношения к некоторым политическим институтам, от слабых политических и гражданских установок. Сделан вывод о наметившемся процессе трансформации границ пространства российской идентичности в восприятии студенческой молодежи, подкрепленном противоречивым чувством гражданственности, а также пассивностью гражданских установок молодежи в пространстве пяти видов социальной идентичности.

Разнонаправленные идентификационные процессы в массовом сознании актуализируют потребность дальнейшего теоретического поиска в объяснении противоречивости факторов и характера идентификационных процессов как потенциальных причин долгосрочных системных рисков.

Светлакова М.А.

(Мариуполь, МГУ имени А.И. Куинджи)

ВЛИЯНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОПТИМИЗАЦИЮ ВНУТРЕННЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Чтобы эффективно участвовать в управлении экономическими и политическими процессами, в модернизации социальной сферы, в диалоге с обществом, нужны смыслы и нарративы. Ключевые установки должны вырабатываться на уровне региональной власти и очень корректно транслироваться в систему государственной службы.

Уже стало аксиоматичным утверждение, что социальная активность человека является неотъемлемой частью демократического развития современного общества. Поэтому важно адекватно реагировать на задачи, стоящие перед регионом в конкретный период времени.

На сегодня очевидным остается факт, что усовершенствование и эффективность проводимой внутренней политики в регионах невозможны без разработки механизмов совместной деятельности органов власти, общественных организаций и граждан, поскольку внутренняя политика каждого отдельного региона является частью централизованной политики государства, но в каждом отдельном случае имеет свою определенную специфику, которая объясняется рядом факторов: составом населения (наличие этнических групп); культурными традициями; организацией туризма в регионах и проч.

Изучение общественного мнения — важная задача для современной социологии, которая позволяет лучше понять, каким образом формируются мнения граждан и какие факторы на них влияют. Разнообразие методов анализа общественного мнения позволяет получить разносторонний взгляд на данную проблематику и провести более глубокий анализ общественных процессов.

¹ Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация: Монография / Н.В. Березина, Н.М. Великая, О.В. Гребняк [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 15.

² Сащенко Н.П. Множественная идентичность сквозь призму гражданственности российского студенчества (по итогам социологического исследования) // PolitBook. 2024. № 3. С. 149–171.

Выделим ключевые социологические методики, которые могут быть применены на практике по взаимодействию с обществом.

Анализ статистических показателей социально-экономического развития региона за определенный период времени.

Заседания фокус-групп с разными категориями населения.

Социометрические методы. Социометрические методы могут быть использованы для изучения взаимосвязей между людьми в обществе и определения их влияния на формирование мнения.

Анкетный опрос жителей региона.

В круг вопросов, которые могут быть рассмотрены в анкетировании, входят:

- оценка населением политической и экономической ситуации в стране, регионе;
- восприятие людьми актуальных проблем современной жизни;
- материальное положение населения, социально-экономическая стратификация;
- уровень потребления и измерение индекса потребительских настроений;
- социальное настроение и удовлетворенность жизнью;
- отношение людей к политике властных структур, оценка их деятельности;
- уровень социального доверия политическим и общественным институтам;
- уровень социальной напряженности и потенциал социального протеста;
- социальный капитал и потенциал развития гражданского общества;
- оценка личной безопасности и правопорядка;
- отношение населения к деятельности средств массовой информации.

Инструментарий анкетирования должен быть разработан по принципу «*SWOT*-анализа», который позволит «услышать» мнение населения про внешние и внутренние факторы, которые влияют на развитие региона, а также оценить сильные и слабые стороны, его возможности и риски для дальнейшего развития.

Еще одним довольно простым, но крайне важным инструментом, который поможет понять общую картину политической, экономической, социальной и технологической среды, является *PEST*-анализ.

PEST — аббревиатура слов «Политические», «Экономические», «Социально-культурные» и «Технологические» факторы. Используется этот социологический инструмент в три этапа:

- во-первых, мозговой штурм;
- во-вторых, идентификация собранной информации;
- в-третьих, подготовка выводов из полученной информации.

Таким образом, для эффективной модернизации социальной сферы и улучшения внутренней политики в регионах требуется совместная работа органов власти, общественных организаций и граждан. Социологическая наука может стать мостом между активной частью общества и властью, обеспечивая апробацию опыта взаимодействия и содействуя развитию региональных общин.

Использование социологических методов исследования поможет оптимизировать деятельность региональных органов власти с точки зрения улучшения благосостояния общества, развития социально-экономической инфраструктуры, обеспечить активное участие граждан в принятии важных решений. Также это позволит улучшить стратегическое планирование развития регионов.

Себекин С.А.
(Иркутск, ИГУ)

МЕТАВСЕЛЕННЫЕ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ВЫСВОБОЖДЕНИЯ ПРОТЕСТНОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Сегодня мы живем в эпоху цифровой трансформации, когда политическая (в том числе протестная) активность постепенно переходит в «цифровое» измерение (например, в социальные сети), а само цифровое измерение воспроизводит существующие формы социально-политического взаимодействия. Следующий этап подобного «цифрового перехода» — воспроизводство форм политической активности в новых общественно-технологических реальностях — метавселенных. В докладе будет рассмотрено, как метавселенные способны воспроизводить и высвобождать в виртуальной реальности все больше существующих форм протестной активности.

Уже сегодня существующие метавселенные открывают дискуссию о появлении в виртуальных мирах определенных форм политической активности, в том числе связанных с высвобождением протестного конфликтного политического потенциала. Еще в 2007 г. виртуальный штаб кандидата в президенты США от Демократической партии Джона Эдвардса на платформе *Second Life* подвергся виртуальному

акту вандализма и был заклеен непристойными надписями, а также марксистско-ленинскими плакатами и лозунгами. В январе 2007 г. между членами Французского народного фронта и виртуальной международной социалистической организацией *Second Life Left Unity* произошел виртуальный конфликт, когда Французский народный фронт попытался создать в *Second Life* виртуальную штаб-квартиру. В октябре 2023 г. более 348 тыс. человек приняли участие в *Dataran Tanjung Mas* на платформе *Roblox* — виртуальной демонстрации, посвященной освобождению Палестины. Сообщается, что именно виртуальная природа демонстрации позволила сторонникам освобождения Палестины принять в ней участие.

Виртуальные миры становятся все более популярной площадкой для выражения политической активности и высвобождения протестного потенциала. Некоторые формы политической активности в метавселенных способны привести к эскалации и появлению как международной, так и внутривнутриполитической напряженности между различными акторами в реальном мире.

В то же время важно учитывать, что метавселенные могут одновременно выступать в качестве «громоотвода» протестного потенциала из реального мира и сдерживать его наиболее негативные проявления. Так, при организации митинга *Dataran Tanjung Mas* платформа *Roblox* применила механизмы цензуры и запретила использование таких высказываний, как «Свободная Палестина» и «Геноцид», которые в реальной демонстрации могли бы привести к напряженности и эскалации. Тем самым, «перемещаясь» из реального пространства в виртуальное, протестная активность может быть «погашена» самой виртуальной платформой.

Важно, что метавселенные будут представлять из себя такую полноценную форму виртуальной реальности, в которой пользователи будут «погружены» в цифровой мир и которая будет формировать их информационное пространство. Таким образом, метавселенные существенно увеличивают степень интрузии информации в личное и массовое сознание, а также в социум в целом, выступая перспективным пространством для формирования и закрепления политической повестки и реализации информационного влияния на большие целевые группы, что может привести к созданию «информационных» пузырей и, как следствие, поляризации общества по политическим признакам, радикализации, что будет приводить к возникновению новых форм политической протестной активности, и т.д.

Метавселенные могут стать глобальными социальными лабораториями для проведения «социальных опытов», где широкие социальные группы будут являться своего рода подопытными. Метавселенные предоставят возможности для воздействия на большие целевые группы посредством использования таких инструментов, как настройка информационного пространства и политической повестки дня, использование технологии дипфейков с целью достижения определенных социально-политических (деструктивных) эффектов (например, для того, чтобы убедить пользователей сделать свой выбор в пользу тех или иных политических сил в реальном мире). Метавселенные позволят заинтересованным акторам настраивать общественное сознание, моделировать ситуацию в метавселенной с целью понаблюдать, как поведут себя целевые группы при тех или иных психологических воздействиях, и даже стимулировать их к определенным действиям.

Помимо прочего, метавселенные могут выступать новыми платформами координации протестной политической активности. В 2000–2010 гг. различные страны охватили «*Twitter*-революции», в рамках которых протестная активность координировалась посредством неподконтрольных правительствам социальных сетей. По аналогии с «*Twitter*-революциями» метавселенные могут стать следующей платформой не просто более эффективной координации, но и зарождения протестных движений, которые затем могут перейти в реальный мир.

Таким образом, развитие метавселенных предоставит потенциал для высвобождения еще более широких форм протестной политической активности, расширит возможности проведения массовых кампаний и более эффективной политической коммуникации.

Сейлис Г.В. (Санкт-Петербург; СПбГУ),
Алиева М.И. (Санкт-Петербург; ЕУСПб)

ЦИФРОВАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИИ И ЕДИНАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ДАННЫМИ И ПРОЦЕССАМИ В РОИВ

Одной из главных проблем развития Российской Федерации остается территориальная диспропорция социально-экономического развития регионов. Политика федерального центра сосредоточена на перераспределении бюджета, что приводит к дотациям депрессивным регионам за счет регионов-доноров. В то же время проблемы государственного управления на региональном уровне часто остаются без внимания. Между тем именно эффективное региональное управление является критическим фактором социально-экономического роста, повышения инвестиционной привлекательности и формирования благоприятной среды для развития человеческого капитала.

Согласно Указу Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», цифровая трансформация и внедрение искусственного интеллекта (ИИ) стали стратегическими приоритетами для всех уровней власти. В 2023 году Национальный центр развития ИИ при Правительстве РФ провел исследование «Индекс интеллектуальной зрелости»¹ субъектов РФ, согласно которому технологии ИИ активно используются более чем в 20% региональных органов исполнительной власти (РОИВ) в 27 субъектах Федерации, в то время как в 28 регионах этот показатель варьируется в пределах 10–20%. При этом в 27 регионах уровень использования ИИ остается ниже 10%. В среднем по России 13,4% РОИВ используют технологии ИИ, 70% из которых основаны на отечественных разработках. Лидером по цифровизации является Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, где ИИ внедрен в 63% систем управления.

Несмотря на прогресс, внедрение ИИ в РОИВ остается фрагментарным. Используются разрозненные системы электронного документооборота (СЭД) и другие программные решения, что приводит к несовместимости данных, дублированию процессов и снижению общей эффективности. Важно создать единую цифровую платформу (ЕЦП), которая обеспечит унификацию информационных систем и централизованное управление и обработку данных.

Ключевой задачей ЕЦП должна стать централизованная система анализа данных на основе ИИ. Такая система позволит в реальном времени мониторить эффективность деятельности РОИВ, выявлять проблемные зоны и оптимизировать процессы на основе объективных данных. Это не только повысит прозрачность государственного управления и снизит затраты регионального бюджета, но и создаст предпосылки для ускоренного социально-экономического развития регионов и снижения уровня социального неравенства.

Правовое регулирование использования ИИ в государственном управлении становится критически важным аспектом, особенно в части обработки и защиты персональных данных. Основными НПА, регулирующими эти вопросы, являются Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Эти законы закладывают базовые принципы работы с данными, однако их рамки необходимо расширить с учетом новых вызовов.

Одной из ключевых проблем становится агрегация и обработка больших массивов данных, в которых используются алгоритмы машинного обучения и ИИ. Это требует усиленного контроля со стороны органов государственной власти за обеспечением конфиденциальности данных и защиты прав граждан. Например, ПАО «Ростелеком», которое является ключевым оператором нацпроектов в сфере цифровизации, несет ответственность за внедрение технологических решений и обеспечение их безопасности. Сфера защиты данных также находится под контролем Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК), Федеральной службы безопасности (ФСБ) и Федеральной службы охраны (ФСО), особенно в вопросах, связанных с критической информационной инфраструктурой.

Для обеспечения безопасности данных важна разработка единых стандартов на федеральном уровне. Например, Федеральный закон от 26.07.2023 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» регулирует защиту ключевых информационных систем. В контексте работы с персональными данными Роскомнадзор выступает в качестве надзорного органа, следящего за соблюдением законодательства. Однако в РФ не существует четкого законодательства по регулированию ИИ, как, например, в Европейском союзе Общий регламент по защите данных (*General Data Protection Regulation*).

Селезнев П.С.
(Москва, Финансовый университет
при Правительстве РФ)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КАЧЕСТВЕ ЖИЗНИ В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ*

Система представлений о качестве жизни является одним из важнейших элементов структуры политического восприятия. Во-первых, она используется в качестве обоснования высокой либо низкой эффективности как существующей социально-экономической модели и выстроенной на ее основе политической системы в целом, так и конкретного органа власти, политической партии или от-

¹ Индекс интеллектуальной зрелости отраслей экономики, секторов социальной сферы и системы государственного управления Российской Федерации: Аналитический доклад. М.: Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации, 2023. — II + 62 с. URL: <https://ai.gov.ru/ai/implementation/?ysclid=m0urj j3xt649659967> (дата обращения: 09.09.2024).

* Исследование выполнено по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

дельного чиновника. Как следствие, качество жизни служит одним из главных ресурсов легитимации существующей политической модели. Во-вторых, представления о качестве жизни в прошлом, настоящем и будущем служат инструментом формирования мотивов широких слоев населения либо отдельных социальных групп относительно действия либо бездействия в конкретной ситуации. В-третьих, представления о качестве жизни в обществе служат одним из ключевых инструментов купирования состояния когнитивного диссонанса от восприятия политических реалий за счет обращения к эмоциональной сфере¹.

Исходя из данных причинных оснований, представления о качестве жизни выступают одновременно и в роли важного фактора формирования политического восприятия, и в качестве инструмента для манипулирования восприятием, мышлением и, в конечном счете, поведением больших социальных групп. Все это превращает представления о качестве жизни в источник значимых рисков, что обуславливает необходимость включения соответствующего тематического блока в структуру программ политического просвещения².

В оптимальном формате данный тематический блок должен включать в себя следующие элементы:

- интерпретация понятия «качество жизни» и его структуры;
- традиционные методы измерения качества жизни;
- ключевые акторы формирования представлений о качестве жизни у широких слоев населения;
- основные методы формирования и коррекции представлений о качестве жизни;
- базовые условия и ограничения использования методов формирования и коррекции представлений о качестве жизни;
- анализ практики применения манипулятивных элементов в рамках процесса формирования и коррекции представлений о качестве жизни.

Специфической особенностью тематического блока, посвященного формированию и коррекции представлений о качестве жизни в политических целях, должен стать гибридный подход к репрезентации эмпирических кейсов. В качестве иллюстрации приведем следующий пример. Использование одной и той же манипулятивной практики можно показать одновременно на образцах пропаганды периода «холодной войны» и на примере создания ложного образа современными популярными блогерами и иными представителями сферы массовой культуры.

Данный подход призван, с одной стороны, облегчить запоминание материала, а с другой — деконструировать репутацию конкретных сетевых ЛОМов, выстраивающих свой контент на эксплуатации темы престижного потребления либо негативного позиционирования России посредством сопоставления качества жизни в РФ и за рубежом.

Также большим значением обладает такая задача, как разрушение идеализированных представлений относительно качества жизни в странах Запада. Следует подчеркнуть, что ее решение в обязательном порядке посредством 1) использования аутентичного контента, созданного западными авторами в расчете на внутреннюю аудиторию, 2) обращения к нативным, популярным форматам подачи материала. В первом случае в качестве первоисточника материала могут использоваться не только популярные произведения массовой культуры, но и контент соцсетей. Например, в этом качестве могут выступать ролики, авторы которых озвучивают переписку пользователей из Северной Америки и Европы с платформы «Реддит» на остросоциальные темы («По какой самой безумной причине вас уволили с работы?», «Что вызвало массовое увольнение людей у вас на работе?», «Люди, уволенные за пост в соцсети, что произошло?» и т.д.).

Таким образом, качество жизни как источник значимых рисков становится значимым сюжетом в политическом просвещении.

¹ Алимova Э.Ф., Юрыгина А., Шамсехаметова Э.И. Уровень жизни и качество жизни как основные индикаторы социальной политики российского государства // Вестник Казанского технологического ун-та. 2010. № 3. С. 195–201; Ступина А.О., Черкашин М.Д. Уровень и качество жизни населения как показатель региональной социальной политики // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2016. № 6 (13). С. 25–28.

² Есетова Г.Б. Качество жизни как центральная категория социальной политики // Интернаука. 2024. № 18-3 (335). С. 21–23; Цыганков В.А. Качество жизни как элемент государственной социально-экономической политики // Омский научный вестник. 2006. № 6 (41). С. 174–178.

Селезнева А.В.
(Челябинск, Челябинский государственный университет;
Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Работа с молодежью, которая в последние годы находится в фокусе государственного внимания, все больше начинает приобретать ценностно-ориентированное целеполагание. Это обусловлено необходимостью обеспечения национальной безопасности и достижения национальных целей развития России, в числе которых, согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 — «воспитание патриотичной и социально ответственной личности». При этом необходимо, во-первых, учитывать специфику самого молодого поколения, а во-вторых — инструменты и технологии работы с ним, которые эффективно решали бы поставленные задачи.

Результаты политико-психологических исследований политических ценностей и представлений в структуре политического сознания и гражданского самосознания молодежи позволяют говорить о своего рода «смысловой пересборке» мировоззрения представителей молодого поколения. На протяжении последнего десятилетия для них устойчиво значимыми являются ценности мира, безопасности, справедливости, прав человека, законности, свободы, порядка. При этом в содержательном отношении система ценностей молодежи становится все более противоречивой. С одной стороны, под влиянием глобальных социокультурных процессов происходит активное распространение ценностей самовыражения, а с другой — под влиянием политической культуры и событийного контекста происходит актуализация традиционных ценностей и смыслов. Патерналистские ориентации сосуществуют в сознании молодежи с установками на автономию.

В качестве политико-психологических особенностей мировоззрения молодого поколения стоит выделить также следующие:

- когнитивную бедность, стереотипность, фрагментарность представлений о стране, государстве и обществе в России,
- двойственное толкование долга и ответственности с позиции человека и гражданина,
- моральный релятивизм и относительность нравственных критериев оценки социальных и политических событий и процессов,
- МЫ-мировоззрение как сложный комплекс противоречивых, но взаимосвязанных представлений, ориентаций и установок на включенность в социальные связи и отношения,
- отсутствие образцов для подражания и авторитетов,
- декларативный и эмоциональный характер гражданско-патриотической позиции.

Инструментально-технологическое обеспечение работы с молодежью в направлении формирования ее ценностно-мировоззренческих ориентаций, таким образом, должно разрабатываться на основе ценностного подхода и быть ориентировано на включение молодежи в социально значимую созидательную деятельность на основе комплексной мотивации (личное благо и общая польза) и двухсторонней коммуникации (искреннего общения «на одном языке»).

Политическое образование и просвещение при этом обладают особым потенциалом. Они направлены на передачу молодому поколению научно обоснованных знаний об истории, географии, культуре, политическом устройстве и социальной структуре России, которые позволят восполнить имеющиеся «знаниевые лакуны» и сформировать целостный образ России как основу для самоидентификации молодежи со страной и государством. Кроме того, политическое просвещение направлено на формирование убеждений и ценностного отношения к другим людям, семье, обществу, государству и стране как структурных элементов мировоззрения молодых российских граждан.

Селезнева А.В.
(Москва, ГАУГН, МГУ имени М.В. Ломоносова),
Тулегенова Д.Д.
(Москва, ГАУГН, ИНИОН РАН)

ТРАДИЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Традиции в обществе организуют связь между поколениями, выступают интегрирующей силой и обеспечивают преемственность между разными социальными группами, между общественными институтами, взрослыми и молодежью. Актуальным видится вопрос, какие представления о традиционном как таковом есть в сознании молодых людей, что именно они понимают под традициями и как они присутствуют в их жизни.

Поиск ответов на поставленные вопросы основывался на материалах пяти фокус-групповых дискуссий с молодыми людьми в возрасте от 14 до 30 лет, проведенных летом 2024 г. В основе расчета выборки лежал квотный метод, составленный по двум критериям: возраст и место проживания.

Результаты исследования показали следующее.

Для молодых людей слово «традиционный» имеет обширную коннотацию и множество значений. Для одних респондентов представление о традиционном связано с традиционализмом, архаизмом и закоренелостью. В этих ответах четко прослеживалось негативное отношение к этой теме. Для других традиции и традиционное — это вещи, проверенные временем, что-то родное и привычное, самобытность.

Можно выделить три смысловые доминанты в представлениях о традициях и традиционном в сознании молодых людей — это семья, народ или сообщество, религия.

Так, в качестве ассоциаций со словом «традиционный» молодые люди чаще всего называли семью или межличностные отношения, построенные особенным образом: *«Когда я думаю о слове традиционность, в первую очередь — это, конечно, семья, воспитание детей, построение какого-то своего рода»* (жен., 24 года, Волгоградская область), *«Представляется некая семья, уровня, когда была Российская Империя, и была какая-то крепкая модель поведения, некая сила, может быть даже. Можно сказать, даже — проверенная временем»* (муж., 29 лет, Ярославская область).

Молодые люди ассоциировали слово «традиционный» с ценностями и деятельностью этнических и других социальных групп, различными сообществами: *«Какие-то идеи и ценности маленького сообщества — та же деревня, тот же маленький поселок — ну, то есть, отношение соседские — в городе, конечно, такого меньше, но, все-таки, мне кажется, традиционность — это больше про какое-то маленькое сообщество»* (жен., 24 года, Волгоградская область), *«Это упор на локальные традиции. То есть это что-то про самовыражение народа, которое было веками и сейчас сохраняется»* (жен., 20 лет, Москва).

Другой смысловой доминантой в представлениях о традициях и традиционном у респондентов стала религия: *«У меня возникла ассоциация со словом религия. Потому что раньше религия тоже была важной частью общества, и много кто был с ней связан напрямую, поэтому люди, которые сейчас придерживаются религии, я считаю, что они придерживаются традиционных ценностей, в том числе»* (муж., 17 лет, Республика Чувашия).

Молодые люди считают, что традицией можно считать действия или события, которые признаются большинством и проходят проверку временем. Рассуждая над природой любой традиции, респонденты отмечали следующие начала — это семья, повседневность, история общества или государства.

В жизни молодых людей традиции играют важную роль. Как отмечали респонденты: *«Традиции — это то, как ты по факту живешь»* (муж., 17 лет, Нижегородская область). В качестве традиций, которые есть в их жизни, молодые люди называли преимущественно совместное проведение праздников — Новый год, дни рождения, Пасха. Также отметили в целом образ жизни, жизненные принципы, мировоззрение: *«Я на самом деле лично как-то мало участвую во всяких традиционных праздниках по типу масленицы, но именно устойчивые мнения, образ жизни, определенные понятия, стереотипы, которые присущи нашему обществу, я их тоже разделяю, потому что привык так с детства»* (муж., 19 лет, Хабаровский край). Некоторые респонденты отмечали, что в современном обществе традиции размыты и ограничиваются временем, проведенным с семьей и близкими за праздниками: *«В современном обществе традиции не настолько соблюдаются, по крайней мере для меня, поскольку я живу в достаточно таком обществе, где традиции достаточно размытые. Они касаются каких-то стереотипов, образа мышления,*

* Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Аксиологические константы российской государственности в контексте развития страны: нормативная модель и возможности ее реализации», шифр FZNF-2024-0009, номер тематики 1024030100141-9-5.6.1).

но какого-то именно действия, которое происходит совместно для членов семьи, такого, скорее всего, нет, помимо дней рождений, Нового года» (жен., 20 лет, Москва).

В качестве выводов можно утверждать, что традиции являются важной частью жизни молодых людей. Под традициями респонденты понимали вещи, прошедшие проверку временем и одобряемые большинством. Традиции, по мнению молодежи, берут свое начало, прежде всего, из семьи и повседневности. В ходе исследования был выявлен запрос на обозначение и сохранение традиций в российском обществе, которые бы выходили за рамки совместного семейного празднования.

Семенов И.С.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ: ГОРИЗОНТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

В условиях радикальных изменений в структуре миропорядка и внутренней организации современных обществ проблема концептуализации понятия «развитие» становится фокусом политических исследований. Остро стоит вопрос о содержательной трактовке общественного развития, его ориентирах и субъектах, о критериях политического развития и о концептуализации политики развития — понятия, которое не сводится к разным формам помощи и проектам содействия развитию третьих стран со стороны государств «развитого мира», широко бытующего в экспертной литературе. В содержательном плане речь идет о политике государства и других субъектов, участвующих в политическом целеполагании, по формированию повестки для объектов такой политики — страны, отдельных ее территорий, как городских, так и сельских, интеграционных объединений, других форм территориальной или пространственной (сетевой, не привязанной к конкретной территории) организации общественных взаимодействий.

Экономическая связанность мира и «общий пул» глобальных угроз поддерживают в массовом сознании представление о наличии общей повестки политики развития и, на этой основе, о возможности применения общих подходов к целедостижению. За основу в разработке такой повестки берутся ценностные ориентиры, которые апеллируют к успешному опыту «развитого мира» и продвигаются на международных экспертных площадках. Политику развития связывают с продвижением модели устойчивого развития — дискурса, который получил широкое международное признание и вокруг которого сегодня выстраивается система координат такой политики, ее целевые установки и ориентиры. Но принимавшиеся до сих пор за образец модели и ориентиры испытывают сегодня дефицит ресурсов (причем не только материальных, но и нематериальных, в том числе временных и психофизических, необходимых для последовательного целеполагания и целедостижения). Налицо также острая нехватка прорывных идей, способных обозначить горизонты развития, и сильного политического лидерства для продвижения созидательной политической повестки.

В самом общем плане политику развития можно рассматривать как систему управленческих практик, соотношенных с общественным запросом на безопасность и социальное благополучие. Горизонты политики развития как курса на поддержание политической стабильности и экономического роста заданы обеспеченностью ресурсами (в первую очередь возможностями наращивания человеческого потенциала); при этом рост в измеряемых категориях ВВП и иных показателях далеко не всегда является безусловным приоритетом общественного развития. Эффективность такой политики определяется мотивацией вовлеченных граждан, связью их жизненного пути и будущего их детей (семьи) с перспективами развития сообщества, обеспеченностью возможностями для реализации личных жизненных устремлений в общем русле нравственной нормы, формированием идентичности развития.

Утверждение идентичности развития — приоритет соответствующей политики в сфере образования, символической политики и политики памяти в обществах, где политика идентичности основана на сочетании исторической традиции и социальных инноваций. В нынешних условиях болезненного перехода к новой парадигме общественного развития и ломки той картины мира, в которой жил человек эпохи модерна, поиски возможностей таких сочетаний в практической политике становятся императивом самого развития.

В более широком контексте осмысления того перманентного кризиса, который превратился в расхожую метафору и неизменный маркер социальной реальности XXI века — реальности, в которой живет и современная политическая наука, назрела потребность в смене оптики в осмыслении политической динамики, в пересмотре словаря и подходов к пониманию развития. Встает вопрос о продвижении нарративов, которые можно адаптировать к кризисной фазе трансформации миропорядка и внутренней организации современных обществ, их растущей сложности и глубинным внутренним размежеваниям, умножающим вызовы безопасности и управляемости, но также личностной свободе.

Ключевое значение приобретает обращение к идентичности как отражению субъективного измерения социальных взаимодействий и ее осмысление как нематериального, возобновляемого ресурса развития. В последнее десятилетие категория идентичности утвердилась в арсенале политической науки в России, свидетельствуя о значимости субъективного измерения политики и политического для объяснения природы кризисного развития и научного предвидения его альтернатив.

Семенец Е.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ВИРТУАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КАНАЛАХ И ПАБЛИКАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ*

В условиях цифровизации онлайн-пространство становится значимым местом получения политической информации, формируя ценностные и мировоззренческие установки. Особенно для молодежи, которая активно использует социальные сети и мессенджеры на постоянной основе.

Для анализа молодежного политического дискурса в онлайн-пространстве были выбраны открытые интернет-сообщества, позиционирующие себя как молодежные отделения политических организаций. Были рассмотрены паблики «Молодая Гвардия Единой России» и «Молодежь ЛДПР» во «ВКонтакте», а также каналы «Молодежные парламенты России» и «Молодежный парламент ГД» в *Telegram*.

Хронологические рамки исследования — с 01.08.2024 по 31.08.2024. Рассмотрено 102 единицы контента. Методами исследования были выбраны количественный контент-анализ, проведенный с помощью *Voyant Tools*, и критический дискурс-анализ, основанный на теоретических разработках Н. Фэркло.

В сообществе «Молодая гвардия» тематический контур ограничен публикациями о действиях представителей организации, половина постов касается помощи мирным жителям и военнослужащим, отдельное внимание уделяется Курскому направлению. Преобладающая речевая функция — утверждение фактов, в грамматике — изъявительное наклонение. Основной текст нейтрален, часто цитируются высказывания представителей руководства МГЕР с высокой степенью модальности и претензией на истину: «данные ружья... спасут еще не одну жизнь нашего русского солдата», «мы всегда поддерживаем тех, кто нуждается в нашей помощи». Дискурс цитат эмоционально окрашен, патриотичен, с разделением на «Своих» и «Чужих»: «варварский акт терроризма ВСУ», «очищать нашу исконно русскую землю от нацистов».

В сообществе «Молодежь ЛДПР» более широкий круг тем: студенческие общежития, задержание Павла Дурова, проблемы с зачислением в вуз, ядерное разоружение, олимпиады для школьников. От имени сообщества высказываются оценочные суждения с высокой степенью модальности и транзитивности: «мы уверены: это просто попытка закрыть рот неудобному для западных элит голосу!», «инцидент является вопиющим примером возрождения нацистской идеологии на территории Украины». Активно используется не только изъявительное, но и повелительное наклонение — «Мы, Молодежь ЛДПР, требуем от мирового сообщества не закрывать глаза на преступления прошлого и настоящего».

В Телеграм-канале «Молодежные парламенты России» контент состоит из пересланных постов от региональных отделений. Фокус внимания на помощи Курской области, из других тем — региональные мероприятия, Стратегия молодежной политики. Низкий уровень экспрессивности, встречаются высказывания с высокой степенью убежденности в сказанном: «Каждый помогает по зову сердца... Вместе мы приближаем Победу», «Флаг объединяет все национальности, создает единство народов». Высокая степень транзитивности — указания на связь между субъектами и событиями.

В канале «Молодежный парламент ГД» основной корпус текстов составляют репосты других каналов. Из обсуждаемых тем — реализованные инициативы и рабочие встречи, гуманитарная помощь Курской области, мероприятия, а также Олимпийские игры, искусственный интеллект и новая Стратегия молодежной политики. Дискурсу характерны нейтральность, высокая модальность и транзитивность. Репосты и цитаты сдержанного характера. Эмоционально окрашены только посты о дне Государственного флага («Мы гордимся нашей страной и ее символами, а такие мероприятия помогают укреплять эти чувства») и помощи курянам («Вместе, плечо к плечу мы смыкаем ряды, чтобы оказать любую возможную поддержку нашим соотечественникам. Победа будет за нами!»).

* Исследование выполнено в ИНИОН РАН при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта № 124101700566-5 «Государственно-гражданская идентичность российской молодежи в онлайн-пространстве: особенности формирования, политический потенциал, перспективы управленческого воздействия» (госномер 124101700566-5).

Дискурс всех рассмотренных сообществ носит «отчетный» характер — информация о совершенных действиях организации. Свойственны редкие речевые приемы, позитивные коннотации (в контенте о Курске акцент не на обсуждении и оценке событий, но на помощи — мы помогаем, вместе победим).

Несмотря на молодежную направленность, основные рассматриваемые проблемы (СВО, гуманитарная помощь) носят общенациональный характер, проблемы молодежи почти не артикулированы и не рассмотрены. «Молодежь ЛДПР» — единственное из сообществ, затрагивающее актуальные для молодежи темы, пытающееся заниматься просвещением подписчиков.

Контент рассмотренных политизированных сообществ отличается высокой интертекстуальностью, он воспроизводит сложившийся порядок, не пытаясь его реструктурировать. Данные сообщества не формируют повестку дня для молодежи и не предлагают новых подходов к вызовам современности, они не нацелены на формирование дискуссии. Рассмотренные каналы мало внимания уделяют просвещению и ценностному воспитанию молодого поколения, предпочитая контент о рабочих встречах и поездках, что ставит под вопрос их эффективность в формировании государственно-гражданской идентичности молодежи.

Сергеев А.С., Сергеев С.А.
(Казань, КФУ)

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ПОПУЛИЗМА

Во второй половине XX в. популизм чаще всего обозначал определенный политический стиль, который практиковали некоторые латиноамериканские лидеры.

Но появление в конце XX — начала XXI в. в Северной Америке, Европе и Азии целого ряда лидеров и политических партий, определяемых как популистские, дает возможность говорить о популизме не только как о политическом стиле, политической практике или совокупности политических практик, но и как об идеологии. К. Мадде и К.Р. Кальтвассер определили популизм как идеологию, которая считает, что «общество в конечном итоге разделено на два однородных и антагонистических лагеря, “чистого народа” и “коррупцированной элиты”, и которая утверждает, что политика должна быть выражением общей воли народа»¹. При этом особенностью популистской идеологии, по мнению К. Мадде и К.Р. Кальтвассера, является ее несамостоятельность; это «тощая» или «тонкая» (*thin-centered*) идеология. В отличие от «самодостаточных» (*thick-centered*) или «полных» (*full*) идеологий (например, коммунизма или либерализма), несамостоятельные или несамодостаточные идеологии «привязаны к другим идеологиям, а иногда даже ассимилированы с ними». Из этого, полагают К. Мадде и К.Р. Кальтвассер, следует то, что популизм не может предложить внятные ответы на современные политические вызовы. Хотя если популизм может заимствовать элементы других идеологий, то почему бы ему не заимствовать некоторые из предлагаемых ими решений социальных проблем? «Несамодостаточность» популизма предполагает множественность популизмов. Выделяются, как минимум, два типа популизма: левый популизм, определяемый иногда как инклюзивный, и правый, определяемый как эксклюзивный².

Эксклюзивный популизм особенно заметен в Европе, где почти в каждом национальном парламенте можно найти пример правых популистов, понимающих под народом коренных жителей этой страны. Они склонны придавать большое значение политике сохранения национальной идентичности и защите местного населения от иммигрантов. Соответственно, в экономической политике они с осторожностью или неприязнью относятся к транснационализму, глобализации и в особенности к либерализации экономической миграции.

В отличие от правого, левый популизм уделяет гораздо больше внимания проблеме социального неравенства, а не вопросам идентичности. Популисты данного типа развивают свое понимание народа, определяя его как всех, кто непосредственно или косвенно был затронут несправедливой социально-экономической политикой истеблишмента. Закономерно, что левые популисты генетически связаны с левыми, социалистическими или коммунистическими партиями и движениями.

Принято было считать, что приход популистов к власти негативно отражается на качестве государственного управления и экономической политике. Но рассмотрение случаев показывает, что это не всегда так: правление популистов может приводить не только к отрицательным, но и к положительным для экономики эффектам. Первое происходит в результате уничтожения или умаления независимых институтов, якобы мешающих осуществлению «воли народа», второе — вследствие повышения ответственности независимых институтов, которые будут вынуждены сделать свои процессы принятия решений более «демократичными», а также принуждения истеблишмента к принятию реформ, которые будут способствовать интеграции бедных слоев населения.

¹ Mudde C. & Kaltwasser C.R. Populism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford UP, 2018. — 132 p.

² Kaltwasser C.R. Populism and Economy: An Ambivalent Relationship. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2019. — 18 p. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/iez/15285.pdf>.

Сходным образом обстоит ситуация и с оценкой внешней политики популистских правительств. Нередко вследствие восприятия популистов как «националистов», «радикалов» или «революционеров» от них изначально ждут проявления идеологического догматизма по отношению к международной системе и, в частности, к «элитам». С этой точки зрения идеологическая основа популистской внешней политики заключается в возвращении народного суверенитета, захваченного «коррупцированными» элитами. Соответственно, популистская внешняя политика должна была выглядеть как защита «морально чистого» народа от злонамеренных махинаций глобальных элит.

Но исследования внешней политики популистских правительств и лидеров заставляют усомниться в реальном влиянии идеологического догматизма популистов на внешнюю политику. По-видимому, оно было преувеличено. Правые и левые популисты, придя к власти, далеко не всегда склонны следовать своей же риторике и обвинять транснациональных акторов и глобальные элиты в том, что они являются «врагами народа» и «похитителями» народного суверенитета, а, напротив, в ряде случаев способны проводить вполне рациональную и взвешенную внешнюю политику. Таким образом, популизм либо терпит неудачу, либо достигает электорального успеха и «нормализуется».

Сергунин А.А.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

РОЛЬ СТРАН БРИКС В РАЗВИТИИ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ НА ПРИНЦИПАХ «СИНЕЙ ЭКОНОМИКИ»*

Под термином «синяя экономика» понимаются различные виды морской хозяйственной деятельности на основе высоких экологических стандартов и концепции устойчивого развития. «Синяя экономика» включает такие сектора морского хозяйства, как рыболовство и переработка морепродуктов, судоходство, морские транспортные коридоры, средства морской навигации, судостроение и судоремонт, портовая инфраструктура, аквакультура, морской туризм, добыча полезных ископаемых на шельфе, создание искусственных островов, прокладка трубопроводов и линий связи по дну морей и пр.

Вклад стран БРИКС в развитие Северного морского пути (СМП) на принципах «синей экономики» возможен по следующим направлениям — модернизация портовой инфраструктуры СМП; развитие арктического судоходства, включая создание танкерного и контейнерного флотов для транспортировки полезных ископаемых, добываемых в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ), и транзитных грузов; имплементация Полярного кодекса Международной морской организации (ММО).

Сотрудничество России со странами БРИКС в изучаемой области пока находится на начальной стадии.

Что касается модернизации и развития портовой инфраструктуры АЗРФ, то на протяжении последних 15 лет намечался ряд перспективных совместных проектов с китайскими компаниями по развитию Мурманского и Архангельского транспортно-логистических узлов на основе высоких экологических стандартов. Однако из-за неповоротливости российских бюрократических и коммерческих структур, недостатка государственной поддержки, различий в бизнес-подходах российской и китайской сторон эти амбициозные проекты так и не были реализованы.

Единственным завершённым проектом по модернизации российской портовой инфраструктуры стало участие китайской компании *China Communications Construction Company* в проведении дноуглубительных работ в бухте Бечевинская (Камчатка), где ПАО «Новатэк» построило перевалочный терминал сжиженного природного газа (СПГ). На этом терминале планируется перевалка ямальского СПГ с газовозов ледового класса на обычные танкеры.

Более успешным является сотрудничество России со странами БРИКС по развитию коммерческого флота, использующего СМП и прилегающие арктические моря, и морских грузовых линий между АЗРФ, с одной стороны, Азией и Европой — с другой. Так, ведущая китайская судоходная компания *COSCO* активно участвовала в создании флота газовозов ледового класса, необходимых для транспортировки СПГ с предприятия «Новатэк» Ямал СПГ в Сабетте. Из 15 газовозов, построенных в Южной Корее для этих целей, 14 принадлежали совместным предприятиям *COSCO* с канадскими, греческими и японскими партнерами.

При помощи своих партнеров по БРИКС Москва успешно обходит западные санкции против ее арктических нефтегазовых проектов, судоходных компаний и транспортной инфраструктуры. Так, ряд судоходных компаний, зарегистрированных в ОАЭ и Индии, участвуют в создании так называемого

* Исследование выполнено в рамках проекта № 116233367 «Развитие Северного морского пути как части «синей» экономики Арктической зоны Российской Федерации» по линии Санкт-Петербургского государственного университета.

«теневого флота» для вывоза СПГ со второго действующего завода «Новатэк» Арктик СПГ-2, также расположенного на Ямале.

Китайские компании приняли также участие в формировании морских и мультимодальных контейнерных линий из портов КНР в Архангельск и Мурманск. Россия и Индия обсуждают возможность использования морского транспортного коридора Владивосток—Ченнаи (ранее — Мадрас), который ориентирован на вывоз закупаемых Индией товаров в Сибири и на российском Дальнем Востоке, в качестве естественного продолжения трассы СМП.

Определенные успехи имеются и в области совместной имплементации Полярного кодекса странами БРИКС. Кодекс, вступивший в силу в 2017 г., ввел ряд более строгих требований в области безопасности морского судоходства в полярных водах и снижения загрязнения с судов. Вклад партнеров в развитие «синей экономики» в акватории СМП заключается, прежде всего, в переходе коммерческого флота и России, и стран БРИКС на использование «легких» видов топлива в Арктике, что стало обязательным после введения ММО запрета на использование флотского мазута в Северном Ледовитом океане (с 1 июля 2024 г.). Еще одно направление имплементации Полярного кодекса, в котором моряки из стран БРИКС могли бы принять участие, — это обучение экипажей судов, использующих воды Арктики, в российских тренинговых центрах, ибо у мореплавателей из южных стран, как правило, отсутствует опыт навигации в ледовых условиях.

Конечно, далеко не все сектора «синей экономики» АЗРФ стали еще предметом сотрудничества России со странами БРИКС, но, как показывает имеющийся опыт, в этой области у партнеров имеются весьма хорошие перспективы.

Сердюков И.А.
(Москва, РУДН)

ПРЕИМУЩЕСТВА СРАВНИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Интеграция является одним из наиболее актуальных процессов в современных международных отношениях. Исторически так сложилось, что подавляющее большинство теоретико-методологической базы в сфере исследования международной интеграции было разработано европейскими учеными и посвящено проблемам европейской интеграции. На то есть вполне объективные причины — в Европе появилось первое интеграционное объединение в современном понимании этого термина. За более чем 70 лет активной академической проработки в Европе успели сформироваться несколько «школ интеграции», представляющих собой группы ученых, исследующих различные аспекты и особенности развития [европейской] интеграции. Эти школы представляют собой группы исследователей с общими теоретико-методологическими установками в интеграционных исследованиях, которые вполне адекватным представляется объединить в понятие «европейская парадигма интеграции».

Несмотря на то что эти исследования, как уже было сказано ранее, сконцентрированы на вопросах почти исключительно европейской интеграции, работы некоторых авторов претендуют на универсальность и «глобальное» применение, то есть авторы указывают и подразумевают, что их методология может использоваться для исследования интеграционных процессов в иных регионах международной системы. Эта позиция была неоднократно опровергнута рядом авторов — например, А. Маламуд для объединений Латинской Америки, Мин-Хён Ким для АСЕАН.

Тем не менее в силу большой парадигмальной неопределенности в сфере интеграционных исследований (многие отечественные и мировые авторы в своих работах не сходятся даже на базовой терминологии, и почти в каждой новой работе политологи-интеграционники прибегают к переопределению понятия «интеграция») «европейская парадигма» играет большую роль в современных интеграционных исследованиях. Однако возникают некоторые трудности при попытке интерполяции европейских теорий на процессы, происходящие в не-европейских регионах. На это есть объективные причины, на которые в своей работе совершенно справедливо указал А.А. Байков, которые заключаются в том, что все мировые интеграционные процессы развивались в рамках уникальных исторических, политических, экономических и международных условий и предпосылок.

Со второй четверти XX века интеграционные процессы начали появляться повсеместно. Учитывая вышеупомянутое, вполне естественным представляется появление различных региональных школ интеграционных исследований, в том числе в 90-е годы XX века на пространстве бывшего Советского Союза. Первые наиболее заметные сомнения в универсальности европейских теорий вылились в 70-х годах в направление исследований, которое объединяется термином «новый регионализм». Однако сами авторы, работавшие в данном направлении, исследовали скорее региональные процессы вообще, нежели именно интеграционные процессы как таковые.

Тем не менее на сегодняшний день в интеграционных исследованиях невозможно выделить хотя бы одну единую оппонирующую европейской парадигму. Одной из наиболее разработанных и потенциально успешных альтернатив европейской парадигме является использование сравнительного подхода, который обладает рядом преимуществ. Во-первых, сравнительный подход не подразумевает игнорирования европейской парадигмы, но, наоборот, может включить наиболее важные теоретико-методологические достижения в собственный исследовательский арсенал. Во-вторых, он имеет потенциал заполнить «слабые места» европейской парадигмы путем включения опыта интеграционных процессов за пределами Европы. В-третьих, исходя из двух перечисленных положений, такой подход имеет возможность выведения универсальных законов развития интеграции. В-четвертых, при комбинации сравнительного и системного подходов существует возможность построения нормативной модели интеграционного процесса, то есть создания универсальной теоретической системы интеграционного процесса вообще. Это позволило бы проводить полностью непредвзятые и наиболее объективные сравнения и оценку различных международных интеграций между собой.

В описанной ситуации парадигмальной и теоретической неопределенности представляется крайне необходимым уделять внимание фундаментальным теоретико-методологическим основам в рамках данного исследовательского поля. Вполне естественным кажется тот факт, что «европейская парадигма» не способна к описанию интеграционных процессов, отличающихся по форме и содержанию от европейских, поэтому нам представляется необходимым формирование новой парадигмы интеграционных исследований. Вышеуказанные преимущества сравнительного подхода представляются нам достаточным основанием для избрания сравнительного подхода в качестве одного из кандидатов формирования новой парадигмы интеграционных исследований.

Серебряков К.Д.
(Санкт-Петербург, независимый исследователь)

РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

Эволюция партийных систем, особенно в странах с формирующейся демократической институциональной структурой, является динамичным процессом, обусловленным множеством факторов. Этот процесс отражает как характер политической системы данного государства в целом, так и особенности его политического режима в частности. В этом контексте, например, С.Н. Лаврентьев в своих исследованиях доказывает, что ядро политической системы не ограничивается только государством и его интересами, как утверждается в теории политики, а имеет двойственную природу, включающую в себя элементы как государства, так и партийной подсистемы. Между этими компонентами формируются сложные взаимоотношения, включая агрегирование, согласование и работу с общественными интересами, политическую социализацию граждан и формирование кадров политического управления.

Вопрос о степени влияния партийной системы конкретного государства на его политическую устойчивость становится актуальным, особенно в Центральной Азии как региона, плотно включенного в евразийские интеграционные процессы, выступающие одним из внешнеполитических приоритетов России. В проведенном исследовании рассматривались механизмы обеспечения конституционной стабильности посредством парламентских процедур. Результаты показали, что ключевыми механизмами, закрепленными в конституциях республик изучаемого региона, являются процедура квалифицированного большинства парламента для принятия конституционной инициативы (4 из 5 государств), ограниченное право конституционной инициативы (3 из 5) и временные рамки для принятия решения по внесенной конституционной инициативе (2 из 5).

В целом механизмы парламентских процедур, обеспечивающих конституционную стабильность и политическую устойчивость, используются в Центральной Азии слабо, составляя в среднем лишь $\frac{1}{5}$ от возможного арсенала (9 единиц). Тем не менее практика региона показала, что они не гарантируют реальной политической стабильности или устойчивости парламентской системы. Это подтверждается примером Кыргызстана, который прошел через три «цветные» революции и семь парламентских выборов только в XXI веке, несмотря на наличие множества механизмов конституционной стабильности.

Кросс-региональный анализ показал, что политическая практика в странах Центральной Азии, включая оформление и развитие партийных систем, значительно различается, несмотря на географическую и культурную близость. Объединяющими факторами выступают создание государства, формой правления которого выступает президентская республика, а также высокий уровень персонификации высшей государственной власти.

Республика Узбекистан демонстрирует наиболее эталонную стабильность партийной системы в регионе, где, несмотря на персонализацию президентской власти, сформировалась устойчивая

многопартийная система умеренного плюрализма. Здесь отсутствует доминирующая «партия власти», а партийный ландшафт отражает реальные электоральные предпочтения широких групп населения. Партии также служат ресурсной базой для различных политических элит, готовых к диалоговой модели решения ключевых вопросов. Персоналистская власть организована вокруг договорной модели политических элит, поддерживающих курс президента через систему компромиссов. Узбекистан также сохранил значимую роль парламента в конституционном механизме организации государственной власти, что позволило сформировать независимую (с рядом оговорок и поправкой на специфику изучаемого региона) от государства партийную систему.

В целом же партийные системы стран Центральной Азии не смогли выработать через свои национальные легислатуры эффективной площадки для взаимодействия разных политических элит и групп влияния, сами системы до сих пор адаптируются к парламенту как к политическому институту западного типа, выполняющему не только консультативно-совещательную и представительную функции, но и законодательную, поэтому партийный ландшафт не везде сформирован до конца, создавая дополнительные риски для общей политической устойчивости центральноазиатских государств.

Сересова У.И.
(Москва, РУДН)

ПОЛИТИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ИНВАЛИДНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Принятие Конвенции ООН о правах инвалидов в 2006 г. существенным образом изменило представление о сущности социальной политики в отношении инвалидов во всем мире. На законодательном уровне был зафиксирован переход от медицинской модели инвалидности к социальной. Медицинская модель инвалидности предполагала, что государство должно обеспечивать, в первую очередь, социальные права инвалидов. В рамках социальной модели речь идет не только о пассивных мерах социальной защиты, но и о гражданском участии инвалидов в жизни государства и общества. В первом случае инвалид — пассивный объект государственной социальной политики, во втором — активный гражданин.

Европейские социальные государства демонстрируют три основных направления социальной политики в отношении инвалидов — социальное обеспечение, репрезентация на рынке труда и создание условий для реализации гражданских свобод (законодательно закрепленные нормы об инклюзии и доступной среде). Для южных и католических социальных государств характерен средний уровень социальной защиты и активации на рынке труда, а также частичное соблюдение гражданских свобод. Восточноевропейский тип социального государства предполагает низкий уровень социальной защищенности, неэффективную политику занятости, слабое соблюдение гражданских прав и свобод инвалидов. В рамках консервативной модели социального государства осуществляется незначительная социальная защита при активной политике занятости и соблюдении прав человека. Наконец, в социал-демократической модели социального государства все три направления социальной политики в отношении инвалидов развиты одинаково высоко¹.

Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию в 2012 г., переработала законодательство и задала контуры реализации социальной политики в отношении инвалидов в рамках социальной модели инвалидности. Так, закон «О социальной защите инвалидов в РФ», принятый в 1995 г. и содержащий не реализовавшиеся на практике нормы, был пересмотрен и получил свое развитие в широкой базе подзаконных актов. Социальная политика обрела те же направления, что и в других моделях социального государства. Так, к имевшимся пенсионному обеспечению, социальному обслуживанию и реабилитации были добавлены меры, гарантирующие инвалидам выход на рынок труда, а также условия для реализации гражданских свобод и политических прав. Последнее направление нашло свое выражение в политике по созданию доступной среды (Государственная программа «Доступная среда»). Политика по повышению уровня занятости инвалидов приобретает неолиберальные черты — повышается уровень занятости (до 25% у мужчин с инвалидностью 3 группы в 2023 г.), увеличивается выпуск студентов, освоивших программы высшего образования (с 2463 чел. в 2009 г. до 4972 чел. в 2024 г.), проводятся конкурсы профессионального мастерства «Абилимпикс». В то же время доходы от трудовой деятельности, самозанятости и собственности (доходы, не зависящие от государства) в среднем у лиц с инвалидностью в России составляют около 8% от общих доходов: при среднем доходе в 35 590,8 р. в месяц пенсии и социальные выплаты в сумме составляют 29 931 р. (<https://rosstat.gov.ru/folder/13964>)

В соответствии с российским законодательством все организации независимо от их организационно-правовых форм должны обеспечивать инвалидам доступ к информации, объектам соци-

¹ Tschanz C., Staub I. Disability-policy models in European welfare regimes: comparing the distribution of social protection, labour-market integration and civil rights // *Disability & Society*. 2017. No. 32 (8). P. 1199–1215.

альной, инженерной и транспортной инфраструктур и условия для беспрепятственного пользования транспортом. Уровень обеспеченности элементами доступной среды сильно варьирует от субъекта Российской Федерации к субъекту, хотя и демонстрирует положительную динамику по стране в целом. Так, например, если в 2013 г. только 5,9% автобусов в России были приспособлены для инвалидов, то в 2023 г. этот показатель вырос до 39,6%. С 2016 г. строительство новых объектов, производство транспортных средств ведется с учетом потребностей инвалидов.

По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, в 2022 г. 20,1% инвалидов принимали участие в деятельности «политических партий, массовых молодежных объединений, женских союзов, обществ инвалидов», 19,5% — в работе «общественных комитетов при органах государственного управления (местного самоуправления)». Эти данные можно интерпретировать как проявление конвенционального активного политического поведения.

Таким образом, в настоящее время в мире происходит политизация инвалидности как феномена, однако в зависимости от типа социального государства отмечаются различия в содержании и темпах поэтапного перехода от медицинской модели инвалидности к социальной. В России в рамках этого общего тренда, несмотря на часто невысокие количественные показатели, можно отметить проявления всех трех новых направлений социальной политики в отношении инвалидов.

Сигачёв М.И.
(Москва, ИМЭМО РАН)

НЕОИНТЕГРАЛИЗМ КАК МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ

Проблемно-тематическое поле наших исследований в наиболее общих чертах может быть охарактеризовано следующим образом: сочетание традиции и современности как основа политики суверенного развития, без которой невозможен поиск альтернативных моделей мироустройства, подразумевающих переход от унифицирующей модели глобализации как «всесмешения», глобального «правильного котла» народов и культур к идее множественности, разнообразия исторических путей развития стран, народов, регионов в рамках формирующегося многополярного полицентричного миропорядка.

В докладе предпринимается попытка ввести и обрисовать контуры концепта неoinтегрализма для обозначения «синергийной» модели развития, направленной на преодоление антагонизма традиции и модерна как двух противостоящих друг другу мировоззренческих парадигм. Неoinтегрализм можно рассматривать в контексте принципа конфликтной дополнителности, сформулированного Е.Б. Рашковским применительно к взаимоотношениям науки и религии. Этот же принцип конфликтной дополнителности может быть расширен на всю сферу взаимодействия традиции и модерна, поскольку научная картина мира, светская наука характерна для мира модерна, тогда как религиозная картина мира — скорее для традиционного общества. Изначально принцип дополнителности был сформулирован физиком Нильсом Бором применительно к явлениям квантового мира и подразумевал, что физические объекты могут быть описаны одновременно как волна и частица. Применительно к социально-политическому развитию этот принцип может означать, что феномены политики можно рассматривать и с точки зрения традиции, и с точки зрения модерна. Делая же акцент на том, что речь идет о конфликтной дополнителности, мы тем самым подчеркиваем неизбежность конфликтов в социально-политическом развитии, если вынести за скобки разнообразные утопии.

Можно отметить, что проблема взаимодействия традиции и модерна имеет важное значение в контексте социально-политического развития современных обществ. Поэтому имеет смысл обосновать тезис о необходимости перехода от конфронтации современности и традиционного мира к их конфликтной дополнителности, конвергенции. Стоит подчеркнуть, что одним из самых важных ценностно-мировоззренческих разделений является дихотомия традиционалистов и прогрессистов (модернистов). Для обозначения междейного синтеза мировоззренческих полюсов традиционализма и прогрессизма как раз и вводится концепт «неoinтегрализма» («неoinтегризма»), понимаемый как стремление к выработке интегральной идентичности, призванной преодолеть антагонизм традиции и модерна путем их «сплава» в единое целое, частями которого выступают как традиционная идентичность, так и современная. Тем самым достигается синергетический эффект, когда целое больше суммы составных частей. Элементами традиционной идентичности являются: 1) язык (лингвистическая идентичность); 2) религия (религиозно-конфессиональная идентичность); 3) этничность (этническая идентичность); 4) культура в шпенглеровском смысле (культурно-цивилизационная идентичность); 5) регионально-пространственная (геополитическая) идентичность; 6) история (историческая идентичность, укорененная в исторической памяти). Подчеркивая, что в применении к социально-политическому взаимодействию (антагонизму) традиции и модерна значительным потенциалом обладает принцип конфликтной дополнителности, который способен многое дать для мирового развития

вообще и для социально-политического развития в частности, следует сделать упор на наличие тесных взаимосвязей между духовно-мировоззренческой и философской сферой, с одной стороны, и социально-политической сферой, с другой стороны. Тем самым преодолевается существующий внутри постмодерна и постмодернистского дискурса разрыв между различными сферами, восстанавливается единство и целостность социально-политической реальности.

Сегодня становится все более очевидным, что многоплановый кризис модели развития, наблюдаемый во всемирном масштабе в 2020-е гг., делает актуальным поиск новых формул политического проектирования, формирования альтернативной модели внутренней и мировой политики, разработки «правых» и «левых» альтернатив неолиберальной глобализации. И важнейший аспект этой проблемы — оптимальное сочетание традиции как преемственности развития общества с повторяющимся воспроизводством его основных устоев и модерна, нацеленного на производство новаций, линейно-прогрессивное развитие во времени.

Сидоров В.В.
(Казань, К(П)ФУ)

ЭТНИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В КОНТЕКСТЕ МАЖОРИТАРНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: СЛУЧАЙ ШОТЛАНДСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ

Этнические партии в демократических странах являются важнейшим институтом представительства этнических групп в политике. Если этническое большинство обычно имеет свою государственность и представлено в политике общенациональными партиями, то этнические меньшинства часто прибегают к созданию собственных партий для защиты своих групповых интересов. Этническое большинство эволюционирует в политическую нацию, и на современном этапе в Западной Европе правые националистические партии претендуют на представительство этой группы как связки нации и национального государства. Этнические меньшинства, как правило, преследуют либо цели национального самоопределения, либо автономии в рамках государства, либо на защиту этнических интересов в рамках географического региона.

Политизация этничности с помощью этнических партий имеет как преимущества, так и недостатки. С одной стороны, этнические партии институционализируют размежевание по линии «центр—периферия» и дают возможность институционализировать этнические конфликты, не допуская насилия на этнической почве. С другой стороны, этнические партии подрывают общегражданскую идентичность и могут привести к интенсификации указанных размежеваний.

В политической науке существенно разработан вопрос о влиянии избирательных систем на политические партии и партийные системы. Однако этнические партии представляют из себя особый вид партий, которые стали активно развиваться после окончания холодной войны и существенного ослабления раскола по линии «собственники—рабочие». Во многих государствах Европы стала активно развиваться идеология национализма — как гражданского, так и этнического. Возникает вопрос о том, какие факторы влияют на электоральный успех партий, исповедующих как идеологию гражданского национализма, так и идеологию этнонационализма.

Ответ на этот вопрос во многом зависит от таких структурных факторов, как численность этнических групп и их географическая локализация. Интересным случаем в данном разрезе является случай Шотландской национальной партии (ШНП), действующей в Великобритании.

Шотландцы составляют доминирующую группу (78% населения Шотландии). Начиная с середины XX века Шотландия стала регионом активно выступающим за самоопределение в рамках Соединенного Королевства. Активную роль в этом процессе стала играть Шотландская национальная партия как главная сила политизации шотландской этничности. Для ШНП мажоритарная система, применяемая в Соединенном Королевстве, стала благоприятным фактором для ее электорального успеха. Однако, как показали всеобщие выборы 2023 года, одной лишь мажоритарной системы мало для гарантированного успеха партии.

ШНП получила 56 мест на выборах 2015 года, и это стало рекордным успехом партии — все одномандатные округа, кроме двух, в Шотландии остались за ШНП. Основным соперником ШНП на протяжении всей истории являлась Лейбористская партия Великобритании. Соперником она является не по идеологическим основаниям, а скорее потому, что она является наиболее близкой большинству избирателей. С точки зрения идеологии диаметрально противоположной партией является Консервативная партия Великобритании, однако она не имеет серьезных шансов на успех в Шотландии. На выборах 2024 года ШНП получила всего лишь 9 мест, что может свидетельствовать о серьезном партийном кризисе.

Динамика электоральных результатов ШНП показывает, что мажоритарная избирательная система действительно может помочь выиграть этническим партиям выборы в округах, если партии удастся

доказать приоритет этнических размежеваний над другими общественными проблемами. Однако внутривластные скандалы, смещение общественного фокуса на другие проблемы и угасание проблем самоопределения региона могут привести к существенному уменьшению партийной поддержки. ШНП явно демонстрирует смещение фокуса внимания от чисто этнических проблем к проблемам региональным и общенациональным. Такая стратегия, с одной стороны, отражает настроения избирателей, однако ШНП становится сложнее конкурировать с общенациональными партиями. Введение пропорциональной или смешанной избирательной системы не изменило бы ситуацию для ШНП, а скорее даже бы усугубило ее. Мажоритарная избирательная система для этнических партий в условиях географической локализации этнической группы не является гарантией успеха, но может стать серьезным подспорьем. При изменении избирательной стратегии ШНП вновь может рассчитывать на электоральный успех.

*Сикорская Д.М.
(Рязань, РГУ имени С.А. Есенина)*

РЕКРУТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ ИЗ УЧАСТНИКОВ ЗОНЫ СВО

Политическая элита играет ключевую роль в развитии и управлении государством. В современном мире элиты формируются из различных социальных слоев и групп, что является отражением изменяющихся политических реалий. Одним из значимых источников рекрутации политической элиты в России становятся участники специальной военной операции (СВО). В условиях внешнеполитических вызовов и внутренней потребности в кадровом обновлении они выступают как новая социальная группа. Их включение в политический процесс приобретает все большую значимость.

29 февраля 2024 года президент России Владимир Путин в своем ежегодном Послании Федеральному собранию заявил о запуске программы «Время героев». По словам главы государства, обучение участников СВО пройдет по стандартам проекта «Лидеры России» и Высшей школы государственного управления, которую также называют «школой губернаторов». И уже с 1 марта 2024 года стартовал первый учебный поток программы. Обучение проходило на базе мастерской «Сенеж» Высшей школы государственного управления РАНХиГС.

Заместитель председателя Совета безопасности РФ Дмитрий Медведев на одной из встреч с главами регионов также отметил, что люди, которые прошли через СВО, имеют бесценный опыт, который им пригодится на государственной службе и в качестве кадрового потенциала партии «Единая Россия».

Следует отметить, что процесс рекрутации элиты — это не просто набор людей в систему управления, это сложный и многогранный процесс формирования группы, наделенной властью и принимающей стратегические решения. Традиционно в политическую элиту входят представители бизнес-кругов, научного и образовательного сообщества, профессиональные политики и управленцы, представители силовых структур. Однако в последние годы в России на фоне геополитических событий усилилось внимание к новым субъектам, в частности к участникам СВО. Они представляют собой специфическую группу с уникальным набором качеств, которые выделяют их среди других кандидатов на управленческие должности.

Среди таких качеств можно выделить следующие.

Опыт принятия решений в стрессовых условиях. Ведь участие в боевых действиях формирует способность к быстрому принятию решений в условиях неопределенности. Это является очень важным навыком для политических и управленческих позиций.

Проявленные лидерские качества. Военная служба и выполнение боевых задач развивают лидерские способности, ответственность и способность вести за собой команду.

Патриотизм и лояльность государству. Участники СВО воспринимаются как представители патриотически настроенных кругов, что является важным элементом для современного политического курса России, направленного на укрепление суверенитета.

Дисциплина и организованность. Выполнение приказов и задач, четкое следование инструкциям могут быть перенесены на гражданскую и политическую деятельность, что способствует повышению эффективности государственной службы.

В настоящее время рекрутация участников СВО в политическую элиту России — это важное и закономерное явление. Данная потребность обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, это социальный престиж и общественное признание ветеранов СВО. Они пользуются высокой степенью общественного доверия и уважения. Это доверие может стать основой для поддержки их кандидатур на политические и управленческие посты.

Во-вторых, политический заказ на «новые лица». Российская политическая система стремится к обновлению и адаптации под новые вызовы.

В-третьих, потребность в кадровом обновлении. На фоне повышения значения вопросов безопасности особенно важным становится наличие в политической элите людей, обладающих военным опытом и знанием вопросов обороны и национальной безопасности.

Итак, преимуществами рекрутации участников СВО в политическую элиту является их уникальный опыт, который полезен для принятия решений в условиях нестабильности и внешнеполитических угроз. Ветераны обладают высоким уровнем патриотизма, что соответствует современному политическому курсу страны. Их включение в политическую жизнь может усилить стабильность государства и укрепить его защитные механизмы.

Однако процесс интеграции участников СВО в политическую элиту также сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, военная подготовка не всегда совпадает с компетенциями, которые необходимы для политической деятельности. Переход от военной службы к гражданской может быть сложен и требует дополнительного обучения. Во-вторых, существует риск, что ветераны будут склоняться к авторитарным методам управления.

Таким образом, рекрутация участников СВО в политическую элиту РФ отражает новые потребности государства и общества. Уникальный опыт, дисциплина, лидерские качества и патриотизм делают участников СВО ценным ресурсом для государственного управления. Однако для эффективного включения их в политическую систему необходимы адаптация, обучение и поддержка со стороны государства.

*Силаева З.В.
(Казань, КФУ)*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОВУШКА ДЛЯ БАЛКАН В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЗА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОГО МИРОПОРЯДКА: НЕУСВОЕННЫЕ УРОКИ

Балканский полуостров является одним из привлекательных регионов для крупных европейских и мировых держав с точки зрения своего геополитического расположения и возможностей. Многие из них рассматривают его как мост между Европой и Азией, по которому идет разнонаправленное движение людей, товаров и капиталов, поэтому стремление сохранить влияние и обладать этим регионом у них как было, так и сохраняется, особенно это усилилось после заявления России об актуализации политической субъектности государств и их роли в мировой политике. Однако в отличие от европейских и крупных западных государств, Россия стремится выстраивать свои внешнеполитические отношения на равных и взаимовыгодных условиях.

В противовес российским усилиям в формировании нового полицентрического миропорядка в последние десятилетия Балканы все чаще используются европейскими и крупными западными мировыми державами как плацдарм для отработки технологий, направленных на ослабление и формирование в долгосрочной перспективе «управляемых» государств с целью недопущения каких-либо изменений в соотношении сил в мировой политике, которые могут сказаться на экономическом благополучии или способствовать трансформации рынка сбыта, а также перераспределению политического влияния за счет перекаивания контроля над связями.

В связи с этим основные тенденции по ослаблению Балкан сохраняются. Стратегическая и геополитическая привлекательность полуострова способствовала тому, что крупные европейские и мировые державы всегда не просто играли на многочисленных противоречиях между балканскими государствами, а создавали им дополнительные проблемы, не давая развиваться ни экономически, ни политически. Они также не позволяли и до сих пор не позволяют России усилить свое влияние в этом регионе и получить дополнительные преимущества в условиях политической борьбы за формирование полицентрического миропорядка, играя на «амбициях» и «болевых точках» балканских государств.

В итоге на Балканах сложилась сложная геополитическая ситуация, уходящая корнями в прошлое. Государства полуострова не могут выйти из этой ловушки до сих пор, так как наличие различных геополитических интересов и влияния сил на Балканах не позволяет им преодолеть затяжную экономическую отсталость, развить свою государственность, обрести политическую субъектность и политическую состоятельность.

Используя различия в общественно-экономическом, политическом, культурном и религиозном развитии, принципиально разные взгляды на историю и перспективы развития балканских государств, региональные и мировые державы создают ситуацию «управляемого хаоса», культивируя предубеждения в отношениях между народами для достижения своих оппортунистических целей. Поэтому, как и 100 лет назад, цель расколоть союз балканских государств сохраняется, чтобы со-

хранить статус-кво и не допустить доминирование в данном регионе Китая и России, изменяются только технологии.

Стремление же стран Балканского полуострова в НАТО и ЕС, отказ от собственных традиций и ценностей, игра по «двойным» стандартам лишь усугубляют их положение, так как большинство из этих государств не обладает ни политическим, ни экономическим, ни духовным суверенитетом в полном объеме. Они не могут самостоятельно решать основополагающие проблемы региона и до сих пор ищут покровителей, так как свой рост и развитие большинство из них связывает с налаживанием эффективных механизмов взаимодействия преимущественно с западными и общеевропейскими структурами (ЕС, НАТО, ОБСЕ, Совет Европы и т.д.), для которых Балканы — всего лишь средство для реализации своих политических и экономических интересов.

Таким образом, стремление к балансированию между сохранением собственной самобытности и развитием за счет внешнего воздействия вновь загоняет балканские государства в геополитическую ловушку, так как каждый из мировых и региональных субъектов, имеющих здесь свой интерес, смотрит на мир под своим углом и обладает разной системой ценностей. Балканские государства забывают, что решить проблему тем же способом мышления, посредством которого она появилась, невозможно. Для того чтобы решить те проблемы, которые у них имеются, необходимо совершить скачок в новую систему более высокого порядка, создав для себя ту иерархию ценностей, которая позволит перейти от мышления, основанного на кодах «выживания», к мышлению, основанному на кодах «бытия», позволившему одновременно быть как обособленным субъектом на мировой арене, так и составной частью более крупного самопереживающего целого, действия которого будут направлены на эволюцию, поддержание мира и формирование системы более высокого уровня. Если этого не произойдет и уроки не будут усвоены, дестабилизирующее соперничество Запада и России на Балканах продолжится, и для последних, это будет негативный сценарий.

Скипин Н.С.
(Москва, ИНИОН РАН)

ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ НАСТОЛЬНЫХ ИГР КАК ИНСТРУМЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ*

В данном исследовании мы подробнее остановимся на настольных играх, их потенциале и имеющих смысловых и методических ограничениях.

Сегодня существуют различные формы политического просвещения через игровые образовательные технологии. Так, можно привести в пример разработки современного философа М. Тоцци, чья концепция *Discussion à Visées Démocratique et Philosophique* (Демократическая и философская дискуссия) является доминирующей во Франции и поддерживается ЮНЕСКО¹. Основная задача этого метода состоит в том, чтобы «способствовать формированию размышляющего гражданина»², при том что гражданин понимается как тот, «кто участвует в жизни политических институтов и в формировании общего блага»³.

Другим примером инструмента «развития разумности и этико-демократических навыков детей»⁴ является образовательная концепция «философии для детей» М. Липмана. Его образовательная программа подразумевает комплекс различного рода дискуссий и деловых игр⁵, что роднит в инструментальном плане педагогические наработки М. Липмана и М. Тоцци. Кроме этого, за педагогическими наработками М. Липмана стоит схожая цель: воспитание демократически-ориентированного гражданина⁶. Игровые технологии в этом отношении действительно являются эффективными, что отмечается и в отечественных исследованиях, например, А.В. Богданов пишет, что «именно игровые формы

* Исследование выполнено в рамках проекта «Потенциал геймификации в политическом просвещении и формировании национально-государственной идентичности в молодежной среде» FFFM-2024-0026, реализовано в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

¹ Tozzi M. La dialectique démocratie-philosophie dans une DVD // Discussion à Visées Démocratique et Philosophique. Diotimeo Juillet 2013. No. 57. URL: <https://diotime.lafabriquephilosophique.be/numeros/085/026/> (accessed: 27.06.2024).

² Chirouter E. Pratiques de la philosophie avec les enfants // Les Cahiers Dynamiques. 2019/3. No. 76. P. 73–82. DOI: 10.3917/lcd.076.0073.

³ Conmac S. Coopération entre élèves, éducation à la citoyenneté et écriture à l'école primaire. Educations. 2018. 2. 10.21494/ISTE.OP.2019.0369. URL: <https://www.openscience.fr/Cooperation-entre-eleves-education-a-la-citoyennete-et-ecriture-a-l-ecole> (accessed: 27.06.2024).

⁴ Философия для детей / РАН. Ин-т философии; ред. Н.С. Юлина. М.: ИФ РАН, 1996. С. 3.

⁵ Марголис А.А. Новый учебный предмет «Философия для детей» // Психологическая наука и образование. 1996. Т. 1. № 1. С. 64–72.

⁶ Lipman M. Philosophy goes to school. Philadelphia: Temple University Press, 1988.

позволяют в “мягком” виде реализовать возможности влияния как на формирование культуры вообще, так и на выработку конкретных моделей социально-политического действия в частности».¹

Мы выделяем такие основные проблемные места, которые характерны настольным играм: упрощение моделируемых процессов для легкого входа в игру; ограничения, связанные с игровой механикой; сложность создания компонентов и интерфейса игры; оценка эффективности игры в вопросе политического просвещения.

Сессия настольной игры в контексте политического просвещения — это форма активности, которая в игровой форме и при помощи вспомогательных материалов (карты, фишки, игровое поле и иные интерфейсы) помогает воспроизвести и осмыслить политическое поведение участника при моделировании ситуации. Первым этапом вхождения в игру является введение в контекст моделируемой ситуации, когда участники получают вводные данные того процесса, в котором им предлагается принять участие. Для того чтобы участники сессии настольной игры (особенно если дело касается детей) не потеряли интерес на этом этапе — введение необходимо простое и понятное, что ставит перед игротехником и разработчиком игры задачу упростить моделируемую ситуацию или процесс. Кроме того, первые игровые циклы также должны быть упрощены для закрепления у участников игры основ механики и углубления в контекст модели. Данное условие рождает некоторые ограничения, с которыми сталкиваются разработчики игр и сами игроки. Для разработчиков основной проблемой является то, что у модели есть предел упрощения, перейдя который теряется сопряжение модели и той части действительности, которую она призвана воспроизвести. Для игроков недостаточное для плавного входа в игровой процесс упрощение является преградой для понимания контекста и демотивирующим фактором, при том что излишняя редукция модели также будет искажать представления о действительности, что может привести к несоответствию полученного опыта и знаний в игре тому, что требует эта действительность. Об этом пишет А.В. Богданов: «процесс перехода к действительности требует тщательной проработки, выделения конкретных условий перехода, их соблюдения и понимания того, что есть игровые практики и есть настоящее политическое пространство, в рамках которого функционирует человеческое сообщество»².

Схожие проблемы возникают у игротехников и создателей настольных игр для политического просвещения при формировании механики и правил игры. С одной стороны, правила должны быть просты и понятны, способствовать развитию модельной ситуации в необходимом русле, но при этом отражать моделируемые процессы, не ограничивать участников игры для нестандартных решений и не детерминировать процесс игры до механического воспроизведения операций.

Скляр А.А.
(Краснодар, КубГУ)

МОДЕЛИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ РФ: СТРУКТУРНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Реализация молодежной политики на уровне субъектов является продолжением государственной молодежной политики на федеральном уровне и составным компонентом социальной политики региона. Необходимо отметить, что субъекты Российской Федерации при формировании и реализации государственной молодежной политики на уровне региона опираются на общую государственную стратегию по реализации молодежной политики в стране. Однако региональный уровень отличается большей гибкостью и адресностью, что обусловлено географическими, экономическими, демографическими, историческими и культурными факторами.

Принятие Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» и закрепление молодежной политики как конституционного принципа были призваны активизировать развитие молодежной политики в субъектах. За последние 4 года в регионах произошли качественные изменения в реализации молодежной политики. Субъекты обновили законодательство под новые федеральные стандарты, провели реструктуризацию, создав профильные министерства и ведомства. В августе 2024 г. председатель Комитета Госдумы по молодежной политике Артем Метелев на встрече с журналистами отметил, что 3 года назад в большинстве регионов России работой с молодежью занимались отделы в непрофильных ведомствах, сегодня министерства молодежной политики созданы в 80 субъектах.

До реструктуризации молодежная политика была не отдельным направлением, а частью социальной, спортивной или образовательной политики регионов. Основным минусом была нехватка ква-

¹ Богданов А.В. Игра в политику vs. политическая игра: к постановке проблемы (часть 2) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20. № 4. С. 470–473. DOI 10.18500/1818-9601-2020-20-4-470-473.

² Богданов А.В. Игра в политику vs. политическая игра: к постановке проблемы (часть 1) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20. № 3. С. 364. DOI 10.18500/1818-9601-2020-20-3-362-365.

лифицированных кадров, отвечающих за молодежную политику. При такой модели финансирование молодежной политики происходило по остаточному принципу, так как она рассматривалась как периферийное направление. Главным плюсом модели было отсутствие необходимости поиска квалифицированного персонала, возможность набора сотрудников из смежных отделов.

Плюсом решения о реструктуризации является получение ответственной структурой возможности нормативно-правового регулирования реализации молодежной политики, системного обеспечения всей региональной системы молодежной политики. Также данное решение способствует выдвиганию молодежной политики на первый план, ее актуализации среди общественности в политическом пространстве региона. Благодаря созданию отдельных министерств формируется единое пространство по работе с молодежью. Опасность данного решения в долгосрочном периоде заключается в увеличении количества государственных служащих, бюрократизации системы.

Главная трудность эффективной реализации данного решения заключается в необходимости наличия квалифицированных кадров. Именно по этой причине Росмолодежь в 2021 г. открыла программы по созданию молодежного управленческого резерва, например «Голос Поколений». Цель данных инициатив — это подготовка руководителей молодежных организаций всех уровней. Таким образом, федеральный центр старается восполнить недостаток квалифицированных кадров и проявляет интерес к созданию в субъектах РФ структур для управления молодежной политикой.

Подводя итог, можно выделить следующие две модели реализации молодежной политики:

- 1) функционально-автономная модель, в которой молодежная политика выделяется как отдельное направление деятельности ее субъектов;
- 2) функционально-смешанная модель, где молодежная политика является лишь дополнением к социальной или иной политике, генерируемой субъектами.

Переход к функционально-автономной модели видится как наилучший способ развития и функционирования государственной молодежной политики на уровне субъекта Российской Федерации. Поддержка со стороны федерального центра доказывает, что данный путь развития является приоритетом для всей страны.

Скороходова О.С.

(Саратов, Поволжский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

ПАРТИЙНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Уже два десятилетия как произошла «партизация» регионального политического процесса в России. Но актуальным исследовательским вопросом является оценка как формальных характеристик региональных партийных систем, так и степень участия партий в определении «правил игры» взаимодействия ключевых акторов принятия политических решений на местах.

Конфигурация партийной системы напрямую зависит от общего контекста политического развития, от политической повестки дня, от типа избирательной системы, региональных особенностей развития. При этом можно говорить о системных тенденциях — как централизации политического управления при федеративном государственном устройстве, так и о целях среднего порядка, например решения внутриэлитных конфликтов, обновлении политической элиты, релевантности представительства интересов социальных групп в политике. Поэтому выявление тенденций развития партийной системы, изучение корреляций между многочисленными факторами политического развития и ролью политических партий, прогнозирование увеличения или, наоборот, минимизации их роли в принятии политических решений выступают перманентно актуальными проблемами современной российской политической науки.

Концепт «региональные партийные системы» является достаточно устойчивым в отечественном научном дискурсе, однако совершенно очевидны различные его интерпретации в зависимости от контекста употребления. Поэтому операционализация данного понятия заслуживает постоянной исследовательской конкретизации и в разрезе теоретических изысканий, и в формате регионального политического анализа.

Под региональной партийной системой мы понимаем систему взаимодействий, складывающуюся в результате межпартийной конкуренции в рамках субнационального измерения политической системы. В таком теоретико-методологическом ракурсе ее основной сущностной характеристикой выступает наличие устойчивых взаимоотношений, сложившихся в регионе между партиями и органами власти (возможность политического консенсуса, включения представителей оппозиции в системную парламентскую работу), между партиями и политическими элитами (представительство интересов

элитных групп), между региональной властью и федеральным центром (встраивание в федеральную повестку дня), между партиями и обществом (региональная повестка дня наиболее актуальных проблем, региональные электоральные предпочтения и модели электорального поведения), между политическими партиями (усиление позиций перед выборами, фракционное голосование).

Традиция качественного политического анализа предполагает исследование региональных партийных систем как части общестрановой партийной системы. В случае с современной Россией, на наш взгляд, уместно говорить о высоком уровне национализации партийной системы, что означает территориальную однородность партийного представительства. Если рассматривать этот процесс с позиций регионализации партийной системы, исключения из общего тренда есть, но они как раз подтверждают «правило». Однако можно обозначить и обратную зависимость. Формирующиеся на протяжении большого электорального цикла партийные системы в регионах по сути составляют основу будущей партийной кампании на выборах в ГД нового созыва. Поэтому с прикладной точки зрения крайне важно «контролировать» ситуацию на местах, иметь реальное представление о партийных предпочтениях электората, чтобы выстроить возможную стратегию и тактику перспективного государственного управления.

На формирование конфигурации региональной партийной системы оказывают влияние множество факторов: региональная специфика социально-экономического и культурного развития, степень зависимости от федерального центра, общенациональные тенденции создания политических партий «сверху», особенности регионального политического режима (наличие или отсутствие внутри-элитного конфликта) и, в частности, тип избирательной системы, применяемой для формирования регионального парламента. В контексте оптимизации качественного состава депутатского корпуса тенденция на увеличение мажоритарной его составляющей может рассматриваться как очередной виток институционального дизайна партийной системы. В свете традиции российской политической культуры «персонификации власти» подобную инновацию можно считать логичной. В то же время это гипотетически может привести к сужению количественного представительства средних и малых политических партий в составе региональных парламентах по партийному спектру.

Отдельный исследовательский интерес представляет анализ региональных партийных систем как составной части региональной политической системы и конфигурации регионального политического режима. Региональные элиты используют организационный партийный ресурс, который позволяет «войти» в региональный политический процесс и стать его полноценным политическим актором. Особенно это характерно для оппозиционных партий, которые готовы предоставлять партийный бренд в обмен на поддержание собственной же организационной структуры в конкретном регионе. Таким образом, партийное разнообразие может быть одним из критериев определения ключевых политических акторов и конфигурации региональной политической элиты, а следовательно, и типа регионального режима. Электоральная статистика региональных выборов текущего избирательного цикла гипотетически подтверждает тенденцию унификации систем политического управления в субъектах Федерации.

Слатинов В.Б.
(Курск, КГУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ НАДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРОВ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РЕФОРМ

В течение более чем двух десятилетий после принятия ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» на муниципальном уровне складывалась отвечающая интересам и представлениям ключевых политических игроков модель организации публичной власти. Базовым вектором реформирования местного самоуправления в России стало его встраивание в «вертикаль власти» — иерархическую организацию публичных структур, для которой характерны пониженная автономия местных органов управления, централизованный контроль и распределение ресурсов от верхних к нижним этажам бюджетной системы.

«Вертикализация» местного самоуправления затронула все ключевые аспекты его функционирования, включая модели организации местной власти, а также статус ее органов и должностных лиц. Система управления — наиболее важное звено в структуре муниципалитета, подлежащее «форматированию» в процессе реформ, а в самой управленческой системе одним из ключевых элементов выступают статус и особенности наделения полномочиями руководства муниципального образования и его исполнительных структур. Таким образом, установление доминирующего влияния на процесс

замещения должностей главы муниципального образования и его администрации в современных условиях представляется наиболее важной задачей для участников городской политики.

Институциональные и организационные преобразования систем управления муниципалитетами, включая статус и наделение полномочиями их глав, охватывают весь период становления и реформирования российского местного самоуправления. За более чем два десятка лет с момента принятия ФЗ № 131 можно выделить три основные «волны» преобразований. Первая (2003–2013 годы) охватывает период институциональной перестройки местного самоуправления в соответствии с новым законодательством и политическими изменениями, происходящими на региональном и федеральном уровнях. Вторая (2014–2019 годы) включает в себя «малую» муниципальную реформу, существенным образом повлиявшую на трансформацию полномочий местных органов и систем управления муниципалитетами. Третья (с 2020 года) отмечена поправками в Конституцию РФ и закреплением там понятия единой системы публичной власти в стране.

На всех указанных этапах институциональные и организационные изменения охватывали механизмы наделения полномочиями руководителей муниципалитетов и их исполнительных структур, включая глав региональных столиц. Административные центры субъектов РФ как наиболее ресурсные и политически значимые муниципалитеты привлекают особое внимание региональной власти, стремящейся к максимизации контроля над ними. Преобразования в сфере наделения полномочиями глав региональных столиц были связаны, главным образом, с законодательным закреплением разных моделей управления муниципалитетами, позволявшими в период 2003–2013 годов уходить от прямых выборов мэров через внедрение схемы управления с сити-менеджером, а с 2015 года — закрепленной законодательно модели «сильного» мэра, избираемого не гражданами, а депутатами представительного органа из кандидатов, прошедших предварительный конкурсный отбор. В результате количество региональных административных центров с прямыми выборами мэров упало с 2003 до 2024 года от 75 до 5. По состоянию на начало 2024 года доминируют модели с избираемыми депутатами после конкурсного отбора «сильными» мэрами — 60 региональных столиц, а также сити-менеджерами — 21 административный центр субъектов РФ.

В официальном дискурсе господствует представление, что переход к выборам глав городов депутатами представительных органов или наем ими глав администраций после конкурсного отбора позволяет обеспечить привлечение на должности мэров или сити-менеджеров профессиональных управленцев, в то время как выборы глав городов населением создают риски избрания популистов и малокомпетентных политиков. Кроме того, он стабилизирует процесс функционирования органов власти городов, уменьшает риски флуктуаций муниципального управления вследствие некомпетентности, популизма либо избыточного влияния заинтересованных групп.

Наше исследование реальных практик функционирования моделей управления городами в регионах Центрального Черноземья показывает, что заявленные цели достигнуты лишь частично. Анализ биографий глав областных столиц макрорегиона за 2017–2024 годы на предмет наличия у них опыта и компетенций в сфере муниципального управления позволяет зафиксировать тренд на профессионализацию когорты руководителей городов. Он связан с активными усилиями федеральной власти по организации обучения действующих руководителей территорий, а также представителей кадровых резервов, создаваемых для управления регионами и муниципалитетами. В то же время анализ кадровых изменений в руководстве областными столицами ЦЧР показал, что отставки глав городов имеют высокий уровень интенсивности. Исследования ротаций городских глав в других субъектах РФ также демонстрируют наличие очевидной проблемы с постоянными заменами руководителей региональных столиц. Подбор кадров на должности глав зависит преимущественно от региональной власти и влиятельных групп интересов в территориях. При этом, сохраняется отчуждение населения от процесса формирования исполнительной власти городов.

*Слобожникова В.С.
(Москва, ГАУГН, РГУ)*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Существующее теоретическое осмысление религиозности в современных условиях предлагается рассматривать как часть научного смыслового пространства, если принять за исходный тезис наличие существования пространства научных идей, наполненного гипотезами, теориями разной степени верифицированности, концепциями. В русле развития социогуманитарных наук наблюдается увеличение количества трактовок понятий, которыми оперируют эти науки. Не стали исключением и трактовки религии, появляются прилагательные общественно-политического значения к этому понятию.

За условную точку отсчета этого интеллектуального процесса следует принять политическую мысль эпохи Просвещения, в которой в контексте разработки проблем моделей искусственного и есте-

ственного сохранения социального порядка рассматривалась и религия, при превалировании внимания и результативности первого из названных направлений исследований. Для мыслителей стали очевидны несколько актуализированных впоследствии и повлиявших на осмысление религиозности факторов. Во-первых, живучесть религиозности в народе в форме приверженности конкретной религии (католицизм, протестантизм и др.), широкое распространение иррационального общественного сознания и его неустрашимость в ближайшей перспективе. Во-вторых, недостаточность формальных, институционализированных политических структур для управления обществом, создание и функционирование которых требовало рационалистических подходов, необходимость инструментов, которые бы соответствовали иррациональному уровню мышления. В этом контексте разрабатывались идеи «естественной религии» («религия чувства») и создания новой религии — «гражданской религии» (Ф.-М.А. Вольтер (1694–1778 гг.), Ж.-Ж. Руссо (1712–1778 гг.)).

Концептуальную текучесть трактовок религии стимулировал О. Конт (1798–1857 гг.), определив первую из трех последовательных стадий интеллектуальной истории человечества как теологическую (религиозную), включающую три фазиса (фетишизм, политеизм, монотеизм), основанных на вере в религиозные догматы. Реальность XXI в. не подтвердила его прогнозы, что человечество последовательно перейдет к метафизической (рациональной) стадии, а затем — к последней, самой совершенной, научной (позитивной). О. Конт выдвинул идеи создания и предложил модель новой религии: «позитивной религии человечества», выделив в ней виды общественной и частной.

«Ящик Пандоры» в трактовке религии в начале XX в. открыл один из основателей социологии религии как научной дисциплины, Э. Дюркгейм (1858–1917 гг.), сформулировав расширенное понимание религии (подверг критике включение в понимание религии «сверхъестественного» и веры в божества), что логически вписывалось, с одной стороны, в рационалистические подходы, а с другой — в расширение исследовательских пространств общества в контексте требований строгой научности позитивизма.

Развитие политологии в целом и политической теологии как направления исследования политического серьезно отразилось на трактовках религиозности. В условиях модерна и распространившейся секулярности с середины 1930-х гг. исследователи XX в. (А. Келлер (1872–1963 гг.), Ф.А. Войтг (1892–1957 гг.), Э. Фёгелин (1901–1985 гг.), Р. Арон (1905–1983 гг.), и др.) обратились к исследованию такого политического феномена, как мирская религиозность (религии политического), которая в сознании людей вытесняла естественные/традиционные религии и связывалась в работах с тоталитаризмом, фашизмом, социализмом, коммунизмом. Во второй половине XX в. Р. Белла (1927–2013 гг.) разрабатывался концепт «гражданская религия». На основе анализа опыта осмысления светской религиозности теорию политических и гражданских религий представил Э. Джентиле (род. 1946) в начале XXI в.

На протяжении более чем трех столетий наблюдаются серьезные изменения трактовок (концептуальная эволюция) религии и религиозности и усложнение их классификаций, происходит перенесение смыслов религии на другие явления/феномены общественно-политической жизни. Разработка концепта религии в условиях рационалистических подходов секуляризма привела к размыванию понимания ее традиционной сути, поглощение ее анализом проблем и явлений профанного мира и его политической сферы. В условиях постсекулярности в контексте сакрализации политики учеными активно используются категории «мирская религия», «светская религия», «секулярная религия», «гражданская религия», «политическая религия». По сути, проявления религии и религиозности, выходящие за пределы традиционных/естественных религий и верований, связаны с исследованием иррационального в контексте политического.

Смаль С.В.

(Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ЦИФРОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Российская Федерация является социальным государством, согласно положениям Конституции страны, которые дают значительные социальные гарантии ее гражданам. Так, «социальными» принято считать целый ряд статей Основного закона (от 7 до 10 статей), начиная со статьи 7.1, непосредственно провозглашающей Россию «социальным государством», заканчивая новыми, появившимися в результате проведения референдума в июле 2020 года, статьями об обеспечении доступной медицинской помощи на уровне муниципалитетов (ст. 132.1). Также существует перечень федеральных законов социальной направленности, множество региональных законодательных актов, в том числе в 7 субъектах РФ приняты Социальные кодексы: в Астраханской, Белгородской, Волгоградской, Ленинградской, Омской, Ярославской областях и в городе федерального значения Санкт-Петербурге.

Также обращает на себя внимание и цифровое развитие как в целом государственной политики, так и различных ее направлений: создаются платформы предоставления услуг, государство становится клиентоориентированным, продолжается внедрение искусственного интеллекта и распространение «цифры» практически во всех сферах жизнедеятельности.

Некоторые регионы, в числе которых, безусловно, Санкт-Петербург, в своем развитии «делают ставку» именно на социальную сферу. Так, пунктиром отметим, что в настоящее время, по состоянию на сентябрь 2024 года, в Санкт-Петербурге меры социальной поддержки предоставляются для 85 льготных категорий граждан. В Санкт-Петербурге в 2022 году принята «Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Санкт-Петербурга», действие которой было рассчитано до 2024 года, но долгосрочные эффекты будут иметь гораздо более долгосрочное действие.

«Региональный социальный стандарт в сфере социальной защиты населения Санкт-Петербурга. Новая социальная стратегия» были представлены в июле 2023 года на Петербургском международном экономическом форуме, в городе функционирует информационно-аналитическая система «Электронный социальный регистр населения», которая содержит сведения о социальном статусе порядка 5 миллионов петербуржцев, а в сентябре 2024 года акцент был сделан на развитии цифровых социальных программ для пожилых, в рамках проекта «Серебряный возраст» создана специальная платежная карта, которая предоставляет в том числе и цифровые услуги. Проект включает четыре направления социально ориентированного характера, это «Здоровье», «Спорт», «Образование» и «Досуг», они в целом направлены на повышение качества жизни людей предпенсионного и пенсионного возраста, а также на увеличение продолжительности жизни петербуржцев.

Широко известен в Санкт-Петербурге и цифровой медицинский помощник Виктория — это сервис, ведущий свою историю всего с ноября 2020 года, когда начал работать короткий телефонный номер 122, он позволил централизовать звонки, связанные с распространением коронавируса. С конца января 2021 года в Санкт-Петербурге по номеру 122 стал отвечать голосовой помощник «Виктория». Это робот, который уже принял более 11 миллионов обращений и создал около 7,5 миллиона заявок по вызову врача на дом с момента запуска. Отметим и развитие сервиса: «Виктория» в настоящее время звонит и предупреждает о визите к врачу, в случае имеющейся записи проверяет, приходил ли врач. Вызов на телефон пациента поступает с городского номера, услуга полностью бесплатная для горожан.

Портал «Самозапись СПб» (Здоровье петербуржца) имеет гораздо более длительную историю: официальный сайт записи на прием к врачу начал свое существование в 2011 году. Изначально инициатива создания полноценного комплекса цифровых сервисов в сфере здравоохранения принадлежит Администрации города и одновременно Комитету по здравоохранению, в 2020 году интерфейс нового портала был кардинально изменен, там появились и новые функции, и полная привязка к portalу «Госуслуги», где можно отслеживать свою медицинскую историю, получать информирование о состоянии здоровья в режиме реального времени.

Итак, подводя итоги, постулируем: инструменты государственной политики в социальной сфере многообразны, особенно их развитие активно во время кризиса, который переживает и наша страна, и мир в целом, в текущем докладе были частично освещены лишь цифровые аспекты политики социального обеспечения и здравоохранения в Санкт-Петербурге. При этом также необходимо констатировать парадокс: инновационным и цифровым может быть только субъект государственной политики здравоохранения, в то время как объект всегда будет традиционным.

Санкт-Петербург — удачный пример для изучения: например, на базе платформы «Госуслуги» агрегировано в общей сложности 268 услуг, имеющих отношение к социальному обеспечению в целом и, частично, к улучшению состояния здоровья, которые можно получить в цифровом виде.

Тема же в целом требует дальнейшего рассмотрения и изучения и представляет значительный интерес.

Смирнов П.А.
(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ПРОБЛЕМЫ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН: МАКЕДОНСКИЙ СЛУЧАЙ

Постъюгославское пространство как совокупность государств, ранее входивших в социалистическую Югославию, с момента своего возникновения на политической карте мира характеризуется стремлением к этнической гомогенности (в рамках каждого государства), повышенной конфликтностью и незавершенностью процесса демократического транзита. Особое место на постъюгославском пространстве занимают государства, входящие в условно сконструированную

группу Западных Балкан — Сербия, Черногория, частично признанное Косово, Республика Северная Македония (далее — РСМ) и Босния и Герцеговина. Также в Западные Балканы включают Албанию.

Особенность данных региональных акторов заключается в наличии внутренних проблем как этнополитического характера (Босния и Герцеговина, Сербия, Косово), так и демократического (Албания, Черногория, Босния и Герцеговина), которые препятствуют евроинтеграции западнобалканских республик, а в отдельных случаях служат еще и шлагбаумом на пути к вступлению в НАТО. Но в сравнении с государствами Западных Балкан «македонский случай» имеет ряд особых черт и потому представляет интерес.

РСМ (до 2019 г. Республика Македония) появилась в сентябре 1991 г. в ходе распада социалистической Югославии и вскоре после объявления независимости четко обозначила свои внешнеполитические приоритеты, ключевым из которых являлось вступление в Европейский союз. В Скопье рассчитывали на скорую евроинтеграцию из-за рекомендации комиссии Р. Бадинтера (специальный арбитражный орган ЕЭС, рассматривавший по отдельности каждое постъюгославское государство в качестве правопреемника СФРЮ) признать независимое македонское государство соответствующим европейским критериям признания, однако вскоре возник спор с Грецией о названии македонского государства, и вступление Скопье в ЕС (и НАТО) регулярно блокировалось Афинами.

Новый этап на пути РСМ в Евросоюз начался в 2017 г., когда в македонской республике сменилось правительство, которому удалось достичь компромисса с Грецией. В 2018 г. последовало изменение конституционного названия государства (в него добавилось слово «Северная»), однако одновременно с этим возник болгарский вопрос, связанный с претензиями Болгарии: болгарская сторона категорически не соглашалась с господствующим в РСМ нарративом о болгарской оккупации в 1941–1944 гг., а также не признавала самостоятельность македонского языка, который в Софии считают одним из диалектов болгарского. Также болгарская сторона призывала к включению в конституцию РСМ упоминания о болгарском меньшинстве.

С 2020 г. Болгария отказывалась согласовать вступление РСМ в ЕС, несмотря на фактическое соответствие Скопье критериям членства в Евросоюзе, а другой сложностью являлось решение объединить заявки двух кандидатов — РСМ и Албании, начав весной 2020 г. переговорный процесс с обеими республиками. Снятое в 2022 г. вето Болгарии на вступление РСМ в ЕС не изменило ситуацию: условия вступления Скопье в Евросоюз (признание меньшинства и т.д.) теперь выдвигались от имени Франции, выработавшей компромиссные на первый взгляд предложения. Македонский случай продемонстрировал свою уникальность: в разрешение спора Софии и Скопье оказались вовлечены внешние участники, при этом инструментарий их воздействия на ситуацию был весьма ограничен (что весьма показательно в сравнении с энергичной деятельностью НАТО и американской дипломатии во время греко-македонских переговоров об урегулировании спора о названии македонского государства). Невозможность внести поправки в Конституцию РСМ, предложенные Францией, привела к тому, что процесс евроинтеграции Скопье остановился — равно как и процесс евроинтеграции Албании.

В данном случае уместно говорить о специфическом для постъюгославского пространства явлении — этнополитизация внешней политики, когда этнонациональные аспекты становятся определяющими при формировании внешнеполитической стратегии государства. Кризис в РСМ, вызванный неприятием французских предложений, повлек за собой победу оппозиции на парламентских и президентских выборах весной 2024 г. Новый президент Г. Силяновска-Давкова, сохраняя высокую степень этнополитизации внешней политики РСМ, в конце лета 2024 г. де-факто одобрила прекращение переговоров с ЕС о членстве Скопье. В сентябре 2024 г. Брюссель наконец решил разделить заявки Тираны и Скопье на вступление в Евросоюз.

Таким образом, подчеркивая специфический характер процесса евроинтеграции Западных Балкан, нужно указать на особое место македонской республики в данном процессе и сделать предположение, что «македонский кейс» может стать не единственным проблемным эпизодом в процессе расширения ЕС на Балканах в контексте присутствия в регионе интересов иных, внерегиональных, акторов.

Сморгунов Л.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ, СИ РАН —
филиал ФНИСЦ РАН)

КОНЦЕПЦИЯ ИНДИВИДУАЦИИ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ*

Современные коммуникации становятся центральным фактором, определяющим не только наше отношение к миру, но часто рассматриваются в аспекте пространства формирования мира. Опосредованные влиянием цифровых технологий, коммуникационные потоки становятся соизмеримыми с потоками самой жизни в рамках сложных ассамбляжей человеческих и нечеловеческих агентов. В этом отношении коммуникация распространяется на многосоставное сетевое общество своеобразно, пытаясь интегрировать разрозненные части в нечто одновременно устойчивое и динамичное, разнообразное и объединенное, конфликтное и кооперативное. Определенным ответом на сетевую самоорганизацию выступило концептуальное движение за трансверсальную политику солидарности, в которой коммуникационный компонент выходит на первый план. Трансверсальная политика солидарности означает стремление строить коммуникационные процессы на основе не строгой идентичности, а возможности вовлечения в них многообразия различий. В этом отношении в процессе сетевого участия все более становится выявленным значение индивидуации, когда сети накапливают в своем пространстве потенциальную энергию коллектива, готовую к действию под влиянием индивидуализированных переходов от одного актуального события к другому. Здесь начинает проявляться та идея французского философа Жильбера Симондона, которая связывает процессы индивидуации и формирования коллектива посредством трансдукции в пространство индивидуализирующихся коллективов. Трансдуктивная логика здесь означает вывод, совершаемый в пространстве перехода от одного частного случая к другому без обобщения. В случае соотношения индивидуации и коллектива трансдукция сводится к постоянному движению различных актуальных (частных) режимов стабилизации их взаимодействия. Можно ли считать это развитие процессом дестабилизации порядка коммуникации и надеяться на новый порядок, основанный на прежних правилах (открытость, делиберативность, репрезентации, идентификация, медиация, значение и объективность)? Не является ли современный этап коммуникации транс-стабилизационным, предполагающим состояние, наполненное потенциалом новых становлений в процессе движения индивидуации к новым коллективам?

В современных исследованиях (Л. Беннетт, А. Сегерберг и др.) была предложена новая концепция системы развития коммуникаций в социальных сетях — логика связанного действия, построенная на приоритете индивидуализированных отношений. Развита в различных исследованиях сетевого поведения, логика связанного действия в целом характеризуется рядом черт, говорящих о стратегии поведения пользователей социальных сетей. Так, индивид строит свои взаимоотношения в сетях на основе персонализированного контента, используя биографический подход к предложению и оценке сетевой информации. При этом коммуникационное действие становится самомотивирующим актом на основе признания равенства и значимости разнообразия и различия в сетевых контекстах. Совместное коммуникационное производство и обмен происходит на основе персонализированного выражения, могущего принимать формы трансдуктивного перехода между речевыми, образными, звуковыми и др. модулями передачи информации. Важно заметить, что принятие публичных мер или вклад в общее благо становится актом личного выражения и признания или самоутверждения. Технологические сети персонализированной коммуникации включают в себя больше, чем просто обмен информацией или сообщениями; они сами по себе становятся организационными структурами, осуществляющими управление коммуникацией и стимулирование действия. Отмечается, что сами общественные блага могут получить новое теоретическое определение, поскольку в сетях так называемым безбилетникам (из прежней логики коллективного действия) легче становиться участниками политических сетей, которые стирают границы между публичным и частным. Действия в социальных сетях самоорганизуются в значительной степени без внешних центральных или «ведущих» организационных субъектов и их ресурсов.

* Материал подготовлен по гранту ЭИСИ/госзадание Минобрнауки РФ «Легитимность сетевой власти и ее влияние на стратегии поведения пользователей социальных сетей в России».

ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

Актуальность исследования образа страны, формируемого в массовом политическом сознании граждан в наши дни, очевидна. Российское общество претерпевает значительные трансформации в связи со сменой внешнеполитического контекста, переоценкой своего места в мире, растущей необходимостью реагирования на многообразные внешние и внутренние вызовы. Рассмотрение вопроса формирования политических представлений без учета эмоциональных, не вполне осознаваемых ориентаций видится не совсем верным. Политика — сфера, затрагивающая ценностную субъективную сторону нашей жизни в полной мере. Это делает политико-психологический подход весьма ценным для современной науки. Для рассмотрения особенностей политических образов развивающейся страны будем опираться на данный методологический подход. Эмпирические исследования, проведенные в 2020–2024 гг. отечественными политическими психологами, позволяют нам с разных сторон достаточно взвешенно оценить сценарии развития России, которые россияне конструируют, оценивая свои ожидания, говоря о будущем. Опираясь будем на материалы формализованных интервью, дополненных проективными техниками, которые были собраны в рамках текущего научного проекта и исследовательских проектов прошлых лет.

Обсуждаются тенденции формирования представлений россиян о России будущего и России идеальной. Рассматривается содержательное наполнение образов, символическое поле и конгруэнтность.

Несомненно, четкость образа страны в последние годы усиливается, можно говорить некоторой кристаллизации образа. Нельзя, однако, утверждать что этот процесс происходит в одинаковом темпе в сознании граждан разных категорий, социальных групп. Встает закономерный вопрос о динамике образа будущего в сознании различных сегментов российского общества. Прежде всего, любопытно, как объективный контекст влияет на поколенческие расколы и сближения во взглядах, их дифференциацию. Например, становятся ли в последние годы взгляды «советского», «постсоветского» поколений, «миллениалов», «зумеров» схожими, или же этого не происходит? Не менее значимым видится рассмотрение современными исследователями тенденции изменений представлений о будущем у жителей российской глубинки, региональных центров, городов миллионников, населения приграничных территорий, особенно регионов, граничащих с Украиной, и новых регионов России.

Обсуждая существующие в российском массовом сознании универсальные сценарии развития России, способные сейчас наиболее эффективно обеспечить адаптацию общества к переменам, нами были выделены следующие сценарии:

«Мобилизационный сценарий», которому в наибольшей степени характерно доверие политическим решениям национального лидера, проявление чувства патриотизма и готовности следовать предложенному государством пути, испытывая собственную «силу духа»;

«Инерционный, или же сценарий стабильности», который выстраивается за счет защитных механизмов восприятия граждан, при которых образ будущего концентрируется на чем угодно, кроме травмирующей информации;

«Новый социалистический сценарий и СССР 2.0.», символическое пространство которого конструируется на основе ностальгических и ретроориентированных переживаний;

«Иновационный сценарий», представленный перечнем ожиданий преобразований и достижений России в будущем, от высоких технологий, промышленного развития до контакта с внеземными цивилизациями. Определяющим символом здесь является концепт прорыва.

В качестве дополнительного можно выявить «Сценарий анархизма и русского бунта». Это также ретроориентированный сценарий, синтезирующий в себе идеи разнообразных радикальных исторических идеологий в России, на основе ожиданий кардинальной трансформации политического курса.

Необходимо дальнейшее обсуждение специфики и факторов формирования в сознании современных россиян подобных сценариев-ожиданий. Например, с учетом меняющегося психологического состояния российского общества, с учетом рассмотрения стержневых и периферийных тем, запросов к важнейшим субъектам общественного прогресса. Исследователям политики сегодня важно определить, на кого (и что) в наибольшей степени возлагают надежды российские граждане, говоря об оптимальном будущем и развитии.

Снисаренко К.Л.
(Минск, НАН Беларуси)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВНИ БЕЛОРУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ

В условиях эрозии норм международного права, турбулентности мировой политико-экономической жизни, кризиса взаимоотношений по линии Восток–Запад актуальность приобретают особые уровни дипломатии: региональный и муниципальный.

Международное сотрудничество регионов Беларуси выработано на основе инициатив и имеет под собой довольно слабую правовую базу. В частности, Закон Республики Беларусь «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» от 14 ноября 2005 г. не относит региональное сотрудничество к важным направлениям внешней политики (Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 14 нояб. 2005 г. № 60-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2005. № 188. 2/1157). По этой причине взаимодействие с регионами других государств осуществляется в рамках развития межгосударственных связей.

Основой сотрудничества Беларуси и России служит Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. (Договор о создании Союзного государства: [подписан в г. Москве 08.12.1999 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 4. 2/118). Белорусско-российское региональное взаимодействие развивается на основе соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Инструментом их реализации стали советы делового сотрудничества и рабочие группы по сотрудничеству, созданные с 79 регионами России. Основными приоритетами белорусской стороны являются: взаимовыгодная торговля, промышленная кооперация, создание совместных производств. Наиболее тесное сотрудничество сложилось с Московской, Ленинградской, Тюменской, Смоленской, Брянской и Свердловской областями, Республикой Татарстан и Пермским краем. С 2014 г. ежегодно проводятся форумы регионов России и Беларуси.

Региональное сотрудничество стало эффективным механизмом по углублению белорусско-российских отношений. Об этом свидетельствует объем двусторонней торговли. В 2023 г. он составил порядка 53 млрд долл. (Головченко: двусторонний товарооборот Беларуси и России в 2023 году составил около \$53 млрд // БЕЛТА. URL: <https://belta.by/economics/view/golovchenko-dvustoronnij-tovarooborot-belarusi-i-rossii-v-2023-godu-sostavil-okolo-53-mlrd-614527-2024/> (accessed: 12.09.2024). Суммарный объем взаимных инвестиций в этот же период превысил 10,3 млрд долл. (Мнение: сотрудничество регионов — важнейший инструмент углубления интеграции в Союзном государстве // БЕЛТА. URL: <https://belta.by/society/view/mnenie-sotrudnichestvo-regionov-vazhnejshij-instrument-uglublenija-integratsii-v-sojuznom-gosudarstve-620041-2024/> (accessed: 12.09.2024). В условиях санкционного давления межрегиональная кооперация обеспечивает экономический суверенитет Беларуси и России.

Правовой основой регионального сотрудничества Беларуси и Китая является Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой от 10 мая 2015 г. (Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой: [подписан в г. Минске 10.05.2015 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2015. № 3. 3/3181). Каждая область Беларуси и г. Минск поддерживает побратимские связи с тремя регионами КНР. Межрегиональное сотрудничество обеспечивает развитие торгово-экономических и межкультурных связей. В результате в 2023 г. товарооборот между государствами составил 8,44 млрд долл., а экспорт товаров из Беларуси в Китай вырос на 20% (Червяков: в 2023 году Беларусь и Китай установили рекордный товарооборот между странами // Беларусь Сегодня. URL: <https://news.sb.by/articles/chervyakov-v-2023-godu-belarus-i-kitay-ustanovili-rekordnyy-tovarooborot-mezhdu-stranami.html> (accessed: 12.09.2024). Растет взаимодействие по линии культурных центров за рубежом, академических обменов.

В Беларуси сохранили и творчески развили традицию движения породненных городов. В 1995 г. была образована Белорусская общественная организация «Породненные города», которая является коллективным членом созданной в России Международной ассоциации «Породненные города».

На сегодняшний день активными участниками движения городов-побратимов в Беларуси являются Брест, Кобрин, Лида, Минск, Могилев. Помимо торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, движение городов-побратимов способствует укреплению международного диалога на основе взаимного уважения и понимания.

Таким образом, региональный и муниципальный уровни белорусской дипломатии содействуют не только расширению межгосударственных связей, торговли, инвестиций, но и позволяют завязать крепкие общественные контакты, которые обеспечивают высокую прочность сложившихся тесных отношений. Важным вопросом представляется всестороннее научное осмысление этих уровней дипломатии, более явное их закрепление в законодательстве.

ИТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ПИРАМИДЕ

Мы живем в очень динамичном и насыщенном мире, где используемые технологии из разных сфер науки и промышленности стремительно врываются в нашу жизнь и начинают менять ландшафт как на первичном личном уровне, так, далее, и в общественном пространстве, бизнес-сфере и поле государственно-политического управления¹. Влияние кибернетики и промышленных технологий предсказывалось еще в советское время, но тогда это смотрелось и воспринималось как интересная фантастика. Например, в известном научном рассказе «Сумма технологий» Станислав Лем оценивает эволюцию и алгоритм развития нашей цивилизации через интегрирование общих технологий, достигнутых человечеством, и одновременно ставит нравственные дилеммы: «Кто кем повелевает? Технология нами или же мы — ею? ... Кто получит превосходство, стратегическое пространство для цивилизационного маневра, — человечество, свободно черпающее из арсенала технологических средств, которыми оно располагает, или же технология, которая автоматизацией увенчает процесс изгнания человека из своих владений? ... Существует ли другой — нетехнологический — путь развития цивилизации? Типичен ли наш путь для Космоса, что составляет он — норму или патологию?»².

Мы можем вспомнить нашего русского ученого Николая Кондратьева, в честь которого были названы показанные им циклы социально-экономических кризисных переходов в зависимости от периодического развития и совершенствования технологий. И в настоящее время мы видим снова доказательство его теории — общемировой политико-экономический кризис, вызванный вследствие небывалого развития электронной цифровой и радиоиндустрии, приведшего к разработке и самому широкому распространению и внедрению на всех уровнях микропроцессоров, гаджетов на их основе и огромного класса домашних бытовых, промышленных приборов. Общедоступность микропроцессоров и сетевые технологии привели к колоссальному росту коммуникации, взаимодействия между людьми во всем мире и дигитализации нашей жизни, появлению баз данных, облаков и других хранилищ всего выработанного человечеством объема информации.

С ростом распространения технологии сначала робко, потом все больше и больше начали внедряться во все сферы нашей жизни, в том числе и поле политическое и государственной управленческой пирамиды. И совсем недавно в полном соответствии с диалектическим законом произошел качественный скачок — эти технологии через цифровые базы данных, программные продукты, коммуникативные протоколы как на персональных компьютерах, так и обычных и облачных серверах с использованием ИИ повсеместно «захватили» общественную сферу жизни, политическое поле и глубоко внедрили в государственное управление. Такие технологии, например, как *Digitall*-выборы; технология *BallotReady*, технология *VoatzePluribus*, широкая гамма алгоритмов на базе *Big Data*, ускоренное распространение систем искусственного интеллекта (ИИ), таких как *GPT Chat*, *MS CoPilot*, *YandexGPT*, *Giga chat*, создание аудио и видео-*Deepfake*-ов и др.

В качестве примера можно привести огромное влияние контекстной, скрытой рекламы и алгоритмов ИИ в выборных технологиях во всех развитых странах мира. Выборы Дональда Трампа были первым показательным скачком качества по применению манипулятивного воздействия на основе «мягкой силы» на потенциального избирателя в социальных сетях, когда анализируется профиль пользователя, его новостная и публикационная лента, на основании этого профиля алгоритм предлагает текстовые и видео-материалы по «склонению» человека к принятию решения. Сегодня те, казавшиеся сверхсложными, технологии дополнились неизмеримо более мощным информационным воздействием на основе ИИ, когда создаются виртуальные ролики, *Deepfake*-и и псевдологические связи для воздействия на «потребителя» и его принуждение к принятию решения в «правильную» сторону. Еще одним примером можно привести недавнее задержание Павла Дурова во Франции, когда, по сути, частный коммерческий проект социальной коммуникации *Telegram* перерос в большую потоковую информационную систему массовых сообщений и он стал «резонировать» на государственном и политическом уровне, влияя на принятие решений уже другого масштаба. И власти при всем желании и общественном резонансе это влияние не учитывать не могли.

¹ Соколов Н.Н. Влияние информационных технологий на принятие политических решений в глобальных условиях. Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск: Материалы всероссийской конференции РАПН с международным участием / РУДН им. Патриса Лумумбы, МГИМО МИД России. М.: РУДН, 2023. С. 561–562.

² Лем Станислав. Сумма технологий. М.: АСТ, 2023.

В пирамиде государственного управления цифровые технологии начинают играть также огромную роль. Начиная с образовательной сферы с множеством прикладных обучающих программ и треков, медицины, когда ИИ ускоряет и помогает ставить диагнозы в поликлиниках и медицинских центрах, до жилищно-коммунального хозяйства, где решаются вопросы по благоустройству подъезда, дома, района и сложных городских инженерных систем безопасности, когда отслеживаются потенциально опасные лица, террористические, техногенные и другие угрозы.

Таким образом, ИТ-технологии диалектически и неизбежно влияют на все сферы нашей жизни, включая государственное и политическое управление. И стоит общая задача не пугаться и не бояться этих технологий, а брать их под контроль и, где возможно, использовать на благо общества и повышения легкости и эффективности управления государственной машиной.

Соколов А.В.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Технологическое развитие формирует новые технологии и инструменты для оптимизации различных процессов в ключевых сферах жизнедеятельности человека. Если предыдущая история демонстрировала относительно локальный преобразовательный потенциал большинства инноваций, то разработка технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) формирует условия для стремительного, радикального и всеобъемлющего преобразования.

В связи с этим предпринимаются попытки как научного, концептуального, так и достаточно примитивного, утопического и публицистического осмысления происходящих и предстоящих изменений. Знаковым стал манифест сооснователя и главы компании *OpenAI* Сэма Альтмана «Век интеллекта» (*The Intelligence Age*), опубликованный в сентябре 2024 года.

Тем самым в обществе формируется множество дискуссий, направленных на осмысление пределов и форматов внедрения ИИ. При этом во многих случаях широкий спектр эффектов масштабного использования новой технологии будет возможно оценить значительно позже начала данного процесса.

Среди ключевых направлений обозначаются следующие: обеспечение безопасности; характер трансформации сферы труда и обеспечение занятости человека; снижение социального неравенства и обеспечение доступа к технологиям; переосмысление содержания и форм образовательного процесса; культурной ценности создаваемых продуктов. Кроме того, обсуждаются вопросы обеспечения политических последствий для политической стабильности как в связи с непосредственным использованием ИИ в политической борьбе, так и кардинальным переустройством базиса классических институтов.

Отдельная дискуссия формируется по вопросу субъектности ИИ. С одной стороны, исследователи отмечают, что ИИ — это своеобразный программный продукт, который работает в заранее заданных условиях соответствующих алгоритмов, а с другой — они создаются как самообучающиеся системы, результат выдачи которого не до конца прогнозируем. Более того, возникает проблема возможности целенаправленного или непреднамеренного обмана пользователя нейросетью.

В связи с этим возникает целый ряд угроз, связанных с целенаправленным деструктивным действием программистов—создателей ИИ:

- для личности, ее свободы и адекватного понимания ею реальности;
- для общества, его устойчивого развития;
- для бизнеса, его адекватной трансформации в условиях цифровизации;
- для государства и сохранения им суверенитета.

Однако данный деструктивный потенциал можно трансформировать в созидательный посредством аналогичных действий в интересах человека, общества и государства. Для этого целесообразно предусмотреть определенный общественно-государственный контроль над создателями ИИ. Это связано с тем, что создаваемые зарубежными или глобальными корпорациями ИИ могут быть ориентированы на интересы только его создателей или зарубежных государств.

При этом в современных исследованиях представляются, главным образом, односторонние подходы, концентрирующиеся либо на возможностях и преимуществах, либо угрозах и недостатках внедрения технологии ИИ. В данной ситуации целесообразно их комплексное рассмотрение с целью усиления первых и минимизации вторых. В то же время сами угрозы могут как взаимоусиливаться, так и устранять друг друга. Более того, одно и то же явление может приводить как к позитивным, так и негативным последствиям: содействовать манипуляции или воспитанию ответственной и активной личности.

В связи с этим в докладе будут представлены результаты авторского исследования, проведенного методом глубинных интервью экспертов. Оно позволило выявить особенности внедрения и использования ИИ в политике, потенциально вытекающих из этого возможностей и угроз для устойчивого развития. На основе собранных данных делается вывод о необходимости разработки комплекса мероприятий по управлению внедрением и использованием ИИ как в политике, так и других сферах деятельности.

Соловьев А.И.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВНУТРИ ЭЛИТАРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СМЫСЛЫ И ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ

Политическое оформление символических конструкций внутри элитарной коммуникации, существенно отличаясь от конструкций публичного дискурса, играет определяющую роль в поддержании политического порядка и управлении развитием общества. Смысловое содержание используемых здесь символов носит по преимуществу не доктринальный (идеологический), а ценностно-прагматический характер и, в конечном счете, редуцируется к решению трех базовых задач правящего слоя: самовоспроизводству в пространстве власти, осуществлению рентоориентированной активности и распределению общественных благ и ресурсов за счет контроля над принятием ключевых государственных решений.

Суммарный эффект триединой цели правящего слоя обуславливает не только столкновение складывающихся в его «теле» микрогрупповых интересов (отражающих их усилия, направленные на повышение возможностей фактического влияния при продвижении инновационных решений, достижении целей региональных или отраслевых политик, зеленой экономики или антикризисных стратегий и т.д.), но и решающую роль латентных механизмов при разработке и осуществлении политических проектов. Непрерывное соперничество элитарных группировок за контроль над различными аренами политического доминирования, базовыми институтами власти и управления, а также каналами гражданского представительства и управления дискурсом, в конечном счете, выражается в приоритетных диспозициях и целях выигральной коалиции.

Периодическая смена лидеров на вершинах государственной власти не только полностью нивелирует влияние гражданских структур (к примеру, таких как Лиссабонский договор, утверждающий Инициативу европейских стран (ЕСИ) в качестве нового инструмента, позволяющего гражданам оказывать влияние на разработку политики Европейского союза), направленных на расширение участия населения в принятии решений, но и предопределяет волатильный характер определения национальных интересов, формирующихся в скрытой от населения форме разработки стратегий и планов.

Как показывает опыт, непрерывное маневрирование статусных и неформальных участников элитарных группировок формирует три основных типа коммуникаций, сопровождающих обмен доктринальными символами, а также нарративными формами символических конструкций. К ним относятся: неформальный обмен символическими посланиями, содержащими сведения о перемещении ресурсов и кадров, способствующих «переделу» политико-административного рынка, по мысли Дж. Шарпа, ведущего к смещению с правящих позиций одних клик и передаче их места другой; продвижение символических образов как явных и неявных сигналов, распространяемых массмедиа, однако смысл которых может быть извлечен лишь конкретными реципиентами из правящей элиты, а также обращение символических образов угроз и предупреждений, сопровождающих межинституциональные трения и конфликты формализованных государственных, партийных и иных политических структур.

Недекларируемый характер внутри элитарных контактов (распространяемых на все вертикали и горизонтали государственного управления) крайне редко отражается в публичном дискурсе, способствуя повышению роли неформальных коалиций и их скрытых от общества форм участия при распределении общественных активов. Интенсивность политических контактов этих неформальных ассоциаций помимо порождения асимметричных форм распределения ресурсов и усиления политически нейтрального содержания публичного дискурса (последовательно вытесняющего население за рамки реальной политики), неизбежно повышает политические перегрузки в системе государственного управления, провоцируя при этом риски блокировки и даже исчерпания институтами власти своего гражданского функционала. Вплоть до отчуждения граждан от институтов государства и управления.

Появление новых — внутренних и внешних — размежеваний между элитарными группами (включая неизбежную коллаборацию наиболее крупных из них с различными межрегиональными и международными сообществами) обуславливает возрастание в правящем классе непубличных коммуникаций, формирующих символические очертания политической воли его ведущих группировок за рамками открытого обществу дискурса. Историческое постоянство такой диспозиции, лишь изредка

травмируемой механизмами демократической делиберации, последовательно дистанцирует общество от реальных рычагов распределения активов, обесценивая значение постоянно рождаемых научным сообществом концептов «умного общественного» управления.

Соловьев Д.А.
(Тамбов, Центр исследования политических трансформаций ТГУ им. Г.Р. Державина)

О ПАРЛАМЕНТСКОЙ АКТИВНОСТИ САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ДЕПУТАТОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ СЕДЬМОГО СОЗЫВА

Цель статьи — изучение парламентской активности влиятельных депутатов региональной легислатуры как показателя эффективности предоставляемых ими социальных услуг населению.

Основным методом исследования является полужурналистское интервью; вспомогательным — контент-анализ.

В апреле—июне 2024 г. в Тамбовской области опрошены 27 экспертов. На основании их ответов составлены рейтинги влиятельности лиц, принимающих решения в политике и экономике региона. Каждую персону, включенную в рейтинги, назвали влиятельной не менее семи информантов.

Репутационным влиянием на региональном уровне обладали 11 депутатов Тамбовской областной Думы VII созыва (далее — ТОД): две персоны — чисто политическим влиянием, одна — экономическим, а восемь — «комбинированным», одновременно в обеих сферах.

Влиятельными депутатами в ТОД являются шесть бизнесменов, два ректора ВУЗов, один главврач больницы, один руководитель регионального отделения политической партии, а также профессиональный политик — руководитель Думы; десять мужчин и одна женщина.

Качество предоставляемых депутатами услуг населению оценивается через призму их парламентской активности по следующим критериям: присутствие на заседаниях, участие в голосованиях, внесение предложений по повестке, выступление в прениях и представление докладов.

Проанализировав протоколы заседаний ТОД, состоявшихся в период с 7 октября 2021 г. по 17 мая 2024 г., автором установлены следующие факты.

Наибольшим рейтингом парламентской активности среди всех влиятельных депутатов обладал председатель ТОД.

Все влиятельные депутаты хотя бы один раз выступали на заседаниях ТОД: участвовали в прениях или представляли доклад.

Среди самых влиятельных депутатов только один покидал заседание Думы, выражая протест, — первый секретарь Тамбовского областного отделения КПРФ.

Реальным влиянием обладают депутаты только двух из пяти фракций в ТОД: «Единая Россия» — девять персон и КПРФ — две персоны.

Парламентская активность обоих первых заместителей председателя ТОД и председателей комитетов по науке и охране здоровья ограничивалась участием в голосованиях на пленарных заседаниях и представлением докладов.

Председатель ТОД, председатели комитетов по промышленности и связям с ОМСУ, а также зампред комитета по экологии, кроме представления докладов и участия в голосованиях, выступали в прениях.

Среди руководства ТОД (председателя Думы и его заместителей) только вице-спикер — председатель комитета по бюджету выносил на голосование предложения по повестке.

Парламентская активность первого вице-спикера, члена комитета по бюджету, и беспартийного бизнесмена — члена комитета по экологии — является самой низкой среди всех влиятельных депутатов. Первый законодатель один раз председательствовал на пленарном заседании, а второй — лишь однажды выступил в прениях.

Все формы участия в парламентской активности использовал только руководитель фракции КПРФ в ТОД.

Среди влиятельных депутатов на постоянной профессиональной основе осуществляют свои полномочия председатель ТОД, два его первых заместителя и один заместитель, а также руководитель комитета по промышленности и экс-руководитель комитета по связям с ОМСУ (ныне — зампред комитета по связям с ОМСУ).

На 10-м и 26-м пленарных заседаниях ТОД обязанности председательствующего исполнял вице-спикер — руководитель комитета по бюджету, несмотря на то что в зале присутствовал первый вице-спикер, член комитета по промышленности.

Среди влиятельных депутатов нет членов комитетов по законодательству и социальной политике.

По два влиятельных депутата являются членами комитетов по бюджету, промышленности, экологии и связям с ОМСУ.

По одному влиятельному депутату — в комитетах по науке и охране здоровья.

Только один влиятельный депутат не занимает никакой командной политической должности в ТОД — член комитета по экологии, состоящий во фракции КПрФ. Этот бизнесмен избирается в областную Думу уже в четвертый раз.

На базе полученных данных сделаны следующие выводы.

Чем шире ряд показателей, по которым парламентская активность депутата равна нулю, тем ниже качество предоставляемых им социальных услуг населению; ниже его эффективность по данному направлению работы.

Наименьшую эффективность предоставляемых влиятельными депутатами ТОД социальных услуг населению на основании уровня парламентской активности продемонстрировали первые вице-спикеры ТОД и председатели комитетов по науке и охране здоровья.

Вице-спикер — председатель комитета по бюджету и заместитель председателя комитета по связям с ОМСУ, наоборот, показали наибольшую эффективность в ТОД.

Потенциально спорным моментом может быть критика того, что с помощью уровня парламентской активности депутатов законодательной власти можно определить эффективность предоставляемых ими социальных услуг населению.

Соловьев К.С.

(Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО РАЗВИТИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РФ

Изучение различных вопросов использования технологии искусственного интеллекта¹ (далее — ИИ) сегодня актуально для многих гуманитарных наук, в том числе и для политологии. В России ИИ используется в различных областях: в оборонной промышленности² (Ромашкина, 2023), в политике³ (Давыдова, 2023), в экономике и т.д.

В рамках данного исследования с помощью системы «Гарант» были изучены нормативно-правовые акты различного уровня государственной власти, принятые в период с 1990 по 2024 г., в которых используется понятие ИИ. В результате анализа было выявлено наличие 4280 актов: 2352 региональных, принятых в период с 30.06.1998 по 12.04.2024 г. и 1928 — федеральных, принятых в период с 26.10.1990 по 10.04.2024.

Основополагающим для формирования политики РФ в области ИИ является Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁴ (Указ № 490... 2019), утверждающий Национальную стратегию развития ИИ до 2030 года. Данная стратегия — основной программный документ, направленный на развитие отечественных решений, формирующих внедрение инноваций во все сферы экономической деятельности и повседневной жизни граждан.

В развитие данной стратегии утвержден федеральный проект «Искусственный интеллект» сроком реализации до конца 2030 года⁵ (Федеральный проект «Искусственный интеллект»... 2024). Федеральный проект связан с реализацией шести государственных программ Российской Федерации: «Информационное общество»; «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»; «Развитие образования»; «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»; «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности»; «Экономическое развитие и инновационная экономика». В рамках данного проекта также прогнозируется проведение обучения в сфере ИИ, выделение грантов для студентов, разработчиков ИИ и стартапов, а также для средних и крупных предприятий.

¹ Под ИИ в нашем исследовании понимается то же, что и в Федеральном законе № 123-ФЗ РФ (№ 123-ФЗ... 2020).

² Ромашкина Н.П. Искусственный интеллект для войны и мира: подводя итоги года // ИМЭМО РАН. 2023. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/artificial-intelligence-for-war-and-peace-summing-up-the-year> (дата обращения: 18.09.2024).

³ Давыдова Ю.А., Матюхин А.В., Аняньевская Е.А. Искусственный интеллект в политическом управлении: тенденции и перспективы // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 4. С. 100–113. DOI 10.12737/2587-6295-2023-7-4-100-113.

⁴ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 18.09.2024).

⁵ Федеральный закон от 24.10.2020 № 123-ФЗ // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45475> (дата обращения: 18.09.2024).

Важным аспектом государственной политики в сфере ИИ является взаимодействие с бизнесом и с экспертно-аналитическим сообществом из различных областей.

В рамках другого важного аспекта сотрудничества государства с бизнесом был создан «Кодекс этики искусственного интеллекта» (разработан на основе «Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года» 26 октября 2021 года, разработанный Альянсом в сфере искусственного интеллекта РФ¹ (Кодекс этики искусственного интеллекта... 2024).

Таким образом, анализ материалов, представленный в исследовании, позволяет сформулировать гипотезу: государство в высшей степени заинтересовано в использовании искусственного интеллекта в различных сферах социально-экономического и гуманитарного развития. Такая заинтересованность проявляется, во-первых, в реализации большого числа проектов по развитию ИИ в различных сферах, выделении бюджетов федерального уровня, а также законодательного регулирования различных аспектов использования ИИ на федеральном уровне. Во-вторых, озабоченность государства различными проблемами ИИ, его заинтересованность в разностороннем и гармоничном подходе к регулированию и решению возникающих в этой сфере вопросов отражается в привлечении к решению, например, этических вопросов использования ИИ различных специалистов (исследователей, представителей общественных институтов, бизнеса), а также к поощрению использования ИИ бизнеса различного уровня.

Соловьева Д.Д.
(Москва, МГИМО МИД России)

ТЕХНОЛОГИИ ГЕЙМИФИКАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Система высшего образования Российской Федерации, сохраняющая преимущественно традиционные форматы обучения и воспитания, не в полной мере соответствует ожиданиям нового поколения студентов, зумеров. Исследователями фиксируются следующие отличительные характеристики этого поколения: высокие ожидания быстрых эффектов, не обязательно материальных, частая смена деятельности и предпочтений, параллельная вовлеченность в несколько коммуникативных сред и неспособность к длительной концентрации (*Радаев В.В.* Преподавание в кризисе / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. С. 200). Также экспертами отмечается стремление современных студентов сразу применять полученные знания на практике, что обуславливает активное участие в проектной деятельности и волонтерстве (*Рябус И.М.* От игры до геймификации в условиях цифровизации образования: методические рекомендации. Азовский район, 2021. С. 36.). Эти качества в ряде ситуаций могут рассматриваться как преимущество перед предыдущими поколениями, однако при этом они обуславливают определенную степень разочарования в системе высшего образования, базирующейся на классических лекционных и семинарских форматах.

Несоответствие ожиданиям студентов и неудовлетворенность образовательным процессом приводят к снижению общей мотивации обучающихся и последующему снижению когнитивных усилий студентов. В частности, при отсутствии внешнего стимулирования студенты зачастую воздерживаются от попыток вникнуть в углубленный материал, обстоятельно разобраться во внутренних механизмах изучаемых явлений, самостоятельно протестировать исследовательские гипотезы, прочитать полнотекстовый источник.

Размышляя над стратегией преодоления кризисных явлений в преподавании, необходимо понимать необходимость соблюдения баланса между интересами студентов и потребностями общества, чтобы, с одной стороны, не допускать излишнего крена в довольно популярную, но все же привнесенную извне концепцию «образование есть услуга» и, с другой стороны, не избегать проблемы, возлагая конечную ответственность за качество образования на еще только формирующихся личностей либо их первых работодателей. Другой важной точкой равновесия в этом вопросе должно стать сочетание традиционных и новых форматов преподавания и педагогики, что, с одной стороны должно обеспечить преемственность российского образования с советскими лучшими практиками и стандартами подготовки кадров, а с другой стороны, позволить масштабировать те новаторские наработки отдельных преподавателей, которые уже отреагировали на запрос студенческого сообщества.

Простым, но эффективным решением данного вопроса видится внедрение игрового метода педагогики и игровых форматов преподавания в российских высших учебных заведениях. Игра как способ познания занимает особое место в педагогике, поскольку этот метод имеет вневременной,

¹ Кодекс этики искусственного интеллекта // Кодекс этики искусственного интеллекта. URL: <http://rucompliance.com/ethicsai> (дата обращения: 18.09.2024).

межпоколенческий характер и широчайшую сферу применения. О важности игры в преподавании писали еще классики российской педагогики Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Г.П. Щедровицкий, В.А. Сухомлинский, но за прошедшее время игровой метод несколько не потерял своей актуальности, а, наоборот, стал лишь более популярен среди молодежи благодаря компьютерным играм. При этом игровые практики не стали полноценным форматом высшего образования, сравнимым с лекциями и семинарами.

На современном этапе в связи с повсеместным использованием цифровых технологий и последовательной цифровизацией образования складывается благоприятный момент для инкорпорирования игрового формата в развивающуюся цифровую образовательную среду, утверждения его в качестве полноценного в российском высшем образовании и разработки методических рекомендаций и игрового дизайна по конкретным дисциплинам.

Проведенный анализ текущих игровых практик, применяемых в российском высшем образовании, показал, что наиболее распространенным форматом являются симуляционные и ролевые игры. При этом элементы игрового дизайна еще полностью не вписаны в выстраиваемую цифровую экосистему российского образования. Лишь в отдельных вузах, в основном технических, разработаны методологические программы геймификации дисциплин и ведется разработка гейм-дизайна отдельных дисциплин. В основном игровые практики применяются на микроуровне, то есть отдельными преподавателями, которые стремятся разнообразить образовательный процесс для усиления мотивации и вовлеченности студентов.

Изученные случаи применения игровых практик были рассмотрены с точки зрения потенциальной релевантности и применимости для преподавания гуманитарных дисциплин, и в частности политической науки, что позволило проработать новые сценарные ходы в преподавании традиционных тематик политической науки, а также выявить потенциальные технологические и дидактические вызовы (Соловьева Д.Д. Технологии геймификации в преподавании политической науки: Учеб.-метод. материалы. М.: Изд. дом МГИМО, 2023. С. 42).

Солоненко А.В.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ОБРАЗЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ МИНИСТРОВ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Данная работа посвящена исследованию образов министров, входящих в состав Правительства России, действующего с января 2020 года по май 2024 года. Несмотря на все экономические сложности, в частности антиросийские санкции, работа Правительства М.В. Мишустина оценивается положительно как экспертами, так и российскими гражданами¹. В связи с этим изучение особенностей восприятия гражданами министров Правительства Российской Федерации представляет особый интерес.

Критерием отбора объектов исследования стала значимость того или иного министра в условиях СВО, а также узнаваемость и уровень влияния. Для исследования были отобраны следующие министры: министр обороны С.К. Шойгу, министр иностранных дел С.В. Лавров, министр сельского хозяйства Д.Н. Патрушев, министр просвещения С.С. Кравцов, министр финансов А.Г. Силуанов.

Отдельный раздел посвящен образу премьер-министра М.В. Мишустина, который, будучи главой Правительства Российской Федерации, отвечает в целом за реализацию антикризисной политики в условиях новой политической реальности.

Важным представляется исследование восприятия министров не только в Москве, но и в регионах. Было принято решение выделить три типа регионов и провести исследование в каждом из них: столица государства — Москва; приграничье, страдающее от военных действий напрямую, — Брянская область; регион, далекий от зоны боевых действий, напрямую не ощущающий влияния СВО, — Челябинская область.

Цель работы — выявить и описать особенности восприятия федеральных министров и Председателя Правительства РФ в условиях проведения специальной военной операции Российской Федерации на Украине.

Основная гипотеза исследования — новая политическая реальность оказывает влияние на восприятие министров и премьер-министра, формируя новый запрос общества в их отношении.

¹ ВЦИОМ: около 70% россиян высоко оценивают работу правительства // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/01/20/vciom-okolo-70-rossiiian-vysoko-ocenivaiut-rabotu-pravitelstva.html>; Как правительство боролось с санкциями и какие поставило задачи // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/24/967942-kak-pravitelstvo-borolos-s-sanktsiyami-i-kakie-postavilo-zadachi>.

Теоретическую базу составили три блока научных работ, посвященных механизмам восприятия политических лидеров¹, особенностям политического лидерства исполнительного типа и системы исполнительной власти в Российской Федерации², а также сущности и характеристике новой политической реальности, политико-психологического контекста, сложившегося после начала специальной военной операции на Украине³.

Исследование проводилось в 2023–2024 гг. в Брянской области, Челябинской области и Москве до того, как Правительство сложило свои полномочия 7 мая 2024 года. Оно носило преимущественно качественный характер. Всего было проведено 120 глубинных фокусированных интервью. Исследовались такие аспекты, как влияние СВО на жизнь граждан, уровень узнаваемости министров и одобрения их деятельности в условиях СВО. Образы политиков анализировались по трем шкалам: привлекательности, силы и активности на рациональном и бессознательном уровнях.

Были сделаны следующие выводы.

Существует проблема, связанная с уровнем узнаваемости федеральных министров, из-за неравномерного присутствия министров в информационном поле и особенностей информационного потребления гражданами, сохранения доминирующей роли телевидения.

Субъектные и объектные факторы оказывают большое воздействие на восприятие федеральных министров по сравнению с пространственным фактором. Стоит подчеркнуть, что психоэмоциональное состояние граждан во многом обусловлено местом проживания — уровень тревожности гораздо выше у жителей Брянской области, в приграничном регионе, напрямую страдающем от украинской агрессии.

В целом респонденты оценивают работу министров как эффективную. На первый план вышли профессионально-деловые характеристики, связанные непосредственно с реализацией антикризисной политики и увеличением числа задач в условиях новой политической реальности.

Восприятие министров тесно связано с образом Президента России В.В. Путина, поскольку граждане видят в министрах членов его команды. Двойственность положения министров также порождает некоторую двойственность в восприятии — и как чиновников, и как лидеров.

Однако не все министры являются лидерами в глазах населения и обладают лидерским потенциалом. Высокими показателями привлекательности, силы и активности обладают М.В. Мишустин, С.В. Лавров, в отличие от С.С. Кравцова. Промежуточное положение занимают А.Г. Силуанов и Д.Н. Патрушев. Позиции С.К. Шойгу ослабли.

Таким образом, основная гипотеза исследования подтвердилась: новая политическая реальность предопределила особенности в восприятии министров и премьер-министра, сформировав новый запрос общества. Она повлияла на них самих и их работу, на жизнь граждан и их психоэмоциональное состояние, на изменения в социальной, политической и экономической сферах российского общества.

Сонина Е.О.

(Екатеринбург, УИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ПРИМЕНЕНИЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕФОРМ КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Анализ реформ как вида изменений преимущественно реализуется в рамках неинституционального анализа, подходов, предполагающих исследование изменения институциональных основ обществ переходного типа (Дж. Стиглиц, Ж. Ролан, В. Полтерович, А. Аузан и др.). Данные подходы предполагают сосредоточенность, в первую очередь, на экономических аспектах реформ, на влиянии институциональной среды на возможность экономических преобразований, экономический рост. Реформа в рамках указанных подходов является:

- процессом построения институциональной траектории, удовлетворяющей задачам государственного развития на определенном историческом этапе;
- целенаправленным изменением институтов, «предполагающим присутствие в экономической системе агентов, которые разрабатывают и реализуют план трансформации» (В. Полтерович).

Приведенный подход обращает внимание, что политические факторы (политическая система, политическая культура, политические ценности) могут приводить к возникновению противоречий между

¹ Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Весь Мир, 2019.

² Морозова Е.Г., Фалина А.С. Исполнительная власть: на стыке политики и администрирования // PolitBook. 2015. № 4.

³ Шестопал Е.Б., Рогов Н.Н. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ // ПОЛИТЭКС. 2023. № 2.

истинными и заявленными целями реформ, оборачиванию целей реформ и появлению «институциональных ловушек», но сами эти факторы практически не анализируют.

Вместе с тем реформа прежде всего является политическим процессом, потому что ее результаты напрямую зависят от групп интересов, которые затрагивают предлагаемые в рамках реформы трансформации институтов, реформа может приводить к перераспределению власти, существенно меняя институциональную основу существующего политического строя и политического режима.

Если анализировать реформу как политический процесс, то очень важно понимание ценностей и символического контекста, в условиях которых возникает и реализуется реформа.

Во-первых, определение целей реформ чаще всего связано с конкретным политическим курсом и идеологическим контекстом, определяющим содержание и направление данного курса. Не только институциональная среда, связанная с уже действующими в обществе, в отношениях между властью и обществом правилами и нормами (включая традиции, обычаи, социокультурные нормы), определяет условия для состоятельности реформ. Выбор стратегии реформ не может быть без понимания идеологического контекста. В частности, стратегия шоковой терапии может быть применима только в условиях либерального и неолиберального политических курсов, которые идеологически ориентированы на возможность серьезных перемен, допускают заимствование институтов. Консервативный политический курс сопряжен со стратегией выращивания институтов, которая предполагает существенную роль государства и его институтов в реализации реформ, обеспечение максимальной адаптивности новых институтов к существующим ценностям и устоям.

Во-вторых, возможность реализации реформы во многом зависит от понимания единого подхода к пониманию целей реформ как ее агентами, так и теми, на кого она направлена. В противном случае конфликт интересов, который неизбежно возникает между различными группами из-за реформ, будет только расти и, соответственно, будут возрастать издержки институциональной трансформации, увеличение которых неизбежно приводит к возникновению групп давления, препятствующих изменению институтов.

В-третьих, сама «реформа» в политическом дискурсе действует как нарратив. В частности, в рамках политического дискурса российской властвующей элиты через оперирование понятием «реформа» достаточно часто аккумулируется как видение некоторого ожидаемого (желаемого) будущего, так и способов их достижения. «Реформа» («национальные проекты», «приоритетные проекты», «приоритетные программы» и т.п.) описывает траекторию движения к некоему новому, более качественному, этапу жизни. Ключевой характеристикой этого движения оказывается минимизация социальных потрясений, обеспечение стабильности, даже если речь идет о больших национальных проектах. При повествовании о целях реформ в рамках официального политического дискурса неизменно происходит оперирование ценностями «государство» и «человек». Реформы реализуются, если исходить из интерпретации власти, с целью укрепления государства и для повышения благополучия, улучшения качества жизни граждан. Государство и человек, «достижение достойного уровня жизни» подаются в дискурсе политических элит как универсальные ценности при определении политического курса, обосновании его выбора перед обществом, постановке в рамках выбранного политического курса задач органам исполнительной власти. То есть, расшифровывая задачи «реформ», российская правящая элита пытается оперировать терминами «государство» и «человек» как архетипами, не требующими дополнительных пояснений и пониманий.

То есть реформа не только позволяет понять природу институциональных изменений в обществе, факторов, блокирующих его экономическое развитие. Реформа — политический процесс, который как влияет, так и зависит от символического пространства отношений власти и общества.

Сорокин Д.А.
(Москва, НИУ ВШЭ)

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ИГРЫ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА: МОРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ИГРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

В современном образовательном процессе дидактические игры занимают особое место, выступая в качестве инструмента для передачи знаний и формирования коммуникативных навыков и моральных установок учащихся. При этом существующий опыт политической науки и педагогики в изучении морального компонента, который формируется при игровом взаимодействии, не позволяет дать окончательный ответ о степени влияния элементов игры на формирование моральных установок обучающихся.

* Проект «Потенциал геймификации в политическом просвещении и формировании национально-государственной идентичности в молодежной среде» FFFM-2024-0026 реализован в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертным институтом социальных исследований.

Дидактические игры можно определить как специально созданные или адаптированные для целей обучения игровые механики, моделирующие жизненные ситуации или процессы. Такие методические модели формируют уникальную коммуникативную среду, где участники как представители разных социальных ролей (в том числе в контексте политических процессов) взаимодействуют друг с другом и с игровой системой, следуя определенным правилам и преследуя индивидуальные цели. В контексте политической науки дидактические игры представляют особый интерес как инструмент моделирования и анализа политических процессов. Они позволяют участникам погрузиться в симулированную политическую среду, где можно изучать механизмы принятия решений, формирования коалиций и разрешения конфликтов в безопасном пространстве. Обзор существующей академической дискуссии подтверждает важность изучения морального компонента в дидактических играх как ключевого элемента в формировании политического сознания и гражданской ответственности. Исследования таких авторов, как *Р. Аксельрод*¹ и *Э. Остром*², демонстрируют, что игровые модели способны эффективно имитировать сложные политические дилеммы и процессы принятия решений. В контексте этих работ моральный компонент игрового взаимодействия выступает как важный фактор, влияющий на стратегии кооперации и конкуренции в политической сфере. Более современные исследования, например работы *Д. Мюллера*³ и *К. Абе*⁴, развивают эту идею, указывая на то, что моральные установки, формируемые в процессе реализации дидактических игр, могут существенно влиять на политическое поведение индивидов в реальной жизни. При этом исследования, подтверждающие подобные интуиции на эмпирическом уровне, отсутствуют.

В рамках исследования был проведен анализ влияния взаимодействия в рамках дидактических игр на формирование моральных установок непосредственно участников. С опорой на серию фокус-групп, прошедших с января по сентябрь 2024 г., посвященных реализации игровых сюжетов («Хозяйка медной горы», «В тени колониальных империй» и «Эра ресурсов»), была произведена оценка игрового взаимодействия, учитывающая особенности внутригрупповой и межгрупповой динамики в коммуникации участников.

Целевой аудиторией фокус-групп выступили педагоги и эксперты, связанные с развитием системы гражданского просвещения и ценностного воспитания молодежи в России. С одной стороны, были обнаружены разрывы морального взаимодействия между участниками, в частности этические дилеммы, проявления эмпатии и рефлексия над последствиями принятых решений (как собственных, так и других команд). С другой стороны, в процессе реализации игры были зафиксированы механизмы принятия морально-этических решений и роли персональных установок во внутригрупповом взаимодействии.

Представленный анализ демонстрирует перспективы использования как дидактических игр *per se*, так и роль моральных компонент в сюжетах для анализа мировоззренческих и ценностных установок их участников, понимания ими связи между ценностями и спецификой социально-политических процессов в реальном мире, а также воспитания ответственного и осознанного отношения к принятию решений.

Рассматриваемая методология открывает новые возможности для изучения влияния различных факторов на политическое поведение — от информационных манипуляций до логики распределения ресурсов или изменения правил игры. Формирование сюжетов и определение механизма принятия решения позволяют проводить эксперименты, которые было бы проблематично или невозможно реализовать в реальных политических условиях.

В вопросе развития самого исследования предполагается, что лонгитюдный анализ эффектов участия в дидактических играх, разработка и апробация новых методик оценки этического поведения и анализ влияния культурных факторов на восприятие и интерпретацию моральных аспектов игрового взаимодействия являются перспективными направлениями развития и дополнения существующих наработок.

¹ *Axelrod R.* On Six Advances in Cooperation Theory // *Analyse & Kritik*. 2000. Vol. 22. No. 1. P. 130–151.

² *Ostrom E.* *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 280 p.

³ *Bopp J.A.* et al. Exploring Emotional Attachment to Game Characters // *CHI PLAY '19 — Proceedings of the Annual Symposium on Computer-human Interaction in Play*. 2019. P. 313–324.

⁴ *Abe T.* et al. Interactive Game Development and Evaluation Based on Device-free Pose Estimation Techniques // *SHS Web Of Conferences*. The 6th ETLTC International Conference on ICT Integration in Technical Education. 2024. P. 1–11.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Цивилизационное развитие России представляет собой сложный и многоплановый процесс, который охватывает исторические, культурные и социально-экономические аспекты. В этом процессе особую роль играют ценностные представления студенческой молодежи о ключевых направлениях развития своей страны, формирования ее образа будущего и отношение к национальной идее.

В работе использованы результаты социологического исследования «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», которое проводилось Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле–мае 2023 г. методом интернет-опроса в 29 субъектах РФ из всех федеральных округов. Эмпирическим объектом исследования выступало студенчество России. Объем выборочной совокупности составил 6389 респондентов. Научный руководитель исследования — д.полит.н., проф. Н.М. Великая. Количество респондентов в Воронежской области — 214 человек.

В рамках данного исследования молодые люди рассуждали о возможных сценариях будущего России, оценивали позиции нашей страны на мировой арене, политическую обстановку и цивилизационный путь нашей страны. Судя по результатам опроса, большинство респондентов (38,5%) считают, что Россия сама является цивилизацией, что может отражать уникальную и сложную идентичность страны, объединяющую элементы различных цивилизаций. В то время как 20,4% склоняются к тому, что Россия скорее принадлежит к Европейской цивилизации, 15,8% видят Россию как часть Евразийской цивилизации, и всего 2,7% считают, что она принадлежит к Восточной цивилизации. Затруднение в ответе у 21,7% респондентов может указывать на сложность в определении цивилизационной принадлежности России.

Важными представляются оценки студенческой молодежи объединяющих принципов российского общества. В этом отношении респонденты должны были ответить на вопрос «Считаете ли Вы, что сегодня нашему обществу нужна общенациональная идея, сплачивающая россиян, независимо от их национальности, вероисповедания, положения в обществе и достатка?». Согласно результатам опроса, большинство респондентов (51,1%) считают, что в сегодняшнем российском обществе необходима такая объединяющая общенациональная идея. Тем не менее 14% респондентов считают, что такой план не нужен, и 34,8% затрудняются с ответом. Некоторые видят в общенациональной идее способ сплочения общества, в то время как другие могут опасаться, что это может ограничить политическое многообразие внутри страны.

Результаты опроса по вопросу о национальной идее, способной объединить российское общество, представляют собой множество разнообразных мнений. Важность правовых принципов и равенства перед законом для создания справедливого и благополучного общества в качестве национальной идеи отмечают 36,7% респондентов. Акцентирование внимания на социальной справедливости и обеспечении благосостояния для всех слоев населения считают необходимым 29,4%. Идею, связанную с общенациональным единством и патриотизмом, направленными на восстановление статуса великой державы, поддерживают 31,2%. Сотрудничество с другими нациями для решения глобальных проблем отмечают 23,1% ответивших. Особую роль и миссию русского народа в истории выбирают 13,1%. Идея патриотизма, служения на благо России, будущего детей популярна у 17,2%. Идея, уделяющая внимание демократическим ценностям и участию граждан в управлении страной, считается необходимой у 21,7% респондентов. 18,6% отмечают важность индивидуальных свобод и приоритета интересов личности.

Студентам был задан вопрос: «Как Вы думаете, какое будущее ожидает Россию?», были получены ответы, не позволяющие судить о том, что сложилось однозначное понимание вектора российского развития. Так, 31,2% ответивших обозначили, что Россия будет существовать и развиваться в нынешних своих границах, 29,9% респондентов посчитали, что вокруг России рано или поздно начнется объединение народов, 34,4% вообще не смогли однозначно выразить свою позицию по данному вопросу, и лишь 4,5% посчитали, что Россия обречена на распад. Наблюдается четкий гендерный перекос в ответах на данный вопрос: мужчины чаще женщин выбирали вариант «Рано или поздно вокруг России начнется объединение земель» (35,3% мужчин против 23,8% женщин), а женщины «Россия будет существовать в нынешних границах» (25,9% мужчин и 37,1% женщин).

Полученные данные могут говорить о том, что на данный момент времени российское общество нуждается в стабильности и поступательном развитии. Можно сказать, что ценностные ориентации воронежской молодежи буквально подстраиваются под реалии и вызовы современности, встраиваются в актуальный контекст общественной жизни современной России, отражают происходящие социально-политические трансформации и характеризуют ключевые тренды цивилизационного развития нашей страны.

Стародубцева М.Ю.
(Самара, ИАЦ)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕПУТАТОВ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

В современных условиях возрастает роль депутатов всех уровней, но особенно депутатов региональных парламентов, аккумулирующих основные проблемы, возникающие в жизни региона. С одной стороны, это огромное доверие со стороны избирателей, которое надо постоянно оправдывать, с другой — колоссальная ответственность. В настоящее время нарезка округов по выборам в Самарскую Губернскую Думу в основном включает в себя как городские, так и сельские территории, что позволяет депутату вникать в проблемы широких слоев населения.

На фоне современной экономической и политической ситуации законодательная сфера деятельности приобретает совершенно другой характер. Это живой механизм, который в постоянном режиме должен самосовершенствоваться и удовлетворять нужды различных электоральных групп и соответствовать всем аспектам жизни. Оперативно должны вноситься изменения и дополнения в уже имеющиеся социально значимые региональные законы, а также разрабатываться новые. Это касается организации помощи участникам специальной военной операции, их семьям, а также многодетным семьям, людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, малообеспеченным слоям населениям и целому ряду других категорий. В региональном парламенте постоянно идет интенсивная работа по улучшению законодательной базы Самарской области и ее адаптации к современным реалиям.

Большой раздел деятельности депутатского корпуса связан с федеральным законодательством. В Думу постоянно приходят федеральные законопроекты, которые, после детального изучения, депутаты либо отклоняют — признают нецелесообразными, либо рекомендуют к принятию. Самарские депутаты часто сами выходят с инициативой о внесении изменений в федеральное законодательство. Это позволяет в случае их одобрения оперативно распространить положительную практику по всей стране.

Одним из важнейших направлений деятельности Думы является контроль за расходованием средств областного бюджета. На протяжении последних лет регионы и страна в целом живут в трудных финансовых условиях (санкции, СВО). Несмотря на это, всем ветвям власти удается удерживать баланс и сохранять социальную направленность бюджета, большая часть которого расходуется на реализацию различных национальных проектов и других социально значимых программ.

Кроме того, у каждого депутата есть возможность вносить конкретные предложения в бюджет по решению имеющихся проблемных вопросов жизнедеятельности округа и по развитию тех территорий, от которых он избирался. И насколько эффективно работает депутат, можно увидеть на личных приемах. Если к определенному депутату за помощью обращаются избиратели из других округов и он помогает, то это и есть самая высокая оценка деятельности депутата. И здесь необходимо отметить, что все действия депутатского корпуса должны широко освещаться во всех средствах массовой коммуникации, причем контент должен быть сформирован с учетом социально-демографических характеристик и направлен на определенную группу электората.

Только совместные усилия всех ветвей власти помогут сохранить стабильность в обществе и уверенность населения в завтрашнем дне.

Стецко Е.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ, Университет ИТМО)

ЦИФРОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ИНВАЛИДОВ: СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ СЕРВИСОВ*

Создание экосистемы цифровых городских сервисов направлено, прежде всего, на удовлетворение потребностей населения в комфортной городской среде. Следовательно, важнейшую роль в данной работе играет учет потребностей максимально всех категорий населения. Весьма важной и достаточно многочисленной категорией являются инвалиды или люди с ограниченными возможностями/особыми потребностями. Особые потребности и/или ограниченные возможности определяют не только степень

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов». URL: <https://rscf.ru/project/23-18-20079/>.

инвалидности, но и уровень адаптированности человека к общедоступной городской среде, включая ее цифровую экосистему. И если среднестатистические потребности жителя крупного города/мегаполиса выглядят более или менее очевидными для исследователей, которые сами являются жителями этих городов, то корректные и важные потребности инвалидов могут быть известны только самим инвалидам, их родственникам, а также людям помогающих профессий. Следовательно, для оценки того, является ли формируемая в городе Санкт-Петербурге цифровая среда пригодной для инвалидов, необходимо изучать нужды и экспертные мнения вышеназванных категорий граждан. Именно поэтому рамках реализации проекта РНФ «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» в мае–июне 2024 года были проведены фокус-группы с представителями организаций инвалидов Кировского района Санкт-Петербурга и группой педагогов коррекционной школы № 565 того же Кировского района. Также было проведено экспертное интервью с директором школы № 565 Чалапко Е.В.

Причина выбора метода фокус-групп заключается в том, что это качественное исследование, которое позволяет выяснить в процессе конструктивного диалога два важных вопроса: степень осведомленности о существующих цифровых сервисах и непосредственно потребности в улучшении и создании новых. Минусами фокус-группового исследования являются малочисленность респондентов и субъективность в интерпретации результатов исследований со стороны модераторов фокус-групп. Безусловно, полностью экстраполировать результаты исследования в малых группах на все категории людей с ограниченными возможностями нельзя. Однако в данном случае, когда специальных сервисов для инвалидов еще не создано, а необходимость в них назрела, изучение потребностей в малых группах становится первым шагом в данной работе и создает основу для создания такого рода сервисов и изучения их с помощью не только фокус-групп, но и более масштабных опросов.

В рамках проведенных фокус-групп внимание исследователей было сфокусировано на двух группах вопросов: 1) цифровые компетенции респондентов и их осведомленность о существующих цифровых сервисах; 2) обсуждение мини-приложения «Я здесь живу» (ВКонтакте) и ключевой вопрос о необходимости создания сервиса для инвалидов и его содержании (обязательных рубриках).

В процессе диалога по цифровым компетенциям был обнаружен достаточно высокий уровень цифровой грамотности и осведомленности респондентов об имеющихся государственных, коммерческих и общегородских сервисах, а также была отмечена готовность осваивать новые.

Анализ материалов обеих фокус-групп показал, что мнение людей с ограниченными возможностями и экспертов—представителей помогающих профессий во многом совпадают. В обеих фокус-группах было высказано однозначное мнение о необходимости сервиса для инвалидов и отмечено отсутствие целевой информации для инвалидов в существующих сервисах. Среди рубрик, которые должны быть представлены в данном сервисе, отмечались следующие: юридическая консультация для инвалидов (включая сведения о льготах и получении группы инвалидности); информация о детских садах и школах, где могли бы обучаться дети с различными нозологиями, с указанием количества вакантных мест; информация о театрах и музеях, которые предлагают мероприятия или выделяют приемные часы для инвалидов (афиша для инвалидов); интерактивная информация о парковках, пандусах и движении транспорта, оборудованного подъемниками для инвалидов. Также самими инвалидами была предложена в качестве обязательной опция «форум взаимопомощи», где люди с ограниченными возможностями могли бы просить о помощи и сотрудничестве и предлагать такие услуги.

Единственное более или менее серьезное расхождение в оценках потенциального сервиса у самих людей с ограниченными возможностями и у группы педагогов коррекционной школы выявил ответ на вопрос о возможном названии сервиса, точнее, о том, должно ли в названии присутствовать слово «инвалид», или его следует заменить на этически более корректный термин. Группа экспертов единодушно предлагала «сервис для людей с особыми возможностями»; сами инвалиды высказались за четкое и понятное для всех название — «сервис для инвалидов».

В продолжение исследования планируется дальнейшее проведение фокус-групп и экспертных интервью для уточнения цифровых потребностей людей с ограниченными возможностями.

*Стрежнева М.В.
(Москва, ИМЭМО РАН)*

ИЗМЕНЕНИЯ В МНОГОУРОВНЕВОМ УПРАВЛЕНИИ ЭКОНОМИКОЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Бюджетная политика лежит в основе любой политической системы, и Европейский союз не составляет в этом смысле исключения. Решения касательно доходов наднационального бюджета и распределения европейских публичных финансов имеют решающее значение для реализации приоритетов ЕС и обеспечения общественных благ в пределах Единого внутреннего рынка. Не-

смотря на то что эти средства ограничены (относительно невелики, составляя немногим более одного процента от совокупного ВВП Евросоюза), они периодически становятся предметом ожесточенных баталий, разворачивающихся между наднациональными институтами и государствами-членами.

Принятие пандемийного плана экономического восстановления *Next Generation EU (NGEU)* стало одной из важных инноваций в бюджетной области интеграционной политики. Более подробный анализ новых инструментов в данной сфере подтверждает, что в ЕС происходит постепенное продвижение в направлении оформления нового метода многоуровневого управления, опирающегося на бюджет, который заметно отличается от наднационального регулирования или открытого метода координации.

NGEU, а также *REPowerEU Plan* (план Европейской комиссии по отказу от потребления российского ископаемого топлива до 2030 г.) особенно наглядно иллюстрируют ключевые черты новой формы европейского управления (бюджетной). Во-первых, они устанавливают более непосредственную связь между выделяемыми финансовыми ресурсами европейского уровня и преследованием некой общей цели политики ЕС (например, зеленого перехода), нежели это наблюдается в отношении традиционного европейского бюджета.

Во-вторых, в них заложен принцип национальной ответственности, оставляющий правительствам государств-членов значительное пространство для маневра при разработке и реализации собственных планов по зеленому и цифровому переходу, а также инвестициям в оборону, что обеспечивает тесную координацию между разными уровнями европейского управления, вовлекая в него именно национальные правительства в качестве ключевых субъектов.

В-третьих, к процессу финансирования здесь подключена мягкая версия кондициональности (обусловленности), которая связывает предоставление государствам-членам финансовой помощи с тем, как они реализуют свои национальные планы, получив конкретные рекомендации по линии европейского семестра (регулярного цикла координации экономической политики в ЕС, находящегося под патронажем Европейской комиссии). Этот подход, будучи ориентирован на результат, сильно отличается от ограничений национальных расходов в рамках мер жесткой экономии, практиковавшихся в период кризиса еврозоны в 2010-е годы.

С фискальной точки зрения формально единая программа *NGEU* примечательна тем, что она существенно расширила возможности ЕС, добавив 806 млрд евро к регулярному бюджету в 1074 млрд евро на 2021–2027 гг. Кроме того, государства-члены совместно финансируют *NGEU*, выпуская облигации на финансовом рынке. Регулярный бюджет ЕС используется при этом в качестве обеспечения. Вопрос о том, послужит ли эта программа целям интеграции ЕС в направлении фискального федерализма или же останется разовым исключением, пока не закрыт.

На нынешней стадии новой форме бюджетного управления принадлежит ключевая роль в удержании в политической повестке Брюсселя задач экологического перехода, заложенных в европейском зеленом курсе. Пандемия и разгоревшийся вслед за ней украинский конфликт, с их серьезными последствиями с точки зрения безопасности энергоснабжения Европы, могли (вполне ожидаемо) спровоцировать радикальный разворот к национальным мерам и/или к стимулированию экономики в ущерб действиям по борьбе с изменением климата. Однако такой перспективы Брюсселю удалось избежать.

В то же время, рассуждая о европейском экономическом управлении, нельзя не упомянуть новые фискальные правила, которые вступили в силу в апреле 2024 г. Они способны составить препятствие для поддержания высокого уровня социальных и зеленых инвестиций на национальном уровне в тех государствах-членах, которым не удается соблюсти к удовлетворению Комиссии критерии по дефициту госбюджета и госдолгу (Regulation (EU) 2024/1263 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2024 on the effective coordination of economic policies and on multilateral budgetary surveillance and repealing Council Regulation (EC) No 1466/97). В принципе они ставят под угрозу экономический рост в Евросоюзе в целом. Этот факт подтверждает, что Евросоюз не собирается отказываться и от нелиберальной логики жесткой экономии в управлении экономикой. Таким образом, в общем итоге новые элементы фискальной интеграции сочетают в себе две разные модели (одна из них основана на уже знакомой фискальной дисциплине, другая — на фискальных трансфертах и совместных долгах), которые конкурируют между собой, следствием чего является ползучая федерализация Евросоюза в бюджетной области.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ЦЕННОСТИ СЕМЬИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ*

В последние годы наблюдается стремление российского государства к диверсификации поддержки семьи и многодетности. Это представляется обоснованным исходя из тревожных показателей статистики, регулярно публикуемых Росстатом. Согласно его данным, на 3 заключенных брака приходится 1–2 развода в различных регионах РФ, независимо от их географического расположения, национально-религиозного состава, уровня экономического развития (см.: Федеральная служба государственной статистики. 2024. 13 сент. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/244580> (дата обращения: 15.09.2024) и др.).

Изменения в восприятии института семьи в обществе, отмечаемые многими экспертами, связаны не столько с материальной стороной жизни, сколько с вопросами личностной зрелости и психологической совместимости супругов, терпимостью в обществе к появлению детей вне брака, а также отсутствием форсированного продвижения семейных ценностей в цифровой среде.

Отдельной категорией, кому адресован расширяющийся перечень социальных пособий, являются молодые семьи с детьми и многодетные семьи. Между тем студенчество зачастую оказывается вне информационного поля официальных СМИ и демографических проблем страны, поскольку большую часть учебного и досугового времени оно проводит в перманентном общении в цифровых сетях.

Для определения наиболее эффективных инструментов государственной политики по продвижению ценности семьи в студенческой цифровой среде нашим научным коллективом было проведено анкетирование в мае–июне 2024 г. В качестве респондентов выступили бакалавры ведущих вузов г. Москвы, входящих в «Топ-5». Общее число обработанных анкет — 127 (58 юношей и 69 девушек, возраст 18–22 года).

Согласно полученным данным, 71% опрошенных отметили неэффективность традиционных СМИ для продвижения ценности семьи в студенческой среде и необходимость активного использования цифровых технологий с этой целью во всем их разнообразии.

Если обобщить ответы, то обнаружится три ключевых тренда: *потребительские свойства* цифровых ресурсов, их *информационный потенциал*, *возможность монетизации* их использования. Кратко остановимся на каждом из них.

1. *Потребительские свойства виртуальных платформ*, связанные с возможностью студентов отвлечься от рутины и найти информационные, игровые, коммуникативные способы общения, способные помочь в обретении единомышленников, потенциальных партнеров или спутников жизни. Эти аспекты необходимо аккумулировать на официальных ресурсах в качестве опций, равноценных существующим государственным или вузовским сервисам (с обеспечением безопасности, сохранением персональных данных, возможностью приватных диалогов под игровыми «никами», верификацией сведений).

2. *Информационный потенциал онлайн-платформ*, реализуемый с учетом стратегий и тактик эффективных коммуникаций в среде студенчества. В частности, он может предусматривать следующее:

- а) организацию онлайн-курсов и вебинаров об уходе за младенцами, семейном бюджете, юридическом, психологическом сопровождении студенческих пар и др.;
- б) использование социальных медиа для рекламы поддержки студенческих семей и доступа к ресурсам, способствующим семейному благополучию;
- в) создание цифровых площадок для обмена советами по сохранению гармоничных взаимоотношений.

3. *Возможность монетизации онлайн-участия*, идентичной программам лояльности в банковских, спортивных или торговых сетях, как мотивирующий фактор использования цифровых сервисов, созданных при господдержке (и госконтроле), но позиционирующихся как «общественные», «независимые», «клубные». Коммуникации, на указанных в п. 2 платформах, могут предусматривать систему тестирования по окончании тематических модулей и выдачу сертификатов, дающих право обменять полученные баллы на бонусы в торговых сетях, предлагающих товары для будущих родителей и малышей, сервисы для семейного отдыха, льготный проезд на авиа- и ж/д транспорте и пр.

Таким образом, полученные данные подтверждают нашу гипотезу: фамилистические планы студенчества можно стимулировать через расширение инструментария продвижения ценности семьи

* Тезисы подготовлены в рамках реализации научного проекта «Инструменты повышения эффективности государственной политики по продвижению ценности семьи в студенческой цифровой среде» (госномер 124101700550-4), выполняемого в ИНИОН РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ.

в студенческой цифровой среде. Он должен отвечать интересам студенческих пар, обеспечивать восприятие целевой информации по мультимодальным каналам цифровых СМК. Форматируя молодежную политику и адаптируя меры поддержки к потребностям данной страты общества, важно осознавать, что именно семьи студенческие (при наличии социальных гарантий) являются демографически наиболее перспективными. Причем не столько в количественном аспекте, сколько с точки зрения интеллектуального потенциала поколения, подрастающего в таких семьях.

Суворова Е.А.
(Калининград, БФУ им. И. Канта)

СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГРИИ

В условиях современной геополитической нестабильности Венгрия остается одной из ключевых стран-партнеров, сохраняющих прозрачные и конструктивные отношения с Россией. В обход антироссийской политики Евросоюза Будапешт продолжает курс на тесное сотрудничество с Москвой, показывая приверженность взаимовыгодным связям, особенно касающимся обеспечения энергетической безопасности.

Внешнеполитическая стратегия Венгрии характеризуется прагматичным подходом, направленным на минимизацию экономических рисков и сохранение политической гибкости. В отличие от некоторых членов ЕС, Венгрия не желает полностью принимать санкции против России, добиваясь исключений для защиты своих энергетических интересов (Handl, 2023). Международная позиция Венгрии при Викторе Орбане ставит во главу угла повышение роли собственного статуса, стремясь к партнерским отношениям вне традиционных альянсов (Visnovitz, 2021). Сохраняя контакты с Россией, Венгрия стремится обезопасить свои поставки энергоносителей и сохранить центристский внешнеполитический курс, преодолевая напряженность в отношениях с европейскими партнерами.

На подход Венгрии к энергетической безопасности во внешней политике влияет ее позиция в Висшеградской группе (V4) и ее реакция на геополитические изменения. Конфликт в Украине оказал значительное влияние на энергетическую политику в Центрально-Восточной Европе, при этом страны V4 демонстрируют различные реакции на изменение политики Германии в *Zeitenwende* (Handl, 2023). Венгрия, наряду с другими странами V4, сталкивается с проблемами в балансировании энергетической безопасности, благосостояния и перехода к низкоуглеродной экономике, как указано в Европейской зеленой сделке (Вагановски, 2024). Национальная энергетическая и климатическая стратегия Венгрии (NECP) на 2030 год уделяет особое внимание интеллектуальной и недорогой энергии, декарбонизации производства энергии и повышению энергетической независимости. По мере продвижения к целям Европейского союза по декарбонизации на 2030 и 2050 годы перед венгерским сектором все острее ощущаются проблемы, которые вынуждают правительство принимать гораздо более разрушительные меры, разрывая и переписывая исторические связи в энергетике (Szabo, 2020).

Энергетический переход в стране происходит медленно, поскольку правительство поддерживает умеренный темп действий. Комиссия по проекту обновленного Национального энергетического и климатического плана призывает Венгрию к снижению потребления газа и его роли как в индивидуальном жилищном хозяйстве, так и в централизованном теплоснабжении за счет сочетания мер по повышению энергоэффективности и диверсификации топливного баланса. Роль газа в централизованном теплоснабжении, согласно Национальному энергетическому и климатическому плану Еврокомиссии, будет замещена за счет внедрения большего количества возобновляемых источников энергии, таких как биомасса и геотермальная энергия.

Партнерство между Венгрией и Россией в области атомной энергетики остается стратегическим, о чем свидетельствуют текущие планы по строительству новых блоков АЭС «Пакш-2», которые являются первым проектом ВВЭР-1200 поколения III+ на территории ЕС. Доля атомной энергетики будет расти до 2030 года, после чего Венгрия планирует быть более самодостаточной в плане ежегодного производства электроэнергии (стоит заметить, что сейчас 100% ядерного топлива на территорию республики поставляется из России).

Энергетический кризис и последствия специальной военной операции вынуждают страны Европейского союза ускорять процесс диверсификации источников поставок нефти и газа. Согласно Стратегии национальной безопасности Венгрии от 2020 года диверсификация энергоресурсов — одна из важнейших задач, стоящих перед страной, и составная часть суверенитета. Несмотря на свою продолжающуюся зависимость от российских энергоресурсов, Венгрия уже десятилетие следует этому пути, стремясь в долгосрочной стратегии закрепить статус «средней силы» в Европе путем осуществления многовекторной внешней политики. Важным шагом на пути к этой цели для Будапешта стало укрепление связей со странами Организации тюркских государств, особенно с Турцией и Азербайджаном.

Стратегии энергетической безопасности Венгрии направлены на снижение зависимости от импорта, диверсификацию маршрутов поставок и укрепление регионального сотрудничества. Национальная энергетическая стратегия Венгрии до 2030 года направлена на обеспечение устойчивого и безопасного энергетического сектора при поддержке экономической конкурентоспособности. В стратегии особое внимание уделяется производству энергии из возобновляемых источников, хотя последние политические меры замедлили рост в этом секторе. Венгрия также рассматривает возможность расширения мощностей атомной энергетики для удовлетворения растущего спроса на электроэнергию. Являясь частью Вышеградской группы, Венгрия изучает возможности южного энергетического партнерства для повышения энергетической безопасности (Dyduch, 2020).

Предполагаемые стратегии обеспечения энергетической безопасности Венгрии будут призваны отражать прагматичное балансирование: сохранение отношений с Россией при одновременном стремлении к постепенной диверсификации, региональному энергетическому сотрудничеству и медленному внедрению возобновляемых источников. Во внешнеполитической деятельности Венгрия будет уделять первостепенное внимание обеспечению надежных и доступных источников энергии, даже если это будет означать сопротивление некоторым энергетическим стратегиям и санкциям со стороны ЕС, поскольку энергетика остается центральным фактором экономической и политической стабильности страны.

Сударев В.П.
(Москва, Институт Латинской Америки РАН)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ В XXI ВЕКЕ

Особенности трансформации системы международных отношений в Западном полушарии. С начала последних десятилетий XXI в. практически все компоненты системы международных отношений Западного полушария пришли в движение. При этом традиционно сохранилась их разнонаправленность. Одни из направлений обрели новое качество, другие стали разрушаться и постепенно уходить в прошлое.

Последнее в первую очередь относилось к межрегиональной структуре системы. Одна из старейших межрегиональных организаций современного мира — межамериканская система со стержнем Организация американских государств (ОАГ) вошла в стадию завершения своего жизненного цикла.

Вместе с тем искусственно созданные альтернативные ей конструкции, как, например, Сообщество латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК), оказались с весьма низкой степенью дееспособности и в любом случае не смогли заменить созданную на его основе «Группу Рио». Это же относилось и к образованному по инициативе администрации Д. Трампа ПРОСУР — Сообществу правоориентационных режимов Южной Америки.

Начавшаяся трансформация всей системы началась не столько со структурной перестройки, сколько с разрушения уже устаревших конструкций, направленного на преодоление ее замкнутости, которую десятилетиями стремились обеспечивать Соединенные Штаты.

Обозначился выход ведущих государств Латинской Америки на уровень глобальной политики. Это нашло выражение в расширении присутствия в регионе в первую очередь Китая и Европейского союза.

Китай, по существу, уже вытеснил Соединенные Штаты в качестве главного инвестора этого региона. Нарастанию присутствия Пекина способствовала и стратегия образования «трансокеанских коридоров», которые не только облегчали доступ Китая к стратегическому сырью, но и дали сильный импульс инфраструктурной интеграции региона.

Европейский союз заключил в 2019 г. с государствами—членами Общего рынка стран Южного конуса (МЕРКОСУР) соглашение о свободной торговле. Однако в силу механизмов торможения с обеих сторон оно так и не было пока ратифицировано ни одним из его участников.

Россия уже вышла на уровень одного из главных торгово-экономических партнеров Бразилии (более 7 млрд долл. в 2023 г.) и к тому же в условиях обострения противостояния с Западом обзавелась стратегическими партнерами в Западном полушарии в лице Кубы, Венесуэлы и Никарагуа.

Существенно нарастили свое присутствие в регионе и такие державы, как Турция, Иран и ЮАР.

Во многом межамериканская система вынуждена была адаптироваться к новым реалиям, хотя ее реакция была очевидно замедленной. На форумах ОАГ, как правило, все сводилось к тезисам Вашингтона об опасениях по поводу нарастающего российского и китайского военного присутствия в регионе.

В новую фазу противоречий межамериканские отношения вступили после обострения конфликта на Украине с 2022 г. При этом в первую очередь речь идет об очевидном снижении военно-политического лидерства США в Латинской Америке. Это подтвердили результаты нескольких иницииро-

ванных Вашингтоном межамериканских саммитов по военно-политической проблематике, на которых ведущие латиноамериканские государства в достаточно жесткой форме отказались следовать попыткам Вашингтона интегрировать межамериканскую систему в санкционную политику в отношении России. Более того, подавляющее большинство государств региона решительно отказались, несмотря на очевидное давление Соединенных Штатов, передавать западноевропейским союзникам США советское и российское вооружение для последующей отправки его на Украину.

При этом тезис их интеграции в пока малореализованную на практике стратегию Глобального Юга находит все большую поддержку в правящих элитах государств Латинской Америки. Не будем при этом забывать, что Аргентина, Бразилия и Мексика являются членами «группы 20», саммит которой уже прошел в Бразилии в ноябре 2024 г. Чили, Мексика и Перу являются совместно с Россией членами АТЭС.

В результате расширяется платформа для диалога и коалиционной дипломатии ведущих государств региона, что наглядно свидетельствует о процессе формирования новой системы международных отношений в Западном полушарии.

Сунами А.Н.
(Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПОЛИЦЕНТРИЗМ И ВЫЗОВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Выступая в ноябре 2023 года на пленарном заседании Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению «*Artificial Intelligence Journey 2023*» на тему «Революция генеративного ИИ: новые возможности», Президент России Владимир Путин заявил следующее: «Проще говоря, перед машиной ставят какую-то творческую задачу, и она решает ее, используя только англоязычный массив данных, тот, который удобен, выгоден разработчикам системы. Таким образом, алгоритм, например, может указать машине, что России, нашей культуры, науки, музыки, литературы просто не существует. Своего рода “отмена” в цифровом пространстве. А потом так же могут поступить и с другими культурами и другими цивилизациями, выпячивая себя, подчеркивая и в этом пространстве свою исключительность» (KREMLIN.RU: [https:// http://www.kremlin.ru/events/president/news/72811](https://http://www.kremlin.ru/events/president/news/72811)). В этой цитате емко сконцентрирована суть вызовов, вынесенных в заглавие, при этом, безусловно, требуется обозначить ряд аспектов, следствием которых стала необходимость постановки данной проблемы.

Первый аспект связан с самой архитектурой и принципами работы технологий, основанных на искусственном интеллекте. Главная и очевидная посылка, от которой мы должны оттолкнуться, — искусственный интеллект не появляется в готовом виде. В целом мы бы хотели избежать необходимости давать определение этому феномену как в силу его динамической изменчивости, так и по причине радикальной разности подходов. Но то, что мы можем сказать определенно — искусственный интеллект нуждается в обучении, и в этом смысле он вполне себе антропоморфен. Обучение происходит на основе первичных данных. В зависимости от того, на какие задачи мы планируем аутсорсить машину, это могут быть специально подготовленные обучающие наборы данных, открытые датасеты, содержащие пакеты изображений или текстов или же массив данных из Интернета. В силу того, что любой разработчик массового продукта стремится максимально приблизить язык машины к естественному языку, закономерно, что чем плотнее он подходит к решению этой задачи, тем конкретнее в результатах работы алгоритма будут отражаться черты, характерные для текущего социального дискурса, в том числе и те неприглядные элементы, от которых мы стараемся дистанцироваться. Отсюда вытекает так называемая «проблема предвзятости» искусственного интеллекта, то есть индоктринация его дискриминационными практиками, как в виде языка вражды или стереотипа, так и форме непропорциональной представленности тех или иных социальных групп в исходных данных.

Второй ключевой аспект, на который необходимо обратить внимание, — это монополизация цифрового пространства. В течение долгого времени эти невидимые операторы Интернета как бы ускользали от внимания участников политических процессов. Вероятно, по причине того, что только недавние политические скандалы, связанные с доказанными случаями намеренной политической цензуры, искажения алгоритмов в пользу тех или иных властных групп, показали, что «невидимой руки» Интернета на самом деле не существует, что наше восприятие наиболее популярных сервисов (видеохостингов, социальных сетей как элементов инфраструктуры, витальных коммуникаций) было ложным. Так, П. Горнберг замечает, что монополизация теми или иными цифровыми платформами заключается

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00220, <https://rscf.ru/project/23-28-00220/>.

не в том, что она полностью захватывает некоторую отрасль, а в том, что она захватывает монопольную власть, позволяющую контролировать стратегические точки накопления¹.

Таким образом, гремучее сочетание предустановленных параметров искусственного интеллекта и монополизации оцифрованного дискурсивного пространства IT-гигантами рождает ситуацию, крайне опасную для любого политического образования или сообщества, претендующего на суверенитет. Одновременно с этим каждая из возможных альтернатив новой архитектуры цифровой безопасности несет в себе многие труднопрогнозируемые риски сопутствующего ущерба. К примеру, создание собственных национальных платформ, что, как кажется, является наиболее очевидным, тем не менее может иметь издержки в виде изолированности, замыкания на себе и исключения из глобального информационного обмена в совокупности с технологическим отставанием и ограниченностью в использовании «мягкой силы» в отношении конкурирующих и нейтральных образов глобального развития. Можно заключить, что, вероятно, только появление новых глобальных игроков, отражающих тенденции к построению полицентричного мирового порядка, способно, по крайней мере, превратить монопольное пространство в поле борьбы конкурирующих моделей и избежать исключения одних и исключительности других центров силы.

Супрун В.И.

(Новосибирск, Фонд социопрогностических исследований «ТРЕНДЫ»)

МИРОВЫЕ ГОРОДА ЗНАНИЙ КАК СУБЪЕКТЫ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Мировые города знаний стали важным и инновационным фактором в построении нового мирового порядка начиная со второй половины XX века. Они не являются субъектами наравне с суверенными государствами или мегарегионами, но в значительной степени воздействуют на политическую динамику современного мира через экономическое развитие, изобретения в оборонной промышленности, формирование разного рода кластеров, хабов и агломераций, которые позволяют самим государствам модернизировать свою геополитическую направленность. Например, конфликт США с Китаем в значительной степени связан с производством полупроводников, где важную роль играет город знаний Шэньчжэнь в Китае и Кремниевая долина в США, а «призом» выступает Тайвань, где также находятся передовые производства полупроводников.

Мировых городов знаний в мире в действительности немного, так как факторы, которые способствуют их появлению, определяются как наличием топовых университетов, так и продуктивной деятельностью государства и инвестиционных фондов. Показателями их достижений является разработка новейших векторов высокотехнологического развития, таких как искусственный интеллект, полупроводники, биотехнологии и т.д. Попытки создать подобные города не всегда бывают успешны. Так, неудачу потерпели Германия и Франция, несмотря на большие вложения инвестиций со стороны правительств и крупных компаний. Бесспорно, изобретения и инновации должны носить прорывной характер, и они ведут к деструкции сложившихся парадигм в науке и управлении, а также к дискретности социополитического развития. Казавшиеся совсем недавно какими-то фантастическими игрушками роботы и дроны становятся непосредственными участниками военных операций и определения геополитических траекторий. Совершенно очевидна востребованность разных изобретений, которые осуществляются именно в этих городах знаний, со стороны правительств, а также компаний, работающих в военной сфере. Этим объясняется стремительный рост дивидендов компании *Nvidia*, капитализация которой сейчас 2,8 трлн долл. США, что в 8 раз выше, чем в 2022 году.

Мировые города знаний уже становятся не объектами, а именно активными субъектами мирового порядка. Например, Шэньчжэнь в Китае, который еще 40 лет назад был небольшой рыболовецкой деревушкой, сейчас насчитывает 17,5 млн жителей и формирует перспективную конфигурацию с Гонконгом и Макао. Кремниевая долина находится в тесной кооперации с Сан-Франциско и, за 1000 км от своего местоположения, с Сиэтлом, где находятся компании *Microsoft* и *Amazon*. Кембридж в Великобритании устанавливает тесные связи с Питерборо. Все эти города и другие города знаний становятся целыми субъектами мегарегионов, например, Запад США уже не определяется Голливудом как индустрия развлечений или сфера услуг, а развитие этого мегарегиона детерминировано Кремниевой долиной, Сиэтлом и Сан-Франциско.

Мировые города знаний — разные. Одни делают акцент на развитии фундаментальных и прикладных наук, другие — на исследованиях и разработках, но с применением достижений фундамен-

¹ Törnberg P. How platforms govern: Social regulation in digital capitalism // Big Data & Society. 2023. January–June. P. 1–13. DOI: 10.1177/20539517231153808.

тальных наук. Чтобы осуществлять эти процессы требуются высококвалифицированные специалисты. Таким образом, необходимо наличие рядом топ-университета и приток специалистов из-за рубежа или же релокация из продвинутых инновационных центров к себе на родину, как это произошло в Чжунгуаньцуне в Китае или в Бангалоре в Индии.

Эти специалисты высокого уровня в значительной степени стали влиять на принятие решений со стороны правительственных учреждений не только своими разработками, но и непосредственно озвучиванием своих взглядов и представлений. Очевидно, что складывается новая социополитическая и управленческая субгруппа под названием «меритократия», которая уже имеет свой значимый голос в принятии решений, и, по-видимому, они, а не «*deep state*» будут определять политику высокоразвитых стран в перспективе.

Мировые города знаний уже сейчас можно рассматривать как источник «мягкой силы», благодаря своим открытиям, изобретениям и информационным воздействиям не только на СМИ напрямую, но и благодаря распространению своих мнений, концепций и даже идеологии через новые, все время меняющиеся модели гаджетов, которым в большой степени доверяет большинство населения Земли.

Супрун В.И.

(Новосибирск, Фонд социопрогностических исследований «ТРЕНДЫ»)

ЧЕЛОВЕК И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Тема диалектического взаимодействия человека и искусственного интеллекта является одной из актуальных тем последнего времени, так как связана с попыткой воссоздания основных операций человеческого мышления и его практической деятельности с целью достижения наибольшей эффективности, в том числе политики. При этом возникает целый ряд проблем, на которые пока не могут ответить ни ученые, ни философы, ни экономисты. К этим проблемам следует отнести:

- *Во-первых*, воссоздание механизмов, способных к рациональной логической деятельности.
- *Во-вторых*, возможность воспроизводства интуиции или видения, что является характерной чертой творческой человеческой личности. Вопрос заключается в том, может ли вообще сделать эти операции искусственный интеллект.
- *В-третьих*, может ли искусственный интеллект предвидеть или спрогнозировать в достаточно высокой степени развитие политических событий, например, на Арабском Востоке или Украине. Если нет, то какой смысл его использования.
- *В-четвертых*, будет ли искусственный интеллект руководствоваться этическими ограничениями при принятии решений и выработке рекомендаций, например, для осуществления ядерных бомбардировок.
- *В-пятых*, в какой степени искусственный интеллект, в случае создания быстро мыслящего, способного оперировать большим массивом данных, механизма будет слушаться человека в принятии политических решений. Возникает тема «хозяина» и «слуги» при принятии решений.

Стержневыми темами при создании искусственного является компьютерная визуализация, распознавание голоса и возможности вести диалог с человеком, машинное обучение, т.е. в какой степени искусственный интеллект может самообучаться, важнейшей темой остается и тема процессинга не машинного, а естественного языка.

В последнее время возникла проблема, связанная с производством чипов (полупроводников) искусственного интеллекта. В начале пути искусственный интеллект мыслился как фактор разработки роботов, но сейчас эта тема смещается в область управления. В этом направлении работают ведущие страны, США и Китай, о чем говорит не только количество зарегистрированных ими патентов, но и стремительный рост публикаций высокорейтинговых статей и блогов, посвященных теме искусственного интеллекта. Это связано с попыткой провести демаркацию между искусственным и естественным интеллектом, ведь, до сих пор эта тема не получила ответа. Как не получила ответа и тема в какой степени на сам естественный интеллект влияет общественное сознание и политическое мировоззрение. Каждый ли человек является только реципиентом, и не способен подвергнуть сомнению то или иное суждение.

Искусственный интеллект может пойти совсем другим путем — это может быть совершенно отличный от естественного интеллекта феномен. Тогда возникает вопрос кто кому должен подчиняться? Это не просто этические экзерсисы, это вопросы власти, в том числе и политической, и это не фантазии.

Исследователи в области искусственного интеллекта задаются этими вопросами, но это, в основном, математики, в меньшей степени, лингвисты и психологи, хотя очевидно, что эта тема касается политологов, философов и экономистов. Где требуется применять искусственный интеллект? Если он станет объектом политики, значит ли это, что он может стать и субъектом политики? Искусственный интеллект в политике может быть использован для решения определенных проблем, где требуется быстрая обработка и понимание больших данных. Но может ли искусственный интеллект принимать участие в голосовании и выдвигать свою кандидатуру? Если да, то искусственный интеллект становится уже субъектом политики, т.е. имеет право быть избранным и управлять, например, принимать законы. Могут ли люди делегировать искусственному интеллекту принятие законов, которые будут управлять ими.

Таким образом, сама по себе диалектика человека и искусственного интеллекта представляет не только большой интерес, но носит и актуальный характер, так как усилия по его созданию имеют достаточно интенсивный характер. В это направление вкладываются большие инвестиции, конкуренция достаточно жесткая, требуются новые полупроводники, квантовые вычислительные устройства, но при этом не решены метафизические, политические и этические проблемы, которые требуют анализа и дискуссий на различного рода форумах. Без понимания устройства и принципов функционирования естественного интеллекта, чем он отличается от подсознания, как он возник и развивается, искусственный интеллект становится продуктом, отличным от своего «партнера». Налицо отрицательная диалектика, когда «партнеры» находятся в тотальной противоположности, и следовательно, противоречиях, и требуется найти тотальное тождество в целях решения конфликта.

Сурыгина К.В.
(Казань, КФУ)

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ФРАНЦУЗСКИХ ПРАВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ ВО ВРЕМЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2022 года

Значительный рост электоральной популярности правых политических сил в Западной Европе представляет собой одну из наиболее заметных политических тенденций современности. Лидеры правой части политического спектра в последние годы стали неотъемлемой частью электорального процесса в большинстве европейских стран, с каждым годом демонстрируя все более впечатляющие результаты. Так, на президентских выборах во Франции в 2022 году кандидаты от правых партий М. Ле Пен («Национальное объединение») и Э. Земмур («Реконкиста») показали положительные результаты, заняв второе и четвертое места соответственно и превысив порог в 30% голосов. Каковы причины такого успеха? Помимо объективных внешних факторов, важную роль здесь сыграли технологии политической коммуникации, особенности применения которых и вызывают особый исследовательский интерес.

После проведения контент- и дискурс-анализа материалов избирательных кампаний М. Ле Пен и Э. Земмура можно сделать некоторые выводы об особенностях коммуникационных стратегий данных кандидатов. Так, стоит отметить, что оба кандидата ориентированы на провинциальный, зрелый электорат. Однако М. Ле Пен более нацелена на избирателей с низким уровнем дохода, тогда как Э. Земмур привлекает более обеспеченные слои населения, т. н. «французскую интеллигенцию». Гендерная направленность выбора целевых электоральных групп также важна: стратегия М. Ле Пен ориентирована на женщин, а стратегия Э. Земмура — на мужчин.

В основе коммуникационной стратегии кандидатов лежат их биографические факторы: профессиональная политическая карьера у М. Ле Пен и карьера писателя у Э. Земмура. Образ отца М. Ле Пен, основателя партии «Народный фронт», и окружение Э. Земмура также оказывают значительное влияние. Оба кандидата тесно связаны со своими партиями, что также отражается в их коммуникационных стратегиях. В качестве основных идеологических ценностей кандидатов можно выделить: нативизм, защиту французской идентичности, готовность к вызовам будущего и сохранение культурного наследия. Э. Земмур также активно использует теорию «великой замены», от которой его соперница пытается дистанцироваться.

Кандидаты в основу своей коммуникационной платформы заложили также политику «демонизации» имиджа Э. Макрона и текущего политического режима. Затрагивая взаимодействия между исследуемыми кандидатами, стоит отметить, что Э. Земмур часто упоминал М. Ле Пен в негативном ключе, сомневаясь в ее способности привести «правых» к победе. М. Ле Пен значительно реже и более нейтрально высказывалась об Э. Земмуре. Выбор описанных коммуникационных стратегий обусловлен электоральными потребностями кандидатов: Э. Земмур пытался привлечь избирателей «Национального объединения» на свою сторону, а М. Ле Пен рассчитывала на избирателей «Реконкисты» во втором туре.

К выбору площадок для очной коммуникации с избирателями кандидаты подходили по-разному. М. Ле Пен выступала преимущественно в регионах с традиционно высоким уровнем поддержки «правых», тогда как Э. Земмур включил в свою программу несколько выступлений в регионах с низким

уровнем поддержки, демонстрируя уверенность в своих ораторских способностях и стремление расширить электоральную базу. Предвыборная риторика обоих кандидатов сосредоточена на трех основах правой идеологии: нативизме, авторитаризме и популизме. Дифференцировать их электоральный дискурс можно в рамках экономической и социальной повестки, а также стратегии объединения правых политических сил.

Оба кандидата в рамках своих коммуникационных стратегий сделали ставку на телевизионные выступления. Однако М. Ле Пен отказалась от дебатов, тогда как Э. Земмур участвовал в четырех, что может быть вызвано неудачным опытом проведения дебатов у М. Ле Пен в предыдущем электоральном цикле и ее неготовностью рисковать до второго тура. Видеоконтент кандидатов различался. М. Ле Пен чаще использовала «живые» видео в формате видеоблога, поддерживая формируемый имидж, в то время как Э. Земмур выпускал преимущественно негативные «студийные» видео, что потенциально могло оттолкнуть аудиторию. Тем не менее видеоконтент Э. Земмура оказался более просматриваемым благодаря грамотной настройке онлайн-таргетинга и «вирусности» высказываний.

М. Ле Пен и Э. Земмур использовали все известные социальные сети, уделяя особое внимание текстовым платформам. Контент дублировался, а не изготавливался под каждую социальную сеть отдельно, что не позволило использовать все возможности задействованных инструментов. Оба кандидата на базе своих сайтов создали собственные социальные микросети, что позволило им мобилизовать электорат и более адресно таргетировать свои сообщения, используя *e-mail* рассылку.

Таким образом, можно сделать вывод, что коммуникационные стратегии правых политических лидеров на президентских выборах во Франции в 2022 году были схожи с точки зрения идеологической основы, но различны с точки зрения целей и применяемых инструментов.

Сулов Е.В.

(Йошкар-Ола, Марийский государственный университет)

ВЫБОРЫ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ КАК ИНДИКАТОР УСТОЙЧИВОСТИ ЦЕНТРОБЕЖНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Тезисы об устойчивости европейских ценностей, о приверженности большинства европейцев принципам демократии нередко расходятся с современной европейской политической реальностью. Эта тенденция обнаружилась не сегодня: социально-политические кливажи в общем европейском доме стали фиксироваться относительно давно, однако к очевидному крену в сторону усиления центробежных тенденций не приводили.

Раздираемый противоречиями различного характера ЕС к выборам в Европарламент как к возможной развилке в своем развитии подошел с надеждами на заметное переформатирование для правых фракций, придерживающихся консервативных позиций вперемежку с националистическими, с опасением утраты доверия к либеральным европейским ценностям — для старых народных партий (центристы и социал-демократы). В целом прогнозы сбылись.

Как показали выборы, популярность старых народных партий продолжает снижаться, однако критического уровня не достигли. Тем не менее «основной итог выборов 2024 г. — это сохранение лидерства Европейской народной партии, достигнутого за счет снижения популярности евроскептиков в Восточной Европе и роста популярности ХДС/ХСС как оппозиционной партии в ФРГ». Европейская народная партия наряду с «Прогрессивным альянсом социалистов и демократов» (ПАСД) и группой либералов «Обновляя Европу» (ОЕ), получив 403 места из 720 имеют необходимое большинство для принятия решений. Лидерство ЕНП, получившей 189 мест, стало определяющим фактором, обеспечившим для Урсулы фон дер Ляйен сохранение поста Председателя Европейской комиссии, в сущности, главы правительства ЕС. Однако значительные потери понесли либералы, чье представительство в ЕП сократилось до 72 мест. О снижении актуальности в европейской повестке дня экологических проблем говорит сокращение количества мест фракции «Зеленые — Европейский свободный альянс», сохранившей всего 53 места.

Все это вкупе с ростом популярности так называемых партий «второго эшелона» не может вызывать озабоченности у центристов и социал-демократов. Потому что правый поворот все-таки состоялся. Так, выборы в Германии, Франции и Австрии принесли успех евроскептикам. Наиболее ощутимого успеха добилась немецкая партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), относительно недавний политический игрок на политической арене ФРГ, сумевший опередить Социал-демократическую партию (СдПГ) канцлера Олафа Шольца, которая заняла лишь третью строчку. Лидерство на выборах одержал оппозиционный блок (ХДС/ХСС). Центробежная тенденция в политических процессах Германии наиболее выпукло обнаружилась в восточных землях Германии, где АдГ стала безоговорочным лидером. Выборы показали серьезный провал политики правительства Шольца в социально-экономической

сфере, проводимой на территории бывшей ГДР: уровень жизни восточных немцев до сих пор остается ниже, чем в остальной Германии.

Во Франции оглушительную победу одержала партия «Национальное объединение» Марин Ле Пен, значительно опередившая партию Эмманюэля Макрона «Возрождение» и социалистов. Поражение Макрона привело к роспуску Национального собрания и проведению досрочных выборов. Победу одержала левая партия «Новый народный фронт» (*NFP*), оставив позади и партию Макрона, и Марин Ле Пен. При этом рост популярности Ле Пен, очевиден и она становится лидером европейских идентаристов. Как отмечает Н. Арбатова, крайне правые политические силы, представляющие фракцию «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР), и объединение «Идентичность и демократия» (ИД), получившие соответственно 73 и 58 мест, вместе могли бы рассчитывать на 131 из 720 мест в ЕП. Однако объединения немецких и французских правых в стенах Европарламента не произошло: «как свидетельствует предвыборная конкуренция между ними, внутривидовая политическая борьба бывает не менее ожесточенной, чем межвидовая».

Как известно, Европарламент не считается сильным институтом ЕС. Это — нижняя палата парламента, однако, в отличие от национальных парламентов, он не имеет права законодательной инициативы. При этом он имеет возможность инициировать принятие экономических санкций, в чем он преуспел в отношении России.

Таким образом, можно предположить, что правый поворот, состоявшийся на выборах в Европарламент, может выполнить роль диалектической функции, усиливая существующие политические и социально-экономические противоречия в ЕС и в то же время формулируя ответы на вызовы, стоящие перед странами ЕС.

Сухонина Н.А.
(Ярославль, ЯрГУ)

ФРЕЙМИНГ КАК ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКИХ ОНЛАЙН-СМИ ПРИ ОСВЕЩЕНИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИНСКО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА)

Конфликт в Абхазии и Южной Осетии остается актуальной темой в российских СМИ, в которой пересекаются вопросы суверенитета, безопасности и международной политики. Недавние новости из российских медиа, касающиеся ситуации в Абхазии и отношений с Грузией, позволяют выделить ключевые нарративы, которые формируют официальный дискурс России. Эти нарративы важны для понимания позиции российских властей и их подхода к внешней политике.

Данные нарративы создаются с помощью фрейминга. Фрейминг в СМИ — это способ представления информации, который акцентирует внимание на определенных аспектах события или проблемы, придавая им особое значение и контекст. Это может повлиять на восприятие аудитории, формируя определенные мнения и эмоции. К основным элементам фрейминга могут быть отнесены выбор информации (какие факты и данные подаются, а какие игнорируются), язык, тональность сообщений, а также контекстуализация, то есть помещение события в широкий контекст или историческую перспективу. Фрейминг используется для управления восприятием событий, внося в общественное мнение определенные значения и интерпретации.

Нами был проведен анализ основных фреймов, то есть стержневых идей, которые помогают организовать и интерпретировать информацию наиболее популярных российских онлайн-СМИ («РБК», «РИА Новости», «РТ на русском», «Комсомольская правда») за 2023 год.

Одним из наиболее распространенных фреймов является представление России как защитника мира. Это видно в заявлениях политиков, таких как Дмитрий Медведев, который утверждает, что действия России в 2008 году предотвратили массовую гибель людей. Этот нарратив соотносится с историческими событиями, которые акцентируют внимание на роли России как миротворца в условиях конфликта. Отметив, что в ходе конфликта были убиты российские миротворцы, СМИ играют на эмоциях общественности, создавая образ России как страны, которая стоит на страже стабильности и безопасности в регионе, жертвуя собой. Такие утверждения активно используются для легитимации военной поддержки Абхазии и Южной Осетии.

Другая важная составляющая российского медиадискурса — это фрейм о признании независимости Абхазии как исторически обоснованного и необходимого решения. Президенты России, в частности, еще раз подчеркивают успехи этого решения, особенно в контексте празднования годовщины независимости Абхазии. Статистические данные и факты о том, что за 15 лет «не погиб ни один абхазец, ни один грузин», подчеркивают успешность такого подхода. Это создает контекст, который позволяет

представлять российское вмешательство как положительный фактор, обеспечивающий безопасность и стабильность.

Нарратив о военном сотрудничестве и экономическом росте в Абхазии также играет ключевую роль. Заявления абхазских лидеров о взаимной поддержке в сферах обороны и экономики формируют образ абхазцев как людей, которые благодарны России за предоставленную помощь и возможности. В российских СМИ можно часто встретить фразы, выражающие уверенность в будущих успехах, а также о проводимых совместных мероприятиях, такие как военные учения, которые должны повысить обороноспособность региона.

В контексте существующих конфликтов важно напомнить, что в российском дискурсе также возникают нарративы о восстановлении связей с Грузией. Заместитель председателя Совета безопасности России Дмитрий Медведев высказал надежду, что нынешнее грузинское руководство проявит прагматизм, необходимый для признания независимости южноосетинской и абхазской республик. Это подчеркивает гибкость российской политики и ее нацеленность на дипломатические решения в будущем, хотя и аккуратно вписывается в более широкий контекст конфликта.

Фрейм о предполагаемой угрозе от Запада, которую представляет Грузия с потенциальным «вторым фронтом», добавляет новый уровень к дискурсу. Заявления о том, что Грузия может быть использована для повышения напряженности, усиливают аргументацию о необходимости защитных мер. Это подтверждает представление России как защитника прав русскоязычного населения и союзников, ощущающих необходимость в защите от внешнего вмешательства.

Таким образом, анализ фрейминга в российском медиадискурсе о конфликте в Абхазии показывает, как многие из фреймов служат обоснованием действий России и обрисовывают ее как главного миротворца в регионе. Эти нарративы не только формируют общественное мнение внутри страны, но и служат инструментом для легитимации внешней политики, направленной на усиление российского влияния на Кавказе. Они позволяют российским властям обосновывать свои действия и усиление военного сотрудничества с частично признанными республиками, а также действовать в рамках широкой стратегии защиты своих геополитических интересов.

Сучилина А.А.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

НЕОЯЗЫЧЕСТВО КАК ФОРМА РУСОФОБСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

В текущем украинском конфликте в качестве политической технологии активно используется конфессиональный фактор, слабо связанный с религиозностью как таковой. Значительную роль в легитимации постмайданного курса сыграли униатская (Украинская греко-католическая) и раскольническая (Православная Украины) церкви, а также новые религиозные движения в формате славянского и скандинавского неоязычества. Последний феномен заслуживает отдельного внимания, поскольку является важной составляющей русофобской идеологии, исповедуемой экстремистскими объединениями на территории современной Украины. Особенность славянского неоязычества, в отличие от, например, скандинавского состоит в том, что оно базируется не на реальной исторической основе — информация о древнеславянских верованиях крайне ограничена; а является сконструированной системой представлений, так называемой «кабинетной мифологией», истоки которой обнаруживаются в творчестве литераторов и историков XIX века. В XX столетии неоязычество было поднято на щит украинского национализма сначала галицийской интеллигенцией вслед за В. Шаяном, а затем представителями ОУН-УПА (*организация, деятельность которой запрещена в РФ*), сочетавшими неоязыческую некромантию с квази-православной традицией. Подобная религиозная идеология поддерживалась немецкими оккупационными властями. Битва за Днепр, Днепро-Карпатская и Львовско-Сандомирская операции Красной армии вынудили часть украинских националистов уйти в бандподполье, а часть скрыться на территории Германии, позже Канады и США. В эмиграции в условиях холодной войны бывшим офицером дивизии ваффен СС «Галичина» Л. Силенко создается так называемая «Родная украинская национальная вера» — «РУН-вера». В конце XX — начале XXI в. на волне обратной эмиграции «родноверие» приносится на территорию постсоветской Украины в качестве одного из инструментов западного влияния и переформатирования украинского общества. Политическая элита берет курс на открытую конфронтацию с Россией, манифестом которой становится книга второго украинского президента Л. Кучмы «Украина—Россия» (2003 г.). На протяжении последних двадцати лет религиозная политика, наряду с языковой и политикой памяти, обслуживает стабильно культивируемый тренд русофобии, особые всплески которой приходится на «оранжевую революцию» 2004 г. и последующее президентство В. Ющенко, «революцию достоинства» 2013—2014 гг. с приходом к власти П. Порошенко и майданной элиты и, наконец, начало специальной военной операции в 2022 г.

В рамках планомерной подготовки к войне с Россией в украинском обществе насаждались милитаризм и воинствующий национализм, осуществлялась дегуманизация — оптимальным идеологическим фреймом подобного политического курса стало неоязычество. Доминирующее на Украине православное христианство как наднациональная религия, исторически, ментально и институционально, объединяет русский и украинский народы в единую духовную общность. Даже раскол в Украинской православной церкви, получение томоса и обретение партикулярной автокефалии не отвечают в должной мере задаче конфронтации Украины и России, решаемой в интересах глобального либерального неоимпериализма, поэтому активно используется «изначальная украинская» народная вера. Обращение к язычеству позволяет отказаться от нормативных запретов на убийство, ложь, зависть и воровство. В неоязыческих практиках убийство возводится в доблесть, выступает в качестве ритуала — жертвоприношения, ограбление превращается в военную добычу, зависть — в приемлемый мотив, а ложь становится орудием государственной пропаганды. Современной украинской политической системе не нужен человек, соотносящий свое поведение с религиозным каноном, авторитетами, церковной организацией — требуются не имеющие моральных ограничений «солдаты», исповедующие вседозволенность, готовые умирать за иллюзорную свободу, на практике означающую безоговорочное подчинение чужим ценностям, идеалам и целям. Для решения этой задачи неоязычество, ориентированное на некроцентризм, экстремизм и дегуманизацию, подходит как нельзя лучше.

Неоязычество на современной Украине не имеет отношения к подлинно языческой традиции, прерванной в X в. по мере христианизации Руси; представляет собой эклектичный набор фрагментов славянского и германского эпосов с примесью фэнтези; используется для информационно-психологического воздействия на население с целью примитивизации сознания и разрушения критичности мышления; способствует возобновлению традиций «кровной мести» и жертвоприношений, выступает как идеология войны в контексте политики русофобии.

*Сучкова А.А., Сычева А.В., Балябкин Д.М.
(Тула, Тульский государственный университет)*

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО (ВОЛОНТЕРСТВО) КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ*

В условиях современных вызовов на первый план в России выходят проблемы сохранения исторической памяти и поиска новых механизмов воспитания молодежи. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации патриотическое воспитание является ключевой задачей реализации национальных интересов, а также ответом на угрозы и вызовы современности. Патриотическое воспитание формирует у молодежи основы гражданственности, представление о самобытности русской культуры, общечеловеческих ценностях, многонациональном и многоконфессиональном российском народе, основах исторической памяти, особенностях российской государственности, роли каждого гражданина в развитии государства. Можно выделить гражданско-патриотическое добровольчество как одно из перспективных направлений молодежной политики и элемент системы патриотического воспитания. В последние годы наблюдается устойчивый рост числа граждан и организаций, участвующих в добровольческой (волонтерской) деятельности, расширяются масштабы реализуемых ими инициатив и проектов. В Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года содействие развитию и распространению добровольческой деятельности отнесено к числу приоритетных задач политики в сфере культуры и развития молодежи. Стратегия молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года определяет условия для эффективной социализации и успешной самореализации молодежи, предусматривающие поддержку добровольчества, обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан. Сохранение российской самобытности, культуры, исторической памяти, традиционных российских духовно-нравственных ценностей является стратегической задачей патриотического воспитания.

Основой для организации патриотического воспитания молодежи являются духовно-нравственные ценности как часть мировоззрения, формирующаяся в рамках российской цивилизации. В современной России государство выделяет ряд так называемых традиционных ценностей и проводит многовекторную политику их транслирования и сохранения. Традиционные ценности являются нравственными ориентирами, которые формируют мировоззрение граждан России, передаются

* Данная статья подготовлена в рамках реализации научного исследования на тему «Гражданско-патриотическое добровольчество (волонтерство) как фактор воспитания молодежи в условиях вызовов современного общества», включенного в план работ научных организаций и организаций высшего образования за счет средств федерального бюджета — FEWG-2024-0012.

из поколения в поколение, составляют основу общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства, укрепляют гражданское единство, самобытно проявляются в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа. К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относят: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России. Сохранение традиционных российских ценностей можно назвать стратегической задачей развития государства. Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу общества, которая позволяет защищать и укреплять суверенитет, обеспечит единство многоконфессионального и многонационального государства, развить человеческий потенциал. Одним из механизмов трансляции и сохранения традиционных российских ценностей, кроме системы патриотического воспитания, можно назвать гражданско-патриотическое волонтерство, которое позволяет на практике проявить активную гражданскую позицию.

Таким образом, возрастает роль гражданско-патриотического волонтерства как фактора воспитания молодежи. Сохранение российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотическое воспитание граждан будут способствовать развитию Российской Федерации. Таким образом, актуализируется исследование специфики гражданско-патриотического волонтерства как фактора воспитания молодежи и элемента стратегии развития России.

Сянь Ч.
(Москва, РУДН)

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США В ОЦЕНКАХ КИТАЙСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Стратегия безопасности — это систематическая тактика и методы, которые должны быть приняты для поддержания и достижения состояния безопасности.

Исследование помогает понять стратегическое мышление и направленность доклада о стратегии национальной безопасности США. Используя комбинацию текстового анализа и сравнительных исследований, мы разбираем основные изменения в докладе о стратегии национальной безопасности США через восприятие угроз, стратегические инициативы.

Преемственность нынешней стратегии национальной безопасности США превышает изменения, а ее вред для американо-китайских отношений, мира и развития во всем мире очевиден. Китай всесторонне оценивает ее влияние и активно реагирует на нее, но в то же время он должен признать, что по мере роста его собственной национальной мощи его способность формировать китайско-американские отношения также растет.

Парадигма национальной безопасности США

Начиная с 1987 года каждое правительство формулирует стратегию национальной безопасности как одну из своих основных стратегических задач. Формирование концепции национальной безопасности США основано на парадигме «угрозы безопасности», где первой задачей является определение источников угроз национальной безопасности.

Что касается определения угрозы, с одной стороны, с точки зрения всеобъемлющей мощи определение возможных угроз национальной безопасности США со стороны соответствующих государств или негосударственных субъектов основывается на оценке национального потенциала страны-объекта, в частности военного потенциала и стратегического поведения. С другой стороны, среди которых важное влияние оказывают идеология и политическая система объекта.

Цель по национальной безопасности США

Целью стратегии национальной безопасности США является сохранение гегемонистских позиций. Тон нынешней стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов — соперничество великих держав.

В стратегии национальной безопасности США отмечается, что Китай — «самый серьезный геополитический вызов», стоящий перед Соединенными Штатами, Россия — главная угроза для Соединенных Штатов. Что касается стратегического пространства, то Соединенные Штаты сосредоточились на Индо-Тихоокеанском и Европейском регионах, делая упор на укрепление партнерских отношений между альянсами, достижение стратегической стабильности и максимизацию конкурентных преимуществ.

Подход по национальной безопасности США

Во-первых, стратегическая военная конкуренция. Во время холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом началась гонка вооружений в области обычных и ядерных вооружений, что усугубило напряженность в сфере международной безопасности.

Во-вторых, угрозы безопасности устраняются путем применения санкций и других стратегических ударов. США вводят всеобъемлющие санкции против России, пытаясь помешать развитию России.

В-третьих, сеть поддержания безопасности США укреплялась с помощью альянсов. Создавая всемирную военную сеть, США достигают цели поддержания стратегических интересов, а также реагирования на угрозы безопасности в глобальном масштабе.

Интересы по национальной безопасности США

При Буше-младшем в качестве интересов безопасности рассматривалась национальная безопасность, обязательства по обеспечению безопасности региональных союзников и предотвращению региональной гегемонии, продвижение американской демократии в мире и экономическое процветание США;

В период правления Обамы интересами безопасности были названы безопасность США в отношениях с союзниками, экономическое процветание, универсальные ценности и международный порядок;

При Трампе в качестве четырех столпов национальных интересов были названы безопасность родины, экономическое процветание, поддержание мира через силу и усиление влияния США;

При Байдене Соединенные Штаты определили в качестве интересов безопасности США сдерживание Китая, России и нападений на другие страны, а также достижение открытого, взаимосвязанного, процветающего и безопасного Индо-Тихоокеанского региона.

Опасность стратегии национальной безопасности США для мира, развития и стабильности во всем мире очевидна. Китаю необходимо не только всесторонне и систематически оценивать стратегию национальной безопасности Соединенных Штатов, но и постоянно совершенствовать свою способность формировать китайско-американские отношения путем последовательного развития. Китай взял на себя инициативу по поиску нового пути выхода отношений великих держав из «ловушки Фукидида».

ПРЕЗИДЕНЦИАЛИЗМ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Вопрос стабильности политических институтов в ареале посткоммунизма представляет не только интересную исследовательскую проблему для политологов-компаративистов, но и сам по себе является значимым процессом развития политических систем.

Президентская власть в странах Центральной и Юго-Восточной Европы может нами рассматриваться как политическая инновация или модернизация института главы государства. Действительно, в исторической ретроспективе большинство государств региона имеют опыт организации президентской власти. Если в начале XX века она противопоставлялась монархии, чуть позже — советской модели государственности, то в посткоммунистический период везде воспринималась как норма политической жизни.

При этом, за исключением случая Косова (где образцом стала албанская президентура), мы не находим примеров чистого институционального импорта. Для Центральной и Юго-Восточной Европы характерны эксперименты с дизайном президентской власти. Безусловно, превалирует «импорт из прошлого» с явным требованием модернизации. Так, в Польше восстановление института президента было одним из первых шагов в процессе реконструкции конституционного правления. В Чехии и Словакии институциональным ориентиром был президентализм Первой чехословацкой республики. Однако в этих трех странах мы наблюдаем существенные расхождения в наборе конституционных полномочий президента по сравнению с историческим образцом. Кроме того, в процессе институционализации президентской власти мы наблюдаем отход от привычного парламентаризма с избираемым парламентом президентом к прямым выборам главы государства.

Болгарский случай организации президентской власти интересен двойственным происхождением самого института, который одновременно является наследником «народной республики» и результатом политического компромисса. Наличие института вице-президента не характерно для стран региона. Ни в Болгарии, ни в субъектах боснийской федерации этот институт не выполняет в должной мере своего институционального назначения. Скорее, само наличие вице-президента показывает стремление политического класса к установлению относительного баланса идейно-политического представительства.

Нидерландский исследователь Андре Кроувел предлагает методику индексного исчисления уровня президентализма в сопоставлении индексов двух «чистых» форм правления: президентской и парламентской. Несомненным достоинством данной методики является наглядность в установлении баланса президентской и парламентской власти. По сходству своего институционального дизайна стоит выделить три труппы: а) полупрезидентские системы (Черногория, Польша, Словения, Болгария, Румыния); б) парламентские системы с относительно «сильным» президентом (Словакия, Чехия, Хорватия, Северная Македония, Сербия); в) парламентские системы со «слабым» президентом (Венгрия, Босния и Герцеговина, Косово, Албания). Стоит отметить, что для Республики Сербской индекс президентской власти равен «-4,5», а для Федерации Боснии и Герцеговины — «-5,0». В то время как на общегосударственном уровне эта оценка равна «-6,0» в силу двух внутренних обстоятельств: делегативного характера представительства этнитетов и ограниченности властных полномочий Президиума контрольными функциями Парламентской Скупщины Боснии и Герцеговины. Важнейшим внешним обстоятельством является ограничение суверенитета страны.

Институт президента в странах Центральной и Юго-Восточной Европы относительно стабилен. Как правило, президенты исполняют свои полномочия в течение полного срока своей каденции. Отставка президента — редкое явление, которое лишь подтверждает общее правило. В каждом отдельном случае существенными были частно-политические, а не структурные факторы. Казус Каталин Новак (2024), когда президент Венгрии досрочно сложила полномочия, иллюстрирует продуктивность института отставки с точки зрения стабильности политической системы. С другой стороны, двойной импичмент Траяна Бэеску усугубил политические расколы в Румынии, но выявил потенциал механизмов сдержек и противовесов в системе разделения властей.

Так или иначе, президентализм в странах Центральной и Юго-Восточной Европы хотя и не обрел своего оптимума, его манипулятивный арсенал сокращается. Президентская власть приобретает вид нормального института с точки зрения общественного восприятия, в значительной степени отражает доверие граждан к политической системе.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТАБИЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ В ПЕРИОД ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

Масштабные вызовы, возникающие перед Россией в последние годы, актуализировали тему ее этнорегионального многообразия. В федеративное устройство РФ интегрирован этнический компонент — в число ее субъектов входят «национальные республики», автономные округа и автономная область. Для ординарных регионов, таких как края и области, тема этнокультурного разнообразия также является актуальной. Исследователи этнополитической проблематики фиксируют в отношении России на протяжении 2000-х годов тренд на политизацию этничности/этнизацию политики. Этничность при этом рассматривается в логике «веберовской традиции» как субъективное восприятие принадлежности к сообществу, основанное на представлении об общем происхождении.

В контексте новой социально-политической реальности, формируемой после 2022 года, возникает закономерный вопрос о том, как этнорегиональное многообразие России влияет на устойчивость ее политического развития в контексте масштабных вызовов последних лет. Президент России Владимир Путин на одном из заседаний Совета по межнациональным отношениям подчеркнул, что оппоненты РФ за рубежом считают ее национальное и культурное многообразие слабостью. Глава государства заключил, что стоящие перед Россией вызовы подтверждают обратное — в многообразии состоит сила государства.

Тезис о многонациональности как консолидирующем основании российских граждан находит отражение в результатах социологических исследований. По данным свежих опросов ВЦИОМ, большая часть россиян (порядка 60%) убеждена в том, что многонациональность делает Россию только сильнее, и только 7% опрошенных видят в ней источник ослабления. При этом 79% россиян позитивно оценивают состояние межнациональных отношений на локальном уровне — по месту своего жительства. Такие результаты свидетельствуют в пользу тренда на сложившийся устойчивый баланс в межнациональных отношениях в России.

Можно предположить, что стабильности политического порядка в условиях этнорегионального многообразия способствует, в границах констелляции других факторов, последовательно реализуемая преференциальная политика в отношении этнических меньшинств на уровне субъектов РФ. Регулярный мониторинг СМИ и официальных телеграм-каналов высших должностных лиц за период с февраля 2022 года по сентябрь 2024 года позволяет выявить в регионах наличие серии управленческих решений, нацеленных на обеспечение баланса в межнациональных отношениях. При этом баланс в межнациональных отношениях предлагается понимать в логике концепции институционального равновесия («эквilibриума») К. Шепсла и Р. Калверта. В рамках данной концепции институциональное равновесие описывается как динамически развивающееся явление. Равновесие будет существовать на протяжении того времени, пока соотношение сил между акторами и/или их предпочтения будут оставаться неизменными, а их изменение неизбежно повлечет за собой пересмотр «правил игры». В этой логике адресные социально-политические решения, предлагаемые региональными управленческими командами во главе с главами регионов, способствуют поддержанию баланса.

В числе ярких региональных кейсов, к примеру, — управленческие решения команды главы Чукотки Владислава Кузнецова. Одним из приоритетов региональной политики выступает поддержка представителей коренных малочисленных народов Чукотки. В этом направлении проводится активная работа. Например, по поручению главы государства началась подготовка учебников по родным языкам коренных малочисленных народов Чукотки. Принято решение об оснащении бригад оленеводов и морзверобоев новой высокопроходимой техникой и специальной одеждой до конца 2026 года. Начала работу Школа юного морзверобоя, где дети изучают основы морзверобойного промысла и традиции коренных народов автономного округа. Не менее яркий пример — регулярные выезды главы ЯНАО Дмитрия Артюхова в тундру продолжительностью несколько дней. Руководитель региона общается с жителями в естественной среде их повседневности и по итогам коммуникации с ними принимает управленческие решения. Среди недавних решений — изменение правил выдачи «чумового капитала». Ямальские молодые семьи начнут получать его после рождения второго и последующего ребенка. Есть и другие примеры региональных управленческих решений по поддержке разных этнических групп за прошедшие несколько лет.

Таким образом, гипотеза о том, что многонациональность России в условиях внешних вызовов выступает основанием для стабильного политического развития, находит дополнительные подтверждения. В этой логике следует вывод о том, что адресные управленческие решения по поддержке конкретных этнических групп в регионах способствуют обеспечению баланса в межнациональных

отношениях. Ставка на преференциальную политику в отношении этнических меньшинств сохраняется, и, как следствие, сохраняется устойчивый баланс в межнациональных отношениях на региональном уровне.

Тарусин П.В.
(Москва, ВУ МО)

ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНЫЕ СИСТЕМЫ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Постнеклассика выделяет социальные объекты в особый тип саморазвивающихся систем — человеко-размерные (ЧРС). Их типовые черты раскрываются в деятельности и взаимодействиях «живых человеческих вариантов», поступками и энергией которых создаются и обновляются (разрушаются) социально-политические системы. ЧРС не располагают источниками собственной экзистенции, полностью независимыми от граждан. Присущие тем культурные коды и менталитет, духовные установки и ценности, исторические традиции и обычаи обуславливают самобытность возникающих форм, содержания и практик функционирования и развития политических порядков и институтов, их несклонность к заимствованиям извне. Но поскольку всякое общество является частью человечества, его социально-политическое устройство отражает, в разной мере, и универсальные принципы и черты.

Образуемые на управляющем макроуровне властные структуры и институты, оформляющие и приводящие в действие параметры порядка, поддерживают относительную автономию ЧРС. Триггером их изменений служит переход в состояние неравновесности. Различают два типа системных трансформаций:

- саморегуляция в рамках действующих параметров порядка;
- саморазвитие, связанное с появлением новых уровней организации, как процесс перехода от прежнего типа саморегуляции к принципиально иному и обновления параметров порядка.

Воздействие внешних факторов на ЧРС не является непосредственной причиной их изменений. Их поведение определяется осмысленным характером восприятия внешних угроз и вызовов. Всякий раз наблюдается оригинальный, а не запрограммированный набор вырабатываемых альтернатив ответных реакций и выбор из них. Этим и обусловлена нелинейность процессов системных изменений и непредзаданность их итогов.

Внешние силы играют роль триггеров, «катализаторов» трансформаций, обстоятельств формирования и выбора тех или иных вариантов саморегуляции. Угрозы масштабных кризисов, опасности разрушения заключаются именно во внутреннем расстройстве ЧРС, в ограниченном потенциале их саморегуляции и адаптации к новым условиям. Нарастающее внешнее влияние только усиливает степень системной нестабильности, что умножает вес малых, случайных факторов и обстоятельств. Поэтому активное давление на ЧРС извне, в частности санкционное, влечет совершенно непредвиденные последствия, принципиально отличающиеся от ожидаемых, не способствует достижению целей, ради которых оно предпринимается.

ЧРС отличаются разнообразием и самобытностью присущего им опыта становления, функционирования и развития, содержанием мировоззренческих установок и ценностей населения в рамках исторически сформировавшейся культурной и/или цивилизационной традиции. В этом заключается множественность социально-политических укладов, логик их изменений, механизмов и практик выбора типов саморегуляции, несводимых к универсальному «эталону». Никакой из них не является лучшим или идеальным, но только оптимальным для данной нации и конкретных условий ее существования. Хотя и пытаются распространять отдельные типы системной саморегуляции, выдаваемые за универсальные и образцовые, но, как правило, неудачно.

Всякое изменение ЧРС, смена типов саморегуляции сопровождаются необратимой переменной социокультурных параметров обществ, присущих им традиций, ценностей и установок. Причем взаимообусловленность, одновременность протекания данных процессов не позволяют определенно указать, что явилось их причиной и следствием. На этом основаны технологии «перенастройки» и разложения социальных укладов, включая и смену политических режимов, путем их «инфицирования» культурно чуждыми образцами поведения, идеалами, ценностями и установками, в том числе и в наиболее агрессивной форме «отмены соответствующей культуры».

В настоящее время содержание политических изменений на национальном уровне в целом отражает эволюцию миропорядка и, со своей стороны, определяет специфику его транзита. Культурное разнообразие и равновесность на базе традиционного консерватизма обеспечивают незападным обществам широкий спектр альтернатив политической модернизации, не скованной либеральными идеологическими догмами.

Западные общества переживают духовный, мировоззренческий кризис, связанный с разложением идейных и культурных основ их существования. Регулярное нарушение декларируемых свобод и принципов политического устройства дискредитировало либеральную модель политической организации. Активно дискутируются вопросы коренных структурных изменений, затрагивающих и обновление типа саморегуляции политической системы.

Российская политическая система неотвратимо «уходит» от навязывавшейся ей либеральной модели к традиционным формам и практикам правления, основанным на консервативных ценностях и установках. Усиление идейной консолидации общества, резкое снижение уровня социальных противоречий объясняют отсутствие в стране запроса на политические изменения.

Тимакова О.А.
(Москва, Дипломатическая академия МИД России)

СВЯЗКА «БЕЗОПАСНОСТЬ–РАЗВИТИЕ» В ПОЛИТИКЕ ЕВРОСОЮЗА В АФРИКЕ (НА ПРИМЕРЕ СТРАТЕГИИ ДЛЯ САХЕЛЯ)

Сохранение влияния Евросоюза в Африке на современном этапе было важным фактором закрепления за ЕС статуса глобального актора международной безопасности и помощи развитию. Однако отношения между ЕС и странами региона невозможно назвать равноправными. Именно Европейский союз всегда определял условия и рамки сотрудничества в сфере безопасности. Постепенно повестка дня ЕС трансформировалась от стратегии помощи развитию к секьюритизированному курсу, определяемому экстернализацией внутривнутриполитических проблем Евросоюза.

Особенности реализации стратегии безопасности ЕС рассмотрим на примере действий блока в регионе Сахеля. В условиях современных геополитических трансформаций Западная Африка оказалась одним из самых уязвимых и нестабильных регионов мира. Все политические процессы в Африке рассматриваются Евросоюзом через призму вопросов безопасности. Именно на взаимодействие с группой стран Сахеля была направлена стратегия Евросоюза, целью которой было подчеркнуть связь между политической безопасностью и развития. Ключевой предпосылкой сотрудничества являлось условие, что развитие возможно только после достижения безопасности. Однако миссии ЕС в регионе не добились успеха в стабилизации пространства и достижении внешнеполитических целей Евросоюза. Все чаще Сахель в Европе позиционируется как «Французский Афганистан», или «Сахелистан», что подчеркивает бесперспективность вмешательства для обеспечения внутренней безопасности Европы.

В период с 2020 г. страны Сахеля планомерно приостанавливают участие в инициативах Евросоюза. Практически все действовавшие в рамках Европейской стратегии для Сахеля программы были заморожены. Также объединение «Группа пяти Сахеля», которое поддерживали страны Европы, перестало существовать. Ему на смену пришла новая независимая структура «Альянс государств Сахеля», созданная на основе пакта о взаимной обороне в 2023 г.

ЕС столкнулся с необходимостью пересмотреть свою Стратегию в Африке и в Сахеле, в частности. И хотя решение о подготовке новой Стратегии принято, между странами-членами не достигнут консенсус о целеполагании внешнеполитической линии ЕС в регионе.

Проведя анализ основных проблем и недостатков, присущих инструментам реализации общей внешней политики и политики безопасности ЕС в Африке, на примере ситуации в Сахеле, уточнено, что регион представляет собой сложное геополитическое пространство, где реализуют свою политику множество разных акторов. В большинстве случаев они не координируют и не синхронизируют свои действия: иногда они действуют параллельно, но часто их политика и цели противоречат друг другу. Такая ситуация усиливает фрагментацию среды безопасности региона и не позволяет достичь устойчивой стабильности. Политика безопасности ЕС в Сахеле происходила на фоне секьюритизации нарратива об угрозах не только для населения Африки, но и для европейских граждан. Причины неудачи Стратегии ЕС для Сахеля разнообразны, имеют внутренний и внешний характер, но самое главное, что истоки и практика отношений Евросоюза и стран региона все еще глубоко укоренены в колониальном прошлом и постколониальных интересах государств–членов ЕС. Хотя Евросоюз и заявляет о непредвзятом, сбалансированном и комплексном подходе своей внешней политики, на практике можно констатировать, что используются репрессивные меры и механизмы стимулирования, призванные побудить страны реализовывать политику реадмиссии и миграционного контроля.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Развитие общества модерна неразрывно связано с конституированием и бурным развитием как массовых политических партий, так и различных партийно-политических систем. В политической науке те или иные исследователи выделяют «узкую» и «широкую» интерпретации партийных систем. Согласно первому подходу (П. Майер), не любое взаимодействие и позиционирование политических партий в рамках политического процесса того или иного уровня (национального, регионального, местного) является выражением функционирования партийно-политической системы. Второй подход (Дж. Сартори, Г. Смит), наоборот, расширительно трактует партийную конкуренцию, которая, по сути, и формирует дизайн той или иной партийно-политической системы. В рассмотренной дихотомичной модели интересный аргумент приводится сторонниками первого подхода. Так, например, П. Майер вводит в научный оборот категорию «набор партий», которая весьма релевантна определенным социальным пространствам и соответствующим им политиям, так как взаимодействие политических партий может не приводить к системным ограничениям и формированию определенных возможностей в процессе борьбы за власть. То есть межпартийные коммуникации, главным образом, могут реализовываться на практике в виде имитационно-конкурентных форматов, с крайне низким уровнем политической субъектности партийных образований, в том числе эстаблированного и парламентского уровня.

В условиях, когда доминирует подданнический тип политической культуры, институт социального доверия носит ограниченный характер, политические артикуляция и агрегирование интересов слабы и фрагментарны, формируется партийно-политическая архитектура с низким влиянием формальных институтов, политическим фундаментом которой является недемократический политический режим (*Кротков В.О. Особенности взаимовлияния российского социума и политического класса в условиях постсоветской трансформации // Вестник Пермского ун-та. Политология. 2012. № 2 (18). С. 48. EDN OZZCFD.*). В таких условиях категория «набор партий», за редким исключением, становится весьма актуальной.

Рассматриваемые партийно-политические системы могут иметь свое выражение не обязательно на национальном уровне. Они также могут проявлять себя на уровне субнациональных политий (Р.Ф. Туровский), которые, с одной стороны, детерминированы более верхним уровнем власти, а с другой — имеют собственную степень партикуляризма. Данное обстоятельство значительным образом дифференцирует партийно-политические системы, в которых локальный уровень может иметь весьма вариативные политические практики, модели, институциональные формы, ресурсные возможности и стратегии позиционирования.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в XXI в. широко обсуждаемый кризис демократии (пост-демократический тренд) неизбежно детерминировал кризисы на уровне институтов и процессов, что непосредственно касается партийно-политической системы. Так, кризисы представительства или участия девальвировали привычный партийный ландшафт демократии, что наблюдается на фоне значительных изменений социальной структуры, подверженной постмодернистскому переходу.

В результате можно сделать общий вывод, что современные общественные процессы неразрывно связаны с метаморфозами в политическом пространстве, которое становится все более дифференцированным и динамичным. Привычные вертикальные социально-политические процессы все более становятся горизонтальными и гибридными. В таких условиях роль политических партий все больше будет уступать иным субъектам и институциональным решениям, которые обусловлены информационными, сетевыми, трансграничными факторами. Формально-институциональная логика, по большому счету, уступила место неинституциональной оптике, в рамках которой неформальные институциональные формы и решения являются доминирующими, определяющими характер политической борьбы и субъектности. Соответственно, перед исследователями стоит важная задача в актуализации и выработке релевантного теоретико-методологического инструментария в изучении современных политических партий и партийных систем.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИАСИСТЕМЫ И МЕДИАРЕЖИМЫ

Как известно, СМИ образуют медиасистему, представляющую собой совокупность медиаканалов, медиаконтента, медиатехнологий, адресованных аудитории, действующих в рамках национального и международного законодательства, геополитического и экономического положения страны, ее этнокультурных особенностей и исторических традиций.

Медиасистема зависит от типа политической системы. Это дало основание в свое время исследователям СМИ говорить о различных медиаполитических системах, ссылаясь на работу Г. Сиберта, Т. Петерсона, В. Шрамма «Четыре теории прессы», вышедшую в 1956 г. К тому времени они обосновали четыре идеальные модели функционирования прессы: *авторитарную*, поддерживающую господствующий политический режим и власть; *либертарную*, в чьи функции входит контроль за властью; *социальной ответственности*, назначение которой переводить конфликты в обществе в плоскость дискуссии для их разрешения; *советско-коммунистическую модель*, способствующую закреплению диктатуры правящей партии и социалистического режима. Впоследствии этот подход был дополнен и раскритикован за его одномерность и статичность.

В 1960-е годы английский политолог Р. Уильямс в книге «Коммуникации» (1967) посчитал, что для медиасистемы неприемлема как идея свободного рынка, так и государственная собственность на СМИ, и предложил рассматривать проблему в оптике двойного подчинения медиасистемы, не только *частным лицам и государству*, но и *профессиональным производителям информации*.

В 1970-е годы Р. Лоунштейн предложил двухуровневую концепцию медиасистемы в зависимости: 1) от формы собственности: *частная, многопартийная, государственная*; 2) от «философии» медиасистемы: *авторитарная; социально-авторитарная; либертарная; социально-либертарная; социально-центристская*.

В 1980-е годы Д. Мак-Квайл в книге «Теория массовой коммуникации» хотя и поддерживает концепцию «четырёх теорий», но считает, что она не учитывает медиасистем развивающихся стран, и вводит две новые типологии: по критерию развивающихся и развитых стран. *Теория медиаразвития* включает в себя следующие принципы: 1) медиа должны принимать и пропагандировать идеологию развития, осуществляя свою деятельность в русле проводимого государством политического курса; 2) свобода СМИ может быть подвержена ограничениям, если это необходимо в экономических целях и востребовано идеологией развития общества; 3) следование традициям национальной культуры и языка должно оставаться приоритетным направлением медиаполитики; 4) журналисты имеют не только право на свободу слова, но и несут ответственность за распространяемую информацию; 5) в интересах «идеологии развития» государство оставляет за собой право вмешательства в медиасферу путем наложения ограничений на тот или иной вид медиадеятельности, введения цензуры, осуществления прямого или косвенного контроля над СМИ. *Демократико-партиципаторная медиатеория* включает следующие основные характеристики СМИ: 1) индивиды и социальные меньшинства имеют право доступа к СМИ (право на информацию), а также право на информационную защиту со стороны СМИ (уверенность, что о них не будет распространяться клевета); 2) СМИ не подчиняются политическому или государственно-бюрократическому контролю; 3) СМИ должны ориентироваться на свою аудиторию, а не на медиаорганизации, профессиональные союзы или своих собственников; 4) группы, организации, локальные сообщества должны иметь свои медиаструктуры; 5) небольшие по размерам, но разнообразные медиа предпочтительнее крупных, ориентированных на один вид деятельности (только радио, например); 6) существуют определенные потребности, которые могут быть удовлетворены только массмедиа).

В настоящее время, учитывая сложность и изменчивость политики в рамках определенных медиаполитических систем и международной конъюнктуры, отечественные ученые В.И. Гасумянов и В.В. Комлева из Национального исследовательского института развития коммуникаций в статье «Коммуникационные режимы как новая научная категория» (Коммуникология. 2020. № 3) ввели термин «*коммуникационный режим*». Они рассматривают его как особую страновую (с разной степенью управляемости) и динамичную систему формальных и неформальных норм, правил, традиций, акторов и инструментов, обеспечивающих коммуникации внутри страны и за ее пределами, которая в тот или иной период времени ограничивает определенного рода коммуникации, применяя санкции за нарушение принятых правил. В качестве примера можно привести коммуникационный режим в Европейском союзе. В начале 2022 года Совет ЕС запретил доступ к российским *Sputnik* и *RT*, вещающим на европейских языках. Затем закрыл вещание крупнейших русскоязычных телеканалов, ввел персональные санкции против десятков представителей российских СМИ. Среди них — РИА Новости, ИЦ «Известия» и «Российская газета». Последовал ответ России по ограничению вещания и доступа к ресурсам в сети Интернет с территории Российской Федерации к изданиям более чем 20 стран Евросоюза, действующим в Интернете.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ: ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ

Одним из значимых аспектов формирования устойчивой модели национально-государственной идентичности в современной России являются дальнейшая институционализация и совершенствование политики идентичности, реализуемой государством. Справедливо полагать, что важность данной задачи серьезно возрастает сегодня, в условиях резкого усиления внешнего информационно-психологического и социокультурного давления на российское общество.

Государственная политика идентичности представляет собой системную и многопрофильную деятельность институтов и структур публичной власти по формированию устойчивой модели национально-государственной идентичности, резистентной по отношению к разнообразным вызовам. Двумя магистральными направлениями политики идентичности, реализуемой современными государствами, являются политика памяти и политика «проектирования будущего», нацеленная на формирование позитивного консолидирующего образа будущего. Необходимо учитывать, что два данных функциональных направления — политика памяти и проектирование образа будущего — безусловно, не являются равнозначными с точки зрения инструментальных возможностей государства. Российский и зарубежный опыт конца XX — начала XXI в. наглядно свидетельствует: как правило, в рамках государственной политики идентичности существенно больший акцент делается на конструировании коллективного образа прошлого. Однако современное государство, стремясь сбалансировать темпоральные рамки массового сознания, избежать его избыточной ретроспективности, периодически обращается и к проблеме целенаправленного выстраивания массовых позитивных представлений о коллективном будущем.

На основе анализа содержательных и организационно-управленческих особенностей государственной политики идентичности в России в первой четверти XXI в. представляется возможным выделить три ключевых направления ее модернизации.

Первое направление модернизации государственной политики идентичности в современной России связано с необходимостью поиска ее приемлемой институциональной организации: нормативного и структурно-управленческого оформления деятельности государства, его ключевых институтов, по формированию общероссийской национально-государственной идентичности. Важным аспектом подобной деятельности является переход государства от дискретных исторических и культурно-символических инициатив к стратегическому целеполаганию в сфере политики памяти. Это, в свою очередь, ставит вопрос о необходимости организации единого «мозгового центра» российской политики идентичности (по отдельным параметрам схожего с восточноевропейскими институтами памяти, но в большей мере ориентированного на диалог с различными идейно-политическими сегментами общества).

Второе направление модернизации государственной политики идентичности в сегодняшней России связано с расширением когнитивных и символических оснований пространства общенациональной памяти. Речь идет о поиске и актуализации исторических смыслов, важных с точки зрения развернутого, панорамного образа прошлого в массовом политическом сознании российских граждан. В связи с этим важной задачей (при сохранении ряда опорных ценностно-смысловых «точек консолидации» российского общества) является выстраивание целостного — непрерывного в темпоральном ракурсе, лишенного существенных когнитивных лакун и насыщенного конвенциональными смыслами — пространства массовой исторической памяти. Очевидно, что решение этой задачи прямо сопряжено с политикой в области образования и исторического просвещения, включая более активное использование государством разнообразных цифровых инструментов формирования общественного сознания.

Третье перспективное направление модернизации государственной политики идентичности в современной России — совершенствование деятельности в сфере целенаправленного конструирования общенационального образа будущего. Следует подчеркнуть, что данное направление представляется наиболее сложным в силу специфики генерирования массовых представлений о будущем, которые всегда являются частичной экстраполяцией (проекцией в перспективу) текущего состояния массовых настроений. В этом смысле образ будущего в его аффективном ракурсе — есть отражение психоэмоционального фона, существующего в обществе на современном этапе его развития. Представляется, что одной из наиболее сложных задач, которую необходимо решить в рамках данного направления, является выстраивание прочной смысловой взаимосвязи между общенациональными приоритетами развития России и индивидуализированными микро-социальными запросами граждан.

Можно констатировать, что три указанных направления являются основополагающими с точки зрения институционализации, концептуально-стратегического оформления и функционального совершенствования всего комплекса государственной политики идентичности в России.

Титова Л.Г.
(Ярославль, ЯрГУ)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Реалии современной политики направляют исследователей на новые подходы к анализу политических процессов. Сталкиваются пласты мировых событий, идут глубинные цивилизационные изменения, перестраиваются связи и отношения. С точки зрения классической науки создается искаженная картина мира, совершается переход человечества в НЕ-нормальное с позиций традиционализма существование. Иррационализм, свойственный, как никогда ранее, современной политике, по-новому заставляет подойти к роли человеческого фактора в политическом процессе, рассматривать истоки усиливающейся дегуманизации развития.

Принципиально новый подход предполагает пересмотр исходных позиций в анализе состояния и эволюции политических процессов: причину происходящих изменений искать в самом человеке — его мышлении, принимаемых ценностях и нормах, способности к адекватному восприятию реальности, и выстраивании его деятельности на таких культурно-нравственных принципах, которые позволят надеяться на позитивные перспективы в существовании человечества

Вопрос о роли человека в политике имеет длительную историю, такую же, как и сама политическая наука. Исследователи никогда не упускали из внимания проблемы места и роли человека в политике, различая элиту и массы, распределяя людей по выполняемым функциям и ролям, предъявляя моральные требования к правящей элите или рационализируя ее действия. Поскольку проблема имеет множество аспектов, она так или иначе затрагивалась представителями разных наук — философии, психологии, экономики, культурологии, конфликтологии, выделившегося отдельного знания — элитологии, собственно политологии. Вместе с тем именно в политической науке представление о человеке политическом, на наш взгляд, так и не получило методологически выверенного обоснования.

Понимание сущности политики в настоящее время невозможно вне понимания роли человеческого фактора в политическом процессе, а понимание человеческого фактора — вне понимания сути субъектности человека.

Очевидно, прежде всего речь идет о качестве политического лидерства, представителей так называемого элитного сообщества. Стремление руководствоваться в своих действиях разумом при рациональном подходе имеет преимущества целеполагания, проектирования, достижения поставленных целей, однако при этом всегда существует проблема, чему или кому соответствуют поставленные цели, в чью пользу достигаются результаты. В современных обществах созданы беспрецедентные возможности для эффективного политического управления в интересах населения, но и в интересах тех, в чьих руках находятся основные управленческие ресурсы.

Субъектность — самоощущение, умение увидеть себя в политическом процессе, вникнуть в собственные ценности, уйти на такой уровень развития, на котором человек политический проявляет качества человечности, обладает умением сострадать, брать на себя ответственность, идентифицировать себя со своей страной и своим народом. Рождение человека, по-новому позиционирующего себя в политике, — грандиозная задача, которая требует и времени, и мобилизации всех моральных, творческих ресурсов российской культуры и образования. В профессиональной подготовке политика необходимость обращения к арсеналу отечественной культуры, к ценностям и смыслам политической деятельности становится в один ряд с формированием его профессиональных качеств.

Демонизации и расчеловечиванию человека на Западе мы должны противопоставить ценности своей культуры и цивилизации, нормальной жизни, свои идеалы. Очевидно, что для формирования нового политического человека в условиях распада глобализма, войны цивилизаций, гражданских войн необходим новый мировоззренческий фон мировой и российской политики. На мировом уровне — это необходимость слома русофобской модели. На российском уровне нормой должно стать создание такой атмосферы в стране, когда легитимность политика будет определяться его способностью к служению Отечеству, когда его интересы действительно, а не декларативно станут интересами своей страны и своего народа.

Таким образом, формирование нового человека в российской политике возможно при условии понимания сути субъектности в политике, способности современной науки ее методологически обосновать, раскрыть новые мировоззренческие принципы его деятельности. Задача госу-

дарства — подчинить этой задаче образование, воспитание, пропаганду и всю информационную работу. Задача общества — создавать атмосферу недоверия всем представителям элиты, которые не соответствуют требованиям служения стране и народу.

Токарев А.А., Ермак К.А., Кучеров М.Ю., Илюшин И.И.
(Москва, МГИМО МИД России)

СПЕЦИФИКА ОТМЕНЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В УКРАИНСКИХ УЧЕБНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Введение

Отмена русского языка и культуры — тенденция, которая развивалась на территории современной Украины через сферу образования. Трансформация восприятия подрастающего поколения происходила через удаление образов русской культуры в виде исторических достояний прошлого и настоящего. Значение русского языка стиралось через понижение его статуса до языка меньшинств, вычеркивание связи с государством через разрыв связи культур. Корни процесса уходят в первое десятилетие независимости Украины, однако 2014 год усилил тенденцию на отмену русского языка и культуры. Параллельно политическим процессам культура отмены приобретала новые формы.

Проблема

Оценка эффективности отмены русского языка и культуры в украинской образовательной реальности требует анализа специфики процесса. Авторы проводят исследование с использованием количественных и качественных методов.

Научная проработанность проблемы

Среди работ, где присутствует анализ украинских учебников, встречаются исследования пособий по истории и литературе. Среди тем исследования — история Крыма, память о Великой Отечественной войне. Через призму истории анализируется генезис древнерусского государства. Посредством сравнительного анализа российских и украинских учебников по истории исследуются российско-украинские отношения. Анализируются проблемы и достижения написания украинских школьных учебников по истории в период 1990–2009 гг. Методологический инструментарий ограничен качественными методами анализа с отдельными элементами количественных — авторы проводят сравнительный анализ и изучают содержание пособий с ракурса политических манипуляций.

Методология и сбор базы данных

Инструментом исследования выступают школьные учебники русского языка, изданные за период 2007–2021 гг.

Список учебных пособий формировался по четырем критериям: автор, издательство, год издания, ступень. Перед сбором базы данных авторы предварительно изучили содержание учебников. Ученые составили список слов-маркеров для подсчета. Слова-маркеры олицетворяют связь русской и украинской культур и отражают значимую роль русского языка в образовательной украинской среде. К ним авторы отнесли:

1. Слова и словоформы: «рус» vs «укр», «родственный», «близкий», «похожий», «сходный», «брат», «росс», «москв», «народ», «родн», «межнациональный», «международный», «межкультурный», «билингв».
2. Информацию о поэтах и писателях, исторических событиях, университетах, фильмах/памятниках/картинах, географических топонимах, населенных пунктах. Их изображения.
3. Ссылки на интернет-ресурсы.

Помимо подсчета слов-маркеров в учебниках авторы зафиксировали детали для анализа:

1. Изображения на обложке.
2. Структура форзаца.
3. Авторы и рецензенты: происхождение и места учебы.
4. Академический бэкграунд каждого автора.
5. Содержание обращения от авторов.
6. Информация о русском (и украинском) языке в первом параграфе.
7. Тираж каждого учебника.

8. Наличие/отсутствие учебников для углубленного изучения языка.
9. Нарративы вопросов после параграфов.
10. Содержимое ссылок на *YouTube* и других источников. Чьи мнения фигурируют в материалах? (Американские/европейские/российские эксперты?)

На основании подсчета слов-маркеров и анализа деталей авторы формируют базу данных. С помощью количественного метода анализа на основе подсчета слов-маркеров прослеживается динамика упоминаний связующих для русской и украинской культур элементов. Выбранный временной период анализа, который охватывает 14 лет, позволяет определить характерные черты отмены русского языка в зависимости от года издания пособия, академического опыта его авторов и формы изложения материала. Для украинских учебников русского языка характерно издательство от имени одного или двух, коллектива авторов. Разнятся издательства и, наряду с базовым уровнем, выпускаются учебники для углубленного изучения языка. Варьировался из года в год тираж выпускаемых пособий с учетом авторства, издательства и региона выпуска. Принимая во внимание вышеперечисленное, исследователи определяют, каким способом статус русского языка как средства связи снижались до инструмента коммуникации.

Томин Л.В.
(Санкт-Петербург, СПбГУ, ФНИСЦ РАН)

СЕТЕВАЯ ВЛАСТЬ. МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И СПЕЦИФИКА ЛЕГИТИМАЦИИ*

На начальном этапе развития исследований интернета, многие работы были проникнуты настроением кибероптимизма, он рассматривался как воплощение понятия ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Философы и социологи писали об эмансипаторном потенциале интернета, технологии, которая деконцентрирует власть и подрывает традиционные иерархические институты. Благодаря имиджу анархической технологии, интернет рассматривался не как источник новых форм власти и правил, а скорее как орудие их субверсии.

Одним из первых, кто стал реалистично и детально анализировать трансформацию механизмов власти в цифровом пространстве, был Л. Лессиг. Он выдвинул идею-лозунг — «код — это закон», решения разработчиков по технологическому дизайну приложения/платформы могут рассматриваться как акты конституирующей (учредительной) власти¹. Код — это форма регуляции, он может имплицитно утверждать те или иные ценности, например защищать свободу и приватность или содействовать возникновению новых форм контроля. Л. Лессигу важно было обратить на это внимание гражданского общества и представителей ИТ-сферы, правила, будут производить положительные эффекты, когда они отвечают демократическим и эгалитарным ценностям.

Рост влияния поисковых систем, после успеха *Google*, переориентировал внимание исследователей на «политику поиска» и эпистемический элемент сетевой власти. Сначала в работах, посвященных алгоритмам поисковых систем или агрегаторов новостей, эпистемическая власть анализировалась с помощью традиционной концепции «информационных привратников» (*gatekeeping*). Взаимодействие индивида с цифровой средой описывалось как обладание эпистемической привилегией (при подключении к платформам и сервисам), или, наоборот, исследователи фиксировали формирование новых иерархий (эпистемическая зависимость). Стремительный взлет коммерческих цифровых платформ и их огромная роль в публичной сфере совпали с методологической трансформацией исследований интернета. На место проблематики социологии коммуникаций с ее набором понятий приходит основанная на философии Ж. Делеза, Ф. Гваттари и Ж. Симондона теория социальных и технологических машин.

Сеть не инструмент передачи и распространения информации, это машина субъективации, создающая новые планы повествования (индивидуальные и коллективные). М. Лаццарато заметил, что коммерческие цифровые платформы «производят субъективность и “отношение к себе”, необходимые для функционирования их инструментов и управления поведением в целом. Эта правительственность, интегрированная с техникой, будет способна предвидеть и контролировать поведение, заранее формировать будущее (возможные и исключаемые действия людей) путем составления профилей отдельных людей на основании цифровых “следов”, оставленных их действиями и рассчитанных с помощью алгоритмов сверхмощных компьютеров»².

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭИСИ и Министерства науки и высшего образования РФ «Легитимность сетевой власти и ее влияние на стратегии поведения пользователей социальных сетей в России».

¹ Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. Basic Books, 1999.

² Lazzarato M. Capital Hates Everyone. Fascism or Revolution // Semiotext(e). 2021. P. 76.

В таком контексте проблематика эпистемической власти радикально трансформируется, появляется концептуализация специфики сетевой власти. Она действует не через запреты и ограничения, а через модуляцию и дифференциацию внимания, аффектов и мнений. Механика сетевой власти основана на управлении сетевым ландшафтом, в котором разворачиваются индивидуальные или коллективные действия. В свою очередь, роль сетевого ландшафта постоянно растет по причине размывания границы между физическим и цифровым пространствами.

Ряд исследователей полагают, что современные коммерческие цифровые платформы переживают кризис легитимации. Они столкнулись с угрозой вмешательства правительств в связи с рядом фундаментальных проблем (приватность, антимонопольное регулирование). В подобной ситуации платформы воспроизводят стратегии легитимации, характерные для традиционных институций. Первый вариант — легитимация через право, однако это не дает необходимого результата. Они надеялись, что «адаптация политики “легального символизма” сможет сама по себе работать как стратегия легитимации. Однако право и закон в современном обществе легитимируются не только через процедурную и формальную справедливость, куда важнее, что они существуют в контексте государства и одобрены политическим сообществом»¹. Второй вариант — мимикрия под медиа или структуры гражданского общества, но и он не работает, поскольку цифровые платформы слишком коммерчески ориентированы, чтобы выступать с позиции защитников общественных интересов или гражданских прав и свобод.

Отдельным неисследованным вопросом остается возможный кризис легитимации государственных цифровых платформ и сервисов. Динамику и эффекты данного кризиса нужно отдельно изучать в контексте различных политических режимов. В цифровых автократиях симптомом кризиса будет пролиферация стратегий контрповедения, прежде всего разнообразных практик ускользания от контроля.

Трофимова И.Н.
(Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН)

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН СНГ: ОРИЕНТИРЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Интернационализация является ключевым трендом в развитии современной науки. Международный обмен знаниями и компетенциями обеспечивает достижение более высоких научных результатов, рационального использования ресурсов, привлечение талантливой молодежи. Мы рассматриваем опыт стран СНГ, которые исторически имеют длительные и тесные политические, экономические и культурные связи.

Теоретической базой исследования являются положения о неравных отношениях центра и периферии глобальной науки и асимметрии международного научного сотрудничества. В качестве источника данных использовалась база библиографических записей *Web of Science (WoS)* с 1991 по 2022 г. (на март 2023 г.) с выделением окна публикаций 2018–2022 гг. Методом исследования является сравнительный анализ данных по трем ключевым параметрам: количество и динамика публикаций, страновая принадлежность соавторов и позиционирование стран в общем рейтинге *WoS*.

По результатам были сделаны следующие наблюдения:

1. На постсоветском пространстве Россия сохраняет устойчивое лидерство в сфере исследований и разработок. Из всех стран-участниц СНГ на нее приходится большая часть научных публикаций, в том числе с международным соавторством. С 1991 по 2022 г. российскими авторами было опубликовано 1 450 930 работ, в международном соавторстве — 383 558, что соответственно составило 77 и 70% от всех публикаций по СНГ. По всем странам СНГ динамика количества публикаций выглядит следующим образом (рис. 1).

2. Страны СНГ показывают разную динамику публикаций. До недавнего времени заметная доля публикаций в СНГ приходилась на украинских авторов: по всем публикациям — 13%, по публикациям с международным соавторством — 15%. С учетом этих результатов научно-технологическое сотрудничество России и Украины (статус страны в СНГ в настоящее время не определен) могло бы иметь весомые результаты в глобальном масштабе, но, к сожалению, конфликт между странами свел эти перспективы на нет. Из стран СНГ в общем рейтинге *WoS* следом за Россией и Украиной идут Беларусь, Армения, Казахстан; внизу рейтинга находятся Кыргызстан и Таджикистан.

Из всех стран СНГ выделяются результаты исследователей из Казахстана. Рост числа всех публикаций за последние пять полных лет составил 75% к предыдущему пятилетнему периоду, публикаций с зарубежным соавторством — 138%. Ключевым фактором такого роста стало значительное увеличение государственного финансирования науки и стимулирование подготовки научных

¹ Abiri G., Guidi S. From a Network to a Dilemma: The Legitimacy of Social Media // Stanford Technology Law Review. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 92.

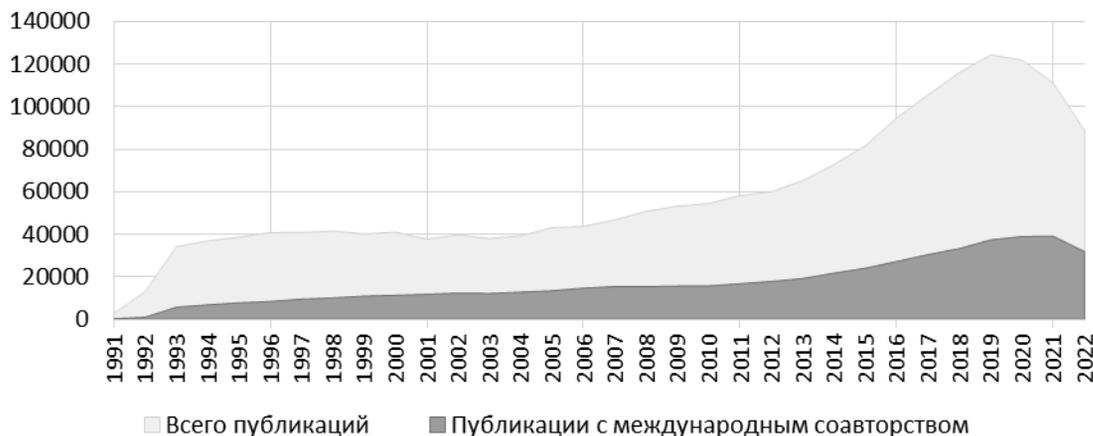

Рис. 1. Динамика количества публикаций в странах СНГ

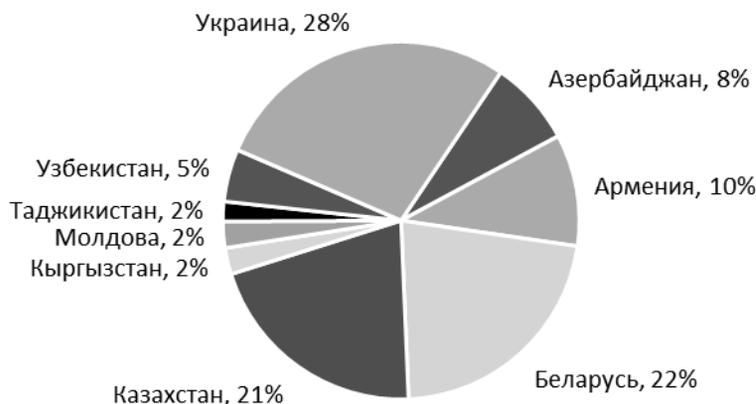

Рис. 2. Доля публикаций российских исследователей в соавторстве с коллегами из стран СНГ (2018–2022 гг.)

кадров в сотрудничестве с ведущими образовательными и научно-исследовательскими зарубежными организациями.

3. Большая часть совместных публикаций внутри СНГ приходилась на соавторство с исследователями из России, однако распределены они крайне неравномерно. Россия является ключевым партнером для Беларуси, Азербайджана, Армении, Казахстана, Таджикистана. В свою очередь, основной массив публикаций российских исследователей в рамках СНГ приходился на публикации с коллегами из Украины, Беларуси и Казахстана (рис. 2).

Полученные данные подтверждают общую тенденцию к сотрудничеству со странами-лидерами. Даже территориально близкие страны Центральной Азии — Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан — не имели развитых научных связей друг с другом. На этом фоне в лучшую сторону выделяются отношения Казахстана и Кыргызстана, которые могут стать зачатком нового научного кластера в регионе, что при их растущем сотрудничестве с Китаем может быть весьма вероятным.

4. Сотрудничество за пределами СНГ имеет разные направления и во многом зависит от географического положения и культурной близости стран-партнеров. Для исследователей из Украины наибольшее число совместных работ составили публикации с коллегами из Польши. Эта тенденция обнаружилась в 2017 г., и в 2023 г. доля этих публикаций равнялась уже 29%, а с 2021 г. российских соавторов «обогнали» коллеги из Германии. Сотрудничество с европейскими коллегами имеет значение также для Беларуси и Молдовы. 23% публикаций белорусских исследователей имели соавторство с коллегами из Польши, а 34% публикаций исследователей из Молдовы — с коллегами из Румынии. Наиболее долгий тренд среди стран СНГ — сотрудничество исследователей из Азербайджана, чьи совместные публикации с коллегами из Турции преобладают с 1994 г. За период 2018–2022 гг. они составили 43% от общего числа совместных публикаций.

Выявленные разнонаправленные тенденции и асимметрия в результатах совместной работы обуславливают необходимость выстраивания новых форматов международного научного сотрудничества.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СОЗНАНИИ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОГО ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ФОКУС-ГРУПП)*

Актуальная политическая ситуация создает большое количество вызовов и угроз в социокультурной сфере, бросающих вызов обществу и его потенциалу к консолидации. В текущем политическом контексте применительно к молодежи становится актуальным вопрос о том, какие ценности и приоритеты его представителей отражают традиционные, присущие местной политической культуре аксиологические аспекты, на основе которых должна быть выстроена эффективная молодежная политика. Необходимость учета региональной специфики ценностных ориентиров еще больше повышает научно-прикладную значимость этой проблемы.

В настоящей статье представлены результаты фокус-группового исследования, проведенного в рамках комплексного эмпирического исследования, целью которого является сбор и анализ данных, отражающих содержание традиционных ценностей молодежи восточных регионов Северо-Кавказского федерального округа (Ингушетия, Чечня и Дагестан). Всего в июле–августе 2024 г. было проведено 7 фокус-групп в каждой административной столице субъектов СКФО. Для участия в исследованиях были собраны группы из 10–12 молодых людей обоих полов в возрасте от 18 до 35 лет. Чтобы снизить число социально одобряемых ответов, участники рекрутировались не только из числа социально активной молодежи. В рамках проведения фокус-групп была поставлена задача описать региональную структуру, содержание и специфику традиционных ценностей.

В Чечне и Ингушетии традиционные ценности ассоциированы с такими ключевыми категориями, как семья, народ и республика. Традиции передаются в «семьях» («дом», «воспитание») «из поколения в поколение», «от старших поколений», «в веках», представляют собой «обычай народа», «менталитет», «нормы», «правила», «этикет», «то, как мы себя ведем». Традиции — это «фундамент» (народа, общества, нации, этноса), «не должны меняться», «народ должен отличаться» («одежда»), это проявление «свободы», «патриотизма» (к своей республике, территории). В отдельную категорию участники фокус-групп выделяют корпоративные традиции, например праздники в университете (посвящение в первокурсники), исламские праздники, а также ношение «исторически присущей» местному населению одежды.

В Дагестане ассоциации со словом «традиционный» сконцентрированы вокруг таких категорий, как «родной язык», «культура» и «история» (национальные), а также «семья» (устои, собираться всей семьей, иметь детей, верность семье). Традиции «уходят корнями в прошлое», «консервативны», передаются «из поколения в поколение», связаны с «уважением к старшим». Традиции также говорят о принадлежности (к народу, этносу, региону).

Структура этнических и религиозных предписаний во взглядах участников фокус-групп различается. По мнению респондентов в Ингушетии, традиции занимают вторичное положение по отношению к исламу («ислам важнее»). Респонденты в Чечне признают, что «без культуры нет нации», и приравнивают этнические и религиозные традиции, при этом считают Коран ключевым источником ценностей и знаний. Респонденты в Махачкале разделились во мнениях — половина из них признала верховенство адатов над религиозными предписаниями.

На вопрос о том, куда и в каких случаях люди обращаются в поисках информации о традициях, участники отметили родителей и представителей старших поколений семей (которые традиционно живут с детьми). В Чечне и Ингушетии респонденты ситуативно обращаются к старейшинам рода по вопросам сватовства, организации свадеб, а также междусемейных ссор и конфликтов. В Дагестане при проведении свадеб распространена практика привлечения за оплату «разбирающихся в традициях» людей, исполняющих роль тамады. В Чечне и Дагестане источниками информации о «правильном» с точки зрения традиций поведении являются имамы и представители муфтиятов. Если имущественные споры разрешаются в гражданском суде, то остальные регулируются в соответствии с нормами шариата — шариатский суд воспринимается как более справедливый в сравнении с «официальным».

Особое место в рассуждениях респондентов занял вопрос о происхождении традиций. Участники фокус-группы в Магасе не связывают возникновение традиций с религией (исламом), проводится четкая грань между традициями как наследием «язычества» (старших поколений) и исламом как прогрессивностью (носители — представители молодых поколений). По мнению участников фокус-группы в Грозном, традиции приходят из религии и сохраняются, передаваясь от родителей к детям через вос-

* Исследование выполнено в рамках проекта ЭИСИ и Минобрнауки России FZZR-2024-0003 «Молодежь российского Кавказа: традиционные ценности в контексте реализации молодежной политики».

питание. При этом этническая идентичность сохраняет свое высокое значение. Респонденты в Махачкале считают, что традиции возникали из житейских ситуаций (гостеприимство по отношению к путнику), несут для всех полезную функцию (общие собрания, коллективные решения, договоренности); люди верят в них, так как они «справедливы».

Подведение итогов этой части исследования позволяет сделать ряд далекоидущих выводов. Во-первых, очевидна схожесть восприятия понятий о традиционных ценностях среди молодежи российского Восточного Кавказа, в особенности между молодым населением Чечни и Ингушетии. Во-вторых, заметна большая интеграция исламских постулатов о «правильном» поведении в адаты в Чечне и Ингушетии; в Дагестане, напротив, респонденты зачастую склонны разделять «этническое» и «исламское». В-третьих, ряд упомянутых респондентами в Махачкале практик (приглашение знатоков аспектов традиционной жизни за оплату на семейные мероприятия) позволяет сделать вывод о более глубокой степени урбанизации сообщества, размывающей традиционные институты. В-четвертых, очевидна глубокая информированность молодежи о традиционных ценностях, хотя о президентском указе о традиционных духовно-нравственных ценностях от 9 ноября 2022 г. №809 они не осведомлены. Это позволяет говорить о потенциале эффективности молодежной политики, основанной на популярных в местной среде практиках.

Тумуров Ж.Т.
(Чита, ЗабГУ)

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

В настоящее время сохранение национальной безопасности зависит от совместных усилий государственных структур, региональных органов власти, местного самоуправления, политических партий, общественных объединений, а также обычных граждан. Основную ответственность за обеспечение национальной безопасности на территории субъекта Федерации несет глава региона, который координирует деятельность указанных структур и принимает ключевые управленческие решения. В то же время система обеспечения национальной безопасности содержит все области жизни граждан, так как они взаимосвязаны и взаимозависимы.

Под термином национальной безопасности понимается состояние государства, когда отсутствуют угрозы как с внешней, так и внутренней стороны, которые могут поставить под угрозу жизненно важные интересы государства, личности и общества. Важной задачей в области реализации государственной политики безопасности в России является обеспечение суверенитета и целостности территории страны, а также безопасности приграничных территорий.

Для Забайкальского края близость к границе становится проблемным аспектом из-за его специфического геополитического положения. С одной стороны, геополитическое расположение края выгодно с точки зрения доступа к азиатским рынкам сбыта, но, с другой стороны, существует значительный риск действий террористических групп, поддельной продукции. Конфликтогенные параметры в Забайкальском крае связаны с низким уровнем его социально-экономического развития, сложностью демографической проблемы, неконтролируемой миграции. Согласно Стратегии национальной безопасности РФ, национальную безопасность Забайкальского края обеспечивают территориальные органы власти в пределах своих компетенций.

Выделяем следующие характеристики совершенствования национальной безопасности в Забайкальском крае, которые предполагают учет следующих факторов и особенностей.

Климатические особенности с большими колебаниями температуры, малоснежность и непрогнозируемые паводки.

Пограничность. Кроме протяженной государственной границы с Китаем, граница с Монголией равняется 863 км.

Программирование по обеспечению пожарной, водной, продовольственной безопасности.

Уменьшение численности населения, основной причиной которого является миграционный отток. Из-за отрицательного сальдо миграции население Забайкальского края стало меньше 1 млн человек.

Системный характер реализации задач достижения безопасности с учетом слабости экономической и энергетической составляющих.

В целях совершенствования национальной безопасности на территории Забайкалья предлагаются следующие рекомендации: стабилизация демографического развития с целью повышения численности населения, снижение смертности жителей, развитие туристско-рекреационного комплекса, ориентированного на уникальные природные ресурсы, ландшафтное биологическое раз-

нообразии, исторические памятники культуры. Развитие специализированного туризма (лечебного, экстремального, событийного) будет способствовать повышению уровня экономики и создаст дополнительные рабочие места.

Для экономики края большое значение имеет проект создания транспортной инфраструктуры для освоения минерально-сырьевых ресурсов юго-востока региона. Социально-экономическое развитие региона выступает фактором обеспечения его безопасности, потому как производственная и социальная составляющие это не что иное, как объект безопасности региона. Так, в крае низкими темпами развивается деревообработка, в плачевном состоянии находятся учреждения образования и здравоохранения, в этих же областях не хватает профессиональных специалистов.

Анализ состояния приграничного региона свидетельствует о том, что в новой геополитической, социально-экономической ситуации до настоящего времени он не смог реализовать благоприятные уникальные возможности для своего развития. И это упущение не только региональных властей, но и федерального центра.

Для улучшения показателей и повышения качества жизни необходима грамотная государственная политика, сочетающая элементы ресурсной, инновационной, рекреационной составляющих с целевой поддержкой государства. Причем Забайкальский край как приграничный должен получить приоритетное развитие. В проведении государственной политики в сфере национальной безопасности необходимо учитывать использование дополнительных способов воздействия для мотивирования внешней и внутренней миграции людей, для создания постоянных трудовых ресурсов и сохранения людских ресурсов на территории края.

Тупаев А.В.
(Ростов-на-Дону, ЮФУ)

ОБРАЗ ЭПОХИ 90-х В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Обращение к образу «лихих девяностых» как времени слабого российского государства как во внутренней, так и в международной политике, своеобразной национальной трагедии, экономическому кризису в противопоставлении современному состоянию российского общества зачастую используется властью для легитимизации политических решений, возможно, это следующий пункт по значимости для консолидации общества после образа Победы в Великой Отечественной войне. Данный способ соотнесения прошлого и настоящего не является каким-то новым приемом, так, советская власть постоянно делала отсылки, сравнивая достижения коммунистического строя с социально-экономическим состоянием Российской империи в 1913 году.

Сформированный образ девяностых в сознании граждан России является продуктом конструирования коллективной памяти не только политической властью, в данном процессе интенсивно участвуют журналисты и ученые, немалую роль играли и независимые от государства общественные организации, но в современных условиях их деятельность в данном процессе имеет определенные ограничения. Таким образом, мы можем наблюдать следующий механизм создания смысловых конструкций коллективной памяти в отношении девяностых годов: власть продуцирует отношение, конкретные образы и оценки, СМИ превращают предлагаемые формы в дискурс для обоснования принимаемых политических решений и легитимации политического порядка, ученые на основании лонгитюдных социологических исследований выстраивают динамику, содержание и интерпретацию образа девяностых в коллективной памяти граждан России. В контексте наших рассуждений интересна методология, предложенная О.Ю. Малиновой, в рамках которой раскрывается анализ репрезентаций образа девяностых в дискурсе власти и выделяется четыре элемента конструирования коллективной памяти с учетом российской специфики. Во-первых, критическая оценка проводимой политики и ее результатов, что позволяет закрепить образ неэффективного политического управления, поставить под сомнение демократические преобразования и выбор пути развития страны. Во-вторых, закрепление ряда символов эпохи, которые приобрели универсальное содержание и ретроспективно отражаются в сознании граждан России различных поколений. В-третьих, воспроизводство риторики, направленной на создание образа популистской политики, несбывшихся надежд и невыполненных обещаний. В-четвертых, формирование нарративов, связывающих события нулевых годов в процесс формирования крепкой модели государственной власти. Однако, учитывая особенности постоянно возрастающего взаимодействия информационных, идеологических и мировоззренческих установок в российском обществе, образ эпохи последнего десятилетия прошлого столетия не теряет актуальности, становится объектом различных научных исследований. Одним из таких исследований выступает анализ мировоззренческих установок группового сознания

россиян в поколенческом аспекте, что позволило выявить ряд когнитивно-ценностных установок, в том числе и в отношении к эпохе девяностых. Всероссийское репрезентативное исследование мировоззрения россиян было проведено в 2023 г., с результатами можно ознакомиться в изданной монографии. В рамках данной работы укажем лишь на некоторые аспекты, извлеченные из массива социологических исследований. Во-первых, несмотря на доминирующий образ эпохи девяностых, существуют поколенческие отличия в восприятии, так, представители «X» в силу того, что данный период приходится на их расцвет экономической и политической субъектности, характеризуют как время возможностей, но не стремятся идентифицировать себя как ответственных за политический кризис, выступают своеобразным звеном, связывающим советское прошлое и новую Россию. Во-вторых, для поколений Z и «миллениалов» девяностые приобрели достаточно устоявшийся образ доминирования в коллективной памяти, как время тотального кризиса, однако некоторые респонденты, оценивая современные социально-политические процессы, утверждают, что создают впечатление возврата девяностых (как в девяностых), развитие такой когнитивно-ценностной доминанты может способствовать делегитимизации современной власти, нивелированию негативного образа. В-третьих, исследование показало, что во всех поколениях отсылка к легитимирующей функции образа девяностых претерпевает трансформацию, как таковое целостное представление о периоде не отражено в коллективной памяти, достаточно устойчивы только некоторые элементы, такие как слабая власть, развал страны, экономические трудности, что безусловно сказывается на символическом капитале всего периода 1990-х годов.

Туркин И.А.
(Москва, РУДН)

ПРЕОДОЛЕВАЯ НАРРАТИВЫ: ПУТИ СМЯГЧЕНИЯ РАСКОЛОВ ПО ЛИНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Одной из главных дискурсивных угроз временному единству общества является раскол по линии исторической памяти, так как с его помощью группы во многом конструируют свою идентичность, отвечая на вопросы о своем месте в мире, о своем пути, о своих врагах и так далее. Давая ответы на данные вопросы, группа формирует ядро своей идентичности, а следовательно, оспаривание таких экзистенциальных нарративов активизирует дилемму мнемонической безопасности.

Актуальный раскол по линии исторической памяти в России сформировался после распада Советского Союза, когда старый метанарратив разрушился, но новый так до конца и не оформился. Это приводит к тому, что в контексте кризиса международной безопасности разногласия по поводу трудного прошлого политизируются и радикализируются. Цель данного исследования заключается в определении путей по выявлению способов смягчения раскола по линии исторической памяти, а также выделении уязвимых сторон каждого из этих способов.

А. Булл и Х. Хансен предлагают следующую типологию моделей памяти: антагонистическая, космополитическая и агональная. Исходя из этой типологии, мы можем выделить три возможных пути по смягчению расколов по линии исторической памяти.

Антагонистическая модель памяти наследует философии К. Шмитта и предполагает, что история как дисциплина не может претендовать на позицию объективности ни на одном из возможных уровней (аффирмативном, дидактическом или аналитическом). С точки зрения этой модели единственным и возможным способом преодоления расколов по линии исторической памяти является гегемонистская интервенция, когда один исторический нарратив уничтожается в пользу другого. Классическим примером реализации такой стратегии является Польша, которая была одной из первых стран, начавших создавать институты национальной памяти, призванные утвердить единственно возможную интерпретацию истории.

Агональная модель основывается на теории агональной демократии Ш. Муффа, которая предполагает, что сами противоречия не могут быть сняты, но могут быть институционализированы на основе восприятия друг друга в качестве соперников. С точки зрения данной теории переход к такой модели должен привести к «десекуритизации памяти», ее реполитизации и новому фреймированию отношений между акторами.

Космополитическая модель основывается на делиберативной демократии Ю. Хабермаса и предполагает возможность снятия противоречий между участниками коммуникативного акта. Одним из возможных примеров по реализации данной модели является теория общественных дебатов Д. Арта. Согласно его теории, продолжительные дебаты о спорных эпизодах истории позволяют преодолеть трудное прошлое. Главным актором, который декларирует приверженность данной модели, является Европейский союз (ЕС).

Выделим уязвимые стороны всех трех моделей. Главной проблемой антагонистической модели демократии является то, что она может создавать долгосрочное благо в виде цельного мемориального ландшафта только в случае тотального контроля за дискурсом со стороны государства. Одной из больших уязвимостей агональной модели памяти являются ее абстрактность и идеальность. На данный момент нельзя однозначно выделить какой-либо пример реализации на практике как агональной демократии, так и агональной модели памяти. Несмотря на относительный успех в формировании космополитической модели памяти в ЕС, сегодня отчетливо видна эрозия общего европейского мемориального ландшафта из-за артикуляции конкурирующих нарративов со стороны стран Восточной Европы.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Уже на начальном этапе осмысления социальных последствий информатизации закономерную осторожность в научных кругах вызывало понимание того, что настоящей «кузницей» инноваций выступают не гаражи талантливых предпринимателей, а центры, финансируемые оборонными ведомствами. Вызов, предъявляемый научно-техническим прогрессом обществу, сформулировал в 80-х годах прошлого столетия французский теоретик А. Горц. Внедрение передовой технологии, базирующейся на микроэлектронике, открыло, по его мнению, два пути. Первый — расширение общественной практики самоуправления и, в конечном счете, разрыв с капитализмом, второй — «триумф общества потребления», который закончится «технофашизмом», обращаящим в товар самого человека.

В научной повестке на рубеже XX и XXI вв. стали остро звучать вопросы о последствиях цифровой революции для самой природы человека и о необходимости сохранения границ между людьми и цифровыми устройствами. В прогнозе скорого закрепления «цифрового двойника» человека как неотъемлемой от него ипостаси лежит идея о единстве реальной и виртуальной среды. «Онлайн-человек», живущий «онлайн-жизнью», становится предметом пристального внимания социальных наук.

Сегодня заданные на старте цифровой трансформации позиции, оценки и прогнозы продолжают динамично меняться, поддерживая цепную общественную реакцию. После преодоления точки невозврата — перехода к новому технологическому укладу, научная мысль, развивающаяся в русле постпозитивизма, предпринимает попытку конструирования новых источников идентичности, которые уже давно стали атрибутами цифровых преобразований — «искусственного интеллекта» (ИИ).

Ретроспективный анализ накопленных человечеством образов неодушевленного «субъекта», наделенного идентичностью, позволяет выявить его ролевую структуру: воин, помощник и имитатор. На современном этапе данная структура представлена спектром сценариев развития человечества: от дистопии — «Терминатора», решившего уничтожить человечество, до утопии «Большой матери», которая будет проявлять заботу о всех людях и препятствовать их попыткам взаимного притеснения.

Достигнутый на современном этапе прогресс в сфере ИИ вызывает тревогу и опасения, схожие с реакцией на развитие и распространение ядерного оружия в XX в. Лидеры технологических компаний и научных центров призывают к немедленной приостановке обучения новых моделей ИИ, пока не разработан механизм их контроля и регулирования. Эти призывы получили поддержку многих ведущих ученых, работающих в сфере ИИ.

К основным рискам, которые несут для общества системы ИИ с «человекоконкурентным интеллектом», исследователи относят непрозрачность работы алгоритмов, возможность применения ИИ для манипуляции поведением людей, угрозы для целостности человеческой личности и психического здоровья. Основной фронт противостояния обществ, достигающих цифровой зрелости, проходит через информационное пространство, «мобилизованные» на него люди рискуют лишиться способности к критическому мышлению, пополнив статистику пандемии психических заболеваний.

В условиях цифровой «островизации» мира одним из значимых эффектов закрепления миропорядка, ждущегося на «цифровых активах» и их неконтролируемой раздаче в «интернете с неба», может стать вытеснение множества языков народов мира из виртуальной среды коммуникации вследствие доминирования интеллектуальных информационных систем, генерирующих и агрегирующих речевой контент на американском английском и китайском языках.

Наступление предвещаемой футурологами технологической сингулярности совпадает с беспрецедентным по своему масштабу преобразованием человечества — достижением предела роста и началом сокращения популяции в конце XXI в. Ключевым детерминантом этого процесса выступает невостробованность интеллекта людей как инструмента создания, обработки и использования информации.

В отличие от спрятавшегося в шахтах ядерного «чудища-змея», несущего угрозу физического уничтожения, повествующий буквенный код «цифровой Голем» бросает вызов самой социальности — источнику смыслов, конструирующей личность. Концепция идентичности, сосредотачивающая в себе постулат о признании уникальности каждого индивида и возможности благодаря единству многообразия преодолевать любые катастрофические явления, приобретает в итоге особое значение для общественных наук.

ЗВАНИЕ «ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН АЛТАЙСКОГО КРАЯ» КАК ФАКТОР ПРОДВИЖЕНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ИМЕНИ М.Т. КАЛАШНИКОВА)*

Сохранение памяти о «знаковых фигурах» в различных регионах России осуществляется не только для продвижения территориального имиджа региона посредством имени широко известной личности и его достижений, но и для патриотического воспитания на показательных примерах для будущих поколений. В настоящее время активно идет процесс закрепления имен известных личностей как на федеральном уровне страны, так и в отдельно взятых регионах, в которых эти личности проявили себя. Выделение их наиболее значимых особенностей позволяет ответить на вопрос о необходимости закрепления конкретных «знаковых фигур» с помощью политики памяти.

Огромную роль в коммеморации заслуг играют «почетные исторические перечни», в которые входит практика присвоения выдающемуся человеку звания «Почетный гражданин». Для продвижения привлекательного имиджа «перечни» содержат имена личностей, известных как в регионе, так и за его пределами, что делает имидж более привлекательным. На современном этапе практика присвоения звания «Почетный гражданин» региона направлена на закрепление в «почетном историческом перечне» имен выдающихся личностей, внесших вклад в развитие региона и являющихся примером стремления и мотивации молодежи на достижение успехов.

В России «почетные исторические перечни» (например, почетные звания «Город воинской славы» и «Город трудовой доблести») вызывают ассоциации региона с городом, удостоенным почетного звания, в результате чего регионы вступают в конкуренцию за признание «своих» заслуг перед федеральным центром. Сущность конкуренции, в которой имидж, созданный за счет имен региональных «знаковых фигур», играет первостепенную роль, более подробно осветили в своей статье О.Ю. Малинова, А.И. Миллер и К.А. Пахалюк (Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое. 2022. № 2. С. 112–136).

Алтайский край, наряду с другими регионами России, заинтересован в продвижении «своих» заслуг для участия в конкуренции перед федеральным центром, особенно в привлечении инвестиций и туристов с помощью привлекательного имиджа. Имена «знаковых фигур» (изобретателей, ученых, врачей, писателей и др.), входя в «почетный исторический перечень», позволяют ассоциировать регион с ними, особенно с широко известными. Регионам России выгодно продвигать имидж с целью лоббирования местных интересов перед центром и определять повестку под видение центра. Однако для достижения успеха одних региональных «знаковых фигур» недостаточно, поэтому регионы включают в перечни «почетных граждан» имена личностей, рожденных или живших в регионе, но ставших известными за его пределами.

Имя оружейника-конструктора Михаила Тимофеевича Калашникова известно не только в Алтайском крае, но и за его пределами. Опрос в Алтайском крае экспертов, проведенный в мае 2023 года учеными Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, показал, что среди выдающихся деятелей науки и техники (ученых, изобретателей, исследователей и др.) имя М.Т. Калашникова оказалось на 2-м месте (82,4%) после космонавта Г.С. Титова (90,4%). Согласно данным официального сайта Правительства Алтайского края, Михаил Калашников, как и Герман Титов, был удостоен присвоения ему звания «Почетный гражданин Алтайского края» во время губернаторства А.А. Сурикова (<https://altairegion22.ru/territory/kto-est-kto/doska-pocheta/kalashnikov/>).

Большую часть жизни Михаил Калашников провел в городе Ижевске (Удмуртской республики), в котором его имя стало широко известным, причем на всю страну. Алтайская администрация в целях повышения престижа региона «вписала» имя известнейшего изобретателя в «перечень» и закрепила в истории Алтайского края. Алтай стал позиционироваться как «малая родина» Михаила Калашникова и ассоциироваться с его именем. Отличительной чертой в «борьбе» с Ижевском за имя «знаковой фигуры» стало то, что в Алтайском крае в первую очередь сохраняется память о нем как о простом человеке. В сохранении образа подчеркивается, что его помнят «земляки-алтайцы», которые, как и он, любят родной край, ведь именно на Алтае Михаил Калашников родился и провел детство и даже навещал родных во время своих визитов.

Таким образом, сохранение имен «почетных граждан» в «почетном историческом перечне» позволяет регионам быть более узнаваемыми и привлекательными среди других регионов России.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Формирование имиджа региона: роль историко-культурных символов (на примере Алтайского края и Республики Алтай)», проект № 23-28-00822.

Огромную роль в этом играют имена широко известных личностей. Для самой страны практика важна для формирования образа будущего страны, жителями которой молодое поколение может гордиться и всегда помнить о своей малой родине.

Ургазиева Д.М.
(Москва, РУДН)

БРИКС, ШОС, СНГ: НОВЫЕ ЦЕНТРЫ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Система международных отношений, которая казалась устойчивой и непоколебимой четверть века назад, перешла в этап дисбаланса, ООН, которая считалась как международная организация, целью образования которой являлось поддержание и укрепление международного мира и безопасности, в том числе развитие сотрудничества между государствами, стала прикрытием для преобладания и реализации неокOLONиальных тенденций части стран, утратив свое независимое экспертное мнение. По итогу Второй мировой войны ООН являлась вполне прогрессивным инструментом, сегодня она немного теряет свою значимость в развитии. Таким образом, как когда-то Лига Наций была упразднена, вполне возможно, ООН может постичь та же судьба. Соответственно, без рентабельного международного права и взаимодействия между странами миру может угрожать, помимо конфликтов и стычек вплоть до III Мировой войны, полная аннигиляция¹.

Мировой порядок — очень обсуждаемая тема как в исследовательском сообществе, так и среди представителей власти².

На протяжении веков довольно узкая группа колониальных держав определяла мировой порядок. Большинство населения Земли было обречено на иго колониального гнета, за счет которого она обеспечила собственный технологический рывок, наделив себя правом определять «цивилизованность» народов. Боясь потерять свой привилегированный статус, не вынеся никаких уроков из десятков разрушительных войн, западные глобалистские элиты стремятся продолжить эту политику и в XXI веке.

Огромное количество стран осознанно выбрали путь формирования нового многополярного мира. С каждым разом увеличивается число государств, которые стараются строить свою внешнюю политику на основании равенства и взаимоуважения, а огромная масса людей во всем мире с большой заинтересованностью узнают историю и культуру других различных этносов.

На XXV Петербургском международном экономическом форуме президент России В.В. Путин заявил, что эра однополярного миропорядка завершилась³.

«На данный момент очень важно опираться на опыт предыдущих десятков людей и проводить анализ такого рода изменений, которые произошли ранее. Довольно важно обсуждать тенденции современного мира, которые имеют достаточно продолжительную историю».⁴

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является региональной международной организацией, которая была образована в 2001 году Китайской Народной Республикой, Республикой Казахстан, Российской Федерацией, Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией.

Президент РФ В.В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подтвердили важность ШОС как «площадки конструктивного и созидательного взаимодействия».

Страны, которые находятся на евразийском пространстве, вместе хотят выстроить отношения в гуманитарной экономической сфере, области безопасности и других областях⁵.

Транспортная сфера является одним из ведущих направлений взаимодействия государств-членов ШОС. В этой области создание вполне благоприятных условий развития стабильного транспортного моста обеспечивает потребности развития экономического сотрудничества стран ШОС в этой сфере⁶.

¹ Блог Марины Бакановой БРИКС, ШОС, ЕАЭС — основа нового миропорядка. Союз Дружественных стран. URL: <https://russianscouncil.ru/blogs/marina-bakanova/briks-shos-eaes-osnova-novogo-miroporyadka-soyuz-druzhestvennykh-stran/>

² Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1767167/>

³ Ученые обсудили переход к многополярности и формирование нового мирового порядка. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/uchjonye-obsudili-perekhod-k-mnogopolyarnosti-i-formirovanie-novogo-mirovogo-poryadka.html>

⁴ Семинар «Новый мировой порядок: теоретические подходы и сценарии будущего». URL: <https://we.hse.ru/irs/news/902412045.html>

⁵ Шелепов А.В. БРИКС: краткое введение // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19. № 2. С. 249.

⁶ Поршнева О.С., Разинков С.Л. Институциональное становление и эволюция деятельности ШОС: опыт ретроспективного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 2. С. 266.

Стороны проводят работу по увеличению взаимосвязанности различных видов транспорта для обеспечения эффективного, действенного и безопасного передвижения людей и товаров между государствами—членами ШОС при одновременном улучшении охраны природных ресурсов и снижении воздействий на окружающую среду, таких как последствия выбросов парниковых газов.

Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств—членов ШОС является фундаментом для сотрудничества государств—членов ШОС в области транспорта.

Важную роль играет фактор усиления влияния ШОС как регионального и глобального актора международных отношений, о чем свидетельствуют, в частности, волны расширения ШОС в 2017 г. (прием в организацию Индии и Пакистана) и 2023 г. (присоединение Ирана). Более чем двадцатилетний период существования ШОС настоятельно требует определения, осмысления и оценки этапов ее развития, невозможных без анализа ее организационных структур, характера и содержания деятельности.

Новым подходом к оценке ШОС является исследование Г.Дж.П. Хонрадой и С.А. Бокерия (Хонрада, Бокерия, 2023, с. 255–258) нарратива «шанхайского духа» как основы не только деятельности самой организации, но и новой модели регионализма и международных отношений в целом. «Шанхайский дух» рассматривается авторами как типологически иное — по сравнению с либерально-западным — понимание, определяющее инклюзивный и синкретический характер принципов ШОС, принятие наличия фундаментальных различий как элемента регионализма и современных международных отношений¹.

БРИКС — межгосударственное объединение Федеративной Республики Бразилия, Российской Федерации, Республики Индия, Китайской Народной Республики и (с декабря 2010 г.) Южно-Африканской Республики.

Первая встреча БРИКС состоялась в Нью-Йорке 20 сентября 2006 г. «на полях» 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Министры иностранных дел России, Китая, Бразилии и министр обороны Индии приняли в ней участие, договорились развивать многоплановое сотрудничество четырех стран².

БРИКС имеет важную роль, которая признается как исследователями мировой экономики, так и экспертами в сфере международных отношений.

Не случайно это трансрегиональное объединение называют «концертом незападных держав». На БРИКС приходится 40% населения мира, 25% мирового валового внутреннего продукта (23,5 трлн долл.), 20% торговли, 25% прямых инвестиций. БРИКС как «глобальный регион» обеспечивает основные потребности в сырье и товарах.

В целом Москва готова развивать тесное многоплановое взаимодействие с партнерами, которые не приемлют разрушительную логику санкций. В 2022 г. товарооборот России с БРИКС увеличился до 45 млрд долл.

По словам главы государства, «правила содержания нового миропорядка будут задавать именно сильные, суверенные государства — кто не двигается по уже намеченной кем-то траектории». К таким передовым странам относится Россия, мощная суверенная страна, чье влияние неуклонно растет

Труды немногих авторов, которые исследуют БРИКС как институт глобального управления, чаще всего рассчитаны на академическую аудиторию, а не на массового читателя.

В связи с этим работа Э. Купера «БРИКС: краткое введение» представляет особый интерес. Э. Купер последовательно анализирует три концептуальных подхода к исследованию института. Эта книга — с точки зрения доступной формы подачи материала и его качества — выступает аналогом энциклопедической статьи, одновременно предлагая читателю всесторонний взгляд на БРИКС, не ограниченный только той позицией, которой придерживается сам автор.

Первый предполагает рассмотрение БРИКС в упрощенной форме объединения пяти крупных быстрорастущих экономик. Второй подход основан на изучении БРИКС в качестве неформального института управления, одновременно встроенного в глобальную систему и имеющего собственную оригинальную повестку дня. Третий подход заключается в анализе БРИКС как воплощения вызова и возможной угрозы трансформации существующего миропорядка во главе с США и развитыми западными странами. Важнейшая мысль автора состоит в том, что все три указанных подхода имеют право на жизнь, причем эффективность деятельности БРИКС основана на сбалансированности характеристик, рассматриваемых в качестве ключевых в рамках каждого из них.

¹ Панюжова М.М. Евразия на пути к новому миропорядку // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2023. № 4 (399). С. 63–64.

² Сайт Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). 04.10.2024. URL: <https://mintrans.gov.ru/activities/69/92>.

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ ВЫБОРОВ ГЛАВ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2023: СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕДИАРЕГУЛЯЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Современные особенности коммуникативного пространства политики определяют зависимость эффективности реализации управленческих функций и функционирования социально-политических акторов от их полноценной репрезентации в политическом пространстве, как офлайн, так и онлайн. Оценка цифрового профиля социально-политических акторов обычно ограничивается статистическими измерениями, методом экспертных оценок или *SWOT*-анализом, что не дает показательных качественных результатов.

Целью исследования стала разработка и апробация методологии качественного анализа цифрового профиля социально-политических акторов на основе сетевого анализа и методов корпусной лингвистики, а именно разработка и апробация методологии комплексного анализа концептосферного ядра дискурсивного поля.

Эмпирической базой стали тесты публикаций, размещенных официальными аккаунтами кандидатов в губернаторы на платформе «ВКонтакте» с 1 мая по 17 сентября 2023 года — в период активной фазы предвыборной кампании и неделю после ее завершения. Сплошная выгрузка сетевых лингвистических данных как осязаемого отражения цифрового профиля губернаторов, избравшихся в 2023 году в 21 субъекте Российской Федерации путем прямого голосования, осуществлялась через *API* «ВКонтакте», позволила сформировать 21 датасет для каждого анализируемого аккаунта.

Основными методами исследования стали метод графовой визуализации, сетевой анализ и анализ *n*-грамм. Сетевой анализ позволил построить и провести анализ концептосферного ядра дискурсивного поля для каждого аккаунта, представленного в виде ненаправленных социальных графов: оценить плотность, сбалансированность и тематическое разнообразие дискурса, реализуемого каждым кандидатом на платформе «ВКонтакте».

Концептосферное ядро дискурсивных полей, генерируемых каждым аккаунтом на платформе «ВКонтакте», было сконструировано как упорядоченная совокупность частотных *n*-грамм, характерных для нарративов, продвигаемых каждым кандидатом. Анализ концептосферного ядра дискурсивного поля для каждого кандидата позволил выявить дискурсивные стратегии, характерные для цифровых профилей кандидатов.

Оценка эффективности цифрового профиля кандидатов по шкале формальных (структурных) и содержательных (семантических) параметров, таких как дискурсивная динамика, последовательность тем, тематическая дигрессия и сбалансированность графов, провести ранжирование профилей кандидатов по «Индексу конструктивности дискурсивной стратегии» (КДС), разработанному в ходе исследования.

Результаты анализа показали, что дискурсивная стратегия наиболее успешных цифровых профилей — «Собянин_ВК», «Азаров_ВК», «Анохин_ВК», «Ведерников_ВК», «Воробьев_ВК», «Николаев_ВК» — характеризуется дискурсивным полем с высокой плотностью и сбалансированностью концептосферного ядра. Аккаунты кандидатов от Москвы, Московской области и ряда других регионов продемонстрировали высокий уровень интенсивности взаимодействия с электоратом и дискурсивной динамики, а также последовательность в освещении социально-политических вопросов. Повестка дня, создаваемая кандидатами, характеризуется тематическим разнообразием и постоянством в представлении информации потенциальным избирателям.

Менее эффективные профили — «Кузнецов_ВК», «Хоценко_ВК», «Томенко_ВК», «Коновалов_ВК», «Клычков_ВК» — показали низкую дискурсивную динамику, фрагментарность освещения социально-политической ситуации. Кандидаты от Алтайского края или Республики Хакасия, сосредоточились на продвижении личного бренда, не уделив достаточно внимания социальным вопросам, результатам работы или текущей деятельности администрации.

Исследование подчеркивает важность проведения работы по повышению качества цифрового профиля политического актора для формирования и укрепления доверия к власти. Было выявлено, что высокая дискурсивная динамика и сбалансированность тем в дискурсивном поле, формируемом цифровым профилем на платформах социальных сетей, способствуют успешной коммуникации с электоратом и установлению повестки дня, позволяющей укреплять стабильность социально-политической системы. Фрагментарность и непоследовательность в освещении социальных вопросов приводят к снижению эффективности политической коммуникации и формированию недоверия к определенному политическому актору и власти в целом.

Исследование демонстрирует высокий потенциал гибридных методов исследования для проведения качественной оценки цифрового профиля политического актора, который в условиях цифровой трансформации играет ключевую роль в процессах медиарегуляции и управления общественным мнением. Политическая коммуникация характеризуется усилением гибридации новых и традиционных технологий и форм взаимодействия с электоратом, и мониторинг и регулярная оценка цифрового профиля позволит более эффективно выстраивать стратегию взаимодействия с электоратом в контексте нарастающей цифровой трансформации.

Усманов Р.Х.
(Астрахань, АГУ им. В.Н. Татищева)

ВЫЗОВЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ ПОТЕНЦИАЛУ РОССИИ

Современные вызовы полицентричному мировому порядку связанные со структурной трансформацией системы международных отношений, кризисом модели мироустройства изменяют геополитическую реальность, что, разумеется, требует нового подхода в политико-философском осмыслении происходящих современных международных процессов. Обострившаяся борьба за глобальное влияние мировых держав после 2022 года радикально изменяет мировой порядок и вызывает серьезную угрозу третьей мировой ядерной войны. Действительно, противостояние англосаксонских стран НАТО во главе с США и ряда евразийских стран вместе с Россией можно оценивать по-разному и обсуждать в публичных выступлениях с обеих сторон линии украинского фронта. Однако данная реальность привела сложившуюся ситуацию к более высокой стадии холодной войны по сравнению с той, которая наблюдалась во второй половине предыдущего столетия. В данном случае явно проявляется возрождение той стратегической цели США и Лондона 1945 года — поражения России руками нелегитимного неонацистского киевского режима.

Сущность ситуации состоит в том, что последние события, связанные с Украиной, отчетливо показывают, что основными акторами противоборства являются именно Россия и США, а главным регионом—посредником раздора является Европа, более того, проблемы экзистенциональной пропасти между Россией и НАТО весьма существенно возросли до своего критического состояния. Естественной реакцией на гегемонистскую политику англосаксонских стран во главе с Соединенными Штатами Америки и ярким примером сложившейся ситуации является формирование глобального Юга и Востока вместе с Россией и ее союзниками, по сути, образовавшегося «мирового большинства», противостоящего диктату США и стран блока НАТО. Надо отметить, что сформировавшийся Глобальный Юг XXI века по своему составу и идеологическому наполнению фактически повторяет Движение неприсоединения XX века, члены которого с большим или меньшим успехом стремились выдержать натиск Запада своей сбалансированной политикой, которую сегодня позиционируют с так называемой «многовекторной политикой». Укрепляют выбранную позицию России происходившие события в Сирии, Йемене, Афганистане, Ливии, а сегодня она неизменно подтверждается своей последовательной антиамериканской позицией, проявляющейся в поддержке Палестины в секторе Газа.

Сегодня Россия как никогда заинтересована в безусловном соблюдении норм и принципов международного права, защиты законных интересов всех государств, что требует новой повестки дня в вопросах деятельности региональных организаций и межгосударственных союзов и блоков. Подтверждающим стратегическим вектором внешнеполитического направления России в международных отношениях является принятая 31 марта 2023 года новая Концепция внешней политики Российской Федерации. Характеризуя современный мир и основные тенденции перспективного развития, в новой Концепции указано об усилении кризиса экономической глобализации. Особенно подчеркиваются существующие проблемы в том числе на рынке энергоресурсов и в финансовом секторе, которые вызваны деградацией многих прежних моделей и инструментов развития, а также противоправными односторонними ограничительными мерами и недобросовестной конкуренцией. Санкционная политика западноевропейских стран в этом отношении является характерным показателем в отношении независимых стран от глобальной политики англосаксов.

Исходя из этого приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации является формирование справедливого и устойчивого мироустройства. В связи с этим Россия намерена укреплять потенциал в повышение международной роли межгосударственных объединений БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений и международных организаций. В Концепции подчеркивается, что главной задачей такого стратегического направления России является формирование Большого Евразийского партнерства. Для этого предполагается использование уникального географического положения, транзитного и цивилизаци-

онного потенциала России для развития национальной экономики, укрепления транспортной и инфраструктурной взаимосвязанности в Евразии.

В связи с тем что Россия, занимая центральную позицию в рамках всего Евразийского континента и имея основания называться «Срединным государством», является одним из геополитических центров Евразии, а Каспийский регион, куда входит южная часть России, находится в центре геоэкономического евразийского пространства и обладает весьма значительными природными, экономическими, военными и политическими ресурсами. Все это в совокупности предполагает образование центра формирующейся новой региональной подсистемы, что отвечает современной тенденции развития нового полицентричного мирового порядка. Сегодня Россия должна не только инициировать, но и в полном смысле способствовать созданию нового наднационального объединения образывающегося «мирового большинства» Глобального Юга и Востока в противовес различным англосаксонским идеям, которые построены на принципах атлантизма и неолиберализма, демонстрирующих явный гегемонизм Соединенных Штатов Америки.

Усманова З.Р.

(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО СТРАНЫ В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ*

Опыт социально-политических исследований массового сознания последних лет позволил ввести в научный оборот значительные массивы эмпирических данных мониторинга общественных настроений, взглядов, психологических состояний российского общества. В каждом темпоральном отрезке новейшей истории России 2010–2024 гг. достаточно глубоко исследованы представления россиян о будущем своей страны, среди которых основными событийными факторами, повлиявшими на формирование образа будущего, выступили: «зимние Олимпийские игры в Сочи», «присоединение Крыма», «санкционное давление на Россию», «обрушение курса рубля», «допинговые скандалы», «ип-мортизамещение», «чемпионат мира по футболу в России», «технологический суверенитет», «пандемия коронавирусной инфекции», «конституционная реформа», «ренессанс традиционных российских ценностей», «специальная военная операция» и многие другие. Часть из представленных факторов являются конкретными историческими событиями, часть имеют отношение к ценностной, мировоззренческой трансформации, а следовательно, и динамике образа страны и ее будущего.

В рамках настоящего исследования поставлены не только прикладные цели осуществления среза современных представлений о будущем России в сознании граждан, но и задачи психологической оценки процесса эволюции образа, причем как его деформации, искажения, так и структурирования в формате целостной концепции. В частности, рассмотрено:

- есть ли прямая связь между образами будущего страны, складывающимися в массовом сознании россиян из года в год, можно ли говорить о том, что граждане воспринимают ход современной истории России как прямой путь к достаточно очерченному и ясному будущему, или же данный образ будущего постоянно меняется;
- какие из факторов объективного или субъективного характера, влияющих на политическое восприятие, имеют больший вес для кристаллизации определенного образа будущего, например позитивного или негативного, четкого или размытого, транслируемого государственной властью или недругами России в информационном пространстве в различные временные периоды последних 10–15 лет;
- какие события политического контекста на протяжении последних 10–15 лет захватываются массовым сознанием в большей степени — события во внутренней политике России, события на международной арене с участием России или события за пределами России, напрямую не связанные с ней;
- какова динамика образа будущего в сознании различных сегментов российского общества и как объективный контекст влияет на поколенческие разрывы и сближения во взглядах, их дифференциацию, например, становятся ли в последние годы взгляды «советского», «постсоветского» поколений, «миллениалов», «зумеров» схожими, или же этого не происходит, а также как меняются и меняются ли вообще представления о будущем у жителей российской глубинки, региональных центров, городов-миллионников, населения приграничных территорий, особенно регионов, граничащих с Украиной, и новых регионов России;

* Проект «Представления российских граждан о будущем своей страны» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

- каковы основные содержательные смысловые направления дифференциации российского общества по взглядам на будущее России, доминируют ли в образе будущего современные идеи, или же актуализируются ретроориентации (перенос стратегических целей прошлого на стратегии будущего), ренессансные сюжеты (артикуляция образа былых побед или поражений России в образе ее будущего).

Предварительные результаты обработки массива полученных новых данных и анализа их корреляции с данными, полученными в исследованиях прошлых лет, позволяют сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, понимание гражданами бытия России детерминирует и их представление о стабильности, в том числе о стабильности в будущем. Гражданам сложно соотнести в единой парадигме разные этапы исторической стабильности и тем более экстраполировать их на будущее: стабильность 2000-х гг. в сравнении с 1990-ми; стабильность 2011–2013 гг. в сравнении с 2008–2010 гг.; стабильность 2018–2019 гг. в сравнении с 2014–2016 гг.; стабильность 2023 г. в сравнении с 2022 г.

Во-вторых, работая в рамках настоящего исследования с материалами глубинной социологии, нам видится, что многие темы, особенно касающиеся современной политической сферы, для респондентов оказались табуированы, их переживания втиснуты в глубины сознания, но в ситуации прямой угрозы подавляемые переживания могут послужить стимулом для аффективных реакций. Поэтому необходимо выработать более сложные и уникальные, приспособленные именно для России концепции будущего, причем включающие интересы всех слоев, представляя им будущее более привлекательным.

Усов А.В.
(Москва, ГАУГН)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МОДУЛЬ «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

В процессе защиты исторической правды и сохранения истории нашей страны всевозрастающая роль сегодня отводится подрастающему поколению. Без вовлечения молодежи в эту деятельность уверенно смотреть в будущее едва ли возможно. Такая работа должна базироваться на обоснованном и академическом научном знании и достоверных архивных документах.

Важную роль в формировании ценностных ориентиров у молодых людей играет Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации (далее — Центр), который был учрежден Указом Президента Российской Федерации № 817 от 2 ноября 2023 г.

В арсенале Центра имеется образовательный модуль «Без срока давности», который был успешно апробирован не только в мае 2024 г., но и во второй половине текущего года в Международном детском центре «Артек», а также во Всероссийском детском центре «Океан».

Так, с 8 по 29 августа в рамках IX смены «Солнце, море и Артек» в Крыму прошла программа федерального проекта «Без срока давности», которую реализовал Центр (В детском центре «Артек» завершилась программа федерального проекта «Без срока давности» // Российское новостное издание «Лента.Ру». URL: clck.ru/3DN8pP).

Цель программы состояла в расширении представлений обучающихся о теме геноцида советского народа со стороны нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны, в повышении исторического сознания в молодежной среде. Большое внимание было уделено патриотическому воспитанию. Для ребят была сформирована насыщенная программа: образовательные, творческие и культурные мероприятия, мастер-классы и лекции, встречи с почетными гостями и открытые диалоги с экспертами.

Ключевыми событиями стали: киномарафон, посвященный истории Крыма в годы Великой Отечественной войны; литературно-музыкальные представления о геноциде мирного населения. Дети исполнили песни о Великой Отечественной войне, озвучили факты и цифры о жертвах нацистской политики и прочитали воспоминания детей–узников концлагерей; отчеканили на выкованных самостоятельно жетонах имена своих предков и названия памятных мест в рамках акции «Уничтоженное детство»; посетили Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. «Концлагерь “Красный”» в Симферополе.

В первой половине сентября 2024 г. не менее важной площадкой для проведения образовательного модуля «Без срока давности» стал Всероссийский детский центр «Океан» во Владивостоке (Во Все-

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации тема № 1022040800353-4-6.1.1; 5.9.1 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории» (FZNF- 2023-0003).

российском детском центре «Океан» во Владивостоке в рамках XI смены начинается образовательный модуль «Без срока давности» // ВКонтакте. URL: clck.ru/3DN9pA.

Программа, внедренная в рамках XI смены, началась в преддверии важной исторической даты 3 сентября — Дня Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны. Дальний Восток — это неотъемлемая часть проекта «Без срока давности», а Победа СССР над Японией — залог окончания Второй мировой войны.

Основопологающей темой программы стала проблема геноцида советского народа со стороны нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны, ее роль в формировании и сохранении исторической памяти. Эксперты на примере архивных документов рассказали ребятам о том, как планировалась и проводилась политика геноцида. Говорили и о том, от каких последствий бактериологической угрозы спас мир СССР после победы над милитаристской Японией, о послевоенных судебных процессах, в том числе о Хабаровском.

Участникам была представлена насыщенная программа: творческие мастер-классы и образовательные лекции, открытые диалоги «Просто о важном» об истории Второй мировой войны на Дальнем Востоке и Хабаровского процесса с участием экспертов Центра, киномарафон и тематический квиз. Свои творческие навыки обучающиеся смогли применить в музыкальном спектакле, основанном на архивных материалах проекта «Без срока давности».

Таким образом, образовательный модуль «Без срока давности» был реализован Национальным центром исторической памяти при Президенте Российской Федерации в Крыму и Приморье с учетом региональной специфики. Программа имеет высокий образовательный потенциал, так как основана на методиках внедрения новых форматов и ракурсов ретрансляции информации о геноциде мирного населения, совершенного нацистами и их пособниками. Необходимость продолжения ее апробации в молодежной среде вызвана, с одной стороны, сохранением исторической памяти о правде и смысле Великой Победы и роли Красной Армии, а с другой — противодействием реанимации и распространения идей героизации и пропаганды нацизма в среде молодежи.

*Учаев Е.И.
(Москва, МГИМО МИД России)*

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ИЛИ ХОЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ? К ВОПРОСУ О ПУТЯХ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Доклад преследует две взаимосвязанные цели: 1) проблематизировать идею о необходимости наращивать «трансферный» потенциал политической науки; 2) обратить внимание, что трансдисциплинарность не является единственным путем интеграции социогуманитарного знания. Как указывает само слово, «трансдисциплинарный» путь в качестве исходной точки отталкивается от существования множества отдельных дисциплин (политологии, экономики, социологии, правоведения...). Такое дисциплинарное членение отражает представление о современном обществе как функционально дифференцированном — «разделенном» на операционально обособленные и качественно отличные друг от друга сферы общественного бытия. Возможно, наиболее полно это представление выражено в социальной теории Никласа Лумана. Примечательным образом, в теории Лумана практически полностью отсутствует анализ международных отношений. Вопреки недавним попыткам устранить этот пробел (М. Альберт), в докладе предполагается, что это исключение является необходимым и конститутивным, поскольку только благодаря ему можно обосновать тезис о примате функциональной дифференциации. При включении «международного» в рассмотрение обнаруживается сохраняющееся ценностное единство общества, которое в модерне принимает форму внутривластного единства против «внешних» угроз. Этот вывод, в частности, хорошо согласуется с результатами постструктуралистских исследований международных отношений (М. Фуко, Р. Эшли, Д. Кэмпбелл), которые показывают конститутивное значение «международного» измерения для (вос)производства государств модерна как целостных социальных форм.

Если же социум всегда является по своей природе ценностно (а следовательно, и организационно) интегрированным, проблематичным оказывается само исходное разделение науки об обществе на отдельные дисциплины. В таком случае на повестку дня встает вопрос уже не о трансдисциплинарности, а о холистической реконструкции социогуманитарного знания. Если же при такой реконструкции исходить из представления о ценностно интегрированном обществе, то: во-первых, «политика» должна пониматься не узко (как борьба за власть), но как «общение по поводу высшего блага»; во-вторых, политика логически оказывается основой любого общества, выступает содержанием либо фоновым условием возможности всякой общественной деятельности.

Изложенные выше аргументы, среди прочего, ставят под вопрос целесообразность исследовательского проекта Джастина Розенберга «международное всего» (*the international of everything*), набравшего популярность в последние годы. Этот проект нацелен на превращение науки о международных отношениях в полноценную самостоятельную дисциплину за счет ее вызволения из «тюрьмы» политической науки. Подобная исследовательская стратегия только консервирует исходное дисциплинарное разделение социогуманитарных наук, а также несет в себе риск реификации «международного» как трансистоической категории, что может «затуманить» специфическую интегрирующую функцию современных международных отношений.

Фадеева Л.А.
(Пермь, Пермский государственный национальный
исследовательский университет)

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕС — КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ИЛИ КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ?

Европейский союз переживает в XXI веке существенную трансформацию как в организационном плане, так и в идентитарных стратегиях. Происходят изменения в структуре, порядке формирования и функционирования Европейской Комиссии по Ниццкому договору; по Лиссабонскому договору вводится пост Председателя Европейского Совета, а согласованность внешней политики возлагается на Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Если Жан Клод Юнкер назвал ЕК политической организацией, то Урсула фон дер Ляйен — геополитической организацией, сделав упор на развитие ЕС как глобального актора мировой политики.

Урсула фон дер Ляйен провозгласила в рамках политики развития «зеленую повестку» Европейского союза. Политика идентичности изначально ею была обозначена как достижение гендерного баланса, продвижение женщин на высшие посты в ЕС. Одни аналитики оценивают фон дер Ляйен как сильного и влиятельного политического лидера, применяют по отношению к ней концепт лидеризации; другие считают, что ей удастся лишь институционализация президентского правления и персонализированное руководство Комиссией, в то время как проективное или перспективное лидерство требует стратегического мышления и умения смотреть в будущее.

«Зеленый пакт» получил оценку самого масштабного проекта по решению проблем климата, всеобъемлющего плана преобразований, который должен способствовать политике развития. К 2050 году этот проект обязуется обеспечить достижение углеродной нейтральности и провести коренное преобразование экономики, в то же время он стал предметом масштабных дискуссий в европейских странах. Обещанный в рамках этого курса переход к новой экономической модели в соответствии с критериями справедливости и инклюзивности соответствует и политике идентичности как защите прав уязвимых категорий населения.

Для достижения гендерного баланса переизбранная на второй срок Председатель ЕК предложила странам представить по 2 кандидатуры еврокомиссара — мужчину и женщину, однако потерпела неудачу. Даже после всевозможных переговоров и уговоров доля женщин в ЕК составила лишь 40%. Наибольшая активность развернута в ЕС в отношении политики идентичности в американской ее версии, которая вылилась в программу защиты сексуальных меньшинств. Урсула фон дер Ляйен, как и Джо Байден, относит права этих групп к фундаментальным правам человека, а всех несогласных обвиняет в попытке разрушить европейские ценности и европейскую идентичность.

Отработанные при Урсуле фон дер Ляйен механизмы позволили ей и после электорального успеха правых популистов на выборах в Европейский парламент выстроить «санитарный кордон» против правых, не позволив им занять сколько-нибудь значимые позиции ни в одном из 20 комитетов Европарламента. Новую идентичность ЕС после переизбрания на второй срок она обозначила как военно-политический союз. Обвинительный и агрессивный тон выступлений Председателя Европейской комиссии в отношении России и КНР соответствует заявленной ей стратегии на неумолимую дипломатию. Такой стратегии соответствует курс на перевооружение, наращивание вооружения, рост военных расходов, что руководство ЕС объясняет необходимостью защитить европейскую демократию, ценности и идентичность.

Вопрос о том, станет ли политика идентичности в ЕС краеугольным камнем или камнем преткновения политике развития в ЕС, является далеко не риторическим.

Федоров А.В.
(Москва, ГАУГН)

ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ. ЧТО В НЕЙ МЕШАЕТ СТАНОВЛЕНИЮ СИСТЕМЫ МИБ?

Процесс ГПЭ-РГОС ООН привел к выдвижению западниками идеи Программы действий (ПД) по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве. Сама ПД видится ее протагонистам как одновременно механизм и средство продвижения идеи ответственности и подотчетности в киберпространстве.

Почему же перспектива ПД и ход РГОС вызывают явную симпатию западников и настороженность у их оппонентов, чем они опасны для реализации идеи МИБ и политики России, в частности? Как видится, причины тому заключаются в следующем.

Первое и основное. Создание и легитимация ПД как международного механизма чревата полным снятием с повестки дня ООН вопроса МИБ, поскольку предполагают изъятие из него военно-политической составляющей и сведение дискурса к проблеме кибербезопасности. Принятие такого решения будет серьезным ударом по коалиции стран, отрицающих вашингтонскую парадигму монопольного лидерства в контроле над «глобальным сетевым пространством». Мало того, это осложнит построение многополярного мира, оставив рычаги управления глобальными информационными потоками в социальной сфере в руках Вашингтона.

Второе. Концептуально ПД основана на двух взаимоисключающих принципах: открытости состава при максимальной его инклюзивности, с одной стороны, и консенсусности принятия решения — с другой. Их сосуществование в одном механизме влечет за собой его заведомую импотентность в части продвижения внесистемных концепций. Это означает возможность либо принимать решение в интересах США, либо сохранять статус-кво, т.е. оставаться в условиях решения ГПЭ ООН 2015 г., которое М. Маркофф назвала «стандартом, установленным для нас». Любая не отвечающая интересам США инициатива в области МИБ за пределами кибербезопасности не может рассматриваться на консенсус. Привлечение неправительственных «заинтересованных субъектов» только усугубит ситуацию.

Третье. Ключевые позиции ПД концентрируются вокруг феномена кибербезопасности. Не сильно уклоняясь от истины, можно констатировать, что кибербезопасность — это безопасность Интернета и основанных на нем телекоммуникационных сетей и приложений. Однако практически все обеспечивающие их функционирование структуры суть юридические лица и налоговые резиденты США, действующие на основании прямых или опосредованных соглашений с правительством США. Фактически ядро Интернета, «всемирная паутина» и даже ИИ во многом являются не только детищем, но и собственностью США. Последним подтверждением этого стал обсуждаемый в настоящее время в ICANN новый проект правил подачи заявок на регистрацию доменов верхнего уровня, согласно которому заявитель обязан гарантировать соблюдение санкций США. При этом в стратегических документах США безопасность Интернета трактуется как национальный интерес Вашингтона.

Четвертое. Все предложения по организации работы ПД выдвигают алогичную формулу ответственности, которая в инверсии может быть прочитана как «все заинтересованные субъекты обязаны использовать ИКТ таким образом, чтобы не ставить под угрозу мир и безопасность, хотя ответственность за поддержание международного мира и безопасности несут именно государства». Не трудно предположить, какие государства понесут ответственность и что обвинения будут основываться на аргументах типа «*highly likely*».

Пятое. Вне ПД остаются международные, межгосударственные и региональные организации и объединения. Их статус в контексте ПД не определен. Будут ли они участвовать в работе ПД, если основная ответственность возложена на государства, а под «заинтересованными субъектами» понимаются только негосударственные субъекты?

Шестое. Относительно новым в ПД как политическом концепте ООН является выход политико-правового дискурса за пределы множества государств—членов Организации. Если ПД будет институирована как открытое множество стейкхолдеров, в котором члены ООН будут лишь его подмножеством, она фактически перестанет быть институцией ООН. Право принятия решений, которое сейчас постулируется документами РГОС как принадлежащее только государствам, будет размыто. Кроме того, активность IT-сферы «убьет» политическое измерение ПД. В этой ситуации российская инициатива принятия Конвенции МИБ не найдет поддержки и перспективы.

И седьмое. ПД выводит на первый план вторичные для политики вопросы. В частности, участие в ней женщин. Ее протагонисты не скрывают, что их цель в этой части — гендерное разнообразие. Едва ли это ускорит формирование систем МИБ.

Таким образом, ПД есть не что иное, как еще один концепт модели «мирового порядка, основанного на правилах» в проекции на киберпространство, которым США предпочитают ограничиваться, дабы сделать свои стратегические в этой сфере интересы программой работы ООН, легитимируя ее якобы поддержкой всего мирового сообщества.

О ВЛИЯНИИ ДЭГ НА ЯВКУ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В РОССИИ в 2021–2023 гг.*

Широкое распространение дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в России на выборах разного уровня актуализировало вопрос о его влиянии на явку избирателей. Автор рассматривает ДЭГ как сеть взаимодействия государства и общества по вопросу обмена информацией о политических предпочтениях избирателей, доверия к результатам выборов, что выражается в конвенциональном политическом участии избирателей в ДЭГ. Создателем сети ДЭГ является государство, для которого успех функционирования сети электронного голосования выражается в таких показателях, как рост явки избирателей или предотвращение ее снижения, легитимность результатов выборов, минимизация организационных ресурсов на проведение выборов.

В фокусе внимания находятся результаты федеральных и губернаторских выборов с применением ДЭГ в России в 2021–2023 гг. Можно предположить, что ДЭГ, применяемое с голосованием на избирательных участках, обеспечивает прирост явки избирателей за счет расширения форм голосования.

На выборах депутатов Государственной Думы в 2021 г. явка избирателей в целом по России была на уровне 51,72% и по сравнению с 2016 г. выросла на 3,84%; в семи регионах проведения ДЭГ явка выросла на 5,31% относительно 2016 г. Доля электронных избирателей составила 4,61%, что близко к показателям прироста электоральной активности.

На губернаторских выборах в 2022 г. в четырех регионах применения ДЭГ явка избирателей выросла на 0,4%, а доля электронных избирателей в структуре явки составила 7,76%; в 2023 г. в семи регионах с ДЭГ прирост явки составил 7,58%, а доля электронных избирателей 22,8%. При этом в 8 из 11 случаев губернаторских выборов с ДЭГ отмечен рост явки, а в 3 — снижение. В 2023 г. в структуре явки на выборах мэра Москвы доля ДЭГ составила 82%, а итоговая явка была на уровне 43%, увеличившись на 12% по сравнению с аналогичными выборами в 2018 г. Именно в Москве для участия в ДЭГ не нужно было предварительной регистрации на портале голосования, что иллюстрирует положительное влияние на электоральную активность отсутствие дополнительных фильтров для доступа к ДЭГ.

Выборы федерального уровня всегда сопровождаются высокой активностью кандидатов и политических партий в СМИ и социальных сетях, политической конкуренцией. Выборы же регионального уровня зачастую проходят с гораздо более низкой активностью политических субъектов, что не привлекает избирателей. В связи с этим любые дополнительные формы голосования не могут привлечь избирателей на выборы без интриги, что было характерно для некоторых губернаторских избирательных кампаний в 2022 г.

Влияние ДЭГ на рост и предотвращение снижения явки избирателей становится заметным спустя несколько электоральных циклов при постепенном знакомстве избирателей с новым способом голосования и расширением географии его применения. Нельзя не отметить, что одновременно с ДЭГ применялось трехдневное голосование и голосование по месту нахождения, которые тоже выступали донорами явки избирателей, что отразилось на общем росте электоральной активности, в особенности на федеральных выборах. Для более глубокого понимания влияния ДЭГ на явку избирателей в России необходимо продолжение компаративного анализа на эмпирическом материале нескольких электоральных циклов с применением ДЭГ.

В заключение следует подчеркнуть, что ДЭГ является одним из способов удобного голосования, логичным развитием почтового голосования, значение которого для привлечения избирателей на выборы будет сохраняться и в будущем. Однако экспертам, наблюдателям и общественности следует активнее участвовать в развитии ДЭГ, предлагая свои идеи по обеспечению верификации итогов электронного голосования.

* Проект «Дистанционное электронное голосование в социально-политических коммуникациях: общественное наблюдение и политическое участие» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА: ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИНКРЕМЕНТАЛИЗМА

Одним из наиболее институционализированных и формализованных механизмов, посредством которого осуществляется перераспределение ресурсов в современном государстве, является бюджетный процесс. Как отмечал А. Шик, в его суть одновременно заложен конфликт, связанный с необходимостью выбора между различными сферами распределения бюджетных средств, и кооперацией, возникающей из необходимости политических акторов ежегодно договариваться о параметрах бюджета, чтобы избежать политического и экономического кризиса из-за отсутствия принятого бюджета¹.

В связи с этим требуется проведение работы по определению основных теоретико-методологических подходов к изучению бюджетного процесса, учитывающих его политическую природу.

Одним из первых направлений исследований бюджетного процесса стал инкрементализм, классическим представителем которого является А. Вильдавски. Основной предпосылкой бюджетного инкрементализма является утверждение о постепенном изменении бюджета на небольшие суммы от года к году (эти изменения называются «инкрементами»). В рамках этой модели предполагается, что государственные учреждения обычно получают финансирование, которое является производным от предыдущих бюджетов, и только незначительно корректируют суммы в ответ на внешние или внутренние изменения².

Необходимо отметить, что за несколько десятилетий исследований в рамках теории инкрементального бюджетирования возникли различные трактовки ключевых элементов инкрементализма: всего В. Берри выделил 12 значений инкрементализма, использовавшихся в эмпирических исследованиях, что делало итоговую трактовку качества теории инкрементального бюджетирования затруднительной³. Недавние исследования изменений бюджетного процесса США с 1955 по 2002 г. не подтвердили преимущественно инкрементальный характер изменения бюджетных категорий: в 20% случаев они изменялись более чем на 50%⁴.

В итоге изменение политической реальности и критика эмпирических исследований в рамках теории инкрементального бюджетирования стимулировали дальнейшую работу по исследованию бюджетного процесса.

Ввод категорий макроуровня расширил модель объяснения исходов бюджетного процесса, однако не было создано теории, объясняющей динамические изменения бюджетного процесса.

Одной из теорий, противопоставляющих себя теории инкрементального бюджетирования, является теория пунктуаций (*punctuated equilibrium*), которая указывала на существование длительных периодов бюджетной стабильности (*equilibrium*) с резкими, скачкообразными изменениями (*punctuations*)⁵.

В общем смысле теория прерывистого равновесия (ТПР) (*Punctuated equilibrium theory*) представляет политический процесс как систему оценки и отбора информации, которая в итоге влияет на выбор политики. Базово система находится в равновесии, однако интенсификация информации по определенной повестке может привести к дисбалансу системы (*policy punctuations*) и как следствие к политическим реформам. ТПР обладает потенциалом объяснения динамики выделения средств в рамках бюджетного процесса как в демократических, так и в недемократических режимах. Так, удалось показать, что тип политического режима влияет на доступность информации для принятия решений политическими акторами о распределении бюджета. Из-за доступности информации в демократиях распределение бюджетных средств происходит более равномерно, так как проблемы обсуждаются и решаются по мере их поступления, реже достигая критического для системы размера. Данный информационный эффект нивелирует кажущееся на первый взгляд институциональное преимущество недемократических систем: отсутствие затяжного процесса согласования решений, меньшую управляемость политической системы⁶.

Таким образом, в политической науке продолжается процесс эволюции теоретико-методологических подходов к исследованию бюджетного процесса.

¹ Schick A. The federal budget: Politics, policy, process. Brookings Institution Press, 2008.

² Wildavsky A. The New Politics of the Budgetary Process. 2nd ed. Boston: Little, Brown, 1992.

³ Berry W.D. The confusing case of budgetary incrementalism: Too many meanings for a single concept // The Journal of Politics. 1990. Т. 52. No. 1. P. 167–196.

⁴ Anderson S., Harbridge L. Incrementalism in appropriations: Small aggregation, big changes // Public Administration Review. 2010. Т. 70. No. 3. P. 464–474.

⁵ Baumgartner F.R. et al. Budgetary change in authoritarian and democratic regimes // Political Budgeting Across Europe. Routledge, 2018. P. 4–20.

⁶ Baumgartner F.R., Jones B.D. Agenda dynamics and policy subsystems // The Journal of Politics. 1991. Т. 53. No. 4. P. 1044–1074.

ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)*

Актуальность исследования политико-управленческих факторов развития экономики замкнутого цикла в Краснодарском крае обусловлена возрастающей необходимостью перехода к устойчивым моделям экономического роста в условиях ограниченности природных ресурсов и экологических вызовов. В последние годы циркулярный переход, способный, по мнению большинства экспертов, обеспечить улучшение состояния окружающей среды при одновременном решении задач экономического роста и социального благополучия, стал политической целью и активно институционализируется в нормативно-правовом поле. В то же время фиксируемое в общественном, научном и политическом дискурсе «торможение» циркулярного перехода, неконсистентность внедрения циркулярных практик в различных отраслях и регионах требуют комплексного анализа влияния на этот процесс политико-управленческих факторов для дальнейшего совершенствования региональной политики в данной сфере.

Эмпирическое исследование проводилось в три этапа в мае–августе 2024 года в Краснодарском крае. На первом этапе на основе анализа отечественной и зарубежной литературы были выделены и систематизированы политико-управленческие факторы, способные оказывать влияние на развитие экономики замкнутого цикла на региональном уровне. На втором этапе с помощью разработанной анкеты экспертам предлагалось оценить нормативное и текущее состояние предложенных факторов политико-управленческой системы развития экономики замкнутого цикла по 5-балльной шкале. Всего было опрошено 43 эксперта, институционально включенных в экоориентированную деятельность, которые представляют органы государственного и муниципального управления, коммерческие структуры, общественные организации и научно-экспертное сообщество. На основе комплекса верифицированных таким образом наиболее значимых факторов (развитость нормативно-правовой базы, ее регулятивная жесткость, наличие политической воли для принятия решений, наличие актуальной информационной основы для принятия решений, наличие сетевых форм многостороннего взаимодействия между основными стейк-холдерами, механизмы межведомственной координации и планирования развития экономики замкнутого цикла) была разработана анкета для полуструктурированного экспертного интервью, включающая вопросы о барьерах для реализации факторов. В числе основных барьеров были определены отсроченные выгоды от внедрения практик циркулярной экономики, несоответствие между временными рамками принимаемых политических решений и долгосрочным характером циркулярных инициатив, фрагментарность в координации политики, отсутствие «поддерживающих» политик, нацеленность стратегических документов на корректировку текущих линейных практик, а не на их трансформацию, сложность достижения баланса между охраной окружающей среды, экономическими и социальными целями, многосоставный управленческий ландшафт, охватывающий различные этапы производственного и потребительского циклов, отсутствие системного подхода к разработке политики в разных отраслях, слабая осведомленность лиц, принимающих решения о выгодах циркулярных практик, несоответствие между теоретическими конструктами экономики замкнутого цикла и практическими политическими задачами.

Сопоставление относительно широкого спектра политико-управленческих факторов развития экономики замкнутого цикла и специфических региональных барьеров управленческой динамики в этой сфере представляет собой контекст для дальнейших исследований, касающихся понимания переходов к модели экономики замкнутого цикла на региональном уровне.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда. Проект № 24-18-20049 «Региональная система экономики замкнутого цикла: институциональные модели и технологии развития (на примере Краснодарского края)». URL: <https://rscf.ru/project/24-18-20049/>.

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Проблематика использования манипулятивных технологий в политическом процессе является одной из самых востребованных как для теоретической политологии, так и для практической политики. В условиях беспрецедентного информационного потока и стремительного ускорения обмена данными возникает осязаемая потребность в исследовании и классификации основных манипулятивных приемов, что позволит выработать эффективные стратегии противодействия манипуляциям.

В целом феномен политической манипуляции стал приобретать массовый характер в Новое время. В этот период нарождающаяся европейская торговая и финансовая элита начала прибегать к широкому народным массам как к средству упрочения своего могущества, что неизбежно влекло восприятие населения в качестве объекта манипулятивного влияния. Именно тогда стал формироваться пул традиционных манипуляций, который, с нашей точки зрения, стоит разделять на перцептивные, психологические, когнитивные и собственно политические. Перцептивные манипуляции связаны с воздействием на чувственное восприятие информации и выработку эмоциональной реакции. Психологические манипуляции направлены на актуализацию и обострение типичных детерминант поведения — страха, жадности, надежды и пр. Когнитивные манипуляции охватывают целенаправленное искажение нормального процесса познания действительности или интеллектуальной обработки информации. Собственно политические манипуляции представляют собой набор специфических методов, напрямую вытекающих из властеотношений или их отражения в сознании (тайминговые манипуляции, делегирование негативной ответственности, политическая мифология).

Во второй половине XX столетия в развитых странах началась стремительная смена технико-экономического уклада, за чем последовал переход от индустриального общества к постиндустриальному. Информация стала не только ведущим фактором производства, но и мощным средством влияния на крупные социальные группы. Причем тенденция галолирующей информатизации наложила на такие негативные тренды эволюции массового сознания последних десятилетий, как ухудшение информационной резистентности — сопротивляемости к непроверенной и неverified информации и поощрение фрагментарного мышления, лежащего в основе «клип-культуры».

Выделенные характеристики нового общества позволяют говорить о нижеследующем корпусе современных технологий политического манипулирования:

- 1) навязывание иллюзии тотального контроля властных субъектов (в целях поддержания атмосферы страха проводится мысль о том, что современные технологии цифрового контроля носят всеобъемлющий характер, хотя в действительности системы слежения далеко не абсолютны);
- 2) распространение синтетической харизмы (то есть не подкрепленной социальными качествами) инфлюенсеров, возникающее вследствие дистанцирования потребителей информации от транслятора общественного мнения;
- 3) насаждение ложного представления о возможности отыскания истинных фактов и точек зрения в условиях мнимой плюральности (плюральность мнимая, потому что за эффектом увеличения числа лидеров общественного мнения вовсе не стоит увеличение качества распространяемой ими информации; все сообщения вне зависимости от их множественности в конечном счете сводятся к апологии существующего политического порядка или к оппонированию таковому);
- 4) навязывание привлекательности референтных групп — блогеров, контент-мейкеров и пр. (частный случай референтной группы — «инфобизнесмены», которые активно пропагандируют свой образ жизни, при том что молодые, бедные, но амбициозные жертвы информационно-психологического воздействия, движимые потребностью мегалотимии, уходят из реального сектора экономики и фактически занимаются усилением информационного шума, в чем и состоит политический и социальный вред такой манипуляции).

В заключение заметим, что, несмотря на относимость политических манипуляций к разряду традиционных или современных, наиболее действенный способ противостояния вредоносному информационно-психологическому воздействию — выработка критического мышления. В сущности, оно сводится к установлению подлинных (а не декларируемых публично) интересов и мотиваций распространителей информационного продукта, оценке репутации лидеров общественного мнения и принципиальному воздержанию от усвоения тенденциозных оценок происходящих ситуаций (ориентация на факты, а не на их чужие трактовки).

Филиппова Л.Е.
(Москва, ИС ФНИСЦ РАН, ВАВТ Минэкономразвития России)

ПОЛИТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР КОНСТИТУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Дискуссии о сущности государства и его роли в современном мире не утрачивают актуальности в политической науке, и, несмотря на множественность и неоднозначность интерпретаций, большинство политологов по-прежнему отводят государству место центрального института политической системы. Если опираться на содержательное понимание политики как разворачивающихся в институционализированном пространстве процессов разработки, конкуренции и выбора проектов и стратегических решений, ориентированных на общее благо и влияющих жизнь больших масс граждан, то именно государство задает правовые рамки политики и выступает в качестве субъекта стратегического целеполагания, что определяет «историческую и одновременно актуальную потребность общества в государстве как едином центре общественного управления». В то же время анализ функционирования современных государств зачастую приводит к выводам о том, что «государство как особый тип общественной институции не способно гарантировать ни общегражданскую направленность своих действий, ни честную конкуренцию и справедливое распределение благ и ресурсов среди населения, ни полноценную ответственность правящего меньшинства перед обществом». Собственно политический характер института государства размывается, что может происходить в разных формах — перехода к административному государству, технократизации, превращения государства в «фасадную» структуру и т.п. В пределе деполитизированное государство вырождается в авторитарный этатизм, характеризующийся отказом от принципов верховенства права и разделения властей (с перераспределением полномочий в пользу исполнительной власти и ослаблением ее подотчетности), деградацией систем представительства и гипертрофией систем полицейского контроля, а также тенденцией к персонификации власти. Такое государство, стремясь представить себя в качестве могущественного (и единственного) защитника общества от глобальных экономических, экологических и пр. кризисов, не только не способно адекватно реагировать на них, но и, фактически, оказывается их источником.

Контртенденцией закреплению авторитарного этатизма могут выступать взаимосвязанные процессы политизации, формирования политического сообщества («гражданской нации») и конституирования политического государства. Политизация предполагает формирование и реализацию политической субъектности индивидуальных и коллективных акторов, конструирование политических идентичностей и идеологий, актуализацию политического выбора и свободы. По сути, можно говорить о том, что государство возникает вместе с обществом как условие и результат его политического структурирования — по выражению влиятельного теоретика государства Б. Джессопа, «границы и идентичность [общества] часто конституируются благодаря тем же процессам, которыми строятся, воспроизводятся и трансформируются государства». Органическая, а не навязанная или имитационная социальная интеграция и гражданская солидарность возникают как результат оформления политических размежеваний; возникновение политики современного типа и установление универсального политического порядка являются предпосылками институционализации политического государства. Не менее значимый аспект политизации — дискурсивная политизация, или «политизация повестки», — это собственно определение того конкретного «пула» общественно значимых вопросов или проблем, которые маркируются как политические, т.е. являющиеся предметом коллективного выбора; политический характер государству придает то, что его функционирование не сводится исключительно к технологичному процессу управления, но и предполагает явное формулирование политической повестки.

Перспективы трансформации политического порядка и конституирования политического государства в современной России остаются неясными. Результаты серии опросов, проведенных Отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН с 2018 по 2022 г., показали преобладание в российском социуме деполитизирующих тенденций. Так, доля респондентов, воспринимающих политику как сферу действия власти, устойчиво превышает в 2,5–4 раза долю тех, кто считает политику сферой принятия важных для общества решений. Несмотря на выявленную нами взаимосвязь между уровнем политической вовлеченности и формированием представления о политике как о конкурентной сфере производства альтернатив развития общества и государства, установки политизированных респондентов не отличаются существенно от установок респондентов, ориентированных на «самоустранение» из политики, воспринимаемой ими как зона господства. Подавляющее большинство респондентов не ощущают себя защищенными законом в отношениях с властью, т.е. институциональная среда не соответствует принципам политического порядка современного типа — законопавия и гарантий соблюдения норм всеми акторами политического процесса. Таким образом, сложившиеся структуры господства препятствуют процессам конституирования гражданского общества и политического государства.

Филоненко Е.В.
(Ростов-на-Дону, ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДОНА

Политическая социализация — это непрерывный и многогранный процесс, играющий ключевую роль в формировании политической культуры общества и обеспечении его стабильности. Это важный механизм, обеспечивающий преемственность политической культуры и интеграцию молодого поколения в политическую систему.

Исследование электорального поведения студенческой молодежи позволяет понять, как складываются их политические взгляды и ценности, так как период обучения в высшем учебном заведении совпадает с периодом активного формирования политических предпочтений молодых людей.

Научный дискурс в области электоральной активности молодежи, сконцентрированный на анализе избирательных предпочтений и поведения молодого поколения, позволяет делать вывод, что ключевым фактором, стимулирующим вовлеченность молодежи в электоральные процессы, является целенаправленное формирование их политического мировоззрения.

Исследование электорального поведения студенческой молодежи помогает понять, каким образом меняются каналы политической информации и мобилизации данной группы избирателей, позволяет выявить локальные особенности политической культуры и факторы, влияющие на ее электоральное поведение.

Наше исследование проводилось методом анкетирования в период с 17 июня по 23 июля 2024 г. В опросе приняли участие 300 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, проживающих в Ростовской области. Все респонденты являются студентами либо аспирантами, имеют неоконченное высшее или высшее образование.

Основным инструментом проведенного опроса была анкета, включавшая 19 вопросов, из них: 6 вопросов направлены на сбор социально-демографической информации респондентов, 13 вопросов сфокусированы на отношении студенческой молодежи к выборам, мотивах и факторах, влияющих на электоральное поведение. Структура анкеты включала в себя следующие группы вопросов.

Отношение молодежи к выборам (3 вопроса).

Политическое сознание и электоральный опыт молодых избирателей (5 вопросов).

Мотивы и факторы, влияющие на электоральное поведение молодежи (4 вопроса).

Оценка будущего.

Акцент в методике исследования делался не на электоральном процессе и его циклах, а на электоральном опыте и политическом участии студенческой молодежи. Целью проведенного опроса студенческой молодежи являлся анализ электорального поведения, политического сознания и отношения к институту выборов в целом.

Особое внимание в проводимом исследовании уделялось факторам, формирующим электоральное поведение молодежи, таким как: влияние семьи и ближайшего окружения, роль образовательных учреждений в политической социализации, воздействие средств массовой информации и социальных сетей.

Фокус нашего исследования был направлен на понимание глубинных процессов формирования политического сознания и гражданской позиции молодежи, а также на выявление факторов, способствующих или препятствующих их активному участию в политической жизни общества.

Данные опроса свидетельствуют о том, что электоральное поведение молодежи формируется под влиянием сложного комплекса факторов, где ключевую роль играют социальное окружение, чувство гражданского долга и цифровые медиа. Высокая готовность к участию в выборах сочетается с ориентацией на мнение близких людей и активным использованием интернет-ресурсов для получения информации, что подчеркивает необходимость адаптации политической коммуникации к цифровой среде.

Полученные результаты свидетельствуют о формировании активной гражданской позиции молодого поколения Ростовской области и его готовности к конструктивному участию в политической жизни региона и страны.

Исследование показало высокий уровень политической культуры и гражданской ответственности студенческой молодежи Дона, их активное участие в электоральных процессах в преимущественно институциональных формах политического участия, однако выявленные особенности, такие как снижение активности на местном уровне и доминирование цифровых медиа, требуют дальнейшего изучения и адаптации стратегий политической коммуникации.

Дальнейшие исследования могли бы расширить понимание роли, степени и механизмов влияния социального окружения на электоральные решения молодежи, а также изучить долгосрочные эф-

факты влияния цифровизации политической коммуникации на гражданскую активность молодого поколения в целях повышения эффективности государственной молодежной политики, в том числе в электоральный период.

Фоминых А.Е.
(Йошкар-Ола, МарГУ)

ДВЕ ВЫСТАВКИ В МОСКВЕ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРОПАГАНДЫ ИЛИ ZEITGEIST-2024?

В мире политических коммуникаций 2024 год запомнился двумя значимыми информационными поводами схожего содержания. С 4 ноября 2023 по 8 июля 2024 года на площадке ВДНХ в Москве действовала Международная выставка-форум «Россия». Практически одновременно, 1 мая 2024 года, у московского Музея Победы на Поклонной горе была открыта выставка трофейного вооружения, захваченного в ходе проведения специальной военной операции (СВО) на Украине.

Современная выставка как публичное событие, зрелище — это хорошо организованный аттракцион. Технологии выставочного бизнеса позволяют подать экспозицию как яркое шоу, где все сделано для привлечения и развлечения зрителя. Ограниченное по времени пребывание усиливает концентрацию внимания зрителей на программе показа. Воздействие еще более усиливается через грамотно подобранное текстовое и аудиовизуальное сопровождение и прямое интерактивное взаимодействие посетителей (например, гидов) с посетителями.

При попытках оценить эффективность выставок с точки зрения политических технологий, как правило, принимаются в расчет охват аудитории (фиксируемое количество посетителей) и получаемая организаторами обратная связь: отзывы, комментарии, обзоры и т.д. По этим параметрам обе рассматриваемые московские выставки 2024 года однозначно признаны успешными. Так, за восемь месяцев работы форума «Россия» его павильон на ВДНХ с экспозициями всех 89 российских регионов посетили более 18,5 млн человек. По концепции организаторов, территория ВДНХ стала «масштабной проекцией» целой страны — здесь были представлены все субъекты Российской Федерации, крупнейшие корпорации, федеральные структуры, общественные организации. Посетители могли познакомиться с традициями и обычаями всех регионов страны, попробовать кухню разных народов. Программа включала в себя ледовые шоу, спектакли, кинопоказы, концерты, творческие встречи и интерактивные лекции. Немаловажную часть форума составляла его деловая программа. Выставка «Россия» стала важным инструментом публичной дипломатии и международного позиционирования страны: ее посетили более 120 иностранных делегаций, в том числе 2 тыс. участников Всемирного фестиваля молодежи. Особенно отдалась экскурсия на выставку известного американского журналиста Такера Карлсона.

Если выставка «Россия» была призвана подчеркнуть величие страны, ее единство в многообразии, устойчивость (и даже рост!) национальной экономики в условиях санкций, то показ трофеев СВО на Поклонной горе апеллировал к набору других чувств. Публичное выставление военных трофеев — это древняя, как сама война, традиция. Основной нарратив неизменно сводится к демонстрации собственных побед — на фоне поверженной в бою мощи противника. Выставку трофеев СВО, показанную в мае–июне 2024 года, посетили более 1,3 млн человек. Было показано 33 образца военной техники производства западных стран и Украины, а также стрелковое и инженерное вооружение армий государств–членов НАТО, беспилотные летательные аппараты, средства связи, снаряжение украинских военных. Гидами выступали военнослужащие–участники СВО.

Фактически, обе выставки по своему замыслу и используемым средствам воздействия на аудиторию являются отсылкой к аналогиям советского периода. Так, первая экспозиция имеет выраженные параллели с Выставкой достижений народного хозяйства (изначально — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, 1939 г.), а также с павильонами СССР на всемирных выставках (Экспо). Вторая же, по замыслу организаторов, прямо наследует Выставке трофейного вооружения в московском Центральном парке культуры и отдыха им. Горького в годы Великой Отечественной войны (работала в 1943–1948 гг.).

Оба мероприятия воскрешают практики работы с массами, которые достаточно долгое время считались архаичными (в сравнении, например, с использованием технологий Интернет). «Внезапно» оказалось, что привычные для цифровой эпохи источники и каналы доведения информации не могут заменить соприкосновения с экспонируемыми на выставках реальными объектами. Демонстрации зримых и осязаемых предметов сложно противостоять, используя лишь силу слов или образов. Именно эти качества — зрелищность, осязаемость экспонатов, сам характер организации показов, всегда сопряженный с элементами театральности, — превращают выставку в весьма действенную политическую технологию. В то же время в этих двух показах и реакции на них российской и иностранной аудитории своеобразно отразился дух времени (*Zeitgeist*), или общественное восприятие эпохи.

ЗНАЧИМОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ РЕЙТИНГОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ*

В современном мире государства начинают более усиленно, в том числе посредством цифровых технологий, оценивать разные активности человека, закреплять эти механизмы в нормативно-правовых документах и фактически формируют цифровой профиль гражданина. Авторы рассматривают развитие систем цифрового профиля человека с усилением роли искусственного интеллекта, автоматических систем сканирования человека (камер и систем наблюдения), использования скоринговых моделей по разным параметрам и действиям человека и т.д.¹ Данные из цифрового профиля сегодня могут использоваться не только государством, но и частными компаниями, а также физическими лицами для различных целей. Можно также констатировать, что цифровой профиль формируется не только на физические, но и на юридические лица, что в дальнейшем помогает дифференцировать их в разных системах оценок и рейтингах.

Социальные рейтинги на сегодняшний день представляют собой систему оценки и анализа поведения граждан, позволяющую выявлять их ценности, предпочтения и степень социальной активности. К данным инструментам в последние годы наблюдается усиление внимания государств, что обусловлено их высокой значимостью для управления и формирования разных направлений политики. В данной работе будет уделено внимание целям создания социальных рейтингов со стороны государства и будут выделены значимые аспекты формирования социальных рейтингов для государств.

Так, социальные рейтинги помогают структурировать общественные отношения, обеспечивая ясные критерии оценки индивидов и групп, что способствует более эффективному выявлению и продвижению активных людей в профессиональной сфере, формируя принципы функционирования «вертикальных лифтов». Для государств важными аспектами являются процессы регулирования граждан. В этом представлении социальные рейтинги могут использоваться как инструменты для контроля общественного поведения, создавая систему стимулов и санкций, которая направлена на поддержание стабильности и предсказуемости в социальном поведении. Также данные процессы должны формировать прозрачность механизмов оценки в рейтингах. Создание открытых, объективных и подотчетных обществу систем будет способствовать укреплению доверия населения к политическим институтам и элитам, формируя дополнительную легитимацию политической системы.

Система разных социальных рейтингов сможет обеспечить более высокую степень защиты от социальных рисков, создавая уверенность у граждан в своих социальных и экономических правах перед государством, при формировании высокого уровня социальной безопасности и предсказуемости социальных отношений. Это, в свою очередь, может способствовать развитию общественной активности и взаимопомощи, когда граждане будут стремиться к улучшению своих позиций в созданных рейтингах, тем самым развивая корпоративное взаимодействие и сотрудничество в рамках разных сообществ. Социальные рейтинги также могут выполнять функцию ориентира для граждан, выступать инструментом, позволяющим оценивать пути социальной мобильности и открывать доступ к новым возможностям в рамках обучения, трудоустройства и социализации.

Также видится усиление и внедрение новых моделей рейтингования региональных и местных органов власти для выявления успешных практик и проблем в управлении на местах, а также оптимизации распределения ресурсов и поддержки со стороны государства.

В целом социальные рейтинги являют собой мощный инструмент для государственного управления, позволяя выстраивать более эффективные и ответственные отношения между гражданами и властью. Их значимость в контексте современного политического цикла трудно переоценить, что подчеркивает необходимость их внимательного изучения и оценки практик внедрения в различные аспекты государственного строительства.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан», <https://rscf.ru/project/24-28-00728>.

¹ Петров А.А. Российская матрица цифрового профиля россиянина // Национальная ассоциация ученых. 2020. № 52-1 (52). С. 39–52. DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.1.52.144.

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕПАРАТИЗМА В ЕВРОПЕ

Моделирование политических процессов представляет собой одно из перспективных научных направлений в тренде общей междисциплинарности социальных наук. Применительно к проблеме сепаратизма в отечественных исследованиях ранее использовались отдельные математические модели для прогноза и поиска ответов на вызовы сепаратизма. Среди таких публикаций — труды Токарева А.А., Сенюшкиной Т.А., Ермакова Е.С., Чилачава Т.И. и др. В зарубежной литературе распространены работы по построению теорий сепаратизма на основе математических моделей (Erlingsson, 2005; Esteban, Flamand, Morelli, Rohner, 2018; Bartkus, 1999; Hechter, 1992), а также моделирование отдельных аспектов сепаратизма, таких как роль государства (Frombgen, 2007), правовые вопросы (Wheatley, 2014), экономическое влияние (Rodrigues-Pose, Stermsek, 2014). В продолжение этих исследований в данном проекте использован многомодельный комбинированный подход, предпосылкой которого является тезис об ограниченности любой отдельно взятой модели и/или теории в комплексной интерпретации политических процессов. Для анализа отобраны регионы Европы с наиболее ярким проявлением сепаратистских тенденций: Корсика, Северная Ирландия, Шотландия и Страна Басков. Метод исследования — комбинация модели Шепли–Шубика с элементами модели пространственной конкуренции Даунса, свойствами законов распределения вероятностей, модели мятежа Грановеттера и «урны» Пойи.

В результате исследования сформулированы следующие выводы. Комбинация моделей Шепли–Шубика и элементов модели Даунса позволяет объяснить поведение сепаратистских акторов в регионах. В связи с комплексностью подхода представленная комбинация моделей может стать основой в выработке решений на государственном уровне с целью борьбы с экстремальными проявлениями сепаратизма в регионах. Помимо выводов относительно самих сепаратистских кейсов, в результате исследования сформулированы и выводы о достоинствах и недостатках многомодельного подхода. Положительная сторона подхода — широта возможности комбинаций модельных методов и создание уникального комплекса под конкретную исследовательскую задачу. В данном случае подход помог объяснить смещение ключевых сепаратистских акторов в центр в Стране Басков и Северной Ирландии, а также радикализацию сепаратистов в Шотландии; различие во влиянии политики «государства автономий» в Испании и «универсалистской» политики Франции; модель мятежа и «урна Пойи» продемонстрировали роль идеологов в формировании сепаратистских движений. Что касается ограничений представленного подхода, то основными здесь являются: проблема полноты данных, отсутствие инструмента расчета порогов в модели мятежа, риск субъективности кодирования данных (что может встретиться при использовании баз данных), а также необходимость математической проверки отдельно взятого случая при использовании свойств нормального распределения (это можно рассматривать в качестве дальнейших направлений исследования).

Использование многомодельного подхода объясняется логикой ансамблевых методов машинного обучения, где несколько моделей объединяются для создания наиболее оптимального результата. На наш взгляд, логическое моделирование процессов сепаратизма представляет собой важное и перспективное направление в русле общей тенденции на развитие междисциплинарности политической науки. При этом, как ранее заявлял политолог Р. Таагепера, современное увлечение количественными исследованиями и «бессмысленная обработка статистических данных вытеснили логическое моделирование»¹, а ведь именно модели представляют основу рассуждений и фиксирования зависимостей и закономерностей, необходимых для развития научного знания. С учетом этой проблемы в многомодельном подходе предлагается фокусироваться на построении смешанных качественно-количественных комбинаций.

¹ Таагепера Р. Две моих мечты. (Изложение лекции Рейна Таагеперы, лауреата премии имени Карла Дойча) // Политическая наука. 2018. № 1. С. 12–39.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАШИНЫ КАК МЕХАНИЗМЫ ГЕНЕРИРОВАНИЯ ВЛАСТИ СООБЩЕСТВ

Механизм и его законченная организационная форма машины неотделимы от движения, работы, энергии; в универсальной сфере отношений власти (ее приобретения, сохранения и удержания) — политической энергии. Данная сфера не является исключением: степень самостоятельности, характер взаимозависимости частей машины, их место в сети оцениваются с позиций включенности в процесс, функциональной эффективности, специфики решаемых задач отдельным элементом и механизмом как единой системой (организмом).

Тезис о демобилизации традиционных институтов в современном мире характеризует потенциал символического пространства универсальной гражданской религии с рациональными основаниями.

Концептуально модель человека-машины реализует потенциал ресурса, частного интереса, максимизации выгоды и минимизации издержек, освоения и развития. Объемы ресурсов определяют заряд импульса интереса и степень политической активности — дают доступ в дом элит. По мере вызревания ресурса усиливается импульс политического вне границ той или иной функциональной сферы. Импульс неминуемо трансформируется от индивидуального к сетевому коллективному.

Машина группы формируется элитами и функционирует в развилке двух полюсов: кооперации и конкуренции. Организация в данном случае — и институт, и динамика. В значительной степени уместно вести речь об элитарных группах интереса в той же степени, как ассоциациях ресурса, прибыли и издержек. Ее реалии — конкурентная борьба, поиск преимуществ и получение преференций (власти) над рынком в функциональном пространстве, формирование гомогенного дома элит. Политические машины («политические фирмы») в обществе как рациональном взаимовыгодном пространстве ориентированы на получение (генерирование) власти. Фактически их перманентная деятельность осуществляет политическое формирование сообщества и пространства.

Машина политического режима (развития) локации ориентирована на построение и удержание благоприятного режима освоения, распределения и производства, координацию стратегий иных политических машин и акторов дома элит. С этим связано формирование соответствующей институциональной композиции, веера публичных альтернатив, управление рыночным выбором в различных функциональных полях сообщества, в первую очередь — в экономике и политике. Базовая искомая функция машины на этом уровне — администрирование не только местных воронок ресурсов и интересов, но транзитных ресурсных потоков во всех сферах.

Административный ресурс (турбо-ресурс) элит тесно связан со всеми значимыми восходящими и нисходящими потоками ресурсов территорий, предполагает официальный и неофициальный административный (и политический) контроль. Речь идет о политическом по сути режиме использования механизма функционирования территории и управления потоками посредством легитимной административной машины — об административном форматировании сообщества и пространства, легитимном действии «от имени и по поручению» сообщества.

С учетом опыта XX века, классическая машина западного образца выстраивает вертикальные отношения с электоратом, реализует различные кампании мобилизации голосования. Среди примеров современности — электоральная мобилизация в сегментах бюджетной сферы той или иной степени «мягкости» привода, партийные проекты «1+...» и прочее. Особое значение имеет работа машины в горизонтальном измерении дома элит на основе использования механизмов обменов и соглашений, кооперации и конкуренции. Вертикальная проекция важна как модель публичной легитимизации решений дома элит. Однако политический потенциал машины гораздо масштабнее.

Политическая индивидуальная и групповая машина — явление рыночного ценностного града. В данном случае это механизм и модель воспроизводства рыночного универсума, поглощающего иные сферы, грады и миры, адаптирующего их реалии для укрепления конкурентных преимуществ конкретных режимов, политических фирм, персоналий дома элит.

Новые возможности дает информационное пространство XXI века, что усиливает сетевой характер заинтересованной коммуникации за счет технологий. Тем самым технологии становятся элементом современных машин. С их помощью реализуется автоматизированное политическое управление предпочтениями (политические, экономические бренды) и достигается абсолютизация самой данной системы предпочтений. Развитие сетевых коммуникаций привело к потоковому характеру ресурсных коммуникаций, расширению границ локаций сообществ и элит до глобального масштаба и формированию универсального символического пространства.

Помимо этого, механистичность человеческой сущности открывает перспективы новых управляемых трансформаций — от интеллектуально-духовных до физиологических. Пересборка, пере-

прошивка, усовершенствование в русле ЛГБТ+ и схожих проектов выражаются в смене установок и хирургических операциях, генетических экспериментах, дрейфе социальных феноменов от «женщины-мужчины» к «человеку-фурии» и «человеку—неодушевленной вещи».

Хайнацкая Т.И.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПОЛИТИКЕ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ: СТРАТЕГИИ И АКТОРЫ

Вопросы защиты окружающей среды уже давно укоренились в дискурсах развития. Они находят отражение и в мейнстримных концепциях, которые претендуют на универсальность, как, например, устойчивое развитие, и в отдельных локальных концепциях, в которых заложены ценностные и культурные особенности различных регионов, например латиноамериканская модель *buen vivir*.

Вопросы экологии уже долгое время находятся в центре внимания региональной и городской политики, поскольку рост населения и предприятий неизбежно приводит к возникновению экологических проблем. Увеличение уровня загрязнения, нагрузка на инфраструктуру и повышенное потребление ресурсов постоянно следуют за урбанизацией, требуя разработки эффективных стратегий и активного вовлечения всех субъектов в процесс планирования и реализации политики для разрешения экологических проблем.

Сегодня политика городского развития, направленная в первую очередь на повышение качества жизни горожан, представляется невозможной без комплексного учета экономической, социальной и экологической составляющих. Ввиду этого актуализируются несколько исследовательских вопросов: какую роль играет «зеленая» повестка в современной политике городского развития и какие акторы участвуют в процессе ее формирования и продвижения?

Вена представляет собой интересный пример для рассмотрения данных вопросов, так как она занимает высокие позиции в рейтингах, оценивающих качество жизни, таких как *Global Liveability Index* и ежегодный рейтинг компании *Mercer*. Однако в «зеленых» рейтингах, в которых анализируются экологические параметры городов, например *Eco-City Index*, позиции Вены оказываются менее высокими. Это подчеркивает важность изучения роли «зеленой» повестки в политике ее городского развития.

Городские власти заявляют, что одной из главных их целей является улучшение «зеленого» образа города, поэтому активно включают экологические аспекты в рамках стратегий развития города, например повышение энергоэффективности города, переход на «чистый» общественный транспорт, расширение «зеленых» территорий, улучшение системы переработки отходов, продвижение более экологических методов строительства и др. На сегодняшний день основными документами, определяющими городскую политику Вены в области развития, являются План городского развития Вены (*Stadtentwicklungsplan — STEP*) и концепция «Умного климатического города Вены» (*Wiener Smart Klima City Strategie*), где особое внимание уделяется как инновационным решениям, так и экологическим аспектам.

Все это разрабатывается и реализуется при тесном взаимодействии органов власти Вены, в частности городского правительства и его департаментов, муниципальных ведомств, городского совета, в котором доминирует Социал-демократическая партия Австрии (*SPÖ*), бизнес-предприятий, которые отвечают за внедрение экологически чистых методов и технологий, исследовательских центров, гражданского общества, неправительственных организаций и, самое главное, жителей города.

Согласно документам, «зеленая» политика Вены направлена на создание «устойчивого» и комфортного городского пространства, в котором экономическое развитие и улучшение качества жизни происходят без ущерба для окружающей среды. Власти стремятся сделать Вену образцовой моделью «зеленого города», эффективно управляя ресурсами, защищая экологические системы и минимизируя негативное воздействие урбанизации на природу. Однако экологическую политику Вены следует рассматривать как развивающуюся, которая еще требует доработок.

Городские власти, представители гражданского общества и неправительственные организации в первую очередь продвигают климатическую повестку, а не общую экологическую, подчеркивая свою приверженность общемировым трендам. При этом при более глубоком анализе обнаруживаются нерешенные проблемы экологической политики, вызванные неравным доступом к экологической инфраструктуре, в частности «зеленой» джентрификацией, «гринвошингом», политической зависимостью, конкуренцией повесток и интересов между различными группами. И хотя муниципальные органы власти стремятся включать новые экологические инициативы, население все больше разделяется вокруг выбора приоритетов политики, особенно когда стоит вопрос между социально-экономической и экологической политикой.

Города действуют в глобальном контексте, но местным органам власти бывает трудно найти баланс между международными экологическими обязательствами и местными потребностями и политическими реалиями. Политическая динамика городской экологической политики сложна и определяется конкурирующими интересами стейкхолдеров, асимметрией власти, ограниченностью ресурсов и проблемами управления. Города не просто становятся «витринами» политического курса стран, но и служат пространствами, в которых формируются и трансформируются образ жизни, социальные связи, культура и идентичность людей. В этом процессе важным элементом становится экологическая составляющая: качество окружающей среды, доступ к «зеленым» зонам и «зеленая» городская инфраструктура оказывают прямое влияние на благополучие жителей, их повседневные привычки, социальное взаимодействие и укрепление чувства коллективной ответственности за сохранение природной среды.

Хамидуллин А.Р.
(Казань, КГЭУ)

ВОДОРОДНАЯ ПОВЕСТКА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Может показаться, что на фоне рисков последних лет тема климатических изменений должна была бы отойти на второй план, но это не так: все крупные экономики проводят политику декарбонизации. Европа и США идут разными путями: первая создает рынок торговли выбросами и вводит налоги на углерод, вторые — напротив, предлагают компаниям субсидии за «озеленение»; Китай активно развивает зеленые технологии¹. Европейский союз продолжает активно интересоваться водородом как важным элементом безуглеродной энергетики.

В современных условиях стремление к развитию технологического суверенитета приобретает особую значимость для Российской Федерации. Ограничения в области международного технологического сотрудничества и экспорта существенно усложняют доступ к передовым технологиям и инновациям со стороны стран, классифицируемых как «недружественные». В данной ситуации национальное развитие и экономическая безопасность государства напрямую зависят от возможностей по созданию собственных технологических решений и производственных мощностей.

Необходимо отметить, что аналогичные вызовы и задачи стоят перед странами Содружества Независимых Государств (СНГ), такими как Беларусь, Казахстан и Узбекистан. В условиях глобальных экономических и политических изменений эти страны также сталкиваются с необходимостью укрепления своего технологического суверенитета. Беларусь активно развивает внутренние научно-технические программы и стремится к созданию независимой производственной базы для обеспечения своей экономики передовыми технологиями. Для Республики Беларусь в условиях образовавшегося после запуска в эксплуатацию двух блоков АЭС профицита электрической энергии электролиз кажется наиболее подходящей технологией производства водорода².

Казахстан, в свою очередь, сосредоточен на диверсификации экономики и внедрении инновационных решений в различных отраслях промышленности, что является ключевым элементом его стратегии по укреплению национальной безопасности и экономической устойчивости. Уникальное географическое положение Казахстана, расположенного между двумя крупнейшими водородными рынками — КНР и ЕС, может стать важным фактором в дальнейшем развитии водородной отрасли. Приоритетное внимание будет уделено низкоуглеродному водороду (зеленому и синему), что обеспечит Казахстану конкурентоспособность даже на рынках с жестким регулированием выбросов углерода³.

В рамках Стратегии развития Нового Узбекистана на период 2022–2026 годов значительное внимание уделяется интенсивному развитию водородной энергетики в стране. Бюджет Программы научных исследований составляет 10 млрд сумов.

В свою очередь, Туркменистан, обладающий значительными природными ресурсами, имеет потенциал стать ведущей страной в области развития низкоуглеродной (водородной) энергетики. Данный прогноз был озвучен доктором технических наук Аллаберды Ильясовым 30 августа 2021 года в интервью для *CentralAsia.news*.

¹ «Отсидеться не удастся»: российская экономика и энергопереход // Эконс. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/otsidetsya-ne-udastsya-rossiyskaya-ekonomika-i-energorerhod/> (дата обращения: 08.09.2024).

² Седнин В.А., Игнатович Р.С. Анализ эффективности технологии производства водорода на мини-ТЭЦ на местных видах топлива термодимическим методом // Энергетика. Известия высших учебных заведений и энергетических объединений СНГ. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effektivnosti-tehnologii-proizvodstva-vodoroda-na-mini-tets-na-mestnyh-vidah-topliva-termohimicheskim-metodom> (дата обращения: 10.09.2024).

³ Toward a Hydrogen Economy in Kazakhstan // ADB. URL: <https://www.adb.org/publications/toward-a-hydrogen-economy-in-kazakhstan> (accessed: 29.08.2024).

В случае успешной организации крупномасштабного и конкурентоспособного производства водорода перед Российской Федерацией и странами СНГ откроются значительные возможности для выхода на мировой рынок водородной энергетики и сопутствующих продуктов с высокой добавленной стоимостью. Экспорт водорода может способствовать укреплению политических и экономических отношений, повышению энергетической безопасности и созданию новых экономических возможностей. Для стран СНГ важно не только оставаться в русле глобальных тенденций, но и задавать тренды развития новой энергетики, основанной на использовании водорода, в целях наращивания технологических преимуществ и обеспечения конкурентоспособности.

Харин А.Н.

(Киров, Кировский филиал РАНХиГС при Президенте РФ)

РОССИЯ: ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО

Последнее время применительно к России все чаще становится популярным термин «государство-цивилизация», который противопоставляется термину «государство-нация». Напомним, что термин «государство-цивилизация» уже ранее использовался применительно к другим странам. В первую очередь к Китаю. В этом плане как раз авторство термина «государство-цивилизация» и приписывается китайскому мыслителю Чжан Вэйвэю. Нам близко распространенное определение данного феномена: «государство-цивилизация — большое многонациональное государство, объединенное не по принципу этнического родства, а по принципу общей религии или идеологии, комплементарности культур, схожего геополитического положения, наконец, общей исторической судьбы».

Другими словами, под государством-цивилизацией понимается феномен, в котором совпадают политические и социокультурные границы. Такими государствами-цивилизациями, например, считаются Индия и Китай.

Хотя, как отмечают некоторые исследователи (напр., В.Э. Багдасарян), признаки данного феномена не определены, что стимулирует ученых на выработку данных признаков (М.В. Ремизов, В.Э. Багдасарян). Однако данный подход фактически замыкает Россию (как и другие государства) в современных политических границах. Вместе с тем в современном мире происходит сближение стран не только на основе капитала, но и общего взгляда на вещи, консенсуса в понимании тех или иных ценностей. Это создает предпосылки формирования крупных наднациональных цивилизационных образований, о чем уже давно пишут. Можно здесь вспомнить концепцию «столкновения цивилизаций» С.П. Хантингтона.

Поэтому мы полагаем, что для России возможен иной сценарий: «цивилизация-государство». Данный термин тоже встречается в современной научной литературе. Например, западный исследователь М. Жак применяет его, однако только к Китаю (при этом не раскрывая его сущность). Жуан Вэй также останавливается на категории «цивилизация-государство», рассматривая ее в качестве альтернативы нации-государства. Он отмечает, что некоторые цивилизации, созданные из совокупности народов или этнических групп, имеют не только общий набор ценностей, но и общее географическое пространство. Здесь имеют место общая история, культура и социально-политические институты.

Такая цивилизация даже напоминает национальное государство (Китай и Индия), поэтому ее можно назвать цивилизацией-государством. Политическая конфигурация здесь похожа на нацию-государство. Как и последняя, цивилизация-государство имеет свой суверенитет, но в то же время многочисленные народы, входящие в состав этой цивилизации, его не имеют. На наш взгляд, здесь все-таки речь идет о «государстве-цивилизации», являющемся, в нашем понимании, своеобразным видом традиционного государства, в котором совпадают только культурные и политические границы. Автор прав в том, что такие государства-цивилизации, как Китай, Индия, полностью сохраняют суверенитет над своей территорией, их границы фиксированы, и они признаются в качестве акторов мировой политики. Однако понятие «цивилизация-государство» шире.

На наш взгляд, цивилизация-государство — образование, возникающее на основе нескольких политий и стремящееся стать одной из альтернатив нации-государству. Если цивилизации как таковые — явление более социокультурное, то цивилизации-государства — также и политическое. Кроме того, если ранние цивилизации строились, как правило, на сугубо религиозной основе, то сейчас зачастую религия отходит на второй план, хотя и оказывает существенное воздействие на культуру, социум.

Можно выделить несколько основных критериев причисления той или иной страны к цивилизации-государству.

Во-первых, необходимо наличие общего самосознания. Во-вторых, система ценностей и культуры, в целом принимаемая всеми субъектами цивилизации. В-третьих, интеграционные объединения. В-четвертых, общая историческая судьба. В-пятых, сложная социокультурная организация.

На наш взгляд, Россия в силу своей древней культуры и наличия конструктивных отношений с отдельными православными странами сможет сформировать цивилизацию-государство, но для этого нужна долгая и кропотливая работа элиты и общества, при этом не только самой России. Тем более что в самой стране на данном этапе популярна цивилизационная парадигма в общественных дисциплинах. Таким образом, в целом для России возможен не только сценарий «государство-цивилизация», но и сценарий «цивилизация-государство». При этом второй сценарий может являться логическим продолжением первого.

Харитоновна О.Г.
(Москва, МГИМО МИД России)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОПУЛИЗМА

В докладе предпринята попытка рассмотрения проблем концептуализации, классификации и операционализации популизма и оценки возможностей количественного исследования популистских лидеров, партий и режимов. Рассмотрены основные подходы к концептуализации популизма (идеационный, политико-стратегический и социокультурный (Mudde, Rovira Kaltwasser, 2018) и способы операционализации популизма в рамках этих подходов.

Классическим считается определение К. Мюдде, который понимает популизм как «ненасыщенную» идеологию, разделяющую общество на две антагонистические однородные группы — «истинный народ» и «коррупцированную элиту», и основанную на том тезисе, что политика должна представлять собой выражение «общей воли» (*volonté general*) (Mudde, 2004). Такое определение позволяет включать в список наблюдений популизма и правые, и левые идеологии в рамках любых политических режимов. Хотя большинство исследователей популизма говорят о его появлении только в условиях соревновательных выборов, для расширения выборки в нее можно включать популистов гибридных режимов и демократий с прилагательными, которые используют популистскую риторику для компенсации слабости формальных политических институтов.

Для выявления, анализа и классификации популизма в рамках идеационного подхода исследователи проводят анализ текстов (в широком понимании) с использованием разнообразных методов количественного и качественного анализа (контент-анализа или дискурс-анализа) текста речей и заявлений политических лидеров или программных документов политических партий для выявления наличия популистской риторики. Можно выделить два подхода к операционализации популизма: категоризация (есть-нет) и ранжирование или измерение на основе числовых значений. По методике целостной оценки речей К. Хокинса, наибольший балл по степени популизма получают речи, в которых «общая воля» будет сочетаться с «манихейским мировоззрением». Как показывают исследования, на результат влияет выбор единиц анализа: манифесты партий будут менее популистскими, чем речи их лидеров, при этом предвыборные речи лидеров будут более популистскими.

Менее распространенный вариант концептуализации популизма представлен политико-стратегическим подходом, который определяет популизм как стратегию персоналистского лидера, базирующуюся на прямой, неинституционализированной поддержке народа (Weyland, 2020). Отличительной характеристикой такой стратегии будет ее персоналистская сущность и сложнооперационализируемая харизма лидера. В науке нет консенсуса относительно концептуализации харизмы, которую часто операционализируют в политико-психологическом ключе — как коммуникативные качества лидера. Настоящая харизма появляется из «веры в непостижимый дар одного человека, разделяемый его последователями», появлению харизматиков способствуют политические изменения и кризисы (Bendix, 1967).

Наиболее противоречивым подходом к концептуализации популизма является социокультурный подход, представители которого рассматривают популизм как «народный стиль» политики, проявляющийся в некорректном поведении, свидетельствующем об аутентичной низшей культуре народа» (Ostiguy, 2009). В результате для речи популиста характерно использование ярких, жаргонных и политически некорректных выражений, большого объема невербальной коммуникации, превращающей каждое выступление лидера в «перформанс». Как считает Б. Моффит, «плохие манеры» популиста свидетельствуют о непочтительном отношении к политическим нормам, иерархии и традиции, поэтому они характерны для политических аутсайдеров (Moffitt, 2016) или для тех, кто стремится создать такой имидж. К сильным сторонам этого подхода можно отнести то, что он принимает во внимание не только дискурс, но также манеру поведения популистских лидеров, к слабым — исключение из анализа тех из них, чье поведение соответствует культурным нормам.

В данном докладе предлагается трехмерная операционализация популизма, выделяющая три оси популизма как «ненасыщенной идеологии»: а) антиистеблишмент и общая воля (идеационный подход),

б) персонализм и харизма (политико-стратегический подход) и в) невербальная коммуникация и стиль популистов (социокультурный подход).

Дискурс популистов анализируется через призму идеологии насыщенной и разделяется на три основные темы — национализм, расизм и нативизм — и два направления (позитивный и негативный). Кроме того, анализируется дискурс лидера-популиста до и после прихода к власти. Примерами негативного популизма являются идеи антиистеблишмента, антиевропейские и антииммиграционные лозунги; позитивного — отражение воли народа, поддержка традиционных ценностей и предоставление гражданам программ поддержки. На основе предварительного анализа дискурса лидеров-популистов делается вывод о его трансформации после прихода к власти: на смену антивектора приходит позитивный популизм и усиливаются персоналистские тенденции.

Харкевич М.В.
(Москва, МГИМО МИД России)

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК АНТИКРИЗИСНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Теорию международных отношений часто сотрясают кризисы идентичности, вызванные сомнением в том, что она состоялась как научная дисциплина. В 1960 г. Мартин Уайт публикует статью «Почему нет международной теории», в которой утверждает, что для анализа анархичного (международного) порядка языка политической науки и права не подходят, так как они были сформированы для анализа порядка иерархического (внутригосударственного). В 2001 г. Барри Бузан и Ричард Литтл выносят вердикт ТМО, заявив, что она провалилась как интеллектуальный проект, так как всегда заимствовала концепты и подходы из смежных областей знания, но никогда не обогащала их в ответ. В 2007 г. Кристин Сильвестр характеризует ТМО как множество непересекающихся и не общающихся друг с другом сообществ, каждое из которых сидит у своего «костра». Джастин Розенберг в 2016 г. предположил, что корень всех этих бед ТМО один — исторически так сложилось, что ТМО находится в «клетке» политической науки, не имея своей онтологической базы, которая бы универсализировала международное и его можно было бы обнаружить в разных сферах общественной жизни. Только в этом случае станет возможен трансдисциплинарный перенос из ТМО в смежные дисциплины и появится что-то общее между «кострами». В качестве возможного претендента на статус онтологической базы международного Розенберг предложил социетальную множественность — человеческих сообществ всегда и везде было больше одного.

Политическая наука также пережила не один кризис идентичности за свою историю. В 1984 г. Чарльз Тилли выделил ряд «пагубных» для политической науки постулатов, которые, с его точки зрения, удерживают ее в научной картине XIX в. и не дают развиваться. В 2024 г. М.В. Ильин констатировал, что эти постулаты до сих пор не изжиты и продолжают препятствовать развитию политической науки. В 2007 г., выступая с президентским посланием на конгрессе Американской ассоциации политической науки, Роберт Аксельрод отметил «импортный» характер политической науки — она заимствует из смежных областей, но сама на них влияния не оказывает.

Общий диагноз, поставленный и ТМО, и политической науке в целом, позволяет предположить, что найденное в ТМО направление преодоления дисциплинарного кризиса в ТМО (социетальная множественность, предложенная Джастином Розенбергом) может подсказать направление поиска преодоления кризиса и в политической науке в целом. Обнаруживается это направление в онтологической сфере. Трансферный потенциал ТМО и политической науки возрастет, если мы от трансцендентной политической онтологии перейдем на любой вариант имманентной политической онтологии. Социетальная множественность — как раз пример такой онтологии. Имманентная политическая онтология имеет долгую традицию — от Аристотеля до Делёза. Политические структуры, процессы и отношения рассматриваются в ней как внутренне присущие самому бытию и существованию, а не как привнесенные извне (трансцендентные). В рамках имманентной политической онтологии политическое рассматривается как неотъемлемая часть повседневного взаимодействия и организации общества, не подчиняясь каким-либо внешним (трансцендентным) силам или принципам. В силу имманентности переходы от человека к политике, а затем от политики к отношению между политиями — это переходы между различными масштабами одного и того же явления. Связующим все масштабы социальных отношений служит концепт управления. Именно через этот концепт как политическая наука (*governance*), так и ТМО (*global governance*) могут «экспортировать» свое знание в смежные дисциплины. В любой сфере общественных отношений существует проблема управления — от кулинарии до науки, а при увеличении масштаба рассматриваемых вопросов возникает и спрос на глобальное управление.

Хаткевич А.А.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ СТРАН БРИКС

Сегодня такая система международных взаимодействий, как научная дипломатия (НД), является объектом исследований, аналитических работ, обсуждений в пространстве политического дискурса. Один из ключевых вопросов, поставленных в рамках этой проблематики, — о целесообразности развития НД для внешней политики государств. В докладе представлены результаты сравнительного исследования концептуальных основ и практик НД стран БРИКС, нацеленного на выявление характерных черт и особенностей стратегий НД Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики. Внимание в рамках данной работы сфокусировано на инструментальных характеристиках НД указанных стран.

Под концептуальными основами подразумеваются положения, прямо или косвенно касающиеся НД, которые содержатся в концептуальных, аналитических, стратегических документах государств и международных объединений, в научной литературе, исторических источниках исследуемых стран. В результате операционализации концептуальных основ были сформулированы инструментальные характеристики — параметры, позволяющие выявить роль НД во внешней политике государства, а также установить его подход к определению НД с применением разработанной в результате теоретического исследования типологии. Данная типология была использована в ходе эмпирического исследования для интерпретации выделенных инструментальных характеристик НД путем их соотнесения с подходами. Оставляя за скобками подробное описание концептуальных основ НД, проведем межстрановой обзор их кратких формулировок, а также, что главное, инструментальных характеристик и подходов к определению НД.

Концептуальные основы НД Бразилии — обеспечение научных учреждений доступом к партнерству с другими странами, поддержка международной научной мобильности для подготовки высококвалифицированных кадров, необходимость разрушения стереотипов, связанных с имиджем Бразилии за рубежом, и позиционирование ее как страны, способной генерировать знания на переднем крае науки. Следовательно, в случае с Бразилией НД рассматривается как инструмент научного развития страны и улучшения ее репутации. Сочетание этих характеристик, по отдельности относящихся к двум разным подходам, дает основания интерпретировать подход Бразилии к определению НД как внепарадигмальный «зонтичный».

Согласно концептуальным основам российской НД, эта практика должна быть направлена на формирование определенной модели международного научно-технического сотрудничества. Для России НД — инструмент решения глобальных проблем, сотрудничества, реализации потенциала «мягкой силы», реализации национальных интересов, сохранения идентичности российской науки, научного развития страны. Таким образом, Россия придерживается внепарадигмального «зонтичного» подхода к определению НД.

Из концептуальных основ НД Индии выявляются стремление страны к технологической индигенизации и намерение развивать ее конкурентоспособность в науке. Соответственно, во внешней политике Индии НД играет роль инструмента научно-технологической индигенизации, что соотносится с парадигмальным конструктивистским подходом.

Китайскими аналитиками и лицами, принимающими решения, НД страны зачастую отождествляется с научным сотрудничеством как способом создания нового типа международных отношений, сосредоточенных на взаимовыгодном сотрудничестве. То есть для Китая НД выступает инструментом сотрудничества. Эта характеристика сформулирована в духе либерального (неолиберального) подхода.

Усилия НД Южно-Африканской Республики, согласно концептуальным основам, сосредоточены в первую очередь на Африканском континенте и panaфриканской повестке. НД названа сердцевинной социально-экономического развития и роста Африки. Из этого следует, НД для ЮАР — инструмент социально-экономического развития целого континента, а это соотносимо с либеральным (неолиберальным) подходом.

Итак, единственные повторяющиеся характеристики НД стран БРИКС — инструмент научного развития страны и инструмент сотрудничества, что согласуется с теоретическим положением о двойной логике НД (конкуренция vs сотрудничество), как и самой науки (индивидуальный этос vs коллективный этос). Остальные инструментальные характеристики уникальны и разнообразны. Обобщая, отметим, что из пяти выделенных нами подходов к определению НД инструментальные характеристики НД стран БРИКС соотносятся с тремя: парадигмальным либеральным (неолиберальным), парадигмальным конструктивистским, внепарадигмальным «зонтичным». В выборке не оказалось случаев, когда НД характеризуется как инструмент внешней политики только в категориях парадигмального реалистского (неореалистского) подхода и внепарадигмального подхода, рассматривающего НД как часть публичной дипломатии.

ПОПУЛЯРНОСТЬ ПАРТИИ «REFORM UK» НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2024 г. — ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ?

Одной из примечательных черт на парламентских выборах в Великобритании 4 июля 2024 г. стал успех созданной в 2021 г. на базе «Партии Брекзита» правой партии «Реформировать Соединенное Королевство» (*Reform UK*) во главе с Н. Фараджем. Хотя партия провела всего четырех депутатов в нижнюю палату парламента по итогам выборов из-за существующей в стране мажоритарной системы (*first past the post*), она получила рекордное третье место по количеству набранных голосов после Лейбористской и Консервативной партий. Значительно увеличила свои позиции и число мест в Палате общин Партия либеральных демократов.

Такой результат партии «Реформировать Соединенное Королевство» стал возможен из-за оттока части избирателей от консерваторов к правым. Усталость населения от 14-летнего периода правления тори, экономические проблемы, нарастание социальных трудностей, негативные последствия Брекзита, вызовы внешнеполитического характера предопределили падение популярности консерваторов. По итогам выборов премьер-министр Р. Сунак ушел в отставку; к власти пришел лидер победившей партии лейбористов К. Стармер.

В целом предвыборная кампания партии «Реформировать Соединенное Королевство» была направлена на дальнейшее разделение правого электората, подрыв влияния правящей Консервативной партии. Они подвергли сомнению избранный тори курс на «зеленую повестку», называя его «выдумкой», выражали сомнения в необходимости продолжения занятой Британией позиции по украинскому вопросу, критиковали миграционный курс страны.

Предвыборная платформа «Реформировать Соединенное Королевство», названная как «Наш контракт с вами» (*“Our contract with you”*), была издана 17 июня 2024 г., тогда же Фарадж представил программу во время интервью. Среди основных требований фигурировали такие: сокращение налогов для крупных корпораций, легальной иммиграции (поддержка въезда квалифицированных кадров), возвращение нелегальных мигрантов во Францию, отказ от декарбонизации (защита окружающей среды с помощью посадки деревьев), запрет на трансгендерную идеологию, введение «патриотических программ» в школах, реформа Палаты лордов, выход из Европейской конвенции по правам человека, из Всемирной организации здравоохранения (если она не будет реформирована) и другие.

Во время предвыборной кампании несколько кандидатов партии «Реформировать Соединенное Королевство» были исключены после обнародования СМИ их расистских комментариев в прошлом, хотя агитаторы партии тоже были замечены в высказываниях расистского и гомофобного характера. Внутренние противоречия в партии побудили некоторых кандидатов от «Реформировать Соединенное Королевство» сняться с выборов и раскритиковать партию.

Тем не менее сама личность Н. Фараджа, популярного, харизматичного (хотя и несколько одиозного) и опытного политика, его отличные от устоявшегося в британском общественно-политическом дискурсе взгляды и высказывания (например, об ответственности Британии и других стран НАТО за военный конфликт на Украине) помогли партии добиться третьего результата по числу набранных голосов. Сам Н. Фарадж получил место в Палате общин от Кляктон-он-Си и стал депутатом. Причем лидером партии он стал накануне выборов, когда в начале июня 2024 г. Р. Сунак, тогда еще действующий премьер-министр, объявил дату проведения выборов. До этого времени лидером партии был Р. Тайс, ставший заместителем Н. Фараджа. Нынешнему лидеру партии также принадлежит 60% *Reform UK Party Ltd*. Заметим, что в прошлом политик был лидером правой «Партии независимости Соединенного Королевства» и «Партии Брекзита», что повлияло на идейную составляющую партии (прежняя линия на ограничение иммиграции, например, сохранилась).

В докладе на конгрессе планируется затронуть вопросы, связанные с определением партии (на какой стороне политического спектра она реально находится), ролью личности на примере Н. Фараджа и других ярких фигур партии в ее развитии и популярности, «русским следом» в деятельности организации, ее расистским характером, и другие.

Холодковский К.Г.
(Москва, ИМЭМО РАН)

ТЕНДЕНЦИИ МИРОПОРЯДКА

Обращаясь к изучению современного миропорядка, потенций и направленности его трансформации, необходимо ясно сознавать, что состояние, обозначаемое этим термином, существовало отнюдь не всегда.

Сам этот термин обозначает наличие связей между единичными элементами человечества — странами или континентами. Эти связи могли носить различный характер. Это могли быть крайне слабые и во многом неточные, искаженные слухи о «заморских странах» (как представления об Америке перед ее открытием), могли быть связями с соседними или близко расположенными государственными образованиями. Эти государства могли находиться в дружественных либо, напротив, во враждебных отношениях, или эти отношения могли со временем меняться, как менялись в 30–40-е годы XX в. отношения Советского Союза и гитлеровской Германии. Наиболее распространенный тип отношений — налаженный практикой и правовыми установлениями торговый обмен.

Поскольку в отдаленном прошлом преобладали отсутствие или крайняя ограниченность любых связей между странами и тем более континентами, это означало фактическое отсутствие того состояния, которое заслуживает определения «миропорядок».

После своего отнюдь не одномоментного возникновения на рубеже Древнего мира и Средних веков это состояние было и остается (относительно) стабильным или (относительно) нестабильным, характеризуемым внутренним или внешним динамизмом. Миропорядок разных эпох (XV–XVI вв., XVIII–XIX вв., XX–XXI вв.) отличается различной степенью упорядоченности и прочности. Переход от одного состояния миропорядка к другому часто принимал форму ломки, носящей нередко резкий, даже катастрофический характер. Можно спорить: то, что сейчас происходит — это уже ломка или самое ее начало.

В истории выделялось два типа миропорядка — полицентризм и глобализм. В прошлом преобладание принадлежало первому из них. Впрочем, в каждом случае вряд ли можно говорить о решительном преобладании одного из них.

В разные эпохи в сложившемся миропорядке выделялись лидирующие (в максимуме — господствующие) державы (можно указать на Древний Рим или «англоязычный мир» (перед Первой мировой войной). Поздние варианты миропорядка характеризуются биполярностью (США–СССР, США–Россия), при которой лидирующие державы (или их группировки) отличаются характером толкования подходов к существующему миропорядку.

Следствием биполярности (можно спорить, в какой мере неизбежным) является возникающая рано или поздно ломка миропорядка и «большие» (в современную эпоху — мировые) войны. Если биполярность не удастся преодолеть, единственным, хотя и трудным, путем устранения ее нежелательных последствий является постоянная и творческая забота ведущих государств о налаживании взаимовыгодных мирных международных отношений.

Хомутикин С.В.
(Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина)

МИРОПОРЯДОК И МЕСТО РОССИИ В СИСТЕМЕ БАЛАНСА СИЛ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: ОЦЕНКИ ГЕНРИ КИССИНДЖЕРА

Проблема мирового порядка является одной из центральных в обширном интеллектуальном наследии одного из виднейших представителей внешнеполитического истеблишмента США середины XX — начала XXI в., бывшего государственного секретаря Генри А. Киссинджера (1923–2023). Представляют интерес его оценки роли России в возникающем мировом порядке XXI в., данные в том числе через призму влияния современного украинского кризиса на глобальный баланс сил.

Рассуждая о современной внешней политике России, немаловажное место Киссинджер уделял ее месту в мировой системе и уравниванию ее устремлений с потребностями других акторов. Начиная с XVIII в. она — один из важнейших участников «силового равновесия» в Европе. Исключением стала холодная война, когда политика Советского Союза имела глобальное измерение. После 1991 г., как писал Киссинджер в нулевые годы, Россия возвращается, пусть и болезненно для своего самосознания, к роли региональной державы. Уже начиная с 2000-х гг. Москва начинает играть ощутимую роль балансира не только в Европе, но и в Азии, например в ситуации вокруг Северной Кореи.

Рост нестабильности в мире в 2010-е гг. неоднозначно повлиял на положение России. Случаи Сирии и Украины, по мнению бывшего госсекретаря США, отчетливо показали, что Москва чувствительно воспринимает кризисы практически в любой точке мира: одновременно они создают как новые возможности для политики Кремля, но и воспринимаются им как угроза. Киссинджер, как и большинство наблюдателей, видел нарастание турбулентности и даже враждебности в глобальных делах, в частности в отношениях Москвы с коллективным Западом. Но при этом Киссинджер не был сторонником точки зрения, что «новая холодная война» уже началась и потому Западу нужно действовать соответствующим образом. Он указывал, что, если смотреть в терминах угрозы, повторение противостояния ядерной России и ядерной Америки является кошмаром, на фоне которого поблекнут все современные кризисы. Именно поэтому Киссинджер в 2010-е гг. неоднократно заявлял, что его серьезно беспокоит отсутствие стратегического диалога между Россией и Соединенными Штатами.

Киссинджер оказался одним из немногих представителей западного истеблишмента, кто после начала специальной военной операции и провала российско-украинских переговоров весной 2022 г. продолжал призывать к поиску дипломатического решения кризиса. В выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе в мае он подтвердил свою приверженность идее нейтральной Украины, указал на настойчивую необходимость начать мирные переговоры не позднее чем через два месяца и предложил отвести российские войска на линию, которую они занимали до 24 февраля. Кроме того, он отметил необходимость сохранить важную роль России в деле поддержания баланса сил в Европе и после завершения кризиса, поэтому война за «свободу Украины» не должна превращаться «в войну против России как таковой». В противном случае у Кремля не останется иного выбора, кроме как пойти на постоянный альянс с Китаем.

Спустя полгода, в ноябре, в выступлении на «*Bloomberg New Economy Forum*» в Сингапуре Киссинджер вновь повторил важность вовлечения России в постконфликтную европейскую систему на комфортных для нее условиях. Это потребует другого восприятия геополитической структуры Европы и Азии в будущем как Россией, так и ее оппонентами. Россия должна быть частью этой системы на основе равенства и взаимного уважения. Нужно отказаться от институциональных угроз в ее адрес, которые угрожали ей, по крайней мере, в ключевые периоды прошлого века. Под ними Киссинджер понимал НАТО. В том же выступлении Киссинджер отказался от своего многолетнего тезиса о необходимости нейтралитета Украины, который он отстаивал с середины 2000-х гг. Связь Киева с Альянсом виделась ему очевидным фактом, который обязательно должен учитываться на будущих мирных переговорах с Москвой, в том числе относительно линии разграничения и границ Украины. Однако более детального изложения того, как трансформация НАТО в гаранта безопасности Украины и его выход на границы России после вступления Финляндии и Швеции сможет устроить российское руководство, патриарх американской дипломатии не предложил.

В своем последнем крупном интервью британскому «Экономисту» Киссинджер утверждал, что вероятным исходом российско-украинского конфликта станет ослабление возможностей России, сохранение ею ряда территорий (прежде всего Крыма), тесная связь или членство Украины в ЕС и НАТО (понимаемое им, что любопытно, как ограничитель реваншистских настроений Киева). Но самое важное — по итогам конфликта возникнет некоторый баланс сил, который станет отправной точкой для последующих переговоров о новой системе отношений России и Европы. Она, по его мысли, должна быть основана на согласии и консенсусе, причем в юридическом закреплении договоренностей будет заинтересована прежде всего Москва.

Храмова Е.В.
(Казань, К(П)ФУ)

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ (КЕЙС RT)

Структурирование современного мирового порядка представляет собой сложный, многосубъектный процесс. Классические формы участия и выстраивания взаимоотношений политических субъектов на мировой арене перестают работать вследствие целого ряда причин. Нивелирование норм международного права ключевыми игроками, «политика отмены», русофобия и, в ряде случаев, открытый геноцид народов — жителей обоих полушарий планеты — все это рано или поздно неминуемо привело бы мировое сообщество в точку бифуркации. Сегодня мы и наблюдаем данный процесс. Выражаясь языком Марксовой концепции — одни уже не могут жить по-старому, а другие просто не хотят отказываться от него.

Назрела ситуация пересмотра целым рядом государств своего положения в мировом сообществе. Они задают логичный вопрос: кто и на основании каких критериев отбора отнес одни государства к категории «цветущий сад», а другие — к «джунглям»? Этот вопрос ставит под сомнение правомерность и справедливость прежнего миропорядка, основанного на демократичности, как основном критерии

дифференциации. Тезис о том, что работающая политическая система — это классическая демократическая, не просто не выдерживает критики, но и опровергается эмпирически. Особенно в условиях так называемых западных «правильных» демократий и всех остальных — «неправильных». В политической науке рядом ученых конструируются как варианты первых, так и варианты вторых. Но главным все так же остается вопрос критериальности: кто решил, какой из таких конструкторов правильный или неправильный?

Одним из примеров эмпирического опровержения таких конструкторов является понятие «параллельной дипломатии». В конце 1990-х гг. на заре демократизации российского общества ряд отечественных исследователей, войдя в мейнстрим тотальной вестернизации (в том числе и в науке), отнесли парадипломатию к когорте процессов, возможных только в демократических обществах, одновременно определив российское общество недемократичным. В дальнейшем конструирование сути российского политического режима и общества продолжилось в направлении стигматизации их как «неправильных» с точки зрения демократизации. Появился объемный ряд категорий, их характеризующих: «нелиберальная демократия», «несовершенная демократия», «суверенная демократия», «управляемая демократия» и др. Сторонники такого подхода утверждали, что все классические демократические процессы в таких демократиях невозможны. Заявлялось это и относительно параллельной дипломатии.

На примере ряда субъектов Российской Федерации, в частности на опыте эмпирического исследования международной деятельности Республики Татарстан, можно утверждать, что параллельная дипломатия может быть высокоэффективным процессом в государствах, формирующих новые современные формы своей государственности, независимости, национальной безопасности, гражданского общества и др. Опыт Татарстана является наглядным примером не просто налаживания экономических, общественных, инвестиционных, культурных международных связей в формирующейся новой реальности, но и свидетельством эффективного функционирования их на протяжении длительного (более чем тридцатилетнего) исторического периода. Тем самым можно утверждать, что в условиях международных политических бифуркаций и парадигмальной смены понятие параллельной дипломатии можно признать эмпирически и теоретически состоятельным.

*Храмова М.Н.
(Москва, ИДИ ФНИСЦ РАН; РУДН)*

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КАК МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ ВЛИЯЕТ НА СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ?*

Миграция играет важную роль в экономическом развитии, социальном неравенстве и формировании человеческого капитала как посылающих, так и принимающих стран. Однако эффекты взаимосвязи между миграцией, экономическим ростом и человеческим развитием сложные и проявляются по-разному не только в различных странах, но и на различных временных интервалах. С одной стороны, миграция может приводить к снижению межрегионального неравенства, поскольку мигранты, переезжая из региона с более низким уровнем развития в другой, более перспективный, способствуют «выравниванию» заработных плат и уровней безработицы в регионах выезда и въезда. С другой стороны, подобного выравнивания может и не происходить. Такая ситуация описывается в теоретической модели с эндогенным человеческим капиталом, когда вследствие самоотбора миграция высококвалифицированных специалистов может приводить к увеличению различий в среднедушевых доходах в регионах выезда и въезда.

В докладе анализируются современные масштабы международной и межрегиональной миграции в России с точки зрения влияния миграции на социально-демографическое развитие отдающих и принимающих регионов.

В качестве исходных данных для анализа используются некоторые итоги Всероссийской переписи населения — 2021, сведения о международной и межрегиональной миграции в РФ, публикуемые Росстатом в сборниках «Численность и миграция населения Российской Федерации» за 2019–2023 гг., ряд социально-экономических показателей в разрезе отдельных субъектов РФ.

Получены следующие основные результаты. В целом можно говорить о том, что масштабы миграции в России постепенно снижаются. Так, по итогам 2021 г. число прибывших в РФ составляло

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-68-00210. URL: <https://rscf.ru/project/22-68-00210/>.

4,277 млн человек, выбывших — 3,847 млн человек, из них в пределах России — 3,609 млн человек. В 2022 г. прибыло 4,195 млн человек, выбыло 4,133 млн человек, в пределах России — 3,465 млн человек. Итоги 2023 г., с учетом миграции из новых регионов России, таковы: прибыло 4,051 млн человек, выбыло 3,848 млн человек, в пределах России — 3,397 млн человек. Миграционный прирост для Российской Федерации формируется в значительной степени за счет стран СНГ, на долю которых приходится свыше 90% миграционного прироста. Среди них преобладающую роль играет Таджикистан, а на пространстве ЕАЭС — Кыргызстан и Армения. Однако 2022 год значительно изменил структуру миграционного прироста за счет стран СНГ. Впервые был зафиксирован миграционный отток в обмене с Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, а также весьма значительный, свыше 16 тыс. человек, миграционный отток в обмене с другими зарубежными странами. Международные мигранты в целом стремятся в те же регионы, которые являются привлекательными и для граждан РФ. Так, к примеру, в 2023 г. свыше 40% миграционного прироста за счет стран СНГ пришлось на субъекты Центрального федерального округа, в значительной степени — на Московскую область. В Уральском федеральном округе лидирующие позиции по миграционному приросту удерживает Ханты-Мансийский автономный округ, а в Южном федеральном округе — Краснодарский край. Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральные округа в обмене со странами СНГ показали миграционный отток.

Анализ оценок вероятностей межрегиональных переходов на уровне федеральных округов позволил нам сделать вывод о том, что в течение длительного периода времени сохраняется так называемый «западный дрейф»: регионы Сибири и Дальнего Востока теряют население в миграционном обмене с центральными регионами страны. Центрами притяжения являются Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край, еще ряд субъектов с преимущественно сырьевой направленностью региональной экономики. В результате в отдающих регионах происходит потеря человеческого капитала.

Официально фиксируемые масштабы эмиграции из России в 2022–2023 гг. оставались на примерно одинаковом уровне: по итогам 2022 г. выехало граждан РФ 65,2 тыс. человек; в 2023 г. — 69,7 тыс. человек, из них около 60% в возрастах от 20 до 49 лет и около 20% — в возрастах до 19 лет включительно. При этом следует иметь в виду, что в официальную статистику не попадают граждане РФ, не снимающиеся с регистрационного учета по месту жительства. Поэтому реальные масштабы эмиграции могут отличаться от указанных выше. Основанием для таких выводов могут служить оценки, которые дают статистические службы принимающих стран, а также оценки российских диппредставительств за рубежом.

Учитывая снижающиеся масштабы международной миграции в Россию, а также достаточно ограниченный перечень стран, из которых преимущественно приезжают мигранты, мы можем говорить о постепенном снижении компенсаторной роли международной миграции в формировании демографической динамики российских регионов. Частично это связано с изменением геополитической ситуации. Другие факторы обусловлены формированием новых направлений международной миграции, сформировавшихся после пандемии коронавирусной инфекции, волатильностью курса российского рубля, а также ужесточением российской миграционной политики в отношении определенных категорий мигрантов.

Хуан Юэ
(Москва, РУДН)

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТИ МНОГОСТОРОННЕГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО АЛЬЯНСА США

После окончания Второй мировой войны, чтобы противостоять коммунистическому лагерю, США создали систему альянсов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, сформировав двусторонние союзы, такие как США–Япония, США–Корея, США–Австралия, США–Филиппины и США–Таиланд. После холодной войны, Корейской войны, Вьетнамской войны и событий 11 сентября 2001 года внутренняя и внешняя среда системы альянсов изменилась.

Правительство США выдвинуло ряд стратегических установок, таких как «Поворот в Азию», «Стратегия азиатско-тихоокеанского перебалансирования», «Америка прежде всего» и «Индо-Тихоокеанская стратегия», и сделало соответствующие корректировки в военном и экономическом аспектах. В то же время КНР стремительно развивается в экономическом и военном плане, что вызывает обеспокоенность США. В настоящее время Соединенные Штаты продолжают углублять сдерживание Китая и продвигают «Индо-Тихоокеанскую стратегию», что приводит к спекуляциям о возможности создания многостороннего альянса в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Виктор Ча отметил, что многосторонние союзы более эффективны для малых стран, чтобы влиять на великие державы, а двусторонние союзы помогают большим державам контролировать малые.

Три правительства — Обамы, Трампа и Байдена активно продвигали многостороннее сотрудничество в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Во-первых, укрепление ряда небольших многосторонних партнерств, например американо-японо-корейского, американо-японо-австралийского и американо-японо-индийского. Во-вторых, на основе углубления мелкомасштабного многостороннего сотрудничества США активно продвигают «Индо-Тихоокеанскую стратегию» и «Четырехсторонний диалог по безопасности». В-третьих, США больше полагаются на другие многосторонние механизмы сотрудничества в области безопасности, такие как продвижение трансформации Альянса «пяти глаз» из механизма сотрудничества в области разведки в многосторонний альянс, а также создание структуры *AUKUS*. Все эти действия отражают тот факт, что в последние годы стратегия безопасности США в Азиатско-Тихоокеанском регионе смещается к многосторонности.

Однако, чтобы создать многосторонний альянс в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Соединенным Штатам приходится нелегко. Прежде всего, США и большинство азиатских стран не имеют общей идеологии. У них нет «чувства общей судьбы», основанного на общности расы, религии и государства. Это отличается от НАТО. Существует множество исторических споров между азиатскими странами, такими как Корея, Таиланд и Австралия, которые все пострадали от агрессии Японии. Япония и Южная Корея враждуют друг с другом из-за таких вопросов, как «удобные женщины» и «принудительный труд» в колониальную эпоху. Кроме того, форма многостороннего или двустороннего сотрудничества зависит от размера угрозы. Когда государства сталкиваются с более серьезными угрозами безопасности, они более восприимчивы к многосторонним механизмам безопасности. Это объясняется тем, что использование сильных сторон многочисленных союзников может предотвратить большие потери в области безопасности в будущем. И наоборот, когда угрозы безопасности невелики, государство предпочитает двустороннюю безопасность.

В настоящее время США продолжают укреплять свой азиатско-тихоокеанский альянс во главе с растущей «китайской угрозой». Его основная цель заключается в том, чтобы не допустить усиления региональных держав, которые представляют угрозу для него самого. Но его союзники, такие как Япония, Индия, Австралия и Южная Корея, не хотят становиться полномасштабным врагом Китая. С одной стороны, быть врагом Китая означает, что эти страны должны нести большие экономические издержки. Такое действие не только влияет на двусторонние экономические отношения, но и существует риск, что эти страны потеряют китайский рынок. Малые страны очень чувствительны к силе великих держав, и они склонны к адаптации, а не к противодействию им. «Активно избегать выбора стороны», — заявил премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун на конференции *ISS Shangri-La Dialogue* в 2019 году.

Для союзников США в Азиатско-Тихоокеанском регионе более высокие издержки противостояния меняют их интересы и предпочтения. В 2019 году премьер-министр Малайзии Махатхир бин Мохамад заявил в интервью, что Китай является крупным торговым партнером Малайзии, Малайзия также страдает во время противостояния с Китаем. В результате проведенного выше анализа можно сделать вывод, что хотя существуют условия для формирования многостороннего альянса, однако в условиях экономической глобализации и либерализации торговли продвижение многостороннего сотрудничества США в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе сталкивается с немалым сопротивлением.

Хугаев З.Т.

(Нальчик, КБГУ; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОГО КАВКАЗА*

В условиях растущей международной напряженности и усиления информационно-когнитивного внешнего давления на Россию увеличивается необходимость в проведении исследований, которые могут помочь в укреплении межнационального согласия и консолидации россиян. Одним из самых сложных с этой точки зрения регионов России традиционно является Северный Кавказ, в котором проживают 142 народа, чем обуславливается сложность в выстраивании государственной межнациональной политики. Важно также отметить, что там в среднем проживает 30,2% молодежи, что выше, чем в среднем по России, где ее около 26%. При этом молодежь является наиболее уязвимой категорией населения, крайне неоднородной, нестабильной, сегментированной и подверженной внешнему давлению. Однако на сегодняшний день аксиологические установки молодежи в таком сложном и про-

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (проект «Молодежь российского Кавказа: традиционные ценности в контексте реализации молодежной политики», шифр FZZR-2024-0003, номер тематики 1023042500277-9-5.6.1).

тиворечивом регионе исследуются недостаточно активно, что создает определенные риски для политической стабильности в регионе и может стать причиной для возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, в том числе разжигаемых из-за рубежа. Все это делает особенно актуальным изучение ценностей, которые свойственны молодежи российского Кавказа, и выработку на основе этих ценностей целостной и сбалансированной государственной молодежной и межнациональной политики, направленной на укрепление на этой территории традиционных российских духовно-нравственных ценностей и снижения риска возникновения экстремистских, сепаратистских и других деструктивных проявлений.

Изучение ценностей молодежи российского Кавказа необходимо начать с анализа ценностей, которые свойственны молодежи России в целом. Наиболее актуальные данные представлены в исследовании¹, проведенном А.В. Селезневой в 2022 году. Согласно этому исследованию, наиболее значимыми ценностями российской молодежи являются мир (70,7%), безопасность (68%), справедливость (69,8%), права человека (67,3%), законность (63,8%), свобода (59,7%), порядок (57,7%). Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в сознании российской молодежи наблюдается актуализация традиционных ценностей. При этом отмечаются привычные для нашей политической культуры патерналистские ориентации. Государство воспринимается молодежью как фактор обеспечения безопасности, законности, порядка.

В ходе нашего исследования ценностных ориентаций были выявлены ценности, которые преобладают в сознании молодежи российского Кавказа. Согласно полученным данным, наиболее значимыми ценностями являются: семья (84%), безопасность (83%), справедливость (82%), права человека (77%), мир (77%), свобода (74%), самореализация (71%), милосердие (68%), знание (67%). Ценности, значимые для россиян по стране в целом, также фиксируются у жителей Кавказа — это мир, безопасность, справедливость, права человека, свобода. Данные результаты свидетельствуют о том, что общероссийские духовно-нравственные ценности свойственны и кавказской молодежи. Однако отдельно следует отметить, что по сравнению с общероссийскими показателями гораздо больше проявляется ценность семьи, которую с учетом высокого показателя в результатах опроса можно охарактеризовать как консолидирующую ценность для всей молодежи. Этот результат обязательно необходимо учитывать при выстраивании государственной молодежной политики в этом регионе и создавать больше инструментов для работы напрямую с семьями. При этом среди ценностей, характерных для молодежи российского Кавказа, не проявились законность и порядок, что свидетельствует о потенциальных рисках роста проблем, связанных с распространением правового нигилизма и преступлений в молодежной среде. Этот фактор необходимо учитывать в работе органов правопорядка, а также Министерства образования и науки, Министерства просвещения и Федерального агентства по делам молодежи.

---

¹ Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 275–289. DOI: 10.17223/1998863X/77/23.

ПАТРИОТИЗМ ПОКОЛЕНИЙ В ПОВЕСТКЕ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ

Патриотизм как коллективная модель поведения является объектом политических практик различных политических акторов. Ключевая роль в создании и актуализации политического дискурса принадлежит не только государству и его политическим институтам, но и средствам массовой информации.

Официальный патриотический дискурс в СМИ в последние два года активно наполняется идеологическим содержанием, актуализируя ценностное («любовь к Родине») и инструментальное («защита Родины») понимание концепта «патриотизм». С одной стороны, патриотизм — это универсальная ценность, лежащая в основе национальной идентичности, с другой — ее смысловое наполнение от поколения к поколению может меняться, как меняются и оценки степени патриотичности самих поколений. Мы ставили перед собой цель — проанализировать, как представлен поколенческий аспект в патриотическом дискурсе российских политических СМИ.

Нами был проведен тематический анализ с использованием корпусного менеджера *Voyant Tools* различных по идеологической направленности СМИ — «Царьград» (интернет-телеканал), газета «Правда» (КПРФ), телеграм-канал партии «Новые люди», газета ЛДПР. На основе анализа коллокаций «патриотизм» и «поколение» мы попытались определить семантическое наполнение патриотического дискурса в данных СМИ.

В газете «Правда» коллокации слов «патриотизм» и «поколение» употребляются в контексте обсуждения ценностей и идеалов, которые передаются от одного поколения к другому. Патриотизм старшего поколения чаще представлен коллокациями «передача ценностей», «исторические события» (которые формировали патриотизм у данного поколения), «сохранение ценностей», «воспитание молодежи» (роль семьи и образования в воспитании патриотических чувств у молодежи, основанных на примерах старшего поколения). Молодежный патриотизм в «Правде» может быть описан следующими словосочетаниями: «наследие и преемственность» (передача опыта от старших), «активизм и участие» (в патриотических движениях, акциях и мероприятиях, направленных на укрепление национальной идентичности), «западное влияние», «образование и воспитание». Патриотизм среднего поколения раскрывается через сравнительный анализ с молодым поколением, акцентируя внимание на том, как исторический опыт формировал взгляды среднего поколения (прежде всего экономические кризисы). Подчеркивается «политическая активность» поколения по защите национальных интересов, «критика внешней политики» через анализ внешних угроз. В целом эмоциональный окрас патриотической риторики в газете партии КПРФ можно определить как ностальгический (обращение к советскому прошлому), солидарный (единство трудящихся всех поколений), защитный (защита традиционных ценностей, национальных интересов).

Контекст употребления слов «патриотизм» и «поколение» на интернет-телеканале «Царьград» может быть описан следующим образом: патриотизм — это основа духовности и национальной идентичности, подчеркивается связь патриотизма с православием и традиционными ценностями (при одновременной критике западных либеральных ценностей). Примеры коллокаций: «патриотизм и духовность», «патриотизм и национальная идентичность», «воспитание патриотизма с детства», «патриотизм молодежи — щит Отечества», «патриотизм и вера». Эмоциональный окрас публикаций скорее возвышенный (воспевание патриотизма молодых защитников Отечества), тревожный (западные ценности подрывают традиционные патриотические ценности и ослабляют Россию), содержащий призыв к действию и религиозный подтекст.

Коллокации слов «патриотизм» и «поколение» в газете ЛДПР: «патриотизм всех поколений», «снижение патриотизма среди молодежи», «призыв молодежи к патриотической деятельности». В риторике газеты чаще говорится о «традиционном патриотизме» в связке с «сильной государственностью». Партия критикует «западные ценности» и глобализм, которые подрывают патриотизм и суверенитет России. В целом видение патриотизма в газете «ЛДПР Сегодня» отражает консервативную и националистическую идеологию партии, которая подчеркивает важность сильного государства, традиционных ценностей и защиты национальных интересов. Публикации о патриотизме молодежи в газете ЛДПР имеют также выраженный эмоциональный окрас, передающий гордость и воодушевление по поводу готовности молодежи служить своей стране. Присутствуют тревога и озабоченность по поводу снижения патриотических настроений среди молодежи, но с нотами оптимизма и надежды.

Патриотическая риторика партии «Новые люди» может быть описана через коллокации: «патриотизм будущего», «обновление патриотизма», «патриотизм и созидание». Эмоциональный окрас публикаций можно описать как прогрессивный (Россия может двигаться вперед), оптимистичный

(необходимы позитивные изменения), инклюзивный (вовлеченность всех в процесс изменений), критический. В целом риторика «Новых людей» стремится вдохновить и мобилизовать граждан на активные действия ради улучшения жизни в стране, создавая при этом положительный эмоциональный фон.

*Царицына П.М.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)*

ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВО ФРАНЦИИ

До первой половины XX в. французская общественная наука практически игнорировала элитистскую концепцию политики. Доминирование в научном и политическом дискурсе марксистской концепции, понимающей правящий класс как гомогенную группу, препятствовало развитию во Франции «школы Макиавелли» (Риу Ж.-П., 1983). Первым во Франции нарушил это политико-идеологическое табу Р. Арон (1954), доказывая, что неоднородность и плюралистичность элит оказывает значительное влияние на развитие общества.

По мнению Н.Ю. Лапиной (2014), с изменением политической конъюнктуры в 1960-е гг. в научной среде стало меняться отношение к элитистскому направлению в политологии. Значительное влияние на развитие французской политической мысли оказала итальянская школа элитизма, представленная в трудах Г. Моска, В. Парето и Р. Михельса. Тем не менее во Франции до настоящего момента так и не сформировалась собственная теория элит.

В 1970–1990-е гг. исследованием правящих кругов занимались А. Турен, М. Фуко, П. Бирнбаум, П. Бурдьё, Ж.-К. Пассерон, Ж. Шарло, Ж.-Л. Пароди, Л. Болтански, Ф. Дюбе, М. Гоше, П. Розанваллон, О. Галлан. Во Франции сложились два основных подхода в изучении элит. Первый, сформулированный П. Бирнбаумом (1978), предполагает, что французские элиты гомогенны и тяготеют к интеграции. Второй подход, напротив, акцентирует внимание на процессах фрагментации, свойственных политической элите последних десятилетий, разнообразии источников ее рекрутирования и вариантов карьерных траекторий, различиях культурных капиталов конкурирующих или сотрудничающих элитных групп (Турен А., 1980; Пароди Ж.-Л., 1992; Розанваллон П., 2011; Болтански Л., 2022).

Французские исследователи осуществляли поиск универсальных принципов генезиса политических элит, анализировали их адаптационный и субъектный потенциалы, уделяли особое внимание специфике французских правящих кругов, характерными чертами которых во все времена были консерватизм и закрытость (Пейрефит А., 1976).

Международный статус Франции определяется в первую очередь мессианской субъектностью в деятельности государства и социума (Арон Р., 1983). Идея величия исконно является частью национальной политической культуры Франции. Французы убеждены в собственной избранности, элиты понимают национальный престиж как самоцель. Франция берет на себя миссию трансляции и пропаганды «универсальных» ценностей, колыбелью которых она себя мыслит. Французские политические элиты используют все доступные ресурсы, в том числе собственный социальный и культурный капиталы, для формирования необходимой им структуры общества (Фуко М., 1975; Турен А., 1984; Бурдьё П., 1990). Французский политический истеблишмент консервативен, процесс его обновления имеет крайне медленный темп либо сопровождается социальными потрясениями.

Реформы Ш. де Голля, направленные на повышение политической стабильности и развитие страны, определили еще одну важную особенность французской правящей элиты — она стала политико-административной. С середины XX в. высшее чиновничество становится доминирующей политической силой во Франции. Чиновники-технократы постепенно «смешиваются» с экономической и медиаэлитой, образуя единый правящий класс (Лабрус Э., Бродель Ф., 1980). Традиционно во Франции в XIX–XX вв. для восхождения к высшим уровням власти существовало две «лестницы»: партийная и административная. С начала XXI в. для представителей политического руководства Франции становится нормой новый тип карьерной траектории, когда человек, работавший в сфере бизнеса и никогда ранее не имевший отношения к политике, может занимать руководящие государственные посты и даже избираться на пост президента.

В последние десятилетия правящие элиты Франции испытывают сильнейшее давление со стороны транснациональных кругов и своих внешнеполитических союзников в условиях дефицита ресурсов для реализации независимой политики. Представители французского истеблишмента все чаще действуют в ущерб своим национальным интересам. Эти тенденции свидетельствуют как о трансформации личностного потенциала и ценностных ориентиров французских политиков, так и о кризисе национальной субъектности французских правящих элит.

Церович М., Мухортов Д.С.
(Москва, МГИМО МИД России, ИНИОН РАН)

ПРОДВИЖЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТА*

Миссия университетов состоит в том, чтобы формировать сознание индивида и определять вектор развития общества. В этом сложном, но значимом процессе приоритетным становится продвижение и внедрение семейных ценностей. Учитывая фактор нахождения студента в стенах вуза в течение наиболее важных для развития брачно-семейных отношений четырех–шести лет, администрации вуза и преподавателям необходимо пересмотреть свою стратегию и методику работы, чтобы поддержать усилия государства в решении целого комплекса демографических проблем. В противном случае усиление требования максимальной академической эффективности будет приводить к обесцениванию у студента фундаментальных общечеловеческих ценностей и утрате жизненно важных ориентиров. Учитывая укоренившийся формат дигитализации коммуникаций, актуальной для изучения в данной связи является цифровая среда высшего учебного заведения.

Из наиболее эффективных мер государственной политики по усилению значимости фамилистических ценностей в сфере высшего образования можно предложить следующие.

Регулярное проведение информационных кампаний, направленных на популяризацию родительства как такового и роли студента-родителя в частности. Студент должен для начала услышать от государства то, чего он раньше никогда не слышал: ему дают зеленую улицу и хотят поддержать его всерьез и надолго. С учетом укоренившейся гедонистической природы современного молодого человека необходимо самым активным образом привлекать ресурсы специалистов по связям с общественностью, рекламщиков и политтехнологов, создавать специфичные информационные материалы, тематические мероприятия, предпринимать стратегически выверенные шаги.

Привлечение религиозных организаций — особенно в части работы с паствой в цифровой сфере, где наблюдается больший охват и допускается осторожная непринужденность в общении. Уровень доверия молодежи, в частности, к Русской православной церкви, как показывают исследования, остается низким, однако появление все большего числа молодых священников-блогеров, причем успешных семьянинов, может постепенно менять сознание целых групп представителей современной молодежи. Редкий студент знает, например, чем занимается благотворительный фонд поддержки семьи и материнства «Женщины за жизнь» (генеральный директор — Наталья Москвитина), или когда-либо слышал о существовании политической партии «За семью!» (учредитель — отец девяти детей Андрей Кормухин), следовательно, информационные ресурсы университетов могли бы распространять эти жизненно важные и, главное, своевременные для студента семье-ориентированные данные.

Доступность информации о мерах по всемерной (!) поддержке студенческих семей — на Телеграм-каналах отдельно взятого факультета или всего вуза. Студент не должен бояться обзаводиться семьей и детьми, поскольку вузы, как никакие другие проводники государственной политики, всеильны в оказании комплексной помощи студенческим семьям и родителям-студентам.

Информационная и финансовая поддержка вузами семьеориентированных студенческих инициатив в виртуальном пространстве: через студенческие союзы и советы необходимо выходить на лидеров общественного мнения, в том числе студентов-супругов, и поощрять их заниматься общественной деятельностью, ориентированной на пропаганду семейных ценностей и семьи как таковой, в том числе через запуск всевузовских конкурсов, игр, чемпионатов, олимпиад.

В заключение следует сказать, что высшие учебные заведения могут оказать значительное влияние на процесс преодоления аксиологического кризиса современной молодежи. В основе российского образования всегда лежал принцип воспитания свободной и гармонично развитой личности. Учитывая произошедшие изменения в социально-демографической политике страны, усвоение системы семейных ценностей через посредство цифровой среды может стать одним из ключевых элементов всего запланированного правительством сложного и длительного процесса.

* Тезисы подготовлены в рамках реализации научного проекта «Инструменты повышения эффективности государственной политики по продвижению ценности семьи в студенческой цифровой среде» (госномер 124101700550-4), выполняемого в ИНИОН РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ.

РОЛЬ ПРОФИЛЬНОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОПРОСАХ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Обеспечение государственного суверенитета России, поддержание устойчивости и стабильности существующих социально-экономических и политических систем в режиме новых вызовов и угроз требуют комплексного и системного подхода со стороны государства. На первое место встает вопрос разработки стратегии развития России, что лежит в основе достижения ее национальных целей. Они способствуют обеспечению экономической безопасности страны, улучшению благосостояния народа и повышению качества жизни.

Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» были определены семь национальных целей, а также задачи и показатели их достижения; был дан старт для реализации новых национальных проектов. Все эти трансформационные процессы оказывают огромное влияние на систему отечественного высшего образования, задача которого заключается в подготовке кадров, необходимых современному рынку труда, обеспечивая научно-технологический и экономический суверенитет. Достижение национальных целей невозможно без подготовки квалифицированных специалистов, поэтому взаимосвязь между получением высшего образования и всесторонним прорывным развитием России очевидна, что стоит рассмотреть на примере профильного политологического образования как необходимого образовательного направления подготовки в высшей школе.

Усиливающиеся процессы политизации основных сфер жизнедеятельности человека в нынешнем глобальном мире формируют международную новостную повестку. Политические события являются ключевыми акторами в трансформационных процессах социально-экономического развития современного общества. В связи с этим возникает потребность в специалистах, способных объективно оценивать и анализировать текущие события, что является главной задачей реализации профильного политологического образования.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.)», отечественная политическая наука должна быть сосредоточена на анализе состояния и динамики развития российского общества в глобальном и национальном аспектах, а также в реалиях цифровизации и интеллектуальных систем, что позволяет выстраивать стратегию развития его составных частей. Российская Федерация — это многонациональная и многоконфессиональная страна, охватывающая обширную территорию и нуждающаяся в эффективном управлении со стороны органов исполнительной власти. Каждый ее регион — уникален. Он имеет свои социально-экономические и политические особенности, связанные с различного рода факторами. Среди них: вековая история, культурные и этнические особенности; географическое положение, климатические условия, природные ресурсы и др. Все это необходимо учитывать при выполнении государственных программ и национальных проектов. Поэтому для комплексного анализа российской общественной жизни, каждый день сталкивающейся с последствиями различного рода неравенств и внешнего влияния, нужны высококвалифицированные специалисты, которых можно подготовить с помощью реализации профильного политологического образования.

Благодаря задачам профессиональной деятельности и компетенциям, заложенным в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по направлениям подготовки 41.03.04 и 41.04.04 «Политология», специалисты в области политических наук смогут по-прежнему проанализировать политические и социально-экономические проблемы регионов России, что даст толчок для проведения прикладных научных исследований, а потенциально и программ его развития. Это приведет к появлению новых горизонтов научной деятельности в области политологии и выстраиванию профессиональных коммуникаций. Изучение различных субъектов нашей страны позволит понять многообразные социокультурные и политические процессы России, показывающие ее как особое государство-цивилизацию. В совокупности это приведет к накоплению человеческого капитала, развитию отраслей экономики и передовых разработок в области современных отечественных научных технологий, что является главными национальными задачами по развитию науки и образования.

Таким образом, подготовка специалистов в области политических наук создаст условия для разработки и осуществления комплекса мер по изучению конкретного субъекта нашей страны, что в совокупности может помочь достигнуть семи национальных целей развития России.

НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Западные аналитики с тревогой отмечают, что общий уровень демократии в мире неуклонно снижается на протяжении двух последних десятилетий. Однако современные демократии «гибнут» не в результате военных переворотов или социальных революций, а разрушаются руками своих собственных лидеров. Авторы книги «Как умирают демократии» (Лондон, 2018) С. Левицкий и Д. Зиблатт указывают, что после окончания холодной войны законно избранные лидеры подорвали демократические институты в таких странах, как Грузия, Венгрия, Никарагуа, Перу, Филиппины, Польша, Шри-Ланка, Турция, Украина и др.; особую тревогу у них вызывает эрозия институтов демократии в ее главных оплотах — США и Великобритании. Схожие процессы развиваются сегодня и в ряде других государств, таких как Израиль, Словакия, Чешская Республика; «антидемократические» партии добились значительных успехов на выборах в Австрии, Франции, Германии, Нидерландах и ряде других стран Европы.

Таким образом, главную угрозу либеральной демократии западные теоретики видят, прежде всего, в росте «авторитарного популизма», отождествляемого с деятельностью таких лидеров, как Д. Трамп, Б. Джонсон, Р. Эрдаган, Б. Нетаньяху и др. Однако существует и другой взгляд на эти процессы, восходящий к веберовской концепции патримониализма и разработанной на этой основе теории неопатримониализма.

Так, например, С. Хэнсон и Дж. Копштейн в своей статье «Понимание глобальной патримониальной волны» (2021) утверждают, что суть политических трансформаций последних десятилетий состоит не в переходе от демократических институтов к авторитаризму, а в «волне» патримониализма, охватывающей в том числе и демократические страны. В этой связи авторы отмечают, что традиционная для политической компаративистики Запада оппозиция «авторитаризм—демократия» должна быть дополнена еще одним измерением: патримониализм *versus* бюрократия.

Вместе с тем подобная смена исследовательских парадигм требует разработки новой концептуальной модели, способной (в отличие от транзитологических схем) адекватно описать механизмы политических трансформаций и тенденции глобального политического развития. Основой для ее создания может стать хорошо известная в политической науке модель Алмонда—Пауэлла, в рамках которой выделяется особый класс политических систем — патримониальные, а также их производные в форме «бюрократических империй»¹. Однако на момент публикации книги Алмонда и Пауэлла теории неопатримониализма и демократического «транзита» еще не были разработаны, вследствие чего в их схеме не нашлось места для «переходных», или «гибридных», систем, к числу которых обычно относят различные формы неопатримониализма. Это открывает возможности для дальнейшей модификации модели Алмонда—Пауэлла в рамках предложенного ими подхода. Принципиально важным является то, что каждый из трех базовых параметров их модели (уровни дифференциации, секуляризации и субсистемной автономии) не может быть ограничен каким-либо значением и, в идеале, стремится к бесконечности. Так, углубление структурной дифференциации системы имеет следствием появление современных сетевых сообществ; нарастание субсистемной автономии ведет к социальному и политическому анархизму; дальнейший рост секуляризации и рационализации — к формированию «технотронного» общества будущего, где власть меритократии может быть как виртуальной, так и вполне реальной.

Используя эти три базовых параметра, автор предпринял попытку построить более совершенную, трехмерную (формата 3D) графическую модель, описывающую генезис политических систем и перспективы их дальнейшей эволюции. В итоге исследование показало, что набор возможных альтернатив относительно невелик, если учесть, что достижение полиархии как идеальной формы современной плюралистической демократии относится, скорее, к сфере социальных утопий. Соответственно, набор вариантов сводится, по сути, к обозначенной Т. Карозерсом дилемме: либо «бесформенный плюрализм» (либертарианский, анархический, сектантский и пр.), либо режим «доминирующей власти» в лице меритократических, олигархических, теократических и других элит. Стоит ли удивляться, что общий вектор политического развития, согласно нашей модели, склоняется к медианным значениям и свидетельствует об усилении неопатримониального тренда как доминирующей тенденции. Опыт большинства стран БРИКС — России, Китая, Индии, Бразилии, Эфиопии, Саудовской Аравии — полностью подтверждает эти выводы и наглядно демонстрирует возможности современного «неопатримониализма развития» как одной из эффективных форм политической и экономической организации общества.

¹ См.: Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics: a Developmental Approach. Boston and Toronto: Little, Brown, 1966. P. 308.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ИНОСТРАННЫХ ТНК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАРФЮМЕРНО-КОСМЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ)*

Парфюмерно-косметическая отрасль современной России характеризуется широким присутствием иностранных транснациональных корпораций (далее — ТНК), преимущественно из США и Западной Европы, пришедших на наш рынок в результате реализации государственной политики по привлечению прямых иностранных инвестиций в 90-х годах прошлого столетия.

В большинстве случаев данные ТНК локализовали производство своей продукции на территории России как по модели контрактного производства, так и путем строительства собственных производственных мощностей. В настоящий момент многие из них являются крупнейшими налогоплательщиками в регионах своего присутствия, обеспечивают работой значительное количество граждан, зачастую относятся к градообразующим предприятиям.

Парфюмерно-косметические ТНК являются членами Консультативного Совета по иностранным инвестициям, председателем которого является Председатель Правительства РФ, а также других объединений бизнеса, миссией которых является продвижение интересов своих членов в диалоге с государством, что говорит об участии корпораций в системе принятия государственных решений.

ТНК парфюмерно-косметической отрасли, за редким исключением, продолжили свою деятельность на российском рынке, включая производство продукции, невзирая на «санкционный шторм», обрушившийся на нашу страну со стороны «коллективного Запада» после начала СВО. При этом многие из них применили режимы так называемого «самосанкционирования», то есть добровольно ограничили свою деятельность, отказавшись от капитальных инвестиций, прекратив экспорт и проч. Данные самоограничения, вероятно, являются попыткой продемонстрировать солидарность с западным обществом с минимальным ущербом своим бизнес-интересам.

С учетом значимости ТНК парфюмерно-косметической отрасли в экономике современной России, на фоне риска прекращения ими деятельности, государство было вынуждено принимать меры, стимулирующие их продолжать свою работу, а именно мораторий на введение новых требований к продукции и проведение контрольно-надзорных мероприятий (с редкими исключениями); упрощение процедур по оценке (подтверждению) соответствия продукции; разрешение на ввоз продукции без маркировки на русском языке (при условии осуществления маркировки до реализации продукции потребителю); установление нулевой ставки ввозной таможенной пошлины в отношении отдельных видов сырья, необходимого для производства, и проч. Помимо этого, была разработана целая система нормативно-правовых актов, позволяющая государству контролировать процесс выхода ТНК из своих российских активов, а также регулировать процесс вывода средств за рубеж. Например, для совершения сделки по продаже бизнеса или выплаты дивидендов иностранным акционерам стало требоваться одобрение со стороны Правительственной комиссии. Таким образом, государство стремилось удержать парфюмерно-косметические ТНК в России в период интенсификации геополитического противостояния.

Получив контроль над ситуацией, государство приступило к разработке регулирования, способствующего развитию отечественных производителей парфюмерно-косметической продукции, одновременно ограничивающего возможности для развития бизнеса корпораций. Наиболее яркими примерами, иллюстрирующими данную тенденцию, является введение повышенной ставки ввозных таможенных пошлин в отношении импортируемой продукции из определенных недружественных стран до 35%, а также инициатива по нормативному квотированию доли полки розничных сетей, которая должна быть отведена под продукцию отечественных производителей.

Таким образом, государство формирует новый вектор во взаимоотношениях с ТНК парфюмерно-косметической отрасли, отказываясь от модели партнерского взаимодействия, наблюдаемой ранее, в пользу модели доминирования, которая, вероятно, будет оставаться актуальной в ближайшее время.

Разработку модели будущего взаимодействия государства и ТНК целесообразно осуществлять с использованием агентоориентированного подхода, в рамках которого осуществляется имитация социально-политических и экономических процессов в цифровой среде, что позволяет найти оптимальное решение, исходя из долгосрочных приоритетов социально-экономического развития государства.

* Научный проект «Региональное политическое управление: моделирование социально-политических и экономических процессов на основе агент-ориентированного подхода» реализуется в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ).

Чанышев А.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

СЛОВА МАКИАВЕЛЛИ «БЛАГОЧЕСТИВАЯ ЖЕСТОКОСТЬ» В КОММЕНТАРИЯХ ЛЕО ШТРАУСА И ЯКОБА БУРКХАРДАТА

У Макиавелли («Государь», начало XXI гл.) встречается странно звучащее для нашего уха выражение «благочестивая жестокость» (*pietosa crudeltà*). Оно употреблено в пассаже, посвященном правлению Фердинанда II Арагонского. Фердинанд, по словам Макиавелли, из слабого правителя ... сделался первым по славе и блеску королем христианского мира, в частности, благодаря тому, что «он, действуя всегда во имя веры, предался благочестивой жестокости, изгоняя из своего королевства Марранов и разоряя их. Не может быть примера более редкого и более удивительного».

Л. Штраус («Введение в политическую философию»), истолковывая смысл слов Макиавелли, считал, что флорентиец снижает здесь планку духовной и властной требовательности, соответствующей серьезной заботе о душеспасении, желая из гуманных соображений понизить одновременно и уровень соответствующей этой заботе жестокости политических средств. Тем самым в учении Макиавелли, как считает Штраус, на самом деле обнаруживается не столько открытие новых горизонтов, сколько начало деградации политической теории, конечным результатом которой стали партикуляризация и секуляризация знания, господство позитивизма, а затем историцизма. Если политическая философия с самого начала была «всеохватывающим изучением человеческих дел», то сегодня мы обнаруживаем ее разрезанной на куски, «которые ведут себя подобно частям рассеченного червя». Таким образом, утверждает Штраус, «возникает искушение отвергнуть или обойти всеобъемлющий характер политики и считать ее лишь одной из сфер наряду с другими». Принимая во внимание такую деградацию, Штраус считает спасительным обращение к опыту античной и средневековой классики.

Однако, полагая критику Штраусом отрицательных тенденций в политической теории спорной, к приведенному им истолкованию слов Макиавелли возникает резонный вопрос: правомерна ли их интерпретация Штраусом? — т.е. соответствует ли позиция Штрауса логике понимания политического в «Государе» в целом? Ответ на оба вопроса можно обнаружить в первой главе труда Я. Буркхардта «Культура Италии в эпоху Возрождения». Вкратце такой ответ может заключать в себе следующее. В силу отвязанности от средневековой традиции, от религиозно-сдерживающего начала и вообще от какого-либо нормативного контроля у Макиавелли можно обнаружить масштаб мысли и действия ренессансного правителя, способного на создание государства «с чистого листа», согласно одному лишь замыслу, — как «произведения искусства», по выражению Буркхардта. Замысел этот все же не возник бы без определенного исторического образца, обнаруживаемого тем же швейцарским историком, прежде всего, в государстве Фридриха Гогенштауфена, созданного им в Сицилии. Сицилийское государство Фридриха, однако, — отрицательный образец. Значимость деятельности Фридриха, как и тех, кто вольно или невольно следовали его примеру — в том, что они «расчищали место», в том числе место в сознании, давая свободу мысли и действия как во благо, так и во зло. Проект же Макиавелли, по словам Буркхардта, несмотря на явную печать своего неоднозначного времени, имеет позитивный для данной эпохи характер. Это так, поскольку государь у него ответственен за будущее и за то благо, которое это — иначе сверстанное, нежели убогое настоящее — будущее принесет поданным, тогда как Фридрих и подобные ему пеклись исключительно о собственных выгодах.

Челнокова М.Г.
(Москва, Фонд содействия развитию русского языка и культуры)

ЮНГИАНСКИЙ ПОДХОД В ПОЛИТОЛОГИИ

Юнгианский анализ делает попытку внести свой вклад в политическую науку. Однако таких исследований не так много. В современной политологии юнгианская концепция применяется для изучения политических процессов, лидерства, символики, идеологии, политических мифов и массового поведения через призму глубинной психологии.

Кратко остановимся на методах, использующих юнгианский подход в политологии. Во-первых, собственно архетипический анализ, а именно исследование универсальных, первичных образов и мотивов коллективного бессознательного. Например, анализ архетипа тени помогает объяснить, как политические лидеры или группы создают образы врагов, приписывая им свои негативные черты, что часто ведет к эскалации конфликтов. Во-вторых, анализ коллективного бессознательного как метод помогает понять, какие глубинные страхи, желания или ожидания активизируются в обществе в определенные моменты.

К еще одному юнгианскому методу можно отнести мифопоэтический анализ — исследование мифов и символов, лежащих в основе политических нарративов и идеологий. Здесь же упомянем метод символического анализа политических ритуалов и церемоний, таких как инаугурации, государственные праздники, военные парады и т.д.

Среди других методов можем назвать исследование политической идентичности через призму индивидуации (анализ того, как через процессы осознания и интеграции политические лидеры или движения способствуют развитию индивидуальной и коллективной идентичности); герменевтический анализ политических текстов и дискурсов (исследование политических речей, манифестов, деклараций и других текстов с целью выявления глубинных психологических мотивов, лежащих в их основе). Перечисленные методы нашли свое отражение в юнгианской и политической литературе.

Так, уже К.Г. Юнг затрагивал в своих эссе «Очерки современных событий» (1946) и «Непознанная Самость» (1957) темы соотношения политического и психологического развития личности. В дальнейшем ученики Юнга также задавались вопросами о перспективах юнгианского психополитического анализа. Приведем небольшой обзор этих исследований.

Э. Нойманн один из первых в работе «Происхождение и развитие сознания» (1954) использовал юнгианские концепции для анализа культурных и политических процессов. Он отмечал, что через политические движения архетипы управляют человечеством. Дж. Хендерсон в работе «Психологический анализ культурных установок» (1984) проанализировал, как культурные установки и архетипы влияют на коллективное поведение, включая политические движения.

Э. Самюэльс в книге «Политическая душа» (1993) применяет юнгианский анализ для понимания политической психологии, исследуя, как личные и коллективные психологические процессы влияют на политическое поведение. Он приходит к выводу о том, что процесс индивидуации очень важен для более справедливого и мирного общества, а процесс осознания и интеграции бессознательного ведет к более зрелому и осознанному политическому поведению, снижению конфликтности и развитию политических систем, способных лучше отражать истинные потребности и стремления общества.

Описывая политическое лидерство, Самюэльс отмечал, что лидеры всегда оказываются на пересечении коллективных проекций, воплощая в себе архетипические образы и коллективные страхи. Упомянем, что Пол Р. Лоуренс также использовал юнгианские концепции для анализа политического лидерства.

Р. Тарнас, будучи политологом, в исследовании «История Западного мышления» (1991) демонстрирует, как юнгианская психология может быть применена к анализу исторических и политических процессов. В частности, он приводит примеры того, каким образом архетипические паттерны формируют и направляют судьбу народов. К другим политологам, интересовавшимся применением юнгианской теории к политической практике, можно отнести Штейнера, Альшулера и др.

Так, в монографии «Психополитика освобождения» Л. Альшулер делает вывод о том, что юнгианский подход может способствовать трансформации общества. Альшулер приводит в книге примеры «личных свидетельств» того, как психотерапия помогла процессу индивидуации четырем представителям коренных народов в Гватемале, Канаде и Британской Колумбии, которые получили «психополитическое исцеление» вреда, причиненного политическим угнетением.

Ряд юнгианцев также предпринимали попытку применить психологические теории Юнга к политической реальности на практике, например Минделл, Гамбини, Кимбес, Стюарт, Бернштейн и др.

Таким образом, перечисленные выше авторы применяли юнгианские методы к различным аспектам политической науки, показывая, что юнгианская концепция может быть полезна для понимания глубинных психологических факторов, влияющих на политику, идеологию и массовое поведение.

Чепель С.Л.

(Москва, РГГУ, Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПОДВИЖНОСТЬ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Дискуссия о степени влияния культурного и институционального факторов на политическое поведение граждан заметно актуализировалась на рубеже XX–XXI вв. в условиях т.н. «третьей волны» демократизации, в которую включились страны с различной культурой. Многим из них не удалось добиться стабилизации демократических режимов, несмотря на создание формальных демократических институтов. Учитывая то, что именно в посткоммунистических странах отмечаются наиболее высокие значения индекса электоральной подвижности, выявление того, насколько действующие институциональные «правила игры» способны менять партийные предпочтения избирателей представляется актуальной задачей. Объектами анализа были избраны Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Чехия и Эстония,

имеющие ряд общих черт политической культуры и в то же время различия в организации партийных и избирательных систем.

Теоретически определяя влияние институциональных «правил игры» на динамику мобильности электората, можно сформулировать ряд гипотез. Гипотеза № 1: электоральная подвижность будет усиливаться по мере роста числа партий, так как при широком предложении предвыборных программ повышается вероятность смены партийных предпочтений избирателей. Гипотеза № 2: электоральная подвижность будет повышаться по мере сокращения идеологической дистанции между партиями, так как для избирателей программные цели партий становятся менее отчетливыми. Гипотеза № 3: электоральная подвижность будет снижаться в условиях применения пропорциональной избирательной системы, так как голосование за партийные списки способствует укреплению партийной идентификации избирателей. Гипотеза № 4: электоральная подвижность будет усиливаться при применении избирательных систем большинства, так как одномандатные округа вынуждают избирателей отдавать свой голос кандидатам, имеющим наибольшие шансы на победу, а не идеологически близким.

Подсчет индексов электоральной подвижности и эффективного числа электоральных партий в рассматриваемой группе стран за период 2011–2022 гг. дает основания для проверки выдвинутых гипотез. Лишь частично подтверждается гипотеза № 1. Так, в Латвии существенный рост индекса электоральной подвижности совпал с ростом индекса эффективного числа электоральных партий, а в Литве наблюдалась противоположная тенденция. Но в то же время в Венгрии, Польше и Чехии имел место значительный рост электоральной мобильности, несмотря на сокращение эффективного числа электоральных партий. В Эстонии, напротив, при некотором росте эффективного числа электоральных партий наблюдалось снижение электоральной подвижности. Согласно данным проекта *Comparative Study of Electoral Systems (CSES)*, в период 2016–2021 гг. в рассматриваемой группе стран имели место невысокие индексные показатели поляризации партийных систем, что во многом подтверждает гипотезу № 2. Исключениями стали Эстония и Литва, где при низком уровне поляризации наблюдался не рост, а снижение электоральной мобильности избирателей. Полученные индексные показатели электоральной подвижности не подтверждают гипотезу № 3. Из четырех стран, использующих пропорциональную систему с открытыми списками и 5%-ным рубежом электората, только в Эстонии электоральная подвижность была в целом низкой. В Латвии, Польше и Чехии, напротив, имел место высокий уровень мобильности избирателей. О феномене «стратегического голосования» можно говорить лишь в отношении Венгрии и Литвы, где на парламентских выборах применяются смешанные избирательные системы. Сравнение индексных показателей электоральной подвижности в ходе выборов в многомандатных и одномандатных округах в этих странах не дает оснований для подтверждения гипотезы № 4. Следовало бы ожидать более высокой мобильности избирателей при голосовании за кандидатов в одномандатных округах. Но в реальности значения индексов электоральной подвижности при голосовании за кандидатов и за партийные списки практически совпадают. К тому же от одних парламентских выборов к другим имеет место тенденция параллельного повышения (Венгрия) или снижения (Литва) уровней электоральной мобильности при голосовании за партийные списки и за кандидатов.

Таким образом, следует констатировать, что институциональный фактор оказывает слабое воздействие на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических странах ЦВЕ и Балтии. По-видимому, специфическая посткоммунистическая политическая культура остается фактором, определяющим характер массового электорального участия.

Черемная Т.С.
(Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

ГЛУБИННАЯ ДУХОВНАЯ ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ЕЕ СУВЕРЕНИТЕТА

Россия в новой уже отчасти сформировавшейся системе полицентричного мира занимает, пожалуй, одно из ведущих мест в силу не только того факта, что на территории страны ведутся боевые действия, а значит, она является непосредственным участником геополитического перекраивания. Но главным образом в силу наличия у России некоего фундаментального цивилизационного ядра, которое не позволяет отодвинуть страну в геополитическом контексте. Это ядро имеет в своей основе нечто большее, чем набор непосредственно физических характеристик — территории, природных богатств, экономического потенциала.

Так, Россия есть специфическая (ввиду уникальных физических особенностей, а также преваширования православия как доминирующей религии среди всех других стран мира, а наряду с этим многоконфессиональности и многонациональности), самобытная (учитывая наличие только ей присущих

особенностей культуры, быта, традиций, обрядов, народного творчества, а также сложность соотношения с какой-либо другой общностью) цивилизация.

Таким образом, понятие «цивилизация» выходит за рамки только материалистического мира. Так, многополярный мир основан на цивилизационной идентичности групп государств (или одного государства в рамках цивилизации), которая, в свою очередь, базируется на национальной идентичности каждого отдельного государства с его самобытностью, раскрывающейся в культуре и религии. Последние понятия относятся к сугубо духовной сфере. Отсюда следует, что именно духовность выступает основой самобытности и цивилизационной идентичности государств в процессе формирования многополярного мира.

В этом контексте глубинная цивилизационная основа российского государства должна рассматриваться в историческом ракурсе, раскрывающем его фундаментальный базис — православные нормы и традиции, составляющие, в конечном счете, ядро российской (русской) цивилизации. Исследование проблематики в ретроспективе только подтверждает довод о том, что усиление духовных начал всегда способствовало укреплению цивилизационной идентичности и суверенитета государства, хотя, безусловно, это процессы нелинейные. Так, справиться с татаро-монгольским нашествием помогла именно вера, ставшая объединяющим началом для всех русских князей под знаменем единой Руси. И наоборот, при Петре I, с одной стороны, росло экономическое могущество страны, но в то же время именно в этот период было впервые осознанно открыто «окно» для внедрения западных порядков на русскую землю, что, в конечном счете, и привело к оскудению веры, православных устоев и падению самодержавия.

Дальше ситуация только усугублялась: фактически полный отказ от православных ценностей в годы советской власти, несмотря на кажущийся экономический и промышленный рост в этот период, имел последствия в виде урбанизации, роста агломераций Москвы и Петербурга с их тотальным падением нравов и обрыванием связей между родом, семьей, запустением сельских территорий как базовой основы всей системы хозяйствования России с ее природными богатствами. Затем в 1990-е годы по причине уже открытого засилья либеральных ценностей страна впала в зависимость от Запада, а значит, частично потеряла свой суверенитет. Сегодня последствия многолетней антидуховной политики XX века мы можем увидеть, кроме всего прочего, в реальном снижении численности населения (по прогнозам Росстата, до 133 млн чел. к 2045 году).

В таких условиях становится очевидным, что нам требуется усиление именно духовного ценностного компонента. За последние годы руководство страны, уже понимая необходимость этого, приняло ряд важнейших законодательных актов: это Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»; Федеральный закон от 05.12.2022 № 479-ФЗ «О внесении изменений в КоАП РФ» о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений, педофилии и смены пола; антиабортное законодательство (приняты региональные законы о запрещении пропаганды абортов в Республике Мордовия, Тверской, Калининградской и других областях). Однако при наличии реальной физической угрозы суверенитету государства указанных выше мер уже недостаточно.

России требуется принятие комплексной системы политических мер по укреплению суверенитета на основе усиления глубинной основы ее цивилизационного потенциала — традиций, православной веры, фундаментальных ценностей (соборности, веротерпимости, добродушия), что должно быть отражено во всех ключевых нормативно-правовых актах. Кроме этого, требуется реализация непосредственных шагов, направленных на развитие сельских территорий в противовес роста агломераций, запрета абортов, пропаганды многодетности, решения миграционного вопроса, борьбы с коррупцией и т.д. И как основной элемент всей этой системы должен стоять принцип приоритета духовного над материальным. От этого в конечном счете будут зависеть исход специальной военной операции и будущее нашего государства.

Черникова В.В.
(Воронеж, ВГУ)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Геополитическая напряженность усилилась с началом специальной военной операции на Украине. Она носит комплексный характер, поскольку основной вектор противостояния между Россией и Западом, Украиной и другими «недружественными государствами», заданный на государственном уровне, отражается на региональном сообществе и региональных процессах. Для регионов российско-украинского приграничья ситуация приобретает наиболее обостренные формы. Здесь символические

формы вовлеченности обретают характер реальных дел, а контакты с военными и переселенцами становятся повседневной практикой.

Региональное гражданское общество вместе с властью и бизнесом включилось в разные формы поддержки бойцов, беженцев, медиков, пострадавших. При этом аналогично другим секторам испытывает гнет санкций, экономические трудности. Особенно это ощутили благотворительные фонды, помогающие получать больным редкими заболеваниями высокотехнологичную помощь за рубежом.

2023 год стал периодом отхода от реактивных действий на вызовы внешнего мира к проактивной позиции институтов гражданского общества. Ощутимо снижаются конфликтогенные риски между третьим сектором, государством и бизнесом. Согласно нашему исследованию (массовый опрос по заказу Общественной палаты Воронежской области), только 4% опрошенных жителей региона полагают, что отношения между различными «секторами» носят конфликтный характер.

Общественные структуры сами стали инициаторами новых тенденций: роста доверия к общественным институтам, консолидации НКО для достижения общих целей (помощи военным, находящимся в зоне СВО, а также лицам, пострадавшим или вынужденным переселенцам), инновационных практик (развитие служб психологической помощи, ориентированных на специфику работы с людьми, имеющими синдром ПТСР).

Среди тенденций: некоторая рутинизация помощи участникам спецоперации. Рефлексия на этот процесс перестала быть шоковой, а вошла в качестве одного из приоритетных направлений работы институтов гражданского общества.

На первый план выходят ценности, связанные с образом желаемого будущего и необходимостью его формирования. В том числе формируется образ геополитических границ, куда входят новые регионы, что отражается в росте проектов по интеграции подшефных районов.

Формируется тренд на инклюзию. Отчасти это реакция и на рост численности активных граждан с инвалидностью, не готовых менять образ жизни. Многие понятия приобретают осмысленную ценность, поэтому работа с молодежью перестает быть простой формальностью. В то же время гражданское общество, чувствуя себя, как и весь социум, в «осажденной крепости», включается в защиту традиционных ценностей и культуры, что приводит к усилению гражданского контроля в сфере сохранения исторической памяти.

Общественный контроль становится маркером отношения общества и власти, о чем свидетельствуют высказывания респондентов нашего исследования. Готовность к масштабному сотрудничеству, отказу от политических и социальных протестов переключила активность общественности на контроль. Доверие к власти ставит очень жесткие рамки на соответствие властных институтов тем задачам, которые они должны решать в интересах общества. Запрос на открытость, прозрачность принятия управленческих решений, который сформировался в 2022 г., сохранился и даже усилился в 2023 г.

Развитие волонтерства и благотворительности привело к тому, что активная жизненная позиция, участие в институтах гражданского общества становятся ценностью.

Условия геополитической нестабильности, возросшие риски военных атак не изменили общий проактивный характер деятельности общественности. Сложился условный консенсус между гражданским обществом и военными: «вы нас защищаете, а мы вам помогаем».

В текущих условиях происходит трансформация институтов регионального гражданского общества, а также характера вовлеченности граждан. При общем росте гражданского участия у ряда групп, ранее занимавших ниши оппозиции, формируется депрессия, связанная с невостребованностью идей периода относительной стабильности (2010-х).

Институты гражданского общества, актуализируя востребованные направления, могут помочь сосредоточиться на значимых приоритетах, сконцентрировать усилия для наиболее успешного развития страны и региона.

*Черникова Г.В., Стецкая А.С.
(Воронеж, ВГУ)*

ФАКТОРЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ВОРОНЕЖЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ ГУБЕРНАТОРСКИХ КАМПАНИЙ 2014–2023 гг.)

Актуальность изучения проблематики факторов электоральных предпочтений воронежцев обусловлена прежде всего тем, что до сих пор она не была предметом специального изучения.

Проведенное исследование электоральных кампаний 2014, 2018 и 2023 гг. и их результатов позволило сформулировать следующие выводы. В избирательной кампании 2014 г. победу одержал действующий на тот момент глава региона — А.В. Гордеев. Он изначально был фаворитом изби-

рательной гонки по социологическим опросам¹. За период с 2009 по 2014 г. Воронежская область под его руководством добилась заметных успехов в решении ряда социально-экономических задач. Все это способствовало складыванию положительного имиджа А.В. Гордеева. Среди других факторов его победы на выборах можно отметить и его связь с партией власти («Единая Россия»). Интерес представляет и его политическая программа «Пятилетка качества»². Еще один значимый фактор, повлиявший на исход выборов, связан с подъемом патриотических настроений, вызванным присоединением Крыма к РФ в марте 2014 г.

Губернаторская кампания 2018 г. ознаменовалась победой А.В. Гусева. Одной из ее предпосылок, по-видимому, стала поддержка, полученная им со стороны его предшественника — А.В. Гордеева. Авторитет последнего сыграл положительную роль в укреплении позитивного управленческого имиджа А.В. Гусева. Принадлежность кандидата к партии власти также могла повлиять на исход выборов 2018 г. Важным фактором победы А.В. Гусева, на наш взгляд, стала и его удачная предвыборная программа «Стремимся к лидерству!»³. Кроме того, позитивный имиджевый портрет А.В. Гусев сумел продемонстрировать и в ходе теледебатов, создав образ уверенного, харизматичного кандидата, которому можно доверить управление своим регионом.

В ходе губернаторской кампании 2023 г. победителем вновь стал А.В. Гусев. Анализируя ее, многие эксперты сошлись во мнении, что выборы 2023 г. носили так называемый «референдумный» характер. За истекший губернаторский срок (2018 — 2023 гг.) уровень доверия населения к А.В. Гусеву вырос⁴. Свою роль в формировании позитивного имиджа кандидата сыграла и предложенная им политическая программа, в которой, с одной стороны, нашли отражение программные положения 2018 г., а с другой — особенности нынешней ситуации, связанной с СВО: оказание поддержки участникам СВО и их семьям, помощь новым регионам страны и др.⁵

Избирательная кампания 2023 г. (как и рассмотренные выше) не была отмечена яркой борьбой кандидатов, в том числе по причине фактического отсутствия сильных кандидатов от оппозиции.

Сравнительный анализ губернаторских кампаний 2014–2023 гг. позволил выделить следующие факторы электоральных предпочтений воронежцев: 1) известность кандидатов, одержавших победу, их принадлежность к партии власти, а следовательно, обладание необходимым набором доступа к ресурсам, создающим преимущества перед другими кандидатами; 2) удачно составленные и презентованные предвыборные программы, соответствующие актуальной повестке дня; 3) характеристики личности самих кандидатов: победившие кандидаты в губернаторы отличались профессионализмом, были опытными управленцами, проработавшими на руководящих позициях солидный срок и зарекомендовавшими себя как руководители, способные достаточно эффективно решать те или иные задачи региона; 4) отсутствие сильных кандидатов от оппозиционных политических сил и др.

Предполагаем, что в основе мотивации электорального выбора в пользу известного кандидата лежат преимущественно консервативные установки сознания избирателей: потребность в порядке и стабильности, опасения возможного ухудшения качества жизни в связи с приходом к власти нового руководителя и т.п.

Чернопятлова С.А.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ЛИДЕР И ТРАВМА: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ

В последние годы темы коллективной травмы и исторической памяти (часто — неразрывно друг от друга) становится все более актуальной. Нельзя отрицать того факта, что последние несколько лет запомнились глобальными событиями, которые можно отнести к разряду катастроф (например, пандемия COVID-19). Однако работ, позволяющих целостно и точно определить, связан ли каким-либо образом лидер, его роль и представления, формируемые в массовом сознании, с таковыми

¹ Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2014-04 (196) / Под ред. Н.А. Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2014. URL: <http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2014/April/> (дата обращения: 02.06.2024).

² Алексей Гордеев: Следующие пять лет должны стать «пятилеткой качества» для Воронежской области // Сетевое издание «КОММУНА». 2014. 28 мая. URL: https://communa.ru/politika/aleksey_gordeev-_sleduyushchie_pyat_let_dolzhny_stat_-_pyatiletkoy_kachestva-_dlya_voronezhskoy_oblasti/ (дата обращения: 02.06.2024).

³ Программа А. Гусева // БезФормата. 2018. 28 августа. URL: <https://voronej.bezformata.com/listnews/programma-aleksandra-guseva-novoe/69228499/> (дата обращения: 02.06.2024).

⁴ Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу №2023-09 (309) / Под ред. Н.А. Романович. 2023. URL: <http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2023/September/> (дата обращения: 02.06.2024).

⁵ «Единая Россия» выдвинула А. Гусева кандидатом на пост губернатора Воронежской области. 2023. 21 июня // Официальный сайт партии «Единая Россия». URL: <https://voronezh.er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-vydvynula-aleksandra-guseva-kandidatom-na-post-gubernatora-voronezhskoj-oblasti-21-06-2023> (дата обращения: 03.06.2024).

событиями, не так и много. Здесь и далее в представленных тезисах собраны теоретические и эмпирические данные, позволяющие посмотреть на проблематику с названного исследовательского ракурса.

В ходе анализа работ других авторов удалось выявить, что восприятие фигур политиков во многом зависимо от катастроф. Образ лидера может измениться в результате трагических событий. Причем как в позитивную, так и в негативную сторону. Наиболее яркий пример из отечественной истории — гибель подлодки «Курск». Тогда, судя по результатам опросов, в массовом сознании россиян возникло острое чувство недоверия к власти. Сегодня ситуация кардинально иная — рейтинг президента остается положительно высоким даже после трагедий. А это, в свою очередь, указывает на то, что связь между травматизацией памяти и формированием образа лидера зависит от множества факторов.

Доказать представленное заключение предстояло эмпирическим путем. Причем было принято решение сделать исследование многоступенчатым и использовать несколько методов — контент-анализа и опросов. В свою очередь, последние также проводились в двух разных форматах: в виде глубинных интервью и фокус-групп. На первом этапе использовались опросы первого типа. Здесь были привлечены 30 респондентов (разного пола и возраста). Наивысшую «степень трагичности» участники опроса присваивали Великой Отечественной войне, тогда как оценки современной истории России на предмет событий-травм были не настолько однозначны. Более того, участники интервью чаще называли даже не конкретные происшествия, а весьма абстрактные процессы. Тем не менее в ходе данного исследования удалось выделить три события, произошедшие за последние шесть лет: пожар в ТРЦ «Зимняя вишня», пандемия коронавируса и события, связанные с началом СВО.

Указанные события также были рассмотрены через призму качественного анализа публикаций в *Telegram*-каналах. В большинстве случаев в таких новостях фигурировал и фигурирует президент, а его образ, формируемый в сознании россиян, представляется как образ активного и решительного лидера, способного эффективно реагировать на события, принимать необходимые меры.

Последний, эмпирический этап — проведение фокус-группового исследования. Стоит отметить, что респонденты были разделены по возрастным группам по принципу «одна единица исследования — одна категория». Если кратко описывать полученные данные, то стоит отметить следующие аспекты. Молодежь выражала двоякое отношение к действиям политиков, старшее — упоминало другие трагедии, оставившие более глубокий след в их памяти. В то же время именно они смогли составить наиболее четкое описание некоего «идеального политика», вынужденного принимать решения в сложных ситуациях. Пенсионеры и пожилые люди практически не делились своими эмоциями по данной теме.

Коротко итоги проведенной работы можно сформулировать следующим образом: трансформация массового сознания действительно может состояться в условиях травматизации памяти. Катастрофа может привести к изменениям в восприятии образа лидера. Причем, что очевидно, как в позитивную, так и негативную сторону.

Основное положение, связанное с контент-анализом интернет-СМИ — персонификация событий. Чаще в таких новостных заметках фигурировал образ президента. Последний был представлен в СМИ как деятельный лидер, переживающий за решение проблемы и делающий все возможное для предотвращения таких событий в будущем.

Опрошенные в возрасте от 18 до 35 лет имели весьма амбивалентные представления о политиках, вынужденных действовать в критических ситуациях. В других группах, разделенных по возрасту, наблюдались иные тенденции к оценкам. Пожилые респонденты оценивали образ с позиции устоявшихся представлений о политиках прошлого.

Наиболее детальный анализ удалось провести на основании ответов из взрослых фокус-групп. Они вполне ясно выражали мнение, что лидер при трагических событиях должен проявлять волю, решимость, искать выходы из сложившейся ситуации. Это может указывать на то, что предпочтительным, основным элементом образа лидера в таких моментах является параметр активности. Хотя это ни в коей степени не умаляет значимость двух других категорий из теории конгруэнтности.

Таким образом, проделанная работа позволила выявить особенности формирования образа лидера в экстраординарных ситуациях. Независимо от пола и возраста люди ожидают от политика способности принимать решения и находить выход из сложных ситуаций. Более того, можно сказать, что образ лидера, его многоаспектность наиболее полно проявляются именно в контексте травматизации памяти.

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ

В условиях перманентных изменений, особенно замешанных на «цифру», нужно постоянное экспертное сопровождение, чтобы не ошибиться в решениях, которые могут быть судьбоносны в части выбора наиболее оптимального пути развития общества и выбора моделей построения бизнеса.

Технологии «искусственного интеллекта» (ИИ) — это, прежде всего, анализ огромных массивов данных (*Big-data*), информации (контента). Если она неполноценна или искажена, фрагментарна, частично потеряна или неактуальна, то будет нарастать информационный мусор. И, собственно, ИИ нечего будет анализировать.

Что является важным с точки зрения использования информации и технологий ИИ?

Формирование, нормализация и сохранение информационных фондов. От бумаги к цифре. Тут две позиции:

- а) Оцифровка имеющихся бумажных носителей. Хранятся документы в бумажном виде, и компания не переводит их в электронный вид, потому что или нет желания, или финансовых средств на это. А там могут храниться ценные знания. Поэтому крайне важно законодательно предусмотреть цифровизацию фондов предприятий, НИИ, отраслевых институтов, ассоциаций, экспертных групп, отраслевых, научных и образовательных библиотек и возможности для общедоступного пользования.
- б) Сохранение в бумаге — создание хранилищ интеллектуальной памяти. Подстраховка на всякий случай, если с цифрой что-то пойдет не так. И чтобы какие-то знания не были безвозвратно потеряны. Не только ЦОДы, но и бумажно/архивные хранилища с полной цифровой инфраструктурой по поиску нужного издания или документа.

Создали, теперь нужно провести структуризацию информации и информационных фондов. В сети — огромное количество информации. А кто за нее отвечает, за аутентичность и актуальность каждого документа? Важно: создание онтологии и семантического поиска. Международные документы и стандарты тоже нужно сравнить между собой и верифицировать. Кроме того, важны анализ имеющихся информационных фондов и их интеграция между собой, чтобы отсеять «информационный мусор».

Много различных отраслевых систем, которые дублируют информацию между собой.

Затем настает время формирования системы управления информационными потоками. Создание систем управления знаниями. Фактически — Системы управления экспертной деятельностью. При этом качественная информация находится в корпоративных, отраслевых локальных системах и не доступна широкому кругу пользователей. Для широкомасштабного анализа больших данных и применения технологий ИИ важно иметь максимальное количество отработанных и структурированных материалов и документов.

ИТ — приоритетная сфера, но много денег уходит на «технологический мусор». Множество неактуальных мобильных приложений, виртуальных систем и пр. Порой это происходит под эгидой создания «экосистемы» компании. Что можем получить в итоге: соединение информационного мусора с технологическим.

В этом смысле важно понимание применения технологий «искусственного интеллекта», который позволит значительно улучшить результаты при обработке запросов с учетом семантического поиска, основанного на использовании контекстного (смыслового) значения запрашиваемых фраз.

Сейчас крайне важно понимание того, что за некоторой унификацией и понятийной увязкой между собой технологических решений не должна идти и интеллектуальная регламентация.

Человек, используя форматы машинного обучения, отстроенные алгоритмы и программы, получая для себя возможности, генерируемые «искусственным интеллектом», должен оставаться главным разработчиком и творцом стратегических направлений, которые поможет выполнить «умная» машина, не подменяя, а дополняя естественный разум. И в этом плане создание целостной системы управления знаниями, позволяющей собрать и систематизировать самую ценностную и сугубую информацию, является одной из приоритетных задач текущего развития.

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ «ПРЕРЫВИСТОЙ» РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Что мы понимаем под «прерывистой» идентичностью? В современной психологии выделяют группу диссоциативных расстройств, которые нередко вызваны пережитыми травмами и связаны, в частности, с нарушением осознания непрерывности собственной идентичности. Можно ли применять этот термин к массовому сознанию? Развитие России, как и многих других государств мира, в течение веков сопровождалось радикальными «словами»: в экономике, в политическом строе, в идеологии, в религии, в культуре. Разумеется, это не могло не отразиться на идентичностях в самых разных измерениях, в том числе и на региональном уровне. Происходившие глобальные «сломы» (например, после крушения Российской империи или после распада Советского Союза) оставляли глубокие травмы и «пробелы» в исторической памяти и в самосознании поколений. В силу этого идентификация себя жителями страны зачастую носила «прерывистый» характер. Эта тема довольно широко освещена в научной литературе. Гораздо меньше пока исследований о том, какие еще факторы на региональном уровне способствовали усугублению такой «прерывистости». Здесь уже необходимо глубокое погружение в конкретные региональные кейсы, поскольку каждый регион прошел свой особенный путь развития. В данном докладе на материалах опросов, проведенных по гранту РНФ, рассматривается ситуация в двух соседних, но довольно разных регионах — в Алтайском крае и в Республике Алтай.

Региональная идентичность во многом формируется на основе историко-культурного наследия, различные элементы которого актуализируются в том числе в ходе проведения общего политического курса и политики памяти в стране и регионе. Опросы, проведенные нами в «двух Алтаях» в 2023 году, были направлены, в частности, на выявление того, какие именно элементы этого наследия рассматриваются как наиболее важные для формирования регионального самосознания и продвижения имиджа региона. В двух субъектах Федерации было опрошено 50 экспертов, выборка включала ученых, госслужащих, депутатов, деятелей культуры, журналистов, музейных работников, общественников, представителей турфирм и т.д.

Полученные результаты показали, что два региона, несмотря на их соседство и даже общее пребывание в рамках Алтайского края (до 1991 года), имеют много различий и такой специфики, которую необходимо учитывать при выработке политики развития. Проявились своеобразные пробелы в историческом самосознании жителей. Например, если для населения Республики Алтай важную роль играет древнее историческое наследие, то в самосознании жителей Алтайского края память о древней истории региона почти не прослеживается. Значительная разница наблюдается и в отношении к «имперскому» и «советскому» периодам. При этом в обоих случаях можно говорить о «прерывистой» идентичности, когда история территории и ее населения не рассматривается как единое и непрерывное «свое» прошлое, а фрагментирована на отдельные отрезки, в отношении которых проявляется либо почтение, либо забвение.

Такая «прерывистость» идентичности вряд ли является благоприятным фактором для политики развития, поскольку она может углублять расколы в обществе. Если одна часть населения идеализирует какой-то период региональной истории и связанные с ним обычаи и традиции, а другая часть воспринимает все это негативно и считает «чужим», то достичь «народного единства» бывает сложно. Например, многие поклонники всего «досоветского» или, наоборот, всего «советского» нередко хотят видеть в прошлом только то, что им дорого, считая все остальное «чужим» и «трудным прошлым». На региональном уровне это усугубляется еще рядом факторов, связанных с локальными «словами» в сферах экономических, политических, социальных, религиозных отношений.

Итак, можно ли применить к этому явлению упоминавшуюся выше психологическую теорию о диссоциативных расстройствах? Разумеется, по сравнению с индивидуальным сознанием массовое сознание имеет свои особенности. Тем не менее здесь вполне работает, например, наблюдение о том, что передаваемые через поколения коллективные травмы способны оставлять серьезные пробелы в массовом историческом сознании. Об этом писали многие авторы, как зарубежные, так и отечественные. Все это, на наш взгляд, проявляется с некоторыми своими особенностями и на уровне региональной идентичности.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00822 «Формирование имиджа региона: роль историко-культурных символов (на примере Алтайского края и Республики Алтай)».

Чжао В.
(Москва, РУДН)

ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В СОВРЕМЕННОМ МНОГОУРОВНЕВОМ МИРЕ

В контексте величайших изменений в мире, невиданных за столетие, кризис стал признаком международных изменений, и кризис содержит в себе движущую силу для продвижения реформы старого порядка и строительства нового порядка. Страны с развивающейся рыночной экономикой, такие как Китай, Индия, Бразилия и т.д., играют все более важную роль в мировой экономике и оказывают глубокое влияние на глобальный политический и экономический ландшафт. Россия рассматривает политику «поворот на Восток» как необходимый вариант. Он должен не только укреплять двусторонние отношения с ведущими странами, но и играть роль в многостороннем сотрудничестве с международными организациями, чтобы противостоять репрессиям и изоляции России со стороны США и Запада. Понятие «поворот на Восток», особенно после начала конфликта на Украине, стало приобретать более широкий смысл. Сегодня этот термин подразумевает скорее сдвиг в сторону стран Глобального Юга — Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии, — а также институциональный сдвиг — «поворот на Восток» через расширение влияния членов и организаций ШОС и БРИКС. «Поворот на Восток» достигается за счет расширения членства и организационного влияния стран ШОС и БРИКС.

Глобальная трансформация привела к изменению международных отношений. Некоторые силы на Западе пытаются вытеснить Россию из мирового порядка и затмить или даже подавить Китай в мировом порядке, но это явно тщетно. Страны БРИКС, Глобальный Юг, Китай и Россия объединили усилия для построения честного, разумного и справедливого мирового порядка. Сильный импульс и независимая ценность, продемонстрированные китайско-российскими отношениями в напряженном международном контексте, имеют большое значение для изменения международного порядка.

Корректировка политики включает в себя: полное использование возможностей быстрого экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона, а не только угрозы внутренним ресурсам со стороны внешней среды; укрепление традиционных дружественных отношений с КНДР и Монголией и продолжение удержания Индии; сохранение твердой стратегической определенности и плавности в отношениях с Китаем; укрепление отношений с Китаем. Укреплять традиционные дружественные отношения с Северной Кореей и Монголией и продолжать поддерживать отношения с Индией; поддерживать прочную стратегическую стабильность и плавное развитие российско-китайских отношений; укреплять свою деятельность в международных организациях, рассматривать АСЕАН как приоритетное направление многосторонней дипломатии и ускорять развертывание Азиатско-Тихоокеанского энергетического рынка. Укрепление сотрудничества в сфере политики и безопасности с АСЕАН является для России важной отправной точкой для расширения своего геополитического влияния, построения нового евразийского порядка и противодействия стратегическому сдерживанию США. Россия придает новый смысл Евразии и всему миру. Внешняя политика России в условиях сегодняшней многоцентричной тенденции не только вызовет существенные изменения в России за короткий период времени, но и изменит всю геополитическую ситуацию, сформирует новую систему международных отношений.

Чжоу Чжэньхуа
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВЛИЯЕТ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКУ: НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Национальная цивилизация зафиксирована в истории человечества в различных формах, а политическая цивилизация является продуктом интеграции национальной цивилизации и политической культуры. В международных отношениях цивилизация развивающихся стран подобна зеркалу. Основываясь на текущей международной политической ситуации и состоянии развития китайско-российской дипломатии, это исследование выявило субъективность и общность. Национальная цивилизация часто определяется объектом. Таким образом, возникает контраст между двумя цивилизациями, а именно «я» и субъектом, отличным от «я». Китай и Россия, как две разные национальные цивилизации, характерные для всего мира, стали важными исследовательскими образцами, а также

экспериментальными носителями для анализа влияния цивилизации и культуры на политико-дипломатическую политику страны, как в развитии международной дипломатии последнего десятилетия, так и в развитии дисциплины международных отношений, что привело к накоплению богатого практического и теоретического материала. Однако сделать прорыв в выборе исследовательских теорий и применимости исследовательских методов сложно. Поэтому в данном исследовании сделана возможная попытка применить метод «самопрезентации—символического взаимодействия» в теории символического взаимодействия Ирвинга Гофмана. На примере китайско-российской дипломатии мы проводим комплексный анализ изменений в дипломатических отношениях и политике в ходе взаимодействия национальных цивилизаций. 75-летие установления дипломатических отношений между двумя странами — это историческая возможность. С точки зрения национальной цивилизации российские ученые выдвинули приоритет российской цивилизации, а китайские ученые предложили построение социалистической системы с китайской спецификой. Во всестороннем развитии людей и общем прогрессе общества «ценностная ориентация» является ключевым моментом, способствующим интеграции идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи в повседневную жизнь. В исследовании предполагается, что под руководством лидеров своих стран взаимодействие между национальными цивилизациями проявит такие характеристики, как инклюзивность, сбалансированность, высокий уровень и прагматизм, а эндогенная сила и независимая ценность китайско-российских отношений станут более значимыми. Во взаимодействии двух цивилизаций есть как положительные эффекты интеграции и синергии, так и практические узкие места в развитии взаимодействия.

Получены соответствующие выводы, что механизм влияния между двумя сторонами в процессе взаимодействия вытекает из продвижения и достижения современного развития, а встроенный механизм реконструкции международных отношений и реализации политики вытекает из структурной перестройки и реконструкции страны и общества. Наконец, тенденцию развития реализации политики на конкретных примерах дипломатической реальности Китая и России сегодня, включая, помимо прочего, Китай и Россию, а также «Один пояс — один путь» и ШОС, которые являются двумя важными стратегическими проектами, связанными со страной.

Чжоу Янань
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)

РОЛЬ И МЕСТО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ ВЕДУЩИХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Центральная Азия (далее — ЦА) долгое время была и остается важным местом соперничества между великими державами. Уже в середине XIX — начале XX в. между Британской империей и царской Россией происходило соперничество за господство и влияние в ЦА, известное как «Большая игра». В 1904 г. британским геополитиком Хэлфордом Маккиндером было выдвинуто утверждение, что «кто правит Восточной Европой, тот правит Хартлендом; кто правит Хартлендом, тот правит Мировым островом; кто правит Мировым островом, тот правит миром»¹. Центральноазиатский регион в данной трактовке относится к Хартленду. После распада Советского Союза в конце 1991 г. в ЦА образовался правовой вакуум. Державы регионального и глобального значения начали соперничать за свои интересы в ЦА. После вступления в XXI в. ряд событий в мировой политике привлек внимание мировой общественности к странам ЦА: инцидент 11 сентября 2001 г., объявление США о выводе войск из Афганистана (22 июня 2011 г. президент США, на тот момент Барак Обама, впервые официально объявил о поэтапном выводе войск из Афганистана), новый виток украинского конфликта в феврале 2022 г. и др.

Это объясняется следующими причинами: во-первых, геополитическим положением — ЦА расположена между великими державами — Китаем, Россией и Индией, а также такими геополитически значимыми странами, как Иран и Пакистан. Во-вторых, регион богат энергоресурсами, являющимися важной основой экономического развития. В-третьих, Центральноазиатский регион занимает особое место в международной борьбе с терроризмом, поскольку регион ЦА окружен районами, где активно действует международный терроризм, такими, как китайский Синьцзян, Кашмир, Афганистан и Кавказ².

В настоящее время в Китае существует много центров и институтов, занимающихся исследованиями вопросов Центральной Азии, среди них: Центр исследований России и Центральной Азии Фу-

¹ Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. No. 4. P. 421–437.

² Чжао Хуацзэн. Отношения между Центральной Азией и великими державами // Международные наблюдения. 2008. № 3. С. 1–8.

даньского университета (в городе Шанхае) (ссылка на официальный веб-сайт: <https://iis.fudan.edu.cn/crcas/list.htm>), Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (ссылка на официальный веб-сайт: <http://euroasia.cssn.cn/synr/>), Институт исследований Центральной Азии Ланьчжоуского университета (ссылка на веб-сайт: <http://icas.lzu.edu.cn/>), Центр исследований Центральной Азии Пекинского университета (ссылка на официальный веб-сайт: <https://sfl.pku.edu.cn/kygl/xzjg/88803.htm>) и др.

Целью доклада является рассмотрение роли и места Центральной Азии на международной арене с точки зрения ведущих китайских исследователей по вопросам Центральной Азии, анализ изменения ситуации в Центральноазиатском регионе в их работах.

В центре внимания доклада находятся работы ведущих китайских исследователей по вопросам Центральной Азии, таких как директор Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии при Китайской академии общественных наук Сунь Чуанчжи; научные сотрудники Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии при Китайской академии общественных наук Ву Хунвэй, Чжао Хуэйжун, Лю Фэнхуа; бывший директор Центра исследований России и Центральной Азии Фуданьского университета Чжао Хуашэн; директор и научный сотрудник Института исследований Центральной Азии Ланьчжоуского университета Ян Шу, Цзэн Сянхун; директор Учебного кабинета исследований Центральной Азии Института социального развития Евразии Центра по вопросам развития при Госсовете КНР Сюй Тао.

В работах вышеупомянутых китайских исследователей утверждается стратегически важная роль и место пяти государств Центральной Азии на современной международной арене, анализируются изменения ситуации в данном регионе после крупных исторических событий, указываются цели, задачи и причины активного проведения политики крупных держав в отношении стран Центральной Азии, а также излагается суть реакции пяти стран Центральной Азии на изменения ситуации в регионе.

Чипизубова П.А.
(Москва, МГИМО МИД России)

ТРАНСФЕРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «МЕЖДУНАРОДНОГО» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ ЖИЛЯ ДЕЛЁЗА*

Теория международных отношений систематически подвергается критике за дисциплинарную несостоятельность, поскольку на протяжении всего своего существования активно заимствует категории из других смежных и не только наук, однако практически ничего не может предложить взамен. Многие теоретики связывают это с тем, что ТМО не обладает собственным сформированным ядром, а для того, чтобы его сформулировать, необходимо определить, что такое «международное». Одной из самых известных попыток решить данную проблему стало исследование Р. Аксельрода. Когда Аксельрод экстраполирует описание кризиса ТМО на всю политическую науку, он подсказывает направление поиска ее решения — уточнить необходимо онтологию не «международного», а «политического». Гипотеза данного исследования состоит в том, что экспортный потенциал политической философии и теории международных отношений (ТМО) зависит от парадигмального выбора политической онтологии.

Автор исходит из того, что возможны различные варианты политической онтологии. Для их анализа была использована матрица, предложенная известным современным итальянским философом Роберто Эспозито. Она состоит из трех элементов — бытие, политика и различие — и опирается на три процесса — отрицание (*negating*), конституирование (*constituting*) и институирование (*instituting*). Три элемента образуют друг с другом различные сочетания и опираются на различные по своей направленности процесса. Эспозито выделяет три парадигмы политической онтологии: пост-хайдеггериянскую (разрыв между политикой и бытием), делёзовскую (полное совпадение политики и бытия) и неомакиавеллиевскую (конфликтное взаимодействие политики и бытия).

Экспортный потенциал данных онтологий был проанализирован с опорой на научную литературу, в которой был обнаружен массовый экспорт политической философии на основе делёзовской парадигмы, умеренный — на основе нео-макиавеллиевской и отсутствие экспорта на основе постхайдеггериянской парадигмы. Мы пришли к выводу, что экспортный потенциал политической философии и ТМО будет самым высоким на основе делёзовской парадигмы, в рамках которой бытие и политика совпадают. Несколько уступать делёзовской парадигме с точки зрения экспортного потенциала будет неомакиавеллиевская парадигма, в рамках которой политика и бытие взаимодействуют. Экспортный потенциал максимально ограничен в рамках пост-хайдеггериянской парадигмы, так как бытие и политика в ней разорваны.

* Исследование подготовлено в рамках гранта РФФИ №23-18-01045 «Трансферный потенциал политической науки в системе социогуманитарного знания».

Трансферный потенциал делёзовской онтологии связан с ее «плоскостью» и единством, т.е. отсутствием разрывов, что и делает возможным «перетекание» знания из одной области в другую. По аналогии с Аристотелем, который считал, что этика и политика представляют собой одно и то же, но на разных масштабах, онтология Делёза предполагает, что «политическое» и «международное» отличаются друг от друга лишь масштабом, и отрицает укоренившееся в дисциплине жесткое разделение внутреннего и внешнего.

Выявив разнообразие и различные варианты этой онтологии, можно будет показать, что ТМО находилась не столько в «тюрьме» политических наук (как утверждает Аксельрод), сколько в «тюрьме» одной из политических онтологий, дисциплинарный экспорт из которой затруднен. Альтернативные варианты политической онтологии могут решить проблему экспортного кризиса как для ТМО, так и для политической науки в целом.

*Чирикова А.Е. (Москва, ФНИСЦ РАН),
Ледяев В.Г. (НИУ ВШЭ)*

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ ГОРОДСКИХ РЕЖИМОВ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Могут ли когнитивные модели, разработанные для изучения политических практик в США, Европе и других странах, успешно применены для анализа российской политики? Этот вопрос продолжает вызывать дискуссии в российском политологическом сообществе.

Сомнения в возможностях успешного использования американских по своему происхождению теорий естественны по многим причинам. Главная из них заключается в том, что социально-политический и политико-культурный контексты городской политики в России существенно отличаются от американского и западноевропейского. Это касается и природы политического режима, и культурных традиций, и опыта изучения власти в локальных сообществах.

Наше исследование, проведенное в шести малых городах, показало, что теория городских режимов обладает высоким эвристическим потенциалом. В частности, она помогает задать логику исследования, его структуру и основные этапы, предлагает объяснения тех или иных аспектов социальной реальности, методы сбора и анализа эмпирической информации, обеспечивает возможность опереться на уже имеющиеся опыт и знания. Основная проблематика изучения власти в американских, европейских и российских городских сообществах во многом идентична. Исследователей власти всегда интересуют конфигурация наиболее влиятельных акторов городской политики, основания и ресурсы их власти, характер взаимоотношений и основные эффекты сложившейся системы власти.

Гипотеза о релевантности и значимости зарубежного опыта изучения власти и режимов в городских сообществах в значительной мере подтвердилась и содержательными результатами и выводами исследования. Несмотря на существенное отличие контекстов и институтов, имеет место и ряд общих моментов. Это касается, прежде всего, конфигурации наиболее влиятельных акторов: бизнес, политики, чиновники везде, как правило, играют решающую роль в принятии решений в городских сообществах.

Довольно много общего было обнаружено в характере, формах и методах осуществления власти. Как в отечественной, так и в зарубежной локальной политике используется весь традиционный набор методов воздействия субъекта на объект (сила, принуждение, убеждение, манипуляция, авторитет), а дискуссионными остаются вопросы о соотношении роли формальных и неформальных практик, команды и торга, публичных и теневых способов осуществления власти.

Исследование подтвердило, что коалиционная составляющая городской политики весьма значительна: во всех городах имели место различного рода коалиции — как на преимущественно формальной основе, так и неформальные. Наиболее значимые коалиции возникают между акторами, обладающими существенными ресурсами, — руководителями города и района, различными институциональными образованиями публичной власти и наиболее влиятельным бизнесом.

Исследование показало, что формирующиеся коалиции часто не обладают всеми признаками городского режима, но они в любом случае стимулируют обращение к логике режимного анализа, направленного на выявление факторов, обуславливающих формирование и сохранение правящих коалиций, их стабильность и изменчивость. Кто составляет правящую коалицию? Как формируется коалиция? Каковы последствия осуществления политики правящей коалиции? Эти вопросы, поставленные Стоуном в его исследовании в Атланте, образовали смысловое ядро и нашего исследования. И хотя мы не обнаружили полноценные (по Стоуну) режимы в городах, ставших предметом исследования, зафиксированные нами отношения между акторами имели немало аналогий с американскими и европейскими паттернами.

По результатам исследования мы выделили и ряд характеристик, типичных для властных отношений в российском малом городе, которые заметно отличаются от режимов в американских и европейских

городах: более узкий круг людей, обладающих реальной властью и влиянием, слабость представительных институтов и акторов гражданского общества, их периферийная роль в локальной политике, большая зависимость локальных элит от вышестоящих структур власти, особая роль персонального фактора при слабости политических институтов, дисбаланс формальных и неформальных практик в пользу последних, большая динамика властных отношений в городских сообществах в России по сравнению со странами Европы и Америки, небольшая вероятность формирования полноценных городских режимов.

Эти особенности не ставят под сомнение валидность зарубежных моделей, хотя и требуют внесения некоторых коррективов в теоретические и концептуальные основания исследования.

Чирков С.С.
(Москва, РУДН)

GR-МЕНЕДЖМЕНТ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ КОМПАНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ (2022–2024)

С начала 2022 г. рынок информационной безопасности (ИБ) в России претерпел значительные изменения — в условиях глобальной политической и экономической нестабильности российские и иностранные ИБ-компании, работающие на российском рынке, столкнулись с необходимостью адаптации своих бизнес-стратегий к новым реалиям. Одним из ключевых этапов данной адаптации стала корректировка GR-стратегий, определяющих концептуальные подходы компаний к взаимодействию с органами власти.

В последние годы в отечественной и зарубежной науке все большее внимание уделяется изучению влияния факторов внешней среды бизнес-организаций на их корпоративную публичную активность. Вместе с тем проблема влияния глобальных политических и экономических процессов на политическую активность компаний и их объединений на микро- и мезо-уровнях слабо представлена в научной литературе и требует более детального анализа.

По данным Центра стратегических разработок, в 2022 г. объем рынка информационной безопасности в России составил 193,3 млрд рублей. Доля российских вендоров на нем выросла почти на 10% год к году — с 61 до 70%, а к 2027 г. она может вырасти до 95%.

Эта тенденция обусловлена рядом факторов, большинство из которых связаны с обострением геополитической ситуации и введением международных санкций в отношении России: с началом СВО и введением первых ограничений начался массовый отток зарубежных (преимущественно западных) ИБ-компаний с российского рынка, активизировалась работа российских регуляторов по ужесточению законодательных требований к ИБ-решениям, а в отдельных случаях были введены запреты на закупку иностранного программного обеспечения.

Помимо указанных выше общепромышленных изменений, существенное влияние на деятельность российских вендоров ИБ-решений оказали санкции в финансово-платежной сфере, а также «точечное» внесение в санкционные списки отдельных ИБ-компаний.

Последовательность взаимосвязей между введением международных санкций в отношении российской экономики и GR-реагированием российских и зарубежных ИБ-компаний наиболее наглядно можно представить с помощью модели «воронки причинности» (*the funnel of causality*).

В «воронку причинности» последовательно включаются факторы внешней среды, оказывающие влияние на итоговую переменную — в данном случае на GR-стратегии российских и зарубежных ИБ-компаний. Использование данной модели позволяет проследить логику причинно-следственных связей от введения международных санкций на мега (международном) уровне до проектирования реагирующих GR-стратегий и реализации тактических GR-кампаний отдельными компаниями на микроуровне:

Мегауровень. Введение международных санкций в отношении российской экономики, включая сферу информационной безопасности, выразившееся как в прямых санкциях в отношении отдельных компаний и невозможности ведения последними деятельности за рубежом, так и во вторичных санкциях, угроза которых вынудила часть зарубежных игроков уйти с российского рынка.

Макроуровень. Уход с российского рынка большей части западных вендоров и прекращение клиентской поддержки, ставшие стимулом для запуска новых и активизации существующих программ по стимулированию перехода госорганов, бизнеса и объектов критической инфраструктуры на отечественные решения, мер поддержки отечественных ИТ-компаний, ужесточения требований к «происхождению» ИБ-решений, разработки новых стратегических подходов к развитию сферы ИБ на государственном уровне (стратегии, федеральные проекты и пр.).

Мезоуровень. Формирование (активизация) отраслевых объединений, расширение участия коалиций ИБ-компаний в разработке регулятивной и дистрибутивной политики.

Микроуровень.

Для российских ИБ-компаний.

Новые подходы государства к регулированию отрасли расширили возможности для участия российских ИБ-компаний в разработке отраслевого регулирования совместно с профильными госстейкхолдерами (разработка отраслевых стандартов и проектов НПА совместно с представителями Минцифры, ФСБ, ФСТЭК и пр.).

Внедрение новых мер господдержки ИТ-сектора и приоритизация развития ИБ в рамках федеральных проектов требуют более активного вовлечения GR-подразделений российских ИБ-компаний в отраслевую повестку (мониторинг регуляторного поля на предмет новых возможностей).

Установление более тесных связей с государственными стейкхолдерами как потенциальными заказчиками, активизация поставок ИБ-решений в рамках госзаказа (участие в реализации дистрибутивной политики).

Для зарубежных ИБ-компаний.

В случае сохранения присутствия на российском рынке — поддержание минимально необходимых контактов с госорганами, работа над изменением GR-позиционирования и восприятия компании стейкхолдерами.

Мониторинг изменений национальной регуляторной среды на предмет возможных рисков для деятельности компании.

Обеспечение санкционного комплаенса.

Чумиков А.Н.
(Москва, МГЛУ)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДОМИНИРУЮЩИЙ ВЕКТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ

Популярные на протяжении XX–XXI вв. положения о демократическом социуме как минимально конфликтногенном и способном перевести радикальные (агрессивные, протестные) коммуникации в более гармоничные формы сталкиваются с экстремальными политическими противостояниями в самых развитых демократических государствах. Выводы ведущих ученых, в частности Л. Козера, о возможности политического порядка, основанного на общепризнанных гуманистических принципах (*Coser L. The Function of Social Conflict. Glencoe, Ill, Free Press, 1956. — 188 p.*), не работают. Более дееспособной становится концепция Х. Моргантау с его критикой «легализма-морализма» (англ. *legalism-moralism*), где требования законности и положения морали якобы существенно влияют на политику. Согласно Х. Моргантау, моральные принципы не являются главным фокусом политики. В лучшем случае к ним можно приблизиться посредством временного балансирования интересов и неустойчивых соглашений. Но стратегическая задача заключается в создании системы сдержек и противовесов, которая принимает во внимание исторические прецеденты, а не абстрактные установки (*Morganthau H. Politics Among Nations. 6th ed. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1985. P. 3, 14*).

В конечном счете такое балансирование ведет не к нахождению часто декларируемого «консенсуса», который на практике невозможен, а к выигрышу (победе) одной из сторон политического противоборства. Гарантом выигрыша, наряду с наличием материальных ресурсов, становятся ресурсы информационные вместе с возможностями государства по их использованию. В ракурсе сложившихся к третьему десятилетию нынешнего века понятий «инфодемия» и «медиатизация» доминирующее влияние на политическую ситуацию в целом оказывают традиционные и новые (конвергентные) средства массовой информации (СМИ), включая социальные сети. И здесь возникает следующая дилемма: свободные (независимые) СМИ или необходимые ограничения этой свободы?

При кажущейся новизне данного вопроса, он далеко не нов и восходит к теоретическому наследию К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. «Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, — пишет В. Ленин в августе 1917 г., еще находясь в оппозиции к власти, — когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: “свобода” и “государство”. Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства» (*Ленин В.И. Государство и революция // В.И. Ленин. ПСС. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 33. С. 1–120*).

Последующая историческая практика показала, что в действительности всегда происходит «круговорот демократии» со сходными политико-коммуникационными моделями. Внутренняя оппозиция или внешнее враждебное окружение действуют в образе «прогрессивных сил» со «свободными медиа», а «тоталитарное» государство их «преследует». Органы власти действительно усиливают регулирование СМИ в периоды острых политических угроз, а ведущие борьбу за власть силы выступают за полную

либерализацию медиа. Но после прихода к власти прежняя оппозиция выстраивает новую систему поддержки «своих» и ограничения возможностей «чужих» СМИ. Подобные намерения расширить или ограничить права и свободы медиа наблюдаются также в условиях относительного межгосударственного мира или опасности либо наличия войны.

Отсюда актуальная и перманентная задача государства заключается в обеспечении доминирующего коммуникационного влияния. При оценке роли информационных ресурсов в политических (конфликтных) коммуникациях возникает необходимость смещения исследовательских акцентов с анализа развития в них демократических механизмов на изучение эффективных способов информационного воздействия в интересах стабилизации государства и общества. Степень устойчивости политической системы зависит от ее способности противостоять оппозиционным (враждебным) силам и их медиакоммуникационным ресурсам с помощью продвижения ценностей и моделей поведения, обеспечивающих поддержку власти и нейтрализацию иных проявлений.

В процессе такого продвижения формируются объяснительные модели социально-политической реальности для поддержания стабильности или, напротив, разрушения существующих правящих режимов и их целей. По мнению С. Володенкова, задачи формирования для общественного сознания простых, привлекательных, «достоверных» и удобных в потреблении объяснительных медиамodelей и соответствующих им «безопасных» поведенческих реакций становятся ключевыми в процессе современного политического управления (*Володенков С.В. Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями. М.: РГ-Прогресс, 2019. — 584 с.*).

В глобальном плане речь идет о смене научной парадигмы от позитивистской (объективистской), предполагающей последовательное развитие демократических основ в политических коммуникациях в целом и деятельности медиа как их доминирующей в современный период основы, к субъективистской (регулятивной) с ограничениями в работе медиа и использованием их в качестве приоритетного механизма влияния в политических отношениях.

Чэн Син
(Москва, РУДН)

НОВАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ — КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КНР*

На церемонии открытия ежегодного совещания Боаоского азиатского форума 21 апреля 2022 г. председатель КНР Си Цзиньпин впервые предложил «Глобальную инициативу по безопасности»¹. Глобальная инициатива по безопасности призвана искать эффективные пути к прочному миру с учетом долгосрочной перспективы управления глобальной безопасностью².

В Концепции Глобальной инициативы в области безопасности, официально опубликованной правительством Китая 21 февраля 2023 г., подробно рассматриваются основные направления сотрудничества Китая в области безопасности с другими странами, международными и региональными организациями в рамках ГИИ, а также платформы и механизмы сотрудничества с точки зрения истории вопроса, основных концепций и принципов.

Глобальная инициатива по безопасности подчеркивает значение «шести приверженностей», а именно: 1) приверженность общей, всеобъемлющей, основанной на сотрудничестве и устойчивой концепции безопасности; 2) приверженность уважению суверенитета и территориальной целостности всех государств; 3) приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций; 4) приверженность важности законных интересов безопасности всех государств; 5) приверженность урегулированию разногласий и споров между государствами посредством диалога и консультаций и урегулированию разногласий и споров между государствами мирным путем, 6) поддержание безопасности как в традиционных, так и в нетрадиционных областях³.

Глобальная инициатива по безопасности прямо предлагает в рамках Инициативы осуществлять двустороннее и многостороннее сотрудничество в области безопасности со всеми странами, международными и региональными организациями, активно содействовать взаимодействию концепций без-

* Статья написана при финансовой поддержке Стипендиального совета Китая (CSC).

¹ Си Цзиньпин выступил с речью на церемонии открытия ежегодного совещания Боаоского азиатского форума-2022 // Государственный совет КНР. 21.04.2022. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5688778.htm (дата обращения: 10.09.2024).

² Ван Чжэмин, Цэнь Инь. Основные элементы и практические пути Глобальной инициативы по безопасности // Социальные науки в китайских университетах. 2023. № 4. С. 85.

³ Концептуальный документ Глобальной инициативы по безопасности // жэньминь жибао онлайн. 22.02.2023. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0222/c1002-32628495.html> (дата обращения: 10.09.2024).

опасности и сближению интересов, а также поддерживать Организацию Объединенных Наций, чтобы она играла более значительную роль в вопросах глобальной безопасности.

В ответ на международные и региональные проблемы горячих точек в Концепции Глобальной инициативы по безопасности изложены 20 конкретных программ. На практике Китай всегда придерживается принципа невмешательства во внутренние дела других стран, активно участвует в решении международных проблем путем убеждения и переговоров и стремится поддерживать глобальную безопасность и стабильность. В настоящее время Глобальная инициатива по безопасности представляет собой четкую дорожную карту по урегулированию нынешнего кризиса на Украине, израильско-палестинского конфликта и обострения конфронтации на Корейском полуострове, делая акцент на общей безопасности, взаимном доверии и сотрудничестве.

Глобальная инициатива по безопасности направлена на преодоление структурных барьеров на пути взаимодействия в сфере международной безопасности, подчеркивая взаимосвязанность безопасности и ориентируясь на конкретные проблемы и цели. Глобальная инициатива по безопасности призывает использовать международные механизмы, такие как ООН, ШОС и БРИКС, для содействия взаимопониманию и доверию между странами, а также для создания мирной и стабильной международной обстановки.

На практике Китай активно практикует международное сотрудничество в сфере безопасности, и с момента выдвижения инициативы 2022 года более 100 стран и многие международные организации выразили ей поддержку, продвигая двустороннее и многостороннее сотрудничество по нетрадиционным угрозам безопасности¹. В то же время Китай настаивает на диалоге и общении для снижения напряженности по вопросам, представляющим ключевой интерес, таким как Южно-Китайское море и Тайвань, и сыграл ключевую посредническую роль в возобновлении дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном, отражая концепцию построения сообщества человеческой судьбы. Китай всегда придерживался миролюбивой позиции, поощряя диалог между всеми сторонами и выступая против действий, усугубляющих конфликты, тем самым способствуя укреплению глобальной безопасности.

---

¹ Ван И. Думать о мире, двигаться вперед с мужеством и настойчивостью, чтобы написать новую главу дипломатии великой державы с китайской спецификой // Исследования по международным проблемам. 2023. № 4. С. 1–11.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ГРАНИ ПРОЕКТА

Давно уже не нужно доказывать, что в новом тысячелетии мир, в котором мы живем, претерпел радикальные изменения. Превысившая допустимые пределы антропогенная нагрузка на природную среду поставила в повестку дня проблему выживания человечества и обострила борьбу за ресурсы. Доминирование на мировых рынках транснациональных корпораций, производящих более половины мирового продукта, сделало возможным появление влиятельных наднациональных игроков, вступивших в реальную конкуренцию за государственную власть с народами демократических государств, являющихся, согласно конституциям соответствующих стран, единственными источниками власти в собственных обществах. Сокращение периода смены технологических циклов в сочетании с виртуализацией социальных отношений усложнило процесс воспроизводства ценностей культуры, а интернет-коммуникация сделала возможным перенос центра межгосударственной борьбы из сферы военного противостояния в область культуры, разрушение которой делает народы более управляемыми извне. Наконец, развитие цифровых технологий дало в руки правящих элит возможности не только практически тотального контроля за человеком, но также создания в его сознании иллюзорной реальности и формирования желаемых потребностей с использованием технологий *DeepFake*. В обществах, где в распоряжении элит оказались современные цифровые технологии, индивидуальная свобода фактически превратилась в техническое средство управления.

Помимо этого, современное человечество столкнулось с проблемой управления, связанной с усложнением постиндустриальных общественных систем. Один из непреложных принципов кибернетики, обоснованных в середине прошлого столетия, — принцип необходимого разнообразия — ставит пределы эффективного управления: чтобы оно было возможно, степень разнообразия управляющей подсистемы должна быть выше степени разнообразия подсистемы управляемой. Действие этого принципа в системах управления современными обществами, не говоря уже о формирующихся системах глобального управления, стало серьезным препятствием на пути управленческих амбиций национальных и глобальных политических элит.

Эти и другие обстоятельства побуждают элиты вмешаться в процессы формирования современного человека и человека будущего, — разумеется, в собственных интересах. Есть два основных пути решения проблемы соотношения разнообразий: упростить человека и сократить численность населения планеты. Становится все более очевидным, что для глобальных элит оба эти пути стали двумя гранями реального проекта.

Сокращение численности населения решало бы сразу две задачи: не только управляемости, но и дефицита природных ресурсов. Примечательно, что для решения второй из них возможен и другой путь: сокращение ставшего чрезмерным потребления, прежде всего, представителями самих элит. Об этом пути, однако, речь не идет, а вот о необходимости сокращения человеческой популяции сказано уже неоднократно. Еще в 2011 г. на четвертом Международном форуме по нанотехнологиям «Руснотех-2011» А.Б. Чубайс сообщил, что «численность населения земного шара... к концу века должна снизиться до 2,5, 2-х или даже 1,5 млрд человек» (<https://www.youtube.com/watch?v=A0T4--gGdzk>, дата обращения 20.10.2024). На решение этой задачи направлены, в частности, поддержка ЛГБТ-движения¹, расширения практик по смене пола, ювенальная юстиция.

Планомерно ведется работа и по реализации второго пути — упрощения человека, его информационной картины мира. Это — «раскультивание», упрощение жизненных ценностей индивида, виртуализация социальных отношений, целенаправленная работа по атомизации обществ. О необходимости снижения уровня информированности людей откровенно говорил Г.О. Греф. «Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации?» — сокрушался он на Петербургском экономическом форуме в 2012 г. (<https://yandex.ru/video/preview/10010610233842732405> (дата обращения: 20.10.2024)).

Более емко о планах глобальных элит по созданию нового подвида *homo sapiens*, «служебного человека», неоднократно говорил член-корреспондент РАН, Президент Курчатовского института М.В. Ковальчук (о его выступлении в Совете Федерации РФ 2015 г. см.: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=3de3096d-88a3-415e-8d04-cc57fa96dd5b> (дата обращения: 20.10.2024)). Он сформулировал и основные грани этого проекта: «ограниченное самосознание, управляемое размножение, дешевый корм».

Противостояние этим планам — задача, актуальность и значимость которой в условиях современной глобальной реальности исключительно важны и со временем только возрастают. Для России,

¹ Признано в России экстремистским.

привлекательность природных ресурсов которой трудно переоценить, это критически значимо. Необходимо сильная и скоординированная государственная политика в сферах образования, культуры, миграции, информации, семьи, направленная как на всестороннее развитие граждан России, так и на вовлечение их в процессы управления для того, чтобы одновременно возростала степень разнообразия и российского общества, и его политических элит.

Шадже А.Ю.
(Майкоп, АГУ)

ПОИСК РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА МАКРОРЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ*

(исследовательский опыт)

Осмысливая динамично меняющуюся социально-политическую реальность и анализируя многоаспектные материалы по идентичности, убеждаемся в том, что проблема многоуровневой идентичности остается актуальной в науке и политике. Отметим изменения в исследовательском поле идентичности в последние годы: описательные методы сменились поиском выявления новых смыслов, понимания ценностного содержания и обнаружения новых возможностей и укрепления идентичности развития на всех уровнях — этническом, региональном, национальном, цивилизационном и геополитическом.

Изменившееся геополитическое пространство повлекло за собой трансформацию ценностно-смысловых оснований будущего человечества, современной цивилизации и стратегии культурно-цивилизационного развития современной России. В условиях современного конфликта цивилизации Россия, как и мир в целом, переживает кризис культурно-цивилизационной идентичности.

В докладе попробуем показать исследовательские традиции в поисках ресурсного потенциала макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе в укреплении российской национальной идентичности.

Кавказский регион рассматривается нами как сложная, исторически сложившаяся социо-, этнокультурно-, экономико-, геополитическая система. Генезис его уходит к историческим корням возникновения кавказских этносов на земле. Исходя из этого, отмечаем, познание и понимание специфики региона возможно через культурно-цивилизационный дискурс, что не противоречит другим исследовательским методам. Специфика рассматриваемого региона основана на разнородных элементах, которые сложились как нечто единое. Это — 1) культурно-экологические особенности горного образа жизни кавказских народов, что можно выразить в парадигме «диалог человека с природой»; 2) взаимосвязь биоразнообразия и этнокультурного разнообразия; 3) кавказский образ жизни, породивший кавказский менталитет и мировоззрение, традиционный миропорядок, ставшие основой бытия человека, и т.д.

С конца XX в. социокультурное моделирование Кавказского региона нацелило нас на разработку концепций «кавказская культура», «кавказская идентичность», «кавказская цивилизация», которые вызвали активные научные дискуссии среди кавказоведов страны. Системное осмысление единства полиэтничного регионального сообщества позволило ввести в научный оборот понятие «многоуровневая идентичность», установить взаимодействие этнической, региональной, национальной, цивилизационной и геополитической идентичностей по принципу взаимной дополнительности; доказать, что «идентичность несет в себе большой социальный потенциал» (О. Дамения, А. Шадже).

В рамках современной, постнеклассической науки в процессе перехода от вопросов онтологии к гносеологическим и аксиологическим смыслам идентичности разработана нелинейная модель укрепления общероссийской национальной идентичности на Северном Кавказе.

Вопросы кавказской/северокавказской идентичности в последние годы исследуются на другом социокультурном уровне бытия. Идут поиски по выявлению ценностного потенциала рассмотренных феноменов; этнического / и кавказского фактора в миротворческом процессе (на примере Кавказа) и т.д.

В современных условиях имеет место кризис идентичности на индивидуальном и социальном уровнях, трансформируется ценностный социокультурный потенциал. В науке предлагаются разные модели выхода из этого кризиса, порой взаимоисключающие друг друга. Представляется, что заслуживает внимания и поддержки мнение члена-корреспондента РАН И.С. Семененко: «Кризис идентичности воспринимается сегодня как норма. На путях его преодоления может формироваться открытая для социального взаимодействия идентичность развития, которая оказывается неисчерпаемым не-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2024-00049 «Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: практики формирования, потенциал развития, влияние на национальную консолидацию».

материальным ресурсом, источником роста человеческого потенциала...» [Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2023. С. 24]. Важно «выявить возможности использования идентичности как нематериального ресурса общественного развития, прояснить вопрос о природе механизмов, которые могут запускать и поддерживать позитивный потенциал политики идентичности» [там же. С. 14].

Выявление и направление развития ресурсного потенциала макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе, новых смыслов идентичности и объединяющих идентификационных маркеров могли способствовать разрешению целого ряда социально-политических, идеологических и экономических проблем региона и страны.

Шалаев Н.Е.

(Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ЗАЧЕМ ПОЛИТОЛОГАМ ВЫСШАЯ МАТЕМАТИКА: ОПЫТ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Не секрет, что студенты-политологи не любят математику. Более того, многие сознательно выбирали профессию в области социальных наук для того, чтобы избежать изучения математики в целом. Однако высшая математика входит в набор обязательных предметов будущих политологов. Но ее преподавание в классическом ключе, как самодостаточной и аксиоматически нужной дисциплины, едва ли приносит желаемые плоды — смысл ее изучения студентам не очевиден, а практическая польза в рамках будущей профессиональной деятельности не демонстрируется. В результате затрачиваемое на ее изучение время не делает вклад в профессиональный рост будущих исследователей и, уж конечно, не разжигает в них интерес к дальнейшему изучению и применению математики в профессиональной деятельности.

Вместе с тем нельзя не отметить, что передовой край современной политической науки активно использует многие методы, опирающиеся на математический фундамент. Речь не только о классической математической статистике, но и о сетевом анализе (прикладная теория графов), качественно-сравнительном анализе (булева алгебра и теория множеств), о математическом моделировании и компьютерных симуляциях. Можно также вспомнить слова Р. Таагеперы о том, что во главу угла при эмпирических исследованиях должно быть поставлено математическое представление о характере причинно-следственных связей, а эмпирические изыскания должны лишь уточнять его свойства. При этом, в отличие от той же математической статистики, высшую математику в преподавании стараются, наоборот, всячески обособить от практики использования компьютера. Но в современных условиях исследователи-политологи постоянно опираются на помощь компьютера во всех сферах деятельности, от работы с данными и методами до подготовки публикаций, и нет ничего предосудительного в том, чтобы от «математики с бумагой и карандашом» перейти к математике компьютерной и использовать потенциал компьютера для восполнения недостатка собственных возможностей студентов.

Подобные попытки иногда предпринимались, но не были лишены недостатков. К примеру, курс математики для социологов и экономистов А.М. Ахтямова был построен с опорой на систему компьютерной алгебры *Maple* — но, во-первых, набор тем не был специально адаптирован для нужд исследователей в социальных науках, а во-вторых, *Maple* — проприетарное программное обеспечение, доступ к которому находится под контролем зарубежного правообладателя. Очевидно, что в современных условиях необходимо опираться на свободное программное обеспечение, доступ к которому не может быть потерян. И для будущих политологов наиболее логичным выбором было бы построение изучения математики вокруг языка *R* и его экосистемы — среды разработки *RStudio*, репозитория пакетов *CRAN* и огромного количества легкодоступных материалов. Сам по себе *R* является языком статистического программирования, широко используемым при проведении реальных исследований в социальных науках вообще и в политологии в частности, и программы на нем часто можно обнаружить среди данных для репликации, публикуемых как приложение к статьям в именитых журналах. Поэтому его изучение само по себе готовит студентов к работе с данными и математической статистикой — что очевидно будет им полезным — и снимает необходимость изучения какого-то другого инструмента в дальнейшем. При этом возможности *R* в математике (с учетом пакетов) покрывают все релевантные темы от линейной алгебры до вычислительных методов решения дифференциальных уравнений. А с помощью модулей из *CRAN* *R* может быть дополнен методами из множества областей, включая эконометрику, сетевой анализ, качественный сравнительный анализ (*QCA*), теорию игр, методы конфигурационного анализа, *MCDM/MCDM* и т.д. Это закладывает общий технический фундамент для целого ряда дисциплин, изучаемых на более старших курсах, минимизируя необходимость изучать какие-то допол-

нительные программные средства. Следует также заметить, что многие новейшие исследовательские и аналитические методы появляются в виде пакетов для *R* задолго до их имплементации в каком-то другом виде, что позволяет пользователям *R* оставаться на переднем крае современной науки. При этом *R* является не только свободным, но и бесплатным программным обеспечением, что гарантирует доступ к нему не только в стенах высших учебных заведений, но и в рамках будущей профессии.

Практика преподавания курса высшей математики в виде курса компьютерной математики, построенного вокруг языка *R*, показала, что эти преимущества реально воплотить в жизнь и интегрировать курс математики в подготовку политологов в рамках разных дисциплин (включая теорию игр, анализ государственной политики и др.). Тестирование ФЭПО показало тенденцию к улучшению результатов обучающихся, а для некоторых из них знакомство с *R* позволило успешно участвовать в летних школах по современным методам (например, «Международный летний университет на Байкале»).

Шапиро Н.И.
(Москва, РУДН)

ТРАНСФОРМАЦИЯ САНКЦИОННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР США ПРОТИВ РОССИИ)

Масштабные политические и экономические трансформации, происходящие в условиях реконфигурации международной системы, формируют новую среду реализации внешней политики России. В условиях обострения противостояния с государствами западного блока происходит ускоренное переформатирование всего комплекса внешнеполитических и внешнеэкономических связей России. Российская дипломатия наращивает усилия, направленные на углубление всесторонней кооперации со странами мирового большинства. Новый импульс для практического воплощения получает идея Большого евразийского партнерства, выдвинутая президентом России В.В. Путиным. Особую значимость в новых условиях приобретает реализация инициативы российского лидера о формировании евразийской архитектуры безопасности. Меняется институциональная картина мира, включая формирование альтернативных институтам Бреттон-Вудса финансовых институтов. При ведущей роли незападных держав, наращивающих усилия в сфере международного институционального строительства, создается сеть управленческих структур, нацеленных на реформирование мировой системы в соответствии с их интересами.

В условиях интенсификации междержавной конкуренции, являющейся долгосрочным трендом, во внешнеполитическом инструментарии крупнейших держав значительно расширяется применение ненасильственных форм давления на оппонентов. В арсенале средств, используемых ведущими игроками в целях воздействия на политический курс основных соперников, существенно возрастает использование экономических санкций. Несмотря на различные интерпретации понятия «санкции», в соответствии с подходом, сформулированным в классических работах по санкционной проблематике, санкции — это ограничительные меры экономического характера, применяемые одним государством (или коалицией) для воздействия на политический курс государства-объекта. Мотивы использования санкций разнообразны: защита прав человека и основных свобод, продвижение ценностей либеральной демократии, борьба с террористической и наркотической угрозами, коррупцией и отмыванием денег, воздействие на противоборствующие стороны в вооруженных конфликтах и постконфликтную динамику, противодействие распространению ОМУ.

В современных международных отношениях особое место среди государств, применяющих односторонние санкции, занимают США. Благодаря доминирующей роли доллара в качестве основной резервной и расчетной валюты, мощи национальной экономики и финансовой разведки, наличию действенного аппарата принуждения к соблюдению введенных рестрикций, США обладают наиболее широкими возможностями для применения санкций. Начиная со второй половины 2010-х гг. в условиях переориентации на стратегическую конкуренцию с Китаем и Россией, зафиксированную на доктринальном уровне, США обновляют практику применения мер давления на ключевых оппонентов на мировой арене. Значительное влияние на внешнеполитическое поведение США оказывает продолжающееся наращивание комплексной мощи Китая, являющегося главным стратегическим конкурентом Америки в XXI в., а также реактивизация внешней политики России, оспаривающей аргогантные претензии США на единоличный контроль над мировыми процессами.

С учетом интенсивного характера междержавного соперничества, разворачивающегося во всех сферах, США адаптируют все инструменты национальной мощи. США укрепляют сформированную ранее инфраструктуру американского доминирования, наращивают использование ресурсного потен-

циала союзников и партнеров в Индо-Тихоокеанском регионе и Европе, интенсифицируют усилия по формированию техноэкономического блока и мини-латеральных форматов, модернизируют и диверсифицируют санкционные меры в зависимости от характера внешнеполитических целей.

В рамках беспрецедентной санкционной кампании, инициированной в феврале 2022 г. под предлогом начала спецоперации на Украине, США, их союзники и партнеры оказывают санкционный прессинг на Россию. Страны Запада наращивают применение финансово-экономических, технологических, логистических и персональных рестрикций, секторальных санкций, обновляют подходы к использованию мер экспортного контроля, экспериментируют с введением ограничений в отношении российского энергетического кластера. При ведущей роли США осуществляется масштабная кампания по замораживанию (блокированию) активов, принадлежащих России и ее гражданам. В новой стратегической ситуации реактуализируются задачи укрепления экономической, финансовой, технологической и цифровой безопасности России.

В настоящее время практика применения мер экономического давления претерпевает значительные изменения. Это, в свою очередь, требует переосмысления ряда представлений о роли санкций в МО. Возрастает потребность в проведении междисциплинарных исследований, что может способствовать сближению позиций представителей различных научных дисциплин. Опыт применения односторонних санкций ведущими игроками (прежде всего Соединенными Штатами) требует дальнейшего осмысления с учетом новых реалий.

*Шашева С.В.
(Краснодар, КубГУ)*

ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ И В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: УГРОЗЫ, КОНФЛИКТЫ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Продолжающийся с 2014 года конфликт и последующие военные действия на Украине оказывают разрушительное влияние на систему безопасности в Черноморском регионе, создавая уязвимость для прилегающих Южного Кавказа и Восточной Европы. В условиях, когда восточноевропейские страны находятся под защитой военно-политического блока, южнокавказские государства оказываются менее защищенными и в большей степени подверженными угрозе нового противостояния великих держав. Эта ситуация усугубляет общую нестабильность и повышает риски для региональной безопасности.

Обеспокоенное положением дел на глобальном и региональном уровнях правительство Грузии стремится обезопасить государство от втягивания в новый виток противостояния. Премьер-министр Грузии Ираклий Кобахидзе связывает угрозы безопасности с предстоящими выборами в Грузии и США. Предвыборный период вносит нестабильность и повышает риски для безопасности. Усиливаются негативная риторика и взаимные обвинения между Тбилиси и Вашингтоном по вопросам внутренней политики и международных отношений, в том числе по причине отказа Тбилиси поддерживать антироссийские санкции и отправлять добровольцев. Недавно Служба государственной безопасности начала расследовать дело о покушении на основателя и почетного председателя правящей партии «Грузинская мечта» Бидзину Иванишвили, в котором, по мнению ведомства, были замешаны грузинские боевики, вернувшиеся с Украины.

Напряжение между Вашингтоном и Тбилиси стало возрастать по ряду причин, среди которых важное место занимает спор о постройке глубоководного порта Анаклия: строительство порта было поручено китайскому и сингапурскому подрядчикам, что подтверждает разворот Грузии на Восток. Это решение вызвано ослаблением доверия к западным партнерам и стремлением обеспечить экономическую стабильность и безопасность в регионе, но процесс следует рассматривать в динамике. На фоне предстоящих выборов США и Россия будут внимательно следить за ситуацией, и можно предположить, что американцы предпримут провокационные шаги, поскольку прагматичный курс «Грузинской мечты» вызывает недовольство у Вашингтона, стремящегося обеспечить дальнейшее движение Грузии в фарватере своих интересов. Расположение порта вблизи России и Турции делает его важным геополитическим узлом для США в стратегии сдерживания Москвы. Наличие столь крупного порта, который не контролируется Россией, в соответствии с видением американцев, должен ослабить контроль Москвы на транспортные маршруты в Черноморском регионе и, как следствие, ее политическое влияние на соседние страны.

В контексте геополитического противостояния Южный Кавказ является важнейшим перекрестком интересов России и США. США стремятся укрепить свои позиции в Армении и Азербайджане, что усложняет ситуацию на Южном Кавказе. Вопреки тому что влияние России на Кавказе флюктуирует, она остается ключевым игроком. Это противостояние тормозит развитие межгосударственных отношений,

несмотря на значительную экономическую зависимость стран Южного Кавказа от России. В то же время Армения делает шаги в сторону США, укрепляя стратегическое сотрудничество, что осложняет продвижение российских интересов и коммуникацию с важнейшим союзником в регионе. Недавние заявления заместителя главы Госдепа США Узры Зейи и проведение военных учений с участием США вызывают напряженность в Москве, особенно после обвинений Армении в адрес России и ОДКБ в бездействии. США и ЕС тем временем активно стимулируют Ереван к продолжению этого курса, что ставит страны Южного Кавказа в сложное положение. Одновременно, вопреки укреплению стратегического партнерства России и Азербайджана, США также стремятся усилить свое влияние в Азербайджане, инвестируя значительные средства и лоббируя свои интересы в энергетическом секторе Каспийского региона.

Стратегическое партнерство России и Азербайджана в сфере безопасности имеет важное значение для поддержания мира и стабильности в ключевом регионе Южного Кавказа и Каспийского бассейна. Оба государства играют важные роли в геополитической структуре региона, и их сотрудничество позволяет избежать дестабилизации в условиях постоянно меняющейся обстановки и влияния внешних акторов, таких как США, ЕС и Турция. Для России это партнерство служит инструментом сдерживания возможных внешних угроз и расширения влияния США на Южном Кавказе и в Черноморском регионе.

Ситуация в регионе с точки зрения безопасности нестабильная и требует прагматичного подхода. Выбор правильного курса сотрудничества между странами региона, желательного многовекторного с различными центрами силы, станет ключевым фактором в обеспечении безопасности в Черноморском регионе и прилегающем к нему Южном Кавказе.

*Шашкова Я.Ю.
(Барнаул, АлтГУ)*

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ МОЛОДЕЖЬЮ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ*

Высокая значимость молодежи как социально-демографической группы для развития любого социума обуславливает пристальное внимание большинства государств, в том числе Российской Федерации, к социализации молодежи, формированию и развитию ее человеческого капитала. Основным механизмом решения этих задач выступает государственная молодежная политика (ГМП). В рамках ее реализации в нашей стране за последние десятилетия создана развитая инфраструктура по работе с молодежью, ежегодно проводится большое количество молодежных мероприятий различных форматов, что актуализирует задачу оценки эффективности прилагаемых усилий в данном направлении.

Проблема измерения эффективности государственной политики в целом и молодежной политики в частности не нова. Ею занимаются как органы государственной власти, так и научное сообщество. При этом имеющие индикаторы оценки можно разделить на количественные и качественные. К количественным прямым и косвенным индикаторам оценки ГМП принято относить положительную динамику количества проведенных проектов и мероприятий различной направленности, увеличение числа участвующей в них молодежи, увеличение количества военно-патриотических (клубов, центров, учреждений) общественных организаций и развитие социальной инфраструктуры для молодежи, снижение уровня смертности, темпов распространения наркомании и алкоголизма в молодежной среде, снижение уровня безработицы среди молодежи. Некоторые региональные исследователи, например Т.Н. Ланец и О.В. Якина, предлагают относить к ним и уровень миграции молодого населения за пределы региона.

В то же время не меньшее значение, особенно учитывая прагматичность сознания современных молодых людей, имеют качественные оценки реализации ГМП — степень удовлетворенности молодежи существующими программами и проектами, готовность участвовать в проводимых акциях и мероприятиях.

Согласно исследованиям, ранее проводившимся коллективом политологов Алтайского государственного университета в регионах Сибирского федерального округа, указанные индикаторы напрямую зависят от степени информированности молодых людей о программах и проектах ГМП, наличия опыта участия в них, а также от представлений о получаемом в ходе этого эффекте.

Как показывает практика, значительная часть учащихся и студентов не участвуют в молодежных программах, реализуемых государством, и слабо осведомлены об их наличии. Большую информиро-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР АлтГУ по проекту № FZMW-2024-0007 «Оценка эффективности реализации государственной молодежной политики учащейся молодежью российских регионов».

ванность и вовлеченность демонстрируют школьники за счет активизации в образовательных учреждениях военно-патриотического воспитания и общегосударственных проектов «Движения Первых». Также популярной сферой активности молодых людей выступает волонтерство, но и оно не приводит к повышению информированности о содержании ГМП и ее оценке как эффективной. Лишь незначительная часть респондентов ориентируется в направлениях реализации молодежной политики.

Вместе с тем значительная часть молодых людей готова к участию в проектах и программах государственной молодежной политики, а также имеет четкое представление об актуальных для молодежи сферах взаимодействия государства с данной социальной группой. По их мнению, приоритетным направлением такого взаимодействия должно выступать образование, и с возрастом эта потребность только увеличивается. Также студентами и школьниками востребована разработка социальных программ для молодежи, на фоне меньшей потребности в содействии государства развитию молодежного бизнеса. На последнем месте находится необходимость взаимодействия в сфере политического участия. Причем студенты, в отличие от школьников, больше заинтересованы в таком взаимодействии.

В целом можно сделать вывод, что на данный момент учащаяся молодежь российских регионов не связывает свои жизненные стратегии с реализацией государственной молодежной политики. Ею больше интересуются молодые люди с высокой общественной активностью, прагматично оценивающие ГМП с позиции ее эффективности как канала карьерного роста молодых лидеров, источника ресурсов на молодежные проекты, в том числе через финансирование организаций, работающих с молодежью, формирования полезных навыков и получения информационной поддержки.

*Шаяхметов А.М.
(Уфа, УУНИТ)*

АСПЕКТЫ ПУБЛИЧНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАВ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРМАНЕНТНЫХ КРИЗИСОВ

Исследование природы лидерства включает в себя понимание того, что лидерство — это комбинация личностных качеств и ситуативного фактора. Одним из факторов проявления лидерских качеств является ситуация кризиса, поскольку она рождает запрос в проявлении сильных качеств и кооптации последователей.

Ряд кризисных явлений последних лет (пандемия коронавируса, СВО, санкционная политика, ревизия российской внутривластной жизни) стали одним из корректирующих факторов региональной политической жизни, задали векторы трансформации института глав регионов. Требование момента сформировало запрос на адаптивность и вариативность регионального управления, консолидированность и эмпатийность властей.

Мотив аффилиации стал одним из доминирующих в поведенческом профиле губернаторов — коммуникация с населением, риторика, ориентированная на открытость и сотрудничество, минимизация публичных конфликтов и мобилизация перед общими угрозами отразились на формировании публичного имиджа глав регионов. Помимо этого, с начала СВО губернаторский корпус стал отчетливее демонстрировать приверженность политике федерального центра, позиционировать себя в качестве членов президентской команды.

Современной модели регионального лидерства свойственен пересмотр прежних моделей общественно-властных коммуникаций. Возросший запрос на коммуникативные навыки и адаптивность, усиление «вертикализации» власти в минувшее десятилетие привели к изменению модели регионального лидерства — прежний тренд на модель сильного и автономного от федерального центра «хозяйственника» сменился на «технократа» — подготовленного и прошедшего кадровый отбор во внутриполитическом блоке Администрации Президента РФ.

Открытая медиасреда и череда социальных кризисов потребовали от региональных руководителей формировать свое публичное позиционирование, балансируя между политикой федерального центра и интересами жителей субъекта. При этом коммуникация с населением наполнена преимущественно трансляцией ценностных и социально-политических установок федерального центра. Модель реализации наказов населения используется реже и служит скорее обоснованием принятия тех или иных решений. С началом СВО губернаторский корпус подчеркивает свою приверженность политике Президента В. Путина, но при этом акцентирует внимание на том, что исполнение ключевых ее направлений конвертируется в экономические предпочтения региону.

При этом запрос общества на «хозяйственника» отчасти удовлетворяется демонстрацией отказа глав регионов от политических амбиций на федеральном уровне, но при этом они в полной мере должны реализовываться при выполнении своих обязанностей на территории субъекта РФ. Таким об-

разом, модели выстраивания образа президента проецируются в усеченном формате на региональную плоскость, представляя главу региона как полномочного «хозяина», но, в отличие от прежней модели «хозяйственника», управленческие импульсы исходят не от самого губернатора, а из Кремля.

При этом нельзя сказать, что образы современных глав регионов безлики и идентичны. Каждый из них стремится быть не просто ретранслятором политики Кремля, но и выбрать себе «специализацию», которая бы подчеркивала основные направления его политики. В числе таких можно выделить:

- «новаторов» — глав регионов, стремящихся задать новые импульсы развитию региона, перезагрузить экономику, развивать новые технологические направления, внедрять инновационные механизмы, создавать современную среду. К таким руководителям можно отнести Сергея Собянина (Москва), Рустама Минниханова (Татарстан), Глеба Никитина (Нижегородская область), Радия Хабирова (Республика Башкортостан);
- «исполнителей» — глав регионов без яркого политического стиля, концентрирующихся на поддержании уровня социально-экономического развития региона, балансирующих между различными группами интересов. Наиболее яркими представителями являются Андрей Воробьев (Московская область), Александр Беглов (Санкт-Петербург), Олег Кожемяко (Приморский край);
- «наместников» — жестких местных руководителей, демонстрирующих всю полноту власти и максимальную вовлеченность в региональные процессы. Примером являются Рамзан Кадыров (Чечня), Владислав Ховалыг (Республика Тыва), Вениамин Кондратьев (Краснодарский край);
- «пожарных» — глав субъектов РФ, основная цель которых вывести регион из кризиса, оперативно решить накопившиеся социально-экономические проблемы. Среди них — Андрей Турчак (Алтайский край), С.А. Меликов (Республика Дагестан).

Таким образом, в условиях перманентных кризисов губернаторский корпус вынужден постоянно пересматривать свои управленческие механизмы. Неоднородная общественно-политическая и социально-экономическая среда формирует разные модели позиционирования — лидеры успешных регионов стремятся не только реализовывать политику федерального центра, но и формировать тренды, в то время как ряд других регионов сконцентрирован на сохранении статус-кво и реализации антикризисных мероприятий.

Швая А.Ю.

(Санкт-Петербург, СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАКТИК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Интеграция православных практик в процесс институционализации российской политической элиты представляет собой длящийся процесс, берущий начало со времени возникновения современной России. При этом институционализация и реинституционализация политической элиты не является завершенным процессом, о чем свидетельствуют некоторые отечественные исследования (*Дука А.В.* Институционализация политико-административной элиты Санкт-Петербурга // *Полития.* 2003. № 2. С. 140). В ходе этого институционального становления как для увеличения своей внешней легитимности, так и по причине институционального изоморфизма политическая элита усваивает православные практики, которые в дальнейшем встраиваются в общую модель функционирования политического институционального порядка.

Сложность данной темы, и ее слабая разработанность требуют методологической определенности, чтобы очертить спектр феноменов и вопросов, доступных изучению. В этом смысле основным подходом для понимания элит, их устройства и их институционализирующей роли по отношению к социальному порядку избирается концепция «властвующей элиты» Ч.Р. Миллса, а также его с Г. Гертом теория «институциональных порядков» (*Gerth H.H., Mills C.W.* *The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions.* N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1953). Для объяснения того, как отдельные институционализованные практики федеральных и региональных элит встраиваются в политический институциональный порядок, используется понимание практик теоретиков социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана. Поскольку на данный момент нет оснований утверждать ту или иную степень завершенности процесса институционализации православных практик, то особый аналитический фокус стоит сосредоточить на когнитивных объяснительных схемах самих представителей региональной политической элиты. Такие схемы связывают диверсифицированные практики в интегрированные смысловые структуры, т.е. легитимацию.

Это соответствует и теоретической логике П. Бергера и Т. Лукмана, где легитимация является необходимым компонентом институционализации.

Так, для определения характера и степени завершенности институционализации православных практик были собраны публичные речи представителей политической элиты региона, а также взяты 20 глубинных интервью с депутатами Законодательного Собрания Санкт-Петербурга и их помощниками. С опорой на зафиксированную степень распространенности православных практик среди представителей депутатского корпуса нынешнего и всех предшествовавших созывов были выделены основные типы легитимаций православной активности представителями региональной политической элиты.

Наблюдаемое увеличение православной активности представителей элиты происходит не только на федеральном, но и на региональном, и местном уровнях, что отражает институционализирующую социетальную функцию элит. С целью детального рассмотрения процесса встраивания православных практик в политический институциональный порядок, а также по причине ограниченности доступа исследователя к федеральной элите для изучения избирается именно региональный уровень со своей спецификой.

*Шведова Н.А.
(Москва, ИСКРАН)*

К. ХАРРИС И Д. ТРАМП: ЭСТЕТИКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ-2024

В СМИ США нередко звучит характеристика в адрес американской политики, которая ранее не отличалась столь «головокружительной» переменчивостью: демократы оценивают скорость и легкость, с которыми Камала Харрис заменила Джона Байдена на первом месте в списке кандидатов на пост президента.

Что характерно для кампании К. Харрис?

Во-первых, К. Харрис не подчеркивает «очевидное»: историческое значение того факта, что страна на пути избрания первой женщины-президента и к тому же «цветной женщины». Хотя она заявляет, что гордится достижениями администрации Байдена–Харрис, она изображает себя кандидатом перемен, который «перевернет страницу последнего десятилетия» того, что, по ее мнению, «противоречило духу страны».

Во-вторых, хотя вице-президент Камала Харрис неоднократно «насмехалась над кажущимся нежеланием» бывшего президента Дональда Трампа вступать с ней в дискуссию, однако она выглядит более интеллигентной, отзываясь о своем сопернике, что не мешает и ей «брать быка за рога» в характеристике претендента от Республиканской партии (отвечая на вопрос о своих действиях на посту президента в первый день, она заявила: «Я буду усердно работать, чтобы восстановить атмосферу. Я думаю, что простой факт, что люди увидят, как кто-то вступит в должность, кто не является Дональдом Трампом, многое изменит в настроениях, и тогда я попытаюсь оттолкнуться от этого»). Она не размнивается на «мелочные» укусы, порой отмахивается от расистских и женоненавистнических нападок Д. Трампа. Однако и уточняет: «Вот одна конкретная политика, которую я могу предложить: я не буду участвовать в проекте 2025, и я буду предоставлять налоговую льготу на детей!»

Напротив, грубая риторика Д. Трампа, который не гнушается в выборе «личностных» нападок на соперницу, называя К. Харрис «коммунисткой, подражательницей, глупой, недавним обращением в чернокожую или кем-то с сумасшедшим смехом, кто не так хорош собой, как он», бездоказательно обвиняя ее в том, что он стал жертвой неудачного покушения.

Американские СМИ полны сообщениями о различных оригинальных и нестандартных предвыборных мероприятиях, к которым склонен прибегать главный претендент от Республиканской партии (встречи перед могилами на Арлингтонском национальном кладбище, серия «цифровых торговых карточек» с изображением супергероя Трампа, которые обходятся сторонникам в 1485 долл. (или дороже, акция признавалась «аферой» с обогащением Д. Трампа), а наградой мог быть кусок ткани, отрезанный от «сногшибательного костюма», который Д. Трамп носил во время июньских 2024 г. дебатов с президентом Джо Байденом, и др.). Кроме того, противники используют исторический аргумент: «действующий вице-президент побеждал один раз за 188 лет. Харрис вряд ли будет следующей».

Подобная риторика находит как своих вдохновленных приверженцев, так и жарких оппонентов, прослойкой между которыми находятся те, кто с сожалением отмечают недостойные акценты кандидата, который в противном случае мог бы снискать большую поддержку: «Трамп мог победить за счет разных вещей: инфляции, иммиграции, изоляционизма». Однако «представление о том, что преступник и осужденный за сексуальное насилие, кто выкрикивает непристойности и вульгарные эпитеты на своих митингах, вернулся бы в Белый дом», кажется неадекватным.

Цифры склоняются в пользу К. Харрис, однако она все равно должна добиться большей поддержки голосов американцев, поскольку вице-президент остается «незнакомой, неопределенной фигурой» для многих из избирателей. От нее ждут большей конкретики. Время как никогда непредсказуемо как в прошлом, так и в краткосрочном будущем, между которыми тонкая прослойка настоящего, где приемы и уловки технологий и спецэффектов могут сыграть свою коварную роль в условиях гонки по вертикали президентской кампании, оказав решающее влияние на результаты выборов. Изобилующие экстравагантными и креативными элементами шоу избирательной кампании отражают, несомненно, накопившийся накал внутренних противоречий в стране, которой как и ранее, так и в этот раз, скорее всего, удастся «переварить» за счет работающей политической системы, которая может реализовывать без резких движений, в легитимном режиме, политические шаги по смягчению наиболее острых проблем.

Швецова А.В.
(Екатеринбург, УрФУ)

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ БАРЬЕРОВ В НАУКЕ

Социальный потенциал документального кино редко является предметом научной рефлексии, особенно если речь идет о гендерной проблематике. Вместе с тем артикуляция реального опыта мужчин и женщин через придание ему сюжетной логики и эстетической оболочки фильма позволяет поднимать сложные социальные темы и создавать базис для их решения. Стремление актуализировать дискуссию вокруг гендерного дисбаланса в науке и обозначить ключевые его причины на современном этапе сподвигло нашу команду¹ на съемки документального фильма «Наука женского рода»², репрезентирующего опыт российских женщин-ученых. В основу проекта легла идея слияния нарративных интервью женщин-ученых об их карьерных траекториях в общее повествование о судьбе женщин в науке: через призму индивидуального опыта мы стремимся показать крупный срез российской действительности. В сюжете фильма переплетены структурные, институциональные, семейные и личные линии, что позволяет сложить «пазл» из множества различных элементов индивидуального опыта героинь фильма (удачного и не очень) и показать объективные барьеры и перспективы женской карьеры в отечественной науке.

Картина основана на нарративных интервью с пятью женщинами-исследовательницами из Владивостока. Невидимость женщин в науке имеет особое звучание в регионах, усугубляясь общим вытеснением региональных научных структур на периферийные позиции. Выбор Дальнего Востока в качестве локации фильма связан, с одной стороны, определяющим значением науки для развития региона и необходимостью привлечения молодых исследователей, а с другой — особо уязвимым (по сравнению с центральными регионами) положением женщин-ученых, что сдерживает их исследовательский потенциал. Гайд интервью содержал несколько основных блоков, внутри которых героини имели полную свободу в выборе тональности и тем для обсуждения. Вводный блок знакомит зрителей с героинями фильма³, после этого поднимаются вопросы мотивации и выбора карьерного пути, поиска баланса между работой и личной жизнью, преодоления барьеров в профессиональном становлении женщин-ученых, взаимодействия с коллективом и функционирования сетей поддержки внутри научных сообществ. В конце героини подытоживают свои истории, определяя точки напряжения и роста. Выбор героинь был продиктован стремлением показать вариативность жизненных сценариев женщин в зависимости от институциональных и личных условий: различные организации (вуз, НИИ, отделение РАН), направления исследований (гуманитарные и технические), семейный статус и наличие детей, удачный или неудачный опыт взаимодействия с коллективом. В фильме использованы реальные рабочие локации героинь, что позволяет зрителю ощутить атмосферу присутствия, а команде — достоверно передать информацию об условиях работы.

Опыт реализации проекта позволяет сформулировать ряд выводов относительно социального потенциала документального кино в решении проблем мужчин и женщин и улучшении качества их жизни.

¹ Подробнее с командой проекта, концепцией, расписанием показов можно ознакомиться на сайте проекта <https://women-science.ru/>.

² Проект реализуется при поддержке Президентского Фонда культурных инициатив.

³ Героини фильма: Татьяна Журавская (социолог, ДВФУ), Александра Ким (микробиолог, ДВФУ), Юлия Татонина (генетик и паразитолог, НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Г.П. Сомова), Надежда Сырбу (геолог, Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева), Кристина Апарина (сейсмолог, в прошлом инженер ТОИ ДВФУ РАН).

1. Документальное кино следует рассматривать как эффективный и надежный инструмент для артикуляции общественных проблем, фокусировки внимания и усилий на их решении. Узнавая себя в историях героинь, женщины получают возможность осмыслить личный опыт как часть общего опыта группы (в данном случае женщин-ученых). Важно также, что неидентифицируемый и невидимый ранее опыт других людей становится понятным и осязаемым (как признался один из зрителей-мужчин после просмотра: «Я никогда даже и не думал, как трудно защитить диссертацию и родить ребенка в одно и то же время»).

2. Документальное кино может выступать в качестве точки сборки, физической или виртуальной площадки для интеграции и консолидации целевой аудитории. Просмотр фильма стимулирует обмен мнениями, расширяет горизонты коммуникаций между зрителями.

3. Документальное кино и отклик аудитории служат индикатором общественного мнения, инструментом конструктивного и бесконфликтного преобразования социальной среды с учетом интересов и позиций разных социальных групп.

Премьера фильма «Наука женского рода» состоялась 24 апреля 2024 г. во Владивостоке. На сегодняшний день фильм получил прокатное удостоверение, имеет субтитры на английском и китайском языках, презентуется на площадках по всей России и за рубежом и готовится к проведению онлайн-премьеры. Авторы выражают искреннюю надежду на то, что концепция фильма найдет отклик у целевой аудитории и будет способствовать расширению границ профессионального роста российских женщин-ученых.

Шевченко А.В.
(Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)

РЕКОНВЕРСИЯ ЭРГАТИЧЕСКИХ МЕДИАСИСТЕМ: «МАШИНА–“ЧЕЛОВЕК-МАШИНА”»

Накануне очередного «Саммита будущего» ООН (сентябрь 2024 г.) Консультативный орган высшего уровня по искусственному интеллекту (КОИИ) ООН опубликовал доклад о регулировании ИИ. Прогнозируется, что к концу текущего десятилетия общий искусственный интеллект будет не только соответствовать, но в некоторых областях и превосходить человеческий разум. Талантливо употребив естественный интеллект на практическую реализацию аристотелевской логики машин во множестве эргатических систем, человечество упорно движется в обратном направлении, передавая свои функции оператора и бенефициара человеко-машинной системы некоему суперинтеллекту, супермашинному алгоритму, замещающему не только когнитивные, но и эмоциональные сферы человеческого.

За счет желанной, безболезненной активизации информационного метаболизма в медиакommunikативных системах происходит конвергенция природоподобных информационных процессов (технологий), включая биосоциальные. Возникающие при этом структурно-функциональные конструкторы-гибриды получили название социобиотехнических систем (СБТ-системы), а гибридизация оформилась в магистральное направление социальной динамики и ее научно-технического инструментария, основанного на достижениях современных биотехнологий, биоинформатики, нейронауки, когнитологии, психолингвистики и др.

Исследователи указывают на целесообразность СБТ-систем — инженерно-психологическое проектирование конкретной человеческой деятельности в человеко-машинных системах. Оно осуществляется посредством высоких гуманитарных технологий (*Hi-hume*), применяемых к сознанию человека как к технологическому объекту, в том числе с целью его перепрограммирования.

Отечественный медиафилософ Д.С. Мокичев обозначает этапную цель развития этого процесса: синхронизация развития ИИ и человеческого разума. Он уже ощутимо активен в такой чувствительной для современного общества сфере социальных и политических отношений, как биоэтика, биополитика, геополитика, поскольку вектор силы направлен на киборгизацию человека. На нынешнем этапе проблема имеет в основном дискурсивное оформление с пока не критической массой сетевого отслоения социальной структуры. Но учитывая динамику роста «цифрового населения» планеты, перевалившего за 2 млрд человек, процесс трансформаций и/или отмирания институтов социализации индивидов будет набирать обороты.

Примечательно, что профессиональным медиасообществом не проявлен должный интерес к перспективам распространения природоподобных технологий на человеко-размерные среды, результат которых однозначно обозначил руководитель НИЦ «Курчатовский институт»: «...сегодня люди больше не нужны. ...Это очень важная вещь, это меняет всю геополитическую картину».

Благодаря расположению индивида к социотехническим технологиям, облеченным в легкодоступные и привлекательные гаджеты и интерфейсы, ослабляет или вовсе лишает его творческой энергии, воли

к самостоятельности и ответственности за социальную и политическую самоорганизацию. По наблюдению психологов, у современного цифрового активиста сформировался синдром «раздерганного сознания». Чем успешнее развивается эргатическая система «машина–человек», тем острее становится проблема экзистенции социального.

Исследователи совладающего поведения в сетевых сообществах отмечают образование маргинальных групп так называемых цифровых фланеров с их непостоянными, мимолетными привязанностями к смыслам и ценностям. По мнению И.С. Семененко и Е.В. Морозова, и индивидуальной, и групповой идентичности человека XXI в. имманентно присущи ситуативность и изменчивость. Но наблюдается и процесс оформления «интернет-толпы» (как порождения сетевых форм социальной интеграции) в окультуренные сообщества, обладающие цифровой идентичностью на уровне, как минимум, двух поколений (отцы и дети). В частности, это заметно по трансформациям политических идентичностей, воспринимающих социотехнологическую гибридизацию в ее элементарных формах.

Шестопад Е.Б.

(Москва, ИНИОН РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН О БУДУЩЕМ СВОЕЙ СТРАНЫ*

Анализ этих представлений российских граждан о будущем своей страны был сделан на основе данных, полученные на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в конце 2023 — начале 2024 года. В ходе исследования мы искали ответы прежде всего на вопрос о том, какие смысловые акценты появились в последнее время в представлениях людей о будущем России?

Первый замер носил преимущественно качественный характер. Он включал интервью, в гайде которого было 24 открытых и 5 закрытых вопросов. Его выборка не была репрезентативна для страны в целом, но сбалансирована по полу, возрасту и образованию. Она составила 180 человек из 14 регионов.

Второе исследование носило качественно-количественный характер и имело более широкий охват как по количеству респондентов (600 человек), так и по числу и типу регионов (37). Выборка также была сбалансирована по полу, возрасту и образованию.

Методология. В исследовании были использованы опрос, фокусированные интервью с вопросами открытого и закрытого типа, метод неоконченных предложений («Будущее страны представляется мне... и др.), а также проективная техника «рисунок будущего страны». Ответы респондентов, полученные в интервью, проходили обработку с использованием *IBM SPSS Statistics* и *MS Excel*. Открытые вопросы и рисуночные тесты анализировались с помощью качественного контент-анализа.

Результаты и обсуждение

Содержательные характеристики представлений о будущем своей страны

Эти представления были выявлены в ходе анализа открытых вопросов о желаемом и возможном ближайшем (5 лет) и среднесрочном (10 лет) будущем. Так, в образах будущего страны встречались описания:

- экономики;
- военных аспектов (влияние СВО на ее будущее);
- политических аспектов (власть, лидеры, институты);
- социальных аспектов (образование, здравоохранение, пенсии и т.п.);
- экологии;
- развития регионов;
- технологического прорыва.

Ожидание реальных изменений в разных сферах жизни страны в ближайшие 5 лет

Экономика	25,8%
Политика, власть	21,8%
СВО, военная сфера	19,6%
Социальная сфера (образование, медицина, пенсии)	7%
Экология	—
Регионы	0,5%
Технологии	1,8%

* Статья подготовлена в рамках темы «Представления российских граждан о будущем своей страны» при поддержке ЭИСИ в ИНИОН РАН.

Таким образом, наибольшее значение в будущем для опрошенных имеет развитие российской экономики. Следом за ней идет политика. Несмотря на продолжение военных действий, СВО и военная сфера в целом не находятся в фокусе внимания респондентов в будущем.

Коллективное/Индивидуальное будущее

Представления о личном будущем и будущем своей страны (ответ на неоконченное предложение)

Мое будущее представляется мне...	%	Будущее моей страны представляется мне...	%
Оптимистичным	62,7	Оптимистичным	42,7
Пессимистичным	3,5	Пессимистичным	10,3
Неоднозначным	27,0	Неоднозначным	41,0
Затруднились ответить	6,8	Затруднились ответить	6,0

Первое, что бросается в глаза, — это то, что личное будущее воспринимается намного более позитивно, чем будущее страны в целом: 62,7 против 42,7%. Если в начале 2000-х в этой тенденции, прежде всего, отражались рост индивидуализма и отход от традиций советского коллективизма, то сейчас, напротив, происходит консолидация общества в силу возврата к более глубинным, архетипическим основаниям нашей политической культуры.

Идентичность граждан со своей страной. Если раньше все замеры социологов показывали, что в российском обществе граждане чаще идентифицировали себя со своей малой родиной, чем со страной в целом, то сейчас мы видим преобладание национально-государственной идентичности над локальной, этнической или религиозной идентичностями. Именно преодоление кризиса национально-государственной идентичности, которое происходило в последние годы, поспособствовало росту консолидации.

Ответ на «неоконченное предложение»: «Для меня важно, что я являюсь...»

	2023–2024, %
Гражданином РФ	67,4
Жителем своего региона, города, села	12,9
Представителем своей национальности	8,5
Представителем религиозной конфессии	1,2
Другое	10,0

Оптимизм/Пессимизм. Образы будущего выполняют важную защитную функцию: нам очень важно верить, что в будущем и у нас лично, и в нашей стране все будет хорошо. Социальный оптимизм лежит в основе консолидации общества, его единства, политического доверия.

Как показало исследование, в настоящий момент, с одной стороны, оптимизм в разы преобладает над пессимизмом, с другой стороны, мы видим ощущение растущей неопределенности и хрупкости мира.

Эмоциональный знак восприятия будущего своей страны

Ожидаемое будущее страны через 5 и 10 лет. Эмоциональный знак		
	Через 5 лет, %	Через 10 лет, %
Позитивные чувства	34	41
Негативные чувства	33	18
Нейтральное отношение	16	16
Амбивалентные чувства	10	15
Затруднились	7	11

Таким образом, хотя баланс между пессимизмом и оптимизмом пока достаточно неустойчив, но преобладание оптимизма внушает надежду на то, что у нашего общества хватит сил и ресурсов справиться со всеми вызовами, как ему хватило сил побороть уныние, которое было широко распространено в ходе пандемии, и консолидироваться на основе поддержки своей страны в ходе СВО.

Выводы

1. Главным результатом проведенного исследования можно считать зафиксированные в нем изменения массовых представлений о будущем своей страны. В массовом сознании проявились отчетливые признаки преодоления кризиса идентичности и консолидации общества, что выражается в росте *оптимизма* в отношении будущего страны и снижении *пессимизма*, хотя в этих ожиданиях присутствует немало *амбивалентных оценок*.

2. Полученные результаты свидетельствуют прежде всего о том, что в массовом сознании изменились в первую очередь психологические параметры образа будущего. Россия будущего представ-

ляется им независимой и сильной, обращенной, прежде всего, на решение своих внутренних проблем, особенно в социальной сфере.

3. В *смысловых акцентах* образа будущего на первое место вышли ожидания в отношении *экономики*. Следом за ней идет акцент на *политике*. Примечательно и то, что в будущей России опрошенные хотели бы видеть большее внимание государства к таким сферам, как *экология, региональная политика, социальная сфера*.

4. Изменившиеся образы будущего своей страны свидетельствуют о преодолении кризиса национально-государственной идентичности, в результате чего из массового сознания начали вымываться заимствованные западные политические стереотипы, и большинство населения избавилось от доминирующего в 1990–2010-е комплекса «национальной неполноценности». Описанные выше результаты исследования позволяют надеяться, что эта тенденция не сводится к ситуативному «эффекту сплочения вокруг флага», а имеет долгосрочный характер.

Шлапек Е.А.
(Петрозаводск, ИЭ КарНЦ РАН)

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В СЕВЕРНОМ ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

В условиях современных вызовов актуальным направлением международной деятельности является общественная дипломатия. Среди российских общественных организаций особого внимания заслуживают те, которые на протяжении многих лет поддерживают контакты с соотечественниками и развивают добрососедские отношения с зарубежными государствами, основываясь на приоритетах внешней политики Российской Федерации. Это направление дипломатии, осуществляемое некоммерческими организациями в дополнение к официальной позиции органов власти, получило название «общественная дипломатия». В научной литературе российскими исследователями ведется обсуждение различий между понятиями «публичная дипломатия» и «пропаганда», «публичная дипломатия» и «мягкая сила», а также «общественная дипломатия» и «публичная дипломатия». Наиболее заметные исследования, связанные с публичной дипломатией и учитывающие воздействие «третьего сектора», были опубликованы такими научными центрами, как МГУ, МГИМО, СПбГУ, РАНХиГС и др.

Практика российской общественной дипломатии опережает теоретическое осмысление данного феномена. Кризис североевропейских отношений с участием российских регионов стал очевиден в 2014 году, когда стратегическое партнерство России и ЕС было прервано, а сотрудничество в условиях санкций стало избирательным. Тем не менее до 2022 года сохранялись программы приграничного сотрудничества, рассматриваемые как деполитизированный и взаимовыгодный механизм взаимодействия, который способствовал укреплению доверия и развитию контактов между народами.

Республика Карелия была выбрана в качестве модельной площадки для изучения динамики развития общественной дипломатии. До февраля 2022 года основным направлением международного сотрудничества карельских НКО были европейские страны, особенно приграничная Финляндия. В предыдущих исследованиях были проанализированы карельско-финские проекты программы приграничного сотрудничества, которые показали, что участие некоммерческих организаций в проектах способствовало популяризации российских достижений, получению новых экспертных знаний, улучшению материально-технической базы и расширению международных контактов. Существующие родственные связи и налаженная сеть контактов на уровне представителей сопредельных территорий Финляндии и России реализовались в практиках трансграничной мобильности, воспринимаемых как обычное дело для местного населения российско-финляндского приграничья по обе стороны границы.

В последние годы наблюдается рост активности некоммерческих организаций и их участия в российских грантовых конкурсах, особенно увеличилось количество малых грантов и проектов в регионах. Республика Карелия, хоть и имеет относительно небольшое число зарегистрированных НКО, выделяется значительным процентом поданных и выигранных заявок на конкурсы Фонда президентских грантов по направлению «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников». Это свидетельствует о высоком уровне проектных компетенций, накопленных в том числе благодаря реализации российско-финляндских проектов приграничного сотрудничества, и потенциале их дальнейшего использования.

КЛЮЧЕВЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ В РОССИИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ИЛИ УГЛУБЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ?*

Все усложняющаяся социальная структура современности неизбежно изменяет и политическое пространство. Стремительные изменения, которые принесли в нашу жизнь такие процессы, как глобализация и цифровизация, навсегда меняют социально-политическую динамику общества. Для России ответы на вызовы современности требуют не только внимания к глобальным трансформациям, но и ко все еще значимым вопросам недавней отечественной истории. Российское общество оценивается исследователями в различной степени размежеванности — от поляризованного до атомизированного; однако, определив ключевые линии, важно выходить на следующий этап размышления — это вопросы преодоления размежеваний и формирования механизмов солидаризации общества как фактора его стабильности.

В рамках исследования в 2023 году нами были выделены ключевые линии социально-политических размежеваний, которые не только наиболее остро воспринимаются в обществе (на основании фокус-групповых исследований, экспертных интервью и массового опроса), но и имеют тенденцию к углублению и закреплению в кливаж: линию социально-политической конфронтации, определяющую динамику политического пространства в долгосрочной перспективе. Среди таких размежеваний были отмечены: «сверхбогатые/остальные», «Москва/не Москва», «центр/регионы». Кроме остроты восприятия экспертами и рецензентами, важно отметить следующие аспекты, позволяющие нам их классифицировать как глубокие размежевания с тенденцией к закреплению в кливаж:

- формирование системы самоидентификации групп внутри данных линий конфликта,
- социально-экономическое измерение размежеваний (например, масштабное перераспределение собственности после распада СССР),
- их место в структуре размежеваний: наложение и пересечение старых линий («город/деревня», «центр/периферия») и новых («глобальное/национальное»),
- формирование повестки и дискурса, начало процесса политизации, формализации представления интересов данных групп (например, «москвич/не москвич»),
- ценностно-культурный разрыв между данными группами.

Более того, в последние годы мы наблюдали возможный потенциал политической мобилизации по данным линиям конфликта. Ключевые протестные выступления последнего десятилетия и события июня 2023 года в том числе были связаны с лозунгами, основанными на противостоянии вдоль данных линий конфликта. Так, только системные изменения как в экономическом пространстве, так и в пространстве ценностей могут остановить углубление размежеваний.

В начале текущего года был инициирован ряд мер, которые, на наш взгляд, призваны в том числе снизить остроту данных размежеваний. Это и налоговая реформа, в особенности введение прогрессивной налоговой шкалы, и переход к иному принципу финансирования регионов. Отправной точкой данных изменений является обращение Президента России к Федеральному Собранию. Вопрос о финансировании регионов в его выступлении поднимался неоднократно относительно ключевых стратегических задач — демографических, оборонных, экономических. Также четко была сформулирована задача перехода к новой налоговой системе. В процессе подготовки и принятия решения неоднократно звучали тезисы о справедливой новой системе, в том числе так ее обозначал министр финансов. Стоит отметить, что идея о введении прогрессивной налоговой шкалы не нова. Еще в 2013 году, согласно данным ФОМ, большинство респондентов положительно оценивали возможность данной реформы, а ключевые опасения были связаны с вероятными попытками избежать уплаты налогов, что также сигнализирует о глубине размежевания. Сегодня, согласно исследованию ВЦИОМ, справедливым решение о прогрессивной шкале считают 78% респондентов. Более того, в этом контексте мы также можем вспомнить и недавние громкие уголовные дела, связанные с неуплатой налогов медийными деятелями, что неизбежно освещалось в СМИ. Отсюда мы можем сделать предположение о возможности роста доверия к налоговой и надзорной системе со стороны населения.

Вопрос о преодолении разрыва между Москвой и регионами также был вынесен в область принятия и реализации конкретных решений относительно финансирования. Вместе с этим стоит отметить, что ряд мер уже показали результаты. Это развитие внутреннего туризма, строительство крупных инфраструктурных объектов, поддержка МСБ и крупных производств. Все это в совокупности способ-

* Исследование выполнено в рамках проекта ЭИСИ—Минобрнауки FSSF-2024-0060 «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса».

ствует естественному формированию новых центров притяжения вне Москвы и области. Кроме того, формируется и новый образ России, что стало видно в рамках форума-выставки «Россия» на ВДНХ, где регионы были представлены самостоятельными павильонами, отражающими их специализацию, культурные особенности и последние достижения.

Таким образом, мы наблюдаем системные решения, которые нацелены на преодоление глубоких и наиболее ощутимых для россиян линий социально-политического размежевания. Экономические реформы проходят вместе с формированием новой положительной повестки развития и ее символов. Ключевые стратегические задачи формируются с вниманием к переживаниям о справедливом и несправедливом среди населения. Это может свидетельствовать не только о потенциальном снижении напряженности по данным линиям размежевания, но и о возможности их преодоления.

Шмелева О.Ю.

(Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ЭКОСИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ (КЕЙС Н. НОВГОРОДА)*

Экосистема современного мегаполиса как пространственно-временной континуум, включающий совокупность взаимосвязанных элементов (цифровых платформ, сервисов, инновационных технологий, коммуникаций, сетевых форм взаимодействия пользователей) в условиях технологической революции 4.0 становится ключевым фактором percepции будущего страны, государства, власти, формирующим «новые коллективные ценности» (Соколов А.В., Гребенко Е.Д. Создание и развитие цифровых экосистем в России как способа коммуникации власти и граждан // PolitBook. 2024. № 2. С. 8–9) *homo digital*, оказывающим при этом неоднозначное воздействие на восприятие обществом государства, власти и ее институтов.

Широкий спектр открывающихся возможностей, благ и преимуществ цифровой экосистемы мегаполиса сопряжен с киберугрозами, рисками переформатирования ценностной картины мира, манипулирования, возникновения фрустраций, фантомов сознания, вызванными осознанием гражданами, что экосистема «умного города» не стала универсальным средством защиты от архаичных практик, решения проблем муниципального и регионального управления. Наибольшую актуальность обозначенные риски представляют для молодежи российских мегаполисов, отличающейся внутренней дифференциацией (ценностной, социальной), высоким уровнем политизации и вестернизации сознания, тревожности, стресса, вовлеченностью в различные сетевые группы/сообщества, цифровые сервисы, платформы, восприимчивостью к новому.

Каркас экосистемы Нижнего Новгорода составляет разветвленная цифровая инфраструктура платформ, сервисов, площадок — «Вам решать», ЦУР, «Умные остановки», сервис «Карта жителя Нижегородской области», «Антиснег», единый портал медицинских услуг и пр., отличающаяся противоречивыми эффектами ее функционирования. Наряду с очевидными и безусловными благами и преимуществами практика реализации инновационных проектов в столице Приволжья сопряжена с проблемой редукционизма и дегенеративного характера управления (т.е. упрощения организации). Цифровые платформы и технологии не стали панацеей для решения актуальных проблем региона, в частности транспортной проблемы, выражающейся в нехватке кадров водителей; изношенности подвижного состава, логистических проблемах и пр. издержках. Нижегородцы выражают неудовлетворенность работой общественного транспорта (<https://news.myseldon.com/ru/news/index/307777499>), критикуют региональную власть за несовершенство транспортной системы (https://vk.com/wall-218995200_2311). Развитие цифровой среды кардинально не повлияло на повышение гражданской активности жителей большого города, их вовлеченности в решение социально значимых проблем региона. По результатам опроса, реализованного при участии автора в октябре 2023 года в трех мегаполисах ПФО (Уфа, Казань, Н. Новгород) среди лиц в возрасте 18–35 лет (выборка — 1043 чел.), 43% респондентов отмечали безынициативность граждан (в том числе молодежи) как актуальную проблему государства. Абсолютное большинство опрошенных за последние пять лет не принимали участия в субботниках, волонтерских проектах и прочих акциях. 23% (757 тыс.) нижегородцев приняли участие в голосовании за объекты благоустройства на платформе «Вам решать» (<https://vam.golosza.ru/>); 187 тыс. обращений поступило

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и ЭИСИ, проект № 1024021300036-4-5.4.1 «Архитектоника образа будущего российского государства в сознании молодежи современного мегаполиса: региональные модели, факторы формирования, идейно-ценностные размежевания».

в ЦУР НО в 2023 году; за первый квартал 2024 года — 31 тыс. сообщений (https://nta-pfo.ru/news/society/2023/news_681753/).

Названные проблемы и противоречия формируют неоднозначный (зачастую критический) образ государства в глазах нижегородцев — современного, следующего инновационным тенденциям (28%), приоритетными направлениями развития которого являются цифровизация, развитие науки, технологий (69%) и одновременно сопряженного с рядом проблем — закрытостью политических элит, непотизмом, неформальными институтами и практиками (52%); высоким уровнем коррупции (49%), нерешенностью социальных проблем (43%) и пр.

Цифровая экосистема современного мегаполиса, являясь драйвером развития большого города, инструментом повышения комфорта, качества жизни населения, не стала панацеей для решения актуальных социально-политических проблем. Управление политической архаизацией, рисками, вызовами должно стать частью инновационной, социальной политики государства, игнорирование которых наряду с упрощением административного механизма чревато накоплением «критической массы негативных последствий» (Тулчинский Г.Л.), одним из которых является усиление критического фона восприятия государства, власти, антиномичности образа последних.

Шпагин С.А.
(Томск, НИ ТГУ)

РОССИЙСКИЕ ПАРТИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ-2024

Выборы в законодательные собрания российских регионов, состоявшиеся 6–8 сентября 2024 г., продемонстрировали дальнейшее снижение активности политических партий и все менее убедительные перспективы многих из них. Хотя, по данным Минюста, право участвовать в выборах сохранили 24 партии, только 14 из них попытались воспользоваться этим правом. В отличие от 2019 г., когда выборы проводились в тех же 13 регионах, ни в одной избирательной кампании не приняли участия «Партия роста» и наследница «КПСС» 2010-х — Российская партия свободы и справедливости. Из-за объединения со «Справедливой Россией» не приняли самостоятельного участия в выборах 2024 г. «Патриоты России». А попытки «Партии Возрождения России» в Республике Алтай, Российского общенародного союза в Волгоградской области, партии «Яблоко» в Москве и «Гражданской инициативы» в Татарстане и Тульской области закончились неудачей еще до голосования.

«Единая Россия» укрепила свои позиции на Алтае, в Крыму, республике Марий Эл, Татарстане, Брянской, Волгоградской и Тульской областях, а также вернула себе лидирующее положение в Хабаровском крае, утраченное в период губернаторства С. Фургала. Впрочем, случаи наиболее внушительного прироста голосования за «партию власти» связаны, главным образом, с применением голосования вне избирательных участков и ДЭГ. Так, на основе данных ЦИК России можно сделать вывод, что в Марий Эл в переносные урны проголосовало 20,74% избирателей, а еще 24,79% воспользовалось возможностью голосования через Интернет. Аналогичное объяснение имеет и двукратный скачок голосования за ЕР в Севастополе, где 65,57% избирателей голосовало вне избирательных участков, а еще 9,6% — при помощи ДЭГ.

КПРФ понесла ощутимые потери голосов, особенно на Алтае, в Марий Эл и Севастополе, зато вернула свою фракцию в Народный Хурал Тывы. ЛДПР вновь не смогла преодолеть заградительный барьер в Татарстане, но удержала за собой второе место в Крыму и Брянской области, а также сумела занять его на Алтае, в Хабаровском крае и Севастополе. Для партии «Справедливая Россия — Патриоты — За правду!» кампания 2024 г. стала одной из наименее успешных: к повторным неудачам в Крыму, Татарстане и Тыве добавились провалы в Марий Эл, Брянской области и Севастополе. Единственным заметным успехом «справороссов» можно считать возвращение их фракции в Законодательную Думу Хабаровского края. «Новые люди», как и в течение предыдущих двух лет, приняли участие во всех региональных кампаниях, кроме одной. Если в 2022 г. они пропустили выборы в Северной Осетии, а в 2023 г. — в Ненецком АО, то в 2024 г. не выдвинули свой список в Карачаево-Черкесии. Партия добилась успеха в Волгоградской области, Хабаровском крае, Севастополе и неожиданно — Тыве.

Из числа непарламентских партий наибольшую активность проявила «Партия пенсионеров», которая приняла участие в выборах в пяти регионах, но заградительный барьер преодолела только в Волгоградской области. Хотя списки кандидатов «Гражданской платформы» не прошли регистрацию в Брянской области и Хабаровском крае, партия сохранила свою фракцию в Народном Собрании Карачаево-Черкесии. То же самое удалось РЭП «Зеленые» в Кабардино-Балкарии. Зато все три кампании партии «Родина» и четыре — «Коммунистов России» на этот раз были безуспешными.

Таким образом, реальное участие в состоявшихся выборах приняли только 10 партий, а представительства хотя бы в одном региональном парламенте добились 8 из них (в предыдущем электоральном

цикле — 10 из 13). Уровень конкуренции между партиями на выборах, измеряемый индексом эффективного числа партий по формуле Г.В. Голосова (*Голосов Г.В. Сравнительная политология и российская политика, 2010–2015. СПб., 2016. С. 22*), по сравнению с показателями 2019 г. ощутимо снизился. Среднее значение этого показателя по всей группе регионов сократилось с 2,1 в 2019 г. до 1,7 в 2024 г. Если в 2019 г. наивысшее значение индекса показали выборы в Республике Алтай (3,27), то в 2024 г. — в Хабаровском крае (2,57). Статус наименее конкурентного региона сохранила за собой Тыва (1,28). Тем самым, прошедшие региональные выборы продолжили и закрепили наметившиеся ранее тенденции к дальнейшему сжатию региональных партийных систем и снижению уровня межпартийной конкуренции.

Шпак М.А.
(Москва, ИМЭМО РАН)

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ 2023 г. В АРГЕНТИНЕ)

Цифровая трансформация оказывает влияние на политические, в частности электоральные, процессы. В условиях медиатизации политики — возрастания роли медиа в политической жизни и степени их воздействия на организации, институты и политических акторов — различные виды политической активности, например участие в предвыборной кампании, приобретают медийное измерение.

Сегодня традиционные СМИ и новые медиа (социальные сети, цифровые платформы) выступают основным пространством реализации электоральных кампаний. При этом значимость новых социальных медиа как инструмента агитации и мобилизации сторонников неуклонно растет.

Согласно функциональной теории дискурса политических кампаний В.Л. Бенуа, голосование является актом сравнения, и ключевая задача кандидата — обозначить свои отличия от оппонентов. Применяемые инструменты политической коммуникации позволяют участникам выборов выделиться среди соперников: проинформировать электорат о своей программе и конкурентных преимуществах. В отличие от агитации через СМИ, ресурс социальных сетей, в силу интерактивности коммуникации, разнообразия доступных форматов контента и наличия прямого контакта с избирателями, дает кандидатам возможность формировать привлекательный образ в глазах аудитории и транслировать собственные политические нарративы без посредника в виде институционализированных медиа. Электоральные кампании, разворачивающиеся в цифровом медиaprостранстве, могут быть оценены с учетом используемых кандидатами стратегий коммуникации, результатов выборов, динамики социально-экономического развития, внутри- и внешнеполитического курса страны.

В контексте описанных социотехнологических трансформаций примечательна президентская электоральная кампания 2023 г. в Аргентине. Наибольший резонанс внутри страны и за ее пределами вызвала предвыборная агитация либертарианца Хавьера Милея, лидера коалиции «*La Libertad Avanza*».

Х. Милей, экономист по образованию, получил известность благодаря участию в аргентинских ТВ-программах, в 2021 г. начал политическую карьеру в качестве депутата национального парламента, а в 2023 г. одержал победу во втором туре президентских выборов. На приход к власти в Аргентине президента-либертарианца повлиял комплекс факторов, в том числе глубокий социально-экономический и финансовый кризис, недовольство политикой правительства перонистов и общественный запрос на перемены.

Важную роль также сыграло активное присутствие Х. Милея в цифровом медиaprостранстве в рамках кампании. Исследование медиастратегии кандидата, проведенное на материале его официальных предвыборных роликов и публикаций в социальных сетях, позволяет выделить ряд особенностей, оказавших влияние на его электоральный успех.

Так, Х. Милей позиционировал себя в первую очередь как экономиста, цель которого — вывести страну из кризиса. Милей дистанцировался от политического класса, противопоставлял себя и свою команду «политической касте» — правительству и политикам в целом. В условиях недовольства населения политическим истеблишментом созданный кандидатом образ удовлетворял запрос электората на президента, максимально далекого от традиционных политических семей.

Радикальные предложения Х. Милея в сфере экономики, политики и культуры, агрессивная риторика и эпатажный образ нашли отклик в том числе у молодых избирателей — наиболее активных пользователей социальных медиа. Кроме того, в кампании были задействованы механизмы сетевого

продвижения: значительную часть контента в поддержку Х. Милея публиковал не он сам, а самоорганизующиеся сообщества сторонников в соцсетях.

Медиапозиционирование Х. Милея, наряду с факторами системного характера, способствовало его победе на выборах 2023 г. Но вопрос о том, как приход к власти столь эксцентричного и радикального лидера скажется на внутри- и внешнеполитическом развитии Аргентины в долгосрочной перспективе, остается открытым.

Кампания 2023 г. в Аргентине важна и в более широком контексте. Аргентина — одно из наиболее влиятельных государств Латинской Америки, и политические трансформации в этой стране могут отразиться на будущем региона в целом. Успех кандидата-либертарианца способен вдохновить политиков в других странах Латинской Америки и шире — Глобального Юга. А потому понимание характерных для современной Аргентины тенденций и трансформаций в электоральных процессах важно для прогнозирования динамики политического развития других государств как в латиноамериканском регионе, так и за его пределами.

Шпиро Л.А.
(Краснодар, КубГУ)

ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ*

Актуальность применения проектного подхода в практике современной России обусловлена национальными приоритетами и стратегическими задачами, определяемыми Президентом РФ. Сформированная многоуровневая система проектной деятельности на федеральном, региональном и местном уровнях в РФ выступает инструментом регионального и местного развития. В современной науке отмечен ряд исследований проектов развития на уровне субъектов РФ, но в рамках городских и сельских территорий практики реализации проектов развития, в том числе участия в них граждан, описаны недостаточно. Как отмечают Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко, в политике развития территорий актуализируется ресурсный потенциал негосударственных субъектов, тесно связанных с местными сообществами. В условиях социально-экономической и геополитической напряженности, нарастания конфликтности, в том числе на локальном уровне, ресурсы городских и сельских сообществ необходимо использовать как субъекты развития регионов и территорий.

Анализ опыта проектной деятельности показывает, что реализация проектов на уровне местных сообществ может быть осуществлена в рамках следующих практик:

- проекты участия муниципальных образований в рамках национальных проектов РФ, направленных на достижение национальных целей развития, обозначенных Президентом Российской Федерации (в структуре национальных проектов выделяются те части, которые относятся к ведению муниципальных образований, согласно Федеральному закону РФ № 131-ФЗ);
- проекты инициатив граждан, направленные на развитие городских и сельских территорий (механизмы инициативного бюджетирования);
- проекты инициатив, реализуемые в рамках поддержки грантовыми механизмами, субъектами поддержки которых выступают, например, Фонд президентских грантов, Центр развития гражданского общества Краснодарского края, Росмолодежь и другие (в данных практиках инициативы могут исходить от физических лиц, юридических лиц, некоммерческих организаций);
- проекты инициатив лидеров местных сообществ и активных граждан, неравнодушных к проблемам городских и сельских территорий своего проживания.

Приведем примеры практик гражданских инициатив — волеизъявления граждан по совершенствованию деятельности органов местного самоуправления, развитию территории проживания, улучшению социально-экономической сферы — на уровне села в Краснодарском крае.

В рамках механизмов инициативного бюджетирования в Крымском районе Краснодарского края (хутор Новоукраинский Пригородного сельского поселения) в период 2020–2023 гг. обустроено 4 общественных территории, одна из которых — «Парк Победы», являющийся местом массового отдыха граждан для более 4300 человек.

Кроме того, на территории Краснодарского края выделяются отдельные сельские территории, транслирующие «модель ответственного развития» (например, станция Фастовецкая Тихорецкого

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности», <https://rscf.ru/project/24-18-20079/>.

района Краснодарского края), выделяемая российскими учеными (И.В. Мирошниченко и др.). Такая модель в том числе отражается во включении граждан в реализацию социальных проектов, проектов инициативного бюджетирования, инициатив лидеров сельских территорий. Проекты, реализуемые в станице Фастовецкой, связаны с патриотическим воспитанием, благоустройством территорий (мест для отдыха граждан), инфраструктурным развитием (созданием пространств для развития молодежи, в том числе досуговых и спортивных).

Исходя из опыта Краснодарского края, ресурсы инициативных граждан могут быть использованы для развития сельских территорий, в данном случае приобретающих субъектную позицию. Потенциал конструктивной гражданской активности и лидерства в части реализации социально значимых проектов в сельских сообществах может быть использован для решения социально-экономических проблем развития Краснодарского края.

Штерле А.В.
(Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ГРАЖДАН РОССИИ В ДИСТАНЦИОННОМ ЭЛЕКТРОННОМ ГОЛОСОВАНИИ

В последние несколько лет на выборный процесс в России ощутимое влияние оказывает внедрение новых информационно-коммуникационных технологий. Благодаря техническим достижениям последних десятилетий стало возможным внедрение элементов электронного голосования в российскую избирательную систему. Современные информационные технологии предоставляют инструменты для создания безопасных и защищенных систем голосования, которые призваны гарантировать честность и прозрачность избирательного процесса. Одной из важнейших технологий современного избирательного процесса в России стало дистанционное электронное голосование, позволяющее избирателю проголосовать удаленно с помощью специального программного обеспечения, которым, как правило, выступает портал «Mos.ru» в Москве и Единый портал государственных услуг («Госуслуги») в других регионах России.

В настоящее время география применения ДЭГ в России расширяется из года в год. Если в 2021 году на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ система применялась лишь в семи регионах, то уже в 2023 году по итогам рассмотрения заявок от регионов география применения системы расширилась до 24 субъектов РФ. На выборах Президента РФ в 2024 году ЦИК РФ постановила провести ДЭГ на выборах уже в 29 регионах. Наконец, на выборах в сентябре 2024 года система была применена в 25 субъектах, в шести из которых (Смоленская и Костромская области, республики Коми, Алтай, Марий Эл, Чеченская республика) ДЭГ применялось впервые. Можно с уверенностью говорить о том, что в России был накоплен значительный опыт использования ДЭГ как на федеральных, так и на региональных и местных выборах.

Безусловно, ключевыми преимуществами ДЭГ являются, с одной стороны, повышение скорости обработки результатов голосования благодаря автоматизации процессов подсчета голосов, с другой стороны, удобство для граждан, возможность отдать свой голос без посещения избирательного участка, что становится особенно актуальным для маломобильных людей. В связи с этим интересным аспектом становится вопрос участия населения в ДЭГ и его соотношение с явкой избирателей на традиционные избирательные участки.

Нами была проанализирована динамика участия населения в ДЭГ с 2021 по 2024 год на основных федеральных и региональных выборах. В каждой из федеральных выборных кампаний мы определяли долю граждан, принявших участие в ДЭГ, от общей явки избирателей в регионах, где проводилось дистанционное голосование. На региональных выборах производился расчет доли граждан, принявших участие в ДЭГ во всех региональных выборных кампаниях за каждый год в целом. В исследовании не учитывались результаты региональных и федеральных избирательных кампаний в Москве, которые бы сильно исказили общую статистику. Эмпирической базой исследования стала информация о выборах и референдумах на сайте Центральной избирательной комиссии РФ.

Результаты исследования показали, что доля электронных избирателей от общей явки возросла как на федеральных, так и на региональных выборах. Так, на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ в 2021 году доля электронных избирателей составила 11,37%, тогда как на выборах Президента РФ в 2024 году значение возрастает до 15,42%. На региональных выборах в 2021 году доля электронных избирателей составила 11,13%. В 2022 году значение снизилось до 7,92% во многом из-за малого количества региональных кампаний с использованием ДЭГ (всего 4 кампании) и первым опытом использования системы в двух регионах (Калининградская и Новгородская области). В дальнейшем с каждым годом доля электронных избирателей на региональных выборах имеет устойчивый рост: в 2023 году — 11,31%, в 2024 году — 14,79%. По нашему мнению, такой рост может быть связан, с одной стороны,

с накоплением регионами опыта в проведении ДЭГ, с другой — с привыканием и приобщением населения к использованию новых инновационных технологий в избирательном процессе.

Таким образом, ДЭГ несомненно расширяет возможности участия граждан в избирательном процессе, делая выборы более инклюзивными и доступными для широких слоев населения. Безусловно, система только встраивается в избирательный процесс современной России, о чем говорят постепенное расширение географии применения ДЭГ и устойчивый рост количества граждан, принимающих участие в дистанционном голосовании. Важно продолжать работать над совершенствованием данной технологии, учитывая интересы и потребности общества.

*Шульга Д.П. (Новосибирск, СИУ РАНХиГС при Президенте РФ),
Шульга А.А. (Донецк, Многопрофильный лицей № 1)*

ГИБКОЕ ПАРТНЕРСТВО ПРОТИВ ЖЕСТКОЙ ИЕРАРХИИ

Если страны¹, объединенные ШОС и БРИКС, избирают путь экономического партнерства и компромиссов из-за сопоставимости своих потенциалов, западный мир, заявляющий о своей монополии на демократию², куда более иерархичен в своих внутренних взаимоотношениях. Влияние США на Западную и Центральную Европу, завоеванное сначала в 1945 г., а затем в 1990-е при расширении НАТО на восток, продолжает сохраняться. Хотя потенциально ЕС имеет экономические показатели, сопоставимые с Соединенными Штатами (ВВП по ППС США на 2022 г. составил 15,51% от общемирового, в то время как у ЕС — 14,8%), из-за политической зависимости и внутренних противоречий реализовать свои возможности «объединенная Европа» не в состоянии. Часть стран «новой Европы» активно ориентируются на Вашингтон, а не на своих соседей, активно поддерживая самые невероятные инициативы³. Американское руководство часто решает проблемы за счет своих заокеанских партнеров по НАТО, будь то кризис беженцев⁴ или поставки вооружений на Украину⁵. Истощение запасов вооружений у партнеров Вашингтон использует для продажи им новых образцов собственного производства, чем сможет загрузить собственные мощности. При этом проявления конкуренции со стороны европейских стран Вашингтон резко обрывает. Яркий пример — история, когда был сорван контракт, согласно которому с французской помощью Австралия должна была построить 12 неатомных субмарин стоимостью около 40 млрд долл. Париж даже отзывал послов из США и Австралии, однако смены курса у Э. Макрона в итоге не получилось.

На данный момент ситуация в общих чертах сохраняет прежние очертания, чему способствует и политика органов ЕС в Брюсселе. При этом определенные изменения на национальном уровне происходят. В ряде стран на выборах выигрывают или существенно улучшают свои результаты евроскептики различного толка⁶. В текущей ситуации курс США на продолжение поставок оружия на Украину (и, тем самым, затягивание конфликта) объективно вредит экономике Европы. Так, по оценкам немецкого Института мировой экономики, без санкций немецкий экспорт в Россию мог бы быть в среднем на 618 млн евро выше⁷. Германия испытывает проблемы с энергоносителями для работы предприятий

¹ По И. Валлерстайну, относящиеся к «полупериферии».

² Наиболее ярко это проявилось в известном высказывании главы евродипломатии Ж. Борреля на открытии Европейской дипломатической академии в Брюгге: «Европа — это сад, мы создали этот сад... Все работает, это лучшая комбинация политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности... Остальной мир — это не совсем сад. Большая часть остального мира — это джунгли. А джунгли могут вторгнуться в сад».

³ Яркий пример — активное сближение Литвы с режимом Демократической прогрессивной партии на Тайване, инспирированное противоречиями КНР и США.

⁴ В ходе миграционного кризиса 2015 г. США принимали, как минимум, в два раза меньше беженцев, чем одна только ФРГ, не говоря уже о ЕС в целом. И это при том, что Соединенные Штаты в 27 раз больше Германии по площади, а также в значительной степени несут ответственность за развязывание войн в Сирии, Афганистане, Ливии и Косово (именно эти конфликты не в последнюю очередь спровоцировали кризис).

⁵ Хотя США поставляют киевскому режиму больше всех вооружений и средств, важно понимать, что их запасы далеки от истощенности. В то же время Словакия (население ок. 5,5 млн чел.), по словам нового министра обороны Р. Калиняка, осталась без жизненно важных составляющих своих сил: «Прежняя власть оставила нас без собственной системы ПВО, без боевой авиации, и у нас нет даже обещанных 700 млн на МиГи, которые правительство тоже передало Украине». Похожая ситуация из-за артиллерии сложилась в Дании (население ок. 5,8 млн чел.). При этом речь идет не об островных государствах в несколько десятков тысяч жителей, а о вполне средних для ЕС по населению и территории странах.

⁶ Сюда можно отнести относительный успех Национального объединения во Франции (88 депутатов по результатам выборов в 2022 г. против 8 в 2017 г.), победу Р. Фицо в Словакии осенью 2023 г., сохранение кресла премьера В. Орбаном в Венгрии и т.д.

⁷ Данные по: <https://www.kommersant.ru/doc/3495903>. В других материалах приводятся еще большие потери, с учетом прекращения деятельности русско-германских компаний: https://tsargrad.tv/news/podschitali-proslezilis-germanija-poterjala-milliardy-evro-iz-za-sankcij-ssha-protiv-rossii_205578/nsk.

из-за подрыва Северного потока. Но США и здесь находят выгоду, ведь конкуренты американских компаний подавляются, а часть бизнеса из ФРГ «переезжает» в Америку. Несмотря на указанные выше проявления недовольства и тактические успехи национально-ориентированных европейских политиков, тенденция пока стратегически неизменна.

Шумилов А.В.
(Чебоксары, ЧГУ)

МОЛОДЕЖЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: ИННОВАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Политические события и последние избирательные кампании в России выявили тенденцию к тому, что молодежь все чаще получает информацию через электронные источники. Доступность различных медиаплатформ значительно изменила способы политической социализации молодежи. Теперь молодые граждане могут узнавать о политических событиях и процессах в реальном времени, минуя традиционные источники информации. Эта цифровая трансформация оказывает влияние не только на политическое сознание, но и на участие молодежи в политической жизни. В ответ на это государство реализует проекты гражданской активизации молодежи, в которых преобладает традиционная модель взаимоотношений общества и государства. Особое внимание уделяется привлечению молодежи, особенно студентов, к участию в электронном голосовании.

Одним из важных элементов государственной молодежной политики стало создание условий для участия молодежи в выборах через цифровые платформы. Однако стоит отметить, что, несмотря на активное внедрение цифровых технологий в электоральный процесс, существует проблема доверия к электронным выборам, особенно среди политически активных молодых граждан.

Гипотеза о расширении цифрового пространства и его воздействии на молодежь подтверждается новыми трендами, формирующими политическое будущее России. Молодежь уже не воспринимает политику в рамках привычных идеологических схем, характерных для более старших поколений. Цифровая среда открывает перед молодыми людьми новые горизонты для взаимодействия с политической системой. Это проявляется как в поддержке альтернативных политических сил, так и в участии в гражданских инициативах (например, С.В. Володенков).

Социологические исследования массового сознания студенческой молодежи на примере Чувашии демонстрируют основные тенденции этих изменений. Студенческая молодежь была выбрана в качестве объекта исследования, поскольку именно она в будущем должна стать средним классом и ключевым актором гражданского общества и цифровой трансформации (например, О.В. Попова, А.П. Кочетков).

Одной из ключевых тенденций, выявленных в ходе исследований, является фрагментированность политического сознания студенческой молодежи. Результаты социологических исследований показывают отсутствие глубокой дифференциации в массовом сознании студенческой молодежи. Вместе с тем это сознание остается фрагментированным, сочетающим порой противоречивые взгляды. Например, респонденты могут одновременно поддерживать европейские демократические ценности и утверждать, что диктатура является оптимальной формой государственного управления для России. Это явление указывает на наличие гибридного сознания у молодежи, в рамках которого совмещаются идеи традиционализма и модернизма.

Одной из тенденций стало значительное укрепление патерналистских настроений. Если в 1999 году 58,9% студентов считали, что государство должно помогать всем гражданам без исключения, то к 2023 году эта доля выросла до 87,1%. Это свидетельствует о росте зависимости молодежи от государства, а также об увеличении ожиданий в отношении государственной поддержки. Также наблюдаются значительные изменения в отношении молодежи к реформам. В 1999 году большинство студентов поддерживали продолжение реформ (63,9%), однако к 2023 году 89,6% молодежи стали ориентироваться на стабильность. Это отражает общую тенденцию к отказу от радикальных изменений в пользу сохранения статус-кво и укрепления государственных институтов. Значительные изменения в сознании молодежи начались после 2007 года. Если ранее большая часть студентов стремилась уехать за границу ради достойной оплаты труда, то сегодня значительная доля молодых людей предпочитает остаться в России. Это может свидетельствовать о переосмыслении их роли в будущем страны.

Традиционные ценности коллективизма и равенства также приобретают большую популярность среди студенческой молодежи. В 2003 году их поддерживало 29,6% студентов, а в 2023 году — уже 51%. Параллельно уменьшается число молодежи, поддерживающей ценности индивидуализма и конкуренции. Эти изменения можно объяснить ростом социальной солидарности и осознанием важности коллективных действий в условиях экономических и политических вызовов. Отсюда не удивительно,

что если в 2003 году 52,8% студенческой молодежи желали, чтобы Россия стала частью единой Европы, то в 2023 году этот показатель снизился до 29,0%. В то же время увеличилось количество тех, кто считает западный образ жизни чуждым (с 36,9% в 2003 году до 55,3% в 2023 году). Это может быть связано с негативным восприятием западных культурных моделей.

Таким образом, данные социологических исследований демонстрируют серьезный сдвиг в массовом сознании студенческой молодежи в сторону традиционных ценностей. Современное поколение характеризуется гибридность ценностей, которые не вписываются в традиционные модели анализа. Молодежь склонна поддерживать существующую модель российского государства. Эта тенденция проявилась и в реакции на политические процессы 2020-х годов, в том числе в условиях пандемии COVID-19. Следовательно, надежды на модернизацию России следует возлагать на следующее поколение, которое вступит в активную фазу после 2030 года. Однако молодежь, особенно его наиболее активная часть, будет способствовать модернизации российского общества.

Шушлебин А.И.
(ВГУ, Воронеж)

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РИСКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

Государственные перевороты в XXI в. остаются одним из способов смены власти наряду с выборами и кооптацией. В ряде кейсов перевороты выступили предпосылкой других политических конфликтов — гражданских и межгосударственных войн, что обуславливает актуальность изучения факторов их риска.

Труды зарубежных исследователей преимущественно посвящены причинам переворотов, технологиям их осуществления и защите от них. В российской науке недостаточно работ по изучению переворотов. Отечественные исследователи в основном концентрируются на одном из их видов — «цветных революциях».

Исследование переворотов осложняется недостаточной эмпирической интерпретацией. Было предложено авторское понимание понятия переворота, которое включает совокупность признаков: замена высшего должностного лица /или других лиц, принимающих политические решения и обладающих реальной политической властью, незаконный характер и применение насилия, участие внутривнутриполитических акторов, захват объектов, значимых для функционирования политической системы. Для атрибуции попытки переворота использовались индикаторы: факт физических действий; стремление к достижению цели переворота путем насильственных действий.

В ходе исследования проводился анализ внутривнутриполитических факторов риска попыток переворотов по индикаторам: 1) показатели благосостояния населения; 2) тип политического режима; 3) легитимность; 4) выборы; 5) наличие попыток переворотов в прошлом; 6) политические конфликты (протесты, гражданские войны и др.).

В качестве эмпирической базы исследования использовались базы данных о государственных переворотах и других политических конфликтах: *The Coup Agency and Mechanism data* (URL: <https://militarycoups.org/#cam>), набор данных о государственном перевороте Университета Джонатана М. Пауэлла (URL: <https://www.jonathanmpowell.com/coup-detat-dataset.html>), база данных «TheGlobalEconomy».

Оценка влияния социально-экономических факторов на риск переворотов проводилась по показателю индекса развития человеческого потенциала. В группе наибольшего риска находятся страны с низким уровнем ИРЧП, что связано с недостаточным уровнем безопасности, слабостью политических институтов, недостаточно развитыми политическими коммуникациями. Риск переворотов снижается почти в три раза с переходом в группу стран со средним уровнем ИРЧП, а затем растет в группе с высоким уровнем. Такое явление можно объяснить эффектом модернизации — рост относительной депривации населения ведет к политической дестабилизации. Наименьший риск переворотов характерен для стран с очень высоким уровнем ИРЧП.

Существует взаимосвязь риска переворотов с резкими экономическими изменениями. Статистический анализ попыток переворотов показал три их волны: в начале 2000-х гг., конце 2000-х — первой пол. 2010-х гг., с 2019 г. Волны обусловлены макроэкономической динамикой. Рост относительной депривации при резком экономическом росте или падении, делегитимация правительства в ходе антикризисной политики, внутривнутриэлитные конфликты за распределение ресурсов — факторы влияния макроэкономической ситуации на риск переворотов.

Наибольший риск переворотов имеется в авторитарных персоналистских, гибридных режимах, молодых демократиях. Военные и партийные авторитарные режимы продемонстрировали наибольшую устойчивость. Минимальный риск — в развитых демократиях.

Установлена отрицательная взаимосвязь между уровнем легитимности режима и риском переворота. Наиболее опасна делегитимация для гибридных режимов, которые, в отличие от авторитарных, ограничивают свои репрессивные возможности.

Наличие успешных переворотов в прошлом повышает риск последующих переворотов. Это связано с делегитимацией и нарушением норм политической культуры.

Положительная взаимосвязь установлена между проведением выборов и риском переворотов. Попытки переворотов происходили как перед выборами, так и после них. Это связано с политической борьбой элит, происходящей в электоральный период, которая находила продолжение в других, насильственных формах.

Переворот был рассмотрен в качестве одного из видов политических конфликтов — как наиболее жесткий вариант политической борьбы. Протесты, гражданские войны, сепаратизм повышают риск переворота. Все формы политического конфликта дестабилизируют общество и увеличивают вероятность переворота.

Число переворотов в мире продолжает увеличиваться. Если в 2010-х гг. мы наблюдали относительное снижение их ежегодного количества, то с 2019 г. началась их новая волна. В контексте идущего глобального конфликта мы можем ждать появления новых технологий смены режимов. Российское экспертное сообщество должно быть к ним готово. Необходимо функционирование аналитических центров, которые будут выявлять риски политической дестабилизации, в том числе переворотов. Наиболее актуальные направления исследований — оценка риска переворотов, изучение их технологий и факторов успешности, разработка механизмов защиты от них.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: КОНФИГУРАЦИИ И СПЕЦИФИКА

Политические коммуникации в условиях перехода к сетевому обществу приобретают новые конфигурации, появляются их новые формы и модели. Множественность коммуникативных практик и стремительное расширение коммуникативного горизонта в настоящем и в перспективе общественного развития позволяют предположить, что изменения затрагивают все стороны политических коммуникаций: технологическую, антропологическую, смысловую и др.

Коммуникативная и коммуникационная картина современного мира существенно преобразуется под влиянием новой геополитической ситуации: претерпевают метаморфозы маршрутизация политических коммуникаций, их информационный контент и др. Очевидно, что и существовавшая ранее иерархическая вертикаль коммуникаций в системе «власть—общество—человек» уступает место горизонтальным взаимодействиям, сложной горизонтали связей и отношений между политическими акторами и субъектами. Значительное возрастание числа таких связей происходит в условиях осуществляющихся непрерывно контактов и обновлений.

При этом изменяющаяся внешняя среда оказывает значительное влияние и на формат коммуникаций: происходит сокращение реальных коммуникаций и увеличение числа виртуальных коммуникаций, которые возрастают практически по экспоненте. Ведь находясь значительное количество времени ежедневно в виртуальном пространстве, современный человек почти непрерывно коммуницирует, поэтому коммуникации, в том числе политические, приобрели наряду с реальным виртуальный характер. Таким образом, изменяется не только формат, но и значимость для человека коммуникаций в целом и политических коммуникаций в частности.

В дискурсе о политических коммуникациях, их настоящем и будущем развитии затрагивается широкий спектр проблем. Это прежде всего технологические аспекты в ракурсе развития сетевых коммуникаций, специфики интернет-коммуникаций, влияния цифровизации на процессы трансформации коммуникаций.

Значительный массив литературы, посвященной политическим коммуникациям, связан с изучением социальных сетей, а также сетевых, в том числе и политических, сообществ. Изучаются сетевые эффекты политических коммуникаций в контексте применения методологии сетевого подхода для их анализа. Следует отметить, что методологические аспекты использования сетевого подхода в исследовании политических коммуникаций представляются весьма перспективными.

Внимание исследователей привлекают вопросы онтологии сетевой теории, сетевой публичной политики, в контексте эволюции политических коммуникаций рассматриваются политические отношения, политический процесс, политическая культура общества. Особую важность приобретает аспект конструирования политических коммуникаций в условиях глобальных трансформаций, отсюда и актуализация повестки вызовов, рисков, угроз.

Однако антропологическая составляющая процессов развития политических коммуникаций представляется не менее, а возможно, и более значимой, чем их технологическая составляющая. В эпоху технологического инноваций актуализируется и становится все более важным для общества тезис, сформулированный еще древнегреческим философом Протагором: «Человек есть мера всех вещей». «Человеческое/антропологическое измерение» политических коммуникаций обращает наше внимание в первую очередь на их смысловую составляющую, ценностный и информационный контент.

Как известно, в сетевом обществе происходит изменение информационных потоков, при этом информация, циркулирующая по каналам политических коммуникаций, практически непрерывно обновляется и дополняется. Информационные потоки представляют собой порождение рационального и эмоционального в политических коммуникациях. У специалистов возникает в этой связи целый ряд вопросов: как влияет изменяющийся информационный контент политических коммуникаций на их эффективность? Каковы тренды развития политических коммуникаций? Одна из актуальных для изучения проблем — контуры применения искусственного интеллекта в сфере политических коммуникаций: каковы масштабы, пределы, риски, вызовы, угрозы.

В сетевом мире расширяются формы взаимодействий, умножается число связей между субъектами, а классическая модель осуществления коммуникаций: «коммуникатор—канал—средства—коммуникант» обновляется и модифицируется. Прежде всего в условиях становления сетевого общества модифицируется роль коммуниканта под влиянием технологических инноваций.

Вместе с тем изменяются исследовательские подходы и парадигмы в самых разных науках в ракурсе анализа триады «пространство—формы—время». Еще одной характеристикой сетевого об-

щества являются новые конфигурации в системе связей (по Б. Латуру) «человек–природа–вещь», вполне вероятно, что она может быть дополнена такими элементами, как «коммуникации» и «информация».

Сложность сетевой конфигурации политических коммуникаций актуализирует вопросы поиска новых методологических подходов и трактовок, и в этой связи сетевой подход представляется весьма продуктивным.

Щербак А.Н. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ),
Снарский Я.А. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ),
Зубарев Н.С. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ),
Семущкина Е.С. (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ)

«ЗЕЛЕННЫЕ ПРЯНИКИ»? РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ НА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ в 2017–2023 годах КАК ЭЛЕМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Данная статья посвящена выяснению факторов распределения Президентских грантов на экологические инициативы в 2017–2023 годах. Основное предположение заключается в проверке наличия политической логики в поддержке региональных эко-инициатив. Если предыдущие исследования рассматривали экологические конфликты, как правило, со стороны эоактивистов, то в данной работе мы в большей степени фокусируемся на изучении стратегии властей. Для этого мы предлагаем использовать концепт региональной экологической политики (*politics*). Предполагая, что для властей ключевым моментом является попытка снизить экопротестную активность, мы исходим из того, что власти стремятся использовать не только «кнут», то есть силовые стратегии борьбы с протестами, но и «пряник» в форме стратегий кооптации эко-активистов. Опыт других стран, в том числе Китая, показывает, что исход эко-конфликтов зависит от многих факторов. В ряде случаев эко-активисты добиваются успеха, если местные власти не получают «твердой поддержки» центральной власти, ряд местных чиновников явно или неявно поддерживает активистов, требования последних не отличаются радикальностью, и цена компромисса с ними невысока. С этой точки зрения, исход экоконфликтов совсем не предreshен, и власти стараются минимизировать шанс их возникновения. В целом мы рассматриваем экологическую политику как элемент внутренней региональной политики. С одной стороны, местные сообщества постоянно опротестовывают нежелательные для них решения властей. С другой стороны, власти стараются как помогать (крупному) бизнесу достигать своих целей, так и не допускать масштабных протестов. Со своей стороны, федеральные власти строго следят, чтобы не происходила политизация местных экологических протестов. Социально-экономическое неблагополучие может считаться дополнительным отягощающим условием роста напряженности в регионе, вызывая более острое восприятие несправедливости при распределении природных ресурсов и игнорировании экологических проблем населения.

В предлагаемой модели распределение грантов на поддержку экологических инициатив рассматривается как реакция на характер экологических проблем и конфликтов. Мы проверяем три основные гипотезы о логике поддержки проектов: реакция на ухудшение экологической ситуации в регионе, реакция на частоту эко-протестов и реакция на высокий уровень неравенства, способствующий протестным настроениям в принципе.

Мы опираемся на несколько источников эмпирических данных. Во-первых, мы используем данные по распределению Президентских грантов на экологические неправительственные организации с 2018 по 2023 г. Отмечалось, что Фонд Президентских грантов становится все более важным источником финансирования организаций гражданского общества. При этом не было найдено свидетельств политизации выдачи грантов — приоритет отдается социально ориентированным направлениям.

Во-вторых, мы используем масштабную базу данных по экопротестам, созданную на основе сообщений о протестных акциях на портале *Activatica.org*. Она содержит информацию о 1403 экологических акциях за 2017–2023 гг. Единицей наблюдения выступает число протестов в определенном регионе за каждый год.

В-третьих, мы учитываем показатели Национального экологического рейтинга российских регионов. Эти данные представлены как среднее за год (оригинальный рейтинг публикуется раз в квартал), причем мы используем как агрегированный сводный индекс, так и отдельные его составляющие — «природоохранный индекс», «социально-экологический индекс» и «промышленно-экологический индекс». Каждый вид индекса измеряется по шкале от 0 до 100, где 0 — худшее значение, а 100 — лучшее.

Применение моделей с фиксированными эффектами показало, что распределение президентских грантов следует как за экопротестами, так и за ухудшением экологической ситуации в регионах. Кроме того, на распределение грантов значимо влияет низкий уровень неравенства, который в России свойственен, как правило, бедным регионам. Дополнительно мы иллюстрируем наши аргументы кейсом Свердловской области, который указывает на «валовой», а не точечный характер поддержки экологических инициатив.

Наши результаты показывают наличие политической логики в распределении президентских грантов: ресурсы следуют за протестами. Чем больше эоактивисты опротестовывают решения властей, считая их «неполитическим» действием для решения «неполитических» проблем, тем больше для властей вопросы экологии становятся частью внутренней политики. Кооптация части активистов в определенном смысле легитимирует их требования, делая таким образом экологию заметным элементом внутренней политической повестки. Другой важный вывод заключается в том, что российская региональная политика остается относительно конкурентной: тезис о преобладании силовых механизмов разрешения конфликтов стоит считать избыточным, так как механизмы кооптации продолжают играть столь важную роль.

Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г.
(Томск, НИ ТГУ)

НАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИР ВООБРАЖАЕМОГО

Миры воображаемого относятся к знаковым мирам, которые можно трактовать как тексты, порождающие смысл (Ю.М. Лотман). Фантазийное творчество такого рода присуще самой природе образов, при этом воображаемое выходит за рамки представления в область креативную и поэтическую. То есть воображаемое зачастую превосходит интеллект в деле создания смыслового мира, однако от вымысла, согласно П. Рикёру, оно зачастую обращается к галлюцинации. Так создаются и концепции воображаемого исторического прошлого, задающие основу политике памяти. Одним из миров воображаемого и выступает конституированный образ нации, обычно заключенный в мифическую форму.

К. Хюбнер в работе «Истина мифа» подчеркнул, что связь феномена нации с историей нерассторжима и выражена в организации торжеств, посвященных «памятным» событиям и культу героев. Перед нами архаически бытующий миф о нации, превращающий коллективное сознание в «национальное чувство». То есть в семиотическом смысле нация как текст кодируется языком героических мифообразов, потому речь идет о коммуникативно замкнутом смысловом мире, не обмениваемом значениями с другими политическими мирами. Итак, картина национального мира опирается на архаический базис, а его значимость выражается характеристиками «новый» и «лучший». Данные квазипереживания составляют значимый опыт борьбы героической нации, идущей трудным путем к своему предназначению. В результате создается символический порядок мира нации, образующий особую смысловую конфигурацию. А. Шюц называл такой феномен «конечной областью значений», конституированной с помощью особого когнитивного стиля. И картина такого мира, культурно заданная рамка или параметры, воспринимается как реалистичная.

В создании нации в качестве мира воображаемого принимает участие не только общество, но и конститутивная власть, которая политически оформляет ее в виде мира значений для истолкования и обоснования политического порядка. В этой ипостаси символическая власть весьма популярна, поскольку представляет инициативное политическое лидерство. И один национальный мир отличается от другого теми политическими ценностями, которые провозглашаются властью и обществом как «правильные». Данный ценностно-символический комплекс связывается и с будущим, и с прошлым.

Современный мир изобилует примерами жесткого противостояния национальных миров, имеющих различные политические ценности, и один из самых ярких и актуальных — вооруженная конфронтация между палестинцами и израильтянами, триггером для актуализации которой стало образование на территории Палестины государства Израиль. Часть мирового сообщества, и особенно представители арабского мира, отказывали евреям в признании их нацией, поскольку полагали, что рассеяние не способствовало сохранению единой еврейской культуры. Это хорошо понимали власти молодого государства, которые начали работу по конструированию израильской нации. И первым шагом стало обоснование связи прошлого и настоящего евреев, что было подчеркнуто в Декларации независимости Израиля. Современные евреи — это тот же богоизбранный народ, история которого начинается в Эрец-Исраэле, Святой земле, дарованной евреям Богом на вечные времена, что легитимирует их право на нынешнее владение данной территорией. По мнению Шломо Занда, автора исследования «Кто и как изобрел еврейский народ», старые мифы породили новые, и «миф о вечном и внеисторическом еврейском народе-расе» — один из них. Конструируя смысловой мир израильской нации, власть широко использует религиозные символы, которые вплетаются в структуру символов государственных (флаг, герб), делая

тем самым отсылку к библейской истории и связывая ее с настоящим израильской нации. Мощным фактором конструирования коллективного Мы-образа израильской нации стало наличие Врага, каковым на сегодняшний день выступают палестинцы и — шире — та часть арабского мира, представители которого полагают, что государства евреев не должно быть.

В свою очередь, евреи отказывают палестинцам в признании их нацией, полагая, что процесс ее изобретения был начат с целью противостояния сионистской идеологии и борьбы с Израилем. Палестинцы действительно являются частью арабского мира и остро ощущают причастность к его истории, но взятый Израилем курс на строительство еврейского государства подвиг палестинские власти к конструированию собственного ценностно-смыслового и политического пространства, «связыванию» народа идеей необходимости отстаивать свои ценности и святыни, вести священную войну за создание суверенного государства.

Таким образом, нами был исследован политический мир воображаемого на примере конструирования образа двух наций. Формируя смысловой мир нации, и израильские, и палестинские власти делают ставку на мифоисторическое самосознание народов, героическое прошлое и не менее героическое настоящее, основанное на необходимости борьбы с Врагом.

РОЛЬ ПОРТА ВЛАДИВОСТОК В УКРЕПЛЕНИИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ И ПРОБЛЕМЫ

В условиях рискогенной современности, формирующей вызовы не только для России, но и Китая, значение города Владивостока с точки зрения развития двусторонних отношений трудно переоценить. Данный мегаполис превратился в узел пересечения трансграничных экономических и человеческих обменов, что способствует получению взаимной выгоды, а также повышению взаимопонимания и доверия между двумя народами.

Стимулятором интенсификации сотрудничества стало открытие порта Владивосток для реэкспортной китайской торговли. В мае 2023 года Генеральная администрация таможни Китая выпустила объявление, что с 1 июня 2023 года провинция Цзилинь может эксплуатировать его для подобной цели. На указанный регион был распространён так называемый «трансграничный транспортный режим товаров внутренней торговли», подразумевающий использование портов соседних стран для транзита товаров. Благодаря ему снижаются затраты на наземный транспорт и повышается эффективность перевозок.

Примечательно, что соответствующее соглашение на официальном уровне было заключено ещё в 2007 году. В соответствии с ним китайские товары вывозились из порта Суифэнхэ (провинция Хэйлунцзян), проходили через порты Владивостока, Восточного и Находки, а затем по морю прибывали в порты Шанхая, Нинбо и Хуанпу, прежде чем снова следовать в Китай. В 2023 году данный проект был расширен. С китайской стороны увеличилось количество портов отправления и приёма. В числе портов выхода был добавлен порт провинции Цзилинь. Среди портов приёма появились три порта — Чжоушань (провинция Чжэцзян), Юнчжоу (провинция Хунань) и Чжапу (провинция Цзянсин).

Идея данной статьи заключается в том, что сделанный шаг несёт не только положительные эффекты для обеих стран, но также сопровождается актуализацией проблемных моментов.

Безусловно, для Китая прямой выгодой является снижение транспортных расходов на промышленные товары в провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь, что положительно отражается на развитии экономики его северо-востока, а также служит хорошей возможностью для улучшения морской логистики. С 2022 года наблюдается значительное увеличение российско-китайских грузоперевозок. Кроме того, ожидается повышение коэффициента использования обратных рейсов контейнерных судов, которые зачастую до последнего времени возвращались из России пустыми. Тем самым существует перспектива наращивания обратной логистики. Все это согласуется с национальной концепцией «возрождения северо-востока Китая».

Для России использование портового потенциала Владивостока китайскими партнёрами позволяет получать сборы и стимулировать местную экономику. Задействование города в таком качестве можно рассматривать как часть российской стратегии «поворота на Восток». В последние годы Россия искала инвесторов из Японии и Южной Кореи для развития Дальнего Востока. Однако предпринятые попытки по обозначенным направлениям не привели к ожидаемым результатам. Китай, напротив, проявил большую заинтересованность. Об этом свидетельствует тот факт, что в специальной экономической зоне Дальнего Востока России Китай участвует в 52 проектах с общим объёмом инвестиций 11 млрд долл. Параллельно успешно реализуется проект строительства нефтепровода «Сила Сибири-2». Россия стала одним из ключевых поставщиков энергии для Китая, который, в свою очередь, показал себя как важный инвестор, чей интерес сфокусирован на сопредельной территории.

В то же время увеличение присутствия китайских компаний, бизнесменов и сезонных рабочих на Дальнем Востоке вызывает у определенной части российского социального сегмента обеспокоенность по поводу растущей экономической зависимости от Китая. Многие эксперты высказывают мнение, что если отношение российских граждан продолжит приобретать оттенок недоверия, то это может вызвать ответную негативную реакцию со стороны китайцев. Другая уязвимость связана с введением в отношении России западных санкций и наложением вторичных рестрикций на китайских акторов, стремящихся развивать двустороннее сотрудничество. Отсюда повышенная осторожность представителей китайских деловых кругов, не способствующая интенсификации контактов, которая могла бы иметь место в обстоятельствах, не предполагающих негативных последствий.

Таким образом, Владивосток как узел взаимопронизывающей связанности Китая и России имеет значение, выходящее за рамки транснационального регионального сотрудничества. Однако оно сталкивается с различными вызовами. Как на них реагировать — это испытание мудрости для обеих сторон.

О НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В современном обществе, в его атеистической сфере, «новой нормальностью» стали обозначать самые крайние проявления безнравственности, а также поведение, которое традиционно рассматривалось как девиантное. И в обыденной жизни, и в политике регулятором социальных норм и поведенческих моделей, как правило, всегда выступала религия. Исторически, в рамках православной системы ценностей, формировалась идея справедливости, формулируемая и определяемая обществом как первичная и приоритетная, но которая порой входила в противоречие с идеей законности, когда закон воспринимался обществом как несправедливый. А в основе критериев справедливости, отражающих сущностное содержание культуры, находились нравственные принципы. «Наша вера не поглощает различные культуры, но духовно преобразует их изнутри», — отмечал в своем выступлении Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на X Санкт-Петербургском международном форуме объединенных культур. Ключевая идея для культуры не только в передаче знаний, умений и навыков, но и в определении духовных, морально-нравственных принципов формирования характера отдельных личностей и социальных общностей, их эстетического вкуса. (Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на X Санкт-Петербургском международном форуме объединенных культур. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6158099.html>). Это выступление в сентябре 2024 г. и подсказало нам необходимость размышления на заданную тему. Патриарх обратил внимание на то, что добродетель есть категория нравственная, что отказ от борьбы за высоту нравственного образа человека в угоду страстям и извращениям ведет к предательству человечности и человека. Было отмечено, что культура всегда несет в себе ценность. Все, что ценности не имеет, культурой не сохраняется, превращается в прах. Имеет ли это отношение к политике? Думаем, что — да, прямое. Над этим часто приходится задумываться, когда читаешь очередное сообщение правоохранительных органов о коррупционных «подвигах» кого-то из чиновников, уверенных в том, что они и есть элита. Как известно, еще Иван Ильин подчеркивал, что править государством должны лучшие, а людей жадных, продажных, безнравственных нельзя вводить во власть. Как же научиться проводить эту грань, поставить фильтр на проникновение во власть «социального брака»? Ответ найти нелегко, еще труднее его реализовать. В частности, для этого необходимо формировать новую элиту, опираясь на хорошо подготовленных в лучших образовательных центрах участников СВО, как поставил задачу В.В. Путин, и это уже делается. Особенно важно обеспечить профессионализм и компетентность в сочетании с требованиями нравственности и морали. Характеризуя постсоветский период развития рыночных отношений, О.В. Гаман-Голутвина писала, что «массовое политическое сознание постепенно начинает освобождаться от излишнего морализаторства, становится более прагматичным и проникается тем разумным эгоизмом, без которого общество легко обыграть под аккомпанемент разговоров о приоритете общечеловеческих моральных ценностей» (*Гаман-Голутвина О.В. Соотношение политики и морали: российская версия // Вестник Московского ун-та Серия 12. Политические науки. 2005. № 4. С. 27*). На наш взгляд, фундаментом формирования нравственных основ в современной политике является реализация «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года. Говоря о нравственных основах политики, нельзя не отметить их связь с обеспечением национальной безопасности. Из существующих угроз и рисков для безопасности страны и ее граждан необходимо выделить область информационно-психологического воздействия на российское общество и его элиту. Это требует адекватных, конкретных мер по регулированию и развитию массмедиа. Обосновывая и перечисляя традиционные ценности как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан, этот документ ставит конкретные цели и задачи как перед органами государственной власти и управления, так и перед институтами гражданского общества, учреждениями образования, науки, культуры, средствами массовой информации. Наше государство начиная с 90-х гг. XX века и до настоящего времени находится в поисках своей самобытной идентичности в условиях этнического, конфессионального, лингвистического многообразия, различных корпоративных интересов экономических структур. Но главное, чтобы в процессе формирования общей интегрирующей идентичности в нашем российском государстве-цивилизации нравственные основы политики определяли стратегию, конкретные практики и в деятельности органов публичной власти, и в пространстве гражданского общества. Исследование заявленной проблемы, на наш взгляд, является делом важным и перспективным для политологического сообщества, требующим солидарного обсуждения.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА*

Цивилизационное разнообразие предполагает наличие в обществе механизмов интеграции, основанных на идеях социальной солидарности, общих подходах к оценке окружающей социально-политической сферы и складывающейся исторически политической картины мира на основе традиционных ценностей и взаимного доверия. Чтобы осознать концепт «российская цивилизационная идентичность», надо определить, во-первых, что отличает нас от других, а во-вторых, в чем проявляется сходство с другими. Как видим, сегодня межгосударственная интеграция идет, даже с дружественными странами, не очень просто. Кардинально изменившаяся парадигма развития после демонтажа Советского Союза в настоящее время продолжает трансформироваться в направлении межкоалиционных антагонизмов и дезинтеграционных трендов в мировой политике. Россия, являясь одним из суверенных центров мирового развития, должна выполнить те задачи, которые позволят укрепить наши позиции в мировом сообществе и попытаться в процессе формирования полицентричного мирового порядка оказать существенное влияние на воспроизводство международной системы и возвращения к принципам мирного сосуществования на основе конструктивной внутренней политики, внутренней социальной солидарности, существенного укрепления силового потенциала армии и флота и обеспечения научно-технологического суверенитета страны. Россия заинтересована в воссоздании системы международных отношений, в основе которой будут глобальный баланс сил и справедливое равноправное межгосударственное сотрудничество (Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>). Происходившая внутренняя дезинтеграция практически во всех постсоветских странах первоначально, в 90-е годы прошлого века, вывела на лидирующие позиции т.н. «западников и американистов», прежде всего с помощью активного вмешательства посредством технологий «цветных революций». После референдумов (сентябрь 2022 г.) и вхождения в состав России четырех новых субъектов Федерации — Донецкой, Луганской народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей, актуальность исследования политики формирования российской цивилизационной идентичности и процессов ресоциализации новых граждан РФ в условиях расширения политического пространства существенно возросла. В процессе переходного периода, который определяется до 01.01.2026 года, новым регионам должны быть обеспечены все условия для полного вхождения в экономическое, правовое, образовательное, культурное, информационное, цифровое и в целом социально-политическое пространство Российской Федерации. Чтобы оценить интеграционный потенциал в сложившейся ситуации, после присоединения новых территорий, необходимо определить ценностную динамику, связанную с процессами консолидации российского социума. Так, например, существенный сдвиг эмоционального спектра общественных настроений, связанных с гордостью за свою страну, был зафиксирован исследованиями ВЦИОМ, проведенными в январе 2024 года (URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordostivelikorossov>). Исследования показывают, что для большей части опрошенных важно видеть Россию будущего страной, сохранившей традиционные моральные, национальные и религиозные ценности. Что в сознании и поведении людей укрепляются те ценности, которые составляют ядро российской идентичности. Для российского государства важно активизировать решение целого комплекса сложных задач и по восстановлению инфраструктуры городов и поселков, и по созданию принципиально новой передовой среды для опережающего развития территорий. Посредством реализации «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента РФ в ноябре 2022 года, и других базовых документов, направленных на укрепление интеграционного потенциала Российского общества, будет укрепляться российская цивилизационная идентичность. Таким образом, и материальная инфраструктура, и социально-политические отношения, и развитие новых информационных технологий, и применение инновационных образовательно-воспитательных практик ресоциализации новых граждан в российское цивилизационное пространство оказывают непосредственное влияние на уровень конструктивного интеграционного потенциала российского общества.

* Тезисы подготовлены в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013.

РЕГИОНЫ РФ В ПОИСКАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРОПОРЯДКА

Регионы РФ, столкнувшись с новыми геополитическими и геоэкономическими вызовами в условиях формирования полицентричного миропорядка, выразившимися и в беспрецедентном санкционном давлении и в информационно-психологической и гибридной войнах против российского народа со стороны Запада, вынуждены осуществлять кардинальную структурную перестройку социально-экономической политики, в частности, с целью обеспечения научно-технического суверенитета, реализации политики импортозамещения, а также ускоренного решения проблем регионального развития. Ключевые вопросы современной региональной политики обозначены в Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года, принятой в соответствии с ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и рядом других документов стратегического планирования. «Однако в условиях новых стремительных изменений внешнего поля могут быть заимствованы скорость принятия решений и гибкость, которые демонстрировало Правительство РФ в 2020–2022 годах», — отмечают авторы доклада Института проблем региональной экономики РАН. В рамках этого института реализуется проект «Разработка методологических подходов к оценке качества социальной среды», выявляются факторы, обеспечивающие уровень эффективности деятельности органов управления и бизнеса по совершенствованию пространственного развития территорий. Для адаптации к складывающимся условиям и поиска адекватных подходов к решению возникающих вопросов необходимы актуальные данные по структуре занятости в исследуемом регионе, по состоянию и развитию домохозяйств и сферы обслуживания, по развитию инфраструктуры региона, наличию рекреационного потенциала, а также по социальным, культурным, образовательным характеристикам, по кадровому обеспечению, состоянию миграции на данной территории и особенно по общественно-политической жизни региона. Дифференцированный мониторинг по различным сферам жизни регионального сообщества позволяет решать вопросы по определению угроз и рисков в условиях обострения межгосударственных конфликтов и глобальной турбулентности, приводящих к критическим условиям для жизнеобеспечения в отдельных приграничных территориях юго-западных регионов страны, определения научного инструментария для оценки политических технологий в процессе проводимой органами власти и управления на региональном и муниципальном уровнях социально-экономической политики. Необходима также оценка конфликтного и интеграционного потенциала в исследуемом регионе, качество проводимой молодежной политики, основные вызовы и риски в проблемах развития в области демографии и миграционной политики. Если перманентно не учитывать пространственную специфику, возникают существенные препятствия для развития модернизационных процессов. При невозможности равнозначного развития регионов всей страны необходимо концентрироваться на локальных территориях и через них включать страну в эволюционные процессы современного мира (Социально-экономическое развитие регионов. М.: Наука, 2024). В докладе Общественной палаты Краснодарского края о состоянии гражданского общества в 2023 г. приводятся данные социологического исследования «Жизненные ценности, социальная активность и гражданская позиция молодежи Краснодарского края», проведенного с октября по ноябрь 2023 г. группой ученых Кубанского государственного университета, речь идет о ценностном единстве, обеспечивающем инновационную активность и развитие человеческого капитала. Как известно, 2023 год в России прошел под влиянием проведения специальной военной операции на Украине. В настоящее время резко обострилась обстановка на Ближнем Востоке, произошли трагические события в Ливане, а также появились такие риски «экспорта нестабильности» в самой России», как события в Республике Дагестан в конце 2023 г. Все эти явления оказывают сильное влияние на самочувствие и настроения людей, а кроме этого, в информационном пространстве активизируется т.н. информационно-психологическая война в целях ослабления сплоченности и солидарности населения России, усиления враждебности друг к другу и создания атмосферы недоверия в межрегиональной сфере. В этой связи учеными ЮНЦ РАН на основе методов конфликтологической экспертной диагностики, дискурс-анализа и ивент-анализа современного состояния межэтнических и межконфессиональных отношений определяются риск-факторы дестабилизации, раннее выявление которых обеспечивает относительную стабильность региональной политики и политический суверенитет.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ, МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Исторически с возникновением первых государств ученые пытаются моделировать и аргументировать модели идеального государства и общества и форм их взаимодействия. Социальные элементы деятельности государства видны уже в древности: деспотии Востока, в древнем Риме по закону запрещалось убивать рабов, в средневековом мусульманском праве действовал запрет ростовщических процентов и другие. В новое же время появляется законодательство, регламентирующее наемный труд.

Государство, основанное на справедливости Платона; политика Аристотеля; государство Солона; «общий правопорядок» римских стоиков; «верховный законодатель и носитель суверенитета» М. Падунского; государство Т. Гоббса и Дж. Локка; государство, возникшее на «общественном договоре» Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо; «город солнца» Т. Кампанеллы; флорентийское управление Н. Макиавелли; «общественный организм» социалистов-утопистов; «нравственное государство» Гегеля; правовое государство И. Канта; «народное государство» К. Маркса и Ф. Энгельса и др. — теоретические вехи идеальных форм государства.

Социалисты также проповедовали формы общественного самоуправления, местного самоуправления, которые они пытались воплотить как в Европе, так и в России.

Дж. Милль, Ал. де Токвиль выступали за децентрализацию власти в государстве и его невмешательство в коллективную деятельность населения.

В духе времени развивалась и российская общественная мысль. М. Щербатов, Е. Десницкий, А. Радищев считали наилучшей политической организацией общества народное правление, федерацию городов с вече. Отечественные славянофилы и социалисты-утописты в XIX веке главную роль в государственном устройстве отводили общине и считали, что регулирование отношений в ней является самодостаточным, поскольку оно основывается на традициях, правовом обычае, соглашении. М.А. Бакунин идеалом общественного устройства считал самоуправление, автономию и свободную федерацию индивидов. За народную традицию, сельскую общину выступал и анархист П.А. Кропоткин. В целом анархисты критиковали К. Маркса и Ф. Энгельса за идею «народного государства». А В.И. Ленин доказывал полное отмирание государства.

Из краткого анализа эволюции общественной мысли об идеях идеального государства, местного самоуправления следует, что начиная с древности многие мыслители ратовали за ее децентрализацию. При этом считали народ верховной властью не только на уровне государственных органов, но и на общинном уровне. Исходя из этого, для сохранения властных функций и стабильности в общественных сферах государство вынуждено было учитывать интересы и потребности населения и взять на себя социальные обязательства и гарантии по отношению к нему. Население же стало привлекаться к решению социальных вопросов в форме местного самоуправления.

Таким образом, представители социалистического и либерального направлений в понимании исторического развития форм и сущности государства отстаивали сужение функций государства в пользу институтов гражданского общества и общины.

Юшков И.В.
(Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ)

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК В ЭНЕРГЕТИКЕ

Период 2022–2023 гг. стал временем перестроения мирового рынка энергоресурсов. Радикальное изменение глобального энергетического рынка произошло из-за введения странами коллективного Запада санкций в отношении России. Уже в марте 2022 г. США ввели санкции в отношении российского экспорта: был введен запрет на поставку в страну российской нефти, нефтепродуктов, угля и газа, т.е. фактически всех энергоносителей, кроме ядерного топлива. Вероятнее всего, это было сделано с точки зрения показательного примера для других государств и придания токсичности российскому экспорту нефти. Можно предполагать, что данный шаг был предпринят с целью повторения ситуации с Ираном и Венесуэлой, когда был введен тотальный запрет на импорт энергоресурсов. При отсутствии экспорта значительно снижаются доходы страны, что приводит к краху экономики. Далее должен был рухнуть политический режим и, соответственно, измениться внешнеполитический курс.

Весной европейские компании перестали покупать дополнительные объемы российской нефти на краткосрочном рынке. Несмотря на отсутствие прямого запрета со стороны европейских властей

на покупку российской нефти, компании опасались осуждения и отказывались от сделок. В результате эмбарго США на российские углеводороды и своеобразных «самосанкций» европейских компаний поставки из России в страны коллективного Запада сократились уже весной 2022 г. В сложившейся обстановке России экстренно потребовалось переориентировать рынки сбыта. Ранее США и Европа были крупными покупателями нефти и нефтепродуктов.

После введения санкций «первой волны» весной 2022 г. российским компаниям понадобилось около 3–4 недель для того, чтобы подписать контракты и наладить логистику с альтернативными рынками сбыта, прежде всего с Индией. В переходный период российским компаниям пришлось сократить добычу, что напрямую отразилось на ценах глобального рынка. Из-за возникшего дефицита на мировом рынке цена достигала 120 долл. за баррель. Этот эффект нанес удар по экономикам европейских стран и США, что заставило их пересмотреть подход к санкциям в отношении нефтяной отрасли России.

Летом 2022 г. Россия перенаправила нефть на альтернативные рынки, были увеличены объемы добычи, что привело к снижению цен на нефть. Прежде всего российский экспорт был перенаправлен на рынок Индии. Еще до 2022 г. РФ не входила в десятку поставщиков для Индии. А Индия не входила в десятку крупнейших покупателей российской нефти. Легкость перехода была обусловлена в том числе наличием в Индии готового бизнеса: на побережье были построены новые НПЗ, для которых нефть приобреталась с ближайших рынков. Ранее ведущим поставщиком нефти в Индию были Ирак, Саудовская Аравия и ОАЭ. Поставляемые объемы перерабатывались на НПЗ, часть поставляли на внутренний рынок, но большую часть нефтепродуктов экспортировали. Поставки осуществлялись в США, Европу, а также на рынки Юго-Восточной Азии. Таким образом, в 2022–2023 гг. Индия стала крупнейшим рынком сбыта российской нефти, доставляемой морским транспортом.

Кроме того, в тот период было введено большое количество санкций от различных государств и объединений. Покупатели не знали, как именно можно покупать российскую нефть, в каких валютах рассчитываться, с каким банком можно сотрудничать и т.д. Все эти риски приходилось перекрывать растущей скидкой. В сложившейся ситуации индийская схема с переработкой нефти стала сверхвыгодной. Именно по этой причине Индия в кратчайшие сроки стала закупать более 1 млн баррелей российской нефти в сутки. В среднем Россия экспортирует около 2,5–3 млн баррелей в сутки, поэтому поток с европейского рынка легко перешел в Индию. На данный момент Индия поставляет на рынки нефтепродуктов ЕС и США дизельное топливо, полученное из российской нефти, что не запрещено санкциями.

В газовой сфере перестроение рынков происходит медленно, так как для транспортировки газа нужна специализированная инфраструктура: газопроводы или СПГ-заводы с газовозами. В 2022 г. Евросоюз существенно сократил импорт российского трубопроводного газа. Но это не было результатом санкций (запреты на импорт российского газа в Евросоюзе так и не были приняты). Сокращение поставок произошло из-за проблем на отдельных газопроводах. Поставка по газопроводу «Ямал–Европа» остановилась из-за того, что Польша арестовала долю «Газпрома» в компании–операторе польского участка — *EuRoPol GAZ*. В ответ Россия ввела санкции против этой компании. Газопровод «Северный поток» остановился 3 сентября 2022 г., так как немецкая компания *Siemens* перестала обслуживать турбины, создававшие давление в газопроводе. Один из газопроводов через Украину был перекрыт Киевом, так как часть трубы стала проходить по территории ЛНР. В итоге поставка российского трубопроводного газа в Европу сократилась со 160 млрд куб. м в 2021 г. до 27 в 2023 г.

ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Военные действия на Украине — это проявление глубинного конфликта России и Запада, который во главе с США несет главную ответственность за развязывание этой войны. Это война не только и не столько с Украиной, но, прежде всего, с коллективным Западом, который привел к власти украинский режим, поддерживал и вооружал его, это война на разрушение России и всего Русского мира.

Современный неolibеральный фашизм делает все возможное, чтобы уничтожить Русское православие и Русскую цивилизацию вообще. Нацистская и русофобская Украина лишь оружие в его руках. Многомиллиардные поставки оружия на Украину, политическая, экономическая, дипломатическая и информационная поддержка укрофашистского режима, принятие всеобъемлющих санкций Запада против России — свидетельство прямой вовлеченности НАТО и всех стран-сателлитов США в этот конфликт.

Особое значение в этой связи имеет позиция Русской православной церкви и ее Предстоятеля Патриарха Кирилла. В своей проповеди на Прощеное воскресенье 6 марта 2022 года патриарх впервые назвал происходящее на Украине метафизической войной. Он подчеркнул, что «мы вступили в борьбу, которая имеет не физическое, а метафизическое значение». И отметил, что «прощение без справедливости — есть капитуляция и слабость». Сегодня речь идет о будущем России, Русского мира, Русского православия, и современные вызовы требуют от всех — власти, общества и Церкви — высочайшей ответственности.

Высокой оценки заслуживает позиция Русской православной церкви по поддержке русского военного контингента в его защите Отчества и всего Русского мира, обеспечения мира и безопасности на южных рубежах российского государства. Россия отстаивает в зоне специальной военной операции не «какие-то политические принципы», а национальные духовно-нравственные ценности, и российские военнослужащие проявляют много примеров самопожертвования, так как действуют в согласии со своей совестью.

Ягодка Н.Н.
(Москва, РУДН)

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Современные вызовы, стоящие перед российским государством и обществом в экономической, политической, геополитической и идеологической сферах, требуют формирования обновленных подходов к осмыслению места и роли гражданского общества в России. Все больше внимания со стороны государства должно уделяться встраиванию институтов гражданского общества в систему принятия управленческих решений. Для повышения уровня сплоченности общества важно использовать значительный ресурсный потенциал, имеющийся у российского некоммерческого сектора.

В последнее время наметились положительные тенденции в сфере развития диалога между государством и институтами гражданского общества. Выделим ключевые особенности и направления развития российского гражданского общества на современном этапе.

Активизация института местного самоуправления. Наблюдается появление новых местных инициатив, направленных на улучшение качества жизни населения, защиту прав отдельных категорий граждан (сироты, инвалиды, безработные, бездомные и пр.), инициатив, направленных на защиту экологии, инициатив по поддержке участников и ветеранов СВО и членов их семей. Проводится совместная работа органами местного самоуправления и институтами гражданского общества по следующим направлениям: патриотическое воспитание молодого поколения, защита семьи и детства, защита и сохранение национального достояния и историко-культурного наследия, этноконфессиональное многообразие страны и единство многонационального народа России, миграционная политика.

Цифровизация гражданского сектора. Социальные сети и интернет-платформы становятся важными инструментами для организации и координации действий институтов гражданского общества, а также для распространения информации и обсуждения актуальных вопросов по политической, экономической, культурной повесткам дня. Российские некоммерческие организации стали чаще использовать имеющиеся цифровые каналы привлечения новых участников и распространения информации о своей деятельности.

Рост волонтерского движения. Развитие добровольческих движений в России в последние годы, особенно в контексте кризисов, таких как пандемия COVID-19, демонстрирует ряд интересных тенденций и особенностей. Наблюдается устойчивый рост количества граждан, принимающих участие в волонтерских практиках и проектах (сбор помощи нуждающимся, организация просветительских мероприятий, закупка оборудования, добровольческие акции для граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию, и пр.). В последнее время появляется все больше сетевых структур для координации деятельности волонтеров и обмена опытом, что способствует более профессиональному подходу к организации волонтерской деятельности в субъектах РФ.

Образовательные организации (школы, университеты, институты) поощряют обучающихся участвовать в добровольческих проектах, что способствует формированию широкой культуры волонтерства. Вовлечение большего количества граждан в добровольческие практики способствует получению ценного гражданского опыта, росту уровня доверия внутри российского социума, а также привлечению внимания государства к актуальным общественным проблемам для выработки системных решений.

Рост поддержки гражданских инициатив со стороны государства и местных властей. Органы государственной и муниципальной власти оказывают системную поддержку инициативам, направленным на улучшение жилищных условий, благоустройство общественных пространств и помощь нуждающимся. Новым востребованным направлением деятельности российских НКО стала подготовка волонтеров для работы в госпиталях. Также было значительно расширено количество проектов, адресованных людям с инвалидностью, полученной в ходе выполнения боевых задач в зоне проведения специальной военной операции. Значительная поддержка властей оказывается гражданским инициативам, направленным на пропаганду физической культуры, спорта и здорового образа жизни.

Появление новых типов гражданских инициатив. Российское гражданское общество становится более разнообразным, включая в себя не только традиционные некоммерческие организации, но и новые формы объединений, такие как общественные университеты, арт-проекты, экосообщества, гражданские инициативы по переобучению, социальной адаптации и медико-психологической помощи участникам СВО, инициативы, направленные на защиту этноконфессионального многообразия страны и единства многонационального народа России, и др. Молодежь является креативным драйвером функционирования новых гражданских и социальных инициатив. В ответ на международные санкции и давление со стороны стран коллективного Запада активизировались патриотические движения, которые акцентируют внимание на поддержке государственной политики и задачах, связанных с укреплением национального единства.

Несмотря на то что российское гражданское общество сегодня сталкивается с серьезными вызовами, оно продолжает эволюционировать и адаптироваться к изменениям в политической и социальной среде.

*Якимец В.Н. (Москва, ИППИ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ),
Никовская Л.И. (Москва, ИС ФНИСЦ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ)*

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Нынешний этап муниципального строительства связан с активным осмыслением законодательных новелл, предложенных законопроектом №40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который может привести к существенной «централизации» местного самоуправления, существенно меняя принципы его территориально-организационного устройства, укрупняя муниципальные образования посредством упразднения поселенческого уровня и перехода к одноуровневой модели МСУ; значительно урезая его полномочия, передавая значительную их часть на усмотрение регионов. В создаваемой на этой основе системе публичной власти местное самоуправление может получить дефицит репрезентативности общественных интересов и окончательно утратить собственное предназначение как орган самоуправления в его конституционном смысле. Именно поэтому данный законопроект получил в целом негативную реакцию всего экспертного сообщества. Назначенное на осень 2022 года его второе чтение так и не состоялось, проект был отложен. Однако это не мешает фактической реализации ряда его положений в жизнь, в частности — процессу укрупнения муниципальных образований во многих регионах страны.

Мы исходим из важного методологического принципа, что местное самоуправление — это не просто элемент организации публичной власти и политики на местном уровне, но и образование, которое имеет двойственную природу: в институциональном аспекте органы МСУ интегрированы в единый государственный механизм управления страной. В функциональном же смысле МСУ является важным элементом гражданского общества, формой социально-политической самооргани-

зации локальных сообществ. Используя свойство многослойности концепта муниципальной публичной политики, можно судить об оптимальном соотношении политических и административных свойств государственной и муниципальной власти, сочетающих административное регулирование и использование форм общественного участия населения. Предложенные в законопроекте институциональные изменения могут привести к существенным изменениям в качестве муниципальной публичной политики, связанной прежде всего с реализацией технологий межсекторного партнерства и преодолением асимметрии интересов в публичном пространстве на местном уровне всех ее активных сторон (представителей малого и среднего бизнеса, общественного и некоммерческого сообщества, местной власти). Усиление административных подходов в реформировании МСУ, с большей опорой на административно-бюрократические рычаги преобразований, может вызвать существенные изменения в публичном пространстве и, соответственно, скажется на качестве реализации публичной политики, поскольку последняя очень чувствительна к характеру организации коммуникативных и дискурсивных практик между властью и обществом: может возникнуть феномен разбалансированности муниципальной публичной политики, нарастание эффекта дисфункций и, как следствие, рост социального напряжения.

Новая система организации местной власти становится одноуровневой, полностью уничтожается базовая поселенческая единица МСУ — поселение, т.е. в основу территориальной организации муниципальной власти закладывается не территориальный принцип, а принцип привязки к населению. Впервые в России более чем за 100 лет в нарушение исторических традиций предполагается отказаться от поселенческого принципа территориальной организации местного самоуправления и ликвидировать самый близкий к гражданам уровень публичной власти — уровень городских и сельских поселений. Органы местной власти этого уровня предполагается заменить старостами-общественниками и назначаемыми территориальными администрациями. Согласно новому законопроекту, остается три (из шести ранее существовавших) вида муниципальных образований: городской округ, муниципальный округ и внутригородская территория городов федерального значения. Упрощение системы МСУ за счет радикального преобразования территориального принципа его организации, исходя из экономических, финансовых и иных ресурсных соображений, не отвечает реальным социальным процессам развития российского общества, поскольку неминуемо приведет к депопуляции сельской местности, нарастанию «внутренней периферии» укрупненных муниципальных образований и, соответственно, формированию дифференциации уровня и качества жизни населения на местах.

С точки зрения процессов муниципальной публичной политики данные тенденции муниципального строительства ударят прежде всего по проблематике репрезентативности общественных интересов населения «упраздняемых» поселений, поскольку неизбежно приведут к деградации представительства их интересов на местном уровне из-за существенного сокращения поселенческого депутатского корпуса. Предложенный законопроект пошел по пути усиления централизации и «административизации» МСУ, встраиваемого в единую систему публичной власти, где бюрократические методы консолидации общества становятся ведущими.

*Якуничев Д.А.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова)*

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ О ГЛОБАЛИЗАЦИИ: МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Глобализация относится к числу важнейших явлений нашего времени. Она привела к радикальным изменениям в мировой экономике, культуре и политике. Однако восприятие глобализации во многом зависит от исторического контекста, политических традиций и культурных ценностей в различных странах. Российская политическая философия выработала свой уникальный взгляд на процессы глобализации, который отличается от западных подходов. При подготовке данного доклада будут рассмотрены ключевые этапы становления российского философского дискурса о глобализации, описаны его основные черты и влияние на формирование концепции многополярного мира.

Одной из важнейших характеристик различных аспектов глобализации в российской мысли является акцент на культурном суверенитете и национальной идентичности. Российские философы Александр Панарин и Александр Зиновьев критиковали глобализацию как процесс культурной гомогенизации, который угрожает существованию уникальных национальных культур. Философы подчеркивали тот факт, что западные страны, являясь инициаторами глобализационных процессов, пытаются навязать свои ценности другим культурам, что чревато потерей национальной идентичности. Концепция многостороннего миропорядка, позднее предполагающая необходимость существования

многополярного мира, была создана российскими мыслителями как ответ на вызовы глобализации. Она предполагает, что в мировой системе не должна доминировать одна страна или культура, а должна быть сложная сеть равноправных участников, сохраняющих свой суверенитет и культурную самобытность. Это легло в основу концепции, которая позже была доработана Сергеем Карагановым и Александром Дугиным, предложившими объединить страны Евразии для превращения в противовес, но не в оппозицию западному влиянию. Они подчеркнули, что Россия должна быть вовлечена в этот процесс как действительно важный участник формирования нового мирового порядка, сохраняющего культурное и цивилизационное многообразие.

Еще одну важную роль в российской политической философии играет экономический аспект глобализации. Например, Владислав Иноземцев отмечает, что очень часто побочным эффектом глобализации является усиление экономического неравенства и социальной несправедливости. Для избежания этого российские мыслители предлагают другие модели развития, направленные на создание справедливой глобальной экономической системы, которая сможет учитывать интересы всех стран, а не только крупных экономических держав. Другой важный аспект российской философской оценки глобализации касается особенностей глобальных процессов, связанных с новыми технологиями и экологическими вызовами. Александр Чумаков подчеркивает существенную необходимость комплексного подхода к глобализации, охватывающего не только экономические, но и экологические, культурные и технологические факторы. Он считает, что глобализация должна быть направлена на борьбу с глобальными проблемами изменения климата, экономического неравенства и технологической отсталости с целью обеспечения устойчивого развития на международном уровне.

Помимо А.С. Панарина и А.А. Зиновьева, к числу последних основоположников российских концепций глобализации следует отнести таких философов, как Вадим Межуев, Моисей Каган, Владимир Миронов и Дмитрий Муза. Вадим Межуев подчеркивает, что глобализация отражает ориентированный на человека взгляд, опасный для культурного разнообразия человечества. Моисей Каган рассматривал глобализацию как закономерность исторического процесса, но считал, что ее успех возможен только при уважении к различным культурным традициям. Владимир Миронов обращал внимание на угрозы культурной унификации в контексте глобализации и подчеркивал, что сохранение культурных ценностей необходимо для социальной стабильности. Дмитрий Муза проанализировал глобализацию как средство разрушения современных цивилизаций, указывая на опасности, связанные с разрушением культурных и социальных связей.

Таким образом, российская политическая философия дает комплексный, критический взгляд на глобализацию, уделяя особое внимание культурному суверенитету, экономическому равенству и необходимости создания многополярного мира. Эти идеи отражают не только исторический опыт и культурные ценности России, но и послужат основой для построения в будущем более справедливого и устойчивого мирового порядка. В заключение следует отметить, что в условиях ускоряющейся глобализации поиск баланса между интеграцией в мировое сообщество и сохранением национальной идентичности является особенно актуальным. Российская политическая философия вносит серьезный вклад в этот вопрос, поскольку обогащает глобальное дискурсивное пространство, касающееся будущего мировой системы, альтернативными подходами и концепциями.

Яникеева И.О.
(Москва, ЦКЕМИ НИУ ВШЭ)

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ США НА РОССИЮ И ЕГО ВЛИЯНИЯ НА РОССИЙСКИЕ ПОЗИЦИИ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

В XXI веке на фоне возрастающей геополитической напряженности и меняющегося мирового порядка США стали активнее прибегать к использованию такого инструмента, как односторонние ограничительные меры. Период с 2014 по 2024 г. продемонстрировал, что односторонние санкции стали инструментом политического и экономического давления на государства, отказывающиеся следовать нормам и правилам других стран и объединений, сохраняющие свой суверенитет и защищающие собственные интересы.

Особенно актуально это в случае с Россией, которая начиная с 2022 года, столкнулась с «лавиной» односторонних экономических и политических ограничений, введенных против нее преимущественно западными государствами во главе с США. Санкции против России включают торговые, финансовые, визовые ограничения, а также затрагивают культурные обмены и образовательные программы, что делает данную проблематику многогранной и требующей детального анализа. Понимание механизмов и объема вводимых санкций является необходимым для анализа их последствий, в частности в том, что касается российских позиций на мировой арене.

Ранее предпринимались попытки оценки количества антироссийских санкций. Звучали такие цифры, как 15 тыс. санкций, 18 тыс. ограничительных мер. При этом не было указано, что в себя включают приведенные цифры, есть ли повторяющиеся значения, например физические и юридические лица, как учитываются торговые санкции, отдельно каждый ТН ВЭД или подсчет осуществлялся иначе.

На практике эксперты сталкиваются со сложностью оценки объема введенных ограничений, когда от них просят подсчитать количество введенных против России ограничительных мер и обосновать называемые в СМИ числа. Кроме того, приведенные суммы не сходятся с тем, что содержится в санкционных списках по всем видам.

Понимание количества ограничительных мер необходимо, среди прочего, для дальнейшего анализа взаимосвязи между объемом санкций и изменениями в торговле, экономике, политике подсанкционного государств и его позиций на мировой арене, а также для прогноза введения санкций в будущем, наличия лимита санкций.

В рамках проекта на базе Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ была предпринята попытка разработать более точную методологию анализа санкционного давления США на Россию с определением количества введенных против российских лиц ограничительных мер, чтобы затем ее масштабировать для проведения анализа в отношении других подсанкционных государств, выявлять тенденции и делать прогнозы. Прежде всего, было подсчитано количество российских физических и юридических лиц, находящихся под санкциями США. При этом одно и то же лицо не учитывалось дважды, если оно попадало под разные санкционные программы. Далее перешли к оцениванию объема торговых санкций по количеству ТН ВЭД отдельно по каждой группам — укрупненным и более детальным.

Цель нашего исследования — создать своего рода стандарт для анализа введенных ограничительных мер, не только их количества и состава, наличия их лимита, но и, в дальнейшем, влияния этих мер на экономическую и социальную сферы, а также на внешнюю политику подсанкционных государств, их позиций на мировой арене. Для этого важно разработать критерии, на основании которых можно будет объективно определить объем ограничительных мер, проанализировать их влияние на подсанкционное государство, выявить связь между количеством санкций и изменением процессов внутри страны, а также как государство адаптируется к санкционным вызовам на мировой арене, как меняются его позиции и как другие страны реагируют на изменение количества санкций против своих подсанкционных партнеров. Так, в условиях санкционного давления Россия ищет новые возможности для взаимодействия с другими странами, развивает стратегические альянсы с дружественными государствами. Предполагается, что разрабатываемая методология поможет выявить тенденции в поведении партнеров подсанкционной страны в зависимости от количества ограничительных мер и определить возможности и ограничения для взаимодействия подсанкционной страны с ними и как это влияет на позиции подсанкционного государства на мировой арене.

Кроме того, антироссийские санкции влияют не только на Россию, но и на глобальный политический порядок в целом. Они меняют динамику отношений между Западом и Востоком, усиливают противостояние и поляризацию в международной политике. В этой связи мы планируем также исследовать, как санкции меняют данную динамику и какое влияние оказывают на развитие конфликтов и подходы к их разрешению.

Научный интерес к данной теме обусловлен недостатком системных исследований, которые могли бы дать качественный ответ об объеме введенных санкций и на что конкретно он влияет. Методология, которую мы разрабатываем, позволит не только систематизировать существующие данные, но и сформировать научный подход для оценки ограничительных мер и их влияния на поведение подсанкционных государств, их партнеров и в целом на международные отношения.

Януш О.Б.
(Казань, КГЭУ)

О ЯЗЫКОВЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В разные исторические периоды русская речь пополнялась заимствованиями из скандинавских, германо-романских, финно-угорских, славянских (польских), балтийских, тюркских языков. С одной стороны, процесс заимствований естественен и выступает одним из главных источников развития и пополнения любого языка. Институт Пушкина провел исследование, в котором было установлено, что в русский язык за последнее время вошли 329 слов, которые активно используются в 12 важнейших сферах, включая госуправление и менеджмент, искусство и культуру, информационные технологии. 23,5 % (77 слов) привнесены в сферу образования (менторство, коуч, тренинг, тьютор);

15,81 % (52 слова) — сфера товаров и услуг (аутлет, бонус, барбершоп, логистика, паркинг, каршеринг, карпулинг...); 14,29 % (47 слов) — общество (хейтеры, тиктокеры, инфлюенсеры, комьюнити, эйджизм...); на четвертом месте — информационные технологии (апгрейд, интерфейс, копипаст, юзабилити...).

С другой стороны, тенденция массированного, лавинообразного иноязычного заимствования, прежде всего англицизмов, критически оценивается большинством экспертов и исследователей. Опасения при этом вызывают не сами иностранные слова, а необоснованность и неумеренность их использования. В контексте политико-информационного и идейно-ценностного противостояния, радикально меняющейся международной среды и внешнеполитической обстановки «иммерсивная коллаборация на мастер-майнде», «буккросинг» в библиотеках, «фулфилмент» на сайте Почты России, коворкинг, каршеринг, кешбэк и прочие импортируемые идиомы выходят за рамки сугубо лингвистических проблем, сфокусированных на переводе, транскрипции и транслитерации как способах введения иноязычных слов в систему другого языка, приобретают особую политическую остроту и трактуются в терминах вызовов и угроз национальной безопасности. В ответ на «нашествие иностранных слов», на неконтролируемый и нескончаемый поток, прежде всего, англицизмов возникает интенсивный, отчетливый дискурс о культурном суверенитете, идентичности и культурной безопасности. При этом сам термин «культурная безопасность» трактуется широко. Культура концептуализируется как фактор обеспечения безопасности, когда на первый план выходит охрана культурных идентичностей прежде всего от чужеродных влияний, что в политико-правовой и идеологической нормативности.

Внесенные изменения в Основы государственной культурной политики и Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» свидетельствуют о стремлении защитить русский язык и существенно ограничить использование англицизмов и иностранных слов на всей территории России, и прежде всего в публичном пространстве.

Стремление к очищению языка от иноязычных элементов наблюдалось в разные исторические периоды и было связано с какими-то словами и преобразованиями в обществе. Нарастающий политический запрос на меры пуристского свойства в нынешних обстоятельствах становится неким символом противопоставления России «коллективному Западу», борьбы с доминированием «чужого» на своем пространстве и все более идеологически заряженных подходов.

Отечественные лингвисты, выражая свое отношение к заимствованиям, отмечают стихийность языка как явления, обладающего свойствами саморегулирующейся, саморазвивающейся и самоочищающейся системы. В качестве примеров возможного языкового регулирования приводится модель Франции. Курс французского языкового протекционизма институционально оформляется через специализированные структуры французского языка (Генеральный Комитет по терминологии, Французская Академия).

Проблематика заимствований может быть осмыслена на более глубоком концептуальном уровне — в парадигме цивилизационного подхода. Одним из его проявлений является осознание и убеждение, что «самоценность своей национальной культуры и цивилизации представляет проект, который при условии развития может на равных конкурировать с великими мировыми державами». Дело не в словах как таковых, «главным и решающим оказывается появление и признание силового поля ценности собственной национальной культуры и языка, на котором она изъясняется». В этой связи главный шаг по спасению русского языка сегодня — решение выйти из западного силового поля.

Принимая во внимание формирование в сегодняшней повестке запроса на идентичность, разнообразие и уникальность, соответствующие законодательные инициативы в духе политики языкового пуризма, внешнеполитические установки на многополярность и межкультурный диалог, можно предположить, что со временем баланс между русской лексикой и освоенной или заимствованной русским языком — баланс между «чужими» и «своими» словами будет отражением заданных ориентиров суверенного пути, включая вопросы укрепления общего культурного пространства страны.

Ярмак О.В.

(Севастополь, Севастопольский государственный университет)

КРИТЕРИИ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА: ВОЗМОЖНЫ ЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОСТУКРАИНОЙ?

Формирование новой архитектуры миропорядка сопровождается для России появлением не только новых вызовов и угроз, но и дополнительных возможностей. Усиление глобальной конкуренции, трансформация систем национального управления, появление новых геополитических глобальных и региональных лидеров со своими геополитическими проектами обуславливают стремление России к переформатированию мирополитических процессов, в том числе и на постсоветском пространстве.

Проект начавшейся евразийской интеграции на постсоветском пространстве основан на том, что у России есть особый культурно-цивилизированный код, успешный опыт создания сверхсложных социальных систем (Российская империя и СССР), имеется опыт переустройства мировой социально-экономической системы в практике системного антикапитализма (страны Варшавского блока) и др. Воссоединение Республики Крым, Севастополя, Новороссии с Россией является не только геополитическим событием, а ответом на вызовы цивилизационного, историко-культурного, лингвистического, социально-экзистенциального характера.

Анализируя новейшие процессы интеграции, необходимо понимать и возможности протекания процесса пересборки пространства постУкраины. Исследование, проведенное Центром социологических исследований СевГУ в сентябре–октябре 2022 и июне 2024 года методом онлайн-анкетирования с объемом выборки 500 (2022 г.) и 2312 (2024 г.) респондентов—жителей коренных и новых российских регионов, регионов постУкраины, позволило осуществить поиск критериев объединительного проекта между Россией и постУкраиной, определить факторы, препятствующие и способствующие социальным коммуникациям между русскими и украинцами.

В ходе исследования была зафиксирована трансформация социальных коммуникаций между жителями России и Украины после начала СВО (рис. 1), которая, в первую очередь, связана с созданием многослойной социальной обиды, влиянием пропагандистского фактора со стороны украинского режима и нарушением привычного порядка жизни.

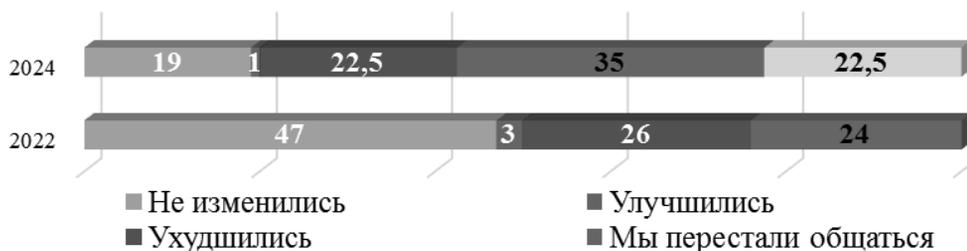

Рис. 1. Изменение отношений с людьми, проживающими на Украине, после начала СВО (в % к опрошенным, данные 2022 и 2024 гг.)

В качестве факторов, объединяющих русский и украинский народы, респондентами были выбраны русские земли, язык, культура. Факторы общего советского наследия, Победы 1945 года и православия актуализировались в 2024 году, что связано с системными попытками стирания в украинском пространстве нашего общего героического прошлого (рис. 2).

Рис. 2. Что объединяет и разъединяет русский и украинский народы? (в % к опрошенным, данные 2022 и 2024 гг.)

В качестве дезинтегрирующего критерия большинство респондентов выбрали «бандеровское движение» (61% в 2022 г. и 88% в 2024 г.), основой которого являются идеи национализма.

В основе возможного объединительного проекта России и постУкраины могут лежать ряд составляющих. В первую очередь, наличие у России и Украины общей объединяющей угрозы — нацизма и коллективного Запада. Объединяющими факторами остаются общие культура, ценности, традиции и экономическое пространство.

То, что «Россия должна предложить новый большой идеологический и социальный проект, как когда-то СССР», считают 67% опрошенных. По их мнению, в его основе должны быть две наши геополитические Победы — в СВО и Великой Отечественной, объединение перед общей угрозой — нацизмом и коллективным Западом, историчность воссоединения русских земель. Отдельным направлением названа необходимость создания новых правил сосуществования в едином государстве, то есть, по сути, создание нового социального договора (рис. 3).

Сам процесс интеграции жители России и постУкраины понимают как объединительный посредством принятия геополитического решения — воссоединение исторических земель (34% — в 2022 г. и 39% — в 2024 г.) и запуска политических механизмов — референдумов (31% — в 2022 г. и 35% — в 2024 г.).

Научная значимость полученных исследовательских результатов состоит в поиске критериев объединительного проекта с возможностью достижения эффективных социальных коммуникаций в регионах, находящихся в состоянии конфликта и постконфликта. Полученные результаты могут способствовать разработке обоснованных рекомендаций по укреплению геополитического статуса Российской Федерации через формирование повестки дня и управления информационными потоками в условиях идеологического и когнитивного противостояний основных мировых акторов.

Ярошева Д.В.
(Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО РОССИИ: ВЗГЛЯД РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВСЕРОССИЙСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В рамках современной социально-политической ситуации все более значимую роль в государственном управлении стали занимать стратегическое планирование и прогнозирование, что подтверждается целым рядом нормативно-правовых документов, таких как Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» или Стратегия национальной безопасности. Так, в условиях международной турбулентности особенно актуальными стали различные научные дискуссии о Будущем России, о возможных сценариях развития происходящих в ней социально-политических процессов. Изучение таковых крайне необходимо для реализации долгосрочных стратегий государства, обнаружения деструктивных тенденций в современном обществе, а также для выявления потенциальных рисков в ближайшем будущем.

В связи с отсутствием сегодня некой унифицированной и структурированной системы долгосрочного планирования, затрагивающей процессы социализации гражданина, его образования и культурной интеграции, пространством, где сосредотачиваются и отбираются ключевые смыслы и представления о прошлом, настоящем и будущем, стала массовая культура. Ее широкая доступность, разнообразие предлагаемых форматов, а также легкость освоения интерфейса стали одними из ключевых аспектов, обусловивших обозначенный процесс. Кроме того, влияние массовой культуры на формирование ценностей и моделей поведения в обществе с каждым годом усиливается, чему способствуют технологический прогресс, усовершенствование маркетинговых практик, а также активное

внедрение искусственного интеллекта. В силу этого в центре нашего внимания оказались образы будущего, которые представлены в различных произведениях искусства.

Первые исследования, посвященные изучению образов будущего, были проведены в 1940-х гг. представителями Франкфуртской школы, задавшими теоретико-методологическую рамку данных изысканий. Таковыми были Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Т. Адорно. Отечественные же исследования берут начало в 2000-х гг. и связаны с такими именами, как Е.Б. Шестопап, Е.Б. Зверев и А.В. Селезнева. Исследованию различных аспектов представлений об образе будущего также посвящены работы М.В. Данилова, И.В. Желтиковой, А.А. Лавриковой, О.Е. Шумиловой, А.Ю. Добровской.

Изучению образов будущего посвящено и наше исследование. В ходе его проведения также привлечены данные, собранные коллективом в рамках проектов 2022–2023 и 2023–2024 гг., посвященных формированию и функционированию образов героев времени в сознании современной российской молодежи. Исследуемой аудиторией выступают молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет. Согласно результатам экспертного опроса, проведенного в 2023–2024 гг., характеристиками, едиными для исследуемой группы, являются высокий уровень владения и использования цифровых технологий, территориальная и профессиональная мобильность, а также большая степень свободы от рамок, установок и предубеждений предшествующих поколений.

В данной работе хотелось бы представить некоторые результаты эмпирической части данного исследования, а именно всероссийского анкетирования представителей молодежи, включающего проективные методики по выявлению представлений опрашиваемых об образе будущего России. Так, респондентам было предложено подумать о том, какой фильм, книгу, игру или музыкальный клип можно было бы создать по мотивам истории России, ее прошлого, настоящего и будущего. Как бы она выглядела, какими характеристиками обладала, какую цель преследовала по сюжету и какой финал бы ее ждал?

В первую очередь нельзя не сказать, что у многих данный вопрос вызвал затруднения, связанные либо с непониманием задания, либо с осторожностью опрашиваемых в высказываниях относительно будущего страны. Переходя же к содержательным ответам, стоит отметить, что, несмотря на открытый вопрос и, соответственно, широкий спектр возможных ответов, многие предлагаемые респондентами образы были схожи. Так, часто в ответах страну предлагалось представить либо как «мужественного опытного воина», либо как юную и спокойную светловолосую девушку «с косою и ярко-голубыми глазами». В рамках конкретных образов можно было проследить и противоположные по характеристикам предложения: были положительные герои, такие как кот Леопольд или Чебурашка, а были и отрицательные, как Вупсень из «Лунтик и его друзья» или волк из «Ну, погоди!». Не менее интересным представляется рассмотрение цели главного героя в рамках предлагаемого путешествия. Так, для одних это спасение мира, борьба, для вторых — поиск спокойного пристанища, для третьих — нахождение друзей, классных эмоций и новых впечатлений. Более подробно о результатах будет рассказано на круглом столе по теме исследования на Десятом Всероссийском конгрессе политологов.

*Яхшиян О.Ю., Суворова В.А.
(Москва, ГАУГН)*

ОБЩИННОСТЬ КАК «НАЧАЛО» РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В УЧЕНИИ СЛАВЯНОФИЛОВ*

В своей знаменитой полемике с западниками славянофилы (А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин и др.) стремились выявить т.н. «начала» — изначальные субстанциональные особенности того или иного народа, разворачивающиеся в процессе его исторического развития и в решающей мере это развитие определяющие. Эти «начала», в сущности, представляют собой оригинальный сплав (культурно-цивилизационный код) идей, ценностей и институтов, формирование и воспроизводство которого обусловлено совокупным и долговременным действием конкретных религиозно-конфессиональных (они в учении славянофилов первостепенны, как и для многих последующих разработчиков концепции локальных цивилизаций), географических, природно-климатических, хозяйственно-экономических, политических и культурно-психологических факторов.

А.С. Хомяков считал общинность одним из «начал» бытия русского народа, и в этом с ним были согласны все славянофилы. Согласно Хомякову, общинность — релевантная соборности как право-

* Тезисы подготовлены в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Ценностные константы российской цивилизации: община и семья в традиционной русской ментальности», № №FZNF-2024-0012, регномер ЕГИСУ НИОКР 1024030100146-4-6.1.1).

славному идеалу¹ субстанциональная характеристика реальной «земной» жизни русского народа, социальное выражение сущности русского народного духа². Общинность — ценностная константа, которая, в понимании Хомякова, базируется на соборном духе православия как истинного христианства, ну а практически, в реальной жизни — на общине, которую в народе издревле называли «мир» и которая прошла, не очень сильно меняясь, через многие столетия в качестве сельской, волостной, а до определенного момента — и городской, посадской, соседской самоуправляющейся организации податного (тяглового) населения, крестьян и посадских людей.

В русской сельской общине наделными, т.е. собственно крестьянскими, землями владела и распоряжалась община-мир, соседское крестьянское сообщество (А.С. Хомяков называл ее «товариществом»), даже в рамках помещичьего имения и формально под «крышей» феодальной частной собственности, а уж тем более — в государственной деревне. Русские крестьяне не знали и, похоже, не очень-то и хотели частной собственности на землю, будь то в варианте индивидуальной (хутор или отруб) или же семейно-дворовой собственности. Крестьянин пользовался наделом, предоставляемым общиной. Община — те же крестьяне, главы дворов, собравшиеся на сход, — периодически осуществляла уравнительные переделы пахотных угодий, как правило, с учетом соотношения внутри каждой крестьянской семьи едоков и работников.

С выделяемым наделом увязывался и размер платежа со двора в рамках взимаемой с общины по подушным раскладам податной суммы. Уравнительный принцип наделения каждого крестьянского двора земельным участком под пашню (наделом) при безусловности коллективного распоряжения всеми общинными угодьями, трудовое право на землю (если обрабатываешь ее своим трудом) — несомненные установки русской крестьянской ментальности и обычного права. Среди славянофилов наиболее четко специфику русского общинного землевладения акцентировал Ю.Ф. Самарин, особо подчеркивая три принципа: земельные наделы пропорциональны трудовым силам семей; исключаются крайние формы неравенства в собственности и потреблении; землей не владеет тот, кто не может или не хочет ее обрабатывать. Эти общинные принципы имеют ярко выраженный ценностный характер: «Право на труд на земле — высшая правда и справедливость. Распоряжение земельными участками может быть связано лишь с вложенным трудом. На страже подобной практики стояло обычное право и вся система отношений в общине»³.

Помимо общинно-уравнительного землевладения с ментальным неприятием частно-индивидуальной собственности на землю и трудового права на землю, славянофилы выделили и осмыслили такие существенные параметры общинности, как отсутствие иерархии, равенство домохозяев, взаимопомощь, мирское самоуправление, внутренняя правда и обычное право. Общинность как особая черта русской цивилизации противопоставлялась славянофилами западному индивидуализму, «эгоизму собственности», не без оснований рассматривалась как возможная гарантия от «язвы пролетариата».

Ячменник К.В.
(Краснодар, КубГУ)

ЛИДЕРСТВО В ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ*

В последние несколько лет развитие сельских территорий начинает играть ключевую роль в формировании стратегических приоритетов Российской Федерации, что обусловлено целым рядом факторов: необходимость обеспечения национального продовольственного суверенитета, восполнение дефицита продовольственных ресурсов в связи с началом специальной военной операции; преодоление цифрового неравенства в сельских территориях, рост привлекательности «негородского» образа жизни и процессов дезурбанизации за счет массовой миграции городского населения в сельскую местность в период пандемии COVID-19 и др. Ввиду дефицита материальных ресурсов перед государством стоит задача поиска внутренних ресурсов развития, имеющих нематериальный характер.

На основе проведенного эмпирического исследования в сельских территориях Краснодарского края выявлен комплекс нематериальных ресурсов в политике развития сельских поселений. Немате-

¹ Горелов А.А. А.С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Знание, понимание, умение. 2017. № 2. С. 78–97.

² Воронин И.А. Глава 11. Исторические концепции славянофилов // Историография истории России до 1917 г.: В 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. Т. 1. С. 272.

³ Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 27–28.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Кубанского научного фонда № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов», <https://rscf.ru/project/22-18-20059/>.

риальные ресурсы развития сельских территорий — «совокупность разноуровневых, многосоставных и полифункциональных компонентов нематериального характера, которые оказывают определяющее влияние на систему социальных и политических отношений и создают возможности для поступательного развития территориальных сообществ»¹. Исследование показало, что к числу базовых нематериальных ресурсов развития мы можем отнести: человеческий капитал, локальную идентичность и лидерство, которые создают условия для политики развития сельских территорий, ее содержание и институциональные практики.

Лидерство обладает значительным ресурсным потенциалом в развитии территорий, который может быть использован различными институтами развития как в конструктивном, так и в деструктивном формате: *«Ведь если лидера не будет, то кто будет людей объединять. Чтобы людей сплачивать, нужен сильный лидер. Сами по себе люди не будут объединяться, нужен обязательно какой-то план, кто-то должен создать объединение и им руководить»*. Однако экспертами отмечается, что в настоящее время «настоящих» лидеров очень мало либо они совсем отсутствуют в некоторых сельских территориях: *«Ну и лидеров у нас, к сожалению, практически нету. По-честному. И на уровне края сказать, что у нас там кто-то взял лидерство, пытался консолидировать общество в этом вопросе, тоже нет»*. Необходимо отметить, что на локальном уровне остро стоит проблема в поиске технологических форматов, связанных с «выращиванием», рекрутированием и продвижением лидеров в эффективные практики развития сельских территорий: *«Просто нужно нам такой какой-то инкубатор лидеров создавать. <...> Мне кажется, нужно сопровождать, мне кажется, что должна быть у нас такая теплица и прямо инкубатор <...> все-таки растить лидеров и, когда мы сможем вырастить лидеров достойных, тогда мы будем спокойны за наше будущее»*. Вместе с тем эксперты отмечают, что определенным субъектным потенциалом обладают молодежные лидеры, которые способны собственным позитивным примером объединять вокруг себя молодежь: *«Молодежные лидеры чаще всего так же, как не молодежные лидеры, это локомотивы всех вот этих вот связанных с развитием и прочим. Почему? Потому что они не только на своем примере показывают, потому что “Ребята, надо делать так”. То есть цель их действий не это. Их цель — это выражение собственной позиции»*.

Можно отметить, что лидерство является значимым нематериальным ресурсом развития сельских территорий, напрямую влияющим на их процветание и успешное будущее. Лидеры напрямую влияют на консолидацию различных локальных сообществ и граждан, а также на их способности и возможности включаться в решение актуальных проблем своей территории. Для политико-управленческой и экономической институциональной среды актуальность данного исследования обусловлена тем, что инвестирование в лидеров и их команды с помощью таких технологий, как обучение, командообразование, поддержка лидерских инициатив и укрепление их социальных связей, позволит преодолеть несовершенства системы и внедрить инновационные практики в развитие сельских территорий.

---

¹ Мирошниченко И. В. Комплекс нематериальных ресурсов политики развития сельских территорий: основные характеристики и эмпирические модели // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск: Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием, Москва, 1–2 декабря 2023 года. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2023. С. 372.

Grahovac N.G.
(Ub, Srbija, Tehnička škola "Ub")

DIGITAL ENVIRONMENT AND POLITIC SOCIALIZATION OF SCHOOL CHILDREN: SPECIFICITIES AND RISKS

Whole world live in the time of fifth Industrial Revolution and we must be prepare for different challenges. Our children, which are almost born with phones are in specific situation. They understand new era, but have problem with incorporating that knowledge in real life.

What we may tell about specificities in this area. Young childrens are from second or third year are very close with IT, with all types of virtual gadgets,... But what we may gave them ,and what we mSpecialay offer them ?

Our problem is that we don't have enough good control of internet and socials networks . It is important that we don't miss this big change of game or this 5th Industrial Revolution. Our young students are involved in all segment of IT, thay started to work for company with 14-15 years . That is opportunity for all state that want to be in race for better start. Specially because so fast development of Arteficial Intelligence (A:I).

Why our countries don't use that surroundings to be first in using knowledge of school childrens in peaceful or combat operations. Our students will have interest to stay in our countries and to participate of development better surroundings for young peoples.

New generations are born with very good knowledge of the English language (almost as maternal language). That knowledge is very important for next decades, specially because global situation.

Special Military Operation and War in the Middle East may lead the world to nuclear war. Way on which so called "Western world " try to destroy whole world and try to prevent the formation of a multipolar world tells us how important it is to make an effort and make a joint effort to prevent the catastrophe .

Because that is important that all our knowledge use in education of young generations. We must use knowledge of school children, and make of them, nowadays cavalry. New way of combat are very similar with thwir way of playing games. Many peoples are joke when someone talks about using games in education (History, Natural science ,...). But that is our present.

Many students may learn and study online and that is big plus for all, specially when they came from far poor country. I have some example 6-7 years ago, when one nonfamous singer, Beli Preletačević (Beli who often change parties),are get big number of votes in Serbia. Young people are often believe in new people who try to have politics which is close to the people. they are spent 5–6 hours on internet and if thay spent that time on studying, they will be excellent students and they will be great intellectual sources for theirs country.

But such opportunity have almost all big and rich countries, and we must work on political socialization from early days. Big and rich country try to have influence on childrens from kindergarten and they doing such type of indoctrination from medieval age. they doing differents pedagogical experiments on children in world , but on us possibility to react and save future of our nations and states .

Except that we must make different programs and projects which will direct the students to state institutions , which gave them possibility to work and participate in combat for surviving .

Young adults and School pupils are under influence of all kind of applications, but when they are ready to face the challenges and decide to serve the state, our education policy will be shown tomorrow.

Hachimi T.R.
(Moscow, RUDN, Peoples' Friendship Uniniversity of Russia)

URBAN POLITICAL CULTURE, RURAL POLITICAL CULTURE: AN EXISTENTIAL DIVIDE FOR WORLD ORDER?

The upheavals that are shaking the Western world are raising profound questions about our civilisation's relationship with the concepts of modernity and progress. The balance that enables societies to evolve harmoniously while providing a fulfilling environment for individuals is fragile. Finding the right balance between tradition and progress is essential but complex. Too much tradition runs the risk of sinking into backwardness. Too much progress can lead to decadence. Today, wokism and globalism seem to be fuelling a war of civilisation that is hitting the West.

In this respect, my work follows in the wake of Huntington's Clash of Civilisations (1996) and attempts to explore a particular cultural dimension, that of the polarisation between urban and rural as a tool for analysing current conflicts (apart from the Israeli-Palestinian conflict, which is deliberately excluded from the scope of the study).

Tensions between conservatism and political progressivism have always existed. The aim of my research is to explore these two dimensions in terms of the polarisation between rural and urban political cultures (Luca, D., Terrero-Davila, J., Stein, J., & Lee, N. (2023). *Progressive cities: Urban-rural polarisation of social values and economic development around the world*. *Urban Studies*, 60(12), 2329-2350).

This approach makes it possible to address elements of human geography, such as the contrast between urban areas and other parts of a country (Guilluy: *La France périphérique* (2014), *No Society* (2018)), but also the variations between different countries or even between larger geographical areas. For any European, the divide between Western Europe (RobertFord1, and Will Jennings, (2020) *The Changing Cleavage Politics of Western Europe*, *Annual review of Political Science*, vol 23)

and the countries of Central and Eastern Europe is very striking and, despite the process of European integration, paradoxically it is intensifying (European project :Delayed Transformational Fatigue in Central and Eastern Europe, FATIGUE, Grant agreement ID: 765224).

This new fault line dividing Europe, and more broadly the Western world, is profoundly political. It is also anthropological. As such, it is likely to shake the foundations of civilisation that appear — to a large part of the population — to be immutable. This flaw, which leaves the field open to wokism and globalism, seems to be at work in many political conflicts. This rift has the potential to degenerate into a kind of total and global civil war:

‘Civil’ in that it pits not nations but groups against each other without any particular reference to borders (rural against urban, Western Europeans against Eastern Europeans, vaccinated against non-vaccinated, rooted against globalists, indigenous against non-indigenous, etc.).

‘Total’ in that it uses above all unconventional means based mainly on information and disinformation, thus calling into question the concepts of freedom of expression and even democracy. In the United States, the conditions in which the presidential campaign between Trump and Harris is taking place are raising serious questions about the notion of democracy. The arsenal of unconventional methods could also include demography (de-naturing, migration, etc.).

‘Global’ in the sense that while the origin of polarisation lies in the West on a sort of “Paris-L.A.” axis, tensions have spread across the planet. By finding an axis of resistance in the former Eastern Bloc countries, and more particularly in Russia, globalist forces have given these tensions the opportunity to spread far from their source, whether to Africa or Asia.

Russia, as the bridge between the West and the East, has a major role to play in this reconfiguration of the world from a multipolar perspective. Paradoxically, large sections of the European population find themselves closer to the values that prevail in Russia than to those imposed on them (environmentalism, transgenderism, globalism, etc.) by their governments, which are also asking them to finance a war against Russia. These paradoxes may appear to be the precursors of a major recomposition, the new world order.

The aim of my research is to develop tools that will enable us to gain a coherent understanding, from a more universal cultural framework, of areas of tension and conflict that sometimes appear illegible.

*Leenders Anna Maria R.
(Saint Petersburg)*

PEACE IN SPACE AND ON EARTH IN LIGHT OF NEW GLOBAL TRANSFORMATIONS

The different international environment that the technology arises, the ubiquitous access to technology products and ultimately the rate of proliferation of technological access have transformed space activity. Political activity is transformed by the transformations of space activity based on technological innovation. The Transformation in the application of space law must be accompanied by practical steps to implement space law in view of the new challenges and possibilities in space activity and political governance, institutional design.

The Outer Space Treaty should be implemented in the laws nationally, with universal interest highlighted. Any military acting from space can be stopped by the United Nations, and any war in space can be stopped by the United Nations legal principles and assemblies.

If one side is unwilling to negotiate and is withdrawing from fundamental core disarmament and arms control treaties then in order to avoid a space arms race and the increased risk of military conflict, or use of space weapons to conduce partners to yield to its will or to inflict damage, a case can be made before the International Court of Justice, where claims by states can be heard. The global community should be neutral.

The use of space for creating complex human security is a focus of UNOOSA as important as guiding equal global development of the space economy.

All the sustainable development goals will be emphasized is the peace and justice principle, that includes conflict resolution, monitoring and prevention as well as communications systems, and the principle of fair distribution of resources according to rules agreed upon the United Nations help humanity.

The demilitarization of space, just like the denuclearization can serve as an example for the planet like the nuclear non-proliferation regimes: reversing an arms race peacefully.

The political theorists have highlighted the security dilemma and must suggest any viable recommendations for overcoming it. Institutionalists propose the design of institutions that build trust, and this is why the United Nations has designed the trust building measures. The news sustainability of space standard address elements of space use that are highly amenable to non-militarization, controlled military use of space, and peaceful accident free use of space. As well as the sustainable use of space measures are also a way of maintaining peace amongst those in space. The first problem is that there is a need for a supranational authority that can monitor, stop or impede militaries and supranational state alliances acting in space for military purposes.

The international space relations scholars have designed specific space security concepts and challenges. However, it is necessary to breakthrough blocks in order to devise space governance as a practical system up-holding peace in space.

National legislation is a key element of global space governance. First of all, international law, which was the first aspect of space law, is applied to the national jurisdictions which still remain the core implementers of space policy. National mechanisms of space governance include laws, regulation formal policies, published strategies of key ministries (science and education, defense, presidential, foreign policies), laws. International law, the OST and five treaties can be considered in the ICJ.

To maintain peace: A case can be introduced before the International Court of Justice to enhance peace in space. Also, any decision may be difficult to verify and to enforce even through the UNGA. It would also mean that all member states would have to implement from this decision. Global norms can be improved

The Geneva Convention and all laws about war are applicable, as well as, bilateral and multilateral treaties are applicable. The laws concerning pollution and the environment are highly pertinent and necessary. The only conception that should be widened is the definition of destruction and material damage and its potential side effects, such as, space debris landing on earth as well as biological harm to humans in space and from space, as currently the main targets in space are material hardware.

To avoid scenarios of space warfare : a case can be brought before the ICJ by willing parties like Russia, China, and many other states including the EU. Lobbies pushing for war, should be stopped from influencing the ICJ and peace processes. States implement peace and set precedents that lead to peace.

States may be reticent to go to the ICJ have space weapon. Realist theory predicts that space defense appears to be necessary. Direct bargaining can be discussed amongst space military powers to reach a political compromise that allows each side to maintain acceptable levels of defense while implementing institutionalism to build perpetual peace.

*Rajib Naimul Islam Rajib
(Moscow, RUDN)*

ROHINGYA REFUGEE CRISIS : GENDER -BASED VIOLENCE AS A TOOL OF POLITICAL OPRESSION

The Rohingya refugee crisis is a stark representation how gender-based violence (GBV) can be leveraged as a tool of political oppression. This report examines the systematic use of GBV against Rohingya women and girls in Myanmar, especially during military campaigns, highlighting its implications for women's rights and international humanitarian law. It also discusses the ongoing impact of GBV on the Rohingya community in refugee settings, primarily in Bangladesh. As a Muslim minority group that has faced systemic discrimination and violence in Myanmar, driven by nationalistic sentiments and ethnic cleansing narratives. Following the brutal military crackdown in August 2017, nearly two million Rohingya sought refuge in Bangladesh, escaping widespread atrocities, including targeted sexual violence. They have been denied citizenship and basic human rights for decades, facing discrimination from both state and non-state actors. Sexual violence (GBV) reinforces power dynamics, dehumanizing women and instilling fear. It leads to forced displacement, limiting women's rights and participation in decision-making. GBV also affects survivors' mental health and well-being, creating dependency cycles, and faces obstacles due to gender, ethnicity, and socio-economic status intersectionality. Legal frameworks protecting women's rights are weakly enforced, leaving many survivors without recourse.

NGOs and international organizations are working to address GBV in refugee camps, but deep-rooted patriarchal norms and funding shortages hinder survivors' access to essential services. Inadequate protection mechanisms can discourage victims from pursuing justice, fearing retribution or further violence. Inadequate protection and mechanisms can discourage victims from pursuing justice, fearing retribution or further violence. Urge local and international authorities to prioritize the enforcement of laws protecting women's rights and addressing GBV, allocate more resources for healthcare, legal aid, and socio-economic programs targeting GBV survivors. To develop programs that actively involve men and boys in discussions about gender equality and the prevention

of GBV. Enhance data collection efforts on GBV incidents to inform policy-making, ensuring that responses are evidence-based and context-specific.

Gender-based violence against Rohingya women is not only a humanitarian crisis but also a strategic tool of political oppression. Addressing this issue requires a multi-faceted approach that involves legal, social, and economic strategies to dismantle the structures enabling GBV. By recognizing and responding to the political dimensions of GBV, stakeholders can work towards creating a safer and more equitable environment for Rohingya women and girls. This report aims to shed light on the critical intersections of GBV, politics, and women's rights within the Rohingya refugee crisis, emphasizing the need for comprehensive and sustained intervention strategies.

Vadov A.A.
(Moscow, Odintsovo branch MGIMO)

THE EAEU AND RUSSIA'S OPPORTUNITIES FOR DEVELOPING COOPERATION WITH ASEAN IN THE FIELD OF SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION

The cooperation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) holds significant potential for developing mutually beneficial economic and technological ties. This study examines the legal foundation, existing cooperation mechanisms, market demands of the EAEU and ASEAN, and challenges related to cooperation in science, technology, and innovation. The author provides a list of solutions that foster robust scientific and technological exchanges between the associations, ensuring a mutually advantageous relationship within the context of global competitiveness.

The legal foundation of EAEU-ASEAN cooperation is based on the Memorandum of Understanding (MoU) on economic cooperation between the Eurasian Economic Commission and ASEAN, signed in 2018, as well as Free Trade Agreements (FTAs) between the EAEU and individual ASEAN member states. The MoU covers key areas of Science, Technology and Innovation (STI), such as energy, the agro-industrial complex, intellectual property, information technology, and the digital economy. For example, FTA with Viet Nam¹ prescribes exchange of knowledge, researchers, workshops and development of joint research on the spheres of sustainable development, whereas FTA with Singapore² includes provisions of technological protection and transfer of technologies and on chapter of Intellectual Property (IP). Nevertheless, despite the opportunities to establish and develop a free trade zone with ASEAN as a whole, there are concerns regarding the EAEU member-states joining the Regional Comprehensive Economic Partnership³. The Russia-ASEAN working group functions to discuss and implement joint projects is one of the working cooperation mechanisms between the two organizations. One of the great projects of such group includes the construction of a nuclear power plant in Viet Nam by Rosatom.

There are several economic drivers for STI cooperation⁴:

- ASEAN countries require electrical stability due to plans for building high-tech industrial zones.
- ASEAN is a large market for IT companies, owing to stable internet and the presence of skilled specialists.
- For Russia, cooperation with ASEAN opens up opportunities for exporting medium- and high-tech goods.

There are some concerns:

- Russian high-tech companies may relocate to ASEAN due to more favorable business conditions (incentives for doing business, cheap highly qualified specialists from India and etc/).
- Mass purchasing of technologies and software through ASEAN markets may weaken Russian producers' positions.

¹ Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part // Burabay, 29 May 2015. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/272/EAEU_VN_FTA.pdf.

² Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its member states, of the one part, and the Republic of Singapore, of the other part // Yerevan, 1 October 2019. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/4d0/EAEU_Singapore-FTA_Main-Agreement.pdf.

³ Kanaev E., Korolev A. EAEU-ASEAN: Results and Prospects of Cooperation // World Economy and International Relations. 2020. Vol. 64. No. 1. P. 64-72. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-64-72>; Fedorov N.V. The Free Trade Zone between the EAEU and the ASEAN: perspectives and obstacles for formation. III Gotlibov's readings: oriental studies and regional studies of the Asia-Pacific region in the focus of modernity // 2019, Irkutsk State University. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41098437_46880776.pdf.

⁴ ASEAN on the path of integration: achievements, challenges, dilemmas: Monograph / V.M. Mazyrin, E.V. Koldunova. M.: Publishing house "Aspect Press", 2023 — 608 p.

Author proposes several mechanisms and initiatives to satisfy countries needs and evade or minimize all concerns:

- Development of cooperation between the Eurasian patent system and the ASEAN patent system to protect intellectual property rights.
- Promotion of energy stability of ASEAN through the development of principle of «Nuclear Power Plants as part of the Green Energy»
- Simplification of the process for opening branches in ASEAN countries with access to markets, provided participation in the value-added chain through EAEU countries.
- Integration of scientific journals into international citation indices, such as RSCI and VAK.
- Creation of a joint scientific space for student and scholar exchange, joint grants, and startup acceleration programs.

Cooperation between the EAEU and ASEAN is of strategic importance for both sides. It opens new opportunities for economic growth, technological exchange, and enhanced integration in STI. The implementation of the proposed mechanisms and initiatives will not only strengthen bilateral relations among member states but also help build new technological value chains, which are essential in the face of restrictive external pressures. Continued dialogue and concrete actions are vital to achieving mutually beneficial outcomes.

Научное издание

**РОССИЯ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ:
ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ**

**Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН
с международным участием**

Москва, 5–7 декабря 2024 г.

Под общей редакцией
*О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой,
Л.Н. Тимофеевой*

Составитель сборника *Е.Б. Дегтярева*

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 94,0.

ООО Издательство «Аспект Пресс»
111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru

Тел.: 8 (495) 306-78-01, 306-83-71

ISBN 978-5-7567-1356-5

9 785756 713565

shop.aspectpress.ru